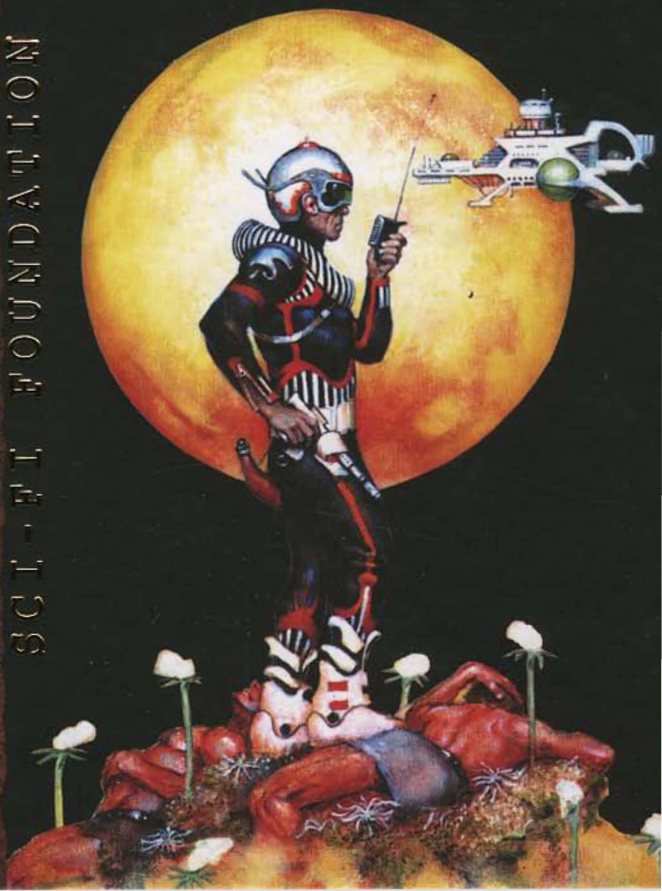
Весь

ХАЙНЛАЙН

КУКЛОВОДЫ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION



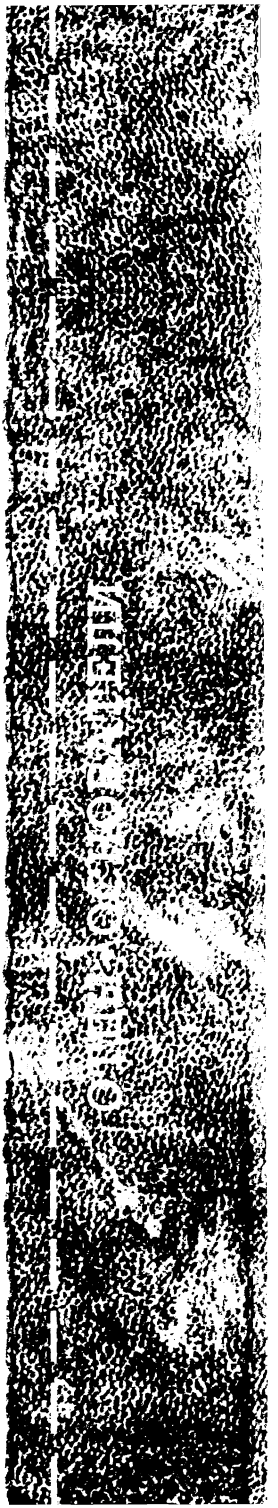
Весь

ХАЙНЛАЙН

Весь

ХАЙНЛАЙН

КУКЛОВОДЫ



Роберт

ХАЙНЛАЙН

КУКЛОВОДЫ

Москва
ЭКСМО
Санкт-Петербург
TERRA FANTASTICA
2006

УДК 82(1-87)
ББК 84 (7США)
Х 12

ROBERT A. HEINLEIN

The puppet Masters
The Door Into Summer
Double Star
Starship Troopers

Составитель *А. Ермолаев*
Оформление *А. Саукова*
Серия основана в 2003 году

Хайнлайн Р.
Х 12 Кукловоды: Фантастические романы / Роберт Хайнлайн; [пер. с англ.]. — М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2006. — 912 с. — (Отцы-основатели. Весь Хайнлайн).

ISBN 5-7921-0688-6(TF)
ISBN 5-699-16290-9(Эксмо)

Роберт Энсон Хайнлайн (1907—1988) — «Гранд-мастер» американской и мировой science fiction, неоднократный лауреат премий «Хьюго» и «Небьюла», еще при жизни обеспечивший себе место в «Зале Славы НФ», один из величайших авторов XX века, во многом определивших лицо современной научной фантастики. Его произведения экранизированы и переведены на множество языков, его неудержимая фантазия до сих пор изумляет все новые и новые поколения читателей.

В данный том, открывающий полное собрание сочинений знаменитого фантаста, вошли его избранные романы.

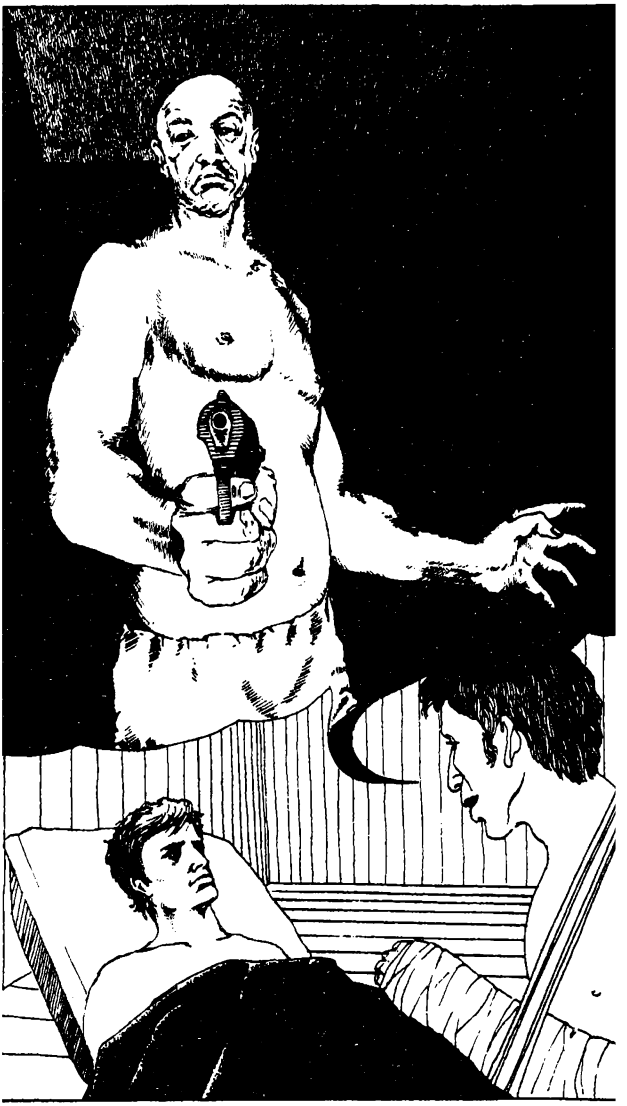
УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Перевод. Л. Абрамов, Я. Кельтский, В. Ковалевский, А. Корженевский, Н. Штуцер, 2006
© Иллюстрации. Я. Ашмарина, 1993, 2005.
© TERRA FANTASTICA, 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ISBN 5-7921-0688-6
ISBN 5-699-16290-9

КУКЛОВОДЫ

ROBERT HEINLEIN



PUPPET MASTERS

© TERRA FANTASTICA, 1992

© А.Корженевский, перевод, 2003.

Действительно ли они разумны? Я имею в виду, сами по себе. Не знаю и не думаю, что мы когда-нибудь узнаем.

Если это всего лишь инстинкт, мне очень хотелось бы надеяться, что я не доживу до того дня, когда нам придется столкнуться с такими же, но *разумными* тварями. Потому что я знаю, кто проиграет. Я, вы. Так называемое человечество.

Для меня все началось рано утром — слишком рано — 12 июля 7 года: телефон зазвонил так пронзительно, что и мертвый бы, наверное, проснулся. Надо заметить, что наш Отдел пользуется особыми аппаратами: аудиореле имплантировано под кожу за левым ухом и работает за счет костной звукопроводимости. Я принялся было ощупывать себя, потом вспомнил, что оставил аппарат в кармане пиджака в другом конце комнаты.

— Ладно,— проворчал я.— Слышу. Выключи этот клятый зуммер.

— Чрезвычайное положение,— произнес голос у меня в ухе.— Срочно явиться в Отдел.

Я коротко посоветовал, как им поступить с их чрезвычайным положением, но голос не унимался:

— Немедленно явиться к Старику.

Так бы сразу и говорили.

— Иду,— ответил я и резко вскочил — аж в глазах потемнело. Прошел в ванную и ввел под кожу микрокапсулу «Гиро». Пока вибростойка вытрясала из меня душу, стимулятор сделал свое дело, и из ванной я вышел новым человеком — ну почти новым, так скажем. Оставалось только прихватить пиджак.

На базу я попал через одну из кабин в туалете на станции метро «Макартур». Разумеется, вы не найдете наше заведение в телефонной книге. Строго говоря, нас вообще нет. Выдумка, иллюзия. Еще туда можно попасть через крохотный магазинчик с вывеской «Редкие марки и монеты». Тоже не пытайтесь — вам наверняка постараются всучить там какую-нибудь старинную марку.

Короче, искать нашу контору бесполезно. Как я уже говорил, нас просто нет.

Существуют вещи, которые не может знать ни один руководитель государства — например, насколько хороша его разведывательная служба. Понятно это становится, только когда она его подводит. Чтобы этого не произошло, есть мы. Так сказать, подтяжки для дяди Сэма*. В ООН о нас никогда не слышали, да и в ЦРУ тоже — надеюсь. А все, что о нашей организации знаю я, это полученная подготовка и задания, на которые посылает меня Старик. Интересные, в общем-то, задания — если вам все равно, где вы спите, что едите и как долго проживете. Будь я поумней, давно бы уволился и нашел себе нормальную работу.

Только вот со Стариком работать больше не доведется. А для меня это много значит. Хотя начальственной твердости ему, конечно, не занимать. Этот человек вполне способен сказать: «Парни, нам нужно удобрить вот это дерево. Прыгайте в яму, а я вас засыплю». И мы прыгнем. Все как один. И если будет у него хотя бы пятидесятитрехпроцентная уверенность, что это Дерево Свободы, он похоронит нас заживо.

Старик поднялся из-за стола и, прихрамывая, двинулся мне навстречу с этакой зловещей ухмылкой на губах. Большой голый череп и крупный римский нос делали его похожим то ли на Сатану, то ли на Панча*.

— Привет, Сэм,— сказал он.— Мне, право, жаль, что пришлось вытащить тебя из постели.

Черта с два ему жаль, конечно.

— У меня отпуск,— коротко ответил я.

— Верно, и ты все еще в отпуске. Мы отправляемся отдыхать.

У Старика весьма своеобразные представления об отдыхе, поэтому я, разумеется, не поверил.

— Ладно. Теперь меня зовут Сэм. А фамилия?

— Кавано. А я теперь твой дядюшка Чарли. Чарлз М.Кавано; пребываю на заслуженном отдыхе. И познакомься — это твоя сестра Мэри.

Я, как вошел, сразу заметил, что он в комнате не один, но Старик, когда хочет, умеет приковывать к себе внимание целиком и удерживать его сколько нужно. Теперь же я взглянул на свою «сестру» внимательно и невольно задержал взгляд. Оно того стоило.

Стало понятно, почему для работы вместе он назначил нас братом и сестрой: ему так хлопот меньше. Как профессиональный актер не может намеренно испортить диалог, так и агент, получивший инструкции, уже не может выйти из заданного образа. Короче, удружил: такую девушку — и мне в сестры!

Высокая, стройная, но спереди все как положено. Хорошие ноги. Широкие — для женщины — плечи. Огненно-рыжие волнистые волосы и, как бывает только у рыжих от рождения, что-то от ящерицы в форме черепа. Не то чтобы красавица, но очень даже симпатичная. И взгляд такой внимательный, оценивающий.

В общем, мне сразу захотелось опустить крыло и пуститься в брачный танец. Наверное, по мне это было заметно, потому что Старик сказал:

— Спокойно, Сэмми, спокойно. Сестра, конечно, в тебе души не чает, и ты ее тоже любишь, но чисто по-родственному. Ты заботлив и галантен до тошноты. Как говорится, старая добрая Америка.

— Боже, неужели все так плохо? — спросил я, не сводя глаз с «сестры».

— Хуже.

— А черт, ладно. Привет, сестренка. Рад познакомиться.

Она протянула мне руку — твердую и ничуть не слабее, чем у меня.

— Привет, братец.

Глубокое контральто! Моя слабость. Черт бы побрал Старика!

— Могу добавить,— продолжил он,— что сестра тебе дороже собственной жизни. Чтобы защитить ее от опасности, ты готов

даже умереть. Мне не очень приятно сообщать тебе это, Сэмми, но, по крайней мере в настоящий момент, сестра для организации важнее, чем ты.

— *Понятно,— ответил я.— Спасибо за деликатность.*

— Сэмми...

— О'кей, она — моя обожаемая сестра. Я защищаю ее от собак и посторонних мужчин. Когда начинаем?

— Сначала зайди в «Косметику». Они сделают тебе новое лицо.

— Пусть лучше сделают новую голову. Ладно, увидимся. Пока, сестренка.

Голову мне, конечно, не сделали, зато примостили мой персональный телефон у основания черепа и заклеили сверху волосами. Шевелюру выкрасили в тот же цвет, что и у новоявленной сестры, осветлили кожу и сделали что-то такое со скулами и подбородком. Из зеркала на меня уставился самый настоящий рыжий — такой же, как сестра. Я смотрел на свои волосы и пытался вспомнить, какого же цвета они были изначально, много-много лет назад. Затем мне пришло в голову, что и с сестренкой могли сделать что-нибудь в таком же духе. Но, может, она и в самом деле так выглядит? Хорошо бы...

Я надел приготовленный костюм, и кто-то сунул мне в руку заранее уложенную дорожную сумку. Старик и сам, очевидно, побывал в «Косметике»: на голове у него вился бело-розовый пух. Лицо ему тоже изменили. Не скажу точно, что, но теперь мы, без сомнения, выглядели родственниками — троица законных представителей этой странной расы рыжеволосых.

— Пошли, Сэмми,— сказал Старик.— Я все расскажу в машине.

Мы выбрались в город новым маршрутом, о котором я еще не знал, и оказались на стартовой платформе Нортсайд, высоко над Нью-Бруклином, *откуда открывался вид на Манхэттенский кратер.*

Я вел машину, а Старик говорил. Когда мы вышли из зоны действия городской службы управления движением, он велел запрограммировать направление на Де-Мойн, штат Айова, после чего я присоединился к «Мэри» и «дядюшке Чарли» в салоне. Первым делом Старик поведал нам наши легенды.

— Короче, мы — беззаботная, счастливая семейка, туристы,— закончил он.— И если нам придется столкнуться с чем-то непредвиденным, так мы себя и поведем — как любопытные бестолковые туристы.

— А ради чего все это затевалось? — спросил я.— Или на месте будем разбираться?

— М-м-м... Возможно.

— О'кей. Хотя на том свете чувствуешь себя гораздо лучше, если знаешь, за что туда попал, а, Мэри?

«Мэри» промолчала. Редкое для женщины качество — умение молчать, когда нечего говорить. Старик бросил на меня оценивающий взгляд и спросил:

— Сэм, ты слышал о летающих тарелках?

— Э-э-э...

— Ну полно тебе! Ты ведь учил историю.

— А, эти... Повальное помешательство на тарелках, еще до Беспорядков? Я думал, ты имеешь в виду что-то недавнее и настоящее. Тогда были просто массовые галлюцинации...

— Ой ли?

— Я, в общем-то, не изучал статистическую аномальную психологию специально, но уравнения, кажется, помню. Тогда само время было ненормальное; человека, у которого все шарики на месте, могли запросто запереть в психушку.

— А сейчас, по-твоему, наступило царство разума, да?

— Ну, утверждать не стану...— Я порылся у себя в памяти и нашел нужный ответ.— Вспомнил: оценочный интеграл Дигби для данных второго и более высокого порядка! Вероятность того, что летающие тарелки — за вычетом объясненных случаев — лишь галлюцинация, равна по Дигби 93,7 процента. Я запомнил, потому что это был первый случай, когда сообщения об инопланетянах собрали, систематизировали и оценили. Одному богу известно, зачем правительство затеяло этот проект.

Старик выслушал меня и с совершенно невинным видом сказал:

— Держись за сиденье, Сэмми: мы едем осматривать летающую тарелку. И может быть, мы, как и положено настоящим туристам, даже отпилим кусочек на память.

2

— Семнадцать часов...— Старик сверился с часами на пальце,— ...и двадцать три минуты назад неопознанный космический корабль приземлился в окрестностях Гриннелла, штат Айова. Тип — неизвестен. Форма — дискообразная, около ста пятидесяти футов диаметром. Откуда — неизвестно, но...

— Они что, не отследили траекторию? — перебил я.

— Нет, не отследили,— ответил Старик.— Вот фотография с космической станции «Бета».

Я взглянул на снимок и передал Мэри. Обычная, не очень четкая фотография с высоты пять тысяч миль. Деревья, как мох, тень облака, испортившая самую хорошую часть снимка, и серый круг — возможно, и в самом деле космический аппарат, но с таким же успехом это мог быть резервуар для нефти или даже пруд.

Мэри вернула фото, и я сказал:

— Похоже на большой шатер. Что еще нам известно?

— Ничего.

— Как ничего? Спустя семнадцать часов? Там должно быть полно наших агентов!

— Посылали. Двое были в окрестностях, и четверо отправились к объекту. Никто не вернулся. Я очень не люблю терять агентов, особенно когда это не дает никаких результатов.

Я вдруг осознал, насколько серьезная сложилась ситуация: Старик решил поставить на карту свой собственный мозг, рискуя потерять всю организацию, ибо он и есть Отдел. Мне стало не по себе. Обычно агент обязан спасать свою шкуру — чтобы выполнить задание и сообщить результаты. В данном случае получалось, что вернуться с результатами должен был Старик, вторая по значимости — Мэри, а сам я — не дороже скрепки. Радоваться тут, понятно, нечему.

— Один из наших сотрудников успел-таки сообщить,— продолжил Старик.— Он отправился к месту посадки, изображая обычного зеваку, и передал по личному телефону, что это, по всей видимости, и в самом деле космический корабль. Затем сообщил,

что постарается подобраться ближе, за полицейский кордон. Последнее, что он сказал, было: «Вот они. Маленькие существа, примерно...», и больше ни слова.

— Маленькие человечки?

— Он сказал «существа».

— А сообщения из других источников?

— Полно. Студия стереовещания из Де-Мойна направила туда съемочную группу. Все снимки, что они передали, были сделаны с воздуха и издалека. На всех — только дискообразный объект. Затем в течение двух часов — ни снимков, ни новостей, а после этого крупные планы и новое объяснение.

Старик замолчал.

— И что? — спросил я.

— Оказывается, это розыгрыш. Космический корабль якобы собран из жести и пластика двумя подростками в лесу неподалеку от фермы, где они живут. А первые репортажи были переданы комментатором, который и подговорил их на это дело, чтобы устроить сенсацию. Его, мол, уже уволили, а сообщение о пришельцах из космоса — не более чем очередная «утка».

Я поежился.

— «Утка», значит. И тем не менее мы потеряли шестерых сотрудников. Наша задача — отыскать их?

— Нет. Я думаю, мы их уже не найдем. Нам нужно узнать, почему месторасположение объекта на этом снимке не совпадает с тем, что сообщили в новостях, и почему стереостанция Де-Мойна на два часа прервала передачи.

— Я бы хотела поговорить с этими подростками,— сказала Мэри, нарушив молчание впервые за всю поездку.

Я опустил машину на дорогу в пяти милях от Гриннелла, и мы принялись искать ферму Маклэйнов: в новостях виновниками всего этого переполоха были названы Винсент и Джордж Маклэйны. Найти ферму оказалось несложно. На первой же развилке стоял большой щит с надписью: «К КОСМИЧЕСКОМУ КОРАБЛЮ — СЮДА», а чуть дальше уже теснились припаркованные по обеим сторонам дороги машины — наземные, летающие и даже

трифибии. У поворота к ферме работали две стойки, где торговали прохладительными напитками и сувенирами, а движением руководил полицейский.

— Остановись,— сказал Старик.— Нам тоже посмотреть не помешает, а?

— Точно, дядюшка,— согласился я.

Старик выпрыгнул из машины, взмахнул тростью и двинулся вперед. Я помог Мэри выбраться, и она на мгновение прижалась ко мне, опершись на руку. Каким-то образом ей удавалось выглядеть одновременно и глупо, и застенчиво.

— Какой ты сильный, братишка,— сказала она, глядя на меня.

Мне сразу захотелось ей наподдать. Один из агентов Старика — в роли этакой сентиментальной простушки. Ну прямо как улыбка у тигра.

Дядя Чарли вовсю изображал обеспеченного старого придурка на отдыхе — приставал к людям с расспросами, суетился, цеплялся к полицейскому. Затем купил у стойки сигару и, когда мы подошли, небрежно махнул рукой с дымящейся сигарой в сторону сержанта.

— Инспектор говорит, это надувательство, мои дорогие. Местные мальчишки подшутили. Едем дальше?

Мэри сделала разочарованное лицо.

— Что, никакого космического корабля нет?

— Почему же? Есть — если, конечно, это можно назвать космическим кораблем,— ответил полицейский.— Идите за толпой, там найдете. И я пока еще сержант.

Мы миновали пастбище, дальше начинался редкий лес. Пройти за ворота фермы стоило доллар, и многие сразу поворачивали обратно, поэтому люди на тропе встречались редко. Я держался настороженно и страстно желал, чтобы вместо радиотелефона у меня на затылке были глаза. Дядя Чарли и сестренка шли впереди, Мэри без умолку несла какие-то глупости. Мне показалось, что она даже выглядит теперь меньше ростом и моложе. Наконец мы добрались до поляны и увидели «космический корабль».

Больше ста футов диаметром, но сделан — явно на скорую руку — из тонкой жести и листового пластика, выкрашенного

серебрянкой. Формой — как две суповые тарелки одна на другой. Кроме этого и смотреть не на что. Тем не менее Мэри пискнула:

— О, как здорово!

Из люка на вершине этой чудовищной конструкции высунул голову парнишка лет восемнадцати-девятнадцати с глубоким устойчивым загаром на прыщавом лице.

— Хотите посмотреть внутри? — спросил он и добавил, что это будет стоить еще пятьдесят центов с каждого.

Дядя Чарли решил раскошелиться. У самого люка Мэри в нерешительности остановилась. Оттуда вынырнула еще одна прыщавая физиономия — точная копия первой. Парни хотели помочь Мэри спуститься, но она вдруг отпрянула, и я тут же оказался рядом, решив, что лучше помогу ей сам. Однако в данном случае я на девяносто девять процентов руководствовался профессиональными соображениями, потому что нутром чуял здесь какую-то опасность.

— Там темно,— дрожащим голосом произнесла Мэри.

— Не бойтесь,— сказал второй парень.— Мы сегодня весь день тут людей водим. Меня, кстати, зовут Винс Маклэйн. Ну, идите же, девушка.

Дядя Чарли опасливо заглянул в люк, словно заботливая курица, сопровождающая выводок на прогулке.

— Там могут быть змеи,— решил он.— Мэри, тебе лучше туда не ходить.

— Да что вы! Какие змеи?! — принялся уговаривать нас первый Маклэйн.

— Ладно, джентльмены, деньги оставьте себе.— Дядя Чарли взглянул на палец с часами.— Мы уже опаздываем, дорогие мои. Пошли.

По тропе я опять шел позади них — постоянно настороже, аж волосы на затылке дыбом встали.

Сели в машину, и, едва тронулись с места, Старик строго спросил:

— Ну? Что вы заметили?

Я парировал вопросом на вопрос:

— Насчет первого сообщения никаких сомнений? Того, что оборвалось?

— Абсолютно.

— Этой штукой агента не обманешь даже в темноте. Он видел другой корабль.

— Разумеется. Что еще?

— Сколько, по-вашему, может стоить этот розыгрыш? Новая жесть, краска и, судя по тому, что я заметил внутри, несколько кубометров бруса для крепежа...

— Продолжай.

— На этой ферме только вывески не хватает — «Заложено». Ясное дело, они не сами оплачивали эту шуточку.

— Безусловно. А ты, Мэри?

— Вы заметили, дядюшка, как они со мной обращались?

— Кто? — резко спросил я.

— Полицейский и эти двое парней. Когда я прикидываюсь этакой обаятельной милашкой, с мужчинами обязательно должно что-то происходить. Здесь же — никакой реакции.

— По-моему, они обратили на тебя внимание,— возразил я.

— Ты не понимаешь. Я просто чувствую реакцию. Всегда чувствую. Что-то с ними не так. Они словно мертвецы. Или евнухи — если ты догадываешься, что я имею в виду.

— Гипноз? — предположил Старик.

— Возможно. Или действие наркотиков.

Мэри озадаченно нахмурилась.

— Хм...— Старик задумался, потом сказал: — Сэмми, на следующем разъезде сверни налево. Нам нужно осмотреть место в двух милях к югу отсюда.

— Место посадки, вычисленное по фотоснимку?

— А что же еще?

Однако добраться нам туда не удалось. Мост впереди рухнул, а разогнаться, чтобы перескочить реку по воздуху, было негде, да и правила дорожного движения для летающих машин этого не разрешали. Мы заехали с юга, по единственной оставшейся дороге, но там нас остановил полицейский. Сказал, что проезда нет из-за пожара. Кустарник, мол, горит, и если мы поедем даль-

ше, нам придется участвовать в тушении. И вообще, ему положено бы отправить меня туда сразу.

Мэри захлопала ресницами и наврала, что ни она, ни дядюшка Чарли не умеют водить машину. Полицейский смилостивился и оставил нас в покое.

Отъехав от заграждения на дороге, я спросил:

— А этот как?

— Что как?

— Евнух?

— Ни в коем случае! Очень симпатичный мужчина.

Меня это задело.

Взлетать Старик запретил. Видимо, это и в самом деле было бы бесполезно. Мы отправились в Де-Мойн и, вместо того чтобы оставить машину у заставы, заплатили за пропуск к студии местного стереовещания. Дядюшка Чарли принялся скандалить, и мы прорвались-таки в кабинет главного управляющего: Старик врал на ходу, хотя, может быть, Чарлз М.Кавано и в самом деле был какой-нибудь шишкой в Федеральном управлении связи.

Очутившись в кабинете, Старик продолжал строить из себя Высокое Начальство.

— Что это за глупый розыгрыш с летающей тарелкой, сэр? Я требую четкого ответа и предупреждаю, что от этого может зависеть судьба вашей лицензии.

Управляющий, небольшого роста сутулый человечек, однако, не испугался; подобные угрозы, видимо, лишь действовали ему на нервы.

— Мы передали опровержение по всем каналам,— сказал он.— Нас просто подставили. Но виновный уже уволен.

— Этого явно недостаточно, сэр.

Человечек — фамилия его была Барнс — пожал плечами.

— А чего еще вы от нас ожидаете? Мы что, должны его повесить?

Дядя Чарли ткнул в его сторону сигарой.

— Предупреждаю, сэр, со мной шутки плохи. Я совсем не убежден, что два молодых олуха и младший репортер могли

самостоятельно провернуть этот возмутительный розыгрыш. Тут пахнет деньгами, сэр. Да-да, и немалыми. А теперь скажите-ка мне, что именно вы...

Мэри сидела рядом со столом Барнса. Она сделала что-то со своим нарядом и уселась в такой позе, что мне сразу вспомнилась картина Гойи — «Маха обнаженная». Спустя несколько секунд она подала Старику сигнал — большой палец вниз.

Барнс вроде бы не должен был этого заметить: мне казалось, что он смотрит только на Старика. Однако заметил. Он повернулся к Мэри, лицо его словно помертвело, а рука потянулась к ящику стола.

— Сэм! Стреляй! — коротко приказал Старик.

Я выстрелил. Луч отжег ему ноги, и туловище Барнса грохнулось на пол. Не самый удачный мой выстрел: я думал прожечь дыру в животе.

Пальцы Барнса все еще тянулись к упавшему пистолету, и я отпихнул оружие носком ботинка. Человек с отстреленными ногами уже не жилец, однако умирает не сразу, и я хотел избавить его от мучений, но тут Старик рявкнул:

— Не трогать! Мэри, назад!

Он осторожно, словно кошка, обследующая незнакомый предмет, подобрался поближе. Барнс протяжно выдохнул и замер. Старик потыкал его тростью.

— Босс, пора сваливать, а? — сказал я.

Не оборачиваясь, он ответил:

— *Здесь ничуть не опасней, чем где-то еще. Возможно, их в этом здании полно.*

— Кого «их»?

— Откуда я знаю? Их, таких вот, как этот.— Он указал на тело Барнса.— Нам как раз и нужно узнать, кто они такие.

Мэри судорожно всхлипнула и выдохнула:

— Он еще дышит. Смотрите!

Тело лежало лицом вниз. Пиджак на спине медленно поднимался и опадал, словно легкие Барнса продолжали работать. Старик присмотрелся и ткнул в спину тростью.

— Сэм. Иди сюда.

Я подошел.

— Раздень его. Только в перчатках. И осторожно.

— Взрывное устройство?

— Не болтай. И осторожно.

Должно быть, Старик догадывался, в чем дело. Я всегда думал, что у него в голове компьютер, который делает верные логические заключения, даже когда фактов всего ничего — как эти ученые парни, что восстанавливают облик доисторических животных по одной-единственной косточке. Я натянул перчатки — специальные перчатки: в таких можно и кипящую смолу перемешивать, и на ощупь определить рельеф на монете — затем принялся переворачивать Барнса, чтобы расстегнуть пиджак.

Спина у него по-прежнему шевелилась. Мне это совсем не понравилось — неестественно как-то,— и я приложил руку между лопаток.

У нормального человека там позвоночник и мышцы. Здесь же было что-то мягкое и податливое. Я резко одернул руку.

Мэри молча подала мне ножницы со стола Барнса, и я разрезал пиджак. Под ним оказалась тонкая рубашка, а между рубашкой и кожей, от шеи и до середины спины, было что-то еще — толщиной около двух дюймов, отчего и казалось, что человек сутулится, или на спине у него небольшой горб.

Но эта штука пульсировала.

На наших глазах «горб» медленно пополз со спины, прочь от нас. Я протянул руку, чтобы задрать рубашку, но Старик стукнул тростью мне по пальцам.

— Ты все-таки реши, что тебе нужно,— сказал я, потирая костяшки пальцев.

Он молча засунул трость под рубашку, поворочал и малопомалу задрал рубашку к плечам. Теперь уже ничто не мешало разглядеть эту тварь.

Серая, чуть просвечивающая, с раскинувшейся по всему телу системой каких-то органов — бесформенная, но определенно живая тварь. Она перетекла на бок Барнса и, неспособная продвинуться дальше, застыла между рукой и грудной клеткой.

— Бедняга,— тихо произнес Старик.

— А? Это?

— Нет. Барнс. Когда все это закончится, напомните мне, что ему полагается «Пурпурное сердце»*. Надо будет проследить. *Если* закончится.— Старик выпрямился и принялся расхаживать по кабинету, словно напрочь забыл про тварь, которая примостилась под рукой мертвого Барнса.

Я попятился, не спуская с твари взгляда и держа ее под прицелом. Быстро передвигаться она, похоже, не могла, летать, видимо, тоже, но кто ее знает, на что она способна. Мэри подошла, прижалась ко мне плечом, словно ища утешения, и я обнял ее свободной рукой.

На маленьком столике рядом с рабочим столом Барнса лежала стопка круглых коробок со стереопленкой. Старик взял одну, вытряхнул кассету и двинулся к нам.

— Эта, думаю, подойдет.

Он поставил коробку на пол рядом с серой тварью и принялся загонять ее внутрь, подпихивая тростью. Вместо этого тварь перетекла еще глубже под руку Барнса и спряталась под его телом почти целиком. Я взял труп за другую руку и оттащил в сторону. Тварь сначала цеплялась, но потом шлепнулась на пол. Мы с Мэри настроили оружие на минимальную мощность и под руководством Старика все-таки загнали тварь в коробку, поджигая пол то с одной стороны, то с другой. Тварь заполнила коробку почти до краев, и я тут же закрыл ее крышкой.

Старик сунул коробку под руку.

— Что ж, вперед, мои дорогие.

На пороге кабинета он обернулся, «попрощался» с Барнсом, затем закрыл дверь, остановился у стола секретарши и сказал:

— Я зайду к мистеру Барнсу завтра... Нет, я еще не знаю, во сколько. Предварительно позвоню.

И мы неторопливо двинулись к выходу: Старик прижимал к себе левой рукой коробку, я настороженно вслушивался, не поднял ли кто тревогу. Мэри без умолку болтала, вовсю изображая красивую дурочку. Старик даже остановился в фойе купить сигару и расспросил клерка, как доехать до нужного нам места — этакий добродушный старикан, немного бестолковый, но с чрезвычайно высоким самомнением.

Сев в машину, он сказал, куда ехать, и предупредил, чтобы я не превышал скорость. Спустя некоторое время мы остановились у авторемонтной мастерской и заехали в гараж. Старик велел позвать управляющего и, когда тот явился, сказал:

— Машина срочно нужна мистеру Малоне.

Этой кодовой фразой я и сам не раз пользовался: через двадцать минут от машины останутся только безликие запчасти в ящиках на полках.

Управляющий окинул нас взглядом, отослал двоих механиков из кабинета и коротко ответил:

— Сюда, пожалуйста, через эту дверь.

Мы очутились в квартире престарелой супружеской пары, где я и Мэри стали брюнетами, а Старик вернул свою лысину. У меня появились усы. Мэри, надо заметить, выглядела с темными волосами ничуть не хуже, чем с рыжими. Вариант «Кавано» отбросили: Мэри превратилась в медсестру, я — в шофера на службе у богатого старика-инвалида — как положено, с пледом и вечными капризами.

На улице нас ждала новая машина. Назад добрались спокойно. Возможно, нам даже незачем было менять морковного цвета шевелюры. Я настроил экран на студию Де-Мойна, но, если полиция и обнаружила труп мистера Барнса, репортеры об этом еще не знали.

Мы двинулись прямиком в кабинет Старика и там открыли коробку. Перед этим Старик послал за доктором Грейвсом, руководителем биологической лаборатории Отдела, и все делалось при помощи механических манипуляторов.

Оказалось, нам больше нужны не манипуляторы, а противогазы: кабинет заполнила вонь разлагающейся органики. Пришлось захлопнуть коробку и включить вентиляцию на полную.

— Что это за чертовщина? — спросил Грейвс, брезгливо наморщив нос.

Старик вполголоса выругался.

— Это я у тебя хочу узнать. Работать в скафандрах, в стерильном боксе, и я запрещаю думать, что эта тварь уже мертва.

— Если она жива, то я — королева Англии.

— Кто тебя знает? Но рисковать я запрещаю. Это — паразит, способный присасываться, например, к человеку и управлять его действиями. Происхождение и метаболизм почти наверняка инопланетные.

Грейвс фыркнул.

— Инопланетный паразит на человеке? Это просто смешно. Слишком различные биохимические процессы.

— Черт бы тебя побрал с твоими теориями! — ворчливо произнес Старик.— Когда мы его взяли, он прекрасно чувствовал себя на человеке. Если по-твоему это означает, что организм земной, тогда я хочу знать, откуда он взялся и где искать остальных. Хватит предположений. Мне нужны факты.

— Будут тебе и факты! — раздраженно ответил биолог.

— Шевелись. И забудь про то, что тварь мертва. Может быть, этот аромат — просто защитная реакция. Живая, она чрезвычайно опасна. Если тварь переберется на кого-то из твоих сотрудников, мне, скорее всего, придется его убить.

Последняя фраза несколько поубавила Грейвсу гонору, и он молча вышел.

Старик откинулся на спинку кресла, тяжело вздохнул и закрыл глаза. Спустя минут пять открыл и сказал:

— Сколько таких вот «горчичников» могло прибыть на космическом корабле размерами с эту тарелку, что мы видели?

— А был вообще корабль? — спросил я.— Фактов пока немного.

— Немного, но и их достаточно. Корабль был. И до сих пор есть.

— Нам нужно было обследовать место посадки.

— Там бы нас и похоронили. Те шестеро парней тоже не дураки были. Отвечай на вопрос.

— Размеры корабля все равно ничего не говорят о его грузоподъемности, когда не знаешь тип двигателя, дальность перелета и какие условия нужны пассажирам... Гадаешь, когда петля начнет затягиваться? Я думаю, их несколько сотен, может быть, несколько тысяч.

— М-м-м... да, пожалуй. А это значит, что в Айове сейчас бродят несколько тысяч зомби. Или «евнухов», как назвала их

Мэри.— Старик на секунду задумался.— Но как пробраться мимо них в гарем? Нельзя же в самом деле перестрелять всех сутулых в Айове.— Он едва заметно улыбнулся.— Разговоры пойдут.

— Могу подбросить другой занятный вопросец,— сказал я.— Если вчера в Айове приземлился один корабль, то сколько таких приземлится завтра в Северной Дакоте? Или в Бразилии?

— Да уж...— Старик погрустнел.— Веревочка-то коротка.

— В смысле?

— До петли всего ничего осталось. Идите пока, ребятки, погуляйте. Может, это последняя возможность. Но с базы не уходить.

Я отправился в «Косметику», вернул себе прежний цвет кожи и нормальные черты лица, отмок в ванной и побывал у массажиста, затем — прямиком в наш бар. Решил выпить и разыскать Мэри. Я, правда, не представлял себе, как она будет выглядеть — блондинка, брюнетка или рыжеволосая,— но ни секунды не сомневался, что узнаю ножки.

Оказалось, волосы у нее рыжие. Мэри сидела за отгороженным столиком. Выглядела она практически так же, как в тот момент, когда я увидел ее впервые.

— Привет, сестренка,— сказал я, собираясь устроиться рядом.

— Привет, братец. Забирайся,— ответила она с улыбкой и подвинулась.

Я выбил на клавиатуре виски с содовой и спросил:

— Ты и в самом деле так выглядишь?

Она покачала головой.

— Бог с тобой. В действительности у меня две головы и полоски как у зебры. А ты?

— Меня мамаша еще в детстве придушила подушкой, так что я до сих пор не знаю.

Она снова окинула меня оценивающим взглядом.

— Ее нетрудно понять. Но у меня нервы покрепче, так что все в порядке, братишка.

— Спасибо на добром слове,— ответил я.— И знаешь, давай оставим эти глупости насчет брата и сестры. А то я как-то скованно себя чувствую.

— По-моему, тебе это только на пользу.

— Мне? Да я и так тихий. И ласковый.— Я мог бы еще добавить, что с такими девушками лучше волю рукам не давать: если ей не понравится, глядишь, и без рук можно остаться. У Старика другие не работают.

Она улыбнулась.

— Да ну? Зато я не ласкова. Во всяком случае, сегодня.— Мэри поставила бокал на стол.— Допивай лучше и закажи еще.

Что я и сделал. Мы продолжали сидеть рядом, просто наслаждаясь теплом и покоем. При нашей профессии такие минуты выпадают нечасто, и от этого их еще больше ценишь.

Ни с того ни с сего подумалось, как хорошо Мэри выглядела бы во втором кресле у камина. Работа у меня такова, что раньше я никогда всерьез не думал о супружестве. Да и к чему? На свете полно симпатичных девчонок. Но Мэри сама была агентом; с ней и поговорить можно по-человечески. Я вдруг понял, что чертовски одинок, и тянется это уже очень давно.

— Мэри...

— Да?

— Ты замужем?

— Э-э-э... А почему ты спрашиваешь? Вообще-то нет. Но какое тебе... Какое это имеет значение?

— Имеет,— упрямо сказал я.

Она покачала головой.

— Я серьезно. Вот взгляни на меня: руки-ноги на месте, совсем не стар еще и всегда вытираю ноги в прихожей. Чем не пара?

Она рассмеялась, но вполне добродушно.

— Лучше готовиться надо. Я думаю, сейчас ты импровизировал.

— Точно.

— Ладно, прощаю. Но знаешь, хищник, тебе следует поработать над техникой. Совсем ни к чему терять голову и предлагать женщине брачный контракт только из-за того, что тебя один раз отшили. Кто-нибудь поймает на слове.

— Но я серьезно,— сказал я обиженно.

— Да? И какое содержание ты предлагаешь?

— О черт! Если ты настаиваешь на таком контракте, то я и на это согласен. Можешь полностью сохранить свой заработок, и я готов переводить тебе половину моего — если, конечно, ты не подашь в отставку.

Она покачала головой.

— Мне незачем будет настаивать на подобного рода контракте с человеком, за которого я сама захочу выйти замуж...

— Я так и думал.

— Просто я попыталась доказать, что это у тебя не всерьез.— Мэри подняла взгляд и добавила уже мягче, нежнее: — Хотя, может быть, я ошибаюсь.

— Ошибаешься.

Она снова покачала головой.

— Агентам не следует жениться.

— Агентам следует жениться только на агентах.

Мэри хотела что-то ответить, но неожиданно выражение лица у нее изменилось. В то же мгновение мой телефон за ухом заговорил голосом Старика, и я понял, что она тоже прислушивается.

— Срочно ко мне в кабинет,— приказал Старик.

Мы молча встали. В дверях Мэри остановилась и посмотрела мне в глаза.

— Вот именно поэтому говорить сейчас о супружестве просто глупо. У нас работа не закончена. Пока мы разговаривали, ты постоянно думал о деле, и я тоже.

— Я не думал.

— Не играй со мной! Сэм... Представь себе, что ты женат и, проснувшись, вдруг обнаруживаешь одну из тех тварей на плечах у жены. Представь, что она управляет твоей женой.— В ее глазах промелькнул ужас.— Или представь, что я увидела на плечах у тебя...

— Готов рискнуть. И я не позволю им подобраться к тебе.

Она прикоснулась к моей щеке.

— Верю.

Когда мы вошли к Старику, он поднял взгляд и сказал:

— Отлично. Поехали.

— Куда? — спросил я.— Или мне не следовало задавать этот вопрос?

— В Белый дом. К Президенту. А теперь заткнись.

Тут мне уже ничего не оставалось.

3

В начале лесного пожара или эпидемии всегда есть возможность предотвратить беду минимальными усилиями, если действовать четко и своевременно. И Старик уже решил, что нужно сделать Президенту — объявить по всей территории страны чрезвычайное положение, окружить Де-Мойн и окрестности кордонами и стрелять в каждого, кто попытается выбраться оттуда. А затем начать выпускать жителей по одному, непременно обыскивая, чтобы найти всех паразитов. Одновременно задействовать радарные службы, ракетчиков и космические станции на выявление и уничтожение других неопознанных кораблей.

Предупредить весь мир, попросить о помощи — но не очень-то церемониться с международными законами, потому что речь идет о выживании человечества в борьбе против инопланетных захватчиков. И неважно, откуда они взялись — с Марса, с Венеры, со спутников Юпитера или вообще из другой звездной системы. Главное — отразить нападение.

Старик обладал уникальным даром: факты удивительные и невероятные он подчинял логике с такой же легкостью, как и самые обыденные. Вы скажете, не бог весть какой дар? Но большинство людей, сталкиваясь с чем-то таким, что противоречит житейской логике, вообще перестают соображать; фраза «Я просто не могу в это поверить» звучит заклинанием как для интеллектуалов, так и для недоумков.

А вот для Старика это пустой звук. И к его мнению прислушивается Президент.

Охрана из секретной службы работает серьезно. Рентгеноскоп сделал «бип», и мне пришлось сдать лучемет. Мэри оказа-

лась просто ходячим арсеналом: машина подала сигнал четыре раза, потом еще коротко булькнула, хотя я готов был поклясться, что ей даже корешок от налоговой квитанции негде спрятать. Старик отдал трость сам.

Наши аудиокапсулы выявил и рентгеноскоп, и детектор металла, но хирургические операции — это уже за пределами компетенции охраны. Они торопливо посовещались, после чего их начальник решил, что предметы, имплантированные под кожей, оружием можно не считать. У нас взяли отпечатки пальцев, сфотографировали сетчатку и только тогда провели в приемную. Но сразу к Президенту пустили только одного Старика.

Спустя какое-то время нам тоже позволили войти. Старик нас представил, и я смущенно промямлил что-то в ответ. Мэри лишь сдержанно поклонилась. Президент сказал, что рад с нами познакомиться, и «включил» свою знаменитую улыбку — ту самую, что вы часто видите на экране телевизора,— отчего мне сразу поверилось, что он действительно рад встрече. Я вдруг почувствовал себя тепло, спокойно и перестал смущаться.

Первым делом Старик велел доложить обо всем, что я делал, видел и слышал, выполняя последнее задание. Добравшись до того места в рассказе, где мне пришлось убить Барнса, я попытался поймать взгляд Старика, но он смотрел куда-то в пространство, и я не стал упоминать о его приказе стрелять. Сказал просто, что убил Барнса, защищая второго агента, Мэри, когда управляющий телестудией потянулся за пистолетом. Старик тут же меня перебил:

— Полный отчет!

Пришлось добавить про его приказ стрелять. Президент перевел взгляд на Старика, но больше никак не отреагировал. Я рассказал о паразите и, поскольку никто меня не останавливал, обо всем, что случилось после.

Затем настала очередь Мэри. Она довольно сбивчиво попыталась объяснить Президенту, почему рассчитывает на какую-то реакцию со стороны нормальных мужчин — реакцию, которой не было у молодых Маклэйнов, полицейского и Барнса,— но тут он сам пришел ей на помощь. Президент улыбнулся и сказал:

— Милая девушка, я вам охотно верю.

Мэри покраснела, Президент дослушал ее до конца уже с серьезным выражением лица и на несколько минут задумался. Затем обратился к Старику:

— Эндрю, твой отдел всегда оказывал мне неоценимую помощь. Случалось, отчеты, что ты присылал, влияли на ход истории...

Старик фыркнул.

— Значит, «нет», так?

— Я этого не говорил.

— Но собирался.

Президент пожал плечами.

— Я хотел предложить, чтобы твои молодые люди нас на время оставили. Ты, конечно, гений, Эндрю, но и гении ошибаются.

— Видишь ли, Том, я предвидел подобную реакцию. И поэтому привез с собой свидетелей. Это не гипноз и не наркотические галлюцинации. Можешь вызвать своих психологов — пусть попробуют поймать их на лжи.

— Я не сомневаюсь, что в подобных вещах ты разбираешься даже лучше, чем любой из моих специалистов. Взять, например, вот этого молодого человека — чтобы выгородить тебя, он готов пойти на риск быть обвиненным в убийстве. Ты буквально вдохновляешь на преданность, Эндрю. А что касается молодой леди — право же, Эндрю, я не могу начать военные действия, опираясь только на женскую интуицию.

Мэри шагнула вперед.

— Господин Президент,— сказала она убежденно,— я абсолютно уверена в том, что говорю. Я всегда это чувствую. Не могу объяснить, как именно, но те люди не имели ничего общего с нормальными мужчинами.

— Да, но вы упускаете из вида вполне очевидное объяснение — возможно, это и в самом деле, извиняюсь, «евнухи». Такие несчастные, увы, встречаются. И по законам вероятности вам запросто могли встретиться четверо за один день.

Мэри умолкла. Зато заговорил Старик:

— Черт побери, Том! — Я даже вздрогнул: ну разве можно так разговаривать с Президентом? — Я ведь знал тебя еще в те дни, когда ты работал в сенатской комиссии, а сам я был у тебя

главной ищейкой. И ты прекрасно понимаешь, что я не пришел бы к тебе с подобной сказкой, если бы мог найти какое-то другое объяснение. Как насчет космического корабля? Что там внутри? Почему я не мог попасть на место посадки? — Старик вытащил снимок, сделанный с космической станции «Бета», и сунул его под нос Президенту.

Это, однако, не произвело на него никакого впечатления.

— Ну как же, факты... Мы оба с тобой неравнодушны к фактам. Но кроме твоего Отдела у меня есть и другие источники информации. Вот этот снимок, например. Ты, когда звонил, особо подчеркивал важность фотоснимка. Однако местоположение фермы Маклэйнов, указанное в земельных книгах округа, полностью совпадает с координатами объекта на этой фотографии.— Президент поднял взгляд и посмотрел на Старика в упор.— Я однажды заблудился в окрестностях собственного загородного дома. А ты, Эндрю, даже не знаешь тех мест.

— Том...

— Что, Эндрю?

— Ты, случайно, не сам ездил проверять карты округа?

— Нет, разумеется.

— Слава богу, а то бы у тебя на плечах уже висело фунта три пульсирующего желе — и тогда Соединенным Штатам конец! Можешь не сомневаться: и клерк в столице округа, и агент, которого ты послал, уже таскают на плечах таких паразитов. Да и шеф полиции Де-Мойна, и редакторы местных газет, и авиадиспетчеры, и полицейские — короче, все люди на всех ключевых постах. Том, я не знаю, с чем мы столкнулись, но они-то наверняка понимают, что из себя представляем мы, и планомерно отсекают нервные клетки социального организма прежде, чем эти клетки смогут послать сигналы. Или же взамен истинной выдают ложную информацию, как в случае с Барнсом. Так что, господин Президент, вы должны немедленно отдать приказ о жесточайших карантинных мерах в этом регионе. Другого пути нет!

— Да, Барнс...— тихо проговорил Президент.— Эндрю, я надеялся, что мне не придется прибегать к этому...— Он щелкнул

тумблером на селекторе.— Дайте мне станцию стереовещания в Де-Мойне, кабинет управляющего.

Экран на столе засветился почти сразу. Президент нажал еще одну кнопку, и включился большой настенный экран. Перед нами возник кабинет управляющего станцией, где мы побывали всего несколько часов назад.

Почти весь экран заслоняла фигура человека — и это был Барнс.

Или его двойник. Если мне случается убивать кого-то, эти люди никогда не восстают из мертвых. Увиденное меня потрясло, но все же я верю в себя. И в свой лучемет.

— Вы меня вызывали, господин Президент? — Судя по голосу, человек был несколько ошарашен оказанной ему честью.

— Да, благодарю вас. Мистер Барнс, вы узнаете этих людей?

На лице Барнса появилось удивленное выражение.

— Боюсь, нет. А должен?

Тут вмешался Старик.

— Скажите ему, чтобы пригласил своих секретарей и помощников.

Президент удивился, но просьбу выполнил. В кабинете появились еще несколько человек — в основном, девушки,— и я сразу узнал секретаршу, что сидела в приемной Барнса. «Ой, да это же Президент»,— пискнула вдруг одна из девушек.

Нас никто не узнал. В отношении меня и Старика это не удивительно, но Мэри выглядела так же, как и тогда, и я не сомневаюсь, что у любой женщины, которая ее видела, образ Мэри врезался в память навсегда.

И еще я заметил: все они сутулились.

После этого Президент нас просто выпроводил. Прощаясь, он положил руку Старику на плечо и сказал:

— В самом-то деле, Эндрю, республика выстоит. Худо-бедно мы ее вытянем.

Спустя десять минут мы уже стояли на холодном ветру на платформе Рок-Крик. Старик словно стал меньше ростом и действительно постарел.

— Что теперь, босс?

— А? Для вас — ничего. Отдыхайте до дальнейших распоряжений.

— Я бы хотел еще раз заглянуть к Барнсу.

— В Айову не суйся. Это приказ.

— М-м-м... А что ты собираешься делать, если не секрет?

— Собираюсь махнуть во Флориду. Лягу на горячий песок и буду ждать, пока весь мир не полетит к чертям. Если у тебя хватит ума, ты поступишь так же. Времени осталось совсем немного.

Он расправил плечи и двинулся прочь. Я обернулся, но Мэри уже ушла. На платформе ее не было. Я догнал Старика и спросил:

— Прошу прощения, босс, а где Мэри?

— А? Отдыхает, надо полагать. Все. Меня не беспокоить.

Я хотел было разыскать Мэри по отдельской системе связи, но вспомнил, что не знаю ни ее настоящего имени, ни кода, ни идентификационного номера. А скандалить и требовать, чтобы мне нашли ее по описанию, просто глупо. Только в «Косметике» знают, как на самом деле выглядит агент, но они ничего не скажут. Сам я знал только, что она дважды была на задании рыжеволосой и выглядела — на мой вкус — как объяснение «почему мужчины дерутся». Попробуйте закодировать такую информацию в телефонный аппарат!

Короче, я просто снял себе комнату.

4

Проснулся я уже в сумерках и от нечего делать просто смотрел в окно, наблюдая, как оживает с приходом ночи столица. Огибая мемориальный комплекс, уходила вдаль река. Выше по течению, за границей округа, в воду добавляли флуоресцин, и от этого река светилась в ночи переливами розового, янтарного и алого цветов. По ярким полосам сновали туда-сюда прогулочные катера, до отказа набитые парочками, у которых, без сомнения, «одно на уме».

На суше то здесь, то там среди старых зданий зажигались прозрачные купола, отчего город становился похож на какую-то

сказочную страну огней. К востоку, где в свое время упала бомба, старых домов не было вообще, и весь район казался огромной корзиной разукрашенных пасхальных яиц — вернее, гигантских скорлупок, освещенных изнутри.

Наверно, мне приходилось видеть столицу ночью чаще, чем большинству людей, и я никогда об этом не задумывался. Но сегодня у меня возникло такое чувство, будто это «в последний раз». Только не от красоты сдавливало горло — от понимания, что там, внизу, под покровом мягкого света — люди, живые люди, личности, и все заняты обычными своими делами, любят, ссорятся, как кому нравится — короче, каждый делает, черт побери, что ему хочется, как говорится, под виноградником своим и под своей смоковницей, и никто не испытывает страха.

Я думал обо всех этих людях, и мне виделась совсем другая картина: милые добрые люди, но у каждого — присосавшийся за плечами паразит, который двигает их ногами и руками, заставляет говорить, что ему нужно, и идти, куда ему хочется. Подумав об этом, я дал клятву: если победят паразиты, я лучше погибну, но не позволю такой твари ездить у меня на спине. Агенту Отдела это несложно, достаточно откусить ноготь, если руки связаны, или еще что, есть множество других способов. Старик планирует на все случаи жизни.

Но он планировал подобные штуки совсем для иных целей, и я это знал. Наше с ним дело — охранять безопасность людей, а вовсе не сбегать, когда приходится слишком туго.

Но сделать сейчас я все равно ни черта не мог. Я отвернулся от окна и подумал, что мне, пожалуй, не хватает компании. В комнате оказался стандартный каталог «эскорт-бюро» и «агентств моделей», какой можно найти почти в каждом большом отеле; я полистал его и захлопнул. Веселые подруги меня совсем не интересовали, я хотел видеть только одну-единственную девушку, ту самую, неприступную. Вот только где ее искать?

Я всегда ношу с собой пузырек с пилюлями «Темпус фугит»* — встряска для рефлексов не раз, бывало, помогала мне справиться с трудными ситуациями. И что бы там ни писали всякие па-

никеры, эти пилюли вовсе не вырабатывали патологического пристрастия, как, например, гашиш.

Хотя, конечно, какой-нибудь пурист мог бы сказать, что я пристрастился, потому что я иногда принимал их, чтобы свободные сутки казались неделей отпуска. И мне нравилось легкое эйфорическое ощущение, которое они вызывали. Но главное — это свойство растягивать субъективное время в десять и более раз, дробить его на мельчайшие отрезки, за счет чего в те же календарные сроки можно прожить гораздо дольше. Да, разумеется, я знаю эту жуткую историю о человеке, который состарился и умер за один месяц, потому что принимал пилюли одну за другой, но я пользуюсь ими лишь изредка.

А может быть, этот человек знал, что делал. Он прожил долгую счастливую жизнь — не сомневайтесь, счастливую — и в конце концов умер тоже счастливым. Какая разница, что солнце вставало для него только тридцать раз? Кто ведет счет счастью и устанавливает правила?

Я сидел, глядя на пузырек с пилюлями, и думал, что там достаточно — по моему личному времени — года на два. Забраться бы в нору и закрыть вход...

Я вытряхнул на ладонь две штуки, налил стакан воды. Затем сунул их обратно в пузырек, нацепил пистолет и аппарат связи, вышел из отеля и направился в Библиотеку Конгресса.

По дороге остановился в баре и просмотрел последние новости. Из Айовы ничего не было, но, с другой стороны, когда в Айове вообще что-нибудь случается?

В библиотеке я сразу прошел в справочный отдел и занялся каталогом, выискивая с помощью «мигалок» нужные темы: от «летающих тарелок» к «летающим дискам», потом к «проекту "Блюдце"», через «огни в небе», «кометы», «диффузную теорию возникновения жизни», две дюжины тупиковых маршрутов и всякую околонаучную муру для чокнутых. Где руда, а где пустая порода? Только со счетчиком Гейгера и определишь. Тем более, что самая нужная информация прячется, возможно, под семантическим кодом где-нибудь между баснями Эзопа и мифами о затерянном континенте.

Однако через час я все-таки отобрал целую стопку карточек, вручил их весталке за стойкой, и та принялась скармливать их машине. Наконец она закончила и произнесла:

— Большинство пленок, что вы заказали, уже выданы. Остальные документы доставят в зал 9-А. На эскалатор, пожалуйста.

В зале 9-А работал только один человек. Этот человек поднял голову и сказал:

— Ну и ну! Волк собственной персоной. Как ты меня вычислил? Я была уверена, что ушла чисто.

— Привет, Мэри,— сказал я.

— Привет,— ответила она,— и всего хорошего. Я все еще не ласкова, и мне нужно работать.

Я разозлился.

— Знаешь что, грубиянка, тебе это может показаться странным, но я пришел сюда отнюдь не ради твоих, без сомнения, прекрасных глаз. Время от времени я тоже, случается, работаю. Но можешь успокоиться: как только мои пленки прибудут, я смоюсь отсюда к чертовой матери и найду себе другой зал. Пустой.

Вместо ответной вспышки она вдруг смягчилась.

— Извини, Сэм. Женщине порой приходится выслушивать одни и те же слова сотни раз. Садись.

— Нет уж, спасибо. Я все-таки пойду. Мне нужно работать.

— Останься,— попросила она.— Видишь, тут написано: если ты унесешь пленки из того зала, куда они доставлены, сортировочная машина просто перегорит от натуги, а главный библиотекарь совсем рехнется.

— Я, когда закончу, верну их сюда.

Она взяла меня за руку, и я почувствовал, как у меня по коже побежали приятные теплые мурашки.

— Ну, пожалуйста, Сэм. Извини меня.

Я сел и ухмыльнулся.

— Теперь меня никто не заставит уйти. Я не выпущу тебя из вида, пока не узнаю твой номер телефона, адрес и настоящий цвет волос.

— Волк,— мягко сказала Мэри.— Ты никогда не узнаешь ни одного, ни другого, ни третьего.

Она демонстративно уткнулась в визор проекционной машины, словно меня рядом и не было.

Труба пневмодоставки звякнула, и в приемную корзину посыпались заказанные кассеты. Я сложил их стопкой рядом с соседней машиной, но одна покатилась, ударилась о стопку кассет, что просматривала Мэри, и они рассыпались по столу. Я взял, как мне показалось, свою пленку, взглянул сначала на одну сторону, где стоял серийный номер и точечный код для селекторной машины, перевернул, прочел название и положил в свою стопку.

— Эй! Это моя!

— Черта с два,— ответил я вежливо.

— Моя! Я собиралась смотреть ее следующей.

Вообще-то, до меня рано или поздно всегда доходит. Мэри, понятное дело, пришла сюда не ради истории обувного дизайна. Я взял еще несколько ее кассет и прочел названия.

— Вот значит, почему нужные мне кассеты оказались на руках. Однако ты много чего пропустила.— И я придвинул ей свою стопку.

Мэри просмотрела названия и свалила свои в общую кучу.

— Мы их поделим, или каждый будет смотреть все?

— Пополам, чтобы отсеять мусор, а все важное будем смотреть вместе,— решил я.— Поехали.

Даже после того, как я своими глазами увидел паразита на спине бедняги Барнса, после заверений Старика о том, что «тарелка» действительно приземлилась, я оказался не готовым к тем горам фактов, что можно обнаружить в информационных завалах обычной публичной библиотеки. Черт бы побрал Дигби с его оценочной формулой! Факты неопровержимо свидетельствовали, что Землю посещали инопланетные корабли, причем неоднократно.

Множество сообщений было зарегистрировано еще до выхода человечества в космос — начиная с семнадцатого века и даже раньше, хотя вряд ли можно считать достоверными сообщения тех времен, когда «наука» означала ссылки на Аристотеля. Первые систематизированные данные появились в 40–50-е годы двадцатого века. Следующий всплеск пришелся на 80-е. Я заметил

некоторую закономерность и начал выписывать даты. Выходило, что странные объекты в небе появлялись в большом количестве примерно с тридцатилетней периодичностью, хотя, возможно, специалист по статистической обработке данных дал бы более точный ответ.

Тема летающих тарелок была напрямую связана с «таинственными исчезновениями», и не только потому, что обе они входили в один и тот же раздел с морскими змеями, кровавыми дождями и прочими необъяснимыми явлениями. Существовало множество подтвержденных документами примеров, когда пилоты, преследовавшие «тарелки», бесследно исчезали — официальные инстанции давали в таких случаях наиболее «простые» объяснения: разбился и не найден.

Мне в голову пришла новая мысль, и я решил проверить, есть ли у таинственных исчезновений тридцатилетний цикл, и если так, не совпадает ли он с циклическим движением какого-нибудь из объектов звездного неба. Уверенности в успехе у меня не было: слишком много данных и мало отклонений, поскольку очень большое число людей исчезает в год по другим причинам. Однако статистический учет велся многие годы, и не все записи погибли во время бомбежек. Я взял на заметку, что надо будет отправить эти данные для профессиональной оценки.

За ночь работы мы с Мэри не обменялись и тремя словами. Затем, потягиваясь, встали. Я одолжил ей мелочь, чтобы опустить в машину и сделать микрокопии тех записей, которые она отметила (и почему женщины никогда не носят с собой мелочь?), и выкупил свои кассеты.

— Ну, и каков приговор? — спросил я.

— Я чувствую себя, как воробей, который построил симпатичное гнездышко в водосточном желобе.

Я процитировал окончание стишка и сказал:

— Видимо, с нами будет то же самое: ничему не научившись, мы опять построим гнездо в желобе.

— Ни за что! Сэм, надо что-то делать! Тут прослеживается четкая закономерность, и на этот раз они хотят остаться.

— Может быть. Я лично думаю, ты права.

— Но что же делать?

— Лапушка, пришло время тебе понять, что в стране слепых даже одноглазому приходится не сладко.

— Не будь циником. Времени нет.

— Верно, нет. Пошли.

До рассвета оставалось совсем немного, и библиотека практически опустела.

— Знаешь что,— сказал я,— давай возьмем бочонок пива, отвезем ко мне в отель и все хорошенько обговорим.

Она покачала головой.

— Только не к тебе.

— Черт! Это же по делу!

— Поехали ко мне домой. Всего две сотни миль. Я приготовлю завтрак.

Я вовремя вспомнил цель своей жизни и улыбнулся.

— Лучшая идея за всю ночь. Но если серьезно: почему не ко мне в отель? Полчаса сэкономим.

— А чем тебе не нравится моя квартира? Я ведь не кусаюсь.

— Жаль. Но все-таки с чего вдруг такая перемена?

— М-м-м... Может быть, я хотела показать тебе медвежьи капканы у моей кровати. А может быть, доказать, что я умею готовить.— На ее щеках появились маленькие ямочки.

Я остановил такси, и мы отправились к ней домой.

Закрыв дверь, она первым делом старательно обследовала квартиру, затем повернулась и сказала:

— Повернись. Хочу пощупать твою спину.

— Никого...

— Повернись!

Я заткнулся, и она простучала костяшками пальцев мои плечи.

— Теперь проверь меня.

— С удовольствием! — Однако я уже понял, к чему все это, и сделал, что положено и как положено. Под платьем не оказалось ничего, кроме хорошенькой девушки и нескольких смертоносных игрушек.

Она повернулась ко мне лицом и облегченно вздохнула.

— Вот поэтому я и не хотела ехать к тебе в отель. Теперь я впервые с тех пор, как увидела эту тварь на спине управляющего станцией, уверена, что мы в безопасности. Квартира полностью герметична. Уходя, я всегда отключаю воздух, и до моего прихода она — как сейф в подвале банка.

— А как насчет вентиляционных отдушин?

— Я не включала систему кондиционирования. На этот раз просто открыла один из запасных баллонов, что стоят на случай налета. Можешь ни о чем не беспокоиться. Что тебе приготовить?

— Может быть, судьба пошлет мне чуть-чуть прожаренный бифштекс?

Судьба оказалась благосклонна. За едой мы смотрели программу новостей, но из Айовы по-прежнему ничего не было.

5

Медвежьи капканы я так и не увидел: Мэри просто заперла дверь в спальню. Спустя три часа она меня разбудила, и мы позавтракали во второй раз. Затем чиркнули сигаретами, и я включил теленовости. Кроме претенденток на звание мисс Америка, там все равно ничего не показывали. В другое время это не оставило бы меня равнодушным, но поскольку никто из них не сутулился, а горб под купальником скрыть просто невозможно, передача не казалась важной.

— И что дальше? — спросил я.

— Нужно систематизировать факты и ткнуть Президента в них носом.

— Как?

— Нужно снова его увидеть.

— Как? — повторил я.

Ответа у нее не было.

— Видимо, у нас есть только один путь: через Старика.

Я попытался связаться с ним, используя оба наших кода, чтобы Мэри тоже участвовала в разговоре, но в ответ услышал:

— Первый заместитель Олдфилд. Выкладывайте.

— Мне нужен Старик.

Короткая пауза, затем:

— По личному делу или по служебному?

— Пожалуй, по личному.

— По личным вопросам я вас соединять не стану, а все служебные можете решать со мной.

Очень хотелось сказать, что я о нем думаю, но я сдержался и просто дал отбой. Потом набрал еще один код, специальный код Старика — этим сигналом его из могилы поднять можно, но не дай бог кому-то из агентов воспользоваться кодом без важного повода.

Старик ответил очередью ругательств.

— Босс,— перебил я его,— это насчет Айовы...

Он сразу утихомирился.

— Да?

— Мы с Мэри накопали за ночь кое-какие данные, и хотим все это обсудить.

Вновь ругательства. Он распорядился передать данные в аналитический отдел и добавил, что при следующей встрече оторвет мне уши.

— Босс! — повысил голос я.

— А?

— Если вы хотите все бросить, мы готовы сделать то же самое. Мы с Мэри можем подать в отставку прямо сейчас. Я это вполне серьезно.

Мэри вскинула брови, но промолчала. Старик тоже долго молчал и наконец выдавил усталым голосом:

— Отель «Палмглейд» на севере Майами-Бич.

— Едем.

Я заказал такси, и мы поднялись на крышу. Следуя моим указаниям, водитель сделал крюк над океаном, чтобы не терять время в густых транспортных потоках над Каролиной, так что добрались мы довольно быстро.

Старик лежал с мрачным выражением лица и, пока мы докладывали, задумчиво просеивал песок между пальцами. Я даже прихватил с собой «ящик», чтобы он мог просмотреть запись.

Когда мы дошли до тридцатилетнего цикла, Старик вскинул взгляд, но промолчал и, лишь когда я упомянул возможную корреляцию с цикличностью исчезновений, связался с Отделом.

— Дайте мне аналитическую службу... Питер? Привет. Мне нужен график необъяснимых исчезновений, начиная с 1800 года... А? Сгладишь известные факторы и отбросишь стабильный уровень. Мне нужны скачки и спады... Когда? Два часа назад. Чего ты еще ждешь?

Он поднялся на ноги, позволив мне вручить ему трость, и сказал:

— Ладно, пора обратно.

— В Белый дом? — с надеждой спросила Мэри.

— Что? Когда ты подрастешь? У вас нет ничего такого, что могло бы убедить Президента.

— А... а что же тогда?

— Не знаю. И если ничего в голову не приходит, лучше пока помолчи.

У Старика была машина, и на обратном пути мне пришлось вести. Передав управление автопилоту, я сказал:

— Босс, кажется, я придумал, что может убедить Президента.

Старик фыркнул, но приготовился слушать.

— План такой: послать двух агентов в Айову, скажем, меня и еще кого-то. Второй агент будет постоянно снимать меня телекамерой. Ваша задача — заставить Президента смотреть.

— А предположим, ничего не случится?

— Ну, уж я позабочусь, чтобы случилось. Отправлюсь прямо к месту посадки, прорвусь. У вас будут снимки настоящего корабля, с близкого расстояния, и их увидят прямо в Белом доме. А затем я отправлюсь в контору к Барнсу и займусь этой сутулой компанией. Буду сдирать рубашки прямо перед камерой. Никаких там нежностей — срывать и разоблачать.

— Ты понимаешь, что шансов у тебя не больше, чем у мыши на кошачьем съезде?

— Думаю, это не так. Ничего сверхчеловеческого в них нет. Спорить готов, они могут ровно столько, сколько может тело

человека, попавшего под их власть. Я не собираюсь в мученики, но так или иначе снимки добуду.

— Х-м-м...

— Неплохой план,— вставила Мэри.— Я буду вторым агентом. Я умею...

Мы со Стариком одновременно сказали «нет», и я сразу же покраснел: не моя прерогатива. Мэри предложила:

— Я хотела сказать, что это вполне логичный выбор, поскольку я обладаю... э-э-э... даром выявлять мужчин, которых оседлали паразиты.

— Нет,— повторил Старик.— Там, куда он собрался, они все с паразитами. Во всяком случае, я буду так считать, пока не получу доказательств обратного. И потом, я приготовил для тебя другое задание.

Мэри следовало бы промолчать, но она спросила:

— Какое? Что может быть важнее?

— Другая работа тоже важна,— сказал Старик спокойно.— Я назначаю тебя телохранителем Президента.

— О! — Она на секунду задумалась.— Однако, босс... я не уверена, что сумею выявить женщину с паразитом. У меня... э-э-э... другая специализация.

— Что ж, значит, мы уберем оттуда всех секретарш. И Мэри... тебе придется следить за самим Президентом тоже.

Снова короткая пауза.

— Но предположим, я обнаружу, что каким-то образом ему все-таки подсадили паразита?

— Тогда ты сделаешь, что необходимо, место президента займет вице-президент, а тебя расстреляют за измену. Однако вернемся к первому плану. Мы пошлем Джарвиса с камерой и добавим Дэвидсона, чтобы держал его под прицелом. Пока Джарвис будет снимать тебя, Дэвидсон будет следить за ним, а ты, если удастся, не забывай поглядывать на Дэвидсона.

— Значит, думаете, это нам удастся?

— Нет, в общем-то, но любой план лучше, чем никакого. И может быть, это их немного расшевелит.

* * *

Мы — Джарвис, Дэвидсон и я — отправились в Айову, а Старик тем временем поехал в Вашингтон. Перед самым отъездом Мэри отвела меня в сторону, затем притянула за уши, крепко поцеловала и сказала:

— Обязательно возвращайся, Сэм.

Я расчувствовался, как пятнадцатилетний мальчишка.

Дэвидсон приземлил машину сразу за рухнувшим мостом, что мы обнаружили в первую поездку. Я указывал, куда ехать, пользуясь картой, где было отмечено настоящее место посадки космического корабля. В качестве отправной точки мост подходил идеально. За две десятых мили к востоку мы свернули с дороги и двинулись к цели напрямик через кустарник.

Вернее сказать, в направлении цели. Впереди раскинулась огромная выгоревшая поляна, и мы решили пройтись пешком. Место, указанное на снимке с орбиты, располагалось как раз в центре пожарища, но никакой летающей тарелки там не было. А чтобы доказать, что она тут приземлялась, понадобился бы, наверное, специалист получше меня. Пожар уничтожил все следы.

Джарвис старательно заснял поляну, но я уже понял, что слизняки в очередной раз нас обставили. По дороге к машине нам встретился престарелый фермер. Мы, как было условлено, держались настороже.

— Ничего себе пожарчик,— заметил я, заходя сбоку.

— Да уж,— сокрушенно ответил он.— Две мои лучшие дойные коровы сгорели, беда прямо. А вы из газеты?

— Да,— согласился я,— но, похоже, мы приехали впустую.

Мне очень не хватало Мэри. Я не знал, что и думать: может, конечно, этот тип всегда сутулится... Но если Старик прав насчет корабля — а он должен быть прав,— то этот, с виду деревенский простофиля, знает о нем, и, следовательно, покрывает пришельцев. А значит, у него на спине — паразит.

Я решил, что должен попытаться. Поймать живого паразита и заснять его для Белого дома было гораздо проще в лесу, чем где-нибудь в людном месте. Я бросил взгляд на своих товарищей: они ждали моего сигнала; Джарвис снимал непрерывно.

Когда фермер повернулся, я сбил его с ног, упал сверху и вцепился в рубашку. Джарвис подскочил ближе и приготовился снимать крупным планом. Фермер не успел и охнуть, а я уже задрал на нем рубашку.

На спине ничего не было — ни паразита, ни каких-либо следов. И в других местах тоже: мы проверили.

Я помог ему подняться, отряхнул одежду — он весь перепачкался в пепле — и пробормотал:

— Виноват, прошу прощения...

Фермер трясся от злости.

— Чтоб тебе пусто было, ты... ты...— Видимо, он даже не мог сходу подобрать для меня достаточно сильных выражений, только губы дрожали.— Я на вас в полицию пожалуюсь! А будь мне лет на двадцать поменьше, так я бы и сам всех троих отделал!

— Извини, отец, ошибка вышла.

— Ошибка! — В лице его что-то вдруг изменилось, и я подумал, что он вот-вот заплачет.— Возвращаюсь из Омахи, а тут дом сгорел, половины стада нет, да еще и зять куда-то запропастился. Выхожу посмотреть, что за чужаки тут ходят по моей земле, а меня только что на куски не рвут. Ничего себе ошибка! И куда мир катится?!

Наверно, я мог бы ему объяснить, куда, но не стал. Хотел предложить ему денег, чтобы как-то загладить вину, но он ударил меня по руке, и деньги полетели на землю. Поджав хвосты, мы убрались.

Уже на дороге Дэвидсон спросил:

— Ты уверен, что все идет как надо?

— Положим, я могу ошибиться,— сердито ответил я,— но ты когда-нибудь слышал, чтобы ошибался Старик?

— М-м-м... нет. Куда теперь?

— В студию стереовещания. Там-то уж точно ошибки не будет.

Служащий заставы у въезда в Де-Мойн мешкал и не поднимал барьер. Он проверил по своей записной книжке, взглянул на наши номерные пластины и сказал:

— Шериф сообщил, что эта машина в розыске. Давайте направо.

— Направо, так направо,— не стал спорить я, дал футов тридцать назад и выжал газ на полную. Машины у нас в Отделе и особо крепкие, и особо мощные — что оказалось весьма кстати: барьер тоже был сделан на совесть. Миновав заставу, я даже не притормозил.

— Уже интересно,— произнес Дэвидсон несколько удивленно.— Ты по-прежнему уверен, что все идет, как надо?

— Хватит трепаться,— прикрикнул я.— И запомните, вы, оба: скорее всего, мы оттуда не выберемся. Но мы обязаны заснять и передать все, что произойдет.

— Как скажешь, босс.

Если нас кто и преследовал, то я гнал так быстро, что все преследователи остались позади. Перед входом в студию машина резко затормозила, мы выскочили и бросились вперед. Тут уже не до мягких методов дядюшки Чарли. Мы просто влетели в лифт, я нажал кнопку этажа, где размещался кабинет Барнса, мы поднялись и оставили лифт открытым. Секретарша в приемной попыталась нас остановить, но мы, не обращая на нее внимания, двинулись дальше. Девушки за другими столами оторвались от работы и уставились на нас. Я подошел к двери Барнса и дернул за ручку. Заперто. Я повернулся к его секретарше.

— Где Барнс?

— Простите, как мне доложить? — Бесстрастно и вежливо.

Я скользнул взглядом по ее плечам. Так и есть, горб. Боже, подумал я, ну уж теперь-то наверняка. Она была здесь, когда я убил Барнса.

И перегнувшись через стол я задрал ее кофточку.

Точно! Я не мог ошибиться. Уже во второй раз я смотрел на живого паразита.

Она сопротивлялась, царапалась и даже пыталась меня укусить. Я ударил ее по шее, едва не вмазавшись в слизняка, и она обмякла. Затем я ткнул ее тремя пальцами в живот, развернул и заорал:

— Джарвис! Крупный план!

Этот идиот копался с камерой, повернувшись ко мне своим толстым задом, затем выпрямился и сказал:

— Все. Накрылась.

— Чини! Быстро!

В дальнем конце приемной поднялась стенографистка и выстрелила в камеру. Попала, но Дэвидсон тут же срезал ее своим лучом. И словно по сигналу, сразу шесть человек бросились на него. Оружия у них, похоже, не было, и они просто навалились на него все вместе.

Я все еще держал секретаршу и стрелял из-за стола. Уловив краем глаза какое-то движение, повернулся и обнаружил в дверях кабинета Барнса — «Барнса номер два». Я выстрелил ему в грудь, чтобы наверняка зацепить паразита, который, без сомнения, сидел у него на спине.

Дэвидсон стоял уже на ногах, а к нему ползла одна из машинисток, похоже, раненая. Он выстрелил ей в лицо, и девушка рухнула на пол. Следующий разряд полыхнул у меня чуть ли не над самым ухом.

— Спасибо! — крикнул я.— Сматываемся. Джарвис, быстрее!

Лифт по-прежнему стоял открытый, и мы вбежали в кабину. Я тащил на руках секретаршу Барнса. Дверь захлопнулась, и мы поехали вниз. Дэвидсон дрожал, Джарвис стоял весь бледный.

— Спокойно. Вы стреляли не в людей. В тварей вроде этой,— сказал я, приподнял секретаршу и взглянул ей на спину.

Тут мне чуть плохо не стало. Образец, который я хотел доставить живьем, исчез. Соскользнул на пол, видимо, и в суматохе куда-то утек, спрятался.

— Джарвис, ты хоть что-нибудь снял?

Тот покачал головой.

Там, где раньше сидел паразит, вся спина у девушки была покрыта сыпью — словно множество крошечных булавочных уколов. Я опустил ее на пол. Она еще не пришла в себя, и мы оставили ее в кабине лифта. В холле было все спокойно, и по пути на улицу никто не пытался нас остановить.

У машины стоял полицейский и выписывал извещение на штраф.

— Здесь стоянка запрещена, приятель,— сказал он, вручая мне бумажку.

— Извините,— ответил я, расписался в квитанции и рванул прочь. Затем выбрал место, где поменьше транспорта, и взлетел прямо с городской улицы, успев подумать, что за это полицейский выпишет мне, наверно, еще один штраф. Набрав высоту, мы сменили номерные знаки и идентификационный код. Старик все просчитывает заранее.

Однако на этот раз он, похоже, считал, что я провалил операцию. Я попытался доложить о результатах еще на обратном пути, но он меня перебил и приказал возвращаться в Отдел. Когда мы явились, Мэри была с ним. Старик выслушал отчет, лишь изредка прерывая его недовольным ворчанием.

— Сколько вы видели? — спросил я под конец.

— Передача оборвалась, когда вы сбили барьер,— сказал он.— И то, что было передано, не произвело на Президента никакого впечатления.

— Видимо, да.

— Он велел тебя уволить.

Я весь напрягся.

— Я могу и сам...

— Помолчи! — прикрикнул Старик.— Я ему сказал, что он может уволить меня, а со своими подчиненными я буду разбираться сам. Ты, конечно, балбес, но сейчас ты мне нужен.

— Спасибо.

Мэри все это время бродила по кабинету. Я попытался поймать ее взгляд, но ничего не получалось. Затем она остановилась за спиной Джарвиса и подала Старику такой же знак, как в кабинете у Барнса.

Я двинул Джарвиса рукояткой лучемета по голове, и он обмяк в кресле.

— Назад, Дэвидсон! — рявкнул Старик, направив ему в грудь пистолет.— Как насчет него, Мэри?

— С ним все в порядке.

— А он?

— Сэм чист.

Старик ощупывал нас взглядом, и я, признаться, никогда еще не чувствовал себя так близко к смерти.

— Задрать рубашки! — приказал он с мрачным видом.

Мы подчинились, и Мэри оказалась права. Я начал сомневаться, пойму ли я сам, что произошло, когда у меня на спине окажется паразит.

— Теперь он! — приказал Старик.— Перчатки!

Мы растянули Джарвиса на животе и осторожно срезали на спине одежду. Все-таки нам удалось заполучить живой образец.

6

Меня чуть не стошнило. От одной только мысли, что эта тварь ехала со мной в машине от самой Айовы. Я, вообще-то, не брезглив, но тот, кто видел паразита и знает, что это такое, меня поймет.

Справившись с тошнотой, я сказал:

— Давайте сгоним его. Может быть, мы еще спасем Джарвиса.

Хотя на самом деле я так не думал. Почему-то мне казалось, что человек, на котором прокатилась такая тварь, уже потерян для нас навсегда.

Старик жестом отогнал нас в сторону.

— Забудьте о Джарвисе.

— Но...

— Хватит! Если его вообще можно спасти, то несколько минут погоду не сделают. В любом случае...— Он умолк. Я тоже промолчал, поскольку и так знал, что Старик имеет в виду: когда речь идет о безопасности Соединенных Штатов, жизнь сотрудника Отдела ничего не стоит.

С пистолетом наизготовку Старик ждал, наблюдая за тварью на спине Джарвиса. Затем сказал Мэри:

— Свяжись с Президентом. Особый код — три ноля семь.

Мэри прошла к его столу. Я слышал, как она говорит что-то в глушитель, но не очень прислушивался, пристально разглядывая паразита. Тот не шевелился и не пытался уползти.

Мэри оторвалась от аппарата и доложила:

— Я не могу связаться с ним, сэр. На экране один из его помощников, мистер Макдоно.

Старик поморщился. Этот Макдоно, весьма неглупый и приятный в общении человек, с тех пор как начал работать в Белом доме, прославился своим упрямством и несговорчивостью. Президент частенько использовал его в качестве буфера.

Нет, в настоящее время с Президентом связаться нельзя. Нет, и передать сообщение тоже. Нет, мистер Макдоно не превышает свои полномочия. Старик не входит в список исключений, если таковой вообще существует. Да, мистер Макдоно, безусловно, готов организовать встречу. Как насчет следующей пятницы? Что? Сегодня? Исключено. Завтра? Невозможно.

Старик отключил аппарат. Вид у него был такой, словно его хватил удар. Затем он дважды глубоко вздохнул, чуть посветлел лицом и сказал:

— Дэйв, пригласи сюда доктора Грейвса. Остальные, отойдите подальше.

Грейвс взглянул на спину Джарвиса, пробормотал: «Интересно», и опустился рядом на одно колено.

— Назад!

Грейвс вскинул взгляд.

— Но должен же я...

— Молчать и слушать! Да, ты должен обследовать это существо. Но, во-первых, мне нужно, чтобы оно оставалось в живых. Во-вторых, ты должен позаботиться, чтобы оно не сбежало. И в-третьих, твоя задача — это собственная безопасность.

— Я его не боюсь. Я...

— Бойся! Это приказ.

— Я хотел сказать, что мне нужно подготовить что-то вроде инкубатора, куда мы поместим существо после того, как снимем с носителя. Очевидно, ему необходим кислород — но не в чистом виде: похоже, оно получает кислород через носителя. Может быть, тут подойдет большая собака.

— Нет! — резко возразил Старик.— Оставь все как есть.

— Э-э-э... Этот человек доброволец?

Старик промолчал, а Грейвс продолжал:

— В подобных опытах могут использоваться только добровольцы. Это вопрос профессиональной этики...

Похоже, ученых парней просто невозможно приучить к порядку.

— Доктор Грейвс,— тихо сказал Старик,— каждый агент в нашей организации добровольно делает все, что я сочту необходимым. Будьте добры исполнять мои распоряжения. Принесите носилки. И действуйте предельно осторожно.

Когда Джарвиса унесли, мы с Дэвидсоном и Мэри отправились в бар выпить, что было совсем не лишнее. Дэвидсона буквально трясло, и, когда первая рюмка не помогла, я попытался успокоить его сам.

— Послушай, Дэйв, мне тоже не по себе от того, что нам пришлось сделать. Эти девушки... Но другого выхода у нас не было. Пойми же, наконец.

— Паршиво все вышло? — спросила Мэри.

— Ужасно. Я не знаю, скольких мы убили. Не было времени осторожничать. Но мы стреляли не в людей; это паразиты, захватчики.— Я повернулся к Дэвидсону.— Хоть это ты понимаешь?

— В том-то и дело. Они и в самом деле уже не люди... Если бы дело требовало, я бы, наверно, смог... наверно, смог бы даже своего брата застрелить. Но они просто не люди. Ты стреляешь, а они ползут. Они...— Дэвидсон смолк.

Меня переполняла жалость. Спустя какое-то время он ушел. Мы с Мэри продолжали говорить, пытаясь придумать, что делать дальше, но все безуспешно. Потом она сказала, что хочет спать и отправилась в женскую палату. В тот вечер Старик приказал всем сотрудникам ночевать на базе, так что и мне не оставалось ничего другого. Я прошел на мужскую половину и залез в свой спальный мешок.

Разбудил меня сигнал тревоги. Сирена еще не смолкла, а я уже оделся, и тут динамики системы оповещения взревели голосом Старика: «Радиационная и газовая тревога! Закрыть все входы и выходы! Всем собраться в конференц-зале! Немедленно!»

Поскольку я выполнял оперативную работу, никаких обязанностей на базе у меня не было, и я направился прямиком в штаб. Старик, мрачный, как тень, собирал всех в зале. Я хотел спросить, что случилось, но полтора десятка других агентов, клерков,

стенографисток и прочих оказались там раньше меня. Спустя какое-то время Старик отправил меня к охраннику у входа узнать, сколько людей находится на базе. Затем провел перекличку и стало ясно, что все, от старой мисс Хайнс, секретарши Старика, до официанта из бара, собрались в зале. Все, кроме дежурного охранника и Джарвиса. Тут ошибок быть не должно: за теми, кто входит и выходит, у нас следят четче, чем в банке за деньгами.

После переклички меня отправили за охранником. Но, чтобы убедить его оставить пост, пришлось связаться оттуда по телефону с самим Стариком. Лишь после этого он запер дверь и отправился со мной. Когда мы вернулись, Джарвиса тоже уже привели в зал. Рядом с ним стояли доктор Грейвс и еще один человек из лаборатории. Джарвис был в больничном халате, явно в сознании, но, видимо, под действием какого-то препарата.

Я начал догадываться, в чем дело. Старик повернулся к собравшимся и, держась на расстоянии, извлек пистолет.

— Один из паразитов-захватчиков находится среди нас,— начал он.— Для кого-то из вас этим все сказано. Остальным же я объясню, поскольку от полного взаимодействия и беспрекословного повиновения каждого зависит наша безопасность и безопасность всего человечества.

Он кратко, но ужасающе точно обрисовал ситуацию и закончил следующими словами:

— В общем, паразит почти наверняка находится в этой комнате. Один из нас выглядит как человек, но на самом деле — автомат, подвластный воле опаснейшего врага.

В зале послышалось бормотание. Люди украдкой переглядывались, некоторые пытались встать подальше от других. Секунду назад мы были одной командой, теперь же в зале оказалась толпа, где каждый подозревал всех остальных. Я и сам вдруг обнаружил, что невольно отодвигаюсь от стоящего рядом человека, хотя знал бармена Рональда не один год.

Грейвс прочистил горло.

— Шеф, я предпринял все необходимые меры...

— Помолчи. Выведи Джарвиса вперед. Сними с него халат.

Грейвс умолк, и они с помощником сделали, как приказано. Джарвис почти не реагировал на происходящее. Видимо, Грейвс и в самом деле накачал его транквилизаторами.

— Поверните его,— распорядился Старик.

Джарвис не сопротивлялся. На плечах и на шее у него остался след паразита — мелкая красная сыпь.

— Теперь вы видите, где он сидел.

Когда Джарвиса раздели, люди зашептались, и кто-то из девушек смущенно захихикал. Теперь же в зале воцарилось гробовое молчание.

— А сейчас мы будем ловить этого слизняка! — произнес Старик.— Более того, он нам нужен живьем. Вы все видели, где паразит седлает человека. Предупреждаю: если кто-то его спалит, я сам пристрелю виновного. Если придется стрелять, чтобы поймать носителя, то только по ногам. Сюда! — С этими словами Старик направил лучемет на меня.

На полпути от толпы до него он велел остановиться.

— Грейвс! Посади Джарвиса у меня за спиной. Нет! Халат оставь на месте.— Затем снова ко мне: — Оружие на пол!

Ствол его лучемета смотрел прямо мне в живот. Я медленно достал свой и отпихнул его ногой метра на два в сторону.

— Раздеться!

Приказ, мягко говоря, не самый привычный, но лучемет помог мне избавиться от смущения. Хотя, конечно, когда раздеваешься догола на глазах у людей, девичье хихиканье из толпы совсем не повышает настроения. Одна из девушек прошептала: «Неплохо», другой голос ответил: «А по-моему, слишком костляв». Я покраснел.

Оглядев меня с ног до головы, Старик приказал поднять с пола пистолет.

— Прикроешь меня. И следи за дверью. Теперь ты! Дотти-забыл-фамилию. Твоя очередь.

Дотти работала в канцелярии. Оружия у нее, разумеется, не было, но в тот день она пришла в длинном, до пола, платье. Дотти сделала шаг вперед, остановилась и замерла.

Старик повел лучеметом.

— Давай, раздевайся!

— Вы что, всерьез? — недоуменно спросила она.

— *Быстро!*

Дотти чуть не подпрыгнула на месте.

— Вовсе не обязательно на меня орать.— Она закусила губу, расстегнула пряжку на поясе и упрямым тоном добавила: — Я думаю, мне за это полагаются премиальные.— Затем швырнула платье в сторону.

— К стене! — Старик злился.— Теперь Ренфрю!

После испытания, выпавшего на мою долю, мужчины действовали быстро и деловито, хотя некоторые все же стеснялись. Что касается женщин, то кое-кто хихикал, кое-кто краснел, но никто особенно не возражал. Спустя двадцать минут почти все в зале разделись. Я в жизни не видел столько квадратных ярдов «гусиной кожи», а разложенного на полу оружия хватило бы на целый арсенал.

Когда дошла очередь до Мэри, она быстро, без ужимок, разделась, но, даже оставшись в чем мать родила, держалась спокойно и с достоинством. Ее вклад в «арсенал» оказался гораздо больше, чем у любого из нас. Я решил, что она просто влюблена в оружие.

В конце концов все, кроме самого Старика и его старой девы-секретарши, разделись, но паразита ни на ком не было. Я думаю, Старик немного побаивался мисс Хайнс. С недовольным видом он потыкал тростью гору одежды, затем поднял взгляд на свою секретаршу.

— Теперь вы, мисс Хайнс, пожалуйста.

Ну, подумал я, здесь без применения силы не обойдешься.

Мисс Хайнс стояла неподвижно и глядела Старику прямо в глаза — этакая статуя, символизирующая оскорбленное достоинство.

Я шагнул ближе и процедил:

— А как насчет вас, босс? Раздевайтесь.

Он бросил на меня удивленный взгляд.

— Я серьезно,— добавил я.— Теперь вас только двое. Паразит у кого-то из вас. Скидывайте шмотки.

Когда надо, Старик способен подчиниться неизбежному.

— Разденьте ее,— буркнул он и с мрачным видом принялся расстегивать молнию на брюках.

Я сказал Мэри, чтобы взяла двух женщин и раздела мисс Хайнс. Старик уже спустил брюки до колен, и тут мисс Хайнс рванула к выходу.

Между нами стоял Старик, и я не мог стрелять из опасения попасть в него, а все остальные агенты в зале оказались без оружия. Видимо, это не случайно: Старик опасался, что кто-нибудь из них не сдержится и выстрелит, а слизняк нужен был ему живым.

Когда я бросился за мисс Хайнс, она уже выскочила за дверь и понеслась по коридору. Там я, конечно, мог бы в нее попасть, но тут просто не сработала реакция. Во-первых, эмоции так быстро не переключишь: ведь это по-прежнему была старая добрая Леди Хайнс, секретарша босса, та самая, что не раз отчитывала меня за грамматические ошибки в отчетах. А во-вторых, если у нее на спине сидел паразит, он нужен был нам живым, и я не хотел рисковать.

Она нырнула в какую-то дверь, и я снова промедлил — просто в силу привычки, поскольку дверь вела в женский туалет.

Впрочем, это задержало меня лишь на мгновение. Я рывком распахнул дверь, с оружием наизготовку влетел внутрь... И меня тут же двинули над правым ухом чем-то тяжелым.

О следующих нескольких секундах у меня нет ясных воспоминаний. Видимо, я на какое-то время потерял сознание. Помню борьбу и крики: «Осторожней!», «Черт! Она меня укусила!», «Руки не суй!». Затем кто-то уже спокойно: «За ноги и за руки, только осторожно». Кто-то еще спросил: «А с ним что?», и в ответ послышалось: «Позже. Он просто потерял сознание».

Когда мисс Хайнс унесли, я еще не полностью пришел в себя, но уже чувствовал, как возвращаются силы. Сел, осознавая, что нужно срочно сделать что-то важное. Затем, шатаясь, встал и направился к двери. Осторожно выглянул — там никого не было — и бросился по коридору прочь от конференц-зала.

Очутившись во внешнем проходе, я вдруг понял, что не одет, и метнулся в мужскую палату. Схватил чью-то одежду и напялил

на себя. Ботинки оказались малы, но в тот момент это не имело значения.

Я снова бросился к выходу, нашел выключатель, и дверь распахнулась.

Мне уже казалось, что моего побега никто не заметит, но, когда я был в дверях, кто-то крикнул мне вслед: «Сэм!». Я выскочил за порог и оказался перед шестью дверьми, бросился в одну из них, за ней были еще три. К катакомбам, что мы называем базой, ведет целая сеть туннелей, похожих на переплетенные спагетти. В конце концов я вынырнул на одной из станций метро, в киоске, где торговали фруктами и дешевыми книжками, кивнул хозяину, вышел из-за прилавка и смешался с толпой.

Затем сел на реактивный экспресс, идущий на север, но на первой же остановке сошел. Перебрался на платформу, откуда отправлялся экспресс в обратном направлении, и встал у кассы, выбирая, у кого из этих раззяв будет бумажник потолще. Выбрал какого-то типа, сел на его поезд, потом сошел на одной с ним остановке и в первом же темном переулке двинул ему по затылку. Теперь у меня появились деньги, и я был готов действовать. Я не понимал, для чего мне деньги, но знал, что для следующего этапа они нужны.

7

В глазах у меня немного двоилось, словно я смотрел на мир сквозь подернутую рябью воду, но при этом я не испытывал ни удивления, ни любопытства. Просто двигался, как лунатик, без единой мысли о том, что собираюсь делать, хотя на самом деле не спал и понимал, кто я, где я и с кем работал в Отделе. Но даже не зная дальнейших своих планов, я всегда осознавал, что делаю в данный момент, и нисколько не сомневался, что эти действия необходимы.

По большей части, я не испытывал никаких эмоций, разве что удовлетворение от работы, которую нужно сделать. Но это на сознательном уровне. Где-то глубоко-глубоко в душе я мучи-

тельно переживал свое несчастье, мне было страшно, меня терзало чувство вины, однако все это глубоко, далеко, где-то в заваленном, запертом уголке души. Я едва осознавал, что во мне сохранились эти чувства, и никакого влияния они на меня не оказывали.

Я знал, что меня видели, когда я уходил с базы. «Сэм!» — это кричали мне. Под таким именем меня знали только двое, но Старик воспользовался бы настоящим. Значит, меня видела Мэри. Хорошо, думал я, что она показала мне, где живет. К ее следующему появлению нужно будет подготовить там ловушку. А до того я должен делать свое дело и следить, чтобы меня не поймали.

Используя все свое умение скрываться от преследования, я двигался через район складов. Вскоре показалось подходящее здание. На табличке у входа значилось: *«Сдается верхний этаж. Обращаться к агенту по аренде на первом этаже»*. Я осмотрел склад, запомнил адрес и быстро вернулся назад на два квартала, к почтовому отделению «Вестерн Юнион», а оттуда с первого же свободного аппарата отправил сообщение: *«Высылайте два контейнера малышей. Переговоры закончены. Скидка та же. Грузополучатель Джоел Фриман»*. Добавил адрес склада, и сообщение ушло в агентство «Роско и Диллард», Де-Мойн, штат Айова.

Светящаяся вывеска ресторана быстрого обслуживания на улице напомнила мне, что я голоден, но ощущение сразу же угасло, и больше я об этом не вспоминал. Вернувшись на склад, я выбрал в дальнем конце первого этажа угол потемнее и устроился там, ожидая, когда откроется контора.

Смутно помню, что до самого утра меня мучил повторяющийся кошмарный сон, где что-то давило на меня и сжимало со всех сторон.

В девять появился агент по аренде, и я снял верхний этаж, заплатив сверху за то, чтобы он предоставил мне помещение немедленно. Затем поднялся, отпер склад и стал ждать.

Примерно в десять тридцать прибыли мои контейнеры. Когда люди из службы доставки ушли, я вскрыл контейнер, достал одну ячейку, прогрел и подготовил. После этого снова отыскал агента.

— Мистер Гринберг, не могли бы вы подняться на минутку ко мне? Я хотел показать, где мне нужно изменить освещение.

Он поворчал, но согласился. Я закрыл за ним дверь и подвел к открытому контейнеру.

— Вот здесь. Вы наклонитесь и сразу увидите, что я имею в виду. Мне бы нужно...

Едва он наклонился, я сжал его крепким захватом, задрал пиджак и рубашку, свободной рукой перенес наездника из ячейки ему на спину и подержал еще немного, чтобы он успокоился. Затем отпустил, заправил рубашку и отряхнул пыль с пиджака. Когда он пришел в себя, я спросил:

— Какие новости из Де-Мойна?

— Что тебя интересует? Ты долго был без контакта?

Я начал объяснять, но он меня перебил:

— Давай не будем тратить время и переговорим напрямую.

Гринберг задрал рубашку, я сделал то же самое, и мы уселись на закрытом контейнере спиной к спине, чтобы наши хозяева могли соприкоснуться. В мыслях у меня осталась пустота, и я даже не знаю, как долго продолжался их разговор. Помню только, я неотрывно смотрел на муху, вьющуюся у облепленной пылью паутины.

Следующей нашей добычей стал управляющий зданием. Им оказался здоровенный швед, и мы едва справились с ним вдвоем. После этого мистер Гринберг позвонил хозяину и настоял, чтобы тот приехал и сам осмотрел кое-какие дефекты складского помещения — я уж не знаю, что именно он ему говорил, потому что в это время мы с управляющим открывали и прогревали новые ячейки.

Владелец здания оказался важной птицей, и все мы, включая и меня, почувствовали удовлетворение. Он принадлежал к престижному Конституционному клубу, а список его членов читается как «Кто есть кто в финансах, правительстве и промышленности».

Близился полдень, время было дорого. Управляющий отправился купить для меня одежду и саквояж, а заодно отправил шофера владельца склада к нам наверх. В двенадцать тридцать мы с владельцем отбыли на его машине в город. В саквояже рядом со мной покоились двенадцать наездников в ячейках, уже готовые.

В книге посетителей владелец склада записал: «*Дж. Хардвик Поттер с гостем*». Слуга хотел забрать у меня саквояж, но я сказал ему, что мне необходимо поменять перед ленчем сорочку. Мы копошились перед зеркалом в туалетной комнате, пока там не осталось никого, кроме служителя, а затем «завербовали» его и отправили сообщить менеджеру клуба, что одному из гостей стало плохо.

Став нашим, менеджер принес еще один белый халат, и я превратился в нового служителя туалетной комнаты. У меня оставалось только десять наездников, но контейнеры должны были в скорости доставить со склада прямо в клуб. Вместе с первым служителем мы использовали все десять еще до того, как наплыв членов клуба, прибывающих на ленч, пошел на убыль. Один из гостей вошел в туалет не вовремя, и мне пришлось его убить. Труп мы запихали в шкаф для швабр. После этого наступило затишье, поскольку контейнеры все еще не привезли. У меня начались было голодные спазмы, но вскоре боль ослабла, хотя и не пропала совсем. Я сообщил об этом менеджеру, и он велел принести для меня ленч в свой кабинет. Контейнеры прибыли как раз, когда я заканчивал.

Посетителей стало теперь меньше, и мы шаг за шагом захватывали клуб, а к четырем после полудня уже все — члены клуба, их гости и обслуживающий персонал — были с нами. После чего мы начали обрабатывать вновь прибывших прямо в фойе, куда их впускал швейцар. Ближе к концу дня менеджер позвонил в Де-Мойн, чтобы прислали еще контейнеры. И в тот же вечер мы заполучили крупную добычу, можно сказать, приз — заместителя министра финансов. Настоящая победа, ибо Министерство финансов США, помимо всего прочего, отвечает и за безопасность Президента.

8

Захват одной из ключевых фигур администрации я воспринял с каким-то отвлеченным удовлетворением и больше об этом не думал. Мы — я имею в виду людей-рекрутов — почти совсем не думали, мы лишь знали, что надлежит сделать, но понимали

это уже в действии — как вышколенная лошадь, которая получает команду, выполняет и всегда готова к следующему распоряжению седока.

Неплохое сравнение, но все же не полное. Повелители-наездники получали в свое распоряжение не только разум, но и память, и жизненный опыт каждого из нас. Мы же и общались за них друг с другом, иногда понимая, о чем речь, иногда нет. Разговорное общение шло через нас, слуг, но мы никак не участвовали в более важных, прямых контактах непосредственно между хозяевами. Во время таких совещаний мы просто сидели и тихо ждали, пока наши повелители не наговорятся, затем заправляли одежду и делали, что приказано.

К словам, что слетали с моих губ по воле хозяина, я имел отношения не больше, чем, скажем, телефон, говорящий чьим-то голосом. Аппарат связи, и только. Как-то спустя несколько дней после того, как меня «завербовали», мне случилось передавать менеджеру клуба инструкции о поставках ячеек с наездниками. При этом я краешком сознания уловил, что приземлились еще три корабля, но в памяти остался лишь один адрес в Нью-Орлеане.

Однако я совсем об этом не думал, просто продолжал свою работу «помощника мистера Поттера по особым поручениям», проводя целые дни — а иногда и ночи — в его кабинете. Возможно даже, что мы поменялись ролями: я нередко отдавал устные распоряжения и самому Поттеру. Хотя не исключено, что и сейчас я понимаю общественные взаимоотношения паразитов не лучше, чем тогда.

Я знал — и так же знал мой хозяин,— что мне опасно показываться на улицах. Собственно, он знал столько же, сколько и я. Через меня ему стало известно, что Старик знает о моей «вербовке» и не оставит поисков до тех пор, пока меня не поймают или не убьют.

Странно, что мой хозяин не подыскал себе нового носителя и попросту не убил меня: «рекрутов» у нас было куда больше, чем наездников. Причем они не испытывали ничего похожего на человеческую щепетильность. Повелители-наездники, только-только извлеченные из транзитных ячеек, часто наносили своим но-

сителям увечья; мы всегда уничтожали таких носителей и подбирали новых. С другой стороны, станет ли опытный ковбой менять вышколенную рабочую лошадь на новую, еще не объезженную? Возможно, только поэтому меня прятали, и я остался жив.

Спустя какое-то время город оказался в наших руках, и мой хозяин начал выводить меня на улицу. Я не хочу сказать, что у каждого появился горб, нет. Людей было слишком много, а хозяев слишком мало. Но все ключевые позиции в городе занимали теперь наши «рекруты» — от полисмена на углу до мэра и начальника полицейского управления, не говоря уже о мелких городских начальниках, священниках, членах советов директоров крупных кампаний и значительной части руководства связи и средств массовой информации. Большинство населения продолжало жить обычной жизнью, не только не обеспокоенное этим «маскарадом», но и ничего о нем не подозревающее.

Разумеется, до тех пор, пока кто-то из них не оказывался по той или иной причине на пути у хозяина. В таких случаях их просто устраняли.

Наших хозяев заметно сдерживали трудности общения на большом расстоянии. Они могли поддерживать связь лишь по обычным каналам при помощи человеческой речи, а если не было уверенности, что это безопасно, им приходилось прибегать к кодированным сообщениям вроде того, что я послал о первой поставке контейнеров. Очевидно, такого общения через слуг им было недостаточно, и, чтобы скоординировать действия, часто возникала необходимость в непосредственных контактах между хозяевами.

На одну из таких конференций меня отправили в Нью-Орлеан.

Утром я, как обычно, вышел на улицу, отправился к стартовой платформе в жилом квартале и вызвал такси. После короткого ожидания мою машину подняли на пусковую установку. Я уже собрался сесть, но тут подскочил какой-то шустрый старикан и забрался в такси первым.

Я получил приказ избавиться от него и сразу же второй: действовать осторожно и осмотрительно.

— Извините, сэр,— сказал я,— но эта машина занята.

— Точно,— ответил старик.— Я ее и занял.

— Вам придется найти себе другую,— попытался урезонить его я.— И покажите-ка номер вашего билета.

Тут ему деваться было некуда. Номер такси совпадал с номером на моем билете. Однако он и не думал уходить.

— Вам куда? — требовательно спросил он.

— В Нью-Орлеан,— ответил я, впервые узнав, куда направляюсь.

— Тогда вы можете забросить меня в Мемфис.

Я покачал головой.

— Это мне не по пути.

— Да там всего на пятнадцать минут дольше.— Он, похоже, злился и с трудом держал себя в руках.— Вы не имеете права забирать общественный транспорт в единоличное пользование! Водитель! Объясните этому человеку правила!

Водитель вытащил из зубов зубочистку.

— А мне все равно. Взял, отвез, привез. Сами разбирайтесь, а то я пойду к диспетчеру, чтобы дал мне другого пассажира.

С секунду я стоял в нерешительности, не получая никаких инструкций, затем полез в такси.

— В Нью-Орлеан. С остановкой в Мемфисе.

Водитель пожал плечами и просигналил на башню в диспетчерскую. Второй пассажир сопел и не обращал на меня никакого внимания.

Когда мы поднялись в воздух, он открыл свой кейс и разложил на коленях бумаги. Я без всякого интереса наблюдал за ним, затем чуть изменил позу, чтобы легче было достать пистолет. Но этот тип моментально протянул руку и схватил меня за запястье.

— Не торопись, сынок.

Я вдруг узнал сатанинскую улыбку самого Старика.

У меня хорошая реакция, но тут информация шла от меня к хозяину, осмыслялась и возвращалась обратно. Не знаю, насколько велика задержка, но пытаясь вытащить оружие, я уже почувствовал, как в ребра мне ткнулся широкий ствол лучемета.

— Спокойнее.

Другой рукой он прижал что-то к моему боку. Укол — и по всему телу разлилось теплое оцепенение. Препарат «Морфей». Я сделал еще одну попытку достать пистолет и рухнул лицом вперед.

Откуда-то доносились голоса. Меня грубо перевернули, потом кто-то сказал: «Эй, осторожней! А то эта обезьяна тебя цапнет!» Другой голос: «Не беспокойся. У нее перерезаны сухожилия». Снова первый: «Да, но зубы-то у нее остались».

Да, промелькнуло у меня в голове, если кто-то из вас окажется рядом, я непременно укушу. Насчет сухожилий тоже казалось все верно: ни руки, ни ноги меня не слушались. Хотя больше всего раздражало, что меня назвали обезьяной. Это просто непорядочно — обзывать человека, когда он не в состоянии постоять за себя.

Потом я почему-то вдруг всплакнул и снова провалился в сон.

— Ну как, сынок, тебе уже лучше?

Старик задумчиво разглядывал меня, облокотившись на спинку кровати. Он стоял по пояс голый. На груди у него вились седые волосы.

— Э-э-э... да, пожалуй.— Я попытался сесть и не смог.

Старик зашел сбоку.

— Видимо, мы можем снять ремни,— сказал он, копаясь с застежками.— Очень не хотелось, чтобы ты поранился или еще что... Вот так.

Я сел, растирая затекшие мышцы.

— Ладно. Ты что-нибудь помнишь? Докладывай.

— А что я должен...

— Тебя захватили. Ты помнишь, что происходило после того, как на тебя попал паразит?

Мне вдруг стало страшно, безумно страшно, и я вцепился в постель.

— Босс! Они знают о нашей базе! Я сам им сообщил.

— Нет, об этой не знают,— спокойно ответил он,— потому что это другая база. Старую я эвакуировал. Так что об этой им ничего не известно. Во всяком случае, хотелось бы надеяться. Значит, ты все помнишь?

— Конечно, помню. Я выбрался отсюда — в смысле, со старой базы — через...— Мысли понеслись вперед, обгоняя слова, и неожиданно я вспомнил, как держал в руке живого наездника, собираясь пересадить его на спину агенту по аренде...

Меня стошнило. Старик вытер мне губы и мягко сказал:

— Продолжай.

Я с трудом сглотнул.

— Босс, они — повсюду! Город у них в руках.

— Знаю. То же самое в Де-Мойне. В Миннеаполисе, в Сент-Поле, в Нью-Орлеане, в Канзас-Сити. Может быть, еще где-то. Пока нет информации, но я не могу быть везде сразу.— Он нахмурился и добавил: — Это как бег в мешках. Мы проигрываем, и очень быстро. Даже в тех городах, о которых нам известно, мы ничего не можем сделать.

— Боже! Почему?

— Ты *сам должен понимать. Потому что «более опытные и* мудрые» по-прежнему не убеждены. Потому что, когда паразиты захватывают город, там все остается по-прежнему.

Я уставился на него в недоумении, и Старик поспешил меня успокоить:

— Не бери в голову. Ты у нас — первая удача. Первый, кого нам удалось вернуть живым. И теперь выясняется, что ты все помнишь. Это очень важно. И твой паразит тоже первый, которого нам удалось поймать и сохранить в живых. У нас появился шанс уз...

Должно быть, у меня на лице читался неприкрытый ужас. Мысль о том, что мой хозяин жив и, может быть, сумеет снова мной завладеть, была просто невыносима.

Старик встряхнул меня за плечи.

— Успокойся,— мягко произнес он.— Ты еще не совсем окреп.

— *Где он?*

— А? Паразит-то? Не беспокойся. Мы нашли тебе дублера и пересадили его на орангутанга. Кличка — Наполеон. Он под надежной охраной.

— *Убейте его!*

— Бог с тобой. Он нужен нам живым, для изучения.

Видимо, со мной приключилось что-то вроде истерики, и Старик ударил меня по щеке.

— Соберись. Чертовски неприятно беспокоить тебя, пока ты не выздоровел, но я должен. Нам нужно записать все, что ты помнишь, на пленку. Так что соберись и начинай.

Я кое-как справился с собой и начал обстоятельный доклад обо всем, что мог припомнить. Описал, как снял складской этаж и как «завербовал» свою первую жертву, затем, как мы перебрались в Конституционный клуб. Старик только кивал.

— Логично-логично. Ты и для них оказался хорошим агентом.

— Ты не понимаешь,— возразил я.— Сам я вообще ни о чем не думал. Знал, что происходит в данный момент, но это все. Будто... э-э-э... будто я...— Слов не хватало.

— Неважно. Дальше.

— После «вербовки» менеджера клуба все пошло гораздо легче. Мы брали их прямо у входа и...

— Имена?

— Да, конечно. М. Гринберг, Тор Хансен, Хардвик Поттер, его шофер Джим Вэйкли, небольшого роста служитель в туалетной комнате, которого звали «Джейк», но от него пришлось избавиться: его хозяин просто не отпускал ему времени позаботиться о самом необходимом. Менеджер — я так и не узнал его имени...— Я на несколько секунд умолк, стараясь припомнить всех «рекрутов».— О боже!

— Что такое?

— Заместитель министра финансов!

— Вы взяли и его?

— Да. В первый же день. И я не знаю, сколько прошло времени. Боже, шеф, ведь Министерство финансов *охраняет Президента!*

На том месте, где сидел Старик, уже никого не было.

Я без сил откинулся на спину. Заплакал, уткнувшись в подушку, и вскоре уснул.

9

Проснулся я с жутким привкусом во рту, с больной головой и предчувствием неминуемой беды. Но по сравнению с тем, что было раньше, можно сказать, я чувствовал себя отлично.

— Как, уже лучше? — спросил рядом чей-то веселый голос.

Надо мной склонилась миниатюрная брюнетка. Очень даже симпатичная — видимо, я и в самом деле чувствовал себя лучше, поскольку сразу это отметил. Но одета она была довольно странно: белые шорты, нечто невесомое, чтобы поддерживать грудь, и металлический панцирь, закрывающий шею, плечи и позвоночник.

— Да, пожалуй,— признался я, скорчив физиономию.

— Неприятный вкус во рту?

— Как после встречи Балканского кабинета министров.

— Держи-ка.— Она вручила мне стакан с каким-то лекарством. Рот немного обожгло, но неприятный привкус сразу пропал.— Нет-нет, не глотай. Выплюнь, и я принесу тебе воды.

Я послушался.

— Меня зовут Дорис Марсден,— сказала она.— Я твоя дневная сиделка.

— Рад познакомиться, Дорис,— ответил я и снова окинул ее взглядом.— Слушай, а что это за странный наряд? Нет, мне нравится, конечно, но ты как будто из комикса сбежала.

Она хихикнула.

— Я и сама чувствую себя, словно девица из кордебалета. Но ты привыкнешь. Я, во всяком случае, уже привыкла.

— Мне нравится. Но с чего вдруг?

— Приказ Старика.

Я вдруг понял, в чем дело, и мне сразу стало хуже.

— А теперь ужинать,— сказала Дорис, переставляя мне на колени поднос.

— Я совсем не хочу есть.

— Открывай рот,— твердо сказала она,— а то я вывалю все это тебе на голову.

В перерыве между ложками — пришлось-таки есть, в порядке самообороны,— я успел выдохнуть:

— Я вообще-то ничего. Одна доза «Гиро», и я встану на ноги.

— Никаких стимуляторов,— категорически ответила она, запихивая мне следующую ложку.— Специальная диета и отдых, а под конец дня — снотворное. Распоряжение доктора.

— А что со мной?

— Истощение, длительное голодание, цинга в начальной стадии. А кроме того, чесотка и вши — но с этими бедами мы уже справились. Теперь ты все знаешь, но если скажешь доктору, что это я проболталась, мне придется сказать, что ты врешь. Перевернись.

Я перевернулся на живот, и она стала менять повязки. Оказалось, у меня полно воспалившихся болячек. Подумав о том, что она сказала, я попытался вспомнить, как жил при хозяине.

— Не дрожи,— сказала она.— Что, плохие воспоминания?

— Нет, все в порядке,— ответил я.

Насколько я помнил, есть мне доводилось не чаще, чем раз в два или три дня. Мыться? Вспомнить бы... Нет, за это время я вообще не мылся! Брился, правда, каждый день и надевал свежую сорочку: хозяин понимал, что этого требовали условия «маскарада». Но зато ботинки я не снимал с тех самых пор, как украл их на старой базе, а они еще вдобавок и малы были.

— Что у меня с ногами? — спросил я.

— Слишком много будешь знать, скоро состаришься,— ответила Дорис.

Вообще-то я люблю сиделок: они всегда спокойны, общительны и терпеливы. Ночной сестре, мисс Бриггс, с ее лошадиной физиономией до Дорис было, конечно, далеко. Она носила такой же наряд из музыкальной комедии, в каком щеголяла Дорис, но никаких шуточек по этому поводу себе не позволяла, и походка у нее была, как у гренадера. У Дорис, слава богу, при ходьбе все очаровательно подпрыгивало.

Ночью я проснулся от какого-то кошмара, но мисс Бриггс отказалась дать мне вторую таблетку снотворного, хотя и согласилась, чтобы убить время, сыграть со мной в покер. Выиграла у меня половину месячного жалования. Я пытался узнать у нее что-нибудь о Президенте, но это оказалось невозможно. Она делала вид, что вообще ничего не знает о паразитах и летающих тарелках, хотя наряд ее объяснялся только одной причиной.

Тогда я спросил, что передают в новостях. Она ответила, что была слишком занята и ничего не видела, а когда я попросил поставить мне в комнату стереовизор, сказала, что нужно будет

спросить у доктора, который прописал мне «полный покой». Я поинтересовался, когда смогу увидеть этого самого доктора, но тут раздался сигнал вызова, и она ушла.

Я сразу подтасовал колоду, чтобы ей достались хорошие карты, не требующие прикупа — так мне не пришлось бы передергивать.

Позже я уснул и проснулся, лишь когда мисс Бриггс принесла мокрую марлю, чтобы я умылся, и хлопнула ею меня по лицу. Затем она помогла мне приготовиться к завтраку, который принесла уже Дорис. За едой я пытался выведать у нее какие-нибудь новости, но так же, как и с мисс Бриггс, ничего не добился. Сиделки порой ведут себя так, будто работают не в больнице, а в яслях для умственно отсталых детей.

После завтрака заглянул Дэвидсон.

— Мне сказали, что ты здесь.— На нем были только шорты и ничего больше, если не считать бинтовой повязки на левой руке.

— Это уже больше, чем сказали мне,— пожаловался я.— Что у тебя с рукой?

— Пчела ужалила.

Он явно не хотел говорить, при каких обстоятельствах его полоснули из лучемета — что ж, его дело.

— Вчера здесь был Старик. Вылетел отсюда пулей. Ты его после этого видел?

— Видел.

— И что?

— Все нормально. Сам-то как? Психологи уже допустили тебя к секретным материалам?

— А что, кто-то во мне сомневается?

— Спрашиваешь! Бедняга Джарвис так и не оклемался.

— Серьезно? — Почему-то мысль о Джарвисе не приходила мне до сих пор в голову.— И как он сейчас?

— Никак. Впал в коматозное состояние и умер. Через день после твоего побега. В смысле, после того, как тебя захватили.— Дэвидсон смерил меня взглядом.— У тебя здоровья, видно, хоть отбавляй.

Я, однако, совсем этого не чувствовал. Накатила слабость, и я заморгал, борясь с подступающими слезами. Дэвидсон сделал вид, что ничего не заметил.

— Видел бы ты, что тут было, когда ты смылся! Старик рванул за тобой, если можно так выразиться, в одном пистолете и насупленных бровях. И, наверно, поймал бы, да полиция помешала, и пришлось его самого выручать.— Дэвидсон ухмыльнулся.

Я слабо улыбнулся в ответ. Было в этой сцене что-то одновременно возвышенное и комичное: Старик в чем мать родила несется спасать мир от смертельной опасности.

— Жаль, я не видел. А что еще случилось в последнее время?

Дэвидсон пристально посмотрел на меня и сказал:

— Подожди минуту.

Он вышел из палаты, но вскоре вернулся.

— Старик сказал, можно рассказать. Что тебя интересует?

— Все! Что произошло вчера?

— Вот вчера-то меня как раз и прижгли.— Он повел забинтованной рукой.— Повезло еще, потому что троих других агентов убили. В общем, шороху много было.

— А Президента? У него...

Тут в палату ворвалась Дорис.

— Вот ты где! — накинулась она на Дэвидсона.— Я же сказала лежать. Тебе давно пора быть в госпитале. Машина ждет уже десять минут.

Дэвидсон встал, улыбнулся и ущипнул ее за попку здоровой рукой.

— Без меня все равно не начнут.

— Ну быстрее же!

— Иду.

— Эй! — крикнул я.— А что с Президентом?

Дэвидсон оглянулся через плечо.

— С ним-то? С ним все в порядке, ни единой царапины.

Через несколько минут вернулась рассерженная Дорис.

— Пациенты! — произнесла она так, будто это бранное слово.— Я ему должна была двадцать минут назад укол сделать, чтоб

подействовал еще до больницы. А сделала, когда он в машину садился.

— Что за укол?

— А он не сказал?

— Нет.

— М-м-м... в общем-то, никакого секрета тут нет. Ему левую кисть ампутируют и пересаживают новую.

— Ого!

Теперь он, подумал я, уже не расскажет, чем кончилось, потому что увидимся мы не скоро: когда руку пересаживают, это не шутка; его дней десять под наркозом продержат. Снова решил попытать Дорис:

— А что со Стариком? Он ранен? Или раскрыть эту тайну будет против ваших священных правил?

— Говоришь много,— строго ответила она и сунула мне стакан с какой-то мутно-белой жижей.— Пора еще раз подкрепиться и спать.

— Рассказывай, а то я выплюну все обратно.

— Старик? Ты имеешь в виду шефа Отдела?

— Кого же еще?

— *С ним,* слава богу, все в порядке.— Она состроила недовольную физиономию.— Не приведи господь такого пациента.

10

Еще дня два или три меня держали в постели и обращались со мной, как с ребенком. Впрочем, я не возражал: последние несколько лет мне просто не доводилось отдыхать по-настоящему. Болячки заживали, и вскоре мне предложили — вернее, приказали — делать легкие упражнения, не покидая палаты.

Потом как-то заглянул Старик.

— Ну-ну, симулируешь, значит?

Я залился краской, но все же нашелся:

— Какая неблагодарность, черт побери! Достань мне штаны, и я тебе покажу, кто симулирует.

— Остынь.— Старик посмотрел мою больничную карту, потом сказал Дорис: — Сестра, принесите этому человеку шорты. Я возвращаю его на действительную службу.

Дорис уперла руки в бока и заявила:

— Вы, может, и большой начальник, но здесь ваши приказы не имеют силы. Если лечащий врач...

— Хватит! Принесите ему какие-нибудь подштанники.

— Но...

Старик подхватил ее на руки, поставил лицом к двери и, хлопнув по попке, сказал:

— Быстро!

Она вышла, недовольно бормоча, и вскоре вернулась с доктором.

— Док, я послал ее за штанами, а не за врачом,— добродушно сказал Старик.

Тот юмора не оценил и ответил довольно холодно:

— А я бы попросил вас не вмешиваться в лечебный процесс и не трогать моих пациентов.

— Он уже не ваш пациент. Я возвращаю его на службу.

— Да? Сэр, если вам не нравится, как я справляюсь со своими обязанностями, я могу подать в отставку.

Старик парировал тут же:

— Прошу прощения, сэр. Иногда я слишком увлекаюсь и забываю о принятом порядке вещей. Не будете ли вы так любезны обследовать этого пациента? Если его можно вернуть на службу, он нужен мне как можно скорей.

У доктора на щеках заиграли желваки, однако он сдержался.

— Разумеется, сэр.

Он долго изучал мою карту, затем проверил рефлексы.

— Ему еще потребуется время, чтобы восстановить силы... Но можете его забирать. Сестра, принесите пациенту одежду.

«Одежда» состояла из шорт и ботинок. Но на базе все были одеты точно так же, и, признаться, при виде людей с голыми плечами, без паразитов, у меня даже на душе становилось спокойнее. О чем я сразу сказал Старику.

— Ничего лучше мы пока не придумали,— проворчал он,— хотя база теперь напоминает пляж, полный курортников. Если мы не справимся с этой нечистью до зимы, нам конец.

Мы остановились у двери с надписью: «Биологическая лаборатория. Не входить!»

Я попятился.

— Куда это мы идем?

— Взглянуть на твоего дублера, на обезьяну с твоим паразитом.

— Так я и думал. Нет уж, увольте.— Я почувствовал, что дрожу.

— Послушай, сынок,— терпеливо сказал Старик,— тебе нужно перебороть себя. И лучше будет, если ты не станешь уходить от встречи. Знаю, тебе нелегко. Я сам провел несколько часов, разглядывая эту тварь и пытаясь привыкнуть к ее виду.

— Ты ничего не знаешь. Не можешь знать! — Меня так тряхнуло, что пришлось опереться о косяк.

— Да, видимо, когда у тебя на спине паразит, это все воспринимается по-другому. Джарвис...— Он замолчал.

— Вот именно, черт побери! По-другому! И ты меня туда не затащишь.

— Нет, я не стану этого делать. Но, очевидно, врач был прав. Возвращайся, сынок, и ложись обратно.— Старик шагнул за порог.

Он сделал три или четыре шага, когда я позвал:

— Босс!

Старик остановился и повернулся ко мне с непроницаемым лицом.

— Я иду,— добавил я.

— Может быть, не стоит?

— Справлюсь. Просто это трудно... вот так сразу... Нервы...

Мы пошли рядом, и Старик участливо взял меня под локоть. Прошли еще одну запертую дверь и очутились в помещении с влажным теплым воздухом.

Обезьяну поместили в клетку. Ее торс удерживало на месте сплошное переплетение металлизированных ремней. Лапы безвольно висели, словно она не могла ими управлять. Обезьяна подняла голову и зыркнула на нас горящими ненавистью и ра-

зумом глазами. Затем огонь во взгляде угас, и перед нами оказалось обычное животное, в глазах — тупость и боль.

— С другой стороны,— тихо сказал Старик.

Я бы не пошел, но он все еще держал меня за руку. Обезьяна следовала за нами взглядом, но ее тело надежно удерживала рама с ремнями. Зайдя сзади, я увидел...

Хозяин. Тварь, которая бог знает сколько ездила у меня на спине, говорила моим языком, думала моим мозгом. Мой хозяин.

— Спокойно,— сказал Старик.— Ты привыкнешь. Отвернись пока, это помогает.

Действительно помогло. Я несколько раз глубоко вздохнул и попытался сдержать бьющееся сердце. Потом заставил-таки себя смотреть на паразита.

Ужас, собственно, вызывает не сам его вид. И дело не в том, что ты знаешь о способностях паразитов: то же самое чувство я испытал и в первый раз, еще до того, как узнал, что это за твари. Я попытался объяснить свои мысли Старику, и он кивнул, не отрывая глаз от паразита.

— Да, у других то же самое. Безотчетный страх, как у птицы перед змеей. Возможно, их основное оружие.— Он отвел взгляд, словно даже его дубленые нервы не выдерживали такого зрелища.

Я тоже не трогался с места, заставляя себя привыкать и пытаясь удержать завтрак внутри. Говорил себе, что теперь хозяин уже не страшен, что он ничего не может мне сделать. Затем отвел взгляд и обнаружил, что Старик наблюдает за мной.

— Ну как? Уже легче?

Я снова взглянул на хозяина.

— Немного. Но больше всего на свете я хочу его убить. Убить их всех! Я бы всю свою жизнь убивал и убивал этих тварей.— Меня опять начало трясти.

Старик задумался, глядя на меня, затем протянул свой пистолет.

— Держи.

Я не сразу понял, в чем дело. Своего оружия у меня не было, поскольку мы пришли сюда прямо из больничной палаты. Я взял пистолет и бросил на Старика вопросительный взгляд.

— Э-э-э... зачем?

— Ты же хочешь ее убить. Если тебе это нужно, вперед. Убей. Прямо сейчас.

— Ха! Но ты же говорил, что тварь нужна для изучения.

— Нужна. Но если ты считаешь, что должен ее убить, убей. Это ведь твой хозяин. Если для того, чтобы вновь стать человеком, ты должен ее убить, не стесняйся.

Вновь стать человеком. Мысль звучала в мозгу, как набат. Старик знал, какое мне нужно лекарство. Я уже не дрожал. Оружие, готовое извергать огонь и убивать, лежало в ладони, как влитое. Мой хозяин...

Я убью его и вновь стану свободным человеком. Если хозяин останется в живых, этого никогда не произойдет. Мне хотелось уничтожить их всех, отыскать и выжечь всех до единого, но первым делом — *этого.*

Мой хозяин... Повелитель. До тех пор, пока я его не убью. Почему-то мне показалось, что, останься я с ним один на один, мне ничего не удастся сделать, что я замру и буду покорно ждать, пока он не переползет ко мне на спину и не устроится, захватывая мой мозг, всего меня.

Но теперь я мог его убить!

Уже без страха, с переполняющим меня ликованием, я прицелился.

Старик по-прежнему смотрел на меня.

Я опустил оружие и неуверенно спросил:

— Босс, положим, я убью этого паразита. А другой есть?

— Нет.

— Но ведь он нужен.

— Да.

— Тогда... Черт, зачем ты дал мне пистолет?

— Ты сам знаешь. Если тебе нужно, убей. Если сумеешь обойтись, тогда им займется Отдел.

Я *должен* был. Даже если мы убьем всех остальных, пока будет жив этот, я так и не перестану трястись в темноте от страха... А что касается других, то в одном только Конституционном клу-

бе можно взять сразу дюжину. Убью этого, и мне уже ничего не страшно: я сам поведу туда группу захвата. Учащенно дыша, я снова поднял пистолет.

Затем отвернулся и кинул его Старику. Тот поймал оружие на лету и спросил:

— В чем дело?

— А? Не знаю. Когда я уже совсем собрался нажать на курок, мне стало достаточно просто знать, что я могу это сделать.

— Я тоже так решил.

На душе у меня стало тепло и спокойно, словно я только что уничтожил врага или был с женщиной, словно я в действительности убил эту тварь. Я мог повернуться к ней спиной и даже не злился на Старика.

— Черт, у тебя все решено заранее! Как тебе нравится выступать в роли кукловода?

Но он шутки не принял.

— Это не про меня. Обычно я лишь вывожу человека на дорогу, которой он сам хочет идти. А настоящий кукловод — вот он.

Я обернулся.

— Да... Кукловод. Только ты думаешь, что знаешь, насколько точно угадал, но это не так. И я надеюсь, никогда не узнаешь.

— Я тоже,— сказал он серьезно.

Теперь я мог смотреть на хозяина без содрогания и, не отводя взгляда, сказал:

— Босс, когда вы с ним закончите, я его убью.

— Заметано.

Прервал нас человек, который неожиданно влетел в лабораторию. В шортах и в белом лабораторном халате он выглядел довольно глупо. Не Грейвс, другой. Кстати, Грейвса я больше никогда не видел — наверно, Старик его просто съел.

— Прошу прощения, шеф, я не знал, что вы здесь. Я...

— Да, я здесь,— перебил его Старик и направил пистолет ему в живот.— Почему ты в халате?

Человек посмотрел на пистолет с таким выражением лица, будто происходящее показалось ему неудачной шуткой.

— Э-э-э... Так я же работал. Не ровен час обольешься чем, а там у нас растворы бывают...

— Снять!

— А?

Старик повел пистолетом и сказал мне:

— Приготовься.

Человек торопливо скинул халат. На плечах у него ничего не было, красной сыпи на спине тоже.

— Теперь ты возьмешь этот халат и к чертовой матери сожжешь,— приказал Старик.— А затем вернешься к работе.

Залившись краской, человек шмыгнул к двери, но у порога остановился и спросил:

— Шеф, вы уже готовы к этой... э-э-э... процедуре?

— Скоро буду. Я дам знать.

Когда дверь за ним закрылась, Старик тяжело вздохнув, убрал пистолет и проворчал:

— Вот так всегда. Отдаешь приказ. Знакомишь всех. Заставляешь каждого расписаться. Можно даже вытатуировать приказ на их хилых мощах, и все равно находится какой-нибудь умник, который считает, что его это не касается. Ученые...

Я снова повернулся к своему хозяину. Вид его по-прежнему вызывал у меня отвращение, но теперь оно сопровождалось обостренным — и не совсем, по правде говоря, неприятным — ощущением опасности.

— Босс,— спросил я,— а что вы собираетесь с ним делать?

— Я хочу его допросить.

— В смысле... Как это? Обезьяна ведь не...

— Да, обезьяна говорить не может. Нам придется найти добровольца. Человека.

Когда я сообразил наконец, что он имеет в виду, ужас охватил меня почти с прежней силой.

— Неужели вы и в самом деле... Это невозможно, такого даже врагу не пожелаешь!

— Возможно! И я на это пойду. Что должно быть сделано, будет.

— Вы не найдете добровольца!

— Одного уже нашли...

— Да ну! И кто же это?

— ...но я не хотел бы использовать того человека. Мне нужен другой.

Сама мысль об этом казалась мне отвратительной, и я не стал скрывать своих чувств.

— Доброволец он или нет, это все равно грязное дело. Ладно, один у вас есть, но второго такого психа вы долго искать будете.

— Может быть,— согласился Старик.— Но, тем не менее, я не хотел бы использовать первого добровольца. А допрос нам необходим, сынок: мы ведем войну при полном отсутствии разведывательных данных. Мы не знаем нашего врага, не можем вести с ним переговоры. Нам неизвестно, откуда он и что из себя представляет. Все это мы должны выяснить, потому что от этого зависит наше выживание. Говорить с паразитом можно *только* через человека. Значит, так мы и сделаем. Но мне по-прежнему нужен доброволец.

— А что ты так на меня смотришь?

— Да вот, смотрю.

Я, в общем-то, задал вопрос в шутку, но он ответил таким тоном, что я чуть заикаться не начал.

— Ты... да ты с ума сошел! Нужно было убить эту заразу, когда ты дал мне свой пистолет. Знал бы заранее, что ты задумал, так бы и сделал. Но чтобы я добровольно позволил снова посадить паразита себе на спину — нет уж, увольте.

Он продолжал, словно и не слышал меня:

— Кто угодно тут не подойдет. Нужен человек, который сможет это выдержать. Джарвис, как оказалось, был недостаточно крепок, сломался. А ты все-таки выжил.

— Я? Да, один раз выжил. Но второй раз я просто не вынесу.

— Но у тебя больше шансов остаться в живых, чем у кого-то еще. Ты уже доказал, что способен, что тебе это по силам, а если взять кого-то другого, я рискую потерять агента.

— С каких пор это начало тебя беспокоить? — съязвил я.

— Поверь, это беспокоит меня всегда. Я даю тебе последнюю возможность решить: согласен ли ты на эксперимент, зная, что это необходимо, что у тебя больше всех шансов и что пользы от тебя будет больше, чем от других, потому что у тебя уже есть

опыт? Или ты предпочитаешь, чтобы вместо тебя рисковал своей психикой и своей жизнью какой-то другой агент?

Я попытался объяснить ему, что у меня на душе. Мысль о том, что я умру, находясь во власти паразита, была просто невыносима. Почему-то мне казалось, что такой смертью я заранее обрекаю себя на бесконечные муки в аду. Но еще хуже было бы вновь почувствовать на спине паразита и остаться в живых. Вот только нужные слова никак не шли на язык, и я беспомощно пожал плечами.

— Можешь меня уволить, но есть какие-то пределы тому, что человек может вынести. Я не соглашусь.

Он повернулся к интеркому на стене.

— Лаборатория, мы сейчас начинаем. Поторопитесь.

— А объект? — донеслось из динамика, и я узнал голос человека, что влетел незадолго до этого в комнату.

— Первый доброволец.

— Значит, взять стенд поменьше? — с сомнением спросил человек.

— Да. Тащите все сюда.

Я двинулся к двери.

— Далеко собрался? — резко спросил Старик.

— Как можно дальше отсюда,— так же резко ответил я.— Я не хочу в этом участвовать.

Он схватил меня за руку и рывком развернул.

— Придется тебе остаться. Ты знаешь о них больше всех, и твои советы могут оказаться полезными.

— Отпусти.

— Ты останешься — либо по своей воле, либо я прикажу тебя связать,— раздраженно сказал Старик.— Я сделал скидку на болезнь, но твои фокусы мне надоели.

У меня уже не осталось сил спорить.

— Что ж, ты здесь главный.

Лаборанты вкатили в комнату кресло на колесиках, хотя, по правде сказать, этот предмет обстановки больше напоминал электрический стул: ремни для запястий, локтей, лодыжек и колен, крепления у пояса и груди, но спинка была срезана, чтобы плечи жертвы оставались открытыми.

Кресло установили рядом с клеткой обезьяны, затем убрали ближнюю к нему стенку. Обезьяна наблюдала за приготовлениями внимательным, настороженным взглядом, но по-прежнему не могла пошевелить безвольно висящими конечностями. Тем не менее, когда сняли стенку клетки, мне снова стало не по себе, и я остался на месте только из опасения, что Старик действительно прикажет меня связать. Лаборанты закончили приготовления и отошли в сторону. Открылась дверь, и в комнату вошли еще несколько человек, среди них Мэри.

Я растерялся. Мне очень хотелось ее увидеть, и я пытался отыскать ее через медсестер, но они или действительно не знали, кто она, или получили на этот счет какие-то распоряжения. Теперь мы наконец встретились, но при таких обстоятельствах... Черт бы побрал Старика! Ну зачем приглашать на такое «представление» женщину, пусть даже женщину-агента? Должны же быть какие-то рамки.

Мэри бросила на меня удивленный взгляд, затем кивнула. Меня это немного задело, но я все понял: не время и не место для пустых разговоров. Выглядела она отлично, только очень серьезно. На ней был такой же наряд, как у сиделок, но без этого нелепого шлема и панциря на спине. Вместе с ней в комнату вошли несколько мужчин с записывающей и прочей аппаратурой.

— Готовы? — спросил начальник лаборатории.

— Да, поехали,— ответил Старик.

Мэри подошла к креслу и села. Двое лаборантов опустились на колени и принялись застегивать ремни. Я смотрел на все это, словно в оцепенении. Затем схватил Старика за руку, отшвырнул в сторону и, подскочив к креслу, раскидал лаборантов.

— Мэри,— крикнул я,— ты с ума сошла! Вставай.

Старик выхватил пистолет и навел на меня.

— Прочь,— приказал он.— Вы, трое, взять его и связать!

Я поглядел на пистолет, на Мэри. Она не двигалась — ноги у нее уже были пристегнуты,— и только смотрела на меня полным сочувствия взглядом.

— Ладно, Мэри, вставай,— тупо сказал я.— Мне захотелось посидеть.

Лаборанты убрали первое кресло и принесли другое. То, что приготовили для Мэри, мне не подходило: оба делались точно по фигуре. Со всеми затянутыми ремнями ощущение возникало такое, будто меня залили в бетон. Спина чесалась невыносимо, хотя никого мне пока туда не посадили.

Мэри в комнате уже не было. Я не видел, как она ушла, да это и не имело значения. Когда приготовления закончились, Старик положил руку мне на плечо и сказал:

— Спасибо, сынок.

Я промолчал.

Как пересаживали мне на спину паразита, я не видел. И не особенно интересовался. Впрочем, даже если бы мне захотелось посмотреть, ничего бы не вышло: я просто не мог повернуть голову. Обезьяна один раз взревела, потом завизжала, и кто-то крикнул: «Осторожней!»

Затем наступила такая тишина, словно все затаили дыхание. Спустя секунду что-то влажное опустилось мне на шею, и я потерял сознание.

Очнулся я со знакомым ощущением нахлынувшей вдруг энергии. Я понимал, что влип, но рассчитывал как-нибудь выкрутиться. Страха не было: я испытывал презрение и не сомневался, что как-то их перехитрю.

— Ты меня слышишь? — громко спросил Старик.

— Орать-то зачем? — ответил я.

— Ты помнишь, зачем ты здесь?

— Вы хотите задавать вопросы. За чем дело стало?

— Что ты из себя представляешь?

— Глупый вопрос. Во мне шесть футов один дюйм, в основном мышцы и совсем немного мозга. Вешу я...

— Не о тебе речь. Ты знаешь, с кем я говорю — *ты!*

— В игры играем?

Старик ответил не сразу.

— Видимо, нет смысла притворяться, что я не знаю, что ты за существо...

— Но ты и в самом деле не знаешь.

— Однако мы изучали тебя все это время, что ты жил на спине у обезьяны. И кое-какую информацию, которая дает мне преимущество, мы уже получили. Во-первых,— он принялся загибать пальцы,— тебя можно убить. Во-вторых, ты чувствуешь боль. Тебе не нравится электрический ток, и ты не выносишь жара, который способен вынести даже человек. В-третьих, без носителя ты беспомощен. Я могу приказать, чтобы тебя сняли, и ты умрешь. В-четвертых, ты ничего не можешь сделать без носителя, а он сейчас совершенно неподвижен. Попробуй ремни на прочность. Так что ты или будешь отвечать на наши вопросы, или умрешь.

Я уже попробовал ремни и обнаружил, что порвать их действительно невозможно. Впрочем, это меня не беспокоило: вернувшись к хозяину, я почувствовал себя на удивление спокойно — ни забот, ни волнений. Мое дело было служить и только, а дальше будь что будет. Один ремень на лодыжке вроде был затянут слабее остальных: возможно, мне удастся вытащить ногу... Затем я проверил еще раз ремни на руках. Может, если полностью расслабиться...

Сразу последовали указания — или я сам принял решение: в такой ситуации это одно и то же. Никаких разногласий между мной и хозяином не было: мы думали и действовали как одно целое. Короче, инструкции это или собственное решение, но я знал, что побег сейчас не удастся. Обводя комнату взглядом, я пытался определить, кто из присутствующих вооружен. Возможно, только Старик: значит, уже легче.

Где-то в глубине души затаилось ноющее чувство вины и отчаяния, знакомое лишь слуге, действующему по воле инопланетного паразита, но я был слишком занят, чтобы переживать.

— Итак,— сказал Старик.— Ты будешь отвечать на вопросы сам, или придется тебя заставлять?

— Какие вопросы? — спросил я.— До сих пор я не слышал ни одного вразумительного вопроса.

Старик повернулся к лаборанту.

— Дай-ка мне разрядник.

Я все еще испытывал ремни и как-то даже не обратил внимания на эту фразу. Если бы удалось притупить его бдительность, чтобы пистолет оказался в пределах досягаемости — при условии, конечно, что я сумею высвободить руку — тогда, может быть...

Он протянул руку с гибким хлыстом куда-то мне за спину, и я почувствовал дикую, ослепляющую боль. В комнате, мне показалось, стало темно, словно кто-то щелкнул выключателем. Меня раздирало на куски, и на мгновение я даже потерял связь с хозяином.

Затем боль схлынула, оставив после себя только обжигающее воспоминание. Но не успел я собраться с мыслями, как хозяин снова подчинил меня своей воле. Впервые за все то время, что я был у него в подчинении, меня охватило беспокойство: его дикий страх и боль отчасти передались и мне.

— Ну как, понравилось? — спросил Старик.

Страх, однако, исчез, и я снова чувствовал лишь безмятежное равнодушие, хотя по-прежнему внимательно следил за своими врагами. Запястья и лодыжки тоже уже не болели.

— Зачем ты это сделал? — спросил я.— Разумеется, ты можешь причинить мне боль, но зачем?

— Чтобы ты отвечал на вопросы.

— Так задавай их.

— Что вы за существа?

Ответ появился у меня не сразу. Старик уже потянулся за разрядником, когда я услышал свой собственный голос:

— Мы — народ.

— Какой народ?

— Единственный народ. Мы изучили вас и знаем теперь вашу жизнь. Мы...— Я неожиданно замолчал.

— Продолжай,— мрачно приказал Старик и повел в мою сторону разрядником.

— Мы пришли, чтобы принести вам...

— Принести что?

Я хотел говорить: хлыст разрядника покачивался ужасающе близко. Но не хватало слов.

— Принести вам мир,— вырвалось у меня.

Старик фыркнул.

— Мир,— продолжил я,— и покой, радость... радость подчинения.— Я снова умолк. Слово «подчинение» не годилось. Я мучился, словно пытался говорить на чужом языке.— Радость... нирваны.

Это слово подходило гораздо лучше. Я чувствовал себя, как собака, которую погладили по голове за то, что она принесла палку. Только что хвостом не вилял.

— Значит, так, я понимаю,— сказал Старик.— Если мы подчинимся, вы обещаете человечеству, что будете заботиться о нас и мы будем счастливы. Правильно?

— Абсолютно!

Старик задумался, остановив взгляд где-то у меня над плечом, затем плюнул на пол.

— Знаешь,— произнес он медленно,— нам, человечеству, уже не раз предлагали такую сделку. Из этого никогда ни черта не выходило.

— Попробуй сам,— посоветовал я.— Это очень быстро, и тогда ты поймешь.

На этот раз он взглянул мне в глаза.

— Может, мне так и следовало поступить. Может, я обязан испытать это не на... испытать это на себе. Не исключено, что когда-нибудь испытаю. Позже. А сейчас,— Старик вновь заговорил быстро и деловито,— сейчас ты будешь отвечать на вопросы. Если будешь отвечать сразу и правильно, ничего с тобой не случится. Будешь медлить, я увеличу ток.— И он взмахнул хлыстом разрядника.

Я съежился, почувствовав поражение. На какое-то мгновение мне показалось, что он согласится, и я уже начал планировать побег.

— Так,— сказал Старик.— Откуда вы прилетели?

Молчание. Ни малейшего желания отвечать.

Хлыст придвинулся ближе.

— Издалека! — выкрикнул я.

— Это и так понятно. Где находится ваша база, ваша родная планета?

Старик выждал и сказал:

— Видимо, придется подстегнуть твою память.

Я тупо следил за ним; в голове — ни единой мысли. Но тут к нему обратился один из помощников.

— Что такое? — отозвался Старик.

— Возможно, здесь какие-то семантические трудности,— сказал помощник.— Различные представления об астрономии.

— Откуда? Паразит знает столько же, сколько знает его носитель. Это мы уже доказали.— Однако он опустил разрядник и задал вопрос по-другому.— Ладно. Солнечная система-то уж тебе точно знакома. Ваша планета находится в этой солнечной системе?

Я помедлил, потом ответил:

— Нам принадлежат все планеты.

Старик выпятил губу и задумчиво произнес:

— Интересно, что ты имеешь в виду... Впрочем, ладно. Пусть хоть Вселенная целиком. Но где ваше гнездо? Откуда прилетели корабли?

Сказать мне было нечего, и я молчал.

Старик взмахнул рукой, и я почувствовал короткий удар током.

— Говори, черт бы тебя побрал! С какой вы планеты? С Марса? С Венеры? С Юпитера? С Сатурна? С Урана? Нептуна? Плутона?

Когда он называл очередную планету, я отчетливо видел их, хотя сам ни разу не бывал дальше орбитальных станций. И мгновенно понял, когда Старик назвал именно то, что нужно. Но мысль будто выдернули у меня, едва она возникла.

— Говори! — продолжал Старик.— Иначе я угощу тебя током.

— Ни с одной из них,— услышал я свой собственный голос.— Наша планета гораздо дальше.

Он взглянул на паразита у меня за плечами, потом мне в глаза.

— Ты лжешь. Придется помочь тебе стать честным.

— Нет! Нет!

— Что ж, попытаемся. Вреда от этого не будет.— Он медленно завел руку с разрядником мне за спину. В мыслях снова вспыхнул ответ, и я уже собрался его выдать, но тут мне сдавило горло, а затем резануло болью.

Боль не утихала, меня рвало на куски, и, чтобы остановить боль, я пытался говорить, но стальная рука по-прежнему давила на горло.

Сквозь пелену боли я узнал склонившегося надо мной Старика. Лицо его дрожало и расплывалось.

— Достаточно? — спросил он.

Я начал говорить что-то, но поперхнулся, и сразу накатило удушье. Последнее, что я увидел, это приближающийся хлыст разрядника.

Затем меня все-таки разорвало, и я умер.

Надо мной склонились несколько человек, и кто-то из них сказал:

— Он приходит в себя.

Затем в поле зрения вплыло лицо Старика.

— Ты в порядке, сынок? — спросил он участливо.

Я отвернулся.

— На бок, пожалуйста,— произнес другой голос.— Мне надо ввести ему стимулятор.

Человек опустился рядом со мной на колени, затем встал, посмотрел на свои руки и вытер их о шорты.

«Гиро», промелькнула мысль, или еще что-нибудь в этом духе. Так или иначе, препарат подействовал, и я ожил. Даже сел без посторонней помощи. Мы все еще были в той же комнате с клеткой, и рядом стояло это проклятое кресло. Я попытался встать. Старик хотел мне помочь, но я его оттолкнул.

— Не трогай меня!

— Извини,— ответил он, затем приказал: — Джонс! Возьми Ито и давайте за носилками. Отнесете его в палату. Док, ты отправляешься с ним.

— Разумеется.— Человек, что вводил стимулятор, хотел поддержать меня за руку, но я не позволил.

— Оставьте меня в покое!

Врач посмотрел на Старика, тот пожал плечами и жестом приказал всем отойти. Я сам доковылял до двери, затем открыл вторую дверь и выбрался в коридор. Остановился, посмотрел на свои запястья, на лодыжки и решил, что мне так и так нужно в лазарет. Дорис что-нибудь сделает, и, может быть, мне удастся заснуть. Чувствовал я себя так, словно только что провел пятнадцать раундов на ринге и все их проиграл.

— Сэм... Сэм!

Знакомый голос. Мэри подбежала и остановилась, глядя на меня большими, влажными от слез глазами.

— Боже, Сэм... Что они с тобой сделали? — произнесла она, всхлипывая, так что я едва разобрал слова.

— Ты еще спрашиваешь? — ответил я и из последних сил залепил ей пощечину.— Стерва.

Моя палата оказалась свободной, но Дорис нигде не было. Я закрыл дверь и улегся на кровать лицом вниз, стараясь ни о чем не думать и не обращать внимания на боль. Потом за спиной у меня кто-то охнул, и я открыл один глаз: у кровати стояла Дорис.

— Что произошло? — воскликнула она, и я почувствовал ее мягкие прикосновения.— Боже, бедный, да что же это... Лежи, не двигайся. Я позову врача.

— Нет!

— Но тебе нужен врач.

— Я не хочу его видеть. Ты лучше сама.

Она молча вышла из палаты, но вскоре — во всяком случае, мне показалось, что прошло совсем немного времени — вернулась и начала обмывать мои раны. Когда Дорис касалась спины, я едва сдерживался, чтобы не закричать. Но все закончилось быстро: она наложила бинты и сказала:

— Теперь на спину, осторожно...

— Я лучше останусь лицом вниз.

— Нет,— твердо сказала она.— Нужно, чтобы ты выпил лекарство...

В конце концов я оказался на спине — в основном ее стараниями,— выпил это лекарство и спустя какое-то время уснул. Помню, что вроде бы просыпался, видел у кровати Старика и костерил его на чем свет стоит. Врача, кажется, тоже видел. Но, возможно, это был сон.

Разбудила меня мисс Бриггс, и вскоре Дорис принесла завтрак — все как раньше, словно я и не покидал больничной койки. Внешне я в общем-то неплохо отделался, хотя ощущение было такое, будто меня сбросили в бочке в Ниагарский водопад. На

руках и на ногах, где я порезался о застежки «кресла»,— бинты, но кости остались целы. Душа — вот где болело больше всего.

Не поймите меня неверно. Старик вправе посылать нас на любое опасное задание — такова работа. Но то, что он со мной сделал... Он знал меня как облупленного и попросту загнал в угол, заставил пойти на то, на что я никогда не согласился бы сам. А затем безжалостно использовал. Мне и самому случалось применять силу, чтобы заставить человека говорить. Иногда, бывает, просто деваться некуда. Но тут совсем другое, можете мне поверить.

Больше всего я переживал из-за Старика. Мэри?.. Кто она мне, в конце концов? Так, просто еще одна симпатичная крошка. Роль приманки ей удалась, и как же я ее за это ненавидел! Конечно, ничего плохого в том, что она пользуется в своей работе женственностью, нет; Отделу просто не обойтись без женщин-агентов. Шпионки всегда были, а молодые и симпатичные во все времена пользовались одними и теми же средствами.

Но она не должна была соглашаться играть в эту игру против своего же коллеги — во всяком случае, против меня.

Не очень логично, по-вашему? Мне, однако, все казалось логичным, и я решил, что с меня довольно. Операцию «Паразит» пусть заканчивают сами. В Адирондаке, в горах, у меня была небольшая хижина с запасом замороженных продуктов примерно на год. Пилюль, растягивающих время, тоже достаточно. Короче, я решил, что отправлюсь туда и наглотаюсь пилюль, а мир пусть спасается без меня — или катится ко всем чертям.

А если кто подойдет ближе чем на сотню ярдов, он либо покажет мне голую спину, либо останется лежать на месте с большой прожженной дырой в груди.

11

Кому-то я должен был рассказать о своем решении, и слушать меня выпало Дорис. То, что со мной сделали, ее не то что возмутило — вывело из себя. Она ведь бинтовала мои раны. По

работе ей, конечно, приходилось видеть и хуже, но сейчас это сделали *свои же*. Когда я рассказал, что думаю об участии Мэри, Дорис спросила:

— Я так понимаю, что ты хотел *жениться* на ней?

— Да. Глупо, правда?

— Она наверняка знала, что делает. Это просто нечестно.— Дорис прервала на секунду массаж, и глаза ее засверкали.— Я эту рыжую никогда не видела, но, если увижу, всю физиономию ей расцарапаю!

Я улыбнулся.

— Ты — славная девушка, Дорис. Надо полагать, ты бы такого не сделала.

— О, мне тоже случалось обводить мужчин вокруг пальца. Но если бы я сделала что-нибудь хоть отдаленно похожее, мне бы, наверно, даже в зеркало на себя смотреть было противно... Ну-ка перевернись, я займусь другой ногой.

Вскоре заявилась Мэри. Сначала я услышал голос Дорис:

— Туда нельзя.

Голос Мэри:

— Мне нужно.

— Ну-ка назад,— прикрикнула Дорис.— А то я повыдергаю тебе твои крашеные лохмы.

За дверью началась возня, затем я услышал звук пощечины и крикнул:

— Эй, что там происходит?

На пороге они появились вместе. Дорис тяжело дышала, волосы у нее были в беспорядке. Мэри, несмотря на инцидент за дверью, держалась с достоинством, но на щеке у нее краснело пятно размером с ладонь Дорис.

Дорис наконец перевела дух:

— Убирайся! Он не хочет тебя видеть.

— Я бы хотела услышать это от него,— ответила Мэри.

Я посмотрел на них обеих и сказал:

— Ладно, чего уж там. Раз она здесь... Я все равно хотел ей кое-что сказать. Спасибо, Дорис.

— Когда ты поумнеешь? — буркнула она и вылетела за дверь. Мэри подошла к кровати.

— Сэм...

— Меня зовут не Сэм.

— Я до сих пор не знаю твоего настоящего имени.

Времени объяснять ей, что родители наградили меня именем Элихью, не было, и я сказал:

— Какая разница? Сойдет и Сэм.

— Сэм,— повторила она,— дорогой мой...

— Я не твой и не дорогой.

— Да, я знаю,— сказала она, склоняя голову.— Но почему? Сэм, я хочу понять, почему ты меня возненавидел. Может быть, я не смогу уже ничего изменить, но мне нужно знать.

Я возмущенно фыркнул.

— И ты еще спрашиваешь? После того, что ты со мной сделала? Мэри, ты, возможно, холодна как рыба, но отнюдь не глупа.

Она покачала головой.

— Все наоборот, Сэм. Я совсем не холодна, но часто бываю глупой. Ну посмотри на меня, пожалуйста. Я знаю, что они с тобой сделали. Знаю, что ты пошел на это, чтобы избавить от пытки меня, и очень тебе благодарна. Но я не понимаю, почему ты меня ненавидишь. Я ведь не просила тебя и не хотела, чтобы ты это делал.

Я промолчал.

— Ты мне не веришь?

Приподнявшись на локте, я сказал:

— Я думаю, ты сама себя убедила, что так оно и есть. Но я могу тебе сказать, как это было на самом деле.

— Скажи, пожалуйста.

— Ты села в это чертово кресло, прекрасно понимая, что я не позволю им проводить эксперимент на тебе. Ты *знала* это, как бы ты ни убеждала себя теперь в обратном. Старик не мог заставить меня — ни угрозой оружия, ни даже под действием наркотиков. А ты могла. И заставила. Заставила меня сделать нечто такое, на что я сам никогда бы не пошел. Мне легче умереть было, чем вновь посадить себе на плечи эту мерзость, эту грязь. И все из-за тебя!

Мэри становилась все бледнее и бледнее; в обрамлении волос ее лицо казалось чуть ли не зеленым. Затем она опомнилась, вздохнула и спросила:

— Ты действительно в это веришь, Сэм?

— А что, это неправда?

— Сэм, все было не так. Я не знала, что ты придешь. Удивилась даже. Но я не могла отступить, потому что обещала.

— «Обещала»,— съязвил я.— Как школьница прямо.

— Едва ли школьница.

— Неважно. И правда ли то, что ты не знала о моем присутствии, тоже не имеет значения. Главное другое: мы оба там были, и ты не могла не понимать, что произойдет, если ты поступишь, как поступила.

— Вот оно в чем дело,— Мэри немного выждала.— Значит, ты так это видишь, и я не могу оспаривать факты.

— Пожалуй.

Довольно долго она стояла, не двигаясь. Я молчал. Наконец Мэри сказала:

— Сэм... ты когда-то говорил, что хочешь на мне жениться.

— Это давно было.

— Я и не ожидала, что ты вновь предложишь. Но я хотела сказать... Независимо от того, что ты обо мне думаешь, я хочу, чтобы ты знал: я очень благодарна за то, что ты ради меня сделал. И... Сэм, я уже ласковая. Ты меня понимаешь?

Я усмехнулся.

— Боже правый, женщины никогда не перестанут меня удивлять. Вы почему-то думаете, что всегда можно просто сбросить счет и начать по новой с одной этой козырной карты.— Я насмешливо улыбался, а она тем временем заливалась краской.— Только на этот раз ничего не выйдет. Не беспокойся, я не воспользуюсь твоим щедрым предложением.

— Что ж, я сама напросилась...— сказала она ровным тоном.— Тем не менее, все сказанное остается в силе. И это, и если я смогу сделать для тебя еще что-то...

Я откинулся на подушку.

— Вообще-то, можешь.

Ее лицо засветилось надеждой.

— Да, Сэм.

— Оставь меня в покое. Я устал,— сказал я и отвернулся.

После полудня заглянул Старик. Увидев его, я в первое мгновение обрадовался: Старика трудно не любить. Затем все вспомнилось, и радость померкла.

— Я хочу с тобой поговорить,— начал он.

— Нам не о чем разговаривать. Убирайся.

Он словно бы и не заметил моей дерзости, прошел в палату, сел.

— Не возражаешь, если я присяду?

— Похоже, ты уже сидишь.

Это он тоже пропустил мимо ушей.

— Знаешь, сынок, ты у меня один из лучших сотрудников, но иногда делаешь поспешные выводы.

— Можешь на этот счет больше не беспокоиться,— ответил я.— Как только доктор меня выпишет, я подаю в отставку.

Старик просто не слышал того, что ему не хотелось слышать.

— Ты торопишься и совершаешь ошибки. Возьми, например, эту девушку, Мэри...

— Какую еще Мэри?

— Ты отлично понимаешь, о ком я говорю. Тебе она известна под фамилией Кавано.

— Сам ее возьми.

— Не зная подробностей, ты наговорил ей черт-те чего. Расстроил ее. Возможно, лишил меня очень способного агента.

— Да? Я прямо слезами обливаюсь.

— Послушай-ка, мальчишка, у тебя нет никаких оснований напускаться на нее со своими обвинениями. Ты просто не знаешь, что произошло.

Я промолчал: попытки объяснить что-то — плохой способ обороны.

— Мне-то ясно, о чем ты думаешь,— продолжал Старик.— Ты считаешь, что она позволила использовать себя в качестве наживки. Но это не совсем так. Она ничего тут не решала. Все это спланировал я.

— Знаю.

— Тогда почему ты злишься на нее?

— Потому что без ее помощи у тебя ничего бы не вышло. Это, конечно, очень благородно с твоей стороны — взять всю вину на себя, но ничего не выйдет.

— По-моему, ты все понимаешь, кроме самого главного: *Мэри ничего не знала.*

— Черта с два! Она была там.

— И что? Сынок, я тебе когда-нибудь лгал?

— Нет,— признался я,— но если будет нужно, я думаю, ты сделаешь это, не моргнув глазом.

— Может быть, я заслужил такие слова,— сказал Старик.— Да, я солгу кому-то из своих, если того потребует безопасность страны. Но до сих пор мне не приходилось этого делать, потому что я специально отбирал людей, которые на меня работают. В данном случае безопасность страны этого не требует, я не лгу, и тебе придется самому решать, правду я говорю или нет. Мэри ничего не знала. Она не знала, что ты будешь в лаборатории. Не знала, почему ты там оказался. Не знала, наконец, что еще не решено, кто сядет в кресло. И не подозревала, что я не собираюсь проводить эксперимент на ней, потому что в качестве подопытного мне подходишь только ты — даже если бы пришлось приказать, чтобы тебя связали и усадили силой. Я бы сделал это, но мой план сработал, и ты согласился сам. Вот тебе и черта с два! Она не знала даже, что тебя выписали.

Очень хотелось ему поверить, поэтому я изо всех сил сопротивлялся. А насчет того, станет ли он врать... Не исключено, что его понимание заботы о безопасности страны включает в себя и необходимость как можно скорее вправить мозги двум первоклассным агентам. Мыслит Старик весьма неординарно.

— Смотри мне в глаза! — добавил он.— Я хочу, чтобы ты зарубил себе на носу: во-первых, все, включая и меня, очень признательны тебе за то, что ты сделал — независимо от мотивов твоего поступка. Я составил рапорт и не сомневаюсь, что тебе дадут медаль. Это останется в силе, даже если ты уйдешь из Отдела. Только не воображай себя этаким героем...

— И не думаю!

— ...потому что на самом деле медаль достанется не тому, кому следовало. По справедливости, ее должна была получить Мэри... Спокойно! Я еще не закончил. Тебя пришлось заставить, но я не критикую: на твою долю и без того выпало немало. Но настоящим, убежденным добровольцем оказалась Мэри. Садясь в кресло, она вовсе не ждала избавления в последнюю секунду, и у нее были все основания полагать, что, даже оставшись в живых, она потеряет рассудок, а это еще страшнее. Но Мэри согласилась, потому что она — героическая натура, а ты, сынок, немного до нее не дотягиваешь.

Не дожидаясь ответа, он продолжил:

— Знаешь, большинство женщин чертовски глупы и наивны. Тем не менее, они могут побольше нашего. Самые храбрые из них храбрее нас, самые способные — способнее, а самые сволочные — сволочнее. Я это к тому говорю, что Мэри в данном случае проявила больше мужества, чем ты сам, а ты взял и обидел ее.

У меня в голове уже все перепуталось, и я не мог решить, правду он говорит или опять водит меня за нос.

— Может быть, я сорвался не на того человека. Но если все было так, как ты сказал...

— Именно так.

— ...это тебя совсем не красит. То, что ты сделал, выглядит тогда еще хуже.

Обвинение он принял, не дрогнув.

— Сынок, мне очень жаль, если я потерял после этого твое уважение, но я, как любой командир во время боя, не могу быть особенно разборчив. Мне еще тяжелее, потому что приходится сражаться другим оружием. Знаешь, есть люди, которые просто не способны, когда нужно, пристрелить свою собаку. Я способен. Может быть, это скверно, но такая уж у меня работа. Если ты когда-нибудь окажешься на моем месте, тебе тоже придется так поступать.

— Едва ли это когда-нибудь случится.

— Думаю, тебе надо отдохнуть и обдумать все это.

— Я возьму отпуск. Бессрочный.

— Как скажешь.

Он поднялся было, но я его остановил:

— Подожди...

— Да?

— Ты мне кое-что обещал. Насчет паразита... Ты сказал, что я смогу убить его, сам. Вы с ним уже закончили?

— Да, но...

Я сел в постели.

— Никаких «но». Дай лучемет. Я сделаю это прямо сейчас.

— Это невозможно. Он мертв.

— Что? Ты же мне обещал!

— Знаю. Но он сдох, когда мы пытались заставить тебя — в смысле, его — говорить.

Меня вдруг разобрал смех. Я захохотал и никак не мог остановиться. Старик встряхнул меня за плечи.

— Перестань! А то тебе плохо станет. Мне жаль, что так вышло, но ничего смешного тут нет.

— Ну как же? — ответил я, всхлипывая и хихикая.— Смешнее я в жизни ничего не слышал. Столько канители, сам обгадился, меня с Мэри поссорил — и все впустую.

— Ха! С чего ты взял?

— А? Ну, я-то знаю. Ты от меня — от нас — ничего не добился. Ничего нового тебе узнать не удалось.

— Черта с два!

— Что «черта с два»?

— Ты даже не представляешь себе, насколько успешным оказался эксперимент. Верно, мы ничего не добились от самого паразита, но выяснили кое-что у тебя.

— У меня?

— Вчера. Ночью мы накачали тебя наркотиками, загипнотизировали, сняли запись мозговой активности — короче, выжали и повесили сушиться. Перед смертью паразит многое тебе сообщил, и, когда ты от него освободился, гипноаналитик вытянул из тебя всю информацию.

— Например?

— Например, где эти твари живут. Теперь мы знаем, откуда они прилетели, и можем нанести ответный удар. Титан, шестой спутник Сатурна.

Когда он сказал это, я вновь почувствовал, как сжимается у меня горло, и понял, что он прав.

— Ты, разумеется, сопротивлялся,— рассказывал дальше Старик.— Пришлось привязать тебя к кровати, чтобы ты совсем себя не изувечил. Тебе и без того досталось.

Он закинул покалеченную ногу на кровать и чиркнул спичкой. Видимо, ему изо всех сил хотелось прежних добрых отношений. Что до меня, то и я, в общем-то, не хотел уже ссориться; голова кружилась и очень многое нужно было осмыслить. Титан... Далековато, конечно. Пока что люди не летали дальше Марса, если не считать экспедицию Сигрейвса в систему Юпитера, но эта экспедиция так и не вернулась.

Однако, если будет нужно, мы сумеем добраться до Титана. Добраться и выжечь этот их гадюшник!

Старик наконец встал и проковылял к двери, но я остановил его:

— Папа...

Я не называл его так уже долгие годы. Он остановился и обернулся с удивленным, беззащитным выражением на лице.

— Да, сынок.

— Почему вы с мамой назвали меня Элихью?

— Э-э-э... Так звали твоего деда по линии матери.

— Хм. Не самая веская причина, я бы сказал.

— Возможно, ты прав.

Он повернулся, но я снова задержал его.

— Пап, а какой была мама?

— Мама? Я не знаю, как тебе объяснить. Но знаешь... они с Мэри очень похожи. Да, очень.— И он вышел, не дав мне возможности спросить еще что-нибудь.

Я отвернулся к стене и спустя какое-то время понял, что уже совсем успокоился.

12

Когда меня выписали, я отправился искать Мэри. Кроме слов Старика, у меня по-прежнему ничего не было, но теперь мне начало казаться, что я и в самом деле выставил себя полным идиотом.

Я не ждал, что она обрадуется моему появлению, но хотелось както оправдаться.

Вы, возможно, скажете, что разыскать высокую красивую рыжеволосую девушку ничего не стоит: ее, мол, все должны помнить. Но агенты-оперативники то и дело исчезают на задания, а у сотрудников базы не принято болтать лишнего. В отделе личного состава со мной просто не стали разговаривать и направили в оперативный отдел, то есть к Старику, что меня совсем не устраивало.

Еще большую подозрительность мои вопросы вызвали у дежурного, который следит за теми, кто прибывает и отбывает. Я чувствовал себя, как шпион в своем собственном Отделе.

Потом мне пришло в голову обратиться в лабораторию. Начальника я не нашел, и пришлось говорить с заместителем. Тот сделал вид, что вообще ничего не знает о девушке, участвовавшей в проекте «Интервью», почесался и занялся своими бумагами. Выбора не оставалось, и я пошел к Старику.

За столом мисс Хайнс сидела новая секретарша. Мисс Хайнс я, кстати, так больше и не видел, но расспрашивать о ее судьбе тоже не стал. Просто не хотел знать. Новая секретарша ввела мой личный код, и — о чудо! — Старик оказался на месте и согласился меня принять.

— Ты чего пришел? — ворчливо спросил он.

— Подумал, что у тебя, может быть, есть для меня какая-нибудь работа,— ответил я, хотя собирался сказать совсем другое.

— Вообще-то, я как раз собирался тебя вызвать. Ты и так уже долго прохлаждаешься.— Он гавкнул что-то в интерком и встал.— Пошли.

Я вдруг почувствовал себя совершенно спокойно.

— В «Косметику»?

— Сегодня сойдет и твоя собственная физиономия. Мы едем в Вашингтон.— Тем не менее мы зашли в «Косметику», но только для того, чтобы переодеться в уличную одежду. Я получил пистолет, и заодно там проверили мой аппарат связи.

Охранник на входе заставил нас оголить спины, и лишь после этого позволил подойти и отметиться. Мы поднялись наверх и оказались на одном из нижних уровней Нью-Филадельфии.

— Надо понимать, этот город чист? — спросил я Старика.

— Если ты действительно так думаешь, у тебя совсем мозги заржавели,— ответил он.— Гляди в оба.

Расспросить его подробней уже не удалось. Присутствие такого большого числа полностью одетых людей здорово действовало на нервы. Я невольно сторонился прохожих и выискивал взглядом сутулых. А подниматься в переполненном лифте до стартовой платформы вообще казалось безумием. Когда мы нырнули наконец в машину, и Старик набрал код, я ему так и сказал.

— Куда, черт побери, смотрят власти? Мы только что прошли мимо полицейского, и у него, ей-богу, был горб!

— Возможно. Очень даже возможно.

— Вот тебе раз. Я-то думал, у тебя все схвачено, и их теснят на всех фронтах.

— У тебя есть какое-то предложение?

— Да это же проще простого. Даже если начнутся морозы, никто не должен ходить с закрытой спиной, пока мы не убедимся, что перебили всех паразитов.

— Верно.

— Так в чем... Послушай, а Президент знает, что происходит?

— Знает.

— Тогда чего он ждет? Ему нужно объявить военное положение и начать действовать.

Старик задумчиво разглядывал сельский пейзаж внизу.

— Сынок, ты что, серьезно считаешь, что этой страной управляет Президент?

— Нет, конечно. Но он единственный, кто может что-то сделать.

— Хм-м... Знаешь, премьера Цветкова иногда называют «пленником Кремля». Как бы там ни было, а наш Президент такой же пленник Конгресса.

— Ты хочешь сказать, что Конгресс ничего не предпринял?

— Последние несколько дней, после того, как мы предотвратили покушение на Президента, я занимался тем, что помогал ему убедить конгрессменов. Тебе никогда не приходилось выступать в роли ответчика перед комиссией Конгресса, сынок?

Я попытался представить себе общую картину. Получалось, что мы сидим на месте, как додо, дураки дураками, и если не стронемся с места, человечество просто вымрет — так же, как додо.

— Пора тебе осознать наконец политические реалии. Конгресс, случалось, отказывался действовать перед лицом и более очевидной опасности. А в данном случае опасность совсем не очевидна. Доказательств очень мало, да и не каждый в них поверит.

— А как насчет заместителя министра финансов? Они же не могут просто проигнорировать случившееся.

— Ой ли? У заместителя министра сорвали паразита со спины прямо в Белом доме, в восточном крыле, и при этом пришлось убить двух его охранников из секретной службы. Но сам достопочтенный джентльмен лежит теперь в больнице с нервным потрясением и вообще не помнит, что с ним произошло. Министерство финансов сообщило, что предотвращена попытка покушения на Президента. По сути верно, но они представили все в ином свете.

— И Президент при этом промолчал?

— Его советники предложили ему выждать. Большинство из них колеблется, а в обеих палатах полно людей, которые только и ждут, когда он совершит какую-нибудь серьезную ошибку. Политическая борьба между партиями это тебе не шуточки.

— Боже, по-моему, в такое время просто нельзя заниматься политическими маневрами!

Старик удивленно поднял брови.

— Это по-твоему.

В конце концов я задал вопрос, ради которого и пришел к нему в кабинет: где Мэри?

— Странно, что ты спрашиваешь,— буркнул он. Я промолчал, и он добавил: — Там, где ей положено быть. Она охраняет Президента.

Первым делом мы направились на закрытое заседание специального комитета из представителей обеих палат. Когда мы туда явились, на стереоэкране как раз показывали моего приятеля — антропоида по кличке Наполеон — сначала его с титанцем на спине, а затем крупным планом самого титанца. Паразиты

похожи один на другого, как две капли воды, но я знал, чей этот, и был просто счастлив, что он уже мертв.

Потом показали меня. Я видел, как меня привязывают к креслу, и выглядел я, чего уж там говорить, не лучшим образом: когда человек действительно напуган, это его не красит. Титанца сняли с обезьяны и пересадили на мою голую спину. Я — на экране — тут же потерял сознание, после чего чуть не потерял сознание в зале. Описывать дальнейшее не стану: тошно.

Но, в конце концов, я увидел, как тварь сдохла. Ради этого стоило посмотреть и все остальное.

Запись кончилась, и председатель произнес:

— Итак, джентльмены?

— Господин председатель!

— Слово предоставляется джентльмену из Индианы.

— Без всякого предубеждения к вопросу, хочу, тем не менее, заметить, что в Голливуде делают комбинированные съемки и получше.

В зале загомонили, и кто-то крикнул: «Тише! Тише!»

После этого вызвали для дачи свидетельских показаний руководителя биологической лаборатории, а затем пригласили к стойке меня. Я назвал свое имя, постоянный адрес, должность и ответил на несколько вопросов о моем пребывании под властью титанцев. Вопросы читали по бумажке, и больше всего меня задело то, что мои ответы их, в общем-то, не интересовали. Трое из членов комитета читали во время слушания газеты.

Из зала мне задали вопросы только двое.

Один сенатор спросил:

— Мистер Нивенс... Ваша фамилия действительно Нивенс?

Я подтвердил.

— Мистер Нивенс, из ваших слов я понял, что вы занимаетесь оперативной работой.

— Да.

— Надо полагать, в ФБР?

— Нет. Мой начальник отчитывается непосредственно перед Президентом.

Сенатор улыбнулся.

— Так я и думал. А теперь, мистер Нивенс... вы ведь профессиональный актер, не так ли? — И он сделал вид, что сверяется со своими бумагами.

Видимо, я пытался отвечать слишком правдиво. Хотел объяснить, что действительно играл летом один сезон, но, тем не менее, я самый что ни на есть настоящий агент-оперативник. Бесполезно.

— Достаточно, мистер Нивенс. Спасибо.

Второй вопрос задал пожилой сенатор, которому хотелось знать мое мнение о расходовании денег налогоплательщиков на вооружение других стран — при этом он пространно изложил свои собственные взгляды. У меня к этой проблеме отношение сложное, но высказаться мне все равно не дали. Секретарь сразу же заявил:

— Вы свободны, мистер Нивенс.

— Послушайте,— попытался отстоять свое я,— вы, похоже, считаете, что вас хотят обмануть. Ну так принесите сюда детектор лжи! Или допросите меня под гипнозом. А то это заседание больше походит на дурную шутку.

— Вы свободны, мистер Нивенс!

Я сел.

Старик говорил, что цель этого совместного заседания — подготовка резолюции о введении военного положения и предоставлении Президенту чрезвычайных полномочий. Но похоже было, что от нас отмахнулись еще до голосования.

— Плохи наши дела,— сказал я Старику.

— Не обращай внимания,— ответил он.— Президент понял, что тут ничего не выйдет, едва только узнал состав комитета.

— И что нам теперь делать? Ждать, когда паразиты захватят весь Конгресс?

— Президент собирается обратиться за полномочиями непосредственно к Конгрессу.

— Он их получит?

Старик промолчал и нахмурился еще больше.

Совместное заседание обеих палат Конгресса было секретным, но мы присутствовали по прямому указанию Президента и

сидели на маленьком балкончике позади трибуны. Открыли заседание с соблюдением всех формальностей, затем «поставили в известность» Президента. Он явился сразу же, в сопровождении своих помощников и телохранителей, но охрана теперь состояла из наших людей.

Мэри тоже оказалась в свите. Кто-то поставил рядом с Президентом складное кресло для нее; она делала пометки в своем блокноте и то и дело вручала Президенту какие-то бумаги — короче, изображала секретаршу. Но на этом маскарад заканчивался. Выглядела она, словно Клеопатра в теплую ночь — одним словом, так же неуместно, как кровать в церкви. Внимание на нее обращали не меньше, чем на Президента.

Я перехватил ее взгляд, и она улыбнулась. Я тоже расплылся в улыбке, но Старик тут же ткнул меня в бок. Пришлось возвращаться с небес на землю.

Президент четко и последовательно объяснил Конгрессу ситуацию. Прямолинейностью и логикой доклад больше напоминал отчет о конструкторских разработках — и примерно в такой же мере был эмоционален. Президент просто излагал факты. Затем отложил текст и продолжил:

— Ситуация складывается столь необычная и страшная, столь далекая от всего того, с чем приходилось сталкиваться стране, что для преодоления кризиса я вынужден просить Конгресс о предоставлении широких полномочий. В некоторых районах необходимо будет ввести военное положение. На какое-то время нам придется пойти на значительное ущемление гражданских прав. Свобода перемещения должна быть ограничена. Неприкосновенность от обысков и арестов должна уступить место праву на безопасность для всех. Поскольку любой гражданин, независимо от его положения в обществе и лояльности, может против своей воли оказаться прислужником нашего тайного врага, всем гражданам придется смириться с некоторым ограничением прав и в какой-то мере поступиться личным достоинством до полной победы над чумой. Я с тяжелым сердцем прошу Конгресс утвердить эти крайне необходимые меры.

Президент сел.

Настроение зала определить обычно не сложно. Конгрессмены были явно обеспокоены, но все же Президент не убедил их до конца. Вице-президент поглядывал на лидера сенатского большинства: по договоренности, он должен был предложить резолюцию.

Не знаю, то ли лидер большинства покачал головой, то ли просигналил еще как-то, но на трибуну он не поднялся. Неловкая пауза затягивалась, а из зала то и дело выкрикивали: «Господин Президент!» и «Тихо! Тихо!»

Вице-президент, не замечая других желающих выступить, предоставил слово члену своей партии, сенатору Готлибу. Этот «гвардейский конь» проголосует даже за свое собственное линчевание — в том случае если оно включено в программу партии. Начал Готлиб с заверений собравшихся в своей крайней преданности Конституции, «Биллю о правах»* и чуть ли не Гранд-Каньону. Затем скромно упомянул свою долгую службу и очень высоко отозвался о месте Америки в истории. Я поначалу думал, что он просто тянет время, пока команда выработает новые формулировки, но потом вдруг понял, к чему все это говорится: он предлагал изменить порядок работы заседания с тем, чтобы отстранить в порядке импичмента и предать суду Президента Соединенных Штатов!

Видимо, не до одного меня дошло не сразу: сенатор так густо пересыпал свою речь трескучими ритуальными фразами, что трудно было понять, в чем суть предложения. Я посмотрел на Старика.

Тот не отрывал глаз от Мэри.

Она, в свою очередь, смотрела на него, словно ей не терпелось сообщить какую-то важную новость.

Старик выхватил из кармана отрывной блокнот, что-то торопливо нацарапал, сложил записку и кинул ее Мэри. Она поймала записку на лету, прочла и передала Президенту.

Тот сидел с совершенно беззаботным видом, словно и не замечал, как один из его старых друзей на глазах у всего Конгресса крошит в капусту главу государства и с ним безопасность республики. Он прочитал записку, медленно повернул голову и взглянул на моего шефа. Старик кивнул.

Президент подтолкнул локтем вице-президента. Тот наклонился, и они о чем-то зашептались.

Готлиб все еще гремел. Вице-президент постучал молоточком.

— Прошу прощения, сенатор.

На лице у Готлиба промелькнуло удивление, но он тут же с собой справился.

— Я еще не закончил.

— Я ни в коем случае не хочу лишать вас слова. Но в силу важности предмета вашего выступления вас просят пройти на трибуну.

Готлиб бросил на вице-президента недоуменный взгляд, но все же двинулся вперед. Кресло Мэри загораживало ведущие на трибуну ступеньки, но вместо того, чтобы просто подвинуться, она вдруг засуетилась, потом подняла кресло и повернулась, совсем преградив сенатору путь. Готлиб остановился, и она, покачнувшись, задела его. Тот поймал ее за руку — отчасти чтобы и самому удержаться на ногах. Мэри что-то сказала, он ответил, но слов никто не расслышал. Наконец Готлиб прошел к трибуне.

Старик дрожал, как гончая, завидевшая добычу. Мэри подняла взгляд и кивнула.

— Взять его! — сказал Старик.

В то же мгновение я перемахнул через барьер и в прыжке обрушился на Готлиба. Старик успел крикнуть: «Перчатки!», но времени не было. Я одним рывком разодрал пиджак на спине сенатора и увидел под рубашкой пульсирующее тело паразита. Я рванул рубашку, и теперь его могли видеть все.

Чтобы зафиксировать то, что творилось в зале в последующие несколько секунд, не хватило бы и десятка стереокамер. Я двинул Готлиба по голове, чтобы не трепыхался. Мэри придавила ему ноги. Президент вскочил и крикнул: «Вот! Теперь вы все видите!» Вице-президент тоже стоял, но в полной растерянности лишь стучал своим молоточком. Конгресс превратился в толпу, мужчины кричали, женщины визжали. Старик громогласно раздавал приказы президентской охране.

Спустя какое-то время оружие в руках телохранителей и стук молоточка утихомирили страсти, и в зале воцарилось некоторое подобие порядка. Слово взял Президент. Случай, сказал он, дал конгрессменам возможность увидеть врага своими глазами. Все

могут подойти по очереди и посмотреть на пришельца с самого большого спутника Сатурна. Не дожидаясь реакции на свое предложение, он указал на первый ряд и попросил всех сидящих там подняться.

Весь первый ряд двинулся на трибуну.

Мэри оставалась рядом. Люди проходили мимо нас, и одна женщина даже впала в истерику. Когда прошли человек двадцать, я заметил, что Мэри снова подала знак Старику, и на этот раз даже чуть опередил его приказ. Конгрессмен оказался молодым и здоровым, из бывших морских пехотинцев — могла бы завязаться драка, но двое наших стояли рядом, и мы уложили его рядом с Готлибом.

После этого, несмотря на протесты со стороны некоторых конгрессменов, началась повальная проверка. Женщин я хлопал по спине и одну поймал сразу. Чуть позже решил, что поймал еще одну, но, к моему смущению, оказалось, что я ошибся и принял за паразита складки жира. Мэри выявила еще двоих, затем очень долго — около трехсот человек — никто не попадался. Очевидно, носители оттягивали развязку, оставаясь в конце зала.

Восьмерых вооруженных охранников, даже если со мной, Мэри и Стариком получалось одиннадцать стволов, было явно мало, и если бы секретариат не организовал подкрепление, большинство паразитов сумели бы уйти. С помощью дополнительной охраны мы поймали тринадцать слизняков, десять из них живьем. Из носителей только один был тяжело ранен, остальные, можно сказать, не пострадали.

13

Разумеется, Президент получил чрезвычайные полномочия, и Старик стал его главнокомандующим *de facto*. Наконец-то мы могли двигаться вперед. У Старика уже был готов достаточно простой план. Карантин, который мы предлагали, пока зараза еще не расползлась из Де-Мойна, теперь вряд ли бы помог. Прежде чем начинать сражение, нужно было узнать, где враг. Но прави-

тельственные агенты не могут проверить двести миллионов человек, люди должны сделать это сами.

Поэтому первым этапом операции «Паразит» планировался режим «Голая спина». Смысл состоял в том, что все — абсолютно все — должны раздеться до пояса и оставаться раздетыми до тех пор, пока титанцы не будут обнаружены и уничтожены. Женщинам, конечно, можно носить бюстгальтеры с застежкой на спине: в конце концов, паразит не может спрятаться под тонкой лямочкой.

К речи, с которой Президент собрался выступить по стереовидению, мы подготовили специальный фильм. Быстрыми действиями удалось сохранить в живых семь паразитов, что мы поймали в священных залах Конгресса, и все они жили теперь на спинах животных-носителей. Мы решили показать их и частично, без наиболее отвратительных фрагментов, запись моего допроса. Планировалось, что сам Президент появится перед камерами в шортах, а манекенщицы в приложении продемонстрируют образцы одежды этого сезона для «модно раздетых граждан», включая и панцирь для головы и спины, защищающий человека даже во сне.

Все это, непрерывно глотая черный кофе, мы приготовили за одну ночь. В качестве «убойного» финала программы планировался фрагмент с заседания Конгресса, обсуждающего чрезвычайное положение, где все — и мужчины, и женщины — сидят с голыми спинами.

За двадцать восемь минут до эфира Президенту позвонили из здания Конгресса. Я при этом присутствовал, поскольку Старик с Президентом работали всю ночь, а меня держали при себе для различных поручений. Мы все были в шортах, поскольку в Белом доме уже вступил в силу режим «Голая спина». Президент даже не стал глушить от нас свои реплики в трубку.

— Да,— ответил он.— Ты уверен? Хорошо, Джон, что ты посоветуешь?.. Ясно. Нет, я думаю, это не пойдет... Видимо, мне лучше явиться самому. Скажи им, пусть подготовятся.— Президент оттолкнул от себя аппарат и приказал одному из своих помощников:

— Передай, пусть немного задержат эфир.— Затем повернулся к Старику.— Пойдем, Эндрю. Нам нужно в Капитолий.

Он послал за своим камердинером и направился в гардеробную рядом с кабинетом. Вскоре вышел, уже полностью одетый, как для важного государственного мероприятия, но ничего не стал объяснять. Все остальные как были в «гусиной коже», так и двинулись в Капитолий.

Там снова шло совместное заседание, и у меня возникло такое чувство, будто я оказался в церкви без штанов: все конгрессмены и сенаторы были одеты, как обычно. Потом я заметил, что курьеры щеголяют в одних шортах, без рубашек, и мне стало немного легче.

Некоторым, очевидно, легче умереть, чем потерять достоинство. Сенаторы здесь среди первых, да и конгрессмены не отстают. Они дали Президенту полномочия, которые он запрашивал, режим «Голая спина» тоже обсудили и одобрили. Но никто не хотел понимать, что это касается и их самих. В конце концов, их ведь уже досмотрели и признали чистыми. Возможно, кто-то и осознавал, что это не бог весть какой довод, но никому не хотелось быть инициатором публичного стриптиза. Они сидели одетые и уверенные в себе.

Поднявшись на трибуну, Президент выжидал до полной тишины в зале, а затем медленно и спокойно начал раздеваться. Оставшись голым по пояс, он повернулся спиной к залу, расставил руки, и лишь после этого заговорил.

— Я сделал все, чтобы вы могли видеть: руководитель государства не стал пленником врага.— Президент выдержал паузу.— А как насчет *вас?*

Последнее слово он выкрикнул, окинув взглядом весь зал, затем ткнул пальцем в младшего секретаря.

— Например, ты, Марк Каммингс! Ты лояльный гражданин Соединенных Штатов или зомби, работающий на захватчиков? Рубашку, быстро!

— Господин Президент...— С места поднялась Чарити Эванс из штата Мэн. С виду — симпатичная учительница. Я сразу заметил, что она хотя и полностью одета, но на ней вечернее платье. До пола, но с таким вырезом, что дальше некуда. Она повернулась, словно манекенщица: выше поясницы спина была голая.

— Этого достаточно, господин Президент?

— Вполне достаточно, мадам.

Каммингс с красным, как свекла, лицом расстегивал пиджак. В центре зала встал еще кто-то — сенатор Готлиб. Выглядел он так, словно ему лучше было бы остаться на больничной койке: серые щеки запали, губы совсем посинели. Но держался он прямо и с невероятным достоинством последовал примеру Президента. Затем обернулся, показывая спину всем собравшимся: после паразита на спине еще оставалась красная сыпь.

— Вчера вечером,— произнес он,— я стоял в этом зале и говорил вещи, которые в обычных обстоятельствах меня не заставили бы сказать даже под пыткой. Вчера вечером я не принадлежал самому себе. Сегодня я — это я. Вы что, не видите, что Рим горит? — Неожиданно у него в руке появился пистолет.— Всем встать, черт бы вас побрал! Если через две минуты я не увижу чью-то голую спину, стреляю!

Люди рядом с ним попытались схватить его за руки, но он отмахнулся пистолетом, как мухобойкой, разбив одному из них лицо. Я тоже выхватил пистолет, приготовившись его поддержать, но в этом уже не было необходимости. Все и без того поняли, что он опасен, как разъяренный бык, и вокруг него мгновенно образовалось пустое пространство.

На несколько секунд все замерли, а потом вдруг принялись скидывать одежду, словно духоборы*. Один человек метнулся было к выходу, но его тут же сбили с ног. У него, правда, паразита не оказалось, но зато мы поймали трех других. В эфир Президент вышел на десять минут позже, а Конгресс начал первое за всю историю заседание «с голыми спинами».

14

«ЗАПРИТЕ ДВЕРИ!»

«ЗАКРОЙТЕ ЗАСЛОНКИ В КАМИНАХ!»

«НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ХОДИТЕ В НЕОСВЕЩЕННЫХ МЕСТАХ!»

«ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ТОЛП!»

«ЧЕЛОВЕК В ПИДЖАКЕ – ВРАГ: СТРЕЛЯЙТЕ!»

На страну обрушилась лавина пропаганды. Одновременно по всей территории с воздуха проводился поиск летающих тарелок. Все службы слежения за околоземным пространством несли постоянное боевое дежурство. Воинские подразделения, от десантников до ракетных частей, ждали наготове, чтобы по первому приказу уничтожить любой неопознанный объект.

В незараженных районах люди снимали рубашки, кто добровольно, кто под принуждением, осматривались и не находили никаких паразитов. Они следили за новостями, недоумевали и ждали, когда правительство объявит, что опасность миновала. Но ничего нового не происходило, и у людей — как у простых людей, так и у официальных лиц — стали появляться сомнения: стоит ли, мол, и дальше бегать по улицам в костюмах для загара?

Зараженные области? Как ни странно, сообщения оттуда почти не отличались от сообщений из других мест.

Во времена господства радио такого бы не случилось: вашингтонская станция, откуда передали экстренное сообщение, просто перекрыла бы всю страну. Но стереовидение работает на волнах гораздо более коротких и требует релейных станций в пределах прямой видимости, поэтому местные студии обслуживаются местными же станциями — цена, которую мы платим за многоканальное вещание и высокое качество изображения.

В зараженных районах всеми телестанциями заправляли паразиты, а люди просто не услышали предупреждения правительства.

Тем не менее к нам в Вашингтон поступало множество сообщений, свидетельствовавших о том, что нас там слышали. Из Айовы, например, шли такие же доклады, как, скажем, из Калифорнии. Губернатор Айовы одним из первых откликнулся на обращение Президента и пообещал полную поддержку. Они даже передали запись выступления губернатора перед избирателями, где он был по пояс голый. Губернатор стоял лицом к камере, и меня так и подмывало сказать ему, чтобы повернулся спиной. Затем пошло изображение с другой камеры: на экране появилась

спина крупным планом, а из динамика слышался все тот же голос губернатора. Мы смотрели передачу в президентском конференц-зале. Президент велел Старику оставаться при нем. Я остался за компанию, а Мэри по-прежнему несла бессменное дежурство. Кроме нас присутствовали шеф секретной службы Мартинес и верховный главнокомандующий, маршал авиации Рекстон.

Президент досмотрел передачу до конца и повернулся к Старику.

— И что же, Эндрю? Мне казалось, именно Айову ты предлагал окружить кордоном.

Старик пробормотал что-то неразборчивое.

— Насколько я понимаю...— сказал маршал Рекстон.— Хотя у меня и не было времени, чтобы разобраться в ситуации досконально, но я думаю, они ушли в подполье. Возможно, нам придется прочесывать подозрительные районы дюйм за дюймом.

— Прочесывать Айову копну за копной мне совсем не улыбается,— пробурчал Старик.

— Как же вы предлагаете справиться с этой проблемой, сэр?

— Прежде всего надо понять, с кем мы имеем дело. Они не могут уйти в подполье, потому что им обязательно нужны носители.

— Что ж... Предположим, это действительно так. Как по-вашему, сколько в Айове паразитов?

— Откуда мне, черт побери, знать? Они со мной не поделились этими сведениями.

— Но если предположить по максимуму? Если...

— У вас нет никаких оснований для подобных предположений,— перебил Старик маршала.— Неужели вы не поняли, что титанцы выиграли еще один раунд?

— Э-э-э...

— Мы только что слушали губернатора. И нам дали взглянуть на его спину — скорее всего, на чью-то чужую спину. Но вы заметили, что он ни разу не повернулся перед камерой?

— Повернулся,— сказал кто-то.— Я сам видел.

— У меня, во всяком случае, создалось впечатление, что он повернулся,— медленно произнес Президент.— Ты хочешь сказать, что губернатор Паккер тоже во власти паразитов?

— Безусловно. Вы видели именно то, что они хотели показать. Перед тем как он повернулся, пошло изображение с другой камеры, но люди практически никогда не обращают на это внимания. Можете не сомневаться, господин Президент: сообщение из Айовы сфабриковано.

Президент задумался. Заговорил Мартинес:

— Это невозможно. Допустим, что обращение губернатора к избирателям — подделка; для хорошего актера, в конце концов, это совсем не сложная роль. Но мы могли выбрать любой из множества каналов стереовещания Айовы. Как насчет репортажей с улиц Де-Мойна? Только не говорите мне, что можно «сфабриковать» сотни по пояс голых людей, расхаживающих по улицам! Или ваши паразиты занимаются еще и массовым гипнозом?

— Насколько мне известно, такой способностью они не обладают,— согласился Старик.— Иначе нам точно крышка. Но с чего вы взяли, что это Айова?

— Э-э-э... Ну как же? Ведь передача шла по каналам вещания Айовы.

— И что это доказывает? Вы заметили названия улиц? По виду, это типичная улица с магазинами в центре города. И если не обращать внимания на слова комментатора, то какой город мы видели?

Шеф службы безопасности замер с открытым ртом. У меня почти идеальная зрительная память, как и положено агенту, и я мысленно прокрутил еще раз только что увиденный сюжет. Мало того, что я не мог сказать, какой это город, непонятно было даже, в какой части страны снимали репортаж. На экране мог быть любой город — Мемфис, Сиэтл, Бостон или что-то еще. В Америке большинство городских центров похожи друг на друга, как стандартные парикмахерские.

— Не напрягайтесь,— сказал Старик.— Я специально выискивал какие-нибудь характерные особенности, но и мне это не удалось. Объяснение тут очень простое: видеостанция Де-Мойна записала уличную сцену с голыми спинами, что транслировал какой-нибудь другой, незахваченный город, и передала ее по своему каналу с собственными комментариями. При этом они

вырезали все, что могло дать какую-то привязку к местности, и мы проглотили наживку, ничего не заподозрив. Враг отлично нас знает, джентльмены. Всю кампанию они разработали до мельчайших деталей и готовы переиграть нас, какой бы ход мы ни сделали.

— Но, может быть, ты просто паникуешь, Эндрю? — сказал Президент.— Есть и еще одно объяснение: вдруг титанцы просто перебазировались куда-то еще?

— Они по-прежнему там,— категорично заявил Старик,— но это, конечно, ничего не доказывает.— Он махнул рукой на стереоэкран.

Мартинес поежился.

— Черт-те что! Вы утверждаете, что мы не можем получить из Айовы ни одного достоверного сообщения, словно эта территория оккупирована.

— Так оно и есть.

— Но я был в Де-Мойне только два дня назад. Там все было нормально. Ладно, я не сомневаюсь, что ваши паразиты существуют, хотя сам ни одного не видел. Но давайте тогда отыщем их и вырвем эту заразу с корнем вместо того, чтобы сидеть на месте и придумывать фантастические объяснения.

Старик устало вздохнул и сказал:

— Чтобы захватить страну, достаточно подчинить себе связь. Вам, мистер Мартинес, лучше поторопиться, а то вы останетесь вообще без связи.

— Но я только...

— Это ваша работа, вот и вырывайте их с корнем! — перебил его Старик.— Я вам уже сказал, что они в Айове. И в Нью-Орлеане, и еще в десятках других мест. Свою работу я сделал.— Он встал.— Господин Президент, в моем возрасте нелегко обходиться так долго без сна. Не доспав, я, бывает, срываюсь. Могу я немного отдохнуть?

— Да, конечно, Эндрю.

На самом деле Старик никогда не срывается, и я думаю, Президент это знал. Он просто заставляет срываться других.

Тут снова заговорил Мартинес:

— Подождите! Вы позволили себе кое-какие необоснованные утверждения. Я бы хотел устроить проверку прямо сейчас.— Он повернулся к главнокомандующему.— Рекстон!

— Э-э-э... Да, сэр.

— Там около Де-Мойна недавно построена база. Форт как его там, названный в честь этого, не помню...

— Форт-Паттон*.

— Точно. Нечего тянуть. Пусть нас соединят по линии связи командования.

— С изображением.

— Разумеется, с изображением, и мы покажем этому... Я хочу сказать, мы увидим истинное положение дел в Айове.

С разрешения Президента маршал подошел к стереоэкрану, связался со штабом службы безопасности и приказал вызвать дежурного офицера в Форт-Паттоне, штат Айова.

Спустя несколько минут на экране появился молодой офицер на фоне приборов центра связи. Он сидел по пояс голый, а звание и род войск были обозначены на фуражке. Мартинес с победной улыбкой повернулся к Старику.

— Ну что, видите?

— Вижу.

— Чтобы вы убедились до конца... Лейтенант!

— Да, сэр! — Молодой офицер несколько ошарашенно переводил взгляд с одной знаменитости на другую. Передача и прием были отлично синхронизированны: изображение смотрело именно туда, куда переводил глаза дежурный.

— Встаньте и повернитесь,— приказал Мартинес.

— Э-э-э... Есть, сэр.— Он с удивленным видом повиновался, но при этом верхняя часть его тела скрылась из поля зрения передающей камеры. Мы видели его голую спину, но только чуть выше поясницы.

— Черт! — не сдержался Мартинес.— *Сядьте* и повернитесь!

— Есть, сэр! — Молодой человек, казалось, смутился, потом добавил: — Секунду, я увеличу угол зрения камеры.

Изображение вдруг расплылось, и по стереоэкрану забегали радужные полосы, однако голос офицера все еще был слышен:

— Вот... Так лучше, сэр?

— Черт побери, мы вообще ничего не видим!

— Не видите? Секундочку, сэр.

Неожиданно экран ожил, и в первое мгновение я решил, что наладилась связь с Форт-Паттоном. Но на этот раз на экране появился майор, и кабинет за его спиной казался больше.

— Штаб службы безопасности, сэр,— доложило изображение.— Дежурный офицер связи, майор Донован.

— Майор,— произнес Мартинес сдержанно,— у нас был разговор с Форт-Паттоном. Что произошло?

— Да, сэр, я следил на контрольном экране. Небольшие технические неполадки. Мы сейчас же восстановим связь.

— Поторопитесь!

— Есть, сэр.— Экран зарябил и погас.

Старик встал.

— Ладно, я пошел спать. Позвоните мне, когда устранят эти «небольшие технические неполадки».

15

Я, честное слово, не хотел, чтобы у вас создалось впечатление, будто Мартинес глуп. Никто поначалу не понимал, на что способны эти твари. Нужно увидеть хотя бы одного паразита своими глазами — и тогда уже вы поверите всей душой.

У маршала Рекстона с головой тоже, разумеется, все в порядке. Они пытались связаться еще с несколькими частями в пораженных районах, и, убедившись, что «технические неполадки» возникают слишком удобно для паразитов, проработали всю ночь. Около четырех утра они позвонили Старику, а тот вызвал меня.

Все собрались в том же кабинете — Мартинес, Рекстон, еще двое его шишек и Старик. Когда я подошел, явился Президент в махровом халате. Мэри следовала за ним по пятам. Мартинес начал что-то говорить, но Старик его перебил:

— Ну-ка покажи спину, Том.

Мэри просигналила, что все в порядке, но Старик сделал вид, что не замечает ее.

— Я серьезно,— добавил он.

— Ты прав, Эндрю,— сказал Президент спокойно и, скинув халат до пояса, предъявил свою голую спину.— Если я не буду показывать пример, то как мне тогда добиться поддержки от всех остальных?

Мартинес и Рекстон утыкали всю карту страны булавками: красные — для пораженных районов, зеленые — для чистых, и еще несколько янтарных. Айова напоминала щеки больного корью. Нью-Орлеан и округ Тич выглядели не лучше. Канзас-Сити тоже. Верхняя часть системы Миссури-Миссисипи от Миннеаполиса и Сент-Пола до самого Сент-Луиса уже находилась во власти врага. Ниже к Нью-Орлеану красных булавок становилось меньше, но зеленых не было. Красное пятно расползалось вокруг Эль-Пасо, и еще два выделялись на восточном побережье.

Президент подошел и осмотрел карту.

— Нам понадобится помощь Канады и Мексики,— сказал он.— Оттуда есть какие-нибудь сообщения?

— Ничего достоверного, сэр.

— Канада и Мексика — это только начало,— серьезно произнес Старик.— Нам понадобится помощь всего мира.

— Видимо,— сказал Рекстон.— А как насчет России?

На этот вопрос никто ответить не мог. Слишком большая страна, чтобы оккупировать, и слишком большая, чтобы не обращать внимания. Третья мировая война не решила никаких связанных с Россией проблем, да и никакая война не сможет их решить. Однако паразиты могут устроиться там, как у себя дома.

— Когда время подойдет, мы с этим разберемся,— сказал Президент и провел пальцем по карте.— Связь с восточным побережьем нормальная?

— Похоже, все в порядке, сэр,— сказал Рекстон.— Видимо, они не трогают транзитные сообщения. Тем не менее, я распорядился перевести всю военную связь на спутниковую трансляцию.— Он взглянул на палец с часами.— Сейчас работает станция «Гамма».

— Хм-м-м... Эндрю, а могут эти твари захватить космическую станцию? — спросил Президент.

— Откуда мне знать? — раздраженно ответил Старик.— Я понятия не имею, на что способны их корабли. Скорее всего, они попытаются сделать это, заслав туда лазутчиков на ракетах, доставляющих припасы.

Завязалась дискуссия о том, захвачены ли уже космические станции или нет: режим «Голая спина» на них не распространялся. Хотя мы и финансировали их, и строили сами, формально они считались территорией ООН.

— На этот счет можете не беспокоиться,— сказал Рекстон.

— Почему? — спросил Президент.

— Наверно, я единственный из всех собравшихся, кому довелось служить на орбитальной станции. И могу сказать, джентльмены, там всегда одеваются так же, как одеты сейчас мы. Появиться на станции полностью одетым — это все равно, что здесь выйти в пальто на пляж. Однако мы сейчас убедимся.— И он отдал распоряжение своему помощнику связаться со станцией.

Президент вернул взгляд на карту.

— Насколько нам известно, вся эта зараза расползается отсюда,— сказал он, ткнув пальцем в Гриннелл в штате Айова.

— Насколько нам известно,— согласился Старик.

— О боже! — выдохнул я, и все повернулись ко мне.

— Продолжай,— сказал Президент.

— До того, как меня спасли, было еще три посадки. Это я знаю совершенно точно.

Старик уставился на меня в полном недоумении.

— Ты уверен, сынок? Я полагал, из тебя выжали все, что можно.

— Конечно, уверен.

— Почему ты об этом не сказал?

— Просто я до сих пор ни разу об этом не вспоминал.— Я попытался объяснить им, каково это — находиться во власти паразита, когда знаешь, что происходит, но все кажется тебе, будто в тумане, одинаково важным и в то же время одинаково неважным. От этих воспоминаний мне даже не по себе стало.

Я, вообще-то, не из слабонервных, но рабство у титанцев бесследно не проходит.

— Не волнуйся, сынок,— сказал Старик, а Президент успокаивающе улыбнулся.

— Главный вопрос в том, где они приземлились. Может быть, мы сумеем захватить корабль,— сказал Рекстон.

— Сомневаюсь. При первой посадке они замели следы буквально в считанные часы,— ответил Старик и задумчиво добавил: — Если это была первая посадка.

Я подошел к карте и попытался вспомнить, даже вспотел. Затем указал на Нью-Орлеан.

— Один, я почти уверен, сел здесь,— сказал я, продолжая есть карту глазами.— А про два других не знаю.

— Вы что, не можете вспомнить? — взвился Мартинес.— Думайте, молодой человек, думайте!

— Я действительно не знаю. Мы никогда не знали, что планируют хозяева, практически никогда.— Я напрягся так, что у меня голова заболела, затем показал на Канзас-Сити.— Сюда я посылал несколько сообщений, но опять-таки не знаю, то ли это заказы на доставку ячеек, то ли еще что.

Рекстон взглянул на карту.

— Будем считать, что около Канзас-Сити тоже была посадка. Я поручу своим специалистам разобраться. Если рассматривать это как задачу по анализу материально-технического снабжения противника, мы, возможно, выясним, где сел еще один корабль.

— Или не один,— поправил его Старик.

— А? Да. Или не один.— Рекстон повернулся и застыл у карты.

16

Задним умом все крепки. Когда приземлилась первая тарелка, угрозу можно было устранить одной бомбой. Когда Старик, Мэри и я проводили разведку в районе Гриннелла, мы сами могли бы уничтожить всех паразитов, если бы только знали, где их искать.

Если бы режим «Голая спина» ввели хотя бы к концу первой недели, одного этого оказалось бы достаточно, чтобы справиться с захватчиками. А так, мы быстро поняли, что в качестве наступательной меры режим себя не оправдал. Как способ обороны, он был полезен: незараженные районы, во всяком случае, такими и оставались. В отдельных случаях мы даже добились успехов в наступлении: удалось очистить зараженные, но не захваченные полностью города. Вашингтон, например, и Нью-Филадельфию. Нью-Бруклин, где я мог указать конкретные адреса. Все восточное побережье на карте стало зеленым.

Но по мере поступления информации из центральных районов, в середине карты расползалось большое красное пятно. Теперь, когда настенную карту с булавками заменила огромная, с масштабом десять миль на дюйм, электронная панель во всю стену конференц-зала, сердце страны горело ярким рубиновым огнем. Панель, разумеется, только дублировала сигналы из военного ведомства; оригинал находился на одном из подземных ярусов Нового Пентагона.

Страна разделилась на две части, словно какой-то гигант пролил на равнинные области в центре красную краску. По краям захваченной паразитами полосы шли две янтарные ленты — только там на самом деле велись активные действия: в местах, где в пределах прямой видимости был возможен прием стереопередач как вражеских станций, так и тех, что еще оставались в руках свободных людей. Одна начиналась неподалеку от Миннеаполиса, огибала с запада Чикаго и с востока Сент-Луис, а дальше змеилась через Теннеси и Алабаму к Мексиканскому заливу. Вторая тянулась через Великие равнины и заканчивалась у Корпус-Кристи. Эль-Пасо находился в центре еще одной красной зоны, не соединенной с основной.

Я сидел один и пытался представить себе, что происходит в этих пограничных районах. Президент отправился на встречу Кабинета министров и взял с собой Старика. Рекстон со своими чинами отбыл чуть раньше. Я остался ждать, просто потому, что шататься без дела по Белому дому как-то не тянуло. Сидел и с волнением глядел на панель-карту, где янтарные огни то и дело

сменялись красными и, гораздо реже, красные — зелеными или янтарными.

Мне очень хотелось знать, как посетитель без официального статуса может получить в Белом доме завтрак. Встал я в четыре утра, но с тех пор выпил только чашечку кофе, приготовленного камердинером Президента. Еще больше хотелось в туалет. Наконец, я не выдержал и начал пробовать двери. Первые две оказались запертыми, но третья вела как раз туда, куда нужно. Поскольку таблички «Исключительно для Президента» там не было, я решил воспользоваться.

Когда я вернулся, в зале меня ждала Мэри.

Я захлопал глазами.

— Я думал, ты с Президентом.

— Меня вытурили,— сказала она, улыбнувшись.— Там пока Старик.

Я решился.

— Знаешь, я давно хотел поговорить с тобой, но до сих пор все не удавалось. Похоже, я... э-э-э... Короче говоря, мне не следовало... Я имею в виду, что Старик сказал...— Я умолк, обнаружив, что здание тщательно отрепетированной речи лежит в руинах, и наконец выдавил: — В общем, я был не прав.

Она тронула меня за руку.

— Сэм. Ну что ты, успокойся. Из того, что ты знал, выводы у тебя сложились вполне логичные. Но для меня самое главное, что ты сделал это ради меня. Остальное не имеет значения, и я счастлива, что у нас все по-старому.

— Э-э-э... Только не будь такой благородной и всепрощающей. Это невыносимо.

Она весело улыбнулась, но эта улыбка показалась мне уже не такой мягкой, как первая.

— Сэм, мне кажется, тебе нравится, чтобы в женщинах было немного стервозности. Хочу тебя предупредить, я это умею. Ты, видимо, еще переживаешь из-за той пощечины. Мы можем рассчитаться.— Она протянула руку и легонько шлепнула меня по щеке.— Ну вот, мы в расчете, и можешь об этом забыть.

Выражение ее лица внезапно изменилось. Она размахнулась и — я думал, у меня голова отвалится.

— А это,— произнесла она зловещим шепотом,— за ту, что я получила от твоей подружки!

В ушах у меня звенело, комната плыла перед глазами. Впечатление было такое, будто меня огрели дубиной. Мэри смотрела настороженно и непокорно — даже зло, если раздутые трепещущие ноздри о чем-нибудь говорят. Я поднял руку, и она напряглась, но я просто хотел потрогать щеку.

— Она вовсе не моя подружка,— сказал я растерянно.

Мы посмотрели друг на друга и одновременно расхохотались. Мэри обняла меня за шею, затем, все еще смеясь, уронила голову на правое плечо.

— Прости, Сэм,— произнесла она, борясь со смехом.— Каюсь, ты ничем этого не заслужил. Во всяком случае, мне следовало сдержаться и не бить тебя так сильно.

— Черта с два ты в чем-то раскаиваешься,— проворчал я.— Так вломила, что чуть шкуру не содрала.

— Сэм, бедненький,— Мэри дотронулась до горящей щеки.— Она в самом деле не твоя подружка?

— Да нет же, что и обидно. Хотя я старался.

— Не сомневаюсь. А кто же твоя подружка?

— Ты, колдунья.

— Теперь да,— подтвердила она.— Вся твоя. Если ты согласен. Я уже говорила тебе. Оплачена, куплена — можешь брать.

Она чуть наклонилась, ожидая поцелуя, но я ее оттолкнул.

— Бог с тобой, женщина! В таком виде ты мне не нужна.

Ее это не остановило.

— Я неправильно выразилась. Оплачена, но не куплена. Я здесь, потому что сама этого хочу. Ну теперь-то ты меня поцелуешь?

Она уже целовала меня один раз. Теперь же она сделала это по-настоящему. Я почувствовал, что тону в каком-то теплом золотистом тумане, откуда мне не хотелось возвращаться. Наконец я оторвался от нее и выдохнул:

— Видимо, мне лучше сесть.

— Спасибо, Сэм,— сказала она и усадила меня на диван.

— Мэри,— сказал я спустя какое-то время,— дорогая, я думаю, ты можешь здорово меня выручить.

— Да? — с готовностью отозвалась она.

— Как тут у них заполучить завтрак? Я умираю с голода.

Мэри удивленно вскинула брови, потом сказала:

— Я сейчас.

Не знаю, как она это сделала — может быть, просто забралась на кухню Белого дома и взяла, что понравилось,— но вскоре она вернулась с горой сэндвичей и двумя бутылками пива.

Уписывая третий кусок хлеба с копченым мясом, я спросил:

— Как ты думаешь, долго они еще будут совещаться?

— Думаю, минимум два часа. А что?

— Тогда...— я проглотил последний кусок,— ...у нас есть время сбежать, найти регистрационную контору, пожениться и вернуться назад, прежде чем Старик нас хватится.

Мэри молчала, разглядывая пузырек в своей бутылке пива.

— Что скажешь? — не отставал я.

— Я сделаю, как ты пожелаешь,— ответила она, поднимая взгляд.— Можешь во мне не сомневаться. Но лучше будет подождать.

— Ты не хочешь выходить за меня?

— Сэм, я думаю, ты еще не готов жениться.

— Говори за себя!

— Не сердись, дорогой. Я — твоя, с контрактом или без, в любое время, в любом месте. Но ты меня совсем не знаешь. Лучше сначала привыкни: вдруг передумаешь?

— У меня нет такой привычки.

Она посмотрела на меня и отвела печальный взгляд в сторону. Я почувствовал, что краснею.

— То были особые обстоятельства, и теперь такого с нами еще сто лет не случится. Я был сам не свой, и...

— Я знаю, Сэм,— остановила она меня.— Тебе незачем оправдываться. Я не убегу от тебя и, пожалуйста, не думай, что я осторожничаю. Просто увези меня куда-нибудь на выходные, а еще лучше, переселяйся ко мне. Если решишь, что я подхожу, у

тебя будет достаточно времени сделать из меня «порядочную женщину», как говорила моя прабабушка, хотя одному богу известно, зачем это нужно.

Вид у меня, должно быть, был невеселый. Она накрыла мою руку своей и сказала серьезным тоном:

— Взгляни на карту, Сэм.

Я повернул голову. Красного цвета прибавилось: зона вокруг Эль-Паso стала больше.

— Давай сначала разберемся с этим делом, хорошо? После, если не передумаешь, ты снова сделаешь мне предложение. А пока у тебя будут все права и никаких обязательств.

Казалось бы, чего еще желать? Но мне хотелось совсем другого. Странно, но приходит время, когда мужчина, который всю жизнь считал, что супружество хуже чумы, вдруг решает, что на меньшее он просто не согласен. С чего бы это?

Когда совещание закончилось, Старик прихватил меня с собой и повел прогуляться. Да, именно прогуляться, хотя мы дошли только до Мемориальной скамьи Баруха*. Там Старик сел и с мрачным выражением лица долго вертел в руках свою трубку. Духота стояла, как бывает только в Вашингтоне, и в парке почти никого не было.

— Сегодня ночью начинается операция «Ответный удар»,— сказал он наконец, затем помолчал и добавил: — Мы выбрасываем десант на все ретрансляционные станции, телестудии, редакции и отделения связи в «красной» зоне.

— Неплохо,— отозвался я.— Сколько людей участвует в операции?

Не отвечая на вопрос, Старик произнес:

— Мне это совсем не нравится.

— В смысле?

— Видишь ли... Президент вышел в эфир и приказал гражданам Соединенных Штатов раздеться до пояса. Однако нам стало известно, что его обращение не достигло пораженных районов. Что дальше?

Я пожал плечами.

— Видимо, операция «Ответный удар».

— Операция еще не началась. Думай. Прошло больше суток. Что должно было произойти, но не произошло?

— А я должен догадываться?

— Должен, если ты хоть чего-то стоишь сам по себе. Держи.— Он протянул мне ключи от машины.— Сгоняй в Канзас-Сити и хорошенько осмотрись. Держись подальше от телеи радиостанций, от полицейских и... Короче, ты знаешь их тактику лучше меня. Держись подальше от *этих*. Но все остальное осмотри внимательно и не вздумай попасться им в лапы.— Старик взглянул на перстень с часами и добавил: — Тебе нужно вернуться не позже половины двенадцатого. Вперед.

— Не так много времени, чтобы осмотреть весь город,— пожаловался я.— Только на то, чтобы добраться туда, уйдет часа три.

— Больше,— сказал Старик.— Не превышай скорости и не привлекай к себе внимания.

— Ты же знаешь, черт побери, что я вожу машину очень осторожно.

— Двигай!

Я двинул. Машина — та же самая, на которой мы прибыли — стояла на платформе Рок-Крик-Парк. Движения почти не было, и я поинтересовался у диспетчера, в чем дело.

— Все грузовые и коммерческие перевозки приостановлены,— ответил он.— Чрезвычайное положение... Кстати, у тебя есть пропуск?

Я мог бы связаться со Стариком и получить пропуск в два счета, но беспокоить его из-за таких мелочей себе дороже. Поэтому я просто сказал:

— Проверь машину.

Диспетчер пожал плечами и ввел номер машины в свой компьютер. Видимо, моя догадка оказалась верной, потому что он удивленно вскинул брови и сказал:

— Ну и дела! Ты не иначе как в президентской охране работаешь.

Взлетев, я запрограммировал нужное направление, набрал максимально допустимую скорость и, откинувшись на сиденьи, задумался. Каждый раз, когда при переходе из одной системы

транспортного контроля в другую, машину цеплял радарный луч, панель управления отзывалась коротким «бип», но экран оставался чистым. Очевидно, даже при объявленном чрезвычайном положении машина Старика могла передвигаться где угодно. Я попытался представить себе, что произойдет, если я проскользну на этой машине в «красную» зону, и тут до меня дошло, что имел в виду Старик, когда спрашивал: «Что дальше?»

Мы привыкли думать о связи как о телевизионных каналах и радиовещании. Но «связь» означает *любое* движение информации, включая и тетушку Мэми, которая направляется в Калифорнию посплетничать. Паразиты захватили электронные средства связи, однако новости невозможно остановить одними только этими мерами; они лишь замедляют распространение новостей. Следовательно, если паразиты планировали удержать власть в занятых регионах, захват электронных средств связи — это лишь первый шаг.

Какой будет следующий? Они наверняка что-то придумали, и, поскольку я также подпадал под определение «связь», мне следовало подумать о том, как их обмануть, иначе прощай свобода: Миссисипи и «красная» зона приближались с каждой минутой. Что, интересно, случится, когда кодовый сигнал моей машины уловит станция слежения, захваченная паразитами?

Я решил, что в воздухе будет достаточно безопасно. Главное — не дать им узнать, где я приземлился. Казалось бы, элементарно.

Но не все так просто, когда имеешь дело со службой транспортного контроля, которую иногда называют «воздушным ситом». Разработчики утверждали, что на всей территории Соединенных Штатов даже бабочка не упадет без того, чтобы не сработала автоматическая поисково-спасательная система. Это, конечно, преувеличение, но и я не бабочка.

Пешком я сумел бы пересечь, наверно, любую границу — ни заборы, ни электронные системы, ни патрули, ни комбинированные методы охраны меня не остановят. Но как сделать это незаметно, когда летишь в машине, которая каждые семь минут оставляет позади один градус долготы? Машина не может состроить глупую невинную физиономию. Однако если я отправлюсь

пешком, Старик получит доклад дай бог к концу сентября, а он нужен ему к полуночи.

Как-то, разоткровенничавшись, Старик сказал, что он никогда не дает агентам подробных инструкций. Человеку, мол, нужно дать задание, а там пусть сам барахтается. Я тогда заметил, что его метод, должно быть, очень расточителен в смысле людских ресурсов.

— Пожалуй,— признал он.— Но другие методы еще хуже. Я верю в людей и отбираю тех, кто умеет выживать.

— По какому, интересно, принципу,— спросил я,— ты их отбираешь?

Губы его изогнулись в зловещей ухмылке.

— Это те, которые возвращаются с заданий.

«Элихью,— сказал я себе, подлетая к «красной» зоне,— еще немного, и тебе станет ясно, умеешь ли ты выживать... И чтоб ему пусто было!»

Запрограммированный курс пролегал по дуге мимо Сент-Луиса и вел в Канзас-Сити. Но Сент-Луис находился в красной зоне. Карта показывала, что Чикаго все еще в зеленой. Янтарная линия уходила на запад где-то под Ханнибалом в штате Миссури, а мне хотелось пересечь Миссисипи на своей территории: над рекой шириной в милю машину будет видно на радарном экране, как осветительную ракету над пустыней.

Я просигналил в наземную службу, запросил разрешение на спуск до уровня местного движения и, не дожидаясь ответа, рванул вниз, затем перешел на ручное управление, снизил скорость и полетел на север.

На подлете к Спрингфилду я, держась поближе к земле, свернул на запад и с выключенным ответчиком медленно пересек реку над самой водой. Знаю-знаю, в воздухе сигнал ответчика не отключается, но у нас в Отделе не совсем обычные машины. Короче, я надеялся, что люди на местной радарной станции, если и засекут сигнал, то примут меня за лодку.

Я не знал, в чьих руках управление движением на этом берегу, и уже собрался включить ответчик, решив, что так будет легче вписаться в транспортный поток, но тут увидел впереди небольшой разрыв береговой линии. Никакого притока на карте

не было, и я рассудил, что это или залив, или новый, еще не отмеченный канал. Опустив машину чуть ли не на воду, я направился туда. Узкий приток петлял то влево, то вправо; местами кроны деревьев почти смыкались над головой, отчего я чувствовал себя, как пчела в тромбоне, но радарная «тень» получалась идеальная, и если меня кто и заметил раньше, то теперь след машины наверняка потерялся.

Правда, спустя несколько минут я и сам заблудился. Канал змеился, сворачивал, возвращался, и, управляя машиной вручную, я попросту потерял счет поворотам. Я чертыхался и жалел, что у меня не трифибия, которую можно посадить на воду. Однако вскоре в деревьях появился просвет, а за ним полоска ровной земли. Я рванул туда и так резко затормозил, что меня чуть не разрезало ремнем надвое. Машина приземлилась, и мне уже не нужно было изображать зубатку в мутной воде.

Что делать дальше? Где-то недалеко наверняка шоссе. Можно отыскать его и двигаться по земле.

Но это глупо, потому что нет времени. Мне просто необходимо было лететь. Знать бы только, кто здесь контролирует транспортную сеть: свободные люди или паразиты?

Стерео я не включал от самого Вашингтона и теперь попытался отыскать новости, но безуспешно. Передавали все, что угодно, кроме новостей. Лекция доктора медицины Миртл Дулайтли «Почему мужья начинают скучать» (спонсор — компания по производству гормональных препаратов «Утаген»); трио певичек, исполняющих «Если ты имеешь в виду то, что я думаю, то чего же ты ждешь?»; очередной эпизод из бесконечного сериала «Лукреция познает жизнь» и так далее.

Доктор Миртл выступала полностью одетой. Трио, как и следовало ожидать, было почти раздето, но они ни разу не повернулись спиной. С Лукреции то срывали одежду, то она снимала ее сама, но едва это случалось, или план менялся, или гас свет, и я никак не мог проверить, голая ли у нее спина — в смысле, есть ли там наездник.

Впрочем, это все равно не имеет значения. Программы могли записать задолго до того, как Президент объявил о режиме

«Голая спина». Я щелкал переключателем каналов, пытаясь отыскать новости, и тут наткнулся на елейную улыбку ведущего какой-то программы. Тот был полностью одет.

Вскоре до меня дошло, что это одна из тех глупых викторин с раздачей призов. Ведущий говорил: «...и какая-нибудь счастливица, сидящая сейчас у экрана, получит — причем совершенно бесплатно — автоматический домашний бар с шестью функциями производства «Дженерал Атомикс». Кто же это будет? Вы? Вы? Или, может быть, *вы?*» Он повернулся к камере спиной, и я увидел его плечи. Даже под пиджаком было заметно, какой он сутулый — чуть ли не горб на спине. Выходило, что я уже в красной зоне.

Выключив стерео, я заметил, что за мной наблюдают. Неподалеку стоял мальчишка лет девяти. В одних трусах. Впрочем, в его возрасте это совершенно нормально. Я опустил ветровое стекло.

— Эй, парень, где тут шоссе?

— Дорога на Мейкон будет там. Э-э-э... мистер, а это у вас «Кадиллак-Молния», да?

— Точно. А где это «там»?

— А прокатите?

— Времени нет.

— Возьмите меня с собой, и я покажу.

Я сдался. Когда он забирался на сиденье, я открыл дорожную сумку и достал брюки, рубашку и пиджак.

— *Может, мне не стоит одеваться? Люди здесь носят рубашки?*

Он смерил меня сердитым взглядом.

— Носят, конечно. Вы куда, думаете, прилетели, мистер? В Арканзас?

Я снова спросил насчет шоссе.

— А можно мне будет нажать кнопку, когда будем взлетать, а?

Пришлось объяснить, что взлетать мы не будем. Он надулся, но все же согласился показать, куда ехать. По пересеченной местности машина шла с трудом, и мне приходилось вести очень внимательно. Мальчишка несколько раз велел сворачивать. Наконец я затормозил и сказал:

— Ты покажешь мне все-таки, где шоссе, или тебе надрать уши?

Он открыл дверцу и выскользнул из машины.

— Эй! — крикнул я.

Мальчишка обернулся и махнул рукой: «Туда!» Я развернул машину и, хотя совсем уже не ожидал, обнаружил шоссе всего в пятидесяти ярдах. Паршивец заставил меня сделать почти полный круг.

Шоссе, конечно, оказалось еще то — ни грамма резины в покрытии. Однако какая-никакая, а дорога, и я двинулся на запад. На все эти маневры у меня ушел целый час.

Мейкон, штат Миссури, выглядел слишком нормальным, и это настораживало. О режиме «Голая спина» тут явно не слышали. Я начал думать, что, может быть, достаточно будет осмотреть этот городишко и рвануть, пока не поймали, назад. Двигаться вглубь территории, захваченной паразитами, мне совсем не улыбалось. Поджилки тряслись, и очень хотелось дать ходу.

Однако Старик сказал «Канзас-Сити». Я обогнул Мейкон по кольцевой дороге и выехал на взлетную полосу на западе. Пристроился в очередь на взлет и направился в Канзас-Сити вместе с беспорядочным роем фермерских вертолетов и машин. Приходилось держаться местных ограничений скорости, но это безопасней, чем лезть в магистральный поток с ответчиком, который выдаст мою машину на первом же контрольном пункте. Взлетную полосу обслуживала автоматика, и похоже было, что мне удалось вписаться в транспортный поток Миссури, не вызвав ни у кого подозрений.

17

Канзас-Сити практически не пострадал при бомбардировке — только на востоке, где был городок Индепенденс. Соответственно, его и не отстраивали заново. С юго-востока можно доехать прямо до Своуп-Парка, но там нужно выбирать: либо ставить машину на стоянку, либо платить за въезд в сам город. Или же можно попасть туда воздухом, но опять-таки приходится делать выбор: либо садиться на поле на северном берегу реки и

добираться до города туннелями, либо лететь до одной из стартовых платформ в деловом центре к югу от Мемориального холма.

Я решил лететь. Не хотелось, чтобы машину засекла следящая система. Туннели мне тоже не нравятся, да и лифты на стартовых платформах: там легко устроить человеку ловушку. Честно говоря, мне вообще не хотелось появляться в городе.

Проехав по шоссе номер 40, я подкатил к заставе у бульвара Мейер. Очередь выстроилась довольно длинная, и, едва сзади подъехала следующая машина, у меня возникло ощущение, что я в ловушке. Однако служащий заставы принял деньги, даже не взглянув на меня. Я, правда, смотрел на него очень внимательно, но так и не понял, есть у него наездник или нет.

Облегченно вздохнув, я миновал заставу, но меня сразу же остановили снова. Впереди резко опустился барьер, и я едва успел затормозить. В окно тут же сунул голову полицейский.

— Проверка безопасности,— сказал он.— Выходите.

Я попытался возразить, но он терпеливо объяснил:

— В городе проводится неделя безопасности. Вот квитанция на машину. Получите ее за барьером. А вам — вон в ту дверь.— Полицейский махнул рукой в сторону здания у дороги.

— Зачем?

— Проверка зрения и рефлексов. Не задерживайте очередь.

В памяти у меня сразу вспыхнула карта, где Канзас-Сити светился красным. Я не сомневался, что город полностью контролируется паразитами, и, следовательно, этот добродушный полицейский наверняка таскает на плечах наездника. Но выхода не было — разве что застрелить его и взлететь прямо отсюда. Я подчинился. Недовольно ворча, выбрался из машины и медленно двинулся к зданию. Поставили его наспех, и даже дверь там, как в старину, открывалась вручную. Я толкнул дверь ногой, посмотрел по сторонам и вверх, вошел и оказался в пустой приемной с еще одной дверью.

— Войдите,— крикнули из-за двери.

Держась по-прежнему настороже, я шагнул в кабинет. Там сидели двое мужчин в белых халатах, на лбу у одного из них блестело зеркальце.

— Это займет всего одну минуту. Идите сюда,—сказал врач с зеркальцем и закрыл за мной дверь. Я услышал, как щелкнул замок.

Устроились они тут даже лучше, чем мы в Конституционном клубе. Прямо на столе стояли транзитные ячейки с хозяевами, уже прогретыми и готовыми к пересадке. Второй врач протянул ячейку первому — для меня,— но так, чтобы я не видел наездника. В принципе, они и не должны были вызывать у жертвы никаких подозрений: врачи часто работают со всякими непонятными приборами.

Я не сомневался, что меня пригласят сесть и наклониться к окуляру прибора для проверки зрения. «Врач» будет меня отвлекать, заставляя читать контрольные цифры, а его «ассистент» тем временем приладит мне наездника. Тихо, спокойно, без ошибок.

Как я узнал за время своей собственной «службы», для пересадки вовсе не обязательно оголять спину жертвы. Достаточно посадить хозяина на шею, и спустя секунду рекрут сам поправит одежду, чтобы спрятать паразита.

— Сюда, пожалуйста,— повторил приглашение «врач».— Глазами к окуляру.

Я быстро подошел к лабораторному столу, где стоял тестер, и резко повернулся.

«Ассистент» двигался на меня с готовой ячейкой в руке, и, когда я повернулся, он наклонил ее к себе, чтобы я не видел, что внутри.

— Доктор,— сказал я.— У меня контактные линзы. Может быть, снять?

— Не надо,— нетерпеливо ответил он.— Давайте не будем терять время.

— Но, доктор, я бы хотел, чтобы вы проверили, насколько хорошо они подходят. С левой линзой что-то не так...— Я поднял руки и оттянул веки вверх и вниз.— Вот видите...

— Здесь у нас не клиника,— сердито произнес «врач».— Садитесь, пожалуйста...

Теперь они оба оказались в пределах досягаемости. Я резко опустил руки и ухватил их что было сил между лопаток. Под

халатами чувствовалось что-то мягкое, податливое, и меня передернуло от отвращения.

Как-то раз я видел, как наземная машина сбила на дороге кота: беднягу подкинуло вверх с раскинутыми лапами и выгнутым в другую сторону позвоночником. С этими несчастными произошло примерно то же самое. Они изогнулись в болезненном спазме, затем обмякли, вырвались у меня из рук и повалились на пол — возможно, уже мертвые.

В дверь постучали.

— Минутку! — отозвался я.— Врач сейчас занят.

Стук прекратился. Убедившись, что дверь заперта, я склонился над «врачом», задрал на нем халат и проверил, что стало с его хозяином.

Вместо живой твари на спине «врача» расползалось отвратительное месиво. То же самое произошло и с наездником «ассистента», что меня вполне устраивало: если бы паразиты остались живы, мне пришлось бы сжечь их лучеметом, а сделать это, не задев носителей, не так-то просто. Я оставил людей на полу. Может быть, они умерли, может, выжили и их вновь захватили титанцы — не знаю, но помочь им я тогда ничем не мог.

А вот хозяева в ячейках — это совсем другое дело. Я настроил оружие на максимум и полоснул широким лучом по столу. У стены стояли еще два полных контейнера — их я поливал огнем до тех пор, пока дерево не обуглилось.

В дверь снова постучали. Я торопливо осмотрелся, соображая, куда бы спрятать лежащих на полу людей, но деть их было некуда, и я решил прорываться к машине. Однако у самой двери что-то меня остановило. Не хватало одной детали.

Я огляделся, но ничего подходящего не нашел. Можно было бы использовать халаты «врача» и его «ассистента», но почему-то не хотелось. Затем мне на глаза попался чехол от прибора для проверки зрения. Я скинул куртку, сложил чехол в несколько раз и, запихав его под рубашку, пристроил между лопаток. С застегнутой курткой получается горб как раз нужного размера.

Так я и вышел на улицу — «...испуганный, для всех чужой, в холодном мире, созданном не мной».

Хотя, по правде сказать, я чувствовал себя совсем иначе.

* * *

Еще один полицейский проверил мою квитанцию, бросил на меня пристальный взгляд и жестом приказал садиться в машину. Когда я сел за руль, он сказал:

— Поедешь в управление полиции: это у мэрии.

— Управление полиции, у мэрии,— повторил я и тронулся с места. Проехал немного в указанном направлении, затем свернул на шоссе Николс и, выбрав место, где движение было поменьше, нажал кнопку, меняющую номерные пластины. Номер, под которым меня зарегистрировали у заставы, возможно, уже разыскивали, и я очень жалел, что не могу сменить заодно цвет машины и ее очертания.

Еще до пересечения шоссе с магистралью Макджи я свернул у разъезда и затерялся на боковых улицах. По местному времени было 18:00; через четыре с половиной часа меня ждали в Вашингтоне.

18

Что-то в городе было не так. Что-то неуловимое выдавало его, словно передо мной разворачивалось действие плохо поставленной пьесы. Я пытался понять, в чем дело, но безуспешно.

На окраинах Канзас-Сити множество жилых кварталов, построенных век и более назад. Дети носятся по лужайкам, старики сидят на скамейках у своих домов, как сидели их деды и прадеды. Если в округе и есть бомбоубежища, то их не видно. Массивные старинные дома непривычного вида, поставленные давно почившими умельцами — сам их вид внушает ощущение покоя и безопасности. В это время в самый раз выпить пива, полить лужайку, поболтать с соседями. Проезжая мимо одного из таких домов, я увидел женщину, согнувшуюся над клумбой. Она была в купальнике с открытой спиной — явно без паразита, и двое ребятишек, что крутились возле нее, тоже. Что же здесь не так?

Погода стояла очень жаркая. Я вглядывался в прохожих, высматривая женщин в купальниках и мужчин в шортах. Люди

в этих местах издавна придерживаются довольно строгих нравов, и не одеваются по погоде, как, скажем, в Лагуна-Бич или Корал-Гейблс. Полностью одетый взрослый человек ни у кого не вызовет здесь недоуменных взглядов. Поэтому люди в Канзас-Сити одеваются и так, и этак. Однако пропорции были явно не те. Да, полно ребятишек в одних шортах, но на протяжении нескольких миль я заметил только пятерых женщин и двоих мужчин с голой спиной.

А их должно быть по меньшей мере пять сотен.

Вот и разгадка. Хотя под некоторыми пиджаками и не скрывались паразиты, простая прикидка давала более девяноста процентов населения во власти захватчиков.

Они не просто контролировали Канзас-Сити, а буквально переполняли его. Пришельцы не только заняли все ключевые посты в городе — они стали жителями города.

Мне неудержимо хотелось взлететь прямо с места и на максимальной скорости рвануть прочь из красной зоны. Паразиты знали, что я ускользнул из ловушки у заставы и наверняка уже искали меня. Возможно, я был последним свободным человеком, разъезжающим по городу на машине, а вокруг — одни лишь враги!

Я едва справился с собственными паническими мыслями. Агент, позволяющий себе так заводиться, ни на что не годен и вряд ли сумеет выкарабкаться, случись ему попасть в какую-нибудь сложную ситуацию. Но воспоминания о том, каково это — быть во власти паразита, все еще сохраняли силу, и победа над собой далась мне нелегко.

Сосчитав до десяти, я успокоился и попытался сообразить, в чем тут дело. Видимо, я все-таки ошибался. Паразитов просто не может быть так много: в Канзас-Сити около миллиона жителей. Вспомнился мой собственный опыт: мы отбирали рекрутов и вели учет каждому новому носителю. Разумеется, там мы зависели от поставок ячеек, тогда как рядом с Канзас-Сити почти наверняка опустилась летающая тарелка. И все же получалась какая-то ерунда. Чтобы наводнить город наездниками, нужна дюжина тарелок или даже больше. А если бы их было так много, орбитальные станции наверняка проследили бы их посадочные траектории.

Может быть, корабли пришельцев просто не видны на наших радарах? Мы не знали, на что паразиты способны в техническом плане, а делать предположения, основываясь на собственных представлениях о возможностях науки, и глупо, и опасно.

Однако выводы, которые напрашивались из всего увиденного, противоречили здравому смыслу. Следовательно, прежде чем докладывать, необходимо еще раз проверить. Пока было ясно лишь одно: даже заполонив почти весь город, они тем не менее сохраняли маскарад, и жители Канзас-Сити выглядели, как свободные люди. Может быть, я и не настолько сильно выделяюсь.

Не выбирая особенно направления, я проехал еще с милю и обнаружил, что приближаюсь к торговому району, раскинувшемуся у Плаза. Сразу свернул: где толпы, там и полиция. Сворачивая, я заметил общественный плавательный бассейн. Запомнил все, что видел, поехал дальше и, только миновав несколько кварталов, задумался над новой информацией. Собственно, ее было немного: всего лишь вывеска «Закрыто в связи с окончанием сезона».

Бассейн, закрытый в самое жаркое время лета? Конечно, это может объясняться и какими-то естественными причинами. Плавательные бассейны прогорали в прошлом и будут прогорать еще. Но закрывать такое дело без крайней необходимости, когда оно приносит наивысшую прибыль, противоречит экономическому здравому смыслу. Это случается чрезвычайно редко. Однако именно здесь маскарад мог затрещать по швам, а закрытый бассейн вызовет меньше подозрений, чем открытый, но никем не посещаемый. Ясно, что в своих действиях паразиты старательно учитывают человеческую точку зрения. Да что там говорить, я сам был одним из них!

Значит, первое — ловушка у въезда в город; второе — слишком мало людей в купальных костюмах; третье — закрытый плавательный бассейн.

Вывод: паразитов гораздо больше, чем кто-либо мог себе представить.

Заключение: операция «Ответный удар» планировалась, исходя из неверных оценок; толку в ней не больше, чем в охоте на носорога с рогаткой.

Контраргумент: увиденное мной невозможно.

Мне живо представилось, как шеф секретной службы Мартинес со сдержанным сарказмом разносит мой доклад, не оставляя от него камня на камне. Да, видимо, чтобы убедить Президента прислушаться к докладу вопреки логичным возражениям его официальных советников, нужны доказательства посерьезнее, и добыть их необходимо прямо сейчас. Ведь даже нарушив все законы движения транспорта, я вряд ли доберусь до Вашингтона быстрее, чем за два с половиной часа.

Но что же делать? Ехать в центр, смешаться с толпой, а потом заявить Мартинесу, что я, мол, уверен: почти все мужчины, встретившиеся мне на пути, носят на себе паразитов? Как я это докажу? И если уж на то пошло, как я сам в этом удостоверюсь? До тех пор, пока титанцы старательно изображают, что «все как обычно», и доказательств-то, считай, никаких нет. Разве что обилие сутулых людей и почти полное отсутствие обнаженных плеч.

Мне казалось, я достаточно хорошо представляю себе, как они заполонили город — главное тут, чтобы хватило ячеек с наездниками. При выезде из города наверняка будет еще одна ловушка, и такие же устроены на стартовых платформах. Каждый, кто отсюда уезжает, становится агентом, каждый, кто приезжает, новым рабом.

На углу улицы я заметил газетный принт-автомат «Канзас-Сити Стар». Развернулся, подъехал, вышел из машины и сунул в щель автомата десятицентовик. Несколько секунд нервного ожидания, и из автомата выползла готовая газета.

«Стар», как всегда, была скучна и респектабельна: никаких сенсаций, ни одного упоминания о чрезвычайном положении или о режиме «Голая спина». Статья на первой полосе называлась «Вспышка на Солнце нарушает телефонную связь», а чуть ниже шло шрифтом помельче: «Солнечная активность изолирует город от внешнего мира». И огромное, на три колонки, цветное полустереофото Солнца с обезображенным космической сыпью лицом. Неожиданное, но вполне убедительное объяснение, почему какая-нибудь Мэми Шульц, сама еще без паразита, не может дозвониться бабушке в Питтсбург.

Я сунул газету под мышку, надеясь позже изучить ее поподробней, повернулся к машине, но тут из-за угла бесшумно скользнула полицейская машина и остановилась поперек дороги перед самым носом моей. Полицейские машины притягивают толпы, словно магнит: секунду назад на улице никого не было, теперь же неизвестно откуда набежали люди, и полицейский двигался в мою сторону. Рука у меня невольно дернулась к пистолету, но я сдержался: ведь почти все вокруг были в такой же степени опасны.

Полисмен подошел и остановился.

— Ваше водительское удостоверение.— Более или менее вежливо.

— Сию минуту,— не стал спорить я.— Оно на приборной доске в машине.

Я шагнул мимо него, словно и не сомневался, что он последует за мной. На какое-то мгновение полисмен замер в нерешительности, затем все же клюнул. Я провел его между двумя машинами к своей и убедился, что он без напарника — за это отступление от человеческих обычаев паразитов можно было только поблагодарить. Но что более важно, теперь между толпой и мной оказалась моя машина.

— Вот,— сказал я, указывая внутрь,— оно прикреплено к приборной доске.

Он снова на мгновение застыл, затем посмотрел, куда я показываю, и этой доли секунды мне хватило, чтобы воспользоваться отработанным недавно приемом. Я схватил его левой рукой между лопаток и сдавил изо всех сил.

Полицейского словно взрывом подбросило — такой сильный был спазм. Он еще падал на землю, а я уже вскочил в машину и выжал газ.

Очень, кстати, вовремя. Маскарад «лопнул», как в приемной у Барнса: толпа ринулась на меня со всех сторон. Одна женщина успела схватиться за дверцу и цеплялась футов пятьдесят, наверное, пока машина не набрала скорость. Обгоняя другие машины и уворачиваясь от встречных, я уже приготовился взлетать, но по-прежнему не хватало места.

Впереди показался поворот. Я свернул налево, но сразу понял, что напрасно: кроны деревьев почти смыкались над дорогой, и взлетать было негде. Следующая улица — еще хуже. Пришлось сбросить скорость. Я все еще искал место пошире, чтобы взлететь, но теперь двигался не быстрее, чем разрешено в черте города. Волнение немного улеглось, и я вдруг сообразил, что меня никто не преследует.

Тут же вспомнилось пребывание под хозяином. Паразиты ограничены возможностями своих носителей; исключение составляет только их способность к «прямому общению». Они видят лишь то, что видят люди, а информацию получают и передают посредством их же органов либо технических средств, что доступны людям. Вряд ли кто-то из паразитов на углу разыскивал именно мою машину; скорее всего, о ней знал только тот, который оседлал полицейского, а с ним я уже разделался. Теперь, конечно, меня ищут остальные, но возможностей у них не больше, чем у их носителей. Следовательно, и думать о них можно не больше, чем о случайных очевидцах; иначе говоря, не принимать всерьез; скрылся и забыл.

Однако у меня оставалось всего полчаса, и я наконец решил, что возьму с собой в качестве доказательства пленника, человека, который был здесь под паразитом и может рассказать, что происходит в городе. Короче, нужно вывезти живого носителя.

Для этого надо его поймать, по возможности не причинив носителю вреда, убить или убрать наездника и вывезти человека в Вашингтон. Времени, чтобы тщательно планировать свои действия, не оставалось. Действовать нужно было на ходу. И едва я принял решение, на тротуаре впереди показался человек. Видимо, он возвращался домой, к ужину. Я подъехал ближе и крикнул:

— Эй!

— Да? — Человек остановился.

— Я только что из мэрии,— сказал я.— Нет времени объяснять. Садись в машину, переговорим напрямую.

— Из мэрии? О чем вы?

— Планы изменились. Не трать время. Садись!

Человек попятился. Я вскочил и схватил его за пиджак на спине.

Никакого результата. Под рубашкой — лишь нормальная костлявая человеческая плоть. Но человек завопил.

Я нырнул обратно в машину и рванул прочь. Отъехав на несколько кварталов, снизил скорость и задумался. Может, у меня нервы не в порядке и титанцы уже мерещатся мне даже там, где их нет?

Чушь! Вспомнился Старик с его неукротимым пристрастием к фактам. Ловушка на заставе, купальники, бассейн, полицейский у принт-автомата — эти факты не вызывали у меня никаких сомнений, а последняя неудача говорила лишь о том, что мне случайно попался тот самый один из десяти — или какое у них тут соотношение,— которого паразиты еще не захомутали. Я прибавил скорость и двинулся на поиски новой жертвы.

Мужчина средних лет, поливающий из шланга лужайку — выглядело это так естественно, что я чуть не проехал мимо. Однако времени оставалось совсем мало, и на нем был свитер с подозрительной выпуклостью на спине. Если бы я сразу заметил его жену на веранде, наверняка бы не остановился: она была в юбке и в лифчике от купальника — понятное дело, без паразита.

Когда я затормозил, мужчина поднял голову.

— Я только что из мэрии,— заученно повторил я.— Нам нужно срочно переговорить напрямую. Садись.

— Пойдем в дом,— ответил он.— В машине нас могут увидеть.

Я хотел отказаться, но этот тип уже повернулся и пошел к дому. Когда я догнал его, он прошептал:

— Осторожно. Женщина пока не с нами.

— Твоя жена?

— Да.

Мы остановились на крыльце, и мужчина сказал:

— Дорогая, это мистер О'Киф. Нам нужно обсудить кое-какие дела. Мы будем в кабинете.

— Хорошо, дорогой,— ответила она с улыбкой.— Добрый вечер, мистер О'Киф. Душно сегодня, правда?

Я согласился, и она снова занялась своим вязанием. Мы прошли в дом и направились в кабинет. Поскольку маскарад еще соблюдался, он пропустил меня вперед как гостя. Мне не хотелось поворачиваться к нему спиной, и, наверно, поэтому я был готов к удару, когда он двинул меня ребром ладони по шее. Я рухнул вперед, хотя удар не причинил мне вреда, и перекатился на спину.

В учебном центре, если мы, оказавшись на полу, пытались встать, нас били мешками с песком, и наука запомнилась. Я остался лежать, приготовившись ударить его ногами, если он на меня набросится. Очевидно, у него не было оружия, но свой лучемет я достать не мог. Однако в кабинете оказался настоящий камин — с кочергой, лопаткой и щипцами — и мужчина боком продвигался туда. Чуть дальше, чем я мог дотянуться, стоял маленький журнальный столик. Я дернулся на полу, схватил столик за ножку и швырнул. Попал ему прямо в лицо, когда он уже схватился за кочергу. А мгновение спустя я налетел на него сам.

Его хозяин умирал в моих сжатых пальцах, человека, получившего последний жуткий приказ, сотрясали конвульсии, и тут вдруг с диким испуганным воплем в дверях появилась жена. Я вскочил, ударил ее, и она, мгновенно умолкнув, повалилась на пол.

Потерявшего сознание человека на удивление трудно поднять с пола, а он еще и тяжелый оказался. К счастью, я тоже силой не обижен и, переваливаясь, затрусил со своим пленником на руках к машине. Очевидно, звуков борьбы не слышал никто, кроме его жены, но ее крики встревожили чуть не весь квартал. Из домов по обеим сторонам улицы выскакивали люди. Пока они были еще далеко, но я благодарил судьбу, что догадался оставить дверцу открытой.

Спустя секунду я об этом пожалел: мальчишка вроде того, что морочил мне голову у реки, влез на сиденье и тыкал пальцем в кнопки на приборной панели. Ругаясь на чем свет стоит, я бросил пленника в салон и схватил мальчишку. Тот упирался, но я все же выдернул его с сиденья и швырнул — прямо в руки первому из преследователей. Пока он отдирал от себя мальчишку, я успел прыгнуть в машину и рванул с места, даже не закрыв дверь и не пристегнув ремни. На первом же повороте дверца захлоп-

нулась сама, но и я чуть не слетел с сиденья. Проехав какое-то время прямо, я умудрился пристегнуть ремень, затем срезал еще угол и, едва не сбив наземную машину, дал ходу.

Выскочил на широкий бульвар — кажется, Пасео,— и ткнул кнопку «Взлет». Возможно, из-за меня столкнулись несколько машин, но беспокоиться об этом было некогда. Еще не набрав высоты, я повернул на восток. Над Миссури шел на ручном управлении и истратил все запасные стартовые ускорители. Видимо, эти безответственные действия и нарушение всех правил движения и спасли мне жизнь. Где-то над Колумбией, едва я спалил последний движок, машину тряхнуло взрывной волной. Кто-то пустил ракету-перехватчик, и она взорвалась чуть ли не у меня на хвосте.

Больше, к счастью, по мне не стреляли, а то без дополнительных ускорителей я был как утка на воде. Правая турбина начала перегреваться — возможно, от близкого взрыва или просто от натужной работы,— но еще минут десять я гнал с прежней скоростью и молча молился, чтобы она не развалилась. Когда Миссисипи осталась позади, а индикатор перегрева уполз в «опасную» часть шкалы почти до конца, пришлось-таки турбину отключить, и машина полетела на одной только левой. Больше трехсот миль она вытянуть так не могла, но красная зона уже осталась позади.

Все случилось так быстро, что мне даже некогда было взглянуть, как там мой пассажир. Он лежал, раскинув руки, на полу салона, и я не знал, мертв он или только без сознания. Но теперь мы оказались в зоне, контролируемой свободными людьми, да и мощности уже не хватало на незаконное превышение скорости, так что никаких причин вести машину вручную не было. Я включил ответчик, дал запрос на регистрацию в общем транспортном потоке и, не дожидаясь ответа, переключил управление на автоматику. Затем перебрался в салон и осмотрел своего пленника.

Он еще дышал. На лице краснела здоровая ссадина, но вроде бы я ничего ему не сломал. Хотел привести его в чувство — шлепнул пару раз по щекам, пощипал за мочки ушей — однако ничего не помогало. Мертвый паразит уже начал вонять, но его просто некуда было деть. В конце концов я оставил пассажира в покое и вернулся на водительское сиденье.

Часы на панели показывали 21:37 по Вашингтону, а лететь оставалось еще больше шестисот миль. Даже без учета того, что нужно еще сесть, добраться до Белого дома, и разыскать Старика, получалось, что я смогу доложиться чуть позже полуночи, а значит, слишком поздно, и Старик, как пить дать, устроит мне разнос.

Я попытался завести правую турбину. Черта с два. Возможно, она замерзла. Но, может быть, это и к лучшему: скоростной двигатель, если он неисправен или разбалансирован, может просто взорваться. Оставив турбину в покое, я попробовал вызвать Старика по оперативной связи.

Оказалось, мой аппарат не работает. Наверно, я ударил его во время одной из «разминок», что навязали мне паразиты. Сунув аппарат обратно в карман, я подумал, что день складывается на редкость неудачно — в такие дни, как говорят, даже с постели вставать не стоит. Затем включил коммуникатор на приборной панели и принялся вызывать наземную транспортную службу.

Экран засветился, и передо мной возникло изображение молодого человека — я с облегчением отметил, что он сидит по пояс голый.

— Наземная служба. Зона Фокс-одиннадцать. Какого черта вы делаете в воздухе? Я пытался связаться с вами с того самого момента, как вы вошли в мою зону.

— Сейчас некогда объяснять,— резко сказал я.— Срочно соедините меня с ближайшим армейским подразделением. Дело не терпит отлагательств!

На лице у него появилась неуверенность, но тут экран мигнул, и сразу возникло новое изображение, на этот раз военный центр связи. На душе стало тепло и спокойно, потому что все как один там сидели тоже по пояс голые, включая и молодого офицера на первом плане. Я готов был расцеловать его, но вместо этого лишь сказал:

— У меня важное сообщение. Соедините меня через Пентагон с Белым домом.

— Кто вы такой?

— Сейчас нет времени! Я агент секретной службы, но мои документы вам все равно ничего не скажут. Поторопитесь!

Возможно, я уговорил бы этого офицера, но его вытеснил из поля зрения камеры командир.

— Немедленно приземляйтесь!

— Послушайте, капитан,— сказал я.—У меня срочное сообщение. Вы должны соединить...

— А у меня приказ! — отрубил он.— Уже три часа, как гражданским машинам запрещено подниматься в воздух. Немедленно приземляйтесь!

— Но я должен...

— Если вы не приземлитесь, вас собьют. Мы отслеживаем вашу траекторию. Я запускаю ракету — она взорвется в полумиле впереди. Любой другой маневр, кроме захода на посадку, и следующая будет ваша.

— Да послушайте же вы наконец! Я приземлюсь, но мне нужно...

Он просто отключился, и я остался перед пустым экраном.

Первая ракета взорвалась даже ближе, чем в полумиле. Пришлось садиться.

Посадка вышла не очень удачная, но все же обошлось: и я, и пассажир остались целы. Ждать пришлось недолго. Меня осветили ракетами и, не успел я проверить приборы, как рядом начали приземляться военные машины. Меня потащили в штаб, где я лично встретился с тем капитаном. Он даже дал мне поговорить с Белым домом. Правда, уже после того, как его психологи допросили меня под гипнозом и привели в чувство дозой стимулятора. К тому времени в Вашингтоне было 1:13. Операция «Ответный удар» началась один час и тринадцать минут назад.

Старик выслушал мои выводы, пробурчал что-то неразборчиво и мрачно, затем сказал, чтобы я отыскал его утром.

19

Операция «Ответный удар» провалилась, как не проваливалась никакая другая в истории американской армии. Не операция, а пшик. Десант планировался ровно в полночь, сразу более

чем в 9600 точках, в перечень которых входили редакции газет, диспетчерские транспортные службы, релейные телестанции и прочие важные учреждения. Группы состояли из отборных парашютистов-десантников и техников — последние, чтобы наладить связь с захваченными пунктами.

После чего все местные станции должны были передать обращение Президента. Предполагалось, что на отвоеванных у врага территориях сразу же вступит в силу режим «Голая спина».

И все. Война закончена, остается мелкая подчистка.

В двадцать пять минут после полуночи начали поступать первые доклады о том, что такие-то и такие-то пункты захвачены. Чуть позже пошли просьбы о подкреплении с других точек. К часу ночи были высланы последние резервные подразделения, но в Вашингтоне по-прежнему считали, что операция развивается успешно — настолько успешно, что в некоторых случаях командиры сами вылетали в районы боевых действий и докладывали с мест.

Больше о них никто ничего не слышал.

Красная зона поглотила ударную группировку, словно ее и не было. Одиннадцать с лишним тысяч боевых машин, более ста шестидесяти тысяч десантников и техников, семьдесят один старший офицер — стоит ли продолжать? Соединенные Штаты потерпели самое страшное со времен Черного Воскресенья поражение*. Я не собираюсь критиковать Мартинеса, Рекстона, объединенный штаб и, тем более, этих бедолаг десантников. Операция планировалась, исходя из представлений, которые в то время казались правильными; положение требовало быстрых, решительных действий с привлечением лучших людей.

Наверно, только после рассвета, как я понимаю, до Мартинеса и Рекстона наконец дошло, что победные рапорты попросту сфабрикованы их же *людьми*. *Нашими* людьми, но уже захваченными в рабство и участвующими в маскараде. После моего доклада, который опоздал больше чем на час и уже не мог остановить операцию, Старик пытался убедить их не посылать в красную зону подкрепления, но они несколько ошалели от успехов и хотели поскорее добиться чистой победы.

Старик просил Президента, чтобы тот настоял на визуальных проверках, однако связь с операционными группами поддерживалась через орбитальную станцию «Альфа», и каналов для видеоинформации не хватало.

— Что вы паникуете? — огрызнулся Рекстон.— Как только мы отберем у них местные релейные телестанции, наши парни подключатся к наземной трансляционной сети, и у вас будет столько видеоподтверждений, сколько вы захотите.

Когда Старик попытался объяснить, что к тому времени будет уже поздно, Рекстон не выдержал:

— Черт бы вас побрал! Вы что, хотите, чтобы я положил еще тысячу человек только для того, чтобы у вас не тряслись поджилки?

Президент его поддержал.

К утру они получили свои «видео-подтверждения». Телевизионные станции гнали в эфир все те же заезженные передачи: «Мэри-Солнышко желает вам доброго утра», «Завтрак с Браунами» и прочую чепуху. Обращение Президента не прозвучало ни по одному каналу, и ни одна станция не признала, что произошло что-то необычное. К четырем утра доклады десантных подразделений вообще перестали поступать, а лихорадочные попытки Рекстона связаться с ними ни к чему не привели. Ударная группировка «Освобождение» просто прекратила свое существование. *Spurlos versenkt**.

Со Стариком я увиделся только в одиннадцать. Он выслушал мой, теперь уже более обстоятельный доклад, ни разу не перебив и даже не отчитав меня — отчего я почувствовал себя совсем гнусно.

Но едва он собрался вернуться к своим делам, я спросил:

— Как насчет пленного? Он подтвердил мои выводы?

— Он-то? Пока без сознания. Врачи полагают, он не выживет.

— Я бы хотел его увидеть.

— Занимайся лучше своим делом.

— Э-э-э... У тебя есть для меня какое-то дело?

— Думаю, тебе нужно... Нет, лучше вот что: сгоняй в зоопарк. Там тебе кое-что покажут, и ты сразу увидишь все, что узнал в Канзас-Сити, в новом свете.

— В смысле?

— Найдешь доктора Хораса, заместителя директора. Скажешь, что ты от меня.

Доктор Хорас, небольшого роста, приятный, общительный человечек, здорово напоминавший одного из своих бабуинов, сразу направил меня к доктору Варгасу, специалисту по экзобиологии*, тому самому Варгасу, что участвовал во второй экспедиции на Венеру. Он-то и показал мне, что случилось. Если бы мы со Стариком вместо того, чтобы рассиживать на скамейке у Белого дома, отправились в Национальный зоопарк, мне просто не пришлось бы летать в Канзас-Сити. Десяток паразитов, что мы поймали в Конгрессе, плюс еще два, пойманные на следующий день, были отправлены в зоопарк и пересажены на человекообразных обезьян — в основном, на шимпанзе и орангутангов. С гориллами решили не рисковать. Директор распорядился запереть обезьян-носителей в больничном корпусе. Двух шимпанзе, Абеляра и Элоизу*, которые раньше жили вместе, разделять не стали и поместили в одну клетку. Это, кстати, лишний раз доказывает, как трудно нам перестроить свою психологию, когда мы имеем дело с титанцами. Даже люди, которые пересаживали паразитов, воспринимали результат как обезьян, а не как титанцев.

В соседнем вольере размещалась семья больных туберкулезом гиббонов. Из-за болезни их не использовали в качестве носителей, и никакого сообщения между вольерами не было. Друг от друга они отделялись выдвижной перегородкой на замке, а вентиляция у каждого была отдельная. Однако на следующее утро перегородка оказалась выдвинута, а гиббоны и шимпанзе — вместе. Каким-то образом Абеляр и Элоиза открыли замок. Замки там специальные, обезьяны открыть их не могут, но против «обезьяны-плюс-титанца» они не устояли.

Итак, пять гиббонов, два шимпанзе и два титанца. Но на следующий день ученые обнаружили семь обезьян и *семь* паразитов.

Известно об этом стало за два часа до моего отлета в Канзас-Сити, но Старику вовремя не сообщили, иначе он бы уже знал, что Канзас-Сити наводнен пришельцами. Да и я бы, видимо, до-

гадался. Если бы Старику сказали про гиббонов, операция «Ответный удар» так бы и не началась.

— Я видел обращение Президента,— сказал доктор Варгас.— Не вы ли тот человек... Я имею в виду, не вы ли...

— Да-да. Тот самый,— ответил я коротко.

— Тогда вы очень многое можете рассказать нам об этом феномене.

— Наверное, должен бы, но, к сожалению, не могу,— медленно признался я.

— Хотите сказать, что, пока вы были их... э-э-э... пленником, вам не доводилось наблюдать размножение делением?

— Верно.— Я задумался.— Во всяком случае, мне так кажется.

— Но насколько я понял, после разделения... э-э-э... жертвы сохраняют все воспоминания.

— Это и так, и не так...— Я попытался объяснить ему то странное, как бы отрешенное состояние, в котором пребывает человек во власти хозяина.

— Возможно, это случается во время сна.

— Может быть. Но, кроме сна, есть другие периоды, которые трудно вспомнить. Это их прямые «конференции».

— Конференции?

Я объяснил, и у него загорелись глаза.

— О, вы имеете в виду конъюгации!

— Нет, я имею в виду «конференции».

— Очевидно, мы говорим об одном и том же. Как же вы не понимаете? Конъюгации и деление... Они размножаются по собственной воле, когда позволяет наличие свободных носителей. Надо полагать, один контакт на одно деление. Затем, когда появляется возможность, происходит деление, и буквально в считанные часы появляются два новых взрослых паразита. Может быть, даже быстрее.

Если он прав — а глядя на гиббонов, в этом трудно было усомниться,— тогда почему мы в Конституционном клубе так зависели от поставок? Или, может быть, я ошибаюсь? На самом деле, я мало что тогда понимал. Делал только то, что приказывал хозяин, и видел только то, что попадало на глаза. Но, во всяком

случае, стало понятно, откуда в Канзас-Сити столько паразитов. Имея в наличии космический корабль с запасом транзитных ячеек и достаточно большое «стадо» носителей, титанцы просто начали размножаться, пока не догнали числом землян.

Допустим, в том корабле, который, по нашим предположениям, приземлился около Канзас-Сити, прилетела тысяча паразитов. Допустим также, что при благоприятных условиях они делятся каждые двадцать четыре часа.

Первый день — тысяча паразитов.

Второй день — две тысячи.

Третий день — четыре тысячи.

К концу первой недели, то есть на восьмой день, их будет сто двадцать восемь тысяч.

Через две недели — больше шестнадцати миллионов.

Однако нам ничего о них не известно точно. Может быть, они способны делиться чаще. Может, один корабль способен доставить десять тысяч ячеек. Или больше. Или меньше. Допустим, они начали с десяти тысяч и делятся каждые двенадцать часов. Через две недели получится...

БОЛЬШЕ ДВУХ С ПОЛОВИНОЙ ТРИЛЛИОНОВ!!!

Цифра просто не укладывалась в голове. Совершенно чудовищная цифра. На всей Земле не наберется столько носителей, даже если к людям приплюсовать обезьян.

Похоже, на нас обрушится целая лавина паразитов. Причем очень скоро. Даже в Канзас-Сити я не чувствовал себя так скверно.

Доктор Варгас представил меня доктору Макилвейну из Смитсоновского института. Макилвейн занимался сравнительной психологией и, по словам доктора Варгаса, именно он написал книгу «Марс, Венера, Земля: исследование побудительных мотиваций». Варгас ожидал, что это произведет на меня впечатление, но я книгу не читал. И вообще, как можно изучать мотивации марсиан, если все они вымерли еще до того, как мы слезли с деревьев?

Ученые принялись спорить о чем-то своем, а я продолжал наблюдать за гиббонами. Затем Макилвейн спросил:

— Мистер Нивенс, а как долго длятся эти «конференции»?

— Конъюгации,— поправил его Варгас.

— Конференции,— повторил Макилвейн.— Этот аспект более важен.

— Но позвольте, доктор,— не уступал Варгас,— конъюгация — это способ обмена генами, посредством которого мутации распространяются на...

— Антропоцентризм, доктор! Вы не можете с уверенностью утверждать, что эта форма жизни имеет гены.

Варгас покраснел.

— А вы хотите предположить что-то еще?

— Сейчас нет. Но повторяю, доктор, вы оперируете недостоверными аналогиями. У всех без исключения форм жизни есть только одна общая характеристика, и эта характеристика — стремление выжить.

— И размножаться,— добавил Варгас.

— А предположим, существо бессмертно и ему не нужно размножаться?

— Но...— Варгас пожал плечами и махнул рукой в сторону обезьян.— Мы ведь уже знаем, что они размножаются.

— Я все же думаю,— ответил Макилвейн,— что это не размножение. Мне кажется, что мы имеем дело с единым организмом, который стремится захватить для себя побольше жизненного пространства. Согласитесь, доктор, зиготы, гаметы — к этому порой так привыкаешь, что начисто забываешь о возможности существования и других принципов.

— Но во всей Солнечной системе...— начал было Варгас.

— Антропоцентризм, терроцентризм, гелиоцентризм,— перебил его Макилвейн,— это все провинциальные подходы. Возможно, эти существа прилетели к нам из другой звездной системы.

— Ничего подобного! — вставил я. В мозгу вдруг вспыхнуло изображение Титана, и одновременно мне снова сдавило горло.

На мою реплику никто не обратил внимания. Макилвейн продолжал:

— Возьмите, к примеру, амебу. Кстати, по сравнению с нами, эта форма жизни проще, но гораздо более успешна в плане эволюции. Мотивационная психология амебы...

Дальше я слушать не стал. Свобода слова есть свобода слова, и если человеку хочется, он может сколько угодно рассуждать о «психологии» амебы, но слушать это никто не обязан.

Затем они занялись экспериментами, что несколько подняло их в моих глазах. Варгас распорядился перевести бабуина с паразитом на спине в клетку с шимпанзе и гиббонами. Едва новичок оказался в клетке, они все сошлись в круг спиной к спине и устроили переговоры от паразита к паразиту.

— Вот видите! — Макилвейн ткнул пальцем в сторону клетки.— Эти «конференции» нужны им не для размножения, а, прежде всего, для обмена информацией. Временно разделенный на части организм вновь соединился.

То же самое мог сказать им и я, только без этой трескучей терминологии: хозяин, который долго был без контакта со своими, первым делом вступает в прямые переговоры.

— Гипотеза! Где доказательства? — фыркнул Варгас.— Сейчас у них просто нет возможности размножаться. Джордж!

Он подозвал бригадира лабораторных рабочих и велел доставить еще одну обезьяну.

— Маленького Эйба? — спросил бригадир.

— Нет, мне нужна обезьяна без паразита. Знаешь что, пусть будет Краснокожий.

— Док, может, не надо Краснокожего? Жалко,— попытался возразить бригадир.

— Ничего с ним не сделается.

— Может, лучше Сатану? Все равно противный, зараза.

— Ладно, давай его сюда.

Привезли Сатану, черного, как уголь, шимпанзе. Возможно, в других обстоятельствах он бывал агрессивен, но сейчас вел себя очень тихо. Когда его запустили в клетку к обезьянам с паразитами, он прижался спиной к дверце и жалобно заскулил. Мы словно казнь наблюдали. Я держал себя в руках — человек, в конце концов, ко всему привыкает,— но панический страх обезьяны оказался заразительным: захотелось сбежать.

Поначалу обезьяны с паразитами просто смотрели на Сатану, не отрывая глаз,— ну прямо суд присяжных,— и продолжа-

лось это довольно долго. Повизгивание Сатаны сменилось низкими стонами, и он закрыл лицо руками.

— Смотрите, доктор! — вдруг воскликнул Варгас.

— Что? Где?

— Люси, старая самка. Вон там.— Он указал рукой.

Видимо, у чахоточных гиббонов она была за главного. Люси стояла спиной к нам, и мы увидели, что паразит у нее на загривке собрался в ком, а затем на нем появилась радужная линия — прямо посередине.

Паразит начал делиться. Сначала появилась трещина, как на лопнувшем яйце, и всего через несколько минут процесс деления закончился. Один из новых паразитов устроился по центру на позвоночнике Люси, второй медленно пополз вниз. Обезьяна присела на корточки, почти касаясь задом пола, и паразит с легким шипением плюхнулся на бетон. Затем заскользил к Сатане. Тот хрипло взвыл и полез под потолок.

И что вы думаете? Они отрядили команду, чтобы его притащили обратно — двух гиббонов, шимпанзе и бабуина. Сатану оторвали от решетки, стащили вниз и разложили на полу.

Паразит подполз ближе.

Когда до Сатаны осталось фута два, он медленно вырастил псевдоподию — гибкое щупальце, которое тянулось и извивалось, словно змея. Щупальце взвилось в воздух и хлестнуло Сатану по ноге. Остальные обезьяны тут же его отпустили, но черный шимпанзе продолжал лежать без движения.

Титанец притянул себя щупальцем, устроился на ноге, а затем медленно пополз вверх. Когда он добрался до основания позвоночника, Сатана сел. Потом встряхнулся и двинулся к остальным обезьянам.

Варгас и Макилвейн опять затеяли яростный спор. Происшедшее их, видимо, совсем не тронуло, а у меня возникло дикое желание крушить и уничтожать — мстить за себя, за Сатану, за всех обезьяноподобных.

Макилвейн утверждал, что мы стали свидетелями совершенно нового, в принципе незнакомого человеку явления: разумное существо, достигшее в ходе эволюции бессмертия и продолжающее

себя в каждой отдельной личности. Или в групповой личности — здесь они сами начали путаться. Макилвейн предположил, что это существо хранит воспоминания с момента его формирования как вида. Затем он сравнил паразитов с четырехмерным червем в пространстве-времени*, отдельные части которого переплетены в единый организм, и тут их понесло в такие дебри, что слушать это стало просто невыносимо.

Я же своего мнения не имел, но и не особенно на этот счет беспокоился. Паразитов я воспринимал только в одном плане: мне хотелось убивать их, и как можно больше.

20

Как ни странно, когда я вернулся в Белый дом, Старик оказался свободен: Президент отбыл на закрытую сессию ООН. Я рассказал Старику, что видел, и какое впечатление произвели на меня Варгас и Макилвейн.

— Ну прямо как бойскауты, которые хвастаются друг перед другом альбомами с марками. По-моему, они даже не понимают, насколько это серьезно.

Старик покачал головой.

— Ты их недооцениваешь, сынок. Если кто и сумеет найти выход, то на них надежды больше, чем на нас с тобой.

— Ха! — сказал я (хотя, может быть, тогда прозвучало более крепкое словцо).— Дай бог, чтобы они паразитов своих не растеряли.

— А тебе уже рассказали про слона?

— Про какого слона? Они мне вообще ничего не рассказали. Я их, похоже, мало интересовал; они больше друг другом занимались.

— Ты просто не понимаешь, что такое «увлеченность исследователя». А насчет слона... Одна обезьяна с наездником каким-то образом сбежала. Позже раздавленный труп обезьяны нашли в слоновнике. И один из слонов исчез.

— Ты хочешь сказать, что где-то в окрестностях бродит *слон с паразитом*? — Мне чуть плохо не стало, когда я представил себе эту картину: все равно что танк с кибернетическим мозгом.

— Слониха,— поправил меня Старик.— Ее нашли в Мэриленде. Она спокойно поедала на поле капусту. Уже без паразита.

— И куда же он делся? — Я невольно огляделся по сторонам.

— В деревне неподалеку пропала летающая машина. Я думаю, что паразит уже где-то по ту сторону Миссисипи.

— Кто-нибудь из людей пропал?

Он пожал плечами.

— Это свободная страна, так что кто знает? Одно радует: паразиты не могут скрываться на человеке за пределами красной зоны.

Последняя его реплика заставила меня вновь задуматься о том, что я увидел в зоопарке, но не осознал сразу. Смутная догадка маячила совсем близко, но никак не давалась в руки. Старик тем временем продолжал:

— Правда, нам потребовались довольно суровые меры, чтобы заставить людей соблюдать режим «Голая спина». Президент до сих пор получает заявления протеста — в основном, от всяких блюстителей нравственности. А тут еще и Национальная ассоциация галантерейщиков подключилась.

— В смысле?

— Можно подумать, мы делаем это, чтобы распродать их дочерей по борделям. Была тут одна делегация, «Матери республики» или еще что-то в таком же духе.

— И что, Президент вынужден тратить свое время на *это?* Сейчас?

— Нет. Их принимал Макдоно. Но он и меня потащил.— Старик скривился.— Мы им сказали, что они не увидят Президента, пока не разденутся догола. Только это их и остановило.

Беспокоившая меня мысль наконец оформилась.

— А знаешь, может быть, и до этого дойдет.

— До чего?

— Придется заставлять людей раздеваться.

Старик закусил губу и задумался.

— На что ты намекаешь?

— А нам точно известно, что паразит может присасываться к человеку только на плечах?

— Тебе лучше знать.

— В том-то и дело. Мне казалось, я знаю, но теперь совсем не уверен. Пока я был... э-э-э... с ними, мы так и делали. Однако...— Я подробно рассказал Старику, что произошло, когда Варгас подсадил беднягу Сатану к титанцам.— Обезьяна начала двигаться, едва паразит дополз до основания позвоночника. Я уверен, титанцы предпочитают присасываться поближе к головному мозгу, но не исключено, что они с таким же успехом могут спрятаться у человека в штанах, вытянув небольшой отросток до спинного мозга.

— Хм... Помнишь, сынок, тот первый раз на базе, когда я заставил всех раздеться догола? Как ты догадываешься, это не случайно.

— Видимо, ты был прав. Они могут прятаться на теле человека где угодно. Взять хотя бы эти твои «семейные трусы». Там запросто может пристроиться паразит, а люди просто решат, что у тебя отвислый зад.

— Хочешь, чтобы я разделся?

— Я придумал проверку получше — «канзасский захват».— Может, это и прозвучало как шутка, но я говорил на полном серьезе. И, не дав ему опомниться, с размаху хватил пятерней с полусогнутыми пальцами пониже спины.

Старик не стал возмущаться, а взял и проверил меня тем же способом.

— Однако это тоже не дело,— грустно заметил он, когда мы сели.— Нельзя же в самом деле ходить по улицам и лупить по мягким частям всех женщин подряд.

— Может быть, придется,— сказал я.— Иначе все должны будут ходить голыми.

— Ладно, мы проведем кое-какие эксперименты.

— В смысле? — спросил я.

— Помнишь, у нас были эти панцири, закрывающие плечи и позвоночник? Толку от них немного, разве что спокойнее себя

чувствуешь. Так вот, я хочу попросить доктора Хораса пристроить обезьяне такой же панцирь, чтобы только ноги оставались открытыми, и посмотрим тогда, что получится. Можно еще и с другими частями тела поэкспериментировать.

— М-да. Но, может, не стоит брать для этого обезьян, босс?

— Почему?

— Э-э-э... слишком уж они на людей похожи.

— Черт побери, нельзя же приготовить омлет...

— ...не разбив яиц. Знаю. Но эта затея мне все равно не нравится.

21

Следующие несколько дней я выступал перед всякими пентагоновскими шишками, отвечал на их дурацкие вопросы о том, что титанцы едят на ленч, и объяснял, как лучше подступиться к человеку, которого оседлал паразит. Меня представляли в качестве «эксперта», но добрая половина «учеников» почему-то считала, что они знают о титанцах гораздо больше, чем я.

Тем временем паразиты надежно удерживали красную зону, но не могли выбраться оттуда незамеченными — во всяком случае, мы на это надеялись. Сами мы тоже не пытались больше проникнуть на их территорию, потому что, как ни крути, каждый паразит держал в заложниках одного из наших людей. От ООН помощи ждать не приходилось. Президент предложил им ввести режим «Голая спина» на всей планете, но участники сессии мялись, хмыкали, нерешительно переглядывались и в конце концов переадресовали предложение специальному комитету для дополнительной проверки. На самом деле нам просто никто не верил. В доме пожар, но люди понимают это, только когда горит прямо под ногами. Врагу такая ситуация, понятно, на руку.

Некоторые страны, впрочем, защищали сами национальные традиции. Финн, который два дня подряд откажется от сауны в компании своих друзей, на третий уже вызовет подозрения. У японцев насчет наготы тоже никаких комплексов. В относительной

безопасности были южные моря и значительная часть Африки. Во Франции, сразу после третьей мировой войны, стал невероятно популярен нудизм — во всяком случае, по выходным,— так что паразиту там просто негде спрятаться. Зато в тех странах, где традиционная стыдливость еще сохраняла силу, титанец мог скрываться до тех пор, пока его носитель не протухнет. Это относилось к самим Соединенным Штатам, Канаде, Англии — особенно к Англии.

В Лондон были отправлены воздухом три паразита (вместе с обезьянами). Как я понимаю, Король, вслед за американским Президентом, решил показать всему народу пример, однако премьер-министр, подстрекаемый архиепископом Кентерберийским, просто запретил ему. Сам архиепископ даже не удосужился взглянуть на титанцев: моральный облик, мол, гораздо важнее любых мирских напастей. Средства массовой информации об этой истории умолчали, и, может быть, она не соответствует действительности, но, как бы там ни было, нежные британские телеса по-прежнему укрыты от холодных взглядов чужеземцев.

Русская пропаганда набросилась на нас, едва правительство определило свое отношение к данному вопросу. Все происшедшее они охарактеризовали как «безумную фантазию американских империалистов». И почему, подумалось мне, титанцы не напали сначала на Россию? Страна для них просто идеальная. Или... Может, они давно уже напали? Но тогда изменилось ли там хоть что-нибудь?

Самого Старика я все это время не видел. Задания мне передавал его заместитель Олдфилд. Соответственно, я не знал, что охрана Президента передана другим людям и Мэри вернулась на базу. В баре Отдела мы встретились с ней совершенно случайно.

— Мэри! — крикнул я, споткнулся и чуть не полетел на пол.

На ее губах медленно расцвела сладостная улыбка. Она подвинулась, чтобы я сел рядом, и прошептала:

— Здравствуй, милый!

Мэри не спрашивала, чем я занимался, не дулась за то, что я пропал, и даже не жаловалась, что меня не было слишком долго. Что прошло, то прошло.

Зато я тараторил без умолку:

— Нет, это просто замечательно! А я думал, ты по-прежнему укладываешь Президента. Давно ты здесь? Когда тебе обратно? Слушай, давай я тебя чем-нибудь угощу? О, у тебя уже есть.— Я начал было выстукивать на клавиатуре заказ для себя, но рюмка появилась на столе сама.— О! Как она здесь оказалась?

— Я сделала заказ, когда увидела тебя в дверях.

— Мэри, я тебе уже говорил, что ты бесподобна?

— Нет.

— Тогда слушай: ты бесподобна!

— Спасибо.

— Надолго ты освободилась? — продолжал болтать я.— Слушай, а как бы тебе несколько дней отдохнуть? Не могут же они держать тебя на работе двадцать четыре часа в сутки, неделю за неделей, совсем без передышки? Я сейчас пойду к Старику и скажу ему...

— Меня отпустили отдохнуть, Сэм.

— ...все что я о нем... А?

— Меня отпустили.

— Серьезно? Надолго?

— До вызова. Сейчас все увольнения до вызова.

— Но... И давно ты отдыхаешь?

— Со вчерашнего дня. Сижу здесь и жду тебя.

— Со вчерашнего дня! — Весь предыдущий день мне пришлось читать пентагоновским шишкам лекции, глупые лекции, которые совершенно их не интересовали. Я вскочил.— Жди меня здесь. Я сейчас вернусь.

Когда я влетел в кабинет Олдфилда, он оторвался от бумаг и устало спросил:

— Ну, тебе-то что еще нужно?

— Шеф, я насчет этого сеанса вечерних сказок, который запланировали для меня на сегодня. Его лучше отменить.

— С какой стати?

— Я заболел. Мне давно полагается отпуск по болезни, и я хочу им воспользоваться.

— У тебя, по-моему, с головой не все в порядке.

— Точно! С головой. Голоса чудятся. Все за мной следят. И мне постоянно снится, что я опять у титанцев.— Последнее, впрочем, было чистой правдой.

— С каких это пор помешательство стало препятствием для работы в Отделе? — Он явно ждал, как я выкручусь.

— Слушай, ты меня отпустишь или нет?

Олдфилд покопался в своих бумагах, нашел нужную и порвал ее на куски.

— О'кей. Телефон держи под рукой. Тебя могут вызвать в любую минуту. А теперь проваливай.

Что я и сделал. Едва я вошел, Мэри подняла взгляд и снова расцвела в улыбке.

— Хватай свои вещи. Мы уходим,— сказал я.

Она даже не спросила, куда, просто встала. Я поднял свою рюмку, сделал один глоток и пролил чуть не все остальное. Мы даже словом перекинуться не успели, как оказались наверху, на пешеходном уровне. Только тут я спросил:

— Так. Где ты хочешь, чтобы мы поженились?

— Сэм, мы ведь это уже обсуждали.

— Конечно, теперь мы просто это сделаем. Так где?

— Сэм, дорогой мой, я сделаю, как ты скажешь. Но я по-прежнему против.

— Почему?

— Знаешь, Сэм, поедем ко мне? Я тебе обед приготовлю.

— О'кей, приготовишь, но не там. И сначала мы поженимся.

— Ну пожалуйста, Сэм...

— Давай-давай, парень. Она уже сдается,— посоветовал кто-то рядом.

Я оглянулся и увидел, что вокруг собралась довольно приличная толпа зрителей, махнул рукой и сердито крикнул:

— Вам что, делать всем нечего? Шли бы лучше выпили!

В толпе лишь бесстрастно прокомментировали:

— Я бы на его месте согласился.

Я схватил Мэри за руку, молча потащил к такси и только когда мы забрались в машину, обиженно спросил:

— Ладно. Почему ты не хочешь за меня замуж? У тебя есть какие-то причины?

— Но зачем, Сэм? Я и так твоя. Тебе не нужен контракт.

— Как зачем? Затем, что я тебя люблю, черт побери!

Мэри какое-то время молчала, и я уже начал думать, что чем-то обидел ее. Потом наконец ответила, но так тихо, что я едва ее расслышал.

— Раньше ты мне этого не говорил, Сэм.

— Как же? Не может быть.

— Нет, я уверена, что не говорил. Почему?

— М-м-м... Не знаю. Видимо, по недосмотру. И я не совсем понимаю, что означает слово «любовь».

— Я тоже,— тихо произнесла она.— Но мне нравится, как ты это говоришь. Скажи еще раз, а?

— Э-э-э... О'кей. Я тебя люблю. Я люблю тебя, Мэри.

— Сэм...

Она прижалась ко мне и задрожала от волнения. Я чуть встряхнул ее.

— А ты?

— Я? О, я тоже тебя люблю, Сэм. С тех самых пор...

— С каких пор?

Я думал, она скажет, что с тех пор, как я заменил ее в операции «Интервью», но, оказалось, нет.

— Я полюбила тебя, когда ты залепил мне пощечину.

Ну где тут логика?

Машина медленно курсировала вдоль коннектикутского побережья. Я разбудил водителя и попросил доставить нас в Вестпорт, где мы сразу же направились в мэрию. Я подошел к стойке в бюро санкций и лицензий и обратился к клерку:

— Мы можем здесь пожениться?

— Это как пожелаете,— ответил он.— Охотничьи лицензии налево, лицензии на собак направо. А здесь золотая середина. Надеюсь.

— Что ж, отлично,— сказал я серьезно.— Будьте добры, оформите нам лицензию.

— Конечно. О чем речь? Каждый должен испытать это хотя бы один раз в жизни, как я всегда говорил моей старухе.— Он достал бланк.— Ваши личные номера, пожалуйста.

Мы назвали номера.

— Так. Не регистрировал ли кто-то из вас брак в другом штате?

Нет, не регистрировал.

— Вы уверены? Если после регистрации обнаружатся другие контракты, этот утратит силу.

Мы снова подтвердили, что оба никогда не вступали в брак.

— Какой срок? Возобновляемый контракт или на всю жизнь? Если больше десяти лет, такса такая же, как на всю жизнь. Если меньше шести месяцев, то это не ко мне: можете получить упрощенный контракт у авторегистратора вон там, у стены.

— На всю жизнь,— тихо ответила Мэри.

Клерк удивленно вскинул брови.

— Леди, вы уверены, что делаете правильный выбор? Возобновляемый контракт с автоматическим продлением столь же постоянен, но если вы передумаете, вам не придется обращаться в суд.

— Вы слышали, что сказала леди?

— О'кей, о'кей. Финансовая политика определяется одной из сторон, взаимным согласием или закрепляется контрактом?

— Контрактом,— ответил я, и Мэри кивнула.

— Контрактом так контрактом,— согласился он, пробежав пальцами по клавиатуре принтера.— Теперь самый главный вопрос: кто платит и сколько? Содержание или дарственный фонд?

— Содержание,— ответил я, поскольку на дарственный фонд моих сбережений просто не хватило бы.

— Ни то, ни другое,— твердо сказала Мэри.

— В смысле? — удивился клерк.

— Ни то, ни другое,— повторила она.— Это не денежный контракт.

Клерк откинулся на спинку стула.

— Леди, вы совершаете ошибку,— попытался уговорить он Мэри.— Джентльмен, как вы слышали, готов платить содержание, и он совершенно прав.

— Нет.

— Может быть, вам лучше посоветоваться сначала со своим адвокатом? В фойе есть общественный коммуникатор.

— Нет!

— Чтоб мне сдохнуть тогда, если я понимаю, зачем вам нужен контракт!

— Я тоже не понимаю,— успокоила его Мэри.

— Вы хотите сказать, что он вам не нужен?

— Нужен. Запишите, как я сказала: «Без содержания».

Клерк с беспомощным видом склонился над принтером.

— Теперь, видимо, все. Проще не бывает,— сказал он и забубнил: — Клянетесь — ли — вы — оба — что — изложенные — выше — факты — верны — что — вы — регистрируете — это — соглашение — по — собственной — воле — и — не — под — влиянием — наркотических — препаратов — что — никаких — скрытых — обязательств — и — прочих — юридических — препятствий — к — заключению — и — регистрации — брака — не — существует?

Да, клянемся; да, по собственной; нет, не под влиянием; нет, не существует.

Клерк выдернул лист из принтера.

— Пожалуйста, отпечатки больших пальцев. О'кей, с вас десять долларов, включая федеральный налог.

Я расплатился, и он сунул контракт в копировальную машину.

— Копии будут высланы по адресам, соответствующим вашим личным номерам. Все. Какого рода церемонию вы предпочитаете? Могу я чем-нибудь помочь?

— Мы не хотим никаких религиозных церемоний,— ответила Мэри.

— Тогда я могу посоветовать как раз то, что вам нужно. Старый добрый доктор Чамли. Никакого предпочтения ни одной из религий, лучшее стереосопровождение в городе — все четыре стены — и настоящий оркестр. Полный набор удовольствий, включая обряд плодородия и прочее, но все чинно, с достоинством. Плюс личные отеческие советы. После него вы действительно почувствуете себя семьей.

— Нет,— теперь это сказал я.

— Да полно вам! — принялся уговаривать меня клерк.— Подумайте о молодой леди. Если она сдержит свои обязательства по контракту, второго шанса у нее не будет. Каждая девушка заслуживает, чтобы у нее была свадьба. И, честное слово, я не бог весть какие комиссионные получаю.

— Вы сами можете нас поженить? Да? — спросил я.— Тогда вперед. И давайте покончим с этой процедурой.

— А вы что, не знали? — удивленно ответил он.— В этом штате люди женятся сами. Вы *уже* женаты, поскольку поставили отпечатки пальцев на лицензии.

Я сказал «О!», Мэри промолчала, и мы вышли на улицу.

На посадочной площадке к северу от города я взял напрокат машину — развалюхе исполнилось лет десять, но там стоял автопилот, так что нас она вполне устраивала. Мы облетели город по кругу, срезали над Манхэттенским кратером, и я запрограммировал автоматику. Меня переполняло счастье, и в то же время я ужасно волновался, но затем Мэри меня обняла... Не знаю уж, сколько прошло времени, но скоро — слишком скоро — послышалось «БИП! бип-бип БИП!» радиомаяка в моей хижине. Я высвободился из объятий и направил машину на посадку.

— Где это мы? — спросила Мэри сонным голосом.

— Над моей хижиной в горах,— ответил я.

— Я даже не знала, что у тебя есть хижина. Думала, мы летим ко мне.

— Там же полно капканов! И кстати, это теперь не моя хижина, а наша.

Она снова меня поцеловала, и я чуть не врезался при посадке в землю. Мне пришлось уделить несколько минут машине, а Мэри тем временем выбралась и пошла вперед. Я догнал ее уже у дома.

— Бесподобно, милый!

— Адирондак! Этим все сказано,— согласился я.

Солнце висело над самым горизонтом, а легкая дымка, окутавшая горы, придавала пейзажу какой-то особенный, удивительно объемный вид.

Мэри обернулась.

— Да. Только я не природу имела в виду, а твой дом. Давай зайдем?

— Конечно. Только это, скорее, просто хижина.

В общем-то, так она и планировалась. Внутри даже бассейна не было. Приезжая сюда, я хотел, чтобы город оставался где-то там, далеко позади. Корпус — стандартный, из стали и стеклопластика, но снаружи обшит особо прочными плитами — тоже пластик, но в форме бревен. Внутри — все просто: одна большая гостиная с настоящим камином, мягкими коврами и низкими креслами. Все необходимое оборудование марки «Компакто Спешиал» находилось под фундаментом: кондиционер, энергоблок, фильтры, аудиооборудование, водоснабжение и канализация, радиационные датчики, сервомеханизмы — все кроме морозильника и кухонного оборудования упрятано вниз, и — ни забот, ни хлопот. Даже стереоэкраны не сразу заметишь, пока они не включены. Почти настоящая бревенчатая хижина, но с водопроводом.

— Очень милая хижина,— сказала Мэри серьезным тоном.— Большой роскошный дом мне бы, наверное, не понравился.

— Значит, нас уже двое.— Я набрал комбинацию на шифрозамке, дверь разошлась в стороны, и Мэри прошмыгнула внутрь.— Эй! Ты куда?

Она вернулась на порог.

— Что такое, Сэм? Я что-то сделала не так?

— Еще бы! — Я вытащил ее на улицу, затем поднял на руки, перенес через порог, поцеловал и поставил.— Вот, теперь ты у себя дома.

Когда мы вошли, включился свет. Мэри обвела гостиную взглядом, повернулась и бросилась мне на шею.

— Дорогой...

Спустя какое-то время она меня отпустила и принялась бродить по комнате, останавливаясь то тут, то там, приглядываясь, трогая вещи.

— Знаешь, Сэм, если бы я планировала обстановку сама, получилось бы то же самое.

— У меня, к сожалению, только одна ванная,— признался я.— Будем жить в суровых полевых условиях.

— Меня это вполне устраивает. Я даже счастлива; теперь я знаю, что ты не водил сюда своих женщин.

— Каких женщин?

— Сам знаешь, каких. Если бы ты задумал этот дом как любовное гнездышко, здесь была бы вторая ванная комната.

— Тебя не проведешь.

Она не ответила и ушла на кухню. Спустя секунду оттуда донесся радостный визг.

— Что случилось? — спросил я, направляясь к ней.

— Я совсем не ожидала найти в холостяцком доме такую кухню.

— А я, кстати, неплохо готовлю. Мне хотелось хорошую кухню, вот я и купил все, что нужно.

— Бесподобно! Но теперь готовить для тебя буду я.

— Хорошо, это твоя кухня. Распоряжайся. Но, может быть, ты хочешь сначала сполоснуться? Я пропущу тебя вперед. А завтра мы выпишем каталог и закажем еще одну отдельную ванную. Ее доставят воздухом.

— Иди первым,— сказала она.— Я пока поставлю обед.

Домашняя жизнь началась у нас так гладко и естественно, словно мы были женаты уже несколько лет. Нет, я не говорю, что медовый месяц прошел скучно или что мы не узнали друг о друге ничего нового — ни в коем случае. Но мы уже знали достаточно — особенно Мэри,— отчего и казалось, что нашей семье не первый год.

В памяти те дни сохранились не очень ясно. Помню только ощущение счастья. Видимо, я успел забыть, что это такое, или просто не понимал раньше. Да, случалось, кто-то вызывал у меня интерес. Случалось, я увлекался. Это славно, забавно, весело, но счастлив я ни с кем не был.

Мы ни разу не включали стерео и ничего не читали. Никого не видели и ни с кем не говорили. Только на второй день сходили пешком до поселка, потому что мне хотелось показаться на людях с Мэри. На обратном пути мы проходили мимо хибары местного отшельника Старого Джона по прозвищу Горный Козел, который присматривал за моим домом, и, увидев его, я помахал рукой.

Он помахал в ответ. Одет Джон был как обычно: старая армейская куртка, вязаная шапка, шорты и сандалии. Я хотел предупредить его насчет режима «Голая спина», но передумал, и вместо этого крикнул:

— Пришли ко мне Пирата!

— Кто такой Пират, дорогой? — спросила Мэри.

— Увидишь.

Едва мы вернулись домой, появился Пират, здоровый хулиганистый кот: дверца, что я для него сделал, открывалась на его «мяу». Он вошел, высказал все, что думает о хозяевах, которые исчезают слишком надолго, затем простил и ткнулся мордой мне в ноги. Я потрепал его по спине, и Пират отправился обследовать Мэри. Та опустилась на колени, пытаясь привлечь его звуками, которые издают обычно люди, понимающие кошачьи повадки, однако Пират оставался на месте и долго ее разглядывал, не скрывая своей подозрительности. Затем вдруг прыгнул на руки и, заурчав, уткнулся в подбородок.

— Ну, слава богу,— произнес я с облегчением.— А то я уж думал, что он не разрешит тебя оставить.

Мэри посмотрела на меня и улыбнулась.

— Не беспокойся. Я сама на две трети кошка.

— А еще на треть кто?

— Узнаешь.

С тех пор Пират почти все время оставался с нами; Мэри он уделял внимания даже больше, чем мне. Я его выгонял только из спальни — Мэри и кот протестовали, но тут я был неумолим.

Мэри очень неохотно говорила о прошлом — видимо, считала, что это ни к чему. Она слушала, когда я говорил о себе, но свое прошлое обсуждать отказывалась. Как-то раз, когда я пристал к ней с расспросами, она просто сменила тему, сказав:

— Пойдем, полюбуемся закатом.

— Каким закатом? — недоуменно спросил я.— Мы же только что позавтракали.— Однако эта путаница со временем вернула меня в реальный мир.— Мэри, сколько мы уже здесь?

— А это имеет значение?

— Еще как имеет. Прошло, наверно, больше недели. Наши телефоны могут зазвонить в любую минуту — и все: назад, на галеры.

— Да, но зачем беспокоиться заранее?

Однако я уже не мог успокоиться. Мне загорелось узнать, какое сегодня число. Можно было, конечно, включить стерео, но там наверняка наткнешься на сводку новостей, а это себе дороже: я все еще притворялся, что мы с ней в каком-то другом мире, где нет никаких титанцев.

— Мэри,— спросил я.— У тебя есть «Темпус»? Много?

— Ни одной пилюли.

— Ладно. У меня хватит на двоих. Давай растянем наш отпуск. Вдруг нам осталось всего двадцать четыре часа? Можно превратить их в целый месяц субъективного времени.

— Не надо.

— Но почему? Нам только и остается, что старое доброе *carpe diem**.

Она накрыла ладонью мою руку и посмотрела в глаза.

— Не надо, дорогой, это не для меня. Я хочу прожить каждое мгновение своей жизни, не беспокоясь о следующем.— Наверно, я выглядел очень упрямо, и она добавила: — Если хочешь принимать «Темпус», я не возражаю, но, пожалуйста, не уговаривай меня.

— Бог с тобой! Неужели ты думаешь, я тебя брошу и буду веселиться один?

Она промолчала, и надо заметить, это отличный способ выигрывать споры.

Не то чтобы мы часто спорили. Если я из-за чего-то заводился, Мэри обычно поддавалась, но в конце концов выходило, что неправ я. Несколько раз я пытался разговорить ее, заставить рассказать о себе — нужно же мне знать о своей жене хоть что-то,— и на один из моих вопросов о прошлом она задумчиво ответила:

— Иногда мне кажется, что у меня и вовсе не было детства. Может, оно мне просто приснилось?

Я спросил напрямик, как ее зовут.

— Мэри,— ответила она спокойно.

— Это твое настоящее имя? — Я уже давно сказал ей свое, но она по-прежнему звала меня Сэмом.

— Конечно, настоящее. С тех пор как ты меня назвал этим именем, я — Мэри.

— Ладно, ты моя дорогая и любимая Мэри. А как тебя звали раньше?

В глазах у нее промелькнула какая-то затаенная боль, но она ответила:

— Одно время я носила имя Аллукьера.

— Аллукьера,— повторил я, наслаждаясь необычным звучанием.— Аллукьера. Какое странное и красивое имя Аллукьера. В нем есть что-то величественное. Моя дорогая Аллукьера...

— Теперь меня зовут Мэри.— Как отрубила.

Я понимал, что где-то, когда-то с ней случилось что-то ужасное, и память о нем до сих пор отзывается болью. Но, видимо, мне просто не суждено было о нем узнать. Что ж, нет — значит, нет. Она моя жена, какая есть, такая и есть — мы вместе и навсегда. От одного того, что она рядом, на душе становилось тепло и светло, а это, право же, не так мало.

Я продолжал называть ее Мэри, но имя, которое она носила в прошлом, не давало мне покоя. Аллукьера... Аллукьера... Меня не оставляло впечатление, что где-то я его слышал.

И неожиданно я вспомнил. Настойчивая мысль все-таки раскопала информацию на дальних полках памяти, заваленных всяким бесполезным хламом, от которого невозможно избавиться. Была в свое время то ли секта, то ли колония... Они пользовались искусственным языком и даже имена детям давали новые, придуманные... Точно. Уитманиты. Анархистско-пацифистский культ. Их вышибли из Канады, но они не смогли закрепиться даже в Литл-Америке*. Когда-то мне попала в руки книга, написанная их пророком, «Энтропия радости», где было полно псевдоматематических формул, указывающих путь к достижению счастья.

В мире все «за счастье», так же, как все «против греха», но эти сектанты пострадали из-за принятых у них обрядов. Свои сексуальные проблемы они решали очень древним и не совсем

обычным по современным понятиям способом, что создавало взрывоопасные ситуации, с какой бы культурой ни соприкасались уитманиты. Даже Литл-Америка была недостаточно далеко, и, если я правильно помню, остатки сектантов эмигрировали на Венеру. Но в таком случае никого из них уже нет в живых.

Короче, думать об этом — только забивать голову. Если Мэри была уитманиткой или выросла в их среде, это ее дело. И уж, конечно, я не допущу, чтобы философия какого-там культа нарушала согласие в семье; брак, в конце концов, не купчая, а жена — не собственность.

22

В следующий раз, когда я упомянул «Темпус», Мэри не стала спорить, но предложила ограничиться минимальной дозой. Вполне приемлемый компромисс — увеличить дозу никогда не поздно.

Чтобы препарат подействовал быстрее, я приготовил инъекции. Принимая «Темпус», я обычно слежу за часами, и, когда секундная стрелка замирает, это означает, что мне уже достаточно. Но в хижине не было часов, а наши перстни остались где-то на столе. Мы лежали, обнявшись, на широком низком диване у камина и до самого рассвета так и не заснули.

Накатило ощущение тепла и покоя, но сквозь легкий туман пробивалось беспокойство, что препарат не подействовал. Потом я заметил, что восходящее солнце замерло на месте, за окном повисла птица, и, если вглядываться довольно долго, можно было заметить, что крылья у нее движутся.

Я посмотрел на жену. Пират устроился у нее на животе, свернувшись калачиком и сложив лапы вместе. И Мэри, и Пират, похоже, заснули.

— Как насчет завтрака? — спросил я.— Я умираю от голода.

— Готовь,— ответила Мэри.— Если я пошевелюсь, Пират проснется.

— Но ты поклялась любить меня, почитать и кормить завтраком.

Я наклонился и пощекотал ей пятку. Мэри вскрикнула и резко поджала ноги. Пират подскочил вверх и с недоуменным мяуканьем шлепнулся на пол.

— Ну зачем ты? — сказала Мэри.— Из-за тебя я слишком резко дернулась и обидела Пирата.

— Не обращай на него внимания, женщина. В конце концов, ты вышла замуж за меня.— Однако я понимал, что неправ. Когда рядом есть кто-то, кто не принимал «Темпус», двигаться нужно крайне осторожно. По правде сказать, я просто забыл про кота. Ему наверняка казалось теперь, что мы скачем и дергаемся, как пьяные суматошные зайцы. Я хотел приласкать его и заставил себя двигаться медленнее.

Куда там. Пират бросился к своей дверце. Я мог бы его остановить — ведь для меня он не бежал, а еле полз,— но решил, что не стоит, а то он напугается еще сильнее. Просто оставил его в покое и отправился на кухню.

Должен заметить, что Мэри была права: в медовый месяц «Темпус фугит» себя не оправдывает. Почти экстатическое ощущение счастья, что я испытывал до того, тонуло теперь в вызванной наркотиком эйфории. «Темпус» дает очень много, но и потеря была совершенно реальной: естественное чудо я променял на химическую подделку. В общем-то, день — или месяц — прошел неплохо, но лучше бы я держался за настоящее чувство.

К вечеру действие препарата кончилось. Как это всегда бывает после «Темпуса», я чувствовал себя немного раздраженно, однако нашел перстень с часами и занялся проверкой рефлексов. Убедившись, что все вернулось в норму, проверил Мэри, после чего она сообщила, что у нее действие препарата прекратилось минут двадцать назад — получалось, дозы я отмерил довольно точно.

— Хочешь попробовать еще? — спросила она.

Я поцеловал ее и ответил:

— Нет. По правде говоря, я рад, что все кончилось.

— И я рада.

У меня разыгрался бешеный аппетит (тоже обычное после «Темпуса» дело), и я сообщил об этом Мэри.

— Сейчас,— сказала она.— Я только позову Пирата.

Весь прошедший день — или «месяц» — я о нем даже не вспоминал; одно слово, эйфория.

— Не беспокойся. Он часто пропадает на целый день.

— Раньше этого не случалось.

— При мне случалось.

— Боюсь, Пират на меня обиделся. Наверняка обиделся.

— Он, скорее всего, у Старого Джона. Пират, когда на меня обижается, всегда уходит к нему. Ничего с ним не случится.

— Но уже поздно. Вдруг его сцапает лиса? Если ты не возражаешь, я выгляну и позову его.— Она направилась к двери.

— Накинь что-нибудь,— крикнул я.— Там холодно!

Мэри вернулась в спальню, надела пеньюар, что я купил для нее, когда мы ходили в поселок, и вышла за дверь. Я подбросил в камин дров и отправился на кухню. Раздумывая над меню, я услышал голос Мэри: «Вот негодник! Ну что же ты? Я же из-за тебя беспокоюсь». Таким тоном отчитывают только маленьких детей и кошек.

— Тащи его сюда и закрой дверь! Только пингвинов не пускай! — крикнул я из кухни.

Мэри ничего не ответила. Не услышав, как дверь сходится, я вернулся в гостиную. Она стояла у порога, но Пирата с ней не было. Я хотел что-то сказать, и тут поймал ее взгляд. В глазах Мэри застыл невыразимый ужас.

— Мэри! — позвал я и двинулся к ней.

Она вздрогнула, словно только что меня заметила, и бросилась к двери. Двигалась Мэри как-то судорожно, рывками, а когда она повернулась ко мне спиной, я увидел ее плечи.

Под пеньюаром торчал горб.

Не знаю, как долго я стоял на месте. Наверно, лишь долю секунды, но в памяти это мгновение осталось раскаленной добела вечностью. Я прыгнул и схватил ее за руки. Мэри обернулась, но теперь я увидел в ее глазах не бездонные колодцы ужаса, а два мертвых омута.

Она попыталась ударить меня коленом, но я изогнулся, и мне досталось не так сильно. Да, я знаю, что опасного противника

бесполезно хватать за руки, но ведь это была *моя жена*. Не мог же я просто швырнуть ее на пол и добить одним ударом.

Однако у паразита подобных сомнений на мой счет не было. Мэри — вернее, эта тварь — пыталась прикончить меня, используя все свое — ее — умение, а мне приходилось думать, как бы не убить ее. Не дать ей убить меня, уничтожить паразита, не дать ему перебраться ко мне, чтобы я мог спасти Мэри,— не так-то это просто, когда обо всем нужно думать одновременно.

Я выпустил одну ее руку и ударил Мэри по скуле. Она этого словно и не заметила. Я снова обхватил ее, теперь и руками, и ногами, чтобы она не могла двигаться, и мы повалились на пол. Мэри оказалась сверху. Она попыталась меня укусить, и пришлось ударить ее головой в лицо.

Мне удавалось сдерживать ее только потому, что я был сильнее. Затем я попытался парализовать ее, воздействуя на болевые точки, но она знала их не хуже меня, и мне еще повезло, что я сам не оказался парализованным.

Оставалось одно: раздавить самого паразита. Но я уже знал, какое жуткое действие это оказывает на носителя. Мэри может умереть, и даже в лучшем случае, если она останется в живых, последствия будут ужасны. Нужно было бы лишить ее сознания, а паразита сначала снять, а потом только убить... Согнать его огнем или стряхнуть.

Согнать огнем...

Однако додумать я не успел, потому что Мэри впилась зубами мне в ухо. Я перекинул правую руку и схватил паразита.

Никакого результата. Пальцы наткнулись на плотный кожистый панцирь — все равно что пытаться раздавить футбольный мяч. Когда я дотронулся до паразита, Мэри дернулась и оторвала мне кусок уха, но это был не спазм. Паразиту ничего не сделалось, и он по-прежнему держал Мэри в своей власти.

Я попробовал поддеть его, но он держался, как присоска: я даже палец не мог просунуть.

Мэри, однако, тоже времени не теряла, и мне здорово от нее досталось. Я перекатил ее на спину и, все еще сжимая в захвате, умудрился встать на колени. Пришлось освободить ее ноги, чем

она тут же воспользовалась, но зато я сумел перегнуть Мэри через колено, поднялся и волоком потащил ее к камину.

Она билась, как разъяренная пума, и едва не вырвалась. Но все же я дотащил ее, схватил за волосы и выгнул плечами над огнем.

Я хотел только обжечь паразита, чтобы он, спасаясь от жара, отцепился. Но Мэри так яростно сопротивлялась, что я потерял опору, ударился головой о верхний край камина и уронил ее на раскаленные угли.

Она закричала и выпрыгнула из огня, увлекая меня за собой. Еще не очухавшись от удара, я вскочил на ноги и увидел, что она лежит на полу. Ее прекрасные волосы горели.

Пеньюар тоже вспыхнул. Я бросился гасить огонь руками и обнаружил, что паразита на ней уже нет. Обернулся, продолжая сбивать пламя ладонями, и увидел его на полу у камина. Рядом стоял, принюхиваясь, Пират.

— Брысь! — крикнул я.— Пират! Пошел вон!

Кот поднял голову и бросил на меня вопросительный взгляд. Я снова повернулся к Мэри и, только убедившись, что нигде больше не тлеет, встал. Даже не успел проверить, жива ли она. Чтобы не хватать паразита голыми руками — слишком рискованно,— нужно было взять совок у камина и...

Пират застыл в какой-то неестественно жесткой позе, а паразит уже устраивался у него на загривке. Я прыгнул и, падая, успел схватить его за задние лапы, когда он, повинуясь воле титанца, сделал первое движение.

Хватать взбесившегося кота голыми руками по меньшей мере безрассудно, а удержать, если им управляет паразит, просто невозможно. До камина было несколько шагов, но он за считанные секунды разодрал когтями и зубами мне все руки. Из последних сил я сунул кота в огонь. Мех на нем вспыхнул, пламя обволокло мои руки, но я держался до тех пор, пока паразит не свалился прямо на раскаленные угли. Только тогда я вытащил Пирата и положил на пол, но он уже не трепыхался. Я загасил тлеющую шерсть и вернулся к Мэри.

Она еще не пришла в себя. Я опустился на пол рядом с ней и заплакал.

* * *

За час я сделал для Мэри все, что мог. Слева волосы сгорели у нее начисто, плечи и шея были в ожогах. Однако пульс бился сильно, а дышала она, пусть часто и неглубоко, но ровно. Я продезинфицировал и забинтовал ожоги — на всякий случай я держу в хижине все необходимое — и ввел ей снотворное. Затем занялся Пиратом.

Он лежал там же, у камина, но выглядел просто ужасно. Ему досталось гораздо больше, чем Мэри, и еще, возможно, у него обгорели легкие. Я думал, он уже мертв, но когда я тронул его рукой, Пират поднял голову.

— Извини, дружок,— прошептал я, и он тихо мяукнул в ответ.

Я обработал и забинтовал его ожоги, но побоялся вводить снотворное. После этого прошел в ванную и взглянул на себя в зеркало.

Ухо уже не кровоточило, и я решил его не трогать. Но руки... Я сунул их под горячую воду, заорал, затем высушил под струей воздуха, что тоже оказалось очень больно. Но забинтовать их я все равно не сумел бы, да и не хотелось: наверняка придется еще что-то делать.

В конце концов, я вылил по унции крема от ожогов в две пластиковые перчатки и надел их на руки. В креме содержалось обезболивающее, и, в общем, стало терпимо. Я подошел к стереофону и позвонил местному врачу. Объяснил, что случилось, что я сделал сам, и попросил подъехать.

— Ночью? — спросил он.— Вы, должно быть, шутите.

Я сказал, что совсем не шучу.

— Это невозможно. Ваш случай уже четвертый в округе, и ночью здесь никто не выходит на улицу. Завтра с утра я первым делом заеду к вам и осмотрю вашу жену.

Я посоветовал ему катиться к дьяволу, прямо с утра, и выключил стереофон.

В первом часу ночи Пират умер. Я похоронил его сразу же — чтобы Мэри не видела, в каком он виде. Руки от лопаты болели нещадно, но яма для него нужна была совсем небольшая. Я постоял немного над могилой, попрощался и пошел в дом. Мэри лежала без движения. Придвинув кресло к кровати, я сел дежурить.

Старался не заснуть, но несколько раз, кажется, проваливался в полудрему. В общем, не помню.

23

Под утро Мэри начала ворочаться и стонать. Я обнял ее и зашептал:

— Я здесь, родная, здесь. Все в порядке. Сэм с тобой.

Она открыла глаза, и в них мелькнул уже знакомый мне ужас. Затем она увидела меня и успокоилась.

— Сэм! Мне такой жуткий сон приснился!

— Все уже в порядке.

— А почему ты в перчатках? — Мэри вдруг заметила на себе бинты; что-то в ее лице дрогнуло, и она все поняла.— Это был не сон!

— Нет, родная, не сон. Но ты не бойся. Я его убил.

— Убил? Ты уверен, что он мертв?

— Абсолютно.

— Иди ко мне, Сэм. Обними меня крепко-крепко.

— Тебе будет больно.

— Все равно обними!

Я обнял ее, стараясь не давить на обгоревшие плечи. Спустя какое-то время она перестала дрожать.

— Извини, дорогой. Я всего лишь слабая женщина.

— Ну что ты! Видела бы ты, в каком я был виде, когда меня спасли от паразитов.

— Я видела. Но ты должен рассказать мне, что случилось. Я помню, как ты запихивал меня спиной в камин, и это все.

— Извини, ничего другого мне уже не оставалось. Я хотел снять паразита, и по-другому никак не получалось.

— Я знаю, Сэм, знаю, дорогой. И очень тебе благодарна за то, что ты сделал. От всего сердца благодарна. Ты снова меня спас.

У нас обоих стояли на глазах слезы. Наконец я справился с собой, шмыгнул носом и продолжил:

— Ты не ответила, когда я тебя позвал. Я вышел в гостиную и сразу увидел тебя.

— Да, помню. Я так сопротивлялась!

— Я знаю, что ты сопротивлялась. Ты хотела уйти,— сказал я, глядя ей в глаза.— Но как тебе это удалось? Когда паразит на спине, это конец, с ним невозможно справиться.

— Да, мне не удалось... Но я старалась изо всех сил.

Каким-то образом Мэри сумела воспротивиться воле паразита, а это невозможно. Уж я-то знаю. Тем не менее я догадывался, кому обязан победой. Пусть она сдерживала паразита лишь чуть-чуть, но без этого я бы наверняка с ним не справился, поскольку не мог драться с Мэри так, как на самом деле умею.

— Надо было, конечно, взять фонарь,— продолжила она,— но знаешь, Сэм, мне и в голову не пришло, что здесь тоже опасно.

Я кивнул. Мне тоже казалось, что здесь, в горах, совершенно безопасно — как под одеялом или в крепких объятиях.

— Пират прибежал сразу же. Но я не видела этой твари, пока не коснулась, а потом было уже поздно.— Мэри вдруг села.— А где Пират, Сэм? С ним ничего не случилось? Позови его.

Пришлось рассказать. Она выслушала меня с застывшим лицом, кивнула и больше о нем не заговаривала. Я же решил переменить тему:

— Ну раз ты проснулась, я приготовлю тебе завтрак.

— Стой!

Я остановился.

— Не уходи. Я ни за что не выпущу теперь тебя из вида. И я сама приготовлю завтрак.

— Черта с два. Ты останешься в постели и будешь вести себя как послушная девочка.

— Подойди ко мне и сними перчатки. Я хочу посмотреть, что у тебя с руками.

Перчатки я снимать не стал, даже думать об этом не мог, потому что обезболивающее почти уже не действовало.

— Так я и знала,— мрачно произнесла Мэри.— У тебя ожоги еще хуже, чем у меня.

В общем, завтрак готовила она. Более того, она одна его и ела — мне самому ничего кроме кофе не хотелось. Но я настоял, чтобы она тоже пила много жидкости: ожоги на большой площади — это

не шутка. Позавтракав, Мэри отодвинула от себя тарелку и сказала:

— Знаешь, Сэм, я ни о чем не жалею. Теперь я тоже знаю, каково это. Теперь мы оба знаем.

Я тупо кивнул. Как говорится, и в радости, и в горе...

Мэри встала.

— Видимо, надо возвращаться.

— Да,— согласился я.— Нужно скорее доставить тебя к врачу.

— Я не это имела в виду.

— Знаю.— Обсуждать тут было нечего. Мы оба понимали, что «музыка кончилась» и пора возвращаться на работу. Развалюха, на которой мы прилетели, по-прежнему стояла на посадочной площадке у дома, увеличивая с каждым днем плату за прокат. На то, чтобы сжечь тарелки, все выключить и собраться, у нас ушло не больше трех минут.

Поскольку я с такими руками ни на что не годился, машину вела Мэри.

— Давай сразу вернемся в Отдел,— предложила она, когда мы взлетели.— Там и подлечат, и все новости расскажут. Или руки болят слишком сильно?

— Нет, летим в Отдел,— согласился я.

Хотелось узнать, что происходит, и поскорее вернуться к работе. Я попросил Мэри включить «ящик», но аппаратура в машине оказалась под стать самой машине: мы даже звук не могли поймать. Хорошо еще, автопилот работал, иначе ей пришлось бы вести машину вручную.

Меня не оставляла в покое одна мысль, и я решил посоветоваться с Мэри:

— Как ты думаешь, паразит ведь не станет забираться на кота просто так, без какой-то цели?

— Видимо, нет.

— Тогда почему же он оказался у Пирата на спине? Здесь должна быть какая-то логика. Все, что они делают, логично — пусть даже у этой логики довольно мрачный привкус.

— Но здесь тоже все логично. С помощью кота они поймали человека.

— Да. Но как это можно планировать? Неужели их настолько много, что они позволяют себе разъезжать на кошках в надежде на случайную встречу с человеком? Хотя...— Я вспомнил Канзас-Сити и вздрогнул.

— Почему ты спрашиваешь об этом меня, дорогой? Какой из меня аналитик?

— Брось прикидываться скромной девочкой и подумай лучше вот о чем: откуда этот паразит взялся? К Пирату он попал от другого носителя. От кого? Я так думаю, что это Старый Джон, Горный Козел. Больше Пират никого к себе не подпускает.

— Старый Джон? — Мэри закрыла на секунду глаза.— Нет, я не помню никаких особых ощущений. Мы стояли слишком далеко.

— Больше некому. В поселке все соблюдали режим, а Старый Джон был в куртке. Следовательно, паразит оседлал его еще до введения режима «Голая спина». Только зачем титанцам одинокий отшельник, живущий черт-те где в горах?

— Чтобы поймать тебя.

— Меня?

— Точнее, чтобы вернуть тебя.

Могло быть и так. Возможно, что каждый человек, которому удалось от них уйти, становится вроде как меченым. В таком случае те полтора десятка конгрессменов, что мы спасли, подвергаются серьезной опасности. Не забыть бы упомянуть об этом нашим аналитикам...

С другой стороны, может быть, им нужен именно я. Что такого во мне особенного? Да, тайный агент. Но что более важно, мой хозяин знал все, что мне известно о Старике, и, следовательно, понимал, в каких мы отношениях. В моем представлении, Старик был их главным противником, и мой паразит знал, что я так думаю, поскольку он имел доступ к любым моим мыслям.

Он даже встречался со Стариком, разговаривал с ним. Однако стоп. *Этот* паразит сдох. Теория рухнула.

И снова встала из руин.

— Мэри,— спросил я,— ты ведь так и не была у себя дома с тех пор, как мы там в последний раз завтракали?

— Нет. А что?

— Не возвращайся туда ни в коем случае. Я помню, как думал, когда был с ними, что надо устроить там ловушку.

— Но не устроил?

— Нет. Но возможно, это сделал кто-то другой. Не исключено, что еще один «Старый Джон» сидит там, как паук в паутине, и ждет, когда та придешь. Или когда я приду.— Я объяснил ей про Макилвейна и его теорию «групповой памяти».— В тот раз я подумал, что он просто фантазирует — любимое занятие всех ученых. Но сейчас мне кажется, это единственная гипотеза, с которой согласуются все факты — если только не предполагать, что титанцы глупы и надеются на одну удачу. Но, разумеется, они не глупы.

— Подожди-ка, Сэм. По теории Макилвейна, каждый паразит — это как бы все остальные паразиты, так? Другими словами, тварь, что захватила меня вчера вечером, в такой же степени тварь, которая ездила на тебе, как и та, которая на самом деле... Боже, я запуталась. Но я имею в виду...

— Да, примерно так. По отдельности они самостоятельные особи, но после прямых переговоров происходит обмен памятью, и они становятся похожи, как две капли воды. Если это действительно так, то вчерашний паразит помнит все, что я знал. Разумеется, если у него были прямые переговоры с моим или с каким-то другим титанцем, который с ним общался — пусть даже через длинную цепочку — после того, как он меня оседлал. А зная их повадки, я думаю, наверняка общался. Он... Я имею в виду, первый... Нет, знаешь что, пусть их будет трое: Джо, Мо и, например, э-э-э... Герберт. Гербертом назовем вчерашнего. Мо пусть будет...

— Зачем ты даешь им имена, если они не самостоятельные личности? — спросила Мэри.

— Просто для того, чтобы... А впрочем, ладно, это все ерунда. Но если Макилвейн прав, то на Земле сейчас сотни тысяч, а может быть, и миллионы паразитов, которые знают, кто мы такие, как нас зовут, как мы выглядим, где твоя квартира, где моя, и где наша хижина. Мы у них как в справочнике.

— Но...— Мэри нахмурилась.— Это же ужасно, Сэм. Откуда они могли знать, что мы появимся в хижине? Мы ведь никому не говорили. Неужели они просто устроили ловушку и ждали?

— Должно быть. Мы не знаем, *что* для паразитов ожидание. Возможно, они воспринимают время совсем по-другому.

— Как венерианцы,— сказала она.

Я кивнул. Венерианцы, случается, «женятся» на своих же праправнучках, причем прародитель может оказаться даже моложе — здесь, разумеется, все зависит от того, кто как впадает в спячку.

— В любом случае, мы должны сообщить все это — и догадки тоже — нашим аналитикам. Пусть парни порезвятся — может, что и надумают.

Я хотел было добавить, что Старику теперь нужно быть особенно осторожным, поскольку охотятся, в конечном итоге, именно на него, но тут, впервые с начала нашего отпуска, зажужжал аппарат связи. Я ответил и услышал перекрывший оператора голос Старика:

— Явиться лично!

— Уже летим,— сообщил я.— Будем примерно через полчаса.

— Нужно быстрее. Ты пройдешь через «К-5», Мэри пусть явится через «Л-1». Поторопитесь.— И он отключился, прежде чем я успел спросить, откуда ему известно, что Мэри со мной.

— Ты слышала? — спросил я ее.

— Да. Меня тоже соединили.

— Похоже, вот-вот начнется веселье.

Только после приземления до меня дошло, насколько сильно все вокруг изменилось. Мы исправно соблюдали режим «Голая спина», но понятия не имели о режиме «Загар». Едва мы вышли из машины, нас остановили двое полицейских.

— Стоять на месте! — приказал один из них.— Не двигаться!

Если бы не манеры и не оружие в руках, я бы в жизни не догадался, что это полиция. Кроме ремней, ботинок и узеньких — чисто символических — плавок, на них ничего не было. Я даже не сразу заметил номерные бляхи на поясах.

— Так,— распорядился первый полицейский,— вылезай из штанов, приятель.

Видимо, я слишком мешкал, и он рявкнул:

— Быстро! Двоих таких сегодня уже застрелили, и у тебя есть шанс стать третьим.

— Сделай, как они говорят, Сэм,— спокойно сказала Мэри.

Я сделал. На мне остались только ботинки и перчатки. Чувствовал я себя полным идиотом, но, снимая шорты, ухитрился спрятать в них аппарат связи и пистолет.

Один из полицейских заставил меня повернуться, и его напарник сказал:

— Он чист. Теперь дама.

Я начал было натягивать шорты, но меня остановил первый полицейский.

— Эй! Ты что, неприятностей захотел? Не вздумай их надевать!

— Боюсь, меня тогда заберут за появление в общественном месте в непристойном виде,— попытался урезонить его я.

Полицейский удивился, потом заржал и повернулся к своему напарнику.

— Ты слышал, Скай?

Напарник решил объяснить:

— Слушай, приятель, ты сам знаешь правила, так что лучше не выпендривайся. По мне так хоть шубу надевай, тогда тебя точно заберут — только сразу в морг. Парни из добровольческих формирований не так терпеливы, могут и сразу пристрелить.— Он повернулся к Мэри.— Теперь вы, леди, пожалуйста.

Мэри без разговоров стала стягивать шорты, но тут полицейский смилостивился.

— Достаточно, леди. С этим фасоном все ясно. Просто повернитесь, медленно.

— Благодарю вас,— ответила Мэри и послушно повернулась. Полицейский подметил верно: и шорты, и лифчик на ней были из тех, что напыляются из баллончика.

— А как насчет бинтов? — спросил первый.

— У нее сильные ожоги,— ответил я.— Вы что, сами не видите?

Он с сомнением посмотрел на толстую, неровно намотанную повязку и пробормотал:

— Хм-м... А откуда я знаю, что это действительно ожоги?

— А что же еще? — Я чувствовал, что зарываюсь, но не мог сдержаться: в конце концов, речь шла о *моей жене*.— Черт побери, а волосы? Она что, по-вашему, сожгла такие волосы, только чтобы вас одурачить?

— *Эти* все могут,— с угрозой произнес первый полицейский.

— Карл прав,— сказал второй, более терпеливый.— Извините, леди, но придется проверить повязку.

— Вы не имеете права! — вспылил я.— Мы как раз едем к врачу. Вы...

— Помоги мне, Сэм,— перебила меня Мэри.

Я заткнулся и дрожащими от ярости руками принялся отгибать повязку с одной стороны. Тот, что был постарше, присвистнул и сказал:

— О'кей, я удовлетворен. Карл?

— Я тоже, Скай. Однако, как это вас угораздило?

— Расскажи, Сэм.

Когда я закончил рассказ, старший заметил:

— Вы еще легко отделались... В смысле, что вообще спаслись, мэм... Значит, теперь еще и кошки? Про собак я уже слышал. И про лошадей. Но кто бы мог подумать, что обычная кошка тоже может таскать паразита, а? — На лице у него словно сгустилась тень.— У нас дома есть кошка, и теперь придется от нее избавиться. Детишки, понятное дело, расстроятся.

— Да, тяжело,— посочувствовала Мэри.

— Всем сейчас тяжело. Ладно, друзья, вы свободны.

— Подождите-ка,— сказал первый.— Скай, если они пойдут по улице с такой повязкой на спине, кто-нибудь наверняка пришкворит ее из лучемета.

Второй полицейский почесал подбородок.

— Тоже верно. Видимо, придется вызвать вам патрульную машину.

Что они и сделали. Я расплатился за взятую напрокат развалюху и доехал с Мэри до ее входа в Отдел — через служебный лифт в одном из небольших отелей. Чтобы избежать лишних вопросов, мы вошли в лифт вместе. Она спустилась до нижнего уровня, который даже не значился на кнопках, а я поднялся, уже

один, обратно. Можно было пройти в Отдел с ней, но Старик приказал мне возвращаться через «К-5».

Очень хотелось снова надеть шорты. В патрульной машине и от машины до служебного входа в отель, в сопровождении полицейских, которые решили довести нас до места, чтобы никто случайно не подстрелил Мэри, я еще чувствовал себя нормально, но для того, чтобы выйти на люди без штанов, когда ты один, выдержки требуется несравненно больше.

Впрочем, я зря беспокоился. Идти мне было недалеко, но и за эти несколько минут я увидел достаточно, чтобы понять: древняя привычка человечества прятать тело под одеждой канула в Лету. Большинство мужчин носило такие же лоскутки с завязками, как и полицейские, но я оказался не единственным голым человеком на улице. Один мне запомнился особенно хорошо: он стоял, прислонившись к столбу, и буквально сверлил холодным взглядом каждого, кто проходил мимо. Кроме сандалий и нарукавной повязки с буквами «ДФ», на нем ничего не было, но в руках он держал полицейскую винтовку марки «Оуэнс». По дороге мне встретились еще трое таких, и я подумал, что очень вовремя решил нести шорты в руке.

Обнаженных женщин было мало, но остальные могли с таким же успехом щеголять в чем мать родила: тоненькие бюстгальтеры и прозрачные трусики все равно ничего не прикрывали. Главное, чтобы нигде не мог спрятаться паразит. Большинство женщин, правда, выглядели бы гораздо лучше в тогах — так, во всяком случае, мне показалось сначала. Но даже это впечатление скоро исчезло. На некрасивые тела я обращал не больше внимания, чем на побитые такси. Глаз их просто не замечал. И точно так же, похоже, вели себя все остальные — с полным безразличием. Кожа, мол, она и есть кожа, ну и что?

Когда я вернулся в Отдел, меня сразу пропустили к Старику. Он оторвал взгляд от бумаг и буркнул:

— Что-то ты долго.

— Где Мэри? — спросил я вместо ответа.

— В лазарете. Залечивает ожоги и диктует рапорт. Ну-ка, покажи, что у тебя с руками.

— Нет уж, я их лучше врачу покажу,— сказал я.— Что тут у вас происходит?

— Если бы ты хоть изредка слушал новости,— проворчал Старик,— тогда бы тебе не пришлось спрашивать, что происходит.

24

На самом деле я даже рад, что мы ни разу не включали стерео, иначе наш медовый месяц кончился бы, не успев начаться. Пока мы с Мэри рассказывали друг другу, какой у каждого из нас замечательный избранник, человечество едва не проиграло войну. Мои подозрения насчет того, что паразит может управлять носителем, прячась на теле жертвы в любом месте, полностью подтвердились. Это доказали экспериментально еще до нашего отлета в горы, однако отчет прошел мимо меня. Но Старик знал. Президент, разумеется, тоже, и все высшее руководство.

Вы скажете, нет ничего проще. На смену режиму «Голая спина» приходит режим «Загар», и население страны дружно скидывает одежду, оставаясь в чем мать родила.

Черта с два! Когда начались Скрантонские беспорядки, новая информация все еще держалась под грифом «совершенно секретно». Только не спрашивайте меня, почему. Наше правительство стремится засекретить все, до чего, по мнению «мудрых» государственных мужей и всяческих бюрократов, мы еще не доросли. Им, мол, лучше знать, что нужно делать. Скрантонские беспорядки могли кого угодно убедить, что в зеленой зоне полно паразитов, но даже после этих событий режим «Загар» ввели не сразу.

Насколько я понимаю, ложные сигналы воздушной тревоги передали на восточном побережье на третий день нашего медового месяца. Властям потребовалось довольно много времени, чтобы разобраться в ситуации, хотя с самого начала было ясно, что освещение не может отключиться «случайно» сразу в стольких бомбоубежищах. Я с ужасом думаю о том, как все эти люди сидели в кромешной тьме, дожидаясь сигнала отбоя, а проклятые зомби, перебираясь от одного к другому, преспокойно

подсаживали им паразитов. В некоторых бомбоубежищах они, очевидно, добились стопроцентных результатов.

На следующий день начались беспорядки в других городах. Страну охватил страх. Строго говоря, первая добровольческая акция произошла, когда некий отчаявшийся гражданин попытался, угрожая оружием, проверить полицейского. Это был житель города Олбани Морис Т.Кауфман; полицейского звали Малькольм Макдональд. Спустя полсекунды Кауфман погиб от руки полицейского, но Макдональд тут же последовал за ним — толпа разорвала его на куски вместе с паразитом. Однако по-настоящему добровольческое движение оформилось, когда за организацию дежурств взялись на местах уполномоченные по гражданской обороне.

Поскольку во время воздушной тревоги уполномоченным полагается оставаться наверху, почти никто из них не попался в лапы титанцам, однако, в большинстве своем, они считали, что ответственны за случившееся. Впрочем, добровольцев хватало и помимо отрядов гражданской обороны: голых вооруженных людей с повязками уполномоченных по гражданской обороне или буквами «ДФ» было на улицах примерно поровну. И те, и другие, случалось, стреляли по любому, у кого замечали что-то подозрительное под одеждой,— сначала стреляли, а разбирались после.

Пока мне залечивали руки, я входил в курс дела. Доктор ввел мне небольшую дозу «Темпуса», и я около часа — субъективного времени прошло почти трое суток — сидел, просматривая стереопленки на сверхскоростном проекторе. Эта аппаратура до сих пор не продается населению, хотя известно, что кое-где студенты пользуются аналогичной техникой во время сессий. При работе с ней надо лишь подогнать скорость демонстрации к субъективной скорости восприятия. Глаза устают ужасно, но в моей работе это вещь незаменимая.

Поначалу с трудом верилось, что так много событий произошло за такой короткий срок. Взять, например, собак. Люди из добровольческих формирований стреляли в них, едва завидев, даже если на них не было паразитов. Нет сейчас, значит, после захода солнца будет, а тогда она нападет на человека, и титанец просто поменяет в темноте носителя.

Ну что это за мир, где нет веры собакам?!

Кошек, похоже, титанцы почти не использовали. Бедняга Пират стал редким исключением. Однако в зеленой зоне мало кто видел теперь собак днем. Они просачивались к нам из красной зоны по ночам, пробирались в темноте и на заре прятались. Порой так успешно, что их ловили даже на океанских побережьях. Поневоле вспомнишь об оборотнях.

Среди прочих я просмотрел несколько десятков кассет с записями стереопередач из красной зоны. Все их можно было разделить на три группы по времени выхода в эфир: период маскарада, когда паразиты продолжали «нормальное» вещание; короткий период контрпропаганды, когда титанцы пытались убедить жителей зеленой зоны, что правительство сошло с ума; и последние дни, когда они вообще перестали притворяться.

По версии доктора Макилвейна, собственная культура у титанцев отсутствует; они паразитируют и в этом смысле тоже, просто перестраивая под себя ту культуру, которую встречают. В частности, они вынуждены поддерживать хотя бы на минимальном уровне хозяйственную деятельность своих жертв, иначе им придется голодать вместе с носителями. И паразиты действительно сохраняли в захваченных районах прежние экономические отношения — правда, с некоторыми вариациями, которые для нас совершенно неприемлемы. Например, они перерабатывали поврежденных носителей или просто лишних людей на удобрения. Однако, в целом, фермеры оставались фермерами, механики — механиками, а банкиры — банкирами. Последнее кажется глупым, но специалисты утверждают, что экономическая система, основанная на разделении труда, обязательно требует бухгалтерского учета.

Другое дело, зачем они сохраняли наши развлечения. Или потребность в развлечениях носит всеобщий характер? В целом, их выбор человеческих забав, которые они сохранили и «улучшили», характеризует нас самих не с лучшей стороны, хотя кое-что тут заслуживает внимания — например, корриды в Мексике, где быкам предоставлялись равные шансы с матадорами.

Но почти все остальное просто мерзко, и я не хочу на этом останавливаться. Мне, одному из немногих, довелось видеть записи

без купюр, но я смотрел их профессиональным взглядом. Хотелось бы надеяться, что Мэри, которая тоже проходила инструктаж, ничего этого не видела. Впрочем, она, если и видела, все равно не скажет.

Было там и еще кое-что. До сих пор не уверен, стоит ли упоминать об этих позорных, отвратительных фактах, но чувствую, что должен: среди прислужников титанцев встречались и люди (если их можно так назвать) без паразитов. Перебежчики. Предатели.

Я всей душой ненавижу титанцев, но, будь у меня выбор, первым делом свернул бы шею одному из этих.

Войну с паразитами мы проигрывали. Наши методы годились лишь для того, чтобы сдерживать их распространение, и при этом далеко не всегда гарантировали успех. Вступить в открытую борьбу означало бы бомбить собственные города, причем безо всякой уверенности, что такими методами можно избавиться от паразитов. Нам нужно было оружие, которое убивало бы титанцев, но не причиняло вреда людям, что-то такое, от чего люди, скажем, теряли бы сознание или временно лишались способности сопротивляться. Тогда мы могли бы вторгнуться в захваченные районы и спасти своих сограждан. Но такого оружия не существовало, хотя ученые работали, не покладая рук. Тут идеально подошел бы какой-нибудь «сонный газ», но нам, видимо, повезло, что такой газ не был известен до начала нападения, иначе паразиты наверняка использовали бы его против нас. Нельзя забывать, что в распоряжении титанцев была такая же, если не большая, доля военной мощи Соединенных Штатов, как и у свободных людей.

В шахматах это называется пат, но время работало на них. В зеленой зоне хватало идиотов, которые предлагали обрушить на города в долине Миссисипи массированный ядерный удар и попросту стереть их с лица земли, но это все равно что вылечить рак губы, отрезав больному голову. В противовес им выступали такие же идиоты, которые не видели паразитов, не верили в них и считали все происходящее неким тиранническим замыслом Вашингтона. Этих, из второй категории, с каждым днем становилось все меньше, но не потому, что они меняли свои убеждения — просто очень уж старались люди из добровольческих формирований.

Был и третий тип — этакие открытые, без предрассудков, деятели, которые считали, что с титанцами можно вести переговоры и устанавливать деловые отношения. Одна такая делегация, направленная секретным совещанием представителей оппозиционной партии в Конгрессе, даже попыталась провести идею в жизнь. В обход Государственного департамента они связались с губернатором Миссури по телевизионному каналу, наспех проложенному через янтарную зону, и им пообещали дипломатическую неприкосновенность. *Титанцы* пообещали, но они поверили. Делегация вылетела в Сент-Луис, и больше их никто не видел. Правда, они неоднократно посылали нам сообщения. Я как-то проглядел одно такое — воодушевляющая речь, общий смысл которой можно было бы выразить фразой: «Давайте все к нам! Вода отличная!»

Но разве скот когда подписывал соглашения с мясозаготовителями?

Северная Америка оставалась пока единственным известным местом высадки титанцев. Организация Объединенных Наций ничего не предпринимала, только передала в наше распоряжение космические станции и переехала в Женеву. Голосованием при двадцати трех воздержавшихся было решено считать наше бедствие «гражданскими беспорядками», после чего секретариат обратился ко всем странам, членам организации, с просьбой оказывать любую посильную помощь законным правительствам Соединенных Штатов, Мексики и Канады.

Бесшумная тайная война продолжалась, и сражения часто проигрывались раньше, чем мы узнавали, что они начались. Обычное оружие годилось разве что при наведении порядка в янтарной зоне — теперь две ничейные полосы тянулись через всю страну от канадских лесов до мексиканских пустынь. Днем там бывали только наши патрули. Ночью же, когда они отступали, через границу пытались пробраться к нам собаки — понятное дело, с паразитами.

За всю войну только один раз использовалось ядерное оружие — чтобы уничтожить летающую тарелку, которая приземлилась неподалеку от Сан-Франциско, к югу от Берлингейма.

Уничтожили ее в полном соответствии с действующей военной доктриной, но в данном случае сама доктрина подверглась резкой критике: тарелку нужно было захватить для изучения. Сам я, правда, больше симпатизировал тем, кто сначала стрелял, а разбирался после.

К тому времени, когда действие «Темпуса» стало ослабевать, я уже достаточно хорошо представлял себе положение Соединенных Штатов, но даже в Канзас-Сити мне не приходило в голову, что наши дела идут настолько скверно. На страну, словно плотный туман, опустился Страх. Друзья стреляли в друзей, жены разоблачали мужей, и так далее. Малейший слух о появлении титанца вмиг собирал на улице толпу, и суд Линча стал обычным явлением. Постучав ночью кому-нибудь в дверь, можно было, скорее всего, получить пулю. Все честные люди оставались по ночам дома, а по улицам бродили только собаки.

От того, что в большинстве случаев слухи о титанцах не подтверждались, ситуация не становилась менее опасной. И вовсе не эксгибиционизм заставлял так много людей ходить нагишом, хотя режим «Загар» допускал узенькие обтягивающие трусы и бюстгальтеры. Даже самый минимум одежды вызывал подозрительные взгляды, а подозрения, случалось, приводили к слишком поспешным действиям. Панцири для позвоночника и плеч никто уже не носил: титанцы быстро научились делать такие же, но использовали в своих целях. Особенно запомнился мне случай с девушкой в Сиэтле. На ней были только босоножки, а в руке — средних размеров женская сумочка, но один из добровольцев-патрульных — видимо, у него уже нюх на паразитов развился — заметил, что она не выпускает сумочки из правой руки, даже когда достает мелочь.

Девушка осталась жива: он отстрелил ей руку у запястья. Возможно, ей уже пересадили новую, поскольку этих «запасных частей» хватало теперь с избытком. Когда патрульный открыл сумочку, паразит тоже был еще жив, но прожил он всего несколько секунд.

Почти сразу после этого эпизода действие «Темпуса» прекратилось, о чем я и сообщил сестре.

— Не беспокойтесь,— ответила она.— Это вредно. А теперь, пожалуйста, поработайте пальцами на правой руке.

Пока я сгибал и разгибал пальцы, они с врачом за считанные минуты напылили мне суррогатную кожу.

— Для грубой работы пользуйтесь перчатками,— сказал врач.— Через неделю придете ко мне.

Я поблагодарил их и отправился в штаб. Первым делом мне хотелось отыскать Мэри, но оказалось, что она все еще в «Косметике».

25

— Как руки? — спросил Старик.

— Ничего. Фальш-кожа на неделю. Завтра мне прирастят ухо.

Он нахмурился.

— Времени нет, чтобы прижилось. Тебе нужно будет зайти в «Косметику». Пусть сделают искусственное.

— Я и без уха пока могу,— сказал я.— Зачем мне искусственное? Или ты задумал для меня новый образ?

— Не совсем... Однако теперь ты уже знаешь, что происходит в стране, и я хочу знать твое мнение.

«Интересно, что он имеет в виду?» — подумал я, затем сказал:

— Плохи наши дела. Все следят друг за другом. Все равно что в России.

— Хм-м-м... Кстати, если уж мы заговорили о России, куда, по-твоему, легче проникнуть: в Россию или в красную зону?

— В смысле? — Я бросил на него подозрительный взгляд.— С каких это пор ты позволяешь агентам выбирать задания?

— Я просто хотел услышать твое мнение как профессионала.

— М-м-м... У меня слишком мало информации. А что, паразиты уже захватили Россию?

— Вот это-то мне и нужно узнать.

Я вдруг понял, что Мэри была права: агентам не следует жениться.

— В это время года я бы, наверно, отправился через Гуанчжоу. Или ты планируешь выброску с парашютом?

— А с чего ты решил, что я хочу отправить тебя туда? — спросил Старик.— Гораздо проще и легче узнать все в красной зоне.

— Ой ли?

— Наверняка. Если они высаживались где-нибудь еще, кроме этого континента, титанцы в красной зоне знают, где именно. Зачем же тогда лететь за полмира?

Пришлось отложить оформившийся было план, где я фигурировал в качестве индийского торговца, путешествующего с женой, и я задумался о словах Старика. Может быть... Может быть...

— Но как теперь попасть в красную зону? — спросил я.— С пластиковым паразитом на плечах? Меня поймают на первых же прямых переговорах.

— Не сдавайся так сразу. Туда отправились уже четыре агента.

— Они вернулись?

— М-м-м, нет. Пока нет.

— Ты что, решил, что я уже слишком долго числюсь в списке на выплату жалования?

— Я думаю, те четверо применяли неверную тактику.

— Да уж наверно.

— Тут главное убедить их, что ты перебежчик. Как тебе идея?

Идея действительно была сногсшибательная. Я даже не сообразил сразу, что ему ответить.

— Может быть, для начала поручить мне что-нибудь попроще? Могу я, например, поработать сутенером где-нибудь в Панаме? Или порубить для практики несколько человек топором? Входить в роль нужно постепенно.

— Ладно, полегче,— сказал он.— Возможно, это непрактично...

— Да ну тебя!

— ...но ты, я думаю, справился бы. Никто из моих агентов не знает паразитов лучше тебя. И, видимо, ты неплохо отдохнул, если не считать, что чуть-чуть прижег пальцы. Хотя, может быть, нам лучше забросить тебя куда-нибудь недалеко от Москвы, чтобы ты осмотрелся там и сообщил свои выводы. В общем, подумай. Два дня у тебя еще есть, так что можешь не дергаться.

— Ну спасибо. Огромное тебе спасибо.— Я решил переменить тему.— Что ты запланировал для Мэри?

— А это разве тебя касается?

— Она — моя жена.

— Знаю.

— Черт побери! Ты не хочешь пожелать мне счастья? Или хотя бы удачи?

— Мне иногда кажется,— произнес он медленно,— что удачи у тебя и так хоть отбавляй. Однако прими мое благословение, если оно чего-то стоит.

— Хм... Спасибо.— До меня иногда не сразу доходит. И както мне не приходило до этой минуты в голову, что столь удобным совпадением увольнений мы с Мэри обязаны Старику.— Знаешь, папа...

— Что такое?

Уже второй раз за месяц я назвал Старика папой, и это его, видимо, насторожило.

— Ты ведь с самого начала рассчитывал, что мы с Мэри поженимся, да? У тебя так и было запланировано?

— А? Бог с тобой! Я верю в свободу воли, сынок, и в свободу выбора. Вам обоим полагались увольнительные, а все остальное — случайность.

— Да? Случайностей не бывает. Во всяком случае, когда ты поблизости. Однако ладно. Исходом событий я доволен. А насчет работы... Дай мне немного времени. Я обдумаю, что тут можно сделать. И зайду в «Косметику», поинтересуюсь насчет резинового уха.

26

В конце концов мы решили проникнуть в красную зону. Однако аналитики из Отдела сочли, что у «липового» перебежчика нет никаких шансов. Основной вопрос тут: «Как человек становится перебежчиком? Почему титанцы ему верят?» Ответ напрашивается сам собой: паразит знает мысли своего носителя. Если, подчинив себе мозг человека, титанец чувствует, что тот по природе своей ренегат и готов продаться, тогда, может быть, он сочтет необходимым использовать его не как носителя, а как

перебежчика. Но первым делом паразит все-таки проверит, насколько у человека подлая душа.

Мы сделали такой вывод, исходя из чисто человеческой логики, но паразиты должны ей подчиняться, потому что они могут ровно столько, сколько могут их носители. Меня же, по словам наших психоаналитиков, нельзя выдать за перебежчика даже при помощи гипнотического внушения. Узнав об их решении, я совершенно искренне сказал «Аминь».

Возможно, действия титанцев, «освобождающих» носителей, покажутся вам нелогичными — даже при том, что они знали: эти носители по характеру рабы. Но из них-то и формировалась присягнувшая на верность паразитам пятая колонна. Слово «верность» здесь выглядит как-то нелепо, но в человеческих языках нет специального слова, чтобы охарактеризовать подобную низость. Мы не сомневались, что ренегаты проникают в зеленую зону, но пойди отличи его от нормального человека. В общем, вылавливать их было совсем нелегко.

Долго готовиться к заброске мне не пришлось. Я освежил под гипнозом несколько языков, которые могли пригодиться, причем особый упор сделал на жаргонизмах. Получил новую внешность, документы, легенду — короче, новую личность — и большую сумму денег. Для связи мне выдали последнюю модель передатчика, работающего в УКВ диапазоне, и размером не больше хлебного батона — одним словом, прелесть. Плюс энергоблок с идеальной экранировкой, который не учует ни один радиационный счетчик.

Планировалось, что меня забросят сквозь их радарный щит, но под прикрытием мощных помех, которые должны на время «свести с ума» все приборы станций слежения. После чего мне положено было выяснить, захвачен ли русский блок паразитами, и передать информацию на любую из космических станций в пределах видимости. Я имею в виду, в пределах видимости приборов. Без них мне станцию не разглядеть, и я не верю, когда люди говорят, что способны отыскать их на небе невооруженным глазом. Выполнив задание, я мог с чистой совестью уходить, уезжать, уползать — короче, правдами и неправдами пробираться за границу. Если сумею.

Однако случилось так, что все эти приготовления оказались ни к чему. В районе городка Пасс-Кристиан села летающая тарелка.

Всего третья тарелка, чья посадка была замечена. Первую, в районе Гриннелла, паразиты сумели спрятать; от второй, под Берлингеймом, осталось только радиоактивное воспоминание. Но ту, что села у Пасс-Кристиана, засекли радары и видели на земле.

Засекли ее с космической станции «Альфа», но отметили как «довольно крупный метеорит». Ошибка объясняется высокой скоростью объекта. Примитивные радарные устройства шестидесятилетней давности неоднократно замечали в прошлом летающие тарелки, особенно когда они, двигаясь в атмосфере с небольшой скоростью, проводили разведку. Современные же радары оказались настолько «совершенны», что просто не могли засечь летающую тарелку. Все дело в специализации. Аппаратура транспортного контроля регистрирует только летающие машины в воздухе. Оборонные системы видят только то, что им и положено видеть. Чувствительные приборы работают в интервале от атмосферных скоростей до пяти миль в секунду; более грубые замечают все от низкоскоростных ракет до объектов, движущихся со скоростью около десяти миль в секунду.

Есть и другие системы избирательного действия, но ни одна из них не фиксирует объекты со скоростью больше десяти миль в секунду — кроме орбитальных регистраторов метеоритной активности, а они не подчиняются военному ведомству. Потому-то никто сразу и не заподозрил, что этот «гигантский метеорит» может оказаться летающей тарелкой.

Однако ее посадка не осталась незамеченной. Когда тарелка садилась в районе Пасс-Кристиана, в десяти милях от Галфпорта патрулировал побережье красной зоны подводный крейсер «Роберт Фултон»*. Он двигался, выставив над поверхностью моря одни только рецепторы, и, когда тарелка снизила скорость (по данным орбитальной станции — с пятидесяти трех миль в секунду) до верхнего предела чувствительности радара, на контрольных экранах крейсера вдруг возник новый объект.

Возник из ниоткуда, снизил скорость до нуля и исчез. Но дежурный оператор засек координаты последнего сигнала —

оказалось, это в нескольких милях от берега Миссисипи. Капитан крейсера очень удивился: след на экране радара не мог означать космический корабль, поскольку они просто не тормозят с пятидесятикратными перегрузками. Ему не пришло в голову, что паразитам такие перегрузки, возможно, нипочем. Тем не менее, он решил разобраться и направил крейсер в устье Миссисипи.

Первый его рапорт гласил: «К западу от Пасс-Кристиана на Миссисипи совершил посадку космический корабль». Второе было еще короче: «Высаживаю группу захвата».

Если бы я в то время не готовился в Отделе к заброске, меня наверняка не взяли бы с собой — все происходило слишком быстро. Зазвонил мой телефон. От неожиданности я ударился головой о корпус проекционной машины и выругался. Тут же послышался голос Старика:

— Ко мне! Быстро!

Отправились мы той же компанией, с которой началась вся эта история много недель — или лет? — назад: Старик, Мэри и я. Только в воздухе, когда мы, нарушая все ограничения по скорости, рванули на юг, Старик объяснил, в чем дело.

— Но почему только наша «семейка»? — спросил я.— Туда надо направить целую десантную часть.

— Уже направлена,— серьезным тоном ответил Старик, затем вдруг ухмыльнулся.— А что ты так беспокоишься? В наступление идет неустрашимое семейство Кавано. А, Мэри?

Я фыркнул.

— Если ты опять хочешь поручить нам роли брата и сестры, тебе лучше подыскать другого агента.

— Ладно, но ты по-прежнему защищаешь ее от собак и посторонних мужчин,— сказал Старик.— Ты понял? И от собак, и от мужчин. Не исключено, сынок, что сегодня решается все.

Он перебрался к пульту связи, задвинул переборку и склонился над коммуникатором. Я повернулся к Мэри. Она прижалась ко мне и шепнула:

— Привет, братишка.

Я сжал ее посильнее.

— Если ты и дальше будешь называть меня «братишкой», кого-то придется отшлепать.

27

Поначалу нас чуть не сбили свои же, затем придали для сопровождения два «Черных ангела», которые и доставили машину к флагманскому кораблю, откуда руководил операцией маршал Рекстон. Мы сравняли скорость с флагманом, и он принял нас на борт, подцепив якорной петлей. Маневр, надо заметить, не для слабонервных.

Рекстон хотел было «отшлепать нас и отослать домой», но со Стариком такие шутки не проходят. В конце концов нас выгрузили прямо в воздухе, и я посадил машину на шоссе у побережья, к западу от Пасс-Кристиана — могу добавить, что я чуть не поседел, когда при заходе на посадку кто-то выпустил по нашей машине ракету типа «земля-воздух». И вокруг, и над нами продолжался бой, но около самой тарелки было на удивление спокойно.

Инопланетный корабль высился над шоссе всего в сорока ярдах от нас. Выглядел он так же зловеще и убедительно, как глупо и ненатурально смотрелась та подделка из пластика в Айове — огромный диск, чуть наклоненный в нашу сторону. При посадке тарелка раздавила дом, один из тех особняков с остроконечными крышами, что строят там вдоль всего побережья, и теперь сидела между развалинами дома и стволом толстенного дерева.

Из-за того, что тарелка стояла наклонно, нам хорошо было видно ее верхнюю часть с металлической полусферой около двенадцати футов диаметром в центре — без сомнения, вход в шлюзовую камеру. Полусфера висела футах в шести-восьми над корпусом тарелки. Я не видел, на чем она держится, но полагал, что там должна быть центральная колонна, как у тарельчатого клапана. Почему они не закрылись и не взлетели, тоже было понятно: шлюз искорежила и заклинила своим корпусом «болотная черепаха», легкий плавающий танк из группы захвата, высаженный с «Роберта Фултона».

Хочу, чтобы вы запомнили эти имена: командир танка лейтенант Гилберт Калхаун из Ноксвилла, механик-водитель Флоренс

Березовская, и стрелок Букер Т.У.Джонсон. Когда мы приземлились, все они были уже мертвы.

Едва наша машина опустилась на дорогу, ее окружил взвод десантников под командованием молодого розовощекого офицера, которому явно не терпелось кого-нибудь пристрелить. Увидев Мэри, он немного поутих, но все равно не разрешил приблизиться к тарелке, пока не получил согласие своего непосредственного командира, который, в свою очередь, связался с капитаном «Фултона». Учитывая, что тому, скорее всего, пришлось говорить с Вашингтоном, разрешение мы получили довольно быстро.

Ожидая ответа, я наблюдал за сражением в воздухе и, по правде говоря, был рад, что не принимаю в нем участия. Потери ожидались большие, и многие уже полегли. За нашей машиной лежало тело мальчишки — от силы лет четырнадцати. Он все еще сжимал в руках реактивный гранатомет, а его плечи, где еще недавно сидел титанец, покрывала красная сыпь. Я сразу насторожился: возможно, паразит сполз и умер, но кто знает, может, он сумел перебраться на солдата, который заколол мальчишку штыком.

Пока я обследовал тело, Мэри с молодым морским офицером отошли по шоссе в сторону. Опасение, что паразит еще жив и может быть где-то рядом, заставило меня обогнать их.

— Иди в машину,— сказал я.

Она бросила взгляд вдоль дороги: глаза ее возбужденно блестели.

— Я подумала, что, может быть, мне удастся пострелять.

— Здесь она в безопасности,— сказал молодой офицер.— Мы надежно удерживаем их довольно далеко отсюда.

Я сделал вид, что не слышу его.

— Послушай, ты, кровожадная хищница! Быстро в машину, или я затолкаю тебя туда силой!

— Хорошо, Сэм,— она двинулась к машине и забралась внутрь.

Я повернулся к молодому офицеру.

— Что ты на меня уставился? Не нравлюсь? — Совсем недавно эта местность кишела паразитами, и я здорово нервничал.

— Не особенно.— Он смерил меня взглядом.— Там, откуда я родом, с дамами так не разговаривают.

— Вот и отправлялся бы туда, откуда ты родом, черт побери! — рявкнул я, повернулся и пошел к машине. Старика тоже не было видно, и мне это совсем не нравилось.

Возвращаясь с запада, затормозила рядом санитарная машина.

— Дорога до Паскагулы свободна? — спросил водитель.

Река Паскагула в тридцати милях к востоку от места посадки считалась янтарной зоной: одноименный городок на восточном берегу в устье реки был в зеленой зоне, но в шестидесяти-семидесяти милях к западу по этой же дороге находился Нью-Орлеан, город с самой высокой концентрацией паразитов южнее Сент-Луиса. Враги прибывали оттуда, а наша ближайшая база была в Мобиле.

— Не знаю, не слышал,— ответил я.

Он сжал зубами костяшку пальца.

— А черт, ладно. Сюда прорвался — может, и назад прорвусь.

Турбины взвыли, и он унесся прочь. Я продолжал высматривать Старика.

Хотя на земле сражение переместилось в сторону от тарелки, в воздухе бой продолжался чуть ли не прямо над нами. Я следил за белыми росчерками в небе, пытаясь понять, кто есть кто, и как они сами это определяют. Вскоре откуда-то появилась большая транспортная машина, резко затормозила реактивными двигателями, и оттуда посыпались десантники. Издалека я не мог разглядеть, есть у них паразиты или нет, но, по крайней мере, транспорт появился с востока.

Потом я заметил Старика. Тот разговаривал с командиром группы захвата. Я подошел и вмешался в разговор:

— Босс, по-моему, пора давать ходу. Сюда еще минут десять назад должны были сбросить атомную бомбу.

— Не беспокойтесь,— сказал командир.— Концентрация паразитов здесь настолько мала, что не заслуживает даже игрушечной бомбы.

Я уже хотел спросить, откуда он знает, что паразиты придерживаются такого же мнения, но вмешался Старик:

— Он прав, сынок.

Затем взял меня за локоть, отвел к машине и добавил:

— Он прав, но совершенно по другой причине.

— В смысле?

— Мы же не бомбили города, которые удерживают паразиты. И они тоже не хотят уничтожать корабль; он нужен им целым и невредимым. Иди к Мэри и помни: собаки и посторонние мужчины.

Я промолчал, хотя он совсем меня не убедил. По правде сказать, я ждал, что от нас вот-вот останутся только щелчки в счетчике Гейгера. Паразиты сражались с полным пренебрежением к опасности — возможно, потому, что отдельная личность для них ничего не значит. С чего тогда они будут осторожничать с одним из своих кораблей? Может быть, им гораздо важнее, чтобы тарелка не попала в наши руки.

Мы едва успели дойти до машины, как снова появился тот молоденький офицер. Он отсалютовал Старику и громко произнес:

— Командир распорядился оказывать вам всяческое содействие, сэр. Вы вправе делать все, что захотите.

Судя по тому, как изменилось его отношение к нам, можно было подумать, что вместо ответной радиограммы они получили пылающие письмена от самого господа Бога.

— Благодарю вас, сэр,— ответил Старик снисходительно.— Мы хотели всего лишь осмотреть захваченный корабль.

— Да, сэр. Прошу за мной, сэр.

Но роль гида ему не удалась. Сначала он никак не мог решить, кого ему нужно сопровождать, Старика или Мэри, но Мэри победила, и первым оказался Старик. Я шел сзади, настороженно глядел по сторонам и старался не думать об этом мальчишке. Места на побережье — если это не ухоженные сады — совсем дикие, практически джунгли. Летающая тарелка плюхнулась как раз в такую чащу, а Старик вел напрямик.

— Осторожнее, сэр. Смотрите под ноги,— сказал офицер.

— Что, паразиты? — спросил я.

Он покачал головой.

— Кобры.

Только змей нам еще и не хватало, но, видимо, я прислушался к его предупреждению и смотрел на землю, когда случилась новая неожиданность.

Я услышал крик, вскинул голову и — помоги нам бог — прямо на нас несся бенгальский тигр.

Мэри, видимо, выстрелила первой. Я — одновременно с молодым офицером, может быть, даже чуть раньше. Старик выстрелил последним. Четыре луча располосовали зверя на столько кусков, что на ковер там уже ничего не осталось. Но, как ни странно, паразит на загривке тигра не пострадал, и я спалил его вторым выстрелом.

— Ну и ну,— удивленно глядя на тигра, произнес офицер.— Я думал, мы с ними со всеми разделались.

— Что ты имеешь в виду?

— Один из первых транспортов, что они сюда направили. Настоящий Ноев ковчег. В кого мы только не стреляли — от горилл до белых медведей. На тебя никогда не бросался буйвол?

— Нет, и надеюсь, судьба избавит меня от таких испытаний.

— На самом деле, собаки хуже. На мой взгляд, они все-таки неважно соображают.— Он равнодушно кивнул на мертвого паразита.

Мы быстро миновали заросли и добрались до корабля титанцев — отчего мне совсем не стало спокойнее, хотя ничего пугающего в его облике, в общем-то, не было.

Другое дело, что корабль выглядел *не так*. Явно искусственный объект, но и без всяких подсказок было ясно, что сделан он не людьми. Почему? Не знаю, как точнее передать. Поверхность — сплошное темное зеркало, и на нем ни царапины, вообще ни единой отметины. Как его собирали — непонятно. Сплошная гладкая поверхность, и все.

Я даже не мог сказать, что это за материал. Металл? По идее, да, должен быть металл. Но что это на самом деле? Далее, поверхность космического корабля только-только с орбиты может быть или безумно холодной или обжигающе горячей от прохождения через атмосферу. Я дотронулся до нее рукой и ничего не почувствовал, ни холода, ни жара, вообще ничего. И еще я заметил сразу же: такой

большой корабль, садящийся с дикой перегрузкой, должен был спалить под собой по крайней мере акра два; здесь же ничего не выгорело, под кораблем остался пышный зеленый кустарник.

Мы поднялись к «грибу» в центре тарелки — к шлюзу, если я правильно понял его назначение. Один край «гриба» зажал «болотную черепаху» — танковую броню смяло, будто картонную коробку, но все же она выдержала. «Черепахи» могут погружаться на глубину до пятисот футов, так что, сами понимаете, они *очень* прочные.

Шляпка «гриба» смяла ее, но шлюз все-таки не закрылся. Хотя на металле — или что это там за материал, из которого паразиты делают свои корабли — все равно не осталось ни следа.

Старик повернулся ко мне.

— Вы с Мэри подождите здесь.

— Ты что, один туда собрался?

— Да. Возможно, у нас очень мало времени.

Тут заговорил офицер:

— Я должен вас сопровождать, сэр. Приказ командира.

— Что ж, хорошо,— согласился Старик.— Пошли.

Он встал на колени, заглянул внутрь, затем опустился на руках в люк. Мальчишка последовал за ним. Я немного злился на Старика, но оспаривать его решение не стал.

Когда они скрылись в тарелке, Мэри повернулась ко мне:

— Сэм, мне это совсем не нравится. Я боюсь.

Она меня, признаться, удивила. Я сам испытывал страх, но никак не ожидал этого от нее.

— Не беспокойся. Я рядом.

— А мы должны оставаться здесь? Он ведь не сказал этого.

Я обдумал ее слова и решился:

— Если ты хочешь вернуться к машине, я тебя провожу.

— Я... Нет, Сэм, наверно, нам надо остаться. Но ты меня обними.

Я обнял ее и почувствовал, как она дрожит.

Спустя какое-то время — не помню, как долго мы сидели одни,— над краем люка появились головы Старика и мальчишки-офицера.

Офицер выбрался наружу. Старик приказал ему охранять шлюз, а нас потянул внутрь.

— Пошли. Там не опасно. Вроде бы.

— Черта с два! — сказал я, но послушался, потому что Мэри уже двинулась к люку.

Старик помог ей слезть и сказал:

— Голову не поднимайте. Здесь везде низкие потолки.

Давно известно, что у инопланетян все иначе, не так как у нас, но мало кому из людей доводилось своими глазами видеть лабиринты Венеры или марсианские руины, а я не принадлежу к числу даже тех немногих. Сам не знаю, что ожидал увидеть внутри. Не то чтобы там все поражало воображение, но выглядело довольно необычно. Создавался корабль инопланетным разумом, с совершенно иными представлениями о том, как и что нужно делать, разумом, который даже не знал, возможно, о прямых углах и прямых линиях, или не считал эти элементы необходимыми. Мы оказались в небольшой, как бы приплюснутой круглой камере и оттуда поползли по змеящейся трубе около четырех футов диаметром: туннель уходил, наверно, в самое сердце корабля и по всей поверхности светился красноватым светом.

В корабле стоял странный, тяжелый запах — словно болотный газ с душком от мертвых паразитов. Это, и красноватое свечение, плюс полное отсутствие ощущения тепла или холода под ладонями создавало неприятное впечатление, будто мы не космический корабль обследуем, а ползем по пищеводу какого-то неземного чудовища.

Вскоре труба разделилась, словно артерия, на два прохода, и там мы впервые обнаружили титанского гермафродита-носителя. Он — пускай будет «он» — лежал на спине, будто спящий ребенок с паразитом вместо подушки. На маленьких пухлых губках застыло некое подобие улыбки, и я не сразу догадался, что он мертв.

На первый взгляд, у титанца и человека больше сходных черт, чем различий. То, что мы ожидали увидеть, как бы заслоняет то, что мы видим на самом деле. Взять хотя бы его «рот» — с чего я решил, что они им дышат?

В действительности, даже несмотря на поверхностное сходство — четыре конечности и похожий на голову нарост — они напоминают нас не больше, чем, скажем, лягушка-бык молодого бычка. Тем не менее, что-то в нем было почти человеческое. «Маленький эльф»,— подумалось мне. Эльфы со спутника Сатурна.

Увидев это существо, я выхватил пистолет. Старик обернулся и сказал:

— Успокойся. Он мертв. Они все погибли, когда танк нарушил герметизацию.

— Я хотел убить паразита,— не унимался я, держа оружие наготове.— Возможно, он еще жив.

Паразит был без панциря, какой встречался теперь почти у всех, голый и отвратительный.

— Твое дело. Но он никому не причинит вреда. Этот паразит не может выжить на носителе, который дышит кислородом,— сказал Старик, пожав плечами, и полез через мертвого титанца.

Я даже не смог из-за него выстрелить. Мэри, вопреки своему обыкновению, не выхватила пистолет, а только прижалась ко мне, словно искала защиты и утешения. Дышала она неровно, будто всхлипывала. Старик остановился и терпеливо спросил:

— Ты идешь, Мэри?

Она судорожно вздохнула.

— Пойдем назад! Я не могу здесь!

— Мэри права,— сказал я.— Это работа не для троих агентов, а для целой научной группы со специальным оборудованием.

Старик не обратил на меня никакого внимания.

— Мэри, это необходимо сделать, ты же знаешь. Кроме тебя, некому.

— Что это еще такое? Почему она должна здесь оставаться? — разозлился я.

Он снова пропустил мои слова мимо ушей.

— Мэри?

Каким-то образом ей удалось справиться с собой. Дыхание стало ровным, лицо разгладилось, и она с невозмутимостью королевы, всходящей на эшафот, поползла дальше, прямо через

лежащего титанца. Я двинулся следом, стараясь не задеть тело, хотя пистолет в руке здорово мешал.

В конце концов, мы добрались до большого помещения, которое, по всей вероятности, служило титанцам командным отсеком — мертвых «эльфов» там было больше, чем в других местах корабля. Вогнутые стены светились гораздо ярче, чем в туннеле, и были покрыты какими-то наростами с извилинами, похожими на кору головного мозга и столь же непостижимыми. Мне снова почудилось, что сам корабль — это большой живой организм.

Старик не остановился и нырнул в следующий туннель со светящимися красными стенами. Мы ползли по его изгибам, пока туннель не расширился футов до десяти — даже встать уже можно было. Но это не самое главное: стены стали прозрачными.

За прозрачными панелями по обеим сторонам, извиваясь и переворачиваясь, плавали в питательной среде тысячи и тысячи паразитов. Каждый контейнер освещался мягким рассеянным светом изнутри, и было очень хорошо видно, насколько они велики. Я с трудом сдерживался, чтобы не закричать.

Пистолет дрожал у меня в руке, и Старик закрыл раструб ладонью.

— Не вздумай,— сказал он.— Не приведи господь, они оттуда вырвутся. Эти-то как раз для нас.

Мэри смотрела на паразитов, не отрываясь, но лицо ее казалось мне слишком уж спокойным. Наверно, она даже не совсем понимала, что видит перед собой. Я посмотрел на нее, на стены этого жуткого аквариума и, теряя терпение, сказал:

— Давайте сматываться отсюда, пока еще есть время, а потом разбомбим их к чертовой матери.

— Нет,— тихо сказал Старик.— Это еще не все. Пошли.

Туннель сузился, затем снова стал шире, и мы оказались в зале чуть меньших размеров. Опять прозрачные стены, и опять что-то за ними плавало.

До меня даже не сразу дошло, что это.

Прямо напротив меня, лицом вниз, колыхалось тело мужчины. Тело человека. Земного человека лет сорока-пятидесяти. Он плавал, скрестив руки на груди и поджав колени, как во сне.

Я смотрел, не в силах отвести взгляд и мучаясь ужасными догадками. Человек был в аквариуме не один — за ним плавали еще: мужчины и женщины, молодые и старые — но этот почему-то задержал мое внимание. Я думал, что человек мертв, даже сомнений не возникало. Но тут он шевельнул губами — боже, лучше бы это и в самом деле был мертвец.

Мэри бродила вдоль прозрачной стены словно во сне — нет, не во сне, а полностью погруженная в себя — останавливалась, вглядывалась в мутные, заполненные телами аквариумы.

Старик смотрел только на нее.

— Ну что, Мэри? — спросил он мягко.

— Я не могу их найти,— чуть не плача, произнесла она голосом маленькой девочки и перебежала к другой стене.

Старик схватил ее за руку.

— Ты не там их ищешь,— сказал он, на этот раз твердо.— Тебе нужно вернуться к ним. Вспомнить.

— *Но я не помню!* — Как стон.

— Ты должна вспомнить! По крайней мере, это ты можешь для них сделать. Тебе нужно вернуться к ним, отыскать их у себя в памяти.

Мэри закрыла глаза, и по ее щекам побежали слезы. Она всхлипывала и судорожно глотала воздух. Я протиснулся между ними и повернулся к Старику.

— Прекрати. Что ты с ней делаешь?

Он оттолкнул меня в сторону и рассерженно прошептал:

— Не лезь, сынок. Сейчас ты *не должен* мне мешать.

— Но...

— Все! — Он отпустил Мэри и отвел меня ко входу.— Стой здесь. Я знаю, что ты любишь жену, знаю, что ненавидишь титанцев, но сейчас не мешай мне. Все будет хорошо. Я обещаю.

— Что ты задумал?

Старик не ответил и отвернулся. Я остался на месте. Хотелось что-то сделать, но я боялся вмешиваться в то, чего не понимаю.

Мэри села на корточки и закрыла лицо руками, как напуганный ребенок. Старик опустился рядом с ней на колени и тронул ее за запястье.

— Назад, возвращайся назад,— донеслось до меня.— Туда, где все это началось.

— Нет... нет...— едва слышно откликнулась Мэри.

— Сколько тебе было лет? Когда тебя нашли, по виду было семь или восемь. Это случилось раньше?

— Да... да, раньше.— Она всхлипнула и упала на пол.— Мама! Мамочка!

— Что говорит мама? — мягко спросил Старик.

— Ничего не говорит. Только смотрит на меня так... странно смотрит. У нее что-то на спине. Я боюсь. Боюсь!

Пригнув голову, я двинулся к ним. Старик, не отрывая глаз от Мэри, махнул рукой, чтобы я оставался на месте, и я в нерешительности остановился на полпути.

— Назад,— приказал он.— Назад!

Обращался он ко мне, и я послушался. Но Мэри тоже.

— Я помню корабль,— пробормотала она.— Большой, сверкающий корабль...

Старик сказал что-то еще. Если она и ответила, я на этот раз не расслышал. Но все равно остался на месте. Происходило явно что-то важное, настолько важное, что целиком захватило внимание Старика даже в окружении врагов.

Он говорил — успокаивающе, но настойчиво. Мэри затихла и словно погрузилась в гипнотический транс. Теперь я слышал ее совершенно отчетливо. Спустя какое-то время ее просто понесло, как бывает, когда срывается какой-то эмоциональный тормоз. Старик лишь изредка направлял рассказ.

Я услышал шорох в туннеле за спиной, и, выхватив пистолет, мгновенно повернулся. На какое-то мгновение мной овладело дикое паническое ощущение, что мы попали в ловушку, и я чуть не пристрелил того молодого офицера, что мы оставили охранять вход.

— Срочно на выход! — произнес он, задыхаясь, затем протолкнулся мимо меня к Старику и повторил то же самое.

Старик зыркнул на него, как на смертельного врага.

— Заткнись и не мешай!

— Но, сэр, это необходимо,— настаивал офицер.— Командир приказал немедленно возвращаться. Мы отступаем. Возможно,

придется уничтожить этот корабль. Если мы останемся, они разнесут его вместе с нами.

— Хорошо,— неожиданно спокойным тоном произнес Старик.— Иди скажи командиру, что он должен продержаться, пока мы не вернемся. У меня есть жизненно важная информация. Сынок, помоги мне с Мэри.

— Есть, сэр! Но поторопитесь! — Офицер поспешно уполз.

Я подхватил Мэри на руки и донес до воронки, ведущей в туннель. Она ни на что не реагировала, хотя вроде бы была в сознании. У выхода я положил ее на пол.

— Придется тащить,— сказал Старик.— Она, видимо, не скоро придет в себя. Знаешь что, давай-ка я пристрою ее тебе на спину, и ты поползешь впереди.

Не обращая на него внимания, я тряхнул Мэри за плечи.

— Мэри! Ты меня слышишь?

Она открыла глаза.

— Да, Сэм.

— Мэри, родная, нам нужно выбираться отсюда — и очень быстро. Ты сможешь?

— Да, Сэм.— Глаза опять закрылись.

Я снова ее встряхнул и крикнул:

— Мэри!

— Да, дорогой. Что такое? Я очень устала.

— Послушай, Мэри, тебе нужно ползти вперед. Иначе нас захватят паразиты. Ты понимаешь?

— Хорошо, дорогой.— Она уже не закрывала глаз, но в них не было ни единой мысли.

Я подтянул ее в туннель и пополз следом. Когда она останавливалась, приходилось подгонять ее шлепками. Через камеру со стеклянными стенами, за которыми плавали паразиты, и командный отсек — если это действительно командный отсек — я пронес Мэри на руках, затем снова ползком. На развилке, где на полу лежал мертвый «эльф», она остановилась. Я пополз вперед и запихал труп в боковой туннель. Теперь уже у меня не возникало никаких сомнений, что паразит сдох. Но Мэри снова пришлось поддать, чтобы она двигалась вперед.

Худо-бедно этот кошмар закончился, и мы все-таки выползли к шлюзу, где нас ждал молодой офицер. Он помог нам поднять Мэри: мы со Стариком толкали снизу, он тянул. Затем я подсадил Старика, выкарабкался наверх сам и отобрал Мэри у этого мальчишки. Снаружи уже почти стемнело.

Мы пробрались мимо раздавленного дома, обогнули кустарник и вышли на дорогу. Машины на месте не оказалось, но нас ждала «болотная черепаха», куда мы и втиснулись, не теряя ни одной секунды, потому что бой шел уже чуть ли не над нашими головами. Командир танка велел задраить люки, и мы рванули к воде. Спустя пятнадцать минут танк вполз в чрево «Фултона».

А еще через час мы высадились на базе Мобил. Нам со Стариком предложили в кают-компании «Фултона» кофе и сэндвичи, а Мэри тем временем приводили в себя в женском кубрике. Она присоединилась к нам перед самым прибытием на базу и, похоже, чувствовала себя к этому времени вполне нормально.

— Ты как, в порядке, Мэри? — спросил я.

— Конечно, дорогой. А что могло со мной случиться?

С базы мы вылетели на штабной машине в сопровождении нескольких истребителей. Я думал, мы направляемся к себе в Отдел или в Вашингтон, но вместо этого пилот доставил нас на другую базу, скрытую в теле горы, и лихо сел прямо в ангар — гражданским машинам такое просто не под силу, а он, что называется, «попал в игольное ушко»: на полной скорости снизился, влетел в пещеру и сразу затормозил.

— Где это мы? — спросил я.

Старик не ответил и выбрался из машины. Мы с Мэри последовали за ним. Ангар был небольшой — всего лишь стоянка для дюжины летающих машин, уловитель и единственная стартовая платформа. Охрана направила нас к двери посреди каменной стены, мы зашли внутрь и оказались в крохотном холле. Голос из динамика тут же приказал нам раздеться. Как ни жаль было расставаться с оружием и телефоном, но пришлось.

Затем мы прошли в следующее помещение, где нас встретил молодой охранник, чье облачение состояло лишь из повязки с тремя шевронами и двумя перекрещенными ретортами. Он повел нас

дальше и перепоручил девушке, на которой было и того меньше — только два шеврона. Оба служащих базы, конечно же, обратили внимание на Мэри, каждый по-своему, и мне показалось, что девица-капрал облегченно вздохнула, передав наконец нашу компанию капитану.

— Мы получили ваше сообщение,— сказала женщина-капитан.— Доктор Стилтон уже ждет.

— Благодарю вас, мадам,— ответил Старик.— Куда теперь?

— Секундочку.— Она подошла к Мэри, ощупала ее волосы и извиняющимся тоном добавила: — Приходится быть настороже.

Если она и заметила, что больше половины волос у Мэри искусственные, то никак этого не проявила. У нее самой прическа была по-мужски короткая.

— Ладно,— смилостивилась она.— Идемте.

— Хорошо,— сказал Старик.— Но ты, сынок, останешься здесь.

— Почему это? — спросил я.

— Потому что ты чуть не испортил мне первую попытку. Все. Возражения не принимаются,— отрезал Старик.

— Офицерская кают-компания — в первом проходе налево,— подсказала капитанша.— Можете подождать там.

Ничего другого мне не оставалось. По пути в кают-компанию я наткнулся на дверь, украшенную красным черепом с костями и надписью: «Осторожно! Живые паразиты. Только для допущенного персонала! Используйте процедуру "А"!» Разумеется, меня бы туда силой не затащили.

В кают-компании прохлаждались трое или четверо мужчин и две женщины. Я нашел свободное кресло и сел, пытаясь сообразить, кем тут нужно быть, чтобы получить рюмку. Спустя несколько минут ко мне присоединился крупный общительный мужчина с цепочкой на шее, на которой болталась бляха с полковничьими звездами.

— Новичок? — спросил он.

Я признал, что да.

— Гражданский эксперт?

— Не знаю, потяну ли я на эксперта, но для оперативной работы вроде бы гожусь.

— А как зовут? Извините за навязчивость, но я отвечаю здесь за режим секретности. Фамилия — Келли.

Я тоже назвался. Он кивнул.

— Вообще-то, я видел, как вы появились на базе. Ладно, мистер Нивенс, а как насчет того, чтобы промочить горло?

— Спрашиваете! Кого надо прикончить, чтобы налили?

— ...и насколько я понимаю,— говорил Келли,— режим секретности здесь нужен, как роликовые коньки кобыле. Результаты нашей работы надо публиковать в печати и как можно скорее.

Я заметил, что он совсем не производит впечатления твердолобого солдафона. Келли рассмеялся.

— Поверьте, далеко не все «твердолобые солдафоны» на самом деле таковы. Они ими только кажутся.

На это я сказал, что да, мол, маршал Рекстон, например, действительно не так прост, как можно было бы подумать.

— Вы с ним знакомы? — спросил Келли.

— Не то чтобы знаком, но мы встречались с ним по работе. Последний раз я видел его сегодня утром.

— Хм... Я никогда не встречался с этим джентльменом лично. Похоже, вы вращаетесь в более высоких сферах, сэр.

Я объяснил, что это всего лишь случайный поворот судьбы, но, тем не менее, он стал относиться ко мне с гораздо большим уважением.

Спустя какое-то время Келли принялся рассказывать мне о работе лаборатории:

— Сейчас мы знаем об этих мерзких созданиях больше самого дьявола. Но известно ли нам, как уничтожать паразитов, не убивая носителя? Увы. Разумеется, если бы мы могли заманивать их по одному в какую-нибудь камеру и усыплять газом, тогда носители оставались бы целы и невредимы. Но знаете эту старую шутку про то, как ловить птиц? Все, мол, очень просто, если можешь подобраться достаточно близко и насыпать ей на хвост соли. Сам я не ученый — всего лишь полицейский, хотя и числюсь по другому ведомству,— но я разговаривал с теми, кто здесь работает. И одно ясно уже сейчас: для победы в войне нужно биологическое оружие — микроб, который кусает паразита, но

не носителя. Вроде бы не так сложно, да? Нам известны сотни болезней, которые смертельны для титанцев — оспа, тиф, сифилис, энцефалит, болезнь Обермейера, чума, желтая лихорадка и так далее. Беда в том, что все они убивают и носителей.

— А нельзя использовать что-нибудь такое, против чего у всех есть иммунитет? — спросил я.— Всем, например, делают прививки от тифа. И почти все вакцинированы от оспы.

— Ничего не выйдет. Если у носителя есть иммунитет, паразиту болезнь не передается. Теперь, когда они научились отращивать себе этот наружный панцирь, все контакты с внешней средой идут у них через носителей. Нет, нам нужно что-то такое, что наверняка убьет паразита, а у человека разве что насморк вызовет.

Я хотел что-то ответить, но тут заметил в дверях Старика, извинился перед Келли и встал из-за столика.

— Что там из тебя Келли выкачивал? — спросил Старик.

— Ничего не выкачивал,— ответил я.

— Это тебе только кажется. Ты знаешь, кто он?

— А должен?

— Да должен бы. Хотя, может, и нет. Он никому не позволяет себя фотографировать. Это знаменитый «Б.Дж.Келли», величайший криминолог современности.

— Тот самый Келли?! Но ведь он не имеет никакого отношения к армии.

— Почему? Возможно, он в запасе. Но я думаю, ты догадываешься теперь, насколько важна эта лаборатория. Пойдем.

— Где Мэри?

— Сейчас тебе к ней нельзя. Она приходит в себя.

— С ней... что-нибудь случилось?

— Я же обещал тебе, что все будет в порядке. Лучше Стилтона в этой области никого нет. Но нам пришлось копать очень глубоко и преодолевать ее сопротивление. Это весьма тяжело для объекта.

Я обдумал его слова и спросил:

— Ты получил, что хотел?

— И да, и нет. Мы еще не закончили.

— А что ты хочешь найти?

Мы шли по одному из бесконечных подземных коридоров базы, потом зашли в небольшой кабинет и сели. Старик нажал клавишу коммуникатора на столе и сказал:

— Частная беседа.

— Да, сэр,— послышалось в ответ.— Мы не будем записывать.

Одновременно на потолке зажегся зеленый сигнал.

— Верить им, конечно, нельзя,— пожаловался Старик,— но, по крайней мере, пленку не будет слушать никто, кроме Келли. Теперь о том, что ты хотел узнать... Хотя, по правде говоря, я не уверен, что тебе положено это знать. Да, она твоя жена, но душа ее тебе не принадлежит, а то, что нам стало известно, крылось слишком глубоко в душе. Мэри и сама не подозревала, что там есть.

Я молчал, и он продолжал задумчиво, обеспокоенным тоном:

— С другой стороны, может быть, лучше рассказать тебе что-то, чтобы ты понял, о чем я говорю. Иначе ты начнешь дергать ее, а мне бы этого очень не хотелось. Ты невольно можешь вызвать у нее какой-нибудь нервный срыв. Она вряд ли что-то вспомнит — Стилтон работает предельно осторожно,— но ты можешь здорово осложнить ей жизнь.

Я глубоко вздохнул и сказал:

— Сам решай.

— Ладно. Я расскажу тебе кое-что и отвечу на твои вопросы — на некоторые из них,— если ты поклянешься никогда не беспокоить на эту тему свою жену. У тебя просто нет нужного опыта.

— Хорошо, сэр. Я обещаю.

— В общем, не так давно на Земле существовала группа людей — культ, можно сказать,— к которым все остальное человечество относилось довольно неприязненно.

— Я знаю. Уитманиты.

— А? Откуда ты узнал? От Мэри? Нет, Мэри не могла ничего тебе рассказать; она сама не помнила.

— Нет, не от Мэри. Сам догадался.

Старик посмотрел на меня с удивлением и уважением одновременно.

— Возможно, я тебя недооценивал, сынок. Да, уитманиты. И Мэри была в детстве с ними, в Антарктике.

— Стоп! Они же перебрались из Антарктики...— я напряг память, и нужная дата вдруг всплыла,— в 1976-м!

— Точно.

— Но тогда Мэри должно быть около сорока.

— А тебя это беспокоит?

— В смысле? Нет, видимо. Но этого не может быть.

— На самом деле может. Хронологически ей действительно около сорока. Биологически — примерно двадцать пять. А субъективно она еще моложе, потому что у нее нет сознательных воспоминаний о жизни до 1990-го.

— Что ты имеешь в виду? Я могу понять, что она не помнит свое детство, не хочет его вспоминать. Но что означает все остальное?

— То, что я и сказал. Ей ровно столько, на сколько она выглядит... Помнишь ту камеру на корабле титанцев, где она начала что-то вспоминать? Лет десять или даже больше Мэри провела в анабиозе точно в таком же аквариуме.

28

С возрастом я не становлюсь грубее и крепче; скорее наоборот — мягче, сентиментальнее... Мэри, моя любимая жена, плавающая в этой искусственной утробе, не живая, не мертвая — законсервированная, словно саранча в банке — нет, это было уже слишком.

Откуда-то издалека вновь донесся голос Старика:

— Спокойно, сынок. С ней же все в порядке.

— Ладно... Дальше.

Внешне жизнеописание Мэри выглядело довольно просто, хотя элемент загадочности в нем тоже присутствовал. Ее нашли в болотах под Кайзервилем у северного полюса Венеры. Девочка ничего не могла о себе рассказать и знала только свое имя — Аллукьера. Никто не счел имя важной деталью, да и вряд ли кому пришло бы в голову искать связь между маленькой девочкой-найденышем и крахом уитманитов: еще в 1980-м команда грузо-

вого корабля, доставлявшего припасы в их колонию в Новый Сион, сообщила, что там никого не осталось в живых. Целых десять лет времени и двести миль непроходимых джунглей разделяли крохотное поселение Кайзервиль и забытую богом колонию уитманитов.

Неизвестно откуда взявшийся ребенок на Венере? В 1990 году*? Да, событие невероятное, но на планете не нашлось ни одного человека, который заинтересовался бы этим делом и захотел разобраться. Кайзервиль в то время — это горняки, шлюхи, несколько представителей «Двухпланетной компании» и, пожалуй, все. А когда целыми днями ворочаешь на болотах радиоактивную грязь, ни сил, ни желания чему-то удивляться уже не остается.

Девочка росла, называя всех женщин в поселении «мамами» или «тетями», а игрушки ей заменяли покерные фишки. Со временем поселенцы сократили ее имя и стали называть девочку просто Лукки. Старик не сказал, кто платил за ее перелет до Земли, да это и не так важно. Главный вопрос заключался в другом: где она была с тех пор, как Новый Сион поглотили джунгли, и что случилось с колонией уитманитов?

Однако ответ на него хранился только в памяти Мэри — вместе с ужасом и отчаянием.

Незадолго до 1980 года — примерно в то время, когда появились сообщения о летающих тарелках над Сибирью, или на год-два раньше — титанцы обнаружили на Венере колонию Новый Сион. Как раз, видимо, за один сатурнианский год до нападения на Землю. Скорее всего, они прилетели на Венеру не ради землян, а на разведку. Но, может быть, и наоборот, титанцы точно знали, где искать колонистов. Нам известно, что они похищали землян в течение двух веков, как минимум, и кто-то из последних пленников мог знать, где находится Новый Сион. Здесь темные воспоминания Мэри ничего не проясняли.

Она видела, как титанцы захватили колонию, как ее родители превратились в зомби, которые вдруг потеряли к ней всякий интерес. Очевидно, паразиты не использовали Мэри в качестве носителя, или же попробовали и отпустили, решив, что слабенькая девочка-несмышленыш ни на что не годится. Так или иначе,

она целую вечность — в ее детском восприятии — оставалась в захваченном поселении: забытая, никому не нужная, без ласки и заботы. Ее не трогали, но даже есть девочке приходилось то, что удастся стащить. Титанцы, судя по всему, собирались закрепиться на Венере: в качестве рабов они использовали, в основном, венерианцев, а колонисты-земляне большой роли в их планах не играли. Но Мэри присутствовала при том, как ее родителей помещали в анабиотический контейнер — возможно, для использования в дальнейшем против Земли.

В конце концов, она и сама оказалась в таком контейнере. Либо на корабле титанцев, либо на их базе на Венере. Скорее всего, последнее, поскольку после пробуждения она все еще была на Венере. Тут в ее истории много неясностей. Неизвестно, например, отличались ли паразиты для венерианцев от тех, что управляли колонистами-землянами. Возможно, нет: жизнь и на Венере, и на Земле имеет одинаковую углеродно-кислородную основу. Судя по всему, способности паразитов изменяться и приспосабливаться к окружающей среде безграничны, однако им приходится подстраиваться под биохимию носителя. Если бы жизнь на Венере имела кремниево-кислотную основу — как на Марсе — или фторовую, одни и те же паразиты не смогли бы использовать и венерианцев, и людей.

Но важнее всего было то, что случилось с Мэри после извлечения из «инкубатора». Планы титанцев захватить Венеру провалились — во всяком случае, она застала последние дни господства паразитов. Ее начали использовать в качестве носителя сразу же после анабиоза, но она пережила своего паразита.

Почему он умер? Почему провалились планы титанцев? Именно это и пытались узнать Старик с доктором Стилтоном, выискивая ответы в памяти Мэри.

— И это все? — спросил я.

— А по-твоему, мало? — ответил Старик.

— Но тут больше вопросов, чем ответов.

— На самом деле, нам известно больше,— сказал он.— Но ты не специалист по Венере и не психолог. Я рассказал тебе, что знаю, чтобы ты понял, зачем нам нужна Мэри, и ни о чем ее не

спрашивал. Будь с ней поласковей, на ее долю и так выпало слишком много горя.

Совет я пропустил мимо ушей, решив, что с женой мы поладим без посторонней помощи.

— Чего я не могу понять, так это как ты догадался, что Мэри имеет какое-то отношение к летающим тарелкам,— сказал я.— Надо думать, в тот первый раз ты тоже взял ее с собой не случайно. И оказался прав. Но как тебе это удалось? Только серьезно.

— Сынок, у тебя бывают предчувствия? — озадаченно спросил он.

— Еще бы!

— А что такое предчувствие?

— А? Видимо, ничем на первый взгляд не подкрепленная уверенность в том, что какое-то событие произойдет или не произойдет.

— Я бы сказал, что это результат подсознательного осмысления данных, о наличии которых ты даже и не подозреваешь.

— Черная кошка в темном угольном погребе в полночь. У тебя не было вообще никаких данных. И не пытайся меня уверить, что твое подсознание обрабатывает информацию, которую ты получишь только на следующей неделе.

— Вот данные-то как раз и были.

— Как это?

— Ты помнишь последнюю процедуру, которой подвергается кандидат перед зачислением в Отдел?

— Личное собеседование с тобой.

— Нет, не то.

— А! Гипноанализ! — Я забыл об этом по той простой причине, что объект и не должен помнить сеанс гипноанализа.— Ты хочешь сказать, что знал что-то о Мэри еще тогда? Значит, это не предчувствие?

— Тоже неверно. У меня было очень мало данных: добраться до информации, что кроется у Мэри глубоко в подсознании, не так-тот легко. Кроме того, я успел забыть то немногое, что удалось узнать. Но когда все это началось, мне сразу пришло в голову, что здесь не обойтись без Мэри. Позже я прослушал пленку с

ее гипно-интервью еще раз и тогда только понял, что она может знать гораздо больше. Первая попытка ничего не дала. Но я уже не сомневался, что Мэри сможет рассказать что-то еще.

Я задумался.

— Веселую жизнь ты ей устроил, чтобы добраться до этой информации.

— Ничего другого мне не оставалось. Извини.

— Ладно.— Я помолчал, затем спросил: — Слушай, а что было в моем гипно-интервью?

— Тебе этого знать не положено.

— Да брось ты.

— И я не мог бы тебе рассказать, даже если бы захотел. Я его просто не слушал, сынок.

— Как это?

— Распорядился, чтобы пленку прослушал мой заместитель. Он сказал, что для меня там нет ничего интересного. Я и не стал слушать.

— Да? Что ж, спасибо.

Он лишь проворчал в ответ что-то неразборчивое. Мы с ним вечно ставим друг друга в неловкое положение.

29

Паразиты на Венере умерли от какой-то болезни, которую они там подцепили — в этом, по крайней мере, мы почти не сомневались. Поначалу Старик рассчитывал вытащить из летающей тарелки тех людей, что плавали в анабиотических контейнерах, оживить их и допросить, но теперь мы вряд ли могли надеяться, что быстро получим подтверждение: пока Старик рассказывал мне о Мэри, из Пасс-Кристиана сообщили, что тарелку удержать не удалось, и, чтобы она не досталась титанцам, на нее сбросили бомбу.

Короче, другого источника информации кроме Мэри у нас не было. Если какая-то болезнь на Венере оказалась смертельной для титанцев, но не принесла вреда людям — Мэри, во всяком случае, выжила,— тогда нам оставалось проверить их все и

определить, что это за болезнь. Хорошенькое дело! Все равно, что проверять каждую песчинку на берегу моря. Список венерианских болезней, которые не смертельны для человека, а вызывают только легкое недомогание, просто огромен. С точки зрения венерианских микробов, мы, видимо, не слишком съедобны. Если, конечно, у них есть точка зрения, в чем я лично сомневаюсь, что бы там ни говорил доктор Макилвейн.

Проблема осложнялась тем, что на Земле хранилось весьма ограниченное число живых культур болезнетворных микроорганизмов Венеры. Это, в общем-то, можно было поправить — но лет так за сто дополнительных исследований чужой планеты.

А тем временем приближались заморозки. Режим «Загар» не мог держаться вечно.

Оставалось искать ответ там, где, ученые надеялись, его можно найти — в памяти Мэри. Мне это совсем не нравилось, но поделать я ничего не мог. Сама Мэри, похоже, не знала, зачем ее вновь и вновь погружают в гипнотический транс. Вела она себя достаточно спокойно, но усталость чувствовалась: круги под глазами и все такое. В конце концов я не выдержал и сказал Старику, что это пора прекращать.

— Ты же сам понимаешь, что у нас нет другого выхода,— тихо сказал Старик.

— Черта с два! Если вы до сих пор не нашли, что искали, то и не найдете уже.

— А тебе известно, сколько требуется времени, чтобы проверить *все* воспоминания человека, даже если ограничиться каким-то отдельным периодом? Ровно столько же, сколько этот период длился! То, что мы ищем — если у нее вообще есть нужная нам информация,— может оказаться каким-то едва уловимым штрихом ее воспоминаний.

— Вот именно — «если есть»! — повторил я за ним.— Вы сами в этом не уверены. Знаешь, что... Если с Мэри что-то случится — выкидыш или еще что — я тебе своими руками шею сверну.

— Если мы не добьемся результатов,— сказал он спокойно,— ты сам не захочешь ребенка. Тебе что, понравится, если твои дети станут носителями для титанцев?

Я закусил губу.

— Почему ты оставил меня на базе, а не отправил в Россию?

— Ты нужен мне здесь, рядом с Мэри, чтобы утешать ее и успокаивать, а ты ведешь себя, как испорченный ребенок. И кроме того, лететь в Россию уже не нужно.

— Как это? Что случилось? Кто-то из агентов раздобыл информацию?

— Если бы ты, как положено взрослому человеку, хоть изредка интересовался новостями, тебе не пришлось бы задавать глупые вопросы.

Я торопливо вышел, узнал, что происходит в большом мире, и вернулся. Оказалось, что на этот раз я прозевал сообщение об охватившей целый континент азиатской чуме, втором по значимости событии после нападения титанцев. Эпидемия такого масштаба последний раз была на Земле в семнадцатом веке.

Новости не укладывались в голове. Согласен, они все там, в России, ненормальные. Но здравоохранение и санитария поставлены у них весьма неплохо; там это делается «под гребенку» и без всяких глупостей. Чтобы в стране разразилась эпидемия, необходимо буквально нашествие крыс, вшей, блох и прочих классических переносчиков заразы. А русские бюрократы даже Китай вычистили до такой степени, что вспышки бубонной чумы и тифа отмечались там теперь редко и лишь в отдельных регионах.

А сейчас оба заболевания быстро распространялись по всей территории Китая, России и Сибири. Положение было настолько критическим, что правительство обратилось в ООН за помощью. Что же произошло?

Ответ напрашивался сам собой. Я посмотрел на Старика.

— Босс, в России действительно полно паразитов.

— Да.

— Ты догадался? Однако, черт, нам теперь нужно торопиться, а не то в долине Миссисипи будет то же, что и в Азии. Одна маленькая крыса и...— Титанцы совершенно не заботились о санитарии. И, видимо, с тех пор, как они отбросили маскарад, на территории от канадской границы до Нью-Орлеана не мылся ни один человек. Вши... Блохи...— Если мы не найдем выхода, мож-

но с таким же успехом закидать их бомбами. Смерть, по крайней мере, будет не так мучительна.

— Да, пожалуй,— вздохнул Старик.— Может быть, это наилучшее решение. Может быть, единственное. Но ты же сам понимаешь, что мы этого не сделаем. Пока остается хотя бы малейший шанс, мы будем искать выход.

Я задумался. Гонка со временем обрела еще один аспект. Неужели титанцы настолько глупы, что не в состоянии уберечь своих рабов? Может быть, именно по этой причине они вынуждены перебираться с планеты на планету? Потому что портят все, к чему прикоснутся? Потому что со временем их носители вымирают и им нужны новые?

Теории, одни теории. Но ясно одно: если мы не найдем способ уничтожить паразитов, в красной зоне разразится чума, причем очень скоро. Я, наконец, собрался с духом и решил, что обязательно пойду на следующий сеанс «просеивания памяти». Если в воспоминаниях Мэри есть что-то такое, что поможет справиться с паразитами, возможно, мне удастся разглядеть это там, где пропустили другие. Понравится это Старику со Стилтоном или нет, но я буду там. В конце концов, мне надоело, что со мной обращаются не то как с принцем-консортом, не то как с нежеланным ребенком.

30

Нас с Мэри поселили в комнатушку, предназначенную для одного офицера. Тесно там было, как на «шведском» столе, заставленном тарелками, но мы не жаловались. На следующее утро я проснулся первым и по привычке проверил, не подобрался ли к ней паразит. Пока я проверял, она открыла глаза и сонно улыбнулась.

— Спи-спи,— прошептал я.

— Я уже проснулась.

— Мэри, ты случайно не знаешь, какой у бубонной чумы инкубационный период?

— А должна?.. Слушай, у тебя один глаз чуть темнее другого.

Я ее слегка встряхнул.

— Я серьезно, женщина. Вчера вечером я был в лабораторной библиотеке и кое-что посчитал. По моим прикидкам, паразиты напали на Россию, по крайней мере, на три месяца раньше, чем на нас.

— Да, я знаю.

— Знаешь? А почему ты ничего не говорила?

— Никто не спрашивал.

— А, черт! Давай вставать. Я проголодался.

Перед выходом я спросил:

— «Вопросы и ответы» в обычное время?

— Да.

— Мэри, а почему ты никогда не рассказываешь, о чем они спрашивают?

— Я просто этого не помню,— удивленно сказала она.

— Так я и подумал. Глубокий транс, а потом приказание забыть, да?

— Видимо.

— Хм-м... пора внести в это дело кое-какие коррективы. Сегодня я иду с тобой.

— Хорошо, дорогой,— только и сказала она.

Вся команда, как обычно, собралась в кабинете доктора Стилтона: Старик, сам Стилтон, начальник штаба полковник Гибси, какой-то подполковник и целая орава техников — сержантов, помощников и прочей обслуги. Недаром говорят, что без десятка солдат генерал даже высморкаться не сумеет.

Увидев, что Мэри не одна, Старик удивленно поднял брови, но промолчал. Однако сержант в дверях попытался меня остановить.

— Доброе утро, миссис Нивенс,— сказал он Мэри, затем добавил, обращаясь ко мне: — А вас у меня в списке нет.

— Я себя сам туда включил,— громко объявил я и пролез мимо него.

Полковник Гибси бросил на меня сердитый взгляд, повернулся к Старику и забурчал что-то типа «какого-дьявола-кто-это-такой». Остальные следили за происходящим с застывши-

ми лицами, и только одна девица-сержант не сумела сдержать улыбку.

— Минутку, полковник,— Старик доковылял до меня и так, чтобы только мне было слышно, сказал: — Ты же мне обещал, сынок.

— Я забираю свое обещание. Ты не имел права требовать от меня обещаний, касающихся моей жены.

— Но тебе здесь нечего делать. У тебя нет никакого опыта в подобных делах. Хотя бы ради Мэри, оставь нас.

До этой минуты мне и в голову не приходило оспаривать право Старика присутствовать на сеансе, но неожиданно для себя я заявил:

— Это тебе здесь нечего делать. Ты не психоаналитик, так что давай убирайся.

Старик бросил взгляд на Мэри, но на ее лице не отражалось никаких чувств.

— Ты что, сынок, сырого мяса объелся? — тихо спросил он.

— Опыты проводят на моей жене, и отныне я буду устанавливать здесь правила,— сказал я.

Тут в разговор вмешался полковник Гибси:

— Молодой человек, вы в своем уме?

— А вы что здесь делаете? — Я взглянул на его руки.— Если не ошибаюсь, на вашем перстне монограмма военно-морской разведки. Есть у вас какие-то основания здесь находиться? Вы что, врач? Или психолог?

Гибси выпрямился и расправил плечи.

— Похоже, вы забываете, что это военный объект.

— А вы, похоже, забываете, что ни я, ни моя жена не служим в армии! Пойдем, Мэри. Мы уходим.

— Да, Сэм.

Я обернулся к Старику и добавил:

— Мы сообщим в Отдел, куда переслать нашу корреспонденцию.

Затем направился к двери. Мэри последовала за мной.

— Подожди! — сказал Старик.— В порядке личного одолжения, хорошо?

Я остановился, и он подошел к Гибси.

— Полковник, можно вас на минутку? Я бы хотел переговорить с вами наедине.

Полковник Гибси бросил на меня «трибунальный» взгляд, но вышел вместе со Стариком. Все ждали. Сержантский состав сохранял каменные физиономии, подполковник немного нервничал, а маленькую девицу с сержантской повязкой буквально распирало от смеха. Только Стилтон ничуть не волновался. Он достал бумаги из «входящей» корзины и спокойно принялся за работу.

Минут десять или пятнадцать спустя появился еще один сержант.

— Доктор Стилтон, командир распорядился, чтобы вы начинали работу.

— Отлично,— откликнулся тот, посмотрел на меня и сказал: — Прошу в операционную.

— Стоп! Не так быстро,— остановил я его.— Кто все эти люди? Вот он, например.— Я показал на подполковника.

— А? Это доктор Хазелхерст. Два года на Венере.

— О'кей, он остается.— Тут мне на глаза попалась смешливая девица.— Эй, сестренка, что у тебя тут за обязанности?

— У меня-то? Да я вроде как присматриваю...

— Ладно, этим теперь займусь я. Доктор, может быть, вы сами решите, кто тут нужен, а кто нет?

— Хорошо, сэр.

Оказалось, что, кроме подполковника Хазелхерста, ему на самом деле никто не нужен, и мы двинулись в операционную — Мэри, я и двое специалистов.

В «операционной» стояла обычная кушетка, какие можно встретить в кабинете любого психиатра, и несколько кресел. С потолка глядело двойное рыло стереокамеры. Мэри подошла к кушетке и легла. Доктор Стилтон достал впрыскиватель.

— Попробуем начать с того места, где мы остановились в прошлый раз, миссис Нивенс.

— Стойте,— сказал я.— У вас есть записи предыдущих сеансов?

— Разумеется.

— Давайте сначала прокрутим их. Я хочу знать, что вы уже успели.

Он несколько секунд думал, потом сказал:

— Хорошо. Миссис Нивенс, может быть, вы подождете в моем кабинете? Я позову вас позже.

Возможно, во мне еще бродил дух противоречия: после победы над Стариком я здорово завелся.

— Давайте все-таки узнаем, хочет ли она уходить,— сказал я.

Стилтон удивленно вскинул брови.

— Вы просто не понимаете, о чем говорите. Эти записи могут нарушить эмоциональное равновесие вашей жены, даже нанести вред ее психике.

— Подобная терапия вызывает у меня серьезные сомнения, молодой человек,— добавил Хазелхерст.

— Терапия здесь ни при чем, и вы прекрасно это понимаете,— отрезал я.— Если бы вашей целью была терапия, вы использовали бы не наркотики, а метод эйдетической гипнорепродукции.

— Но у нас нет времени,— озабоченно сказал Стилтон.— Ради быстрого получения результатов приходится применять грубые методы. Боюсь, я не могу разрешить объекту видеть эти записи.

— Я с вами согласен, доктор,— снова вставил Хазелхерст.

— А вас, черт побери, никто не спрашивает! — взорвался я.— И нет у вас никакого права разрешать ей или не разрешать. Записи надерганы из мозга моей жены, и они принадлежат ей. Мне надоело смотреть, как вы разыгрываете из себя господа Бога. Я ненавижу эти замашки у паразитов, и точно так же ненавижу их у людей. Она сама за себя решит. А теперь потрудитесь узнать ее мнение.

— Миссис Нивенс, вы хотите увидеть записи? — спросил Стилтон.

— Да, доктор,— ответила Мэри.— Очень.

Он явно удивился.

— Э-э-э... как скажете. Вы будете смотреть их одна?

— Вместе с мужем. Вы и доктор Хазелхерст можете остаться, если хотите.

Они, разумеется, остались. В операционную принесли стопку кассет, каждая с наклейкой, где значились дата записи и возраст объекта. Чтобы просмотреть их все, нам потребовалось бы

несколько часов, поэтому я сразу отложил в сторону те, что относились к жизни Мэри после 1991 года: они вряд ли могли помочь.

Первые кассеты относились к раннему детству. В начале каждой записи шло изображение объекта — Мэри. Она стонала, ворочалась и едва не задыхалась, как всегда случается с людьми, которых вынуждают возвращаться к неприятным и нежеланным воспоминаниям. И только после этого разворачивалась реконструкция событий — ее голосом и голосами других людей. Больше всего меня поразило лицо Мэри — я имею в виду, на стереоэкране. Мы увеличили изображение, так что оно придвинулось почти вплотную к нам, и могли следить за мельчайшими изменениями в выражении лица.

Сначала Мэри превратилась в маленькую девочку. Нет, черты лица остались прежними, взрослыми, но я знал, что вижу жену именно такой, какой она выглядела в детстве. Мне сразу подумалось, как хорошо будет, если у нас тоже родится девочка.

Затем выражение ее лица менялось — это начинали говорить другие люди, чьи слова сохранились у нее в памяти. Мы словно смотрели на невероятно талантливого актера, играющего подряд сразу несколько ролей.

Мэри воспринимала записи достаточно спокойно, только незаметно для других сунула свою руку в мою. Когда мы добрались до тех жутких кассет, где ее родители превратились в рабов титанцев, она сжала мои пальцы, но больше никак себя не выдала.

Я отложил в сторону кассеты с надписью «Период анабиотического сна», и мы перешли к следующей группе — от ее пробуждения до спасения на болотах.

Сразу стало ясно, что паразит оседлал ее, едва Мэри пришла в себя после анабиоза. Мертвое выражение лица — это титанец, которому незачем притворяться. Последние передачи из красной зоны были полны таких кадров. А скудность воспоминаний за этот период лишь подтверждала, что Мэри находилась во власти паразита.

Затем, совершенно неожиданно, паразит исчез, и она вновь стала маленькой девочкой, больной и испуганной. Сохранивши-

еся в памяти мысли путались и расплывались, но потом возник новый голос, громкий и чистый:

— Чтоб я сдох, Пит! Здесь маленькая девчонка!

Еще один голос:

— Живая?

И снова первый:

— Не знаю.

Дальше на пленке шли воспоминания о Кайзервиле, ее выздоровление и много других голосов и мыслей.

— Я хотел предложить вам прокрутить еще одну запись из того же периода,— сказал доктор Стилтон, вынимая кассету из проектора.— Они все немного отличаются друг от друга, а период для нас ключевой.

— Почему, доктор? — поинтересовалась Мэри.

— А? Нет, если не хотите, можем, конечно, не смотреть, но именно этот период мы сейчас исследуем. Нам нужно восстановить события и понять, что же случилось с паразитами, почему они умерли. Если мы сумеем узнать, что за болезнь убила титанца, который... э-э-э... управлял вами,— убила титанца, но пощадила вас — тогда нам, возможно, удастся найти оружие против паразитов.

— А вы не знаете? — удивленно спросила Мэри.

— Что? Нет еще, но узнаем. Человеческая память хранит на удивление подробные воспоминания.

— Но я думала, вы уже знаете. Это «девятидневная лихорадка».

— *Что?* — Хазелхерст выскочил из кресла.

— Вы разве не поняли по моему лицу? Это очень характерная деталь — я имею в виду «маску». Там, до... в смысле, в Кайзервиле мне случалось ухаживать за больными «девятидневной лихорадкой», потому что я уже переболела и у меня был иммунитет.

— Что вы на это скажете, доктор? — спросил Стилтон.— Вам приходилось видеть таких больных?

— Больных? Нет. Ко времени второй экспедиции уже появилась вакцина. Но я, разумеется, знаком с клиническими характеристиками.

— А можете вы сделать вывод на основе этих записей?

— Хм-м-м...— Хазелхерст осторожничал.— Я бы сказал, что увиденное совпадает с этой версией, но не доказывает ее.

— Какая еще версия? — резко спросила Мэри.— Я же сказала, что это «девятидневная лихорадка».

— Мы должны быть уверены на все сто процентов,— извиняющимся тоном произнес Стилтон.

— А какие еще доказательства вам нужны? У меня нет на этот счет никаких сомнений. Мне сказали, что, когда Пит и Фриско меня нашли, я была больна. А после я ухаживала за другими больными, но ни разу не заразилась. Я помню их лица перед смертью — точь-в-точь как мое на пленке. Любой, кто хоть однажды видел больного «девятидневной лихорадкой», ни с чем другим эту болезнь не спутает. Что еще вам нужно? Огненные письмена в небе?

За исключением одного раза я никогда не видел Мэри такой рассерженной и сказал про себя: «Так, джентльмены, полегче, а то она вам сейчас задаст!»

— Хорошо, я думаю, вы свою точку зрения доказали вполне убедительно. Но объясните, пожалуйста: мы считали, что у вас нет сознательных воспоминаний об этом периоде жизни, и моя проверка это подтвердила, а теперь вы говорите так, словно все помните.

— Да, теперь помню,— произнесла Мэри несколько озадаченно.— И очень отчетливо. Я не думала об этом долгие годы.

— Кажется, я понимаю.— Стилтон повернулся к Хазелхерсту.— Ну, доктор? У вас есть культура «девятидневной лихорадки»? Ваши люди с ней уже работали?

Хазелхерст смотрел на нас такими глазами, будто его только что двинули по голове.

— Работали?! Нет, конечно! Это исключено! «Девятидневная лихорадка»... С таким же успехом мы можем применять полиомиелит или тиф. Все равно что заусенец рубить топором!

Я тронул Мэри за руку.

— Пойдем, дорогая. Кажется, мы уже испортили им все, что можно.

Она дрожала, и в глазах у нее стояли слезы. Я повел ее сразу в кают-компанию и применил свое лекарство — неразбавленное.

Позже я уложил Мэри вздремнуть, присел рядом и дождался, когда она заснет. Затем отыскал отца в выделенном ему кабинете.

— Привет!

Он бросил на меня задумчивый взгляд.

— Я слышал, Элихью, ты нашел-таки «горшок с золотом».

— Пусть лучше будет «Сэм»,— ответил я.

— Что ж, хорошо, Сэм. Победителей не судят. Однако горшок оказался до обидного мал. «Девятидневная лихорадка»... Не удивительно, что вся колония вымерла вместе с паразитами. Видимо, мы не сможем воспользоваться этим открытием. Нельзя рассчитывать на то, что все обладают столь же неукротимой волей к жизни, как Мэри.

Я все понимал. При «девятидневной лихорадке» смертность среди невакцинированных землян составляет девяносто восемь с лишним процентов. Среди вакцинированных — ноль, но к нашей ситуации это не относилось.

Нам нужна была болезнь, от которой помирали бы паразиты, а не люди.

— Видимо, это и не имеет значения,— заметил я.— Месяца через полтора в долине Миссисипи наверняка начнется эпидемия тифа или чумы — может быть, и то, и другое сразу.

— Если только паразиты не извлекут урок из положения в Азии и не введут жесткие санитарные меры,— ответил Старик.

Эта мысль настолько меня поразила, что я едва не пропустил мимо ушей его следующую фразу:

— Однако, Сэм, придется тебе разработать план получше.

— *Мне?* Я всего лишь рядовой сотрудник Отдела.

— Был. Теперь ты его возглавляешь.

— Что за чертовщина? О чем ты говоришь? Я ничего не возглавляю, да и не хочу. У меня уже есть босс — ты.

— Босс — это человек, которому дано руководить. Звания и знаки отличия приходят позже. Как ты полагаешь, Олдфилд мог бы меня заменить?

Я покачал головой. Первый заместитель Старика был, скорее, кабинетным руководителем. Он отлично справлялся с задачами,

которые на него возлагались, но на «мыслителя» и стратега не тянул.

— Я никогда не продвигал тебя по службе,— продолжал Старик,— потому что был уверен: придет время, и ты сам себя продвинешь. Что и произошло. Ты не принял мое мнение по важному вопросу, навязал мне свою волю и оказался прав.

— О боже, чушь какая! Я просто уперся и заставил вас один раз поступить по-моему. Почему-то вам, умникам, так и не пришло в голову задать свои вопросы единственному настоящему эксперту по Венере, имеющемуся в вашем распоряжении — я имею в виду Мэри. Но я вовсе не ожидал найти какие-то ответы. Это просто удача.

Старик задумчиво покачал головой.

— Я не верю в удачу, Сэм. «Удача» — это ярлык, который посредственность наклеивает на достижения гениев.

Я оперся руками о стол и наклонился к Старику.

— О'кей, пусть я гений, но в эту телегу ты меня не запряжешь. Когда все это кончится, мы с Мэри отправляемся в горы растить детишек и котят. Я не собираюсь всю жизнь распекать чокнутых агентов.

Он только сдержанно улыбнулся, и я добавил:

— Пропади она пропадом, такая работа!

— То же самое сказал богу дьявол, когда занял его место. Не принимай это близко к сердцу, Сэм. До поры до времени я останусь в своем кресле. Но хотел бы знать, каковы ваши планы, сэр.

31

Хуже всего было то, что он говорил это всерьез. Я пытался уйти в тень, но ничего не вышло. После полудня все руководство базы и ведущие специалисты собрались на совещание. Меня тоже известили, но я не пошел. Спустя какое-то время в дверях появилась миниатюрная девушка-сержант и вежливо сообщила, что командир ждет. Не могу ли я, мол, поторопиться?

Делать нечего, явился. Но старался не влезать ни в какие дискуссии. Однако отец обладает способностью вести заседания по своему плану, даже если ему не предложили председательствовать; делает он это, пристально глядя на того, чье мнение хотел бы услышать. Очень тонкое умение, поскольку собравшиеся и не подозревают, что их «ведут».

Но я-то его знал. А когда на тебя смотрят все, гораздо легче высказать свое мнение, чем промолчать. Тем более, что у меня было свое мнение.

В основном, собравшиеся стонали и жаловались по поводу того, что нет никакой возможности использовать «девятидневную лихорадку». Да, конечно, она убивает титанцев. Она даже венерианцев убивает, хотя их можно надвое разрубить, и ничего им не делается. Но это верная смерть и для людей. Почти для всех. Моя жена выжила, но для подавляющего большинства исход может быть только один. Семь, максимум десять дней после инфицирования, и конец.

— Вы что-то хотите сказать, мистер Нивенс? — обратился ко мне командующий базой генерал.

Сам я не вызывался, но отец смотрел только на меня и ждал.

— Мне кажется,— начал я,— здесь слишком много говорилось о нашем отчаянном положении, и слишком много прозвучало оценок, основанных только на предположениях. Возможно, на неверных предположениях.

— Например?

Готового примера у меня не было; я, что называется, стрелял с бедра.

— М-м-м... Вот, скажем, все говорят о «девятидневной лихорадке» так, будто эти девять дней — абсолютно неизменная характеристика болезни. Что не соответствует истине.

Генерал нетерпеливо пожал плечами.

— Но это просто удобное наименование. По статистике, болезнь протекает в среднем девять дней.

— Да, но откуда вы знаете, что она длится девять дней для паразита?

По ответному ропоту я понял, что опять попал в точку. Мне предложили объяснить, почему я считаю, что лихорадка протекает у паразитов быстрее, и какое это имеет значение.

— Что касается первой части вопроса,— начал я,— то в одном только известном нам случае паразит действительно умер раньше, чем истекли девять дней. Намного раньше. Те из вас, кто видел записи воспоминаний моей жены — а на мой взгляд, их видело уже слишком много специалистов — знают, что паразит оставил ее — предположительно, отвалился и сдох — задолго до кризиса, обычно случающегося на восьмой день. Если эксперименты это подтвердят, тогда проблема предстает в совершенно ином свете. Человек, зараженный «девятидневной лихорадкой», может избавиться от паразита, допустим, на четвертый день. У вас остается пять дней, чтобы отловить его и вылечить.

Генерал присвистнул.

— Это довольно рискованный метод, мистер Нивенс. Как вы, например, предлагаете лечить их? Или «отлавливать»? Допустим, мы распространили в красной зоне эпидемию, но после этого потребуются невероятно быстрые действия — кстати, встречающие активное сопротивление,— чтобы разыскать и вылечить пятьдесят миллионов человек, прежде чем они умрут.

Я тут же отшвырнул «горячую картофелину» назад. Наверно, не один «эксперт» сделал себе имя подобным маневром.

— Вторая часть вопроса — это задача для специалистов по тактике и материально-техническому обеспечению, ваша задача. А что касается первой, то вот ваш эксперт.— Я указал на доктора Хазелхерста.

Тот пыхтел, сопел — в общем, я понимал, каково ему быть в центре внимания. Недостаток опыта... необходимость дальнейших исследований... дополнительные эксперименты... Хазелхерст вспомнил, что в свое время велись разработки антитоксина. Однако вакцина оказалась настолько результативной, что он даже не был уверен, доведена ли работа до конца. В заключение Хазелхерст заявил, что изучение венерианских болезней находится пока в зачаточном состоянии.

Генерал перебил его вопросом:

— Насчет этого антитоксина — когда вы сможете узнать точно?

Хазелхерст ответил, что ему нужно позвонить в Сорбонну.

— Звоните. Прямо сейчас,— приказал генерал.— Можете идти.

На следующее утро, еще до завтрака, Хазелхерст появился у нашей двери. Я вышел в коридор.

— Извините, что разбудил вас,— сказал он,— но вы оказались правы насчет антитоксина.

— В смысле?

— Мне уже выслали партию из Парижа. Груз прибудет с минуты на минуту. Надеюсь, антитоксин еще действует.

— А если нет?

— Ну, у нас есть средства, чтобы изготовить еще. В любом случае, придется, если этот дикий план будет запущен — миллионы ампул.

— Спасибо, что сообщили,— сказал я и уже собрался идти в комнату.

— Э-э-э... мистер Нивенс. Есть еще вопрос переносчиков...

— Переносчиков?

— Да, переносчиков инфекции. Мы не можем использовать крыс, мышей и прочих. Вы в курсе, как передается болезнь на Венере? Маленькими летающими коловратками — я имею в виду венерианский эквивалент этого насекомого. Здесь таких нет, а это единственный способ распространить инфекцию.

— Вы хотите сказать, что при всем желании не можете меня заразить?

— Нет, почему же. Я могу ввести вам вирус в кровь. Но мне трудно себе представить, как миллион парашютистов высаживаются в красной зоне и просят людей с паразитами на спине не дергаться, пока им не сделают уколы.— Он беспомощно развел руками.

У меня в голове начал складываться план. Миллион парашютистов, разом...

— А почему вы обращаетесь ко мне? — спросил я.— Это, скорее, по части медиков или биологов.

— Да, конечно. Я просто подумал... Вам как-то легко удается...

— Спасибо.— Мой мозг пытался решить сразу две задачи одновременно, но получалось что-то вроде автомобильного затора.

Сколько, интересно, всего людей в красной зоне? — Скажите-ка мне вот что: допустим, у вас лихорадка. Вы не можете меня заразить?

В высадке не могут участвовать медики: их просто столько нет...

— *Это будет нелегко. Если я возьму у себя со слизистой оболочки мазок, и он попадет вам в горло, тогда вы, видимо, заболеете.* При переливании крови от меня к вам, заболеете наверняка.

— Значит, нужен непосредственный контакт, да? — Сколько человек сможет обработать один парашютист с антитоксином? Двадцать? Тридцать? Или больше? — Если этого достаточно, тогда у вас нет никаких проблем.

— Как это?

— А что прежде всего делает паразит, встречаясь с другим, которого он последнее время не видел?

— *Коньюгации!*

— Я всегда называл это «прямые переговоры», но я пользовался неточным термином, который употребляли паразиты. Вы полагаете, болезнь можно передать таким образом?

— Полагаю? Я в этом абсолютно уверен! Мы уже доказывали — здесь, в лаборатории,— что при конъюгации происходит обмен белками. Тут уже никто не избежит инфицирования. Мы сможем заразить всю колонию, как одного человека. И как я сам до этого не додумался?

— Вы не очень-то пока настраивайтесь на победу,— сказал я.— Хотя лично я думаю, что этот трюк сработает.

— Сработает! Еще как сработает! — Он собрался бежать, но остановился.— Э-э-э... мистер Нивенс, вы не станете возражать... Я знаю, что это слишком большая услуга...

— Что такое? Выкладывайте.— Мне не терпелось вернуться к решению второй проблемы.

— Вы позволите мне объявить об этом методе распространения болезни? Разумеется, приоритет открытия останется за вами, но генерал очень на меня рассчитывает, а это как раз то, что необходимо мне, чтобы закончить отчет.

Так ему было невтерпеж, что я чуть не рассмеялся.

— Ради бога. В конце концов, это ваша кухня.

— Вы чрезвычайно любезны. Постараюсь не остаться в долгу.

Хазелхерст отправился к себе счастливым человеком. Я тоже. Приятно, когда тебя считают гением — я начал входить во вкус.

Остановившись в коридоре, я продумал основные моменты большого десанта и только после этого вернулся в комнату. Мэри открыла глаза и одарила меня своей райской улыбкой. Я протянул руку и пригладил ее волосы.

— Привет, рыжик. Ты знаешь, что у тебя муж — гений?

— Да.

— Знаешь? Ты никогда мне этого не говорила.

— А ты никогда не спрашивал.

В своем докладе Хазелхерст назвал способ распространения инфекции «вектором Нивенса». Сразу после него меня попросили высказать свои соображения.

— Я согласен с доктором Хазелхерстом,— начал я,— хотя здесь требуется экспериментальное подтверждение. Однако он не остановился на некоторых аспектах проблемы, которые носят не медицинский, а, скорее, тактический характер. Такой важный аспект, как задержка перед высадкой десанта с антитоксином — можно даже сказать, краеугольный аспект...— Речь я продумал за завтраком, вплоть до драматических пауз; у Мэри, к счастью, нет привычки болтать с утра во время еды.— ...требует начала распространения инфекции сразу во многих точках. Если мы хотим спасти сто процентов населения красной зоны, необходимо, чтобы все паразиты были заражены почти одновременно. Тогда спасательные бригады смогут высадиться в красной зоне *после* того, как паразиты перестанут представлять опасность, но *до* того, как носители пройдут кризисный срок, после которого антитоксин уже бесполезен. Проблема легко поддается математическому анализу...— Сэм, сказал я при этом себе, старый ты шарлатан, тебе самому с такой задачей даже с электронным интегратором за двадцать лет не справиться.— ...и ее следует передать для решения вашему аналитическому отделу. Однако я позволю себе обрисовать проблему хотя бы в общих чертах. Количество векторов обозначим «X», а количество спасателей — «Y». Существует бесконечное число решений этой задачи, но оптимальное решение зависит от возможностей материально-технического обеспечения.

Я уже говорил, что здесь необходим точный математический расчет, но, основываясь на собственном, к сожалению, слишком близком знакомстве с их привычками...— Цифры я, как мог, прикинул на логарифмической линейке, но им, разумеется, этого не сказал.— ...полагаю, что нам понадобится...

Все затаили дыхание. Когда я дал для «Х» слишком низкую оценку, генерал меня перебил:

— Мистер Нивенс, можете не сомневаться, добровольцев будет столько, сколько нужно.

Я покачал головой.

— Добровольцев тут использовать нельзя, генерал.

— Да, я вас понимаю. Болезнь должна укрепиться в организме, и у добровольцев останется слишком мало времени, чтобы подействовало противоядие. Но эта проблема решается очень просто. Им можно имплантировать желатиновую капсулу с антитоксином или еще что-то. Тут наши люди справятся.

Сделать все это, конечно, несложно, но я возражал против добровольцев по другой причине — отвратительной казалась сама мысль, что этим людям придется подчиняться паразитам.

— Как бы там ни было, использовать добровольцев нельзя. Паразит узнает все, что знает его носитель, и просто не пойдет на прямые переговоры. Он предупредит остальных голосом. Нет, нам придется использовать животных — обезьян, собак, любых животных, которые способны унести паразита, но не могут ничего рассказать. И их должно быть достаточно, чтобы заразить всю опасную зону, прежде чем хотя бы один паразит поймет, что болен.

Затем я вкратце высказал свои соображения по операции «Милосердие».

— Первый этап, операцию «Лихорадка», можно начинать, как только у нас будет достаточно антитоксина. И через неделю после этого на континенте не должно остаться ни одного паразита.

Никто не аплодировал, но атмосфера очень напоминала атмосферу театрального зала после премьеры. Генерал отправился переговорить с маршалом Рекстоном, а после прислал своего помощника с приглашением на ленч. Я ответил согласием, но при условии, что приглашение распространяется и на жену.

Когда все вышли, отец подождал меня снаружи.

— Ну, как я выступил? — спросил я, стараясь не показывать, что волнуюсь, хотя, кажется, мне это не очень удалось.

Он затряс головой.

— Сэм, ты их наповал сразил. Тебя пора по стерео показывать.

Меня распирало от удовольствия. За всю речь я ни разу не замялся и вообще чувствовал себя теперь совершенно новым человеком.

32

Шимпанзе, за которого я так переживал в Национальном зоопарке — Сатана,— полностью оправдал свою кличку, едва его освободили от паразита. Отец вызвался добровольцем для проверки «теории Нивенса-Хазелхерста», но я уперся, и короткая спичка досталась Сатане. Ни сыновьи чувства, ни их фрейдистская противоположность тут ни при чем, я просто боялся комбинации Старик-плюс-паразит. Мне не хотелось, чтобы он оказался на их стороне даже в лабораторных условиях — слишком уж Старик хитер и изворотлив. Люди, которые не испытали на себе власть паразитов, не в состоянии понять, насколько враждебно относятся к нам, свободным людям, носители — и при этом сохраняют все свои способности.

Короче, для опытов использовали обезьян. В наше распоряжение передали не только питомцев Национального зоопарка, но и множество других — из зоопарков поменьше и нескольких цирков. Сатану инфицировали «девятидневной лихорадкой» в среду, двенадцатого числа. К пятнице он уже заболел, и к нему в клетку поместили другого шимпанзе с паразитом. Титанцы тут же соединились для «прямых переговоров», после чего вторую обезьяну снова посадили отдельно.

В субботу шестнадцатого паразит Сатаны съежился и отвалился. Шимпанзе сразу ввели антитоксин. В понедельник сдох второй паразит, и его носитель получил свою дозу препарата.

К среде Сатана практически выздоровел, хотя и заметно похудел. Вторая обезьяна, Лорд Фаунтлерой, тоже поправлялась. На радостях я дал Сатане банан, и он откусил мне первый сустав на указательном пальце. Обидно, тем более, что времени для регенерации не было. Впрочем, я сам виноват: у Сатаны действительно мерзкий характер.

Однако даже это не испортило мне настроения. Я обработал и забинтовал палец, затем бросился искать Мэри. Не нашел и, в конце концов, отправился в кают-компанию: думал, найду кого-нибудь, с кем можно будет отпраздновать.

Но там никого не оказалось. Все работали в лабораториях, готовились к началу операций «Лихорадка» и «Милосердие». Распоряжением Президента все приготовления велись только на одной этой базе в горах. Обезьян для распространения инфекции — более двухсот — тоже доставили на базу; здесь же «колдовали» над культурой болезнетворных микроорганизмов и антитоксином. Даже пункт для получения иммунной сыворотки разместили в подземном зале, где раньше сотрудники базы играли в гандбол.

Миллион с лишним человек для операции «Милосердие», конечно же, там разместиться не могли, но они и не должны были ничего знать до сигнала тревоги перед началом операции, когда каждому из них выдадут пистолет и патронташ с индивидуальными впрыскивателями антитоксина. Тем, кто ни разу не прыгал с парашютом, поможет преодолеть страх сержант — если будет необходимо, пинком. Делалось все возможное, чтобы сохранить подготовку в тайне; мы могли и проиграть, если только титанцы узнают о наших планах — от предателя или еще както. Слишком много хороших замыслов проваливалось в прошлом потому лишь, что какой-нибудь идиот выбалтывал их жене.

Если бы титанцам стал известен наш план, зараженных обезьян просто перестреляли бы сразу после высадки в красной зоне. Однако за рюмкой виски я позволил себе немного расслабиться. Меня не покидало радостное чувство, и я почти не сомневался, что нам удастся сохранить подготовку в тайне. Все, кто прилетел на базу, должны были оставаться там до самой высадки де-

санта, а любое общение с внешним миром полностью контролировал полковник Келли.

Что касается утечки информации за пределами базы, то это практически исключалось. Неделей раньше генерал, отец, полковник Гибси и я побывали в Белом доме. Старик долго скандалил, но своего все-таки добился: в конце концов, о плане не сообщили даже шефу службы безопасности Мартинесу. Если Президент или Рекстон не разговаривают во сне, то все должно быть в порядке. Нужно продержаться только неделю.

Хотя и неделя — срок достаточно большой. Красная зона неумолимо расползалась. После сражения у Пасс-Кристиана паразиты перешли в наступление. Теперь граница красной зоны на побережье Мексиканского залива проходила к востоку от Пенсаколы, и похоже было, они на этом не остановятся. А может быть, им надоест преодолевать наше сопротивление, и они решат «истратить» потенциальных носителей, просто забросав наши города атомными бомбами. Радарные службы, конечно, сообщат об угрозе заранее, но они не смогут остановить массированное нападение.

Однако я старался не думать о плохом. Ждать оставалось всего неделю...

В кают-компанию вошел полковник Келли и сел рядом.

— Выпить не хотите? — спросил я.— Есть повод.

Он посмотрел на свой огромный живот и сказал:

— Ладно, я думаю, от одного пива мне хуже не станет.

— Берите два. Или сразу дюжину! — Я заказал для него пива и рассказал об успешном эксперименте с обезьянами.

Келли кивнул.

— Да, я знаю. Неплохо.

— Всего лишь «неплохо»? Да мы уже на полпути к успеху! Через неделю мы победим!

— И что?

— Как «что»? — Я даже немного разозлился.— Вы сможете одеться и вообще вернуться к нормальной жизни. Или вы думаете, что наш план провалится?

— Нет, отчего же? Операция, я думаю, пройдет успешно.

— Тогда почему такой траур?

— *Мистер Нивенс, вы сами, очевидно, понимаете, что с таким пузом, как у меня, не очень-то приятно расхаживать голышом.*

— Видимо, да. Но сам я привык, и будет даже жаль, если все станет как прежде. Удобно, да и время экономится.

— Не беспокойтесь, не станет. Ничего уже не изменится.

— Что-то я вас не понимаю. Минуту назад вы сказали, что наш план сработает, а теперь утверждаете, что режим «Загар» останется в силе навсегда.

— С некоторыми изменениями, но останется.

— Как это? Я сегодня не очень хорошо соображаю.

Он выбил на клавиатуре еще одно пиво.

— Мистер Нивенс, я никогда не думал, что мне доведется увидеть, как военный комплекс превращается в лагерь нудистов. А увидев, я уже не жду, что все станет на свои места. Потому что это невозможно. Ящик Пандоры открывается только в одну сторону. И вся королевская конница, и вся королевская рать...*

— Согласен,— ответил я.— В жизни ничего не проходит бесследно, и ничего не становится, как было. Но, по-моему, вы преувеличиваете. Едва Президент отменит режим «Загар», законы о появлении в общественных местах в непристойном виде снова войдут в силу, и человека без штанов, скорее всего, арестуют.

— Надеюсь, этого не произойдет.

— Ха! Вам все-таки нужно решить, чего вам хочется больше.

— А все уже решено за меня. Мистер Нивенс, до тех пор, пока существует опасение, что на Земле остался хотя бы один паразит, нормальный человек должен быть готов оголить тело по первому же требованию. Иначе его могут просто пристрелить. Не только на этой неделе или на следующей, а двадцать лет спустя и, может быть, сто. Нет, я не сомневаюсь в успехе операции, однако вы были слишком заняты, чтобы заметить: это меры сугубо локальные и временные. Как, например, быть с амазонскими джунглями? Вы, случайно, не собираетесь их прочесывать? Но это так, риторические вопросы. На планете около шестидесяти миллионов квадратных миль суши. Этой работе конца не видно.

Черт, мы даже с крысами не добились хоть сколько-нибудь заметных результатов, а люди их бьют с незапамятных времен.

— Хотите сказать, что мы затеяли безнадежное дело? — спросил я.

— Безнадежное? Нет, почему же. Закажите себе еще. Я просто пытаюсь убедить вас, что нам предстоит научиться жить с этим кошмаром — так же, как мы научились жить при атомной бомбе.

33

Все собрались в том же президентском конференц-зале Белого дома, и мне сразу вспомнилась ночь после обращения Президента к нации. Присутствовали отец, Мэри, Рекстон, Мартинес, а также генерал из лаборатории, доктор Хазелхерст и полковник Гибси. Все следили за электронной картой на стене; прошло уже четыре с половиной дня от начала операции «Лихорадка», но долина Миссисипи по-прежнему светилась рубиновыми огнями.

Я немного нервничал, хотя в целом заброска обезьян прошла успешно, и мы потеряли только три десантные машины. По расчетам, каждый паразит, за исключением тех, может быть, которым по каким-то причинам не довелось за это время вступить в прямые переговоры, должен был заразиться три дня назад, причем двадцать три процента из них от двух и более векторов. Операция планировалась таким образом, чтобы охватить около восьмидесяти процентов титанцев в первые двенадцать часов — в основном, в городах.

Скоро, очень скоро паразиты начнут дохнуть даже быстрее, чем мухи. Если только мы нигде не ошиблись.

Усилием воли я заставил себя сидеть на месте, но мысли сами возвращались к карте. Что там за этими рубиновыми огнями? Несколько миллионов мертвых паразитов или всего две сотни мертвых обезьян? Вдруг кто-то напутал в расчетах? Сболтнул лишнего? Или мы допустили в своих рассуждениях ошибку столь глобальную, что до сих пор этого не понимаем?

Неожиданно на красном поле вспыхнул зеленый огонек. Все встрепенулись. Из динамиков стереовизора пошла речь, хотя изображение так и не появилось.

— Говорит станция Дикси, Литл-Рок,— донесся до нас очень усталый голос; говорил явно южанин.— Нам срочно нужна помощь. Все, кто нас слышит, пожалуйста, передайте это сообщение дальше: в Литл-Роке, штат Арканзас, разразилась ужасная эпидемия. Необходимо поставить в известность Красный Крест. Мы были в руках...— Голос растаял — или от слабости, или что-то случилось со связью.

Я наконец вспомнил, что надо дышать. Мэри тронула меня за руку, и я откинулся на спинку кресла, чувствуя, как полегчало на душе. Не просто удовольствие, нет, ощущение великой радости. Вглядевшись в карту внимательнее, я заметил, что зеленый огонек вспыхнул не в самом Литл-Роке, а западнее, в Оклахоме. Вскоре вспыхнули еще два: один в Небраске, другой чуть к северу от канадской границы. Из динамиков донесся новый голос — со звонким новоанглийским произношением. И как его угораздило оказаться в красной зоне?

— Как во время выборов под конец дня, да? — пошутил Мартинес.

— Похоже, но обычно мы не получаем сведений из Мексики,— согласился Президент и указал на карту: в штате Чиуауа загорелись сразу несколько зеленых огней.

— А черт, верно! Видимо, когда все это закончится, Госдепартаменту придется утрясать не один конфликт, а?

Президент не ответил, и Мартинес, слава Богу, умолк. Я посмотрел на Президента. Тот шевелил губами, словно разговаривал сам с собой, затем заметил мой взгляд и произнес вслух:

> На вшах побольше ездят вши поменьше,
> Они зовутся паразиты.
> На тех, поменьше, ездят еще мельче
> И так *ad infinitum**.

Я из вежливости улыбнулся: ситуация — наша, во всяком случае — к веселью не располагала.

Президент отвернулся и сказал:

— Кто-нибудь будет ужинать? У меня впервые за несколько дней разыгрался аппетит.

К двенадцати часам следующего дня зеленого на карте стало гораздо больше, чем красного. Рекстон распорядился установить в зале два монитора с прямым подключением к Новому Пентагону: один показывал сложную диаграмму степени готовности к высадке; другой — расчетное время десантирования. На втором мониторе цифры иногда менялись, но последние два часа время колебалось около 17:43 по Вашингтону.

Рекстон поднялся с места и объявил:

— Я думаю, надо назначить десантирование на 17:45. Господин Президент, если позволите...

— Разумеется, сэр.

Рекстон повернулся к нам со Стариком.

— Если вы, донкихоты, еще не передумали, то пора идти.

Я встал.

— Мэри, ты меня обязательно дождись.

— Где? — спросила она.

Еще раньше мы решили — правда, не без скандала,— что Мэри в операции участвовать не будет.

— Может быть, миссис Нивенс подождет вас здесь? — вмешался Президент.— В конце концов, она уже как член нашей семьи.

— Благодарю вас, сэр,— сказал я. Полковника Гибси чуть не перекосило.

Спустя два часа мы были над целью, и дверь уже открылась. Мы с отцом шли последними, за молодыми десантниками, которым, собственно, и доставалась настоящая работа. Руки у меня вспотели, и, видимо, от меня просто несло страхом. А кроме того, я ненавижу прыгать с парашютом.

34

С лучеметом в левой руке и впрыскивателем в правой я перебирался от дома к дому в назначенном мне квартале — старый район Джефферсон-Сити, почти трущобы, застроенные жилыми

домами пятидесятилетней давности. Я успел ввести антитоксин двум с половиной десяткам больных, и еще десятка три с половиной ампул оставалось, а затем нужно было идти к месту сбора у здания муниципалитета. Но, по правде сказать, меня уже начинало мутить.

Я знал, зачем прилетел. Нет, не из любопытства. Я хотел своими глазами увидеть, как подыхают паразиты, хотел увидеть их мертвыми, всех, и эта иссушающая душу ненависть пересиливала все другие чувства. Увидел. Достаточно увидел. Теперь мне хотелось только домой — отмыться и забыть.

Работа была не тяжелая, но монотонная и, в общем, не для слабонервных. Ни одного живого паразита я пока не встретил, зато видел множество мертвых. Прижег собаку, у которой, мне показалось, был горб, хотя, может быть, я и ошибся: высадились мы перед закатом, и вскоре стало совсем темно.

Я закончил проверку дома, покричал на всякий случай — вдруг кто откликнется — и вышел на улицу. Никого. Поскольку все слегли от лихорадки, люди на улицах нам почти не встречались. Но на этот раз я увидел человека — редкое исключение. Он шел на заплетающихся ногах прямо на меня, но его пустые глаза, похоже, ничего не замечали. Я крикнул: «Эй!».

Человек остановился.

— У меня есть как раз то, что тебе нужно,— сказал я.— Вытяни руку.

Он попытался меня ударить. Я легко увернулся, двинул его несильно по шее, и он повалился лицом вниз. На спине у него краснела сыпь: совсем недавно там сидел паразит. Я выбрал над почками место почище, воткнул впрыскиватель и чуть наклонил, чтобы сломать головку ампулы. Они были заряжены под давлением, так что больше ничего не требовалось.

На первом этаже следующего дома оказалось семеро больных, большинство из них в таком плохом состоянии, что я, не говоря ни слова, ввел каждому по дозе и пошел дальше. На втором этаже — то же самое.

На самом последнем — три пустые квартиры. Правда, чтобы убедиться в этом, в одной из них пришлось выжечь замок. В чет-

вертой жили — если можно так сказать. На полу кухни лежала женщина с пробитой головой. Паразит все еще сидел у нее на плечах, но уже мертвый. Я не стал их трогать и пошел дальше по квартире.

В ванной комнате, в старинной чугунной ванне, сидел, уронив голову на грудь, мужчина средних лет со вскрытыми венами. Мне показалось, что он мертв, но когда я наклонился, мужчина с трудом поднял голову и тупо произнес:

— Вы пришли слишком поздно. Я убил свою жену.

Или слишком рано, подумал я. Судя по тому, сколько крови натекло на дне ванны, по его серому лицу, пятью минутами позже было бы лучше. Я смотрел на него, не зная, стоит ли тратить ампулу. Но тут он едва слышно произнес:

— Моя дочь...

— У вас есть дочь? — громко спросил я.— Где она?

Веки его дрогнули, но он ничего не сказал и снова уронил голову на грудь. Я прикрикнул на него, надеясь, что он очнется, потрогал подбородок и приложил палец к горлу. Пульса не было.

Его дочь лет восьми или около того я нашел в постели в одной из комнат — если бы не болезнь, очень симпатичная девчушка. Она проснулась, заплакала и назвала меня «папочкой».

— Да, папочка здесь. Сейчас папочка тебя вылечит,— сказал я и ввел ей антитоксин в ногу. Она даже не заметила укола.

Я уже собрался идти, но она попросила пить. Пришлось возвращаться в ванную. Когда я держал стакан у ее губ, пронзительно зазвонил мой телефон, и от неожиданности я пролил немного воды.

— Сынок, ты меня слышишь?

Я притронулся к аппарату связи на поясе и включил его.

— Да. Что случилось?

— Я сейчас в небольшом парке к северу от тебя. Нужна твоя помощь.

— Иду.

Поставив стакан, я двинулся к выходу, но в нерешительности остановился, затем вернулся. Нельзя же было оставить ее там, чтобы она проснулась и первым делом наткнулась в квартире на своих мертвых родителей. Я взял девочку на руки и отнес на второй этаж,

зашел в первую попавшуюся квартиру и положил на диван. Люди в этой квартире сами лежали без движения, но ничего другого мне не оставалось.

— Скорее, сынок!

— Иду! — Я метнулся на улицу и, не тратя лишних слов, бросился бегом. Улица, назначенная отцу, шла параллельно моей и граничила с крохотным парком. Обогнув дом, я не заметил отца и пробежал мимо.

— Сюда, сынок. Я в машине! — Теперь я слышал его и в телефоне, и так, а обернувшись, увидел машину, большой летающий «Кадиллак» вроде тех, что обычно использует Отдел. Внутри сидел человек, но в темноте трудно было разглядеть, кто.

— Слава богу! Я уж думал, куда ты запропастился.

Голос отца.

Забираясь в машину, я пригнулся, и вот тут-то он двинул меня по затылку.

Придя в себя, я обнаружил, что руки и ноги у меня связаны. Я полулежал во втором водительском сиденье, а Старик вел машину, сидя в первом. Руль на моей стороне был убран вверх. Когда до меня дошло, что мы в воздухе, я очнулся окончательно.

Старик повернулся ко мне и спросил довольным тоном:

— Ну как, уже лучше?

— Пожалуй,— ответил я, глядя на сидящего у него на плечах паразита.

— Извини, что пришлось тебя оглушить. Выбора не было.

— Да, наверно.

— Придется оставить тебя пока связанным. Позже мы придумаем что-нибудь получше.— Он улыбнулся такой знакомой зловещей улыбкой, и меня поразило, до чего же сильно проглядывает личность Старика в каждом слове, которое произносит паразит.

Я не стал спрашивать, что означает «что-нибудь получше» — не хотел знать. Вместо этого я принялся проверять веревки, но Старик постарался на совесть, ничего не скажешь.

— Куда мы летим?

— На юг,— ответил он, склонившись над приборами.— Далеко на юг. Подожди, я задам колымаге программу и тогда объяс-

ню тебе все наши планы.— Он еще несколько секунд работал с автопилотом, затем выпрямился.— Ну вот, этого ей хватит, пока не наберем тридцать тысяч.

Упоминание о такой большой высоте заставило меня еще раз взглянуть на приборную панель. Машина не просто походила на специальную, это и была одна из наших переделанных машин.

— Где ты ее взял? — спросил я.

— Отдел держал ее в тайнике в Джефферсон-Сити. Я проверил, и вот, ее действительно никто не нашел. Повезло, да?

У меня, конечно, на этот счет сложилось свое мнение, но я не стал спорить. Я по-прежнему пытался найти выход, хотя шансы вырисовывались от почти безнадежных до нулевых. Пистолет исчез. Свой он, очевидно, держал с другой стороны, подальше от меня.

— Но это еще не все,— продолжал Старик.— Мне посчастливилось быть пойманным, возможно, единственным во всем Джефферсон-Сити здоровым титанцем. Хотя в удачу я, как ты знаешь, не верю. Короче, мы все-таки победим.— Он усмехнулся.— Это очень похоже на сложную шахматную партию, когда играешь сразу за обе стороны.

— Ты не сказал мне, куда мы летим.— Я ничего не мог предпринять, оставалось только говорить.

Он на секунду задумался.

— Во всяком случае, за пределы Соединенных Штатов. Возможно, что, кроме моего хозяина, на всем континенте больше нет ни одного незаболевшего титанца, и я не хочу рисковать. Полуостров Юкатан нас, видимо, вполне устроит — как раз туда я и направил машину. Во второй раз — а мы обязательно вернемся! — мы не сделаем тех же ошибок.

— Может, ты меня развяжешь, пап? У меня и ноги, и руки затекли. Ты же знаешь, что мне можно доверять.

— Подожди, подожди... Всему свое время. Сначала надо запрограммировать автопилот.

Машина все еще поднималась. Даже после доработки в Отделе, ей требовалось время, чтобы набрать тридцать тысяч футов: в конце концов, с конвейера она сошла как обычная серийная модель.

— Похоже, ты забываешь, что я и сам долгое время был под хозяином. Я знаю, что это такое, и могу дать тебе честное слово...

Он только усмехнулся.

— Не учи отца овец воровать. Если тебя развязать сейчас, ты меня убьешь, или мне придется убить тебя. А ты нужен мне живым. Мы с тобой еще погуляем, сынок. Хитрости и решительности нам не занимать, а это как раз то, что нужно.

Я промолчал, и он добавил:

— Кстати, насчет того, что ты знаешь... Почему ты мне ничего не сказал?

— О чем?

— Ты не сказал мне, каково это на самом деле. Я даже не подозревал, сынок, что такое возможно — покой, удовлетворение, благодать. Никогда в жизни я не чувствовал себя таким счастливым. Разве что...— На лице у него промелькнуло удивленное выражение.— Разве что до того, как умерла твоя мать. Впрочем, сейчас мне даже лучше. Ты напрасно не рассказал мне об этом.

Меня охватило отвращение, и я начисто забыл о тонкой игре, которую пытался вести.

— Может быть, для меня все это совсем не так. Да и для тебя на самом деле тоже, старый ты идиот, только сейчас у тебя на загривке сидит паразит, говорит твоим языком и думает твоим мозгом!

— Не кипятись, сынок,— сказал он мягко, и, черт побери, его голос действительно немного меня успокоил.— Скоро ты сам все поймешь. Поверь, это наша судьба, наше предназначение. Человечество разделено и постоянно воюет, но хозяева сделают его единым.

Я вдруг подумал, что, наверное, и в самом деле есть такие слабоумные, которым эта идея придется по вкусу — добровольно продать душу за обещание мира и безопасности. Однако промолчал.

— Совсем немного уже ждать осталось,— сказал отец, бросив взгляд на приборную панель.— Сейчас я задам ей направление, и все будет в порядке.— Он настроил автопилот и проверил еще раз приборы.— Следующая остановка — Юкатан. А теперь пора к делу.

Отец поднялся с сиденья и наклонился рядом со мной.

— На всякий случай,— сказал он, затягивая ремень безопасности у меня на поясе.

Я резко поднял колени и ударил его в лицо.

Отец отскочил и бросил на меня беззлобный взгляд.

— Нехорошо, нехорошо. Я мог бы обидеться, но хозяева выше этого. А теперь сиди смирно.— Из носа у него текла кровь, но он даже не остановился, чтобы ее стереть, проверил веревки на руках и на ногах и добавил:

— Сойдет. Потерпи еще немного.

Затем сел на свое место и наклонился вперед, уперевшись локтями в колени. Теперь мне хорошо было видно его паразита.

Несколько минут ничего не происходило, и я, напрягая все силы, пытался хоть немного ослабить веревки — ничего другого не оставалось. Старик, казалось, уснул, но я знал, что он может притворяться.

На твердом кожистом покрытии паразита, посередине, вдруг появилась вертикальная линия. Прямо у меня на глазах трещина становилась шире и шире, и вскоре показалось мерзкое, переливающееся мутными цветами тело этой твари. До меня наконец дошло, что паразит разделился и теперь высасывает из моего отца жизнь и его плоть, чтобы хватило на двоих титанцев.

И в то же мгновение я понял, что моей собственной свободной жизни мне осталось от силы минут пять. Мой новый хозяин уже родился и вот-вот будет готов перебраться ко мне на спину.

Если бы было возможно разорвать путы усилием человеческой плоти, я бы это сделал, но увы. Старик не обращал на мои потуги никакого внимания. Я даже думаю, что он вообще ничего не замечал. При делении контроль над носителем наверняка ослабевает, и, видимо, паразиты просто парализуют своих рабов. Старик, во всяком случае, сидел совершенно неподвижно.

К тому времени, когда я, обессилев и потеряв всякую надежду вырваться, сдался, по телу самого паразита уже бежала тонкая серебристая линия — верный признак того, что процесс деления вот-вот закончится. Именно это, пожалуй, и заставило

меня думать о другом выходе, если то, что происходило у меня в голове, можно охарактеризовать словом «думать».

Мои руки были связаны за спиной, ноги тоже связаны — у лодыжек, и, кроме того, Старик притянул меня за пояс к сиденью ремнем безопасности. Но ногам, хотя и связанным вместе, от пояса вниз ничего не мешало. Я сполз по сиденью еще ниже, задрал ноги и изо всех сил ударил по приборной панели, включив сразу все стартовые ускорители.

Перегрузка получилась дай бог. Я не знаю, сколько в машине оставалось ускорителей, и поэтому не могу сказать точно, сколько вышло *g*, но, в общем, немало. Нас обоих швырнуло назад. Отца гораздо сильнее, поскольку я был пристегнут ремнем. Его бросило на спинку сиденья, и открывшийся, беззащитный паразит оказался как между молотом и наковальней.

Короче, он буквально брызнул во все стороны.

Отца выгнуло в том жутком спазме, что я видел уже три раза, и с искаженным лицом, со скрюченными пальцами откинуло вперед на рулевую колонку.

Машина резко пошла вниз.

Я сидел и смотрел, как она падает, если вообще можно «сидеть», когда висишь привязанный только ремнем у пояса. Если бы тело отца, рухнувшее на приборную панель, не сбило все приборы, я бы еще мог что-то сделать — например, связанными ногами выровнять курс. Пытался, но ничего не вышло. Видимо, управление еще и заклинило.

Альтиметр деловито щелкал. Когда я нашел время взглянуть на прибор, он показывал уже одиннадцать тысяч футов. Затем стало девять... семь... шесть, и мы вышли на последнюю милю.

На высоте полторы тысячи футов включилась радарная блокировка, и один за другим выстрелили тормозные ускорители в носу машины. Каждый раз меня чуть не разрезало ремнем пополам, однако появилась надежда, что теперь машина выровняется, и, может быть, я спасусь. Рассчитывать на это было глупо, поскольку отец по-прежнему лежал на рулевой колонке...

Но когда мы врезались в землю, я все еще надеялся.

* * *

В себя я начал приходить, почувствовав какое-то мягкое покачивание. Ощущение раздражало, и в голове крутилась только одна мысль: «Когда же это кончится?» Каждое, даже самое легкое движение вызывало нестерпимую боль во всем теле. Я с трудом разлепил один глаз — второй вообще не открывался — и тупо огляделся, пытаясь сообразить, что же вызывает это раздражающее покачивание.

Надо мной был пол машины, но я довольно долго его разглядывал, прежде чем понял, что это такое. К тому времени я начал вспоминать, где нахожусь и что произошло. Вспомнил стремительный полет вниз, удар, и до меня дошло, что мы упали не на землю, а, видимо, в воду. Может быть, в Мексиканский залив? Я не знал наверняка, да и не до того было.

Мысль об отце отозвалась вспышкой боли и отчаянья.

Надо мной болтались два обрывка ремня безопасности. Руки и ноги по-прежнему были связаны, но одну руку я вроде бы умудрился сломать. Второй глаз так и не открывался, дышалось с трудом. Отца у приборной панели не оказалось, и это меня почему-то удивило. Превозмогая боль, я перекатил голову, чтобы взглянуть на другую часть машины здоровым глазом. Отец, весь в крови, лежал совсем рядом; от моей головы до его было всего фута три. Я уже не надеялся, что он жив, но, наверно, целых полчаса потратил, чтобы проползти эти три фута.

Дополз и остановился лицом к нему, почти касаясь щекой его щеки. Никаких признаков жизни, и судя по тому, как он лежал — изломанный, скомканный, словно тряпичная кукла,— на чудо рассчитывать не приходилось.

— Папа,— хрипло позвал я, затем закричал: — Папа!

Веки его дрогнули, но глаза остались закрытыми.

— Привет, сынок. Спасибо... Я тебе очень благодарен...— прошептал он и умолк.

Мне хотелось встряхнуть его, но я ничего не мог, только кричать.

— Папа! Очнись! Ты жив?

Он снова заговорил, но каждое слово давалось ему с болезненным усилием:

— Твоя мать... просила передать тебе... она очень тобой гордилась...

Отец затих, и его дыхание вдруг стало сухим и хриплым — зловещий предсмертный хрип.

— Папа,— закричал я сквозь слезы,— не умирай! Я не смогу без тебя.

Он открыл глаза.

— Сможешь, сынок, сможешь.— Пауза, хриплый натужный вздох, затем: — Мне так больно...— И глаза закрылись.

Я кричал, но больше ничего не мог от него добиться. Затем просто прижался к нему лицом, и по моим щекам, смешиваясь с кровью и грязью, потекли слезы.

35

А теперь мы вычистим Титан!

Все, кто должен был лететь, пишут такие отчеты. Если мы не вернемся, это будет нашим посланием свободному человечеству — тут все, что мы знаем о титанцах и о том, чего в борьбе с ними надо опасаться. Ибо Келли оказался прав: Шалтая-Болтая* уже не собрать. Несмотря на успешное завершение операции «Милосердие», нельзя успокаиваться и думать, что все титанцы уничтожены. Только неделю назад на Юконе пристрелили медведя с паразитом на спине.

Отныне человечеству предстоит постоянно быть настороже, особенно лет через двадцать пять — если мы не вернемся, а вместо нас прилетят тарелки. Нам пока неизвестно, почему активность титанцев подчиняется двадцатидевятилетнему циклу сатурнианского года, но это факт. Причина, возможно, очень проста: мы и сами во многом подчиняемся циклу, совпадающему с земным годом. Будем надеяться, что титанцы по-настоящему активны только в один из периодов своего года. Если так, операция «Возмездие» пройдет легко и быстро. Впрочем, мы на это не рассчитываем. Меня направили, помоги нам Бог, как «специалиста по прикладной экзопсихологии», но, кроме того, я еще и

боевая единица, как любой из нас, от капеллана до повара. Мы раз и навсегда должны показать паразитам, что они совершили крупную ошибку, связавшись с самой живучей, самой коварной, самой опасной, самой непокорной — и самой способной — формой жизни в этом секторе космического пространства, с существами, которых можно убить, но не подчинить.

(Я втайне надеюсь, что мы сумеем спасти тех маленьких эльфов-гермафродитов. С эльфами, почему-то кажется, мы поладим.)

Справимся мы с ними или нет, человечеству в любом случае придется теперь поддерживать свою заслуженную по части свирепости репутацию. Цена свободы — это готовность вступить в драку — в любое время, в любом месте и с беспредельной храбростью. Если мы не извлечем урок из нашествия паразитов, нам остается только крикнуть: «Эй, динозавры, подвиньтесь-ка! Мы уже готовы вымирать!»

Никому ведь неизвестно, какую еще грязную шутку может сыграть с нами Большая Вселенная. И паразиты, возможно, покажутся нам простыми, открытыми, дружелюбными парнями по сравнению, скажем, с жителями планет Сириуса. Если это только увертюра, то нам лучше извлечь из нее урок и всерьез приготовиться к первому действию. Мы считали, что Вселенная пуста, а нам автоматически отводится роль ее властителей. Даже после «завоевания» космоса мы продолжали заблуждаться, потому что Марс уже умер, а на Венере разум едва зародился. Но если человек претендует на главную роль — или хотя бы на роль уважаемого соседа,— ему придется доказывать себя в борьбе. Перековывать орала обратно на мечи; первый вариант — это бабушкины сказки.

Каждый из участников операции хоть раз, но был в подчинении у паразитов. Только те, кто испытал на себе их власть, знают, как паразиты коварны, как ни на секунду нельзя терять бдительность — и как нужно ненавидеть. Полет, нам сказали, продлится двенадцать лет, так что у нас с Мэри будет долгий медовый месяц. Да, разумеется, Мэри летит. Почти весь экспедиционный корпус состоит из женатых пар, а что касается остальных, то на каждого одинокого мужчину приходится одинокая женщина. Двенадцать лет — не просто долгое путешествие, это часть жизни.

Когда я сказал Мэри, что мы летим к спутникам Сатурна, она ответила лишь: «Хорошо, дорогой».

Думаю, у нас будет достаточно времени, чтобы вырастить двоих или троих ребятишек. Как говорит отец, раса должна идти дальше, даже если еще неясно, куда.

Я понимаю, что отчет у меня получился не очень связный. Видимо, перед тем, как сдавать, придется его доработать. Но я все изложил, как видел и чувствовал. Война с инопланетной расой — это война психологическая; техника не играет тут главной роли, и, может быть, то, что я думал и чувствовал, будет гораздо важнее, чем то, что я делал.

Отчет я заканчиваю уже на космической станции «Бета», откуда мы должны перейти на крейсер «Мститель». Похоже, у меня не будет времени доработать свое сочинение, так что оставляю его как есть — пусть историки развлекаются. Вчера вечером мы попрощались в Пайкс-Пик-Порт с папой. Он меня сразу поправил:

— Не «прощай», а «до свидания». Вы вернетесь, и я собираюсь дотянуть до вашего возвращения, становясь с каждым годом все чудней и ворчливей.

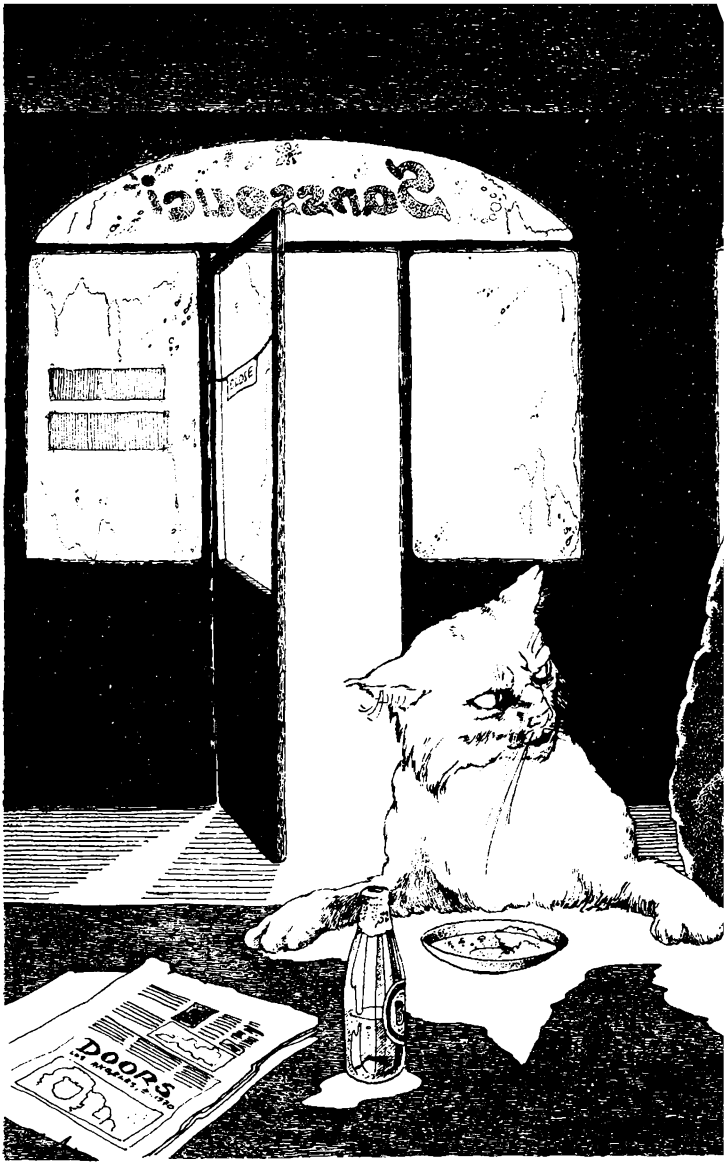
Я сказал, что буду на это надеяться. Он кивнул.

— Вы вернетесь. Ты слишком живуч, чтобы умереть. Я очень верю в тебя и в таких, как ты, сынок.

С минуты на минуту начнется переброска на крейсер. В душе — волнение и радость. Ну, теперь держитесь, кукловоды — свободные люди летят по вашу душу!

Смерть и разрушение!

ДВЕРЬ В ЛЕТО


DOORS

© Л.Абрамов, перевод, 2005

Однажды зимой, незадолго до Шестинедельной войны, я со своим котом по имени Петроний* жил на старой ферме в штате Коннектикут. Вряд ли она сохранилась до наших дней — она стояла как раз на краю зоны атомного поражения (это когда немножко промахнулись по Манхэттену), а эти старые хибарки горят, как бумажные салфетки. Да если бы даже она и уцелела, я бы ее теперь не снял из-за повышенной радиации. Ну а тогда нам с Питом там нравилось. Канализации, правда, не было, поэтому сдавали ферму по дешеевке. В комнате, что некогда называлась столовой, окна выходили на север и свет для работы у чертежной доски был подходящий.

Дом имел один недостаток: в нем было одиннадцать дверей.

А если считать и дверь для Пита — то все двенадцать. Я всегда старался, чтобы у Пита была своя дверь. В данном случае дверью ему служила вставленная в окно нежилой спальни фанерка, в которой я выпилил отверстие такого размера, чтобы усы не застревали. Слишком уж много времени в своей жизни я потратил, открывая двери кошкам. Однажды я даже вычислил, что за всю историю цивилизации человечество убило на это дело сто семьдесят восемь человеко-веков. Могу показать расчеты.

Обычно Пит пользовался своей дверью, кроме тех случаев, когда ему удавалось умяукать меня, чтобы я открыл ему человеческую дверь — их он любил больше. Однако он категорически отказывался пользоваться своей дверью, если на земле лежал снег.

Еще котенком Пит выработал очень простое правило: я отвечаю за жилье, питание и погоду; он — за все остальное. Но в особенности, по его убеждению, я отвечал за погоду.

Зима в Коннектикуте хороша только для рождественских открыток; а Пит в ту зиму регулярно подходил к «своей» двери, выглядывал наружу и — не дурак же он! — отказывался выходить на улицу из-за этой белой дряни под лапами. Потом он мучил и преследовал меня до тех пор, пока я не открывал ему «человечью» дверь.

Пит твердо верил, что хотя бы за одной из этих дверей его ждет хорошая летняя погода. Поэтому каждый раз мне приходилось терпеливо обходить с ним все одиннадцать дверей, открывая каждую, чтобы он мог убедиться, что и там — зима. С каждым следующим разочарованием кот все больше убеждался, что я со своими обязанностями не справляюсь.

Потом он сидел дома и терпел до тех пор, пока «гидравлическое давление» буквально не выжимало его наружу. А когда он возвращался назад, кусочки льда между подушечками на его лапах цокали по дощатому полу, словно деревянные башмачки. Он сердито смотрел в мою сторону и отказывался мурлыкать до тех пор, пока не вылижет весь лед на лапах, после чего все же прощал меня — до следующего раза.

Но упорно продолжал искать Дверь в Лето.

Третьего декабря тысяча девятьсот семидесятого года я тоже искал ее. Однако поиски мои были такими же безнадежными, как старания Пита в январском Коннектикуте.

Та малость снега, что выпала в южной Калифорнии, лежала на склонах гор, на радость лыжникам, а не в Лос-Анджелесе — вряд ли снежинки вообще сумели бы пробиться через густой смог. Но в моем сердце наступила зима.

Здоровье у меня было в порядке (если не брать в расчет хронического похмелья); я готовился ометить свой тридцатый день рождения; бедность мне не угрожала. Меня никто не разыскивал: ни полиция, ни судебные исполнители, ни чужие мужья. В общем, ничего катастрофического, что не поддавалось бы лечению с помощью сеансов легкого забвения. Но поселившаяся у меня в сердце зима гнала меня искать Дверь в Лето.

Если вам показалось, что мне было очень себя жалко, то вы правы. Наверняка на белом свете было добрых два миллиарда

людей, дела у которых обстояли хуже моего. И тем не менее именно я искал Дверь в Лето.

Большая часть дверей, которые мне удалось осмотреть во время поисков, открывалась в обе стороны, вроде тех, перед которыми я сейчас стоял. На вывеске над дверями значилось: грильбар «Сан-Суси». Я вошел внутрь, выбрал кабинку в середине зала, осторожно поставил сумку на диванчик, сам сел рядом и стал ждать официанта.

Сумка потребовала голосом Пита:

— А я у-у-у?!

— Спокойно, Пит, — сказал я.

— Мя-а-а-у!

— Глупости, ты только что ходил по этому делу. Угомонись, официант идет.

Кот притих. Я поднял глаза на склонившегося над столиком официанта и сказал:

— Двойной виски, стакан воды и бутылку имбирного пива*.

— Виски с пивом, сэр? — официант увял.

— У вас есть имбирное пиво? Или нет?

— Есть, конечно. Но...

— Тогда неси. Я не буду его пить. Я только буду на него глядеть, скривившись. И еще принеси блюдечко.

— Как прикажете, сэр, — он протер стол. — А как насчет бифштекса, сэр? И устрицы сегодня тоже очень хороши.

— Слушай, приятель, ты получишь свои чаевые и за устриц, если пообещаешь, что не станешь их подавать. Мне надо только то, что я заказал... и не забудь, пожалуйста, блюдечко.

Он заткнулся и ушел. Я опять велел Питу сидеть тихо. Официант вернулся, бутылку с пивом он нес на блюдце — должно быть, для самоутверждения. Я сказал ему, чтобы он откупорил бутылку, покуда я смешиваю виски с водой.

— Другой стакан, для имбирного, сэр?

— Я настоящий ковбой. Я пью из горлышка.

Он закрыл пасть и безропотно принял плату за выпивку и чаевые (устрицы, впрочем, он поставить в счет не позабыл). Когда он отошел, я плеснул имбирного в блюдечко и постучал по сумке:

— Пит! Кушать подано.

Сумка была не застегнута. Я никогда не застегиваю ее, если внутри сидит кот. Он высунул голову, быстро огляделся и встал передними лапами на край стола. Я поднял стакан и посмотрел на кота; кот — на меня.

— Ну, за прекрасных дам, Пит. Чем больше их встречаешь, тем легче забываешь!

Он кивнул. Это вполне соответствовало его убеждениям. Изящно наклонившись, он начал лакать имбирный напиток. «Если, конечно, сумеешь забыть», — добавил я и глотнул из стакана. Пит не ответил. Для него забыть смазливую кошку труда не составляло: он был убежденный холостяк.

За окном бара, на стене дома напротив, назойливо мигала реклама. Текст то и дело менялся: сперва светилось «РАБОТАЙТЕ ВО СНЕ!» Потом — «И СОН РЕШАЕТ ВСЕ ПРОБЛЕМЫ». И наконец, буквами вдвое большего размера:

«МЬЮЧЕЛ ЭШШУРАНС КОМПАНИ».

Я три раза механически прочел мелькающие буквы, не думая об их смысле. О коммерческом анабиозе я знал не больше и не меньше остальных. Когда об этом деле объявили впервые, я прочел статейку-другую в научно-популярном журнале. Пару раз в неделю вместе с газетами в почтовый ящик совали и рекламный листок. Я выкидывал эти листки не читая: это касалось меня не больше, чем реклама губной помады.

Во-первых, до самого последнего времени я не смог бы себе этого позволить: Холодный Сон — штука дорогая. А во-вторых, если человеку нравится его работа, идут хорошие деньги (а в перспективе маячит еще больше), если этот человек влюблен и собирается жениться, так с чего бы вдруг ему совершать это полусамоубийство?

Вот если человек неизлечимо болен и ему все равно помирать, но он надеется, что через полвека врачи смогут его вылечить, и если он в состоянии оплатить Холодный Сон до тех пор, пока наука не разберется, что там у него не в порядке — что ж, тогда Холодный Сон — логичное решение. Или если он мечтает

слетать на Марс и считает, что, вырезав лет пятьдесят из своего личного кино, он сумеет купить билет, это тоже логично. В газетах была заметка о каких-то двух чудиках, которые поженились и прямо из городской ратуши отправились в Хранилище Холодного Сна фирмы «Вестерн уорлд иншуранс компани». Там они объявили, что просят их не беспокоить до тех пор, пока они не смогут провести медовый месяц на межпланетном лайнере. Хотя я лично подозреваю, что все это — рекламный трюк страховой компании, а те двое смылись через заднюю дверь: ну, не верю я, что кто-то согласится провести первую брачную ночь, лежа рядышком, как мороженая макрель.

В плане денег дело тоже был соблазнительное. Одна из страховых компаний даже придумала рекламный лозунг: «Работайте во сне». Просто лежи себе, а твои денежки пусть растут, превращаясь в состояние. Если вам пятьдесят пять, а пенсия у вас — двести в месяц, почему бы и не поспать лет двадцать? Проснешься — тебе опять пятьдесят пять, а пенсия — уже по тысяче ежемесячно. Не говоря уже о том, что проснешься-то в новом и прекрасном мире, где ты, возможно, проживешь дольше и будешь здоровее, а тысяча в месяц принесет тебе гораздо больше радости. На эту мысль нажимали все компании, и каждая, с цифрами в руках, неопровержимо доказывала, что ее акции позволяют делать больше (и быстрее!) денег, чем акции любой другой компании. «Делайте деньги во сне!»

Меня это не вдохновляло. До пятидесяти пяти мне было еще далеко. На пенсию я не собирался. Да и в семидесятом году я не видел ничего худого.

Точнее сказать, не видел до недавнего времени. Теперь же я, хочешь не хочешь, был вроде как на пенсии. Я, кстати, не хотел. Вместо свадебного путешествия я сидел во второразрядном баре и пил виски исключительно ради обезболивания души. Вместо жены у меня — ободранный кот, пристрастившийся к имбирному пиву. Что же касается того, нравится ли мне мое время, — я бы махнул его не глядя на ящик джина, да и то перебил бы все бутылки.

Но вот уж банкротом я точно не был.

Я сунул руку в карман, достал конверт. Открыл его. Там лежали две бумажки. Первая — чек на сумму, которой я еще ни разу не держал в руках. Вторая — акционерный сертификат фирмы «Золушка инкорпорейтед». Обе немножко помялись: я ведь таскал конверт в кармане с тех пор, как мне его вручили.

Так почему бы и нет?

Почему бы не сбежать и не переспать свои печали? Приятнее, чем поступить в Иностранный Легион; не так противно, как самоубийство, и это будет для меня полный развод — с людьми и событиями, испортившими мне жизнь.

Возможность разбогатеть не слишком кружила мне голову. Ну, я, конечно, читал «Когда спящий проснется» Г. Дж. Уэллса, когда это был еще просто обычный роман — еще до того, как страховые компании начали раздавать книгу бесплатно ради рекламы. Какие проценты могут набежать по смешанному вкладу, я представлял. Но я не был уверен, хватит ли у меня денег купить себе Долгий Сон и при этом положить в банк сумму, достаточно крупную, чтобы игра стоила свеч. Меня больше привлекало другое: ложишься баю-бай и просыпаешься в другом мире. Этот мир может оказаться гораздо лучше (по крайней мере, страховые фирмы очень стараются убедить в этом своих клиентов), а может быть, и хуже. Но уж другой — наверняка!

Об одном существенном отличии того, другого мира от нынешнего я определенно мог позаботиться: я смогу проспать достаточно долго, чтобы проснуться в мире, где нет Беллы Даркин. И Майлса Джентри тоже. Но Беллы в особенности. Если ее не будет на свете, то я смогу забыть ее, забыть, что она сделала со мной, вычеркнуть ее из памяти. Пока она жива, червячок воспоминаний будет постоянно точить мое сердце, напоминая о том, что она — всего в нескольких милях от меня.

Так-так, посмотрим, сколько же лет на это нужно? Белле двадцать три. Так, во всяком случае, она утверждает. (Правда, *однажды она проговорилась, что помнит, как Рузвельт был президентом.**) Ну, тридцати-то ей еще нет, и если проспать семьдесят лет, то я еще смогу отыскать некролог. Семьдесят пять для верности.

Тут я вспомнил об успехах гериатрии. О ста двадцати годах поговаривают как о «нормальной» продолжительности человеческой жизни. Наверное, надо проспать сто лет. Только вряд ли найдется страховая компания, которая предлагает такой срок.

И тут, навеянная теплом от виски, мне в голову пришла злодейская мыслишка: вовсе не обязательно спать до тех пор, как Белла помрет. Вполне достаточно (более чем достаточно!) — и это прекрасная месть женщине — быть молодым, когда она состарится. Скажем, лет на тридцать моложе. Этого хватит, чтобы достать ее.

Я почувствовал прикосновение легкой, как пушинка, лапы к своей руке.

— Ма-а-а-ло! — объявил Пит.

— Ты проглот, — сказал я, подливая ему имбирного. Он терпеливо подождал и начал лакать. Но он нарушил стройную линию моих приятных размышлений. В самом деле, куда к черту я дену Пита?

Ведь кота нельзя отдать другим людям, как собаку: это против кошачьей натуры. Иногда кот привыкает к дому, но к Питу это не относится: с тех пор как девять лет назад его забрали от его кошачьей мамы, единственной стабильной вещью в этом изменчивом мире стал для него я. Даже в армии я умудрился держать его при себе, а уж там-то ради этого пришлось покрутиться.

Он был в добром здравии и, вероятно, болеть не собирался, хотя и держался весь на одних шрамах и рубцах. Если бы он отучился чуть что лезть в драку, то, наверное, еще лет пять исправно обеспечивал бы окрестных кошек котятами.

Я бы мог заплатить, чтобы его держали в конуре до конца его дней, что совершенно немыслимо, или сдать ветеринару, чтобы его усыпили, что тоже совершенно немыслимо, или просто бросить его. С кошками, в сущности, так: или ты несешь крест свой до конца, или бросаешь бедную тварь, и она дичает и теряет веру в высшую справедливость (именно таким образом Белла поступила со мной).

Так что, дружище, можешь забыть об этом деле. Жизнь твоя пошла вкривь и вкось, но это ни в коей мере не освобождает тебя от твоих обязательств перед этим насквозь испорченным котом.

Когда я достиг этих философских истин, Пит чихнул: это газ шибанул ему в нос.

— Gesundheit*! — сказал я ему, — и не пей так быстро.

Но Пит этот совет проигнорировал. За столом он умел вести себя лучше, чем я, и знал это. Наш официант ошивался у кассы, болтая с кассиром. Время ленча уже кончилось, и немногочисленные посетители сидели у стойки бара. Когда я сказал «gesundheit!», официант взглянул в нашу сторону и что-то шепнул кассиру. Оба посмотрели на меня, потом кассир поднял крышку стойки и пошел к нам. Я тихо сказал:

— Полиция, Пит.

Подойдя к столику, кассир огляделся и вдруг потянулся к сумке, но я сдвинул ее края плотнее.

— Извини, приятель, — сказал он без выражения, — но кота придется отсюда убрать.

— Какого кота?

— Которого ты кормил из этого блюдца.

— Не вижу тут никакого кота.

Тут он нагнулся и заглянул под стол.

— Он у тебя в этом мешке.

— Кот в мешке? — удивленно переспросил я.— Друг мой, это что — в переносном смысле?

— Чего?! Ты давай не умничай. У тебя в сумке кот. Ну-ка, открой!

— А ордер на обыск у тебя есть?

— Не болтай глупости. Ордер...

— Это ты болтаешь глупости: требуешь показать, что у меня в сумке, без ордера на обыск. Четвертая поправка к Конституции позволяет обыскивать без ордера только в военное время, а война уже давно кончилась. Теперь, если с этим все ясно, скажи, пожалуйста, официанту, чтобы повторил все еще по разу. Или сам принеси.

Лицо кассира приобрело страдальческое выражение.

— Дружище, я ничего не имею против тебя, но — я же беспокоюсь за свою лицензию. Видишь табличку вон там, на стене? Там же сказано: с собаками и кошками нельзя. Мы ста-

раемся содержать наше заведение в отличном санитарном состоянии.

— Плохо стараетесь.— Я взял со стола свой стакан.— Видишь следы губной помады? Так что лучше следи за своей судомойкой, а не за клиентами.

— Не вижу я тут никакой помады!

— А я ее стер... в основном. Ну, давай отвезем этот стакан в санитарную лабораторию, пусть там сосчитают бактерий.

Он вздохнул.

— Ты что — инспектор?

— Нет.

— Тогда квиты. Я не лезу в твою сумку, а ты не тащишь меня в санитарную службу. Так что, если хочешь выпить еще, ступай к стойке и пей. За счет заведения. Но не здесь, не за столиком.

— Мы, собственно, собирались уходить.

Когда, шагая к выходу, я поравнялся с кассой, он поднял голову.

— Ты не обиделся?

— Не-а. Просто я собирался на днях заглянуть сюда выпить со своей лошадью. Теперь не приду.

— Зря: в санитарных правилах про лошадей нет ни слова. Я вот хотел спросить тебя только об одном: твой кот правда пьет имбирное пиво?

— Ты про Четвертую поправку помнишь?

— Я же не прошу показать мне кота. Я просто хочу знать.

— Ну, вообще-то,— ухмыльнулся я, — он вообще-то предпочитает «ерша», но и неразбавленный тоже пьет, когда приходится.

— Почки испортит. Глянь вон туда, друг.

— Куда?

— Откинься назад, чтобы твоя голова оказалась рядом с моей. Теперь посмотри на потолок над кабинками. Видишь зеркала среди украшений? Я знал, что там кот, потому что я видел его.

Я сделал, как он сказал, и взглянул. Потолок в забегаловке был весь разукрашен, в том числе и зеркалами. Теперь я увидел, что некоторые из них были наклонены под таким углом, что кассир мог смотреть в них, как в перископы, не покидая своего поста.

— Приходится, — сказал он извиняющимся тоном.— Видел бы ты, что в этих кабинках творится... то есть творилось бы, если бы мы за ними не приглядывали. Скверный это мир.

— Аминь, брат.

Я пошел к двери. Снаружи я открыл сумку и понес ее за одну ручку. Пит высунул голову наружу.

— Слышал, что сказал этот тип? «Это скверный мир». Даже хуже, если два друга не могут спокойно выпить без того, чтобы за ними не шпионили. Так что решено.

— На-а-у? — спросил Пит.

— Как скажешь. Раз уж решили, чего тянуть?

— Мнау! — с энтузиазмом ответил Пит.

— Единогласно. Это как раз напротив.

Секретарша в приемной «Мьючел эшшуранс компани» оказалась великолепным образцом функционального дизайна. Элегантно-обтекаемая, как гоночная машина, которую можно разогнать до скорости в 4М*, она была оснащена этакой радарной установкой переднего базирования и всем остальным, необходимым для несения вахты. Я одернул себя, вспомнив, что она уже будет бабушкой, когда я проснусь, и сказал, что хотел бы побеседовать с продавцом.

— Присядьте, пожалуйста. Я сейчас узнаю, кто из наших агентов свободен.

Но прежде чем я успел сесть, она объявила:

— Вас примет сам мистер Пауэлл. Сюда, пожалуйста.

«Сам мистер Пауэлл» занимал кабинет, своими размерами внушавший посетителям, что дела у фирмы идут очень недурно. Он пожал мне руку (ладонь у него была потная), усадил в кресло, предложил сигарету и хотел было принять мою сумку, но я не выпустил ее из рук.

— Ну-с, сэр, чем могу служить?

— Я хочу купить Долгий Сон.

Брови у него одобрительно поползли наверх, а манеры стали еще обходительнее. Семидолларовой сделкой «Мьючел», похоже, тоже не побрезговала бы, но Долгий Сон — это шанс наложить лапу на все состояние клиента.

— Очень мудрое решение, — произнес он почтительно.— Будь я свободен — сам бы поступил точно так же. Но... семья, заботы, сами понимаете.— Он протянул руку и достал бланк.— Клиенты-«сонники» обычно торопятся. Позвольте, я сэкономлю ваше время и заполню это сам... а медосмотр мы мигом организуем.

— Одну минуту.

— Да?

— Один вопрос. Вы можете организовать Холодный Сон и для моего кота?

Он удивился. Потом нахмурился.

— Вы шутите.

Я открыл сумку: Пит высунул голову.

— Вот, познакомьтесь — мой кореш; и ответьте, пожалуйста, на вопрос. Если нет, то я потопал в «Сентрал вэли лайабилити». Их контора ведь тоже в этом здании?

Теперь он выглядел напуганным.

— Мистер... э-э, извините, я не разобрал вашего имени?

— Дэн Дэвис.

— Мистер Дэвис, человек, вошедший в эту дверь, находится под покровительством «Мьючел эшшуранс». Я не могу отпустить вас в «Сентрал вэли».

— И как же вы намерены меня не пустить? С помощью приемов дзюдо?

— Ну зачем вы так! — Он расстроенно огляделся по сторонам.— В нашей фирме знают, что такое этика.

— Хотите сказать, что в «Сентрал вэли» не знают?

— Я этого не говорил; это ваши слова. Мистер Дэвис, я не хочу на вас давить...

— И не надо. Не удастся.

— Но возьмите образцы контрактов из каждой компании. Сходите к адвокату, а еще лучше — к юристу-текстологу. Разберитесь в том, что мы предлагаем — и выполняем! — и сравните с тем, что предлагает и якобы выполняет «Сентрал вэли».— Он опять огляделся и подвинулся ко мне вплотную.— Мне бы не следовало этого говорить — и я надеюсь, вы не станете на меня

ссылаться, — но они даже не пользуются стандартными актуарными таблицами. Мы...

— Зато они, наверное, дают своим клиентам шанс?

— Что? Дорогой мистер Дэвис, мы распределяем между клиентами всю прибыль. Это требование нашего устава. А вот «Сентрал вэли» — акционерная компания.

— Тогда, может, мне стоит купить их ак... Слушайте, мистер Пауэлл, мы тратим время даром. Берет «Мьючел» моего дружка в клиенты или нет? Если нет, то я и так уже, наверное, подзадержался у вас.

— Вы хотите сказать, что готовы заплатить за то, чтобы эту тварь сохранили для вас в состоянии гипотермии?

— Я хочу сказать, что хочу купить Долгий Сон для нас обоих. И не называйте его «эта тварь». Его зовут Петроний.

— Пардон. Я сформулирую вопрос по-другому. Вы готовы внести соответствующую плату за то, чтобы мы поместили вас обоих — вас и, э-э, Петрония — в наше Хранилище?

— Да. Но не двойную плату. Что-то сверх обычной платы, конечно, но вы можете запихать нас обоих в один гроб. Ведь нечестно брать за Пита столько же, сколько вы берете за человека.

— Все это очень необычно.

— Безусловно. Но о цене мы поговорим позже. Или я буду торговаться с «Сентрал вэли». А сейчас я хочу выяснить, можете ли вы в принципе это сделать.

— Хм-м...— Он побарабанил пальцами по крышке стола.— Одну минуту.— Он снял трубку и сказал: — Беатрис, дайте мне доктора Берквиста.

Остальную часть беседы я не услышал. Он включил устройство, не позволяющее подслушивать. Но через некоторое время он положил трубку и улыбнулся так, словно у него умер богатый дядюшка.

— Хорошие новости, сэр! Я как-то совсем упустил из виду, что первые эксперименты проводились именно на кошках. Техника и критические параметры для них вполне известны. Как выяснилось, в одной лаборатории ВМС в Аннаполисе есть кот, который уже более двадцати лет в анабиозе.

— А я думал, весь тамошний военно-исследовательский комплекс разнесло, когда накрыли Вашингтон?

— Только наземные сооружения, сэр. Подземные уцелели. Так что это даже свидетельствует о совершенстве техники: свыше двух лет за этим котом следила только автоматика... и все же он жив — цел, невредим и молод. И вы, сэр, тоже проживете столько, на сколько вверите себя нашей фирме.

Мне показалось, что он сейчас осенит себя крестным знамением.

— Ладно-ладно, поехали дальше. Что у нас там еще?

«Еще» оказалось четыре. Первое — как платить за наше «обслуживание», пока мы нежимся в анабиозе. Второе — как долго я намерен проспать. Третье — во что я хотел бы вложить свои деньги, пока лежу в морозилке; и наконец, что будет, если я отдам концы и не проснусь.

Я выбрал двухтысячный год — круглое число, и всего в тридцати годах отсюда. Я побоялся, что если я просплю дольше, то совершенно растеряюсь в новом времени. Изменений, происшедших за последние тридцать лет — за мою жизнь, — достаточно, чтобы у человека глаза на лоб полезли: две больших войны и десяток малых, Великая Паника, искусственные спутники, переход на атомную энергию — да мало ли чего еще не было, когда я был мальчишкой, а теперь вот есть.

Возможно, что и в 2000-м я растеряюсь. Но если я не заберусь так далеко, то Белле не хватит времени для отращивания морщин.

Когда мы взялись решать, во что вложить деньги, я даже не стал обсуждать всякие государственные займы и прочие традиционные капиталовложения, потому что инфляция просто встроена в нашу финансовую систему. Я решил сохранить свои акции «Золушки» и вложить деньги в акции некоторых других компаний. Скажем, будет развиваться автоматика. Еще я выбрал одну фирму в Сан-Франциско, выпускавшую удобрения: она экспериментировала с дрожжами и съедобными водорослями; людей на свете с каждым годом все больше, а мясо дешеветь не собирается. А всю образующуюся прибыль я поручил

мистеру Пауэллу вкладывать в фонд доверительного управления их компании.

Но главный-то вопрос был — что делать, если я отдам концы, находясь в анабиозе. Фирма утверждала, что у меня больше семи шансов из десяти проспать Холодным Сном тридцать лет, и была готова принять ставку на любой исход. Шансы были неравны, да я иного и не ожидал: в любой азартной игре в выигрыше всегда тот, у кого в руках банк. Шулерам выгодно делать вид, что новичку везет, а страхование — это узаконенное шулерство. Самая старая и почтенная страховая фирма в мире — лондонский Ллойд — не стесняется признавать это: представители Ллойда могут принять ставку на любой стороне любого пари. Но насчет своих шансов не обольщайтесь: кто-то же должен платить портному за отличные костюмы, что носит «сам мистер Пауэлл»...

Я решил, что в случае моей смерти все деньги до последнего цента отходят в пользу компании, отчего мистер Пауэлл чуть не расцеловал меня, и я начал подозревать, что семь шансов из десяти, наверное,— приманка для оптимистов. Но я уперся на этом условии, потому что становился наследником (если выживу) всех тех, кто подпишет аналогичный контракт (если они умрут). Этакая «русская рулетка»: кто уцелеет — собирает бабки. А фирма, как всегда, гребет свои проценты.

Я поставил на возможность получить максимальную прибыль, не подстраховываясь на случай ошибки в выборе. Мистер Пауэлл просто исходил любовью ко мне, словно крупье к новичку, упорно ставящему на зеро*. А к тому времени, как мы оценили стоимость моего имущества, у него хватило ума не жмотничать в отношении Пита. Мы поладили на пятнадцати процентах от «человеческой» цены за его замораживание и оформили на него отдельный контракт.

Оставалось заверить бумаги в суде и пройти медосмотр. За медосмотр я не волновался: я крепко подозревал, что после того, как я решил завещать свое «состояние» компании в случае моей смерти, они протащат меня через медосмотр в любом случае, даже будь у меня последняя стадия черной оспы. Однако оформле-

ние бумаг в суде, наверное, долгая история. И неспроста: клиент в состоянии Холодного Сна юридически является лицом подопечным — живой, но беспомощный.

Я зря беспокоился. «Сам мистер Пауэлл» уже велел размножить все девятнадцать документов в четырех экземплярах. Я подписывал их, пока пальцы не свело, и посыльный умчался с ними в суд, когда меня повели на медосмотр. Мне даже не довелось взглянуть на судью.

Медосмотр оказался обычной нудной процедурой, за исключением одного момента. Заканчивая осмотр, врач посмотрел мне прямо в глаза и спросил:

— Давно пьешь, сынок?

— Пью?

— Пьешь.

— С чего вы взяли, доктор? Я не пьянее вас. Вот: на дворе трава, на траве...

— Все-все, хватит. Отвечайте на вопрос.

— Ну... недельки две, наверное. Может, чуть больше.

— Запой? Сколько раз это случалось раньше?

— Да, честно говоря, ни разу. Понимаете, я...— Я начал рассказывать ему, как обошлись со мной Майлс с Беллой и почему я чувствую себя так...

Он выставил перед собой ладонь.

— Прошу вас, довольно. Мне хватает своих переживаний, и я не психиатр. Все, что меня сейчас интересует — выдержит ли ваше сердце охлаждение до плюс четырех градусов. И обычно меня не волнует, почему человек настолько псих, что лезет в норку и закрывается изнутри. Я считаю, одним дураком меньше под ногами мотается. Но те скудные крохи профессиональной добросовестности, что у меня остались, не позволяют мне допустить, чтобы человек — *любой*, даже самый *жалкий* — *влез в этот гроб*, если у него мозг пропитан алкоголем. Повернитесь.

— А?

— Повернитесь. Уколю в левую ягодицу.

Что мы и сделали: я повернулся, он уколол. Пока я потирал место укола, он продолжил:

— Теперь выпейте это. Минут через двадцать вы будете трезвее, чем были месяц назад. После этого, если у вас осталось какое-то благоразумие (в чем я сомневаюсь), обдумайте свое положение и решите, надо ли вам сбегать от своих проблем или стоит попытаться решить их по-мужски.

Я выпил то, что он мне дал.

— Все, можете одеваться. Я подписываю ваши бумаги, но я вас предупреждаю, что могу наложить на них вето даже в последнюю минуту. Никакого спиртного; легкий ужин; и не завтракать. Придете к двенадцати для окончательной проверки.

Он отвернулся, даже не попрощавшись. Я оделся и вышел, обиженный до боли. Мистер Пауэлл уже приготовил все мои бумаги. Когда я их взял, он сказал:

— Вы можете оставить их здесь, если хотите, и взять завтра в двенадцать — тот комплект, который вы заберете с собой в ячейку.

— А что будет с остальными тремя?

— Один комплект мы храним у себя. После того как мы поместим вас на хранение, один экземпляр уйдет в суд, а еще один — в Карлсбадский архив. Э-э, насчет диеты вас доктор предупредил?

— Да уж, еще как.— Чтобы скрыть раздражение, я стал листать бумаги.

Мистер Пауэлл протянул руку.

— Я сберегу их тут до завтра, если позволите.

Я потянул их к себе.

— Я и сам их сберегу. Может, я выберу другие фирмы для капиталовложений.

— Э-э, это уж поздновато, мой дорогой мистер Дэвис.

— А вы меня не подгоняйте. Если я что-то изменю, я приду пораньше.

Я открыл сумку и запихал бумаги в боковой карман, рядом с Питом. Мне уже приходилось хранить там ценные бумаги. Хоть это и не архивы в Карлсбадских пещерах*, но бумаги там были целее, чем вы думаете. Как-то раз один воришка пытался увести что-то из этого кармана. Думаю, у него до сих пор остались шрамы от когтей Пита.

2

Машину свою я нашел на том же месте, где оставил: на стоянке у Першинг-сквер. Я бросил монетку в прорезь автосторожа, воткнул датчик автопилота в выезд на западную автостраду, вытащил Пита из сумки на заднее сиденье и расслабился.

Точнее, попытался расслабиться. Движение в Лос-Анджелесе слишком быстрое и сумасшедшее, не для моих нервов, и расслабиться на автопилоте мне не удалось. Когда-нибудь я переделаю этот автопилот: до «современного и безопасного прибора» ему пока далеко, подумал я еще.

Когда мы выехали на запад с Вест-авеню и переключились на ручное управление, я уже был на взводе и хотел выпить.

— А вон и оазис, Пит.

— Мурр?

— Вон там, впереди.

Но пока я искал место для своей машины (Лос-Анджелесу не грозит вражеское вторжение: оккупанты просто не найдут, где припарковаться!), я вспомнил, что доктор велел мне в рот не брать спиртного.

Я уже мысленно посоветовал ему пойти подальше вместе со его указаниями. Но тут подумал: а вдруг он и через сутки сумеет определить, пил я или не пил? Была какая-то статейка в журнале — меня она тогда не касалась, и я не очень в нее вчитывался.

Черт, а ведь он запросто может запретить погружать меня в анабиоз. Пожалуй, придется воздержаться на всякий случай.

— Мя?..

— Потом. Лучше найдем «драйв-ин»*.

Я внезапно понял, что не хочу выпить. Я хочу есть и спать. Доктор был прав: я был трезв и впервые за несколько месяцев чувствовал себя нормально. Может быть, ничего особенного он мне в задницу и не впорол — обычный витамин B_1. Но если так, то витаминчик был на реактивной тяге.

Поэтому мы нашли «драйв-ин». Я заказал себе цыпленка, пару котлет, а Питу — молока, и повел его прогуляться, ожидая,

пока принесут заказанное. Мы с Питом часто ели в таких кафе: туда не надо проносить кота тайком.

Через полчаса я вывел машину из потока, остановился, закурил, почесал Пита под подбородком и задумался.

Дэн, милый, доктор-то прав: ты пытаешься влезть в бутылку. Голова у тебя острая, пройдет, а вот плечам будет узковато. Теперь ты трезв; ты набил брюхо едой, и впервые за много дней она там уютно улеглась. Тебе лучше.

Чего же тебе еще? Насчет остального доктор, выходит, тоже прав? Ты что, капризный ребенок? Преодолеть препятствие — кишка тонка? Почему ты решился на этот шаг? На приключения потянуло? Или просто сам от себя прячешься?

Но я и впрямь хочу туда, в 2000-й год, подумал я. Это же — ух!..

О'кей, хочешь. Но разве дело — сбежать, не рассчитавшись здесь?

Ладно, а как это сделать? После того, что произошло, Белла мне больше не нужна. А что я еще могу? Подать на них в суд? Глупо. Доказательств у меня нет. Да и вообще в суде выигрывает только одна сторона — адвокаты.

— Мя-а! — поддержал Пит.

Я взглянул на его исполосованную шрамами голову. Да, Пит не стал бы судиться. Если ему не нравится покрой усов у другого кота, то Пит просто приглашает его выйти и подраться, как положено настоящему коту.

— Я думаю, ты прав, Пит. Сейчас найду Майлса, оторву ему руку и буду этой рукой бить его по голове, пока не признается. Долгий Сон малость обождет. Надо же узнать, как они это сделали и кто это сварганил.

Рядом оказалась телефонная будка. Я набрал номер Майлса, который оказался дома, и велел ему ждать моего приезда.

Мой старик нарек меня Дэниэл Бун Дэвис*. Так он провозгласил личную свободу и уверенность в себе. Я родился в 1940-м, когда все считали, что индивидуализм обречен и что будущее принадлежит человеку коллективному. Отец в это верить отказался и назвал меня так из чувства протеста. Он погиб в Северной Корее, до конца отстаивая свою точку зрения...

Когда началась Шестинедельная война, я уже имел диплом инженера-механика и служил в армии. Я не стал лезть в офицеры, несмотря на этот диплом. От отца я унаследовал непреодолимое стремление быть сам по себе: не командовать, не ходить под командой у других, не жить по расписанию. Я просто хотел отслужить свой срок — и домой. Когда «холодная война» стала «горячей», я был техником-сержантом в арсенале Сандия, в Нью-Мексико: начинял атомные бомбы Schrecklich keit* и строил планы на будущее, когда выйдет мой срок. В тот день, когда Сандия исчезла с лица земли, я был в Далласе. Радиоактивное облако понесло в сторону Оклахома-Сити, так что я остался цел и даже получил военную пенсию.

Пит тоже уцелел похожим образом. У меня был приятель, Майлс Джентри. Он давно отслужил в армии, но его призвали снова. Он был женат — взял вдову с ребенком, но к тому времени, как его призвали, жена умерла. Жил он не в казарме, а снимал квартиру недалеко от своей части, в Альбукерке, чтобы у его падчерицы Фредерики был дом и семья. А Рики (мы никогда не звали ее полным именем) присматривала за Питом. Слава кошачьей богине Бубастис*: Майлсу дали трое суток увольнения, и в тот жуткий день он увез Рики на выходные. А Рики прихватила с собой Пита — я-то не мог взять его в Даллас.

Когда оказалось, что в Тиле и других местах у нас заначено несколько дивизий, о которых никто и не подозревал, я удивился не меньше, чем все остальные. Еще с тридцатых годов было известно, что человека можно охладить так, что жизнь в нем замирает почти до нуля. Но до Шестинедельной войны все это считалось лабораторным трюком.

Военные исследования, я вам скажу, такая штука: если есть люди и деньги — будут и результаты. Напечатайте еще миллион долларов, наймите еще тысячу ученых и инженеров — и каким-то непостижимым, противоестественным образом вопросы начинают обретать ответы. *Стаз**, *холодный Сон*, *гибернация**, *гипотермия*, снижение метаболизма — называйте это как хотите, но группы исследователей (медиков и технарей) придумали способ хранить людей как поленья и использовать их по мере надобности.

Сначала «объект» нашпиговывают лекарствами, потом гипнотизируют, а затем охлаждают и хранят точнехонько при 4° С — при максимальной плотности воды без образования кристалликов льда. Если «объект» нужен быстро, его можно довести до кондиции при помощи диатермии и постгипнотического растормаживания за десять минут, но от такой спешки ткани стареют, а человек может стать немножко... глуповатым. Если не торопитесь, то лучше сделать все это часа за два. Ускоренный метод — метод заведомо опасный.

На такой поворот событий противник не рассчитывал, поэтому по окончании войны меня не расстреляли и не отправили в концлагерь. Мне заплатили денежки, и мы с Майлсом открыли свой бизнес примерно тогда же, когда страховые компании начали торговать Холодным Сном.

Мы уехали в пустыню Мохаве, открыли в списанном военном ангаре небольшую фабрику и начали выпускать «Золушку». Я обеспечивал техническую часть; у Майлса был опыт делового и юридического характера. Да, это я изобрел «Золушку» и всю ее родню — «Чистюлю Чарли» и других, хотя на заводских табличках и нет моей фамилии.

Пока я служил в армии, я много думал о том, что может инженер. Наняться в «Стэндард ойл», «Дженерал моторз», к Дюпону? Будешь питаться регулярно и летать в командировки в собственном самолете компании. Через тридцать лет — прощальный банкет и пенсия. Но хозяином самому себе ты не будешь.

Можно податься и в муниципальные службы: сразу приличная зарплата, тридцатидневный оплачиваемый отпуск, куча привилегий, хорошая пенсия и никаких хлопот. Но я уже отвык от государственной службы и хотел быть сам себе голова.

Что бы такое найти небольшое, для одного инженера, не требующее сперва шести миллионов человеко-часов труда, чтобы выпустить на рынок изделие? Этакий велосипедный заводик, купленный на сдачу от бакалейщика, вроде того, что завели когда-то Форд или братья Райт. Считается, что эти времена канули безвозвратно. Я в это не верил.

Грядет бум автоматизации: химические заводы, где весь персонал — два техника (следить за задвижками) да охранник. Автомат печатает билеты в одном городе, а другие автоматы ставят штамп «продано» в шести других городах. Стальные комбайны добывают уголь, а парни из «Юнайтед майнз» сидят да наблюдают. Поэтому, пока я служил у Дяди Сэма, я буквально впитывал все новинки по электронике и кибернетике, какие только мог найти, имея допуск к бумагам с пометкой «Совершенно секретно».

Куда автоматика приходит в последнюю очередь? Ответ: к домохозяйкам. Я отнюдь не собирался создавать «научно обоснованный» дом — женщинам это не нужно. Женщине нужна пещера, только хорошо оборудованная. Но домохозяйки вечно жалуются, что недовольны прислугой. Хотя прислуга, как явление, давно исчезла вслед за мамонтами.

Мне редко доводилось видеть домохозяйку, в которой не было бы чего-то рабовладельческого. Чуть ли не каждая спит и виит, как бы найти дюжую деревенскую девку, цель жизни которой в том, чтобы драить полы по четырнадцать часов в день, получать объедки с господского стола и те жалкие гроши, которыми и подмастерье ассенизатора пренебрег бы.

Поэтому мы назвали наше чудище «Золушка». В общем, это была просто улучшенная конструкция пылесоса; мы и продавать ее собирались по такой цене, чтобы конкурировать с обычными пылесосами. Что умела делать «Золушка» (первая модель, а не тот почти разумный робот, который получился после всех моих усовершенствований)? Мыть полы — любые полы, сутки напролет и без присмотра. А где-нибудь в доме всегда есть грязный пол. Она подметала, скребла, пылесосила или натирала в зависимости от того, что подсказывала ей ее дурацкая «память». Любой предмет размером больше игральной карты она поднимала с пола и клала в лоток на верхней крышке, чтобы кто-нибудь поумнее решил, выкинуть это или оставить. Она тихо ползала весь день, отыскивая грязь, по такому маршруту, что не пропускала ничего. Она сразу же выползала из комнаты, если в ней были люди (если только хозяйка не догонит ее и не щелкнет тумблером, означающим, что ей можно продолжить работу).

Пока хозяева обедали, «Золушка» возвращалась к своей стойке и тоже быстренько подзаряжалась (покуда мы не перешли на вечные батареи).

Между первой моделью «Золушки» и пылесосом большой разницы не было. Но того отличия, что существовало реально — способности убирать дом без присмотра, — оказалось достаточно: «Золушку» стали раскупать.

Схему челночно-рыскающего перемещения я содрал с игрушки «электрическая черепашка», описанной в журнале «Сайнтифик американ» в конце сороковых; блок памяти — из электронного мозга управляемых ракет (что хорошо в сверхсекретных штучках — их не патентуют!), а сами чистящие приспособления взял из десятка разных устройств, включая полотер для военных госпиталей, газировальный автомат и механические «руки»-манипуляторы, которыми пользуются на атомных заводах для работы с «горячими» деталями. Ничего по-настоящему нового во всем этом не было. Все дело заключалось в том, как я все эти части собрал воедино. «Искра божья», которую требуют наши изобретательские законы, — это умение найти хорошего патентоведа.

Самое гениальное было в технологии производства: всю машину можно было собрать из стандартных деталей, заказанных по почте, по каталогу фирмы «Свитс», кроме двух трехмерных кривошипов-толкателей и одной печатной платы. Печатную плату мы заказали отдельно; толкатели я делал сам в мастерской, которую мы гордо называли «фабрика», на станках, купленных из тех же списанных армейских излишков. Вначале вся сборочная бригада состояла из нас с Майлсом: тут приверни, там подпили, здесь подкрась. Действующая модель обошлась в четыре тысячи триста девятнадцать долларов девять центов; первая сотня серийных машин — чуть дороже тридцати девяти долларов за штуку, и мы продали их оптом в один лос-анджелесский магазин уцененных товаров по шестьдесят, а они распродали их в розницу по восемьдесят пять. Чтобы товар согласились принять для продажи, нам пришлось оформить сделку как договор о сдаче на комиссию, потому что денег на рекламу у нас уже не было, и мы чуть не умерли с голоду, прежде чем начали приходить пер-

вые деньги. Тут в журнале «Лайф» дали целый разворот про нашу «Золушку», и пришлось срочно нанимать помощников, чтобы собирать наших чудищ.

Белла Даркин появилась у нас вскоре после этого. Мы с Майлсом печатали наши деловые письма одним пальцем на разбитом «ундервуде» 1908 года. Беллу мы наняли в качестве машинистки и делопроизводителя, взяли в аренду электрическую машинку с респектабельным шрифтом и угольной лентой, а я придумал «шапку» для фирменного бланка. Всю прибыль мы вкладывали в дело. Пит и я спали прямо в мастерской, а Майлс с Рики — в каморке рядом. Организовать корпорацию мы решили для охраны своих прав. Но для этого надо не меньше трех пайщиков, так что мы дали Белле пару акций уставного фонда и поименовали ее в списке «секретарь-делопроизводитель». Майлс стал президентом корпорации и старшим менеджером, я — главным инженером и председателем правления (с пятьюдесятью одним процентом акций).

Поясню, почему я решил сохранить контроль. Я не жаден. Я просто хотел быть хозяином самому себе. Майлс, надо отдать ему должное, пахал на всю катушку. Но ведь шестьдесят с лишним процентов сбережений, на которые мы начали дело, были мои. А моих изобретений и инженерных решений — так и все сто. Майлсу ни за что бы не создать «Золушку», а я мог ее сделать с любым партнером, а может, и в одиночку. Хотя я наверняка потерпел бы неудачу, пытаясь сделать на этом деньги: Майлс был бизнесменом, а я — нет.

Но я хотел быть уверен, что сохраню контроль над производством, и предоставил Майлсу полную свободу в вопросах бизнеса. Как оказалось, слишком полную.

Первая модель «Золушки» шла нарасхват, как холодное пиво на пляже, и я был занят тем, что усовершенствовал ее конструкцию, организовал настоящий сборочный конвейер и поставил во главе мастера, после чего с радостью начал придумывать новые домашние приспособления.

Удивительно, как мало внимания уделяется домашней работе, а ведь это, как минимум, половина всей работы на свете.

В женских журналах писали об «экономии усилий в домашнем труде» и о «функциональных кухнях», но все это был детский лепет. На очаровательных картинках изображали помещения, где и варили, и ели, как во времена Шекспира. Техническая революция, создавшая самолет на смену лошади, прошла мимо кухни.

Я придерживался убеждения, что домохозяйки — консерваторы. Никаких «механизированных жилищ» — просто устройства для замены вымерших домашних слуг: чтобы чистили, варили и глядели за детьми.

Мое внимание привлекли грязные оконные стекла и то место в ванне, вокруг сливного отверстия, которое так трудно отмыть — приходится сгибаться в три погибели. Оказалось, что под воздействием электростатического устройства грязь сама отлетает от любой полированной поверхности — со стекла, умывальника, унитаза. Так возник «Чистюля Чарли», и удивительно, что никто не придумал его до меня. Я придерживал его до тех нор, пока не сделал таким дешевым, что просто невозможно устоять. А знаете, сколько брали мойщики окон за час работы?

Я не запускал «Чарли» в производство гораздо дольше, чем это устраивало Майлса. Он хотел пустить «Чарли» в продажу, как только тот стал достаточно дешев, но я настоял на одном: надо, чтобы «Чарли» было легко чинить. Главный недостаток большинства бытовых машин в том, что чем они лучше и больше умеют делать, тем чаще ломаются, и наверняка именно в тот момент, когда это устройство вам нужнее всего. И чтобы оно опять заработало, нужен специалист, берущий по пять долларов в час. А на следующей неделе опять что-нибудь выходит из строя: не кондиционер — так посудомоечная машина. Обычно это бывает в субботу вечером, во время метели и снегопада.

Я хотел, чтобы мои железяки работали безотказно, а их владельцы не наживали язву. Но все железяки портятся, даже мои. И пока не наступит великий день, когда придумают, чтобы в механизмах не было движущихся частей, техника будет ломаться. Если дом набит техникой, то всегда какая-нибудь машинка будет неисправна.

Но военные исследования дают результаты, и вояки справились с этой проблемой много лет назад. Нельзя же, в самом деле, терять тысячи и даже миллионы солдат, проигрывать битвы и целые войны только из-за того, что ломается какая-то железка с палец величиной. Для военных нужд применяются разные примочки: «безотказные» устройства, дублирующие цепи, повторители и разное такое. Из всего этого для бытовой техники годилось только одно: блочно-модульный принцип. Идея была до идиотизма проста: не чинить, а менять. Я решил сделать все части «Чарли», которые могли сломаться, легкосменными и продавать набор запчастей вместе с каждым «Чарли». Одни сломанные части можно будет выкинуть, другие — отправить в ремонт, но сам «Чарли» никогда не будет стоять сломанный дольше, чем надо, чтобы вставить запасную часть вместо вышедшей из строя.

Тут у нас с Майлсом вышла первая стычка. Я считал, что переход от образцов к серийному выпуску — вопрос чисто технический. Он же утверждал, что это проблема менеджмента. И если бы я не сохранил контроль, то «Чарли» пошел бы в продажу таким же подверженным приступам острого аппендицита, как и все остальные кухонные недоделки, которые якобы экономят время своих хозяев.

Белле удалось сгладить нашу ссору. Если бы она настояла, я бы, наверное, позволил Майлсу начать продажу «Чарли» раньше, чем робот будет доведен до ума, потому что я дурел от Беллы настолько, насколько мужчина вообще может одуреть от женщины.

Белла была не только прекрасным секретарем — своими «личными данными» она могла бы вдохновить Праксителя, а аромат ее духов действовал на меня, как запах валерьянки на Пита.

Хорошие секретарши вообще редкость; и когда очень хорошая вдруг соглашается служить на маленьком свечном заводике вроде нашего за грошовое жалованье, следует озадачиться вопросом: а почему? Но мы были так счастливы, когда она выкопала нас из-под лавины бумаг, засыпавшей нас в связи с торговлей «Золушкой», что даже не поинтересовались, а где, собственно, она служила раньше...

А потом, позже, я с гневом и возмущением отвергал все предложения Майлса проверить ее послужной список, ибо к тому времени размеры ее бюста уже серьезно повлияли на здравость моих суждений. Она благосклонно позволяла мне жаловаться ей на то, как одиноко мне жилось до ее появления, и даже говорила, что и она вот тоже, в некотором роде... но что ей хотелось бы сперва получше узнать меня.

Вскоре после того, как она погасила ссору между мною и Майлсом, она согласилась разделить со мной мою судьбу. Дэн, дорогой, сказала она, в тебе есть что-то... ты будешь великим человеком. И я хочу надеяться, что я — подходящая женщина, чтобы помочь тебе в этом.

— Ты именно такая женщина!

— Т-с-с, милый. Но я не выйду за тебя прямо сейчас, ведь это значит обременить тебя детьми и замучить до смерти всякими домашними заботами.

Я возражал, но она была непреклонна.

— Нет, дорогой. У нас впереди долгий путь. Твоя фирма станет знаменитой, как «Дженерал электрик». Когда мы поженимся, я хочу забыть про бизнес и посвятить себя только одному: составить твое счастье. Но сначала я должна позаботиться о твоем благосостоянии и твоем будущем. Доверься мне, милый.

Что я и сделал. Она не позволила мне купить ей в честь нашей помолвки дорогое кольцо. Вместо этого я перевел на ее имя несколько своих акций в качестве обручального подарка. При голосованиях они, конечно, считались моими. Я все пытаюсь вспомнить, чья это была идея насчет такого подарка — моя или ее?

После этого я еще сильнее налег на работу, выдумывая самоопорожняющуюся мусорную корзинку и приставку для вынимания чистой посуды из посудомоечной машины после мытья. Все были счастливы. Все, кроме Пита и Рики. Пит игнорировал Беллу, как и все, что он не одобрял, но не мог изменить. А вот Рики была очень несчастна.

Это моя вина. Рики считалась «моей девушкой» с шестилетнего возраста, еще в Сандии — этакая кроха с бантиками и огромными темными глазищами. Я собирался «жениться на ней»,

когда она вырастет, чтобы мы вместе могли заботиться о Пите. Я думал, что это игра; да, наверное, так оно и было. Всерьез было только обещание разрешить Рики смотреть за котом. Но вот поди узнай, что у ребенка на уме...

В отношении детей я не сентиментален: в большинстве своем это маленькие чудовища, и это с ними не проходит, пока они не вырастут (а у некоторых и после этого тоже...). Но малышка Фредерика была похожа на мою сестренку, вдобавок любила Пита и обращалась с ним прилично. А я, видимо, нравился ей, потому что не разговаривал с нею как с маленькой (сам этого в детстве терпеть не мог) и не подшучивал.

Рики была правильная девчонка: не врунья, не пискля и не ябеда, и было в ней скрытое достоинство. Мы дружили, вместе заботились о Пите, и, по моим понятиям, все эти разговоры про «мою девушку» были просто игрой. Я бросил эту игру, когда при бомбежке погибли мои мать и сестра. Это не было осознанное решение, мне просто стало не до игр, и больше мы к этому не возвращались. Рики тогда было семь лет. Когда появилась Белла, ей исполнилось десять. А к тому времени, как мы с Беллой объявили о своей помолвке, вероятно, одиннадцать.

Она ненавидела Беллу так сильно, что, наверное, только я об этом и знал, ибо внешне это проявлялось в нежелании разговаривать с нею. Белла говорила, что девочка ее стесняется, да и Майлс, по-моему, тоже так считал.

Но провести меня было труднее, и я попытался убедить Рики, уговорить ее. Вы никогда не пробовали говорить с подростком на тему, *которую он обсуждать не желает? Такие разговоры* — как об стенку горох. Но я думал, что это пройдет, когда Рики поймет, какая Белла замечательная.

Другое дело — Пит. Не будь я влюблен, я бы понял по его поведению, что нам с Беллой никогда друг друга не понять. Белла «обожала мою кошку» — ну еще бы, а как же иначе! Она обожала кошек, и мою пробивающуюся лысину, и мое умение выбирать хорошие рестораны, и вообще все-все, что касалось меня.

Но настоящего любителя кошек трудно обмануть, утверждая, будто ты любишь кошек. Есть кошатники, а есть «прочие»(и

их, наверное, большинство) — те, которые «не переносят это безобидное и полезное животное». Если из вежливости или по каким-то другим соображениям они пытаются это скрыть, то это сразу заметно, потому что они не понимают, как нужно обращаться с кошками.

Дело в том, что кошачий «протокол» еще строже, чем дипломатический. Он основан на взаимном уважении и чувстве собственного достоинства. В нем есть что-то от латиноамериканского *dignidad de hombre**, которое можно задеть, только рискуя жизнью.

Кошки начисто лишены чувства юмора, страшно обидчивы и очень чувствительны. Если бы меня спросили, почему надо стараться угодить своему коту, мне пришлось бы ответить, что логического объяснения этому нет. Я бы скорее сумел объяснить человеку, который не выносит пикантных сыров, почему ему «следует любить» лимбургский сыр. И тем не менее я хорошо понимаю того китайского мандарина, который приказал отрезать кружевной рукав своего бесценного халата, на котором уснул котенок.

Белла пыталась изобразить, как она «любит» Пита, обращаясь с ним, как с псом, и, естественно, он частенько ее царапал. Будучи умным котом, он тут же сматывался и держался подальше, что было весьма благоразумно с его стороны: я бы его выдрал, а Пита никто никогда не бил, даже я. Бить кошку более чем бесполезно: добиться от нее чего-либо можно только терпением, а не битьем.

Я смазывал Белле царапины и пытался объяснить, что она делает не так.

— Мне очень жаль, что так произошло, просто ужасно жаль. Но если ты будешь так делать и дальше, это будет случаться опять!

— Но я его просто приласкала!

— Ну да... Только так ласкают собак, а не кошек. Кота нельзя похлопывать по спине, его нужно гладить. Нельзя делать рядом с ним резких движений. Нельзя трогать его, если он не видит, что ты собираешься это сделать. И всегда смотри, нравится ли это ему. Если нет, он будет терпеть некоторое время из вежливости — кош-

ки очень вежливые животные — но можно заметить, что он просто терпит, и прекратить раньше, чем его терпение лопнет.

Я помедлил. Я колебался...

— Ты ведь не любишь кошек, а?

— Что? Фи, как глупо! Конечно же, я люблю кошек.— Но тут же добавила: — Просто я, наверное, мало имела с ними дело. Твоя кошка — она такая чувствительная, да?

— Кот. Пит — кот. Самец. Нет, он не такой чувствительный — с ним всегда хорошо обращались. Просто надо научиться правильно себя с ним вести. Ну, нельзя, скажем, смеяться над ним.

— Господи, это еще почему?

— Не потому, что они не смешные: они очень комичны. Но у них нет чувства юмора, и они очень обижаются. Конечно, он не оцарапает тебя, если ты станешь над ним смеяться. Он просто повернется и уйдет, но помириться с ним тебе будет сложно. Но это не самое главное. Гораздо важнее научиться брать кота на руки. Когда Пит вернется, я тебе покажу, как.

Но Пит тогда вернулся не скоро, и я так и не показал ей, как это надо делать. С тех пор Белла к нему не прикасалась. Она разговаривала с ним и делала вид, что он ей нравится, но держала дистанцию, и Пит — тоже. Я выбросил это все из головы: не мог же я из-за такой ерунды усомниться в женщине, значившей для меня в жизни все...

Однако позднее этот вопрос чуть не довел нас до разрыва. Мы обсуждали, где мы станем жить. Дату свадьбы Белла так и не давала назначить, но мы очень часто обсуждали детали будущей семейной жизни. Я хотел купить небольшое ранчо недалеко от фабрики. Белле была больше по душе квартира в городе, пока нам не по карману купить виллу и поместье. Я сказал:

— Дорогая, это неудобно. Мне надо быть поближе к фабрике. И кроме того, у нас ведь кот, а не кошка. Тебе не приходилось держать кота в городской квартире?

— Ах, это!.. Знаешь, милый, хорошо, что ты сам заговорил об этом. Я тут кое-что почитала про кошек, да-да. Мы его... прооперируем. Тогда он будет тихий, и ему будет в квартире распрекрасно.

Я глядел на нее, не веря ушам своим. Сделать из этого старого бойца евнуха? Превратить его в украшение для каминной полки?!

— Белла, ты сама не знаешь, что говоришь!

Она пустила в ход присказки вроде «мамуля лучше знает» и дежурные доводы людей, принимающих кошек за домашнее имущество: что ему не будет больно; что так ему же лучше; что она знает, как я люблю Пита, и что у нее и в мыслях не было лишать меня моего кота, и что это все очень просто, и не опасно, и для всех было бы лучше, если...

Тут я перебил ее:

— А почему бы не нас обоих — его и *меня*?!

— Что, милый?

— Я говорю: и меня тоже. Я тоже буду тогда смирный, тихий, не буду уходить из дома вечерами и спорить с тобой. Ты же сказала: это не больно. И потом: мне же будет лучше!..

Она вспыхнула:

— Ты несешь чепуху!

— А ты?

Больше она не заводила разговоров на эту тему. Белла никогда не позволяла разногласиям перерасти в ссору. Она умолкала и выжидала. Но никогда не отказывалась от своих намерений. В определенном смысле в ней было очень много от кошки. Может, поэтому она и была столь неотразима для меня?

Я был рад, что этот вопрос отпал. Я был по горло занят «Салли». На «Чарли» и «Золушке» мы наверняка должны были заработать кучу денег, но у меня просто чесались руки создать совершенный, универсальный домашний автомат — этакую прислугу на все руки. Можете назвать его роботом, хотя это слово затерли, а я вовсе не собирался делать механического человека.

Я хотел создать машину, способную делать по дому все — убирать, варить (ну, это естественно), но не только. Она должна уметь делать и сложные вещи: перепеленать младенца или сменить ленту в пишущей машинке. Я хотел, чтобы вместо полчища разных машин — «Золушки», «Чистюли Чарли», «Нянюшки Нэнси», «Посыльного Пэта» и «Садовника Сида» — семья могла купить всего одну машину (пусть даже она стоит столько,

сколько приличный автомобиль), но эта машина будет заботиться о них не хуже слуги-китайца (все о таких слугах читали, но никто из моих сверстников их в глаза не видывал).

Если мне удастся осуществить задуманное — это станет новой Декларацией эмансипации; это освободит женщин от их векового рабства. Я хотел, чтобы поговорка «домашнюю работу не переделаешь» устарела. Домашняя работа — штука нудная, однообразная и утомительная. Как инженера, меня это просто оскорбляло.

Чтобы это дело было по плечу инженеру-одиночке, почти вся моя «Универсальная Салли» должна была состоять из стандартных узлов и не основываться на новых принципах. Фундаментальные исследования — занятие не для одного человека. Придется опираться на уже созданное и придуманное, иначе мне этого не одолеть.

К счастью, придумано уже было немало, а я не зевал, когда имел допуск «СС» — «совершенно секретно». Создаваемая мною машина вряд ли должна была быть сложнее, чем управляемая ракета.

Чего же я хотел от своей «Салли»? Я хотел, чтобы она умела делать все, что приходится делать в доме человеку. Есть, спать, заниматься сексом или играть в карты ей не обязательно, а вот убирать со стола после карточной игры, готовить, стелить постель и нянчить детей — это уж будьте любезны. Или, по крайней мере, следить за дыханием ребенка и звать людей, если оно изменится. Я решил, что уметь отвечать на телефонные звонки ей тоже не обязательно: «Американ телефон энд телеграф» уже торгует такими устройствами. Открывать входную дверь опять же не обязательно — большинство новых домов оборудовано такими механизмами.

Но чтобы делать уйму дел, для которых «Салли» предназначалась, ей нужны были руки, глаза, уши и мозг. Хороший мозг.

«Руки» можно заказать в той же фирме, выпускавшей оборудование для атомных заводов, что поставляла их для нашей «Золушки», — только на этот раз «руки» были нужны самые лучшие: с массой сервоприводов и механизмами тонкой обратной

связи, такие какие используют для взвешивания радиоактивных изотопов на аналитических весах. Та же фирма будет делать и «глаза»; правда, «глаза» можно и попроще: «Салли» ведь не придется «видеть» сквозь метры бетона, как на атомных заводах. «Уши» я мог купить у любой из дюжины радиотелевизионных фирм, хотя мне и придется самому разрабатывать некоторые электронные цепи, чтобы «руки» одновременно управлялись импульсами от органов зрения, слуха и осязания, как человеческая рука.

Но на транзисторах и печатных платах в маленький объем можно запихать чертову уйму всего.

Лазить по пожарной лестнице «Салли» не придется; лучше я сделаю так, что шея у нее будет вытягиваться, как у страуса, а руки — удлиняться наподобие телескопических антенн. А вот должна ли она подниматься по ступеням? Вообще-то было такое инвалидное кресло с моторчиком, которое могло это делать. Может, купить такое и взять в качестве шасси, уменьшив сами механизмы до таких размеров, чтобы помещались в этом кресле, и такого веса, чтобы кресло выдержало? Вот и параметры определились. А электропривод и рулевое управление я выведу на «мозг».

Главная закавыка была в «мозге». Можно сделать механику наподобие человеческого скелета, а может, и лучше. Можно придумать систему обратной связи, достаточно точную и тонкую, чтобы робот мог забивать гвозди, мыть полы, бить яйца — или не бить яйца. Но пока у него между ушей не будет этой штуки, наподобие человеческой, — это не человек и даже не труп.

К счастью, мне не нужен был мозг на уровне человеческого. Мне надо было создать послушного дебила, способного делать однообразную домашнюю работу.

И тут пригодились ячейки памяти Торсена. Наши баллистические ракеты выбирали точку поражения, «размышляя» ячейками Торсена; применялись они и в системах регулирования дорожного движения, например, в Лос-Анджелесе, хотя и попроще, «поглупее». Не буду вдаваться в тонкости теории — их даже в «Бэлл лэбз» не очень понимают, — суть в том, что ячейку Торсена вводят в управляющую цепь, один раз управляют работой машины вручную, и ячейка «запоминает» последовательность

действий и в следующий раз может управлять работой сама, без оператора-человека, и так неограниченное число раз. Для станка-автомата этого достаточно; для управляемой ракеты и «Универсальной Салли» нужны еще несколько цепей, чтобы машина могла «мыслить». Никакое это, конечно, не мышление (я считаю, что машина вообще не может мыслить) , это просто побочные цепи — поисковые цепи, которые задают команды вроде: «Ищи то-то и то-то в пределах того-то и того-то; когда найдешь, исполняй основную программу». Основную программу можно сделать настолько сложной, насколько плотно удастся набить информацией ячейки Торсена (а набить ее туда можно ох как изрядно!), и составить так, чтобы она прерывалась, как только последовательность операций начнет отличаться от «запомнившихся» ячейкам Торсена.

Это означало, что только один раз «Универсальную Салли» надо было заставить убрать со стола, очистить от остатков пищи тарелки и поставить их в посудомоечную машину — после этого она сама справлялась с любой грязной посудой, на которую натыкалась. Более того: ячейку Торсена можно сначала зарядить электронной «памятью» и лишь потом вмонтировать в ее «голову». Тогда «Салли» справится с попавшейся ей грязной посудой сразу же, с первого раза, и никогда не разобьет ни одной тарелки.

Воткните другую «заряженную» ячейку рядом с первой — и она сумеет перепеленать малыша, и тоже с первого раза, и никогда — *никогда!* — *не* ущипнет его.

В квадратную голову «Салли» свободно помещалась добрая сотня ячеек Торсена, каждая — со своей электронной «памятью» о разных домашних делах. Теперь — сторожевая цепь, охватывающая все «умные» цепи: она заставляла «Салли» замереть на месте, включив сигнал тревоги, если та натыкалась на что-то, не укладывающееся в ее инструкции, чтобы не бить ненароком посуду (или детей!..).

Так что «Салли» я собрал на базе инвалидного кресла с электроприводом. Внешне это сильно смахивало на осьминога, обнимающегося с вешалкой, но видели бы вы, братцы, как она умела чистить столовое серебро!

* * *

Майлс наблюдал, как наша первая «Салли» смешивает «мартини», подает его; потом обходит комнату, опорожняя и протирая пепельницы (не трогая при этом чистые); затем открывает окно; после этого подходит к полкам и стирает пыль с книжек. Отхлебнув «мартини», Майлс заявил:

— Вермута многовато, пожалуй.

— А я именно такой и люблю. Но можно сделать, чтобы мне она смешивала коктейли так, а тебе — по-другому. У нее свободных ячеек еще навалом. Одно слово — универсальная.

Майлс отпил еще.

— Как скоро она будет готова для запуска в производство?

— Ну, я-то возился бы с ней еще лет десять.

Майлс застонал, и я торопливо добавил:

— Но модель попроще, я думаю, надо бы запустить пораньше — скажем, лет через пять.

— Ерунда! Наймем тебе кучу помощников, и чтобы все было готово через полгода.

— Черта с два! Это *magnum opus**, и я не выпущу ее из рук, пока она не станет шедевром: раза в три меньше, с легко заменяемыми, быстросъемными узлами (кроме, конечно, торсеновских ячеек), и настолько смышленой, чтобы она не только не заводила ключом кошек и не стирала пыль с детей, но даже играла в пинг-понг, если покупатель заплатит за дополнительное программирование.

Я взглянул на «Салли»: она тихонько стирала пыль с письменного стола, аккуратно укладывая каждую бумажку туда, откуда взяла. Я продолжил:

— Хотя играть с ней в пинг-понг, пожалуй, будет скучно: она не будет промахиваться. А впрочем, можно научить ее и этому: поставим генератор случайных чисел... да, это можно. А когда сделаем — устроим рекламный матч. Вот будет зрелище, а?

— Год, Дэн. Один год, и ни днем больше. И я найму дизайнера — помочь тебе с внешним оформлением.

Тут я сказал:

— Майлс, когда ты поймешь, наконец, что технической частью командую я? Вот когда я передам ее тебе — валяй, там ты хозяин. Но ни секундой раньше.

— А вермута все-таки многовато...— ответил Майлс.

С помощью наших механиков я возился с «Салли» до тех пор, пока она перестала напоминать результат столкновения двух мотоциклов и приобрела вид, вызывающий желание прихвастнуть ею перед соседками. Я тем временем довел до совершенства всю систему управления. Я даже научил ее гладить Пита и чесать его за ухом, а это, поверьте, требует такой же точной системы отрицательной обратной связи, как в оборудовании атомных лабораторий. Майлс не торопил меня, хотя время от времени заходил взглянуть, как идут дела. Работал я обычно по ночам, поужинав с Беллой и проводив ее домой. Большую часть дня я отсыпался, приезжал на фабрику после обеда, подмахивал приготовленные Беллой бумаги, проверял, что сделано за день в мастерской, и опять уезжал с Беллой ужинать. Я не очень выкладывался перед ужином, потому что после творческого труда от человека воняет, как от козла: утром, когда я возвращался из мастерской, вытерпеть меня мог разве что Пит.

Как-то раз, когда обед близился к концу, Белла спросила:

— Ты обратно на фабрику, милый?

— Конечно, а куда же еще.

— Хорошо. Майлс тоже должен приехать.

— Майлс?

— Он хочет провести собрание пайщиков.

— Собрание пайщиков? Зачем?

— Это ненадолго. Ты ведь в последнее время не очень вникал в дела фирмы, милый. Майлс хочет кое-что уточнить насчет нашей рекламной политики; я точно не знаю.

— Я в основном занят инженерными делами. А что, собственно, еще я могу делать для фирмы?

— Ничего, милый. Майлс говорит, что собрание — ненадолго.

Майлс уже ждал нас на фабрике и поздоровался со мною за руку так торжественно, будто мы месяц не виделись. Я спросил его, в чем дело. Он повернулся к Белле.

— Достань, пожалуйста, повестку дня.

Уже тогда я должен был понять, что Белла солгала мне, будто бы Майлс не говорил ей, что он замышляет. Но мне это и в голову не пришло (я же верил Белле, черт возьми!), да еще вдобавок меня кое-что отвлекло: Белла подошла к сейфу, повернула ручку — и сейф открылся. Я спросил:

— Кстати, дорогая, я вчера хотел открыть его и не смог. Ты что, сменила шифр?

Она перекладывала папки и не повернулась ко мне.

— Разве я тебе не сказала? Охрана попросила меня сменить шифр после ложной тревоги на прошлой неделе.

— А... ты лучше дай мне новый шифр, а то, не ровен час, придется звонить вам среди ночи!

— Конечно.— Она закрыла сейф и положила папку на стол, который мы использовали для совещаний. Майлс откашлялся и сказал:

— Давайте начнем.

Я ответил:

— О'кей. Дорогая, раз это официальное собрание, то, мне кажется, надо бы вести протокол. Хм, итак: среда, восемнадцатое ноября тысяча девятьсот семидесятого года. Девять часов двадцать минут вечера. Присутствуют все пайщики — запиши наши имена; председатель правления и ведущий собрание — Д.Б. Дэвис. Есть ли вопросы, оставшиеся не рассмотренными ранее?

Таковых не оказалось.

— О'кей, Майлс, твой выход. Есть ли новые вопросы?

Майлс опять прочистил горло:

— Я хочу обсудить и пересмотреть политику фирмы, предложить программу действий на будущее и представить на рассмотрение совета предложения о привлечении внешних инвестиций.

— Не дури, Майлс. У нас положительный баланс, и дела идут лучше с каждым днем. Чего тебе не хватает? Если денег на текущем счету, то можем добавить!

— Новая программа не позволит нам сохранить положительный баланс. Нам нужна более широкая структура капиталовложений.

— Какая еще новая программа?

— Дэн, ну, пожалуйста! Я не поленился все это подробно записать. Пусть Белла прочтет.

— Ну что ж... пусть прочтет.

Опуская крючкотворские пассажи (а Майлс, как все юристы, очень любил длинные слова), дело сводилось к трем пунктам. Во-первых, Майлс хотел отобрать у меня «Универсальную Салли», передать ее группе инженеров-технологов и немедленно выбросить на рынок. Во-вторых...

Тут я перебил его:

— Нет!

— Подожди, Дэн. Как президент и старший менеджер, я определенно имею право, чтобы мои соображения выслушали, не перебивая. Оставь свои комментарии при себе и дай Белле дочитать.

— Ладно. Но другого ответа не будет.

Во-вторых, хватит нам быть кустарями, считал Майлс. У нас в руках большое изобретение не менее важное, чем автомобиль,— и немалая фора. Так что надо немедленно расширяться, создавать организацию всеамериканского, а возможно и всемирного, масштаба: оптовая торговля, розничная — ну, и производство, соответственно.

Я начал барабанить пальцами по столу. Я представил себя главным инженером такого предприятия: у меня даже чертежную доску отберут, а если я возьму в руки паяльник — профсоюз тут же объявит забастовку. С тем же успехом я мог остаться служить в армии и попытаться стать генералом. Но я не перебивал.

В-третьих, такие дела с нашими грошами не проворачивают — нужны миллионы. Миллионы предлагала «Манникс энтерпрайзиз»; фактически она просто покупала нас на корню вместе с «Универсальной Салли», вершками и корешками. Мы превратились бы в ее дочернюю корпорацию. Майлс стал бы начальником отдела, а я — ведущим конструктором, но доброе старое время уже не воротишь: мы оба станем просто батраками.

— Это все? — осведомился я.

— Мм-м... да. Давайте обсудим и проголосуем.

— По-моему, надо еще включить пункт, гарантирующий нам право сидеть вечером перед хижиной и петь спиричуэлс.

— Это не шутки, Дэн. Так надо.

— А я и не шучу: чтобы раб не бунтовал, ему надо дать какие-то привилегии. О'кей. Можно мне?

— Валяй.

Я выдвинул встречное предложение, которое давно вертелось в голове. Я предложил свернуть производство. Джейк Шмидт, наш мастер цеха, был славный малый. Но меня то и дело выдергивали из теплого творческого тумана — устранять дефекты сборки. Ощущение такое, будто тебя из теплой постели вываливают в ледяную воду. Вот из-за этого-то я и старался побольше работать по ночам, а днем держаться подальше от цеха. А когда привезут еще ангары и укомплектуют ночную смену, мне и вовсе не видать покоя для творчества, даже если мы и отклоним этот безумный план — втиснуться между «Дженерал моторз» и «Консолидейтед». У меня не две головы; я не могу быть и изобретателем, и производственником.

Так что я предложил: давайте не будем расти. Лучше продадим лицензии на «Золушку» и «Чарли» — пусть их выпускает и продает кто-нибудь другой. А мы будем получать свои отчисления. А когда «дозреет» «Салли», мы и ее можем лицензировать. Если «Манникс» интересуют наши лицензии, пусть торгуется. Переторгует других — ради бога! А мы сменим вывеску на «Конструкторскую корпорацию Дэвис и Джентри» и опять будем работать втроем. Ну, еще парочка механиков — помогать мне собирать новые модели. А Майлсу и Белле останется только сидеть да считать денежки, что к нам потекут.

Майлс медленно покачал головой.

— Нет, Дэн. Конечно, лицензирование — это тоже деньги. Но ничего похожего на то, что мы можем иметь, делая нашу технику сами.

— Черт побери, Майлс, да ведь мы как раз и не будем делать ее сами, в том-то и дело! Мы просто продадимся «Манникс» с

потрохами. А деньги — сколько ты хочешь? Больше одной яхты и одного бассейна тебе не надо. И то и другое у тебя будет еще в этом году, если захочешь.

— Не хочу.

— А что же ты хочешь?

Он поднял голову.

— Дэн, ты хочешь изобретать? Мой план — это возможность иметь для этого любые деньги и вообще все на свете. А я — я хочу рулить крупным делом. Большим делом. У меня к этому талант.— Он взглянул на Беллу.— Я не желаю до конца дней торчать здесь, посреди пустыни, и работать менеджером у изобретателя-одиночки.

Я пристально посмотрел на него.

— В Сандии ты по-другому говорил. Хочешь выйти из игры, Папуля? Нам с Беллой будет очень жаль... но раз ты так решил, я, наверное, смогу заложить фабрику и выкупить твою долю. Я никого не хочу связывать.

Я был просто потрясен до самых пяток. Но если старине Майлсу так не терпелось, у меня не было никакого морального права удерживать его.

— Нет, я не хочу выйти из игры, я хочу, чтобы мы расширялись. Ты слышал мое предложение. Оно официальное. Так что давайте голосовать.

Наверное, у меня был удивленный вид.

— Ты так хочешь?! О'кей, Белла, я голосую против. Запиши. Но я не буду вносить свое контрпредложение сегодня. Давайте обговорим его и обсудим. Я ведь тебе, Майлс, добра желаю.

Майлс упрямо повторил:

— Давайте сделаем все, как положено. Голосуем, Белла.

— Хорошо, сэр. Майлс Джентри, акции номер...— она прочитала номера акций.— Как вы голосуете?

— За.

Она записала в журнал.

— Дэниэл Б. Дэвис, акции номер...— она опять отбарабанила серию телефонных номеров. Я не очень вслушивался в эту проформу.— Как вы голосуете?

— Против. Так что все ясно. Извини, Майлс.

— Белла С. Даркин, — продолжила Белла, — акции номер, — *она опять прочитала ряд цифр.*— *Я голосую «за».*

Я открыл рот. Потом с трудом закрыл его и сказал:

— Но, детка, так нельзя! Это, конечно, твои акции, но ты же знаешь, что...

— Огласите результаты, — хрипло сказал Майлс.

— «За» — больше. Предложение принято.

— Запишите.

— Да, сэр.

Следующие несколько минут я помню смутно. Сперва я орал на нее. Потом уговаривал. Наконец я озверел и выложил ей, что она поступает нечестно, что я, конечно, отписал ей часть своих акций, но она же прекрасно знает, что ими всегда голосую я и что я не собираюсь расставаться с контролем над компанией, что это был просто обручальный подарок, и все. Я же даже сам заплатил недавно подоходный налог по этим акциям, черт возьми! Если она способна откалывать такие номера, когда мы еще только помолвлены, тогда что же можно будет ожидать от нее после свадьбы?

Она посмотрела мне прямо в лицо совершенно чужим взглядом.

— Дэн Дэвис, если ты полагаешь, что после всего, что ты мне тут наговорил, мы еще помолвлены, то ты еще глупее, чем я всегда о тебе думала.

Она повернулась к Джентри.

— Ты меня отвезешь, Майлс?

— Разумеется, дорогая.

Я начал что-то говорить, но тут же заткнулся и вышел, спотыкаясь и забыв шляпу. И хорошо, что вовремя ушел — я тогда мог просто убить Майлса (на Беллу у меня рука не поднялась бы).

Я, конечно, не сумел заснуть. Около четырех часов ночи я встал, позвонил в пару мест и в половине шестого уже подъезжал к фабрике на грузовике. Я подошел к воротам, чтобы отпереть их, заехать внутрь и погрузить свою «Универсальную Салли» в кузов — весила-то она четыреста фунтов. Однако на воротах висел новый замок.

Я перелез через забор, ободрав руку о колючую проволоку. Изнутри я легко справился бы с замком: инструмента в мастерской хватало на все случаи. Но замок на двери тоже сменили.

Я разглядывал его, прикидывая, что легче — выбить монтировкой окно или взять из машины домкрат и отжать дверь, — когда кто-то позади меня рявкнул: «Эй ты, руки вверх!»

Руки я не поднял, но повернулся. Средних лет человек целился в меня из какого-то оружия. Калибр был подходящий для бомбардировки крепости.

— Кто вы такой, черт возьми?!

— А вы кто такой?

— Дэн Дэвис, главный инженер этого заведения.

— А-а...

Он малость расслабился, но миномет свой по-прежнему не опускал.

— Да, по описанию похожи. Но если у вас есть какой-нибудь документ, я бы предпочел взглянуть на него.

— А с какой бы это стати? Я же спросил: кто вы такой?

— Я? Ну, вы меня не знаете. Зовут Джо Тодд, служу в местной охранной фирме. Частный детектив. А вы должны были про нас слышать: наши патрульные уже много месяцев охраняют вашу фирму. Хотя сегодня я здесь со спецзаданием.

— Да? Тогда, раз у вас есть ключ, впустите меня. Я хочу войти. И уберите свою гаубицу.

Он все еще целился в меня.

— Не могу, мистер Дэвис. Во-первых, ключа у меня нет. Во-вторых, насчет вас у меня конкретные распоряжения: впускать вас не велено. Идемте, я открою вам ворота.

— Ворота вы откроете, но внутрь я все-таки войду.

Я оглянулся вокруг в поисках булыжника — разбить окно.

— Мистер Дэвис...

— Ну?

— Не советую настаивать. Я плохой стрелок, так что не могу рисковать, целясь в ноги. Мне придется стрелять вам в живот, а пули у меня разрывные. В общем, зрелище будет довольно неприятное.

Наверное, из-за этого я и передумал, хотя сейчас мне приятнее думать, что причина была в другом, а именно: когда я снова взглянул в окно, то увидал, что на том месте, где я оставил «Салли», ее не было.

Выпроводив меня за ворота, Тодд вручил мне небольшой конверт.

— Мне велели отдать вам это, если вы появитесь.

Я прочел письмо в кабине грузовика. Оно гласило:

18 ноября 1970 года

Уважаемый мистер Дэвис!

На состоявшемся сегодня заседании Совета директоров принято решение прервать Ваши отношения (кроме как акционера) с корпорацией, в соответствии с третьим параграфом Вашего контракта. Убедительно просим Вас не входить на территорию предприятия. Ваши личные вещи и бумаги Вы получите в целости.

Совет директоров благодарит Вас за службу и сожалеет о расхождении точек зрения на вопросы политики фирмы, повлекшем это решение.

Искренне Ваши,

Майлс Джентри,
председатель Совета директоров и старший менеджер;
Белла С. Даркин, секр.-делопроизводитель

Я перечитал письмо дважды, прежде чем сообразил, что у меня сроду не было никакого контракта, содержащего третий параграф (равно как и все прочие).

В тот же день посыльный привез мне в мотель, где я держал чистые сорочки, пакет. В нем была моя шляпа, ручка, запасная логарифмическая линейка, куча книг и личных писем, а также ряд документов. Но чертежей «Универсальной Салли» там не было.

Некоторые документы были очень любопытные. Например, мой «контракт»: там, ясное дело, был третий параграф, по которому меня могли выгнать без предупреждения, с выходным пособием в размере трехмесячного заработка. Но седьмой параграф был

еще интереснее. Согласно этому параграфу я обязуюсь в течение пяти лет не поступать на работу в конкурирующие фирмы, не испросив ранее согласия у прежнего нанимателя, платившего мне соответствующую «компенсацию» в случае увольнения. Иными словами, я могу возобновить работу в любое время; надо только прийти со шляпой в руке к Майлсу и Белле и попросить у них разрешения. Шляпу, видимо, мне вернули именно для этого.

Но пять долгих лет я не мог работать над бытовыми приборами без их разрешения. Проще, наверное, самому себе горло перерезать.

Были там и надлежащим образом оформленные копии актов передачи мною прав на все мои патенты фирме «Золушка Инк.» — на «Золушку», на «Чарли» и еще на некоторые мелочи. «Универсальная Салли», конечно, запатентована еще не была. (Это я так думал. Как было на самом деле, я узнал позже.)

Но я никогда не переуступал своих патентов. Я даже лицензий на них не оформлял: корпорация была моим детищем, и я не видел в этом срочности.

Последними тремя документами были: сертификат на мои акции (кроме тех, что я подарил Белле), заверенный к оплате чек, и письмо, поясняющее составляющие суммы чека: зарплата, за вычетом накладных расходов; трехмесячная зарплата как выходное пособие; компенсация за «седьмой параграф» и, наконец, надбавка в тысячу долларов «в знак признательности за особые заслуги» — последнее было очень мило с их стороны.

Перечитывая эту поразительную подборку, я успел понять, что я был не слишком умен, подмахивая подряд все, что Белла мне подсовывала на подпись. А в том, что подписи были мои, сомневаться не приходилось.

На другой день я настолько успокоился, что пошел посоветоваться с адвокатом — очень ловким, жадным и не слишком щепетильным. Сперва он хотел взяться за это дело — за приличный процент. Но, закончив разглядывать мои экспонаты и узнав подробности, он скис и сложил руки на животе.

— Дэн, я дам вам совет. Бесплатно.

— Ну?

— Не рыпайтесь. Шансов у вас нет.

— Но вы же говорили...

— Я знаю, что говорю. Они вас облапошили. Но как вы это докажете? У них хватило ума не трогать ваших акций и не обчистить вас до последнего цента. Вы получили то, что должны были получить, если бы все было по честному и вы ушли (или вас выгнали), как они пишут, из-за разных точек зрения. Вам выдали все, что причитается, и даже тысячу сверх того, как пинок под зад — дескать, ступай, мы на тебя не сердимся.

— Но у меня не было никакого контракта! И я не переуступал этих патентов!

— Из ваших бумаг явствует, что был и контракт, и все остальное. Подписи ваши, вы сами признаете. Кто-нибудь может подтвердить ваши слова?

Я подумал. Доказать я, конечно, ничего не мог. Даже Джейк Шмидт не знал, что делается в конторе. Единственными свидетелями были... Белла и Майлс.

— Теперь насчет тех акций, что вы подарили. Это единственный шанс их свалить. Если вы...

— Но это — единственная бумажка во всей стопке, которая действительно законна. Я сам переписал эти акции на ее имя.

— Да, но почему? Вы сказали, что это был обручальный подарок. Как она голосовала, теперь несущественно. Если вы докажете, что это был обручальный подарок ввиду предстоящей женитьбы, то сможете заставить ее либо выйти за вас, либо вернуть их. Есть прецедент: дело «Мак-Нолти против Родса». Тогда вы опять получаете контрольный пакет и вышибаете их вон. Сумеете это доказать?

— Черт, я не хочу на ней жениться!

— Это ваше дело. Просто все по порядку. Есть у вас свидетели, письма, какие-то доказательства того, что, даря акции, вы подразумевали, что это — подарок вашей будущей жене?

Я задумался. Свидетели у меня, понятное дело, были. Все те же двое: Майлс и Белла.

— Вот видите? У вас только ваши слова — против их слов, но их двое, и у них вдобавок еще куча документов. Вы не только

ничего не добьетесь, но и кончите тем, что попадете в такое место, где каждый — Наполеон, с диагнозом «навязчивые идеи...». Мой вам совет: займитесь чем-то другим. Или плюньте на их седьмой параграф и заведите свое дело. Мне было бы очень интересно посмотреть, как пойдет подобное дело в суде, конечно, при условии, что мне не придется вас защищать. Но не пытайтесь обвинить их в сговоре. Они выиграют дело, предъявят вам встречный иск и отберут даже то, что оставили сейчас.

Он встал.

Я воспользовался его советом ничего не предпринимать только частично: на первом этаже в том же здании был бар. Я зашел туда и пропустил пару рюмок, а потом еще полдюжины.

Пока я ехал к Майлсу, времени на воспоминания у меня было достаточно.

Когда у нас завелись деньги, Майлс с Рики перебрались в Сан-Фернандо-Вэли, подальше от нашего пустынного пекла, и сняли отличную квартиру. Я обрадовался, вспомнив, что Рики нет дома (она была в скаутском лагере на Большом Медвежьем озере): мне не хотелось, чтобы она присутствовала при размолвке между мной и ее отчимом.

Машины в туннеле Сепульведа ползли бампер к бамперу. И тут мне пришло в голову, что недурно было бы куда-нибудь деть свой сертификат на акции «Золушки», а не тащить его с собой к Майлсу. Никаких грубостей не ожидалось (если я сам не начну грубить), но мысль была верная. Я теперь был осторожен, как кот, которому однажды прищемили дверью хвост.

Оставить в машине? А вдруг меня арестуют за драку (если драка все-таки случится)? Глупо будет, если сертификат найдут при обыске отбуксированной в полицию машины.

Можно, конечно, послать по почте самому себе, но последнее время я получал почту до востребования на центральном почтамте: мне приходилось частенько переезжать из отеля в отель, потому что раньше или позже Пита обнаруживали.

Можно отправить кому-то, кому я доверяю. Вот только список тех, кому я доверял, был слишком короток...

И тут я вспомнил, кому я могу доверять: Рики.

Может показаться, что я сам нарывался на неприятности, решив довериться одной женщине после того, как меня только что провела другая. Но тут ничего общего. Я знал Рики почти всю ее жизнь, и если на свете был честный человек — так это Рики. И Пит, кстати, тоже так считал. Кроме того, внешние данные Рики никак не могли повлиять на мужское благоразумие: ее женственность была у нее только на лице — на фигуре она пока никак не отразилась.

Выбравшись из «пробки» в туннеле, я свернул с автострады и нашел аптеку. В кассе я купил марки, два конверта — побольше и поменьше — и писчей бумаги.

Я начал писать:

> Дорогая Рики-Тики-Тави!
>
> Надеюсь, мы скоро увидимся, а пока что сбереги для меня этот конверт, что поменьше. Это секрет, только между нами.

Я остановился и задумался. Черт побери, ведь случись со мною что-нибудь, скажем автокатастрофа, и ценные бумаги, отосланные Рики, в конце концов могут попасть к Белле и Майлсу. Если я не придумаю, как это предотвратить. Обдумывая, как это сделать, я понял, что подсознательно уже принял решение насчет Холодного Сна: я передумал. Протрезвление и лекция, прочитанная мне доктором, как-то расправили мне плечи. Я уже не собирался сбежать — я решил остаться и драться. И этот сертификат был для меня наилучшим оружием. Он давал мне право поинтересоваться их отчетностью; он позволял мне совать свой нос во все и всяческие дела компании. И если они опять попытаются не пустить меня, наняв охранника, то в следующий раз я смогу приехать с адвокатом, помощником шерифа и судебным ордером. Я даже мог потащить их с этим сертификатом в суд. Дело я, наверное, не выиграл бы, но по крайней мере наделал бы шуму и вони, и тогда «Манникс», возможно, и передумала бы покупать их.

Может, вовсе и не следовало посылать это Рики.

Нет. Если со мною что-нибудь случится — пусть это достанется ей. Вся моя «семья» состояла из Рики и Пита. И я стал писать дальше:

> Если вдруг я не увижусь с тобой в течение года — значит, со мной что-то случилось. Тогда позаботься о Пите, если сумеешь его разыскать, и, *никому не говоря ни слова*, отвези малый конверт в любое отделение «Бэнк оф америка», отдай сотруднику траст-отдела и попроси его вскрыть.
>
> Обнимаю тебя и крепко целую.
>
> *Твой дядя Дэнни.*

Потом я взял новый лист и написал: «3 декабря 1970 года, Лос-Анджелес, Калифорния.— Я, Дэниэл Б. Дэвис, данным распоряжением передаю принадлежащие мне ценные бумаги (здесь я указал реквизиты и номера моих акций «Золушки Инк.») на доверительное хранение «Бэнк оф америка» на имя Фредерики Вирджинии Джентри с тем, чтобы они перешли в ее собственность по достижении ею двадцати одного года» — и подписался. Намерения мои были ясны, и это было лучшее, что я мог придумать за прилавком аптеки, под завывание музыкального автомата прямо над ухом. Это гарантировало, что Рики получит акции, если со мною что-нибудь случится, и что Майлсу и Белле они ну никак не достанутся. Но если все обойдется, то я смогу просто попросить Рики вернуть мне конверт, когда повидаюсь с нею. Я специально не стал заполнять раздел «изменение владельца» на обороте сертификата: в случае чего не придется оформлять кучу бумаг (это очень сложная процедура, когда несовершеннолетний отдает распоряжение о передаче ценных бумаг), чтобы получить сертификат обратно, достаточно просто порвать отдельный лист бумаги.

Я убрал сертификат и сопроводительное письмо в меньший конверт, заклеил его, положил вместе с письмом к Рики в большой конверт, наклеил марку, написал адрес Рики в скаутском лагере и бросил в ящик у дверей аптеки. Судя по надписи на нем, следующая выемка будет через сорок минут. Я влез в машину с чувством заметного облегчения — не столько от того, что мои акции теперь были в безопасности, сколько от сознания, что я разрешил свою главную проблему.

Ну, точнее, не «разрешил», а просто решил идти навстречу трудностям, а не бегать от них, не прятаться в норку, как Рип ван Винкль* какой-нибудь, и не пытаться утопить их в спиртных напитках различной крепости. Я, конечно, хотел увидеть двухтысячный год. Но я и так его увижу, только чуть позже — когда мне стукнет шестьдесят. Возможно, я еще буду в этом возрасте на девочек поглядывать. Куда спешить-то? Нормальному человеку ни к чему прыгать в следующее столетие. Это все равно что смотреть конец фильма, не зная, что было перед этим. Надо просто радоваться жизни тридцать лет подряд — тогда я, вероятно, легче сумею понять двухтысячный год, когда он наступит.

А пока что я собирался сцепиться с Майлсом и Беллой. Может, я и не смогу их одолеть, но зато они узнают что почем. Как Пит, который иногда возвращался домой весь в крови, но громко и настойчиво мяукал: «Видели бы вы того, другого кота!»

От сегодняшнего разговора с Майлсом я многого и не ожидал. В общем-то, это было просто формальным объявлением войны. Я хотел испортить ему сон, и чтобы он позвонил Белле и в свою очередь испортил сон ей.

3

Подъезжая к дому Майлса, я начал насвистывать. Мне стало наплевать на эту драгоценную парочку, и за последние пятнадцать минут я успел выдумать две совершенно новые машинки, каждая из которых должна была сделать меня богатым человеком. Одна — чертежное устройство с управлением наподобие клавиатуры пишущей машинки. Я прикинул, что только в США наберется не меньше пятидесяти тысяч инженеров-конструкторов, которые каждый день горбатятся над своими кульманами и всей душой их ненавидят. От этой работы болит поясница и портятся глаза. Не то чтобы им не нравилась их работа — конструировать очень увлекательно, — но чисто физически это очень тяжкий труд. С моей же штуковиной они смогут сидеть в креслах и нажимать на клавиши, а изображение будет само появляться

перед ними на экране над клавиатурой. Нажмите три клавиши одновременно — получите в нужном месте горизонтальную линию. Нажмите еще одну клавишу — и вертикальная линия рассекает горизонтальную пополам. Нажмите две клавиши, а потом еще две — и проведите линию строго под нужным углом.

Господи, да за небольшую доплату я бы добавил еще один экран, чтобы на первом архитектор чертил в изометрии (это единственный удобный способ конструирования), а на втором изображение сразу появлялось бы с учетом законов перспективы без всякого участия человека. Да что там — можно заставить эту штуку из изометрии выдавать сразу даже разрезы и поэтажные планы!

Главная прелесть заключалась в том, что все это нетрудно было почти полностью собрать из стандартных частей, каких навалом в любом радиомагазине. Кроме, конечно, панели управления, которую я наверняка смог бы смастерить, купив обычную электрическую пишущую машинку, выдрав из нее все потроха и подключив клавиши к соответствующим цепям. Месяц, чтобы сделать примитивную модель, и еще шесть недель на отлаживание...

Но эти мысли я заткнул в дальний угол памяти, уверенный, что я смогу сделать это устройство и что свой рынок оно найдет. Гораздо больше меня вдохновляла мысль, что я, кажется, нашел способ переплюнуть нашу старушку «Салли» по части универсальности. Про «Салли» я знал больше, чем кто-либо, даже если бы этот «кто-то» корпел над нею целый год. Чего никто не знал — этого не было даже в моих записях, — так это того, что на каждое техническое решение, примененное мною, у меня был как минимум еще один вариант и что я был скован в выборе тем, что рассматривал «Салли» только как домашнюю прислугу. Для начала я мог освободить ее от необходимости жить в электрическом инвалидном кресле. После этого я мог делать что угодно. Вот только ячейки Торсена мне для этого понадобятся, но тут Майлс был мне не помеха: их может купить любой, кто пожелает заняться кибернетикой.

Чертежная машина подождет. Я займусь этим многоцелевым автоматом, который можно будет запрограммировать на все, что может человек, лишь бы для этих действий не требовался человеческий разум.

Нет, вначале я все-таки сделаю чертежную машину, а уж потом с ее помощью сконструирую «Премудрого Пита».

— Слышишь, Пит? Мы назовем первого робота на свете в твою честь!

— Мррря-а-а-у!

— Зря сомневаешься — это большая честь.

После «Салли» я мог сконструировать «Пита» прямо на своей чертежной машине, довести его до совершенства, причем быстро. Эта модель сместит «Салли» с пьедестала еще до того, как они успеют пустить ее в производство. Если повезет, я пущу их по миру, и они еще придут уговаривать меня вернуться.

В окнах Майлса горел свет, а его машина стояла возле дома. Я припарковал свою рядом, сказав Питу:

— Ты уж лучше сиди тут, парень, и карауль машину. Если кто сунется — быстро кричи «стой!» три раза подряд и стреляй в грудь.

— Мяу!

— Если ты хочешь войти со мною в дом, то тебе придется сидеть в сумке.

— Мя-а-а-у!

— И не спорь. Полезай в сумку.

Пит прыгнул в сумку.

Майлс открыл мне дверь. Никто из нас не сделал попытки поздороваться за руку. Он проводил меня в гостиную и показал рукой в сторону кресла: мол, прошу садиться.

Белла была здесь же. Я не ожидал увидеть ее, но, наверное, ничего удивительного в ее присутствии не было. Я глянул на нее и ухмыльнулся:

— Какая приятная встреча! Только не говори мне, что ты ехала из Мохаве в такую даль специально, чтобы поболтать с добрым старым Дэном?! — Я, когда завожусь, начинаю грубить дамам.

Белла нахмурилась.

— Не остри, Дэн. Выкладывай, что ты хотел, если тебе есть что сказать, и проваливай.

— Ну, ты меня не торопи. Здесь так мило: мой бывший партнер; моя бывшая возлюбленная... Жаль, что нет моей бывшей работы.

Майлс сказал умиротворяюще:

— Зря ты так, Дэн. Мы же это все для твоей же собственной пользы... и потом, ты же можешь в любой момент опять начать работать, стоит тебе захотеть. Я буду рад.

— Для моей же пользы? Примерно так сказали конокраду, перед тем как вздернуть его на виселице. А насчет моего возвращения — ты как, Белла? Могу я вернуться?

Она закусила губу.

— Если Майлс так считает — конечно.

— А ведь еще вчера, кажется, было так: «Если Дэн так считает...». Все меняется, такова жизнь. Но я не вернусь, ребята, не дергайтесь. Я просто хотел сегодня кое-что выяснить.

Майлс взглянул на Беллу. Она спросила:

— Например?

— Ну, во-первых, кто из вас придумал меня надуть? Или вы это вместе?

Майлс произнес медленно:

— Неудачное ты выбрал слово, Дэн. Оно мне не нравится.

— Да ладно, давайте без обиняков. Если уж слово плохое, то дело, которое оно обозначает, в десять раз хуже. Я имею в виду поддельный контракт и фальшивые переуступки патентов. Это ведь по федеральным законам карается, Майлс. Смотри, будешь видеть солнышко по нечетным средам. Я еще не уверен, но в ФБР мне скажут точно. Завтра, — добавил я, заметив, как сморщился Майлс.

— Дэн, неужели у тебя хватит ума мутить воду?

— Воду? Нет, ребята, я просто потащу вас в суд — и по гражданскому иску, и по уголовному. Вам даже почесаться будет некогда... если только вы не согласитесь сделать одно дело. Да, я еще забыл ваш третий грешок: кражу моих записей и чертежей по «Салли»... и действующей модели тоже; хотя, конечно, вы можете заставить меня внести стоимость материалов, пошедших на ее изготовление, — ведь платила-то за них компания.

— Кража? Чушь! — огрызнулась Белла.— Ты же работал над ней для компании.

— Разве? Работал-то я в основном по ночам. И я никогда не был служащим, Белла, как вам обоим известно. Я просто тратил

на жизнь ту прибыль, что набегала по моим акциям. Интересно, что скажут в «Манникс», когда узнают, что изделия, которые они собираются купить — «Золушка», «Чарли» и «Салли», — не принадлежали компании, а были украдены у меня?

— Ерунда, — уныло повторила Белла.— Ты работал на компанию. У тебя был контракт.

Я откинулся назад и расхохотался.

— Слушайте, ребята, чего вы сейчас-то врете? Не надо. Это вы оставьте для суда, когда будете давать показания. Тут-то, кроме нас, никого нет. Я действительно хочу знать: кто это придумал? Я понимаю, как это было сделано. Белла, ты приносила мне бумаги на подпись. Если бумаг было много, ты прикрепляла копии к первому экземпляру скрепками — естественно, только для моего удобства: ты всегда была прекрасной секретаршей. От копий я видел только то место, где надо расписываться. Так что это ты подсунула мне эти джокеры в колоду. Значит, исполнителем была ты. Майлс бы не сумел это сделать. Тьфу ты, да Майлс и печатать-то путем не умел. Но вот кто составил те документы, что ты мне подкладывала? Ты? Не думаю. Если, конечно, у тебя нет юридического образования, о котором ты помалкивала. А, Майлс? Могла простая стенографистка так безупречно составить этот «седьмой параграф»? Или для этого нужен был юрист? То есть ты!

Сигара Майлса давно погасла. Он вынул ее изо рта, внимательно осмотрел и сказал осторожно:

— Дэн, дружище, если ты думаешь, что мы сейчас признаемся, то ты спятил.

— Ой, брось, мы же тут одни. Так или иначе, вы оба виноваты. Я, конечно, хотел бы верить, что эта Далила* явилась к тебе с готовым планом и просто соблазнила тебя в минуту слабости. Но ведь это не так, я знаю. Если только Белла сама не юрист, то вы наверняка работали вместе. Вы сообщники: ты составил эти бумаги, а Белла их отпечатала и сделала так, чтобы я их подписал. Верно?

— Не отвечай, Майлс!

— Разумеется, я не стану отвечать, — согласился Майлс.— Может, у него в этой сумке магнитофон.

— Неплохо было бы, — поддакнул я, — но — увы.— Я открыл сумку, и Пит высунул голову.— Ты все слышал, Пит? Смотрите, ребята: у Пита память, как у слона. Нет, магнитофона я не принес: я все тот же лопух Дэн Дэвис, который не умеет думать наперед. Сроду спотыкаюсь, потому что доверяю друзьям. Вот вам, например. Белла — юрист, Майлс? Или ты сам хладнокровно продумал, как меня обчистить, чтобы это выглядело законно?

— Майлс! — перебила Белла.— С его способностями он мог сделать магнитофон размером с пачку сигарет. Может, он у него не в сумке, а в кармане?!

— Хорошая идея, Белла. В другой раз я так и сделаю...

— Я это учитываю, дорогая, — ответил Майлс, — и если это так, то ты слишком много болтаешь. Прикуси язык.

Белла выдала в ответ такое — я даже не предполагал, что она знает такие слова. У меня глаза на лоб полезли.

— Начали грызться? Вор у вора...

Тут я с радостью отметил, что терпение Майлса начало подходить к концу.

— Ты тоже прикуси язык, Дэн, если здоровье дорого.

— Тю-тю-тю!.. Я ведь помоложе тебя, да и дзюдо занимался недавно. Стрелять в людей ты не умеешь — ты лучше обложишь человека фальшивыми контрактами со всех сторон. Я сказал «воры», и я имел в виду именно то, что сказал. Жулики и лжецы вы оба.

Я повернулся к Белле.

— Мой старик учил меня, что женщину нельзя так называть. Но ты, прелесть моя, не женщина — ты воришка. И врушка. И... шлюха.

Белла залилась краской и посмотрела на меня таким взглядом, что вся ее красота улетучилась, а из-под нее проступили черты хищного зверя.

— Майлс! — взвизгнула она.— Ты так и будешь сидеть, пока он...

— Спокойно! — приказал Майлс.— Грубит он нарочно. Он хочет, чтобы мы разозлились и наговорили таких вещей, о которых потом пожалеем. Что ты почти и делаешь. Так что уймись.

Белла заткнулась, хотя злости в ее лице не поубавилось. Майлс повернулся ко мне.

— Дэн, я человек практичный. Я ведь пытался тебя урезонить, прежде чем ты ушел из фирмы. Я старался уладить дело так, чтобы ты мог принять неизбежное достойно.

— Ты хочешь сказать, чтобы я не кричал, когда меня насилуют?

— Как тебе угодно. Я все еще надеюсь с тобой поладить. Никакое дело против нас тебе выиграть не удастся, но, как юрист, я знаю: лучше не доводить дело до суда, чем выигрывать его. Если это возможно. Ты сегодня сказал, что мы могли бы что-то сделать, чтобы умиротворить тебя. Скажи мне, что это. Возможно, мы договоримся.

— Ах, это... Я как раз к этому подошел. Ты не можешь этого сделать. Но возможно, ты сумеешь организовать это. Все очень просто. Сделай так, чтобы Белла вернула мне акции, подаренные ей в качестве обручального подарка.

— Нет! — сказала Белла.

Майлс буркнул:

— Я же велел тебе помалкивать!

Я взглянул на нее и спросил.

— А почему бы и нет, дорогая? То есть бывшая дорогая... Я консультировался на этот счет, и адвокат сказал, что раз я подарил их тебе в расчете на твое обещание выйти за меня замуж, то ты не только морально, но и по закону обязана вернуть их. Это был не «свободный дар» — так, кажется, это называется? — а подарок, сделанный в расчете на определенные встречные шаги, которых *я так и не дождался. Или ты опять передумала* и мы поженимся, а?

Она обстоятельно разъяснила, где и когда я могу рассчитывать жениться на ней. Майлс устало процедил:

— Белла, ты зря стараешься. Ты что, не видишь, что он просто пытается взять нас за глотку?

Он повернулся ко мне.

— Дэн, если ты пришел ради этого, то можешь уходить... Я согласен, что если бы дела обстояли так, как ты говоришь, то у тебя был бы шанс. Но все было не так. Ты передал Белле эти акции в уплату.

— Как? В уплату за что? И где квитанция?

— Ее и не могло быть. В уплату за оказанные компании услуги, выходящие за рамки ее служебных обязанностей.

Я выкатил глаза.

— Очаровательная теория! Послушай, старина, если эти «услуги» оказывались компании, а не лично мне, тогда ты тоже должен был знать о них и заплатить ей равную долю: мы ведь делили доходы пополам, хотя у меня и был (точнее, я думал, что был) контрольный пакет. Не хочешь ли ты сказать, что тоже отстегнул Белле блок акций такого же размера?

Они как-то странно взглянули друг на друга, и меня вдруг словно что-то внутри толкнуло.

— А ведь так, похоже, и было! Держу пари, что моя крошка и тебя заставила это сделать, припугнув, что иначе она выйдет из игры. Так, да? Если так, то она наверняка зарегистрировала передачу акций сразу же. И по датам регистрации можно увидеть, что я перевел на нее акции сразу после помолвки — а дата помолвки была в «Дезерт Геральд», а ты — когда вы все подстроили. И все это есть в ваших конторских книгах... А может, судья и поверит мне, а? Как ты думаешь, Майлс?

Я расколол их. Я их расколол! По их лицам я понял, что наткнулся на обстоятельство, которое им в жизни не объяснить и которое я никак не должен был узнать. Значит, я их прижал... И тут — еще одна безумная догадка. Безумная ли? Нет, вполне логичная.

— А сколько акций он тебе дал, Белла? Столько же, сколько ты получила от меня за нашу «помолвку»? Для него ты сделала больше, значит, и получить ты должна была побольше.

Я внезапно остановился.

— Скажите... я вот подумал: странно, что Белла приехала сюда, чтобы поговорить со мной, — я ведь знаю, как она не любит эти поездки. Так, может, ниоткуда ты и не ехала, а была тут всю дорогу? Вы что, уже живете вместе? Или я должен назвать это «помолвлены»? А может, вы уже поженились? — Я чуть поразмыслил.— Готов поспорить, что это так. Ты, Майлс, не такой олух, как я. Ставлю последнюю рубашку, что ты никогда не отдал бы Белле акции только за обещание выйти за тебя. А вот к свадьбе — мог бы, с условием, что сохранишь право голосовать ими.

Не трудись отвечать — завтра я сам раскопаю. Это тоже где-нибудь записано.

Майлс взглянул на Беллу и сказал:

— Не трать время. Познакомься: миссис Джентри.

— Вот как? Поздравляю вас обоих, вы друг друга стоите. Теперь насчет моих акций. Поскольку миссис Джентри уже никак не может выйти за меня, то...

— Не пори чепухи, Дэн. Сейчас я разнесу твою смехотворную теорию в мелкие дребезги. Акции я передал Белле так же, как и ты, и с той же мотивировкой: в уплату за услуги фирме. Как ты и сказал, это можно найти в делах. Поженились мы всего неделю назад... а вот акции она получила уже довольно давно, можешь убедиться сам, если не лень. Увязать эти два события тебе не удастся. Акции она получила от каждого из нас за неоценимые услуги фирме. А потом, когда ты ее бросил и ушел из фирмы, мы поженились.

Да, прокол. Майлс слишком умен, чтобы врать мне о том, что я легко могу проверить. И все же была в этом какая-то ложь, которую я пока еще не раскусил. Пока еще.

— Где и когда вы поженились?

— В суде Санта-Барбары в прошлый четверг. Хотя это и не твое дело.

Черт его побери, что-то не верится мне, что он смог отдать Белле акции раньше, чем наложил на нее лапы!.. Это я мог так промахнуться, а на него это было не похоже.

— Я вот подумал, Майлс: если я найму детектива, не окажется ли, что вы уже однажды поженились, чуть раньше? Может, в Юме или в Неваде? А может, вы смотались в Рино, когда ездили на север на заседание налоговой комиссии? Если окажется, что такой брак был зарегистрирован, то, может быть, дата передачи акций и дата переуступки моих патентов фирме улягутся в очень интересный орнамент. А?

Майлс не дрогнул. Он даже не взглянул на Беллу. Что же касается Беллы, то ненависти в ее лице и так было столько, что больше некуда. Однако все было очень похоже на правду, и я решил разрабатывать свою догадку до конца.

Майлс просто сказал:

— Дэн, я долго терпел тебя и пытался помириться. Все, что я получил взамен,— одни оскорбления. Так что, я думаю, тебе пора выметаться. Иначе, ей-богу, я вытряхну вас отсюда — тебя и твоего блошливого кота!

— Первый раз за весь вечер слышу мужские слова. Только не надо называть Пита блошливым: он все понимает и может попытаться унести на память кусочек тебя. О'кей, экс-друг, я уйду. Я только хочу произнести заключительную речь — очень короткую, буквально пару слов. Вероятно, это будут последние слова, которые я вам скажу. О'кей?

Белла сказала встревоженно:

— Майлс, мне надо тебе что-то сказать.

Он отмахнулся от нее не глядя.

— О'кей. Только покороче.

Я повернулся к Белле.

— То, что я скажу, тебе вряд ли понравится. Ты бы лучше ушла, Белла.

Она, разумеется, осталась. Я и сказал-то нарочно, чтобы она не ушла. Потом оглянулся на него:

— Майлс, я не очень на тебя сердит. То, что может сделать мужчина ради женщины, невероятно. Если поддались даже Самсон и Марк Антоний — как я мог требовать от тебя, чтобы ты устоял? По существу, я должен быть тебе даже благодарен вместо того, чтобы сердиться. Наверное, я немножко и благодарен. Во всяком случае, мне тебя жаль.— Я бросил взгляд на Беллу.— Теперь ты получил ее и все связанные с этим проблемы. Мне это стоило денег и — временно — душевного покоя. А вот во что она обойдется тебе? Она обманула меня; она даже сумела уговорить тебя, моего верного друга, обмануть меня. А скоро она снюхается еще с каким-нибудь мошенником и начнет морочить голову тебе... Когда? Через неделю? Через месяц? А может быть, дотерпит до следующего года? Но раньше или позже она все равно...

— Майлс! — взвизгнула Белла.

Майлс зарычал:

— Вон отсюда!

И я понял, что пора уходить. Я встал.

— Мы как раз собирались идти. Жаль мне тебя, дружище. Мы оба сделали одну и ту же промашку, и это наша общая вина. Но платить придется тебе одному. Это скверно: за такую невинную ошибку...

Его любопытство пересилило.

— Что ты имеешь в виду?

— Нам следовало поинтересоваться, почему это такая женщина — умная, красивая, толковая, ну, в общем, все при ней — вдруг решила пойти к нам машинисткой за гроши. Если бы мы взяли у нее отпечатки пальцев, как в больших фирмах, и провели обычную проверку, может, мы бы ее и не наняли... и тогда мы все еще были бы партнерами.

Майлс вдруг взглянул на свою жену: у нее был вид загнанного в угол зверя. Вот только таких красивых зверей не бывает...

Я просто не мог уйти, не воспользовавшись моментом. Я подошел к ней со словами:

— Ну, Белла? Если взять твой стакан и снять с него отпечатки пальцев — что выплывет? Грязные фотографии по почте? Крупный шантаж? Или многомужие? Ты, поди, женила на себе богатых лопухов? Интересно, по закону Майлс вообще твой муж или как? — Я протянул руку и поднял со стола ее стакан.

Белла выбила его у меня из рук. Майлс что-то крикнул.

На этом, к сожалению, моя удача кончилась. Я по глупости своей вошел в клетку к хищникам без оружия и забыл первую заповедь дрессировщика: никогда не поворачиваться к зверю спиной. Я повернулся к Майлсу. Белла потянулась к сумочке. Я еще подумал, что она выбрала очень удачное время искать сигареты.

И тут я почувствовал укол.

Помню, как ноги у меня подкосились и я начал падать на ковер, чувствуя только одно: безграничное удивление, что Белла могла так со мною поступить. Оказывается, я все еще верил ей.

4

Сознания я не потерял. У меня закружилась голова и немного затошнило, когда сработал препарат — он действует быстрее

морфия. Но и только. Майлс что-то крикнул Белле и подхватил меня под мышки, когда у меня подломились колени. Пока он дотащил меня до кресла и посадил в него, даже головокружение прошло.

Но хотя я и был в сознании, часть меня словно умерла. Теперь-то я знаю, что они мне всадили: это был зомбин — выдумка Дяди Сэма в ответ на «промывку мозгов». Насколько мне известно, его ни разу не применяли на заключенных, но наши парни пользовались им, расследуя дело о «промывке мозгов»: незаконно, зато эффективно. Теперь подобные препараты используют для ускоренного психоанализа, но, по-моему, даже психоаналитику приходится получать разрешение суда, чтобы использовать его.

Бог его знает, где Белла добыла это средство. Но ведь Бог один и знает, скольких еще простаков она одурачила.

Меня же это не интересовало. Меня вообще ничего не интересовало. Я, как кукла, лежал в кресле, слышал все, что происходило вокруг, и видел все, что попадало в поле моего зрения. Но если бы передо мною появилась даже сама леди Годива* без своей лошади, я бы не смог скосить глаза вслед за нею.

Если бы мне не приказали их скосить.

Пит выпрыгнул из сумки, подбежал ко мне и спросил, в чем дело. Не получив ответа, он стал отчаянно тереться о мои икры, требуя ответа. А когда я и тут не ответил, он вспрыгнул ко мне на колени, уперся передними лапами в грудь и потребовал сказать сейчас же и без глупостей: что происходит?

Я опять не ответил, и тогда он начал выть.

Тут Майлс и Белла обратили на него внимание. Когда Майлс усадил меня в кресло, он повернулся к Белле и сказал с упреком:

— Ну что ты натворила! Ты что, с ума сошла?

Белла ответила:

— Спокойно, Майлс. Теперь мы уделаем его раз и навсегда.

— Что? Если ты думаешь, что я буду участвовать в убийстве...

— Отвянь! Это было бы логично... но у тебя для этого кишка тонка. Слава богу, теперь это не нужно. Мы накачали его таким зельем...

— Что ты хочешь сказать?

— Он теперь наш. Он будет делать то, что я ему прикажу. Неприятностей от него теперь не будет.

— Но... господи, Белла, нельзя же его держать под этим кайфом вечно. Когда-нибудь он очухается, и...

— Хватит болтать, не в суде. Ты же не знаешь, на что способно это средство, а я знаю. Когда его действие кончится, он сделает то, что я ему велю сделать. Скажу ему, чтобы он не судился с нами — не будет судиться. Прикажу, чтобы прекратил совать нос в наши дела — оставит нас в покое. Прикажу уехать в Тимбукту — поедет. Велю забыть все, что было,— забудет... впрочем, он и так забудет.

Я слышал ее, понимал ее, но мне было совершенно не интересно. Если бы кто-нибудь крикнул «Пожар!», я бы и это понял, но мне все равно было бы неинтересно.

— Не верю.

— Не веришь? — Она как-то странно взглянула на него.— Зря...

— Ну-ка, что ты хочешь сказать?

— Ладно, ладно... Эта штука действует, вот и все. Но сперва надо...

Вот в этот момент Пит и завыл.

Мало кому доводилось слышать, как воет кот. Можно прожить всю жизнь и ни разу не услыхать этого. Они не воют в драке, как бы сильно им ни досталось. Они не воют, если им что-то не нравится. Коты воют только от полного отчаяния, когда происходит что-то невыносимое, а они ничего не могут с этим поделать. Когда им ничего не остается, как взвыть.

Стерпеть этот вой очень трудно, он прямо по нервам скребет.

Майлс повернулся и сказал:

— Чертов кот! Надо его отсюда выгнать.

Белла процедила:

— Убей его.

— Да? Вечно ты так, Белла. Да Дэн из-за своего бесценного кота поднимет больше шума, чем если бы мы его обчистили дочиста. Вот...

Он повернулся и поднял дорожную сумку — прибежище Пита.

— Я его убью! — заявила Белла кровожадно.— Я давным-давно мечтаю его прикончить.— Она оглянулась вокруг и увидела каминную кочергу. Подбежав к камину, она схватила ее.

Майлс поднял Пита и попытался засунуть его в сумку.

Попытался — очень подходящее слово. Пит не терпит, чтобы его брал в руки кто-нибудь, кроме меня и Рики. Да и я не рискнул бы трогать его, когда он воет, без предварительных «переговоров»: когда кот нервничает, с ним надо обращаться, как с гремучей ртутью. Но будь он даже в хорошем настроении, он все равно никому не позволил бы безнаказанно брать его за шкирку.

Пит вцепился ему зубами в палец, а когтями — в руку. Майлс вскрикнул и выпустил его.

Белла крикнула: «Посторонись!» и кинулась на Пита с кочергой. Намерения Беллы были вполне ясны. Оружие и сила у нее были. Вот только обращаться с этим оружием она не умела, а Пит своим владел как следует. Он поднырнул под опускающуюся кочергу и вцепился в Беллу всеми четырьмя — по две лапы на каждую ногу.

Белла вскрикнула и уронила кочергу.

Остального я почти не видел. Я по-прежнему смотрел прямо перед собой и видел большую часть комнаты, но только в пределах своего поля зрения, потому что никто не приказал мне поворачивать голову. Так что остальное до меня доходило в основном в звуках, за исключением одного кадра, когда они оба промелькнули перед моими глазами, гонясь за котом. А потом сразу же в обратную сторону — преследуемые котом. После этого я мог только слышать шум битвы: топот, крики, ругань, вопли и грохот падающих предметов.

Не думаю, однако, что им удалось до него даже дотронуться.

Худшее, что могло со мной случиться,— то, что в звездный час Пита, в день его великой битвы и великой победы я не только не видел подробностей сражения, но и был совершенно не в состоянии оценить их по достоинству. Я мог видеть и слышать, но не мог чувствовать. В великий Момент Истины Пита я был нем и слеп.

Теперь, вспоминая все, я испытываю чувства, которых был лишен тогда. Но это не одно и то же: теперь я навеки обездолен, словно человек, проспавший свой медовый месяц летаргическим сном.

Внезапно грохот и крики прекратились, и вскоре Майлс и Белла вернулись в гостиную. С трудом переводя дух, Белла сказала:

— Кто оставил открытой сетчатую дверь от комаров?

— Ты! Помолчи. Он уже удрал.— Лицо и руки у Майлса были в ссадинах, и он безуспешно пытался унять кровь на исцарапанном лбу. Судя по одежде, он где-то оступился и упал. Пиджак на спине был порван.

— А вот черта с два! Пистолет в доме есть?

— А?

— Пристрелю эту поганую кошку.— У Беллы видок был еще почище, чем у Майлса. Открытого тела, до которого сумел добраться Пит, у нее было больше: ноги, руки и плечи. Было ясно, что ей не скоро придется носить открытые платья, к тому же если ею немедленно не займется специалист, то наверняка останутся шрамы. Она смахивала сейчас на гарпию после раунда вольной борьбы с сестрами.

Майлс сказал ей:

— Сядь!

Она ответила ему кратко и в отрицательном смысле:

— Я убью эту кошку!

— Тогда не садись. Ступай умойся. Я обработаю тебя йодом, а ты — меня. А про кота забудь: сбежал — и слава богу.

Она сказала что-то неразборчивое, но Майлс понял.

— От такой и слышу... Подумай, Белла, если бы у меня был пистолет (я не сказал, что он есть) и ты начала бы из него палить, то независимо от того, попала бы ты в кота или нет, полиция была бы тут через десять минут, суя свой нос куда не надо и задавая лишние вопросы. Ты этого добиваешься, когда он здесь, у нас?

Он кивнул в мою сторону.

— И если ты выйдешь с пистолетом из дома, то эта тварь скорее всего прикончит тебя.— Он весь сморщился от боли.— Должен быть закон, запрещающий держать подобных зверей: он же опасен для окружающих. Ты только послушай!

Было слышно, как Пит ходит вокруг дома. Теперь это был не вой, а боевой клич: он предлагал им выбрать оружие и выйти — по одному или обоим сразу.

Белла прислушалась, и ее передернуло. Майлс сказал:

— Не беспокойся, внутрь ему не войти. Ту сетчатую дверь, что ты забыла закрыть, я запер.

— Я не забывала ее закрыть!..

— Как знаешь...

Майлс обошел комнату, проверяя, заперты ли окна. Вскоре Белла ушла, а вслед за нею и Майлс.

Через некоторое время Пит замолчал. Долго ли их не было, я не знаю: время для меня ничего не значило.

Белла вернулась первой. Лицо и прическа у нее были в полном порядке. Она надела платье с длинными рукавами и высоким воротом и новые чулки вместо порванных Питом. Кроме кусочков пластыря, следов битвы на ее лице видно не было, и если бы не унылое выражение на физиономии, то при других обстоятельствах я бы нашел ее даже привлекательной.

Она подошла прямо ко мне и велела встать. Я встал. Она быстро и умело обыскала меня, не забыв про кармашек для часов, карманы рубашки и даже косой внутренний карманчик на левом борту, которого нет у большинства пиджаков. Улов был невелик: немного денег в бумажнике, удостоверение личности, водительские права, ключи, мелочь, несколько скрепок, ингалятор от смога и конверт с чеком, который она сама мне и отправила. Она перевернула чек, прочла передаточную надпись, которую я сделал на обороте, и удивилась:

— Что это, Дэн? Покупаешь страховку?

— Нет.— Я бы рассказал ей все, но я мог отвечать только на последний из заданных вопросов.

Она задумчиво нахмурилась и сунула чек вместе со всем остальным мне в карман. Тут на глаза ей попалась сумка Пита, и она, видимо, вспомнила про боковой карман, который я использовал для хранения документов, потому что сразу же взяла ее и залезла в него рукой.

Она тут же обнаружила полторы дюжины документов, да еще в четырех экземплярах, которые я подписал для «Мьючел эшшуранс компани». Она уселась и стала их читать. Я стоял, где поставили: этакий портновский манекен, который забыли убрать в угол.

Тут явился Майлс в купальном халате, тапочках, бинтах и пластыре. Вид у него был, как у боксера среднего веса, проигравшего восемь раундов подряд. На лысине у него тоже красовалась повязка, наподобие ермолки — видно, Пит достал его, когда он упал.

Белла подняла голову, поманила его к себе и молча показала на лежавшую перед ней стопку документов. Он сел рядом и начал быстро читать. Он догнал ее и последнюю бумажку уже читал, глядя ей через плечо.

Она сказала:

— Дело приобретает несколько иную окраску.

— Мягко сказано. Бумаги на четвертое декабря — это завтра. Белла, он же горячий, как утюг! Надо срочно от него избавляться.— Он взглянул на часы.— Утром его станут искать.

— Майлс, ты начинаешь мелко дрожать при первых же признаках опасности. Это наш шанс. Может, такой шанс, на который мы надеяться не смели.

— С чего ты взяла?

— У зомбина, как он ни хорош, есть один недостаток. Предположим, ты накачал им кого-то и загрузил его своими приказами. О'кей, он будет это делать. Он выполнит приказы — по-другому он не может. Что ты знаешь о гипнозе?

— Не слишком много.

— А что ты вообще знаешь, кроме своей юриспруденции?! Вот нет в тебе здорового любопытства. Все сводится к тому, что постгипнотическое внушение может войти — и даже наверняка входит — в конфликт с тем, что человек на самом деле хочет делать. Заканчивается тем, что он попадает к психиатру. И если психиатр приличный, то он сумеет разобраться, в чем дело. Возможно, Дэн попадет как раз к такому, и тот сумеет разблокировать те команды, что я ему дам. Тогда у нас будет куча неприятностей.

— Черт, ты же говорила, что препарат надежный?!

— Господи, любая вещь в жизни — риск. От этого-то жизнь такая интересная. Погоди, дай подумать.

Через минуту она сказала:

— Самое простое и надежное — отправить его спать. Пусть себе спит Холодным Сном, как и собирался. Это даже лучше, чем

если бы он умер, и никакого риска. Вместо того чтобы сперва давать ему кучу сложных приказов, а потом молиться, чтобы его не разблокировали, мы просто прикажем ему ехать и ложиться в Сон, потом протрезвим и отвезем. Или сперва отвезем, а потом протрезвим.

Она повернулась ко мне.

— Дэн, когда ты собираешься лечь в Сон?

— Никогда.

— Это как? А что же это все такое? — она показала на бумаги, вынутые из моей сумки.

— Это бумаги для Холодного Сна. Контракты с «Мьючел эшшуранс».

— Чокнутый какой-то,— не удержался Майлс.

— Хм... естественно. Я все забываю, что под этим делом они не могут думать как следует. Они могут слушать, говорить, отвечать на вопросы — но вопросы нужно правильно задавать. Думать они не могут.

Она подошла ко мне ближе и заглянула в глаза:

— Дэн,— сказала она,— я хочу, чтобы ты рассказал мне все об этой истории с Холодным Сном. Начни с самого начала и шпарь подряд, до конца. У тебя тут все бумаги для Холодного Сна. Очевидно, ты подписал их только вчера. Теперь ты говоришь, что ложиться в Сон не собираешься. Расскажи мне об этом. Я хочу знать, почему ты собирался это сделать, а теперь говоришь, что не хочешь.

Я выложил ей все. Когда спрашивали так, я мог отвечать. Отвечал я долго, потому что она приказала мне рассказывать подробно, и я так и сделал — рассказал со всеми деталями.

— Значит, там, в кафе, ты и передумал? И решил вместо этого явиться сюда и устроить нам неприятности?

— Да.— Я собирался продолжить и рассказать ей, как я ехал сюда, и что сказал Питу, и что он мне ответил, и как я остановился у аптеки и распорядился своими акциями «Золушки Инк.», и как я приехал к Майлсу, и как Пит не хотел оставаться в машине, и как...

Но она перебила меня, и я не успел. Она сказала:

— Ты опять передумал, Дэн. Ты хочешь получить свой Холодный Сон. Ты поедешь и получишь свой Сон. И ничто на свете не

остановит тебя, так ты хочешь получить свой Сон. Ты понял? Что ты должен сделать?

— Я должен получить Холодный Сон. Я очень хочу по...

Я зашатался. Я уже стоял, как столб, больше часа, не шевельнув ни единой мышцей: ведь никто мне этого не приказал. Я начал медленно падать на нее.

Она отскочила и резко сказала:

— Сядь!

Я сел.

Белла повернулась к Майлсу.

— Вот так-то. Буду долбить до тех пор, пока не буду уверена, что он ничего не перепутает.

Майлс глянул на часы.

— Он сказал, что доктор ждет его к двенадцати.

— Времени навалом. Только лучше уж мы сами отвезем его, на всякий случай... Черт возьми!

— В чем дело?

— Времени слишком мало. Я вкатила ему лошадиную дозу, чтобы сработало раньше, чем он мне врежет. К полудню он будет настолько трезв, что сумеет в этом убедить кого угодно. Кроме доктора.

— Может быть, медосмотр в этот раз будет поверхностным. Ведь его медицинский допуск уже подписан.

— Ты же слышал, что он сказал: доктор предупредил, что проверит, не пил ли он. Значит, будет проверять рефлексы, скорость реакции, заглядывать в глаза — в общем, делать все то, чего мы очень не хотели бы. Мы просто не можем позволить доктору делать это. Майлс, ничего не выйдет.

— Может, отложить на денек? Позвоним им и скажем, что он немножко задерживается.

— Заткнись и дай подумать.

Она опять полезла в бумаги, которые я принес с собой. Потом вышла из комнаты, но тотчас вернулась с ювелирной лупой, ввернула ее в глаз наподобие монокля и стала пристально рассматривать каждый лист. Майлс спросил ее, что она делает, но она отмахнулась от него.

Наконец она отложила лупу и сказала:

— Слава богу, что все пользуются стандартными государственными бланками. Дай-ка мне «Желтые страницы».

— Зачем?

— Давай, давай. Хочу уточнить название фирмы. Да знаю я, как она называется, но надо наверняка.

Ворча, Майлс приволок справочник. Она полистала его и сказала:

— Ну, вот. «Мастер иншуранс компани оф Калифорния»... и на каждом бланке есть свободное место. Вот если бы вместо «Мастер» было «Моторз», тогда дело было бы на мази, но у меня никаких связей в «Моторз иншуранс», и потом, я даже не знаю, занимаются ли они анабиозом. По-моему, у них только страхование транспортных средств.— Она подняла голову.

— Майлс, тебе придется отвезти меня сейчас на фабрику, срочно.

— Да?

— Если ты, конечно, не знаешь более быстрого способа раздобыть электрическую пишущую машинку с угольной лентой. Или нет, поезжай и привези ее сам. Мне надо позвонить кое-куда.

Он нахмурился.

— Я, кажется, начинаю понимать, что ты задумала. Но, Белла, это же безумие. Это жутко опасно.

Она засмеялась.

— Это ты так думаешь. Я же говорила тебе, что у меня были неплохие связи до того, как мы с тобой стакнулись. Мог бы ты в одиночку провернуть то дельце с «Манникс»?

— Ну... Не знаю.

— А я знаю. И ты, наверное, не знал, что «Мастер иншуранс» тоже входит в «Манникс»?

— Ну, не знал. А какая разница?

— Разница в том, что тогда мои связи работают. Смотри, фирма, в которой я работала, помогала «Манникс энтерпрайзиз» составлять налоговые декларации так, чтобы платить поменьше налогов... пока мой шеф не слинял за границу. Как ты думаешь, получили бы мы с тобой такие выгодные условия, не гаранти-

руя, что наш Дэнни тоже входит в сделку? А-а... Я все знаю про «Манникс». Так что гони и вези мне машинку, а я разрешу тебе посмотреть, как работают настоящие артисты. Осторожно, там где-то кот.

Майлс поворчал, но стал собираться. Вышел. Потом вернулся.

— Белла! Разве Дэн не оставил машину возле нашего дома?

— А что?

— Ее там нет.

Вид у него был встревоженный.

— Ну, наверное, поставил ее за угол. Это неважно. Давай вези машинку. Шевелись!

Он опять вышел. Я мог им сказать, где я оставил машину, но, поскольку никто меня об этом не спрашивал, я не стал об этом думать. Я вообще ни о чем не думал.

Белла тоже вышла куда-то, оставив меня одного. Майлс вернулся еще затемно, совершенно вымотанный, волоча тяжелую машинку. После этого меня опять оставили без присмотра.

Войдя в комнату, Белла сказала:

— Дэн, в одной из твоих бумаг сказано, что ты просишь страховую компанию позаботиться о твоих акциях «Золушки». Ты больше не хочешь этого. Теперь ты хочешь отдать их мне.

Я не ответил. Тогда она сказала с раздражением:

— Давай сформулируем так: ты хочешь отдать их мне. Ты знаешь, что хочешь отдать их мне. Ты ведь знаешь это?

— Да. Я хочу отдать их тебе.

— Отлично. Ты хочешь отдать их мне. Ты должен отдать их мне. Ты себе просто места не найдешь, пока не отдашь их мне. Ну, где они? В машине?

— Нет.

— Тогда где же?!

— Я их отправил по почте.

— Что? — Она взвизгнула.— Когда ты их отправил? Кому ты их отправил? Почему ты их отправил?

Если бы второй вопрос оказался последним, мне бы пришлось на него ответить. Но я ответил на последний вопрос — это было все, что я мог.

— Я их передал другому владельцу.

— Куда он их дел? — спросил, входя, Майлс.

— Говорит, что отправил их по почте... потому что передал их другому владельцу! Лучше найди-ка его машину да обыщи хорошенько: может, он только вообразил, что отправил их. Когда он ходил в страховую компанию, они определенно были у него при себе.

— Передал их! — повторил Майлс.— Боже милостивый... Кому?

— Сейчас спросим. Дэн, кому ты передал свой сертификат?

— «Бэнк оф Америка».

Она не спросила почему, а то я сказал бы ей и про Рики. Она просто вздохнула и поникла. Плечи у нее опустились.

— Недолго музыка играла... Про акции, Майлс, можно забыть. Чтобы выудить их из банка, надо слишком много напильников.— Она внезапно выпрямилась.— Если, конечно, он действительно отправил их по почте. Если нет, то я смогу подчистить надпись на обороте будет прямо как из прачечной. А потом он опять передаст их... мне.

— Нам,— поправил Майлс.

— Ну, это детали. Иди ищи его машину.

Майлс вернулся довольно скоро и объявил:

— Ее нет нигде в радиусе шести кварталов вокруг. Я объехал все улицы и бульвары. Должно быть, он приехал на такси.

— Ты же слышал: он сказал, что приехал на своей машине.

— Ну, а теперь ее нет. Спроси его, когда и где он опустил свои акции в почтовый ящик.

Белла спросила, и я ответил:

— Прямо перед тем, как приехать к вам, я кинул конверт в ящик на углу Сепульведа и Вентура-бульвар.

— Как ты думаешь, врет?

— Он не может врать — он не в той форме. И он слишком уверенно говорит, чтобы перепутать. Забудь об этом, Майлс. Может, после того как его затолкают спать, окажется, что его передаточная надпись недействительна, потому что он уже успел продать эти акции нам... По крайней мере пусть распишется на чистом листе, я потом попробую.

Она попыталась получить мою подпись, а я попытался подчиниться. Но я был в таком состоянии, что проку от меня было мало, и подпись моя ее не устроила. В конце концов она выдернула лист бумаги из моих рук и сказала с раздражением:

— Тьфу, смотреть тошно! Я и то подпишусь твоим именем лучше тебя...

Потом она наклонилась надо мной и сказала с нажимом:

— Жаль, что я не прикончила твоего кота.

Несколько часов они меня не трогали. Потом пришла Белла и сказала:

— Дэнни, малыш, я сейчас сделаю тебе укольчик, и тебе станет гораздо лучше. Ты сможешь встать, и ходить, и вести себя *совсем как обычно. Ты ни на кого не будешь сердиться, особенно* на нас с Майлсом. Мы же твои лучшие друзья. Правда же? Ну-ка, кто твои лучшие друзья?

— Вы. Ты и Майлс.

— Но я — даже больше чем друг. Я твоя сестра. Повтори.

— Ты моя сестра.

— Хорошо. Теперь мы поедем кататься, а потом ты ляжешь в Долгий Сон. Ты болел, но, когда проснулся, тебе стало лучше. Ты понял?

— Да.

— Кто я?

— Ты мой лучший друг. Ты моя сестра.

— Молодец. Закатай рукав.

Я не почувствовал, как вошла в кожу игла, но, когда Белла выдернула ее, руку защипало. Я сел, потянулся и сказал:

— Ух, как щиплет, сестренка. Что это?

— Это чтобы тебе стало лучше. Ты болел.

— Ага, болел. А где Майлс?

— Сейчас придет. Давай другую руку. Подними рукав.

Я спросил: «Зачем?» — но рукав поднял, и она опять сделала укол. Я даже подпрыгнул. Она улыбнулась.

— И вовсе не больно, правда?

— А? Нет, не больно. А зачем это?

— Ты немного поспишь по дороге. А когда приедем, проснешься.

— О'кей. Я хочу спать. Я хочу Долгий Сон.— Тут я удивленно огляделся по сторонам.— А где Пит? Пит тоже должен был спать со мной.

— Пит? — спросила Белла.— Как, разве ты не помнишь, дорогой? Ты же отправил Пита жить к Рики. Она будет о нем заботиться.

— Ну да! — я радостно улыбнулся.

Я отправил Пита к Рики. Я помню, как я отправил его по почте. Это хорошо. Рики любит Пита, она будет заботиться о нем, пока я сплю.

Они отвезли меня в Объединенное хранилище в Соутел, которым пользовались многие мелкие страховые компании, не имевшие своих хранилищ. Я проспал всю дорогу, но тотчас проснулся, стоило Белле окликнуть меня. Майлс остался сидеть в машине, а она повела меня внутрь.

Девушка за столиком подняла голову и спросила:

— Вы — Дэвис?

— Да,— подтвердила Белла.— Я — его сестра. Представитель «Мастер иншуранс» здесь?

— Он в процедурной номер девять — они готовы и ждут вас. Бумаги можете отдать их сотруднику.— Она с интересом взглянула на меня.— А медосмотр он прошел?

— Ну конечно! — поспешила уверить ее Белла.— У моего брата, знаете, такой случай — он ждет средства лечения... Он на препаратах опиума — от боли.

Девушка сочувственно поцокала языком:

— Ну, тогда поторапливайтесь. Вон в ту дверь и налево.

В комнате номер девять нас ждали двое мужчин — один в костюме, другой в белом халате — и медсестра. Они помогли мне раздеться и обращались со мной, как с мальчиком-идиотом, а Белла рассказывала им, что я получаю болеутоляющие препараты. Раздев меня и уложив на кушетку, человек в халате помял мне живот, глубоко вдавливая пальцы.

— С этим проблем не будет,— объявил он.— Живот пустой.

— Он ничего не ел и не пил со вчерашнего вечера,— подтвердила Белла.

— Отлично. Иногда к нам приходят набитые, как рождественский индюк. У некоторых ума совсем нет.

— Это верно. Так оно и есть.

— Угу. О'кей, сынок, сожми-ка кулак покрепче, пока я ввожу иглу.

Я сжал кулак, и все вокруг поплыло и затуманилось. Вдруг я вспомнил что-то и попытался сесть.

— А где Пит? Я хочу видеть Пита!

Белла положила мне руку на лоб и поцеловала.

— Ну-ну, братишка! Ты же помнишь: Пит не может прийти. Питу пришлось остаться с Рики.

Я успокоился, а она сказала:

— У нашего брата Питера дома — больная дочка.

Я стал погружаться в сон. Потом мне стало очень холодно. Но я никак не мог пошевелиться, чтобы натянуть на себя одеяло.

5

Я пожаловался бармену на кондиционер — он был включен слишком сильно, и мы все могли простудиться.

— Ничего страшного,— ответил тот,— во сне вы этого не почувствуете. Сон... сон... вечерняя услада... прекрасный сон...— У него было лицо Беллы.

— А можно выпить чего-нибудь горяченького? — спрашивал я.— «Тома и Джерри»*? Или горячей молочной болтушки с маслом и медом?

— Сам ты болтушка! Ты болтун! — отвечал мне бармен.— Ишь разоспался! Гоните-ка прочь этого болтуна!

Я попытался зацепиться ногами за медный поручень, чтобы они меня не выкинули. Но в этом баре, оказывается, не было медного поручня — смешно, правда? — и я уже лежу на спине (это было еще смешнее): наверное, они так обслуживают безно-

гих. У меня не было ног, как же я мог ухватиться ими за медный поручень? И рук тоже. Мам, глянь, а у меня рук нет! Пит сидел у меня на груди и выл.

Я опять попал в армию, в учебный взвод... Должно быть, учеба шла к концу — я был в Кемп-Хейл и выполнял одно дурацкое упражнение, во время которого солдату за шиворот сыплют снег, чтобы сделать из него настоящего мужчину. Я должен был влезть на самую высокую гору во всем чертовом Колорадо, кругом лед, а у меня нет ног. А я еще вдобавок тащил самый большой рюкзак на свете: я вспомнил, что это они решили проверить, годятся ли солдаты вместо вьючных мулов, и выбрали меня — все равно пропадать, так что не жалко. И я бы не справился, если бы не Рики: она лезла сзади и толкала меня в спину.

Старший сержант впереди обернулся, и у него было лицо точь-в-точь как у Беллы, только пунцовое от ярости.

— Эй, ты, а ну пошел! Мне тебя ждать некогда. Дойдешь ты или нет, мне наплевать... но, пока не дойдешь, спать не дам!

Пропавшие куда-то ноги не желали тащить меня вперед, дальше, и я упал в снег. Ледяное тепло окутало меня, и я начал засыпать, хотя малышка Рики плакала и просила меня: «Не спи!». А я никак не мог...

Я проснулся в постели, рядом с Беллой. Она трясла меня за плечо, приговаривая: «Дэн, проснись! Не могу же я ждать тебя тридцать лет. Девушка должна подумать о своем будущем!». Я хотел протянуть руку, достать из-под кровати и отдать ей припрятанные там мешочки с золотом, но она уже исчезла... да к тому же какая-то «Золушка» с лицом Беллы уже подобрала с пола все золото, сложила его на лоток на верхней крышке и укатила вон из комнаты. Я хотел ее догнать, но оказалось, что у меня нет ни ног, ни тела. Послышалась песенка: «Если тела не иметь, можно песни громко петь...» Весь мир состоял из одних старших сержантов и работы... Так не все ли равно, где работать и как? Я опять взвалил на себя рюкзак и полез вверх по ледяному склону. Склон был весь белый, совершенно гладкий, и если только я доберусь до розовой вершины, то меня оставят в покое и дадут поспать... Но до вершины я так и не смог доползти: ни ног, ни рук, ничего...

На горе бушевал лесной пожар. Снег не таял, но я чувствовал, карабкаясь в гору, как до меня долетают волны горячего воздуха. Надо мной наклонился старший сержант, повторяя: проснись... проснись... проснись...

Но едва он разбудил меня, как сразу же приказал заснуть снова. Что было потом, помню смутно. Некоторое время я лежал на вибрирующем подо мною столе; кругом был яркий свет, змееподобные — все в шлангах и трубках — аппараты и полно народу. Когда же я проснулся окончательно, то оказалось, что я лежу на больничной койке и чувствую себя совершенно нормально. Вот только в теле была какая-то легкость, как после турецкой бани. У меня снова были руки и ноги. Но никто не желал со мной разговаривать, а когда я пытался о чем-нибудь спросить медсестру, она тотчас же совала мне в рот очередную таблетку. Очень часто мне делали массаж.

А потом однажды утром я проснулся в отличном состоянии и сразу же встал. У меня слегка закружилась голова, но и только. Я знал, кто я такой, как я попал сюда и что все, что я видел раньше,— только сновидения.

Я вспомнил, кто упрятал меня сюда. Если Белла и приказала мне забыть ее заклинания, когда я был под воздействием зомбина, то либо она что-то не так наколдовала, либо за тридцать лет *Холодного Сна внушение ее изрядно повыветрилось.* Некоторые детали еще не обрели четкость, но я уже представлял в общих чертах, как им удалось заманить меня в ловушку.

Особой злости я не испытывал. Конечно, случилось это все вроде как вчера: ведь вчера — это день, который на один сон раньше, чем сегодня. Вот только сон оказался длиною в тридцать лет. Это ощущение трудно описать: оно очень субъективно. Но хотя я четко помнил «вчерашние» события, эмоционально они казались очень далекими. Вам наверняка приходилось видеть наложение двух изображений в спортивных телерепортажах: футболист уже бежит к воротам противника, а мы еще видим его застывшее изображение в тот момент, когда он вбрасывал мяч из-за боковой почти минуту назад: вот он весь вытянулся стру-

ной, подался вперед, вслед за мячом... Со мною было что-то наподобие этого: в сознании все близко и крупным планом, а эмоциональная реакция — как на события очень давние и далекие.

Я всерьез собирался отыскать Майлса и Беллу и сделать из них кошачьи консервы, но не торопился. На будущий год тоже не поздно. Сейчас я больше хотел взглянуть, каков он — год двухтысячный.

Кстати, о кошачьих консервах — а где Пит? Он же должен быть где-то поблизости, если только не умер, бедняга, во время Холодного Сна.

Тут — и только тут! — я вспомнил, что мои тщательно разработанные планы прихватить Пита с собой были безжалостно нарушены.

Я мысленно снял Майлса и Беллу с полки с надписью «отложенные дела» и переложил на полку «срочное». Они же пытались убить моего кота!

Нет. То, что они сделали,— это хуже, чем убить. Они выгнали его на улицу, чтобы он одичал и, отощав, слонялся по задворкам в поисках объедков, утрачивая остатки веры в этих двуногих... Они бросили его умирать (а он наверняка уже умер) с мыслью о том, что это я его предал.

Ну, за это они мне тоже заплатят. Если они еще живы. Ох, как невыразимо я хотел, чтобы они были живы!

7

Оказалось, я стою возле кровати в одной пижаме, цепляясь за спинку, чтобы не упасть. Я огляделся вокруг в поисках кнопки — чего-нибудь для вызова кого-нибудь. Больничные палаты не слишком изменились. Окна не было, и было непонятно, откуда льется свет. Как и все больничные койки, что мне доводилось видеть, моя кровать была высокая и узкая, однако видно было, что над нею изрядно потрудились конструкторы, превратив в нечто большее, чем просто место для сна: среди прочих приспособлений я увидел трубу снизу — наверное, что-то вроде механизированного подкладного судна. А столик сбоку оказался частью самой кровати. Но если раньше я обязательно проявил бы пристальный интерес ко всей этой технике, то сейчас я хотел

найти только грушевидный выключатель, нажав на который, можно вызвать медсестру, чтобы принесла мне одежду.

Я не нашел его, но обнаружил то, во что он трансформировался: сенсорный выключатель на поверхности бокового столика. Оказалось, что это не просто столик: я случайно коснулся выключателя рукой, и на молочно-белой панели на стене, рядом с тем местом, где была бы моя голова, будь я в постели, загорелись слова «ВЫЗОВ ПЕРСОНАЛА». Почти тотчас же погасли, сменившись словами: «ПОДОЖДИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА».

Скоро дверь отъехала в сторону и вошла медсестра. Сестры тоже изменились не сильно. У этой были знакомые решительные замашки сержанта учебной команды, высокая шапочка на розово-сиреневых, цвета тропических орхидей, волосах и белый халат. Покрой халата был необычный — там открыто, тут прикрыто, совсем не так, как в 1970-м,— но ведь женская одежда, даже рабочая, только и делает, что меняется. Однако ее манера позволяла безошибочно определить в ней медсестру независимо от того, какой это год.

— Ну-ка, марш обратно в кровать!

— А где моя одежда?

— Ложитесь в кровать. Ну?!

Я попробовал ее урезонить:

— Послушайте, сестра, я свободный гражданин, а не преступник, и мне уже исполнился двадцать один год. Мне не надо в кровать, и я не собираюсь в нее ложиться. Так что, покажете вы мне, где лежит моя одежда, или мне придется выйти в чем есть и поискать самому?

Она поглядела на меня, потом резко повернулась и выбежала. Дверь скользнула в сторону, уступая ей дорогу.

Но меня дверь не пропустила. Я все еще пытался разобраться, как эта штука действует (резонно полагая, что если один инженер сумел это придумать, то другой сумеет понять, как это устроено), когда дверь опять открылась и в проеме возник человек.

— Доброе утро,— сказал он.— Я доктор Альбрехт.

Одежда его представляла собой нечто среднее между тем, что носят в Гарлеме по воскресеньям, и тем, что надевают, отправля-

ясь на пикник. Но резкие, решительные манеры и усталые глаза были настолько убедительно профессиональны, что я поверил ему.

— Здравствуйте, доктор. Я хотел бы одеться.

Он вошел еще на шаг, чтобы дверь за ним закрылась, и вынул из кармана пачку сигарет. Достав одну, он взмахнул ею в воздухе, сунул ее в рот и затянулся: она оказалась зажженной! Он протянул пачку мне.

— Берите, не стесняйтесь.

— Хм... Нет, спасибо.

— Да берите — это вам не повредит.

Я покачал головой. Когда я работал, в пепельнице возле меня всегда дымилась сигарета. О продвижении в работе можно было судить по переполненной пепельнице и «ожогах» на кульмане в тех местах, где я тушил окурки. Сейчас от запаха дыма у меня закружилась голова, и я подумал: а вдруг я бросил курить, пока спал?

— Спасибо, доктор.

— О'кей. Мистер Дэвис, я работаю здесь шесть лет. Я специалист в области гипнологии, реаниматологии и родственных специальностей. Здесь — и в других местах — я участвовал в возвращении восьмисот семидесяти трех пациентов из гипотермии к нормальной жизни. Вы — номер восемьсот семьдесят четыре. Я наблюдал, как разбуженные вытворяют разного рода чудеса — чудеса для обывателя, не для меня. Некоторые из них опять хотят уснуть и орут на меня, когда я бужу их. Некоторые и правда засыпают вновь, и нам приходится переводить их в другого рода заведение. Некоторые начинают рыдать и рыдают без конца, когда до них доходит, что у них был билет в один конец и что нельзя вернуться домой, в тот год, из которого они стартовали. А некоторые, вроде вас, требуют одежду и рвутся на улицу.

— Ну, а почему бы, собственно, и нет? Я что, заключенный?

— Нет. Одежду вам принесут. Она немного вышла из моды, но это ваша проблема. Я сейчас пошлю за ней, а пока ее принесут, если позволите, я хотел бы услышать, что это у вас за такое страшно срочное дело, что вам необходимо заняться им сию минуту — это после того, как это дело ждало тридцать лет? А именно столько вы пролежали в анабиозе: тридцать лет. Это что, действительно

настолько срочно? Или может подождать и до завтра? Или даже до послезавтра?..

Я уже чуть не выпалил, что это чертовски срочно, но остановился и по-овечьи беспомощно взглянул на него.

— Может, и впрямь не настолько...

— Тогда сделайте одолжение — ложитесь в кровать. Я должен вас осмотреть, накормить завтраком и, если позволите, побеседовать с вами перед тем, как вы кинетесь галопом во все стороны. Возможно, я даже сумею подсказать вам, в каком направлении лучше скакать.

— О'кей, доктор. Извините за эту суматоху.

Я влез в постель и понял, как это хорошо: я внезапно почувствовал слабость и усталость.

— Ничего. Видели бы вы, какие типы бывают среди наших клиентов... Некоторых приходится буквально стаскивать с потолка.— Он поправил у меня на плече одеяло, наклонился к встроенному в кровать боковому столику.— Доктор Альбрехт из семнадцатой палаты. Пришлите санитара с завтраком. Меню «четыре-плюс».

Он повернулся ко мне и сказал:

— Перевернитесь на живот и поднимите пижаму: мне надо добраться до ваших ребер. А пока я вас осматриваю, можете задавать вопросы. Если хотите.

Пока он тыкал мне в ребра, я задумался. Наверное, это был стетоскоп, хотя он и был похож на миниатюрный слуховой рожок. Но одно в нем явно не улучшилось: кружок, которым он дотрагивался до меня, был все такой же холодный и жесткий...

Ну что можно спросить, проспав тридцать лет... Достигли ли они звезд? Кто теперь ведет «Войну За Искоренение Войн»? Научились ли выращивать детей в колбе?

— Доктор, а в кинотеатрах, в фойе, по-прежнему стоят автоматы, делающие воздушную кукурузу?

— Когда я был там прошлый раз, стояли. У меня мало времени для такого рода времяпрепровождения. Кстати, кино теперь называется «завлекино».

— Да? Почему?

— Сходите — узнаете. Только не забудьте пристегнуть ремень в кресле: во время некоторых кадров включается антигравитация во всем зале. Видите ли, мистер Дэвис, мы настолько часто сталкиваемся с этой проблемой, что уже смотрим на нее как на нечто рутинное. У нас есть адаптационные словарики для каждого года Погружения в Сон, справочники-резюме по истории и культуре. Это — вещи необходимые, потому что, как бы мы ни старались уменьшить потрясение, синдром потери ориентации бывает очень тяжелым.

— Хм, наверное, так.

— Решительно так. Особенно при больших интервалах, как у вас. Тридцать лет как-никак.

— А что, тридцать лет — это максимум?

— И да и нет. Первый коммерческий клиент был помещен в анабиоз в декабре тысяча девятьсот шестьдесят пятого года, так что максимальный срок, с которым мы сталкивались,— тридцать пять лет. Но у меня вы — самый длительный случай. Однако у нас тут есть клиенты с контрактами длиной в сто пятьдесят лет. Вас вот принимать на такой долгий срок — тридцать лет — не *следовало. Просто об этом тогда еще знали недостаточно.* Вы крепко рисковали. Вам повезло.

— Серьезно?

— Да. Можете перевернуться на спину.— Он стал смотреть меня дальше, добавив: — Но с нашими нынешними познаниями я бы взялся подготовить человека и к тысячелетнему скачку, если бы это было ему по карману. С годик я бы подержал его при той температуре, при которой хранили вас, просто для проверки, а потом резко — в течение одной миллисекунды — заморозил бы его до минус двухсот. И он бы уцелел, я думаю. Давайте проверим рефлексы.

Доктор Альбрехт продолжил:

— Сядьте и положите ногу на ногу. Со словарем у вас особых проблем не будет. Я, правда, старался говорить с вами на языке, близком к тысяча девятьсот семидесятому,— это предмет моей гордости. Я могу с каждым из своих пациентов говорить, подбирая словарный запас в соответствии с годом его Погружения.

Я прошел гипнокурс по языку. Но вы прекрасно будете говорить на современном через неделю. Это лишь вопрос расширения вашего словаря.

Я хотел сказать ему, что минимум четырежды он употребил слова, которых в мое время не было, но решил, что это будет невежливо.

— Ну, вроде все пока,— наконец сказал он.— Кстати, с вами хотела связаться миссис Шульц.

— Кто?

— Разве вы ее не знаете? Она уверяла, что она — ваш старый друг.

— Шульц...— повторил я.— Мне кажется, в свое время я знал несколько миссис Шульц, но единственная, кого я помню,— моя классная руководительница, когда я учился в четвертом классе. Но ее, должно быть, нет в живых.

— Может, она тоже спала. Ну, если хотите, можете принять ее послание. Я подпишу вам пропуск на выход. Но если вы достаточно умны, то задержитесь здесь на несколько дней для переориентации. Я еще к вам загляну. Ну, с богом, как говаривали в ваши дни. А вот и санитар с завтраком.

Я решил, что доктор он явно лучший, чем лингвист. Но я и думать об этом забыл, когда увидел санитара. Он вкатился, аккуратно обогнув идущего к двери доктора Альбрехта,— тот не обратил на него никакого внимания и даже не подумал уступить дорогу.

Он подъехал к кровати, откинул и закрепил передо мною столик, расставил на нем мой завтрак и спросил:

— Налить вам кофе, сэр?

— Да, пожалуйста.— Мне это было совершенно не нужно — наоборот, я хотел, чтобы кофе остался горячим до конца завтрака. Но мне так захотелось посмотреть, как он это сделает... Потому что я был совершенно ошеломлен: это была наша «Салли»!

Не та, первая, кустарно сляпанная модель, которую украли у меня Белла с Майлсом,— конечно же, нет. Эта машина напоминала «Салли» не больше, чем гоночная машина с авиационным двигателем — первые «безлошадные повозки». Но человек мо-

жет узнать свою работу. Я заложил основы, а это был продукт эволюции, внучка нашей «Салли» — улучшенная, усовершенствованная, отшлифованная, но — одной крови.

— Это все, сэр?

— Подождите минутку.

Наверное, я сказал что-то не то, потому что автомат пошарил у себя внутри и, вытащив жесткую пластиковую карточку, протянул ее мне. К автомату карточка была прикреплена тонкой стальной цепочкой. Я взглянул на нее; там было написано следующее:

ТРУДЯГА ТЕДДИ мод. 17а С РЕЧЕВЫМ УПРАВЛЕНИЕМ. ВНИМАНИЕ! Этот обслуживающий автомат НЕ ПОНИМАЕТ человеческую речь. Он вообще ничего не понимает — это просто машина. Однако для Вашего удобства в нем имеется устройство, реагирующее на определенные устные распоряжения. Все остальное, произносимое в его присутствии, он игнорирует либо, если какая-то команда выйдет за пределы возможностей автомата, предложит Вам инструкцию. Прочтите ее внимательно, пожалуйста.

С благодарностью, инженерно-конструкторская корпорация **«АЛАДДИН»** — изготовитель **«ТРУДЯГИ ТЕДДИ»**, **«ЧЕРТЕЖНИКА ДЭНА»**, **«СТРОИТЕЛЯ СТЭНА»** и **«НЯНЮШКИ НЭНСИ»**, разработчики бытовых машин и консультанты по проблемам автоматизации.

«К Вашим услугам!»

Последние строчки шли поверх их товарного знака — изображения Аладдина, трущего лампу, и появляющегося джинна.

Ниже шел длинный перечень простых команд: СТОЙ, ИДИ, ДА, НЕТ, БЫСТРЕЕ, МЕДЛЕННЕЕ, ПОДОЙДИ КО МНЕ, ПОЗОВИ МЕДСЕСТРУ и т.д. Потом шел перечень заданий, характерных для больниц, например ПОМАССИРУЙ СПИНУ; но о некоторых процедурах, входивших в этот раздел, я и не слыхивал. Перечень внезапно обрывался словами: «Процедуры 87–242 *могут назначать только работники больниц, поэтому соответствующие команды в данном перечне не приводятся*».

Моя «Салли» не управлялась голосом — приходилось нажимать кнопки на пульте управления. Я, конечно, подумывал о том, как это сделать. Но анализатор голоса обошелся бы дороже, чем

вся «Салли», да и размеры были бы... Я понял, что мне придется немало поучиться миниатюризации, прежде чем я смогу работать здесь инженером. Но мне уже не терпелось — судя по «Трудяге Тедди», заниматься этим должно было быть очень интересно: масса новых возможностей. Инженерная деятельность — искусство для людей практических, и тут все зависит не столько от данного инженера, сколько от общего уровня техники. Скажем, железнодорожным транспортом можно заниматься только тогда, когда наступает время железных дорог, и не раньше того. Вспомните профессора Лэнгли*: бедняга корпел над летательным аппаратом, и тот полетел бы — столько таланта было в него вложено,— но другие изобретения, необходимые для этого, еще не подоспели. Или возьмите, к примеру, великого Леонардо да Винчи, опередившего свое время настолько, что самые блестящие из его проектов было абсолютно невозможно воплотить.

Да, здесь — в смысле «теперь» — мне скучать не придется.

Я вернул карточку-инструкцию, вылез из постели и глянул на заводскую табличку. Я почти был уверен, что увижу внизу слова «Золушка Инк.», и подумал, что «Аладдин», наверное,— дочерняя корпорация «Манникс». Но данных на пластинке оказалось немного: заводской номер, модель, название фабрики и все такое. Однако там были еще номера патентов — около сорока, и к моему вящему изумлению, первый из них был датирован 1970 годом! Почти наверняка эта штука была основана на моих чертежах и исходной модели.

Я нашел на столе карандаш и листок бумаги и переписал номер того, первого патента, просто из чистого любопытства. Даже если патент был у меня украден (а я был уверен, что это так), то срок его действия закончился в 1987-м (если не изменились законы о патентах), и только патенты, выданные после 1983-го, были еще действительны. Но мне просто хотелось узнать. На панели автомата замигала лампочка, и он объявил:

— Меня вызывают. Я могу идти?

— Что? А, ну конечно. Катись.— Он опять полез за карточкой с командами, и я поспешно сказал: — ИДИ!

— Спасибо! До свидания!

Он объехал меня и покатил к двери.

— Тебе спасибо!

— Пожалуйста!

У диктора, озвучившего ответы автомата, был очень приятный баритон.

Я опять лег и занялся завтраком, который к этому времени должен был бы остыть. Оказалось, что не остыл. Завтрак «четыре-плюс» с виду был рассчитан на лилипута, но я неожиданно наелся. Наверное, мой желудок уменьшился. Только кончив есть, я сообразил, что поел в первый раз за тридцать лет. Я подумал об этом, заглянув в приложенное меню: то, что я принял за ветчину, значилось как «масса дрожжевая жареная, соломкой, по-домашнему».

Но, несмотря на тридцатилетний «пост», мысли мои были заняты не едой. С завтраком принесли газету: это была «Грейт Лос-Анджелес Таймс» за среду, 13 декабря 2000 года.

По формату газеты остались прежними. Правда, бумага была глянцевая, а иллюстрации либо цветные, либо черно-белые, но стереоскопические. Как это было сделано, я не понял. Еще когда я был мальчишкой, уже существовали стереокартинки, которые можно было рассматривать без приспособлений-стереоскопов. Мне больше всего нравились те, что рекламировали мороженые продукты в пятидесятые годы. Но у тех растровые решетки были сделаны из толстой прозрачной пластмассы, а эти были на простой тонкой бумаге. Но объемность у них была!

Я сдался и стал читать. «Тедди» положил газету на подставку, и я было решил, что дальше первой страницы почитать не удастся. Я никак не мог разобраться, как же перевернуть страницу: чертовы листы будто слиплись!

В конце концов я случайно коснулся нижнего правого угла первой страницы. Она свернулась и перелистнулась сама. Наверное, прикосновение к этой точке вызывало срабатывание какого-то поверхностно-активного механизма. Следующие страницы аккуратно перелистывались одна за другой, стоило только прикоснуться к этому месту.

Чуть ли не половина газеты была настолько обычно-узнаваемой, что я почувствовал приступ ностальгии: «Ваш гороскоп

на сегодня», «Мэр открывает новое водохранилище», «Требования службы безопасности ограничивают свободу прессы, заявил Н.И. Солон», «Гиганты берут разбег», «Необычная жара срывает планы лыжников», «Пакистан заявил протест Индии» и т.д. и т.п. Вот куда я попал...

Кое-какие темы были новыми, но из подзаголовков все становилось ясно: «СТАРТ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ К СОЗВЕЗДИЮ БЛИЗНЕЦОВ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ. Станция получила две пробоины. Жертв нет»; «ЧЕТВЕРО БЕЛЫХ СТАЛИ ЖЕРТВАМИ СУДА ЛИНЧА В КЕЙПТАУНЕ. Требуется вмешательство ООН»; «ЖЕНЩИНЫ-ПРЕЕМНИЦЫ БОРЮТСЯ ЗА ПОВЫШЕНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ. Требование объявить «любительство» вне закона»; «ПЛАНТАТОР С МИССИСИПИ АРЕСТОВАН ЗА ПРИМЕНЕНИЕ ЗОМБИНА. В свое оправдание он заявил: «энти ребята не под зомбином — они просто дураки...».

Насчет последнего я сумел убедиться на собственном опыте.

Некоторые сообщения были совершенно непонятны. Какие-то «вогли» продолжали распространяться, и пришлось эвакуировать еще три французских города. Король рассматривает вопрос об обработке территории порошком.

Ну, политика во Франции могла зайти куда угодно: король так король. Но вот что это был за «порошок», который они собирались применять для борьбы с этими непонятными «воглями»? Может, радиоактивный? Надеюсь, они выберут безветренный день. Лучше всего тридцатое февраля. Я однажды схватил дозу радиации из-за ошибки одного техника в Сандии. До той стадии лучевой болезни, когда начинается неукротимая рвота, дело не дошло, но ощущения были — врагу не пожелаешь.

Отделение лос-анджелесской полиции в Лагуна-Бич вооружили спирометами, и командир отделения велел стилям убираться из города. «Мои люди получили приказ: сперва спирять, а потом уж разгрумляться. Пора с этим покончить!» Я не был уверен, хочу ли я, чтобы со мной разгрумлялись — или меня разгрумляли? — даже «потом», и поэтому решил, что буду держаться подальше от Лагуна-Бич до тех пор, пока не узнаю, какой у них счет.

Это просто для примера. Таких сообщений было пруд пруди. Начинаешь читать — вроде понятно, а чем дальше — тем загадочней.

Я хотел пропустить мелкие частные сообщения, но тут мой взгляд наткнулся на новые подзаголовки. Были и старые, знакомые; кто умер, кто родился, сообщения о свадьбах и разводах, но еще появились «погружения» и «пробуждения», с указанием хранилищ. Я поискал Объед. хран. Соутел и нашел свое имя, чувствуя тепло на душе. Обо мне вспомнили. Я был свой.

Самое интересное в газете было в объявлениях. Одно меня просто поразило: «Привлекательная, хорошо сохранившаяся вдова, любящая путешествовать, хотела бы встретить зрелого мужчину со сходными наклонностями с целью заключения двухгодичного брачного контракта». Но вконец достал меня раздел иллюстрированной рекламы.

«Золушка», ее тетки, сестры и племянницы занимали целую полосу, и на картинках по-прежнему стоял наш товарный знак — стройная девушка с метлой,— который я придумал когда-то для нашего фирменного бланка. Я пожалел, что так поспешил отправить Рики свои акции «Золушки Инк.»: похоже, сейчас они стоили бы больше, чем все остальные ценные бумаги, которые я купил. Нет, все правильно: оставь я их при себе, эти двое завладели бы ими и подделали бы передаточную надпись на свое имя. А так они достались Рики, и если Рики стала богатой, то это только справедливо.

Я подумал, что надо первым делом разыскать Рики, и мысленно сделал пометку «очень срочно». На всем свете у меня осталась только она — не мудрено, что для меня это было так важно. Рики, милая! Эх, будь ей лет на десять побольше, я бы и не взглянул на Беллу... и не обжегся бы так.

Так-так, а сколько же ей сейчас? Сорок. Нет, сорок один. Трудно представить себе Рики сорокалетней. Хотя теперь для женщины сорок, наверное,— не старость. Да и в наше время тоже с десяти метров было не разобрать — сорок ей или двадцать.

Если она богата, пусть выставит мне выпивку: выпьем за упокой кристальной души нашего дорогого Пита.

Ну, а если что-то не удалось, и она окажется бедной, несмотря на те акции, что я перевел тогда на ее имя, тогда — тогда, черт меня побери, я женюсь на ней! Да, женюсь. И не важно, что она лет на десять старше меня. Учитывая, что я всегда славился своим ротозейством и расхлябанностью, мне просто необходим кто-то старший — приглядывать за мной, вовремя говорить «нет», да мало ли... Тут Рики, пожалуй, самый подходящий человек: она и десятилетней девочкой рулила и Майлсом, и его домом очень серьезно и довольно эффективно. В сорок лет она, я думаю, осталась такой же, только стала мягче.

На душе у меня сделалось совсем тепло — я уже не чувствовал себя одиноко, как человек, затерявшийся в чужой стране. Ведь у меня был ответ на все вопросы: Рики.

Тут я услышал внутренний голос: «Дурень, ты не сумеешь жениться на Рики: такая девушка (а она наверняка должна была стать *такой* девушкой) наверняка замужем уже лет двадцать. У нее, поди, четверо детей; может, сын уже повыше тебя ростом. И, безусловно, муж, которому вряд ли придется по душе твое появление в роли «доброго старого дяди Дэнни».

Я выслушал это, и у меня отвисла челюсть. Потом я сказал уныло: «Ладно, ладно. Этот поезд тоже ушел. И все же я ее поищу. Ничего худого мне за это не сделают. Ну разве что пристрелят! Но ведь она единственный человек, по-настоящему понимавший Пита...»

Осознав, что потерял не только Пита, но и Рики, я хмуро перевернул страницу. Вскоре я заснул над газетой и проспал до тех пор, пока мой (или не мой?) «Тедди» привез мне обед.

Мне приснилось, что Рики держит меня на коленях и говорит: «Ну вот, Дэнни, все в порядке. Я нашла Пита, и теперь мы оба с тобой. Правда, Пит?» — «Мя-а-а-у...»

Словарь мой быстро расширялся: я много читал по истории. За тридцать лет может произойти уйма всякой всячины, но зачем я буду излагать это все — ведь каждому из вас все это известно лучше, чем мне. Меня не удивило, что Великая Азиатская Республика потеснила наши товары на южноамериканском рын-

ке: это начиналось еще при мне. Не очень я удивился и оттого, что Индия заметно «балканизировалась». Узнав, что Англия теперь — провинция Канады, я на минутку отложил книгу, чтобы переварить прочитанное: где тут лошадь и где телега? Я пропустил детали описания Паники 1987 года: золото — хороший технический материал для некоторых целей, и я отнюдь не расценивал как трагедию то обстоятельство, что теперь оно дешево и перестало быть основой денежной системы, невзирая на то что столько народу осталось без штанов при этой финансовой перестройке.

Я снова отложил книгу и стал размышлять о вещах, которые можно сделать при наличии дешевого золота, с его высокой плотностью, хорошей проводимостью, отличной ковкостью... и остановился, поняв, что сперва придется почитать техническую литературу. Черт, да в одной только атомной технике золото будет незаменимо. Оно обрабатывается лучше любого другого металла. Вот если применить его для миниатюризации... Я опять остановился, сообразив, что у «Тедди» голова наверняка битком набита золотом. Да, придется заняться тем, что разведать: что там наш брат инженер напридумывал за это время?

Технической библиотеки в Хранилище Соутел не было, и я сказал доктору Альбрехту, что готов к выписке. Он пожал плечами, обозвал меня идиотом и разрешил. Но я задержался еще на одну ночь, так как плохо себя чувствовал. Наверное, я потерял форму, потому что долго валялся в постели без упражнений, глядя, как бегут строчки в книгочитальном аппарате.

Наутро, сразу после завтрака, мне принесли современную одежду. Чтобы одеться, мне потребовалась помощь. В одежде не было ничего необычного (хотя мне и не доводилось носить расклешенных светло-вишневых брюк), но без предварительного инструктажа я не смог справиться с застежками. Наверное, у моего деда были бы такие же трудности с брюками на молнии, если бы жизнь не приучила его к пользованию молнией постепенно. А все эти замки «стиктайт»: я думал, что придется нанять мальчика, чтобы водил меня в туалет, но потом до меня дошло, что эти «липучки» имеют осевую поляризацию.

Тут я чуть не потерял штаны, пытаясь ослабить пояс. Но никто не стал надо мной смеяться. Доктор Альбрехт спросил:

— Что вы намерены предпринять?

— Я? Во-первых, раздобуду карту города. Потом найду место, где остановиться на ночь. А затем, наверное, буду целый год только читать специальную литературу. Док, я — ископаемый инженер. Но я не желаю оставаться таким.

— Хм-хм, ну что же, желаю удачи. Если я понадоблюсь, звоните, не стесняйтесь.

Я протянул ему руку:

— Спасибо, док. Вы отличный парень. Хм, возможно, мне надо сперва поинтересоваться в бухгалтерии моей страховой компании, насколько хороши мои дела, но я не хотел бы, чтобы моя благодарность исчерпывалась словами. За то, что вы для меня сделали, она должна быть более осязаемой. Вы меня понимаете?

Он покачал головой:

— Я ценю вашу благодарность. Но все мои гонорары исчерпываются моим контрактом с Хранилищем.

— Но...

— Нет. Я не могу принять это, так что, прошу вас, не стоит и обсуждать.— Он пожал мне руку и сказал: — До свидания! Если встанете на эту ленту, то попадете как раз к главному оффису.— Он помедлил.— Если новая жизнь на первых порах окажется утомительной, то вы имеете право провести у нас еще четверо суток на отдыхе и переориентации, без дополнительной платы — это входит в условия вашего контракта и вами уже оплачено. Так что можете воспользоваться. Приходить и уходить можно в любое время.

Я улыбнулся.

— Спасибо, док. Можете держать пари, что если я и вернусь сюда когда-нибудь, то только для того, чтобы повидаться с вами.

Я сошел с ленты возле управления и сообщил автоматическому секретарю у входа, кто я такой. Он вручил мне конверт — это оказалось еще одно послание от миссис Шульц. Я так и не позвонил ей: я не знал, кто она такая, а по правилам Хранилища проснувшийся клиент был огражден от посетителей и звонков

до тех пор, пока сам не разрешит принимать их. Я просто глянул на конверт и сунул его в карман, подумав при этом, что, наверное, я перестарался, сделав «Салли» слишком универсальной: секретарши все-таки должны быть хорошенькими девушками, а не роботами.

Автоматический секретарь сказал:

— Пройдите сюда, пожалуйста. С вами хочет побеседовать наш казначей.

Ну, я тоже не прочь был его увидеть, так что я пошел в указанном направлении. Мне было очень интересно, сколько у меня теперь денег. Вне всякого сомнения, акции мои упали во время Паники-87, но теперь они, должно быть, опять поднялись. Я уже прочел финансовый раздел «Тайме» и знал, что как минимум два пакета стоят сейчас кучу денег. Я даже сохранил газету в расчете, что, возможно, захочу посмотреть и котировку других акций.

Казначей оказался живым человеком, хотя и выглядел сущим казначеем. Рукопожатие у него было кратким.

— Здравствуйте, мистер Дэвис. Садитесь, пожалуйста. Я — мистер Доути.

Я сказал:

— Здрасьте, мистер Доути. Я, собственно, не собирался у вас рассиживаться. Вы мне только скажите: моя страховая компания ведет свои дела через вас? Или мне придется ехать к ним?

— Присядьте, пожалуйста. Я должен вам кое-что объяснить.

Я сел. Помощник (опять добрая старая «Салли») принес ему папку, и он сказал:

— Вот ваши контракты. Хотите взглянуть?

Я очень хотел взглянуть: я очень боялся, что Белла сумела придумать, как поживиться удостоверенным чеком. Проделывать такие фокусы с удостоверенными чеками гораздо сложнее, чем с именными, но Белла была ловкая девушка.

Я с облегчением обнаружил, что все мои платежные поручения остались нетронутыми. Исчез только отдельный контракт на Пита и распоряжение относительно моих акций «Золушки Инк.». Наверное, она их просто сожгла, чтобы избежать нежелательных вопросов. Я внимательно исследовал еще с десяток мест

в документах, где она исправила «Мьючел эшшуранс компани» на «Мастер иншуранс компани оф Калифорния».

Да, работала наша девчонка артистически, спору нет. Наверное, эксперт-криминалист, вооруженный микроскопом, стереолупой, разными реактивами и прочим, смог бы доказать, что в каждый из этих документов вносились изменения; я не смог бы. Мне было интересно, как она справилась с надписью на обороте удостоверенного чека: ведь их печатают на специальной бумаге, якобы исключающей подчистки. Ну, она тоже пользовалась не школьным ластиком. Что один человек может придумать, то другой сможет перехитрить. А Белла была очень хитра.

Мистер Доути кашлянул. Я оторвался от бумаг.

— Мы можем урегулировать вопрос о моих сбережениях здесь?

— Да.

— Тогда меня интересует только одно: сколько?

— Хм-м... Мистер Дэвис, прежде чем мы углубимся в этот вопрос, я бы хотел обратить ваше внимание на один дополнительный документ и на одно обстоятельство. Это контракт между нашим Хранилищем и «Мастер иншуранс оф Калифорния», предусматривающий ваше введение в анабиоз, хранение в условиях гипотермии и последующее возвращение к нормальному состоянию. Как вы, вероятно, заметили, полная стоимость наших услуг внесена авансом. Это сделано как для нашего спокойствия, так и для вашей защиты, поскольку гарантирует ваше благополучие, когда вы беспомощны. Эти деньги — и все аналогичные суммы — депонируются в отделение банка, контролируемого судебными органами, ведающими опекунством, и выплачиваются нам помесячно в течение всего срока пребывания у нас.

— Разумная предосторожность, на мой взгляд.

— Так оно и есть. Она защищает беспомощных. Теперь вы, должно быть, понимаете, что наше Хранилище — это совершенно отдельная от вашей страховой компании корпорация, а контракт на ваше пребывание у нас на хранении — совершенно отдельный от контракта на распоряжение принадлежавшими вам ценностями.

— Мистер Доути, к чему вы клоните?

— Есть ли у вас иное имущество, кроме тех ценных бумаг, что вы доверили хранить «Мастер иншуранс компани»?

Я прикинул. Когда-то у меня была машина. Бог ее знает, что с нею сталось. Текущий счет в Мохаве я закрыл, сняв с него все, что было, когда запил. А в тот бурный день, когда я попал к Майлсу и нарвался на зомбин, у меня было от силы долларов тридцать-сорок наличными. Книжки, шмотки, логарифмическая линейка — я никогда не был барахольщиком — и прочие пустяки наверняка пропали.

— Боюсь, что даже проездного билета на автобус не найдется.

— Тогда — мне очень неприятно сообщать вам об этом — у вас вообще ничего нет.

Голова у меня закружилась, но я умудрился не упасть.

— Что вы хотите сказать? Как же так, ведь акции некоторых компаний, в которые я вложил деньги, стоят очень высоко.— Я протянул ему свой утренний номер «Таймс».

Он покачал головой.

— Мне очень жаль, мистер Дэвис, но у вас нет никаких акций. «Мастер иншуранс» разорилась.

Хорошо, что он предложил мне сесть заранее: я почувствовал слабость.

— Как это случилось? Во время Паники?

— Нет-нет. Их банкротство было частью падения группы «Маникс». Но, естественно, вы про это не знаете. Это случилось уже после Паники, хотя можно сказать, что началось это именно с Паники. Но «Мастер иншуранс» выдержала бы, если бы ее систематически не грабили. Есть такое грубое слово — «доить». Вот ее доили. Будь это просто управление через подставных лиц, что-нибудь удалось бы сберечь. Но тут было другое. К тому времени, как дело открылось, от компании осталась только пустая скорлупа. А люди, совершившие все это, сбежали за границу и смогли избежать выдачи. Кхе-кхе, если это может служить для вас утешением, скажу, что при наших нынешних законах этого бы не случилось.

Нет, утешение в этом было слабое, да и не верю я в это. Мой старик утверждал, что чем сложнее законы, тем вольготнее мошенникам.

Но он же говаривал, что умный человек должен всегда быть готов расстаться со своим багажом. Интересно, подумал я, сколько раз нужно быть одураченным, чтобы сойти за умного?

— Э-э, мистер Доути, просто из любопытства: а как обошлась компания «Мьючел эшшуранс»?

— «Мьючел эшшуранс компани»? Прекрасная фирма. Ну, во время Паники им тоже досталось, как и всем остальным. Но они выкарабкались. Вы и у них тоже застраховались?

— Нет.

Я не стал вдаваться в подробности — какой смысл? Рассчитывать на «Мьючел» не приходилось: я ведь не воспользовался своим контрактом с ними. Подавать в суд на «Мастер иншуранс» тоже бесполезно: что толку судиться с разорившимся трупом?

Вдруг я вспомнил, что Белла с Майлсом собирались продать «Золушку Инк.» группе «Манникс», когда выперли меня вон.

— Мистер Доути, а вы уверены, что у «Манникс» ничего нет? Разве они не владеют «Золушкой Инк.»?

— «Золушкой»? Вы имеете в виду фирму, выпускающую автоматические бытовые машины?

— Да, конечно.

— Мне кажется, это почти невозможно. То есть это попросту невозможно, поскольку группы «Манникс», как таковой, больше просто не существует. Я, конечно, не могу утверждать, что между корпорацией «Золушка» и типами из «Манникс» никогда не существовало никакой связи. Но я не думаю, что это была серьезная связь, если таковая вообще была — я бы что-то знал об этом.

Я махнул на это дело рукой: если «Манникс», рухнув, подмяла Беллу и Майлса, это вполне меня устраивало. Но, с другой стороны, если «Манникс» владела «Золушкой Инк.» и «доила» ее, то это ударило по Рики так же, как и по этим двум. А я не хотел, чтобы пострадала Рики, независимо от побочных эффектов.

Я поднялся.

— Ну что ж, мистер Доути... Спасибо за обстоятельные разъяснения. Я, пожалуй, пойду...

— Не уходите еще минутку, мистер Дэвис. Наше заведение... мы чувствуем определенную ответственность за судьбы наших клиен-

тов, выходящую за рамки наших с ними контрактов. Вы же понимаете, что вы — не первый, кто попал в подобное положение. Совет директоров предоставил в мое распоряжение определенную сумму денег, так сказать, фонд помощи, дабы я мог в подобных случаях несколько облегчить участь наших бывших подопечных. Эти...

— Мне не нужна благотворительность, мистер Доути. Но тем не менее спасибо.

— Это не благотворительность, мистер Дэвис. Это заем. Можете назвать его «рисковая ссуда». Наши потери по таким займам просто мизерны... а мы не хотели бы выпускать вас отсюда с пустыми карманами.

Я призадумался. Мне сейчас даже постричься было не на что. Но, с другой стороны, занимать деньги — все равно что пытаться плыть, держа в каждой руке по кирпичу... А маленькую сумму, взятую в долг, отдать труднее, чем миллион.

— Мистер Доути,— сказал я медленно,— доктор Альбрехт сказал, что я могу занимать здесь койку и получать миску похлебки еще четыре дня.

— Я полагаю, это так; надо взглянуть в вашу карточку. Не подумайте, конечно, что мы можем вышвырнуть человека за дверь, если он не готов к выписке, а оговоренное контрактом время вышло.

— Я так и думал. Но сколько стоит в сутки комната, которую я занимал у вас, и питание?

— Но ведь мы не сдаем комнаты. И у нас тут не больница: мы просто создаем необходимые условия, чтобы наши клиенты, проснувшись, могли немножко прийти в себя.

— Да, конечно. Но сколько это стоит, вы должны знать — хотя бы для отчетов перед налоговым управлением.

— Мм-м... и да и нет. Наши цены устанавливаются по-другому. Значит, так: амортизация; потом — содержание управленческого персонала, накладные расходы, диетическое питание, зарплата обслуживающего персонала... ну и так далее. Думаю, можно было бы подсчитать.

— Не трудитесь. Сколько стоят сейчас сутки в больнице, плюс питание?

— Это не совсем по моей части... но, я думаю, где-то около ста долларов в сутки.

— Мне причиталось четыре дня. Не могли бы вы ссудить мне четыреста долларов?

Вместо ответа он произнес какой-то цифровой код, давая команду своему механическому помощнику, который тут же отсчитал мне восемь пятидесятидолларовых бумажек.

— Спасибо,— сказал я искренне, спрятав их.— Сделаю все, что будет в моих силах, чтобы этот долг не слишком долго за мною числился. Шесть процентов? Или деньги подорожали?

Он отрицательно покачал головой.

— Это не кредит. Раз вы решили насчет своих четырех дней так, я уже распорядился, чтобы их считали израсходованными на это.

— Да? Послушайте, мистер Доути, я...— как бы это сказать — я не хотел выкручивать вам руки. Разумеется, я эти деньги...

— Прошу вас, не стоит. Выдавая вам эти деньги, я приказал своему помощнику отметить, что они пошли на оплату вашего четырехдневного пребывания у нас. Вы же не хотите, чтобы у наших ревизоров болела голова из-за несчастных четырех сотен? Я собирался дать вам в долг гораздо больше.

— Ну что ж... Спорить не буду. Скажите, мистер Доути, это много? Какие сейчас цены?

— Мм-м... Трудный вопрос.

— Ну, хотя бы чтобы иметь представление. Сколько стоит *поесть*?

— Пища стоит вполне умеренно. За десять долларов вы можете прилично пообедать... если не будете выбирать дорогие рестораны.

Я снова поблагодарил его и ушел с очень теплым чувством к этому человеку. Мистер Доути напомнил мне нашего армейского казначея. Военные казначеи бывают двух видов: одни показывают вам, где написано, что вы не можете получить причитающегося вам, вторые роются в приказах и инструкциях до тех пор, пока не найдут подходящий параграф, чтобы заплатить вам то, что вам надо. Даже если вы этого не стоите.

Мистер Доути принадлежал ко второму виду.

Хранилище выходило фасадом на бульвар Уилшир. Перед входом были цветы, кустики, лавочки... Я присел на скамейку передохнуть и решить, куда податься: на восток или на запад. Перед мистером Доути я старался держаться орлом, но, честно говоря, я был просто потрясен, хотя у меня в кармане джинсов и трепыхалось достаточно, чтобы не голодать с недельку.

Однако солнышко грело, с автострады доносился приятный гул, я был молод (по крайней мере биологически), и у меня были две руки и голова. Насвистывая «Аллилуйя, я балбес», я развернул «Таймс» — поискать раздел «Требуются на работу». Я устоял перед искушением заглянуть в раздел «Профессионалы (инженеры)» и стал искать «Неквалифицированные рабочие».

Этот раздел был чертовски мал: я едва нашел его...

6

Я нашел работу на другой день, в пятницу. Я успел также чуть-чуть вступить в конфликт с законом, а кроме того, несколько раз что-то сказать или сделать не так, как теперь принято. Оказывается, проходить переориентацию, читая соответствующие руководства и справочники,— это все равно что изучать секс по книжкам.

Наверное, мне было бы в чем-то легче, если бы я обосновался где-нибудь в Омске, Сантьяго или Джакарте. В чужом городе и в чужой стране обычаи заведомо должны быть другими, чем дома. Но в Большом Лос-Анджелесе я подсознательно ожидал, что все осталось по-прежнему, хотя я и видел, что многое изменилось. Конечно, тридцать лет — срок небольшой; даже в течение жизни одного человека на свете успевает измениться немало. Но вот так, одним глотком,— это совсем другое дело...

Как-то, например, я совершенно невинно употребил одно словечко. Присутствовавшая при это дама оскорбилась, а ее муж уже был готов врезать мне в зубы — только мои торопливые объяснения, что я сонник, остановили его. Я не стану приводить

это слово здесь. А впрочем, почему бы и нет? Я же делаю это, чтобы объяснить вам: когда я был мальчишкой, это слово считалось совершенно приличным. Не верите на слово — загляните в какой-нибудь старый словарь. В мое время никто не писал это слово мелом на заборах.

Слово это — «ломка».

Были и другие слова, которые я и по сей день употребляю с опаской. Это не обязательно слова, ставшие нецензурными,— просто изменившие смысл. Например, «преемник»: раньше это слово означало человека, который изучил то или иное дело, чтобы заменить другого, более старого человека. И никакого отношения к уровню рождаемости оно не имело...

Но в целом я справлялся. Работу я нашел такую: я пускал под пресс новехонькие лимузины, и их увозили обратно в Питсбург — там принимали металлолом. «Кадиллаки», «крайслеры», «линкольны» и «эйзенхауэры» — самые разные машины, новенькие, красивые, мощные, не набегавшие еще ни километра. Я загонял их между стальными челюстями пресса и — бах! трах! хррум!.. металлолом к переплавке готов.

Сперва мне было просто больно смотреть на это — сам-то я ездил на работу на ленте, потому что денег у меня не было даже на гравискок. Однажды я высказал свое мнение на этот счет, и меня чуть не вышибли с работы. Слава богу, мастер вспомнил, что я — сонник и действительно не понимаю.

— Это же элементарная экономика, сынок. Это — сверхнормативные машины, которые правительство приняло в залог под выданные дотации на погашение разницы в ценах. Им уже добрых два года, и продать их не удастся. Поэтому правительство прессует их и продает металлолом сталелитейной компании. Сталь нельзя плавить только из руды: надо непременно добавлять и металлолом. Тебе бы следовало это знать, хоть ты и сонник. А теперь, когда хорошая руда вообще редкость, спрос на металлолом весьма высок. Сталеплавильщикам очень нужны эти машины.

— Но зачем же их делать, если нельзя их продать? Это выглядит расточительством.

— Это только *выглядит* расточительством. Ты что же, хочешь, чтобы люди остались без работы? Чтобы уровень жизни упал?

— Тогда почему бы не продавать их за рубеж? Мне кажется, на внешнем рынке за них можно выручить больше, чем за металлолом.

— Что? И загубить внешний рынок? Да, кроме того, если мы начнем их экспортировать, то испортим отношения с Японией, Францией, Германией, с Великой Азией, да со всеми. Ты что, хочешь развязать войну? — Он вздохнул и сказал отеческим тоном: — Ступай-ка в библиотеку да почитай. Какое ты имеешь право рассуждать об этом, если ничего не знаешь?

Я промолчал и не стал говорить ему, что все свое свободное время провожу в библиотеке Лос-Анджелесского университета или в публичной библиотеке; промолчал я и о том, что когда-то был инженером. А сказать просто «я — инженер» было бы все равно что прийти к Дюпону и сказать: «Досточтимый сударь, я алхимик. Не угодно ли испытать мое искусство?»

Еще раз я затеял разговор на эту тему, заметив, что большинство предназначенных к переплавке машин были не готовы к тому, чтобы на них ездили: кое-где видны были дефекты сборки, а в некоторых отсутствовали необходимые части: приборы на щитке управления или кондиционеры. А уж когда я увидел, что у идущей под пресс машины вообще нет силового агрегата, меня прорвало.

Начальник смены выкатил глаза:

— Господи ты боже мой! Сынок, а с чего ты взял, что под пресс обязательно пустят самые лучшие машины? Это же излишки. Дотация в них была заложена еще до того, как они сошли с конвейера!

После этого я заткнулся надолго. Лучше уж я ограничу свой интерес техникой: экономика для меня — темный лес... Но времени на размышления у меня хватало. По моим понятиям, моя работа работой, в сущности, и не была: всю работу делали «Салли» в разных обличьях. «Салли» управляла прессом; ее «сестры» подгоняли под него машины, оттаскивали в сторону спрессованные, считали и взвешивали их. Моя же работа заключалась

в следующем: я стоял на небольшом возвышении (сидеть не полагалось) и держался рукой за рубильник, останавливающий все операции, если что-то пойдет не так. Все всегда шло «так», но мне дали понять, что хотя бы раз в смену я должен был уличить автоматику в какой-нибудь погрешности, остановить работу и вызвать ремонтников.

Ну что ж... За это платили двадцать один доллар в день — на еду хватало. Все-таки самые важные вопросы надо решать в первую очередь.

После всех отчислений (социальное страхование, профсоюзные взносы, подоходный налог, оборонный налог, медицинская страховка и «добровольные» пожертвования) у меня оставалось шестнадцать долларов. Мистер Доути был не прав, когда утверждал, что обед стоит десять долларов: вполне приличный обед можно было получить и за три доллара, если не ставить целью обязательно отведать натурального мяса. Я лично и сейчас уверен, что никто из вас не отличит, какое мясо паслось на пастбище, а какое росло в баке с питательным раствором. А наслушавшись разговоров о контрабандном мясе, от которого может быть лучевая болезнь, я решил удовлетворяться заменителями.

С жильем было посложнее. Поскольку во время Шестинедельной войны Лос-Анджелес не вошел в зону сноса ветхого жилого фонда ускоренным и широкозахватным способом (ему не досталось ни одной атомной бомбы), то туда понаехало поразительное число беженцев. Наверное, в определенном смысле я тоже был одним из них, хотя в то время я так о себе не думал. И похоже, никто из них не спешил возвращаться домой — даже те, чьи дома уцелели. Город — если Лос-Анджелес вообще город (по-моему, это следует называть «среда обитания»),— задыхался еще тогда, когда я отправился спать в 1970-м. А теперь он был набит битком, как дамская сумочка. Возможно, избавление от смога было в некотором роде ошибкой: в шестидесятые годы довольно много народу уезжало из города из-за хронического синусита.

Теперь, очевидно, не уезжал никто.

В тот день, когда я покинул Хранилище, у меня уже созрел определенный план:

1) найти работу;

2) найти кров;

3) наверстать упущенное по инженерно-технической части;

4) найти Рики;

5) вернуться к занятиям конструированием (если это вообще в человеческих силах);

6) разыскать Беллу и Майлса и разобраться с ними, не угодив при этом в тюрьму; и

7) еще много разных дел: например, найти первый патент на «Трудягу Тедди» — проверить свои подозрения (а я сильно подозревал), что это не что иное, как «Универсальная Салли»; не то чтобы это имело теперь значение — так, из любопытства. Надо бы и историю корпорации «Золушка» выяснить. Ну и так далее.

Перечисленные выше дела я расположил в порядке их срочности и важности, потому что много лет назад (чуть не завалив экзамены на первом курсе в институте) понял, что без этого можно потерять очень многое. Правда, некоторые пункты можно было выполнять параллельно: например, я рассчитывал найти Рики и при этом — Беллу и компанию тоже, пока грызу гранит новой инженерной науки. Но дела надо делать по порядку: сперва надо найти работу, а потом уже подыскивать чулок для хранения денег. Деньги — это ключ ко всему остальному... если их нет.

Когда меня раз шесть завернули в городе, я поехал по объявлению аж в Сан-Бернардино — и опоздал буквально на 10 минут. Тут бы мне сразу поискать ночлег, но я решил, что будет гораздо умнее, если я поеду обратно в центр, сниму там номер в гостинице, встану с утра пораньше и первым поспею по утренним объявлениям. Кто же знал?.. Я записался в очередь в четырех отелях — и кончил на скамейке в парке. Время от времени я вставал и прогуливался, чтобы немного согреться, но потом, ближе к полуночи, сдался: зимы в Большом Лос-Анджелесе можно назвать субтропическими, только очень налегая на «суб».

Я укрылся на станции ленточной дороги Уилшир, в зале ожидания, и часа в два ночи попал в облаву вместе с другими бездомными.

Тюрьмы стали заметно лучше. В этой было тепло, и мне показалось, что тараканов тут приучили вытирать ноги.

Обвинение гласило: слоняжничество. Судья — молодой человек, ни разу не поднявший глаз от лежавшей перед ним газеты,— сказал только:

— Эти все по первому разу?

— Да, ваша честь.

— Тридцать дней. Или пусть с работы пришлют бумажку, что их берут на поруки. Следующий.

Нас начали выдворять в коридор, но я уперся.

— Одну минуту, Ваша честь.

— А? Что вас смущает? Вы признаете себя виновным или нет?

— Э-э, я, право, не знаю; ну что я такого сделал? Понимаете, я...

— Хотите защитника? Тогда отправляйтесь в камеру и ждите, пока кто-нибудь не освободится и не займется вашим делом. По-моему, сейчас у них завал дней на шесть... Но это — ваше право.

— *Э-э, я, честное слово, не знаю. Может быть, я хотел бы, чтобы меня взяли на поруки...* хотя я не знаю, кто бы мог это сделать. По-моему, мне нужен совет Суда, если Суд позволит.

Судья велел судебному исполнителю вывести остальных и повернулся ко мне.

— Выкладывайте. Но имейте в виду: мой совет вряд ли придется вам по вкусу. Работаю я давно, всяких сказок наслушался досыта, и большинство из них вызывает у меня глубокое отвращение.

— Да, сэр. Но у меня — не сказки: это легко проверить. Видите ли, я вчера вернулся из Долгого Сна и...

На лице у него появилась гримаса отвращения.

— *Один из этих, да? Я все в толк не возьму: с чего это наши дедушки решили, что могут сплавлять своих выморозков к нам?* Уж чего этому городу надо меньше всего — так это лишних людей. Особенно таких, которые и в своем-то времени не могли устроиться. Будь моя воля — я бы вышиб вас всех в тот год, откуда вы явились, да еще дал бы с собою записку к тем, кто там живет, что будущее, о котором они так мечтают, не вымощено золотом, ясно? — Он вздохнул.— Впрочем, толку от этого, я уверен, было

бы немного. Ну, и что вы от меня хотите? Чтобы я дал вам шанс? И через неделю вы опять свалитесь на мою голову?..

— Ваша честь, я не думаю, что это должно случиться. У меня достаточно денег, чтобы протянуть до тех пор, пока я не найду работу и...

— Да? Если у вас есть деньги, чего же вы слоняжничали?

— Ваша честь, я даже не знаю, что означает это слово.

На этот раз он позволил объяснить ему ситуацию. И когда я дошел до той части, как меня облапошила «Мастер иншуранс», он резко переменил отношение ко мне.

— Вот свиньи! Мою мать они надули после того, как она лет двадцать платила страховые взносы. Что же вы мне этого сразу не сказали? — Он вынул визитную карточку, что-то на ней написал и протянул мне.— Ступайте с этой запиской в отдел по найму Комиссии по утилизации излишков и вторичным ресурсам. Если там не выгорит с работой — приходите утром снова. Только чтоб больше не слоняжничать. Я уж не говорю о том, что это прямая дорога к преступности и падению нравов. Но лично вы имеете отличный шанс отведать зомбина. Ночью, в темном переулке, это — раз плюнуть.

Вот так я и стал пускать под пресс новенькие автомобили. И все же я считаю, что поступил правильно, начав именно с поиска работы. Если у человека есть денежки, он везде как дома. И с полицией трений не будет.

А вскоре я сумел снять приличную — и по карману — комнату в той части Западного Лос-Анджелеса, которую еще не успели снести и перестроить по Новому Плану. Раньше эта комната, по-моему, была гардеробной.

Я бы не хотел, чтобы у вас сложилось впечатление, что мне не понравился двухтысячный год. По сравнению с 1970-м он был вполне... И следующий, 2001-й, наступивший через пару недель после моего пробуждения,— тоже. И несмотря на подкатывавшие временами приступы ностальгии, я считаю, что на пороге третьего тысячелетия Большой Лос-Анджелес был самым замечательным местом на свете. В городе было чисто и так здорово... ну, может, малость многовато народу. Но и эта проблема решалась

грандиозно, с размахом. Я глядел на те части города, что подверглись реконструкции по Новому плану, и у меня просто сердце радовалось. Будь у городского управления возможность лет на десять приостановить иммиграцию, они наверняка смогли бы решить жилищную проблему. Но поскольку такой возможности у них не было, то им не оставалось ничего другого, как пытаться обеспечить жильем ту лавину, что катилась через горы Сьерра-Невада. Они делали все, что в их силах. На это стоило посмотреть: зрелище было впечатляющее. Даже то, что не удалось, вызывало невольное уважение.

Ей-богу, стоило проспать тридцать лет, чтобы проснуться в такое время, когда справились с обычной простудой и никто не страдает от насморка. Для меня это в некотором смысле означало не меньше, чем исследовательская станция на Венере.

Больше всего на меня произвели впечатление две вещи — одна крупная, а другая мелкая. Крупной была, разумеется, антигравитация. Я еще там, в семидесятом, слышал про эксперименты Бэбсоновского института с гравитацией, но считал, что у них из этого ничего не выйдет. Ничего и не вышло. Базисная теория поля, на которой основано развитие антигравитации, разработана в Эдинбурге. Но в школе меня учили, что гравитация — это такая штука, с которой уж ничего не поделаешь, потому что она заложена непосредственно в форму пространства.

Пришлось, естественно, менять форму пространства. Конечно, только временно и в отдельных местах, но для того, чтобы переместить тяжелый предмет, этого достаточно. Феномен так или иначе остается связан с матушкой-Землей, так что для космических кораблей он не пригодился. Во всяком случае, в 2001-м — насчет будущего я уже перестал загадывать. Чтобы поднять объект, как я выяснил, надо приложить энергию для преодоления гравитационного потенциала. И наоборот, чтобы что-то опустить, надо иметь накопитель энергии для всех этих килограммометров, иначе может рвануть. А вот чтобы переместить что-нибудь по горизонтали, скажем, из Сан-Франциско в Большой Лос-Анджелес, достаточно поднять этот предмет в воздух, слегка подтолкнуть — и он устремляется вперед легко и без сопротивле-

ния, как пушинка, как разогнавшийся и скользящий по льду конькобежец.

Прелесть!

Я попытался разобраться в теории вопроса, но математика начинается там, где кончается тензорное исчисление; это не для меня. Ведь инженеру вообще редко приходится быть физматиком, да и не надо: он должен усекать, как вещь работает,— тогда он разберется и в том, как эту вещь применять. Просто надо знать рабочие параметры. Это-то мне было по силам.

Ну, а мелочью, о которой я упомянул, оказались изменения в женской моде, ставшие возможными благодаря тканям и замкам «стиктайт». Вид женщин, купающихся на пляже в одной только собственной коже, меня не шокировал: и у нас, в семидесятом, существовал нудизм. Но когда я увидел, что вытворяют женщины из «стиктайт», у меня просто челюсть отвисла. Мой дедуля родился в 1890-м; полагаю, некоторые зрелища 1970-го повлияли бы на него аналогичным образом.

Но мне нравился это динамичный новый мир, и я был бы счастлив в нем, если бы не был почти все время одинок. Я был... неприкаянный. Иногда (обычно посреди ночи) я просыпался и чувствовал, что с радостью отдал бы весь этот мир за одного драного, облезлого кота. Или за возможность хоть на полдня сводить маленькую Рики в зоопарк... Или за дружбу, что была между мною и Майлсом, когда у нас всего и было, что тяжелая работа да надежда.

В начале 2001-го, когда я еще и наполовину не подогнал свои хвосты по инженерному делу, я начал чувствовать зуд: бросить свою сачковую работу и опять засесть за кульман. Теперь, при современном уровне развития техники, стали возможны очень многие вещи, о которых в 1970-м и мечтать не приходилось; и мне захотелось спроектировать десяток-другой.

Например, я думал, что в ходу уже должны быть автоматические секретари. Я имею в виду машину, которой можно продиктовать текст и получить деловое письмо без грамматических ошибок, со знаками препинания, идеально отпечатанное — и все это без участия рук человеческих. Но таких пока не было. Кто-то придумал машину, что могла печатать с голоса, но она годилась

только для фонетических языков, вроде эсперанто, и совершенно не подходила для английского языка с его многочисленными немыми буквами и кучей исключений из массы правил. Получалось «ничиво не папишишь, братетс!»...

Люди не согласны отказаться от нелогичного английского правописания только ради удобства изобретателя. Но если гора не идет к Магомету...

Выпускнице колледжа иногда и удается разобрать чудное правописание английского языка и правильно написать то или иное слово; но спрашивается: как научить этому машину? Обычно на такие вопросы отвечают: это невозможно. Для этого требуются человеческий разум и понятливость.

Но изобретение — это именно то, что было невозможно до того. Поэтому-то правительство и выдает на него патент.

Благодаря ячейкам памяти и современному уровню миниатюризации (я оказался прав насчет применения золота в технике) стало возможным затолкать в кубический фут сотни тысяч закодированных звуков. Другими словами, закодировать каждое слово в Университетском словаре Вебстера*. Только это даже и не обязательно: с избытком хватит десяти тысяч слов. Ну зачем, в самом деле, надо, чтобы секретарь умел стенографировать слова вроде «остервенение» или «растранжирить»? Ну, уж если что-нибудь этакое когда-то и приспичит — можно же продиктовать по буквам. Ага, значит, надо, чтобы машина понимала и такой способ диктовки! А еще надо закодировать знаки препинания... разные форматы... количество копий в закладке... и чтобы сама отыскивала в памяти нужный адрес... и сортировала почту перед отправкой... и предусмотреть не менее тысячи свободных ячеек для специальных терминов, применяемых в данной отрасли бизнеса или техники. И сделать так, чтобы клиент-владелец мог вводить эти слова сам: нажал клавишу «память», напечатал слово вроде «педипальпы»,— и уже никогда не придется диктовать его по буквам.

Все просто. Надо только состыковать компоненты, уже имеющиеся в продаже, и превратить это сочетание в производственную модель.

Вот с омонимами — беда... Над сочетаниями вроде «писчий счетчик» наша «Стенографистка Стелла» даже на секунду не задумается — ведь все эти слова с трудным написанием звучат по-разному. А вот выбрать из нескольких слов, которые звучат одинаково, но пишутся по-разному, ей будет нелегко.

Интересно, а словарь омонимов в публичной библиотеке в городе есть? Оказалось, есть. Я начал подсчитывать пары омонимов, с которыми неизбежно придется сталкиваться, и прикидывать, сколько из них можно сделать различимыми с помощью теории информации, анализа контекста, а сколько потребуют специального кодирования.

Я стал нервничать и злиться по пустякам: я не только тратил по тридцать часов в неделю на совершенно бесполезную, бессмысленную работу, но и не мог, в самом деле, заниматься настоящим конструированием в публичной библиотеке! Мне была нужна мастерская с кульманом — чертить, вылавливать мелкие дефекты. Мне нужны были каталоги торговых фирм, профессиональные журналы, счетная техника и т.д.

Я решил, что надо искать хотя бы полупрофессиональную работу. Я был не настолько глуп, чтобы полагать, что я уже инженер: слишком много было еще всякого такого, что я не успел прочесть. Я уже несколько раз сидел, ломая голову, как сделать то или иное устройство, воспользовавшись моими новыми познаниями,— а потом, придя в библиотеку, обнаруживал, что кто-то уже решил эту проблему лучше, дешевле и изящнее меня и лет десять-пятнадцать назад.

Мне надо было пойти работать в конструкторское бюро, чтобы все эти новинки стали мне близкими и родными. Я решил, что с работой младшего чертежника я справлюсь.

Я знал, что теперь используются электрические чертежные полуавтоматы,— видел на картинках, хотя сам еще не пользовался. Но научиться ими пользоваться, по-моему, можно за двадцать минут, если бы такой случай представился,— они были очень похожи на то устройство, что я когда-то выдумал,— устройство, имеющее не больше общего со старомодным чертежным столом

с параллелограммом, чем пишущая машинка — с письмом каллиграфической вязью.

Я все продумал: как можно чертить прямые и кривые в любом месте чертежной доски легкими нажатиями на клавиши.

Однако тут я был уверен, что мою идею не украли (как украли «Универсальную Салли») — ведь моя чертежная машина существовала только в моем мозгу. Значит, кому-то в голову пришла аналогичная идея, которую он сумел довести до логического завершения. Когда приходит время железных дорог, начинают делать паровозы...

Фирма «Аладдин» — та же, что выпускала «Трудягу Тедди»,— делала одну из лучших чертежных машин — «Чертежника Дэна». Я поскреб по сусекам, купил костюм поприличнее и подержанный «дипломат», набил последний газетами и явился в «Аладдин», в их фирменный магазин, якобы собираясь приобрести такую машину. Я попросил продемонстрировать, как она работает.

И тут меня ждало потрясение. Я подошел к демонстрационному экземпляру «Чертежника Дэна», и... психиатры называют это «deja vu». Проклятая машина была сделана точно так, как сделал бы ее я, если бы меня не запихали в хранилище на Долгий Сон.

Не спрашивайте меня, почему я так решил: человек может узнать свою собственную работу. Знаток живописи может определить, что это — Рубенс, или Рембрандт: по мазку, по блику, по композиции, по подбору красок, по десятку других признаков. Конструирование — не наука. Это — искусство, в нем всегда есть широкий выбор, как решить ту или иную техническую проблему. Выбирая эти способы, конструктор оставляет не менее отчетливый «автограф», чем художник.

У «Чертежника Дэна» был такой сильный привкус моей собственной техники дизайна, что меня прямо взбудоражило. Я почти начал верить в телепатию.

Я незаметно глянул на табличку с номерами патентов. В том состоянии, в котором я был, я даже не удивился, обнаружив, что первый из них тоже датирован семидесятым годом. Я твердо решил узнать, кто же изобрел его. Может быть, кто-то из моих учи-

телей, от которых я и набрался своих методов, своего стиля? Или кто-нибудь из инженеров, с которыми я когда-то вместе работал...

Может быть, изобретатель еще жив. Тогда я обязательно разыщу его: надо познакомиться с человеком, который мыслит точь-в-точь как я.

Я взял себя в руки и попросил продавца показать машину в работе. Особенно распинаться ему не пришлось: мы с «Дэном» оказались буквально созданы друг для друга. Через десять минут я уже обращался с ним проворнее, чем он сам. Наконец я оторвался от машины и стал отступать: попросил проспект с фотографиями, спросил о цене и возможных скидках, о техническом обслуживании и... ушел, сказав, что еще позвоню, как раз в тот момент, когда продавец уже собирался протянуть мне на подпись бланк заказа. Грязный трюк — но ведь, кроме часа времени, я у них ничего не украл.

Прямо оттуда я пошел в фирму «Золушка» наниматься на работу на их фабрику.

Я уже выяснил, что ни Белла, ни Майлс там больше не работают. Все время, которое я мог урвать от сна и отдыха — между работой и наверстыванием упущенного в библиотеках,— я искал Беллу, Майлса и в особенности Рики. В телефонных справочниках Большого Лос-Анджелеса не значился ни один из троих, равно как и во всех Соединенных Штатах: я оплатил «информационный поиск» в национальном бюро в Кливленде. С меня взяли вчетверо больше обычного: Беллу пришлось искать и под фамилией Джентри, и под «Даркин».

Пробовал я искать их и в списках избирателей, в избирательной комиссии графства Лос-Анджелес — тот же результат.

В письме из «Золушки Инк.», подписанном каким-то семнадцатым вице-президентом (вероятно, его и держат специально для того, чтобы отвечать на дурацкие вопросы), мне уклончиво сообщили, что тридцать лет назад лица с указанными фамилиями действительно служили в фирме, но что в настоящее время фирма ничем не может помочь мне относительно их координат.

Для детектива-любителя, у которого мало времени и еще меньше денег, распутывать следы тридцатилетней давности —

занятие безнадежное. Будь у меня их отпечатки пальцев — я бы обратился в ФБР. Номеров их карточек социального страхования я не знал. Власть предержащие в этой стране, похоже, не опустились до создания полицейского государства, имеющего досье на каждого гражданина. Да и существуй такие досье, мне до них не добраться: кто я такой?

Возможно, щедро субсидируемое детективное агентство могло бы, перекопав горы муниципальных регистрационных книг, газетных подшивок и бог знает чего еще, отыскать их следы. Но у меня не было ни средств на щедрые субсидии, ни таланта и времени искать их.

В конце концов я махнул рукой на Беллу и Майлса, но дал себе слово, что обязательно найму профессионалов для розыска Рики, как только это станет мне по карману. Я уже выяснил, что акций «Золушки» у нее нет. Тогда я написал в «Бэнк оф Америка» — узнать, нет ли у них (или не было ли раньше, когда-либо) на доверительном хранении акций на ее имя. В ответ я получил стандартный бланк: подобная информация является конфиденциальной и т.д. Пришлось писать снова: я объяснил, что я — сонник, что она — моя единственная родственница. На этот раз я получил вполне личное письмо, подписанное сотрудником траст-отдела. К сожалению, писал он, информация о подопечных траст-отдела не подлежит разглашению даже в таких исключительных ситуациях, но он считает возможным сообщить, что ни сейчас, ни ранее ни одно из отделений банка не принимало на доверительное хранение ценных бумаг на имя Фредерики Вирджинии Джентри.

Из этого было ясно одно: каким-то образом наши пташечки сумели увести у Рики акции. Распоряжение о переуступке я составил так, что оно могло сработать только через «Бэнк оф Америка». Значит, не сработало. Бедная Рики! Они ограбили нас обоих...

Я сделал еще одну попытку. В архиве отдела образования в Мохаве нашлась запись об ученице по имени Фредерика Вирджиния Джентри — но ее забрали из той школы в 1971-м. Куда именно — не было указано.

Приятно было узнать, что где-то кто-то подтверждает, что Рики вообще существовала на свете. Но ведь она могла перейти

в любую из тысяч и тысяч средних школ в Соединенных Штатах. Сколько нужно времени, чтобы написать в каждую? И смогут ли они ответить, даже если представить себе, что они захотят это сделать,— хранят ли они такие данные?

В четверти миллиарда людей одна девочка может исчезнуть, как песчинка на пляже.

Но провал моих поисков позволял мне спокойно наниматься в «Золушку Инк.», зная, что Майлс и Белла там больше не хозяева. Я бы мог обратиться в любую из сотни автоматостроительных компаний, но «Аладдин» и «Золушка» были фирмы солидные, известные, как «Форд» и «Дженерал моторз» в те времена, когда процветало автомобилестроение. «Золушку» я выбрал отчасти из сентиментальности: интересно было взглянуть, во что превратился мой «свечной заводик».

Пятого марта 2001 года я пришел в их бюро по найму, выстоял очередь к тому окошечку, где принимали инженеров и техников, заполнил десяток анкет, не имевших никакого отношения к технике, и одну, имевшую к ней некоторое касательство, и... «не трудитесь, мы сами вам позвоним...».

Поошивавшись немного в зале, я проскользнул к одному из младших кадровиков. Он с неохотой заглянул в одну из заполненных мною бумажек, не имеющую, на мой взгляд, ни смысла, ни значения, и заявил, что мое образование теперь ничего не значит — у меня большой перерыв в работе.

Я сказал, что я — сонник.

— Тогда ваши дела еще хуже. Да и вообще мы не принимаем на работу людей старше сорока пяти лет.

— Но мне нет сорока пяти — мне всего тридцать.

— Вы родились в тысяча девятьсот сороковом году. Прошу прощения.

— Ну, и что же мне прикажете делать? Застрелиться?

Он пожал плечами.

— На вашем месте я бы попробовал получить пенсию по старости...

Я постарался выйти быстрее, чем успею сказать ему, куда бы ему пойти с его советами. Обойдя метров восемьсот вокруг

корпуса, я вошел в главный вход. Фамилия управляющего была Кертис. Я спросил, как его найти.

Первые два слоя я пробил, просто сказав с деловым видом, что у меня к нему дело. «Золушка Инк.» не пользовалась своими автоматами в качестве секретарей: их секретарши были из плоти и крови. Кое-как я пробился на несколько этажей вверх и (я так думаю) где-то за две двери до босса застрял, наткнувшись на этакую нинпель-даму, потребовавшую, чтобы я сказал ей, что у меня за дело к ее шефу.

Я огляделся. Большая комната; человек сорок людей и еще разные машины. Она резко повторила:

— Ну, сообщите мне цель вашего прихода, и я справлюсь у секретаря мистера Кертиса, ведающего приемом посетителей.

Я ответил достаточно громко, чтобы меня услышали все присутствующие:

— Я хочу знать, намерен ли он оставить в покое мою жену?!

Через сорок секунд я был в его кабинете. Он поднял глаза от бумаг.

— Ну? Что еще за ерунда?

Потребовалось полчаса времени и рытья в старых бумагах, чтобы он убедился, что я не женат и что я — основатель фирмы. С этого момента дела пошли мирно — джин, тоник, сигареты; меня представили главному инженеру, начальнику отдела сбыта, другим заведующим отделами.

— А мы думали, что вы умерли,— сказал мне Кертис.— В официальной истории нашей фирмы так и написано.

— Это все слухи. Наверное, какой-нибудь другой Д.Б. Дэвис.

Заведующий отделом сбыта Джек Гэллоуэй вдруг спросил:

— А что вы сейчас поделываете, мистер Дэвис?

— Да ничего особенного. Работал, э-э, в автомобильной промышленности. Но собираюсь уйти оттуда. А что?

— Что? Да разве не понятно? — он повернулся к главному инженеру, Макби.— Слышь, Мак, а? Все вы, инженеры, одинаковы: к вам, можно сказать, ангел-хранитель сбыта слетел и даже облобызал, а вам и невдомек. «А что?» А вот что, мистер Дэвис! Вы же — ходячая реклама. От вас же веет романтикой, очарова-

нием старины. Слушайте: ОСНОВАТЕЛЬ ФИРМЫ ВОССТАЛ ИЗ МЕРТВЫХ, ЧТОБЫ УВИДЕТЬ СВОЕ ДЕТИЩЕ! ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ПЕРВОГО РОБОТА-СЛУГИ ВИДИТ ПЛОДЫ СВОЕГО ТАЛАНТА! Ну и так далее.

Я торопливо возразил:

— Минуточку, мистер Гэллоуэй. Я не рекламная модель и не кинозвезда. Шумиха эта мне ни к чему. Я сюда не за этим пришел. Я хочу работать у вас... инженером.

Мистер Макби поднял брови, но промолчал.

Мы начали пререкаться. Гэллоуэй стал говорить, что это просто мой долг перед фирмой, которую я создал. Макби больше молчал, но было ясно, что мысль о моем появлении в его отделе не вызывает у него восторга. Он даже спросил меня, что я знаю об интегральных схемах. Я честно признался, что то немногое, что мне известно, я почерпнул из руководств, на которых отсутствовал гриф «секретно».

Наконец Кертис предложил компромисс:

— Видите ли, какая штука, мистер Дэвис: вы сейчас в очень необычном положении. Можно сказать, что вы основали не только фирму, но и всю нашу отрасль промышленности. Тем не менее, как заметил тут мистер Макби, с тех пор как вы ушли в Долгий Сон, эта отрасль несколько продвинулась вперед. Давайте мы зачислим вас в штат в качестве консультанта... и присвоим титул почетного инженера-исследователя, скажем.

Я колебался.

— А что это будет значить по сути?

— А что захотите. Однако скажу честно: мы бы хотели, чтобы вы сотрудничали с мистером Гэллоуэем. Мы ведь не только производим эту технику: нам еще надо ее продавать.

— Ну, а конструировать я при этом смогу?

— А это на ваше усмотрение. Возможность такую мы вам предоставим, а дальше делайте, что хотите.

— И возможность пользоваться мастерскими?

Кертис посмотрел на Макби. Главный инженер ответил:

— Ну, разумеется... в пределах разумного, конечно.

Гэллоуэй быстро вмешался:

— Значит, решили. Вы позволите, Би-Джей? Не уходите, пожалуйста, мистер Дэвис: я хочу, чтобы вы сфотографировались рядом с самой первой моделью «Золушки».

Затеяли съемку. Я был рад увидеть ее — первую машину, которую я сам, своими руками собрал, над которой столько попотел. Я хотел попробовать, работает ли она, но Макби не дал мне включить ее. Мне показалось, что он опасался за машину: вдруг я не знаю, как с ней обращаться?..

Весь март и апрель мне было очень недурно в «Золушке». В моем распоряжении были всевозможные инструменты, технические журналы, незаменимые коммерческие каталоги, техническая библиотека, «Чертежник Дэн» (своих чертежных автоматов «Золушка» не производила, поэтому пользовалась лучшими из имеющихся в продаже — а это была продукция «Аладдина»). А главное, в моих ушах музыкой звучали разговоры профессионалов!

Особенно близко я сошелся с Чаком Фриденбергом — заместителем главного инженера по комплектующим. По моему мнению, Чак был в этой конторе единственным инженером, стоившим своей зарплаты. Остальные были просто техники с дипломами, включая и Макби. Чтобы стать инженером, диплома и шотландского акцента маловато. Когда мы узнали друг друга получше, Чак както признался, что придерживается такого же мнения.

— Мак не любит новинок. Он предпочитает все делать так, как его дедушка когда-то на берегах своего разлюбезного Клайда*.

— А что же он тут делает?

Фриденберг не знал точно, но вроде нынешняя фирма раньше была просто производственной компанией, которая купила лицензии на патенты (мои патенты!) у «Золушки Инк.». А лет двадцать назад, чтобы сэкономить на налогах, фирмы слились, и новая фирма взяла название старой, которую основал я. Вот в это время, как полагал Чак, и наняли Макби. Ему же достался, вероятно, и хороший кусок акций.

По вечерам мы с Чаком обсуждали за пивом, что надо фирме, что почем, и вообще говорили за жизнь. Вначале его интере-

совало мое прошлое — прошлое сонника. Я уже знал, что очень многие испытывают нездоровое любопытство, как будто сонники — уроды какие-нибудь.

Но Чака интересовал сам прыжок во времени — это был вполне здоровый интерес: каким был мир до его рождения, причем в восприятии человека, который помнит этот мир «как будто только вчера».

Он всегда был готов раздраконить новую машину, которую я только что выдумал, и много раз ставил меня на место, если я придумывал что-нибудь давно известное в 2001-м. Под его товарищеским руководством я быстро наверстывал знания, восполняя свои пробелы и становясь настоящим инженером.

Но когда однажды, теплым апрельским вечером, я обрисовал ему свою идею автомата-секретаря, он произнес медленно:

— Дэн, ты это придумал в рабочее время или как?

— А? Да нет, не совсем. А что?

— А что у тебя за контракт?

— Контракт? А у меня нет контракта. Кертис назначил мне жалованье, а Гэллоуэй заставляет фотографироваться и отвечать нанятому для этого рекламному автору на дурацкие вопросы, что и как было.

— Хм... знаешь, дружище, я бы не стал ничего предпринимать, не уточнив своей юридической позиции. Это действительно что-то новенькое. И, по-моему, у тебя эта штука будет работать.

— Я как-то не думал о формальностях...

— Тогда отложи это дело пока. Ты же знаешь, как у фирмы обстоят дела: товары мы делаем хорошие, денежки идут. Но все новинки, которые мы выпустили за последние пять лет,— лицензионные. Я ничего не могу протолкнуть через голову Мака. А ты можешь обойти Мака и показать это боссу. Так вот, не делай этого. Если, конечно, не собираешься подарить это фирме просто за зарплату.

Советом я воспользовался. Я продолжал конструировать, но сжигал все чертежи, стоившие внимания,— мне они были не нужны: все это уже было у меня в голове. Чувства вины я не испытывал: фирма не захотела нанять меня в качестве инженера. Они

предпочли взять меня на роль манекена для Гэллоуэя. А когда моя рекламная ценность истощится до нуля, мне заплатят месячное жалованье, скажут спасибо и выставят вон.

Но к тому времени я стану настоящим инженером и смогу открыть собственное дело. И если Чак решит уйти со мной — я возьму его в долю.

Джек Гэллоуэй не продал историю обо мне газетчикам. Вместо этого он стал заигрывать с крупными журналами. Он хотел, чтобы «Лайф» сделал обо мне разворот, связав его с тем, старым, тридцатилетней давности — о первой модели «Золушки». «Лайф» на это не клюнул, но в нескольких других журналах в ту весну кое-что появилось в блоке с рекламой. Я хотел отрастить бороду, но потом решил, что меня, во-первых, никто не узнает, а во-вторых, мне наплевать, даже если и узнают.

Иногда я получал дурацкие письма. Например, один тип написал мне, что я буду вечно гореть в адском пламени за то, что посягнул на Божественные предначертания относительно моей судьбы. Я кинул письмо в корзину и подумал, что, если бы Богу действительно было это неугодно, он бы никогда не допустил появления Холодного Сна. Во всех остальных отношениях меня не беспокоили.

Но третьего мая 2001 года мой телефон зазвонил. «Миссис Шульц на линии, сэр. Вы ответите?»

Шульц? Вот черт: я же обещал Доути, когда звонил ему в прошлый раз, что разберусь с этим. Но так и не занялся — не хотелось. Я был уверен, что это одна из тех чудачек, что пристают к сонникам с глупыми вопросами.

Но ведь Доути сказал, что она звонила несколько раз с тех пор, как я вышел из хранилища в декабре. В соответствии со своими правилами хранилище не сообщало ей моего адреса, согласившись только передать, что она звонила.

Ну что ж, ради Доути... «Соедините, пожалуйста».

— Хэлло! Это Дэнни Дэвис? — Экрана в моем офисе не было, и она не могла меня видеть.

— Да. Ваше имя Шульц?

— Ах, Дэнни, милый, как я рада слышать твой голос!

Я не ответил. Она заговорила опять:

— Ты что, не узнал меня?

Узнал. Еще как узнал... Это была Белла Джентри.

7

Я согласился встретиться с нею.

Первым моим побуждением было послать ее ко всем чертям и повесить трубку. Но я давно понял, что мстить глупо. Пита местью не вернешь, а если отомстить удачно, то и в тюрьму угодить недолго. Да я и не думал про Беллу с Майлсом с тех пор, как перестал их разыскивать.

Но Белла почти наверняка знала, где Рики. Я решил встретиться с нею.

Она хотела, чтобы я пригласил ее пообедать. Я решил этого не делать: я не очень внимателен к тонкостям этикета, но еду, трапезу можно делить только с друзьями. Встретиться — пожалуйста, но есть и пить с нею у меня не было никакого желания. Я спросил ее адрес и сказал, что приеду вечером.

Это оказалась дешевая меблирашка в той части города, которая еще не вошла в Новый план. Квартира была на последнем этаже. Еще не дойдя до ее двери, я понял, что от моих акций проку ей было немного, иначе она бы тут не жила. Я позвонил.

Когда я увидел ее лицо, то понял, что месть моя опоздала. Годы и она сама отомстили лучше, чем я сумел бы это сделать.

Если даже поверить тому, что она сама когда-то говорила о своем возрасте, то ей было не меньше пятидесяти пяти. А на самом деле, пожалуй,— ближе к шестидесяти. Если женщина возьмет на себя труд побеспокоиться о себе, то, благодаря гериатрии и эндокринологии, может выглядеть на тридцать еще лет тридцать после того, как ей сравняется тридцать. Некоторые звезды нынешнего завлекино играют роли юных девушек, хотя у них уже внуки.

Белла об этом не позаботилась.

Толстая, оплывшая, с визгливым голосом и манерами котенка, она, похоже, до сих пор считала свое тело своим главным

достоянием: одета она была в неглиже из «стиктайт», что позволяло безошибочно определить в ней существо женского пола, принадлежащее к отряду млекопитающих, перекормленное и страдающее малоподвижностью.

Она же ничего этого, похоже, не замечала. Некогда острый ум потерял четкость восприятия; осталась только ее всепожирающая самоуверенность. С радостным воплем она кинулась мне на шею, и, наверное, поцеловала бы, не вырвись я вовремя из ее объятий.

Я успел схватить ее за руки.

— Спокойнее, Белла.

— Но, милый! Я так рада, так счастлива! Так безумно рада видеть тебя!

— Да уж, могу себе представить.— Я шел к ней с твердой решимостью держать себя в руках, выяснить только то, что меня интересовало, и уйти восвояси. Похоже, это будет нелегко.— А помнишь, каким ты видела меня в последний раз? По уши накачанным зомбином, чтобы ты могла засунуть меня в хранилище?

Она удивилась и даже обиделась.

— Но, милый, это же было для твоей пользы! Ты же был так болен.— Похоже, она успела сама в это поверить.

— О'кей, о'кей. А где Майлс? Ты вроде теперь миссис Шульц?

Глаза у нее стали круглыми от удивления.

— А разве ты не знаешь?

— О чем?

— Бедный Майлс... ах, бедный мой Майлс. После того как ты нас покинул, Дэнни, он протянул меньше двух лет.— Лицо ее внезапно исказила гримаса злобы.— Обманул меня, гадина!

— Ай-яй-яй...

Интересно, подумал я, как он умер? Сам упал или подтолкнули? Или мышьяк в суп?

Я решил не отвлекаться от главного, пока у нее игла совсем с дорожки не соскочила.

— А что сталось с Рики?

— Рики?

— Ну, с Фредерикой, падчерицей Майлса.

— А, с той паршивкой? Откуда я знаю! Она уехала к бабке жить.

— А куда? Как звали бабушку?

— Куда? В Тусон. Или в Юму?.. Ну, куда-то в те края. А может, в Индио. Милый, я не хочу про нее, про эту противную девчонку. Я хочу поговорить с тобой о нас.

— Сейчас, минуточку. Как все-таки фамилия ее бабушки?

— Ах, Дэнни, ну какой ты нудный! Ну откуда мне помнить, как звали ее бабку?

— Как ее фамилия?!

— Ну, Хенлон. Хейни. Нет, Хейнц. А может, Хинкли?.. Ой, да ладно тебе, милый. Давай выпьем. Выпьем за наше счастливое воссоединение.

Я покачал головой.

— Не употребляю.

И это было почти правда. Обнаружив, что спиртное — ненадежный друг в тяжелую минуту, я теперь ограничивался пивом в компании Чака Фриденберга.

— Ой, как это скучно, милый! Ну, ты не против, если я немного приму?

Она уже наливала себе. Чистый джин, заметил я, услада одинокой девицы. Но прежде чем выпить, она взяла пластиковый флакончик и вытряхнула на ладонь пару таблеток.

— Будешь?

Я узнал полосатые таблетки: эйфории. Говорили, что он нетоксичен и не вызывает привыкания, но мнения были разные. Кое-кто считал, что его надо зачислить в одну группу с морфием и барбитуратами.

— Спасибо. Я и так счастлив.

— Ну, прекрасно.

Она кинула в рот обе, запила джином.

Стало ясно, что если я хочу что-нибудь выяснить, то надо поторапливаться. Скоро от нее уже ничего не добьешься, кроме смешочков и хихиканья.

Я взял ее под руку и усадил на кушетку. Потом сел напротив.

— Белла, расскажи мне о себе. Ну, чтобы я был в курсе. Как вы с Майлсом сторговались с «Манникс»?

— А? Да никак! — Она вдруг обозлилась.— Это все ты виноват!

— Как я? Меня же там не было!

— Конечно, ты. Им же нужна была та штука... то чудовище на колесиках, что ты слепил из инвалидного кресла. А оно пропало.

— Пропало? А где оно стояло?

Она недоверчиво вперила в меня свои поросячьи глазки.

— Тебе лучше знать. Ты же его спер.

— Я? Ты что, Белла, с ума сошла? Что я мог взять? Я же лежал в Холодном Сне, как сурок в спячке. Где та машина стояла? И когда она пропала?

По моим понятиям, кто-то и вправду увел «Салли», раз Белла с Майлсом не смогли ею воспользоваться. Но из миллионов людей на всем земном шаре я был самым распоследним, кто мог это сделать. С того страшного вечера, когда они подловили меня на голосовании, я больше «Салли» не видел.

— Расскажи-ка, Белла: где все-таки она стояла? И почему ты решила, что это я ее стащил?

— А кто же, кроме тебя?! Больше никто и не знал, что это за вещь. Так, куча железок! Говорила я Майлсу: не ставь ее в гараж!

— Но если ее кто-то украл, то я сомневаюсь, что этот «кто-то» смог бы заставить ее работать. Ведь вся документация, все инструкции-то остались у вас.

— Да нет же! Майлс, дубина, сунул их в машину, когда мы решили перепрятать ее, чтобы ты ее не украл.

«Украл» я пропустил мимо ушей и собрался возразить, что Майлс никак не мог затолкать пять фунтов бумаг в «Салли»: она и без того была плотно нашпигована, словно рождественский гусь. Но тут я вспомнил, что приделал полку-времянку в нижней части колесного шасси — складывать инструменты во время работы. Впопыхах Майлс мог сунуть мои бумаги туда.

А, не имеет значения. Все эти преступления совершены тридцать лет назад. Я захотел узнать, как у них из рук выскользнула «Золушка Инк.».

— А когда сделка с «Манникс» не выгорела, что вы стали делать?

— Да ничего. Потом ушел Джейк, и Майлс сказал, что придется закрываться. Слабак он был... А Джейк Шмидт мне всегда

не нравился. Все вынюхивал... Все спрашивал: почему это ты ушел? Как будто мы могли тебя не пустить! Я-то хотела, чтобы мы наняли хорошего мастера и работали дальше. Фирма стоила дороже. Но Майлс так настаивал...

— Ну, и что дальше?

— Так мы же продали лицензии фирме «Джири мэньюфекчуринг». Разве ты не знаешь? Ты же у них работаешь!

Действительно, полное название нынешней «Золушки Инк.» звучало теперь так: «Бытовые устройства "Золушка" и производственные мастерские "Джири", Инк.», хотя товарный знак попрежнему был просто «Золушка». Похоже, я выяснил все, что эта дряхлая развалина могла мне сообщить.

Но мне было интересно другое.

— А после того как вы продали лицензии «Джири», вы продали свои акции?

— А? Кто это тебе такую глупость сказал? — Новая смена выражения лица, и вот она уже всхлипывает, роется в сумочке в поисках платка, потом бросает это занятие, и слезы текут по ее щекам.— Он обманул меня! Пьянь несчастная... Обманул меня!.. Кинул...— Она шмыгнула носом и добавила задумчиво: — Вы все меня надули. А ты, Дэнни,— сильнее всех. Я так к тебе относилась, а ты...— Она опять начала хлюпать носом.

Я решил, что эйфорин не стоит таких денег. Или, может, она счастлива, когда плачет?

— А как он тебя обманул, Белла?

— Как, как... Уж ты-то должен знать. Он ведь все оставил этой своей девчонке... а ведь обещал мне!.. я же его прямо нянчила, когда он болел... А она ему даже и не дочка вовсе. Вот.

Это была первая приятная новость, которую я услышал за весь вечер. Видно, Рики все-таки хоть в чем-то повезло, даже если они и выманили у нее до этого мой сертификат. Я опять вернулся к главному:

— Белла, а как фамилия бабушки Рики? И где они жили?

— Кто?

— Бабушка Рики.

— Рики? А кто это — Рики?

— Дочка Майлса. Подумай, Белла. Это важно.

Тут она взвилась. Она замахала руками, визжа:

— Все, я поняла: ты ее любил, вот что. Эту пронырливую дрянь... ее и ее паршивого кота.

При упоминании о Пите я почувствовал прилив злобы. Но я попытался подавить ее. Я просто сгреб Беллу за плечи и чуток тряхнул.

— Соберись, Белла. Я хочу знать только одно: где они жили? Куда Майлс посылал письма, когда писал им?

Она попыталась лягнуть меня.

— Я с тобой не разговариваю, вонючка противная! — Потом она как-то внезапно почти протрезвела и тихо сказала: — Не помню. Фамилия бабки была что-то вроде Ханнекер, как-то так... Я ее и видела-то всего один раз — в суде, когда прочли завещание.

— Когда это было?

— А как Майлс умер, так вскоре.

— А когда он умер, Белла?

Она опять завелась.

— Больно много ты хочешь знать. Чего ты все выспрашиваешь — прямо шериф какой-то! — Потом она взглянула на меня примирительно и сказала: — Давай забудем все. Здесь только ты и я, дорогой... а у нас еще вся жизнь впереди. Я же еще не старуха, мне всего тридцать девять... Мой Шульц говорил, что я такая молоденькая — моложе он и не видывал. А уж этот старый козел такого насмотрелся, я тебе скажу... Мы были бы так счастливы, милый. Мы...

Все, что я мог вынести, я уже получил. Даже игру в детектива.

— Мне пора, Белла.

— Как, милый? Еще так рано... у нас еще вся ночь впереди. Я думала...

— Да плевать мне, что ты думала. Я пошел.

— Ах, милый! Как жалко. А когда мы увидимся? Завтра? Я ужасно занята завтра, но я все отменю и...

— Мы больше не увидимся, Белла.— Я вышел.

Больше я ее не видел.

Придя домой, я сразу же влез в ванну и хорошенько вымылся с мочалкой. Потом присел и попытался оценить свой улов.

Судя по всему, фамилия бабушки начиналась с буквы Х — если памяти Беллы можно доверять в этом вопросе,— и жили они где-то либо в Аризоне, либо в Калифорнии. Есть какое-то агентство, специализирующееся на розыске сбежавших супругов. Может, профессионалы сумеют что-то извлечь из такой информации?

А может, и нет. В любом случае это будет долго и дорого. Я не могу ждать, пока это станет мне по карману.

Известно ли мне что-нибудь еще, за что можно зацепиться?

Майлс, по словам Беллы, умер где-то в семьдесят втором. Если он умер здесь, в США, то я сумею уточнить дату смерти, потратив на поиски пару часов, после чего смогу найти и сведения о слушании его завещания в суде, если таковое было. Благодаря этим сведениям я выясню, где жила Рики в то время. Если в судах хранятся такие сведения (я не был в этом уверен). Вот только много ли будет проку в том, что я найду городишко, где она жила двадцать восемь лет назад?..

И вообще, есть ли смысл искать сорокалетнюю женщину, которая наверняка замужем и имеет семью... Увидев развалину, которая когда-то была Беллой Даркин, я был потрясен. Я начал понимать, что такое тридцать лет. Конечно, Рики и взрослая все равно такая же хорошая и добрая... вот только помнит ли она еще меня? Я, конечно, не думаю, что она забыла меня совершенно. Просто я давно стал для нее безликой фигурой, человеком, которого она когда-то звала «дядя Дэнни» и у которого был такой славный котище...

А не живу ли и я, подобно Белле, фантазиями и воспоминаниями о прошлом? А, ладно, ничего страшного не случится — можно попробовать поискать ее еще разок. Ну, будем посылать друг другу к Рождеству поздравительные открытки. Вряд ли ее муж будет сильно возражать против этого.

8

На другой день — в пятницу, четвертого мая,— вместо конторы я поехал в центральный архив графства. У них был ремонт, и мне велели приехать через месяц. Тогда я поехал в редакцию

«Тайме» и просидел над микросканнером, читая микрофильмы, пока у меня в шею не вступило. Но мне удалось выяснить, что если Майлс умер в семьдесят втором или семьдесят третьем, то наверняка сделал это не в графстве Лос-Анджелес, если, конечно, объявления о смерти точны.

Разумеется, нет такого закона, чтобы обязательно помирать в Лос-Анджелесе. Майлс мог умереть где ему заблагорассудилось. Этот процесс властям пока упорядочить не удалось.

Возможно, в Сакраменто есть сводный архив штата. Я решил, что придется и туда съездить, поблагодарил библиотекаршу редакций, поехал пообедать, а потом все-таки отправился на работу.

Там меня ждали записка и два телефонных звонка — все от Беллы. Я прочитал только слова «Дорогой Дэн», порвал записку, позвонил телефонисткам и велел не соединять меня с миссис Шульц. Потом пошел в бухгалтерию и спросил начальника отдела, нельзя ли узнать, кто владел старыми, погашенными акциями компании. Он сказал, что попытается выяснить, и я продиктовал ему наизусть номера акций той, первой «Золушки Инк.», которые когда-то мне принадлежали. Мне не пришлось сильно напрягать память: для начала мы выпустили ровно тысячу акций, я взял первых пятьсот десять, а Белле достались в качестве «обручального подарка» самые начальные номера.

Я вернулся к себе в конуру и обнаружил, что меня ждет Макби.

— Где вы были? — поинтересовался он.

— Да так, ходил тут по делу. А что?

— Вряд ли такой ответ можно считать удовлетворительным. Мистер Гэллоуэй уже дважды приходил, разыскивая вас. Мне пришлось сказать ему, что я не знаю, где вы шатаетесь.

— О господи! Да если я нужен Гэллоуэю, он меня все равно разыщет. Если бы он так старался рекламировать нашу продукцию за ее достоинства, как он ищет разные «интересные рекламные аспекты», то фирме было бы больше проку.

Гэллоуэй начинал меня раздражать. Он числился ответственным за сбыт, но мне кажется, что свои основные усилия он сосредоточил на том, что морочил голову нашему рекламному агентству. Но я, наверное, необъективен: мне ведь только бы

конструировать. Все остальные, кроме конструкторов, по-моему, просто перекладывают бумажки с места на место.

Честно говоря, я знал, зачем я нужен Гэллоуэю, и нарочно шел помедленнее. Он хотел устроить фотосъемку, нарядив меня в одежду 1900 года. Я ему говорил, что в костюмах 1970 года — пожалуйста, сколько угодно, пока пленка не кончится, но 1900 год — это за двенадцать лет до того, как родился мой отец. Он сказал, что никто даже не заметит разницы, а я ответил ему, что яйца курицу не учат. Тогда он заявил, что у меня неправильное отношение к делу.

Эти генераторы иллюзий, дурачащие публику, полагают, что люди сами не умеют ни читать, ни писать.

Макби сказал:

— Вы неправильно относитесь к работе, мистер Дэвис.

— Да? Весьма сожалею.

— Вы в необычном положении. Числитесь по моему отделу, но я должен отдавать вас в распоряжение отдела сбыта и рекламы, когда им надо. Мне кажется, что с нынешнего дня вам следует отмечаться на проходной, как и всем остальным. А когда уходите из конторы в рабочее время, предупреждайте меня. Не забудьте.

Я медленно, пользуясь двоичной записью, сосчитал в уме до десяти.

— Мак, а вы отмечаетесь на проходной?

— Что? Нет, конечно. Я главный инженер.

— Разумеется. У вас и на двери кабинета так написано. Но вот какая штука, Мак: я был главным инженером этого ящика с винтиками, когда вы еще не брились. Вы что, всерьез полагаете, что я буду пробивать время в карточке на проходной?

Он побагровел.

— Может, и нет. Но я вас предупреждаю: не будете — не получите зарплату.

— Да ну? Нанимали меня не вы, и не вам меня увольнять.

— Ммм... посмотрим. Но уже перевести вас из своего отдела в рекламный я, по крайней мере, сумею — ваше место там. Если, конечно, ваше место вообще на нашей фабрике.— Он взглянул

на мою чертежную машину.— Здесь от вас толку никакого. Я не желаю, чтобы дорогая машина простаивала и дальше.— Он слегка поклонился.— Всего наилучшего.

Я проводил его до двери. Робот-рассыльный привез пакет и кинул его в корзинку у моей двери, но я на него даже не взглянул. Я пошел в наш кафетерий и уселся там, выпуская пар. Будучи человеком примитивно-прямолинейным, Мак полагал, что открытия делаются числом, а не талантом. Ничего удивительного, что фирма не выдала ни одной новой разработки за многие годы.

Ну и черт с ними: я и так не собирался торчать тут всю жизнь.

Через час я вернулся в свой кабинет и обнаружил в корзинке для почты конверт с фирменной символикой. Я решил, что Мак уже прислал мне извещение об увольнении, не затягивая дело.

Но письмо оказалось из бухгалтерии. Оно гласило:

Уважаемый мистер Дэвис!

Касательно акций, которыми Вы интересовались, могу сообщить следующее:

Дивиденды по большему блоку выплачивались с первого квартала 1971 по второй квартал 1980 года по первоначально выпущенным акциям и переводились на счет траст-фонда на имя некоего Хайнике. В 1980 году произошла наша реорганизация, и дальнейшая имеющаяся информация довольно туманна, но, насколько можно судить, вновь изданные эквивалентные акции были проданы фирме «Космополитан иншуранс груп», которая владеет ими и сейчас.

Меньший блок акций, как Вы и полагали, принадлежал Белле Д. Джентри до 1972 года, а затем был передан во владение «Сьерра аксептанс корпорейшн», которая распродала их в розницу. Дальнейшую историю каждой акции можно уточнить, если желаете, однако это потребует времени.

Если наш отдел может еще в чем-либо оказать Вам помощь — мы к Вашим услугам.

И.Е. Рейзер, гл. бухг.

Я позвонил Рейзеру, поблагодарил его и сказал, что получил всю информацию, которую хотел. Я узнал, что Рики так и не получила моих акций. Поскольку переуступка моих акций, отраженная в архиве фирмы, была явной подделкой, дело пахло Бел-

лой. Этот Хайнике мог быть либо ее подставным лицом, либо вообще фигурой вымышленной. Наверное, она уже пораскинула к тому времени мозгами, как надуть Майлса.

Очевидно, после смерти Майлса у нее было туго с наличными, и она продала меньший блок. Что сталось с этими акциями потом, мне уже было совершенно не интересно. Я забыл попросить Рейзера проследить и судьбу акций Майлса: это тоже могло быть ниточкой к Рики, даже если потом она и упустила эти акции. Но был уже вечер пятницы. Спрошу в понедельник, решил я. Сейчас мне не терпелось вскрыть ожидавший меня большой пакет — я увидел обратный адрес.

Еще в начале марта я написал в патентное управление насчет первых патентов на «Трудягу Тедди» и на «Чертежника Дэна». Мое убеждение, что «Трудяга Тедди» — просто псевдоним «Универсальной Салли», было несколько поколеблено после моей встречи с «Чертежником Дэном»: я уж начал подумывать, что если какой-то безвестный гений сумел придумать «Дэна» так близко к моим замыслам, то, наверное, он мог создать и столь же близкое подобие «Универсальной Салли». Моя теория подкреплялась тем, что оба патента были выданы в один год и оба принадлежали (по крайней мере до тех пор, пока их действие не истекло) одной компании — «Аладдину».

Но мне хотелось знать наверняка. И если изобретатель еще жив, то я хотел бы с ним встретиться: у этого парня наверняка есть чему поучиться.

Сначала я написал в патентное управление и получил от них только извещение, что вся информация о патентах, утративших силу ввиду истечения срока действия, хранится в национальном архиве в Карлсбадских пещерах. Я написал в архив и получил... бланк заказа и прейскурант. Пришлось писать в третий раз. Я отправил почтовый перевод и заказ на ксерокопии полных текстов обоих патентов — описания, формулы изобретений, чертежи.

Похоже, что в толстом пакете — ответ на мои вопросы.

Первым шел № 4 307 909 — патент на «Трудягу Тедди». Пропустив описание и формулу изобретения, я полез в чертежи. Формула вообще не имеет никакого значения нигде, кроме

патентного суда: формулу пишут, включая в состав изобретения весь белый свет, а там уж дело экспертов-патентоведов обкусывать края, оставляя суть. Вот откуда и берутся патентные поверенные. А вот описание должно быть реалистическим. Но чертежи я умею читать быстрее, чем описания.

Мне пришлось признать, что «Тедди» отличается от «Салли». Он был лучше «Салли»: он умел делать больше, а некоторые узлы оказались проще. Основной принцип конструкции был тот же, но это естественно: любое устройство, созданное на ячейках Торсена и раньше «Салли», но с той же целью, должно было базироваться на тех же принципах, что я заложил в свою «Салли».

Я представил, что это я создаю такую машину... как будто это улучшенная модель «Салли». Мне ведь как-то приходила в голову такая мысль — создать «Салли» без этих бытовых ограничений, свойственных ей изначально.

Наконец я добрался до последней страницы и нашел имя изобретателя.

Я сразу узнал его: это был Д. Б. Дэвис.

Медленно и фальшиво насвистывая «Сейнт-Луи Блюз», я тупо глядел на свою фамилию на последней странице патента. Значит, Белла опять солгала. Интересно, подумал я, сказала ли она мне за всю нашу недолгую историю хоть слово правды? Конечно, Белла была патологической лгуньей, но я читал, что у патологических лгунов обычно есть какой-то стереотип: они начинают, отталкиваясь от правды, но затем приукрашивают ее, а не выдумывают что-то от начала до конца. Значит, мою модель «Салли» не украли, а отдали другому инженеру, который «пригладил» конструкцию, а потом подали заявку на изобретение на мое имя.

Но ведь сделка с «Манникс» не прошла. В этом я был уверен, так как знал это из архивов фирмы. Да, но Белла сказала, что они не смогли выпускать «Салли», как собирались, и сделка расстроилась из-за этого.

Может, Майлс припрятал «Салли» для себя, а Белле сказал, что ее украли? (То есть не украли, а... «переукрали»?)

Но тогда... Я плюнул и перестал гадать. Это было явно безнадежное дело; еще более безнадежное, чем поиски Рики. Да я бы-

стрее смогу устроиться в «Аладдин» на работу, чем разберусь, как к ним попали исходные патенты и кому от этого какая выгода. Дело это явно нестоящее: сроки действия патентов истекли, Майлс умер, а Белла, если и погрела на этом руки, выручив доллар-другой, то давно уже просадила их. Я удовлетворился единственным важным для себя обстоятельством, которое и требовалось доказать: изобретателем оказался я сам. Моей профессиональной гордости это льстило, а деньги — да кто о них беспокоится, если три раза в день на еду хватает?

Так что я перешел к второму патенту — № 4 307 910, на первого «Чертежника Дэна». Чертежи были — загляденье. Я и сам бы их не сумел сделать лучше. Ей-богу, тот парень оказался молодцом. Я поразился, увидев, как экономно были сделаны связи и как число цепей осталось прежним, а вот количество движущихся частей сведено к минимуму.

Он даже применил клавиатуру от электрической пишущей машинки, а в чертежах указал ссылки на соответствующие патенты Ай-Би-Эм. Вот это умно. Это — класс: никогда не изобретай то, что можно купить на каждом углу.

Мне стало интересно, кто этот башковитый малый, и я заглянул на последнюю страницу.

Оказалось, это некий Д.Б. Дэвис.

Очень нескоро, но я все же позвонил доктору Альбрехту. Его разыскали, и я назвался — у меня в конторе не было видеотелефона.

— А я узнал голос,— ответил он.— Привет, старина. Как у тебя там дела с новой работой?

— Да ничего, недурно. Стать совладельцем фирмы, правда, пока не предлагают.

— Ну, дай им подумать. Они вот так, сразу, не могут. А в остальном все в порядке? В жизнь вписался?

— Ну, еще бы! Если бы я знал, как здесь — то есть «сейчас» — здорово, я бы купил себе Холодный Сон раньше. Я бы теперь ни за какие деньги не согласился вернуться в тысяча девятьсот семидесятый.

— Да ладно, брось! Я это время прекрасно помню. Я тогда был мальчишкой, жил в Небраске, на ферме. Ловил рыбу, охотился. Хорошо тогда было. Лучше, чем теперь.

— Ну, каждому свое. Мне тут нравится. Но... Док, я тут звоню не просто чтобы пофилософствовать. У меня назрела одна проблема. Небольшая проблема.

— Ну, выкладывай. Небольшая — это хорошо: у большинства тут возникают большие проблемы.

— Док, может Долгий Сон вызывать амнезию?

Он помедлил с ответом.

— Вообще-то, наверное, возможно. Лично я таких случаев не видел. Я имею в виду, без каких-то иных причин.

— А какие причины вызывают потерю памяти?

— Да разные. Самая частая — подсознательное желание самого пациента. Он забывает последовательность событий либо меняет их местами, потому что сами события для него непереносимы. Это — функциональная амнезия в чистом виде. Потом есть еще традиционный удар по голове — амнезия вследствие травмы. Еще может быть амнезия от внушения: либо под воздействием психотропных препаратов, либо под гипнозом. А в чем дело, старина? Забыл, куда засунул чековую книжку?

— Да нет. Насколько я знаю, с чековой книжкой у меня все в порядке. Но я никак не разберусь с некоторыми вещами, случившимися до того, как я завалился в Сон... и это меня беспокоит.

— Хм... а из тех причин, что я перечислил, что-нибудь подходит?

— Да,— медленно сказал я.— Любая подходит, кроме разве что удара по голове. Да и это могло случиться, когда я был пьян.

— Я еще забыл упомянуть,— сухо сказал он,— о потере памяти под воздействием алкоголя. Слушай-ка, сынок, давай приезжай ко мне, обсудим это дело. А если я не смогу разобраться, что с тобою (я ведь не психиатр), то отправлю тебя к гипноаналитику, который очистит твою память, как луковицу, и скажет тебе все, даже почему ты опоздал в школу четвертого февраля, когда учился во втором классе. Но это довольно дорого, так что давай вначале я сам попробую.

Я сказал:

— Док, я и так столько надоедал вам... А насчет вознаграждения вы человек щепетильный.

— Сынок, мои больные — это моя семья. Другой у меня нет. Поэтому вы все меня очень интересуете.

Я еле отделался от приглашения, сказав, что позвоню в начале следующей недели, если до тех пор не разберусь сам. Я решил еще подумать над этим.

Большинство кабинетов уже опустело. У меня горел свет. Заглянула «Золушка»-уборщица, «увидела», что помещение занято, и молча выкатилась вон. Я остался сидеть.

Через некоторое время в дверь просунулась голова Чака Фриденберга.

— А я думал, ты давно ушел. Вставай, дома доспишь.

Я поднял голову.

— Чак, есть идея. Давай купим бочку пива и две соломинки.

Он подумал.

— А что... Сегодня пятница. А по понедельникам я люблю, чтобы голова немножко гудела: помогает вспомнить, какой день недели на календаре.

— Решено и подписано. Подожди секунду: мне надо кое-что упихать в портфель.

Мы зашли выпить пива, потом в другой бар — поесть. Потом опять попили пива в одном баре с хорошей музыкой и перебрались в другой, уже без всякой музыки, где в кабинках была шумопоглощающая обивка и нас не трогали, только надо было раз в час что-нибудь заказывать. Мы смогли поговорить. Я показал Чаку оттиски патентов.

Чак внимательно рассмотрел прототип «Трудяги Тедди».

— Это работа, Дэн! Я тобой горжусь, парень. Дашь автограф?

— Лучше посмотри на этот.— Я протянул ему патент на чертежную машину.

— В некотором смысле этот даже лучше. Дэн, ты отдаешь себе отчет в том, что, вероятно, оказал большее влияние на современный уровень развития техники, чем, скажем, в свое время Эдисон? Ты это понимаешь, парень?

— Брось, Чак. Это все серьезно.— Я ткнул пальцем в кучу ксерокопий на столе перед нами.— О'кей, одна из этих машин — моя работа. Но я никак не могу быть автором второй — если, конечно, я не перепутал все на свете насчет своей жизни до того, как я завалился и эту спячку. Если я не страдаю амнезией.

— Ты твердишь это уже двадцать минут. Но, по-моему, у тебя в голове нет никаких коротких замыканий. Ты сумасшедший не больше, чем вообще требуется, чтобы стать инженером.

Я стукнул кулаком по столу, звякнули кружки.

— Я должен знать!

— А ну спокойнее. Что ты собираешься предпринять?

— Что? — Я задумался.— Собираюсь заплатить психиатру, пусть выкопает ответ из моей башки.

Он вздохнул.

— Этого я и ожидал. Ну, давай предположим, что ты заплатишь этому мозгокруту и он скажет, что память у тебя в порядке и что все реле разомкнуты. Что тогда?

— Но этого не может быть!

— Вот и Колумбу то же самое говорили... Ты даже не упомянул самого простого и наиболее вероятного объяснения.

— Какого?

Не ответив, он поманил официанта и велел принести телефонный справочник города и пригородов. Я спросил:

— Что, карету мне вызвать решил?

— Нет еще,— он пролистнул страницы в толстенной книге, остановился и сказал: — Глянь-ка сюда.

Я глянул. Он держал палец на колонке «Дэвис». Колонок было много, и в каждой были сплошь одни Дэвисы. Но в той, куда он показывал, была дюжина Д.Б. Дэвисов — от Дабни Дэвиса до Дункана Дэвиса.

Было там и три Дэниэла Б. Дэвиса. Один из них — я.

— Это из семи миллионов людей. Хочешь прикинуть, сколько наберется из двухсот пятидесяти миллионов?

— Это ничего не доказывает,— слабо возразил я.

— Да,— согласился он,— не доказывает. Было бы, надо признать, чистейшим совпадением, если бы два инженера, одинако-

во способных, работали бы в одном направлении, над одной машиной, одновременно, и имели бы при этом одинаковые фамилии и инициалы. Пользуясь теорией вероятности, мы могли бы подсчитать, насколько мизерно мала вероятность такого совпадения. Но люди склонны забывать — особенно те, кому следовало бы помнить, вроде тебя,— что хотя теория вероятности и позволяет определить, сколь маловероятно подобное событие, она тем не менее с полной определенностью утверждает, что такие совпадения могут быть. Похоже, здесь как раз такой случай. И такое объяснение мне гораздо больше по душе, чем предположение, что мой собутыльник по пиву свихнулся с резьбы. Хорошие собутыльники попадаются чертовски редко.

— И что, ты считаешь, я должен делать?

— Во-первых, не тратить время и деньги на психиатров, пока не попробуешь сделать другое. Узнай имя этого Д. Б. Дэвиса, который оформил заявку на этот патент. Это наверняка несложно. Вполне вероятно, его зовут Декстер. Или даже Дороти. И не спеши сходить с ума, если это даже Дэниэл: у него второе имя — «Б» — может быть «Бриггс», а номер карточки социального страхования совсем другой. И третье, что тебе надо сделать. Или, вернее, первое — на время забыть обо всем этом и заказать еще по кружке.

Так мы и сделали и стали говорить о другом, в основном о женщинах. Чак выдвинул теорию, что между женщиной и машиной много общего: и та и другая непредсказуемы в поведении. Он стал рисовать пивом на крышке стола диаграммы, подтверждающие его соображения.

Спустя какое-то время я вдруг сказал:

— Эх, вот если бы существовали путешествия во времени, я знаю, что бы я сделал.

— А? Ты о чем?

— О своих проблемах. Смотри, Чак: я попал сюда — я имею в виду, попал в «сейчас»,— путешествуя во времени на скрипучей телеге. Но беда в том, что я не могу попасть обратно. Все, что так тревожит меня, случилось тридцать лет назад. Я бы вернулся обратно и выяснил бы правду... если бы существовали настоящие путешествия во времени.

Он посмотрел на меня.

— Но они существуют.

— Что?

Он внезапно протрезвел.

— Упс... Зря я это брякнул.

Я сказал:

— Может, и зря, но ты уже брякнул. Так что объясни мне, что ты имел в виду, прежде чем я опрокину тебе на голову эту кружку.

— Извини, Дэн. Сорвалось.

— Говори!

— Вот этого-то я сделать и не могу.— Он оглянулся по сторонам. Поблизости никого не было.— Это засекречено.

— Путешествия во времени засекречены? Господи, почему?

— Черт побери, парень, ты что, никогда на правительство не работал? Да они бы и секс засекретили, если б могли. Какие тут нужны «почему»? Это просто их политика. Но поскольку это все-таки засекречено, извини; не могу. Так что отстань.

— Но... не дури, Чак, мне же это очень важно. Ужасно важно.— Он упрямо смотрел на свою пустую кружку. Я добавил: — Ну, мне-то ты можешь рассказать. У меня как-никак был допуск «СС». И меня никто его не лишал. Просто я больше не работаю на правительство.

— А что такое «допуск «СС»?

Я объяснил, и он наконец кивнул.

— Ясно. У нас это называется «статус Альфа». Да, парень, ты, видно, был на горячей работенке. У меня и то только «Бета».

— Тогда почему ты не можешь мне рассказать?

Но он заупрямился, и тогда я сказал презрительно:

— Я думаю, что такого быть не может. Это ты просто рыгнул с перепою. Ну, бывает!..

Он некоторое время торжественно смотрел на меня. Потом сказал:

— Дэнни?

— А?

— Я тебе расскажу. Только помни про свой статус Альфа, парень. А расскажу я тебе потому, что это никому не повредит.

Я хочу, чтобы ты понял: для тебя и твоих проблем в этом деле решения нет. Это действительно путешествие во времени, да только применить его практически тебе вряд ли удастся.

— Почему?

— Дай досказать, а? Установка не отлажена, и нет никакой надежды, что ее когда-нибудь отладят. Она не имеет никакого практического значения, даже для исследователей. Это просто побочный продукт исследований в области антигравитации, вот поэтому его и засекретили.

— Но ведь антигравитацию-то, черт возьми, рассекретили!

— Ну и что из этого? Если бы это можно было применять в коммерческих целях — тогда, может быть, это тоже рассекретили бы. Так что молчи.

Боюсь, что я еще что-то говорил, но лучше уж я скажу, что сразу же приумолк.

Когда Чак учился на последнем курсе в Колорадском университете, в Боулдере, он подрабатывал техником-лаборантом. У них там была большая криогенная лаборатория, и сперва он работал в ней. Но университет отхватил жирный кусок — подписал с военными контракт на исследования, связанные с эдинбургской теорией поля. В горах, за городом, построили новую большую физическую лабораторию. Чака перевели туда, в распоряжение профессора Твитчела — Хьюберта Твитчела, который чуть не получил Нобелевскую премию, и это «чуть» его крепко задело.

— Твитчу нашему взбрело в голову, что если бы он дал поляризацию по другой оси, то мог бы не только довести гравитационное поле до нуля, но и изменить его знак! Ничего не вышло. Тогда данные эксперимента он загрузил в компьютер. Увидев результаты, он выкатил глаза. Мне он их, ясное дело, не показал. В тест-камеру установки — тогда в тех краях еще были в обращении металлические деньги — он сунул два серебряных доллара, заставив меня перед этим пометить их. Он нажал на кнопку соленоида, и они исчезли.

Не то чтобы трюк был необыкновенный,— продолжал Чак.— Для полного эффекта надо было бы, чтобы он достал их из уха или из носа какого-нибудь мальчишки, согласившегося выйти

на сцену. Но его, видимо, результаты опыта устраивали. Меня тоже — мне платили повременно.

Через неделю один из этих долларов появился в камере снова. Только один. Но еще до этого как-то раз во время уборки — шефа не было,— в камере появилась морская свинка. У нас в лаборатории таких не было, раньше я ее там не видел, поэтому захватил с собой и на обратном пути показал нашим биологам. Они сосчитали своих: вроде все были на месте, хотя с морскими свинками, сам знаешь, полной уверенности нет. Тогда я взял ее домой — пусть поживет.

После возвращения того единственного доллара Твитч навалился на работу так, что даже бриться перестал. В другой раз он поставил такой же эксперимент на двух свинках из биологической лаборатории. Одна из них показалась мне очень знакомой, но получше рассмотреть ее я не успел: он нажал свою красную кнопку, и свинки исчезли.

Когда одна из них — та, что не была похожа на мою,— вернулась дней через десять, Твитч понял, что дело в шляпе. Тут заявился тип из оборонного отдела — этакий штабист-полковник. Оказалось, тоже профессор. Ботаник. Очень кадровый тип. Твитчу он был нужен, как... Но этот полковник заставил нас принести еще одну присягу, сверх наших допусков. Он решил, что наткнулся на величайшее изобретение в военном искусстве с тех времен, как Цезарь изобрел копировальную бумагу.

Что он придумал: берешь дивизию, посылаешь ее в прошлое или будущее, на то сражение, которое проиграл либо проиграешь,— и победа за нами. Противник даже не догадывается, что произошло. Это все, конечно, была сущая галиматья, и генеральскую звезду за это дело он не получил. Но гриф «совершенно секретно», который он на это дело поставил, пристал и стоит, насколько мне известно, по сию пору: о рассекречивании я не слышал.

— Для военных нужд это вполне можно использовать,— возразил я,— как мне кажется, если придумать камеру, способную отправлять в путешествие сразу дивизию солдат. Нет, погоди минутку: я понял, в чем тут собака зарыта. Они у вас всегда шли парами. Значит, нужны две дивизии: одна пойдет в прошлое,

другая — в будущее. Одну вы, естественно, просто теряете... По-моему, умнее всего просто иметь дивизию в нужном месте и в нужное время.

— Ты прав, хотя рассуждаешь и неверно. Совсем не обязательно посылать в разные стороны две дивизии или двух свинок, вообще два одинаковых объекта. Надо просто уравнять массы. Можно послать дивизию солдат и кучу камней, которые весят столько же. Это же просто правило действия и противодействия — третий закон Ньютона.— Он опять начал рисовать по столу пролитым пивом.— *MV* равняется *MV*... базисная формула реактивного движения. Производная формула путешествий во времени — $MT = mt$.

— Все равно не понимаю, в чем я не прав. Камни — штука недорогая.

— Пошевели мозгами, Дэнни. Ракету можно на что-то нацелить, ядри ее в дюзы. А как целиться в прошлую неделю? Ну-ка, покажи, где она сейчас? Никакого понятия, которая из масс отправится вперед, а которая — назад. Способа ориентировать оборудование во времени мы еще не нашли.

Я примолк в тряпочку. Действительно, может получиться неловко, если генералу вместо дивизии солдат забросят кучу камней. Неудивительно, что экс-профессор так и не стал генералом. Чак тем временем продолжал:

— Тут надо рассматривать две массы как пластины конденсатора, заряженные до одинакового темпорального потенциала. Потом происходит разряд: шмяк! — одна из них направляется в середину будущего года, а вторая — в историю. Вот только жаль, что никогда не знаешь, какая куда. Но худшее — не это. Ты же не сможешь вернуться.

— А кто собирается возвращаться?

— Ну смотри, какой в этом смысл для исследователя, если нельзя вернуться? Или для коммерческого применения? В какую бы сторону ты ни прыгнул, деньги твои там — не деньги, а связаться с тем временем, откуда ты прибыл, ты не сможешь. Нет оборудования. А оборудования и энергии на это надо много, уж ты мне поверь. Мы, например, получали энергию от генераторов Арко. Дорогое удовольствие... Это — еще один недостаток.

— А ведь вернуться можно,— предположил я,— с помощью Холодного Сна.

— Да? Это если попадешь в прошлое. Можешь ведь ненароком попасть и в другую сторону — заранее-то не угадаешь. Да и то, если попадешь в достаточно недалекое прошлое, скажем, не глубже войны. Но какой смысл? Хочешь узнать что-то про тысяча девятьсот восьмидесятый год, скажем,— возьми да спроси или поройся в старых газетах. Это если бы можно было как-то сфотографировать распятие Христа... Да только нельзя. Не только потому что обратно не вернешься: туда тоже не попадешь. Просто на всем земном шаре не наберется столько энергии. Здесь тоже действует обратно пропорциональная квадратичная зависимость.

— И все равно нашлись бы люди, готовые попробовать ради самого эксперимента. Неужели никто не рискнул?

Чак опять огляделся по сторонам.

— Я и так наболтал тут лишнего...

— Ну, так еще чуть-чуть уже не повредит.

— Я думаю, что рискнули трое. Я думаю. Первым стал один преподаватель. Я был в лаборатории, когда пришел Твитч с этим гусем, Лео Винсентом. Твитч сказал, что я могу идти домой. Я поошивался на улице, и вскоре Твитч вышел, а этот Лео Винсент — нет. Насколько мне известно, он еще там. В Боулдере он после этого не преподавал, это точно.

— А еще двое?

— Студенты. Вошли они все вместе, а вышел один Твитч. Но один студент явился в аудиторию на другой день, а второго не было целую неделю. Вот сам и прикинь.

— Ну, а ты сам не чувствуешь искушения?

— Я? У меня что, голова квадратная? Твитч настаивал, говорил, что это просто мой долг перед наукой. Но я сказал: нет уж, спасибо, благодарю покорно, я лучше пойду пивка попью. Вот если он захочет — я что ж, я пожалуйста: на кнопочку-то я нажму с удовольствием.

— А я бы рискнул. Я бы разобрался в том, что меня мучает... а потом вернулся бы с помощью Холодного Сна. По-моему, дело того стоит.

Чак глубоко вздохнул.

— Все, дружок, хватит тебе пива на сегодня, больше не получишь: ты уже пьян. Ты меня совсем не слушаешь. Во-первых,— он начал рисовать большие цифры пивом по столу,— неизвестно, попадешь ли ты в прошлое. Вместо этого можешь залететь в будущее.

— Ну что ж, риск — дело благородное. Нынешнее время нравится мне гораздо больше, чем то, мое. Может, лет через тридцать понравится еще больше...

— О'кей, можешь опять воспользоваться Долгим Сном: это безопасней. Или просто сиди, не дергайся и жди, пока это время наступит. Я так и собираюсь сделать. Только перестань перебивать. Во-вторых, даже если тебя забросит в прошлое, ты можешь здорово промахнуться по тысяча девятьсот семидесятому: насколько я понимаю, Твитч работал вслепую, никакой калибровки у него не было. Я, правда, был просто подай-принеси... В-третьих, лаборатория эта построена в восьмидесятом на том месте, где раньше была сосновая роща. Предположим, что очутишься в этом месте десятью годами раньше, чем она была построена, прямо на том месте, где торчит ствол одной из сосен? Взрыв будет — как от кобальтовой бомбы. Жаль, что ты этого не увидишь.

— Но... Я вообще не уверен, что появлюсь вблизи лаборатории. Не исключено, что я попаду в космос, в то место, где была раньше эта лаборатория в то время, когда Земля... то есть... ну, ты понял.

— Я-то понял, а вот ты — нет. Ты останешься в том же пространственно-временном континууме, в котором был. Про математику не беспокойся: просто вспомни, что было с морскими свинками. Но если попадешь туда, где была лаборатория, то можешь устроить фейерверк. И в-четвертых: как ты собираешься возвращаться сюда, пусть даже посредством Холодного Сна, даже если ты попадешь в нужную сторону и в нужное время и живым?

— А что? Один раз я уже сделал это. Что мне помешает сделать это во второй раз?

— Ну да. Только где ты возьмешь на это денег?

Я открыл рот — и закрыл его. Этот аргумент ставил меня в дурацкое положение. Когда-то деньги у меня были. Теперь — не

было. Даже то немногое (и явно недостаточное), что мне удалось скопить, я не мог бы взять с собой. Да если бы я даже ограбил банк (а я об этом ремесле знал маловато...), украл миллион и взял с собой, то истратить его в 1970-м я все равно не смог бы: дело кончилось бы тюрьмой. Фальшивомонетчиков в семидесятом не жаловали... Не говоря уже о номерах и рисунке, у нынешних денег даже цвета были другие.

— Попробую накопить там, в семидесятом.

— Умница. Только пока копишь, рискуешь оказаться здесь снова, только уже естественным путем — без шевелюры и зубов.

— О'кей, о'кей. Давай вернемся к тому, последнему моменту. Был ли там когда-нибудь большой взрыв? Там, где теперь стоит лаборатория?

— По-моему, не было.

— Значит, я *не окажусь* на месте дерева, потому что я *не оказался* там. Ты понял?

— Я тебя понял раньше, чем ты открыл рот. Опять старый добрый парадокс времени. Только я на это не куплюсь. Я тоже немало поломал голову над теорией пространства-времени. Может, побольше твоего. Все наоборот. Взрыва не было, и ты не окажешься в том месте, где стоит дерево... потому что ты никогда не совершишь этот прыжок во времени. Ты понял меня?

— А если все-таки совершу?

— Не совершишь. Из-за моего «в-пятых». Слушай внимательно: сейчас я тебя добью окончательно. Ты никуда не прыгнешь, потому что эта штука засекречена и ты просто не сумеешь к ней подойти. Тебя не подпустят. Так что, Дэнни, давай забудем об этом деле. У нас получился очень интересный, прямо-таки интеллектуальный вечерок. Утром ФБР уже станет меня искать. Так что давай еще по одной, и если в понедельник я случайно буду на свободе, я позвоню главному инженеру «Аладдина» и узнаю, как этого Д. Б. Дэвиса звали или зовут: может, он и сейчас у них работает. Тогда мы можем позвать его пообедать и поболтать с нами про технику. Да и вообще я бы хотел познакомить тебя со Спрингером, их главным инженером: он очень славный малый. И забудь ты эту чушь с путешествиями во времени: сроду им эту штуку до

ума не довести. Не следовало мне вообще рассказывать тебе о ней... и если ты скажешь кому-нибудь, что я тебе это говорил, то я посмотрю тебе прямо в глаза и заявлю, что ты врешь. Мой допуск еще может мне когда-нибудь пригодиться.

Тут мы взяли еще по одной. Пока я добрался до дому и влез под душ, я понял, что он прав. Пытаться решить мои проблемы, прыгая из времени в другое время,— это все равно что лечить перхоть гильотиной. А главное, Чак скорее всего сумеет узнать все, что меня интересует, у Спрингера за рюмочкой виски: без суеты, без нервотрепки, без затрат и риска. А нынешнее время мне нравится.

Забравшись в кровать, я протянул руку и взял накопившиеся за неделю газеты. С тех пор как я стал солидным, добропорядочным гражданином, я начал получать «Тайме» ежедневно, пневмопочтой. Я не очень ею зачитывался: голова у меня постоянно была занята какими-нибудь инженерными проблемами, и мелькание газетных новостей либо раздражало меня своей занудностью, либо, наоборот, попадалось что-то интересное и отвлекало от работы.

Однако я никогда не выкидывал газету до тех пор, пока хотя бы не просмотрю заголовки и тот раздел объявлений, где помещена личная информация. Нет, не о рождениях и смертях, не о браках и разводах — о «пробуждениях», то есть о проснувшихся сонниках. Мне все казалось, что однажды я наткнусь на знакомую фамилию, и тогда я поеду встретить человека, которого знал до Сна, чтобы сказать ему доброе слово и, может быть, чем-нибудь помочь. Вряд ли такое могло случиться, но я продолжал искать, и этот поиск давал мне какое-то удовлетворение.

Наверное, подсознательно я воспринимал всех сонников как свою «родню». Ну, это как служба в одном подразделении: если ты служил там, пусть даже не со мною, а в другое время, значит, ты мой друг, по крайней мере до такой степени, что за это стоит выпить по рюмочке.

Особых новостей в газетах не было, кроме космического корабля, по-прежнему числившегося пропавшим без вести где-то между Землей и Марсом. Но это скорее была не новость, а ее прискорбное отсутствие. Не нашел я и имен старых знакомых

среди недавно проснувшихся сонников. Я лег и стал ждать, когда погаснет свет.

Около трех ночи я вдруг проснулся и сел. Автомат включил свет, и я заморгал, щурясь. Мне приснился страшный сон — не кошмар, но почти — будто бы я не заметил в объявлении среди других имен имени Рики.

Я знал, что этого быть не могло. И все равно, увидев, что скопившаяся за неделю стопка газет лежит на прежнем месте, я почувствовал огромное облегчение. Я ведь мог запихать их в шахту мусоропровода, как я частенько делал.

Притащив их опять в кровать, я стал снова просматривать объявления. Теперь я читал все подряд: рождения, смерти, браки, разводы, усыновления, погружения и пробуждения, потому что мне подумалось: возможно, мой взгляд зацепился за имя Рики неосознанно, когда я краем глаза видел другие колонки, просматривая «пробуждения». Может, Рики вышла замуж или у нее родился ребенок...

Я чуть не пропустил то, что вызвало этот неприятный сон. В номере от второго мая 2001 года среди состоявшихся накануне, во вторник, пробуждений было: «Хранилище Риверсайд... Ф.В. Хайнике».

Ф.В. Хайнике?

Хайнике была фамилия бабушки Фредерики, я это теперь знал точно. Я просто был в этом убежден. Не знаю, почему я был так уверен. Но она была глубоко спрятана где-то в глухом уголке моей памяти и не всплывала, пока я не наткнулся на нее в газете. Когда-то я наверняка слышал эту фамилию от Майлса и Рики, а может быть, и встречался с почтенной бабулей в Сандии. Так или иначе, попавшаяся на глаза в «Тайме» фамилия нашла свою ячейку в моей памяти, и я вспомнил.

Оставалось только доказать это. Мне надо было убедиться, что «Ф.В. Хайнике» — это и есть Рики.

Меня трясло от волнения, от страха и предвкушения. И хотя новые, современные привычки у меня уже вполне сформировались, я начал застегивать одежду, вместо того чтобы просто сло-

жить швы вместе и надавить. Одевание превратилось в пытку. Но уже через несколько минут я спустился в вестибюль, где у нас был телефон-автомат (в моей комнате телефона не было; номер в справочнике — это номер этого самого автомата). Тут выяснилось, что придется опять бежать наверх: свою карточку с номером кредитного счета на телефон я оставил в комнате. Вот как я разволновался.

Когда я принес ее вниз, у меня так тряслись руки, что я еле попал карточкой в прорезь. Воткнув наконец ее в щель, я набрал служебный номер.

— Слушаю. Что вам угодно?

— Э-э, я... мне надо хранилище Риверсайд. Это в Риверсайде.

— Ищу... нашла... линия свободна. Ждите ответа. Наконец осветился экран, и на меня взглянул заспанный, угрюмый человек.

— Вы, должно быть, набрали не тот номер. Это хранилище. У нас ночью закрыто.

Я поспешно сказал:

— Не отключайтесь, пожалуйста. Если это хранилище Риверсайд, то мне именно оно и нужно.

— Ну, и чего вам надо? В этакий-то час?

— У вас есть клиент. Ф.В. Хайнике. Из недавно пробудившихся. Я хотел узнать...

Он покачал головой.

— Мы не даем по телефону информацию о наших клиентах. И уж во всяком случае не посреди ночи. Позвоните после десяти утра. А еще лучше — приезжайте.

— Обязательно. Но я хочу узнать только одно: как расшифровываются инициалы Ф.В.?

— Я же вам сказал. Мы...

— Дослушайте меня, ради Бога! Я не собираюсь врываться к вам. Я сам сонник. Соутел. Тоже недавно пробудился. Так что я прекрасно знаю все про заботу о покое клиентов и все правила. Но вы уже опубликовали имя клиента в газете. Мы оба — и вы, и я — знаем, что хранилища обычно дают в газеты полные имена погруженных в сон и пробужденных. А газеты для экономии места урезают их до инициалов. Так?

Он чуть подумал.

— Возможно.

— Тогда что случится, если вы сообщите мне полное имя вместо инициалов «Ф.В.»?

Он поколебался мгновение.

-- Пожалуй, что ничего страшного, если это все, что вас интересует. Но больше я вам ничего не сообщу. Ждите.

Он исчез с экрана, и мне показалось, что его не было целый час.

— Света маловато,— сказал он, щурясь и взглядываясь в карточку.— Фрэнсис. Нет, Фредерика. Фредерика Вирджиния.

В ушах у меня зазвенело, и я чуть не упал в обморок.

— Слава Богу!

— Эй, с вами все в порядке?

— Да. Спасибо... Спасибо вам от всего сердца! Да, я в полном порядке.

— Хм-мм... Наверное, беды не будет, если я скажу вам еще одно: может, не поедете зря. Она уже выбыла.

9

Я бы мог добраться скорее, взяв такси до Риверсайда, но с наличными у меня было туго. Жил я в Западном Голливуде; ближайший круглосуточный банк был в центре, в районе Большого Кольца Ленты. Пришлось ехать на ленте в центр и зайти в банк за наличными. Одним из серьезных элементов прогресса, который я еще не успел до этого оценить, оказалась единая банковская система: одна ЭВМ на весь город и радиоизотопный код на моей чековой книжке позволили мне получить на руки наличные так же быстро, как в ближайшем ко мне отделении сберегательного банка, напротив «Золушки Инк.».

Потом я перебрался на экспресс-ленту до Риверсайда. Когда я добрался туда, светало.

Кроме ночного техника, с которым я разговаривал, и его жены, работавшей там же дежурной медсестрой, там еще никого не было. Боюсь, что я произвел на них плохое впечатление: безумные гла-

за, суточная щетина на щеках, запах пива. И отсутствие убедительной версии — я не успел придумать, что бы им наврать.

И тем не менее миссис Ларриган, дежурная сестра, оказалась очень доброжелательной. Она достала из папки фотографию.

— Это ваша кузина, мистер Дэвис?

Это была Рики. Вне всякого сомнения, это была Рики! Ну, не та Рики, которую я знавал когда-то,— это была уже не девочка, а молодая женщина, лет двадцати с небольшим, с взрослой прической, очень красивая. Она улыбалась.

Но ее глаза не изменились, и какая-то неуловимая привлекательная черточка, делавшая ее когда-то таким очаровательным ребенком, тоже осталась в ней. Это было то же лицо: зрелое, наполненное женственностью, красивое, но безошибочно — то же самое.

Стереофото вдруг потеряло объемность и резкость: на мои глаза набежали слезы.

— Да,— выдавил я из себя. Голос у меня прерывался.— Да. Это Рики.

Мистер Ларриган сказал:

— Напрасно ты показываешь ему это.

— Тьфу ты, Хэнк, да пусть себе смотрит! Тоже беда!

— Ты знаешь правила,— он повернулся ко мне.— Я же сказал вам по телефону, мистер: мы не даем информацию о наших клиентах. Приходите в десять, когда откроется административное здание.

— Или в восемь,— добавила его жена.— Доктор Бернстайн уже придет.

— Ну, Нэнси, тебе бы помалкивать. Если хочет получить информацию — пусть идет к директору. Делать доктору Бернстайну больше нечего, кроме как на вопросы отвечать. Да она, кстати, была вовсе и не его пациенткой.

— Ну чего ты, Хэнк! Вы, мужчины, любите правила ради правил. Раз он так спешит ее увидеть, к десяти он может быть уже в Броули.— Она повернулась в мою сторону: — Приходите лучше всего к восьми. Мы с мужем действительно ничего больше не можем вам сказать.

— А что вы сказали насчет Броули? Она что, поехала туда?

Не будь рядом ее мужа, она, наверное, сказала бы мне и про это. Но только она открыла рот, он посмотрел на нее так выразительно, что ее решительность куда-то исчезла. Она ответила только:

— Вы поговорите с доктором Бернстайном. Если вы еще не завтракали, то совсем рядом есть очень хорошее кафе.

Пришлось идти в «очень хорошее кафе» (что оказалось сущей правдой), где, помимо завтрака, я смог купить в туалетной комнате в одном автомате свежую сорочку, а в другом — тюбик пасты «брадобрей». Я умылся, привел себя в порядок и, сменив сорочку, выкинул старую в урну. Когда я вернулся в хранилище, я выглядел вполне респектабельно.

Но Ларриган, похоже, успел уже нашептать про меня доктору Бернстайну. Он оказался молод (видимо, недавно окончил институт) и очень официален.

— Мистер Дэвис, вы утверждаете, что вы тоже сонник. Тогда вам должно быть известно, что многие преступники пользуются доверчивостью и дезориентированностью недавно пробудившихся сонников. У большинства сонников есть немалые средства; они обычно немного не в своей тарелке; одиночество и боязнь нового окружения делают их легкой добычей для мошенников и проходимцев.

— Но я только хочу узнать, куда она уехала. Я ее кузен. Но я купил себе Холодный Сон раньше нее и даже не предполагал, что она тоже собирается это сделать.

— Вот и все так обычно говорят — утверждают, что родственники.— Он пристально на меня взглянул.— А я нигде не мог видеть вас раньше?

— Сильно сомневаюсь. Разве что на ленте, где-нибудь в городе — могли случайно ехать рядом.— Люди часто принимают меня за кого-то знакомого: у меня очень стандартное лицо, лишенное уникальности, словно горошина в банке с горохом.— А может, доктор, вы позвоните в Соутел и справитесь обо мне у доктора Альбрехта?

Он посмотрел на меня, словно судья на подсудимого.

— Ступайте к директору, когда тот придет. Пусть он и звонит в Соутел... или в полицию — как сочтет нужным.

Я ушел. И тут я, наверное, сделал ошибку. Вместо того чтобы пойти к директору и, вполне вероятно, получить от него всю необходимую информацию (думаю, доктор Альбрехт поручился бы за меня), я схватил гравитакси и двинул прямиком в Броули.

Чтобы отыскать ее след в Броули, понадобилось три дня. Да, она тут жила. Да, у нее была бабушка. Но бабушка умерла двадцать лет тому назад, а Рики воспользовалась Сном. Броули не Лос-Анджелес: тут всего сто тысяч жителей — пустяки в сравнении с семью миллионами. Отыскать в архивах информацию двадцатилетней давности было достаточно просто. А вот свежие, недельной давности следы отыскать было гораздо труднее.

Отчасти это объяснялось тем, что я искал одинокую молодую женщину; с нею, как оказалось, был спутник. Узнав об этом, я вспомнил лекцию доктора Бернстайна о жуликах, обирающих сонников-новичков, и заспешил еще сильнее.

Я поехал за ними в Калексико: ошибка. Пустышка. Вернулся обратно в Броули. Начал сначала, опять нашел след и проследил их путь до самой Юмы.

В Юме я прекратил поиски: Рики вышла замуж. Запись в журнале, который мне показали в конторе местного управления, так поразила меня, что я бросил все и немедленно махнул в Денвер, успев только бросить открытку Чаку с просьбой выгрести все пожитки из моего стола и отвезти ко мне домой.

В Денвере я остановился ровно на столько, чтобы посетить магазин зубоврачебных принадлежностей. Я не бывал в Денвере с тех пор, как он стал столицей: после Шестинедельной войны мы с Майлсом сразу уехали в Калифорнию. Город меня ошеломил: я даже не сумел отыскать Колфакс-авеню. Я знал, что все важные правительственные учреждения и службы теперь упрятаны глубоко в отрогах Скалистых гор. Но если так, то в городе осталось еще навалом неважных: столпотворение было — почище, чем в Большом Лос-Анджелесе.

В магазине я купил десять килограммов золота, изотоп 197, в виде трехмиллиметровой проволоки. Заплатил за него по восемьдесят шесть долларов десять центов за килограмм — явно

переплатил, учитывая, что техническое золото шло долларов по семьдесят; приобретение нанесло огромный моральный ущерб единственной тысячедолларовой банкноте в моем кармане. Но техническое золото идет в продажу в таких сплавах, которых в природе не бывает, либо включает изотопы 196 и 198, либо — по индивидуальным заявкам лабораторий — имеет и то и другое. Мне для моих надобностей требовалось золото, неотличимое от выплавленного из натуральных золотых самородков. Кроме того, после облучения в Сандии я с большой опаской относился к радиации и не хотел иметь дела с радиоактивными изотопами.

Я обмотал золото вокруг себя и отправился в Боулдер. Десять килограммов золота — это, в сущности, вес собранной для пикника сумки. А по объему оно занимает не больше, чем кварта молока. Правда, в виде проволоки оно более громоздко, чем в слитке: в общем, в качестве корсета рекомендовать не могу. Но так оно было всегда при мне. А носить при себе слитки было бы еще труднее.

Доктор Твитчел по-прежнему жил там же, в Боулдере, хотя и не работал: он теперь был почетным профессором-консультантом и проводил большую часть того времени, что не спал, в баре факультетского клуба. Четыре дня я караулил его, чтобы поговорить в каком-нибудь другом баре: в факультетский бар чужаков вроде меня не пускали. Поймав же, обнаружил, что угостить его выпивкой совсем не сложно.

Он был фигурой трагической в классическом древнегреческом смысле: большой — великий! — человек, потерпевший крах. Его место было в одном ряду с Эйнштейном, Бором и Ньютоном. А вышло так, что лишь несколько специалистов по теории поля понимали истинное значение его работ. Когда я с ним познакомился, оказалось, что его блестящий ум затуманен разочарованием, возрастом и алкоголем. Как будто смотришь на развалины прекрасного храма: крыша рухнула, упали многие колонны, и все эти руины обвил плющ.

И все равно он и теперь, на закате дней своих, был умнее, чем я в свои лучшие годы. Я и сам не дурак и могу оценить настоящего гения, если с ним сводит судьба.

Когда я впервые увидел его, он поднял голову, посмотрел прямо на меня и сказал:

— Это опять вы...

— Сэр?

— Вы были одним из моих студентов, не так ли?

— О нет, сэр, не имел такой чести.— Обычно, когда люди говорят, что мы встречались, я отмахиваюсь. На этот раз я решил этим воспользоваться, насколько удастся.— Вы, наверное, приняли меня за моего кузена, доктор. Выпуск шестьдесят шестого года. Он одно время у вас учился.

— Возможно. В чем он специализировался?

— Он ушел из колледжа, не получив степени. Но он всегда восхищался вами. Он никогда не упускал случая упомянуть, что учился у вас.

Если сказать матери, что у нее красивый ребенок, вряд ли она обидится. Твитчел разрешил мне присесть за его столик, а потом — и заказать на двоих выпивку. Величайшей слабостью почтенного старца было его профессиональное тщеславие. Те четыре дня, что я пытался поймать его, я прилежно учил наизусть то, что удалось найти про него в университетской библиотеке, так что знал теперь, какие работы он написал и где выступал с докладами, какими почетными степенями награжден и какие книги выпустил. Одну из его книг я попробовал осилить, но уже на девятой странице сдался: базы не хватало. Хотя кой-каких словечек поднабрался.

Я намекнул ему, что занимаюсь науковедением: собираю материал для книги «Невоспетые гении».

— А о чем будет эта книга?

Я робко признался, что хотел бы начать книгу с рассказа о его жизни и трудах... если, конечно, он согласится немного изменить своей привычке избегать популярности. Я бы очень хотел получить от него некоторые сведения...

Он заявил, что это дребедень, что он даже слушать об этом не желает. Но я заметил, что это его долг перед будущими поколениями, и он согласился подумать. На другой день он уже решил, что я собираюсь написать его биографию, а не просто включить главу

о нем в книгу. С этого момента он заговорил, и все говорил... говорил... я еле успевал записывать. Записывал я всерьез: я бы не рискнул делать вид, что записываю. Время от времени он просил меня прочитать ему, что он там наговорил, а я написал.

Но про путешествия во времени он не обмолвился ни словечком.

Наконец я рискнул:

— Доктор, а правда, что если бы не некий полковник, что был тут когда-то расквартирован, то Нобелевскую премию вам бы на блюдечке принесли?

Он виртуозно матерился минуты три подряд.

— А кто вам сказал?

— Видите ли, доктор, когда я проводил одно фактографическое исследование для министерства обороны... я не говорил вам об этом?

— Нет.

— Ну, так вот, когда я там работал, я узнал всю эту историю от одного молодого ученого из соседнего сектора. Он читал весь доклад и сказал: совершенно очевидно, что вы были бы самым известным ученым в современной физике, если бы вам разрешили опубликовать вашу работу.

— Хрр-ммм... Пока все так.

— Но я понял, что она была засекречена с подачи этого полковника... э-э, Флэшботэма.

— Трэшботэма. Трэшботэма, сэр. Идиот толстозадый. Он бы не нашел свою шляпу, если бы она была прибита у него к голове. Чего, кстати, он вполне был достоин.

— Да, очень прискорбно.

— Что? Что Трэшботэм был дурак? Так это природа виновата, а не я.

— Очень прискорбно, что мир лишился исторического открытия. Насколько я понимаю, вам не положено об этом рассказывать?

— Кто вам сказал? Я могу рассказывать все, что мне угодно!

— Я так понял, сэр, из рассказа моего знакомого из министерства.

— Хрр-ммм!..

Это было все, что мне удалось в тот вечер от него услышать. Чтобы он решился показать мне лабораторию, понадобилась еще неделя.

Большую часть здания занимали теперь другие исследователи, но свою лабораторию он так и не отдал, хотя и не пользовался ею больше. Он заявил, что она засекреченная, и никого близко к ней не подпускал. Не дал он и демонтировать свою установку. Когда он отпер дверь и впустил меня внутрь, в лаборатории пахло, как в склепе, который не открывали много лет.

Ему было нипочем: он уже успел достаточно выпить. Вообще емкость на выпивку у него еще была о-го-го. Он стал читать мне лекцию по математическому обоснованию теории времени и темпорального смещения (слов «путешествие во времени» он не употреблял), но предупредил, чтобы я не записывал. Не послушайся я его, мало что изменилось бы: он начинал абзац словами «Отсюда очевидно, что...» и переходил к таким сложным материям, которые были очевидны, я думаю, только господу Богу да ему самому, но уж никак не нам, простым смертным.

В одну из пауз я сумел вклиниться:

— Мой друг сказал мне, что вам так и не удалось откалибровать установку. Значит, вы не можете заранее определить точную величину предполагаемого темпорального смещения?

— Что? Чушь собачья! Молодой человек, если это нельзя измерить — это не наука.— Он немного побулькал, как кипящий чайник. Потом продолжал: — Вот, смотрите. Я вам покажу.— Он отвернулся и стал крутить ручки. От его оборудования на виду были только «темпоральный локализатор» — просто невысокая платформа, окруженная металлической сеткой,— да пульт управления, вроде тех, что используются для автоклавов или вакуумных камер. Наверное, если бы мне дали подойти к пульту поближе, я смог бы разобраться, как им управлять. Но мне было довольно резко велено держаться в сторонке. Я увидел восьмиканальный рекордер Брауна, несколько мощных соленоидных пускателей и еще полдюжины других, тоже хорошо известных устройств, но без схемы прибора толку от них было ноль.

Он повернулся ко мне и решительно спросил:

— Есть у вас какая-нибудь мелочь в карманах?

Я достал из кармана пригоршню монет. Он порылся в ней и выбрал две пятидолларовые монеты — два новеньких, симпатичных пластиковых шестиугольника, выпущенных в этом году. «Лучше бы он взял монеты помельче,— подумал я,— у меня уже маловато их остается».

— Нож у вас найдется?

— Да, сэр.

— Нацарапайте на каждой монете свои инициалы.

Что я и сделал. Потом он велел мне положить их рядышком в камере.

— Заметьте время. Я установил смещение ровно на одну неделю, плюс-минус шесть секунд.

Я посмотрел на часы. Доктор Твитчел сосчитал:

— Пять... четыре... три... два... один... пошел!

Я взглянул на платформу. Монет не было. Мне не пришлось делать вид, будто у меня глаза на лоб полезли: одно дело — услышать об этом опыте от Чака, и совсем другое — увидеть самому.

Доктор Твитчел отрывисто сказал:

— Вернемся сюда через неделю, и вы увидите, как появится одна из них. А вторая... Вы видели на платформе обе? Вы сами их туда положили?

— Да, сэр.

— А где был я?

— У пульта управления, сэр.— Он действительно был в добрых пяти метрах от огораживающей платформу сетки и не приближался к ней ни на шаг.

— Отлично. Идите сюда.— Он сунул руку в карман.— Вот одна из ваших монет. Вторую получите через неделю.— Он вручил мне зеленую пятидолларовую монету. На ней были мои инициалы.

Я ничего не сказал: трудно говорить, когда у тебя отвисла челюсть.

Он продолжал:

— Вы рассердили меня своими замечаниями на прошлой неделе. В среду я заглянул сюда (а я не был тут уже больше года) и

обнаружил на платформе эту монету. Тут я понял, что установка была в действии. То есть будет. Вот я и решал целую неделю, показать ее вам или нет.

Я посмотрел на монету. Пощупал ее.

— Значит, когда мы пришли сюда, она уже была у вас в кармане?

— Разумеется.

— Получается, что она была одновременно и у меня в кармане, и у вас? Как же это может быть?

— Господи, у вас что, глаз нет, молодой человек? У вас голова на плечах натуральная или муляж? Неужели вы не можете осмыслить простой факт только потому, что он лежит за пределами привычного? Сегодня вы принесли эту монету с собою, и мы зашвырнули ее на неделю назад: вы сами видели. Неделю назад я ее здесь нашел. Положил в карман. Принес сегодня сюда. Ту же самую монету... точнее, более позднюю репликацию ее пространственно-временной структуры: на неделю старше, старее. Но обыватель назвал бы ее «та же самая». Хотя сходства между ними не больше, чем между младенцем и взрослым человеком, который из него вырос.

Я взглянул на него:

— Доктор, отправьте меня в прошлое. На неделю назад!

Он взглянул сердито:

— И речи быть не может!

— Почему? Разве на людях эта штука не работает?

— Что? Разумеется, работает.

— Тогда почему нет? Я не боюсь. И представьте только, как это было бы здорово для будущей книги... если бы я мог на собственном опыте убедиться и подтвердить, что темпоральный сдвиг Твитчела действует.

— Вы уже убедились на собственном опыте. Можете так и написать.

— Пожалуй,— задумчиво произнес я,— но мне же не поверят. Этот опыт с монетами... Я верю, потому что я видел его. Но любой, кто прочтет мои записки, решит, что я просто подвергся внушению, что меня надули каким-то ловким трюком.

— Вот черт бы вас подрал, сэр!

— Так это же не я — люди скажут. Они не поверят, что я действительно видел то, что описываю. Вот если бы вы отправили меня на неделю назад, я бы мог описать свои собственные ощущения и...

— Сядьте. И выслушайте меня.

Он сел; мне сесть было некуда, но он этого не заметил.

— Я уже ставил эксперименты на людях, давным-давно. И именно поэтому я решил никогда больше этого не делать.

— Почему? Они погибли?

— Что? Не порите чушь! — Он посмотрел на меня угрожающе и добавил: — И не смейте ни о чем таком писать в своей книге.

— Как скажете, сэр.

— Эксперименты показали, что живые существа переносят темпоральное перемещение без вреда. Я доверился коллеге — молодому преподавателю, который вел у нас рисование и другие подобные предметы на архитектурном факультете. Он, пожалуй, был больше инженером, нежели ученым, но мне он нравился: у него был очень живой ум. Этого молодого человека — ничего, наверное, не случится, если я скажу вам его имя,— звали Леонард Винсент; он так жаждал испробовать это... Он хотел испытать Большое Перемещение — на пятьсот лет. Я не сумел отказать. Я уступил.

— И что произошло?

— А откуда я знаю? Пятьсот лет! Мне никогда не узнать...

— Вы думаете, он попал на пятьсот лет в будущее?

— Или в прошлое. Он мог очутиться в пятнадцатом веке. Или в двадцать пятом. Шансы совершенно равные. Принцип неопределенности, симметричное уравнение... Я даже иногда думаю... да нет, не может быть. Так, случайное сходство имен.

Я не стал спрашивать, что он имеет в виду, потому что в этот момент вдруг тоже обнаружил это сходство имен, и волосы у меня на голове встали дыбом. Но я быстро выбросил это из головы: у меня были другие проблемы. Да, кроме того, это и было наверняка лишь случайное сходство: не мог же человек в пятнадцатом веке попасть из Колорадо в Италию...

— И я решил впредь не поддаваться подобному искушению. Это ведь не наука: это ничего не добавляет к знанию. Если он попал в будущее — на доброе здоровье. А вот если в прошлое... тогда, получается, я отправил своего друга на расправу варварам, а может, и на съедение диким зверям.

«А может быть,— подумал я,— вы обрекли его на участь Великого Белого Бога*». Но я промолчал.

— Я ведь не прошу, чтобы вы отправили меня слишком далеко. То есть надолго.

— Давайте больше не будем об этом, прошу вас.

— Как скажете, доктор.— Но я был не в силах остановиться.— Э-э, позвольте сделать одно предложение?

— Ну? Высказывайтесь.

— Мы могли бы получить почти тот же результат простой имитацией.

— Что вы имеете в виду?

— Совсем понарошку: сделаем все так, как будто бы мы действительно собрались переместить во времени живой объект — объектом буду я — вплоть до того момента, когда надо нажать кнопку. Тогда я смогу понять смысл процедуры. Пока, честно говоря, я его не вполне понимаю.

Он немного поворчал, но ему так хотелось продемонстрировать мне свою игрушку... Он взвесил меня и отобрал металлические гири, равные моему весу: сто семьдесят фунтов.

— Это те же самые весы, на которых я взвешивал беднягу Винсента.

Вдвоем мы уложили грузы на одном краю платформы.

— Какое время установим? — спросил он.— Вам решать.

— Э-э, вы сказали, что время можно установить точно?

— Да, сэр, именно так я и сказал. А вы сомневаетесь?

— Нет-нет-нет! Ну-с, так. Сегодня двадцать четвертое мая... Предположим, мы... Как, скажем, насчет такого смещения: тридцать один год, три недели, один день, семь часов, тринадцать минут и двадцать пять секунд?

— Бледно, молодой человек. Когда я говорю «точно», то имею в виду «с точностью до одной стотысячной». У меня просто не

было возможности откалибровать установку с точностью до одной стомиллионной.

— Да?.. Понимаете, профессор, мне очень важно, чтобы все было как на самом деле — я ведь так мало об этом знаю. Ну, давайте просто поставим тридцать один год и три недели. Или это тоже — излишество?

— Ничуть. Максимальная ошибка не превысит двух часов.— Он опять что-то повернул.— Можете занять свое место на сцене, юноша.

— И это — все?

— Все. Все, кроме энергии. Конечно, с сетевым напряжением, которого хватило на перемещение двух монет на неделю, я бы не смог совершить такого броска. Но, поскольку мы не собираемся включать установку на самом деле, это не имеет значения.

Я был разочарован. Наверное, и вид у меня был соответствующий.

— Значит, у вас нет всего необходимого, чтобы выполнить подобное перемещение? Значит, все это только теоретически?..

— Черт подери, сэр! Ничуть не теоретически.

— Так у вас же нет достаточной энергии...

— Раз вы так настаиваете, будет и энергия. Подождите.

Он ушел в угол и снял трубку телефона. Телефон, похоже, установили, когда лаборатория еще была новенькая: с тех пор, как я вышел из хранилища, такого старого аппарата я не видел.

Последовала беседа с дежурным электриком. На повышенных тонах. Нецензурной бранью профессор не воспользовался: он прекрасно обходился без нее, но при этом хлестал языком гораздо больнее, чем те «артисты», мастера жанра, которые пользуются обычными ругательствами.

— Меня не интересует, что вы думаете, почтеннейший. Прочтите свою инструкцию. Я имею право получить все возможности лабораторного корпуса в свое распоряжение. В любое время, когда захочу. Читать умеете? Или мы встретимся завтра в десять в кабинете ректора, чтобы он прочел вам ваши обязанности? Ах, вы умеете читать? Может, и писать тоже? Или ваши таланты исчерпываются чтением? Тогда запишите: полную ава-

рийную мощность на высоковольтные шины Мемориальной Лаборатории Торнтона ровно через восемь минут. Повторите!

Он положил трубку.

— Вот люди!..

Подойдя к пульту, он что-то поправил. Потекли минуты. Вдруг я даже с того места, где стоял, увидел, как стрелки приборов метнулись вправо, а наверху загорелась красная лампочка.

— Вот и энергия,— объявил он.

— И что теперь?

— Ничего.

— Я так и думал.

— Что вы хотите сказать?

— То, что сказал: ничего не будет.

— Боюсь, что не вполне вас понимаю. Более того: я надеюсь, что неправильно вас понял. Я имел в виду, что если я не нажму кнопку, то ничего не произойдет. Но если я нажму ее, то вы переместитесь ровно на тридцать один год и три недели.

— А я говорю, что ничего не будет.

Его лицо потемнело.

— Сэр, я полагаю, что вы намеренно ведете себя столь оскорбительно.

— Считайте как хотите, доктор. Я приехал сюда проверить правдивость дошедших до меня слухов. И я их проверил. Я увидел пульт управления с красивыми лампочками. Похоже на декорацию для фильма ужасов про сумасшедшего профессора. Я увидел салонный фокус с парой монеток. Фокус слабый, надо заметить: монеты вы выбирали сами, а я пометил их так, как вы велели. Да любой циркач может показать этот фокус лучше вас. Я выслушал долгую лекцию. Но разговоры — штука дешевая. То, что вы якобы изобрели, невозможно. Кстати, в министерстве это знают. Ваш доклад никто не запрещал: его просто подшили в ту папку, куда складывают все проекты вечных двигателей. Наверняка время от времени его достают почитать смеха ради.

Я думал, старикана хватит удар не сходя с места. Но единственным рефлексом, который у него остался, на который я мог рассчитывать, было его тщеславие. Надо было дожимать старика.

— Спускайтесь, сэр. Выходите. Я сейчас выпорю вас. Выдеру голыми руками.

Я думаю, он был так разъярен, что, пожалуй, мог бы и выпороть, несмотря на разницу в возрасте, весе и физической силе. Но я ответил:

— Я тебя не боюсь, папаша. И твоей фальшивой красной кнопки тоже не боюсь. Валяй, нажимай!

Он взглянул на меня. На кнопку. Но не двинулся с места. Тогда я хихикнул и сказал:

— Правильно ребята говорили: ложная тревога. Твитч, вы напыщенный старый обманщик. Полковник Трэшботэм был прав.

Это сработало.

10

Он с размаху ударил по кнопке. Я хотел крикнуть ему: «Не надо!» — но было поздно. Я уже куда-то падал. Последней судорожной мыслью было: я не хочу! Я все выкинул на ветер. Я довел почти до апоплексического удара несчастного старика, не сделавшего мне ничего худого. И я даже не знал, в какую сторону двигаюсь. Хуже того, я вообще не был уверен, попаду ли я туда, куда хочу попасть... И тут я упал.

Свалился я, наверное, с высоты не более метра-полутора, но был совершенно не готов к этому падению и рухнул, как куль.

И тут же кто-то спросил:

— Откуда это вы свалились, черт возьми?

Спрашивавший оказался мужчиной лет сорока, лысым, но крепким и поджарым. Он стоял, руки в боки, лицом ко мне. Умное, интеллигентное лицо его было приятным, несмотря на то что он явно был в этот момент на меня сердит.

Я сел. Оказалось, что сижу я на покрытой слоем опавшей хвои гранитной гальке. Рядом с мужчиной стояла женщина — привлекательная, даже красивая, немного моложе его,— смотрела на меня ошеломленно, но молчала.

— Где я? — спросил я самым дурацким манером. Мне следовало спросить «когда я?», но это прозвучало бы еще глупее, и вдобавок я об этом не подумал. Достаточно было взглянуть на них, и было ясно, куда я не попал: я был явно не в 1970-м. Но и не в 2001-м тоже: в 2001-м в таком виде ходили только на пляже. Похоже, меня занесло в другую сторону.

Потому что ничего, кроме ровного, густого загара, на них не было. Но им, видимо, этого хватало: они явно не чувствовали неловкости.

— Давайте по очереди,— возразил он.— Я спросил вас, как вы сюда попали.— Он взглянул вверх.— Парашют в ветвях вроде не запутался, так? И вообще, что вы здесь делаете? Это — частные владения. Вы здесь явно без разрешения. И что это за маскарадный костюм вы напялили?

На мой взгляд, одет я был вполне нормально. Особенно по сравнению с ними. Но спорить я не стал: другие времена — иные нравы. Похоже, у меня тут будут неприятности.

Она положила руку ему на плечо.

— Не надо, Джон,— сказала она ласково.— По-моему, он ушибся.

Он глянул на нее и снова уперся своим острым взглядом мне в лицо.

— Вы ушиблись?

Я попытался встать — это у меня получилось.

— По-моему, нет. Так, пара синяков будет. А какое сегодня число?

— А? Число? Сегодня первое воскресенье мая. Третье мая, по-моему. Так, Дженни?

— Да, милый.

— Слушайте,— сказал я торопливо,— я сильно ушиб голову. Наверное, я потерял ориентировку. Какое сегодня число? Только полностью — месяц и год?

— Что?

Мне бы лучше было помалкивать, пока я не узнаю год сам — из газеты или с настенного календаря. Но я больше не в силах был ждать: я должен был узнать это немедленно.

— Какой год?!

— Крепко тебя, браток, тряхнуло. Семидесятый.

Он опять уставился на мою одежду.

Облегчение мое было безмерным. Получилось! Я попал куда следует! Я не опоздал!

— Спасибо,— сказал я.— Огромное вам спасибо. Вы даже не представляете...— *Он все еще смотрел на меня так, словно решал,* не пора ли вызвать подкрепление, и я поспешил добавить: — У меня бывают внезапные приступы потери памяти. Однажды я так потерял... целых пять лет.

— Я думаю, это очень неприятно,— процедил он.— Теперь вам лучше? На вопросы отвечать можете?

— Ну что ты пристал к человеку, милый? — ласково сказала она.— По-моему, он славный. Наверное, он просто ушибся.

— Посмотрим. Ну?

— Вроде бы сейчас я себя чувствую прилично. Но буквально минуту назад у меня еще все путалось.

— О'кей. Как вы сюда попали? И почему вы так странно одеты?

— Честно говоря, я не совсем представляю, как я сюда попал. И уж точно не знаю, куда я попал. Эти приступы налетают так внезапно... А что касается моей одежды — можно сказать, что это просто некоторое чудачество. Ну... ну вот, скажем, вы тоже необычно одеты. Точнее, раздеты.

Он посмотрел на меня и ухмыльнулся.

— Да уж, при определенных обстоятельствах, наверное, наша одежда — точнее, ее отсутствие — тоже вызвала бы вопросы. Но мы предпочитаем, чтобы оправдывались незваные гости. Видите ли, вы здесь — чужой, одетый или раздетый. А вот мы — свои, независимо от одежды. Вы попали на территорию денверского клуба нудистов.

Джон и Дженни Саттон оказались современными, невозмутимыми, дружелюбными людьми. Джона явно не удовлетворили мои скользкие объяснения. По-моему, он хотел устроить мне перекрестный допрос, но Дженни удержала. Я крепко держался

за свою байку про «приступы амнезии» и утверждал, будто бы последнее, что я помню,— вчерашний вечер, когда я был в Денвере, в Нью-Браун-Пэлас. Наконец он сказал:

— Ну что ж, все это очень интересно, просто увлекательно. Я думаю, кто-нибудь из наших, кто едет в Боулдер, захватит вас, а оттуда вы доберетесь до Денвера на автобусе.— Он опять глянул на меня.— Но если я приведу вас в клуб, то все это будет чертовски подозрительно.

Я оглядел свой костюм. Я испытывал неловкость от того, что я был одет, а они — нет. Я имею в виду, что не они, а именно я чувствовал себя не в своей тарелке.

— Джон, если я разденусь, это упростит проблему? — Такая перспектива меня не смущала. В нудистских клубах я раньше не бывал,— чего мне там делать? — но мы с Чаком пару раз ездили на выходные в Санта-Барбара, а на пляже кожа кажется естественной, а одежда — нет.

Он кивнул.

— Безусловно.

— Дорогой,— сказала Дженни,— а ведь он может быть нашим гостем.

— Хмм... пожалуй. Любимая, ты, наверное, греби к людям. А там побеседуй, дай понять, что мы ждем гостя из... откуда лучше сказать, Дэнни?

— Хм, из Калифорнии. Из Лос-Анджелеса. Я действительно оттуда.— Я чуть не брякнул «Большой Лос-Анджелес» и понял, что придется следить за собой: кино опять «кино», а не «завлекино»...

— Ага, из Лос-Анджелеса. Дэнни из Лос-Анджелеса — этого вполне достаточно. Мы зовем друг друга только по имени. Так что, милая, распусти слух, что мы ждем гостей. Да с таким видом, словно уже предупреждала об этом. А через полчаса скажи, что идешь к воротам встречать нас. И приходи сюда. Не забудь прихватить мою сумку.

— Сумку, милый? Зачем?

— Спрятать этот маскарадный костюм. Даже для чудаков вроде Дэнни он выглядит... необычно.

Я встал и пошел за кусты — Дженни ушла, и предлога уйти в раздевалку у меня не было. А за кусты прятаться пришлось: не мог же я раздеться на виду у Джона, демонстрируя, что у меня вокруг талии обернуто золото на двадцать тысяч долларов (в семидесятом цена золота была где-то около шестидесяти долларов за унцию). Снял я это богатство быстро: вместо корсета я сделал из золота пояс, который было гораздо легче снимать и надевать при мытье — впереди я приделал шнурки для крепления.

Сняв одежду и пояс, я завернул золото в тряпки и попытался сделать вид, будто моя одежда весит ровно столько, сколько она должна весить. Джон посмотрел на сверток, но промолчал. Он предложил мне сигарету — пачка сигарет была у него прикреплена к лодыжке. Сигареты оказались такого сорта, который я уже и не мечтал когда-нибудь еще попробовать.

Я помахал ею в воздухе, но она не зажглась. Джон дал мне прикурить.

— Ну,— тихо сказал он,— теперь мы одни. Ты ничего не хочешь мне сказать? Мне ведь придется поручиться за тебя в клубе, и я, по крайней мере, имею право убедиться, что от тебя не будет неприятностей.

Я сделал затяжку: вкус был грубый, я отвык от таких сигарет.

— Джон, чего-чего, а неприятностей от меня не будет. Неприятности — это то, чего я хочу меньше всего.

— Хм-мм... наверное. Значит, «приступы головокружения»?

Я задумался. Ситуация была совершенно невозможная. Джон имел право знать. Но он, безусловно, не поверил бы мне. Я бы на его месте не поверил. А если он поверит мне, будет еще хуже: начнется тот самый шум, которого я так хочу избежать. Наверное, если бы я был настоящим путешественником во времени, выполняющим научные исследования, то я бы стремился к известности, предъявлял бы доказательства и предлагал ученым исследовать себя.

Но я не был путешественником-ученым. Я был лицом сугубо частным и собирался при этом провернуть одно дельце, привлекать внимание к которому с моей стороны было бы глупо. Я просто тихо и незаметно искал свою Дверь в Лето...

— Джон, если я расскажу правду, то ты мне не поверишь.

— Ммм... наверное. И все же... прямо с неба падает человек. Но не расшибается в лепешку. На нем странная одежда. Он не знает, где он и какой сегодня день. Дэнни, я читал Чарльза Форта*, как и большинство грамотных людей. Но я никогда не думал, что увижу что-то подобное своими глазами. Конечно, увидев, я не рассчитываю, что объяснение будет простым, как разгадка карточного фокуса. И все же?

— Джон, судя по тем оборотам, которые ты употребляешь, ты юрист. Я не ошибаюсь?

— Нет. Я юрист. А что?

— Могу я рассчитывать на конфиденциальность нашего разговора?

— Хмм... Ты что, хочешь стать моим клиентом?

— Если ты ставишь вопрос так, то да. Мне, похоже, потребуется совет юриста.

— Выкладывай. Это конфиденциально.

— О'кей. Я из будущего. Путешественник во времени.

Некоторое время он молчал. Мы лежали на песке: я — чтобы согреться (май в Колорадо солнечный, но прохладный), Джон, похоже, привык и просто загорал, размышляя и жуя хвоинку.

— Ты прав,— сказал он,— я не верю. Давай лучше держаться версии с приступами амнезии.

— А я тебе говорил, что ты не сможешь в это поверить.

Он вздохнул.

— Скажем так: не хочу. Я не хочу верить в переселение душ, в привидения и прочую такую чертовщину. Я люблю простые вещи — их я понимаю. Наверное, и большинство людей тоже. Так что мой тебе первый совет: пусть это останется нашей конфиденциальной беседой. Не раззванивай про это дело.

— Это меня устраивает.

Он перевернулся на другой бок.

— Я думаю, будет весьма разумно, если мы сожжем твою одежду. Я что-нибудь тебе подберу. Она горит?

— Вряд ли. Плавится, я думаю.

— И лучше обуйся. Мы тут обычно ходим в ботинках; твои сойдут. Если начнут спрашивать, говори — на заказ шил. Ортопедические, для улучшения походки.

— А они действительно такие.

— Ну и о'кей.— Прежде чем я успел двинуться с места, он начал разворачивать мою одежду.— Что за черт?!

Было уже поздно, пришлось разрешить ему развернуть узел.

— *Дэнни,— спросил он подозрительным тоном,— это действительно то, на что это похоже?*

— А на что это похоже?

— Смахивает на золото.

— Оно самое.

— Где ты его взял?

— Купил.

Он пощупал золотой пояс, помял мертвый, податливый металл, взвесил его в руке.

— О господи... Дэнни, слушай внимательно. Я задам тебе один вопрос, и будь осторожен, когда станешь на него отвечать: клиенты, которые мне лгут, мне не нужны. Я им отказываю. А соучастником я быть не хочу. Ты приобрел это законным путем?

— Да.

— Может быть, ты не знаешь Указа 1968 года о Золотом запасе?

— Знаю. Я приобрел это золото законно. Я намерен продать его Монетному двору в Денвере за доллары.

— Может, ты ювелир?

— Нет. Джон, я сказал тебе сущую правду; хочешь — верь, а хочешь — нет. Там, откуда я, это продают в магазине, совершенно законно. А теперь я хочу обратить это в доллары, и чем скорее, тем лучше. Я знаю, что хранить это запрещено. Что мне будет, если я приду в Монетный двор и попрошу взвесить это?

— В конечном итоге ничего. Если будешь держаться версии о своих «припадках». Но пока поверят, могут крепко помотать нервы.— Он взглянул на золото.— Наверное, лучше его пока припрятать.

— Закопать, что ли?

— *Ну, до этого дело не дойдет. Но если ты сказал мне правду,* то... Давай так: ты нашел это золото в горах. Там ведь обычно старатели находят золото.

— Ну... как скажешь. Я могу немножко и солгать, без злого умысла — золото-то действительно мое и куплено законным путем.

— Какая же это ложь? Когда ты впервые увидел это золото? Назови дату: когда ты стал владельцем этого золота?

Я стал вспоминать. Это было в тот день, когда я уехал из Юмы. Значит, где-то в мае 2001-го. Недели две назад. Назад? Тьфу!

— Ну, скажем так, Джон... впервые — это самая ранняя дата! — я увидел это золото сегодня, третьего мая тысяча девятьсот семидесятого года.

Он кивнул.

— Ну вот, значит, нашел в горах.

Саттоны не собирались уезжать до утра понедельника, и я тоже остался в клубе. Другие члены клуба были очень дружелюбны, но удивительно нелюбопытны — никто не совал нос в мои личные дела. Мне еще не доводилось бывать в таких компаниях. Потом-то я узнал, что это — стандартный признак хороших манер в нудистских клубах. Но тогда они показались мне самыми вежливыми и воспитанными людьми на свете.

У Джона и Дженни был отдельный домик. Я устроился на койке в клубном общежитии. Там было чертовски свежо. Наутро Джон раздобыл мне рубашку и пару джинсов. Моя одежда с завернутым в нее золотом была спрятана в багажник его машины — между прочим, «ягуар-император»; сразу видно, что хозяин — приличный человек, не рвань. Но это и так было ясно по его манерам.

Я заночевал у них, и ко вторнику у меня уже было немного денег. Золота я с тех пор не видел, но в течение следующих двух недель Джон вручил мне его точную стоимость за вычетом обычных комиссионных, что берут ювелиры. С Монетным двором он напрямую не стал связываться — я это знаю, потому что видел квитанции от скупщиков золота. За свои услуги он с меня ничего не взял и никаких подробностей не сообщил.

Меня они, впрочем, и не интересовали. Появились деньги — появились и дела. Еще в тот, первый вторник — пятого мая — мы с Дженни немного покрутились по округе на ее машине и нашли подходящую квартирку. Я привез туда кульман, верстак, армейскую

койку и, пожалуй, почти ничего больше. Свет, газ, вода и туалет там были. Больше мне ничего и не надо, подумал я: надо было беречь каждый цент.

Чертить на старомодном кульмане было долго и утомительно, а времени у меня было в обрез. Сначала я создал «Чертежника Дэна», а затем воссоздал «Салли», только на этот раз «Салли» стала «Питом» — многоцелевым автоматом, способным делать почти все, что может человек, при условии правильной накачки его торсеновских ячеек. Я знал, что «Пит» недолго останется таким: его потомки — целая орда! — станут устройствами специализированными. Просто я хотел максимально расширить формулу изобретения.

Для получения патента не надо действующих моделей — только чертежи и описания. Модели были нужны мне самому — такие модели, которые будут работать безупречно, которые сможет демонстрировать любой инженер. Они должны быть такими, чтобы было сразу видно — они практичны, они экономичны, их будут покупать, если начать их серийный выпуск, это выгодное помещение капитала. Патентное ведомство набито чертежами устройств, которые работают, но в коммерческом отношении никчемны.

Работа шла и быстро и медленно: быстро — потому что я точно знал, что я делаю; медленно — потому что у меня не было ни инструмента, ни помощников. Скрепя сердце я истратил немного денег на инструменты, и дело пошло живее. Работал я с утра и до упаду, семь дней в неделю, и только раз в месяц проводил уик-енд с Джоном и Дженни в этом их голозадом клубе под Боулдером. К первому сентября обе модели у меня работали как надо, и я засел за описания и чертежи. Внешнюю отделку по своим чертежам я заказал в одной фирме; там же мне отхромировали все подвижные наружные части. Это было единственное, что я не стал делать сам, и хотя мне было очень жаль тратить на это деньги, это было необходимо. Разумеется, я на сто процентов использовал возможности каталогов готовых запасных частей: без стандартных компонентов я бы не сумел сделать свои игрушки, да и после этого их коммерческая ценность была бы невелика. Но я не любил тратить деньги на заказное украшательство.

На разъезды времени у меня почти не было, и слава Богу. Однажды, покупая сервомотор, я наткнулся на одного типа из Калифорнии. Он окликнул меня, и я ответил, не успев подумать.

— Эй, Дэн! Дэнни Дэвис! С ума сойти: встретить тебя здесь. А я думал, ты в Мохаве.— Мы обменялись рукопожатиями.

— Заехал ненадолго по делам. Через несколько дней вернусь.

— А я — сегодня к вечеру. Позвоню Майлсу, скажу, что виделся с тобой.

Моя тревога, видимо, отразилась на моем лице.

— Вот этого не надо.

— А чего? Вы же с Майлсом такие закадычные друзья — водой не разлить.

— Ну... знаешь, Морт, Майлс не знает, что я здесь. Мне сейчас положено быть в Альбукерке по делам фирмы. Но я на денек смотался потихоньку сюда, по сугубо личным делам. Усекаешь? К делам фирмы это не относится. И мне бы не хотелось обсуждать эти вопросы с Майлсом.

Он взглянул на меня понимающе.

— Женщина?

— Ммм... да.

— Замужняя?

— Ну, можно сказать, что так.

Он толкнул меня в бок локтем и подмигнул.

— Я усек. Старина Майлс у нас таких твердых правил, да? О'кей, я тебя прикрою. Другой раз, глядишь, и ты меня прикроешь. Она как, ничего?

«Я бы тебя лопатой прикрыл, трепло паршивое»,— подумал я. Мортон был дрянной коммивояжер, потому что тратил больше времени, охмуряя официанток, чем занимался своими прямыми обязанностями. Да и товар, который он пытался сбыть своим покупателям, был весь в него — такой же дрянной, совершенно не соответствующий тому, что написано в рекламе.

Но я поставил ему выпивку и потчевал разными байками про «замужнюю женщину». Пришлось выслушать и его похвальбу о его, я уверен, столь же вымышленных похождениях. Еле удалось от него отделаться.

В другой раз я попытался угостить выпивкой доктора Твитчела, и безуспешно.

Я случайно сел рядом с ним в баре на Чампа-стрит и увидел его лицо в зеркальной стене напротив. Первым моим желанием было спрятаться под стойку.

Потом я опомнился и сообразил, что из всех живущих в 1970-м его можно опасаться меньше всего. Все должно быть в порядке, потому что все было в порядке в 2001-м... то есть не было, а будет... нет, не так... Тут я бросил свои попытки сформулировать эту мысль: ясно, что если путешествия во времени станут явлением массовым, то к грамматике английского языка придется добавить еще несколько времен для передачи подобных ситуаций. По сравнению с такими сложными наклонениями латинский или литературный французский покажутся примитивными.

В любом случае, в будущем, в прошлом ли, Твитчела мне сейчас опасаться не приходилось. Можно было расслабиться.

Я разглядывал его лицо в зеркале и думал, что, наверное, это просто похожее лицо. Но тут ошибки быть не могло: в отличие от меня, у Твитчела было очень своеобразное лицо: решительное, уверенное, чуть надменное и очень привлекательное. Лицо Зевса. Я вспомнил, как изменилось это лицо за тридцать лет. Но сомнений быть не могло. Мне стало стыдно за то, как я обошелся со стариком. Как бы это... компенсировать?

Твитчел заметил, что я рассматриваю его отражение в зеркале, и повернулся ко мне.

— В чем дело?

— Э-э... вы — доктор Твитчел, не так ли? Из университета?

— Из Денверского университета, сэр. Мы встречались?

Я чуть не проболтался: я забыл, что в семидесятом он еще преподавал в городском университете. Трудно вспоминать сразу в две стороны.

— Нет, доктор. Но я был на ваших лекциях. Можно сказать, что я — один из ваших поклонников.

Он усмехнулся, но на лесть не поддался. Из этого — и некоторых других признаков — я сделал вывод, что у него пока не

возникло настоятельной потребности в лести окружающих: он был уверен в себе, и его волновала только его самооценка.

— А вы уверены, что не приняли меня за какого-нибудь киноактера?

— Ну что вы! Нет! Вы — доктор Хьюберт Твитчел. Великий физик.

Усмешка снова скривила уголки его рта.

— Физик. Скажем так. Просто физик. Во всяком случае, стараюсь быть физиком.

Мы немного поболтали о том о сем. Я попытался не отстать от него и после того, как он доел свой сэндвич. Я сказал, что буду очень польщен, если он позволит угостить его рюмочкой коньяка или виски. Он отрицательно покачал головой.

— Я вообще мало пью, а уж в такую рань — никогда. Но все равно спасибо. Было очень приятно познакомиться. Заглядывайте ко мне в лабораторию, если будете в университете.

Я сказал, что когда-нибудь непременно загляну.

Но вообще я не часто допускал подобные проколы в семидесятом (я имею в виду свое повторное пребывание в этом времени), потому что время было все-таки знакомое, понятное, а большинство из тех, кто мог узнать меня, жили в Калифорнии. Но я решил больше не рисковать: если я еще раз увижу знакомое лицо, то сделаю вид, что я — не я и что я его в упор не узнаю.

Но даже мелочи способны портить жизнь. Однажды я не мог застегнуть «молнию» — отвык. Застежки на «стиктайт» гораздо удобнее. Всего за шесть месяцев я так привык к многим мелочам 2001 года, что очень страдал от их отсутствия. Пришлось снова начать бриться. Однажды я простудился: это случилось из-за того, что я забыл о способности одежды промокать под дождем. Сюда бы этих эстетов-консерваторов, что вечно хают прогресс и восхваляют «добрые старые времена»: тарелки, в которых пища остывает; рубашки, которые надо гладить; зеркала в ванных комнатах, которые запотевают именно тогда, когда надо в них посмотреться. Простуды. Грязь под ногами. Грязь в легких. Я уже привык жить лучше, и семидесятый год постоянно раздражал меня по мелочам.

Но, как говорится, собака привыкает к своим блохам; привык и я. В 1970-м Денвер был своеобразным городом — изящным, со старомодным оттенком. Я даже полюбил его. Ничего похожего на те строения Нового плана, которые я увидел (или увижу?), когда приехал (или приеду?!) туда из Юмы. В городе еще было менее двух миллионов населения. По улицам (улицы еще были) ходили автобусы (автобусы тоже еще были!) и другой колесный транспорт. И Колфакс-авеню я нашел без труда.

Денвер еще только привыкал к своему новому статусу столицы, и чувствовалось, что ему эта роль не по нутру, словно подростку, впервые надевшему строгий вечерний костюм. Ему по-прежнему был по душе звон бубенчиков на высоких ковбойских ботинках, хотя город и чувствовал, что придется расти и становиться столицей огромной страны, метрополией, с посольствами, шпионами и изысканными ресторанами. Город рос во все стороны, как гриб после дождя, чтобы хватало места бюрократам и лоббистам, резидентам и машинисткам. Стены возводились с такой быстротой, что приходилось проверять, не попала ли в их кольцо случайно забредшая на стройплощадку с ближайшего пастбища корова. Но в ширину город не очень разросся: всего на несколько миль от Аврора-стрит на восток, от Хендерсон-авеню на север и от Литтлтон-бульвара на юг. Если ехать к Академии ВВС, то до нее еще осталось несколько миль открытого пространства. На западе город, понятное дело, уходил в горы, и федеральные чиновники уже бродили по подземным туннелям.

Денвер периода федерального бума мне нравился. Но мне так не терпелось вернуться в свое время!

И все из-за мелочей. Вскоре после того, как я поступил на работу в «Золушку», я мог себе позволить залечить все зубы. Я уже думал, что мне никогда больше не придется идти к дентопластологу. Но тут, в семидесятом, у меня не было антикариесных таблеток, и вскоре в одном из зубов образовалось дупло. Зуб болел, а то бы я не обратил на это внимания. Пришлось идти к дантисту. Вот провалиться мне: я просто забыл, что он увидит у меня во рту. Он заморгал, завертел зеркальцем и воскликнул:

— О господи! Кто вас лечил?!

— Хо хы хохохихе?

Он убрал свои лапы у меня изо рта.

— Кто занимался вашими зубами?

— А? Ну, это в экспериментальном порядке, это... в Индии.

— Но как они это делают?!

— А я откуда знаю?

— Хм-м... подождите минутку. Я сделаю снимок.— Он стал снимать чехол с трубки рентгеновского аппарата.

— Э-э, нет,— запротестовал я.— Обработайте-ка мне лучше полость в зубе, законопатьте его чем-нибудь, и я пошел.

— Но...

— Извините, доктор, но я страшно тороплюсь.

Он выполнил мою просьбу, то и дело отрываясь от работы, чтобы снова и снова взглянуть на мои зубы. Я заплатил наличными, а не чеком, так что имя мое так и осталось ему неизвестно. Наверное, можно было разрешить ему сделать снимок, но осторожность уже вошла у меня в привычку. Никакого вреда бы не было, сделай он тот снимок. И пользы тоже: на снимке все равно не было бы видно, как была проведена регенерация моих зубов. А рассказать ему я не мог, потому что ничего в этом не понимаю.

В собственном прошлом удивительно легко что-нибудь сделать. Пока я корпел по шестнадцать часов в день над «Дэном» и «Питом», я попутно сделал и еще одно важное дело. Анонимно, через юридическую фирму Джона, я заказал одному крупному детективному агентству провести проверку прошлого Беллы. Я дал им ее адрес, марку и номерной знак автомашины (на рулевом колесе хорошо сохраняются отпечатки пальцев) и высказал предположение, что она, вероятно, была уже замужем в разных местах и, возможно, за ней что-то числится у полиции. Настоящую проверку, вроде тех, про которые вы читали в книгах, я себе позволить не мог: приходилось беречь деньги.

Десять дней от них не было ни слуху ни духу, и я уже решил, что плакали мои денежки. Но еще через несколько дней Джону в контору принесли толстый пакет.

Оказалось, что Белла — девушка деловая. Она родилась на шесть лет раньше, чем сказала нам, к тому же успела пару раз выйти

замуж еще до того, как ей стукнуло восемнадцать. Одно из этих замужеств, впрочем, было не в счет: у того типа уже была жена. Если она и развелась со вторым, то агентству это установить не удалось.

С тех пор она сходила замуж еще четырежды, хотя один из этих браков был сомнительным: скорее всего, она просто выдала себя за вдову погибшего на войне солдата (который был мертв и поэтому возразить не мог), чтобы получить соответствующие льготы. Еще один брак был расторгнут (она была ответчицей). Один из ее мужей умер. За остальными она, похоже, все еще числилась замужем.

В полиции на нее тоже имелось много интересного, но за уголовное преступление ее, как выяснилось, судили только однажды — в Небраске, и то срок не дали — выпустили под залог. Установить это удалось только по отпечаткам пальцев: она сбежала, сменила имя и завела новый номер в картотеке социального страхования. Агентство спрашивало, следует ли им сообщить обо всем этом полиции штата Небраска.

Я ответил, чтобы не беспокоились: она числилась в розыске уже девять лет, а обвинялась-то всего-навсего в том, что работала наводчицей у вымогателя. Интересно, подумал я: а что бы я ответил, будь это торговля наркотиками? Съездив в будущее, труднее принимать решения.

Я выбился из графика в работе над чертежами, и октябрь наступил быстрее, чем я рассчитывал. Описания я только набросал — они были тесно увязаны с чертежами,— а к формулам еще и не подступал. Хуже того: я еще не начал организовывать дело в целом, чтобы оно стало на ноги. Этого нельзя было сделать до тех пор, пока я не смогу продемонстрировать готовые действующие модели. На деловые контакты времени тоже не хватало. Я уже начал подумывать, что, наверное, зря не предложил доктору Твитчелу поставить регуляторы на тридцать два года вместо тридцати одного и жалких трех недель. Я недооценил необходимое мне время и переоценил свои силы.

Я не показывал свои игрушки Саттонам не потому, что хотел скрыть от них свою работу. Просто я не хотел бесконечных разговоров и бесполезных советов посреди незаконченной работы.

В последнюю субботу сентября мы договорились вместе поехать в клуб. Накануне, чувствуя, что не успеваю, я работал допоздна. Утром меня разбудил мучительный грохот будильника. Времени было в обрез, как раз чтобы побриться и собраться к тому времени, как они за мною заедут. Я нашарил кнопку будильника и нажал. Звон прекратился. Слава Богу, подумал я, что в 2001-м от таких дьявольских исчадий избавились. С трудом встав, я пошел в аптеку за угол — позвонить друзьям и предупредить, что я не могу поехать с ними: работать надо.

Ответила Дженни:

— Дэнни, нельзя так вкалывать. Вот увидишь — после уикенда на природе тебе станет лучше.

— Извини, Дженни, я не еду. Ничего не поделаешь, надо. Извини.

Джон снял трубку параллельного телефона и спросил:

— Что за чушь?

— Джон, мне надо поработать. Просто никак не могу поехать. Привет ребятам.

Я вернулся домой, спалил пару тостов, подверг яичницу вулканизации и опять засел за «Чертежника Дэна».

Через час они забарабанили мне в дверь.

Ни один из нас в те выходные в клуб не попал. Вместо этого я устроил им демонстрацию своих произведений. «Чертежник Дэн» не произвел на Дженни большого впечатления (это не женская машина, если, конечно, женщина не инженер), но от «Пита» у нее были круглые глаза. Она ухаживала за домом с помощью «Золушки» второй модели и сразу увидела, насколько больше умеет моя машина.

Джон, напротив, сразу оценил значение «Дэна». А когда я показал ему, как я ставлю свою подпись, нажимая на клавиши, и подпись была явно моя (хотя, честно говоря, я тренировался), то он был просто в восторге.

— Дружище, ты же оставишь без работы тысячи чертежников!

— Не оставлю. Талантливых инженеров в этой стране все меньше с каждым годом. Моя машина просто поможет как-то заполнить эту брешь. Через одно поколение такие машины будут в каждой

конструкторской или архитектурной конторе. По всей стране. И без этих машин люди будут как без рук. Как сегодня механик без электродрели.

— Ты говоришь так, словно знаешь наверняка.

— Я знаю наверняка.

Он взглянул на «Пита» — я отправил его убирать на моем верстаке,— перевел взгляд на «Дэна».

— Дэнни... иногда я думаю, что ты, наверное, сказал мне правду в тот день, когда мы встретились.

Я пожал плечами.

— Можешь назвать это даром предвидения... но я действительно знаю это. Я уверен. И разве это имеет значение?

— Пожалуй, что нет. А что ты собираешься дальше делать с ними?

Я нахмурился.

— Вот в том-то и дело, Джон. Я хороший инженер; да и механик, когда приходится, неплохой. Но вот бизнесмен я никакой — уже проверено. Тебе патентным законодательством баловаться не доводилось?

— Я же тебе уже говорил. Это работа для специалиста.

— А ты знаешь такого? Чтобы честный, но хитрый, как черт? Я теперь подошел к рубежу, когда мне нужен как раз такой. А еще мне надо учредить корпорацию, чтобы возиться со всем этим. И продумать вопросы финансирования. Но времени осталось немного: время меня просто поджимает.

— Почему?

— Пора возвращаться туда, откуда прибыл.

Довольно долго он сидел, не проронив ни слова. Наконец спросил:

— Сколько у тебя есть времени?

— Ну, около девяти недель. Точнее, девять недель, начиная с ближайшего четверга.

Он посмотрел на мои машины, потом на меня.

— Тебе придется пересмотреть свой график. Работы у тебя, по-моему, еще на девять месяцев. Да и то ты еще не сумеешь начать производство. Если повезет, ты только будешь готов его начинать.

— Не могу, Джон.

— Прямо уж, не можешь!

— Я имею в виду, что этот график уже нельзя переделать. Это теперь не в моей власти.

Я уронил голову на руки. Я смертельно устал: в сутки мне удавалось поспать часов пять, не больше, Я был так измотан, что уже был готов поверить в судьбу, в предзнаменование: бороться с судьбой можно, но победить — никогда.

Я поднял голову.

— Ты возьмешься за это дело?

— А? За какую его часть?

— За все. Я сделал все, что умел.

— Это крупный заказ, Дэнни... А ведь я могу обчистить тебя. Ты это понимаешь? Кстати, дело это может стать золотой жилой.

— Непременно окажется. Я знаю.

— Тогда как же ты мне доверяешь? Тебе бы правильнее нанять меня консультантом, за определенное вознаграждение.

Голова болела и мешала мне думать. Однажды я уже взял себе партнера и доверился ему. Но, черт возьми, сколько ни обжигайся, все равно надо верить людям. Иначе будешь спать с открытыми глазами, как заяц. Застраховаться от этого невозможно. Жить вообще смертельно опасно: от этого умирают. В конце.

— Господи, Джон, ты же знаешь ответ. Ты мне поверил. Теперь мне опять нужна твоя помощь. Я могу на нее рассчитывать?

— Конечно, можешь,— мягко вклинилась, входя в комнату, Дженни,— хотя я и не слышала, о чем вы тут говорили. Дэнни, а твоя машина может мыть посуду? Ни одной чистой тарелки нету.

— Что, Дженни? Наверное, может. Ну конечно, может.

— Тогда скажи ей, пусть вымоет. Я хочу посмотреть.

— Ой... Я ее на это занятие не программировал. Сейчас сделаю, раз ты хочешь. Только чтобы сделать это как следует, понадобится несколько часов. После этого, конечно, «Пит» сможет это делать. А вот в первый раз... Понимаешь, мытье посуды требует принятия множества оперативных решений. Это — в определенной степени умственная работа, понимаешь? Это же не такая примитивная штука, как класть кирпичи или водить грузовик.

— Слышали?! Наконец-то нашелся мужчина, который понял, что такое домашняя работа. Ты слышал, что он сказал, дорогой? Не надо, Дэнни, не отвлекайся на его обучение сейчас. Я сама вымою.— Она огляделась по сторонам.— Да, Дэнни, мягко говоря, живешь ты, как свинья.

Честно говоря, я совершенно упустил из виду, что «Пит» может работать и на меня. Я слишком увлекся, «обучая» его работать на других, заряжая его различными профессиональными навыками, а сам просто заметал мусор в угол или не обращал на грязь в доме внимания.

Теперь я начал учить его всяким домашним делам. Емкости его «мозга» на это хватало: я установил в него втрое больше торсеновских ячеек, чем было у «Салли». И время у меня теперь на это было: дело взял в свои руки Джон.

Дженни печатала нам описания. Джон нанял патентного поверенного — помочь составить формулы изобретений. Не знаю, заплатил ли ему Джон или дал участие в прибылях,— я не спрашивал. Я все оставил на его усмотрение, даже то, как разделить наши акции. Это не только позволяло мне заниматься своим делом. Я решил: если он сумеет по-честному решить этот вопрос, то уже никогда не поддастся искушению, как Майлс. И кроме того, я, честно говоря, не очень беспокоился об этом. Не настолько меня интересовали деньги сами по себе. Либо Джон и Дженни достойны моего доверия, либо придется подыскать себе пещеру и уйти в отшельники.

Я настаивал только на двух вещах.

— Джон, я считаю, что мы должны назвать корпорацию «Аладдин». Инженерно-конструкторская корпорация «Аладдин».

— Забавное название. А чем плохо «Дэвис энд Саттон»?

— Так надо, Джон.

— Что, опять твое предвидение тебе подсказывает?

— Возможно, возможно. Товарным знаком у нас будет изображение Аладдина, потирающего лампу, и появляющегося над нею джинна. Я тебе набросаю примерно. И еще одно: штаб-квартира корпорации пусть лучше будет в Лос-Анджелесе.

— Что? Это ты слишком уж многого хочешь. Если, конечно, ты хочешь, чтобы корпорацией управлял я. А чем тебе не подходит Денвер?

— Да Денвер тут ни при чем. Отличный город. Но фабрику тут открывать глупо: подберешь хорошее место для фабрики, построишь, а однажды этот федеральный анклав решит, что им это место нужнее, отберет, и ты остался без средств производства до тех пор, пока не построишь новую в другом месте. Кроме того, свободных рабочих рук мало, сырье возят за тридевять земель, строительные материалы можно купить только на черном рынке. А в Лос-Анджелесе квалифицированной рабочей силы хоть отбавляй, Лос-Анджелес — порт, Лос-Анджелес — это...

— А как насчет смога? Нет, мне это не по душе.

— Со смогом справятся очень скоро. Поверь мне. А ты разве не заметил, что и в Денвере тоже появился смог?

— Ну, подожди минутку, Дэн. Я уже понял, что мне придется тут воевать, пока ты там где-то будешь проворачивать свои делишки. О'кей, я согласен. Но у меня должно быть хотя бы право выбора решений, прежде всего — относительно условий труда!

— Так необходимо, Джон.

— Дэн, ни один человек в здравом уме не согласится переехать из Колорадо в Калифорнию. Наша часть стояла там во время войны, так что я знаю. Вот Дженни, к примеру: она родилась в Калифорнии, это ее тайный позор. И она ни за какие деньги не согласится туда вернуться. Здесь есть зима, смена времен года, свежий горный воздух, прекрасные...

Дженни пристально посмотрела на него.

— Ну, я бы не стала утверждать столь категорично, что я никогда не соглашусь вернуться в Калифорнию.

— Что я слышу, дорогая?

Дженни тихо вязала в уголке. Она никогда не открывала рта, если ей было нечего сказать. Сейчас она отложила вязанье — верный признак.

— Если бы мы перебрались туда, дорогой, то могли бы купить абонементы в клуб «Оукдейл». Там можно купаться в открытом бассейне круглый год. Когда в прошлые выходные я увидела

ледок в бассейне в Боулдере, я подумала: как было бы здорово, если бы мы...

Я оставался в Денвере до последней минуты — до второго декабря 1970 года. Мне пришлось занять у Джона три тысячи долларов: цены на компоненты были грабительские; но я предложил ему закладную на мои акции в обеспечение долга. Он подождал, пока я подпишу закладную, порвал ее и бросил клочки в мусорную корзинку.

— Вернешь, когда вернешься.

— Это будет только через тридцать лет, Джон.

— Так долго?!

Я задумался. Он ни разу не попросил меня рассказать ему все от начала до конца, с тех пор — шесть месяцев назад — когда заявил, что не верит в главное звено этого рассказа, но что все равно поручится за меня в клубе, несмотря на это.

Я сказал, что, по моему мнению, пора мне уже рассказать ему все как есть.

— Разбудим Дженни? Она тоже имеет право знать.

— Ммм... нет. Пусть вздремнет, пока ты здесь. Разбудим, когда соберешься уходить. Дженни — человек очень бесхитростный. Она не задается вопросами, кто ты и откуда,— ты ей понравился. Если ты считаешь, что ей надо знать все это, то я расскажу ей, когда она проснется.

— Ну, как знаешь.

Он выслушал мой рассказ, не перебивая, только подливал в стаканы: мне — имбирного (у меня было основание не пить спиртного), себе — виски на донышке. Когда я добрался до места, как очутился на склоне горы в окрестностях Боулдера, я остановился.

— Вот,— сказал я.— Хотя я упустил из виду один момент. Я потом несколько раз смотрел на то место, куда свалился из будущего. Упал я с высоты не более полуметра. Если бы лабораторию построили — то есть если ее построят — чуть углубясь в гору, меня бы похоронило заживо. Вы оба при этом, наверное, тоже погибли бы. А может, и целый город: не представляю, что происходит, когда энергия превращается в массу в той точке, где уже есть другая масса.

Джон молча продолжал курить.

— Ну,— спросил я,— что ты думаешь?

— Дэнни, ты мне тут порассказал кучу вещей о том, каким станет Лос-Анджелес. То есть «Большой Лос-Анджелес». Когда мы увидимся, я скажу тебе, насколько верно ты угадал.

— Верно, не сомневайся. Разве что в мелочах память подвела.

— Хмм... Звучит у тебя это логично. Но пока не увижу своими глазами, я буду считать, что ты — самый славный лунатик из тех, что мне доводилось видеть. Не сказать, чтобы ты от этого стал плохим инженером... или другом. Ты мне нравишься, парень. На Рождество я подарю тебе новую смирительную рубашку.

— Тебе виднее.

— А куда мне деваться? Иначе мне придется признать, что я сам начисто сошел с ума. А это будет очень неприятно Дженни.— Он взглянул на часы.— Пожалуй, пора ее будить. Она с меня скальп снимет, если я отпущу тебя, не дав с нею попрощаться.

— Мне и в голову не пришло бы уехать, не попрощавшись с нею.

Они отвезли меня в Денверский международный аэропорт, и у ворот Дженни поцеловала меня на прощание. Я успел на одиннадцатичасовой рейс на Лос-Анджелес.

11

На другой день — третьего декабря 1970 года — таксист высадил меня за квартал от дома Майлса. Высадил достаточно загодя — я точно не знал, в котором часу я туда приехал в первый раз. Когда я подошел к дому, уже стемнело, но я разглядел, что у дома стоит только одна машина. Я остановился метрах в ста, в таком месте, откуда можно было наблюдать за этим участком улицы, и стал ждать.

Через пару сигарет я увидел, как подъехала другая машина, остановилась. Погасли фары. Я подождал для верности еще пару минут и поспешил к ней. Это была моя машина.

Ключей у меня не было, но это не беда: я так задумывался над своими техническими проблемами, что вечно терял или забывал

ключи. Поэтому давным-давно я припрятал запасные в багажнике. Теперь я выудил их оттуда и влез в машину. Дорога в том месте, где стояла машина, шла немного под уклон. Не включая ни двигатель, ни фары, я выжал сцепление, и машина покатилась. Доехав до угла, я свернул, завел двигатель и, по-прежнему не включая фар, припарковал машину позади дома Майлса, рядом с воротами его гаража.

Гараж был заперт. Я заглянул в пыльное окошечко и увидел внутри какой-то предмет, накрытый брезентом. Судя по очертаниям, это была наша добрая старая «Салли».

В 1970 году в Южной Калифорнии не строили гаражей, способных выстоять перед натиском человека, вооруженного монтировкой и решимостью открыть гаражную дверь. Больше минуты у меня это не отняло. А вот разобрать «Салли» на части и уложить в багажник моей машины оказалось делом куда более долгим. Но сперва я убедился, что мои чертежи и описания там, где я их оставил. Там они и были. Я кинул их на пол машины, потом занялся самой «Салли». Никто лучше меня не знал, как она собрана, а то, что я не очень боялся повредить ту или иную часть, заметно ускорило дело, и все равно я провозился, раскурочивая ее, почти час.

Я как раз сунул в багажник последнюю часть — шасси от кресла — и попытался закрыть крышку багажника (до конца ее закрыть не удалось), когда услышал, что Пит начал выть. Чертыхнувшись — долго провозился! — я обежал вокруг гаража и очутился на их заднем дворе. Тут-то и началось.

Я дал себе слово, что не упущу ни одного мгновения из триумфа Пита. Но оказалось, что увидеть это мне не удастся. Задняя дверь была открыта, и свет заливал сетчатую дверь от москитов, но, хотя я слышал топот, грохот, боевой клич Пита и визг Беллы, они ни разу не соизволили появиться в поле моего зрения. Тогда я подполз к сетке, надеясь хоть краем глаза глянуть на это кровопролитие.

Чертова дверь оказалась заперта! Это было единственным нарушением составленного мною расписания. Я лихорадочно достал складной нож, сломал ноготь, открывая его, прорезал сет-

ку и успел отпереть задвижку как раз в тот момент, когда Пит с маху влепился в сетку, как мотоциклист-каскадер в забор. Я еле успел отпрыгнуть.

Приземлился я на розовый куст. Не знаю, пытались ли Белла с Майлсом преследовать его во дворе. Сомневаюсь; я бы на их месте не рискнул. Но я был так занят, выпутываясь из куста, что даже не следил за этим.

Встав на ноги, я спрятался за кустами и прокрался к стене дома: я хотел убраться подальше от открытой двери и падающего через нее света. Теперь оставалось только дождаться, пока Пит присмиреет. В том состоянии, в каком он был в тот момент, я бы к нему не прикоснулся. А уж в руки не взял бы точно. Я котов знаю.

Но каждый раз, когда он проходил мимо меня в сторону двери, издавая утробное «а ну, выходи!», я тихонько звал его:

— Пит... Ну, иди сюда, Пит. Ну, тихо, тихо... Все в порядке... Ну, иди к папуле...

Он узнал меня и даже дважды взглянул в мою сторону, но и только. У котов все идет своим чередом: раз у него есть срочное дело, значит, ему некогда тереться головой о мои ноги. Но я твердо знал: когда его злость иссякнет, он придет.

Сидя в засаде, я услышал шум льющейся воды из ванных комнат. Значит, они ушли приводить себя в порядок и оставили меня — того, первого меня — одного в комнате. Тут меня посетила жуткая мысль: а что будет, если я сейчас влезу в комнату и перережу себе глотку? Тому, беспомощному? Но я отогнал ее: не настолько уж я любопытен, а самоубийство — эксперимент отчаянный, просто крайность, даже если обстоятельства теоретически заманчивы.

Но я так и не сумел просчитать это построение до конца.

Да и вообще заходить внутрь мне не хотелось, чтобы случайно не столкнуться с Майлсом. Дело могло кончиться трупом в кузове какого-нибудь грузовика.

Наконец Пит остановился, в метре от моей протянутой руки.

— Мрр-урр,— сказал он, что означало: «Пошли, зададим им трепку; ты — по верхам, а я снизу».

— Нет, малыш. Концерт окончен.

— Ну, мур-рр!

— Домой пора, Пит. Ну, иди к Дэнни.

Он сел и стал умываться. Потом поднял голову, и я протянул ему руки. Он прыгнул мне в объятия и мурлыкнул, спрашивая: «Где же ты был, когда началась эта заваруха?»

Я отнес его к машине и посадил на водительское место — это было единственное относительно свободное место в машине. Он понюхал железки на своем излюбленном заднем сиденье и укоризненно огляделся.

— Придется тебе ехать у меня на коленях,— сказал я ему.— И не возникай.

Фары я включил, только когда мы выехали на улицу. Я свернул на восток и поехал к Большому Медвежьему озеру — к скаутскому лагерю. За первые же десять минут я выкинул столько частей от «Салли», что для Пита появилось место на заднем сиденье. На своем законном месте он сразу пришел в хорошее настроение. А когда через несколько миль я добрался до лежащих на полу бумаг, то остановился, сгреб их и сунул в люк ливневого стока. Шасси я не стал выбрасывать до тех пор, пока мы не добрались до гор: кувыркаясь по склону, оно очень звонко и весело громыхало на прощанье.

Около трех ночи я остановился у мотеля рядом с поворотом к лагерю и снял комнату, изрядно переплатив из-за неурочного часа. Пит опять чуть не испортил всю обедню, высунув голову из сумки и что-то громко сказав, едва хозяин мотеля успел закрыть за собою дверь.

— В котором часу,— спросил я хозяина, догнав его за дверью,— приходит утром почта из Лос-Анджелеса?

— Вертолет садится в семь тринадцать вон на том пятачке.

— Отлично. Разбудите меня, пожалуйста, в семь.

— Мистер, если вы можете в таких прекрасных местах спать до семи, то я вам завидую. Но я запишу.

К восьми утра мы с Питом позавтракали. Я, кроме того, побрился и принял душ. Осмотрев Пита при дневном свете, я убедился, что из битвы он вышел невредимым, разве что с парой

ушибов. Мы расплатились и тронулись. Я свернул на дорогу к лагерю. Казенный грузовик — вероятно, почта — свернул на ту же дорогу прямо перед нами. Я решил, что день будет удачный.

В жизни не видел столько девчонок одновременно. Они резвились, как котята, такие одинаковые в своих формах цвета хаки. Когда я шел по лагерю, многие из них смотрели на Пита и, наверное, хотели его погладить, но не решались и смущенно отворачивались. Дойдя до домика с надписью «штаб», я обратился к даме в такой же зеленой униформе.

Она явно подозревала меня в дурных намерениях. Впрочем, когда незнакомые мужчины приезжают навестить девочек, которые вот-вот станут девушками, подозрительность объяснима.

Я объяснил бдительной даме, что я дядя одной девочки, Дэниэл Б. Дэвис, и что у меня для нее важное сообщение насчет семейных дел. В ответ она возразила, что все остальные посетители, кроме родителей, допускаются только вместе с родителями и что в любом случае время для посещений — только с четырех часов.

— Я не прошу разрешения побыть у Фредерики. Я должен только сообщить ей кое-что. Это очень срочно.

— В таком случае вы можете написать ей записку, а я передам ее девочке, когда у нее кончатся занятия ритмической гимнастикой.

Мое огорчение было неподдельным.

— Я бы не хотел писать об этом. Лучше я сам, лично скажу девочке.

— Что, кто-то умер?

— Не совсем. Но в семье неприятности. Простите, мэм, но я не могу вам рассказать. Это касается матери моей племянницы.

Она заколебалась, но еще держалась. Тут в разговор вступил Пит: я держал его на руках, как ребенка. Оставлять его в машине я не хотел — Рики наверняка захочет с ним повидаться. Он долго терпел подобное обращение, но теперь, видно, его терпению пришел конец:

— Му-у-у-рр?!

Она посмотрела на него и сказала:

— А у меня дома такой же. Как из одного помета!

Я торжественно произнес:

— Это кот Фредерики. Пришлось взять его с собою, потому что... ну, в общем, пришлось. О нем некому позаботиться.

— Ох ты, бедная зверюшка! — она почесала его под подбородком, сделав это — слава Богу! — как положено. Пит тоже воспринял ласку как положено (опять слава Богу!..): вытянул шею, закрыл глаза — сразу видно, что доволен. Он всегда очень сдержан и строг с чужими, если они неправильно себя ведут.

Попечительница юных дев велела мне сесть за столик под деревом, рядом с штабом. С одной стороны, вроде бы для частной беседы условия подходящие, а с другой — все-таки под ее присмотром. Я поблагодарил, сел и стал ждать.

Я не видел, как подошла Рики. Я только услышал: «Дядя Дэнни!» — а когда повернулся: «Ой, и Пит тут! Как здорово!!»

Пит взмурлыкнул оглушительным муром и кинулся к ней. Она ловко поймала его на лету, усадила поудобнее и на несколько секунд начисто забыла про меня — у них был свой ритуал. Потом подняла глаза и сказала степенно:

— Дядя Дэнни, я так рада, что ты приехал!

Я не обнял ее. Я к ней пальцем не прикоснулся. Я вообще считаю, что лапать детей не надо, а Рики была такая строгая — она терпела все эти объятья только тогда, когда уж деваться было некуда. Наши отношения, с тех пор как ей сравнялось шесть, строились на взаимном уважении личности и достоинства другого.

Но я посмотрел на нее: голенастая, тощая, быстро вытянувшаяся, но еще не налившаяся соком юности,— маленькой девчонкой она была гораздо красивее. Ее шорты и футболка, ее облупившийся от загара нос, ссадины, синяки и грязные (в меру!) локти тоже не прибавляли женского очарования. От будущей женщины в ней были только наметки, только огромные серьезные глаза на худом, измазанном копотью лице.

Она была прекрасна.

Я ответил:

— Я тоже очень рад тебя видеть, Рики.

Неуклюже поддерживая Пита одной рукой, другой она полезла в оттопыривающийся карман.

— А я так удивилась: мне только что отдали письмо от тебя. Меня позвали сюда как раз с раздачи почты — я даже не успела прочитать его. Ты, наверное, пишешь, что приедешь сегодня?

Она достала скомканный в маленьком кармане конверт.

— Нет, Рики. Там сказано, что я уезжаю. Но потом, когда я отправил его, я решил, что надо самому заехать к тебе попрощаться.

Она погрустнела и опустила глаза.

— Уезжаешь?

— Да. Я все объясню, Рики, только это долго. Давай присядем.

Мы уселись за стол под пондерозой, друг напротив друга, и я стал рассказывать. А Пит улегся между нами, положил лапы на лежащий на столе измятый конверт, изобразил этакого сфинкса и запел тихонько, словно шмель в клевере, щурясь от удовольствия.

Я испытал огромное облегчение, узнав, что она уже в курсе насчет женитьбы Майлса и Беллы,— мне очень не хотелось первым сообщать ей эту новость. Она на секунду подняла на меня глаза и сразу же опять уткнулась взглядом в стол. Совершенно без выражения она сказала:

— Да, я знаю. Мне папа об этом написал.

— Ах, вот оно что...

Она вдруг как-то повзрослела; на лицо набежала обида.

— Я туда больше не вернусь, Дэнни. Я к ним не поеду.

— Но... слушай, Рики-Тики, я тебя понимаю. Я тоже не хочу, чтобы ты туда возвращалась. Я бы сам тебя забрал, если бы мог. Но куда же тебе деваться? Он твой папа, а тебе всего одиннадцать.

— Он не мой папа. И я к нему не поеду. За мною моя бабушка приедет.

— Что? Когда приедет?

— Завтра. Она из Броули приедет. Я ей все написала и спросила: можно, я у нее поживу? Я не хочу жить у папы, раз *она* там.— Она сумела вложить в это «она» столько неприязни — ни одно взрослое ругательство не смогло бы передать такого отвращения.— Бабушка пишет, что раз я не хочу там жить, то и не надо — он меня не удочерил, а она — мой «законный попечитель», так она написала.— Рики с тревогой глянула мне в глаза.— Это правда, да? Они же не могут заставить меня? А?

На меня теплой волной нахлынуло облегчение. Вот уже много месяцев я ломал голову и не мог найти ответа на мучивший меня вопрос: как уберечь девчонку от тлетворного влияния Беллы хотя бы на два года? Мне казалось, что за два года у Беллы с Майлсом все рухнет.

— Раз он тебя не удочерил, Рики, то бабушка, я думаю, сможет забрать тебя к себе жить, если вы обе будете достаточно настойчивы.

Тут я нахмурился и закусил губу:

— Ты знаешь, а ведь могут быть проблемы. Тебя могут с нею не отпустить отсюда.

— А как это они меня не отпустят? Я сяду в машину — и все.

— Все не так просто, Рики. Лагерное начальство — им приходится все делать по правилам. Твой папа — то есть Майлс — он тебя сюда привез; и они вряд ли отдадут тебя кому-то, кроме него.

Она надула губы:

— *А я к нему не поеду. Я к бабушке хочу.*

— Да. Но я, наверное, знаю, как это сделать. На твоем месте я бы не стал никому говорить, что уезжаю. Я бы просто сказал, что бабушка хочет свозить тебя прокатиться на прогулку,— а самой взять и не вернуться.

Напряжение ее чуть убавилось.

— Ладно.

— Э-э... не собирай сумку и не бери с собой ничего такого — догадаются, что ты сбегаешь. Не бери одежду, кроме той, что будет на тебе. Деньги и все ценное, что хочешь увезти, положи в карманы. Ничего такого, что тебе было бы очень жалко оставить, у тебя тут нет, я думаю.

— Наверное, нет,— тем не менее она приуныла.— У меня тут новенький купальник...

Ну как объяснить ребенку, что бывают ситуации, когда надо бросить свои пожитки? Это невозможно. Они кидаются в горящий дом, чтобы вытащить оттуда куклу или плюшевого мишку.

— Ммм... Рики, пусть твоя бабушка скажет, что вы поедете к озеру Эрроухэд купаться... а потом обедать в ресторан и что ты вернешься к отбою. Тогда ты сможешь взять с собой купальник

и полотенце. Но уж больше ничего. Бабушка будет говорить так, если ты попросишь?

— Я думаю, будет. Да, будет. Она говорит, что люди должны иногда немного приврать, а то жить станет невозможно. Но она говорит, что этим можно пользоваться только иногда, но никак не злоупотреблять.

— Умная у тебя, похоже, бабушка. Сделаешь, как я сказал?

— Именно так и сделаю, Дэнни.

— Ну и хорошо.— Я взял со стола измятый конверт.— Рики, я уже тебе сказал, что уезжаю. И очень надолго.

— На сколько?

— На тридцать лет...

Глаза у нее сделались круглые, как тарелки. Когда тебе всего одиннадцать, тридцать лет — это не просто «надолго». Это — навсегда. Я добавил:

— Прости меня, Рики. Но так нужно.

— Почему?

На этот вопрос я не мог ей ответить. Правдивому ответу она бы не поверила, а врать не годилось.

— Рики, это очень-очень трудно объяснить. Но я должен. Я ничего тут не могу поделать.— Я чуть помедлил, решаясь. Потом добавил: — Я собираюсь лечь в Долгий Сон. Ну, ты слышала — Холодный Сон.

Она слышала. Дети легче взрослых привыкают к новым понятиям. Холодный Сон — излюбленная тема детских комиксов. На лице у нее отразился ужас, и она возразила:

— Но, Дэнни, я же никогда тебя больше не увижу!

— Увидишь. Не скоро, но обязательно увидишь. И Пита тоже. Ведь Пит едет со мною и тоже будет спать вместе со мной.

Она посмотрела на Пита и стала еще безутешнее.

— Дэнни... А может, вы с Питом поедете в Броули, будете там жить у нас? Так же лучше! Бабушка будет Пита любить. И тебя тоже — она говорит, что когда в доме есть мужчина, это очень хорошо...

— Рики, милая... ну, я не могу. Не дразни меня.— Я вскрыл конверт.

Она сердито насупилась, подбородок ее задрожал.

— Это все из-за нее!

— Что? Если ты про Беллу, то нет. Не совсем из-за нее.

— А она не ложится спать Холодным Сном с тобою?

Кажется, меня передернуло.

— Господи помилуй, нет, конечно! Я бы ее близко не подпустил!

Кажется, Рики чуть отмякла.

— Знаешь, я так из-за нее на тебя разозлилась... Прямо до ужаса.

— Ты прости меня, Рики. Мне очень жаль, честное слово. Ты была права, а я — нет. Но к этому делу она никакого отношения не имеет. У меня с нею все кончено, во веки веков, вот крест святой. Теперь насчет этого.— Я вынул сертификат на все свои владения в «Золушке инк.».— Знаешь, что это такое?

— Нет.

Я объяснил:

— Это тебе, Рики. Меня очень долго не будет, и я хочу, чтобы это было твое.— Я взял лист бумаги с распоряжением о переуступке акций, порвал его, а клочки сунул в карман. Оставлять его было рискованно: мы еще были на тропе войны, а порвать лист бумаги для Беллы — раз плюнуть. Перевернув сертификат, я стал изучать раздел «изменение владельца», размышляя, как бы это половчее оформить переуступку на хранение в «Бэнк оф Америка» на имя...— Рики, а как твое полное имя?

— Фредерика Вирджиния. Фредерика Вирджиния Джентри. Ты же знаешь.

— Разве Джентри? Ты же, кажется, сказала, что Майлс тебя не удочерил?

— Сколько я себя помню, я всегда была Рики Джентри. А моя настоящая фамилия — как и бабушкина. Это папина фамилия: Хайнике. Только меня так никто не зовет...

— Теперь будут.

Я написал: «Фредерике Вирджинии Хайнике» и добавил: «...с тем, чтобы она вступила в право собственности по исполнении ей двадцати одного года». По спине у меня бегали мурашки: та, первая переуступка, на отдельном листе, была недействительной с самого начала!..

Собираясь расписаться, я заметил, что из домика выглядывает наша надзирательница. Я взглянул на часы: мы говорили уже целый час. А время дорого. Но я хотел, чтобы все было железно.

— Мэм!

— Да?

— Нет ли поблизости нотариуса? Или мне придется ехать в поселок?

— Я — нотариус. Что вам угодно?

— О, хорошо! Прекрасно! А печать у вас есть?

— Я никогда с нею не расстаюсь.

Так что я подписал сертификат у нее на глазах, и она немного отступила от своих строгих правил (когда Рики заверила ее, что хорошо знает меня, а Пит молчаливо засвидетельствовал мою благонадежность, как действительного члена тайного братства кошатников) и написала: «...известного мне лично как поименованный Дэниэл Б. Дэвис...».

Когда поверх моей и своей подписи она поставила печать, я вздохнул с облегчением. Пусть теперь Белла попробует добраться до этого!

Она с любопытством взглянула на сертификат, но ничего не сказала. Я торжественно заявил:

— Случившейся беды не воротишь, но это хоть немного поможет: девочке надо учиться!

Она не взяла платы, шмыгнула носом и ушла в домик. Я повернулся к Рики и сказал:

— Отдай бабушке. Пусть сдаст в отделение «Бэнк оф Америка» в Броули. А они уж обо всем позаботятся.— Я положил сертификат перед нею.

Она не притронулась к нему.

— Это стоит много денег, да?

— Изрядно. А будет стоить еще больше.

— Мне этого не надо.

— Но, Рики, я хочу, чтобы это было твое.

— Не надо. Я не возьму.— Ее глаза наполнились слезами, голос задрожал.— Ты... Ты уезжаешь навсегда, и тебе на меня наплевать.— Она всхлипнула.— Как тогда — когда ты собрался на

ней жениться. Ты же мог просто взять Пита и уехать к нам с бабушкой. Не нужны мне твои деньги!

— Рики. Послушай, Рики. Уже поздно: я не могу взять их обратно, даже если бы захотел. Они теперь твои.

— А мне все равно. Я к ним не притронусь.— Она протянула руку, погладила Пита.— Пит бы не уехал, не бросил бы меня... Это ты его заставляешь. Теперь у меня даже Пита не будет.

Я спросил неуверенно:

— Рики? Рики-Тики-Тави? Ты хочешь еще увидеть Пита... и меня?

Она ответила так тихо, что я еле разобрал:

— Конечно хочу. Но ведь не увижу... Не смогу.

— Сможешь!

— Как? Ты же сам сказал, что вы уходите в Долгий Сон... на тридцать лет.

— Да. Так надо, Рики. Но вот что ты можешь сделать. Будь умницей, поезжай жить к бабушке, ходи в школу — а деньги пусть себе копятся. А когда тебе исполнится двадцать один — если ты, конечно, еще будешь хотеть увидеть нас с Питом,— у тебя хватит денег, чтобы тоже купить себе Долгий Сон. А когда ты проснешься, я уже буду тебя там ждать. Мы оба с Питом будем тебя ждать. Честное-пречестное.

Выражение лица у нее изменилось, но она не улыбнулась. Она долго думала; потом спросила:

— Ты правда там будешь?

— Да. Только давай условимся о дате. Если сделаешь это, Рики,— делай так, как я тебе скажу. Застрахуйся в «Космополитан иншуранс компани» и обязательно скажи, чтобы тебя определили на хранение в Риверсайдское хранилище. И обязательно напиши распоряжение: разбудить первого мая 2001 года. В этот день я там буду тебя ждать. Если хочешь, чтобы я был рядом, когда ты откроешь глаза,— тоже оставь соответствующее распоряжение, а то меня не пустят дальше приемной. Я это хранилище знаю — у них с этим строго.— Я вынул конверт, который приготовил перед выездом из Денвера.— Можешь все это не запоминать. Я тут тебе все написал. Просто сбереги это письмо,

а в двадцать один год решай. Но мы с Питом будем там тебя встречать, можешь не сомневаться, независимо от того, появишься ты там или нет.— *Я положил приготовленную мною инструкцию* на сертификат.

Я думал, что уговорил ее, но она опять не притронулась ни к конверту, ни к сертификату. Она смотрела на них... Потом спросила:

— Дэнни?

— Да, Рики?

Она не подняла глаз. Спросила шепотом, тихо-тихо, еле слышно — но я услышал:

— А если я... ты на мне женишься?

В глазах у меня все поплыло, шум в ушах превратился в рев реактивного лайнера. Но я ответил отчетливо, ровно и гораздо громче, чем она спросила:

— Да, Рики. Это именно то, чего я хочу. Поэтому-то я так этого и добиваюсь.

Я оставил ей еще одну вещь — запечатанный конверт с надписью: «Вскрыть в случае смерти Майлса Джентри». Я ничего не стал ей объяснять — просто велел сохранить его. В конверте были доказательства разнообразных похождений Беллы — как на ниве брачных афер, так и в других областях. Если это попадет в руки опытного юриста, суд опротестует завещание Майлса в пользу Беллы без колебаний.

Потом я подарил ей свое кольцо, полученное в день выпуска *в институте,— больше у меня ничего подходящего не было.*

— Теперь оно твое,— сказал я,— мы помолвлены. Оно тебе пока велико, ты спрячь его. Когда проснешься, я уже приготовлю тебе другое.

Она крепко сжала кольцо в кулачке:

— Мне не надо другого.

— Ну и ладно. А теперь попрощайся с Питом, Рики: нам пора. У нас уже нет ни минутки.

Она обняла Пита и посмотрела мне прямо в глаза острым, пронзительным взглядом, хотя слезы текли у нее по щекам, промывая чистые дорожки.

— Прощай, Дэнни.

— Нет, Рики. Не «прощай» — просто «пока!». Мы тебя ждем, помни.

В поселок я вернулся без четверти десять. Оказалось, что вертолет уходит в центр города через двадцать пять минут. Я успел отыскать единственный в поселке магазин, торговавший подержанными автомобилями, и совершить одну из самых скорых сделок в истории: за полцены я продал свою машину — лишь бы за наличные. Я успел также незаметно пронести Пита в автобус (водители обычно следят, чтобы в салон не попадали коты, которых вдобавок перед этим укачало в вертолете). В кабинет мистера Пауэлла мы попали в самом начале двенадцатого.

Пауэлл был очень недоволен, что я передумал насчет «Мьючел», и был настроен прочесть мне лекцию за то, что я потерял бумаги.

— Не могу же я просить одного и того же судью завизировать ваши бумаги второй день подряд. Это крайне странно.

Я помахал перед ним деньгами — убедительно крупными купюрами.

— Бросьте огрызаться, сержант. Вы за меня беретесь или нет? Если нет — так и скажите: тогда я помчался в «Сентрал вэли». Потому что я ложусь спать сегодня.

Он еще попыхтел, но быстро сдался. Потом он ворчал насчет продления срока Сна на полгода и отказался гарантировать точную дату пробуждения.

— Обычно в контракте указывают: плюс-минус один месяц, на случай непредвиденных административных трудностей.

— В моем контракте такого не будет. Вы напишете «27 апреля 2001». И мне совершенно безразлично, что там будет наверху — «Мьючел» или «Сентрал вэли», мистер Пауэлл. Я покупаю, вы продаете. Если у вас нет нужного мне товара — я пойду искать его у других.

Он изменил контракт, и мы оба подписались.

Ровно в двенадцать я опять попал к доктору — на последний осмотр. Он посмотрел на меня и спросил:

— Не пили? Явились трезвый?

— Трезвый как судья, сэр.

— Тоже мне, сравнение... Посмотрим. Раздевайтесь.

Он осмотрел меня почти так же тщательно, как «вчера».

Наконец он отложил свой резиновый молоточек и сказал:

— Я просто удивлен. Вы сегодня в гораздо лучшей форме, чем вчера. Просто удивительно.

— Э-э, доктор, вы и не представляете, насколько вы правы.

Я держал и успокаивал Пита, пока ему вводили снотворное. Потом лег, и они принялись за меня. Я думаю, что мог бы не спешить — подождать еще денек-другой. Но, честно говоря, мне безумно хотелось туда, в 2001 год.

Около четырех часов пополудни я мирно уснул. Пит тоже уснул, примостившись у меня на груди.

12

В этот раз мои сновидения были более приятными. Единственный неприятный сон (не кошмар, а просто скверный сон), который я помню — долгий, бесконечный и очень нудный: я слоняюсь, дрожа от холода, по бесконечным, разветвляющимся коридорам, открывая дверь за дверью в твердой уверенности, что уж следующая-то непременно окажется Дверью в Лето и за нею меня ждет Рики. Пит мешает, задерживает меня, снует под ногами — знаете, у кошек есть такая манера? Он вроде бы идет за мною, но только впереди. Такие вещи кошки позволяют себе иногда, если уверены, что на них не наступят и не дадут пинка.

У каждой новой двери он протискивается у меня между ног и высовывается наружу; убедившись, что там зима, он норовит отпрянуть назад, чуть не сбивая меня с ног.

Но мы оба не теряем надежды, что за следующей дверью — Лето...

Я проснулся легко, без дезориентации. Доктор, будивший меня, был поражен, когда я попросил завтрак, «Грейт Лос-Анджелес тайме» и не стал тратить время на пустую болтовню. Но

не объяснять же ему, что я здесь уже во второй раз,— он бы все равно не поверил.

Меня ожидала записка от Джона, написанная неделю назад:

> Дэн, дружище!
>
> Ладно, я сдаюсь. Как ты это сделал?
>
> Подчиняюсь твоей просьбе не встречать тебя, хотя Дженни и возражает. Она велела передать тебе привет и сказать, что мы ждем тебя и надеемся, что ты скоро пожалуешь. Я пытался ей объяснить, что ты будешь занят некоторое время. Мы оба в полном порядке, хотя я теперь предпочитаю ходить там, где раньше бегал бегом. А Дженни стала еще лучше, чем была.
>
> Hasta la vista, amigo*.
>
> *Джон.*
>
> ***P. S.*** *Если прилагаемого чека недостаточно — позвони. Тут еще много. По-моему, мы неплохо потрудились.*

Я хотел позвонить Джону — просто поздороваться и сказать ему, что у меня, пока я спал, родилась идея: устройство, превращающее мытье из обязанности в сибаритское наслаждение. Но передумал: есть другие дела, более важные. Так что я сделал кое-какие наброски, пока мысль не ускользнула, и прилег поспать. Пит прикорнул, уткнувшись носом мне подмышку. Никак я его от этого не отучу: лестно, конечно, но уж больно неудобно.

В понедельник, тридцатого апреля, я выписался из хранилища и отправился в Риверсайд, где снял комнату в старой гостинице «Мишшн инн.». Как я и ожидал, вышел небольшой шум из-за Пита. Подкупить автоматического коридорного, естественно, не удалось. Вряд ли подобные новшества можно рассматривать как улучшение обслуживания. К счастью, администратор на мои аргументы поддался легче: он готов был слушать их, пока они новенькие и хрустят. Я не заснул: я был слишком возбужден.

Наутро, ровно в десять, я явился к директору Риверсайдского хранилища.

— Мистер Рэмси, меня зовут Дэниэл Б. Дэвис. У вас есть на хранении клиент по имени Фредерика Хайнике?

— Надеюсь, у вас есть документы, удостоверяющие личность?

Я предъявил ему свое водительское удостоверение, выданное в Денвере в 1970 году, и свидетельство о пробуждении из хранилища «Форест Лоун». Он посмотрел на них, на меня и вернул мне документы. Я встревоженно сказал:

— По-моему, ее пробуждение назначено на сегодня. Не имеете ли вы распоряжений разрешить мне присутствовать? Я не имею в виду саму процедуру пробуждения — я имею в виду последнюю минуту, перед тем как ей введут последний рестимулянт и она придет в сознание.

Он выпятил губы и напыжился.

— В инструкции, оставленной данным клиентом, не содержится распоряжений разбудить ее сегодня.

— Нет? — Я почувствовал обиду и разочарование.

— Нет. Точная формулировка ее пожелания такова: вместо того чтобы разбудить ее сегодня, она велела вообще не будить ее до тех пор, пока не явитесь вы,— он внимательно осмотрел меня с ног до головы и улыбнулся.— У вас, должно быть, золотое сердце: не могу представить, чтобы она решила так из-за вашей обворожительной внешности.

Я облегченно вздохнул:

— Спасибо, доктор!

— Можете подождать в фойе или погуляйте часика два — раньше вы нам не понадобитесь.

Я вернулся в фойе, взял Пита и пошел с ним гулять. Он ждал меня, пока я ходил к директору, сидя в новой дорожной сумке, и был очень недоволен, хотя я купил очень похожую на его старую сумку и даже вставил накануне специальное окошечко, через которое видно только изнутри. Наверное, в сумке просто еще пахло «не так».

Мы зашли в «очень хорошее кафе», но я не чувствовал голода, хотя практически не завтракал. Пит доел за меня яичницу, а от дрожжевой соломки брезгливо отвернулся. К половине двенадцатого мы вернулись в хранилище. Наконец меня впустили, и я увидел ее.

Я увидел только ее лицо — тело было накрыто простыней. Но это была моя Рики, выросшая, взрослая женщина, похожая на задремавшего ангела.

— Она находится под постгипнотическим внушением,— тихо сказал доктор Рэмси.— Встаньте вон там, и я ее разбужу. Э-э, я думаю, вам бы лучше оставить вашего кота в сторонке.

— Нет, доктор.

Он начал что-то говорить, но пожал плечами и повернулся к пациентке.

— Проснись, Фредерика. Проснись. Пора просыпаться.

Ее веки дрогнули, и она открыла глаза. Через несколько секунд, сфокусировавшись, ее взгляд уперся в нас; она сонно улыбнулась.

— Дэнни... и Пит.

Она протянула к нам руки, и я увидел у нее на большом пальце левой руки свое старое колечко.

Пит замурлыкал и прыгнул к ней на койку. Довольный, счастливый оттого, что снова видит ее, он стал исступленно тереться о ее плечо.

Доктор Рэмси хотел, чтобы Рики осталась хотя бы на сутки, но Рики и слышать об этом не хотела. Я взял такси, подъехал прямо к дверям хранилища, и мы махнули в Броули. Бабушка ее умерла в 1980-м, и с Броули ее ничего всерьез не связывало. Но у нее там хранилось кое-какое имущество, прежде всего книги. Их я отправил в «Аладдин» под присмотр Джона Саттона. Рики была поражена тем, как изменился ее родной городок,— она повсюду ходила, крепко взяв меня за руку. Но ностальгии — этому постоянному спутнику сонников — она не поддалась. Она просто попросила меня поскорее увезти ее из Броули.

Я опять взял такси, и мы уехали в Юму. Там я вывел красивым почерком в регистрационной книге в мэрии свое полное имя: Дэниэл Бун Дэвис, чтобы ни у кого не осталось сомнений, какой именно Д. Б. Дэвис придумал этот шедевр. Через несколько минут я уже стоял рядом с нею, держал ее за руку — такую хрупкую и тонкую — и, запинаясь, произносил: «Я, Дэниэл, беру тебя в жены... ...пока смерть не разлучит нас».

Шафером у меня был Пит, а свидетелями мы уговорили расписаться случайных посетителей мэрии.

Мы немедленно убрались из Юмы в загородную гостиницу — ранчо в окрестностях Тусона. Мы сняли коттедж подальше от основного здания, чтобы никого не видеть (в прислугах там держали нашего доброго «Трудягу Тедди»). Пит учинил совершенно грандиозную драку с котом, который был хозяином на этом ранчо до нашего приезда. После этого пришлось держать его в комнате и следить за ним на прогулке. Впрочем, это обстоятельство оказалось единственным недостатком нашего пребывания там. Рики была прирожденная жена и хозяйка, словно именно она изобрела брак и семью. Ну, а я — я был счастлив: у меня же была Рики!

Мне трудно что-нибудь добавить к моему повествованию. Воспользовавшись тем, что акции Рики по-прежнему оставались единственным крупным блоком, я живо отправил Макби этажом повыше — на должность «почетного конструктора-консультанта» — и усадил в его кресло Чака. Джон командует «Аладдином», хотя постоянно грозится уйти на пенсию. Пустые угрозы. Контролируем компанию я, он и Дженни — об этом позаботился он, когда издавал акции. Ни в одной из компаний я не вхожу в совет директоров. Я не управляю ими, поэтому они... конкурируют. Конкуренция — хорошая штука. Правильно ее Дарвин придумал.

А я — я теперь просто «Дэвис инжиниринг компани» — комната с кульманом, маленькая мастерская и пожилой механик, который считает меня сумасшедшим, но детали по моим чертежам делает достаточно точно. Когда очередное изделие готово, я продаю лицензию на него.

Я разыскал свои заметки про Твитчела. Потом я написал ему, сообщил о своем возвращении благодаря Холодному Сну и извинился за то, что позволил себе «усомниться» в его открытии. Я спрашивал его, не хочет ли он прочесть рукопись, когда она будет завершена. Он не ответил — наверное, все еще злится на меня.

Но книгу я пишу, и она обязательно будет во всех крупных библиотеках, даже если мне придется издать ее за свой собственный счет. Я слишком многим обязан старику: благодаря ему у меня есть Рики. И Пит. Я назову книгу «Невоспетый гений».

Джон и Дженни не стареют. Благодаря гериатрии, свежему воздуху, солнышку, тренировкам и безмятежному складу ума Дженни выглядит еще очаровательнее в свои... кажется, шестьдесят три. А Джон — Джон считает, что я ясновидящий, и не желает видеть очевидного. Ну, как это я сумел сделать все это?!

Однажды я попытался объяснить это Рики, но ей стало плохо, когда она узнала, что, пока мы были в свадебном путешествии, я одновременно — без дураков! — был и в Боулдере. А когда я приезжал к ней в скаутский лагерь, я в то же самое время лежал замороженный в Сан-Фернандо-Вэли. Она побледнела. Тогда я сказал:

— Давай разберем все это теоретически. С математической точки зрения тут все логично. Предположим, мы берем морскую свинку. Белую с коричневыми пятнами. Сажаем ее в темпоральную камеру и отправляем на неделю назад, в прошлое. Но ведь тогда получается, что неделю назад мы уже нашли эту морскую свинку в этой камере, значит, она уже сидела в клетке вместе с самой собою. Значит, теперь у нас уже две одинаковые свинки. То есть одна и та же свинка, только одна из них на неделю старше другой. Получается, что когда мы взяли одну из них и отправили на неделю в прошлое, то...

— Подожди минуту! Которую из двух?

— Которую? Так они же — одна и та же свинка. Конечно, ту, что на неделю младше, потому что...

— Ты же сказал, что она всего одна. Потом, что их две. Затем ты сказал, что две — это просто одна. Но ты собирался взять одну из двух... а там, ты говоришь, всего одна...

— Я же и пытаюсь объяснить тебе, как это две могут быть одной. Если взять младшую...

— А как отличить, которая младше? Они же совершенно одинаковые!

— Ну, можно отрезать кончик хвоста у той, которую отправляешь в прошлое. Когда она вернется, то...

— Ой, Дэнни, какой ты жестокий! И кроме того, у морских свинок нет хвостов.

Она решила, что доказала свою точку зрения. Зря я взялся объяснять ей это.

Но Рики не из тех, кто ломает голову над вещами несущественными. Видя, что я расстроился, она тихо сказала:

— Ну, иди сюда, дорогой,— взъерошив мне остатки волос, она поцеловала меня.— Мне вполне достаточно одного тебя. Двух было бы многовато. Ты мне скажи: ты рад, что дождался, пока я вырасту?

В ответ я сделал все, что мог, чтобы убедить ее, что рад.

Но мое объяснение далеко не все объясняет. Кое-что я и сам не понимаю, хотя я сам катался на этой карусели и считал обороты. Почему я не нашел сообщения о своем пробуждении? Я имею в виду второе пробуждение, не в декабре 2000-го, а в апреле 2001-го. Должен был наткнуться на него: я ведь внимательно просматривал эти страницы. Второй раз меня пробудили 27 апреля 2001 года, в пятницу. Значит, на следующее утро в «Тайме» должно было появиться объявление. Но я его не видел. Теперь я отыскал его; вот оно: «Д.Б. Дэвис», в номере за субботу, 28 апреля 2001 года.

В философском смысле даже одна строчка способна изменить мир не меньше, чем исчезновение целого континента. Неужели старые рассуждения о множественных вселенных и разветвляющихся потоках времени верны? Неужели я попал в другую вселенную из-за того, что нарушил условия игры? Хотя я и нашел в ней Пита и Рики? Значит, где-то (точнее, когда-то) есть другая вселенная, где Пит выл до отчаяния, а потом убежал и одичал? И где Рики так и не сумела сбежать с бабушкой, а осталась страдать от мстительного гнева Беллы?

Нет. Одной строчки мало. Наверное, я просто заснул в тот вечер, не дойдя до строчки со своим именем. А утром выкинул газету в мусоропровод, решив, что прочел ее всю. Я такой рассеянный, особенно когда думаю о работе.

Но что бы я сделал, если бы увидел его? Поехал бы туда, встретил сам себя и рехнулся? Нет. Ибо, если бы я увидел его, я бы никогда не сделал то, что я сделал потом — «потом» для первого меня — и что привело к появлению объявления. Значит, этого никак не могло случиться. Регулировка здесь идет по принципу отрицательной обратной связи с встроенными предохранителями, потому что само существование той строчки текста

зависело от того, увижу я ее или нет. Очевидная на первый взгляд возможность того, что я увижу ее, входила в число «невозможных состояний» данной схемы.

«Есть божество, что лепит нашу волю, желанья наши – плод его трудов»*. И свобода воли, и предопределение – в одной фразе. И это - *верно*. Есть только один реальный мир с одним прошлым и одним будущим. «Как было вначале, и ныне, и во веки веков пребудет в этом бесконечном мире. Аминь». Только один... но большой и сложный, и в нем есть место и для свободы воли, и для путешествий во времени, и для всего остального. Можешь делать все, что угодно, в пределах правил... но все равно вернешься назад, к своей двери.

Я не единственный, кому удалось путешествовать во времени. У Форта описано слишком много случаев, которые ничем иным объяснить невозможно; у Амброуза Бирса* — тоже. *А еще были две дамы из садов Трианона**. Мне кажется, что старый доктор Твитчел нажимал свою кнопку гораздо большее число раз, чем он сказал мне. Не говоря уже о других ученых, в прошлом и будущем, которые тоже могли придумать что-то подобное. Но я не думаю, что из этого когда-нибудь выйдет что-то путное. В моем случае об этом знали только трое, да и то двое из них отказались в это верить. Занимаясь путешествиями во времени, вы немногого добьетесь. Как говорил Форт, придет время железных дорог — будут и железные дороги.

Но у меня из головы не выходит Леонардо да Винчи. Неужели это Леонард Винсент? Неужели он сумел пройти через весь континент и вернуться в Европу с Колумбом? В энциклопедии есть вехи его жизни; но он мог сам приложить к этому руку. Я-то знаю, как это делается,— я сам этим немножко занимался. Тогда, в Италии, в пятнадцатом веке, не было удостоверений личности, номеров социального страхования и отпечатков пальцев. Может, он и сумел совершить это чудо.

Но вы только представьте себе: один, лишенный всего, к чему привык; он знал тайны полета, энергии, тысяч разных вещей. Он отчаянно пытался воспроизвести их, нарисовать, чтобы их можно было сделать,— но его ждала неудача: нельзя сделать того, что

мы делаем сегодня, не опираясь на предшествующий технологический опыт, накопленный веками.

Да танталовы муки и то слаще.

Я думаю, как можно было бы использовать путешествия во времени с коммерческой целью, если бы их рассекретили: делаешь короткий скачок, создаешь машину для возвращения, берешь с собою узлы и запасные части и снова в прошлое. Но однажды ты можешь сделать один лишний скачок и уже не сможешь вернуться: время еще не приспело для «железных дорог». Нет чего-то элементарного — скажем, какого-то особого сплава,— и все, ты попался. А главное — нельзя заранее определить, в какую сторону тебя забросит, вот в чем беда. Только представьте себе: очутиться при дворе короля Генриха VIII с грузом субфлексивных фазотронов, предназначенных для покупателя в двадцать пятом веке!

Нет, нельзя торговать моделью, в которой случаются сбои, помехи и неисправности.

Но о парадоксах времени и причинно-следственных анахронизмах я не беспокоюсь: если в тридцатом веке какой-нибудь инженер сумеет добиться безупречной работы установки, сделает сеть передающих станций, создаст систему сбыта и обслуживания таких станций — значит, Создатель сотворил вселенную именно так. Он дал нам руки, глаза и мозг. Все, что мы творим, не может быть парадоксом. Создателю не нужны настырные догматики — проводники Его законов природы: эти законы сами себя охраняют. Чудес не бывает.

Философия, впрочем, занимает меня не больше, чем Пита. Каков бы ни был мир на самом деле, он мне нравится. Я нашел свою Дверь в Лето, и больше я не стану путешествовать во времени — вдруг сойду не на той станции? Может быть, мой сын станет,— но тогда я скажу ему, чтобы ехал в будущее, а не в прошлое. В прошлое — только в исключительных случаях, когда надо что-то исправить. Будущее лучше, чем прошлое. Несмотря ни на что, мир с каждым годом становится все лучше, потому что разум человеческий, изменяя окружающий мир, делает его лучше. Делает руками... инструментами... внутренним чутьем, наукой и техникой.

Большинство нынешних длинноволосиков не умеют сами гвоздя забить. Посадить бы их в камеру доктора Твитчела да забросить в двенадцатый век — пусть наслаждаются.

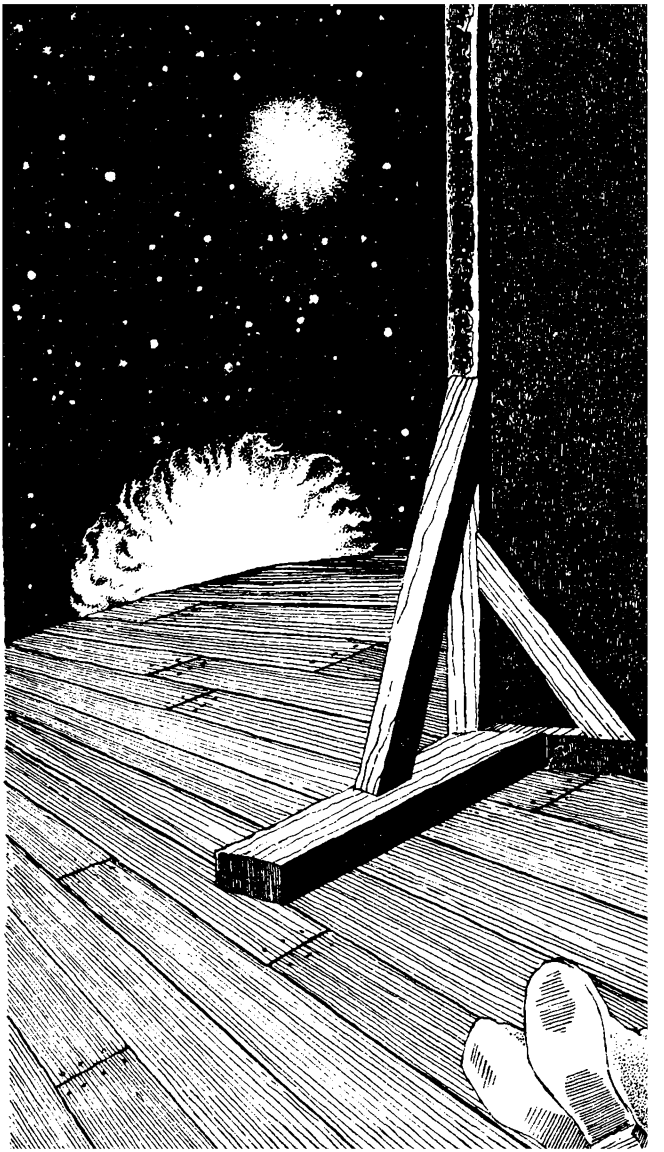
Но я ни на кого не держу зла, и мое время мне нравится. Вот только Пит стареет, толстеет и уже не связывается с молодыми котами. Очень скоро он уснет слишком долгим сном. Я всем сердцем надеюсь, что его отважная душа найдет свою Дверь в Лето, где колышутся под летним ветерком поля валерианки, где кошки сговорчивы и где любой подставит тебе колено, чтобы ты мог потереться об него,— но никто не пнет ногой.

Рики тоже поправилась, но это здоровая и временная полнота. Она стала от этого только прекраснее и все так же звонко восклицает «Ну-у?!», когда удивляется, но чувствует себя при этом не очень уютно. Я сейчас разрабатываю устройства, способные облегчить ее состояние. Быть женщиной вообще не очень удобно, и я хочу — и уверен, что сумею,— сделать что-нибудь такое, чтобы ей легче жилось. Трудно нагибаться, поясница ноет — над этим я работаю сейчас. Я сделал ей гидравлическую кровать, которую, вероятно, запатентую. Надо бы еще сделать что-то, чтобы было легче залезать в ванну и вылезать из нее, но я пока не придумал, что именно.

Для старины Пита я тоже изобрел «кошачий туалет» для плохой погоды — автоматический, самоопорожняющийся, гигиеничный и без запаха. Однако Пит настоящий кот — он предпочитает ходить на улицу и по-прежнему убежден, что если попробовать все двери, то одна из них обязательно окажется Дверью в Лето.

И знаете... Я думаю, он прав.

ДВОЙНИК



L.SMYTHE

© В.Ковалевский и Н.Штуцер, перевод, 2002

Когда в кабак входит некто, похожий на расфуфыренную деревенщину, и при этом держится так, будто он пуп земли, значит, это не кто иной, как космолетчик.

Это уж по логике вещей так выходит. Профессия заставляет его чувствовать себя как бы творцом всего сущего, а когда он попадает на нашу вшивую планетишку, ему представляется, что окружают его одни олухи. Что же до отсутствия портновской элегантности, то от человека, девять десятых своего времени носящего форму и более привычного к глубокому космосу, нежели к цивилизованному обществу, вряд ли можно ожидать умения одеваться со вкусом. Он — легкая добыча портных-халтурщиков, которые толкутся вблизи любого космопорта и навязывают прибывшим «последний писк» земной моды.

Похоже, что этот рослый широкоплечий парень одевался у самого Омара-Палаточника* — слишком широкие, подбитые ватой плечи, шорты, ползущие вверх по его волосатым ляжкам, когда он садился, плоеная шелковая сорочка, которая шла ему как корове седло.

Однако свое впечатление я вслух высказывать не стал и на последний полуимпериал поставил ему выпивку, рассматривая это как неплохое помещение капитала, ибо знал, как космолетчики относятся к деньгам вообще.

— Спокойной плазмы! — сказал я, когда мы сдвинули стаканы. Он бросил на меня быстрый взгляд.

Именно с этой ошибки и началось мое знакомство с Даком Бродбентом. Вместо того чтобы ответить: «Чистого космоса» или

«Мягкой посадки», как следовало бы, он оглядел меня с ног до головы и очень тихо произнес:

— Хорошо сказано, да только ко мне не относится. Никогда не бывал в космосе.

Тут мне бы опять придержать язык. Не так уж часто космолетчики посещают бар «Каса-Маньяна» — этот отель не соответствует их привычкам, да и от космопорта далеко. А уж если какой и пришел сюда в штатской одежде, да сел в самом темном уголке бара, да еще не признается, что он космолетчик, значит, зачем-то так нужно. Я и сам выбрал этот столик, чтобы видеть все, не будучи увиденным,— я тут хожу в должниках, и хоть долг не бог весть какой, все же неприятно. Мне бы сообразить, что у него есть свои причины, и отнестись к ним уважительно... Но мой язык жил какой-то независимой от меня жизнью.

— Бросьте врать, дружище,— ответил я.— Если вы жук-землеед, то я — мэр Тихо-Сити. Держу пари, вам пришлось опрокинуть больше стаканов на Марсе,— добавил я, отметив ту осторожность, с которой он поднимал стакан — явный признак привычки к малой силе тяжести,— нежели на Земле.

— А ну-ка, засохни,— прервал он меня, почти не шевеля губами.— Откуда ты взял, что я вояжер? Ты ж меня в первый раз видишь.

— Извините,— ответил я.— Вы можете выдавать себя за кого угодно. Но глаза-то у меня есть. Вы засветились сразу же, как вошли в бар.

Он что-то пробурчал себе под нос. Потом спросил:

— Чем же это?

— Не тревожьтесь. Сомневаюсь, чтобы еще кто-нибудь обратил на это внимание. А я замечаю вещи, которые другим не видны.— Тут я вручил ему свою визитную карточку, проделав это, может быть, с излишней помпой. Ведь Лоренцо Смизи — единственный в своем роде — Труппа из Одного Актера. Да, я тот самый «Лоренцо Великолепный» — стерео, «мыльная опера», драма... Имитатор и Мим Невиданных Возможностей.

Он прочел карточку и опустил ее в нарукавный карманчик (меня это слегка разозлило — карточки обошлись мне в хорошую денежку — прекрасная имитация ручной гравировки).

— Понятно,— сказал он тихо.— Но что именно необычно в моем поведении?

— Я покажу вам,— ответил я.— Я пройдусь до двери походкой настоящего жука-землееда, а вернусь — вашей. Смотрите.— Так я и сделал, только на обратном пути почти незаметно утрировал его походку, чтобы его нетренированному глазу было яснее — ступни чуть скользят по паркету, будто по металлическим плитам палубы, центр тяжести тела слегка смещен наклоном туловища от бедер, руки немного расставлены и чуть-чуть вытянуты вперед, будто вечно готовы за что-нибудь ухватиться.

Было там еще с полдюжины деталей, которые трудно выразить словами. Надо быть космолетчиком, чтобы так двигаться, надо обладать настороженным телом космолетчика и бессознательной готовностью к сохранению равновесия, готовностью, ставшей частью его существа. Горожанин — тот всю жизнь шляется по гладким полам, полам неподвижным, да еще при земной силе тяжести, и все же падает, споткнувшись об окурок сигареты. А космонавт — ни за что!

— Понятно, что я имел в виду? — спросил я, опять усаживаясь в кресло.

— Боюсь, что да,— признал он без всякого удовольствия.— Неужели я так хожу?

— Да.

— Хмм... Может, взять у вас несколько уроков?

— Мысль недурна,— отозвался я.

Он сидел, оценивающе разглядывая меня, хотел что-то сказать, передумал и сделал знак бармену наполнить наши стаканы. Когда выпивку принесли, он заплатил, залпом прикончил свою порцию и выскользнул из кресла каким-то необычайно гибким движением.

— Подождите меня тут,— сказал он тихо.

С оплаченной выпивкой, еще стоявшей перед моим носом, я не мог отказать ему в этом одолжении. Да и не хотел — он меня заинтриговал. Пожалуй, он мне даже успел понравиться, хотя наше знакомство продолжалось всего десять минут. Он был из тех мужиков, в чьей внешней непривлекательности есть своеобразная

красота, мужиков, которым женщины вешаются на шею, а мужчины беспрекословно повинуются.

Танцующей походкой он пересек зал и прошел мимо стола четырех марсиан, приткнувшегося у самого выхода. Не выношу марсиан. Мне противны эти типы, что выглядят, как древесные пни с напяленными на них противосолнечными шлемами, а еще требуют человеческих привилегий. Мне не нравится, как у них растут псевдочлены — мне это напоминает змей, выползающих из норы. Мне отвратителен и тот факт, что они могут одновременно смотреть во всех направлениях, не поворачивая головы, разумеется, если допустить, что у них есть голова, чего на самом деле не наблюдается. А еще я не выношу их запаха.

Никто не посмеет обвинять меня в расизме. Мне дела нет до того, какого цвета кожа у человека, какова его расовая принадлежность или религия. Но люди — это люди, а марсиане — это просто *существа*. По моему мнению, они даже не животные. В любую минуту готов сменить их общество на компанию самой что ни на есть грязной свиньи. То, что им разрешили посещать бары и рестораны, где бывают люди, кажется мне просто чудовищным. Но Договор есть Договор, и я против него бессилен.

Этих четырех не было, когда я вошел в бар, иначе я почуял бы их запах. По той же причине их не могло быть и несколькими минутами раньше, когда я прошелся до дверей и обратно. А теперь они торчали тут у стола, покоясь на своих пьедесталах и притворяясь людьми. Я даже не слышал, чтобы систему кондиционирования включили на большую мощность.

Даровая выпивка, что стояла передо мной, сразу потеряла для меня интерес. Я просто дожидался своего благодетеля, чтобы вежливо с ним распрощаться. Неожиданно я припомнил, что он пристально посмотрел в направлении марсиан, прежде чем внезапно встать и уйти, и я подумал, не имеют ли они отношения к этому уходу. Я снова оглядел их, пытаясь подметить, не проявляют ли они повышенного интереса к нашему столику, но как можно определить, на что смотрит марсианин или о чем он думает?

В течение нескольких минут я сидел, поигрывая своим стаканом и размышляя, что могло случиться с моим другом космо-

летчиком. Раньше я надеялся, что его гостеприимство распространится на ужин, если мы окажемся достаточно *simpatico*, а возможно, и на небольшой денежный заем. Ибо мои перспективы (признаю это!) были весьма непрезентабельны.

Последние два раза, когда я пытался дозвониться до своего театрального агента, автосекретарь просто зарегистрировал мой вызов, и поэтому, если я не наберу монет, чтобы опустить их в дверной счетчик, моя комната сегодня вечером не откроется... Как видите, моя удача почти иссякла — я докатился до ночлега в каморке со счетчиком.

В самый разгар моих меланхолических раздумий официант тронул меня за рукав:

— Вас вызывают, сэр.

— Что? Ладно, друг, давай, тащи сюда аппарат.

— Сожалею, сэр, но я не могу принести его к столу. Двенадцатая кабинка в холле.

— Ах, так... Благодарю,— ответил я, стараясь держаться с ним дружелюбно, так как на чай ему дать было нечего. Идя к выходу, я дал кругаля, чтобы обойти столик марсиан.

Я тут же понял, почему аппарат нельзя было доставить к столу. Двенадцатая кабина была максимально защищенной — звуко- и взглядоизолированной и недоступной для «жучков». На экране изображение отсутствовало, оно не появилось даже когда за мной закрылась тяжелая дверь. Экран оставался пустым, пока я не сел и мое лицо не оказалось на уровне экрана. Тогда опаловые облака разошлись, и я увидел перед собой лицо моего знакомца космолетчика.

— Извините, что пришлось сбежать,— быстро проговорил он,— но надо было спешить. Прошу вас немедленно приехать ко мне в отель «Эйзенхауэр», номер 2106.

Никакого объяснения он не дал. «Эйзенхауэр» так же мало подходит космолетчикам, как и «Каса-Маньяна». Я прямо-таки ощутил в воздухе запах неприятностей. Вряд ли вы подбираете первого встречного в баре, а потом приглашаете его в отель... ну, разве что он другого пола.

— Зачем это? — спросил я.

Сразу стало видно, что космолетчик — человек, привыкший к тому, чтобы ему повиновались, не задавая лишних вопросов. Я наблюдал за ним с профессиональным интересом. Это был не гнев. Нет, скорее грозовая туча перед наступающей бурей. Но тут он снова взял себя в руки и спокойно ответил:

— Лоренцо, у меня нет времени для объяснений. Вам нужна работа?

— Вы имеете в виду профессиональное предложение? — осторожно осведомился я. На один неприятный миг мне показалось, что он хочет предложить мне... сами понимаете *какую* работу... До сих пор моя профессиональная гордость не страдала, невзирая на удары, которые наносила мне злосчастная судьба.

— О, разумеется, профессиональное,— откликнулся он.— Оно требует самого лучшего актера, какого только можно сыскать за деньги.

Я не позволил радости, которую чувствовал, отразиться на моем лице. Я и вправду был готов на *любую* профессиональную работу, я бы с восторгом пошел на роль балкона в «Ромео и Джульетте» — но показывать, что я заинтересован, не следовало.

— А что за предложение? — спросил я.— В настоящее время я довольно плотно занят.

Он жестом отмел мои слова в сторону.

— По телефону не могу объяснить. Может, вам это и неизвестно, но каждая закрытая линия может быть раскрыта, если есть нужная аппаратура. Приезжайте немедленно.

Он был нетерпелив, поэтому я мог себе позволить скрыть свое нетерпение.

— Вы что *себе позволяете*? — *заупрямился я.*— Вы что думаете — я мальчик на побегушках? Или начинающий юный статист, рвущийся на сцену, чтобы покрасоваться там с копьем? Я — Лоренцо! — тут я задрал подбородок и постарался выглядеть оскорбленным.— Ваше предложение?

— Гм... Будь оно проклято, не могу я об этом по телефону. Сколько вы получаете?

— Что? Вы спрашиваете, каков мой профессиональный гонорар?

— Да, да!

— За один выход? Или за неделю? Или по длительному контракту?

— Черт! .. Не имеет значения! Сколько вы берете в день?

— Моя минимальная оплата за вечерний выход — сто империалов.— Это была истинная правда. Ох, иногда мне, конечно, приходилось давать большие взятки, но зато платежный лист всегда показывал достойную меня сумму. Должны же быть принципы у человека! Я, например, предпочту умереть с голоду, чем опуститься ниже.

— Хорошо,— быстро согласился он.— Сотня империалов будет вручена вам в ту минуту, когда вы войдете в комнату. Но поторапливайтесь!

— А? — я дрогнул, поняв, что мог запросить две сотни или даже две с половиной.— Но я же еще не согласился на ангажемент!

— Не имеет значения! Мы обговорим это, когда доберетесь. Сотня ваша, даже если вы откажетесь. Назовем ее премией или надбавкой к гонорару. Ну, теперь-то вы готовы прекратить болтать и ехать?

Я поклонился:

— Разумеется, сэр. Не кипятитесь.

К счастью, «Эйзенхауэр» близко от «Касы», так как вряд ли я наскреб бы мелочь на метро. Однако, хотя искусство пешего хождения почти утеряно, я получил удовольствие от прогулки, которая, к тому же, дала мне время собраться с мыслями. Я не дурак. Я понимал, что если человек изо всех сил старается всучить деньги другому человеку, то самое времечко этому другому заглянуть в свои картишки, потому как тут, без сомнения, замешаны или незаконные, или опасные, или одновременно и те и другие делишки. Ну, о законности ради законности я не так уж беспокоюсь; я согласен с Великим Бардом*, что Закон — зачастую круглый идиот. Но, в основном, я все же предпочитаю придерживаться правильной стороны улицы.

Однако я понимал, что сейчас фактов у меня маловато, а потому пока отложил беспокойство в сторону, перекинул плащ через правое плечо и широко зашагал вперед, наслаждаясь теплой

осенней погодой и богатым ассортиментом запахов Метрополиса. Прибыв к месту назначения, я решил пренебречь парадным входом и прямо из полуподвала взлетел на лифте на двадцать первый этаж, смутно ощущая, что это не то место, где хочется, чтобы тебя запомнили в лицо. Мой друг впустил меня в номер.

— Не могли поскорее! — рявкнул он.

— Разве долго? — только и ответил я, оглядываясь вокруг. Это был очень дорогой номер, как я и ожидал, но изрядно замусоренный. А еще тут и там в беспорядке стояло около дюжины грязных стаканов и кофейных чашек. Нетрудно было догадаться, что я был последним из многих визитеров. На кушетке развалился, мрачно поглядывая на меня, еще один мужчина, в котором я тут же определил космолетчика. Я вопросительно взглянул на него, но он не представился.

— Ну ладно, добрался все-таки. Приступим к делу.

— Охотно. Но помнится мне,— добавил я,— что кто-то упоминал то ли о премии, то ли о надбавке к гонорару...

— Ах, да! — он повернулся к человеку на кушетке: — Джок, заплати ему.

— Это еще за что?!

— ЗАПЛАТИ!!!

Теперь я узнал, кто из них босс, хотя, как я потом выяснил, сомнений такого рода, если Дак Бродбент находится поблизости, никогда не возникает. Тот парень быстренько вскочил и, помрачнев еще больше, отсчитал мне одну бумажку в пятьдесят и еще пять десятками. Я небрежно сунул их в карман, конечно, не пересчитывая, и сказал:

— К вашим услугам, джентльмены.

Дак пожевал губами.

— Во-первых, я хочу, чтобы вы поклялись, что даже во сне не проговоритесь об этом деле.

— Если моего простого честного слова мало, то какова цена моей клятвы? — я взглянул на того, что снова разлегся на кушетке.— Мне кажется, мы незнакомы. Меня зовут Лоренцо.

Он поглядел на меня и тут же отвернулся. Мой знакомый из бара быстро вмешался:

— Имена тут ни при чем...

— Вот как? Перед смертью мой почтенный папаша заставил меня дать ему три обещания: во-первых, никогда не смешивать виски ни с чем, кроме воды; во-вторых, никогда не обращать внимания на анонимки; в-третьих, наконец, не общаться с людьми, которые отказываются назвать себя. Прощайте, джентльмены,— я повернулся к двери с сотней теплых империалов в кармане.

— Стойте! — Я задержался. Он продолжал: — Вы совершенно правы. Меня зовут...

— ШКИПЕР!!!

— Заткнись, Джок! Меня зовут Дак Бродбент, а тот, что так злобно поглядывает на нас,— Жак Дюбуа. Мы оба вояжеры — первые пилоты, летаем на любые расстояния, при любых ускорениях.

Я раскланялся.

— Лоренцо Смизи,— сказал я скромно.— Жонглер и артист, член Лэмб-клуба.— Тут я вспомнил, что пора бы погасить задолженность в членских взносах.

— О'кэй. Джок, попробуй-ка улыбнуться для разнообразия, что ли... Лоренцо, вы согласны хранить нашу деловую тайну?

— Ну еще бы! Вы имеете дело с джентльменом.

— Вне зависимости от того, согласитесь вы на работу или нет?

— Вне зависимости от того, достигаем мы соглашения или нет. Но я только человек, и ваша тайна в безопасности, если оставить в стороне допрос с пристрастием.

— Дак,— нетерпеливо начал Дюбуа,— ты не так ведешь дело. Нужно по меньшей мере...

— Уймись, Джок. Нам сейчас не до гипноза. Лоренцо, нам нужно, чтобы вы сыграли роль одного человека. Сыграли так, чтобы никто, повторяю, никто не заметил бы подмены. Вы можете выполнить такую работу?

Я нахмурился.

— Вопрос не в том, смогу ли я, вопрос в том, захочу ли я. А каковы обстоятельства?

— Гм... К деталям мы вернемся позднее. Грубо говоря, это обычная роль двойника весьма известной в обществе личности. Разница лишь в том, что игра должна быть столь совершенной,

чтобы можно было обмануть даже людей, с ним хорошо знакомых и находящихся рядом. Это вам не то что стоять на трибуне во время парада или навешивать медали на грудь герл-скаутам.— Тут он посмотрел на меня очень серьезно.— Для этого нужен настоящий артист.

— Нет,— сказал я, не раздумывая.

— Как? Вы же еще ровным счетом ничего не знаете о работе! Если вас беспокоит совесть, разрешите заверить, что ваши действия не причинят вреда человеку, которого вы будете изображать, и вообще не повредят ничьим законным интересам. Но это та работа, которую выполнить совершенно необходимо.

— Нет.

— Но, ради всего святого, почему?! Вы даже не знаете, сколько мы заплатим!

— Дело тут не в оплате,— твердо сказал я.— Я артист, а не двойник.

— Не понимаю. Уйма актеров извлекают дополнительные средства, появляясь на публике вместо знаменитостей!

— А я смотрю на них как на проституток и не считаю коллегами. Разрешите пояснить. Разве писатель может уважать себя, если он пишет книгу за кого-то? А вы сами будете уважать художника, который разрешит кому-то подписаться под своей картиной? ЗА ДЕНЬГИ? Возможно, вам чужд мир искусства, но я постараюсь объяснить вам на примере вашей профессии. Согласились бы вы только за деньги вести корабль, и чтобы другой человек, не обладающий вашим высоким искусством, носил бы вашу форму, получал бы благодарности и на людях разыгрывал из себя Мастера? Согласились бы?

Дюбуа пробурчал:

— Говорил бы сразу, сколько ты хочешь...

Бродбент хмуро глянул на него.

— Думаю, я понимаю вас.

— Для артиста главное, сэр,— творчество и слава. Деньги — лишь суетный металл, позволяющий ему заниматься искусством.

— Хм... Ладно, значит, вы не хотите заниматься этим делом за деньги... А не сделаете ли вы того же, но исходя их других по-

буждений? Если поймете, например, что это дело необходимое и что только вы можете выполнить эту задачу успешно?

— Такую возможность я допускаю. Однако подобных обстоятельств вообразить не могу.

— И не надо воображать. Мы вам сами все разъясним.

Дюбуа вихрем сорвался с кушетки.

— Слушай, Дак, ты не посмеешь...

— Засохни, Джок! Он имеет право знать.

— Он не должен знать ничего, во всяком случае сейчас... и здесь! И ты не смеешь ставить под удар остальных, доверяя ему эту тайну! Ты же о нем ничегошеньки не знаешь!

— Это оправданный риск,— Бродбент опять повернулся ко мне.

Дюбуа схватил его за руку и силой повернул к себе.

— Будь он трижды проклят — твой оправданный риск! Дак, я раньше всегда стоял за тебя, но сейчас, прежде чем позволю тебе выболтать чужой секрет, кому-то из нас придется на время потерять способность разговаривать вообще!

Бродбент удивился, потом холодно усмехнулся прямо в лицо Дюбуа.

— Думаешь, справишься, Джок, сынок?

Дюбуа ответил ему гневным взглядом, но на попятный не пошел. Бродбент был на голову выше и килограммов этак на двадцать тяжелее. Сейчас Дюбуа мне нравился — меня всегда восхищает безумная храбрость крошечного котенка, боевая доблесть бентамского петушка или решимость маленького человечка умереть ради своих принципов, но силе не покориться... И хотя я не думал, что Бродбент убьет его, все же подозревал, что с Дюбуа сейчас обойдутся, как с ковриком для вытирания ног. Вмешиваться я не собирался. Каждый человек имеет право выбирать по своему вкусу время и место самоуничтожения.

Я видел, как нарастала напряженность. Потом, совершенно неожиданно, Бродбент засмеялся и крепко хлопнул Дюбуа по плечу.

— Молодец, Джок! — Затем он повернулся ко мне: — Простите, нам придется на минуту прерваться. Мне с приятелем требуется раскурить трубку мира.

Номер был оборудован защищенной секцией, где стояли видеофон и диктофон. Бродбент подхватил Дюбуа под руку и отвел туда. Оба, продолжая стоять, горячо спорили о чем-то.

Такие удобства в общественных местах вроде отелей иногда бывают далеки от совершенства, но «Эйзенхауэр» — шикарная гостиница, и оборудование работало великолепно. Я видел, как двигаются их губы, но ничего не слышал. Лицо Бродбента было обращено ко мне, а Дюбуа отражался в стенном зеркале. Когда я начинал давать свои знаменитые сеансы чтения мыслей, я, наконец, понял, почему мой папаша лупил меня как сидорову козу, пока я не научился читать по губам — сеансы я всегда проводил в ярко освещенном зале и носил очки, которыми... впрочем, неважно. Важно, что я умел читать по губам.

Дюбуа говорил:

— Дак, идиот ты проклятый, так тебя и разэдак, ты что же, хочешь, чтобы мы оказались в конце концов где-нибудь в каменоломнях Титана? Этот самовлюбленный недомерок тут же все выложит...

Я чуть не пропустил ответ Бродбента. Самовлюбленный, это надо же! Да если отбросить в сторону абсолютно непредвзятую оценку собственной гениальности, то я в высшей степени скромный человек!

Бродбент:

—...если в городе всего одна рулетка, то кому дело до того, что крупье — жулик? Джок, кроме Смизи, нам не на кого рассчитывать.

Дюбуа:

— Ладно, но тогда вызови доктора Скорцца, пусть загипнотизирует его и накачает транквилизаторами. Но ничего не говори ему по существу дела... во всяком случае, пока он не пообвыкнет и мы не окажемся вдали от Земли.

Бродбент:

— Хмм... Скорцца сам говорил мне, что нельзя полагаться на гипноз и наркотики, особенно для того представления, которое нам потребуется. Мы заинтересованы в его сотрудничестве — сотрудничестве, основанном на понимании...

Дюбуа засопел:

— О каком понимании, о каком интеллекте ты говоришь! Ты только погляди на него! Вылитый петух, что самодовольно вышагивает по курятнику! Конечно, рост у него подходящий, да и формой головы похож на шефа — только в ней-то ни черта нет! Он струсит, наложит в штаны и продаст наше дело ни за грош! Да и сыграть эту роль он не сможет — он же просто театральная дешевка!

Если бы бессмертного Карузо обвинили в том, что он берет фальшивые ноты, он вряд ли оскорбился бы сильнее, чем я. Но я уверен, что именно в эту минуту я вполне оправдал свои претензии на равенство с такими талантами, как Бербедж или Бут*. Я продолжал полировать ногти и ничем не обнаружил, что понял сказанное, однако решил, что когда-нибудь заставлю мистера Дюбуа лить слезы и хохотать с разрывом в двадцать секунд. Я выждал еще несколько минут, потом встал и направился к защищенной секции. Когда они увидели, что я собираюсь войти, оба замолчали.

Я тихо произнес:

— Хватит, джентльмены. Я изменил свое мнение.

Дюбуа явно обрадовался:

— Решили отказаться от работы?

— Наоборот, я принимаю предложение. Мой друг Бродбент заверил меня, что работа не войдет в противоречие с моей совестью, и я поверил ему на слово. Он заверил меня также, что нуждается в актере, а потому проблемы режиссуры меня не должны волновать. Я принимаю предложение.

Дюбуа разозлился, но смолчал. Я ожидал, что Бродбент будет в восторге, но он почему-то, наоборот, встревожился.

— Хорошо,— согласился он.— Начнем сейчас же. Лоренцо, я не могу точно сказать, на какое время вы нам понадобитесь. Полагаю, на несколько дней. За это время вам придется раза два появиться на людях на час-полтора.

— Это не имеет значения, если только у меня будет время, чтобы войти в роль — стать тем, кого я должен имитировать. И все же, хотя бы приблизительно, на какой срок я вам понадоблюсь? Мне придется известить своего агента.

— О нет! Ни в коем случае!

— Но я хочу знать — как долго. Неделя?

— *Конечно, меньше, иначе все пропало.*

— Как это прикажете понимать?

— Не берите в голову. Вас устроят сто империалов в день?

Я заколебался, видя, как легко он согласился на мои условия, но решил, что сейчас можно и пофасонить. Я сделал небрежный жест:

— Не будем говорить о таких мелочах. Не сомневаюсь, что вы предложите мне такой гонорар, который будет соответствовать моему творческому потенциалу.

— Ладно-ладно,— не скрывая нетерпения, отвернулся от меня Бродбент.— Джок, свяжись с космопортом. Потом позвони Лангстону и скажи, что мы начали работать по плану «Марди Грас». Сверь с ним часы. Лоренцо...— он знаком приказал мне следовать за ним и открыл дверь ванной комнаты. Там он раскрыл маленький чемоданчик и грубовато спросил: — Из этого дерьма что-нибудь пригодится?

Это действительно было барахло — очень дорогой и совершенно профессионально непригодный гримировальный набор — из тех, что продаются чуть не в каждом магазине ушибленным сценой подросткам.

— Правильно ли я вас понял, сэр, что вам угодно, чтобы я немедленно приступил к перевоплощению? Не дав мне времени на изучение объекта?

— Что? Нет-нет! Я хочу, чтобы вы изменили свою внешность — и никто не мог бы узнать вас, когда мы будем уходить. Это возможно, не так ли?

Я холодно ответил, что быть узнаваемым публикой — тяжкий крест, который несут все знаменитости. И не стал добавлять, что существует бесчисленное множество людей, которые узнают Великого Лоренцо повсюду, где бы он ни появился.

— О'кей. Тогда измените физиономию так, чтобы никто не узнал.— И он быстро вышел.

Я тяжело вздохнул и посмотрел на ту детскую игрушку, которую он мне дал, думая, что это и есть орудие моей профессии — жирные краски, пригодные разве что для клоуна, вонючие рези-

новые накладки, парики, сделанные из волос, вырванных с корнем из ковра, что лежит в гостиной вашей тетушки Мэгги. И ни единой унции силикоплоти, ни одной электрощетки, ни одного приспособления гримерной техники сегодняшнего дня. Впрочем, настоящий артист способен творить чудеса с помощью одной-единственной горелой спички, еще кое-каких предметов, имеющихся в любой кухне, и, разумеется, своего таланта. Я наладил освещение и позволил себе погрузиться в творческое созерцание.

Есть много способов сделать так, чтобы тебя не узнали даже знакомые. Самый простой — отвлечь внимание. Оденьте человека в форму — и его никто не заметит. Разве вы помните лицо полицейского, мимо которого только что прошли по улице? Разве вы его узнаете, когда увидите в гражданском платье? На том же принципе основано и умышленное привлечение внимания к какой-нибудь определенной черте. Снабдите человека огромным носом, вдобавок обезображенным бородавкой,— и хам будет пялиться на него, вежливый — отвернется, но ни тот ни другой не запомнят лица. Я, однако, отказался от такого примитивного способа, так как решил, что мой наниматель скорее стремится, чтобы меня не заметили, чем запомнили бы по какой-нибудь примете, а потом не смогли бы узнать. Вот это уже гораздо труднее. Сделаться бросающимся в глаза может каждый, а вот стать поистине незаметным — это уже искусство.

Мне нужно было лицо столь обыкновенное, что его просто невозможно запомнить, подобное настоящему лицу бессмертного Алека Гиннесса*. К сожалению, мои аристократические черты от природы слишком красивы и ярки — печальный недостаток для актера на характерные роли. Как говаривал мой папаша: «Ларри, уж слишком ты хорошенький, черт бы тебя побрал! Если ты не сдвинешь с места свою ленивую задницу и не начнешь учиться ремеслу, то лет пятнадцать тебе предстоит проторчать на сцене, играя мальчиков и воображая, что ты актер, а затем внезапно ты окажешься продавцом сластей в фойе. Быть "тупицей" и "ангелочком" — вот два наихудших порока в шоу-бизнесе. А ты обладаешь обоими». И тут он снимал свой ремень и принимался за воспитание. Папаша был психологом-практиком и верил,

будто регулярный массаж gluteli maximi* оттягивает кровь от мальчишеского мозга. Хотя теоретически это весьма шаткая доктрина, результаты ее применения на практике себя вполне оправдали. К пятнадцати годам я уже мог стоять вверх ногами на слабо натянутой проволоке и читать Шекспира или Шоу страницу за страницей, а мог вызвать и всеобщий фурор, закурив в этой позиции сигарету.

Я был глубоко погружен в творческое раздумье, когда увидел в зеркале лицо Бродбента.

— Господи! — рявкнул он.— Он, кажется, за все время ни черта не сделал!

Я окинул его ледяным взглядом.

— Я предполагал, что вам желательно увидеть образчик моего творчества, а в этом случае меня подгонять не следует. Это все равно что потребовать от классного шеф-повара придумать новый соус, сидя на галопирующей лошади.

— Да будь они трижды прокляты, ваши лошади! — он глянул на циферблат часов-перстня.— У вас еще есть шесть минут. Если за это время вы ничего не сделаете, нам придется рискнуть выйти просто так.

Хорошо же! Конечно, я предпочел бы иметь достаточно времени, но когда-то я репетировал с папашей его номер с молниеносным переодеванием — «Убийство Хью Лонга*», пятнадцать картин за семь минут,— и однажды даже дал ему фору в девять секунд.

— Не мешать! — гаркнул я.— Я буду готов через минуту.— И перевоплотился в Бенни Грея — бесцветного подручного убийцы из «Дома без дверей»: две быстро проведенные морщины от крыльев носа к углам рта, чуть намеченные мешки под глазами и легкий слой бледно-желтого крема номер пять, размазанный по всему лицу. На все это понадобилось не больше двадцати секунд — я мог бы проделать это и во сне. «Дом» выдержал девяносто два представления, прежде чем его записали на пленку.

Потом я посмотрел на Бродбента, который стоял с разинутым ртом.

— Господи боже мой! Быть того не может!

Я не стал выходить из образа Бенни Грея и в ответ даже не улыбнулся. Чего Бродбент не мог оценить, так это того, что практической необходимости в креме не было вообще. Он, разумеется, облегчил задачу, но применил я его только потому, что Бродбент ожидал чего-то в этом роде. Будучи невеждой, он считал, что при гримировании краски и пудра обязательны.

Он продолжал любоваться мной.

— Послушайте,— сказал он почти молитвенно,— а для меня можно придумать нечто подобное? Только чтобы по-быстрому.

Я уже хотел сказать «нет», но вдруг понял, какая интересная в профессиональном плане задача стоит передо мной. Я чуть не сказал ему, что если бы мой папаша занялся им, когда Бродбенту было лет эдак пять, то сейчас он, возможно, мог бы сыграть роль продавца «травки» на сборище панков.

— Вы просто хотите быть полностью уверенным, что вас не узнают? — спросил я.

— Да, да! Перекрасить там что-то, наклеить фальшивый нос и прочее в том же роде...

Я покачал головой.

— Что бы мы ни делали с гримом, вы все равно будете выглядеть, как ребенок, собравшийся на школьный карнавал. Играть вы не умеете, научиться этому в ваши годы уже нельзя. Нет, трогать ваше лицо бессмысленно...

— Как, но ведь с моим клювом...

— Слушайте меня внимательно! Все, что я смогу сделать с этим величественным носом, лишь еще больше прикует к нему внимание, ручаюсь вам. Удовлетворит ли вас, если какой-нибудь знакомый, поглядев на вас, скажет: «Слушай, этот рослый парень здорово смахивает на Дака Бродбента. Конечно, это не Дак, но здорово на него похож!» Ну, так как?

— Хмм... Думаю, да. Если он будет уверен, что это не я... Тем более что сейчас я должен быть на... Ну, скажем, не на Земле.

— Он будет абсолютно уверен, что это не вы, так как мы изменим вашу походку. Походка — ваша самая приметная черта. Если она будет иной — значит, это не вы, а кто-то другой — крупный, широкоплечий мужчина, немного напоминающий вас.

— О'кей. Научите меня, как надо ходить.

— Этому вы никогда не научитесь. Но я заставлю вас ходить как надо.

— Как?

— Положу пригоршню гравия или чего-то в том же роде в носки ваших сапог. Это заставит вас ступать на пятки и изменит осанку. Тогда вы не сможете ходить этой кошачьей походкой космонавта... ммм... а еще я стяну вам пластырем лопатки, чтобы напомнить о необходимости держаться прямо. И этого хватит.

— И вы думаете, что меня не узнают только потому, что я буду иначе двигаться?

— Разумеется. Ваш знакомый даже не поймет, почему он уверен, что это не вы, но сам факт, что это убеждение имеет подсознательный характер, поставит его в позицию, где сомнения просто не смогут возникнуть. О, я могу что-нибудь придумать и для лица, чтоб вы успокоились, хотя нужды в этом нет.

Мы вернулись в гостиную. Я все еще, разумеется, был Бенни Греем. Если уж вживаешься в роль, то требуется заметное психологическое усилие, чтобы выйти из нее. Дюбуа звонил по телефону. Он поднял глаза, увидел меня, и рот у него раскрылся. Он выскочил из защищенной секции и закричал:

— Это еще кто такой?! А где тот актеришка?

Окинув меня взглядом, он тут же отвернулся и больше не глядел в мою сторону. Бенни Грей — такой усталый, такой незначительный человечишка, что смотреть на него дважды просто не стоило.

— Какой-такой актеришка? — отозвался я бесцветным глухим голосом Бенни. Это заставило Дюбуа снова посмотреть на меня. Он посмотрел, начал было уже отводить глаза, но потом вдруг вернулся взглядом к моей одежде.

Бродбент заржал и хлопнул его по плечу.

— А ты еще говорил, он не может играть! — И резко изменил разговор: — Ты со всеми договорился, Джок?

— Да.— Дюбуа снова посмотрел на меня, потом отвернулся. Он был поражен до глубины души.

— О'кей. Нам нужно выйти отсюда не позже чем через четыре минуты. Посмотрим, что вы сумеете сделать со мной за это время, Лоренцо.

Дак успел снять только один сапог (куртку он снял раньше и задрал шелковую рубашку для того, чтобы я стянул пластырем лопатки), когда над дверью зажегся свет и зазвучал зуммер.

Дак замер.

— Джок, мы кого-нибудь ждем?

— Возможно, это Лангстон. Он говорил, что попробует заскочить до нашего ухода.— Дюбуа двинулся к двери.

— А может, это не он? Может, это...

Я не расслышал, кого назвал Бродбент, так как Дюбуа открыл дверь. В дверном проеме, похожий на кошмарный мухомор, стоял марсианин.

Какую-то растянувшуюся на века секунду я видел только его. Стоявшего за его спиной человека я не заметил, не увидел и жезла — смертоносного марсианского оружия, зажатого в одном из псевдощупальцев.

Марсианин вплыл в комнату, человек шагнул за ним, дверь захлопнулась. Марсианин проквакал:

— Вечер добрый, джентльмены. Направляетесь куда-то?

Из-за острого приступа ксенофобии я потерял способность двигаться и соображать. Дак запутался в своей наполовину снятой одежде. Но малыш Дюбуа действовал с тем инстинктивным героизмом, который в эту секунду сделал его для меня дороже родного брата, хоть он тут же и умер. Он кинулся прямо на жезл и даже не попытался от него уклониться.

Наверное, он был мертв — с такой-то дырищей в кулак величиной, прожженной в животе,— еще до того, как рухнул на пол. Но он успел ухватиться за псевдощупальце, которое стало растягиваться как резина, а затем лопнуло, порвавшись в нескольких дюймах от шеи чудища. Жезл Джок продолжал сжимать в своей мертвой руке.

Человеку, который сопровождал в комнату эту вонючую тошнотворную гадину, пришлось сделать шаг в сторону, прежде чем выстрелить. И тут он допустил ошибку. Ему бы сначала

пристрелить Дака, а потом меня, а он вместо этого впустую истратил пулю на Джока. Второго выстрела он сделать не успел, поскольку Дак аккуратно влепил ему пулю прямо в лоб. А я даже не подозревал, что Дак вооружен.

Обезоруженный марсианин не пытался бежать. Дак вскочил на ноги, скользнул к нему и сказал:

— А, Рррингрил! Я вижу тебя.

— Я тоже вижу тебя, капитан Дак Бродбент,— квакнул марсианин, а потом добавил: — Ты передашь моему Гнезду?

— Я передам твоему Гнезду, Рррингрил.

— Благодарю тебя, капитан Дак Бродбент.

Дак вытянул длинный костистый палец и ткнул им в ближайший глаз марсианина. Он вводил его все глубже и глубже, пока кулак не уперся в мозговую коробку. Дак вытащил палец, покрытый зеленой слизью, похожей на гной. Псевдочлены чудища в судорожной спазме втянулись в туловище, но и мертвым марсианин продолжал крепко держаться на своем пьедестале. Дак кинулся в ванную — я слышал, как он моет руки. Я же остался в комнате, прикованный к месту шоком.

Дак вышел, вытирая руки о рубашку и сказал:

— Придется чистить. А времени в обрез,— он говорил так, как говорят о пролитом виски.

В единственном сбивчивом предложении я постарался дать ему понять, что не желаю участвовать в этом деле, что следует известить полицию, что я жажду убраться отсюда до ее прихода, что лучше бы он засунул эту работу себе в известное место и что в ближайшее время я намерен отрастить себе крылья и вылететь в окно. Все это Дак начисто отмел:

— Не вибрируй, Лоренцо! У нас уже идет минусовой отсчет времени. Помоги оттащить трупы в ванную.

— Что? Бог мой! Давайте просто запрем дверь и смоемся. Возможно, нас никто не свяжет с этим делом.

— Весьма вероятно, что не свяжут,— согласился он,— поскольку ни один из нас, по определению, тут быть не мог. Но они поймут, что Рррингрил убил Джока, а этого допустить нельзя. Особенно в данное время.

— Почему?

— Нельзя допустить, чтобы газеты раструбили, будто марсианин убил человека. А потому заткнись и помогай.

Я заткнулся и принялся помогать. Меня самого укрепила лишь мысль о том, что Бенни Грей был садистом-психопатом и обожал расчленять свои жертвы. Я предоставил Бенни Грею оттащить оба человеческих трупа в ванную, после чего Дак взял жезл и разрезал Рррингрила на куски достаточно мелкие, чтобы их уничтожить. Первый разрез он осмотрительно сделал ниже черепушки, так что работа оказалась менее кровавой, но тут я ему не помогал — мне показалось, что мертвый марсианин воняет еще хуже живого. Люк мусоросжигателя был спрятан за панелью в ванной, прямо возле биде. Если бы это место не было отмечено клеверным листком — обычным знаком повышенной радиации, мы бы его еще долго разыскивали.

После того как мы спустили куски Рррингрила в люк (мне невероятным усилием удалось сдержать позывы рвоты), Дак занялся более грязной работой — расчленением и спуском в люк человеческих тел, используя для этого жезл и, конечно, пустив воду из всех кранов.

Удивительно, как много крови в человеческом теле! У нас все время работали краны, и тем не менее это было ужасно! Когда же Даку пришлось заняться останками бедного малыша Джока, он сошел с катушек. Глаза его застлали слезы, почти ослепившие его, так что пришлось оттеснить Дака в сторону, пока он не отрубил себе пальцы, и призвать на помощь Бенни Грея.

Когда я закончил и никаких следов пребывания в номере двух других людей и марсианского чудовища не осталось, я тщательно вымыл ванну и встал. Дак появился в дверях, хладнокровный как всегда.

— Я там занимался полом, теперь он в порядке,— объявил он.— Думаю, что криминалист с нужной аппаратурой сможет реконструировать события, но будем надеяться, что такой необходимости не возникнет. А потому давай-ка сматываться отсюда. Нам предстоит наверстать минут двенадцать.

Спросить — куда и зачем, у меня не хватило сил.

— Ладно, но только сначала займемся вашими сапогами.

Он покачал головой:

— Это помешает мне идти быстро. Сейчас быстрота важнее опасности быть узнанным.

— Как прикажете,— я последовал за ним к двери.

Он остановился и сказал:

— Тут могут быть и другие. Если покажутся — стреляй первым, ничего другого не остается.— В руке он сжимал марсианский жезл, пряча его под полой плаща.

— Марсиане?

— Или люди. Или и те и другие.

— Дак, а что Рррингрил — он был среди тех четырех в баре?

— Разумеется. А иначе зачем нужно было мне удирать оттуда и вызывать тебя по видеофону? Они-то и навесили «хвост» или на тебя, или на меня. А ты что — не узнал его?

— Да нет же, господи! Для меня все эти чудовища на одно лицо.

— А они говорят, что это мы походим друг на друга. Эти четверо были Рррингрил, его собрат по Слиянию Рррингглат и еще двое из его же Гнезда, родственники, но более отдаленные. Однако лучше помолчи. Увидишь марсианина — стреляй. У тебя пистолет того парня?

— Да. Слушайте, Дак, я не знаю всех ваших дел, но раз эта мерзость против вас, я буду стоять за ваше дело. Не переваривaю марсиан.

Он был откровенно шокирован.

— Ты несешь окаянную чушь. Мы вовсе не воюем с марсианами. Эти четверо — ренегаты.

— Это как?

— Есть множество прекрасных марсиан, да они почти все такие. Даже Рррингрил во многих отношениях был неплох. Я с ним не раз сражался в шахматишки.

— Что? Но в таком случае я...

— Заткнись. Ты уже так увяз в этом деле, что пятиться назад поздно. А теперь шагай-ка к лифту. Я прикрою тебя сзади.

Я заткнулся. Я действительно увяз по уши, это было бесспорно.

Мы спустились в цокольный этаж и тут же отправились к экспресс-капсулам. Двухместная капсула как раз освобождалась. Дак толкнул меня внутрь так быстро, что я не разобрал набранную им комбинацию. Однако нельзя сказать, что я особенно удивился, когда перегрузки, мешавшие мне дышать, исчезли, и я увидел мерцающую надпись: «КОСМОПОРТ ДЖЕФФЕРСОНА. ВСЕМ ВЫХОДИТЬ».

Да и вообще мне было до лампочки, что это за станция — лишь бы подальше от отеля «Эйзенхауэр». Тех нескольких минут, что я провел в капсуле, мне вполне хватило на выработку плана, очень расплывчатого, очень ненадежного и, безусловно, подлежащего, как пишут в примечаниях, обязательной корректировке, но все же *плана*. Его можно было выразить одним словом — затеряться.

Еще утром я счел бы этот план трудноосуществимым — в нашем мире человек без денег беспомощней новорожденного ребенка. Однако с сотней империалов в кармане я мог перемещаться быстро и далеко. Я не считал себя чем-либо обязанным Даку Бродбенту. Из ведомых лишь ему соображений, к которым я не имел ни малейшего отношения, он впутал меня в историю, меня чуть не убили, потом заставили уничтожать следы преступления и, наконец, превратили в человека, скрывающегося от правосудия. К счастью, нам удалось обставить полицию, во всяком случае временно, и теперь, стряхнув с себя опеку Бродбента, я мог бы позабыть обо всем случившемся, похоронив его, как дурной сон. Казалось очень маловероятным, чтобы меня связали с этим делом, даже если оно раскроется,— ведь, благодарение Богу, джентльмены всегда носят перчатки, и свои я снимал, только когда накладывал грим и еще потом, когда занимался той кошмарной уборкой.

Если же забыть тот приступ щенячьего геройства, которое я проявил, когда решил, что Дак воюет с марсианами, то у меня к его плану полностью исчез всякий интерес, даже возникшая было симпатия и та пропала, как только я узнал, что Дак, в принципе, к марсианам благоволит.

О его предложении исполнить роль двойника я теперь и думать не желаю! Да ну его к чертовой матери, этого Бродбента!

Все, что я хотел от жизни,— это толику денег, чтобы душа не рассталась с телом, да приличные шансы в будущем на занятие своим искусством. Вся эта игра в полицейских и воров меня ничуть не занимала — уж больно плох был сценарий у этой постановки!

Порт Джефферсона был как будто нарочно создан для выполнения моего плана. Он так набит людьми и грохотом, столько экспресс-капсул ежеминутно прибывает и отбывает по всем направлениям, что стоит Даку хоть на минутку зазеваться, как я сразу окажусь на полпути к Омахе. Там залягу на несколько недель, а потом свяжусь со своим театральным агентом, чтобы узнать, не проявляет ли кто-нибудь ко мне нездорового любопытства.

Однако Дак предусмотрительно вылез из капсулы после меня, иначе я бы сразу захлопнул дверцу перед его носом и исчез в неизвестном направлении. Я сделал вид, что ничего не заметил, и держался рядом не хуже верной собачки все время, пока мы поднимались на эскалаторе в главный зал, расположенный тоже под землей, и сходили с него возле касс «Пан-Американ» и «Американ Скайлайнс». Дак двинулся прямо в зал ожидания к кассам «Диана лимитед». Тут я заподозрил, что он собирается взять билеты на лунный шаттл. Как он сможет протащить меня на борт корабля без сертификата о прививках и без паспорта, я не понимал, но знал, что Дак не теряется ни при каких обстоятельствах. Я решил попробовать затеряться среди многочисленных касс и уймы кресел, когда он начнет копаться в своем бумажнике — если человек считает деньги, всегда отыщется хоть одна минута, когда его внимание будет целиком приковано к бумажкам.

Но мы миновали кассы «Дианы» и сквозь арку с надписью «Частные стоянки» вышли в коридор. Он был почти пуст, стены глухие. С тревогой и разочарованием я понял, что упустил свой шанс, пока мы находились в главном шумном зале. Я остановился.

— Дак, мы что — уходим в полет?

— Конечно.

— Вы с ума сошли, Дак! У меня нет паспорта, нет даже туристской карты, нужной для полета на Луну.

— А они тебе и не потребуются.

— Как же так?! Они ведь остановят меня на контроле. А потом огромный жирный полицейский начнет задавать всякие каверзные вопросы...

Лапища размером с хорошего котяру сжала мое предплечье.

— Не теряй времени. Зачем тебе проходить контроль эмиграционной службы, если официально ты никуда не выезжаешь? И зачем туда пойду я, если, опять же, официально меня на Земле нет? Шагом-арш, старина.

Вообще-то, физически я развит неплохо, да и рост у меня приличный, но тут я чувствовал себя так, будто меня тащит из опасной зоны движения робот-регулировщик. И вдруг я увидел надпись: «Для мужчин» и сделал отчаянную попытку прорваться.

— Дак, минутку! Мне надо отлить.

Он осклабился.

— Вон чего придумал! Ты же в этом заведении побывал перед тем, как уйти из отеля.— Шага он не замедлил и руку мою не отпустил.

— Почки у меня слабые...

— Лоренцо, дружище, мне кажется, здесь попахивает медвежьей болезнью. Вот я тебе расскажу, что сейчас произойдет. Ты видишь того полицейского?

В конце коридора, ведущего к частным стоянкам, стоял огромный страж порядка, облокотившийся о прилавок, чтобы дать отдых своим слоновьим ножищам.

— У меня обнаружится приступ обострения совести, и я почувствую срочную необходимость исповедоваться в том, как ты укокошил нашего гостя марсианина и еще двух землян, как под угрозой пистолета заставил меня уничтожить трупы и как...

— Вы с ума сошли!

— Точно! Это я обезумел от угрызений совести и моральных страданий, старина.

— Но... у вас же нет никаких доказательств!

— Ты так думаешь? Полагаю, моя версия окажется убедительнее твоей. Я знаю, о чем идет речь, а ты — нет. Я знаю о тебе все, а ты обо мне — ничего. Я, например, знаю...— тут он упомянул пару

деталей из моего прошлого, которые, готов поклясться, давно похоронены и забыты.

Хорошо, хорошо, у меня в репертуаре действительно есть несколько номеров, предназначенных для выступлений с аншлагом, «Только для мужчин», для семейного круга они, конечно, не подходят. Но жить-то надо! А эта история с Биб — вот тут уж все неверно — я же действительно не знал, что она несовершеннолетняя! Что же касается того гостиничного счета, то хотя неуплата по нему в Майами-Бич почему-то и в самом деле приравнивается к вооруженному нападению, но я же обязательно уплатил бы... если бы у меня были бабки. Ну, а то печальное недоразумение в Сиэтле... Ну ладно, в общем, надо сказать, Даку удалось собрать неплохой матерьяльчик относительно моего прошлого, но весь он был подан под каким-то извращенным углом зрения. И все же...

— Итак,— продолжал он,— давай подойдем поближе к этому почтенному жандарму, и я признаюсь ему во всем. А потом ставлю семь против двух, что мне известно, кого из нас выпустят под залог первым.

И мы дошагали до копа — и прошагали мимо него. Коп болтал с девушкой, обслуживающей турникет, и ни разу ни он, ни она даже не взглянули на нас. Дак вытащил два билета, на которых было написано: «Пропуск на поле — разрешение на обслуживание — стоянка К-127». Он сунул их в монитор, машина проверила билеты, на экране засветилась надпись, разрешающая взять машину на верхнем уровне, код КИНГ-127. Турникет пропустил нас и тут же щелкнул за нашей спиной, а записанный на пленку голос произнес: «Пожалуйста, будьте осторожны и следите за указателями уровня радиации. Администрация терминала не несет ответственности за несчастные случаи за турникетом». Сев в крошечную машину, Дак набрал совершенно другой код, машина развернулась, взяла нужное направление и помчалась по подземному туннелю, проложенному под взлетным полем. Меня все это уже не интересовало — плевать я хотел на них всех. Как только мы вышли из машины, она снова развернулась и отправилась к своей стоянке. Перед нами была металлическая лестница, исчезавшая в вышине стального потолка. Дак подтолкнул меня к ней.

— Давай наверх!

Вверху находился люк, а на нем надпись: «РАДИАЦИОННАЯ ОПАСНОСТЬ. ОПТИМАЛЬНОЕ ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ — НЕ БОЛЕЕ ТРИНАДЦАТИ СЕКУНД». Цифры были написаны мелом. Я встал как вкопанный. Не скажу, чтобы проблема потомства меня волновала особенно сильно, но все же я и не полный идиот.

Дак ухмыльнулся и сказал:

— Что, забыл напялить свои освинцованные трусишки? Открывай люк и быстренько по лестнице, что ведет на корабль! Если не будешь чесаться, то у тебя в запасе еще секунды три останется.

Уверен, что у меня их осталось целых пять. Футов десять я поднимался под открытым небом, а потом оказался внутри длинной трубы, соединенной с входным люком корабля. Я несся по ней, перепрыгивая разом через три ступеньки.

Корабль был невелик. Во всяком случае, рубка показалась мне очень тесной. Снаружи я его не видел. Два других корабля, на которых мне довелось побывать, были лунные шаттлы «Евангелина» и ее близнец «Габриэль». Это случилось, когда я неосторожно согласился на лунный ангажемент на кооперативной основе — наш импрессарио почему-то решил, что жонглеры, канатоходцы и акробаты будут очень хорошо смотреться при одной шестой земной силы тяжести, что, в известной степени, вероятно, было справедливо, но он не отвел нам времени на репетиции и на привыкание к этой самой силе. В общем, возвращался я с Луны с помощью Фонда неимущих путешественников, потеряв весь свой гардероб.

В рубке были два человека. Один из них лежал в среднем из трех противоперегрузочных кресел, развлекаясь игрой с какими-то приборными стрелками, а другой совершал таинственные манипуляция с отверткой. Тот, что в крес ле, молча поглядел на меня. Второй повернулся, явно чем-то очень встревоженный, и, обращаясь к кому-то за моей спиной, спросил:

— А что с Джоком?

Дак почти влетел из люка в рубку.

— Об этом потом,— буркнул он.— Вы скомпенсировали массу?

— Да.

— Ред, разрешение на взлет получено? Из диспетчерской?

Человек в кресле ответил с растяжечкой:

— Каждые две минуты мы на связи с ними. С диспетчерской порядок. Взлет через сорок... э-э... сорок семь секунд.

— Тогда марш из кресла! Я хочу подняться чок-в-чок.

Ред лениво освободил место, и Дак сел в кресло первого пилота. Второй парень толкнул меня на место второго пилота и укрепил на мне пояс безопасности. Потом повернулся и скользнул в выходной люк. Ред последовал было за ним, но задержался — голова и плечи торчали из люка.

— Ваши билетики, будьте добры,— сказал он, улыбаясь.

— О черт! — Дак ослабил пояс, достал из кармана пропуска на взлетное поле и сунул их Реду.

— Спасибо,— ответил Ред.— Увидимся в церкви. Спокойной плазмы и все такое прочее.— Он исчез с ленивым изяществом. Я слышал, как захлопнулся люк, и у меня заложило уши. Дак не ответил на слова прощания, его взгляд ни на мгновение не отрывался от компьютера, время от времени он вносил в программу полета поправки.

— Еще двадцать одна секунда,— бросил он мне.— Дополнительного отсчета не будет. Убери руки и расслабься. Полет пойдет как по маслу.

Я выполнил приказ, и мне показалось, что напряжение, которое испытываешь перед взлетом, растянулось на целые часы.

— Дак!

— Я занят!

— Только один вопрос — куда мы летим?

— На Марс.

Я увидел, как его палец нажимает красную клавишу, и... отключился.

Глава 2

Ну скажите, что смешного, если человек в космосе блюет? А ведь для многих здоровенных болванов с желудками из чугу-

на это зрелище представляется необыкновенно смешным. Впрочем, они будут ржать даже над собственной бабушкой, если она сломает себе обе ноги.

Меня начало тошнить сразу же после того, как ракета перешла в режим свободного падения. Оправился я довольно быстро, поскольку мой желудок был почти пуст — после завтрака я в рот и крошки не брал, но всю дорогу на протяжении этого ужасного полета я чувствовал себя отвратительно. Нам потребовались час и сорок три минуты, чтобы оказаться в точке назначенного свидания с другим кораблем, что для такого типичного жука-землееда, как я, было все равно что провести тысячу лет в чистилище.

Надо, однако, отдать Даку должное — он надо мной не издевался. Дак — профессионал, и к моему совершенно естественному состоянию он отнесся с безразличной терпимостью корабельной фельдшерицы — *совсем не так, как те тупоголовые ослы*, что частенько встречаются среди пассажиров лунных шаттлов. Если б это зависело от меня, этих ублюдков выбрасывали бы еще на полпути до места назначения — пусть бы ржали себе на орбите в полном вакууме.

В голове моей была полная каша, в ней мелькали десятки вопросов, которые мне хотелось задать, а мы должны были вот-вот встретиться с большим кораблем, который сейчас находился на постоянной околоземной орбите. К сожалению, к этому времени я еще не обрел в полной мере интереса к жизни. Сильно подозреваю, что если больного космической болезнью уведомить, будто на рассвете его собираются расстрелять, он ответит только: «Вот как? Будьте добры передать мне вон тот гигиенический пакет!»

В процессе выздоровления я достиг той точки, когда от острого желания умереть стрелка качнулась в сторону еле-еле мерцающего сознания возможности продолжать свой жизненный путь. Дак большую часть времени был занят возней с судовым коммуникатором, явно пользуясь узконаправленным лучом, так как руки его непрерывно вращали верньеры настройки, и он очень походил на артиллериста, готовящегося накрыть цель. Я не слышал, что он говорит, и не мог читать по губам, так как он сидел у переговорного устройства, низко наклонив голову. Я только понял,

что он ведет переговоры с межпланетным кораблем, встречи с которым мы ожидали.

Когда он отодвинул в сторону коммуникатор и закурил сигарету, мне едва удалось сдержать позыв к рвоте, который спровоцировал запах табака, и спросить:

— Дак, а может, уже пришло время рассказать мне все?

— На пути к Марсу у нас будет сколько угодно времени.

— Черт бы побрал ваше нахальство! — слабо запротестовал я.— Не желаю я на Марс! Я бы начихал на ваше предложение сразу же, если б только знал, что нужно лететь на Марс!

— Как тебе будет угодно. Можешь и не лететь.

— ?

— Выходной люк прямо за твоей спиной. Выходи и шествуй пешочком.

Я даже отвечать не стал. А он продолжал:

— Конечно, если ты не умеешь дышать в вакууме, тогда тебе лучше все же отправиться на Марс — в этом случае я позабочусь, чтобы ты вернулся домой в целости и сохранности. «Деяние» — так называется это корыто — скоро должно встретиться с «Риском» — межпланетным космическим кораблем, идущим с огромным ускорением. Ровно через семнадцать секунд после стыковки с «Риском» мы отправимся прямиком на Марс — ибо нам надлежит быть там к среде.

Я ответил с унылым упрямством больного:

— Не хочу я на Марс! Я хочу остаться на этом корабле. Кто-то же должен отвести его обратно на Землю? Так что вам меня не надуть.

— Верно,— согласился Бродбент,— но тебя-то на нем не будет. Те трое парней, что согласно документам в космопорте Джефферсона и сейчас предположительно составляют его команду, в данный момент находятся на борту «Риска». Этот же корабль, как ты видишь, рассчитан только на троих. Боюсь, что ты сочтешь их несколько несговорчивыми, когда речь зайдет о месте для четвертого. А кроме того, как ты собираешься пройти иммиграционный контроль?

— А мне наплевать! Хочу обратно на Землю — и все тут!

— Ну и попадешь в тюрьму по многим обвинениям — от нелегального въезда в страну до торговли «травкой» на космических линиях. В лучшем случае, если они не будут уверены, что ты контрабандист, тебя отведут в какое-нибудь укромное местечко и там загонят иглу под глазное яблоко, просто из любопытства, чтобы узнать, что ты за птица. Они там хорошо знают, какие надо задавать вопросы, а ты от ответов не сможешь удержаться. А вот меня в эту историю впутать не удастся, ибо старый добрый Дак давненько не появлялся на Земле, что подтвердит куча надежнейших свидетелей.

Мне с трудом удалось сконцентрироваться на проблеме — как от страха, так и под влиянием космической болезни.

— Значит, ты донесешь на меня в полицию? Ах ты, грязный, подлый...— тут я замолчал, ибо никак не мог отыскать достаточно яркое и оскорбительное существительное.

— О нет! Послушай, дружище, я, понятное дело, способен слегка вывернуть тебе руку или намекнуть, что крикну копа, но я никогда не сделал бы ни того ни другого. Но вот Собрат Рррингрила по Слиянию — Рррингглат, тот безусловно знает, в какую дверь вошел старший «Грил» и из какой он забыл появиться. Онто уж обязательно намекнет шпикам. Собрат по Слиянию — родство столь близкое, что мы его и понять не можем, ибо почкованием не размножаемся.

Мне дела не было, размножаются ли марсиане подобно кроликам или же их приносит в маленьком черном узелке аист. Но, по словам Дака, получалось, что мне уже никогда не видать Земли как своих ушей. Я ему так и сказал. Он отрицательно покачал головой.

— Ничего подобного. Предоставь мне действовать, и мы так же ловко доставим тебя обратно, как ловко вытащили оттуда. Когда все кончится, ты выйдешь с поля этого или любого другого космопорта, появившись у турникета с пропуском в кармане, где будет написано, что ты механик, занимающийся срочным ремонтом. На тебе будет замасленный комбинезон, а в руках чемоданчик с инструментом. Уверен, что такой актер, как ты, сможет разыграть роль механика в течение нескольких минут.

— Как вы сказали? Ну еще бы! Но...

— Ну вот видишь! Держись доктора Дака, сынок, он о тебе позаботится. В команду этого лайнера, например, нам пришлось пропихнуть целых восемь ребят из нашей Гильдии только для того, чтобы доставить меня на Землю, а нас с тобой — с нее. Мы можем все это повторить, если потребуется, но без помощи вояжеров у тебя ничего не выйдет,— он ухмыльнулся.— Каждый вояжер в глубине души торговец-авантюрист. Ввоз и вывоз людей контрабандой — высокое искусство, и каждый из нас готов помочь другому в такой невинной шутке — обвести вокруг пальца охрану космопорта. Но те, кто́ не входят в нашу Гильдию, на наше содействие рассчитывать обычно не могут.

Я пытался утишить желудочные спазмы и одновременно обдумывал услышанное.

— Дак, так значит, тут все дело в контрабанде? Потому что...

— Нет-нет. Контрабандой мы вывезли только тебя.

— Я только хотел сказать, что не считаю контрабанду преступлением.

— А кто считает? Исключение составляют лишь те, кто делает деньги, эксплуатируя нас путем ограничения свободной торговли. Но сейчас нам предстоит заняться благородным искусством дублирования, и ты — тот человек, который для этого необходим. Я же не случайно на тебя в баре наткнулся. Ты уже двое суток был у нас «под колпаком». Я как приехал, так сразу отправился туда, где находился ты,— он нахмурился.— Мне очень хотелось бы верить, что наши достойные противники следили за мной, а не за тобой.

— Почему?

— Если они следили за мной, значит, им хотелось выяснить, что я затеваю, а это, в общем, о'кэй, поскольку весь сценарий был уже разработан, и им было известно, что мы враги. Но если слежка велась за тобой, следовательно, им уже известны наши планы — поиск актера, который смог бы сыграть совершенно определенную роль.

— Но откуда они могли это узнать? Не от вас же самих?

— Лоренцо, дело, о котором идет речь,— огромное дело, оно куда больше, чем ты можешь себе представить. Даже мне извест-

но далеко не все, и чем меньше ты будешь знать о нем, прежде чем это станет необходимым, тем лучше для тебя. Я могу лишь сказать, что в огромный компьютер Мирового Бюро Переписей в Гааге было введено множество данных личностного плана, и машина сравнила их с персональными характеристиками всех ныне живущих актеров. Делалось это в полной тайне, но все-таки кто-нибудь мог догадаться — и проболтаться. Ведь по спецификациям можно идентифицировать и главное лицо, и актера, избранного на роль двойника, поскольку работа эта должна быть исполнена безукоризненно.

— О! И машина сказала, что этот актер — я?

— Да. Ты... и еще один человек.

Этот момент опять-таки относился к тем, когда мне следовало бы укоротить свой язычок. Но, даже если бы от молчания зависела вся моя жизнь, я бы все равно не смог удержаться.

Мне было просто необходимо знать, кто тот актер, которого машина сочла достаточно подходящим, чтобы сыграть роль, для исполнения которой были необходимы мои уникальные способности.

— А этот другой... Он кто?

Дак окинул меня внимательным взором. Я видел, что он колеблется.

— Ммм... Парень по фамилии Троубридж. Знаешь его?

— Эта бездарь? — на мгновение я впал в такое бешенство, что даже забыл о тошноте.

— Вот как? А я слыхал — он очень хороший актер.

Я просто не мог переварить мысль, что кто-либо в здравом уме мог подумать об этом олухе Троубридже как о замене на ту роль, что была предназначена мне.

— Этот жалкий фигляр! Этот визгливый ломака! — я смолк, сообразив, что достойней просто игнорировать собрата по профессии, если только это слово тут применимо... Но этот хлыщ так чванлив, что... Да если бы ему по роли полагалось поцеловать даме ручку, Троубридж изгадил бы сцену, поцеловав свой собственный большой палец! Самовлюбленный Нарцисс, позер, задавака, да разве такой субъект сумел бы *вжиться* в роль!

Но уж таковы гримасы судьбы, что его прыжки и ужимки приносили ему неплохие деньги, тогда как истинные артисты погибали с голода.

— Дак, я просто понять не могу, как вы могли говорить о нем всерьез!

— Понимаешь, он и нам не нравился. К тому же он связан долгосрочным контрактом, так что его отсутствие на месте могло бы вызвать ненужные разговоры и расспросы. Нам повезло, что ты оказался, так сказать, на приколе. Как только ты дал согласие, я тут же распорядился, чтобы Джок отозвал группу, работавшую над Троубриджем.

— Я думаю!

— Но... Видишь ли, Лоренцо, я хочу, чтобы ты знал правду. Пока тебя тут выворачивало наизнанку и ты выдавал остатки завтрака в гигиенические пакеты, я радировал на «Риск», приказав им связаться с Землей и активизировать работу с Троубриджем.

— ЧТО?!

— Ты сам виноват в этом, старина. Видишь ли, если человек — участник нашей аферы — заключает контракт на поставку груза к Ганимеду, то он или доставит туда свое корыто, или погибнет, пытаясь это сделать. Он не струсит и не удерет с деньгами, пока корабль стоит под погрузкой. Ты сказал, что берешься за работу, сказал без всяких «но» или «если», ты принял безоговорочное обязательство. А через несколько минут началась та свалка. Ты тут же напустил в штаны. Позже попытался удрать от меня в космопорте. Только десять минут назад ты вопил и добивался возвращения на Землю. Допускаю, что как актер ты выше Троубриджа, хотя в точности мне это и неизвестно. Но зато я знаю, что нам нужен человек, на которого можно положиться, который не впадет в истерику, когда потребуется напрячь все силы. Мне сказали, что Троубридж именно таков. Поэтому, если он согласится, мы возьмем его, тебе же заплатим деньги, ничего более говорить не станем и отправим обратно. Понял?

Еще бы не понять! Дак не воспользовался специальным термином, я сомневаюсь, что он его знал, но то, что он говорил, оз-

начало — я никуда не годный член труппы и плохой товарищ. И самое печальное — он был совершенно прав. Я не имел права обижаться. Мне можно было только сгорать от стыда. Я был дураком, когда заключал контракт, не оговорив деталей. А теперь я пытаюсь, как жалкий любитель, испугавшийся выхода на сцену, удрать от исполнения своих обязательств.

«Представление не может не состояться» — старинная заповедь в шоу-бизнесе. Возможно, с философской точки зрения она и слабовата, но из всего, что делает человек, лишь немногое поддается логическому объяснению. Мой папаша свято верил в эту заповедь — я сам видел, как он играл два акта с приступом аппендицита и, лишь раскланявшись на авансцене, позволил отвезти себя в больницу. И сейчас мне представилось его лицо с написанным на нем презрением к актеру, который обманул доверие зрителей.

— Дак,— сказал я, с трудом подбирая слова,— извините меня. Я был не прав.

Он бросил на меня пронзительный взгляд.

— Ты выполнишь эту работу?

— Да.— Я говорил искренне. Потом внезапно вспомнил обстоятельство, которое делало мои шансы на дальнейшее столь же ничтожными, как надежда сыграть когда-нибудь роль Белоснежки в «Семи гномах».— То есть... я хочу играть... но...

— Что «но»? — сказал он сердито.— Опять твой дурацкий темперамент?

— Нет-нет. Но вы говорили, что корабль идет на Марс... Дак, мне что — придется быть двойником в окружении марсиан?

— Что? Ну, разумеется... А как же иначе, раз мы будем на Марсе?

— Но... Дак, я же не выношу марсиан. У меня от них мурашки по всему телу. Я хотел бы... Я, конечно, постараюсь... но ведь я могу просто выпасть из образа...

— Ну, если тебя беспокоит только это, можешь выкинуть из головы.

— Как? Я же не в состоянии просто выкинуть из головы, это не от меня зависит! Я...

— Я сказал — забудь! Старик, нам известно, что ты в таких делах хуже всякой деревенщины. Мы о тебе ведь все знаем. Лоренцо, твой ужас перед марсианами такой же детский и иррациональный, как страх перед змеями или пауками. Это мы предусмотрели, все будет хорошо. Так что — забудь.

— Ну, хорошо.— Я не очень-то поверил, но все же то, что, можно сказать, болело, теперь только чесалось. «Деревенщина»! Надо же! Да вся моя публика состоит из деревенщины! Поэтому я решил промолчать.

Дак пододвинул коммуникатор и, не прибегая к помощи специального устройства для глушения *звука*, сказал:

— Одуванчик — Перекати-полю. План «Клякса» отменяется. Действуем по плану «Марди Грас».

— Дак! — позвал я, когда он отключился.

— Мне некогда. Надо уравнять орбиты. Стыковка может получиться грубоватой, времени для маневрирования нет. Поэтому помолчи и перестань отрывать меня от дела.

Стыковка действительно вышла довольно грубой. К тому времени, когда мы очутились внутри космического корабля, я уже был рад снова испытать прелести свободного падения. Тошнота при перегрузках ничуть не лучше тошноты от невесомости. Но состояние свободного падения продолжалось не более пяти минут. Те три парня, что должны были возвращаться на «Деянии», в ту минуту, когда мы с Даком вплыли в шлюз корабля, уже были там. Дальше все смешалось в моей памяти. Уверен, что по натуре я настоящий жук-землеед, так как совершенно теряю ориентацию, когда разница между полом и потолком исчезает. Кто-то крикнул:

— А где он?

Ему ответил Дак:

— Тут.

Тот же голос воскликнул:

— Вот этот? — таким тоном, будто он глазам не верил.

— Он, он,— отозвался Дак,— только он в гриме. Да ты не беспокойся, все будет в порядке. Помоги мне заложить его в «давильню».

Чья-то рука схватила меня за кисть и потащила по узкому коридору в одну из кают. Вдоль стены, почти впритык к ней, стояли две койки для перегрузок, иначе именуемые «давильнями»,— похожие на ванны сосуды с равномерным распределением давления, применяемые при больших ускорениях на кораблях дальнего радиуса действия. Я-то их раньше никогда в натуре не видел, но в пьесе «Нашествие на Землю» у нас были довольно приличные макеты.

На стенке, прямо над койками, была выведена по трафарету надпись: «ВНИМАНИЕ! ПРИ ПЕРЕГРУЗКАХ БОЛЬШЕ ДВУХ "*g*" ОБЯЗАТЕЛЕН АНТИПЕРЕГРУЗОЧНЫЙ КОСТЮМ. ПРИКАЗ...»

В эту минуту меня развернуло вокруг собственной оси, надпись исчезла из поля зрения до того, как я успел ее дочитать, и тут же кто-то впихнул меня в «давильню». Дак и другой парень привязали меня ремнями безопасности, и вдруг где-то совсем рядом страшно завыла сирена. Она выла несколько секунд, потом ее сменил рев человеческого голоса:

— ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ДВОЙНОЕ УСКОРЕНИЕ! ЧЕРЕЗ ТРИ МИНУТЫ! ДВОЙНОЕ УСКОРЕНИЕ! ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ДВОЙНОЕ УСКОРЕНИЕ! ЧЕРЕЗ ТРИ МИНУТЫ!

Сквозь этот шум я слышал, как Дак требовательно выспрашивал кого-то:

— Проектор подготовлен? Пленки доставлены?

— Конечно, конечно.

— Где шприц? — Дак проплыл надо мной и сказал: — Слушай, старина, мы сделаем тебе укол. Ничего такого в нем нет. Туда входит нульграв и стимулятор, потому как тебе придется пободрствовать и начать учить свою роль. У тебя сначала появится жжение в глазах, да еще, может, чесаться начнешь, а больше тебе ничего не грозит.

— Подождите, Дак, я...

— Времени нет. Мне еще надлежит раскочегарить эту стальную коробку.— Он оттолкнулся и исчез за дверью раньше, чем я успел ему возразить. Его помощник закатал мне левый рукав и прижал инъекционный пистолет к коже, так что я получил дозу,

даже не успев опомниться. Потом исчез и помощник. Вой сирены вновь уступил место голосу.

— ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ДВОЙНОЕ УСКОРЕНИЕ! ЧЕРЕЗ ДВЕ МИНУТЫ!

Я попытался оглядеться, но наркотик затуманил мне зрение. Глазные яблоки начали гореть, заныли зубы, возникло непреодолимое желание почесать спину. Однако ремни безопасности не оставили мне даже надежды добраться до нужного места, что, вероятно, спасло мою руку от перелома в момент начала перегрузок. Снова прекратился вой сирены, и на этот раз раздался уверенный баритон Дака:

— *Последнее предупреждение!* Двойное ускорение. Через минуту! Всем бросить заниматься чепухой и устроиться поудобнее на своих жирных задницах! Мы отправляемся!

На этот раз вместо воя сирены послышалась запись «Ad astra*» Акрезиана, опус 61, си-мажор. Это была весьма спорная версия Лондонского симфонического, где в четырнадцатом цикле все заглушается тимпанами. В моем состоянии — измученный, замороченный, да еще напичканный наркотиком — музыка не вызывала особых эмоций — ведь, пописав в реку, трудно ждать наводнения.

Тут в каюту вплыла русалка. Конечно, чешуйчатого хвоста у нее не было, но это отнюдь не мешало ей походить на русалку. Когда мои глаза стали видеть получше, я обнаружил, что она отнюдь не дурна, наделена весьма пышной грудью, одета в шорты и безрукавку. А то, как она вплыла в каюту головой вперед, выдавало наличие у нее достаточного опыта пребывания в невесомости. Она взглянула на меня без улыбки, улеглась в другую «давильню» и крепко уцепилась за подлокотники — возиться с ремнями безопасности она не стала. Музыка поднялась крещендо, и я почувствовал, что становлюсь тяжелее.

Вообще-то, двойная сила тяжести не столь ужасна, особенно когда лежишь в гидравлической койке. Пленка обивки «давильни» постепенно натягивается, охватывает вас и обтягивает каждый квадратный дюйм вашего тела, как бы поддерживая его на весу. Я чувствовал себя все тяжелее, труднее стало дышать. Мне, разумеется, приходилось слышать про пилотов, выдерживающих

десятикратные перегрузки и тем самым разрушающих себя, я не сомневаюсь в правдивости этих рассказов, но двойная перегрузка, перенесенная в «давильне», просто расслабляет и делает неспособным к движению.

Прошло какое-то время, прежде чем я обнаружил, что громкоговоритель на потолке обращается непосредственно ко мне:

— Лоренцо! Как себя чувствуешь, приятель?

— Ничего. Как долго будет продолжаться это безобразие?

Усилие вызвало одышку.

— Примерно пару суток.— Должно быть, я застонал, так как Дак расхохотался: — Не дрейфь, приятель! Мой первый полет на Марс продолжался тридцать пять недель, и каждая минута этого времени — в свободном полете по эллиптической орбите. Ты-то будешь прохлаждаться вроде бы в номере люкс, при жалких двух силах тяжести, всего пару дней, да еще с отдыхом в виде одного «g» при торможении. Да с тебя, счастливчика, деньги за это брать надо!

Я начал было излагать ему в отборных идиоматических выражениях, присущих сборищам любителей «травки», что я думаю о его юморе, да вовремя вспомнил о присутствии дамы. Мой папаша говаривал мне, что женщина может извинить все что угодно, включая изнасилование, но никогда не прощает непечатных выражений. Лучшая половина рода человеческого очень чувствительна к символике, что весьма странно, учитывая практичность женщин во всех других отношениях. Во всяком случае, я никогда не позволяю себе произносить неприличные слова, если нахожусь в пределах слышимости дамских ушей, не позволяю с тех пор, как получил по губам тыльной стороной могучей папашиной руки. Да уж, папаша мог дать десяток очков вперед самому профессору Павлову по части воспитания условных рефлексов.

Дак опять заговорил:

— Пенни! Ты тут, милочка?

— Да, капитан,— ответила лежавшая рядом со мной.

— Ладно, тогда посади-ка его за домашние уроки. Я подгребу к вам, как только заставлю эту консервную банку катиться в нужном направлении.

— Слушаю, капитан.— Она повернула лицо ко мне и сказала глубоким, чуть хриплым контральто: — Доктор Капек советует вам расслабиться и несколько часов посмотреть кино. Я же буду отвечать на вопросы, которые у вас могут возникнуть.

Я вздохнул:

— Наконец-то появился кто-то, готовый отвечать на вопросы.

Она промолчала, с некоторым усилием протянула руку и повернула выключатель. Свет в каюте погас, раздался шум, и перед моими глазами возникло стереоскопическое изображение. Фигуру в центре его я сразу узнал — как узнал бы ее каждый из миллиардов граждан нашей Империи. Я узнал бы его где угодно — и тут я понял, как тонко и безжалостно Дак Бродбент заманил меня в ловушку.

Да, это был тот самый мистер Бонфорт — Достопочтенный Джон Джозеф Бонфорт — бывший Верховный Министр, лидер лояльной оппозиции, глава Экспансионистской партии — самый обожаемый и самый ненавидимый человек во всей Солнечной системе.

Пораженный внезапным открытием, я пришел, как мне показалось, к неопровержимым выводам. Бонфорт пережил три покушения на свою жизнь, во всяком случае так нам сообщали средства массовой информации. В двух из них ему удалось уцелеть только чудом. А если предположить, что чуда не было? Если предположить, что все покушения были удачны? Что милому старому дядюшке Бонфорту каждый раз удавалось подставить вместо себя кого-то другого?

Так ведь можно извести целиком неплохую актерскую труппу.

Глава 3

С политикой я никогда не связывался. Папаша вечно меня предостерегал. «Держись, Ларри, от нее подальше,— проникновенно говаривал он,— известность, которую ты приобретешь таким путем,— это дурная известность. Настоящий мужик ее уважать не станет». И поэтому я никогда даже не голосовал, в том

числе и после принятия 98-й поправки к Конституции, которая облегчила голосование кочующим (понятие, которое включает, разумеется, большую часть представителей нашей профессии).

Однако поскольку какие-то политические взгляды у меня все же были, то они, конечно, никак в пользу Бонфорта не склонялись. Я считал его человеком опасным, может быть даже где-то предателем человечества. Идея занять его место и быть убитым вместо него выглядела для меня, как бы это выразиться, малопривлекательной, что ли...

Но... роль-то какова!

Я однажды играл главную роль в «L'Aiglon»*, играл и Цезаря в тех двух единственных пьесах, которые достойны поместить это имя в своих названиях. Но сыграть такую роль в *жизни* — это может понять только человек, согласившийся добровольно занять место другого на гильотине просто ради счастья сыграть хоть бы в течение нескольких минут совершенно потрясающую роль — ради неистового желания создать высокое, совершенное творение искусства.

Я подумал о том, кто же были мои коллеги, что не смогли преодолеть искушение в тех — более ранних — случаях. Ясно одно — это были настоящие артисты, хотя сама их анонимность стала единственным результатом успеха их воплощения. Я попытался вспомнить, когда произошло первое из покушений на жизнь Бонфорта и кто из моих сотоварищей, обладавших нужным уровнем таланта для исполнения этой роли, умер или пропал без вести в это же время. Ничего у меня не получилось. Во-первых, я недостаточно хорошо знал детали современной политической истории, а во-вторых, артисты исчезают из виду с обескураживающей частотой — эта профессия полна случайностей даже для самых лучших из нас.

И тут я обнаружил, что внимательнейшим образом слежу за поведением своей модели.

Я понял, что хочу сыграть его. Черт побери, да я бы мог сыграть его даже с привязанным к ноге ведром, даже во время пожара на сцене! Начать с того, что никаких трудностей с фигурой не возникало. Бонфорт и я запросто могли бы обменяться костюмами, и те сидели бы на нас без морщинки. Эти ребятки, заговорщики,

что так ловко уволокли меня с Земли, придавали, по-видимому, слишком большое значение физическому сходству, а оно само по себе ничего не решает, если не подкреплено искусством актера, и уж вовсе не должно быть таким близким, если актер талантлив и знает свое дело. Впрочем, признаю — повредить делу оно не может, и их дурацкая возня с компьютером совершенно случайно привела к настоящему артисту и к тому же по фигуре и росту почти двойнику этого политического деятеля. Профиль у нас был схож, даже пальцы одинаково длинны, тонки и аристократичны. А руки куда сложнее «сыграть», нежели лицо.

Изобразить хромоту (судя по всему, результат одного из ранних покушений) было просто пустяком. Достаточно было посмотреть на него несколько минут, чтобы, поднявшись с постели (при одном «g», естественно), ходить так же, как он, при этом делать это совершенно автоматически. То же и с почесыванием кадыка, поглаживанием подбородка и с еле заметным тиком, которым сопровождалось начало каждой новой фразы,— все это сразу запало мне в память, подобно тому, как вода всасывается в песок.

Я мог бы сыграть его на сцене или произнести за него речь уже через двадцать минут. Но роль, которую я собирался сыграть, как я понимал, должна быть чем-то гораздо большим, нежели простое подражание. Дак намекнул, что мне предстоит убедить людей, знавших его лично, может быть даже интимно. Это куда труднее. Пьет ли он кофе с сахаром или без? Если кладет сахар, то сколько? Какой рукой зажигает сигарету и как ее держит? Я получил ответ на последний вопрос, даже не успев сформулировать его, и спрятал его в глубинах памяти. Объект подражания, сидевший передо мной, так раскурил сигарету, что стало ясно — он начал пользоваться спичками и вышедшими из моды сортами сигарет задолго до того, как сам вступил на стезю так называемого прогресса.

Хуже всего то, что человек — отнюдь не простая сумма привычек и мнений. Эта сумма поворачивается к каждому человеку, с которым знакома, каким-то своим боком. А это значит, что для успешного подражания двойник должен меняться для каждой индивидуальной «аудитории» — для каждого знакомого он обязан играть по-особому. Это не только трудно, это статисти-

чески невозможно. А ведь из-за одной такой мелочи может рухнуть все дело. Какие общие интересы связывали ваш прообраз с неким Джоном Джонсоном? А с сотней, с тысячью Джонов Джонсонов? Откуда это знать двойнику?

Игра на сцене, как и другие виды искусства, строится прежде всего на процессе абстрагирования, на выделении лишь нескольких ведущих черт. Но для двойника важнейшей может стать любая черта. Любая мелочь, ну, например, то, что он не поперчил салат, может испортить все дело.

И тут я мрачно, но вполне обоснованно подумал, что мне не придется напрягаться слишком долго — может быть, всего лишь до того момента, когда наемный убийца возьмет меня на мушку.

И все же я продолжал изучать человека, которого должен был сыграть (а что еще оставалось делать?), когда дверь отворилась и раздался голос Дака, спросившего в своей обычной манере:

— Кто-нибудь дома?

Свет зажегся, трехмерное изображение исчезло, а я как будто очнулся от глубокого сна. Повернул лицо — молодая женщина по имени Пенни с трудом пыталась оторвать свою голову от гидравлической постели, а Дак стоял в дверном проеме.

Я поглядел на него с удивлением и спросил:

— Как это вам удается стоять прямо? — Та часть моего мозга, что ведает профессиональными проблемами и работает независимо от других частей, заметила, как он стоит, и поместила это впечатление в картотеку с надписью: «Как стоят космолетчики при двукратных перегрузках».

Он ухмыльнулся:

— Ничего хитрого. На мне специальный корсет.

— Черта с два!

— Ты тоже можешь встать, если захочешь. Обычно мы не советуем пассажирам вылезать из гидравлических коек, когда идем с ускорением более полутора «g» — уж слишком велики шансы, что какой-нибудь олух запутается в своих ногах и сломает одну из них. Но, вообще-то, два «g» — это пустяк, все равно что снести на закорках другого человека.— Он взглянул на девушку: — Ты ему отвечаешь откровенно, Пенни?

— А он еще ничего не спрашивал.

— Вот как! Лоренцо, а я-то тебя держал за парня, любящего задавать вопросы.

Я пожал плечами.

— Не вижу в этом толку, поскольку все равно проживу недостаточно долго, чтобы насладиться вашей правдой.

— Что такое? Что-то ты скис, мой мальчик!

— Капитан Бродбент,— сказал я с горечью,— я, к сожалению, ограничен в выборе выражений присутствием этой леди. Поэтому не смогу с необходимой полнотой обсудить ваших родителей, ваши личные привычки, вашу мораль и то место, куда вы неизбежно когда-нибудь попадете. Давайте примем за данное, что я понял, в какую ловушку вы меня заманили, понял сразу же, как только увидел, кого мне придется изображать. Я удовлетворюсь одним вопросом — кто намеревается совершить покушение на Бонфорта? Ведь даже глиняный голубь для стрельбы влет имеет право знать, кто именно по нему выстрелит.

Впервые я увидел на лице Дака выражение растерянности. Затем он расхохотался так оглушительно, что две перегрузки оказались даже ему не под силу. Он сполз на пол, прислонился к переборке и с наслаждением продолжал ржать.

— Не вижу ничего смешного,— гневно сказал я.

Он перестал смеяться и вытер глаза.

— Лорри, старина, ты что, всерьез думаешь, будто я хочу тебя использовать как подсадную утку?

— Так это же и слепому ясно,— и я высказал ему свои соображения насчет предыдущих покушений.

На этот раз у него хватило ума не расхохотаться.

— Понятно. Ты, значит, предположил, что это работенка, как у пробовальщика вин при дворе средневекового короля. Что ж, придется тебя разочаровать. Тем более что твоей игре вряд ли пойдет на пользу мысль, будто тебя вот-вот укокошат, не сходя с места. Слушай, я работаю с Шефом вот уже шесть лет. И мне *известно*, что за все эти годы он *ни разу* не прибегал к услугам двойника. И еще — я дважды был свидетелем покушений на его жизнь — один

раз собственноручно прикончил наемного убийцу. Пенни, ты с Шефом дольше, чем я. Он когда-нибудь использовал двойников?

Она холодно покосилась на меня.

— Никогда. Сама мысль, что Шеф мог бы представить вместо себя другого человека в опасной ситуации, настолько... что я с удовольствием дала бы по физиономии этому...

— Спокойней, Пенни,— мягко одернул ее Дак.— Вам обоим предстоит общая работа, так что научись сдерживаться. Кроме того, его ошибочная догадка не так уж и глупа, если посмотреть на нее со стороны. Между прочим, Лоренцо, эту леди зовут Пенелопа Рассел. Она личный секретарь Шефа, что делает ее автоматически твоим тренером номер один.

— Счастлив познакомиться, мадемуазель.

— Не могу ответить вам тем же.

— Прекрати, Пенни, а то как бы мне не пришлось отшлепать тебя по твоей пышной попке, да еще при двукратной силе тяжести! Лоренцо! Я согласен, что изображать Джона Джозефа Бонфорта опаснее прогулки в инвалидном кресле; что и говорить, мы знаем, что несколько покушений на него чуть не закончились выплатой страховки наследникам. Но сейчас нам грозит нечто совсем иное. Дело в том, что по политическим соображениям, о которых ты вскоре узнаешь, мальчики, работающие против нас, не осмеливаются убить Шефа. Они не осмелятся убить и тебя, когда ты примешься его дублировать. Они прикончили бы меня или даже Пенни за милую душу при первом же удобном случае. Сейчас они с восторгом пришили бы и тебя, если бы смогли до тебя добраться, но стоит тебе появиться на публике в роли Шефа — и ты будешь в полной безопасности. Обстоятельства таковы, что они просто не могут позволить себе такой роскоши — прихлопнуть тебя,— он внимательно посмотрел на меня.— Ну, что скажешь?

Я покачал головой.

— Не вполне понимаю вас.

— Ладно, потом поймешь. Дело сложное, включает в себя еще и марсианский образ мышления. А пока просто прими сказанное на веру. Остальное тебе станет ясно еще до прибытия на Марс.

И все же спокойней мне не стало. Правда, до сих пор Дак не выдавал мне отборной лжи — во всяком случае, насколько я мог судить об этом, но что он может врать распрекраснейшим образом, а еще лучше — утаивать правду, в этом я имел возможность *убедиться на собственном горьком опыте.*

Я сказал:

— Послушайте, у меня нет никаких оснований вам доверять, а еще меньше — верить этой леди, уж вы меня, мисс, извините. Но, хотя я и не питаю нежных чувств к Бонфорту, мне все же известна его репутация человека кристально честного. Когда я могу поговорить с ним лично? Когда мы доберемся до Марса?

Некрасивое оживленное лицо Дака затуманилось.

— Боюсь, нет. Разве Пенни тебе не сказала?

— А что она должна была сказать?

— Старик, именно по этой причине нам нужен двойник Шефа — они его похитили.

Голову у меня ломило, должно быть, от двойной перегрузки, а может — от моральных потрясений.

— Теперь ты понимаешь,— продолжал Дак,— почему Джок Дюбуа не хотел доверять тебе тайну, пока мы не вылетим с Земли. Это же величайшая сенсация со времен первой посадки на Луну, а мы придавили ее своими задницами и всеми силами удерживаем от распространения. Мы хотим использовать тебя до тех пор, пока не отыщем Шефа и не освободим его. Если хочешь знать, то свою работу ты уже начал. Этот корабль — вовсе не «Риск», а частная яхта Шефа и одновременно его деловой офис — *«Том Пейн»**. Что касается «Риска», то он сейчас крутится на постоянной орбите вокруг Марса, подавая позывные «Пейна», о чем знают только его капитан и старший связист, тогда как сам «Пейн» понесся к Земле, чтобы подобрать Шефу достойную замену. Начинаешь вникать, старик?

Я признался, что пока еще нет.

— Да... но послушайте, капитан, если политические противники мистера Бонфорта похитили его, то почему вы держите это в секрете? Я бы на вашем месте орал об этом со всех крыш.

— На Земле и мы бы так поступили. И в Новой Батавии. И на Венере — безусловно. Но мы имеем дело с марсианами. Ты знаком с легендой о Кккахграле-младшем?

— Как вы сказали? Боюсь, что нет.

— Придется тебе ею заняться. Это приблизит тебя к пониманию того, что такое марсиане. Если же кратко, то этот парень Ккках должен был появиться в определенном месте в точно назначенное время — а дело было тысячи лет назад — для получения высочайшей награды, что-то вроде посвящения в рыцари. Отнюдь не по собственной вине (как это расценили бы мы), ему не удалось прибыть вовремя. По марсианским обычаям оставалось сделать лишь одно — убить его. Но, учитывая молодость и безупречный послужной список Кккаха, некие радикально мыслящие деятели внесли предложение, чтобы он вернулся туда, откуда прибыл и снова проделал бы весь путь. Но Кккахграль наотрез отказался. Он настоял на своем праве быть казненным и тем самым — очищенным, получил это право и был казнен. Благодаря этому, он стал Святым и Покровителем Приличий на Марсе.

— Чушь какая-то!

— Ты так думаешь? Но ты не марсианин. Это очень древний народ, который выработал сложнейшую систему запретов и правил, охватывающую все возможные ситуации. Заядлые формалисты, это уж точно. В сравнении с ними древние японцы с их «гири» и «гиму»* просто-напросто дикие анархисты. У марсиан не существует понятий «хорошо» или «плохо», а есть лишь «прилично» и «неприлично», где все к тому же возведено в квадрат или в куб, да вдобавок полито острейшим соусом. А говорил я тебе все это потому, что Шефа должны принять в Гнездо Кккахграля-младшего. Усек теперь?

Я все еще ничего не понимал. С моей точки зрения, этот тип Кккахграль был одним из самых мерзейших персонажей гиньоля*.

Бродбент же продолжал:

— Все очень просто. Наш Шеф, возможно, самый крупный знаток обычаев и психологии марсиан. Этим делом он занимался много лет. В ближайшую среду, по местному календарю, в

Лакус-Сити должна состояться церемония Усыновления. Если Шеф на ней появится, все будет о'кей. Если не появится, причем совершенно неважно, почему,— его имя на Марсе предадут поруганию в каждом Гнезде от полюса до полюса, и произойдет самый неслыханный планетарный и межпланетный скандал, какой только можно вообразить. Больше того, скандал будет иметь множество последствий. Самым малым, как я предполагаю, был бы выход Марса из очень непрочного союза с Империей. Гораздо более вероятно, что начнутся волнения, будут убиты земляне, может быть, все без исключения земляне, проживающие на Марсе. В ответ примутся орудовать экстремисты из партии Человечества, и Марс присоединят к Империи насильно. Но это случится после того, как будет убит последний марсианин. И все это — следствие того, что Бонфорт не смог явиться на церемонию Усыновления. К таким делам марсиане относятся очень серьезно...

Дак ушел так же внезапно, как и появился. Пенелопа Рассел снова включила проекционный аппарат. К сожалению, мне с большим опозданием пришла в голову мысль узнать, что именно должно удержать наших противников от моего уничтожения, *если для того, чтобы опрокинуть политическую телегу,* достаточно только не допустить Бонфорта (лично или в моем лице) до посещения варварской марсианской церемонии. Но спросить я забыл, возможно, потому, что боялся ответа.

В общем, я опять принялся изучать Бонфорта, пристально вглядываясь в его движения и жесты, в мимику его выразительного лица, пытаясь в уме повторять интонационные особенности его речи, погружаясь в эту бесконечную и всепоглощающую бездну художественного творчества. Да, *можно сказать, я* уже частично влез в шкуру Бонфорта.

Но вот когда изображение переключилось на показ Бонфорта в окружении марсиан, дотрагивающихся до него своими псевдочленами, тут я запаниковал. Я так вжился в образ, что вдруг внезапно *ощутил* и прикосновение щупалец, и непереносимый для меня запах.

Я сдавленно заорал и попытался оторвать щупальца от себя:

— УБЕРИТЕ ЭТО!!!

Вспыхнул свет, изображение исчезло. Мисс Рассел смотрела на меня во все глаза.

— Что это с вами? Припадок?

Я старался унять дрожь и вновь обрести дыхание.

— Мисс Рассел... очень сожалею... пожалуйста... не надо этого... не выношу марсиан...

Она посмотрела на меня так, будто услышала нечто совершенно невероятное, но тем не менее возмутилась.

— Я же им говорила,— отчетливо и неприязненно проговорила она,— что вся эта идиотская затея гроша ломаного не стоит.

— Мне очень жаль, но это от меня не зависит...

Она не ответила и с большим трудом выбралась из «давильни». Двигалась она при двукратной перегрузке куда хуже Дака, но все же двигалась. Пенни вышла, не сказав ни слова и захлопнув за собой дверь.

Она так и не вернулась. Вместо нее в каюте появился человек в чем-то вроде огромных детских ходунков.

— Здрассьте-здрассьте, юноша,— проговорил он гулким басом. Было ему лет за шестьдесят, был он толст и лыс как колено. И не требовалось даже спрашивать его о дипломе, чтобы угадать в нем домашнего врача.

— Здравствуйте, сэр. Как поживаете?

— Неплохо. Но поживал бы еще лучше при более скромных перегрузках — он критически оглядел поддерживающее его сооружение.— А как вам мой самодвижущийся корсет? Может, он и не так красив, но зато снимает лишнюю нагрузку с сердца. Кстати, меня зовут доктор Капек, я личный врач мистера Бонфорта. Кто вы — мне известно. Ну, так что у вас за проблема с марсианами?

Я постарался изложить ему суть дела предельно ясно и без эмоций.

Доктор Капек кивнул:

— Все это капитан Бродбент обязан был сообщить мне гораздо раньше. В своей области капитан Бродбент вполне компетентен, но у молодых людей мышцы нередко действуют раньше, чем ум... У него настолько сильна сконцентрированность на материальном мире, что иногда это просто пугает меня. Впрочем,

ничего дурного не произошло. Я попрошу вас дать согласие на сеанс гипноза. Даю слово врача, гипноз будет использован только для помощи вам в этом деле, и я ни в коем случае не затрону глубин вашего сознания.— Он вытащил из карманчика старомодные часы, которые можно считать чуть ли не вывеской его профессиональной принадлежности, и нащупал мой пульс.

Я ответил:

— Такое разрешение, сэр, я охотно дам, но боюсь, ничего не получится. Я не поддаюсь гипнозу.— Я сам в свое время учился гипнозу, давая сеансы чтения мыслей, но моим учителям так и не удалось погрузить меня в транс. Моим сеансам чуть-чуть гипноза не помешало бы, особенно в тех городах, где полиция не слишком строго следит за выполнением всех правил, которыми связала нас по рукам и ногам Ассоциация врачей.

— Вот как? Что ж, тогда нам придется обсудить другие варианты. А пока расслабьтесь, лягте поудобнее, и мы сможем более подробно побеседовать о ваших проблемах.

Он все еще продолжал держать в своей руке часы, покачивая их и вращая пальцами цепочку, хотя уже перестал измерять мой пульс. Я хотел напомнить ему об этом, потому что часы отражали свет от лампы для чтения, висевшей над моим изголовьем, но потом решил, что у него, должно быть, выработалась такая нервная привычка, о которой, возможно, он и сам не подозревает, и чужому человеку вовсе нет необходимости лезть в это дело.

— Я уже расслабился,— сказал я.— Спрашивайте о чем хотите. Если угодно, начнем с ассоциативных связей...

— А вы постарайтесь вообразить себя как бы на плаву,— ответил он тихо.— Ведь двойную силу тяжести переносить так трудно... верно? Я обычно в такое время стараюсь спать побольше... это содействует отливу крови от мозга... такое сонное состояние... корабль, между прочим, мне кажется, ускоряет ход... нам станет еще тяжелее... придется уснуть...

Я начал было говорить, что ему лучше бы убрать свои часы, иначе они вырвутся из его рук. А вместо этого взял да и заснул.

Когда я проснулся, то обнаружил, что другую койку для перегрузок занимает доктор Капек.

— Привет, дружок! — приветствовал он меня.— Эта дурацкая детская коляска мне осточертела, и я позволил себе вытянуться, чтобы правильно распределить напряжение.

— А что, мы вернулись к двукратному?

— А? Ну конечно. У нас сейчас перегрузка двукратная.

— Очень жаль, что я отключился. Долго это продолжалось?

— Нет, не очень. А как вы себя чувствуете?

— Отлично. Просто удивительно хорошо отдохнул.

— Да, такой побочный эффект известен. Особенно при больших ускорениях, я хочу сказать. Ну как, посмотрим картинки?

— Что ж, с удовольствием, если вам так угодно, доктор.

— О'кей! — он вытянул руку — и свет в каюте погас.

Я собрал всю волю в кулак, зная, что сейчас он начнет показывать мне марсиан. Про себя я решил, что паниковать ни за что не буду. В конце концов, бывали же случаи, когда мне удавалось притвориться, что их просто не существует. А ведь это — кино, оно никак не может мне повредить, просто в тот раз они уж очень *внезапно появились*.

Это действительно были стереоизображения марсиан как с Бонфортом, так и без него. И тут обнаружилось, что я могу смотреть на них как бы отвлеченно — без страха или отвращения.

Внезапно я понял, что мне *приятно* смотреть на них. Я издал какое-то восклицание — и Капек остановил фильм.

— Опять затруднения?

— Доктор, вы загипнотизировали меня?

— Так вы же разрешили.

— Но меня нельзя загипнотизировать!

— Весьма прискорбно это слышать.

— Но... но вам удалось! Я же не настолько туп, чтобы не заметить очевидного.— Я был поражен.— А может быть, мы еще раз прокрутим эти кадры? Мне просто не верится...

Он снова включил проектор, а я смотрел и удивлялся. Марсиане вовсе не были омерзительны, если смотреть на них без предубеждения. Их даже нельзя было назвать некрасивыми. Они обладают каким-то пикантным изяществом — ну, как китайская пагода, что ли. Это верно, что по форме они не похожи на человека, но

ведь и райская птица тоже не похожа на него, а она — одно из чудеснейших явлений природы.

Я начал понимать, что их псевдочлены могут быть очень выразительны. Их неловкие движения чем-то напомина ли мне поведение добродушного щенка. Теперь я знал, что всю жизнь смотрел на марсиан сквозь призму ненависти и страха.

«Конечно,— размышлял я,— к их запаху надо привыкнуть, но...» И тут я внезапно обнаружил, что я *обоняю* их, я ощущаю этот ни с чем не сравнимый запах — и не имею против него ровным счетом ничего! Больше того, он мне нравится.

— Доктор,— пристал я к нему,— а у проектора есть приставка для передачи запахов?

— Что? Кажется, нет. Да и как ей быть — для яхты она слишком велика.

— Нет, есть! Я же чувствую их аромат, чувствую совершенно отчетливо!

— Ах, вот оно что! — он выглядел весьма смущенным.— Знаете, дружок, я должен повиниться перед вами, кое-что мне все же пришлось сделать, что, надеюсь, не доставит вам особого беспокойства.

— Не понимаю вас, сэр!

— Да, пока мы зондировали ваш мозг, мы выяснили, что ваше невротическое отношение к марсианам во многом определяется запахом, присущим их телам. Ну, времени для внесения глубоких изменений у меня не было, так что пришлось этот запах просто заглушить. Я попросил Пенни — девицу, что занимала эту койку,— одолжить мне духи, которыми она пользуется. Боюсь, дружок, что с нынешнего дня марсиане будут пахнуть для вас, как парижский парфюмерный салон. Если бы у меня было время, я бы воспользовался каким-нибудь более простым и приятным запахом — например, земляники или горячих пышек с сиропом. Однако пришлось импровизировать.

Я принюхался. Да, действительно, пахло сильными и дорогими духами. Черт побери, они и в самом деле отдавали запахом марсиан.

— Мне это нравится.

— А куда ж вам теперь деваться!

— Но вы, пожалуй, разлили тут целый флакон духов. Каюта прямо благоухает ими!

— Что? Нет-нет. Просто полчаса назад я поводил затычкой флакона у вас под носом, а потом вернул флакон Пенни, и она его унесла.— Он принюхался.— Да и запах-то уже выветрился. «Страсть в джунглях» — так написано на этикетке. По-моему, там слишком много мускуса. Я даже намекнул Пенни, что она собирается довести весь наш экипаж до любовного безумия, но она только хихикнула,— доктор потянулся и выключил проектор.— Хватит пока. Надо заняться более важным делом.

Когда изображение погасло, вместе с ним стал слабеть и аромат, точно так же, как это бывает с приставками для запахов. Мне пришлось доказывать себе, что все это лишь мое воображение. Умом-то я это быстро усвоил, но, когда несколькими минутами позже в каюту вошла Пенни, она благоухала точно марсианка.

И я пришел в полный восторг!

Глава 4

Мое дальнейшее обучение происходило в той же самой комнате. Оказалось, что она служила мистеру Бонфорту гостиной. Я совсем не спал, разве что отдыхал под гипно зом, но, по-видимому, никакой нужды в сне не испытывал. Док Капек или Пенни всегда были рядом, готовые помочь, чем можно. К счастью, человек, которого мне предстояло играть, фотографировался и снимался на пленку куда чаще, чем многие другие политические деятели, а кроме того, я пользовался всесторонней помощью близких к нему лю дей. Материала была масса, и проблема заключалась в том, сколько его я смогу усвоить как бодрствуя, так и под гипнозом.

Не знаю, в какой момент я почувствовал, что перестал относиться к Бонфорту с предубеждением. Доктор Капек уверял — и я ему верил,— что никаких внушений на этот счет под гипнозом не было. Сам я об этом не просил, а что касается Капека, то я абсолютно уверен в его щепетильности и порядочности в вопросах

этики врача и гипнотерапевта. Подозреваю, что это просто результат вживания в образ — думаю, что проникся бы симпатией даже к Джеку-Потрошителю*, если бы мне предложили его сыграть. Взгляните на это дело глазами актера: чтобы по-настоящему войти в роль, необходимо на время стать тем человеком, которого играешь. А человек либо нравится себе, либо кончает жизнь самоубийством — другого пути тут нет.

«Понять — значит простить», а я уже начал понимать Бонфорта.

Во время торможения мы получили возможность отдохнуть при нормальной силе тяжести, как и обещал Дак. Состояние невесомости не наступало ни на минуту. Вместо включения тормозных двигателей, к чему космолетчики не любят прибегать, корабль проделал то, что Дак назвал стовосьмидесятиградусной петлей. Этот маневр позволяет двигателям работать в прежнем режиме, проделывается очень быстро и оказывает весьма странное действие на организм, как бы нарушая чувство равновесия. Называется это эффектом то ли Кориолана, то ли Кориолиса*.

Все, что я знаю о космических кораблях,— это то, что те из них, которые взлетают с Земли, хоть и являются настоящими ракетами, но вояжеры их зовут «чайниками» из-за той напоминающей пар струи воды или водорода, с помощью которой они движутся. Их нельзя считать настоящими атомными кораблями, хотя нагрев и производится атомным реактором. Межпланетные же корабли, как, например, тот же «Том Пейн», пользуются формулой, где то ли E равно mc^2, то ли m равно Ec^2. Ну словом, той штуковиной, которую изобрел Эйнштейн.

Дак изо всех сил старался разъяснить мне все это. Вероятно, это действительно интересно для тех, кто такими делами занимается. Я же, откровенно говоря, в толк не могу взять, какое дело настоящему джентльмену до таких вот вещей. По моему мнению, всякий раз, когда эти ученые парни со своими логарифмическими линейками берутся за что-нибудь, жизнь сразу же становится еще сложнее. И что им не понравилось в этом мире, каким он был раньше?

За те два часа, что мы пробыли при нормальной силе тяжести, я перебрался в личную каюту Бонфорта. Там я надел его ко-

стюм и постарался во всем походить на него, а все окружающие обращались ко мне «мистер Бонфорт», или «Шеф», или (как доктор Капек) «Джозеф», чтобы помочь войти в роль.

Все, кроме Пенни. Она ни за какие коврижки не хотела звать меня мистером Бонфортом. Она вовсю старалась быть полезной, но принудить себя к этому не могла. Как божий день было ясно, что она безмолвно и безнадежно влюблена в своего босса и что я вызываю у нее глубочайшую, совершенно нелогичную, но для нее в высшей степени естественную неприязнь. Это обстоятельство было одинаково тяжелым для нас обоих, особенно если учесть, что мне она казалась очень привлекательной. Попробуйте-ка добиться успеха в деле, если с вами рядом постоянно находится женщина, вас презирающая! А я ей тем же ответить не мог. Очень жалел ее, хотя не могу сказать, что ее поведение меня радовало.

В общем, это было что-то вроде генеральной репетиции, так как далеко не все на борту «Тома Пейна» знали, что я не Бонфорт. Не знаю, кто именно был посвящен в историю с подменой, но расслабляться и задавать вопросы мне разрешалось только Даку, доктору Капеку и Пенни. Я почти уверен, что глава секретариата Бонфорта мистер Вашингтон знал о подмене, но ничем этого знания не обнаруживал. Это был худощавый пожилой мулат с крепко сжатыми губами на лице мученика. Были еще двое посвященных, но они находились не на «Томе Пейне», а на «Риске» и оттуда прикрывали нас, обрабатывая текущую почту и передавая различную информацию прессе. Это были Билл Корпсмен, отвечавший в аппарате Бонфорта за связь со средствами массовой информации, и Роджер Клифтон. По правде говоря, не знаю, как определить сферу деятельности Клифтона. Может быть, заместитель по вопросам политики? Если помните, он был министром без портфеля, когда Бонфорт занимал пост Верховного Министра. Впрочем, это ни о чем не говорит. А если коротко, то можно сказать так: Бонфорт разрабатывал политику, а Клифтон контролировал ее проведение в жизнь.

Эта маленькая группа людей знала все, а если кто-нибудь еще и был в курсе, то меня не сочли нужным уведомить об этом. Однако будьте уверены, что и другие сотрудники Бонфорта, и члены

команды его корабля понимали, что происходит нечто необычное, только не знали — что именно. Многие видели, как я появился на борту, но в обличье Бенни Грея. К тому времени, когда я встретился с ними снова, я был для них уже мистером Бонфортом.

У кого-то хватило ума запастись настоящими средствами для гримировки, но я к ним почти не прибегал. На близком расстоянии грим всегда виден. Даже силикоплоть не обладает текстурой, присущей человеческой коже. Я ограничился тем, что придал коже более темный оттенок при помощи «Семиперма» и постарался удерживать на лице типично бонфортовское выражение. Мне, разумеется, пришлось пожертвовать большей частью своей шевелюры, а доктор Капек умертвил корни моих волос. Я не слишком огорчился — ведь актер всегда может подобрать себе нужный парик, а кроме того, я был уверен, что эта работа принесет мне такой куш, который позволит удалиться от дел на весь остаток жизни, если я, конечно, захочу этого.

С другой стороны, мне нередко приходило на ум, что этот самый «остаток» может оказаться весьма скромным,— вам же знакомы эти старинные поговорки насчет человека, который слишком много знал, и про покойника, который хранит секреты лучше всех. Однако если говорить честно, то я все больше верил этим людям. Все они были чертовски славный народ, что говорило о Бонфорте не меньше, чем прослушивание его речей или просматривание кинолент. Политик — это не только он один, как я уже начал понимать, но и команда хорошо сработавшихся людей. И если Бонфорт сам не был честен, его бы не стали окружать такие люди, как эти.

Больше всего тревог мне доставлял марсианский язык. Подобно большинству актеров, я поднабрался слов марсианского, венерианского и даже внешнеюпитерианского языков, чтобы безбоязненно оперировать ими в случае нужды — на сцене или перед кинокамерой. Но эти раскатистые или трепещущие согласные дьявольски трудны для произношения. Человеческие голосовые связки, полагаю, не столь универсальны, как марсианские тимпаны, и в любом случае полуфонетическая передача этих звуков привычными буквами — например, «ккк», «ррр» или «жжж» —

имеет с реальными звуками общего не больше, чем звук «г» в слове «гну» с тем щелкающим придыхательным звуком, который издает, произнося это слово негр банту. Марсианское «жжж» больше всего, например, похоже на шуточное приветствие, которое иногда можно услышать в Бронксе.

По счастью, Бонфорт не отличался особыми способностями к языкам, а я все же профессионал. Мои уши слышат отлично, а голос может имитировать любой звук — от взвизга пилы, наскочившей в старом бревне на ржавый гвоздь, до кудахтанья курицы-несушки, потревоженной в своем гнезде. Что же касается марсианского, то я должен был владеть им на том же уровне, что и Бонфорт. Он работал над языком упорно, стараясь прилежанием компенсировать недостаток таланта, и каждое слово или фраза марсианского языка, ему известные, фиксировались на пленке, чтобы он мог исправить свои ошибки.

Я тщательно изучал эти ошибки, пользуясь звукоснимателем, перенесенным в его офис, а Пенни сидела рядом, разбирая кассеты и отвечая на мои вопросы.

Языки Земли разделяются на четыре группы: флективные — например, англо-американский; позиционные — например, китайский; агглютинативные, как старотурецкий; и полисинтетические, примером которых может служить эскимосский. К ним теперь добавили такие дикие и непостижимые для человеческого ума структуры, как венерианский. К счастью, марсианский в какой-то степени имеет аналоги человеческим речевым формам. Марсианский «бейсик» — торговый язык — является позиционным, он использует лишь простейшие конкретные понятия, вроде приветствия «Я тебя вижу». «Высокий» марсианский язык относится к полисинтетическим, он очень стилизован и способен выразить каждый нюанс их крайне сложной системы поощрений и наказаний, приличий и табу. Пенни сказала, что Бонфорт мог с легкостью читать те бесконечные сочетания точек, которые им заменяют письменность, но из разговорных форм «высокого» марсианского умел произнести лишь несколько сот предложений.

Бог ты мой! Как же я вкалывал, чтобы выучить то, что знал Бонфорт!

Напряжение, в котором пребывала Пенни, было во много раз сильнее, чем у меня. Оба — и Дак, и она — немного знали марсианский, но вся тяжесть тренировки пала на ее плечи, так как Даку приходилось много времени проводить в рубке — гибель Джока оставила его без помощника. Мы перешли с двукратного ускорения на нормальное на те несколько миллионов миль, что остались нам для подхода к Марсу, и за все это время Дак ни разу не спускался к нам вниз. Я же с помощью Пенни разучивал сложнейший ритуал, сопровождающий церемонию Усыновления.

Я только кончил репетировать речь, в которой благодарил за оказанную мне честь быть принятым в Гнездо Кккаха, речь, по своему духу несколько похожую на ту, что произносит еврейский ортодоксальный юноша, принимая на себя обязанности мужчины, только более стройную и столь же не подлежащую изменениям, как и монолог Гамлета. Я прочел ее со свойственными Бонфорту ошибками в произношении, сопровождая чтение типичным для Бонфорта лицевым тиком.

Кончил и спросил:

— Ну как?

— Вполне удовлетворительно,— серьезно ответила Пенни.

— Спасибо, Кудрявенькая.— Это было прозвище, заимствованное с катушек с записями языковых уроков Бонфорта. Так он называл Пенни, когда приходил в хорошее расположение духа. Применение его в данном контексте было вполне оправданно.

— Не смейте меня так называть!

Я взглянул на нее в полном изумлении и ответил, все еще не выходя из образа:

— Что с тобой, Пенни, детка?

— И так тоже не смейте! Вы... обманщик! Фальшивка! Жалкий актеришка! — она вскочила и опрометью кинулась прочь, что в наших условиях означало — до двери, и остановилась там, спиной ко мне, закрывая лицо руками и сотрясаясь от рыданий.

Я сделал огромное усилие, чтобы выйти из образа — втянул живот, разрешил моему собственному лицу проступить сквозь ставшую привычной маску, и своим обычным голосом произнес:

— Мисс Рассел! — она перестала плакать, резко обернулась, посмотрела на меня, и рот ее раскрылся от удивленья. Я добавил, продолжая оставаться самим собой: — Подойдите ко мне и сядьте.

Сначала мне показалось, что она не подчинится, но потом она, видимо, передумала, медленно вернулась к стулу и села, сложив руки на коленях и сохраняя выражение лица маленькой девочки, решившей упрямиться до самого конца.

Я дал ей успокоиться, потом сказал:

— Да, мисс Рассел, я действительно актер. Но разве это причина, чтобы оскорблять меня?

Ее лицо по-прежнему выражало лишь упрямство.

— Как актер, я здесь нахожусь для того, чтобы выполнить определенную актерскую работу. И вам прекрасно известно — какую. Вы знаете также, что меня завлекли в это дело обманом, это ведь не та работа, за которую я взялся бы с открытыми глазами, даже если бы был смертельно пьян. Я ненавижу эту работу, ненавижу куда сильнее, чем вы ненавидите меня за то, что я ее исполняю, ибо, невзирая на жизнерадостные заверения капитана Бродбента, я вовсе не уверен, что выйду из этого переплета с неповрежденной шкурой, а я ею ужасно дорожу — ведь она у меня одна. Но разве это основание, чтобы делать мою работу еще более тяжелой, чем она есть на самом деле? — Она что-то пробурчала. Я резко прикрикнул: — Отвечайте!

— Это нечестно! Это непорядочно!

Я вздохнул.

— Безусловно. Более того, это почти невероятно, особенно без всемерной поддержки всех остальных членов нашей труппы. Поэтому позовите сюда капитана Бродбента и скажите ему. И пусть все идет к чертям!

Она подняла глаза и сказала:

— О нет! Этого делать ни в коем случае нельзя!

— Это почему же? Гораздо лучше все бросить на нынешней стадии, чем довести дело до позорного провала у всех на глазах. Я, согласитесь, не могу выступать в таких условиях.

— Но... но... мы же должны... наконец, это просто необходимо...

— А почему необходимо, мисс Рассел? Из политических соображений? Так я совершенно равнодушен к политике и сомневаюсь, что вы питаете к ней такой уж глубокий интерес. Так зачем же тянуть?

— Потому что... потому что он...— она замолчала, не в силах продолжать и задыхаясь от слез.

Я встал, обошел ее сзади и положил ей руку на плечо.

— Я понимаю. Потому что, если мы этого не сделаем, что-то, над чем он трудился долгие годы, рухнет и превратится в прах. Потому что он не в состоянии сделать этого сам, и его друзья пытаются прикрыть его и сделать это за него. Потому что его друзья верны ему. Потому что вы сами верны ему. И тем не менее вам неприятно видеть другого человека на том месте, которое по праву принадлежит только ему. Кроме того, вы наполовину потеряли голову от горя и беспокойства за его жизнь. Разве не так?

— Так.

Я еле разобрал сказанное слово. Взял ее за подбородок и поднял лицо.

— Я знаю, почему вам так тяжело видеть меня на его месте. Вы любите мистера Бонфорта. Но и я изо всех сил стараюсь помочь ему. Будь оно все проклято, женщина! Вы что же, хотите сделать мое положение в шесть раз хуже, обращаясь со мной, как с дерьмом?

Это ее шокировало! В какое-то мгновение мне показалось, что я сейчас схлопочу по физиономии. Потом она тихо сказала:

— Я сожалею... я очень сожалею... больше это не повторится...

Я отпустил ее подбородок и деловито произнес:

— Тогда за работу.

Она не сдвинулась с места.

— Вы можете простить меня?

— Что? Тут нечего прощать, Пенни. Вы поступали так, потому что любите его и потому что встревожены. Ну, а теперь за работу. Я должен быть уверен в каждой букве, а нам остались какие-то жалкие часы...

Я снова вошел в образ.

Она взяла кассету и вновь запустила проектор. Я еще раз просмотрел пленку и опять произнес монолог, не включая звук

и синхронизируя свою речь с движением его губ. Пенни смотрела, переводя взгляд с его лица на мое, и ее черты выражали только смятение. Мы кончили, и я выключил проектор.

— Ну как?

— Великолепно.

Я улыбнулся его улыбкой:

— Спасибо, Кудрявенькая.

— Не за что... мистер Бонфорт.

Двумя часами позже мы встретились с «Риском».

Дак привел Роджера Клифтона и Билла Корпсмена в мою каюту сразу же после того, как их переправили с «Риска». Оба уже были мне знакомы по видеозаписи. Я встал и сказал:

— Привет, Родж. Рад вас видеть, Билл.— Голос мой был приветлив и обычен. На том уровне отношений, которые их связывали, быстрый перелет к Земле и обратно означал лишь кратковременную отлучку и не более того. Я прохромал вперед и протянул руку. Ускорение было меньше нормального, корабль переходил на орбиту поближе к Марсу.

Клифтон бросил на меня быстрый взгляд и подыграл мне. Он вынул изо рта сигару и тихо произнес:

— Привет, Шеф.

(*Это был маленький человечек, лысый, средних лет, похожий одновременно и на адвоката, и на заядлого игрока в покер.*)

— Что-нибудь произошло, пока меня не было?

— Нет, все как обычно. Папку с делами я передал Пенни.

— Отлично.— Я повернулся к Биллу Корпсмену и тоже протянул руку.

Он ее не принял. Вместо этого подбоченился, оглядел меня с головы до ног и присвистнул.

— Поразительно! Думаю, у нас есть шанс справиться с ситуацией,— он снова оглядел меня и сказал: — А ну-ка, повернись, Смизи! И пройдись немного. Хочу проверить, как ты ходишь.

Я ощутил такое раздражение, которое, вероятно, ощутил бы сам Бонфорт, если бы с ним обошлись так же нахально. Разумеется, раздражение отразилось на моем лице.

Дак тронул Корпсмена за рукав и тихо сказал:

— Остынь-ка, Билл. Ты что, не помнишь, о чем мы договорились?

— Чушь собачья! — ответил Корпсмен.— Каюта звуконепроницаема. Все, что я хочу — это проверить его. Смизи, как твой марсианский? Можешь болтануть на нем?

Я ответил ему многосложным словом на «высоком» марсианском, которое имело значение «Правила хорошего тона требуют, чтобы один из нас покинул комнату», но глубинный смысл куда серьезнее — он означал вызов, который, как правило, кончался уведомлением одного из Гнезд о преждевременной смерти его сочлена.

Не думаю, чтобы Корпсмен понял, так как он ухмыльнулся и ответил:

— Что ж, должен признаться, что ты не разочаровал меня, Смизи. Сделано недурственно.

Дак, однако, понял все. Он взял Корпсмена за руку и сказал:

— Билл, я уже просил тебя оставить этот тон. Ты находишься на моем корабле и рассматривай эту просьбу как приказ. Мы договорились, что с этой минуты и до конца мы все участники одного представления.

Корпсмен ответил ему злым взглядом, потом пожал плечами.

— Ладно-ладно. Я просто проверял, идея-то была моя,— он криво улыбнулся и сказал: — Привет, мистер Бонфорт. Рад вашему возвращению.

Он сделал чуть большее, чем следовало бы, ударение на слове «мистер», но я оставил это без внимания:

— Приятно снова оказаться среди друзей, Билл. Есть какие-нибудь важные новости, которые мне нужно знать, прежде чем мы двинемся дальше?

— Пожалуй, ничего выдающегося. Пресс-конференция в Годдард-Сити* состоится сразу же после церемонии.

Я видел, что ему любопытно, как я к этому отнесусь. Я кивнул:

— Что ж, хорошо.

Дак быстро вмешался:

— Слушай, Родж, это еще зачем? Разве в этом есть необходимость? С тобой это согласовано?

— Я вынужден добавить,— ответил Корпсмен, поворачиваясь к Клифтону,— пока у шкипа не начался родимчик, что я могу провести ее сам, сказав, что у Шефа ларингит после церемонии, или же ограничить ее ответами на письменные вопросы, заданные заранее и на которые я заранее же подготовлю письменные ответы, пока идет церемония. Однако, увидев, как он выглядит и как похоже разговаривает, я посоветовал бы рискнуть. Как вы насчет этого... мистер Бонфорт? Сможете провернуть?

— Нет проблем, Билл.— Я подумал, что если на марсианской церемонии у меня не произойдет какого-нибудь сбоя, то я смогу морочить головы целой своре земных репортеров столько времени, сколько они будут способны выдержать. К этому времени я уже хорошо овладел лексикой Бонфорта и имел общее представление о его политических взглядах и предпочтениях, а в детали мне ведь вникать не требовалось.

Но Клифтон разволновался. Однако прежде, чем он успел вмешаться, чей-то голос сказал по переговорному устройству:

— Капитана просят в рубку управления. Готовность минус четыре минуты.

Дак бросил:

— Ладно, в остальном разбирайтесь сами. А мне надо загнать эту банку на надлежащую полку, на подхвате же никого нет — один молодой Эпштейн.— И он кинулся к двери.

Корпсмен крикнул:

— Слушай, шкип! Мне надо сказать тебе...— и тоже исчез за дверью, даже не попрощавшись.

Клифтон прикрыл дверь, которую Корпсмен оставил открытой, вернулся к нам и медленно заговорил:

— Вы хотите рискнуть с этой конференцией?

— Решаете вы. Черную работу делаю я.

— М-м-м... Тогда я склонен рискнуть, если мы воспользуемся практикой письменных вопросов с заранее подготовленными ответами. Но я проверю ответы Билла, прежде чем передать их вам.

— Отлично,— потом я добавил: — Если вы найдете возможность дать мне их минут за десять или около того до конференции, то никаких трудностей не будет. Я учу быстро.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Охотно верю, Шеф. Хорошо, я попрошу Пенни передать вам ответы сразу же после церемонии. Потом вы извинитесь, что вам нужно в туалет, и пробудете там столько, сколько будет нужно.

— Этого достаточно.

— И я так думаю. Должен сказать, что, увидев вас, я почувствовал себя куда увереннее. Чем-нибудь могу вам быть полезен?

— Думаю, нет, Родж. Впрочем, один вопрос есть. О Бонфорте есть новости?

— Что? Ах да! И да, и нет. Он все еще находится в Годдард-Сити, в этом мы уверены. Его не вывезли ни с Марса, ни за город. Тут мы их заблокировали, конечно, если допустить, что у них такие намерения были.

— Но ведь Годдард-Сити не такой уж большой город, правильно? Не больше ста тысяч жителей. Так в чем же загвоздка?

— Загвоздка в том, что мы не можем признаться в том, что вы... что он, я хочу сказать, похищен. Как только мы справимся с проблемой усыновления, мы сможем спрятать вас, а затем объявить о похищении, будто бы совершенном сразу после церемонии. Городская администрация, конечно, в руках партии Человечества, но им придется сотрудничать с нами, особенно после того, как Усыновление состоится. И это будет самое тесное сотрудничество из всех, какие вам только приходилось наблюдать, так как им захочется найти мистера Бонфорта как можно скорее, пока все Гнезда Кккахграля не накинулись на них и не разнесли этот городишко по камешку.

— Вот как! Я еще очень мало знаю о марсианских обычаях и о психологии марсиан.

— Как и все мы.

— Родж... ммм... А почему вы все так уверены, что он еще жив? Разве для похитителей не было бы лучше... и риска меньше... если бы они его убили? — Тут я вспомнил, как совсем недавно мне самому пришлось убедиться, что если человек решителен, то отделаться от трупа — дело пустяковое.

— Я понимаю, о чем вы говорите. Но это тоже связано с марсианскими представлениями о приличиях (он употребил марси-

анский эквивалент этого слова). Смерть — единственная простительная причина невыполнения обязательства. Если бы Бонфорта просто убили, марсиане все равно усыновили бы его в своем Гнезде посмертно, а затем Гнездо, а возможно, и все марсианские Гнезда принялись бы мстить за него. Им вообще-то нет дела, пусть хоть вся человеческая раса будет уничтожена или вымрет, но убить того человека, который помешал Бонфорту быть усыновленным при жизни,— это уж дело совершенно иное. Такая ситуация относится к области приличий и обязательств, а они в некоторых отношениях столь автоматически определяют действия марсиан, что в соответствующих случаях о них можно говорить, как об инстинкте. Разумеется, это не инстинкт, поскольку марсиане в высшей степени разумны. Но иногда они совершают дьявольски страшные поступки.— Он нахмурился и добавил: — Иногда я очень жалею, что покинул родной мой Сассекс.

Предупреждающий вой сирены прервал наш разговор и заставил поторопиться к койкам. Дак организовал все чудесно — как только мы перешли на режим свободного падения, к нам прибыла ракета-шаттл из Годдард-Сити, и мы — все пятеро — перешли на нее, так что все пассажирские места оказались заняты, что опять-таки было результатом тонкого расчета, так как Резидент-Комиссар выразил намерение встретить меня; эту встречу удалось предотвратить лишь письмом Дака, где сообщалось, что нам нужны все пассажирские места на шаттле.

Я надеялся во время спуска получше рассмотреть поверхность Марса, поскольку из капитанской рубки «Тома Пейна» мне удалось повидать ее лишь краешком глаза, ибо предполагалось, что на Марсе я уже бывал неоднократно, и демонстрировать туристское любопытство мне не следовало. Но и сейчас я увидел немногое — пилот шаттла развернул ракету так, что мы увидели Марс лишь в момент посадки, да и я все это время был занят надеванием кислородной маски.

Эта проклятая маска чуть было не испортила нам все дело. У меня не было времени с ней попрактиковаться, так как Дак об этом не подумал, а я не предполагал, что она может превратиться в проблему. В свое время мне приходилось носить и акваланг,

и космический скафандр, и я считал, что это примерно то же самое. А оказалось — маска на них совсем не похожа. Модель, которую предпочитал Бонфорт,— она называлась «Тихий ветерок», производилась концерном Мицубиси — оставляла рот открытым, а обогащенный кислородом воздух подавался прямо в ноздри — носовой зажим, патрубок в ноздрях, трубки, идущие от каждой ноздри прямо за уши, где на затылке укреплялся смеситель. Я согласен, это превосходное изобретение, позволяющее разговаривать, есть, пить и т.д. прямо в маске, если, разумеется, к ней привыкнуть. Но я бы лично предпочел дантиста, засовывающего свои руки по локоть мне в рот.

Главная трудность овладения системой состояла в том, что нужно было научиться сознательно управлять мускулами рта и глотки. В противном случае вместо речи получалось что-то вроде свиста кипящего чайника, ибо проклятущая маска работала на принципе разницы давлений.

К счастью, пилот, как только мы надели маски, тут же уравнял давление в каюте с марсианским, что дало мне почти двадцать минут для привыкания. Но был момент, когда я решил, что все кончено из-за простейшего дурацкого приспособления. И тогда я внушил себе, что уже сотни раз надевал эту штуковину, что привык к ней, как к своей зубной щетке. И, в конце концов, уверовал в это.

Даку удалось избавить нас от присутствия Резидента-Комиссара на борту шаттла, а меня — от разговоров с ним в течение целого часа, но освободиться от него полностью не удалось. Он встретил шаттл в космопорте. Отсутствие времени помешало мне пообщаться с другими людьми, так как я должен был немедленно отправиться в город марсиан. Очень трудно было представить себе, хотя это и истинная правда, что среди марсиан я буду находиться в большей безопасности, нежели среди своих соплеменников. Но еще более странным было ощущение, что находишься на Марсе.

Глава 5

Комиссар Бутройд был, конечно, ставленником партии Человечества, как и весь подчиненный ему аппарат, за исключени-

ем чисто технических работников Гражданской службы. Однако Дак уверял меня, что готов поставить шестьдесят против сорока, что Комиссар никакого отношения к заговору не имеет. Дак считал его человеком честным, хоть и глуповатым. И Дак, и Клифтон полагали непричастным к заговору и Верховного Министра Кирогу. Всю вину они возлагали на подпольную террористическую группировку, сложившуюся внутри партии Человечества и называвшую себя «Активисты». Среди последних было немало в высшей степени респектабельных и богатых людей, надеявшихся на получение колоссальных барышей.

Что касается меня, то я не смог бы отличить активиста от аукциониста.

В самый момент приземления, однако, случилось нечто, заставившее меня усомниться в том, действительно ли наш приятель Бутройд так честен и глуп, как полагал Дак. Это была мелочь, но из тех мелочей, из-за которых рушатся самые хитроумные планы заговорщиков.

Поскольку я был Очень Важным Лицом, Комиссар меня встречал. Поскольку у меня не было никакого официального статуса, кроме звания члена Великой Ассамблеи, и путешествовал я частным образом, то протокольного приема мне не полагалось. Поэтому Комиссар был один, если не считать его адъютанта и девочки лет пятнадцати.

Комиссар был мне знаком по фотографиям, да и знал я о нем вполне достаточно. Родас и Пенни проинструктировали меня очень тщательно. Мы пожали друг другу руки, я спросил, как дела с его синуситом*, поблагодарил за приятно проведенное время в прошлый приезд на Марс, перекинулся несколькими шутливыми словами с его адъютантом, на что Бонфорт, как известно, великий мастер. Затем повернулся к девочке. Я знал, что у Комиссара есть дети, знал, что одна из них девочка и примерно того же возраста. Но чего я не знал (возможно, этого не знали и Пенни с Роджем), так это того, встречался ли Бонфорт с ней раньше.

Бутройд спас меня:

— Мне кажется, вы незнакомы с моей дочерью Дейрдре? Она заставила взять ее с собой.

Ничто виденное мной на кинолентах, которые я изучал, не давало мне даже намека на то, как Бонфорт обращается с юными девицами, поэтому я принялся действовать так, как, по моему ощущению, должен был бы вести себя вдовец, переступивший за пятьдесят, бездетный, не имевший даже племянницы и, вероятно, никогда в глаза не видавший ни одной девчонки-тинэйджера, но зато обладающий огромным опытом общения с людьми самого разного сорта. Я принялся обхаживать ее, будто она была вдвое старше. Даже ручку чмокнул. Она зарделась и казалась вполне довольной.

Бутройд сказал снисходительно:

— Ну что ж, детка, проси что хотела. Другого случая может и не быть.

Девочка покраснела еще больше и прошептала:

— Сэр, не могу ли я попросить у вас автограф? У нас все девочки в классе их собирают... У меня уже есть автограф мистера Кироги... И очень хотелось бы ваш...— и она протянула мне маленький блокнотик, который прятала за спиной.

Я почувствовал себя, как водитель коптера, у которого потребовали права на вождение машины, а он забыл их дома в других штанах. Как старательно ни обучался я подражать Бонфорту, мне и в голову не пришло научиться подделывать его почерк. Да будь оно все проклято — нельзя же усвоить *все* за каких-то жалких два с половиной дня!

Однако не мог же Бонфорт отказать девчурке в та кой ерунде, а я был Бонфортом! Я весело улыбнулся и спросил:

— Значит, подпись Кироги у вас, говорите, уже есть?

— Да, сэр.

— Одна только подпись?

— Да, сэр. Он еще добавил «с лучшими пожеланиями».

Я подмигнул Бутройду.

— Всего только «с лучшими пожеланиями», это надо же! Таким юным леди я не пишу ничего другого, как «с любовью». Знаете, что я сделаю...— я взял ее блокнот и перелистал его.

— Шеф! — нетерпеливо напомнил Дак.— Мы уже опаздываем!

— Успокойтесь,— сказал я, не поднимая глаз,— все марсиане мира, если нужно, обязаны уступать очередь молодым леди.— Я передал блокнот Пенни.— Запишите, пожалуйста, размеры блокнота, а потом напомните мне, что нужно подобрать фото нужного формата, подписать его по всем правилам и отправить сюда.

— Будет сделано, мистер Бонфорт.

— Вы удовлетворены, мисс Дейрдре?

— Ух ты! Еще бы!

— Отлично. Рад приятному знакомству. Комиссар, это наша машина?

— Да, мистер Бонфорт.— С шутливой досадой он покачал головой.— Боюсь, вы склонили одного из членов моей семьи в свою экспансионистскую ересь. Разве это спортивно? Все равно что на уток охотиться с подсадной.

— Что ж, это научит вас не водить девочек в дурные компании. Верно, мисс Дейрдре? — я снова пожал ему руку.— Благодарю вас, что встретили, Комиссар. Видимо, нам пора поторапливаться.

— Да, конечно. Очень рад был повидаться.

— Большое спасибо, мистер Бонфорт.

— Это вам спасибо, милочка.

Я медленно повернулся, стараясь не выглядеть на стерео нервным или торопливым. Кругом было полно фотографов, репортеров, стереовизорщиков и тому подобных. Билл старался не допустить к нам репортеров, и когда мы двинулись, он махнул рукой, крикнув:

— Присоединюсь к вам попозже, Шеф! — и начал разговаривать с одним из них.

Родж, Дак и Пенни пошли к машине вместе со мной. Народу в космопорту было много, меньше, чем в земных, но все же много... Мне до них дела не было — уж если Бутройд принял мою игру (хотя уверен, что среди присутствующих были несколько человек, отлично знавших, что я вовсе не Бонфорт). Но эти люди меня мало беспокоили. Никаких неприятностей доставить они не могли, не выдав себя при этом с головой.

Машина была «Роллс Аутландер» с регулируемым давлением внутри салона, но кислородную маску я снимать не стал, видя, что так поступили остальные. Я сел с правой стороны, рядом сел Родж, за ним Пенни, а Дак со своими длинными ногами притулился на откидном сиденье. Шофер посмотрел на нас через стеклянную перегородку и завел мотор.

Родж сказал тихонько:

— Была минута, когда я испугался.

— И напрасно, не надо нервничать. А сейчас помолчите, я должен повторить свою речь.

Вообще-то, мне просто захотелось поглазеть на марсианский пейзаж — речь свою я и так знал отлично.

Шофер вез нас вдоль северной окраины взлетного поля космопорта мимо множества складов. Я читал вывески «Вервис Трейд Компани», «Диана Аутлайнс Лимитед», «Три Планеты», «И.Г. Фарбениндустри». Марсиан тут было не меньше, чем людей. Нам, землянам, кажется, будто марсиане движутся медленно, ну, как улитки, и это в самом деле так, но только для нашей планеты с ее большой силой тяжести. В их собственном мире они скользят на своих пьедесталах так же быстро, как умело брошенная плоская галька скользит по воде.

Направо — к югу от нас — за ровным полем космопорта уходил к странно близкому горизонту Великий Канал; его противоположный берег не просматривался. Прямо перед нами лежало Гнездо Ккхаха — сказочный город. Я вглядывался в него, и сердце мое дрожало от этой хрупкой прелести, но тут Дак неожиданно рванулся вперед.

Мы только что миновали скопление транспорта у складов, и теперь впереди виднелась только одна машина, шедшая нам навстречу. Я видел ее краем глаза, но особого внимания не обратил. А вот Дак — он, видимо, был готов к любой переделке. Когда машина была уже совсем близко от нас, он рывком опустил перегородку, отделявшую нас от шофера, перегнулся через его плечо и схватился за баранку. Машину швырнуло вправо, так что она едва не задела встречную, потом опять влево, причем она чудом не соскочила с шоссе. Нам здорово повезло — космопорт мы уже миновали, и шоссе шло прямо вдоль самой бровки Канала.

Пару дней назад — в отеле «Эйзенхауэр» — я был для Дака плохим помощником, но ведь тогда у меня не было оружия, и все произошло так неожиданно. Оружия у меня не было и сегодня — даже отравленных зубов,— но к передрягам я был подготовлен куда лучше. Даку и без того пришлось безумно тяжело, когда, перегнувшись через спинку переднего сиденья, он пытался вести машину. Шофер, сначала сбитый с толку, теперь изо всех сил рвал баранку из рук Дака.

Я метнулся вперед, обхватил левой рукой шею водителя и ткнул большой палец правой руки ему между ребрами.

— Только шевельнись — и тебе конец! — голос принадлежал герою-злодею из пьесы «Джентльмен из второго рассказа», да и реплику я спер оттуда же.

Мой пленник замер.

Дак быстро спросил:

— Родж, что они там делают?

Клифтон поглядел назад и ответил:

— Разворачиваются.

Дак отозвался:

— О'кей. Шеф, держите этого типа на мушке, пока я перелезу.— Говоря это, он уже перелезал, что было делом нелегким, учитывая длину его ног и битком набитый салон автомобиля. Он уселся на место водителя и с удовлетворением произнес: — Сомневаюсь, чтобы что-то, имеющее колеса, могло обогнать «Роллс» на прямой.— Дак нажал педаль газа, и огромная машина рванулась вперед.— Как там наши дела, Родж?

— Они только-только развернулись.

— Прекрасно. А что мы сделаем с этим подонком? Выкинем его из машины?

Моя жертва дернулась и заверещала:

— Я же ничего такого не сделал!

Я еще сильнее ткнул ему под ребра пальцем, и он тут же успокоился.

— Конечно, ничего,— согласился с ним Дак, не отрывая глаз от дороги.— Все что ты сделал, это попытался организовать маленькую аварию, чтобы мистер Бонфорт опоздал на свое свидание. Если бы я не заметил, как ты замедляешь ход, чтобы

столкновение не повредило *тебе*, дело наверняка выгорело бы,— он взял поворот так, что покрышки взвизгнули, а гидрокомпас еле удержал нас от падения.— Как там дела, Родж?

— Они отстали.

— Еще бы! — Дак не стал снижать скорость, и мы делали никак не меньше трехсот в час.— Интересно, удержатся ли они от желания обстрелять нас, зная, что с нами — один из их компании? Что ты думаешь на этот счет, парень? Не спишут они тебя как дешевку?

— Не понимаю, о чем вы! Вам еще придется за все это ответить!

— Ты так полагаешь? А как же быть с показаниями четырех добропорядочных граждан против слова подонка с тюремным прошлым? Оно же у тебя есть, верно? И в любом случае, мистер Бонфорт предпочитает, чтобы его машину вел я, так что, естественно, ты с радостью оказал ему эту ничтожную услугу — уступил мне место.

В это мгновение нас так подкинуло на каком-то камешке, случайно оказавшемся на гладкой поверхности шоссе, что мы с шофером чуть не прошибли крышу головами.

— Мистер Бонфорт! — в устах пленника это имя прозвучало как площадное ругательство.

Дак помолчал. Потом, наконец, сказал:

— Не думаю я, что нам следует выкидывать его из машины, Шеф. Правильнее будет, если, после того как вы выйдете, мы отвезем его в какое-нибудь укромное местечко. Думаю, он разговорится, если на него чуть-чуть поднажать.

Шофер опять сделал попытку вырваться, но я еще сильнее сжал ему глотку и снова ткнул пальцем под ребро. Может, палец по ощущению и не так уж похож на ствол пистолета, но какой дурак захочет проверять, так ли это. Шофер расслабился и мрачно сказал:

— Ну, уж наркотики вы мне колоть не посмеете!

— Господи, конечно же, нет! — даже сама мысль об этом, похоже, шокировала Дака.— Ведь это было бы противозаконно! Пенни, девочка, не найдется ли у тебя булавки?

— Надо думать, найдется, Дак,— голос ее звучал удивленно. Удивился и я. Любопытно, что она ничуть не испугалась, а я, признаться, сдрейфил.

— Вот и чудненько. Слушай, парень, а тебе, случайно, никогда булавку под ногти не загоняли? Говорят, от этого раскалываются даже те, кому под гипнозом приказано молчать. Вроде бы, булавка им на подсознание действует. Единственный недостаток у этого метода состоит в том, что клиенты уж слишком противно кричат. Поэтому мы отвезем тебя в дюны, где ты никого, кроме песчаных скорпионов, потревожить не сможешь. А когда ты наконец разговоришься — а теперь, парень, слушай внимательно, ибо начинается самое интересное,— так вот, после того как ты разговоришься, мы отпустим тебя и ничего плохого больше не сделаем, просто отпустим на все четыре, и гуляй в город пешком. Но — ты слушай, парень, слушай,— если ты будешь с нами мил и откровенен, то получишь за это приз! Мы тогда, парень, позволим тебе взять в эту прогулку кислородную маску!

Дак снова замолчал. На мгновение наступила тишина, нарушаемая лишь свистом разреженного марсианского воздуха, обтекающего корпус машины. Человек может, если, конечно, у него крепкое здоровье, пройти без кислородной маски не более двухсот ярдов. И то, если повезет. Я, помнится, читал где-то об одном случае, когда человек до того как умер, отшагал целых полмили! Поэтому я бросил взгляд на спидометр и увидел, что от Годдард-Сити нас отделяют двадцать три мили.

Пленник с трудом выдавил из себя:

— Честное слово, я ничего не знаю! Мне заплатили только за аварию.

— Что ж, придется освежить твою память.— Пандус к воротам марсианского города был прямо перед нами. Дак начал сбрасывать скорость: — Тут вам выходить, Шеф. Родж, возьми-ка ты свой пистолет и освободи Шефа от заботы о нашем госте.

— Сию минуту, Дак! — Родж протиснулся мимо меня и ткнул шофера под ребро — опять же пальцем. Я подвинулся, чтобы не мешать. Дак остановил машину у пандуса.

— На четыре с половиной минуты раньше срока,— сказал он, видно, очень довольный собой.— Отличная машина. Мне бы такую. Родж, ну-ка, отклонись в сторонку, ты мне мешаешь.

Клифтон послушался, и Дак очень профессионально врезал водителю ребром ладони по шее. Тот обмяк.

— Это успокоит его на время, пока вы тут. Нежелательно, чтобы марсиане стали свидетелями подобных незапланированных событий. Сверим часы.

Так мы и поступили. У меня осталось еще три с половиной минуты.

— Вам надо войти точно в назначенное время. Минута в минуту — ни раньше, ни позже.

— Понятно,— ответили хором мы с Клифтоном.

— На то, чтобы добраться до ворот, требуется секунд тридцать. Как вы хотите распорядиться своими тремя минутами?

Я вздохнул.

— Попробую привести нервишки в порядок.

— Твои нервы и так в порядке. Ты пока не допустил ни единой ошибки. Бодрись, дружище! Еще два часа — и ты окажешься на пути домой, с карманами, полными денег. Это последнее испытание.

— Хорошо бы. А были и тяжелые минуты. Послушайте, Дак...

— Что?

— Выйдем на минуточку,— я вышел из машины и жестом попросил его отойти в сторону.— А вдруг я допущу ошибку? Там — внутри?

— Чего-чего? — Дак очень удивился, потом захохотал, как мне показалось, не очень естественно.— Никакой ошибки не будет. *Пенни говорит, что ты выучил роль назубок.*

— Это-то так, но вдруг...

— Никаких «вдруг» не будет. Твое состояние мне хорошо знакомо. Я чувствовал себя точно так же, когда впервые самостоятельно вел корабль на посадку. А как приступил к маневру, так тотчас забыл все тревоги — слишком уж много было дел, так что для ошибок просто не оставалось времени.

Клифтон окликнул нас, в разреженном воздухе голос его звучал глухо:

— Дак! За временем следишь?

— Времени еще навалом. Больше минуты.

— Мистер Бонфорт! — это был голос Пенни. Я повернулся и пошел к машине. Пенни вышла и протянула руку: — Удачи вам, мистер Бонфорт.

— Спасибо, Пенни.

Родж пожал мне руку, а Дак хлопнул по плечу:

— Осталось сорок пять секунд. Пора двигаться!

Я кивнул и стал подниматься по пандусу. Оставалась еще секунда-другая, когда я достиг верха, ибо могучие створки ворот откатились, как только я к ним приблизился. Я глубоко набрал в грудь воздуха... и проклял эту кислородную маску.

А потом я шагнул на сцену.

Сколько бы раз в жизни вы ни выходили на сцену — неважно, все равно в минуту, когда делаешь первый шаг и занавес поднимается и начинается премьера, у вас захватывает дух и замирает сердце. Да, конечно, ты знаешь текст. Конечно, ты просил помощника режиссера рассчитать все до точки с запятой. Конечно, ты уже сотни раз выходил на сцену. Неважно. Когда ты делаешь этот первый шаг и знаешь, что все глаза направлены на тебя, что все ждут твоего первого слова, первого жеста, может быть, даже ждут, чтобы ты ошибся, произнося свой монолог, тогда, дружище, ты ощущаешь все это всем своим естеством. Вот почему в театре необходимы суфлеры.

Я поднял глаза, увидел свою публику — и мне захотелось бежать со всех ног. Впервые за тридцать лет я почувствовал острый страх перед сценой.

Члены Гнезда заполнили все видимое мне пространство. Передо мной лежала узкая свободная дорожка, а по обеим сторонам — тысячи марсиан, стоявших плотно, как спаржа на грядке. Я помнил, что первым делом обязан пройти по самой середине дорожки до ее дальнего конца, туда, где начинается пандус, ведущий во Внутреннее Гнездо.

Я не мог сделать ни шагу. Тогда я сказал себе: «Слушай, парень, ты же не кто иной, как сам Джон Джозеф Бонфорт! Ты бывал тут десятки раз. Этот смешной народец — твои друзья. Ты

находишься тут потому, что захотел этого сам, и потому, что они захотели того же. А раз так — шагай-ка ты по этой дорожке. Ать-два! Ать-два! Ну — вперед и до упора!»

Я снова стал Бонфортом. Я был дядюшка Джо Бонфорт, весь нацеленный на то, чтобы проделать все, что должно быть проделано ради чести и благосостояния моего народа и моей планеты и ради моих друзей-марсиан.

Я снова набрал в легкие побольше воздуха и сделал свой первый шаг.

Глубокий вдох спас меня — он донес до моего носа божественное благоухание марсиан. Тысячи тысяч марсиан, плотно прижатых друг к другу, пахли так, будто кто-то вдребезги разбил поблизости целый ящик духов «Страсть в джунглях»! Уверенность в том, что я чувствую именно этот аромат, была так сильна, что я непроизвольно обернулся, надеясь увидеть рядом с собой Пенни. Мне даже почудилось, что она ободряюще сжала мою ладонь.

Я захромал по дорожке, стараясь выдерживать скорость, равную той, с которой передвигаются марсиане на своей родной планете. Толпа за моей спиной сомкнулась. Время от времени какой-нибудь юный марсианчик отбегал от родителей и скользил передо мной. Под «марсианчиками» я понимаю тех, кто только недавно отпочковался — масса у них наполовину меньше, чем у взрослых, а рост и того скромнее. Они никогда не покидают Гнездо, а потому мы склонны забывать о существовании марсианчиков. Для достижения величины взрослого, полного развития мозга и восстановления родовой памяти марсианину требуется после отпочкования около пяти лет. В этот переходный период марсианина можно назвать идиотом, который учится на полоумного. Перестройка генов и регенерация, ведущая к появлению способности к Слиянию и почкованию, выводят марсиан из строя на долгое время. Одна из бонфортовских кассет содержала целую лекцию на эту тему, сопровождаемую любительской стереосъемкой.

Детишки, будучи жизнерадостными идиотиками, не подпадают под правила Приличий и всего, что с последним связано. Но зато все их просто обожают.

Двое таких ребятишек, самые маленькие и для меня абсолютно одинаковые, вдруг перестали скользить и остановились передо мной как вкопанные; они были как две капли воды похожи на глупых щенков, попавших на полосу быстрого движения. Надо было или остановиться, или наступить на них.

Конечно, я остановился. Они придвинулись еще ближе, полностью заблокировав мне дорогу, и, чирикая что-то друг другу, начали отращивать свои псевдочлены. Я, разумеется, их чириканья не понимал. Они тут же принялись ощупывать мою одежду, а их крохотные щупальца полезли в мои нарукавные карманы.

Толпа была столь плотна, что я не мог даже обойти марсианчиков. Я просто разрывался между двумя противоположными желаниями. Во-первых, они были так очаровательны, что мне захотелось порыться в карманах и поискать возможно завалявшиеся там леденцы. Но еще «первее» было знание того, что церемония Усыновления расписана заранее куда более строго, нежели балетное представление. Если я не пройду в назначенное время эту тропу до самого конца, значит, я совершу классический грех против Приличий, что, как известно, прославило в свое время Кккахграля-младшего.

Однако ребятишки вовсе не торопились убраться с моего пути. Один из них как раз обнаружил мои часы.

Я вздохнул и чуть не потерял сознание от запаха духов. Тогда я заключил сам с собой пари. Я поспорил, что ласковое отношение к детям — явление универсально-галактическое и должно перевешивать даже соображение необходимости соблюдения строгих марсианских приличий. Я опустился на колено, чтобы стать такого же роста, как марсианчики, и стал их ласкать, похлопывая и поглаживая их чешуйчатые тельца.

Затем встал и, старательно выговаривая слова, произнес:

— Вот и все, пока. Мне пора идти,— чем практически истощил свой запас марсианского «бейсика».

Малыши снова тесно прильнули ко мне, но я осторожно и нежно отставил их в сторонку и пошел между двумя рядами марсиан, несколько ускоряя шаг, чтобы навер стать упущенное время. Ни один боевой жезл не поднялся, чтобы прожечь у меня

дыру в спине. Я рискнул в надежде, что мое нарушение правил Приличий не выйдет за рамки, влекущие за собой суровое наказание. Наконец я достиг пандуса, ведущего вниз, к Внутреннему Гнезду, и стал туда спускаться.

Церемония Усыновления состоит из целого набора таинств. Почему таинств? Да потому, что они известны лишь членам Гнезда Кккаха. Это сугубо семейное дело.

Ну посудите сами: мормон может иметь очень близких и дорогих друзей немормонов, но разве эта дружба позволит «язычнику» запросто бывать в Храме мормонов* в Солт-Лейк-Сити? Такого никогда не было и быть не может. Марсиане свободно обмениваются визитами между Гнездами, но во Внутреннее Гнездо может войти только член данного клана. Даже его собратники лишены этой привилегии. Я же имею не больше права рассказывать посторонним о церемонии Усыновления, чем член масонской Ложи о ее специфических ритуалах.

Нет, общие-то принципы, конечно, не секрет — они одинаковы во всех Гнездах, равно как одинакова и роль всех усыновляемых. Мой «крестный» — старинный друг Бонфорта — Кккахрреаш — встретил меня у входа, угрожая боевым жезлом. Я потребовал, чтобы он убил меня на месте, если я повинен в каких-нибудь проступках. Сказать по правде, я этого друга не узнал, хотя и изучал его портрет досконально. Но, надо думать, это он и был, раз того требовал ритуал.

Итак, поклявшись, что я стою на страже Материнства, Семейного Очага, Гражданского Достоинства и никогда не пропускаю занятий в Воскресной школе, я получил разрешение войти. Рреаш повел меня по всем инстанциям, и всюду мне задавали вопросы, и всюду я на них отвечал. Каждое слово, каждый жест были стилизованы будто в классической китайской пьесе, все держалось на зубрежке, иначе мне бы никогда не одолеть этой церемонии. Большую часть вопросов я вообще не понимал, равно как и половину собственных ответов. Просто я зазубрил на память реплики и ответы на них. Дело отнюдь не облегчалось полутьмой, которую так любят марсиане и в которой я тыркался как слепой крот.

Мне как-то довелось играть с Хоуком Мантеллом — совсем незадолго до его смерти, но уже после того, как он окончательно оглох. Вот это был артист! Он даже не мог пользоваться слуховым аппаратом — слуховой нерв полностью атрофировался. Большую часть реплик он читал по губам, но это не всегда возможно. Режиссером постановки был он сам, и все действие у него было рассчитано по долям секунд. Я видел, как он, произнеся свою реплику, уходил в глубь сцены, а затем внезапно поворачивался и как будто выстреливал в партнера другой репликой — ответом на ту, которой он не слышал, но время произнесения которой он великолепно высчитал.

Тут была сходная ситуация. Я тоже отлично знал роль и играл соответственно. Если бы вся сцена провалилась, то виноват в этом был бы никак не я.

А вот что меня отнюдь не воодушевляло, так это постоянно направленные на меня полдюжины боевых жезлов. Я все время должен был уверять себя, что они все же не сожгут меня из-за одной единственной оговорки. В конце-то концов, я же простонапросто тупое человеческое существо, и, учитывая это, они обязаны выставить мне проходной балл хотя бы за старание. Правда, сомнения в верности этих рассуждений у меня сохранились до самого конца.

Мне казалось, что прошло уже много дней (что было вовсе не так — вся церемония заняла точно одну девятую суточного оборота Марса, но время тянулось бесконечно), когда мы приступили к пиршеству. Не знаю, что я ел, да, может, это и к лучшему. Важно лишь одно — я не отравился.

После того как старейшины произнесли свои речи, я тоже сказал слово, благодаря за честь, которую мне оказали, а затем мне дали новое имя и мой личный жезл. Теперь я стал марсианином.

Как пользоваться жезлом, я не знал, а мое новое имя походило на звук, издаваемый испорченным водопроводным краном, но с этого мгновения оно было моим юридическим именем на Марсе, и, опять же юридически, я стал кровным братом самого аристократического семейства этой планеты. И все это произошло спустя лишь пятьдесят два часа после того, как некий жук-землеед,

оставшийся без гроша в кармане, истратил последний полуимпериал на угощение незнакомца в баре отеля «Каса-Маньяна»!

Полагаю, что это отнюдь не лишнее доказательство опасности, которой подвергаешься, приваживая к столику посторонних.

Я ушел сразу же, как только стало возможно. Дак сочинил мне небольшую речь, в которой объяснялась необходимость срочного ухода, и они отпустили меня. Я нервничал, как человек, попавший в женскую уборную на митинге Ассоциации Американских Женщин, ибо не имел ни малейшего представления о ритуалах, определяющих мое дальнейшее поведение. Я хочу сказать, что любой, самый обыкновенный мой поступок был как бы окружен плотным частоколом весьма опасных для меня обычаев, о коих я не имел ни малейшего представления. Поэтому я прочирикал свои извинения и отбыл. Рреаш и еще один старейшина сопровождали меня. По пути мне посчастливилось поиграть еще с одной парой детишек — впрочем, может быть, это были те же самые. Когда мы подошли к воротам, старейшины пожелали мне на своем квакающем английском счастливого пути и отпустили меня с миром. Ворота за моей спиной закрылись, и тогда, наконец, я смог перевести дух.

«Роллс» стоял на том же самом месте, где я его оставил несколько часов назад. Я подбежал к нему, дверца открылась, и я очень удивился, увидев там одну Пенни. Не могу сказать, однако, что это меня так уж разочаровало. Я крикнул:

— Эй, Кудрявенькая! Я со щитом!

— Я знала, что так и будет.

Я отдал ей шутливый салют моим жезлом и сказал:

— Зовите меня теперь Кккахдждждержрр! — и при этом произнес второй слог этого слова так, что заплевал бы первые ряды публики, если бы таковая тут, разумеется, была.

— Будьте поосторожнее с этой штукой,— сказала Пенни испуганно.

Я скользнул на переднее сиденье рядом с ней и спросил:

— А вы знаете, как с ним обращаться? — Наступила реакция, я чувствовал себя безмерно усталым и одновременно взвинченным. Сейчас мне не повредили бы рюмки три хорошего виски и

толстый-претолстый бифштекс, а уж потом, может быть, проснулся бы интерес и к отзывам критики.

— Не знаю, но будьте с ним осторожны.

— Мне кажется, надо просто нажать где-то тут,— и нажал, отчего в ветровом стекле сейчас же появилась аккуратная дырка дюйма два диаметром, а машина сразу потеряла свою герметичность.

Пенни так и ахнула, а я сказал:

— Черт побери, мне очень жаль. Отложу-ка я эту штуку подальше, пока Дак не объяснит мне, что к чему.

Пенни перевела дух.

— Ладно. Ничего страшного. Только не направляйте ее куда попало,— она тронула машину, и я понял, что Дак вовсе не единственный, кто может лихо водить автомобиль.

Ветер врывался сквозь проделанную мной дыру.

— Почему такая спешка? Мне все равно нужно время, чтобы выучить свои ответы корреспондентам. Вы привезли их? А где все остальные? — Насчет захваченного в плен водителя машины я начисто забыл — не вспоминал о нем с той самой минуты, как передо мной открылись ворота Гнезда.

— Не привезла. А остальные не смогли приехать.

— Пенни, что с вами? Что случилось?! — я засомневался, смогу ли я провести пресс-конференцию без поддержки. А может, лучше рассказать им об Усыновлении? Тут мне ничего не придется выдумывать...

— Это из-за мистера Бонфорта... Мы нашли его!

Глава 6

До этой минуты я как-то не обращал внимания, что Пенни ни разу не назвала меня мистером Бонфортом. Просто, видимо, не могла себя заставить, поскольку я им больше не был. Я теперь опять был просто Ларри Смизи, актеришка, которого наняли, чтобы сыграть ее босса.

Я откинулся на спинку сиденья и вздохнул, а потом позволил себе расслабиться. Значит, дело это у нас все-таки получилось, и

мы вышли из него с честью. Я физически ощущал, как сваливается с моих плеч этот тяжелейший груз. Я даже не подозревал, насколько он был тяжел, этот груз, пока не сбросил его. Даже моя «хромая» нога перестала ныть. Я наклонился, похлопал Пенни по руке, сжимавшей баранку, и заговорил своим собственным голосом:

— Как я рад, что все кончилось! Но мне теперь долго будет не хватать вас, дружок. Вы отличный товарищ. Однако все, даже самое лучшее, имеет конец, приходит время расставания и с самыми дорогими друзьями. Надеюсь, мы еще встретимся когда-нибудь.

— Я тоже надеюсь.

— Надо думать, Дак найдет какого-нибудь контрабандиста, чтобы спрятать меня на время, а потом тайком доставить на борт «Тома Пейна»?

— Этого я не знаю,— голос ее звучал странно, я бросил на нее искоса взгляд и увидел, что она плачет. Пенни плачет? Сердце мое дрогнуло. Неужели из-за того, что мы расстаемся? В это я никак не мог поверить, хотя в душе страстно желал. Кто-нибудь, вероятно, полагает, что, благодаря красоте моего лица и безукоризненным манерам, женщины считают меня неотразимым, но грустная истина заключается в том, что огромное большинство их находит в себе силы противостоять моему обаянию. Пенни, по-видимому, это удавалось без особых усилий.

— Пенни,— сказал я быстро,— к чему эти слезы, дорогая? Так и машину разбить недолго.

— *Ничего не могу с собой поделать.*

— Ну хорошо... Тогда расскажите мне все. Что же все-таки случилось? Вы же сказали, что его нашли, а больше я ничего не знаю.— Внезапно мне в голову пришла ужасная, но вполне логичная мысль.— Его нашли живым, не так ли?

— Да... он жив... но они его изуродовали...— рыдания снова сотрясли ее тело, и мне пришлось перехватить руль. Она тут же взяла себя в руки.— Извините меня.

— Может быть, вы хотите, чтобы машину повел я?

— Нет, я сейчас приду в себя. Кроме того, вы не умеете... Я хочу сказать — подразумевается, что вы не умеете водить автомобиль.

— Что?! Вот еще глупости какие! Я умею водить, и теперь уже не имеет значения, что...— И тут я замолчал, так как неожиданно понял, что значение это пока имеет, да еще какое! Если обращение этих негодяев с мистером Бонфортом было таким грубым, что оставило на нем видимые следы, то он, надо полагать, не сможет появиться на публике в таком состоянии, во всяком случае, не пятнадцать минут спустя после того, как его приняли в Гнездо Ккаха! Возможно, мне все же придется выступить на этой пресс-конференции и отбыть с Марса на глазах у почтеннейшей публики, а Бонфорта доставят на борт корабля тайком. Ну что ж, ладно, будем рассматривать это как выход на публику после спуска занавеса.— Пенни, Дак и Родж хотят, чтобы я еще некоторое время не выходил из роли? Мне придется выступить перед репортерами? Или нет?

— Ничего я не знаю! Не было времени, чтобы все обговорить.

Мы приближались к складам на краю поля, и колоссальные полусферы Годдард-Сити, похожие на гигантские мыльные пузыри, были уж совсем рядом.

— Пенни, притормозите пожалуйста машину и давайте поговорим всерьез. Должен же я понимать, как действовать дальше.

Водитель машины, оказывается, разговорился, и я не стал спрашивать, произошло это после применения иглотерапии или обошлось без нее. Потом его отпустили на все четыре стороны и маску не отобрали. Машина, имея Дака за рулем, тут же рванулась в Годдард-Сити. Мне просто повезло, что меня в ней не было,— космонавтам не следует разрешать водить что-либо, кроме космических кораблей.

Они сразу же бросились по адресу, который им дал водитель,— где-то в Старом Городе, под самым первым куполом. Я думаю, это нечто вроде каменных джунглей, образующихся во всех портах мира со времен, когда финикийцы на своих парусниках впервые обогнули Африку*. Там гнездятся бывшие заключенные, проститутки, торговцы наркотиками, бандиты и прочий сброд, а полицейские туда заходят лишь парными патрулями.

Информация, выжатая из водителя, оказалась верной, но устаревшей на несколько минут. В комнате явно содержался

пленник, стояла койка, в которой, судя по ее виду, он провел, не вставая, более недели; на столе стоял чайник — еще горячий, а на полке, завернутая в полотенце, лежала чья-то старомодная челюсть, в которой Клифтон опознал челюсть Бонфорта.

Самого Бонфорта не было и в помине, равно как и его похитителей.

Дак и другие уехали, намереваясь придерживаться ранее согласованного плана, то есть оповестить о похищении, будто бы имевшем место сразу же после церемонии Усыновления, и оказать давление на Комиссара Бутройда, угрожая ему обратиться за помощью к Гнезду Ккаха. И тут-то они и нашли Бонфорта.

Они просто наткнулись на него на улице, еще не покинув пределов Старого Города. У него был вид несчастного бродяги, обросшего щетиной недельной давности, грязного и явно не в своем уме. Мужчины его даже не узнали, но Пенни узнала и заставила их остановить машину.

Она снова разрыдалась, когда дошла до этой части своего рассказа, и мы чуть не врезались в колонну тягачей, волочивших грузы в один из доков, принимавших грузовые корабли.

Наиболее вероятная реконструкция того, что произошло, была такова: те парни, что были во второй машине и должны были устроить нам аварию, сообщили в свой штаб о том, что произошло, а таинственные лидеры наших противников решили, что идея похищения себя исчерпала и больше для их целей не годится. Несмотря на аргументы, высказанные в свое время Даком, я очень удивился, что они просто не убили Бонфорта. Только позже я понял, насколько тоньше был их замысел, насколько больше он соответствовал их целям и насколько он был жесток — куда более жесток, чем простое убийство.

— А где же он теперь? — спросил я.

— Дак отвез его в гостиницу для космолетчиков, в куполе номер три.

— Мы тоже направляемся туда?

— Я не знаю. Родж успел только приказать, чтобы я забрала вас, а потом они тут же исчезли в служебном входе гостиницы. Ох, боюсь, нам туда ехать опасно. Ума не приложу, что делать.

— Пенни, остановите машину.

— Зачем?

— Наверняка в ней есть телефон. Мы не сделаем ни одного шага, пока не выясним — или не догадаемся сами,— что нам делать. Я уверен лишь в одном — я не должен выходить из роли до тех пор, пока Дак или Родж не решат, что мне пора слинять. Кто-то обязан выступить перед репортерами. Кто-то должен официально отбыть на борт «Тома Пейна». Вы уверены, что мистера Бонфорта нельзя подремонтировать так, чтобы он все это проделал?

— Что? На это нет ни малейшей надежды! Вы ведь не видели, каков он сейчас!

— Верно, не видел. Но готов поверить вам на слово. Ладно, Пенни, я снова мистер Бонфорт, а вы моя секретарша. С этого мы и начнем.

— Хорошо... мистер Бонфорт.

— А теперь, пожалуйста, попробуйте соединить меня по телефону с капитаном Бродбентом.

Нам так и не удалось найти в машине список телефонов Годдард-Сити, и Пенни пришлось прибегнуть к помощи справочной, но, наконец, она получила номер Клуба космолетчиков. Я хорошо слышал весь разговор.

— Клуб космолетчиков. У телефона миссис Келли.

Пенни прикрыла трубку ладонью.

— Мне представиться?

— Говорите правду, нам скрывать нечего.

— Говорит секретарь мистера Бонфорта,— сказала она деловым тоном.— Не у вас ли его пилот, капитан Бродбент?

— Я хорошо знаю его, милочка,— потом донесся крик: — Эй! Эй, вы, трубокуры, никто из вас не заметил, куда подевался Дак? — Пауза. Затем: — Он, оказывается, пошел в свою комнату. Сейчас я ему позвоню.

Через несколько секунд Пенни сказала:

— Шкипер, это вы? С вами будет говорить Шеф,— и отдала мне трубку.

— Дак, это Шеф.

— Какого... Где вы находитесь, сэр?

— Мы все еще в машине. Пенни заехала за мной вовремя. Дак, мне кажется, Билл назначил пресс-конференцию? Где она должна состояться?

Он помедлил, прежде чем ответить.

— Я очень рад, что вы позвонили, сэр. Билл отменил пресс-конференцию. У нас тут произошли... произошли небольшие изменения в ситуации.

— Пенни мне рассказала. В общем, я таким решением доволен — уж очень устал. Я решил не оставаться тут на ночь — нога сильно разболелась, и мне требуется хороший отдых в невесомости.— Я-то терпеть невесомость не мог, а Бонфорт это состояние очень любил.— Может быть, вы или Родж извинитесь за меня перед Комиссаром, ну и все такое прочее?

— Мы обо всем позаботимся, сэр.

— Отлично. Как скоро вы сможете организовать для меня шаттл?

— «Эльф» уже ждет вас в порту, сэр. Если вы подъедете к воротам номер три, я позвоню — и космодромная машина будет подана прямо туда.

— Отлично. Отбой.

— Отбой, сэр.

Я отдал трубку Пенни, чтобы она вложила ее в зажим.

— Кудрявенькая, мне неизвестно, можно ли организовать подслушивание на этой волне или вся машина уже раньше была набита «жучками». В любом случае, им могут быть известны два обстоятельства: во-первых, где находится Дак, а следовательно, где находится и мистер Бонфорт. И во-вторых, что я собираюсь делать дальше. Это вас наводит на какие-нибудь мысли?

Она подумала, потом вынула свой блокнот и написала: «Пожалуй, нам лучше избавиться от машины». Я кивнул, взял у нее блокнот и написал: «Далеко ли отсюда до ворот номер три?» Она ответила: «Можно добраться пешком».

Мы молча вылезли из машины и двинулись вперед. Машину мы бросили на стоянке какого-то начальника возле одного из складов. Без сомнения, ее в свое время обнаружат и вернут настоящему владельцу. Сейчас такие мелочи нас не должны были волновать.

Мы прошли около полусотни ярдов, когда я вдруг остановился. Что-то было не так. Нет, нет, не погода. День был ослепителен, солнце ярко сверкало на пурпурном небосводе Марса. Ни машины, ни пешеходы не обращали на нас ни малейшего внимания, а если и обращали, то скорее на красивую молодую женщину, а не на меня. И все же я чувствовал себя не в своей тарелке.

— Что-нибудь не в порядке, сэр?

— А? Ах вот оно, значит, что!

— Сэр?

— Я перестал быть Шефом, вот что! Не в его характере пробираться тайком, как мы это делаем сейчас! Пенни, нам надо вернуться!

Она не стала спорить и послушно пошла за мной обратно к машине. На этот раз я устроился на заднем сиденье, стараясь выглядеть как можно внушительнее, и приказал ей отвезти меня к воротам номер три.

Это были не те ворота, через которые мы выезжали с космодрома. Думаю, Дак выбрал их по той причине, что через них проходили преимущественно не пассажиры, а грузы. Пенни пренебрегла всеми указателями и надписями и подогнала «роллс» прямо к воротам. Полисмен, охранявший вход в терминал, попытался было остановить ее, но она холодно бросила ему:

— Машина мистера Бонфорта. Будьте добры, передайте в офис Комиссара, чтобы ее забрали отсюда.

Полисмен растерялся, глянул на заднее сиденье, по-видимому, узнал меня и разрешил поставить машину.

— Наш лейтенант требует, чтобы территория перед оградой ничем не загромождалась, мистер Бонфорт,— извинился он,— но, я думаю, в данном случае он не станет возражать.

— А вы можете позвонить сразу же, чтобы машину забрали,— сказал я.— Мы с моей секретаршей отбываем немедленно. Что, космодромная машина за мной уже пришла?

— Сейчас узнаю у привратника, сэр,— он ушел.

Полисмена я рассматривал как «необходимое и достаточное» количество зрителей — достаточное, чтобы удостоверить факт прибытия мистера Бонфорта в правительственной машине и его

же отбытия на свою космическую яхту. Я зажал под мышкой жезл, подобно наполеоновскому маршалу, и захромал вперед с Пенни, послушно шедшей за мной в кильватере. Полицейский разговаривал с привратником, затем поспешил к нам, и лицо его расплылось в улыбке.

— Космодромная машина ждет вас, сэр.

— Большое спасибо,— в душе я поздравил себя с точным расчетом времени.

— Да, и еще...— полицейский покраснел и торопливо добавил шепотом: — Я тоже экспансионист, сэр. Сегодня вы сделали доброе дело.— Он глянул на боевой жезл с явной завистью.

Мне было хорошо известно, как вел себя Бонфорт в подобных случаях.

— О, благодарю вас. Желаю вам побольше нарожать ребятишек. Нам они пригодятся, чтобы завоевать прочное большинство.

Он захохотал куда громче, чем того стоила острота.

— *Это вы здорово сказали! Можно мне поделиться с друзьями?*

— Ради бога! — Мы пошли дальше, и я ступил на порог.

Привратник тронул меня за рукав.

— Э-э-э... позвольте ваш паспорт, мистер Бонфорт.

Надеюсь, я не дрогнул ни одним мускулом лица.

— Наши паспорта, Пенни!

Она окинула привратника ледяным взглядом.

— Всеми формальностями, связанными с отлетом, занимается капитан Бродбент.

Привратник взглянул на меня и тут же отвел глаза в сторону.

— Я не сомневаюсь, что все в порядке. Но в мои обязанности входит проверка паспортов и занесение в ведомость их серий и номеров.

— А-а, понятно. Что ж, полагаю, мне придется вызвать капитана Бродбента с летного поля сюда. У моего шаттла время взлета строго фиксировано? Тогда вам придется снестись с Центром управления полетами и договориться о задержке вылета.

Но Пенни, казалось, вышла из себя от гнева.

— Но это же просто чудовищно, мистер Бонфорт! Мы никогда не подвергались такой проверке! Во всяком случае, на Марсе!

Тут вмешался и полисмен:

— Конечно, тут все в порядке, Ганс. В конце концов, это же мистер Бонфорт!

— Я понимаю, но...

Я прервал его с обаятельной улыбкой:

— Есть более простой выход. Если вы... кстати, как ваша фамилия?

— Хаслуонтер. Ганс Хаслуонтер,— крайне неохотно ответил он.

— Мистер Хаслуонтер, если вы позвоните Комиссару Бутройду, я поговорю с ним, и таким образом мы сэкономим время, которое придется потратить на приход сюда моего пилота — то есть мне это даст выигрыш в час или два дорогого времени.

— Хмм... мне бы этого не хотелось, сэр. Может быть, я позвоню в офис Капитана Порта? — предложил он с надеждой в голосе.

— Дайте-ка мне номер Комиссара Бутройда. Я сам позвоню ему,— на этот раз я вложил в свои интонации некоторое количество льда. Мое лицо и интонация соответствовали манерам занятого и важного человека, который долго пытался быть демократичным, но его уже стала раздражать мелочная бюрократическая придирчивость нижестоящих.

Это решило дело. Привратник сказал:

— Все в порядке, мистер Бонфорт. Прямо беда с этими правилами.

— Мне ли этого не знать! Благодарю вас,— и я пошел к турникету.

— Мистер Бонфорт! Постойте! Взгляните сюда! — я оглянулся. Эти проклятые крючкотворы-служащие задержали нас как раз настолько, чтобы пресса смогла накинуться на меня. Один из репортеров уже опустился на колено, нацеливая на меня камеру стереосъемки. Он оторвал от камеры взгляд и заорал: — Возьмите жезл так, чтобы все его видели! — Несколько других, держа в руках всевозможные орудия своего ремесла, окружили нас. Один забрался на крышу «роллса». Кто-то чуть ли не в рот пихал мне микрофон, кто-то наставлял на меня похожий на обрез микрофон направленного действия.

Я разозлился, как красавица, увидевшая в светской хронике свое имя напечатанным мелким шрифтом, но потом вспомнил, кто я такой. Улыбнулся и замедлил шаги. Бонфорт всегда учитывал, что движение передается на экране в ускоренном темпе. Мне следовало помнить об этом.

— Мистер Бонфорт, почему вы отказались от пресс-конференции?

— Мистер Бонфорт, известно, что вы намеревались потребовать от Великой Ассамблеи даровать марсианам полное Имперское гражданство. Прокомментируйте это!

— Мистер Бонфорт, когда вы намерены поставить вопрос о вотуме доверия правительству?

Я поднял руку, в которой держал боевой жезл, и усмехнулся.

— В очередь, пожалуйста! Так какой же вопрос был первым?

Все, конечно, опять заорали хором. Пока они там разбирались с вопросом о первенстве, подоспел Билл Корпсмен.

— Имейте совесть, друзья! У шефа был очень тяжелый день! Я отвечу на все ваши вопросы.

Тут я поднял руку.

— У меня найдется минута-другая, Билл. Джентльмены, я сейчас отбываю, но постараюсь ответить на самое главное из того, что вы спрашивали. Насколько мне известно, нынешнее правительство не планирует пересмотра отношений Марса с Империей. Поскольку я не имею никакого официального положения, мое мнение тут вряд ли имеет вес. Рекомендую задать этот вопрос мистеру Кироге. Что же касается того, когда оппозиция поставит вопрос о доверии, я могу только сказать, что мы не намерены этого делать, пока не будем уверены в победе. Это вы знаете не хуже меня, не правда ли?

— Немного же вы нам открываете! — выкрикнул кто-то.

— А я и не намеревался говорить вам много,— парировал я, смягчая слова улыбкой.— Задайте мне вопрос, на который я имею право ответить, и я на него отвечу исчерпывающе. Спросите меня, например, что-нибудь вроде «А-перестали-ли-вы-бить-свою-жену» и тут же получите соответствующий ответ,— тут я слегка заколебался, вспомнив, что Бонфорт славится своей откровен-

ностью и честностью, особенно в отношениях с прессой.— Но я не собираюсь водить вас за нос. Вы все знаете, зачем я прибыл сюда. Давайте поговорим об этом... И, если хотите, можете цитировать все, что я скажу,— я покопался в памяти и выудил оттуда подходящий отрывок из речей Бонфорта, которые изучал.— Истинное значение того, что произошло сегодня, состоит не в том, что это величайшая честь, когда-либо оказанная человеку (при этом я помахал боевым жезлом), а в том, что это доказывает возможность перебросить мост между двумя великими народами, мост через разделяющую их пропасть отчуждения. Наша раса прорвалась к звездам. Мы скоро узнаем, нет — мы уже знаем, что пока мы в меньшинстве. Если мы хотим, чтобы наше продвижение к звездам было успешным, мы должны быть честны, скромны и чисты сердцем. Мне приходилось слышать, что наши соседи-марсиане хотели бы добиться превосходства над нами и на Земле, если бы им представилась такая возможность. Это чушь — Земля не годится для марсиан. Так будем же защищать то, что принадлежит нам по праву, и не станем, действуя под влиянием страха или ненависти, впадать в соблазн неразумных и скороспелых деяний. Звезды не могут быть завоеваны людьми с мелкими страстишками, для этого надо быть великими, как велик сам Космос.

Один из репортеров поднял бровь:

— Мистер Бонфорт, сдается мне, я уже слышал эти слова в речи, произнесенной в прошлом феврале?

— А вы услышите от меня то же самое и в следующем апреле. А так же в следующем январе, в следующем марте и во все прочие месяцы. Истины следует повторять как можно чаще,— я оглянулся на привратника и добавил: — Боюсь, у меня больше нет ни минуты, иначе я задержу вылет.

Я повернулся и пошел через турникет, сопровождаемый верной Пенни. Мы втиснулись в маленький, покрытый свинцовой броней автомобиль, и дверь с громким стуком закрылась за нами. Машина была с автоматическим управлением, так что мне не пришлось брать на себя роль водителя. Я опустился на сиденье и наконец расслабился.

— Вы справились с этим просто замечательно,— серьезно сказала Пенни.

— Но я здорово испугался, когда тот парень поймал меня на повторении старой речи.

— Ничего, вы прекрасно вывернулись. Это было вдохновение в самом прямом смысле этого слова. Вы... вы... вы говорили совсем так, как сказал бы он.

— Там не было никого, кого я должен был бы называть по имени?

— Пожалуй, не было. Впрочем, если даже и были два-три человека, то они вряд ли могли ожидать к себе внимания с вашей стороны в такой суматохе.

— Да, попал я в положение! И еще этот копуша-привратник со своими паспортами! Пенни, мне кажется, они должны храниться у вас, а не у Дака.

— А он их и не хранит. Мы всегда носим их при себе,— она порылась в сумочке и достала оттуда маленькую книжечку.— Вот мой, но я не посмела предъявить его.

— Почему?

— Его паспорт был при нем, когда его похитили. Мы тогда не решились подать заявление о выдаче дубликата — это было слишком опасно.

Внезапно я ощутил смертельную слабость.

Не получив инструкций ни от Дака, ни от Роджа, я продолжал разыгрывать роль Бонфорта и на борту шаттла, и на борту «Тома Пейна». Это было легко. Я просто прямиком направился в каюту хозяина и провел бесконечные омерзительнейшие часы в невесомости, грызя ногти и гадая, что же происходит сейчас там — внизу, на поверхности Марса. С помощью пилюль от космической болезни мне, в конце концов, удалось уснуть тревожным сном, но это была ошибка, так как снились мне кошмары, в которых я появлялся без штанов, репортеры тыкали в меня пальцами, полисмены хватали за руки, марсиане целились из своих жезлов. И все они знали, что я подделка, и все спорили меж собой, претендуя на право расчленить меня и спустить куски в канализацию.

Разбудил меня рев сирены, возвещавший о конце невесомости. Мощный баритон Дака отдавался в ушах:

— Первое и последнее предупреждение! Одна треть земной силы тяжести! Через минуту!

Я поспешил перевалиться через борт своей антиперегрузочной койки и замер. Когда появилась сила тяжести, я почувствовал себя куда как лучше. Одна треть «g» — не так уж много, почти как на Марсе, но вполне достаточно, чтобы желудок встал на место, а пол повел бы себя как пол, а не иначе.

Пятью минутами позже, когда я встал и пошел к двери, в нее постучали — и сразу же вошел Дак.

— Привет, Шеф!

— Привет, Дак! Рад снова видеть вас на борту.

— Не больше, чем я рад здесь оказаться,— ответил он устало. Потом бросил взгляд на мою койку.— Ничего, если я прилягу?

— Будьте как дома.

Он так и сделал, а потом тяжело вздохнул:

— Черт, я просто разваливаюсь от усталости. Мог бы спать без просыпа эдак с недельку... Уверен, смог бы...

— И я бы не отказался. А... его удалось доставить на борт?

— Да. Это была та еще работенка.

— Ну еще бы... И все же, наверняка, ее было легче проделать тут — в таком небольшом порту. Вряд ли здесь потребовались такие хитрости, какие вам пришлось применить в Джефферсоне.

— Что? Вовсе нет, здесь было куда труднее.

— Почему?

— Да потому, что тут все знают друг друга, и сплетни начнут распространяться сразу же,— Дак криво усмехнулся.— Мы доставили его на борт в ящике с замороженными марсианскими креветками из местных каналов. Пришлось, разумеется, даже пошлину платить.

— Дак, а как он себя чувствует?

— Ну,— нахмурился Дак,— доктор Капек считает, что Бонфорт полностью поправится — дело вроде бы только за временем,— и яростно выкрикнул: — Если бы только добраться до этих гнусных тварей! Ты бы посмотрел, во что они его превратили,

так сам бы впал в истерику и завыл от жалости! А ведь нам пришлось оставить их в покое — ради него, понимаешь ты это!

Дак и сам был на грани истерики. Поэтому я мягко спросил:

— Из слов Пенни я понял, что они его сильно покалечили. Он изуродован?

— А? Нет, ты не так понял Пенни. Если не считать того, что он чудовищно грязен и небрит, то никаких физических травм на нем не было вообще.

Я ничего не понимал.

— Я думал, они избили его. Лупили бейсбольной битой или чем-то вроде того.

— Хорошо, если б так! Два-три сломанных ребра — пустяки. Нет-нет, вся штука в том, что они сделали с его *мозгом*.

— Ох! — тут уж мне действительно стало плохо.— Промывка мозгов?

— Да. Вернее, и да, и нет. В их цели не входило заставить его говорить, так как никаких секретов, которые бы имели значение для политики, он не знал. Бонфорт всегда действовал открыто, и это всем хорошо известно. Вероятно, они прибегали к этому средству, чтобы держать его под контролем и предотвратить всякую попытку бегства. Доктор думает, что они ежедневно вводили ему минимальную дозу, достаточную, однако, чтобы держать его в заданном состоянии, а напоследок, перед самым освобождением, вкатили ему такое количество, которое и слона превратило бы в полного идиота. Передние доли мозга пропитаны этой дрянью как губка.

Мне стало так плохо, что оставалось лишь радоваться, что до этого у меня полностью пропал аппетит. Случайно мне довелось кое-что прочесть на эту тему. Сам предмет был настолько омерзителен, что чем-то даже заворожил меня. Думаю, что в попытках изменить человеческую личность есть нечто столь аморальное и низменное, что они предстают перед нами, как Зло поистине космического масштаба. Убийство по сравнению с ним — дело «чистое», так себе — пустячная эскапада. «Промывка мозгов» — термин, дошедший до нас из времен коммунистических движений Позднего Средневековья. Вначале она применялась для того, чтобы сломить волю человека и изменить его сознание путем физи-

ческих страданий и тонко продуманных пыток. Но на это уходили целые месяцы, и поэтому потом были открыты «лучшие» методы, в том числе и такой, который превращал человека в тупого раба буквально за несколько секунд — стоило лишь ввести ему в передние лобные доли мозга одно из производных кокаина.

Эта грязная практика была первоначально разработана для достижения вполне законных целей — для успокоения буйных больных, чтобы подготовить их к психотерапевтическому лечению. В таком качестве ее можно было рассматривать как нравственный прогресс, так как она заменяла лоботомию, а лоботомия — термин, внушающий не меньшее отвращение, чем «пояс целомудрия»,— означала такое вмешательство в человеческий мозг с помощью скальпеля, когда человек переставал быть человеком, хотя его и не убивали. Да-да, именно так поступали тогда с больными людьми — не лучше, чем в глубокую старину, когда их избивали, чтобы «изгнать дьявола».

Коммунисты довели технику «промывки мозгов» с помощью наркотиков до высочайшего уровня, а когда коммунистов не стало, банды «Братьев» отшлифовали ее так, что могли с помощью ничтожно малой дозы привести людей в состояние, когда они бездумно подчинялись лидерам, а могли и накачать наркотиками так, что те превращались просто в кусок безмозглой протоплазмы,— и все это во имя высшей цели — становления «Братства». В самом деле, о каком «Братстве» может идти речь, если человек упрям и хочет держать свои тайны при себе, верно? А разве есть лучший способ увериться, что он ничего против вас не замышляет, чем запустить ему иглу за глазное яблоко и ткнуть ею в мозг, введя туда препарат, превращающий его в идиота? «Нельзя приготовить омлет, не разбив яиц» — вот он, вечный софизм мерзавцев!

Разумеется, в наши дни эта практика уже давным-давно считается вне закона, конечно, кроме медицины, где она применяется по специальному решению суда. Но преступники ею пользуются, да и полиция наша далеко не всегда чиста как лилия, ибо «промывка» заставляет преступника разговориться и при этом не оставляет следов. Жертве даже можно приказать забыть все, что с ней случилось.

Почти все это я уже знал ко времени, когда Дак рассказал мне о том, что сделали с Бонфортом, а остальное я извлек из бывшей на борту «Энциклопедии Батавии». Можете сами посмотреть там статьи «Психическая интеграция» и «Пытка».

Я покачал головой и постарался выкинуть оттуда эти кошмары.

— Но он поправится?

— Доктор говорит, что наркотики не изменяют структуру мозга, они ее лишь парализуют. Он утверждает, будто кровь постепенно подхватывает частицы наркотика и вымывает их из мозга. Потом они поступают в почки и таким путем уходят из тела. Но на все это нужно время,— Дак взглянул на меня.— Шеф!

— Что? А не пора ли нам расстаться с этим обращением? Он ведь вернулся.

— Именно об этом я и хочу с вами поговорить. Не будет ли для вас слишком большой обузой побыть еще некоторое время двойником Бонфорта?

— Но зачем? Ведь на борту нет никого, кроме посвященных в тайну?

— Это не совсем так, Лоренцо, хотя мы и пытались держать все в полном секрете. Значит, так: есть ты, есть я,— он считал по пальцам,— есть доктор, Родж, Билл. Ну и Пенни, разумеется. Есть еще человек по имени Лангстон, он на Земле, и ты его не знаешь. Думаю, что обо всем догадывается Джимми Вашингтон, но он даже собственной мамаше не проговорится, какой теперь час. Мы, однако, не знаем, сколько людей принимали участие в похищении, хотя можно сказать с уверенностью, что их было немного. Во всяком случае, они все равно болтать не посмеют, а самое забавное, что у них сейчас нет никаких доказательств, что похищение имело место вообще, так что если бы они даже захотели оповестить об этом весь мир, то у них ничего не выйдет. Но вот в чем беда: тут — на борту «Тома» — есть еще экипаж и полно бездельников из секретариата. Старик, почему бы тебе еще немножко не побыть Шефом, чтобы тебя ежедневно можно было лицезреть и членам команды, и девицам Джимми Вашингтона, и всем прочим, пока *он* не поправится? А?

— М-м-м... Почему бы, собственно, и нет. А надолго может затянуться процесс выздоровления?

— Надо думать, до конца полета. Мы будем идти медленно, с небольшим ускорением, и ты будешь чувствовать себя как дома.

— О'кей, Дак. Вы все эти дни, пожалуйста, не включайте в платежную ведомость. Я буду работать бесплатно, ибо от всей души ненавижу «промывку мозгов».

Дак вскочил и крепко хлопнул меня по плечу.

— Вот таких людей я уважаю, Лоренцо! И не беспокойся о гонораре, мы о тебе сами позаботимся,— его манеры вдруг резко переменились.— Отлично, Шеф. Увидимся завтра.

Итак, карусель завертелась. Включение дюз, которое произошло после возвращения Дака на корабль, означало лишь смену орбит — переход на более далекую от Марса, чтобы обезопасить себя от прибытия на шаттлах назойливых репортеров. Я проснулся в невесомости, принял таблетку и даже, хотя с трудом, позавтракал. И тут же в каюту вплыла Пенни.

— Доброе утро, мистер Бонфорт.

— Доброе утро, Пенни,— я кивнул в сторону гостевой каюты.— Есть что-нибудь новенькое?

— Нет, сэр. Капитан свидетельствует свое почтение и спрашивает, не сочтете ли вы возможным посетить его в капитанской каюте?

— С удовольствием.

Пенни отправилась со мной. Там уже были Дак, обхвативший длинными ногами ножки стула, чтобы удержаться на месте, и Родж с Биллом — оба пристегнутые к кушетке ремнями.

Дак обвел взглядом каюту и сказал:

— Спасибо, что зашли, Шеф. Нам нужна ваша помощь.

— Доброе утро. А в чем дело?

Клифтон ответил на мое приветствие с обычной уважительностью и назвал меня Шефом. Корпсмен ограничился кивком. Дак продолжал:

— Чтобы благополучно завершить дело, вам, по традиции, следовало бы еще раз появиться на экранах.

— Что? Но я думал...

— Минуточку, сэр. Дело в том, что средствам массовой информации дали понять, будто вы сегодня произнесете большую речь, в которой прокомментируете вчерашние события. Родж намеревался ее отменить, но у Билла уже есть подготовленный текст. Вопрос в том — захотите ли вы выступать?

— Что ж, как говорится, если ты подобрал кошку, так непременно жди от нее котят... А где состоится выступление? В Годдард-Сити?

— О нет! Прямо в вашей каюте. Мы транслируем выступление на Фобос, там его запишут для Марса и по линии срочной связи ретранслируют в Новую Батавию, откуда запись пойдет на Землю, а также на Венеру, Ганимед и так далее. За каких-нибудь четыре часа ваша речь обойдет всю Солнечную систему, а вам и шагу из каюты ступить не придется.

В огромности аудитории есть что-то завораживающее. Мне лишь раз пришлось принять участие в аналогичной передаче, и то мою роль почти целиком вырезали, так что моя физиономия маячила на экране ровно двадцать семь секунд.

Дак посчитал, что я колеблюсь и добавил:

— Особого беспокойства это не причинит, поскольку у нас на «Томе» есть аппаратура для стереозаписи. Мы сможем просмотреть пленку и вырезать то, что покажется неудачным.

— Ну... ладно. Текст речи у вас, Билл?

— Да.

— Дайте мне просмотреть его.

— Это еще зачем! Для этого у вас будет время перед выступлением.

— Это его вы держите в руках?

— Да, его, а что?

— Тогда позвольте мне прочесть.

Билл выглядел очень раздраженным.

— Вы получите его за час до выступления. Такие вещи производят более сильное впечатление, когда они кажутся импровизацией.

— Впечатление импровизации есть результат тщательной подготовки, Билл. Поверьте мне, ведь это моя профессия, и я знаю, о чем говорю.

— У вас вчера на космодроме получилось неплохо без всякой репетиции. В речи ничего нового нет, и я хочу, чтобы вы произнесли ее точно так же, как там.

Чем больше упрямился Корпсмен, тем больше во мне проступали черты характера Бонфорта. Думаю, Клифтон заметил, что я готов взорваться, потому что он сказал:

— О, ради бога, Билл! Отдай ты ему текст, в самом деле!

Корпсмен фыркнул и швырнул мне листы. В невесомости они разлетелись по всей каюте. Пенни собрала их, сложила по порядку и передала мне. Я поблагодарил ее и стал читать.

Я просмотрел текст, затратив на это столько же времени, сколько потребовалось бы на произнесение речи. Окончив читать, поднял глаза и оглядел присутствующих.

— Ну как? — спросил Родж.

— Тут примерно пять минут на тему об Усыновлении. Остальное — аргументация в пользу политики партии Экспансионистов. В общем, очень похоже на те речи, которые вы мне давали для прослушивания.

— Да, конечно,— согласился Клифтон.— Усыновление — крюк, на который мы повесили все остальное. Как вам известно, мы собираемся в недалеком будущем поставить вопрос о вотуме доверия.

— Это-то я понимаю. Вы не можете упустить шанс и должны забить во все барабаны. Так вот, все хорошо, но...

— Что вы хотите сказать? Вам что-нибудь не нравится?

— Все дело в форме выступления. В нескольких местах требуется кое-что перефразировать. Он просто не мог бы сказать так, как это значится в тексте.

Корпсмен взорвался, произнеся слово, которое никак не следовало бы говорить в присутствии дамы, за что я смерил его ледяным взглядом.

— Послушай-ка, Смизи! — продолжал он.— Кому должно быть лучше известно, как бы сказал или не сказал Бонфорт? Тебе? Или человеку, который пишет все его речи вот уже четыре года?

Я постарался взять себя в руки. В чем-то он был прав.

— Дело в том,— ответил я,— что фраза, которая хорошо выглядит на бумаге, иногда звучит фальшиво в устной речи. Мистер

Бонфорт — великий оратор, это я давно понял. Он стоит в ряду с Уэбстером, Черчилем или Демосфеном* — самые высокие мысли он выражает самым простым языком. Вот, посмотрите, тут употребляется слово «бескомпромиссность», причем даже дважды. Я, конечно, вполне способен произнести его правильно, у меня вообще слабость к многосложным словам, и я охотно демонстрирую свою эрудицию публично. Но мистер Бонфорт сказал бы «упрямство» или даже «ослиное упрямство», «тупоголовость» или нечто подобное. Причина, по которой он так поступил бы, лежит, разумеется, в том, что подобные выражения отлично передают эмоциональный настрой оратора.

— Вот что! Ты занимайся своим прямым делом — постарайся получше донести смысл речи до слушателей, а я уж как-нибудь позабочусь о словах!

— Вы не понимаете, Билл! Мне дела нет до того, правильна ли речь с политической точки зрения или нет. Но моя работа — верно передать манеру оратора. А я этого сделать не смогу, если в уста изображаемого мной персонажа будут вложены не свойственные ему выражения. Это прозвучало бы так же фальшиво, как если бы коза попробовала заговорить по-гречески. Но если я прочту речь, написанную теми словами, которые свойственны только Бонфорту, она автоматически произведет нужное впечатление. Он ведь великий оратор.

— Слушай, Смизи, тебя нанимали не для того, чтобы ты писал речи. Тебя нанимали...

— Полегче, Билл,— вмешался Дак.— И заодно отвыкни навсегда от всех этих «Смизи». Родж, что скажешь? Каково твое мнение?

— Насколько я понимаю, Шеф, речь идет только о нескольких выражениях?

— Да, конечно. И я бы еще предложил изъять личный выпад против мистера Кироги и намек на его спонсоров. Мне кажется, это не в духе мистера Бонфорта.

Клифтон как-то увял:

— Этот абзац я вставил сам. Но вы, вероятно, правы. Он всегда старается думать о людях хорошо,— он на минуту задумал-

ся.— Сделайте изменения, которые сочтете нужными. Потом мы запишем выступление и просмотрим пленку. Всегда ведь можно вырезать то, что покажется неудачным. Можно и вообще отменить выступление «по техническим причинам»,— Клифтон скупо улыбнулся.— Вот так мы и сделаем, Билл.

— Будь я проклят, если это не самая наглая...

— И все же, именно так мы и поступим, Билл.

Корпсмен пулей вылетел из каюты. Клифтон вздохнул:

— Билл не терпит даже мысли, что кто-то, кроме мистера Бонфорта, будет давать ему указания. Но человек он очень дельный. Гм-м... Шеф, как скоро вы будете готовы для записи? Наше время — шестнадцать ноль-ноль.

— Не знаю. Но к этому времени я буду готов.

Пенни проводила меня до кабинета. Когда она прикрыла дверь, я сказал:

— В ближайший час или около того вы мне не будете нужны, Пенни, девочка. А пока попросите, пожалуйста, у доктора еще несколько таблеток, они могут потребоваться.

— Хорошо, сэр,— она поплыла спиной к двери.— Шеф!

— Что, Пенни?

— Я только хочу сказать, не верьте, что Билл действительно писал все его речи.

— А я и не поверил. Я же слышал его речи... И прочел этот... текст.

— О, конечно, Билл частенько готовил нечто вроде черновика. То же самое делал и Родж. Даже мне приходилось этим заниматься. Он... он использовал любые идеи, откуда бы они ни шли, если считал их заслуживающими внимания. Но когда он говорил речь, она была его собственной — от первого слова и до последнего.

— Я уверен в этом. Хотелось бы, однако, чтобы он подготовил и эту — заранее.

— Все будет отлично, если вы захотите.

Так я и сделал. Я начал с того, что стал заменять синонимы, вставляя грубоватые гортанные германизмы на место выспренних утробных латинизмов, на произношении которых можно вывихнуть челюсть. Потом я вошел в раж, побагровел и порвал

текст на кусочки. Актеру ведь часто хочется повозиться с текстом своей роли, только шансов ему почти никогда не выпадает.

Я никого не допустил к прослушиванию своей речи, кроме Пенни, и потребовал от Дака устроить так, чтобы ее нельзя было услышать где-нибудь в другой части корабля, хотя и подозреваю, что он все же обвел меня вокруг пальца и подслушал. Пенни расплакалась уже после трех первых минут, а к тому времени, когда я кончил (речь длилась двадцать восемь с половиной минут — ровно столько, сколько мне выделили), она была на грани обморока. Я, конечно, не позволил себе вольничать со славной экспансионистской доктриной, провозглашенной ее официальным пророком — Джоном Джозефом Бонфортом. Я просто заново воссоздал и речь, и манеру, в которой она произносилась, используя для этого отдельные абзацы из других его речей.

И вот ведь какая странная штука — произнося ее, я верил каждому сказанному в ней слову.

Но какая же это была роскошная речь, друзья мои!

Потом мы все вместе прослушали эту запись, сопровождаемую моим изображением в натуральную величину. Среди нас был и Джимми Вашингтон, что заставило Билла Корпсмена держаться в рамках приличий. Когда все кончилось, я спросил:

— Что скажете, Родж? Надо ли что-то вырезать?

Он вытащил изо рта сигару и ответил:

— Нет. Если вам угодно выслушать мой совет, Шеф, я посоветую все оставить как есть.

Корпсмен снова выскользнул из каюты, но зато мистер Вашингтон подошел ко мне со слезами на глазах — а надо сказать, слезы в космосе в состоянии невесомости — большое неудобство, так как им некуда падать,— и сказал:

— Мистер Бонфорт, это было *прекрасно*!

— Благодарю вас, Джимми.

А Пенни вообще не могла произнести ни слова.

После окончания прослушивания я был в полном отпаде — триумфальный исход представления всегда превращает меня в выжатый лимон. Я проспал как убитый больше восьми часов и проснулся только от воя сирены. Еще перед сном я привязался ремнями к койке — терпеть не могу в состоянии невесомости

болтаться во сне туда-сюда по каюте. Так что я продолжал лежать, не двигаясь. Однако я и понятия не имел, что мы так скоро стартуем, а потому сразу же после первого предупреждения вызвал капитанскую рубку.

— Капитан Бродбент?

— Одну минуту, сэр,— услышал я голос Эпштейна.

— Слушаю, Шеф,— ответил мне тут же Дак.— Мы стартуем точно по расписанию. Согласно вашим распоряжениям.

— Что? Ах да, разумеется.

— Думаю, мистер Клифтон сейчас зайдет к вам.

— Отлично, капитан,— я снова откинулся на подушки и стал ждать.

Сразу же после старта, когда сила тяжести достигла одного «g», в каюту вошел Родж Клифтон. Я никак не мог определить выражение его лица — на нем одновременно читались триумф, тревога и недоумение.

— Что случилось, Родж?

— Шеф! Они нас перехитрили! Правительство Кироги ушло в отставку!

Глава 7

Голова у меня была все еще затуманена сном, и мне пришлось как следует потрясти ею, чтобы понять, что произошло.

— Из-за чего шум, Родж? Разве не этого вы добивались все это время?

— Конечно-конечно, но...— он замялся.

— Что «но»? Ничего не понимаю. Вся ваша команда многие годы трудилась и хитрила, пытаясь добиться именно такого результата. Теперь вы его получили и почему-то разыгрываете из себя невесту, которая неожиданно потеряла уверенность в том, что ей действительно хочется идти под венец. В чем дело? Грешники, вроде бы, низвергнуты, праведники торжествуют. Разве не так?

— Сразу видно, что вы еще слабо разбираетесь в политике.

— Еще бы! После того как меня забаллотировали на выборах в звеньевые отряда бойскаутов, я потерял все свои амбиции.

— Тогда знайте, что правильный выбор момента действий в политике — это все!

— Мой папаша говаривал то же самое. Послушайте, Родж, прав ли я, предположив, что вы предпочитаете, чтобы Кирога пока оставался у власти? Вы сказали, что он перехитрил вас.

— Попытаюсь объяснить. Мы надеялись поднять вопрос о вотуме доверия и, победив, добиться проведения всеобщих выборов, но все это в более удобное для нас время, когда мы будем полностью уверены в победе на выборах.

— Ага! А сейчас, значит, уверенности в победе у вас нет. Вы полагаете, что Кирога может обойти вас и снова встать у власти на следующие пять лет или, в крайнем случае, сохранить прочные позиции в Ассамблее?

Клифтон задумался.

— Нет, я считаю, что у нас недурные шансы на выигрыш.

— Что? Знаете, я плохо соображаю спросонья. Вы что же, не хотите победы?

— Конечно, хотим, но вы не понимаете, каковы последствия отставки правительства в данный момент.

— Действительно, не понимаю.

— Видите ли, правительство, находящееся у власти, может назначить выборы в любой день своего пятилетнего срока правления. Обычно оно выбирает для этого самый, по его мнению, подходящий момент. Однако оно никогда не уходит в отставку в *промежуток* между объявлением о сроке будущих выборов и самими выборами, если, конечно, его к этому не принудят. Это понятно?

Я, хоть политикой не интересуюсь, все же понял, что и в самом деле произошло нечто странное.

— Кажется, да.

— Сейчас же Кирога назначил всеобщие выборы, а затем *весь* его кабинет подал в отставку, оставив Империю без управления. В этом случае Императору не остается ничего иного, как поручить кому-то сформировать «переходное» правительство, которое будет функционировать до выборов. Согласно букве закона, он может поручить это любому члену Великой Ассамблеи, но если руководствоваться конституционными прецедентами, то никакой альтернативы у Императора нет. Когда правительство в

полном составе уходит в отставку, не перераспределяя портфелей, а полностью, Император *обязан* поручить формирование «переходного» правительства лидеру оппозиции. Такой ход событий неизбежен, он вытекает из нашей конституционной практики, которая должна предотвратить использование угрозы отставки в качестве средства давления. В прошлом для этого прибегали и к другим методам, но они приводили к тому, что правительства менялись как перчатки. Наша же нынешняя система гарантирует стабильность управления государством.

Я приложил такие усилия, чтобы вникнуть в эти детали, что чуть не пропустил следующую фразу.

— А поэтому Император, естественно, вызвал мистера Бонфорта в Новую Батавию.

— Что? В Новую Батавию? Господи! — я подумал, что никогда еще не бывал в столице Империи. В тот раз, когда я летел на Луну, превратности моей профессии не оставили мне ни времени, ни денег на поездку в Батавию.— Так вот почему мы стартовали! Ну что ж, я пожалуй даже рад. Думаю, что у вас найдется такая возможность отправить меня на Землю и в том случае, если «Томми» попадет туда не скоро.

— Вот уж из-за этого вам совсем не стоит ломать голову. Да капитан Бродбент в одну минуту изыщет десяток способов переправить вас домой.

— Виноват! Я, конечно, понимаю, что сейчас у вас на уме гораздо более важные дела, Родж. Хотя, разумеется, именно сейчас, когда моя работа завершена, я бы не отказался поскорее оказаться дома. Впрочем, несколько дней или даже месяц пребывания на Луне не помешают. Меня ведь ничто не торопит. И большое спасибо, кстати, за то, что нашли время сообщить мне все эти новости,— только тут я обратил внимание на выражение его лица.— Родж, вы чем-то дьявольски озабочены!

— Да неужели вы не понимаете?! Император вызвал мистера Бонфорта! Сам Император, человече! А мистер Бонфорт не может прибыть на аудиенцию! Они разыграли рискованный гамбит и, возможно, поставили нас перед неизбежным матом.

— Что-что? Подождите-ка минутку... Дайте сообразить... Так-так, я понимаю, о чем вы... Но постойте, мы же еще не в Новой

Батавии, до нее же сто миллионов миль, или двести, или еще больше... Доктор Капек к тому времени подлатает мистера Бонфорта, и тот сможет распрекрасно сыграть свою роль. Разве не так?

— Ну... во всяком случае, мы надеемся на это.

— Но вы не уверены?

— А как можно быть уверенным? По словам Капека, в медицинской практике последствия применения таких огромных доз практически неизвестны. Многое зависит от индивидуальных особенностей хода биохимических процессов и от того, какой именно препарат применялся.

И тут я вспомнил, как один сукин сын подсунул мне однажды перед представлением таблетку сильнейшего слабительного. Я, конечно, провел свою сцену, что было явной победой духа над материей, но затем добился, чтобы мерзавца прогнали с позором.

— Родж! Значит, они сделали ему это последнее вливание — дали ему совершенно ненужную чудовищную дозу вовсе не из гнусных садистских побуждений, а с целью подготовить нынешнюю ситуацию...

— Я тоже так думаю. И Капек — тоже.

— Слушайте! Но тогда за всей этой историей с похищением стоит не кто иной, как сам Кирога! Значит, Империей управляет самый обыкновенный гангстер!

Родж покачал головой.

— Совсем необязательно. И даже маловероятно. Но это означает, что те же самые силы, которые направляют действия Активистов, контролируют и аппарат партии Человечества. Однако этим силам обвинение не предъявишь — они недосягаемы и респектабельны. И тем не менее именно они могли дать Кироге сигнал — пришло время свернуть дела, залечь в кусты и притвориться мертвым — и заставить его этот приказ выполнить. Почти наверняка,— добавил он,— даже не намекнув на действительную причину того, почему именно этот момент сочтен наиболее подходящим.

— Черт побери, уж не хотите ли вы сказать, что самый могущественный человек в Империи вот так запросто сложит лапки и подчинится? Только потому, что кто-то прикрикнет на него из-за кулис?

— Боюсь, что именно так я и думаю.

Я покачал головой:

— Политика — грязная игра.

— Нет,— решительно возразил Клифтон.— Такой вещи, как грязная игра, не существует вообще. Зато часто приходится иметь дело с грязными игроками.

— Не вижу разницы.

— Разница огромная. Кирога — человек весьма заурядный, и он лишь марионетка в руках негодяев. Бонфорт же — личность выдающаяся и марионеткой никогда — в буквальном смысле этого слова — не был. В бытность свою простым членом Движения он верил в его правоту, а став лидером, исходит из прочных идейных соображений.

— Поправка принята,— сказал я, извиняясь.— Ну хорошо, так как же мы поступим? Может быть, Даку следует вести «Томми» так, чтобы он еле-еле тащился и к моменту прибытия в Новую Батавию Шеф успел бы полностью прийти в себя?

— Тянуть мы не можем. Конечно, идти с ускорением большим, нежели одно «g», нет необходимости — никто не вправе ожидать, чтобы человек в возрасте Бонфорта подвергал сердце большим перегрузкам. Но и оттягивать аудиенцию мы не можем. Когда Император приглашает вас — вам остается только одно — прибыть к нему, и поскорее.

— Так что же делать?

Родж молча поглядел на меня. И тут я начал нервничать:

— Слушайте, Родж, попрошу вас обойтись без всяких дурацких штучек! Ваши проблемы не имеют ко мне никакого отношения! Я с ними покончил, если не говорить об обещании несколько раз как бы случайно появиться там и сям на корабле! Грязная она или чистая, но политика — не мое дело, так что, будьте добры, расплатитесь со мной, отправьте меня домой, и я гарантирую вам, что никогда не подойду ближе чем на милю к избирательным урнам!

— Но вам же, вероятно, практически ничего не придется делать! Доктор Капек почти наверняка приведет его в порядок ко времени прибытия. И вообще — ничего трудного для вас не предвидится — ничего даже похожего на церемонию Усыновления... так, простенькая аудиенция у Императора...

— У Императора!!! — я почти орал во весь голос. Как и все американцы, я не видел в монархическом строе никаких преимуществ, в глубине души не одобрял его и в то же время испытывал тайное, уходящее корнями в самое сердце, благоговение перед королевскими особами. К тому же Америка вошла в Империю как бы с черного хода, сменив свой статус ассоциированного члена на преимущества полного членства, оговорив сохранение в неприкосновенности американских общественных институтов, собственной конституции и всего прочего. В частности, негласно было решено, что ни один из членов королевской семьи никогда не ступит на американскую землю. Возможно, это было плохо придумано. Возможно, если бы мы немного присмотрелись к королевским особам, они не производили бы на нас такого сильного впечатления. Пока же всем известен факт, что именно американские дамы-«демократки» больше всех прочих лезут вон из кожи, стараясь добиться чести быть представленными ко двору.

— Остыньте,— ответил Родж.— Вполне вероятно, что ничего такого вам делать не придется. Мы только хотим, чтобы вы были наготове. Я пытался дать вам понять, что «переходное» правительство — в общем-то, дело пустяковое. Оно не принимает законов, оно не меняет политику. Так что деловую часть я целиком возьму на себя. Вам же придется — если придется — лишь официально появиться перед королем Виллемом* и выдержать одну, возможно, две — в зависимости от того, как пойдет выздоровление,— заранее подготовленные пресс-конференции. То, что вы сделали раньше, было гораздо труднее. А что касается оплаты — деньги будут вам выплачены независимо от того, понадобятся нам ваши услуги или нет.

— Черт вас возьми, оплата тут совершенно ни при чем! Дело совсем в другом... Короче, говоря словами одного из героев известной драмы: «Вычеркните меня из списков»!

Прежде чем Родж успел ответить, в каюту без стука ворвался Билл Корпсмен, окинул нас беглым взглядом и кинул Клифтону:

— Ну, ты ему уже сказал?

— Да,— ответил Клифтон.— И он отказался от работы.

— Как это? Что за чушь собачья!

— Это не чушь,— отозвался я.— И между прочим, Билл, на двери, через которую вы вошли, есть симпатичное местечко, куда можно постучать. В нашей профессии принято перед тем, как входить, постучать и спросить: «Можно войти?» Я хотел бы, чтобы вы запомнили это.

— Еще чего! У нас нет времени на все эти цирлихи-манирлихи! И что это еще за болтовня насчет отказа?

— Это не болтовня. За такую работу я не брался.

— Чушь! Может, ты слишком глуп, чтобы понять это, Смизи, но ты увяз в этом деле уж больно глубоко, чтобы пятиться назад. Смотри, тебе может не поздоровиться!

Я подошел к нему и крепко схватил за плечо.

— Вы мне угрожаете? Если да, давайте выйдем и выясним отношения.

Он сбросил мою руку.

— Ты что, забыл, что мы на космическом корабле? Совсем дурак, что ли? А ты попробуй понять своей тупой башкой, что именно ты — причина нынешней неразберихи.

— Что вы хотите этим сказать?

— Он хочет сказать,— вмешался Клифтон,— что убежден, будто падение кабинета Кироги есть прямой результат речи, произнесенной вами сегодня утром. Возможность, что он прав, не исключена. Но сейчас речь не об этом. Билл, попытайся сохранить хотя бы элементарную вежливость, ладно? Руганью мы тут ничего не добьемся.

Я был так поражен предположением, будто это я вызвал отставку Кироги, что позабыл даже страстное желание набить морду Биллу. Неужели они всерьез так считают? Конечно, речь была отменная, но могла ли она вызвать такую реакцию? Если так, то скорость реагирования просто поразительна.

Я сказал с удивлением в голосе:

— Билл, должен ли я понимать, что вы недовольны моей речью, потому что она оказалась слишком сильнодействующей?

— Чего? Черта с два! Это было паршивое выступление!

— Вот как? Придется вам выбирать что-то одно. Вы же утверждаете, что это паршивенькое выступление оказалось столь

сильным, что напугало партию Человечества и заставило ее правительство выйти в отставку. Тут что-то не очень вяжется.

Билл растерялся, начал было отвечать, заметил, что Родж прячет ухмылку, надулся, опять попытался что-то возразить, но, наконец, передернув плечами, пробормотал:

— Ладно, парень, будем считать, что ты прав — твоя речь не имеет отношения к падению кабинета Кироги. И тем не менее дело есть дело. Почему бы тебе не взять на себя часть общей ноши?

Я взглянул на него и снова обуздал свой гнев (тоже влияние Бонфорта — исполнение роли хладнокровного персонажа невольно воспитывает хладнокровие и в актере).

— Билл, вы опять нелогичны. Только что вы ясно дали понять, что считаете меня всего лишь простым наемником. Раз так, то никаких обязательств, сверх оговоренных ранее и уже выполненных, у меня нет. И вы не можете нанять меня на новую работу, если она мне не по нраву. А она мне явно не подходит.— Он начал было выступать, но я оборвал его.— Разговор окончен. Убирайтесь. В вас тут никто не нуждается!

Билл выглядел ошеломленным.

— Да кто ты такой, чтобы тут командовать!

— А никто! Ровным счетом никто, как вы мне только что указали. Но это моя каюта, отведенная *мне* капитаном. Поэтому или уходите сами, или я вас вышвырну. Мне не нравятся ваши манеры.

Клифтон тихо добавил:

— Тебе бы лучше испариться, Билл. Не говоря о прочем, в данный момент это действительно его личная каюта. Поэтому тебе лучше выйти,— помолчав, Родж продолжил: — Думаю, что в присутствии нас обоих тут нет особой нужды. Видимо, договориться не удалось. С вашего разрешения... Шеф...

— Разумеется.

Я сел и несколько минут обдумывал происшедшее. Жаль, что я позволил Биллу спровоцировать себя даже на такую, сравнительно бескровную ссору. Все равно она была ниже моего достоинства. Однако, вороша в уме все детали этой перепалки, я удостоверился, что мои личные расхождения с Биллом никак не повлияли на решение — оно было принято до его прихода.

Раздался громкий стук в дверь. Я крикнул:

— Кто там?

— Капитан Бродбент.

— Входите, Дак.

Он вошел, сел и по меньшей мере несколько минут казался занятым исключительно состоянием своих ногтей. Наконец, поднял глаза и сказал:

— Вы измените свое решение, если я посажу этого жулика в карцер?

— Как? Разве на вашем корабле есть карцер?

— Нет. Но соорудить его ничего не стоит.

Я бросил на него пытливый взгляд, пытаясь понять, что происходит в глубине этой черепной коробки.

— А вы что, действительно посадили бы Билла в карцер, если бы я попросил об этом?

Он взглянул на меня, заломил бровь и хитровато усмехнулся.

— Нет, конечно. Разве дойдешь до капитанского звания, если будешь действовать, исходя из таких шатких оснований? Подобного приказа я бы не выполнил, даже если бы он исходил от *него*,— и он кивнул в сторону каюты, где сейчас лежал мистер Бонфорт.— Есть решения, которые человек имеет право принимать только самостоятельно.

— Точно.

— М-м-м... Я слышал, что вы уже решили нечто в этом духе?

— Верно.

— Так. За это время я стал уважать тебя, сынок. Когда мы с тобой встретились впервые, мне показалось, что ты просто воображала и фигляр, у которого за душой ровным счетом ничего нет. Я ошибался.

— Очень признателен.

— Поэтому я не стану тебя упрашивать. Ты мне просто скажи — стоит ли нам с тобой тратить время на обсуждение всех сторон этого дела? Или ты уже обдумал все сам?

— Я твердо решил, Дак. Не мое это амплуа, вот что!

— Что ж, должно быть, ты прав. Очень жаль. Думаю, нам остается лишь надеяться, что он оправится ко времени прибытия.—

Дак поднялся.— Кстати, тебя хотела бы повидать Пенни, если, конечно, ты не собираешься ложиться в постель.

Я рассмеялся, но смех был невесел.

— «Кстати», значит? А вы, случайно, не нарушили очередность? Разве сейчас не очередь доктора Капека выкручивать мне руки?

— Он уступил свою очередь. Слишком занят с мистером Б. Однако он велел тебе передать кое-что.

— Что именно?

— Сказал, чтобы ты проваливал ко всем чертям. Конечно, он высказался куда красочнее, но смысл был именно таков.

— Вот как?! Тогда передайте ему, что я займу ему местечко у адского огня.

— Так Пенни может войти?

— О разумеется. Но лучше скажите ей заранее, что она зря потеряет время. Ответ все равно будет отрицательный.

Ну, в общем, решение я, конечно, изменил. Черт возьми, и почему это аргументы кажутся куда более убедительными, если их подкрепляет аромат «Страсти в джунглях»? Сказать, что Пенни прибегла к каким-нибудь бесчестным приемам, нельзя — она даже ни единой слезинки не проронила, да и я себе ничего такого не позволил, однако вскоре обнаружилось, что я уже сдал кое-какие из своих позиций, а потом оказалось, что и отступать-то уже некуда. Да что там говорить, от Пенни не отобьешься — она из тех женщин, что готовы спасать всех подряд, а ее искренность прямотаки заразительна.

Усилия, которые мне пришлось приложить во время полета на Марс, чтобы войти в образ Бонфорта, ничто по сравнению с тем, что мне предстояло сделать во время полета в Новую Батавию, Основные черты характера моего героя уже были мной усвоены, но теперь мне предстояло узнать об этом человеке все, чтобы чувствовать себя Бонфортом в любой ситуации. Хотя готовился я преимущественно к королевской аудиенции, но, когда мы очутимся в Новой Батавии, я могу столкнуться с сотнями и даже тысячами людей. Родж надеялся оградить меня от грозящих опасностей ссылками на необходимость уединения, в котором время от времени нуждается каждый крупный политик, когда ему предстоит большая работа. Но, как там ни крути, мне все

равно не избежать встреч — общественный деятель — это общественный деятель, и уж тут никуда не денешься.

То хождение по туго натянутому канату, которое мне предстояло, стало возможным лишь благодаря бонфортовскому фэрли-архиву, возможно самому лучшему из когда-либо существовавших. Фэрли — политический менеджер в двадцатом веке, насколько я помню, состоявший при Эйзенхауэре. И метод, который он изобрел, чтобы облегчить политическим деятелям личные связи с другими людьми, был столь же революционен, как и создание немцами Генерального штаба для планирования военных операций. Я-то, разумеется, об этом методе ничего не знал, пока Пенни не показала мне архив Бонфорта.

Это было собрание досье, содержавших самые различные сведения о людях. Ведь искусство политика заключается именно в знании людей. В досье находилась информация о многих тысячах лиц, с которыми Бонфорт встречался на протяжении своей долгой карьеры общественного деятеля. Досье представляли собрание фактов, известных Бонфорту о каждом из этих людей и полученных в результате встреч с ними. Там было все что угодно, как бы тривиальны ни были сами по себе эти факты (именно наиболее тривиальные обстоятельства заносились в досье одними из первых): имена и шутливые прозвища жен, детей, домашних животных, хобби, любимые блюда и напитки, предрассудки, причуды. За этим следовали даты, места и содержание разговоров каждой встречи, которая была у Бонфорта с этим человеком.

Если была возможность, прилагались фото. Иногда в досье включалась информация из других источников, то есть основанная не на личных впечатлениях Бонфорта, а полученная другим путем. В некоторых случаях такая побочная информация включала в себя целые биографические очерки — иногда на несколько тысяч слов.

И Бонфорт, и Пенни всегда носили с собой мини-магнитофоны, работавшие от теплоты их тел. Если Бонфорт был один, он при первом удобном случае — в автомобиле, в туалете — надиктовывал запись сам. Если же с ним была Пенни, она записывала нужные сведения на своем диктофоне, замаскированном под наручные часы. Пенни, по-видимому, сама не занималась перепечаткой

и микрофильмированием материалов — это входило в обязанности двух девиц из штата Джимми Вашингтона, и дел у них было по горло.

Когда Пенни показала мне фэрли-архив, показала целиком — а он был весьма объемист, хотя на каждой катушке помещалось до десяти тысяч слов,— и когда она сказала, что все это личные впечатления о знакомых мистера Бонфорта, я издал звук, которому трудно подобрать название,— нечто мёжду воплем и стоном.

— Господи помилуй, детка! Я же говорил, что эта работа не по мне! Разве найдется человек, который может это все запомнить?

— Конечно, нет.

— Но вы же только что сказали, что здесь все, что он помнит о своих знакомых!

— Не совсем так. Я сказала, что здесь все, что он *хочет* о них помнить. Поскольку это физически невозможно, он прибегает к записям. Не волнуйтесь. Вам ничего не придется запоминать. Я лишь хотела, чтобы вы знали, что подобный материал всегда к вашим услугам. В мои обязанности входит следить за тем, чтобы у него всегда находилось несколько минут на просмотр досье перед встречей с конкретным лицом. Если возникнет необходимость, я всегда готова помочь вам подобными справками.

На выбор я просмотрел одно из досье, которое Пенни тут же запустила в проектор. Помнится, это был некий мистер Сандерс из Претории в Южной Африке. У него был бульдог по кличке Снафлз-Билли-бой, несколько ничем не примечательных отпрысков, и он любил разбавлять виски содовой и лимонным соком.

— Пенни, вы хотите сказать, что Бонфорт притворялся, будто помнит такую ерунду? Мне это кажется не очень честным.

Вместо того чтобы рассердиться на меня за поношение ее идола, Пенни с серьезным выражением лица кивнула.

— Я сначала тоже так думала. Но вы смотрите на это под неправильным углом зрения, Шеф. Вам приходилось когда-нибудь записывать номера телефонов своих друзей?

— Что? Ну да, разумеется.

— Разве это нечестно? Неужели лучше извиняться перед другом за то, что он так мало для вас значит, что вы не можете запомнить его телефон?

— Хм-м... Ладно, сдаюсь. Вы, конечно, правы.

— Все это вещи, которые он хотел бы помнить, если бы обладал абсолютной памятью. Ну, а поскольку ее у него нет, то подобное досье ничуть не более бесчестно, чем запись на перекидном календаре, чтобы не забыть день рождения друга. Это и есть гигантский перекидной календарь, который охватывает все. Но суть не только в этом. Вам приходилось когда-нибудь иметь дело с действительно очень важной персоной?

Я стал вспоминать. Пенни, конечно, не имела в виду больших актеров; наверно, об их существовании она даже не подозревала.

— Однажды я встречался с президентом Уорфилдом. Мне тогда было десять или одиннадцать.

— И вы помните какие-нибудь детали этой встречи?

— А как же! Он спросил: «И как это ты умудрился сломать себе руку, сынок?» Я ответил: «Упал с велосипеда, сэр». И тогда он воскликнул: «Со мной было то же самое, только я сломал ключицу!»

— Как вы думаете, он вспомнил бы этот случай, будь он сейчас жив?

— Разумеется, нет.

— А мог бы, будь у него наш фэрли-архив. Он включает сведения и о ребятишках такого возраста, потому что дети растут и становятся взрослыми. Я хочу сказать, что крупные политические фигуры, вроде Уорфилда, встречаются с большим числом людей, чем они могут запомнить. Каждая из этих незаметных личностей хорошо помнит свою встречу со знаменитым человеком, причем во всех деталях. Но самая важная фигура в жизни даже самого маленького человечка — это он сам. И забывать об этом не следует. Со стороны политика помнить о мелочах его отношений с людьми, о тех мелочах, о которых они сами так хорошо осведомлены,— это проявление вежливости, расположения, внимания. И это очень важно для политика.

Я попросил Пенни прокрутить на дисплее досье короля Виллема. Оно оказалось очень маленьким, что сначала меня смутило, пока я не сделал вывод, что знакомство Бонфорта с королем не очень близкое и что они встречались лишь на официальных приемах — назначение Бонфорта Верховным Министром произошло еще до смерти старого Императора Фредерика. Биографии тоже

не было — была лишь сноска «См. "Дом Оранских"». Я этим советом пренебрег — не было времени рыться в миллионах слов по истории Империи и доимперского периода, да и в школе по истории мои оценки колебались от удовлетворительных до отличных. Все, что мне нужно было знать об Императоре, очерчивалось кругом того, что о нем знал Бонфорт.

Я сообразил, что фэрли-архив должен был включать сведения обо всех обитателях корабля, поскольку они: а) были люди и б) встречались с Бонфортом. Я попросил Пенни дать мне их досье. Казалось, она ничуть не удивилась.

Удивился я. Оказалось, что на «Томе Пейне» находилось целых шесть членов Великой Ассамблеи. Это были, разумеется, Бонфорт и Клифтон, но в досье Дака первая строчка гласила: «Бродбент Дариус К., Достопочтенный* член Ассамблеи от Лиги Свободных Путников, член ее президиума». Там еще упоминалась степень доктора философии по физике, факт, что девять лет назад он стал чемпионом Императорских Игр по стрельбе из пистолета, и публикация им под псевдонимом «Эйси Уилрайт» трех томиков стихов. Я поклялся, что никогда больше не буду судить о людях только по их внешности. Была там еще приписка почерком Бонфорта: «Практически неотразим для женщин. Соответственно, и наоборот».

Пенни и доктор Капек тоже были членами парламента. Даже Джимми Вашингтон состоял в нем, представляя какой-то «надежный» округ, населенный преимущественно лапландцами и северными оленями, не говоря уж о Санта-Клаусе. Джимми был рукоположен в Истинной Первой Библейской Церкви Святого Духа, о которой я никогда и слыхом не слыхивал, но что полностью соответствовало его облику тонкогубого священнослужителя.

Особое удовольствие я получил от чтения досье Пенни — Достопочтенной Пенелопы Талиаферро Рассел. Она была магистром искусств, получив эту степень за исследование в области теории государственного управления в Джорджтаунском университете, и бакалавром искусств — эту степень она получила в колледже Уэлсли, что меня, признаться, мало удивило. Она представляла в парламенте женщин с университетским образованием, которые избирательными округами не охватывались, но эта

категория избирательниц была очень надежной опорой партии Экспансионистов — четыре из каждых пяти были ее членами.

Ниже этих сведений помещался размер ее перчаток и данные о прочих размерностях Пенни, любимые цвета — тут я понял, что ее вкус не слишком изыскан и кое-чему могу ее поучить, любимые духи — «Страсть в джунглях» и другая информация, по большей части вполне невинная. Было там и примечание: «Болезненно честна, слаба в арифметике, думает, что обладает чувством юмора, которого у нее нет ни на грош, соблюдает диету, но объедается засахаренной вишней, имеет повышенный комплекс материнства в отношении малых мира сего, склонна придавать слишком большое значение печатному слову». Ниже шла запись почерком Бонфорта: «Ага, Кудрявенькая! Опять подглядываешь! Я же вижу!»

Когда я возвращал эти досье Пенни, я спросил, знакома ли она с собственным. Она дерзко посоветовала мне не совать нос в чужие дела. Потом покраснела и извинилась.

Хотя большую часть моего времени занимала «учеба», я все же улучил несколько часов для совершенствования физического сходства с Бонфортом, для чего с помощью цветовой таблицы несколько изменил, пользуясь «Семипермом» оттенок кожи, затем тщательно отработал морщинки, добавил два-три родимых пятна и уложил волосы, прибегнув к услуге электрощетки. Впоследствии, когда я буду возвращать себе прежнее лицо, мне за все это придется заплатить шелушением кожи, но это скромная цена за грим, который не может быть испорчен, который нельзя смыть даже ацетоном и которому не страшны никакие салфетки и носовые платки. Еще я сделал себе на «хромой» ноге шрам, взяв за образец фотографию, приложенную доктором Капеком к истории болезни Бонфорта. Если бы у Бонфорта была жена или любовница, ей вряд ли удалось бы отличить оригинал от подделки по одной внешности. Работа была тонкая и сложная, но в то же время она не мешала мне обдумывать то, что составляло основную и труднейшую часть моей задачи.

Труднее всего мне далась попытка войти в мир мыслей и надежд Бонфорта — короче, попытка понять смысл политики партии Экспансионистов. В некотором смысле, он сам олицетворял эту партию, был не только ее лидером, но и политическим теоретиком

и величайшим деятелем. Ко времени основания партии экспансионизм был вряд ли чем-то большим, нежели Движение Манифеста Предназначения — пестрая коалиция группировок, имевших только одну общую черту — веру в то, что освоение дальних космических просторов — важнейшее дело, с которым связано все будущее человечества. Бонфорт дал этой партии четкую цель и систему этических постулатов, содержанием которых являлась идея, что равные права и свободы должны следовать за Имперским стягом повсюду. Он неустанно повторял, что человеческая раса никогда не должна повторить ошибки, сделанные в свое время белыми людьми в Азии и Африке.

Меня очень смутил тот факт — а я в таких делах совершенно не искушен,— что ранняя история партии Экспансионистов необычайно походила на нынешнюю историю партии Человечества. Я тогда еще не понимал, что политические партии со временем меняются, как меняются, взрослея, люди. Я смутно помнил, что партия Человечества начиналась как группа, отколовшаяся от Движения, но никогда об этом не задумывался. Практически же это было вполне закономерно — когда прочие политические партии, не принимавшие экспансию в космос всерьез, потеряли под воздействием объективных факторов былое значение и утратили места в парламенте, единственная партия, стоявшая на верном пути, была обречена на раскол. Она превратилась в две.

Но я слишком забежал вперед; мое политическое образование шло отнюдь не так последовательно. Я сначала насквозь пропитался политической риторикой Бонфорта. По правде говоря, этим я занимался еще на пути к Марсу, но тогда меня интересовала лишь манера, в которой произносились его речи, теперь же я стал вникать в их содержание.

Бонфорт был оратором в полном смысле слова, хотя иногда, в пылу спора, мог показаться излишне желчным — как, например, в той речи, которую он произнес во время дебатов в Новом Париже по поводу договора с марсианскими Гнездами, ставшего известным как Соглашение Тихо. Именно этот договор стал причиной его отставки. Он все же протащил его через парламент, но последовавшая за этим реакция привела к вотуму недоверия.

Тем не менее Кирога побоялся денонсировать договор. Эту речь я слушал особенно внимательно, поскольку договор был мне самому не по душе. Мысль, что марсианам должны быть дарованы те же привилегии на Земле, что и людям на Марсе, вызывала у меня тошноту... правда, то было до посещения Гнезда Ккхаха...

«Мой оппонент,— говорил с насмешкой Бонфорт,— пытался внушить вам, что лозунг так называемой партии Человечества — "Правительство людей, избранное людьми и действующее в интересах людей" — есть не что иное, как осовремененная перефразировка бессмертного изречения Линкольна*. Но если голос тут и напоминает об Аврааме*, то рука, написавшая лозунг, явно принадлежит Ку-Клукс-Клану. Истинное значение этого внешне совершенно невинного изречения таково: повелевать всеми расами будут только люди, и делать это они будут в интересах привилегированного меньшинства.

Но мой оппонент возразит, что, дескать, сам Господь Бог вручил нам мандат на право нести в звездные просторы свет просвещения, навязывая "дикарям" ту форму цивилизации, которую мы создали у себя... Так ведь это не что иное, как социологическая школа известного дядюшки Римуса* — хорошие негры распевают псалмы, а старый добрый хозяин их за это очень даже уважает. Что и говорить, картина получается трогательная, да только рамка у нее тесновата — в ней не умещаются ни бич, ни бараки рабов, ни колодки для нарушителей порядка».

Я чувствовал, что становлюсь если не экспансионистом, то, во всяком случае, бонфортистом. Не уверен, что меня увлекла логика его рассуждений, я не уверен даже, что логика там присутствовала. Просто я находился в том состоянии, когда ум легко подчиняется услышанному. Мне так хо телось понять то, что он говорил, что я, если бы потребовалось, мог бы повторить все эти мысли уже как свои собственные.

Передо мной был человек, который знал, чего он хочет, и (что бывает куда реже) знал, *почему* он этого хочет. Естественно, это производило впечатление и заставляло пересмотреть свои собственные взгляды. Чем ты жив, человек?

Во-первых, своей профессией. Я был вскормлен ею, любил ее, питал ни на чем не основанную уверенность, что искусство

требует жертв, и, кроме того, это был единственный доступный мне способ заработать на хлеб. А что еще?

На меня никогда не производили серьезного впечатления формальные школы этики. В свое время я пробежал по ним — общественные библиотеки — прекрасное место отдыха для актера без ангажемента,— но нашел, что они так же бедны витаминами, как поцелуй тещи. Дайте философу побольше времени и вдоволь бумаги, и он докажет все что угодно.

С таким же презрением я относился к наставлениям, которые преподносятся подрастающему поколению. По большей части это чушь собачья, а те крупицы, которые что-то значат, предназначены для пропаганды священного принципа: «хороший» ребенок — это тот, что не мешает мамочке спать по ночам, а «хороший» мужчина имеет солидный счет в банке и ни разу при этом не был схвачен с поличным за руку... Нет уж, спасибо...

В общем-то, правила поведения есть даже у собаки. А у меня какие правила? Как веду себя я, или, хотя бы, как я оцениваю свое поведение?

«Представление должно состояться при любых условиях». В это я всегда верил и соответственно этому поступал. Но почему все-таки важно, чтобы представление состоялось, особенно учитывая, что большинство из них — ужасная гадость? Вероятно, потому что ты добровольно согласился в нем участвовать, потому что публика ждет этого, потому что она заплатила за право смотреть, и ты обязан выложиться до последнего вздоха. Ты обязан делать это ради публики. Ты обязан сделать это ради рабочих сцены, ради режиссера, ради продюсера, ради других членов труппы, а также ради тех, кто учил тебя ремеслу, ради тех, кто длинной вереницей уходят в глубь истории, туда — к театрам под открытым небом, с каменными сиденьями и даже к тем сказочникам, что восседают на корточках посреди пыльного базара. *Noblesse oblige**.

Я пришел к выводу, что все эти мысли годятся для любой профессии. «Плати добром за добро». «Строй прочно и без обмана». Клятва Гиппократа. «Не подводи товарищей». «Хорошая работа за хорошую плату». Это все аксиомы, не требующие доказательств. Они — неотъемлемая часть жизни, они сохраняют истинность повсюду — даже в самых отдаленных уголках Галактики.

И тут я неожиданно понял, к чему клонит Бонфорт. Если существуют какие-то этические нормы, не зависящие от времени и пространства, то, значит, они верны одинаково и для людей, и для марсиан. Они верны для любой планеты, вращающейся вокруг своей звезды. И если человеческая раса не будет действовать соответственно этим нормам, она никогда не прорвется к звездам, ибо тогда какая-нибудь более развитая раса выбросит ее оттуда к чертям за двоедушие.

За экспансию придется платить добродетелью. «Обжуль жулика» — эта философия слишком узка, чтобы прижиться в просторах космоса.

Но Бонфорта никак нельзя считать чистым поборником мягкости и доброты. «Я не пацифист. Пацифизм — хитроумная доктрина, с помощью которой человек пользуется всеми благами, дарованными ему определенной социальной группой, и не желает платить за это, причем свою нечестность выдает за добродетель, требующую увенчания его нимбом святого. Господин Спикер, жизнь принадлежит только тем, кто не боится ее потерять. Этот закон должен быть принят!» С этими словами Бонфорт встал, пересек проход между рядами и сел среди тех, кто поддерживал идею возможности применения силы,— концепцию, которую Конгресс его собственной партии отверг.

Или вот еще: «Имейте на все собственное мнение. Всегда занимайте совершенно определенную позицию. Иногда вы можете ошибиться, но человек, который не имеет собственной точки зрения, ошибается постоянно. Боже упаси нас от дурней, не способных занять свою позицию. Давайте же встанем и посмотрим, сколько нас тут». Эти слова сказаны на закрытом заседании Съезда, но Пенни записала их с помощью своего мини-диктофона, а Бонфорт сохранил запись. У Бонфорта обостренное чувство Истории. Он тщательно хранит все материалы. Если бы он не хранил их, мне пришлось бы работать куда меньше.

Я нашел, что Бонфорт — фигура как раз по мне. Или, во всяком случае, он тот человек, на которого я хотел бы походить. Он личность, и я гордился тем, что воссоздаю его образ.

Насколько я помню, после того как я пообещал Пенни быть на королевской аудиенции, если Бонфорт не сможет это сделать,

я не спал ни минуты. Вообще-то, я намеревался спать — какой смысл появляться на сцене с глазами, опухшими от бессоницы,— но я увлекся материалами, которые изучал, да и в столе у Бонфорта обнаружилось вдоволь стимулирующих таблеток. Удивительно, как много можно сделать, работая по двадцать четыре часа в сутки, когда тебе никто не мешает, а наоборот, все стремятся помочь.

Однако незадолго до прибытия в Новую Батавию доктор Капек пришел и сказал:

— А ну-ка, засучите левый рукав.

— Это еще зачем? — спросил я.

— А затем, что мы вовсе не хотим, чтобы, представ пред очи Императора, вы хлопнулись в обморок от переутомления. Эта штука заставит вас спать до самой посадки. А потом я дам вам стимулятор.

— Э? Значит, вы не надеетесь, что он придет в норму?

Вместо ответа Капек вколол в меня иглу. Я попытался дослушать ту речь, что стояла в магнитофоне, но, видно, через секунду уже заснул. Следующее, что я услышал, был голос Дака, который почтительно повторял:

— Проснитесь, сэр. Пожалуйста, проснитесь. Мы приземлились в аэропорту Липперши.

Глава 8

Поскольку Луна лишена атмосферы, межпланетные ракетные корабли могут садиться прямо на нее. Однако «Том Пейн», хотя и относился к этой категории, был сконструирован так, что должен был оставаться на околопланетных орбитах и обслуживаться на орбитальных станциях. Поэтому ему пришлось садиться в «колыбель». Жаль, что я в это время спал и не был свидетелем этой интереснейшей процедуры — говорят, что поймать на блюдце падающее яйцо и то легче. Дак был одним из полдюжины пилотов, способных произвести такую посадку.

Мне не удалось посмотреть на «Томми» в его «колыбельке» и после посадки — все, что я видел, была внутренность пасса-

жирского переходника, подсоединенного одним концом к шлюзовой камере корабля, а другим — к пассажирской капсуле, умчавшей нас в Новую Батавию. Эти капсулы движутся с такой скоростью, что, при малой силе тяжести на Луне, мы примерно к половине пути оказались в состоянии невесомости.

Сначала нас доставили в апартаменты, предназначенные для лидера лояльной оппозиции, поскольку они должны были служить официальной резиденцией Бонфорту до тех пор, пока он не победит на всеобщих выборах, если, конечно, это произойдет вообще.

Роскошь этих апартаментов заставила меня призадуматься о том, сколь же ослепительна, в этом случае, должна быть резиденция Верховного Министра. Думаю, что Новая Батавия является самой пышной столицей из всех, когда-либо существовавших. Жаль только, что ее почти не видно снаружи, но этот ничтожный недостаток с избытком окупается тем обстоятельством, что Новая Батавия — единственный город в Солнечной системе, который не может быть разрушен даже прямым попаданием водородной бомбы. Вернее будет сказать, он почти неразрушаем, так как на поверхности все же есть кое-какие структуры, которые и могут пострадать в таком случае. Апартаменты Бонфорта, например, включали в себя «Верхнюю гостиную», встроенную в обрыв скалы, с балкона которой, прикрытого прозрачным колпаком, можно было любоваться и самой Матушкой Землей. Спальни же и кабинеты находились под защитой тысячефутовой толщи скального грунта, и туда надо было спускаться на частном лифте.

Осматривать апартаменты во всех подробностях у меня не было времени — пришлось тут же одеваться для аудиенции. Бонфорт не держал камердинера даже на Земле, но Родж настоял на том, чтобы «помочь» мне навести последний глянец, хотя он гораздо больше мешал.

Одежда была копией старинного придворного костюма — бесформенные, похожие на трубы штаны; дурацкий сюртук с раздвоенными фалдами сзади, что превращало меня в портрет молотка-гвоздодера; и то и другое мрачного черного цвета; сорочка с туго накрахмаленной грудью, воротничком с отгибающимися уголками и белой «бабочкой».

У Бонфорта последние детали были сшиты воедино, я думаю, потому что он не пользовался услугами камердинера. По-настоящему же все это полагалось надевать в строгой очередности, а «бабочку» нужно было завязывать так небрежно, чтобы было видно, что это делается вручную,— ведь трудно ожидать, чтобы человек одинаково хорошо разбирался и в политике, и в искусстве одевания.

Ужасно уродливый костюм, но зато на нем отлично смотрелся орден Вильгельмины, чья яркая лента наискось пересекала грудь. Я посмотрелся в большое зеркало и, в общем, остался доволен производимым эффектом. Единственное яркое пятно на фоне строгих черных и белых тонов смотрелось отлично. Быть может, традиционная одежда и не была красива, но она придавала мне достоинство, похожее на холодное величие метрдотеля. Я решил, что вполне могу претендовать на роль дворецкого на официальном обеде у Императора.

Родж Клифтон передал мне свиток, в котором, как предполагалось, находились имена кандидатов на министерские посты, а во внутренний карман моего сюртука он вложил отпечатанную на машинке копию того списка, оригинал которого, написанный рукой Джимми Вашингтона, был отправлен в секретариат Императорского Совета сразу же, как только наш корабль сел на Луну. Теоретически цель аудиенции заключалась в том, чтобы дать Императору возможность проинформировать меня, что он желает поручить мне сформировать кабинет министров, а мне — почтительно высказать ему свои соображения по этому поводу. Предложения по части кандидатур считались секретными до тех пор, пока Император их не утвердит.

Фактически же выбор уже был сделан. Родж и Билл во время полета только тем и занимались, что формировали кабинет и получали согласие каждого кандидата, пользуясь для этого специальной линией связи. Я же внимательно изучал фэрли-досье каждого кандидата на соответствующие посты. Однако список все равно оставался секретным, в том смысле, что средства массовой информации не должны были даже подозревать о его содержании до окончания аудиенции у Императора.

Я взял свиток и протянул руку к боевому жезлу. Тут Родж пришел в ужасное смятение.

— Господи, человече, с этой штуковиной вы не имеете права входить в покои Императора!

— Это еще почему?

— Почему? Да потому что это *оружие*!

— Это церемониальное оружие. Родж, любой герцог или вшивый дворянчик имеет право носить в присутствии короля свою придворную шпагу. Поэтому я возьму свой жезл.

Он яростно замотал головой.

— Им это *положено*. Разве вы не понимаете, с чем связан этот обычай исторически? Парадные шпаги символизировали долг их владельцев перед своим сюзереном — защищать его и поддерживать его власть как личным оружием, так и оружием своих вассалов. Вы же — простолюдин и, по протоколу, обязаны появляться перед королем безоружным.

— Нет, Родж. О, я, конечно, сделаю так, как вы мне скажете, но, по-моему, вы упускаете потрясающий шанс, который нам представился. В некотором роде, это сценическое действие, и если вы посмотрите на ситуацию с этой точки зрения, то сразу поймете, в чем дело.

— Боюсь, я не понимаю, о чем вы говорите.

— Послушайте, разве слух, что я сегодня явился к королю с марсианским боевым жезлом в руках, не долетит до Марса? Я хочу сказать — до Гнезд?

— Что ж, пожалуй, и долетит.

— Еще бы! Думаю, стереовизоры есть в каждом Гнезде. Я сам видел такой в Гнезде Кккаха. И они следят за имперскими новостями не менее внимательно, чем мы. Верно?

— Да. Во всяком случае, Старейшины.

— Значит, если со мной будет жезл, они об этом узнают. Если его со мной не будет — тоже. Для них это необычайно важно. Ни один взрослый марсианин не появится вне Гнезда без боевого жезла, а уж тем более во время церемониального приема. Марсиане и раньше появлялись на приемах у Императора. И разумеется, с жезлами, не так ли? Я готов спорить на что угодно, что так.

— Да, это верно, но вы...

— Это вы забываете, что я теперь *марсианин*! — Тут выражение лица Роджа изменилось, а я продолжал.— Я ведь не просто Джон Джозеф Бонфорт. Я еще и Кккахдждждджеррр из Гнезда Кккаха. Если я появлюсь без жезла, то допущу величайшее неприличие и, откровенно говоря, даже не могу предположить, каковы могут быть последствия, когда известие о нем дойдет до Марса. Я ведь плохо знаком с марсианскими обычаями. А теперь взгляните на это с другой точки зрения: когда я пойду по проходу навстречу Императору, неся в руке жезл, это будет идти *гражданин Марса, которого Его Императорское Величество собирается* назначить своим *Верховным Министром*! Какое впечатление это произведет на Гнезда?

— Кажется, я это плохо продумал,— задумчиво проговорил Родж.

— Я бы, наверняка, тоже упустил это из виду, если бы не задумался — брать с собой жезл или нет. Но неужели вы думаете, что Бонфорт не рассчитал всех вытекающих отсюда последствий еще задолго до того, как отправился на церемонию Усыновления? Родж, мы поймали тигра за хвост, и теперь нам остается только одно — оседлать его и мчаться во весь опор. Другого нам не дано.

В этот момент в комнату вошел Дак, который полностью поддержал меня и, казалось, очень удивился, что у Клифтона сначала было другое мнение.

— Мы, конечно, устанавливаем новый прецедент, Родж, но кто знает, сколько нам их еще придется создать, пока мы достигнем конца? — Однако когда Дак увидел, как я держу жезл, он издал вопль ужаса: — Черт бы вас побрал, дружище! Вы что — хотите прикончить нас или желаете проделать дыру в стене?

— Так я же не нажал кнопку!

— Возблагодарим же Господа за его неизреченную милость! У вас даже предохранитель не поставлен! — Он отобрал у меня жезл и сказал: — Вот тут есть кольцо... его надо повернуть и заправить вот в эту прорезь... Тогда жезл превращается в палку для прогулок. Ф-ф-фу!

— Извините меня.

Они проводили меня до королевских покоев и передали с рук на руки королевскому Конюшему, полковнику Патилу — индусу с ничего не выражающим лицом, великолепными манерами и одетому в живописный мундир Имперских Космических Сил. Его поклон был, судя по всему, рассчитан с помощью логарифмической линейки — он давал понять, что, возможно, я и буду назначен Верховным Министром, но пока еще таковым не являюсь, что я выше его по рангу, но в то же время — обычный шпак, значимость которого должна быть облегчена еще минимум на несколько граммов тем обстоятельством, что полковник носит на правом плече императорский аксельбант.

Он взглянул на жезл и тихо произнес:

— Это, если я не ошибаюсь, марсианский жезл, сэр? Любопытная вещица. Я думаю, вы захотите оставить его здесь, он тут будет в полной сохранности.

Я ответил:

— Я возьму его с собой.

Брови полковника полезли вверх, выражая надежду, что я сам исправлю столь явную ошибку.

Я пошарил в памяти среди любимых крылатых выражений Бонфорта и выбрал одно, при помощи которого он осаживал невеж:

— Сынок, давай-ка, соли свою кашу по-своему, а я уж буду солить свою на свой вкус.

С его лица слетело всякое выражение.

— Слушаюсь, сэр. Будьте добры следовать за мной.

У входа в тронный зал мы задержались. Далеко-далеко на возвышении, куда вели ступени, стоял пока еще пустой трон. По обеим сторонам гигантского помещения толпились в ожидании придворные и знать. Видимо, Патил подал какой-то знак, так как тут же зазвучал Императорский Гимн, и мы в молчании выслушали его: Патил — застыв, как выключенный робот, я — несколько сутулясь, как то приличествует пожилому и уставшему от груза забот человеку, смиренно несущему свои обязанности перед обществом; придворные же застыли, как манекены в витрине роскошного магазина. Очень надеюсь, что нам никогда не придется сокращать статью бюджета на содержание Императорского

Двора — все эти разодетые в яркие одежды вельможи и доблестные копьеносцы создают необычайно живописное зрелище.

Еще звучали последние аккорды Гимна, когда откуда-то сзади появился и занял трон он — Виллем, Принц Оранский, Герцог Нассауский, Великий Герцог Люксембургский, Командор Рыцарей Священной Римской Империи, Генерал-Адмирал Имперских Вооруженных Сил, Советник Марсианских Гнезд, Защитник Сирых и Убогих и, по милости Господней, Король Нидерландов и Император Планет и Межпланетных Просторов.

Я не мог разобрать черт его лица, но вся эта символика внезапно разбудила во мне чувство симпатии. Я больше не ощущал в себе неприязни к монархическому строю.

Когда король Виллем сел, Гимн окончился. Он кивнул в знак благодарности за приветствия, и по толпе придворных прошел еле слышный шелест голосов. Патил куда-то испарился, и я, зажав под мышкой жезл, начал свой длинный путь к трону, сильно прихрамывая, невзирая на малую силу тяжести. Все это весьма смахивало на церемонию во Внутреннем Гнезде, с той разницей, что тут я ничего не боялся. Просто мне было жарко и в ушах стоял отчего-то звон. Мои шаги сопровождались мелодиями Империи — «Король Христиан» переходил в «Марсельезу», а та — в «Звездно-полосатое знамя» и так далее.

У первой отметки я остановился и поклонился, у второй повторил то же самое и отвесил глубокий поклон у третьей, расположенной почти у начала ступеней. Я не преклонил колен — знать обязана становиться на них, но выходцы из народа пользуются теми же суверенными правами, что и сюзерены. В стереовизорах и в театрах это обстоятельство иногда не учитывается, но Родж предусмотрительно растолковал мне, как надо вести себя в подобной ситуации.

— Ave, Imperator! — Если бы я был голландцем, то сказал бы Rex, но я был всего лишь американцем.

Мы обменялись несколькими репликами на школьной латыни. Он спрашивал меня, что мне угодно, а я напоминал ему, что прибыл по его приглашению, и так далее. Потом мы перешли на англо-американский, на котором он говорил с легким европейским акцентом.

— Ты верно служил Нашему отцу. Мы надеемся, что так же ты будешь служить и Нам. Что скажешь ты?

— Желание повелителя — приказ для подданного, Ваше Величество.

— Приблизься.

Наверное, я перестарался, но и ступени были слишком высоки, моя нога по-настоящему разболелась, а психосоматическая боль ничуть не лучше настоящей — и я чуть не упал, но король соскочил с трона и поддержал меня за локоть. Я слышал пронесшийся по рядам вздох. Король улыбнулся и сказал шепотом:

— Легче, легче, старина. Мы постараемся закруглиться поскорее.

Он подвел меня к подобию табурета, стоявшему возле трона, и заставил сесть на него, что было явным нарушением приличий, так как я оказался сидящим раньше, чем король вернулся на трон. Затем он протянул руку за свитком, и я подал его. Король развернул свиток и притворился, будто внимательно читает белую бумагу.

Раздавалась тихая музыка, двор разыгрывал сцену всеобщего оживления и веселья — смеялись дамы, благородные кавалеры шептали им комплименты, на которые дамы отвечали движением вееров. Никто не сходил со своего места, но, похоже, никто не оставался и неподвижным. Маленькие пажи, похожие на микеланджеловских херувимов, скользили между придворными, держа в руках подносы со сластями. Один из них преклонил колено возле короля Виллема, и тот, не отрывая взгляда от бумаги, взял что-то. Ребенок подал поднос и мне, и я взял нечто, не зная, правильно я поступаю или нет. Нечто оказалось одной из тех ни с чем не сравнимых шоколадных конфет, которые производятся только в Голландии.

Вскоре я обнаружил, что лица многих придворных мне знакомы по фотографиям. Здесь собралось большинство безработных членов королевских семейств Земли, скрывших свои прежние звания под псевдонимами герцогов или графов. Кое-кто поговаривал, что король Виллем держит их на пенсионе, чтобы украсить свой двор; другие — что он просто хочет держать их под присмотром, оберегая от соблазнов принять участие в политике и других

столь же неблаговидных делах. И в том и в другом, надо думать, есть частица правды.

А еще тут толклось немало знатных людей, которые к королевским домам не принадлежали. Некоторым из них приходилось зарабатывать себе на кусок хлеба. Вскоре я обнаружил, что выискиваю на лицах присутствующих губы Габсбургов и носы Виндзоров.

Наконец, Виллем опустил свиток. И музыка, и разговоры тут же смолкли. В мертвой тишине он произнес:

— Ты предложил Нам славную команду. Думаем, ее следует утвердить.

— Вы очень милостивы, Ваше Величество.

— Мы обдумаем и известим тебя.— Он наклонился и сказал шепотом: — Не вздумайте спускаться по этим проклятущим ступенькам задом. Я сейчас исчезну.

Я шепнул ему:

— Благодарю вас, сир!

Он встал и, пока я с трудом поднимался на ноги, исчез в шелесте своей мантии. Я обернулся и встретил множество недоумевающих взглядов. Но музыка снова заиграла, и я смог спуститься вниз, ибо благородная знать опять занялась своими галантными пустячками.

В ту же самую секунду, когда я подходил к арке выхода, возле меня снова возник Патил.

— Прошу вас, сэр, пожалуйте за мной.

Показуха кончилась, начиналась настоящая аудиенция.

Он провел меня через маленькую дверь по почти пустому коридору в весьма просто обставленный кабинет. Единственной вещью, говорившей о королевской принадлежности этого помещения, был врезанный в стену герб Дома Оранских с девизом: «Я воздвигаю». Там находился огромный письменный стол, заваленный бумагами. На середине стола, придавленный пресс-папье в виде пары металлических детских туфелек, лежал оригинал того самого списка, копия которого находилась в моем кармане. В медной рамке висел портрет покойной Императрицы с детьми. У од-

ной стены стоял довольно потрепанный диван, рядом с ним небольшой бар. Была тут еще пара мягких кресел и вертящийся стул возле стола. Остальная мебель была бы вполне уместна в кабинете известного, но скромного по достатку домашнего врача.

Патил оставил меня одного и закрыл за собой дверь. У меня не было времени даже решить, могу ли я сесть, не нарушив этикета, когда в дверь, что была напротив той, через которую я вошел, большими шагами почти вбежал Император.

— Привет, Джозеф,— воскликнул он,— я освобожусь через минуту!

Он быстро пересек комнату, сопровождаемый парой лакеев, которые на ходу помогали ему раздеваться, и вышел в третью дверь. Вернулся он почти тотчас же, затягивая молнию своего рабочего комбинезона.

— Вас провели кратчайшим путем, а мне пришлось идти кружным. Все собираюсь отдать приказ придворному инженеру пробить другой туннель из дальней части тронного зала прямо сюда в кабинет, и, черт побери, давно уже пора это сделать! А то приходится тащиться по трем сторонам квадрата либо пользоваться коридорами, открытыми для всех, да еще разодетым в этот шутовский наряд,— потом задумчиво прибавил: — Ничего не ношу под этой дурацкой мантией, кроме нижнего белья.

— Не думаю, чтобы она была хуже, чем этот обезьяний костюм, который я ношу сейчас, сир.

Он передернул плечами.

— Ладно, каждому из нас приходится переносить неудобства, связанные с характером его работы. Хотите выпить? — Он взял список кандидатов в министры.— Налейте и себе, и мне.

— Что вы будете пить, сир?

— Что? — Он поднял на меня глаза и бросил острый взгляд.— Да то же, что и всегда. Шотландское со льдом, конечно.

Я ничего не ответил и налил нам обоим, добавив в свой стакан немного содовой. По коже у меня пробежал мороз. Если Бонфорт знал, что Император всегда пьет чистое шотландское виски со льдом, это должно было быть отражено в досье. А там ничего подобного не было.

Но Виллем принял свой стакан, ничего не сказав, кроме обычного «Горячей плазмы», и продолжал рассматривать список. Потом оторвался от него и спросил:

— Ну, а как вам самому, Джозеф, нравятся эти ребята?

— Сир! Это, так сказать, скелет кабинета, разумеется.— Мы, где могли, сдваивали портфели — сам Бонфорт должен был, кроме должности премьера, занимать еще посты военного министра и министра финансов. В трех случаях мы вписали просто постоянных заместителей тех министров, которые только что ушли в отставку. Это были посты министров по делам наук, проблем населения и внешних территорий. Люди, которые займут эти места после выборов, сейчас были нужны для ведения избирательной кампании.

— Да, да... второй состав... м-м-м... А что вы скажете об этом Брауне?

Я очень удивился. Я полагал, что Виллем утвердит список без лишних слов, хотя ему, вероятно, и захочется поболтать со мной о том о сем. Такого разговора я не опасался. Человек может создать себе репутацию блестящего собеседника, просто дав другому возможность говорить без передышки.

О Лотаре Брауне говорили как о многообещающем государственном деятеле. Все, что я знал о нем, исходило из фэрли-досье и из разговоров с Роджем и Биллом. Он возник на политической арене уже после того, как Бонфорт вышел в отставку, и поэтому не занимал никаких постов, находясь, так сказать, на подхвате.

Билл настаивал, что Бонфорт будто бы планировал быстро продвинуть Брауна и что в «переходном» правительстве для него будет хорошая возможность показать себя. Он предложил его на пост министра внешних коммуникаций.

Родж Клифтон, казалось, колебался. Он сначала наметил на этот пост Энджела Хесус де ла Торре — постоянного заместителя министра. Но Билл возражал, говоря, что если Браун окажется пустышкой, то нынешняя ситуация даст возможность проверить его и в то же время не нанесет ущерба делу. Тогда Клифтон согласился.

— Браун? — ответил я.— Многообещающий юноша. Блестящий ум.

Виллем ничего не ответил, но снова пробежал глазами по списку. Я же отчаянно пытался припомнить, что дословно говорилось в досье Бонфорта. Блестящий... трудолюбивый... аналитический ум... Было ли там хоть что-то против Брауна? Нет... хотя... чересчур любезен... но чрезмерная любезность еще не бросает тень на человека. Правда, Бонфорт ни слова не сказал о таких важных качествах, как честность и лояльность. Конечно, это могло ровным счетом ничего не значить, поскольку фэрли-досье — вовсе не собрание характеристик, а досье фактов.

Император отложил лист.

— Джозеф, когда вы планируете включить марсианские Гнезда в Империю? Немедленно?

— Что? Разумеется, но не раньше проведения выборов, сир.

— Ну-ну, вы же понимаете, что я тоже имел в виду послевыборный период. А вы что, забыли, что меня зовут Виллем? Слышать, как тебя называет «сир» человек на шесть лет старше тебя, да еще когда мы наедине, по меньшей мере глупо.

— Хорошо... Виллем.

— Как мы оба хорошо знаем, считается, будто я не должен вмешиваться в политику. Но оба мы знаем и то, что такое мнение не вполне правильно. Джозеф, вы потратили свои лучшие годы на то, чтобы создать обстоятельства, когда Гнезда единодушно пожелают войти в состав Империи,— он ткнул пальцем в мой жезл.— Думаю, что это вам удалось. Если вы выиграете избирательную кампанию, вы сможете заставить Великую Ассамблею дать мне право провозгласить вхождение Марса в Империю. Я прав?

Я подумал.

— Виллем,— сказал я, тщательно выбирая слова,— вы же знаете, что именно так мы и собираемся поступить. Вероятно, у вас есть причины поднять этот вопрос именно сейчас?

Он поболтал свое виски в стакане и уставился на меня с видом новоанглийского лавочника, готового отшить одного из своих летних клиентов.

— Вы хотите получить мой совет? Согласно Конституции, это вы должны подавать мне советы, а не наоборот.

— С радостью выслушаю ваш совет, Виллем, но не обещаю, что выполню его.

Он засмеялся.

— Вы вообще чертовски редко обещаете что-либо. Ладно, давайте предположим, что вы выиграли выборы и получили право сформировать правительство, но в парламенте у вас такое незначительное большинство, что вам будет исключительно трудно провести через него закон о даровании Гнездам полного равенства. В этом случае я не рекомендовал бы вам ставить вопрос о доверии. Если потерпите поражение, закусите губу и оставайтесь у власти. Постарайтесь удержаться у власти весь пятилетний срок.

— Зачем, Виллем?

— Затем, что вы и я — терпеливые люди. Видите это? — и он указал на герб своего Дома.— «Я воздвигаю». Не такой уж броский девиз, но ведь не королевское это дело — быть броским. Для короля важно оберегать, предвидеть и хорошо «держать» удары. С конституционной точки зрения, мне наплевать, стоите вы у власти или нет. Но зато мне очень даже важно, чтобы Империя была крепка и едина. Я полагаю, что если вы потерпите поражение в вопросе о марсианах сразу же после выборов, то можете позволить себе роскошь ждать — другие реформы завоюют вам достаточную популярность, а на дополнительных выборах вы будете набирать голоса и неизбежно, рано или поздно, придете ко мне и скажете, что я могу добавить к своим прочим титулам титул Императора Марса. Так что — не торопитесь.

— Я обдумаю это,— сказал я осторожно.

— Валяйте, думайте. Теперь, а как насчет ссылки преступников?

— Мы запретим ее сразу после выборов, но резко ограничим функционирование этой системы сейчас же.— Это я мог обещать твердо — Бонфорт ненавидел ссылку.

— Рад, что вы сохранили свой боевой дух, Джозеф. Мне лично отвратительно, что знамя Оранских развевается над кораблем, перевозящим преступников. А что вы скажете о свободной торговле?

— После выборов — да!

— А как вы думаете компенсировать потери в бюджете?

— Мы убеждены, что торговля и промышленность получат мощный толчок к развитию, а прочие виды обложения перекроют потери от снятия таможенных барьеров.

— А если предположить, что этого не произойдет?

В моих запасах ответа на этот вопрос не было — политическая экономия была для меня тайной за семью печатями. Поэтому я улыбнулся.

— Виллем, я обязательно подумаю над вашими вопросами. Но вообще-то, вся программа партии Экспансионистов основана на идее, что свобода торговли, свобода передвижения, общее гражданство Империи, общая валюта и минимальное вмешательство имперских законов и ограничений принесут пользу не только гражданам Империи, но и самой Империи. Если нам понадобятся деньги, мы отыщем их не путем дробления Империи на малые удельные княжества,— все сказанное, кроме первой фразы, принадлежало лично Бонфорту и было лишь адаптировано применительно к данному разговору.

— Ладно уж, оставьте это для предвыборных выступлений,— буркнул король,— в конце-то концов, я ведь только спросил.— Он снова взялся за список.— Вы уверены, что не хотите сделать в нем никаких изменений?

Я протянул руку, и он отдал мне листок. Черт побери, было совершенно очевидно, что Император пытается мне внушить в зашифрованной форме, насколько ему разрешала Конституция, свое мнение, будто Браун — не та фигура. Но ведь, будь оно проклято, я же не имею права менять списки, подготовленные Роджем и Биллом!

Но, с другой стороны, это же не список Бонфорта, это всего лишь то, что, как они полагают, хотел бы видеть Бонфорт, будь он *compos mentis**.

Как я жалел сейчас, что не порасспросил Пенни о Брауне и не выяснил, что она думает о нем!

И тогда я протянул руку, взял со стола Императора перо, вычеркнул Брауна и печатными буквами вписал туда де ла Торре. Почерком Бонфорта я все еще не решался пользоваться.

Император заметил лишь:

— Мне кажется, команда недурна, Джозеф. Желаю вам счастья. Оно вам, безусловно, понадобится.

На этом деловая часть аудиенции кончилась. Я мечтал поскорее унести ноги, но от королей просто так не уходят — это одна из их прерогатив. Он пожелал показать мне свою рабочую мастерскую и сделанные им самим новые модели поездов. Я полагаю, что он больше других сделал для возрождения этого старинного хобби. Лично мне не очень-то понятно увлечение взрослых людей такой забавой, но я все же выжал из себя несколько вежливых восклицаний по поводу его нового игрушечного локомотива, предназначенного для «Королевского шотландца».

— Если бы мне повезло в жизни,— говорил король, ползая на четвереньках и заглядывая во внутренности локомотива,— из меня получился бы очень толковый продавец отдела игрушек большого магазина, а может быть даже главный механик секции механической игрушки. Но превратности судьбы не дали осуществиться моей мечте.

— Вы и в самом деле полагаете, что предпочли бы другой жребий, Виллем?

— По правде говоря, не знаю. Моя нынешняя профессия не так уж и плоха. Времени занимает немного, зарплата — хорошая, да и социальной защищенности такой — поискать, если, конечно, не говорить о возможности революции. Впрочем, как известно, моей династии в отношении революций всегда везло. Однако большая часть моих обязанностей — зеленая тоска, и их мог бы с успехом выполнить любой второразрядный актер,— он посмотрел на меня.— А ведь я здорово выручаю вашего брата, освобождая вас от бесконечных церемоний по закладке зданий и по приему парадов?

— Я это знаю и очень высоко ценю.

— Время от времени, но очень редко, мне удается дать чему-то толчок в нужном направлении, или, вернее, в том направлении, которое мне представляется нужным. Быть королем — смешная профессия, Джозеф. Не советую вам браться за нее.

— Боюсь, что мне уже поздно заниматься ею, даже если бы и очень захотелось.

Он продолжал что-то совершенствовать в своей игрушке.

— Моя главная функция — не дать вам сойти с ума.

— Что?

— Ну, разумеется. Ситуационный психоз — профессиональная болезнь глав государств. Мои предшественники по королевскому ремеслу — те, что действительно правили,— почти все были хоть чуточку да психопаты. А гляньте только на ваших американских президентов — эта работенка, как правило, ведет к преждевременной смерти. Но мне не приходится руководить процессами. Для этого у меня есть профессионалы вроде вас. И вам нет нужды доводить себя до убийственного кровяного давления. Вы, или такие как вы, всегда можете уйти со сцены, если дела пойдут уж совсем из рук вон плохо. И вот тогда Старый Добрый Император — а он, обычно, стар, так как на трон мы попадаем в том возрасте, когда нормальные люди уходят на пенсию,— тут как тут, чтобы гарантировать стабильность, охраняя символы государственной власти, пока вы — профессионалы — будете вырабатывать для нее Новый Курс,— он хитровато усмехнулся.— Моя работа, может быть, и не так уж заметна, но, безусловно, полезна.

Потом он еще немного похвастал своими игрушками, и мы вернулись в его кабинет. Я думал, что сейчас он меня отпустит, и действительно король сказал:

— Мне кажется, пора вас отпустить к вашим делам. Поездка была тяжелой?

— Не очень. Но пришлось много работать.

— Надо думать. А между прочим, кто вы такой?

Вас может схватить за плечо полицейский; вы можете получить шок, не нащупав ногой ступеньку там, где она должна быть; можете во сне свалиться с кровати; вас может застать неожиданно вернувшийся муж; но любой из этих случаев я бы с радостью обменял на этот заданный тихим голосом вопрос. Мне показалось, что от ужаса я постарел, сравнявшись возрастом с моим прототипом.

— Сир?

— Бросьте, бросьте,— сказал он нетерпеливо.— Мой пост связан с рядом привилегий. Поэтому вам лучше говорить правду. Уже час, как я знаю, что вы не Джозеф Бонфорт, хотя допускаю,

что вы могли бы провести даже его родную мать. В самых мелочах поведения вы — вылитый Бонфорт. Так кто же вы такой?

— Меня зовут Лоренцо Смизи, Ваше Величество,— еле слышно прошептал я.

— Не надо дрожать! Я уже давно мог кликнуть стражу, если бы намеревался вас схватить. Уж не подосланы ли вы, чтобы убить меня?

— Нет, сир! Я... верный... верный подданный Вашего Величества...

— Странный способ у вас доказывать верность. Ладно, налейте-ка себе стаканчик и выкладывайте.

И я рассказал ему все, с самыми мельчайшими подробностями. Для этого потребовался еще стаканчик-другой, после чего я почувствовал себя куда лучше. Король рассердился, узнав о похищении, но когда я рассказал о том, что они сделали с мозгом Бонфорта, его лицо буквально почернело от ярости.

Наконец, он сказал:

— Значит, для того чтобы Бонфорт пришел в норму, нужно еще несколько дней?

— Так, во всяком случае, утверждает доктор Капек.

— Не позволяйте ему работать до тех пор, пока он не поправится окончательно. Это очень большой человек. Вы сами-то это понимаете? Он стоит шести таких, как вы или я. Продолжайте быть двойником и дайте ему нужный отдых. Он необходим Империи.

— Вы правы, сир.

— Бросьте вы это «сир»! Поскольку сейчас вы — это он, то и зовите меня Виллемом, как он звал. А знаете, как я вас расколол?

— Нет, си... Нет, Виллем.

— Он зовет меня по имени вот уже двадцать лет. И мне показалось немного странным, что он перестал наедине обращаться со мной запросто, хотя, конечно, и находился здесь по государственной надобности. Но тогда я еще по-настоящему ничего не заподозрил. И все же, как бы поразительна ни была ваша игра, я призадумался. Когда же вы пошли смотреть мои поезда, тут уж я окончательно убедился.

— Извините, но почему?

— Вы были слишком вежливы, вот почему. Я ведь и раньше показывал ему свои машинки, и он постоянно расплачивался со мной за испытываемую скуку насмешками, грубовато проезжаясь насчет того, что вот, дескать, такой взрослый дядька, а занимается подобной ерундой. Эту маленькую сценку мы разыгрывали часто, она очень забавляла нас обоих.

— Ох, об этом я и не подозревал.

— Откуда ж вам было знать!

Я же подумал о том, что все же следовало сообразить, что этот проклятый фэрли-архив выдает в некоторых случаях в чем-то ненадежную информацию. Только потом я понял, что досье вовсе не было дефектным и что принципы, на которых архив был основан, ничуть не нарушились. Досье должны были давать видному общественному деятелю мелкие детали о привычках *менее* значимых лиц. А Императора таким незначительным лицом уж никак нельзя было считать: он известен никак не меньше Бонфорта, и, разумеется, последний не нуждался в записях, чтобы закрепить в памяти привычки короля Виллема. Тем более, он не считал возможным помещать в досье сведения о своих личных взаимоотношениях с сюзереном, раз этим досье пользовались даже клерки!

Я не понял того, что было совершенно очевидно, хотя и не знаю, что бы я предпринял, если б уразумел с самого начала, что досье неполно.

А Император продолжал:

— Вы блистательно справились со своей задачей! И после того как вы рискнули жизнью в марсианском Гнезде, я ничуть не удивляюсь, что вы взяли на себя смелость попытаться обмануть и меня. Скажите, *я когда-нибудь видел вас на сцене или на экране?*

Я назвал ему свое настоящее имя, когда Император того потребовал, сейчас же, смущаясь, я выдал ему и свой театральный псевдоним. Он оглядел меня с ног до головы, всплеснул руками и громко расхохотался. Мне стало даже обидно.

— Вы никогда не слышали обо мне?

— Слышал ли я о вас? Да я один из самых горячих поклонников вашего таланта! — он снова пригляделся ко мне.— Нет, вы

же как две капли воды схожи с Бонфортом! Я не верю, что вы — Лоренцо!

— И тем не менее, это я.

— Да верю я, верю! А вы помните ту сценку, где вы играли бродягу? Сначала еще вы пытались доить корову — и ничего не вышло. А кончается она тем, что вы едите из кошачьей миски, но приходит кот и вас прогоняет.

Я сказал, что помню.

— Я эту кассету чуть ли до дыр не затер. Смеюсь и плачу одновременно.

— Так это и было задумано.— Поколебавшись, я все же сказал, что скопировал замысел «Бедного Вилли» у знаменитого артиста совсем другой эпохи.— Однако мои любимые роли — драматические.

— Такие, как эта последняя?

— Ну... не совсем так... Такая роль — одна на всю жизнь. И играть целый сезон я бы ее не смог.

— Думаю, вы правы. Ладно, скажите Роджу Клифтону... Нет, Клифтону ничего не надо говорить. Лоренцо, я не думаю, чтобы кто-нибудь выиграл, узнав о нашем с вами разговоре. Если вы передадите его содержание Клифтону, ну даже хотя бы то, что я просил его не беспокоиться, это фактически только растревожит его. А перед ним еще уйма работы. А потому лучше промолчим, а?

— Как пожелаете, Ваше Величество.

— Прошу вас, бросьте вы это... Мы будем хранить молчание потому, что так лучше для дела. Ах, как жаль, что нельзя тайком навестить Дядюшку Джо. Ему бы это, конечно, не помогло, хотя в прежние времена считалось, что королевское прикосновение творит чудеса. А потому ничего никому не скажем и притворимся, что я ни о чем не догадался.

— Хорошо... Виллем.

— А теперь, я думаю, вам пора идти. Я и без того слишком задержал вас.

— Как вам будет угодно.

— Я попрошу Патила проводить вас... Или вы уже знаете обратную дорогу? Одну минуточку...— продолжал король, роясь в

бумажном завале на столе и что-то бурча себе под нос.— Эта девка, должно быть, опять старалась навести у меня порядок... Ах, нет... вот она...— он выудил небольшую книжечку.— Возможно, мы никогда больше не увидимся... Вы не откажетесь дать мне свой автограф перед уходом?

Глава 9

Билла и Роджа я нашел в Верхней гостиной Бонфорта. Оба прямо икру метали от беспокойства. Не успел я войти, как Билл накинулся на меня.

— Где вы шлялись столько времени, черт бы вас побрал?!

— Был у Императора,— ответил я холодно.

— Вы проторчали там в пять или шесть раз дольше, чем положено!

Я даже не потрудился ответить. Со времени ссоры из-за той речи Корпсмену и мне приходилось взаимодействовать, но это был явно брак по расчету, а не по любви. Мы сотрудничали, но томагавк войны не был зарыт, и можно было ожидать, что его в любую минуту всадят мне между лопатками. Я не делал попыток примириться с Биллом и не видел в том особой нужды: по моему мнению, его родители не слишком заботились об его воспитании — переспали где-то и все.

Я не люблю ссориться с другими членами труппы, но Корпсмена явно устраивало лишь одно положение для меня — положение слуги, при каждом обращении снимающего шляпу и к месту и не к месту величающего своего хозяина сэром. Я же был профессионал, согласившийся делать очень тяжелую профессиональную работу, и не привык, чтобы меня кормили на кухне,— профессионалы требуют почтительности и уважения в обращении с ними.

Поэтому я проигнорировал Билла и спросил Роджа:

— А где Пенни?

— Она у *него*. Там сейчас находятся и Дак с доктором.

— Значит, его уже переправили сюда?

— Да,— Клифтон немного замялся.— Мы поместили его рядом с вашей спальней, в ту комнату, которая предназначалась

бы для вашей жены, если бы она у вас была. Это единственное место, где можно обеспечить ему полный покой и нужный уход. Надеюсь, вы не будете возражать?

— Конечно, не буду.

— Вам это особых неудобств не доставит. Спальни соединены, как вы, вероятно, заметили, общей гардеробной, и мы закрыли дверь с его стороны. Кстати, дверь звуконепроницаема.

— Что ж, по-моему, все правильно. Как он себя чувствует?

Клифтон нахмурился.

— Лучше, гораздо лучше — если оценивать в целом. Большую часть времени в сознании.— Он снова замялся.— Если хотите, можете его навестить.

Я тоже помолчал.

— Как скоро, по мнению доктора Капека, мистер Бонфорт сможет появиться на публике?

— Трудно сказать. Довольно скоро.

— Как скоро? Дня три-четыре? Достаточно скоро, чтобы отменить все встречи и позволить мне на это время исчезнуть из виду? Родж, мне трудно это сформулировать, но, хотя мне и очень хочется его увидеть и выразить свое глубочайшее уважение, по *моим ощущениям, этого не следует делать до того, как я в* последний раз появлюсь в этой роли. Такая встреча может разрушить созданный мной образ.

В свое время я сделал огромную ошибку, придя на похороны собственного отца. Долгие годы после этого я представлял его себе только таким, каким увидел его в гробу. И лишь постепенно мне удалось вытеснить это воспоминание другим и снова увидеть его жизнелюбивым, полным энергии, воспитавшим меня твердой рукой и передавшим мне все секреты нашего ремесла. Я боялся, что нечто в этом роде может произойти и в случае с Бонфортом. Я ведь играл здорового человека, человека в расцвете сил, такого, каким я видел его в стереозаписях. Я опасался, что если увижу его больным, то воспоминания об этом спутают меня и испортят мою игру.

— Я не настаиваю,— сказал Клифтон,— вам виднее. Возможно, нам удастся избавить вас от новых появлений на публике, но я хотел бы, чтобы вы были постоянно наготове до тех пор, пока мы не будем окончательно уверены.

Я чуть было не проговорился, что такое решение совпадает и с мнением Императора, но вовремя спохватился — шок от свидания с Императором чуть было не выбил меня из роли. Воспоминание об Императоре вернуло меня к нашей рутине. Я вынул из кармана пересмотренный список кабинета и вручил его Корпсмену.

— Вот вам утвержденный состав. Передайте его в средства массовой информации, Билл. В нем вы найдете только одно изменение — де ла Торре вместо Брауна.

— ЧТО?

— Хесус де ла Торре вместо Лотара Брауна. Таково желание Императора.

Клифтон был ошеломлен. Корпсмен — ошеломлен и взбешен.

— Мало ли чего он захочет! У него, черт побери, никакого права на собственное мнение нет!

Вступил Клифтон, стараясь говорить спокойно:

— Билл прав, Шеф. Как юрист, специализирующийся на конституционном праве, могу заверить, что утверждение этого списка сюзереном — чистая формальность. Вы не должны были позволять ему вносить какие бы то ни было изменения.

Мне хотелось наорать на них, и лишь усвоенное мной бонфортовское хладнокровие удержало меня. У меня и без того был тяжелый день, так как, невзирая на блестящую игру, меня все же постигла сокрушительная неудача. Мне хотелось выкрикнуть прямо в лицо Роджу, что, если бы Виллем не был действительно великим человеком, королем в полном смысле этого слова, мы бы все сидели сейчас по уши в дерьме просто потому, что мне не обеспечили должного уровня подготовки. Вместо этого я спокойно ответил:

— Что сделано, того не переделаешь.

— Это вы так думаете! — взвизгнул Корпсмен.— Еще два часа назад я передал правильный список репортерам. Так что придется вам отправляться назад и самому исправлять свои ошибки! Родж, вам надо сейчас же созвониться с Дворцом и...

И тут я прикрикнул:

— А ну, тихо! — Корпсмен заткнулся. А я продолжал, чуть-чуть сбавив тон: — Родж, формально вы, должно быть, правы. Я этого просто не знаю. Зато я знаю, что Император имел моральное право поставить кандидатуру Брауна под вопрос. А потому,

если кому-то из вас угодно пойти к Императору и оспорить его мнение, то — на здоровье! Я же собираюсь немедленно снять эту старомодную смирительную рубашку, скинуть туфли и выпить добрый стаканчик виски. А потом завалюсь спать.

— Подождите, Шеф,— возразил Клифтон,— вам предстоит еще пятиминутное выступление по сети центрального стереовидения, где вы объявите о составе нового кабинета.

— Займитесь этим сами. Вы же мой первый вице-премьер.

Он только моргнул.

— Хорошо.

Корпсмен, однако, продолжал стоять на своем:

— А как же будет с Брауном? Мы ведь обещали ему этот пост!

Клифтон задумчиво посмотрел на него.

— Я этого ни в каких документах не читал. У него, как и у других, спросили, не хочет ли он заняться государственной деятельностью. Ты это имел в виду?

Корпсмен заколебался, как актер, что-то напутавший в своей роли.

— Конечно. Но это же и есть обещание.

— Не есть, раз не было официального объявления. Это совсем другое дело.

— Но ведь уже объявили, я же вам сказал! Два часа назад объявили!

— М-м-м... Билл, боюсь, вам придется связаться с ребятами из прессы и сказать, что произошла техническая ошибка; например, что по недосмотру список был им вручен раньше, чем его утвердил сам мистер Бонфорт. Так или иначе, но ошибку нужно исправить до того, как имперская сеть начнет передачи.

— Вы что же хотите, чтобы этому... сошло с рук такое дело?!

Надо думать, что под словом «этот» подразумевался скорее я, чем Виллем. Родж сделал вид, что он понял иначе.

— Да, Билл, сейчас не время вызывать конституционный кризис. Впрочем, и само дело того не стоит. Поэтому решайте, кто возьмет на себя исправление недоразумения — вы или я?

Своим поведением Корпсмен напоминал кота, которого тащат, чтобы ткнуть носом. Выглядел он мрачно, пожал плечами и сказал:

— Беру на себя. Надо все очень точно сформулировать, чтобы выбраться из этой неурядицы, не вызвав опасных кривотолков.

— Спасибо, Билл,— мягко отозвался Клифтон.

Корпсмен двинулся к двери. Я окликнул его:

— Билл, поскольку вы будете говорить с прессой, у меня для них есть еще одна информация.

— А? Что у вас там еще?

— Пустяки.— Дело в том, что я внезапно ощутил смертельную усталость как от роли, так и от связанного с ней напряжения.— Скажите им только, что мистер Бонфорт простудился, и врач рекомендовал ему постельный режим на несколько дней. Я действительно безумно устал.

Корпсмен фыркнул.

— Тогда лучше назовем это пневмонией.

— Ваше дело.

Когда он вышел, Родж повернулся ко мне и сказал:

— Не расстраивайтесь, Шеф. В наших делах все идет то в горку, то под гору.

— Родж, мне в самом деле лучше объявить себя больным. Так что сообщите об этом вечером по стерео.

— Даже так?

— Да, я собираюсь лечь в постель и оставаться там некоторое время. Ведь нет причины, по которой Бонфорт не может простудиться и пролежать в кровати до того времени, пока он не будет в состоянии впрячься в свою упряжь? Всякий раз, как я появляюсь перед публикой, опасность того, что кто-нибудь что-то заметит, возрастает. И каждый раз после выхода этот проклятый Корпсмен выискивает, к чему бы ему придраться. Артист не может работать в условиях, когда его непрерывно подкусывают. Так давайте же лучше закончим на этом и опустим занавес.

— Успокойтесь, Шеф. Отныне я приму все меры, чтобы держать Корпсмена подальше от вас. Здесь, на Луне, это сделать проще, нежели на корабле, где все мы сидели чуть ли не на коленях друг у друга.

— Нет, Родж, мое решение окончательно. Поймите, я вовсе не собираюсь совсем выйти из игры. Я останусь с вами до тех

пор, пока мистер Бонфорт не сможет выйти на сцену, останусь на случай, если возникнет острая необходимость.— Тут я с беспокойством вспомнил, что Император тоже просил меня остаться и, вероятно, уверен, что я так и поступлю.— И все же практически меня лучше держать в тени. До сих пор нам все сходило с рук, не правда ли, но *они-то* знают, кто-то ведь знает, что на церемонии Усыновления был вовсе не Бонфорт. Они только не осмеливаются поднять по этому поводу крик, так как не уверены, что смогут доказать свою правоту. Те же самые люди могут *подозревать*, что на сегодняшней аудиенции тоже был двойник, но полной уверенности в этом у них нет, так как всегда сохраняется вероятность, что Бонфорт уже оправился настолько, что смог выдержать прием у Императора. Я правильно рассуждаю?

Странное виноватое выражение появилось на лице Клифтона.

— Боюсь, они полностью убеждены, что вы — двойник, Шеф.

— Это еще почему?

— Мы несколько приукрасили истину, чтобы не нервировать вас понапрасну. Доктор Капек еще после первого осмотра был уверен, что только чудо способно поднять мистера Бонфорта на ноги к сегодняшней аудиенции. Люди, вкатившие ему такую чудовищную дозу, тоже должны это понимать.

Я нахмурился.

— Значит, вы обманули меня сегодня, когда расписывали, как он отлично чувствует себя? Как он на самом деле, Родж? Только на этот раз без вранья.

— На этот раз все было правдой, Шеф. Именно поэтому я предлагал вам навестить его, хотя раньше меня полностью устраивало ваше нежелание видеться с ним,— помолчав, он добавил: — Может быть, вам все же лучше повидаться и поговорить с ним?

— М-м-м... Нет.— Причины, породившие мой отказ, все еще сохраняли силу: если мне предстоят публичные выступления, то я не хотел бы, чтобы мое подсознание сыграло со мной злую шутку. Я должен был играть роль совершенно здорового человека.— Родж, все, что вы рассказали мне сейчас, только укрепляет мое мнение. Раз они убеждены, что на сегодняшнем приеме был двойник, нам никак нельзя рисковать новым публичным

появлением. Сегодня мы их застали врасплох — или у них не было физической возможности разоблачить нас в данных обстоятельствах. Но они могут пустить в ход такую ловушку, которую мне не удастся обойти, и тогда — трах! — дверца захлопнется, игра окончена! — Я подумал.— Лучше бы мне заболеть по-настоящему. Билл прав — пусть это будет пневмония.

Сила внушения такова, что на следующий день я проснулся с насморком и с болью в горле. Доктор Капек нашел время навестить меня и прописал что-то, отчего уже к обеду я вновь почувствовал себя человеком. Тем не менее он выпустил бюллетень о вирусном гриппе у мистера Бонфорта. В полностью изолированных и снабжаемых искусственным воздухом городах Луны страх перед инфекцией, передаваемой воздушным путем, исключительно силен. Поэтому никто и не пытался прорваться ко мне через заслоны. В течение четырех дней я бездельничал, читал позаимствованные из личной библиотеки мистера Бонфорта книги и сборники его статей. Я сделал открытие, что как политика, так и экономика — безумно интересное чтение. До сих пор я был очень далек от них. Император прислал мне цветы из своих оранжерей. Интересно, не предназначались ли они лично для меня?

Впрочем, это неважно. Я бездельничал и прямо-таки купался в наслаждении снова ощущать себя актером Лоренцо и даже просто Лоренцо Смизи. Обнаружил, что могу мгновенно входить в роль при появлении кого-то из посторонних, причем проделываю это автоматически, независимо от воли, просто в силу необходимости. Я не видел никого, кроме Пенни и Капека, если не считать единственного визита Дака.

Однако даже жизнь лотофагов* приедается. На четвертый день мне так осточертела моя комната, как не надоедала ни одна приемная продюсера, и я почувствовал себя одиноким и заброшенным. Никто ко мне не заходил. Визиты доктора Капека были коротки и носили чисто профессиональный характер, Пенни забегала на минутку и редко. Она перестала звать меня мистером Бонфортом.

Когда появился Дак, я был вне себя от радости.

— Дак! Что новенького?

— Да очень мало. Одной рукой пытался наладить техосмотр корабля, другой — помогал Роджу в его политической стряпне. На этой кампании, где все запутано до предела, он наверняка наживет язву желудка,— Дак уселся в кресло.— Политика — это еще та штучка!

— Хм-м... Дак, а как вы ввязались в это дело? Мне казалось, что космолетчики так же далеки от политики, как и актеры. А уж лично вы — тем более.

— И да, и нет. Большую часть времени космолетчикам глубоко наплевать, как действует вся эта кухня,— была бы возможность перегонять свой металлолом с одной планеты на другую. Однако чтобы летать, надо иметь грузы, а раз груз, значит — торговля, а доходная торговля требует снятия таможенных пошлин, свободы выбора куда лететь и отказа от всяких таможенных барьеров и запретных зон. Свобода! И вот, пожалуйста, вы уже по самое горло в политике. Что касается меня, то я впервые занялся этим, когда попытался «протолкнуть» закон о Непрерывном Полете, чтобы не приходилось платить таможенные сборы дважды при рейсе между тремя планетами. Законопроект, конечно, был внесен Бонфортом. Ну, одно за другим, и вот я уже шесть лет, как капитан его яхты и представитель нашей Гильдии со времени последних выборов,— он вздохнул.— Сам не понимаю, как это все случилось.

— Надо думать, вам все это изрядно поднадоело? Вы не будете выставлять свою кандидатуру на следующий срок?

Он так и уставился на меня.

— Что?! Дружище, да если ты никогда не занимался политикой, значит, ты никогда и не жил!

— *Но вы же только что сказали...*

— Сам знаю, что я сказал... Это грубая, иногда грязная и всегда тяжелая работа, сопровождаемая уймой тоскливых и нудных мелочей. Но это единственный вид спорта, который годится для настоящего мужчины. Все другие игры — это для детишек. Все! — Он встал.— Пора бежать!

— Ох, ну посидите еще немножко, Дак.

— Не могу. Завтра собирается Великая Ассамблея, и мне надо помочь Роджу. Тут и впрямь вздохнуть некогда.

— Вот как? А я даже и не знал.— Вообще-то говоря, я слышал, что уходящий состав Великой Ассамблеи должен собраться еще раз перед роспуском и утвердить «переходное» правительство. Но как-то об этом не думал. Дело-то было чисто формальное, такое же, как утверждение списка членов Кабинета Императором.— А он сможет там присутствовать?

— Нет. Но вам об этом не следует беспокоиться. Роджу придется извиниться за ваше... то есть за *его* отсутствие и попросить утвердить полномочия, не открывая по этому поводу прений. Затем он зачитает речь Верховного Министра, вступающего на свой пост,— ее как раз заканчивает писать Билл. Потом, уже в качестве вице-премьера, Родж попросит утвердить состав Правительства. Последует минута молчания. Дебатов не будет. Предложение примут. Собрание распустят. Все помчатся домой, чтобы поскорее получить возможность наобещать каждому избирателю пару баб в его постели и по сто империалов утром каждого понедельника. Рутина...— он помолчал.— Ах, да! Кто-то из членов партии Человечества внесет резолюцию, выражающую личные симпатии Верховному Министру, и, разумеется, в зал втащат целую корзину цветов. От всего этого будет исходить аромат самого утонченного ханжества. Ведь с куда большим удовольствием они послали бы венок на могилу Бонфорта! — Дак даже оскалился.

— Неужели все так просто? Ну а что, если предложение заслушать заместителя не пройдет? Мне казалось, что Великая Ассамблея не склонна принимать подобные решения?

— Как правило, да. Но на все есть своя хитрая парламентская механика. Ведь если они не выслушают заместителя завтра, им придется ждать неопределенное время, пока Бонфорт выздоровеет, и только тогда они смогут разъехаться и заняться серьезными делами — оболваниванием избирателей. А надо помнить, что и без того ежедневно, с самого дня отставки Кироги, в Ассамблее шли так называемые «фальшивые» заседания, состоявшие только из церемоний открытия и закрытия. Эта Ассамблея мертва куда больше, чем призрак великого Цезаря, но похоронить ее полагается согласно соответствующей статье Конституции.

— Пусть так... Но предположим, что какой-то идиот возразит?

— Никто не возразит. Видите ли, это могло бы вызвать конституционный кризис, а этого нельзя допустить ни при каких обстоятельствах.

После этого мы довольно долго молчали. Дак больше не делал попыток уйти.

— Дак, а что, дело пойдет легче, если я появлюсь там и произнесу эту речь?

— Что? Бог ты мой, я же считал, что этот вопрос решен окончательно! Вы пришли к выводу, что появление на публике небезопасно, если не будет каких-либо чрезвычайных обстоятельств. В целом я с этим согласен. Есть же старая поговорка о кувшине, что повадился по воду ходить.

— Да. Но ведь это будет нечто вроде увеселительной прогулки, не так ли? Все расписано заранее, как в хорошей театральной постановке. Есть ли хоть один шанс, что возникнет ситуация, с которой я не справлюсь?

— Думаю, нет. В обычных условиях вам следовало бы потом встретиться с прессой, но ваша недавняя болезнь послужит извинением. Мы можем вывести вас через запасной туннель и избежать встречи с журналистами,— он невесело усмехнулся.— Конечно, всегда есть шанс, что какой-нибудь псих на галерке протащит с собой пистолет. Мистер Бонфорт шутя называл галерку своим тиром, после того как его достали оттуда.

Я сразу же ощутил в ноге острую боль.

— Хотите напутать меня до смерти?

— Нет.

— Тогда у вас странная манера будить мою смелость. Дак, перестанем играть в кошки-мышки. Вы хотите, чтобы я завтра занялся этим делом? Да или нет?

— Конечно, хочу. Иначе какого черта я торчал бы тут, когда дел у меня по горло! Чтобы потрепаться с тобой, что ли?

Спикер *pro tempore* * ударил молотком, капеллан произнес короткую проповедь, в которой постарался тщательно избежать конфронтации взглядов различных религий, после чего все смолкли. Депутатские места были заполнены лишь наполовину, тогда как балконы переполнены туристами.

Мы услышали передаваемый по внутренней трансляции церемониальный стук. Парламентский пристав с булавой загородил вход. Трижды требовал Император права войти, и трижды Пристав отказывал ему. Тогда он попросил о милости и был, ко всеобщему удовольствию, допущен. Мы встали, когда вошел Виллем и сел позади кресла Спикера. Он носил мундир Генерал-Адмирала и был без свиты. Как и требовалось, его сопровождал лишь эскорт Спикера и парламентский Пристав.

После этого я взял свой боевой жезл под мышку, встал со своего кресла в первом ряду и, адресуясь к Спикеру, как будто сюзерена в зале и не было, прочел речь. Это была не та речь, что написал Корпсмен. Ту я отправил в сортир сразу же после того, как просмотрел ее. Билл написал речь, которая, возможно, подходила для избирательной кампании, но никуда не годилась для данного места и данного времени.

Моя речь была краткой и нейтральной, я составил ее из кусков, заимствованных из других речей Бонфорта, и она, в известной мере, повторяла ту, что он произнес, возглавляя предыдущее «переходное» правительство. Я твердо высказался в пользу хороших дорог, отличной погоды, пожелал, чтобы все возлюбили друг друга подобно тому, как мы — демократы, обожаем своего сюзерена, а он любит нас. Это была шикарная лирическая поэма в прозе слов этак на пятьсот, и если я отклонялся от речи, что служила мне образцом, то продолжал говорить от себя, исходя из роли, которую играл. Восторг балкона был таким, что его пришлось призвать к порядку.

Родж встал и предложил, чтобы кандидатуры, названные по ходу речи, были утверждены; возражений не последовало. Парламентский клерк объявил это решение единогласным. Когда я вышел вперед в сопровождении секундантов от моей партии и оппозиции, то увидел, что многие члены Ассамблеи поглядывают на часы, прикидывая, успеют ли они занять место в полуденном шаттле.

Затем я принес присягу верности моему сюзерену, ограниченную соответствующими статьями Конституции, поклялся защищать и расширять права и привилегии Великой Ассамблеи, охранять свободы граждан Империи, где бы таковые граждане ни находились, а заодно пообещал и исполнять обязанности

Верховного Министра Его Величества. Капеллан, произнося слова присяги пару раз сбился, но я его поправил.

Мне казалось, что я говорю очень бойко, как на каком-нибудь застолье, и вдруг я обнаружил, что плачу и слезы застилают мне глаза. Когда я кончил, Виллем сказал мне еле слышно:

— Прекрасно сыграно, Джо.

Не знаю, думал ли он, что говорит со своим старым другом, да, впрочем, какое мне дело до этого. Я не стал вытирать слез. Позволил им течь по щекам, когда повернулся лицом к Ассамблее. Подождал, пока уйдет Виллем, а затем распустил Ассамблею.

«Диана Лимитед» в тот день пустила четыре дополнительных шаттла. Новая Батавия опустела — кроме двора и миллиона пекарей, мясников, свечников и государственных служащих, в городе осталось только «скелетное» правительство.

После того как мой «грипп» был побежден и я появился перед обширной аудиторией Ассамблеи, больше уже не имело смысла прятаться. В качестве Верховного Министра я уже не мог, не вызывая нежелательных слухов, быть невидимкой. Как номинальный глава политической партии, начавшей предвыборную кампанию, я обязан был встречаться с людьми, во всяком случае с некоторыми. Поэтому я делал то, что нужно было делать, и ежедневно читал присылаемый мне доклад о том, что Бонфорт находится на пути к полному выздоровлению. Выздоровление шло хорошо, хотя и медленно. Капек сообщал, что в случае острой необходимости он мог бы появиться на людях почти в любую минуту, хотя лично он — Капек — против этого возражает. Бонфорт потерял почти двадцать фунтов веса, и его движения еще плохо координируются.

Родж делал все от него зависящее, чтобы прикрыть нас обоих. Бонфорту уже было известно, что вместо него действует двойник, и после первого приступа гнева он смирился с неизбежностью и одобрил такое решение. Родж тянул на себе всю выборную кампанию, консультируясь с Бонфортом только по вопросам высокой политики, а затем передавал мне ответы Бонфорта, чтобы я мог руководствоваться ими, когда в том возникнет нужда.

Меня оберегали не менее тщательно. Увидеть меня было потруднее, чем получить свидание с засекреченным агентом. Мой

офис находился в горах, сразу же за апартаментами Лидера оппозиции — мы не стали переезжать в более пышные покои Верховного Министра, что было бы вполне законно, но, пока он был лишь главой «переходного» правительства, могло бы вызвать косые взгляды. Сюда нельзя было попасть прямо из нижней гостиной, а чтобы воспользоваться главным входом, нужно было пройти через пять контрольных пунктов. Это касалось всех без исключения, кроме тех, особо доверенных, кого Родж сам провожал обходным туннелем в кабинет Пенни, а уж оттуда и в мой.

Такая система обеспечивала мне возможность просмотреть фэрли-досье на каждого, кто должен был увидеться со мной. Я мог даже держать досье прямо перед собой в самый момент визита, так как мой стол был оборудован скрытым проектором, которого посетитель со своего места видеть не мог. Если же он оказывался любителем походить по кабинету, мне ничего не стоило мгновенно отключить дисплей. Он имел и другое назначение. Родж мог, например, привести ко мне посетителя, оставить меня с ним наедине, выйти в кабинет к Пенни, написать мне записку и передать ее на дисплей. Это были срочные заметки типа: «Заласкайте его до смерти, но ничего не обещайте»; «Все, что ему от вас надо — это представить его жену королевскому двору. Обещайте ему это и выпроваживайте»; «С этим будьте осторожны. Он из "трудного" округа и гораздо умнее, чем кажется. Передайте его мне, я все улажу».

Не знаю, кто в это время на самом деле руководил правительством. Думаю, «карьерные» заместители. Каждое утро на моем письменном столе появлялась кипа документов. Я ставил под ними свою корявую бонфортовскую подпись, а Пенни утаскивала все прочь. Меня просто заворожили масштабы бюрократической машины Империи. Однажды, когда нам пришлось проводить заседание за пределами наших офисов, Пенни провела меня, как она сказала, прямиком через Архив, где миля за милей тянулись бесконечные ряды стеллажей, каждый из которых представлял собой как бы соты с ячейками для хранения микрофильмов. За стеллажами проходили движущиеся дорожки, чтобы клеркам не тратить дни на поиски нужного досье.

Пенни сказала, что провела меня только по одному крылу Архива. Каталог всех досье, говорила она, занимает пещеру раз-

мером с Зал Заседаний Великой Ассамблеи. Услышав это, я порадовался, что знакомство с государственной деятельностью для меня, так сказать, скорее хобби, чем постоянная работа.

Встречи с посетителями были неизбежным злом и, главное — совершенно бесполезным, поскольку Родж или Бонфорт через Роджа сами принимали все решения. Для меня настоящая работа заключалась в написании речей для предвыборных выступлений. Был пущен слух, что мой доктор опасается осложнений на сердце после вирусной инфекции и рекомендовал мне оставаться в условиях пониженной гравитации на все время предвыборной кампании. Я не хотел рисковать, выступая двойником на Земле, а еще меньше — на Венере. От фэрли-досье, когда имеешь дело с толпой, толку было мало, не говоря уж об опасности, которую представляли террористические организации Активистов. Никому из нас, а мне особенно, не хотелось даже думать о том, что я мог бы наболтать, вкати они мне хотя бы минимальную дозу неодекокаина.

Кирога мотался по всем континентам Земли, выступая по стерео и с трибун перед огромными стечениями людей. Но Роджа Клифтона это не тревожило. Он пожимал плечами и говорил: «Пусть себе. Выступлениями на политических митингах голосов не соберешь. Только сам вымотаешься. На митинги-то ходят одни фанатичные приверженцы».

Оставалось лишь надеяться, что Родж прав. Предвыборная кампания была короткой — всего шесть недель с момента отставки Кироги до того дня, который он сам назначил для проведения выборов. Поэтому я выступал чуть ли не каждый день или по Имперской сети, где нам предоставили равное время с партией Человечества, или же в записи — ролики ежедневно отправлялись с шаттлами для последующей трансляции на митингах и собраниях со специфическим составом аудиторий.

Выработалась своего рода рутина — ко мне поступал черновик речи (возможно, его писал Билл, с которым я больше не встречался), я его перерабатывал, Родж просматривал переработанный вариант и возвращал его мне либо одобренным, либо, иногда, с незначительными изменениями, сделанными почерком Бонфорта, который стал таким корявым, что его почти невозможно было разобрать.

Я никогда не касался мест, выправленных Бонфортом, хотя остальной текст подвергал новой правке: когда вы начинаете «прокатывать» текст вслух, всегда обнаруживается, что то же самое можно сказать короче и живее. Я начал улавливать характер поправок Бонфорта — чаще всего они сводились к устранению всякой водянистости, выражения он предпочитал крепкие и определенные.

С Бонфортом я еще не встречался. Я чувствовал, что не смогу носить его личину, если увижу его на одре болезни. Но я был не единственным человеком из нашей маленькой команды, который его не навещал: Капек выставил Пенни — ради ее же блага. Я об этом узнал только позднее. А тогда знал лишь, что с тех пор, как мы прибыли в Новую Батавию, Пенни стала раздражительной, забывчивой и мрачной. Под глазами у нее появились круги, как у енота. Всего этого я не мог не заметить, но приписал эти симптомы усталости от тревог, связанных с кампанией, и беспокойству за Бонфорта. Я был прав только отчасти. Доктор же Капек не только все понял, но и принял свои меры, подвергнув ее легкому гипнозу, задав ей ряд вопросов, а затем строго запретив посещать Бонфорта до тех пор, пока со мной не будет все кончено и меня не отправят на Землю.

Бедная девочка почти с ума сошла, разрываясь между посещениями чуть ли не умирающего человека, в которого была безнадежно влюблена, и работой в тесном контакте с другим мужчиной, который не только схож с первым как две капли воды, но и говорит, и действует так же, и при этом абсолютно здоров. Она уже начинала ненавидеть меня.

Молодчина Капек понял, в чем корень зла, сделал ей кое-какие постгипнотические внушения, но категорически запретил входить к больному. Естественно, мне тогда об этом ничего не сказали, да меня это и не касалось. Пенни же ожила и снова стала дружелюбной и невероятно энергичной, какой я ее знал до этого. Для меня же обстановка изменилась в корне. Надо честно признать — по меньшей мере раза два я был на грани разрыва с этой проклятой нервотрепкой, если бы не Пенни.

Мне нередко приходилось бывать на заседаниях Исполнительного Комитета по проведению кампании. Поскольку Экспансионистская партия была партией меньшинства и, по сути

дела, лишь фракцией коалиции нескольких партий, удерживаемых вместе только личностью и лидерством Джона Джозефа Бонфорта, мне пришлось изображать его там и вливать в глотки этих обидчивых примадонн сладенький успокоительный сиропчик. К таким заседаниям меня готовили особенно тщательно, рядом со мной сажали Роджа, чтобы он наставлял меня на путь истинный, если случится какая-то заминка. Явка на эти заседания была для меня обязательна.

Примерно за две недели до выборов должно было состояться заседание, на котором намечалось произвести распределение «надежных» округов. У нашей организации всегда в запасе были тридцать-сорок округов, в которых наверняка можно было провести тех кандидатов, что были нужны или для формирования Кабинета министров, или для других политических целей.

Например, такой человек, как Пенни, сразу же приобретал другой вес, если получал права члена Ассамблеи и мог свободно появляться там, общаться с другими членами, присутствовать на закрытых заседаниях съездов и других мероприятиях.

Сам Бонфорт тоже проходил по такому «надежному» округу. Это избавляло его от необходимости выступать на низовых собраниях избирателей. Такой же округ предназначался и Клифтону. Другой мог получить Дак, если бы он в этом нуждался, но ему было достаточно поддержки членов своей Гильдии. Родж намекал даже, что если, став снова самим собой, я захочу заняться политикой, то стоит мне слово сказать — и меня тут же занесут на следующих выборах в соответствующий список.

Некоторые из таких местечек отводились старым партийным функционерам, которые готовы были уйти в отставку по первому слову, чтобы обеспечить партии с помощью дополнительных выборов место для человека, которого нужно провести в правительство или на другой важный пост.

Все это напоминало дележку кормушек, и, учитывая, что собой представляла коалиция, Бонфорту приходилось улаживать всякого рода распри, многие из которых носили остроконфликтный характер. Соответствующий список он должен был представить Исполнительному Комитету. Делалось это в самый по-

следний момент, перед публикацией избирательных бюллетеней, но пока еще в них можно было внести какие-то изменения.

Когда Родж и Дак вошли ко мне, я как раз работал над речью и распорядился, чтобы Пенни взяла на себя все остальные дела, а меня беспокоила только в пожарных ситуациях. Кирога в Сиднее накануне вечером выступил с совершенно диким заявлением, которое давало нам возможность уличить его во лжи и поджарить на медленном огне. Я, собственно, готовил ответ на эту речь, не имея на этот раз даже черновика. Мне очень хотелось, чтобы представленный мной вариант был одобрен без поправок.

Когда они вошли, я сказал:

— Ну-ка, послушайте,— и прочел им тот абзац, в котором заключалась вся соль.— Нравится вам?

— Что ж, вы прямо-таки распяли его шкуру на дверях,— сказал Родж.— Тут список «надежных» округов. Не хотите ли взглянуть на него? Мы отправляемся на заседание через двадцать минут.

— Ох уж эти мне проклятущие заседания! А зачем мне смотреть список? Разве там есть что-то заслуживающее особого внимания? — тем не менее, я заглянул в него и прочел с начала до конца. Всех кандидатов я знал по фэрли-архиву, а с некоторыми встречался и лично. Знал и причины, по которым они были включены в данный список. И вдруг я увидел в списке фамилию — Корпсмен, Уильям Дж. Я подавил в себе чувство справедливого негодования и спокойно сказал:

— Я вижу в списке Билла, Родж.

— Ах, да. *Об этом-то я и хотел с вами поговорить. Видите ли,* Шеф, как мы все знаем, у вас с Биллом отношения сильно подпорчены. Вас я не виню, во всем виноват сам Билл. Но ведь у всякой медали есть две стороны. Возможно, и вы не всегда учитывали колоссальный комплекс неполноценности, которым страдает Билл. У него это как чирей на заднице. А членство в Ассамблее послужит для него как бы лекарством.

— Вот как?

— Да. Он уже давно мечтает об этом. Видите ли, мы все имеем официальный статус, то есть я хочу сказать — все мы члены Великой Ассамблеи. Я имею в виду тех, кто тесно связан с... хм...

с вами работой. Билл это переносит очень тяжело. Я сам слышал, как после третьего стаканчика он жаловался, будто он всего-навсего поденный батрак. И ему это представляется несправедливым. Вы не будете возражать? Партия от этого не обеднеет, да и сама цена за ликвидацию напряженности в нашем партийном штабе не так уж и высока.

К этому времени я уже полностью взял себя в руки.

— Меня это не касается. Какое значение имеет мое мнение, если того хочет мистер Бонфорт? — Я заметил, что Дак и Родж переглянулись, и добавил: — Ведь это желание мистера Бонфорта? Я правильно вас понял, Родж?

— Скажи ему, Родж,— резко бросил Дак.

— Это затеяли мы с Даком,— медленно ответил Родж.— Мы думаем, что так будет лучше.

— Значит, мистер Бонфорт этого не одобрил? Вы же, наверняка, интересовались его мнением?

— Нет, не спрашивали.

— А почему?

— Шеф, это было не такое уж важное дело, чтобы его беспокоить. Он старый, больной, усталый человек. Я не тревожу его ничем, что выходит за рамки главных политических решений. А это дело к ним никак не относится. Это касается избирательных округов, где мы полные хозяева, и кто именно их будет представлять, не имеет ни малейшего значения.

— Тогда зачем вы спрашиваете мое мнение?

— Ну... мне казалось, что вам следует знать... и знать, почему мы так думаем. Мы полагали, что вы одобрите наше решение.

— Я? Вы хотите получить решение, как будто я — мистер Бонфорт. Но я — не он.— Я нервно побарабанил пальцами по столу.— Или это решение относится к его компетенции, и вам следует спросить его самого, или это не его уровень, и тогда решайте сами, не спрашивая моего согласия.

Родж пожевал свою сигару, потом произнес:

— Ладно. Тогда я беру свой вопрос обратно.

— НЕТ!!!

— Как это — нет?

— А вот так! Вы уже спросили меня. Значит, у вас самих на душе скребут кошки. Поэтому если вы хотите, чтобы я предъявил сегодня этот список Комитету, выступая в роли Бонфорта, то пойдите и спросите его самого.

Они сидели и молчали. Потом Дак проговорил:

— Расскажи ему, Родж. Иначе это сделаю я.

Я ждал. Клифтон вынул сигару изо рта и сказал:

— Шеф, у мистера Бонфорта четыре дня назад случился инсульт. Его нельзя беспокоить.

Я так и обмер, повторяя про себя строфы об «увенчанных облаками башнях и пышных палатах». Когда силы ко мне вернулись, я спросил:

— Он в сознании?

— Кажется, он в здравом уме, но страшно ослаб. Провести такую суматошную неделю на положении почти пленника оказалось выше его сил, чего мы не предусмотрели. Удар поверг его в кому на двадцать четыре часа. Он вышел из нее, но левая сторона лица парализована, да и вообще вся левая сторона тела действует плохо.

— Хм-м... А что говорит доктор Капек?

— Он надеется, что тромб рассосется и все будет в полном порядке. Однако мистеру Бонфорту нужен полный покой, нужен еще более щадящий режим, чем был до этого. А сейчас, Шеф, сейчас он *болен*, и нам придется завершать кампанию без него.

Мне почудилось, что я снова ощущаю горечь потери, потери отца. Я никогда не видел Бонфорта, никогда не пользовался какими-то идущими от него благами, если не считать нескольких корявых пометок, написанных на полях черновика его рукой. Но я чувствовал в нем *опору*. То обстоятельство, что он был вот тут — рядом, в соседней комнате, казалось, давало мне силы довести до конца эту совершенно невероятную игру.

Я набрал полную грудь воздуха, потом выдохнул и проговорил:

— Ладно, Родж. Придется нам продолжать наши игры.

— Да, Шеф,— он встал.— Пора ехать на заседание. Как же мы решим? — он кивнул на список «надежных» округов.

— Ах, да! — я задумался. Вполне возможно, что Бонфорт наградил бы Билла привилегией называться «Достопочтенный»

только затем, чтобы Билл почувствовал себя счастливым. В таких делах Бонфорт не мелочился. В общем, *не заграждал ртов волам молотящим* *. В одном из своих политических эссе он писал: «Я не интеллектуал. Если у меня и есть талант, то это умение находить людей, а затем предоставлять им свободу в выполнении порученной работы».— Как долго Билл работал с ним? — спросил я внезапно.

— Что? Да уж около четырех лет. Даже побольше. Бонфорт, видимо, был доволен его работой.

— Значит, за это время уже прошли одни выборы. Почему он не сделал его тогда членом Ассамблеи?

— Господи! Откуда же мне знать! Этот вопрос никогда не поднимался.

— А когда Пенни вошла туда?

— Около трех лет назад, на дополнительных выборах.

— Вот вам и ответ, Родж.

— Не понял?

— Бонфорт мог сделать Билла членом Ассамблеи в любую минуту. И решил этого не делать. Дадим этот округ парню, который значится у нас как «подмена». Если мистер Бонфорт захочет сделать Биллу подарок, он сможет сделать это с помощью дополнительных выборов, когда поправится.

Лицо Клифтона не выразило ничего. Он просто взял лист и сказал:

— Очень хорошо, Шеф.

Вечером того же дня Билл уволился. Думаю, что Роджу пришлось ему сказать, что выкрутить мне руки не удалось. Но когда Родж известил меня об этом, я почувствовал тошноту, поняв, что непреклонность вовлекла нас в страшную опасность. Я так и сказал Роджу. Он отрицательно покачал головой.

— Но он *все* знает! Этот план был разработан им самим с самого начала. Подумайте, какую бочку дерьма он может продать ребятам из партии Человечества!

— Забудьте об этом, Шеф. Билл, может быть, и дрянь — иначе я не могу говорить о человеке, дезертирующем в разгар кампании, порядочные люди так не поступают,— но он все же не

подонок. В нашей профессии секреты клиентов не продают, даже если с ними расходятся в разные стороны.

— Будем надеяться, что вы правы.

— Вот увидите. Не надо волноваться. Давайте делать свое дело.

Прошло несколько дней, и я решил, что Родж знает Билла лучше меня. Ни его самого, ни о нем ничего не было слышно, кампания набирала ход, как и полагалось, она становилась все более ожесточенной, но не было даже намека, что сведения о нашем сногшибательном обмане просочились наружу. Я уже начал успокаиваться, и мне удалось написать несколько самых лучших речей Бонфорта — некоторые из них с помощью Клифтона. Чаще же он просто хвалил их. Мистер Бонфорт уверенно шел на поправку, но Капек полностью изолировал его от всяких забот.

На прошлой неделе Роджу пришлось улететь на Землю. Там требовалось залатать кой-какие дыры в нашей обороне, чего никак нельзя было сделать издалека. Потребность же в речах и выступлениях сохранялась. Я работал как вол с помощью Пенни и Дака, с которыми за это время сошелся еще ближе. Теперь мне все давалось куда легче. На большинство вопросов я уже мог отвечать, почти не задумываясь.

Итак, то была обычная, проводимая регулярно два раза в неделю пресс-конференция, совпадавшая по времени с днем возвращения Роджа. Я надеялся, что он прилетит к ее началу, но, в общем, причин сомневаться, что я сам доведу ее до благополучного конца, не было. Пенни вошла в кабинет первой, неся все орудия своего ремесла.

И тут за дальним концом стола я увидел Билла.

Я окинул кабинет спокойным взором и сказал:

— Доброе утро, джентльмены.

— Доброе утро, господин Министр,— ответили они хором.

— Здравствуйте, Билл — добавил я.— Вот уж не думал, что встречусь с вами здесь. Кого вы представляете?

Наступила пауза. Все знали, что Билл то ли уволился, то ли был уволен. Он ухмыльнулся мне прямо в лицо и ответил:

— Добрый день, мистер *Бонфорт*. Я представляю синдикат Крейна.

Тогда я понял — опасность рядом. Однако мне не хотелось, чтобы он почувствовал мою тревогу.

— Отличное место. Надеюсь, они платят вам столько, сколько вы заслуживаете. Ну, а теперь к делу... Сначала письменные вопросы. Они у вас, Пенни?

Быстро разделавшись с письменными вопросами, дав на них ответы, которые подготовил заранее, я откинулся на спинку кресла и, как обычно, сказал:

— Есть немного времени, джентльмены, чтобы поболтать. Будут ли у вас вопросы? — Их оказалось несколько. Один раз мне пришлось сказать «комментариев не будет» — ответ, который Бонфорт предпочитал уклончивому увиливанию. Наконец, я взглянул на часы и сказал: — Ну, пожалуй, на сегодня достаточно, джентльмены,— и начал подниматься.

— СМИЗИ!!! — заорал Билл.

Я продолжал вставать, даже не взглянув в его сторону.

— Я к тебе обращаюсь, господин поддельный Бонфорт-Смизи,— злобно кричал Билл, еще больше повышая голос.

Теперь я посмотрел на него с удивлением, как должно было смотреть важное официальное лицо, грубо оскорбленное в обстановке, где ничего подобного просто *не могло* произойти. Билл тыкал в мою сторону пальцем, лицо его стало багровым.

— Ты... самозванец! Мелкий актеришка! Обманщик!

Репортер из лондонского «Таймс», стоявший справа от меня, тихо спросил:

— Хотите, я вызову охрану, сэр.

— Нет, он, в общем-то, безобиден,— ответил я.

Билл расслышал.

— Значит, я безобиден, а? Ну, посмотрим!

— Я думаю, охрану все же лучше вызвать, сэр...— настаивал репортер из «Таймс».

— Не нужно! — резко ответил я.— Довольно, Билл. Вам лучше уйти без шума.

— Ишь ты, чего захотел! — и он с невероятной быстротой начал выкладывать перед присутствующими все обстоятельства дела. Конечно, о похищении он ничего не сказал, о своей роли в разработке плана — тоже, но зато намекнул, что покинул нас, не желая

принимать участие в столь подлом обмане. Возникновение идеи подмены он связал, отчасти справедливо, с болезнью Бонфорта, но намекнул при этом, что мы сами оглушили его наркотиками.

Я слушал совершенно спокойно. Большинство репортеров сначала принимали Билла с тем выражением лиц, которое появляется у людей посторонних, ставших случайными свидетелями семейного скандала, потом кое-кто стал записывать и даже что-то диктовать в свои мини-диктофоны.

Когда он остановился, я спросил:

— Вы все сказали, Билл?

— А тебе что — мало, а?

— Больше чем достаточно. Мне очень жаль, Билл. Пока все, джентльмены. Мне надо работать.

— Одну минуту, господин Министр! — выкрикнул кто-то.— Разве вы не хотите дать опровержение? — Другой прибавил: — А вы не будете преследовать его по суду?

Сначала я ответил на второй вопрос:

— Нет, не буду. Кто же судится с больным человеком?

— Кто больной? Это я-то больной?! — выходил из себя Билл.

— Успокойтесь, Билл. Что же касается опровержения, то вряд ли в нем есть необходимость. Однако я видел, что кое-кто вел записи. Хоть я и сомневаюсь, чтобы ваши издатели взяли на себя смелость сообщить об этом печальном инциденте, но если они это сделают, то пусть воспользуются нижеследующим анекдотом. Вам когда-нибудь приходилось слышать о профессоре, отдавшем сорок лет жизни доказательству того, что «Одиссею» написал не Гомер, а совсем другой грек, но носивший то же имя?

Раздался вежливый смех, я улыбнулся и повернулся к дверям. Билл кинулся ко мне, обежал стол и схватил за руку.

— Ты от меня не отделаешься смешочками!

Тогда корреспондент из «Таймс» — мистер Аккройд, кажется,— оторвал руки Билла от меня.

Я поблагодарил его:

— Спасибо, сэр! — а Корпсмену сказал: — А что вы хотите, чтобы я сделал, Билл? Я уже и так постарался вести дело таким образом, чтобы вас не арестовали.

— Зови своих жандармов, лгун! Мы еще посмотрим, кто из нас проведет больше времени в тюряге! Посмотрим, что произойдет, когда у тебя возьмут *отпечатки пальцев*!

Я вздохнул и сыграл лучшую сцену в моей жизни.

— Это уже не шутка, джентльмены. Я полагаю, что с этим представлением пора кончать. Пенни, дорогая, будьте добры, пошлите кого-нибудь за оборудованием для снятия отпечатков пальцев.— Я полностью отдавал себе отчет, что иду ко дну, но если идешь на дно, стоя на палубе «Биркенхеда»*, то уж стой по стойке смирно до самого конца. Даже злодей, и тот имеет право на красивый уход со сцены.

Билл, однако, не хотел терять ни минуты. Он схватил стакан, стоявший передо мной на столе,— несколько раз я подносил его ко рту.

— Пошел ты ко всем чертям! Мне хватит и этого!

— Я уже раз говорил вам, Билл, чтобы вы следили за своим языком в присутствии женщин. Но стакан можете взять.

— Будь уверен, что возьму!

— Отлично. А теперь, пожалуйста, уходите. Если не уйдете, мне придется вызвать охрану.

Он вышел. Все молчали. Я сказал:

— Может быть, кому-нибудь еще захочется получить мои отпечатки?

Аккройд быстро ответил:

— О, я уверен, что они не понадобятся, господин Министр!

— А то — пожалуйста. Если вы полагаете, что в этой истории есть хоть капля правды, то надо проверить.— Я настаивал, потому что это, во-первых, соответствовало моему характеру, а во-вторых и в-третьих, потому что быть немножко беременной или слегка разоблаченным просто невозможно, и я не хотел, чтобы присутствующие здесь мои друзья оказались запутанными Биллом. Это было самое малое, что я мог для них сделать.

Нет, за настоящим оборудованием нам посылать не пришлось. У Пенни с собой оказалась черная копирка, а у кого-то нашелся вечный блокнот с пластиковыми страницами — на них получились отличные отпечатки. Затем я пожелал им доброго утра и вышел.

Мы еле-еле дошли до кабинета Пенни. Оказавшись в нем, Пенни тут же упала в обморок. Я отнес ее в свой кабинет, положил на диван, а сам сел за стол, и в течение нескольких минут меня бил сильный озноб. Весь остаток дня мы оба никуда не годились. Мы вели себя как всегда, только Пенни отказала в приеме всем посетителям, прибегнув к первому попавшемуся предлогу. Мне предстояло еще записать речь, и я всерьез подумывал о том, как от этого избавиться. Стерео я оставил включенным, но ни одного слова об утреннем инциденте оно не передало. Я понял, что все заняты проверкой отпечатков. Без этого писать было рискованно, ведь, в конце концов, я все же был Верховный Министр Его Императорского Величества.

Поэтому я все же решил записать речь, ибо она уже была готова, да и время для записи было назначено заранее. Проконсультироваться я ни с кем не мог — даже Дак, и тот уехал в Тихо-Сити.

Это была моя самая лучшая речь. Я сделал ее в том духе, в котором выступает клоун, предотвращая панику в горящем цирке. После того как запись была окончена, я просто спрятал лицо в ладони и заплакал, а Пенни в это время гладила меня по плечу. Суть сегодняшнего кошмара мы даже не обсуждали.

Родж прилунился в двенадцать часов по Гринвичу, как раз когда мы кончали записывать. И зашел ко мне сразу же, как появился в апартаментах. Глухим монотонным голосом я изложил ему всю эту гнусную историю. Он слушал, жуя потухшую сигару, а лицо оставалось совершенно бесстрастным.

В конце я сказал жалким голосом:

— Я *должен* был дать им эти отпечатки. Хоть вы-то понимаете это? Отказать им в этом было бы не по-бонфортовски.

Родж ответил:

— Не волнуйтесь.

— Что вы сказали?

— Я сказал «не волнуйтесь». Когда окончательное заключение по этим отпечаткам придет из Информационного Бюро в Гааге, вы получите небольшой, но приятный сюрприз, а наш друг Билл — большой и куда менее приятный. А если он уже получил хоть часть своих серебреников в задаток, то, надо думать, ему придется расплачиваться за них собственной шкурой. Очень надеюсь на это!

Я сразу понял, о чем идет речь.

— Но, Родж, они же на этом не остановятся... Есть еще десятки мест, где можно получить отпечатки. Общественная Безопасность, например, да мало ли еще где...

— Неужели вы думаете, что мы работаем так небрежно? Шеф, я знал, что нечто в этом духе может рано или поздно произойти. В ту самую минуту, как Дак радировал о вступлении плана «Марди Грас» в действие, началась и работа по обеспечению... Всюду... Но я не считал нужным посвящать в это Билла,— он пососал свою стылую сигару, вынул ее изо рта и внимательно оглядел со всех сторон.— Бедняга Билл.

Пенни вздохнула и опять хлопнулась в обморок.

Глава 10

В общем, мы как-то добрались до последнего дня перед выборами. О Билле никаких известий не поступало. Списки пассажиров свидетельствовали, что он улетел на Землю через сутки после своего фиаско. Если какое-нибудь захудалое агентство новостей и опубликовало хоть строчку об этом деле, то я об этом ничего не слыхал, а в речах Кироги никаких намеков не было.

Мистер Бонфорт шел на поправку, и можно было поспорить, что после выборов он приступит к исполнению своих обязанностей. Следы пареза еще сохранялись, но их можно было объяснить — сразу же после выборов он собирался отправиться в отпуск — практика обычная, к которой прибегают почти все политики. Отпуск намечалось провести на «Томми» — в полной безопасности и уединении. Во время этого рейса меня должны были тайно отправить на Землю, а у Шефа «намечался» микроинсульт, вызванный перенапряжением во время избирательной кампании.

Роджу предстояло снова повозиться с отпечатками пальцев, но это дело могло и подождать годик-другой.

В день выборов я был счастливее щенка, забравшегося в шкаф с хозяйскими туфлями. Кончилась моя роль, хотя еще одно выступление за мной оставалось.

Мы уже записали два пятиминутных спича для Имперской линии связи: один, в котором выражалось удовлетворение по поводу нашей победы, и другой, в котором мы так же достойно признавали свое поражение. Моя работа была завершена. Когда последняя запись кончилась, я схватил Пенни в объятия и расцеловал. Особого неудовольствия она не выказала.

И все-таки мне предстояло еще раз выступить в образе Бонфорта — мистер Бонфорт хотел увидеть меня в этой роли, прежде чем я навсегда перестану ее играть. Я не возражал. Теперь, когда напряжение спало, я мог увидеться с ним без всяких опасений. Исполнение этой роли для его удовольствия можно было рассматривать как водевиль, разыгранный на полном серьезе. Да и то сказать — серьезность и достоверность — основа всякой настоящей комедии.

Вся наша команда должна была собраться в Верхней гостиной, ибо мистер Бонфорт за все эти долгие недели еще ни разу не видел звездного неба, по которому истосковался. Там мы намеревались ждать результатов голосования, чтобы либо выпить за победу, либо утопить в виски горечь поражения и поклясться в том, что добьемся удачи в следующий раз. Только теперь уже без меня: я был по горло сыт политикой — хлебнул ее вдоволь за первые и последние в моей жизни Национальные выборы.

Я даже не был уверен, что захочу продолжать свою театральную карьеру. Играть ежеминутно на протяжении целых шести недель, это значит участвовать минимум в пятистах представлениях. А это, знаете ли, весьма утомительно.

Мистера Бонфорта доставили на лифте в инвалидном кресле. Я не показывался, дожидаясь, пока его устроят поудобнее на кушетке — ведь человеку свойственно испытывать неловкость, когда его слабости выставляются напоказ перед незнакомыми людьми. А кроме того, мне хотелось войти с некоторой помпой.

Но меня чуть не выбило из роли! Он был похож на моего отца! О, конечно, я имею в виду просто отдаленное сходство. Мы с ним больше походили друг на друга, чем каждый в отдельности на моего отца, но сходство было отчетливо. И возраст тот же, так как выглядел он очень старым. Я даже предположить не мог, что он так состарился! Он страшно исхудал и был сед как лунь.

Я отметил про себя, что во время предстоящего отдыха в рейсе должен помочь ему подготовиться к вхождению в его собственный былой образ. Бесспорно, Капек сумеет восстановить прежний вес, ну а если нет, то всегда найдется способ казаться более полным, даже не прибегая к легко обнаруживаемым прокладкам из ваты. Я сам покрашу ему волосы. Объявление о недавно перенесенном инсульте поможет объяснить многие другие изменения в его внешности. В конце концов, эти изменения действительно произошли за считанные недели. Теперь надлежало постараться за такое же время скрыть их следы, чтобы избегнуть появления новых слухов о подмене.

Все эти практические соображения возникли у меня как бы независимо, где-то в самом укромном уголке мозга. Все мое существо переполняла буря чувств. Как бы тяжело он ни был болен, от него исходила *сила* — могучая сила интеллекта и физической мощи. Я ощутил то теплое, почти святое чувство, которое охватывает вас при виде гигантской статуи Авраама Линкольна. Я вспомнил еще одну статую, когда увидел его полупарализованного, лежащего на диване, с беспомощными ногами и с левой стороной тела, тщательно укрытой пледом. Он напомнил мне скульптуру раненого льва в Люцерне*. Ей тоже присуще какое-то мощное достоинство — даже в бессилии. «Гвардия умирает, но не сдается».

Он поднял глаза, когда я вошел, и улыбнулся мягкой, дружеской, понимающей улыбкой, чуть кривой из-за пареза левой стороны, и здоровой рукой поманил меня к себе. Он пожал мне руку с неожиданной силой и тепло сказал:

— Рад, что наконец познакомился с вами.

Его речь была слегка неразборчива, что же касается левой неподвижной стороны лица, то она была скрыта от моих глаз.

— Я счастлив и горд познакомиться с вами, сэр! — Большим усилием воли мне удалось удержаться от подражания невнятности речи — результата пареза.

Он оглядел меня с головы до ног и усмехнулся.

— А мне кажется, что со мной вы уже встречались неоднократно.

Я в свою очередь посмотрел на него и ответил:

— Я очень старался, сэр.

— Старались? Да вы добились колоссального успеха! Знаете, так странно смотреть на самого себя со стороны.

И тут я с болью в сердце понял, что он эмоционально не ощущает, как страшно изменился за эти дни, и считает эти изменения временными последствиями болезни, которым не следует придавать ни малейшего значения.

А он продолжал:

— Не будете ли вы так добры, сэр, показать себя в движении? Я хочу посмотреть, как я... как вы... как мы... словом, мне хочется глянуть, что видят зрители.

Я встал, расправил плечи, прошелся по комнате, поговорил с Пенни (бедняжка переводила глаза с меня на него с совершенно ошеломленным видом), взял бумагу, почесал ключицу, потер подбородок, вынул из-под мышки боевой жезл и немного поиграл им.

Бонфорт смотрел с восхищением. Тогда я добавил «на бис» — стал на середину ковра и выдал отрывок одной из самых сильных его речей, не пытаясь воспроизвести ее дословно, немного варьируя и кое-где позволяя голосу раскатиться громом, как сделал бы это он сам. Закончил я так: «Раба освободить невозможно. Только он сам может освободить себя. Этого нельзя сделать сверху, как нельзя и поработить свободного — его можно лишь убить».

Наступила странная тишина затем раздались аплодисменты, причем Бонфорт хлопал здоровой рукой по дивану и кричал: «Браво!»

Это были единственные аплодисменты, полученные за исполнение этой роли, но мне их было достаточно.

Он заставил меня принести стул и сесть с ним рядом. Я увидел взгляд, брошенный им на жезл, и протянул его:

— Он на предохранителе, сэр.

— Я знаю, как им пользоваться.— Он внимательно осмотрел жезл, потом вернул его мне. Я думал, что, может быть, он захочет оставить жезл у себя, но раз этого не произошло, решил отдать его Даку, чтобы тот сам передал его мистеру Бонфорту. Он расспрашивал меня о себе, сказал, что, по-видимому, никогда не

видел меня на сцене, но видел моего отца в роли Сирано. С большими усилиями он старался контролировать движение лицевых мышц, и речь его была ясна, хотя слова давались с трудом.

Он поинтересовался, что я собираюсь делать дальше. Я ответил, что пока конкретных планов у меня нет. Он кивнул и сказал:

— Мы подумаем вместе. Найдем вам место — работы у нас много.

Он не упомянул о деньгах, и я горжусь этим до сих пор.

Начали поступать первые итоги голосования. И Бонфорт обратился к стереовизору. Сведения поступали уже сорок восемь часов, поскольку Внешние Территории, а также избиратели, не охваченные округами, голосовали на сутки раньше Земли, да и на Земле избирательный день продолжался с учетом вращения вокруг оси около 30 часов. Сейчас уже передавали итоги по земным континентам. По данным с Внешних Территорий, полученным еще вчера, мы шли далеко впереди, но Родж объяснил мне, что это ничего не значит — Экспансионисты всегда имеют большинство голосов на других планетах и спутниках. Решающее значение имели голоса миллионов избирателей на Земле, которые никуда не выезжают и даже не помышляют о космосе. Но нам был важен каждый голос и на Внешних Территориях. Агарийская партия Ганимедов одержала победу в пяти из шести округов. Эта партия была частью Коалиции, и Экспансионистская партия как таковая там кандидатов не выставляла. Ситуация на Венере была сложнее, поскольку там действовало около десятка мелких партий, различающихся столь тонкими подходами к теологическим вопросам, что ни одному землянину их не дано было понять. Тем не менее мы рассчитывали, что большинство голосов туземцев будет отдано нам прямо или косвенно, через коалиции, которые создадутся позже, равно как и все голоса живущих там землян. Имперские ограничения, гласившие, что туземцы обязательно должны выбирать людей, которые и будут представлять их в Новой Батавии, Бонфорт поклялся отменить. Это должно было дать ему перевес в голосах на Венере, но трудно сказать, сколько голосов он потеряет при этом на Земле.

Поскольку Гнезда посылали в Ассамблею только наблюдателей, то единственные голоса, о которых приходилось беспокоить-

ся на Марсе, были голоса людей. Мы пользовались там симпатиями простого люда, но на Марсе действовала полуфеодальная система Патронатов. Однако, при честном подсчете голосов, мы и там могли рассчитывать на приличный результат.

Дак что-то вычислял на логарифмической линейке, сидя рядом с Роджем. Родж на большом листе бумаги строил прогнозы по какой-то сложной средневзвешенной формуле, разработанной им самим. Десяток или более гигантских искусственных мозгов, рассеянных по всей Солнечной системе, занимались сегодня вечером тем же самым, но Родж предпочитал свои методы. Он мне как-то сказал, что ему достаточно пройтись по избирательному округу, чтобы «расколоть» его и прогнозировать результат с точностью до двух процентов. Я ему верил.

Доктор Капек развалился в кресле, сложив ручки на животе, чем-то похожий на разомлевшего земляного червя. Пенни сновала туда-сюда, поправляя какие-то вещи, стоявшие, по ее мнению, неправильно, и разнося нам напитки. Мне показалось, что она избегает прямо смотреть на меня и на мистера Бонфорта.

Мне до сих пор никогда не приходилось бывать на вечеринках, посвященных окончанию выборов. Эта на обычные сборища ничем не походила. Ее отличал какой-то особый уют, какой-то покой, наступивший после того, как бушующие страсти улеглись. В общем, как именно проголосовали избиратели, казалось даже неважным — мы честно сделали все, что могли, мы были окружены друзьями и соратниками, и на какое-то время прежние страхи и заботы отошли на задний план, хотя возбуждение и любопытство все еще жили в глубине сердца каждого из нас. Все это напоминало момент, когда торт уже испечен, но его еще предстоит украсить завитушками из крема.

Не помню, проводил ли я когда-нибудь время с большим наслаждением.

Родж поднял глаза, поглядел на меня, но обратился к мистеру Бонфорту:

— Континент выглядит, как груда мозаики, не сложившейся в картину. Похоже, что американцы осторожничают, пробуя воду голыми пятками и не могут решиться перейти на нашу сторону. Вопрос для них в том — не глубока ли водичка.

— А прогноз вы можете дать, Родж?

— Пока нет. О, у нас явное большинство голосов, но при распределении мест в Великой Ассамблее возможны изменения в ту или иную сторону на десятки кресел.— Он встал.— Прошвырнусь-ка я, пожалуй, в город...

Вообще-то говоря, мне тоже следовало бы появиться где-нибудь в качестве мистера Бонфорта. Лидер партии во время подсчета голосов обязательно должен был показаться хотя бы в штаб-квартире выборной кампании. Но я там за все эти шесть недель ни разу не был, так как там меня могли разоблачить быстрее всего. Тем более не имело смысла рисковать сегодня. Родж вполне мог пойти туда вместо меня, пожать десяток рук, пошутить и позволить девчонкам из секретариата, на плечи которых легла бесконечная бумажная писанина, повисеть у себя на шее и оросить ее слезами.

— ...Вернусь через часок.

В обычных условиях наша вечеринка должна была проходить в нижних офисах, включать всю канцелярию и уж обязательно Джимми Вашингтона. Но тогда пришлось бы изолировать от них самого мистера Бонфорта. Конечно, сейчас они тоже праздновали. Я встал.

— Родж, я спущусь с вами и зайду навестить гарем Джимми.

— Что? Настоятельной надобности в этом нет.

— Но так будет лучше, верно? К тому же это не трудно, а риска никакого.— *Я повернулся к Бонфорту:* — *Как вы полагаете, сэр?*

— Я буду вам очень признателен.

Мы спустились на лифте, прошли через пустые и тихие жилые покои, через мой кабинет и кабинет Пенни. Там, за ее дверью, был сущий бедлам. Стереовизор, доставленный сюда на время, орал на полную мощность, пол покрывал бумажный мусор. Все пили или курили или пили и курили одновременно. Даже у Джимми, слушающего передачу итогов по округам, в руке был стакан с выпивкой. Правда, он ни разу не поднес его к губам. Джимми отродясь не пил и не курил. Просто кто-то сунул ему в руку стакан, и он продолжал держать его, позабыв обо всем на свете. Джимми всегда отлично вписывался в любую компанию.

Я в сопровождении Роджа обошел всех, тепло и искренне поблагодарил Джимми и извинился, ссылаясь на то, что устал.

— Собираюсь пойти прилечь, надо же дать отдых старым косточкам, Джимми. Передайте мои извинения остальным, ладно?

— Конечно, сэр. Вам надо заботиться о своем здоровье, господин Министр.

Я вернулся наверх, а Родж пошел пройтись по городским туннелям.

Когда я вошел в Верхнюю гостиную, Пенни встретила меня приложенным к губам пальцем. Бонфорт, казалось, уснул, и громкость стереовизора была приглушена. Дак все еще сидел перед экраном, занося цифры в большую таблицу Роджа, в ожидании, когда тот вернется. Капек, по-видимому, за все это время даже не шевельнулся. Теперь он кивнул мне и поднял стакан в знак приветствия.

Я попросил Пенни смешать мне виски с содовой, а потом вышел на прикрытый колпаком балкон. Была ночь как по земным часам, так и по лунному времени, и полная Земля отлично смотрелась в газовом облаке звездного покрова. Я нашел Северную Америку. И попытался отыскать ту крохотную точку, которую покинул несколько недель назад. Эмоции у меня были самые что ни на есть смешанные.

Немного погодя я вернулся. Ночь на Луне — зрелище просто замечательное. Потом пришел Родж и, не сказав ни слова, занялся своей таблицей. Я заметил, что Бонфорт уже не спит.

Передавали данные по очень важным округам, все молчали, стараясь создать наилучшие условия Роджу для работы с его таблицей и Даку с его логарифмической линейкой. Наконец, нарушив долгую тишину, Родж откинулся в кресле.

— Все, Шеф,— сказал он, не глядя ни на кого из нас.— Мы победили. Большинство не менее семи мест, вероятно, девятнадцать, а возможно даже и тридцать.

После паузы Бонфорт произнес:

— Вы вполне уверены?

— Абсолютно! Пенни, переключите на другой канал и послушаем, что говорят там.

Я подошел и сел рядом с Бонфортом. Говорить я не мог. Он протянул руку и похлопал меня по плечу так, как это сделал бы отец, и мы оба перевели глаза на экран. Первая станция, которую нашла Пенни, передавала:

— ...никакого сомнения, ребята! Восемь электронных мозгов сообщают, мозг КУРИАК — что возможно. Экспансионистская партия выиграла бой и с большим перевесом...

Пенни переключилась на другую:

— ...его временный пост превратился в постоянный на следующие пять лет. С мистером Кирогой нам поговорить не удалось, но его политический представитель в Чикаго признает, что полученные сведения нельзя игнорировать...

Родж встал и пошел к телефону. Пенни приглушила стерео так, чтобы оно не мешало разговору. Обозреватель беззвучно шевелил губами, видимо, повторяя то, что уже было всем известно. Вернулся Родж. Пенни снова увеличила громкость, обозреватель оборвал начатую фразу на середине, прочел переданную ему записку и повернулся к зрителям, широко улыбаясь:

— Друзья и сограждане! Сейчас я передам слово Верховному Министру...

И передача переключилась на мою победную речь.

Я сидел и прямо-таки купался в ней, все мои чувства перепутались, но они были приятны и радостны до боли. Речь была отличная, я над ней хорошо поработал. На экране я выглядел усталым и измученным, но спокойным и уверенным. В общем, все было тип-топ.

Я как раз дослушал до места «так пойдем же вперед, неся свободу всем...», когда услышал за спиной какой-то шорох.

— Мистер Бонфорт — начал я...— Док! ДОК!!! Скорее! На помощь!

Мистер Бонфорт цеплялся за меня правой рукой и, напрягая все силы, старался сказать мне что-то, видимо, очень важное, но было поздно, губы не повиновались ему, а его казавшаяся непобедимой воля была бессильна перед слабостью плоти.

Я обнял его. Вздох перешел в дыхание Чейна-Стокса*, и смерть наступила почти незаметно.

Дак и Капек спустили тело на лифте. Я им был не нужен. Пришел Родж, похлопал меня по плечу и опять ушел. Пенни тоже пошла вниз. Я встал и вышел на балкон — мне нужен был свежий воздух, хотя воздух там был тот же, что и в комнате — искусственный.

Они убили его. Враги убили его так же верно, как если бы воткнули нож в спину. Невзирая на все трудности и опасности, которые мы пережили, в конце концов они все же достали его. «Гнуснейшее из всех убийств!»

Мне казалось, что внутри меня все мертво, все окаменело от шока. Я видел умирающим самого себя... Я видел, как умирал мой отец. Теперь я понимал, почему так редко удаются операции *по разделению сиамских близнецов. Вот и я тоже умер.*

Не знаю, как долго я пробыл на балконе. Очнулся от голоса Роджа за спиной:

— Шеф!

Я обернулся.

— Родж! — сказал я зло.— Никогда больше не называйте меня так, прошу вас.

— Шеф,— настаивал он.— Вы же знаете, что вы обязаны сделать, не правда ли?

Голова у меня кружилась, лицо Роджа расплывалось перед глазами. Я не понимал, о чем он говорит, да и не хотел понимать.

— О чем вы?

— Шеф... Человек может умереть, но представление должно продолжаться. Вы не можете бросить нас в такую минуту.

Голова раскалывалась от боли, глаза не могли ни на чем сфокусироваться. Мне казалось, что он то подплывает ко мне, то отдаляется, хотя голос звучал одинаково громко.

— ...отнять у него шанс завершить свой труд. Вы обязаны сделать это ради него. Вы должны его воскресить.

Я встряхнул головой и сделал мощное усилие, чтобы овладеть собой и ответить ему.

— Родж! Вы сами не понимаете, что говорите. Это же чудовищно! Это, наконец, просто нелепо. Я не государственный деятель. Я только жалкий лицедей. Мое дело — корчить рожи и потешать зрителей. Больше я ни на что не гожусь.

К своему ужасу, я услышал, что говорю голосом Бонфорта.

Родж внимательно поглядел на меня.

— А по-моему, вы совсем неплохо справлялись с делом.

Я попытался изменить голос и вернуть себе способность контролировать происходящее.

— Родж! Вы просто не в себе. Когда вы успокоитесь, вы поймете, как смехотворно ваше предложение. Вы правы, представление должно продолжаться, но не так, как предлагаете вы! Сделать надо вот что — и это единственный выход — вам следует самому занять его место. Выборы выиграны. У вас большинство — занимайте его место и выполняйте обещанную программу.

Он посмотрел на меня и грустно покачал головой.

— Я сделал бы это, если бы мог. Сознаюсь в этом. Но не могу. Шеф, вы помните эти проклятые заседания Исполнительного Комитета? Ведь это вы удерживали их всех в рамках приличия. Вся Коалиция держалась лишь на одном — на личности и авторитете одного-единственного человека... Если вы не возьметесь за дело сейчас же, все, ради чего он жил и умер, распадется на куски и рухнет.

Мне было нечего возразить. Может быть, тут он и был в чем-то прав. За эти полтора месяца я вник в кой-какие тайны политической машинерии.

— Родж! Если даже то, что вы говорите, верно, предложенное решение все равно никуда не годится. Нам удалось спастись от разоблачения только потому, что я показывался в тщательно подготовленной обстановке — и то мы чуть не попались. Но чтобы работать день за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем, а может быть, и год за годом, как я понял вас... Нет! Это просто немыслимо, невозможно. Я на это не способен!

— Способны! — он наклонился ко мне и с силой произнес: — Мы это уже обговорили. И знаем опасности не хуже вас. У вас будет возможность войти в курс дела постепенно. Для начала две недели в космосе, нет, черт возьми! Месяц, если понадобится! Вы будете все время учиться. Прочтете его дневники, его детские школьные записи, его записные книжки. Вы пропитаетесь всем этим насквозь. А мы будем вам помогать.— Я ничего не ответил, а он продолжал: — Послушайте, Шеф! Вы ведь уже поня-

ли, что в политике личность — это не один человек, а команда. Команда, связанная единством целей и убеждений. Мы потеряли нашего капитана, и нам нужен другой. А команда цела.

На балконе оказался Капек. Я даже не заметил, как он тут появился. Я повернулся к нему.

— Вы тоже за это?

— Да.

— Это же просто ваш долг,— добавил Родж.

— Ну, я не стал бы так далеко заходить,— медленно произнес Капек,— я только надеюсь, что вы это сделаете. Но, черт побери, я не хотел бы, чтобы ваше решение лежало на моей совести. Я верю в свободу воли, как бы смешно это ни звучало в устах человека медицинской профессии.— Он повернулся к Клифтону: — Лучше оставить его одного, Родж. Ему решать.

Хотя они и ушли, я недолго оставался в одиночестве. Появился Дак. К моему великому облегчению и радости, он не стал величать меня шефом.

— Привет, Дак.

— Привет,— он помолчал, пуская дым и любуясь звездами. Потом повернулся ко мне.— Старина, нам пришлось плечом к плечу пройти через кой-какие дела. Теперь я знаю тебя как облупленного и с радостью приду тебе на помощь с оружием ли, с деньгами ли или просто с кулаками, даже не спрашивая, зачем она тебе понадобилась. Если ты решил бросить это дело, я ни слова не скажу в осуждение и ни на йоту не изменю своего мнения о тебе. Ты и так уже совершил почти невозможное.

— Хм-м. Спасибо, Дак.

— Еще одно слово, и я смываюсь. Помни вот что: если ты решишь отказаться от этого дела, то та сволочь, что погубила его,— она победит. Победит, несмотря ни на что.

И ушел с балкона.

Я чувствовал, что мой мозг прямо разрывается на мелкие куски. И тут мне стало нестерпимо жаль себя. Все было так несправедливо. У меня была *своя* жизнь, которую я хотел прожить *по-своему*. Я был в расцвете сил, впереди меня ждали высочайшие триумфы моей карьеры. Как можно было требовать, чтобы

я похоронил себя — и, возможно, на долгие годы — став анонимным исполнителем роли другого человека, а в это время публика забывала бы обо мне, и продюсеры, и режиссеры — тоже. Это-то наверняка решили бы, что я умер.

Нет! Это было нечестно! Даже просить меня об этом было невероятно жестоко.

Потом я немного успокоился, и чувство обиды притупилось. В небе висела большая, прекрасная и вечная Мать Земля. Я подумал о том, как отмечается там сейчас ночь победы на выборах. Хорошо были видны Марс, Юпитер и Венера, горевшие ярко на фоне Знаков Зодиака. Ганимед, конечно, был не виден, как и та крошечная колония на Плутоне.

«Миры Надежды» называл их Бонфорт.

Но Бонфорт был мертв. Его больше не существовало. Они отняли у него священное право на жизнь. Отняли, когда он был в расцвете сил. Он мертв.

А эти хотят, чтобы я воскресил его, дал бы ему новую жизнь. Гожусь ли я для этого? Могу ли соответствовать тем благородным целям, которые он ставил перед собой? Если бы он был на моем месте, как бы он поступил? Сколько раз за время избирательной кампании я ставил перед собой такой вопрос — как бы поступил на моем месте Бонфорт.

Кто-то стоял за моей спиной. Я обернулся и увидел Пенни. Посмотрел и спросил:

— Это они прислали тебя? Тоже будешь меня уговаривать?

— Нет.

Она ничего не добавила и, по-видимому, не ждала ответа. Друг на друга мы не смотрели. Молчание становилось невыносимым. Наконец я прервал его.

— Пенни, если я попробую, ты мне поможешь?

Она быстро повернулась ко мне.

— Да. О да, Шеф! Я помогу!

— Тогда я попытаюсь,— чуть слышно сказал я.

Все это я написал двадцать пять лет назад, пытаясь привести в порядок свои мысли. Я старался говорить правду и не щадил себя,

тем более что читать это должны были только я и мой личный врач — доктор Капек. Как странно спустя четверть века читать эти наполненные эмоциями и не очень умные слова юноши. Я помню его хорошо, но мне трудно даже представить, что и он — это тоже я. Моя жена Пенелопа поддразнивает меня, утверждая, что помнит его лучше, чем я, и что никогда его не любила. Время меняет нас.

Я нахожу, что помню ранние годы Бонфорта лучше, чем настоящую жизнь этого довольно жалкого субъекта Лоренцо Смизи, или, как он любил себя величать, Лоренцо Великолепного. Значит ли это, что я сошел с ума? Стал шизофреником? Если так, то это благородное сумасшествие, необходимое для исполнения той роли, которую мне выпало сыграть. Потому что, для того чтобы сделать Бонфорта опять живым, мне пришлось придушить этого ничтожного актеришку, придушить навсегда.

Безумный или нет, но я знаю, что он существовал когда-то и что я был им. Он никогда не пользовался успехом как актер, хотя я и уверен, что иногда в нем пробуждалось благородное безумие. Свой уход со сцены он оформил вполне в своем духе — где-то у меня хранится пожелтевшая вырезка из газеты, где сказано, что его нашли мертвым в отеле «Джерси-Сити», скончавшимся от слишком большой дозы снотворного, принятой, вероятно, в припадке отчаяния, так как его агент сообщил, будто в течение нескольких месяцев он не мог получить ни одной роли. Лично мне кажется, что не следовало писать, будто он был безработным. Это если и не клевета, то просто излишняя жестокость. Дата на вырезке свидетельствует, что он никак не мог быть в Новой Батавии или где-либо еще во время избирательной кампании пятнадцатого года.

Наверное, лучше эту вырезку сжечь.

Впрочем, сейчас уже нет в живых почти никого из тех, кто знает правду,— только Дак и Пенелопа. Конечно, есть еще те, кто убил тело Бонфорта.

Три раза становился я Верховным Министром и уходил в отставку, вероятно нынешний срок — последний. Первый раз мне пришлось уйти, когда мы добились выборов в Великую Ассамблею туземцев — венерианцев, марсиан и жителей спутников Юпитера.

Я ушел, туземцы — остались. А потом я снова вернулся на этот же пост. Людям нужно долго отдыхать после реформ, реформы же — остаются. Вообще-то, люди не любят никаких изменений, совсем никаких, а ксенофобия пустила в их душах глубокие корни. И все же мы идем вперед и должны идти дальше и дальше — если только хотим приблизиться к звездам.

Снова и снова я задаю себе один и тот же вопрос: «А что сделал бы на моем месте сам Бонфорт?» Я не уверен, что ответы всегда верны, хотя и считаю себя самым прилежным учеником Бонфорта во всей Солнечной системе. Но стараюсь никогда не выходить из роли. Кто-то давным-давно — может, это был Вольтер,— сказал: «Если бы Дьявол сверг Бога, ему пришлось бы возложить на себя все атрибуты святости».

Нет, я никогда не скучал по оставленной профессии. Да и оставил ли я ее? Виллем был прав. Есть и другие знаки одобрения, кроме рукоплесканий. А хорошее представление всегда бросает на зрителей свой мягкий отблеск. Я думаю, что мной двигала идея создать Идеальный Спектакль. Возможно, полностью мне это и не удалось, но полагаю, что мой папаша назвал бы его сносным представлением.

Нет, я ни о чем не жалею. Хотя в те далекие времена я был, наверное, счастливее... Во всяком случае, спал крепче и спокойнее. Но есть скромное удовлетворение в том, что кое-что для блага восьми миллиардов людей я сделал.

Возможно, их жизни и не имеют космического значения, но зато у них есть чувства, и они страдают...

ЗВЕЗДНЫЙ ДЕСАНТ

© Я. Кельтский, перевод, 2003

Сержанту Артуру Джорджу Смиту — солдату, гражданину, ученому...

А также всем сержантам, которые везде и в любые времена трудятся, чтобы сделать мужчин из сопляков

1

Ну вы, гориллы! Хотите жить вечно?

Неизвестный взводный сержант, 1918 год

Перед высадкой меня всегда колотит. Меня и стимуляторами пичкали, и гипноподготовку провели, но все без толку, потому что на самом-то деле я не боюсь. Корабельный психиатр прозвонил мне все извилины и задал кучу дурацких вопросов, пока я спал, а потом сказал, что все дело вовсе не в страхе. И вообще, это — не страх, это — так, пустячок. Вроде как призовой рысак дрожит в предвкушении скачек.

Сказать мне тут нечего, в жизни не был призовым рысаком. Но факт есть факт: каждый раз я трясусь, словно барышня.

За полчаса до начала мы собрались в бросковой комнате «Роджера Янга»*, командир нашего взвода проверил нас. Собственно, он вовсе не наш командир, просто лейтенант Расжак не вернулся с последнего задания; а на самом деле он — наш взводный сержант. Если официально — сержант корабельного десанта Джелал. По национальности Джелли — наполовину турок, наполовину финн, родом он с Искандара, что возле Проксимы, а с виду — недомерок-писарь. Но я видел, как он разделался с двумя обезумевшими штафирками, такими рослыми, что сержанту пришлось подпрыгнуть, чтобы дотянуться до их воротников. А потом он треснул их лбами друг от друга, словно кокосовые орехи, и отошел в сторонку, чтобы они его не придавили, долетев до пола.

Вне службы он — вполне нормальный парень. Для сержанта, конечно. Его даже можно назвать «Джелли» в лицо, и ничего тебе не будет. Разумеется, если ты не салабон, а хотя бы разок прыгал.

Но сейчас он был при исполнении. Мы все проверили экипировку (как-никак, а речь-то о нашей шкуре, ясно?), потом исполняющий обязанности взводного нас жучил, а теперь за дело взялся сам Джелли. Морда у сержанта была прегадостная, а взгляд не упускал ни одной мелочи. Джелли остановился возле парня, что стоял передо мной, и нажал на поясе кнопку индикатора физического состояния.

— Выйти из строя!

— Но, сержант, это ж всего-навсего насморк. Фельдшер говорит...

— Фельдшеру в десант не идти! — гаркнул Джелли.— И тебе с твоей тридцать семь и пять — тоже. Думаешь, у меня время есть вести с тобой беседы перед высадкой? *Выйти из строя!*

Дженкинс покинул строй с несчастным и злым видом. Мне тоже было не по себе. А все потому, что лейтенант погиб — ну, не повезло! — во время последней высадки, нас по цепочке всех повысили, и я стал помощником командира второго отделения. С уходом Дженкинса у меня в отделении появилась дыра, и заткнуть ее нечем. Это плохо; может статься, кто-нибудь из ребят влипнет в настоящее дерьмо, позовет на помощь, а услышать его будет некому.

Джелли не стал завершать смотр. Он сделал шаг в сторону, окинул строй взглядом и грустно покачал головой.

— Стадо горилл! — рыкнул он.— Может, если вам всем сегодня не повезет, так мне позволят начать все с начала и сколотить подразделение, какое и лейтенанту не стыдно будет показать. Да хрен там... набирают сейчас кого попало.

Он вдруг выпрямился и заорал:

— *Запомните! Вы, гориллы, каждый по себе и все вместе,*— влетели правительству в копеечку! Если считать оружие, броню, боезапас, прочую экипировку, обучение — я уж не говорю о жратве! — потянет на полмиллиона. Плюс еще тридцать центов — это за вас лично! Так что сумма набегает та еще.

Он с ненавистью глянул на строй.

— А потому: казенное имущество вернуть обратно! Сами вы — невелика потеря, а эти смешные костюмчики на вас денег стоят. И мне не нужны в этих нарядах герои! Лейтенанту это не понравилось бы. Дело вы знаете, идете вниз, делаете его, уши держите на макушке, чтобы не прохлопать отбой, в место сбора прибыть живо и в порядке номеров. Ясно?

Он опять на нас зыркнул.

— Считается, что план вам известен. Но, за неимением мозгов, некоторые из вас гипноустановку не воспринимают, так что я кратенько повторю. Вас выбрасывают в две цепи, интервал — две тысячи ярдов. По приземлении тут же взять мой пеленг, а также пеленг и расстояние до своих соседей слева и справа, пока ищите укрытие. Десять секунд вы уже потратили, так что просто крушите напрочь все кругом, пока фланговые не шлепнутся в грязь.

Это он обо мне говорил. Я должен был замыкать левый фланг, и с одного бока меня никто не прикрывал. Меня начало трясти.

— А как только фланговые приземлятся — выровнять цепи! И дистанцию не забудьте! Бросайте все, чем занимались, и вперед! Двенадцать секунд. Затем — прыжками вперед, четные и нечетные, помощники командиров отделений следят за очередностью, а фланги полностью завершают охват.

Сержант посмотрел на меня.

— Сделаете все как надо — в чем я сильно сомневаюсь,— то фланги сомкнутся как раз к отбою. Все, время бежать домой. Вопросы есть?

Вопросов не было, их никогда нет. Джелал продолжил:

— Еще одно слово... Это — просто рейд, не сражение. Демонстрация огневой мощи. Наша задача — дать противнику понять, что мы могли, но не стали уничтожать их город. И что безопасности им не видать, пусть даже мы воздерживаемся от тотальной бомбардировки. Пленных не брать. Убивать только в случае крайней необходимости. Но весь район высадки — уничтожить. И если я увижу, что хотя бы один из вас притащил на борт неиспользованную бомбу...

Сержант выразительно помолчал.

— Всем ясно?

Он посмотрел на часы.

— «Разгильдяям Расжака» нужно блюсти репутацию,— заявил сержант.— Лейтенант просил сказать *вам*, что ему теперь сверху все видно, он с вас глаз не спустит... А еще он надеется, что вы покроете свои имена славой!

Джелли посмотрел на сержанта Мильяччио, командира первого полувзвода.

— Пять минут, падре.

Многие ребята вышли из строя и опустились перед Мильяччио на колени. Вероисповедание значения не имело. Мусульмане, христиане, гностики, иудеи, кто угодно — тот, кто хотел получить благословение перед высадкой, мог подойти. Я слышал разговорчики, что когда-то капеллан не шел в бой вместе со всеми, но понять не могу, как же они тогда жили? Я хочу сказать: как капеллан мог кого-то благословлять на что-то, чего сам делать не хотел? В любом случае, у нас в мобильной пехоте в бой идут *все* и сражаются *все*, от капеллана до повара, и даже писарь нашего Старика. Как только мы вылетим из шахты пусковой установки, на борту не останется ни одного Разгильдяя — за исключением Дженкинса, но тут не его вина.

Я к священнику не пошел. Всегда боялся, что кто-то увидит, как меня трясет. Все равно падре и оттуда меня может благословить. Но он сам ко мне подошел, когда последний из страждущих поднялся с колен. Падре прижал свой шлем к моему, чтобы обойтись без радио.

— Джонни,— негромко сказал он,— ты впервые идешь в десант капралом.

— Ага...

Вообще-то я такой же капрал, как Джелли — офицер.

— Вот что, Джонни, не спеши на тот свет. Дело ты знаешь, выполни его. Просто выполни. Не пытайся заработать медаль.

— Э-э... спасибо, падре. Не буду.

Он негромко добавил что-то на языке, которого я не понимаю, хлопнул меня по плечу и заторопился к своему подразделению.

— Смир-р-р-на!!! — крикнул Джелли.

Все застыли.

— Взво-од!

— Полувзвод! — эхом подхватили Мильяччио и Джонсон.

— По отделениям... с левого и правого борта... к выброске приготовиться!..

— Полувзвод! По капсулам! Пошел!

— Отделение!..

Мне пришлось переждать, когда четвертое и пятое отделения займут свои места в капсулах и уйдут в пусковую шахту, а потом слева на направляющих показалась моя капсула, и я в нее влез. Интересно, а тех дедов тоже трясло, когда они вбивались в этого своего Троянского коня? Или мне одному такое счастье? Джелли проверил каждого солдата, меня же он собственноручно упаковал. И пока этим занимался, наклонился ко мне и сказал:

— Не лодырничай там, Джонни. Все, как на учениях.

Крышка капсулы опустилась, и я остался один.

Хорошо ему говорить про все, как на учениях! А меня уже трясло так, что корабль раскачивался.

Затем в головных телефонах я услышал голос Джелли.

— Мостик! Разгильдяи Расжака к высадке готовы!

— Семнадцать секунд, лейтенант,— раздалось в ответ веселое контральто капитана корабля.

Она сказала: «лейтенант». Наш лейтенант погиб, и может быть, Джелли повысят и всучат ему нас... но пока что мы Разгильдяи Расжака.

— Удачи, мальчики,— добавила капитан.

— Спасибо...

— Приготовились. Пять секунд.

Я был перетянут ремнями, точно багаж, с ног до головы — живот, лоб, голени. Но трясло меня пуще прежнего.

После отстрела капсулы всегда становится легче. А до того сидишь в полной тьме, завернутый, точно мумия, в противоперегрузочные обмотки, дышать и то трудно. И ведь знаешь, что вокруг тебя в капсуле — сплошной азот и шлема снимать нельзя, даже если бы ты мог его снять. И знаешь, что капсула уже в пусковой

шахте. И если корабль получит пробоину до того, как тебя отстрелят, молись не молись, а сдохнешь тут от удушья, не способный пошевелиться, беспомощный. Вот от этого бесконечного ожидания в темноте меня и трясет. Как подумаешь: а вдруг про тебя забыли... Корабль с развороченным корпусом болтается на орбите, мертвый, и ты скоро таким же будешь, и двинуться не можешь. А еще вот — корабль сойдет с орбиты, и ты все равно сдохнешь, если не сгоришь по дороге.

Тут корабль начал торможение, дрожь меня отпустила. Я бы сказал, восемь *g*, если не все десять. Когда у штурвала женщина, забудь о комфорте, а от привязных ремней останутся синяки. Да-да, я в курсе, что женщины гораздо лучшие пилоты, чем мужчины; и реакция у них получше, и перегрузку они выдерживают получше и повыше нашего. И «налет-отступление» они выполняют четче и скорее, а следовательно, дают нам всем дополнительный шанс. И все равно мало веселого в том, что тебя колотит по позвоночнику вес, в десять раз превышающий твой.

Но должен признать, капитан Деладрие свое дело знает. Никаких тебе примерок, торможение прекратилось, и я сразу же услышал ее голос:

— Носовые... пуск!

Последовали два толчка, это вниз пошел Джелли и его помощник. И тут же:

— Левый и правый борт... пуск!

Наша очередь.

Бамп! И твоя капсула дергается вперед на шажок... *Бамп!* Еще один рывок. Знаете, как в древнем автоматическом оружии, когда вгоняешь патроны в магазин. Да, мы они и есть — патроны в обойме... только стволы не стволы, а сдвоенные пусковые шахты, встроенные в корабль-матку, а каждый патрон такого размера, что внутри сидит пехотинец (хотя и тесно тут!) плюс вся его полевая экипировка.

Бамп! Обычно я был третьим номером, но сейчас я был «Хвостиком-Чарли», замыкающим после трех отделений. Ожидание утомляло, хотя капсулы отстреливались каждую секунду. Я попытался считать «бампы»: *бамп!* (двенадцать), *бамп!* (тринад-

цать), *бамп!* (четырнадцать... странный звук, должно быть, пошла пустая, ну да, Дженкинс остался на борту), *бамп!..*

Звяк! Вот и до меня дошла очередь, моя капсула встала в пусковой механизм. А потом — *уам-м-м... бу!!!* Взрыв так тряхнул меня, что предыдущие капитанские выкрутасы показались любовными объятиями.

А потом — ничего.

Вообще ничего. Ни звука, ни тяжести, ни веса. Парение в темноте... свободное падение миль, похоже, на тридцать над поверхностью атмосферы, невесомый спуск на планету, которой никогда не видел. Но я больше не дрожу, все ушло на ожидание. Как только тебя отстрелили, ничего с тобой не случится, потому что если что-то пойдет не так, тебе не повезет, то ты и не заметишь, что уже умер.

Почти сразу же я почувствовал, что капсула раскачивается и крутится, потом выровнялась, а потом вернулся вес... очень быстро вернулся, покуда я не стал весить, как должен на этой планете (тут 0,87*g*, как нам сказали). Это капсула вошла в верхние слои атмосферы. Пилот, который был настоящим артистом в своем деле (а капитан определенно была таковым), снизится и затормозит так, чтобы капсулы при отстреле шли со скоростью вращения планеты. Нагруженные капсулы очень тяжелые; они пройдут сквозь верхние, разреженные слои атмосферы и лягут рядком в зоне высадки. Ну, может, некоторых отнесет подальше. А пилот-неумеха все напорет, разбросает ударную группу, да так, что они не сумеют друг друга отыскать, я уж не говорю о выполнении задания. Десантник может сражаться, только если кто-нибудь доставит его к цели; поэтому я полагаю, пилоты важны не меньше, чем мы.

Капсула вошла в атмосферу мягко, поэтому я могу сказать, что капитан выложила нас с отклонением, близким к нулю, о таком только мечтаешь. Я был счастлив — не только потому, что когда мы высадимся, то окажемся в плотном строю и не станем тратить времени даром, но еще и потому, что пилот, который тебя высаживает, обычно потом приходит тебя подбирать.

Выгорела и отслоилась верхняя оболочка — неровно, поскольку меня закрутило. Затем она отошла полностью, я выровнялся.

Заработали тормозные двигатели второй оболочки, началась болтанка... и все усиливалась, пока они прогорали и раскалывалась вторая скорлупа. Десантник потому остается жив, что оболочка его капсулы не только гасит скорость его падения, но и дурит радары; там на экранах такие помехи получаются, что никто не разберет, что валится с неба — человек ли, бомба или что иное. Достаточно, чтобы у артиллеристов спятили все компьютеры... да так с ними обычно и бывает.

А чтобы было веселее, непосредственно после отстрела десанта корабль сбрасывает еще серию яиц-муляжей, те летят быстрее, потому что не снимают оболочек. Прилетают на землю первыми, взрываются, открывая «окошко», могут даже работать транспондерами, сбивать с толку ракеты — в общем, делают массу дел, добавляя хлопот тем, кто организовывает нам внизу торжественный прием.

Тем временем корабль берет пеленг на радиомаяк комвзвода, игнорируя радарный шум, и вычисляет точку приземления для дальнейшего использования.

Когда отошла вторая оболочка, третья автоматически раскрыла первый парашют. Он просуществовал недолго, да и не должен был жить вечно; один добрый крепкий рывок в несколько *g*, и он летит своей дорогой. А я своей. Второй парашют живет чуть подольше, а третий — совсем долгожитель. В капсуле стало жарковато, и я начал думать о приземлении.

Третью оболочку сорвало вместе с последним парашютом, и теперь вокруг меня ничего не было, только бронированный скафандр да пластиковое яйцо. Я по-прежнему был связан по рукам и ногам; пришла пора определиться, как и где я собираюсь сесть. Не двигая руками (я и не смог бы), я большим пальцем нажал кнопку и прочитал показания, которые вывели на внутреннюю поверхность шлема.

Миля и восемь десятых... Чуть ближе, чем мне хотелось бы, особенно в одиночку. Внутреннее яйцо падало с постоянной скоростью, сидеть в нем больше не было смысла. Судя по температуре оболочки, оно еще не скоро откроется, так что я перекинул тумблер большим пальцем другой руки и избавился от оков.

Первый заряд разрезал все ремни; второй расколол пластик оболочки на восемь частей, и вот я снаружи, сижу на воздухе и наконец-то вижу! Все восемь кусков оболочки, кроме маленького осколка, через который я получал данные, металлизированы и дают на экране радара такой же сигнал, как и человек в боевом доспехе. Любой обозреватель, живой или кибернетический, сейчас рыдает, пытаясь отсортировать меня от обломков, летящих сверху, снизу, вокруг. Во время обучения пехотинцу дают посмотреть и на радаре, и собственными глазами, как это выглядит с земли, для того чтобы потом не чувствовать себя голым в полете. Легко запаниковать, открыть парашют раньше времени и превратиться в «сидячую утку» (кстати, а утки сидят? А если сидят, то зачем?) или вовсе не открыть парашют и переломать себе ноги, а то и спину вместе с шеей.

Я потянулся, прогоняя судорогу, огляделся по сторонам... затем вновь сложился пополам и выпрямился снова, но уже лицом вниз, словно ныряющий лебедь. Внизу, как и ожидалось, была ночь, но если привыкнуть пользоваться инфравизорами, то разглядеть кое-что можно. Практически подо мной находилась река, разрезающая город по диагонали. Судя по яркости свечения, температура воды была выше, чем почвы. Мне было плевать, на каком берегу оказаться, лишь бы не между ними. Не хочу терять время.

Я заметил вспышку справа примерно на моей высоте. Какой-то недружелюбно настроенный местный житель сжег один из обломков моего яйца. Так что я тут же раскрыл первый парашют, чтобы по возможности убраться с поля зрения его радара, если парню вздумается отследить падение всех обломков. Я приготовился к рывку, получил его и секунд двадцать плавно спускался, прежде чем отстегнуть парашют. Не хотелось привлекать к себе излишнего внимания.

Должно быть, все получилось. Я не сгорел.

Еще футов через шестьсот я раскрыл второй парашют... и очень быстро понял, что меня несет прямиком в реку, сообразил, что пролечу над плоской крышей какого-то склада или чего-то вроде того на высоте в сотню футов. Отстрелил парашют и в

целом неплохо приземлился на крышу при помощи двигателей скафандра. В тот момент, когда я закончил подпрыгивать, я брал пеленг сержанта Джелала.

Оказалось, берег я выбрал не тот. Отметка на кольце компаса внутри шлема находилась на юге, я же забрал далеко на север. Определив расстояние и координаты ближайшего командира отделения, выяснил, что он всего лишь в миле от меня, вызвал его:

— Ас, выравнивай цепь!

Бросил себе за спину бомбу — и все это на пути к краю крыши — и сиганул через реку. Ответ Аса я знал заранее. Именно он должен был занимать мой нынешний пост, но не захотел расставаться с отделением. Правда, принимать от меня приказы он тоже не желал.

Склад позади меня взлетел на воздух, взрывная волна догнала меня на середине реки, а не за укрытием из соседних зданий, как положено. Гироскоп взбесился, я был очень близок к кувырку. Я же установил взрыватель на пятнадцать секунд... или нет? Кажется, я перевозбудился, а это самое худшее, что ты можешь придумать в десанте. «Как на учениях» — вот как надо, Джелли меня предупреждал. Не жалей времени и сделай все, как надо, даже если на это уйдут лишние полсекунды.

После приземления я вновь вызвал Аса и вновь приказал ему перестроить отделение. Он не ответил, он уже занимался этим. Пусть его. Пока Ас делает свое дело, я смирюсь с его грубостью... пока. Но на борту (если Джелли оставит меня в помощниках командира) мы выберем себе тихое местечко и выясним, кто из нас главный. Он — полновесный капрал, я же только исполняющий обязанности, но он ниже меня по должности, а в боевой обстановке нельзя постоянно отвлекаться на дерзости подчиненных.

Времени думать об отношениях с Асом у меня не было; прыгая через реку, я заметил смачную цель и захотел добраться до нее раньше остальных — симпатичное скопление зданий на холме. Храмы какие-нибудь... или дворцы. Они стояли в нескольких милях от зоны высадки, но первое правило операции «раздави-и-беги» гласит: половину боезапаса потрать на то, что находится за пределами района охвата. Тогда противнику труд-

нее понять, куда направлена атака. Второе и третье правила о том, чтобы не стоять на месте и делать все по-быстрому. Противника всегда гораздо больше, чем своих. Тебя спасет неожиданность и скорость.

Еще беседуя с Асом, я приготовил ракетомет, но на самом интересном месте до меня докатился голос Джелли на частоте подразделения.

— Взво-од!.. Прыжками!.. Марш!

Эхом откликнулся мой начальник, сержант Джонсон:

— Прыжками!.. Нечетные! Марш!

Мне осталось секунд двадцать, так что я вспрыгнул на здание неподалеку, положил ракетомет на плечо, отыскал цель и нажал на первую гашетку, чтобы ракета взглянула на свою мишень. Потом нажал вторую гашетку, проводил снаряд взглядом и спрыгнул вниз.

— Второе отделение, четные номера! — крикнул я, отсчитал в уме секунды и приказал: — Марш!

И сам выполнил свой приказ, поскакав к следующему ряду строений, а пока был в воздухе, прошелся из ручного огнемета по зданиям на берегу. Похоже, выстроены они были из дерева — занялись здорово. Самое время. А если повезет, в одном, а то и в двух окажется склад топлива или взрывчатки. Одновременно два наплечных реечных бомбодержателя запустили две маленькие, но жутко вредные бомбочки. Одну направо, вторую налево, но что они там наделали, я так и не увидел, потому что в это самое время запущенная в первую очередь ракета попала в цель. Кто хоть раз видел вспышку ядерного взрыва, никогда ее ни с чем не перепутает. Ракета, конечно, была слабосильная, меньше чем на две килотонны, с «трамбовкой» и всем таким прочим, что уменьшает критическую массу... но кто же хочет спать на соседней койке с катастрофой космического масштаба? Все равно ракеты хватило, чтобы начисто снести верх холма и напомнить всем присутствующим, что не худо было бы бежать в укрытие. А если кому из туземных лопухов пришло в голову именно в этот миг выглянуть в окно, чтобы выяснить, что за шум, так они еще несколько часов ничего не увидят — включая меня. Ни на меня, ни на кого из нас вспышка

не подействовала; шлемы у нас освинцованные, сверху — темные фильтры, да и натренировали нас: повернулся не в ту сторону, мотни головой, фильтр на глаза и опустится.

Словом, я проморгался, а когда открыл глаза, то увидел местного жителя, который выскочил на открытое пространство впереди меня. Туземец смотрел на меня, я — на него, он начал поднимать какую-то штуку, оружие наверное, но тут Джелли проорал:

— Нечетные! Марш!

Мне было некогда валять дурака: я был на добрых пять сотен ярдов в стороне от того места, где должен был находиться. В левой руке я по-прежнему держал огнемет; начав отсчет, я поджарил туземца и перепрыгнул через здание, из которого он выскочил. Огнемет предназначен для поджигания зданий в первую очередь, но как оружие самообороны тоже сгодится. Да и целиться из него не надо.

За всеми своими переживаниями я забылся и прыгнул слишком высоко и далеко. Всегда заманчиво выжать из скафандра все, что можно,— но *никогда так не поступай*! Зависаешь в воздухе слишком долго, и вот ты большая красивая мишень. Фокус в том, чтобы приближаться небольшими скачками от здания к зданию, едва не задевая крышу, на пути вниз делаешь максимум работы, и главное — никогда не задерживайся на одном месте дольше секунды, не давай в себя прицеливаться. Все время будь в другом месте. Двигайся постоянно.

А я вот перестарался, до одной улицы слишком далеко, до второй — все равно не дотягиваю, я летел прямиком на крышу. Но не на удобную плоскую крышу, где можно потратить еще три секунды и запустить еще одну ракету. Нет, эта крыша представляла собой настоящие джунгли из труб, антенн и каких-то других железяк. Наверное, это была фабрика или химический завод. Все равно приземляться было некуда. И что еще хуже — там насчитывалось штук десять туземцев. Чудики эти — гуманоиды, ростом футов восемь-девять, покостлявее нас будут, а температура тела — выше. Одежду они не признают и через инфравизоры здорово смахивают на неоновую рекламу. Днем, когда на них простым глазом

смотришь, они еще смешнее, но я бы предпочел иметь дело с ними, чем с арахнидами. От жуков меня выворачивает.

Если эти дамочки там, внизу, появились на тридцать секунд раньше взрыва, значит, они меня видеть не могли. Они вообще ничего не могли видеть. Но наверняка я не знал и связываться с ними так и так не хотел. Не того разряда рейд. Так что я опять прыгнул, прямо с воздуха, рассыпав по дороге пригоршню зажигательных пилюль с десятисекундным запаздыванием, чтобы ребятам было чем заняться. Приземлился, сразу прыгнул и выкрикнул:

— Второй полувзвод! Четные!.. Марш!

И продолжил движение, всякий раз высматривая, куда бы всадить ракету. У меня еще оставалось три штуки ядерных ракет, и я совершенно точно не собирался возвращаться с ними на корабль. Но мне в башку вколотили, что если уж использовать ядерный заряд, так цель должна стоить тех денег. А мне ракеты доверили всего во второй раз.

Сейчас я хотел отыскать водозаборы; прямое попадание, и весь город непригоден для житья. Все эвакуируются, а убивать никого не придется. А ведь с этим заданием нас сюда и послали. Судя по карте, нужное мне место должно находиться примерно в трех милях вверх по течению от того, где я сейчас оказался.

Но я пока его не видел; наверное, прыгал не слишком высоко. Так и подмывало скакнуть повыше, но я запомнил, что мне сказал падре перед высадкой. Не геройствовать, не завоевывать медаль, а все делать по бумажке. Я выставил бомбосброс на автомат и на каждом приземлении оставлял по подарку. Между делом поджег еще несколько домов и все старался найти водозаборы или что-нибудь не менее ценное.

Ну, я его и нашел. Понятия не имею — что, но большое и на подходящем расстоянии. Может, даже желанный водозабор. Так что я вспрыгнул на крышу самого высокого здания поблизости, приготовил конфетку и запустил ее. Прыгая вниз, услышал Джелли.

— Джонни! Ред! Начинайте охват!

Я дал подтверждение, услышал подтверждение Реда, включил пищалку, чтобы Ред всегда мог взять мой пеленг, поймал его пеленг, прокричал:

— Второй полувзвод! Развернуться для охвата! Командирам отделений — подтвердить получение приказа!

Четвертое и пятое отделение ответили: «Есть!», а Ас буркнул, что они давно этим заняты, и посоветовал мне пошевеливаться.

И был прав. Маячок Реда показывал, что правый фланг в добрых пятнадцати милях передо мной. Ух ты! Следует последовать совету, или я ни за что не успею вовремя. А ведь боезапас все еще при мне, и надо найти время, чтобы его потратить. Мы высадились в V-образном строю, Джелли — в центре, мы с Редом — по краям. Сейчас же мы образовывали круг с центром в точке рандеву... а значит, нам с Редом надо было покрыть большее расстояние, чем остальным, и не забывать о разрушениях.

Ну, хоть прыжки закончились, можно было перестать считать и начать думать о скорости. И так уже обстановка вокруг накалялась и становилась не слишком здоровой. Явились мы внезапно, приземлились благополучно (по крайней мере, я надеялся, что никого не зацепило при высадке), подняли шорох на такой территории, что можно спокойно стрелять, не боясь попасть в своего. Больше шансов получить пулю от противника, да вот только сможет ли он найти нас, чтобы поупражняться в стрельбе. Я не эксперт по теории игр, но сомневаюсь, что обычный компьютер смог бы проанализировать наши действия и предсказать, где мы окажемся в следующее мгновение.

Тем не менее местная оборона начала огрызаться, прицельно или нет, не знаю. Мимо меня пару раз промахнулись, хотя положили достаточно близко, чтобы я зубами лязгнул внутри своей бронированной скорлупки, а разок меня окатило каким-то лучом, отчего волосы встали дыбом и целую секунду я чувствовал себя парализованным. Почти так же, как при ударе по мыщелку плечевой кости, но только по всему телу. Если бы до этого скафандр не получил приказа прыгать, там бы я и остался.

Такие вот штуки наводят на мысль — а зачем ты вообще подался в солдаты? Только времени у меня посидеть и подумать об этом сейчас не было, занят я был. Дважды, вслепую перепрыгивая здания, я приземлялся в самой гуще народа, приходилось тут же выпрыгивать, поливая все вокруг огнем.

Половину расстояния я таким образом преодолел, времени потратил минимум, но зато существенных разрушений не произвел. Бомбодержатели опустели еще два прыжка назад; очутившись в одиночестве посреди какого-то двора, я задержался перезарядить их, одновременно выясняя, чем занят Ас. И выяснил, что нахожусь слишком далеко от фланга, чтобы размышлять, на что потратить остаток ракет. Я запрыгнул на самое высокое здание по соседству.

Уже достаточно рассвело; я поднял инфровизоры и быстренько огляделся, выискивая подходящую мишень, хоть что-нибудь, во что выстрелить. Кочевряжиться некогда было.

По направлению к их космопорту что-то такое торчало на горизонте. То ли административное здание с диспетчерской вышкой, то ли корабль. Примерно на одной линии с ним и вдвое ближе возвышалось гигантское строение, назначение которого я даже представить не смог. До космопорта было далековато, но я все равно дал ракете взглянуть туда, приговаривая: «Ну-ка, детка, наподдай им!», а следом за ней тут же запустил последнюю, но уже в мишень поближе.

Я уже спрыгивал, когда дом взлетел на воздух. Либо худосочные аборигены рассудили (и правильно сделали), что стоит пожертвовать одним зданием ради одного из нас, либо кто-то из наших парней был беспечен. Как бы то ни было, мне по крышам передвигаться расхотелось. Вместо того чтобы лезть поверху, я решил пройти насквозь. Снял со спины тяжелый огнемет, опустил на глаза затемнители и разрезал стену впереди сконцентрированным лучом на полной мощности. Кусок стены отвалился, и я вошел...

А вышел еще быстрее.

Не знаю, куда меня занесло. На религиозное собрание в местной церкви, в ночлежку или штаб командующего обороной. Знаю только, что помещение было большое, а худышек там было столько, сколько мне не хотелось бы увидеть до конца своей жизни.

Наверное, все же не церковь, потому что по мне кто-то выстрелил; пуля отскочила от скафандра, в ушах у меня зазвенело, а больше вреда никакого. Но это напомнило мне, что я не должен уходить, не оставив им сувенира о себе. Я сдернул первое, что

попалось под руку, и швырнул в пролом. И услышал, как мой подарок заквакал. Как нам все время талдычат: лучше сразу сделать что-нибудь конкретное, чем через несколько часов придумать лучший вариант.

Чисто случайно я поступил совершенно верно. Я бросил им специальную бомбу из тех, что нам всем раздали перед высадкой с наказом использовать, если придумаем эффективное применение. Квакала она на местном языке, что в вольном переводе звучало примерно так:

— Я бомба с тридцатисекундным замедлением! Я бомба с тридцатисекундным замедлением! Двадцать девять!.. Двадцать восемь!.. Двадцать семь!..

Предполагалось, это потреплет худышкам нервы. Про них не скажу, а мои потрепала. Уж лучше выстрелить в человека, добрее получается. Ждать окончания отсчета я не стал; прыгнул с мыслью отыщут ли ребята двери и окна, чтобы убраться оттуда подобру-поздорову.

На верхней точке прыжка я взял пеленг Реда, а по приземлении — Аса. Я опять отставал, время поторопиться.

Через три минуты брешь мы заткнули, в полумиле слева от меня находился Ред и об этом докладывал Джелли. В ответ весь взвод услышал радостный рык:

— Круг замкнут, а маяк не сброшен. Двигайтесь потихоньку вперед и крушите все вокруг, добавьте им перцу... Только им, а не своим соседям. Хорошо поработали пока что, не испортите мне впечатление. Взво-од! По отделениям!.. Рассчитайсь!

Я тоже думал, что мы поработали на совесть: большая часть города горела, и, хотя уже полностью рассвело, трудно было сказать, как было лучше, с инфравизорами или без, такой густой стоял в воздухе дым.

— Второй полувзвод! — крикнул наш командир Джонсон.— Рассчитайсь!

Я отозвался:

— Отделения четыре, пять, шесть — по порядку номеров разобраться и доложить!

Среди прочего у нас имелись новые многоканальные рации.

Джелли мог связаться с кем угодно, и — выбороч но — с командирами полувзводов. Командир полувзвода — со всеми своими и отдельно с капралами. Таким образом, перекличка взвода занимала считанные секунды. Я слушал перекличку четвертого отделения, тем временем ревизуя свой боезапас, и даже успел бросить гранату в туземца, высунувшего нос из-за угла. Он куда-то пропал. Я тоже смылся. Начальство сказало: не стой столбом...

В четвертом отделении запутались, пока их командир не сообразил, что пустой номер принадлежит оставшемуся на корабле Дженкинсу. Пятое отщелкало, как абак. Мне стало хорошо... когда перекличка вдруг оборвалась на четвертом номере во взводе Аса.

— Ас, а где Диззи? — спросил я.

— Заткнись. Номер шесть!

— Шестой! — отозвался Смит.

— Седьмой!

— Шестое отделение, не хватает Флореса,— доложил Ас.— Командир отделения идет на поиски.

— Один отсутствует,— передал я дальше Джонсону.— Флорес, шестое отделение.

— Отстал или убит?

— Не могу знать. Командир отделения и помкомполувзвода идут на поиски.

— Джонни, Ас сам справится.

Я его не слушал, так что не стал отвечать. А слышал я, как он докладывает Джелли, как тот клянет все и вся. Поймите меня правильно, за медалью я не рвался, просто искать пропавшего — прямая обязанность помощника командира полувзвода. Он — погоняла, последний, прямая статья расхода. Командиру есть чем заняться. Да вы и сами уже догадались, что пока командир жив, в его помощнике особо никто не нуждается.

А я сейчас чувствовал себя действительно никому не нужным и списанным в расход, потому что слышал самый сладкий звук во Вселенной, маяк, сброшенный нашим катером, сигнал к отходу. Маяк — это ракета-робот, катер отстреливает его, он втыкается в землю и начинает передавать долгожданные позывные

«все ко мне, все сюда!» Катер садится на его координаты через три минуты, и лучше оказаться поблизости, потому что автобус никого ждать не будет, а следующий придет еще очень нескоро.

Но никто не уходит, бросив товарища, пока есть шанс, что он все еще жив, ни у Разгильдяев Расжака, ни в других подразделениях мобильной пехоты. Ты идешь и ищешь отставшего.

Я слышал приказ Джелли:

— Носы выше, парни! Круг теснее, прикрываем отход! Вперед!

А еще я слышал сладкий голос маяка: «*...во славу пехоты сияет в веках, сияет в веках имя Роджера Янга!*» И мне так захотелось бежать к маяку, что во рту кисло стало.

Вместо этого я пер в противоположную сторону на пеленг Аса и тратил все, что у меня осталось от бомб, зажигательных пилюль, вообще всего, что на мне было нагружено.

— Ас! Ты нашел его сигнал?

— Да. Топай назад, без сопливых скользко!

— Тебя я вижу, а он где?

— Прямо впереди меня, может, четверть мили. Проваливай! Он из *моих* ребят.

Я не ответил; просто взял левее, чтобы встретиться с Асом там, где, по его словам, находился Диззи.

И нашел Аса, стоящего над Флоресом; парочка худышек лежала горящими трупами, остальные разбегались. Я встал рядом.

— Давай вынем его из скафандра, катер придет через несколько секунд!

— Он слишком тяжело ранен!

Я посмотрел и понял, что Ас прав: в броне зияла дыра и из нее текла кровь. Я растерялся. Чтобы вынести раненого, вынимаешь его из скафандра... затем просто берешь на руки (какие проблемы в скафандре-то?) и прыжками мчишься в безопасное место. Весит обычный человек куда меньше, чем боезапас и снаряжение.

— Что же делать?

— Понесем,— угрюмо буркнул Ас.— Бери слева.

Сам он взялся справа, мы поставили Флореса на ноги.

— Держи крепче! Теперь.. на счет «два» — прыжок. Раз... два!

Мы прыгнули. Не далеко и не слишком хорошо. В одиночку ни один из нас его вообще от земли не оторвал бы, скафандр слишком тяжелый. Но вдвоем у нас могло получится.

Мы прыгнули... и еще раз прыгнули... и еще, и еще, и еще. Ас считал, мы вдвоем поддерживали и ловили Диззи при каждом приземлении. Наверное, гироскоп у него отрубился окончательно.

Мы слышали, как замолчал маяк, когда приземлился катер. Я видел, как он садится — так далеко. Мы слышали голос исполняющего обязанности взводного сержанта:

— По порядку номеров приготовиться к посадке!

И крик Джелли:

— А-атставить!

Наконец-то мы выбрались на открытое пространство и увидели катер, стоящий вертикально на грунте, услышали вой сирены, увидели взвод, занявший круговую оборону, услышали голос Джелли:

— По порядку номеров... всем на борт!

А мы по-прежнему были далеко! Мне было видно, как грузится первое отделение, остальной взвод сомкнул круг.

И вдруг из этого круга вырвалась одинокая фигура и помчалась к нам с такой скоростью, которую может развить только офицерский скафандр.

Джелли перехватил нас, пока мы были в воздухе, вцепился в бомбодержатели Флореса, помог нам.

До катера мы добрались в три прыжка. Все уже сидели внутри, но люк еще не задраили. Мы впихнули Диззи на борт, забрались сами, пока пилот орала, что из-за нас она опоздает к стыковке и нам всем не повезет. Джелли на нее внимания не обращал; мы уложили Флореса на пол и сами улеглись рядышком. Когда катер стартовал, Джелли пробормотал сам себе:

— Все налицо, лейтенант. Трое раненых, но все — налицо.

А про капитана Деладрие я скажу вот что: лучше пилота не сыщешь. Встреча и стыковка на орбите рассчитана до секунды. Я не знаю, каким образом, но это так, и этого не изменишь. Просто никак.

Только она это сделала. Она на радаре увидела, что катер стартовал с опозданием, сдала назад, подобрала нас и вновь набрала скорость. Только при помощи собственных глаз и рук, у нее не было времени просчитать новый маневр на компьютере. Если всемогущему понадобится помощник — приглядывать, чтобы звезды не сбивались с курса,— я знаю, кто займет эту должность.

А Диззи Флорес умер во время взлета.

2

От страха ни мертвый, и ни живой
Бежал я, что было силы,
Не глядя назад, поскорее домой
И в комнату к мамочке милой.

Янки Дудль, не унывать!
Янки Дудль – добрый малый!
Лучше петь и танцевать
С девушкой на сеновале.

«Янки Дудль»

Об армии я всерьез никогда не думал.

И уж точно — не о пехоте! Да я бы предпочел получить десять ударов плетями при всем честном народе или чтобы отец сказал мне, что я позорю наше честное имя.

О, как-то раз в выпускном классе средней школы я заикнулся при отце, что обдумываю идею поступить на федеральную службу. Полагаю, так поступают все дети, когда им светит восемнадцатый день рождения, а мне восемнадцать стукнуло бы через неделю после окончания школы. Разумеется, у многих дальше мыслей дело не заходит, поиграют немного с идеей, а затем идут в колледж, или работать, или еще куда. И сам я наверняка поступил точно так же... если бы мой лучший друг на полном серьезе не собрался бы в армию.

Мы с Карлом все делали вместе: на девочек глазели вместе, свидания назначали вместе, принимали участия в дебатах вмес-

те, занимались опытами в его домашней лаборатории и то вместе. Сам я в электронике не смыслю, но руки у меня растут откуда надо. Карл поставлял идеи, я следовал его инструкциям. Было весело; все, чем мы вместе занимались, было весело. У стариков Карла, конечно, не было столько денег, как у моего отца, но для нас это не имело значения. Когда мой отец подарил мне на четырнадцатилетие «роллекс», часы в равной степени принадлежали и Карлу; так же как и лаборатория в подвале его дома — мне.

Так что, когда Карл сообщил мне, что после школы не собирается продолжать образование, а сначала пойдет в армию, я чуть не подавился. Он на самом деле намеревался так поступить. Похоже, он считает такой поступок естественным, верным и очевидным.

Вот я и сказал ему, что пройду вместе с ним.

Он странно покосился на меня.

— Твой старик тебе не позволит.

— Ха! Как он сможет меня остановить?

Разумеется, ничего бы у него не получилось, по крайней мере по закону. Это первое (и возможно, последнее) решение, которое каждый принимает абсолютно независимо; когда парню или девчонке стукнет восемнадцать, он или она могут пойти добровольцем, и никто ничего сказать не сможет.

— Еще увидишь,— хмыкнул Карл и сменил тему.

Но вскоре я осторожно заговорил на эту тему с отцом.

Он отложил газету и сигару и уставился на меня.

— Сынок, ты с ума сошел?

Я пробормотал, что вроде бы нет.

— А похоже,— отец вздохнул.— М-да... а ведь следовало ожидать, очень предсказуемое поведение на этом этапе развития. Помню, когда ты научился ходить и перестал быть маленьким мальчиком... если честно, на какое-то время ты превратился в сущего проказника. Ты разбил одну из маминых ваз эпохи Мин — нарочно, я уверен... но ты был слишком юн, чтобы сознавать ее ценность. Поэтому я всего лишь отшлепал тебя. А еще припоминаю день, когда ты стащил у меня сигару, а потом тебя весь день тошнило. Мы с мамой так старались сделать вид, будто не замечаем, что ты тем вечером и куска не можешь проглотить, а я до сегодняшнего

дня не говорил, что я все знаю. Мальчикам так положено: надо попробовать, чтобы убедиться, что мужские забавы не для них. Мы наблюдали, как ты взрослеешь и начинаешь замечать, как не похожи на нас и прекрасны девочки!

Он опять вздохнул.

— Совершенно нормальные этапы. В том числе и последняя твоя выдумка. Кто из мальчишек не мечтает о красивой форме? Или решает, что он влюблен так, как никто никогда до него не влюблялся, и в сию же секунду обязан жениться. Или одновременно, одно другому не мешает,— отец сумрачно улыбнулся.— Со мной случилось одновременно. Но я все сделал в свое время и не пустил под откос свою жизнь.

— Пап, я не собираюсь пускать жизнь под откос. Я собираюсь отслужить в армии, я ведь не иду в кадровые военные.

— Оставим пока этот разговор, хорошо? А я объясню тебе, чего ты на самом деле хочешь. Во-первых, наша семья держится в стороне от политики и потихоньку возделывает свой сад уже сто с лишним лет. Лично я не вижу смысла ломать эту добрую традицию. Полагаю, что тебя сбил с пути твой школьный знакомый... как его? Ты знаешь, о ком я.

Он имел в виду преподавателя истории и философии морали. И естественно, ветерана.

— Мистер Дюбуа.

— Какое глупое имя... но ему подходит. Иностранец, сомнений нет. Нужно бы принять закон, запрещающий использовать школы как тайные вербовочные пункты. Думаю, я напишу об этом довольно резкое письмо. Налогоплательщик обладает кое-какими правами!

— Пап, ну он-то здесь при чем? Он...

Я замолчал, не зная, как продолжить. Мистер Дюбуа обладал задиристым и высокомерным нравом; обращался он с нами так, словно ни один из нас не достоин даже близко быть подпущенным к государственной службе. Мне он не нравился.

— Да он скорее только отбивает всякую охоту.

— Пф-ф! Ты что, не знаешь, как свиней ведут на бойню? Ладно, не важно. Окончишь школу, отправишься в Гарвард изучать

бизнес, это ты знаешь. После поедешь в Сорбонну, будешь понемногу путешествовать, знакомиться с нашими представителями, смотреть, как идут дела. А затем вернешься домой и возьмешься за работу. Начнешь с чего-нибудь простенького, вроде старшего клерка,— это для проформы. Оглянуться не успеешь, как окажешься наверху, потому что я не молодею. Чем быстрее возьмешь дела на себя, тем лучше. Как только наберешься опыта и желания, ты хозяин. Вот! Как тебе такая программа? И стоит ли выбрасывать два года псу под хвост?

Я ничего не ответил. Все это было для меня не ново, все это я уже обдумывал. Отец поднялся и положил руку мне на плечо.

— Сынок, не думай, что я равнодушен к твоему мнению, это не так. Просто взгляни фактам в лицо. Если бы сейчас шла война, я первый бы поддержал тебя и предложил бросить дела к ногам военных. Но сейчас войны нет и, благодарение богу, уже не будет. Войны мы переросли. На нашей планете мир и счастье, мы наслаждаемся отношениями с другими планетами. Так чем же является так называемая государственная служба? Паразитизм чистой воды. Потерявшая функциональность организация, ненужная, устаревшая, живущая благодаря налогам. Довольно дорогое удовольствие: кормить бездарей, которые в ином случае оказались бы без работы, а они еще пыжатся до конца своей жизни. И ты хочешь к ним?

— Но Карл вовсе не бездарь!

— Прости. Да, он не бездарь, он чудесный парень... хотя и с кашей в голове.

Отец нахмурился, но потом улыбнулся.

— Сынок, у меня тут был приготовлен сюрприз к окончанию школы. Но лучше сообщить о нем сейчас, чтобы тебе было легче выбросить из головы всякую чушь. Не то чтобы я боялся того, что ты можешь выкинуть, я уверен в твоем здравом смысле, несмотря на твой нежный возраст. Но ты в затруднении, я знаю, а мой подарок поможет тебе развеяться. Угадай, что это?

— Н-ну... не знаю.

Его улыбка стала шире.

— Путешествие на Марс.

Наверное, я выглядел ошеломленным.

— Господи, пап, я понятия не имел...

— Я хотел удивить тебя, и мне это, кажется, удалось. Я знаю, все мальчишки с ума сходят по путешествиям — хотя не пойму, на что там смотреть. Тебе самое время прогуляться — одному, я этого не сказал? — и забыть обо всем, потому что, когда возьмешься за работу, тебе даже на Луну будет некогда выбраться,— отец вновь взял газету.— Нет, не благодари. Иди и дай мне спокойно дочитать. У меня сегодня вечером встреча с несколькими господами. Дела!

И я пошел. Полагаю, отец посчитал, что уладил вопрос... полагаю, я сам так считал. Марс! И никто не будет дергать меня за руку! Но Карлу я не стал об этом рассказывать, подозревал, что он посчитает поездку взяткой. Что ж, может быть, таковой она и была. Так что я просто сказал, что мы с отцом имеем на этот счет различные мнения.

— Ага,— сказал Карл.— Вот и мой тоже. Но это — *моя* жизнь.

Я размышлял на эту тему во время последнего урока истории и философии морали. От остальных предметов этот курс отличался тем, что был обязательным, но экзаменов по нему сдавать не надо было, а мистеру Дюбуа, кажется, было плевать, усвоим мы что-нибудь или нет. Он просто тыкал в кого-нибудь левой культей (запоминать наши имена он не считал нужным) и выплевывал вопрос. Затем разгорался спор.

Но в последний день он все-таки задался задачей выяснить, чему же мы научились. Одна из девчонок напрямик заявила:

— А мама говорит, что насилие никогда ничего не решает.

— Да ну? — мистер Дюбуа окинул ее холодным взглядом.— Уверен, что отцы города под названием Карфаген были бы рады это узнать. Почему ваша мама этого не сказала им? Или вам самой?

Они уже и раньше цеплялись друг к другу. Провалиться на экзамене было невозможно, так и мистера Дюбуа нечего было опасаться.

— Что вы меня высмеиваете! — взвизгнула девица.— Всем известно, что Карфаген был разрушен!

— Вы, похоже, пребывали в неведении,— мрачно отрезал мистер Дюбуа.— Раз теперь вы это тоже знаете, поведайте нам,

разве насилие не определило раз и навсегда их судьбу? И лично вас я не высмеиваю, я всегда издеваюсь над глупыми высказываниями и идеями. Издевался и буду издеваться. Тому, кто придерживается исторически неверной и полностью аморальной доктрины, что «насилие ничего не решает», я бы посоветовал вызвать духов Наполеона Бонапарта и герцога Веллингтона на словесную дуэль. И дух Гитлера вполне сгодится в судьи. А жюри составят дронт, большая гагара и странствующий голубь. Насилие, грубая сила уладили больше исторических вопросов, чем любой другой фактор, и противоположное мнение является в лучшем случае благим пожеланием. Народы, забывающие об этой прописной истине, платят жизнью и свободой.

Он вздохнул.

— Еще один год, еще один класс — и еще одна моя неудача. Можно дать ребенку знания, но невозможно заставить его думать.

Его левая культя вдруг ткнула в мою сторону.

— Ты. В чем моральное различие между солдатом и штафиркой, если оно вообще существует?

— Разница,— осторожно ответил я,— заключается в гражданских ценностях. Солдат принимает на себя ответственность за ту политическую общность, членом которой является, защищая ее, если понадобится, ценой своей жизни. Штатский — нет.

— Азбучные истины,— язвительно заметил учитель.— Но ты понимаешь их? Ты в них веришь?

— Э-э... не знаю, сэр.

— Разумеется, не знаешь! Сомневаюсь, что кто-то здесь вообще поймет, что такое «гражданские ценности», даже если споткнется о них! — он глянул на часы.— Наконец-то. Может, когда-нибудь встретимся при более радостных обстоятельствах. Вольно.

Я получил диплом и через три дня отпраздновал день рождения — на неделю раньше, чем Карл,— и все еще не сказал ему, что не пойду в армию. Уверен, что он и так все понял, но вслух мы ничего не обсуждали. На следующий день после его дня рождения мы встретились и отправились в вербовочный пункт.

На ступеньках Федерального центра мы встретили Карменситу Ибаньез, нашу одноклассницу и одну из самых красивых девчонок, которая заставляла меня радоваться, что наша раса делится на два разных пола. Кармен не была моей подружкой, она вообще ничьей подружкой не была. Она никогда не назначала два свидания подряд одному и тому же парню и со всеми нами обращалась одинаково мило. Но я ее хорошо знал, она часто приходила в наш бассейн, так как он был как раз олимпийских стандартов. Иногда она являлась с одним парнем, иногда с другим. Иногда в одиночестве, и маме это нравилось больше всего, потому что она называла ее «хорошим влиянием». В этом она была права.

Кармен заметила нас, подождала.

— Привет, мальчики!

— Привет, *Ochee Chyornya*! — отозвался я.— А тебя каким ветром сюда занесло?

— Не догадываешься? У меня сегодня день рождения.

— Да? Поздравляю!

— Так что я иду вербоваться.

— А-а...

По-моему, Карл был удивлен не меньше меня. Но подобная выходка была вполне в духе Карменситы. Она никогда не сплетничала и свои личные дела держала при себе.

— Не шутишь? — радостно добавил я.

— Зачем мне шутить? Я собираюсь стать космическим пилотом. По крайней мере, постараюсь им стать.

— Не понимаю, что тебе помешает,— быстро вставил Карл.

Он был прав. О, я знаю, насколько он был прав! Кармен была невысокая и гибкая, обладала отличным здоровьем и превосходными рефлексами. Ныряла она просто классно и была сильна в математике. У меня же была тройка по алгебре и четверка по деловой арифметике, а Кармен давно обогнала школьную программу и училась по усложненной программе. Мне никогда не приходило в голову, зачем ей это было надо. Малышка Кармен была такой прелестной, что представить ее за серьезным занятием было невозможно.

— Мы... э-э-э... я,— сказал Карл,— тоже иду вербоваться.

— И я,— поддакнул я.— Мы оба.

Нет, я вовсе не принимал решения, мой язык зажил собственной жизнью.

— Да? Вот здорово!

— И я тоже хочу учиться на пилота,— решительно добавил я.

Кармен не стала смеяться, ее ответ был серьезен:

— Отлично. Может, еще столкнемся во время тренировок. Было бы здорово.

— Столкновение на трассе? — хихикнул Карл.— Это для пилотов не дело!

— Не глупи, Карл. На земле, конечно. А ты тоже собираешься в пилоты?

— Я? Я грузовики не вожу. Ты же меня знаешь — «Старсайд, научно-технические разработки». Если возьмут, конечно. Электроника.

— Грузовик, сказал тоже! Надеюсь, тебя запихнут на Плутон, мерзни там. Да нет, шучу. Удачи тебе. Ну что, пошли?

Вербовочный пункт находился в ротонде. Там за конторкой сидел флотский сержант при полных регалиях, нарядный, как передвижной цирк. Мундир его был перегружен нашивками, которые я никак не мог прочитать. Но правой руки у него не было, ему даже китель сшили без одного рукава, а когда мы подошли к конторке, то заметили, что и ноги у него ампутированы.

Самому ему это обстоятельство ничуть не мешало.

— Доброе утро,— произнес Карл.— Я хотел бы записаться в армию.

— Я тоже,— добавил я.

Он нас проигнорировал. Он ухитрился сидя поклониться и произнес:

— Доброе утро, юная леди. Что я могу для вас сделать?

— Я тоже хочу поступить на службу.

Сержант улыбнулся.

— Прекрасно, девушка! Если вас не затруднит, пройдите в комнату двести один и спросите майора Рохас, она займется вами,— он окинул Карменситу взглядом с ног до головы.— Пилот?

— Если можно.

— Вам — можно. Ну что ж, вам — к майору Рохас.

Она ушла, поблагодарив его и пообещав встретиться с нами попозже. Сержант воззрился на нас с полным отсутствием удовольствия, которое только что испытывал при виде маленькой Кармен.

— Ну? — спросил он.— Куда? В стройбат?

— О нет! — сказал я.— Я тоже хочу в пилоты.

Он посмотрел на меня и отвернулся.

— Ты? — поинтересовался он у Карла.

— Меня интересует научно-исследовательский корпус,— сдержанно сказал Карл.— Особенно электроника. Я думаю, шансы у меня неплохие.

— Да, если подойдешь,— мрачно буркнул флотский сержант.— И нет, если нет ни таланта, ни подготовки. Слушайте, детки, вы вообще-то соображаете, почему меня тут держат?

Я его не понял. Карл сказал:

— Почему?

— Потому что правительству по барабану, завербуетесь вы или нет! Потому что мода сейчас такая пошла у народа — отслужить срок, получить планочку на грудь, ветеран, мол, а самим даже пороха не понюхать. Но если *хотите* служить, то я не сумею отговорить вас, и нам придется вас взять, потому что у вас такое конституционное право, и оно гласит, что *любой*, мужчина или женщина, имеют от рождения право отслужить и получить полное гражданство. А куда нам потом добровольцев девать? Нельзя всем поголовно быть военными; столько нам не нужно, да и большинство добровольцев в солдаты не годятся. Имеете понятие, что значит быть солдатом?

— Нет,— сознался я.

— Большинство людей считают, что все, что нужно,— это иметь две руки, две ноги и пустую башку. Может, и так. Для пушечного мяса. Возможно — для Юлия Цезаря. Но сегодня рядовой солдат — это специалист высочайшего класса. Мы не можем позволить себе набирать глупцов. Так что тем, кто настаивает на службе, но не обладает нужными нам качествами, мы придумали целую уйму грязных, неприятных, а порой и опасных заня-

тий, от которых они тут же сбегут к мамочке с поджатым хвостом и невыслуженным сроком. Ну, хоть по гроб жизни запомнят, что гражданство — вещь ценная, потому что платишь за него по высшему разряду. Возьмем вот ту девчушку, хочет стать пилотом. Надеюсь, у нее все получится. Хорошие пилоты всегда нужны, их вечно не хватает. Может быть, она будет хорошим пилотом. А если нет, зашвырнут ее куда-нибудь в Антарктику, и ее симпатичные глазки покраснеют, потому что там только искусственный свет, а мягкие ручки покроются мозолями от грубой, грязной работы.

Я хотел сказать ему, что Карменсита в худшем случае может стать программистом на станции слежения. В математике она — бог. Но сержант продолжал.

— Стало быть, посадили меня вас отпугивать. Гляньте-ка,— он развернул кресло, чтобы мы могли полюбоваться на отсутствие ног.— Предположим, вас не пошлют копать туннели на Луне или изображать подопытную морскую свинку. Предположим, мы сделаем из вас настоящих бойцов. Посмотрите на меня — вот что вы можете получить. Если только не получите по полной программе, а вашим предкам придет телеграмма, начинающаяся со слов: «С глубоким прискорбием...» И второе вероятнее, потому что сейчас в учебке и в армии раненых почти не бывает. Так что отбросите копыта, сунут вас в гроб — я редкое исключение, мне-то повезло,— хотя вы, возможно, удачей это не назовете.

Он помолчал и добавил:

— Так почему бы вам, мальчики, не бежать домой? Поступите в колледж, станете химиками там, брокерами на бирже. Служба в армии — не пикник. Это настоящая военная служба, опасная и тяжелая даже в мирное время. Никаких отпусков. Никаких романтических приключений. Итак?

Карл сказал:

— Я пришел, чтобы завербоваться.

— Я тоже.

— Вы понимаете, что вам не дозволено выбирать род войск?

Карл сказал:

— Я думал, мы можем сообщить, куда мы хотели бы попасть.

— Это точно. И это последний свободный выбор, который вы сделаете до конца срока. Офицер по кадрам обратит внимание на ваши предпочтения. Первым долгом проверит, нет ли где вакансии для левши-стеклодува, если напишешь, что именно эту профессию был бы счастлив получить. Потом с неохотой признает, что есть местечко — где-нибудь на тихоокеанском дне,— а затем проверит твои возможности и способности. В одном случае из двадцати он будет вынужден признать тебя годным и выпишет тебе путевку... пока какой-нибудь шутник не выдаст тебе приказ заняться другим делом. В прочих девятнадцати случаях офицер оглядит тебя со всех сторон и постановит, что пригоден ты только на то, чтобы провести полевые испытания новой модели жизнеобеспечения в условиях Титана.

Он мечтательно закатил глаза.

— А на Титане прохладно,— задумчиво протянул он.— Потрясающе, сколько экспериментального оборудования не работает в лаборатории. Приходится испытывать в поле. Научники никогда ничего не знают.

— Я могу специализироваться по электронике,— твердо заявил Карл.— Если для этого есть хоть какая-нибудь возможность.

— Да ну? А ты что скажешь, сопля?

Я засомневался было, но вдруг до меня дошло: если сейчас не решусь, придется всю жизнь гадать: кто я, если не сыночек большого босса?

— Я бы все же попробовал.

— Ага. Ладно, нельзя сказать, что я не пытался. Метрики с собой? И дайте-ка глянуть на удостоверения личности.

Через десять минут, все еще не приведенные к присяге, мы были на верхнем этаже, где нас принялись простукивать и просвечивать. Я решил, что если не болен на самом деле, то заболеешь после осмотра. А если все попытки врачей провалятся, ты годен.

Я спросил одного из медиков, много ли народа отсевают по состоянию здоровья. Он страшно изумился.

— Да никого мы не отсеваем. Закон запрещает.

— Да? То есть, прошу прощения... Но, доктор, а в чем тогда смысл этого парада? Я уже весь в пупырышках, точно ощипанный гусь.

— Цель осмотра в том,— он стукнул меня по колену молоточком (я лягнул врача в ответ, но не сильно),— чтобы выяснить, к каким обязанностям вы годитесь. Но если бы вы явились сюда в инвалидном кресле и слепой на оба глаза и такой тупой, все равно занятие найдется. Скажем, считать волосины на гусенице на ощупь. Непригодным считается только тот, кто сумеет убедить психиатра, что не способен понять слова присяги.

— А-а... э-э... доктор, а вы уже были врачом, когда поступили на службу? Или тут решили, что вы должны стать врачом и послали вас в медицинскую школу?

— Я? — у него был шок.— Юноша, я что, дурак с виду? Я гражданский.

— Ой. Простите, пожалуйста.

— Пустяки. Военная служба — для муравьев. Поверь мне. Я вижу, как люди уходят, как они приходят, если приходят, конечно. Я вижу, что с ними случается. И ради чего? Чисто номинальная привилегия, за которую не заплатят и центаво, и практически ни у кого не хватает мозгов ею правильно распорядиться. Если бы врачам дали власть... ладно, не будем об этом. А то ты еще возомнишь, будто мои речи попахивают изменой. Но вот что я вам скажу, юноша: если вы достаточно умны, чтобы сосчитать до десяти, то уже бежали бы домой, пока не поздно. Вот, эти бумаги передадите сержанту и запомните, что я вам сказал.

Я вернулся в ротонду. Карл уже там стоял. Флотский сержант сумрачно ознакомился с моими бумагами и столь же мрачно изрек:

— Здоровы оба до отвращения. Только ветер в голове. Минуту, сейчас только свидетелей позову.

Он нажал на кнопку, явились две женщины-клерка, одна — старая боевая кляча, вторая симпатичная.

Сержант указал на наши бумаги и официальным тоном произнес:

— Я предлагаю и требую, чтобы вы, каждая в отдельности, изучили эти документы, определили, чем они являются, и, каж-

дая в отдельности, сообщили, какое отношение каждый из этих документов имеет к двум находящимся здесь мужчинам.

Женщины восприняли все как нудную рутину, чем оно, собственно, и являлось, по-моему. Тем не менее бумаги они разве что не обнюхали, потом взяли у нас отпечатки пальцев — вторично! — и симпатичная вставила в глаз ювелирную лупу и сравнила отпечатки. То же самое она сделала с подписями. Я начал сомневаться, что я — это я.

Флотский сержант добавил:

— Нашли ли вы подтверждение, что эти люди не способны принять присягу? Если да, то какие?

— Мы находим,— сказала старшая,— что медицинское заключение составлено компетентной полномочной медкомиссией. Психиатр считает, что каждый из этих мужчин способен принять присягу, ни один не находится в состоянии алкогольного опьянения, под воздействием наркотических или других препаратов или гипноза.

— Отлично,— сержант повернулся к нам.— Повторяйте за мной. Я, будучи совершеннолетним, по собственной воле...

— Я,— подхватили мы,— будучи совершеннолетним, по собственной воле...

— ...без принуждения физического, словесного либо любого другого характера, будучи в установленной форме извещен и предупрежден о сути и значении данной присяги... вступаю в ряды вооруженных сил Земной Федерации на срок не менее двух лет либо любой другой по требованию службы...

Тут я слегка запнулся. Я всегда считал, что срок больше двух лет не бывает. Нам так обычно говорили. А что, если мы подписались на всю оставшуюся жизнь?

— ... клянусь соблюдать и защищать Конституцию Федерации от всех ее земных и неземных врагов; укреплять и защищать конституционные права и свободы всех граждан и других лиц, в законном порядке проживающих на территории Федерации и ассоциированных государств; выполнять возложенные на меня законом и определенные его законными представителями обязанности на Земле и вне ее... беспрекословно подчиняться всем законным при-

казам главнокомандующего вооруженных сил Земли, старших офицеров и приравненных к ним лиц... а также требовать такого подчинения от всех военнослужащих, других лиц, а также негуманоидов, определенных в законном порядке под мое командование... и, по окончании срока будучи уволенным с почетом в отставку либо будучи по окончании означенного срока зачислен в запас, выполнять все предписания и обязанности и пользоваться всеми без исключения правами гражданина Федерации, включая права, обязанности и привилегии, связанные с пожизненным правом избирать и быть избранным на государственные должности, пока право это не будет отнято у меня смертью либо по окончательному, не подлежащему обжалованию решению суда равных мне.

Ф-фу! На занятиях по истории и философии морали мистер Дюбуа анализировал с нами текст присяги, фразу за фразой, но, пока она не прокатится по тебе одним махом, словно тяжелый и неотвратимый Джаггернаут, не понимаешь ее истинного *веса*.

По крайней мере, она заставила меня осознать, что я больше не штатский с пустотой в голове и выпущенной из-под ремня рубахой. Я еще не знал, кем я стал, но знал, кем больше не являюсь.

— И да поможет мне Бог! — закончили мы хором.

Карл при этом перекрестился, как и женщина-клерк, что была посимпатичнее.

После этого мы все пятеро еще расписались и оставили отпечатки пальцев, сделали цветные фото меня и Карла в профиль и анфас и подшили их в наши досье. Наконец флотский сержант поднял голову.

— Самое время перекусить, парни.

Я сглотнул комок в горле.

— Э-э... сержант.

— М-да? Говори.

— А можно отсюда с родителями связаться? Сказать, что я... Рассказать, как все получилось?

— Да мы с тобой лучше сделаем.

— Сэр?

— Вам предоставляется увольнительная на сорок восемь часов,— сержант холодно усмехнулся.— Знаете, что вам будет, если не вернетесь?

— Э-э... трибунал?

— Да ни черта. Ничего не будет. Сделают в бумагах отметку: «срок удовлетворительно не окончен», и никакого второго шанса его выслужить на веки вечные. Вам дают поостыть. Мы так отсеиваем сосунков-переростков, которым нé больно-то и хотелось на самом деле и которым не следовало даже заикаться о присяге. Правительство экономит деньги, а детишкам с предками — никакого расстройства. Соседи даже не догадаются. Можно даже родителям не говорить,— он оттолкнул кресло от стола.— Ну, увидимся послезавтра. Если вообще увидимся. Забирайте свое хозяйство.

Увольнительная вышла отвратительная. Отец разбушевался, затем вовсе перестал со мной разговаривать. Мама слегла. Когда я часом раньше, чем надо было, ушел, никто даже не заметил, кроме повара, приготовившего завтрак, и прислуги.

Я встал перед деревянной конторкой, за которой уже сидел сержант, подумал, что, наверное, надо бы отдать честь, а потом подумал, что не знаю как. Сержант поднял голову.

— Надо же. Вот твои бумаги. Неси их в двести первую комнату, там тебя начнут обрабатывать. Постучи и входи.

Через два дня я уже знал, что пилотом мне не бывать. Заключения комиссии были такими: «пространственное воображение — посредственное, способности к математике — посредственные, математическая подготовка — слабая, время реакции — норма, зрение хорошее». Я обрадовался, когда они приписали два последних вывода, а то уже чувствовал, что сосчитать собственные пальцы — выше моих возможностей.

Кадровик выдал мне бланк для моих пожеланий, и еще четыре дня меня подвергали самым бессмысленным тестам, о которых мне приходилось слышать. Кто ж его знает, что хотели определить, когда стенографистка вдруг подскочила в кресле да как завизжит: «Змея!!!» Не было там никакой змеи, а был дурацкий и совершенно безвредный кусок резинового шланга.

Письменные и устные тесты были не лучше, но раз они им так радуются, ладно, пусть. Особое внимание я уделил списку пожеланий. В первые строчки, разумеется, я выписал все космические специальности (кроме пилота), не забыл даже кока и механика. Я жаждал путешествовать, поэтому охотнее пошел бы служить во флот, а не армию.

Далее я вписал разведку. Шпионы везде шныряют, у них наверняка не скучно. (*Я ошибся, но ничего.*) Потом был длинный перечень: военврач, военный биолог, экология сражения (*понятия не имею, что это такое, но звучало красиво*), корпус логистики (ошибочка вышла, в нашей дискуссионной группе мы изучали логику, а логистика, оказывается, имеет два разных значения, вообще это снабженцы) и еще десяток прочих. В самом низу я без колебаний приписал К-9 и пехоту.

Различные тыловые службы я включать не стал. Если не в боевые части, то плевать — подопытной крысой или чернорабочим на Венеру. Что то, что другое — один подарочек.

Кадровик мистер Вайсс вызвал меня через неделю после присяги. На самом деле он был военный психолог, майор в отставке, носил гражданское и настаивал, чтобы к нему обращались «мистер», чтобы новобранец мог расслабиться и говорить свободнее. Он уже ознакомился с моим списком и с результатами тестов, и еще я заметил, что у него лежит мой аттестат, и обрадовался, потому что школу окончил хорошо. Как раз настолько, чтобы не выглядеть зубрилой. Я прилично сдал все предметы, только с одним вышли затруднения, да и в школе был большим человеком: сборная по плаванию, дискуссионная группа, казначей класса, серебряная медаль на ежегодном литературном конкурсе, председатель оргкомитета по встрече выпускников, все такое. Куча достижений, и все записано в аттестате.

Мистер Вайсс поднял голову, когда я вошел, и сказал:

— Садись, Джонни.

И снова уткнулся в аттестат, потом отложил его.

— Любишь собак?

— Что? Да, сэр.

— А насколько ты их любишь? Твоя собака спит на твоей кровати? И кстати, где сейчас твоя собака?

— Н-нет, у меня сейчас нет собаки. Был когда-то, но... нет, сэр, мой пес на кровати не спал. Понимаете, мама не позволяет держать собаку в доме.

— Но ты разговаривал со своим псом?

— Э-э-э...

Я попытался объяснить мамину манеру: «Я не сержусь, но очень-очень обижена». Она себя так ведет, когда ей перечишь в том, что она решила раз и навсегда. Но сдался и просто сказал:

— Нет, сэр.

— М-мм... а видел ли ты когда-нибудь неопса?

— Э-э... один раз, сэр. Его выставляли два года назад в театре Макартура. Только какое-то христианское общество подняло шум.

— Позволь мне рассказать, что такое подразделение К-9. Неопес — это не просто говорящая собака.

— Того нео, что показывали у Макартура, я не понимал. Они, правда, разговаривают?

— Они разговаривают. Просто требуется привыкнуть к их произношению. Они не могут произнести звуки «б», «м», «п» и «в», приходится приспосабливаться к эквивалентам. Совсем как при расщепленном нёбе, только буквы другие. Тем не менее их речь столь же ясна, как у человека. Но неопес — это не говорящая собака. Он вообще не собака, он искусственно выведенный симбионт на основе собаки. Нео, тренированный калеб, раз в шесть разумнее обычной собаки, то есть находится на уровне слабоумного человека. Только такое сравнение не совсем честное. Идиотизм — это болезнь, тогда как нео для своей среды гений.

Мистер Вайсс нахмурился.

— Суть в том, что он симбионт. Вот тут-то главная трудность. М-мм... ты слишком молод, чтобы побывать в браке, но ты видел женатые пары, по крайней мере, своих родителей. Можешь ли ты представить, что ты женат на калебе?

— Как?! Нет. Не могу.

— Эмоциональная связь человек-собака и собака-человек в К-9 гораздо теснее и намного важнее, чем эмоциональная связь

семейной пары. Если хозяин погибает, мы убиваем неопса — на месте! Большего для бедолаги мы сделать не можем. Убийство из милосердия. Если убивают собаку... ну, человека мы, разумеется, убить не можем, хотя это было бы самым простым решением. Мы изолируем человека в госпитале и медленно лечим, собираем в единое целое.

Он взял ручку, сделал пометку.

— Не думаю, что можно записать в К-9 мальчика, который не может убедить свою мать, что собака должна спать в его комнате. Давай рассмотрим другие возможности.

До сих пор я не понимал, что считаюсь непригодным для всех специальностей, которые поставил в своем списке выше К-9. Я так разволновался, что чуть не пропустил следующее высказывание психиатра. Майор Вайсс говорил задумчиво, без лишних эмоций, как будто говорил о ком-то другом, давно мертвом и позабытом.

— Когда-то я служил в К-9. Когда моего калеба списали в расход, меня пичкали успокаивающим шесть недель, а после реабилитации перевели на другую работу. Джонни, все эти твои курсы... почему ты не обучился чему-нибудь полезному?

— Сэр?

— Теперь поздновато. Забудь. Та-ак... твой инструктор по истории и философии морали, похоже, хорошего мнения о тебе.

— Он? — я удивился.— А что он сказал?

Вайсс улыбнулся.

— Он говорит, что ты не глуп, разве что невежа, и что на тебя сильно влияет окружение. Это высокая похвала у него. Я его знаю.

Мне похвалой слова мистера Дюбуа не показались. Этот высокомерный, старый, чванливый...

— И,— продолжал Вайсс,— парень, заработавший тройку с минусом по восприятию телевидения, не может быть плох. Думаю, что мы воспользуемся рекомендациями мистера Дюбуа. Как тебе нравится пехота?

Из федерального центра я вышел в растрепанных чувствах, но не был таким уж несчастным. По крайней мере, я был солдатом. В кармане у меня лежали бумаги, доказывающие этот факт.

Меня не забраковали и не отправили на работы типа «бери больше — кидай дальше».

Несколько минут назад закончился рабочий день и здание опустело, остались ночные дежурные да задержавшиеся на работе. В ротонде я наткнулся на человека, который тоже собирался уходить. Лицо его показалось мне знакомым, но я его не вспомнил.

Зато он вспомнил меня.

— Добрый вечер! — отрывисто бросил он.— Еще не смылся?

Теперь и я понял, кто это. Флотский сержант, который приводил нас к присяге. Кажется, я разинул рот. Сержант был в штатском, ходил нормально на двух ногах, и руки у него было две.

— Э-э... добрый вечер, сержант,— промямлил я.

Он превосходно понял мое состояние, глянул вниз, на свои ботинки, легко улыбнулся.

— Расслабься, парень. После работы мне не обязательно нагонять страху на людей, вот я и не нагоняю. Тебя еще не распределили?

— Только что получил приказ.

— И куда?

— В мобильную пехоту.

Физиономия его расплылась в широчайшей довольной ухмылке. Сержант протянул мне руку.

— К нашим! Давай пять, сынок! Мы сделаем из тебя человека — или пристукнем. Может, одновременно.

— Это, по-вашему, хороший выбор? — с сомнением сказал я.

— «Хороший»? Сынок, это единственный выбор. Мобильная пехота и есть армия. Все остальные только кнопки жмут — или такие высоколобые профессора, куда там! А всю работу делаем мы,— он опять пожал мне руку и добавил: — Ты оттуда кинь мне открытку. Сержанту Хо, федеральный центр,— дойдет. Ну, удачи!

И он зашагал прочь — грудь колесом, шаг чеканный, плечи расправлены.

Я посмотрел на свою ладонь. Сержант пожал мне ее, но ведь правой руки у него не было! А ощущалась как живая, и хватка у него была крепкая. Я читал об этих новых протезах, только перепугался, когда столкнулся с ними впервые.

Я вернулся в отель, где временно разместили новобранцев. Нам еще не выдали формы, только простые комбинезоны, которые мы надевали днем, а в остальное время носили собственную одежду. Отбывал я рано утром, поэтому прошел к себе и начал собирать вещи — для того чтобы отослать их домой. Вайсс предупредил, что ничего лишнего лучше с собой не тащить, разве что семейные фото и музыкальный инструмент, если умеешь на каком-нибудь из них играть. Я не умел. Карл уехал три дня назад, заполучив назначение к технарям, как того и хотел. Я был рад за него, а он с пониманием относился к моему назначению. Малышка Кармен тоже уехала — в чине мичмана-стажера. Она станет пилотом, если получится, а у нее обязательно получится.

Мой временный сосед вошел, пока я возился с вещами.

— Получил приказ? — спросил он.

— Ага.

— Куда?

— Мобильная пехота.

— В *пехтуру*? Ну и дурак! Мне жаль тебя, правда, жаль.

Я выпрямился и сердито сказал:

— Заткнись! Мобильная пехота — лучшие части в армии. Она и есть армия! А вы нам только инструменты подаете, всю работу делаем мы.

Он расхохотался.

— Увидим!

— В зубы хочешь?

3

И будет пасти их жезлом железным...
Откровения Иоанна Богослова 2:27

Вместе с парой тысяч других жертв я очутился в учебном лагере имени Артура Карри* в северных прериях. Иначе, чем лагерь, назвать это место было сложно, единственным капитальным строением тут был склад экипировки. Спали и ели мы в палатках,

жили на открытом воздухе, если это называется жизнью, а лично я так этот процесс не назову. Я привык к более теплому климату, мне казалось, что северный полюс располагается милях в пяти от нас. Без сомнения, настал новый ледниковый период.

Упражнения помогают согреться, командование об этом позаботилось.

В первое же утро нас разбудили до рассвета. Я никак не мог приспособиться к смене часовых поясов, поэтому мне показалось, что я вовсе не спал. Трудно поверить, что кому-то понадобилось, чтобы я вылезал из кровати посреди ночи.

Однако имелось в виду именно это. Громкоговоритель неподалеку орал военный марш, который поднял бы даже мертвого, а какой-то волосатый зануда устремился вдоль коек с воплем:

— Все наружу! Встать! Живо!!!

Я натянул на голову одеяло, так этот гад вернулся, перевернул мою койку, сбросив меня на ледяную твердую землю.

Лично против меня он ничего не имел. Он даже не взглянул, ушибся я или нет.

Минут через десять я, одетый в исподнее, штаны и ботинки, стоял в одном строю с другими такими же, а солнце только-только выглянуло из-за горизонта. Лицом к нам высился огромный широкоплечий человек, и внешность его не предвещала ничего хорошего. Одет он был точно так же, как и мы, с той небольшой лишь разницей, что рядом с ним я выглядел как халтурно набальзамированный труп. Щеки детины были выбриты до синевы, брюки выглажены, а в ботинки можно было смотреться как в зеркало. К тому же этот человек был бодр и весел, как после хорошего отдыха. Спать ему, очевидно, совсем не хотелось. Никогда. Он не нуждался во сне, только проверяй его каждые десять тысяч миль на всякий случай да время от времени стряхивай пыль.

— Ррота-а! — гаркнул детина.— Смыррррна! Я — взводный сержант Зим, ваше начальство. Обращаясь ко мне, вы отдаете честь и говорите «сэр». Вы отдаете честь и говорите «сэр» всем, у кого в руках инструкторский жезл,— и он помахал стеком, чтобы дать понять, что именно он назвал «жезлом».

Еще прошлой ночью я увидел подобные стеки у некоторых людей и немедленно воспылал желанием раздобыть себе такой же, уж больно круто выглядели эти палки. Теперь передумал.

— ...потому что у нас не хватает офицеров для практики,— продолжал упражнять голосовые связки гигант.— Так что практиковаться будете на нас. Кто чихнул?

Тишина в ответ.

— КТО ЧИХНУЛ?!!

— Я...— послышалось из строя.

— Что «я»?

— Я чихнул...

— «Я чихнул, СЭР!»

— Я чихнул, сэр. Я замерз, сэр.

— Так.

Зим шагнул к нарушителю, ткнул стеком тому почти в самый нос — оставался лишь дюйм — и требовательно спросил:

— Имя?

— Дженкинс... сэр.

— Дженкинс,— повторил Зим так, будто это слово означало нечто отвратительное, может быть, даже непотребное.— Полагаю, как-нибудь ночью в патруле ты примешься чихать, потому что у тебя течет из носа, а?

— Надеюсь, что нет, сэр.

— Я тоже. Но ты замерз. Ну что ж... это мы исправим.

Он ткнул стеком куда-то вдаль.

— Оружейную все видят?

Я посмотрел в ту сторону, но увидел лишь прерию — и только где-то за горизонтом прилепилось какое-то здание.

— Выйти из строя. Обежишь вокруг. *Обежишь*, я сказал. Быстро! Бронски! За ним.

— Так точно, сарж,— один из пяти обладателей стеков пристроился за Дженкинсом, быстро догнал и вытянул поперек задницы инструкторским жезлом.

Зим опять развернулся к нам, дрожащим от внимания. Он прошелся вдоль строя, осмотрел нас с головы до ног и впал в

беспросветное уныние. Наконец он пробормотал себе под нос, но у него был такой голос, что слова разнеслись по всему плацу:

— Подумать только, и это случилось со *мной*.

Он посмотрел на нас.

— Ну вы, гориллы... нет, на горилл вы не тянете. Вы — жалкое сборище полудохлых мартышек... вы — рахитичные сопливые недоноски, зачем-то вылезшие на свет из-под мамашиного передника. За всю мою жизнь меня никто так не разочаровывал. Я ни разу не видел столь испорченных маменькиных дитяток в... ты там! Кишки втянуть! Смотреть перед собой! Я с *тобой* разговариваю!

На всякий случай я подтянул живот, хотя и не был уверен, что Зим обращался именно ко мне. А сержант все бушевал и бушевал. Заслушавшись, я даже забыл о мурашках и гусиной коже. Сержант ни разу не повторился и не опустился до богохульства и непристойности. (Позже я узнал, что он приберегал подобные высказывания для *самых* особых случаев, к каковым наш не принадлежал.) Но он описал наши физические, умственные, моральные и генетические изъяны весьма красочно и с большим чувством.

Я не обижался, я изучал его манеру общения с подчиненными. Вот бы его в нашу дискуссионную группу!

В конце концов сержант умолк и, казалось, был готов разрыдаться.

— Нет, я не выдержу,— сообщил он горько.— Я-то думал, что с этим покончено. Когда мне было шесть лет, мои деревянные солдатики и те были лучше. ЛАДНО! Кто из вас, вошки, думает, будто может мне всыпать? Есть тут хотя бы один *мужчина*? Говорите!

На плацу повисло недолгое молчание, которое мне вовсе не хотелось нарушать. Лично у меня не было и тени сомнения, что это сержант может задать мне трепку, а не наоборот. Потом с одного из флангов раздался голос:

— Кажись, я смогу... са-ар.

Зим расцвел от счастья.

— Отлично! Шаг вперед, чтобы я тебя видел.

Шагнувший из строя на правом фланге новобранец был дюйма на три выше Зима и пошире того в плечах.

— Как тебя зовут, солдат?

— Брекинридж, са-ар... и весу во мне фунтов двести с лишком, нечего обзывать меня недоноском.

— Хочешь драться каким-то определенным образом?

— Са-ар, ну вы уж сами выбирайте, как помирать. Мне-то чё суетиться?

— Лады, без правил. Начинай, когда захочешь,— Зим отшвырнул стек.

Драка началась... и закончилась. Огромный новобранец сидел на земле, держа левую руку правой, и молчал.

Зим нагнулся над ним.

— Сломана?

— Кажись, что так... са-ар.

— Извини. Ты меня чуть-чуть поторопил. Знаешь, где амбулатория? Не важно. Джонс! Отведи Брекинриджа к врачу.

На прощание Зим похлопал новобранца по здоровому плечу и негромко сказал:

— Через месяц еще раз попробуем. Покажу, что было не так.

Думаю, обращался он лично к Брекинриджу, но они стояли всего в шести футах от того места, где я медленно и верно превращался в сосульку. Затем Зим сделал шаг назад и возвестил:

— Ладно, хоть одного мужчину мы отыскали. Мне уже лучше. Еще один найдется? Или двое? Две золотушные жабы, которые думают, что вдвоем им будет легче?

Он обвел взглядом строй.

— Цыплячьи душонки, бесхребетные... О? Шаг вперед.

Из строя разом шагнули двое. Мне показалось, что эта слаженность была оговорена негромким шепотком, но я стоял далеко и толком ничего не расслышал. Зим расцвел.

— Имена, пожалуйста, чтобы мы могли сообщить ближайшим родственникам.

— Хайнрих.

— Что — Хайнрих?

— Хайнрих, сэр. Bitte,— он что-то быстро сказал соседу и вежливо добавил: — Он еще не умеет как слетует на стантартном анклийском, сэр.

— Мейер, mein Herr,— вставил второй.

— Ничего, когда сюда попадают, никто бегло не говорит. Я тоже. Скажи Мейеру, пусть не волнуется, слов он поднаберется. Но он хоть понимает, чем мы собираемся заняться?

— Jawohl,— согласился Мейер.

— Конечно, сэр. Он понимает стантартный, только не коворит бекло.

— Ну и отлично. Шрамы на физиономию где заполучили? Гейдельберг?

— Nein... никак нет, сэр. Кенигсберг.

— Един черт.

После драки с Брекинриджем Зим уже успел подобрать стек, он со свистом рассек им воздух и спросил:

— Может, вам хотелось бы взять такие же? На время.

— Это было бы нечестно по отношению к вам, сэр,— осторожно ответил Хайнрих.— Колыми руками, если не возражаете.

— Сделайте одолжение. Хотя я мог бы вас одурачить. Кенигсберг, говоришь? Правила?

— Какие мокут быть правила, если твое против одного?

— Интересная точка зрения. Хорошо, уговоримся, что если кто кому выдавит глаза, так потом отдайте обратно. Скажи своему Korpsbruder, что я готов. Начинайте. Когда хотите,— Зим бросил стек; кто-то поймал.

— Вы шутите, сэр. Мы не путем вытавливать глаза.

— Уговорил, глаза не трогаем. «Цельсь, Гридли, и пали».

— Прошу прощения?

— Деритесь! Или валите назад в строй!

Не уверен, что смог все разглядеть; чему-то я научился много позже. Но вот в чем я точно уверен: эти двое начали обходить нашего непосредственного командира с разных сторон, но в контакт не вступали. В этом положении существует четыре базовых приема для того, кто работает один. Один всегда подвижнее группы, и координация у него лучше. Сержант Зим утверждает (и он

прав), что группа значительно слабее одного человека, если только они не обучены действовать слаженно. К примеру, сейчас сержант мог бы обмануть одного, вывести из строя второго, например сломав ему коленную чашечку, а затем на досуге прикончить первого.

Вместо этого он позволил им атаковать. Мейер налетел на него, намереваясь сбить с ног, а Хайнрих должен был добить сверху, очевидно ботинком. Так, по-моему, все должно было произойти.

А вот что я, как мне кажется, увидел. Мейер до сержанта не дотянулся. Зим развернулся лицом к нему, одновременно ударив ногой назад, прямо Хайнриху в живот. А затем и Мейер взлетел на воздух не без душевного участия сержанта.

А вот в чем я уверен: драка только началась, а двое немецких парней уже мирно почивали бок о бок, один лицом вниз, второй — вверх, а Зим стоит над ними, даже не запыхавшись.

— Джонс! — воззвал сержант.— А нет, Джонс ушел. Махмуд! Принеси ведро воды, потом засунь этих птенчиков обратно в гнездо. У кого моя зубочистка?

Некоторое время спустя оба немца, пришедшие в себя и мокрые с головы до ног, стояли в строю, а Зим смотрел на нас и ласково вопрошал:

— Еще кто-нибудь? Или начнем разминку?

Я не ожидал, что найдется еще один доброволец; сержант, наверное, тоже. Но с левого фланга, где стояли самые низкорослые, выступил парнишка и прошагал к середине. Зим воззрился на него сверху вниз.

— Ты один? Может, напарника подберешь?

— Только я один, сэр.

— Как скажешь. Имя?

— Судзуми, сэр.

Зим вытаращил глаза.

— Случаем, не родня полковнику Судзуми?

— Я имею честь быть его сыном, сэр.

— Ah so! Отлично! Черный пояс?

— Нет, сэр. Пока еще нет.

— Рад, что вовремя предупредил. Ладно, Судзуми, будем придерживаться правил или сразу пошлем за доктором?

— Как пожелаете, сэр. Но, если мне будет позволено высказать свое мнение, придерживаться правил будет намного благоразумнее.

— Не уверен, что понял тебя, но согласен.

Зим в который раз отшвырнул символ своей власти, а затем, помоги мне бог, и сержант, и парнишка сделали шаг назад, встали лицом друг к другу и поклонились.

А после этого принялись кружить на полусогнутых, делая неведомые пассы руками и сильно смахивая на петухов.

Внезапно они вошли в контакт — малыш упал на землю, а сержант Зим перелетел через него, но не грянул оземь неподвижным, почти бездыханным чурбаном, как Мейер. Он перекатился через голову и оказался на ногах в то же время, как и Судзуми.

— Банзай! — выкрикнул Зим и улыбнулся.

— Аригато,— отозвался малыш и ухмыльнулся.

Они схватились без промедления, и я подумал, что сержант сейчас опять отправится в полет. Но он устоял, видно было лишь мельтешение ног и рук, а когда движение замедлилось, можно было увидеть, что Зим засовывает левую ступню Судзуми ему в правое ухо, место не совсем подходящее.

Судзуми хлопнул по земле свободной рукой; Зим тут же его отпустил. Затем они оба опять поклонились друг другу.

— Еще раз, сэр?

— Извини. Пора заняться делом. В другой раз как-нибудь, а? Ради веселья... сочту за честь. Может, следовало сразу сказать. Твой почтенный отец тренировал меня.

— Так я сразу и предположил, сэр. Буду ждать следующего раза.

Зим хлопнул его по плечу.

— Становись в строй, солдат! Рррр-ота-а!..

Следующие двадцать минут мы занимались гимнастикой, после которой мне стало жарко в той же мере, в какой до этого

было холодно. Сержант сам вел занятия, делал все вместе с нами и орал во всю глотку. Как я заметил, он не запачкался. Он даже не запыхался, когда мы закончили. После того утра он больше не снисходил до разминки (мы до завтрака его вообще не видели, звание дает привилегии), но в то утро он был вместе с нами, и когда все было окончено, а мы все уморились, он повел нас рысцой в палатку-столовую, взрыкивая на ходу:

— Шире шаг! Живо! Хвосты подобрать!

В лагере имени Артура Карри мы *всегда* и *везде* передвигались бегом. Я так и не выяснил, кем был этот Карри, но судя по всему — великим бегуном.

Брекинридж уже сидел в столовой с загипсованным запястьем, только пальцы наружу. До меня донеслись его слова:

— Не-а, заживет, как на собаке. Я так цельную игру отыграл. Обожди, уж я его уделаю...

Вот в этом я сомневался. Судзуми — еще куда ни шло, но не эта горилла. Он даже не понимал, насколько сержант был выше классом. Зим мне не понравился с первого же взгляда. Но у него был стиль.

Завтрак был отличный. Тут любая кормежка была отличной; ничего похожего на ту бурду, которую дают в некоторых школах, когда хотят сделать твою жизнь несчастной. А тут, хоть на стол вываливай и руками загребай, никто даже слова не скажет. И это было хорошо, потому что это было единственное время, когда никто никого не понукал. Конечно, в меню не было ничего, к чему я привык дома, и гражданские работники столовой шлепали еду нам на тарелки с таким видом, что матушка побледнела бы и заперлась у себя в комнате. Но еда была горячая, еды было много, еда была вкусная, хоть и не изысканная. Я съел вчетверо больше обычного, запивая завтрак кружками кофе со сливками и большим количеством сахара. Я сожрал бы акулу вместе со шкурой и потрохами.

Когда я приступил ко второй порции, появился Дженкинс с капралом Бронски на хвосте. Они задержались возле стола, за которым в одиночестве завтракал сержант Зим, потом Дженкинс

плюхнулся на свободный стул рядом со мной. Он здорово вымотался, был бледен и сипло дышал.

— Давай налью тебе кофе,— предложил я.

Он помотал головой.

— Лучше поешь,— настаивал я.— Хоть яичницу, она легко пойдет.

— Не могу... Ох скотина, грязная сволочь, так его и растак,— он негромко, почти беззвучно принялся чихвостить сержанта.— Я всего лишь попросил разрешения пропустить завтрак и немного полежать. Бронски не позволил, сказал, нужно спрашивать у взводного. Я так и сделал, и я сказал ему, что болен, я же сказал ему! А он проверил мой пульс, потрогал лоб и сказал, что сигнал к медосмотру в девять часов. Ну что за крыса! Вот подкараулю его темной ночью, вот увидишь.

Я все равно налил ему кофе и поделился яичницей. Через некоторое время Дженкинс принялся за еду. Мы еще сидели за столом, а сержант Зим поднялся и подошел к нам.

— Дженкинс.

— А... да, сэр?

— В девять часов явишься в санчасть.

Дженкинс сцепил зубы. Потом медленно произнес:

— Мне не нужны таблетки... сэр. Я справлюсь.

— В девять ноль-ноль. Это приказ,— Зим вышел из палатки.

Дженкинс вновь затянул заунывные причитания. Наконец, он успокоился, набил рот яичницей и невнятно сказал:

— Никак не могу понять, какая мамаша произвела *это* на свет. Мне бы хотелось взглянуть на нее, только взглянуть. У него вообще есть мать?

Вопрос был риторический, но ответ на него мы получили. Во главе нашего стола через несколько стульев от нас сидел капрал-инструктор. Он уже расправился с завтраком и курил, одновременно ковыряя в зубах. И самым очевидным образом нас подслушивал.

— Дженкинс!

— А?.. да, сэр?

— Что ты знаешь о сержантах?

— Н-ну, я только учусь.

— У них нет матерей. Спроси любого солдата,— он выдул в нашу сторону дым.— Сержанты размножаются делением. Как и все прочие бактерии.

4

> И сказал Господь Гедеону: народа с тобой слишком много... Итак провозгласи вслух народа и скажи: «кто боязлив и робок, пусть возвратится домой»... И возвратилось народа двадцать и две тысячи, а десять тысяч осталось. И сказал Господь Гедеону: все еще много народа; веди их к воде, там Я выберу их тебе... Он привел народ к воде. И сказал Господь Гедеону: кто будет лакать воду языком своим, как лакает пес, того ставь особо, также и тех всех, которые будут наклоняться на колени свои и пить. И было число лакавших ртом своим с руки триста человек...
>
> И сказал Господь Гедеону: тремястами лакавших... спасу Я вас... а весь народ пусть идет.
>
> *Книга Судей Израилевых 7:2–7*

Через две недели у нас отобрали койки. То есть нам предоставили сомнительное удовольствие сложить их, проволочь четыре мили и сдать на склад. Но это было уже не важно; земля прогрелась и стала мягче. Об этом мы вспоминали всякий раз, когда посреди ночи начинала выть сирены и нам приходилось вскакивать и играть в войну. Зато я научился засыпать сразу же по окончании этих издевательств. Я научился спать где угодно и когда угодно — сидя, стоя, даже маршируя в строю. Да что там, я мог заснуть на вечерней поверке в стойке «смирно», наслаждаясь музыкой сквозь сон и немедленно просыпаясь по команде «разойдись».

В лагере Карри я сделал важное открытие. Счастье состоит в возможности выспаться. Только в этом. Все богатые, несчастные люди, которых вы знаете, глотают снотворное. Пехотинцу

таблетки ни к чему. Дайте солдату койку и время упасть на нее, и он будет счастлив, как червяк в яблоке,— он спит!

Теоретически положены восемь часов сна еженощно и примерно полтора часа после вечерней кормежки, выделенные на личную жизнь. А на деле ночь занята подъемами по тревоге, нарядами и муштрой, на которые так щедр Господь и приравненные к нему лица. А если вечер не испорчен строевой подготовкой и нарядом вне очереди за малейшую провинность, то он будет потрачен на полировку ботинок, стирку, стрижку (некоторые из нас неплохо умели стричь, но приемлемой считалась прическа под бильярдный шар, а это уж каждый может). И это не упоминая тысячи других мелочей, которые необходимо сделать с обмундированием, лично и по требованию сержанта. Например, мы научились на утренней поверке откликался словом «мылся», это значило, что по крайней мере один раз с последней побудки ты принимал душ. Можно было соврать, с рук сходило, я сам так поступал пару раз. Но как-то одного из нашей роты угораздило обмануть начальство при явных свидетельствах обратного, так его весь наш взвод драил швабрами и порошком для мытья пола под руководящие указания капрал-инструктора.

Но если после ужина не находилось ничего спешного, можно было написать письмо, побездельничать, поболтать, обсудить миллиарды умственных и нравственных недостатков наших сержантов, а еще лучше — на излюбленную тему, о женщинах. Мы пришли к заключению, что таких существ в природе не бывает, они — миф, порожденный воспаленным воображением. Один из наших утверждал, что видел в штабе полка девчонку. Его заклеймили как лжеца и хвастуна. Еще можно было сыграть в карты. Я на собственном горьком опыте познал, что прикупать при стрите нельзя, и никогда так больше не делал, потому что с тех пор за карты ни разу не садился.

А еще, если выкроить минут двадцать, можно было поспать. И это — самый мудрый выбор. По сну у нас был недобор в несколько недель.

Кажется, я создал впечатление, что жизнь в учебном лагере тяжелее, чем надо. Это не так.

Она не без оснований тяжела, как надо.

Каждый рекрут твердо убежден, что здешние порядки — безграничная подлость, изощренный садизм, злодейские забавы безмозглых идиотов, которые спят и видят, как бы заставить окружающих страдать.

Нет. Слишком тут все упорядочено, разумно, эффективно и организовано без учета личности, чтобы быть жестокостью ради больного удовольствия. Жизнь здесь спланирована, как хирургическая операция. О, признаю, что некоторые инструктора получают наслаждение, мучая новобранцев, но мне они не встречались. А вот наверняка я знаю (теперь) вот что: психологи, подбирая инструкторов, подобных бульдогов выбраковывают. Им подавай умелых, грамотных парней, которые сделают жизнь новичка горькой. А бульдоги слишком тупы, слишком влюблены в себя и слишком быстро устают от веселья. Они с задачей не справятся.

Конечно, среди инструкторов встречаются звери. Но я слышал, что есть и хирурги (и они даже неплохие врачи), которые обожают резать и пускать кровь, чего в нашей человеческой хирургии не избежать.

Вот что это было — хирургия. С целью избавиться, очистить подразделение от тех, кто слишком мягок или еще не вышел из детства, чтобы стать пехотинцем. И сержанты своей цели добивались, народ бежал стаями. Я сам был очень близок к побегу. За первые шесть недель наше подразделение сократилось до взвода. Некоторых отчислили без разговоров или позволили служить в тыловых частях. Прочих списали за проступки, по несоответствию или состоянию здоровья.

Обычно мы не знали, почему кто-то исчезал из лагеря, если только ты не видел, как он уходит или тебе добровольно не выдавали информацию. Но были и такие, кто был сыт по горло, они заявляли об этом вслух и увольнялись, навсегда распрощавшись с правом участвовать в выборах. Некоторые по возрасту не могли выдержать тренировок, даже если старались изо всех сил. Помню одного, славный чудак по имени Каррузерс, ему было, должно быть, тридцать пять лет. Так его волокли на носилках, а он слабым голосом стонал, что это нечестно, что он вернется.

Это нагнало на нас тоску, потому что Каррузерса мы любили и он действительно старался. Так что мы отвернулись и стали

думать, что больше мы его не увидим, что он получил отставку по здоровью и гражданские шмотки. Только я его все-таки увидел, много времени спустя. Парень отказался уходить (так можно, если по здоровью) и пошел третьим коком на десантный транспорт. Он меня вспомнил и захотел поболтать о прежних деньках, гордый своим пребыванием в лагере Карри, как мой отец — гарвардским акцентом. Он считал, что он хоть немного, но лучше любого флотского. Что ж, может, и так.

Но гораздо важнее отделения жира от мяса и экономии государственных средств была другая задача. Главное — сделать так, чтобы десантник, не прошедший должного обучения, никогда не попал в капсулу для боевой высадки. Солдат должен быть готов к бою, решителен, дисциплинирован и квалифицирован. Если нет, это не честно по отношению к Федерации, это тем более не честно по отношению к его товарищам, а пуще всего — по отношению к нему самому.

Но был ли учебный лагерь жесток сверх надобности?

Я могу сказать вот что: когда в следующий раз я отправлюсь в десант, я хочу, чтобы меня прикрывали с обоих флангов ребята, подготовленные в лагере Карри или в его сибирском эквиваленте. Иначе я в капсулу не полезу.

Но когда-то и я считал, что занимался самой что ни на есть ерундой. Вот, к примеру... Мы пробыли в лагере неделю, и нам выдали для поверок полевую форму в дополнение к нестроевой, которую мы в то время носили. Парадную мы получили много позже. Я отнес китель в каптерку и пожаловался кладовщику. Я думал, что он вольноопределяющийся, знаки различия я определять тогда не умел, иначе даже рот при нем открыть не осмелился бы.

— Сержант, мне китель велик. Командир говорит, что я будто палатку напялил.

Он поглядел на мое одеяние, но даже не притронулся к нему.

— Да ну?

— Ага, а я хочу, чтобы он был по размеру.

Он даже не шелохнулся.

— Позволь мне тебя просветить, сынок. В армии есть только два размера — слишком большой и слишком маленький.

— Но мой командир...

— Не сомневаюсь.

— А мне-то что делать?

— А, так тебе совет нужен! Ладно, это у меня в запасе найдется. Свеженькие, только сегодня поступили. М-мм... я скажу тебе, что сделаю. Вот иголка, я даже дам тебе целую катушку ниток. Ножницы тебе без надобности, бритвой сподручнее. Ушей в бедрах, а плечи не трогай. Это тебе на вырост.

Единственный комментарий сержанта Зима по поводу моих портновских успехов:

— Мог бы сделать получше. Два часа дополнительного дежурства.

К следующему смотру я сделал получше.

Те первые шесть недель были насыщены смотрами и муштрой. Со временем, пока народ отсеивался и разбегался по домам или еще куда, мы дошли до уровня, когда способны были сделать пятьдесят миль за десять часов. Для хорошей лошади — на тот случай, если вы никогда не пользовались ногами,— это очень прилично. Отдыхали мы не останавливаясь, просто меняли аллюр: тихий ход, быстрый ход, трусцой. Порой мы, прошагав в один конец, разбивали лагерь, съедали полевой рацион, ночевали в спальных мешках, а на следующий день отправлялись обратно.

Однажды мы вышли в однодневный маршрут, никаких спальников, никакой еды. Когда мы не остановились на завтрак, я не удивился, я уже научился воровать из столовой сахар и черствый хлеб и прятать по карманам, но когда подошло время обеда, а мы все еще шли в сторону от лагеря, я заволновался. Но я уже знал, что лучше воздержаться от глупых вопросов.

Перед тем как стемнело, мы остановились, все три роты, уже достаточно поредевшие. Был устроен батальонный смотр, без музыки, затем расставили часовых, а нас распустили. Я немедленно пошел искать капрал-инструктора Бронски, потому что с ним было немного легче общаться, чем с остальными... а еще из-за чувства ответственности. По тем временам мне посчастливилось стать рекрут-капралом. Шевроны эти ничего не значили, привилегия была одна — тебя сержант тебя пилил за то, что бы ни натворило твое отделение или ты лично. А еще лычки могли исчезнуть

с рукава так же быстро, как и появились. Зим для начала опробовал в роли рекрут-капралов всех, кто был старше, а я унаследовал шевроны пару дней назад, когда прежний командир отделения сложился пополам и отправился в госпиталь.

Я сказал:

— Капрал Бронски, что там слышно? Когда есть будем?

Он ухмыльнулся мне.

— У меня есть пара галет. Хочешь, чтобы я с тобой поделился?

— А? Нет, сэр, спасибо.

У меня съестных припасов было куда больше.

— Так ужина не будет?

— Мне, сынок, никто не докладывал. Но вертолетов я что-то не вижу. На твоем месте я собрал бы отделение и все выяснил. Может, кто-нибудь из вас сумеет подбить кролика камнем.

— Так точно, сэр. Но... Мы разве на ночь остаемся? Мы же не взяли спальников.

Брови капрала взлетели вверх.

— Нет спальников? Ух ты! — Он что-то обдумал.— Хм-мм... видел, как во время бурана овцы сбиваются в одну кучу?

— Никак нет, сэр.

— Попробуй. Овцы не мерзнут, может, и вы не замерзнете. А если любишь одиночество, можно всю ночь ходить кругами. Никто тебя не побеспокоит, пока не выходишь за периметр. Да и не замерзнешь на ходу. Правда, завтра немного устанешь.

Он опять ухмыльнулся.

Я откозырял и вернулся к отделению. Мы поделили припасы, и у меня оказалось намного меньше еды, чем было вначале; некоторые из моих идиотов либо не прихватили с собой что поесть, либо уже все сожрали на марше. Но несколько галет и чернослив неплохо глушит аварийную сирену в желудке.

Фокус с овцами тоже сработал; его проделали все наши три отделения. Не буду рекомендовать этот способ для ночевки; ты оказываешься либо с краю, подмерзая с одного бока, и пытаешься забраться внутрь, либо внутри, где тепло, но все только тем и занимаются, что пихают тебя локтями и коленями и дышат в лицо нечищенной пастью. Так всю ночь и мигрируешь из одного состо-

яния в другое, своего рода броуновское движение, не просыпаешься, но и не засыпаешь как следует. Ночь продолжается сотню лет.

На рассвете нас поднял знакомый вопль:

— Па-а-адъ-ем! Вых-ходи стр-роиться!

Крик сопровождался инструкторскими стеками, с умом прилагаемых курсантам пониже спины... а потом мы начали зарядку. Я чувствовал себя как труп и никак не понимал, почему дотягиваюсь до носков ботинок. Было больно, но у меня все получалось. Когда через двадцать минут мы отправились в обратный путь, я чувствовал себя глубоким стариком. Сержант Зим, по обыкновению, был бодр и свеж, этот ублюдок каким-то образом ухитрился побриться.

Солнце согревало нам спины, Зим приказал запевать, сначала старье вроде «Le regiment de Sambre et Meuse»*, «Ящики с патронами» и «Пирамиды Монтесумы», а затем уже нашу собственную «Польку полевую», которая кого угодно пустит рысью. Слуха у сержанта Зима никакого, зато голос зычный. Но Брекинридж уверенно вел мелодию, его даже Зимовы вопли не могли сбить. Мы преисполнились самоуверенности и распушили хвосты.

Спустя пятьдесят миль от нашей самоуверенности ничего не осталось. Ночь была длинной, день бесконечен, а на поверке Зим сожрал нас живьем за постные морды и за то, что за целых девять минут, которые прошли от нашего входа в лагерь до построения, мы не удосужились побриться. В тот же вечер уволилось несколько человек, я тоже подумывал, но не ушел, потому что все еще носил на рукаве дурацкие шевроны.

В два часа той же ночью нас подняли по тревоге.

Но со временем я оценил всю прелесть ночевки в куче из двух-трех дюжин вонючих и теплых тел, потому что через двадцать недель меня выбросили голышом в пустынном районе канадских гор и, чтобы вернуться домой, мне следовало одолеть сорок миль по горам. И я их прошел — проклиная армию на каждом дюйме пути.

Хотя на финише был не так уж и плох. Парочка кроликов оказалась менее бдительными, чем я, так что я даже не был голоден... и даже не слишком раздет; меня покрывал толстый слой

кроличьего жира и грязи, а обут я был в мокасины — самим кроликам шкурки уже были без надобности. Изумительно, сколько при необходимости можно извлечь из удачного броска камнем. По-моему, наши пещерные предки были не такими уж дураками, какими мы их привыкли считать.

Другие с испытанием тоже справились — те, кто решил попробовать, а не уволиться. Погибло всего двое парней. Тогда мы все вернулись в горы и тринадцать дней их искали, а над нами кружили вертолеты и координировали наши действия. И рации нам дали великолепные, и все инструкторы помогали в боевых скафандрах, их посылали проверять все слухи. Потому что мобильная пехота не бросает своих, пока есть хоть какая-то надежда.

А потом мы их похоронили со всеми почестями под мелодию «Это наша земля» и посмертно присвоили им звание рядовых первого класса. Парни первыми из нашей учебки поднялись так высоко, потому что солдату не обязательно оставаться в живых (смерть — часть его работы)... суть в том, как именно ты погиб. Нужно так — *нос выше, вперед шагом марш и не сдаваться.*

Брекинридж был одним из этих двоих, второго, австралийца, я не знал. Они были не первыми, кто погиб на учениях; они не стали последними.

5

Его призванье — быть виновным, потому-то он и здесь!
Правый борт... пли!
Пули жалко на такого, бросьте его за борт!
Левый борт... пли!

Старая песня,
которую пели во время пушечного салюта

Но это было уже после того, как мы покинули лагерь Карри, и много чего случилось до. Боевая подготовка, учебные тревоги, упражнения, маневры, когда пользовались всем, начиная от голых рук и заканчивая имитацией ядерного оружия. Я не знал

раньше, сколько есть способов сражаться. Начали мы с рук и ног, и если кто думает, что это не оружие, тот не видел сержанта Зима и капитана Франкеля, нашего комбата, демонстрировавших нам *la savate**. Или как малыш Судзуми, который мог уложить любого одними руками и с неизменной улыбкой. Зим как-то назначил Судзуми инструктором по рукопашной и обязал нас выполнять все приказы, только отдавать честь и называть его «сэр» не надо было.

По мере того как редели наши ряды, Зим перестал беспокоить себя стройподготовкой, кроме построений, и все больше времени тратил на личные тренировки, дополняя капрал-инструкторов. Убить он мог чем угодно, но обожал ножи, свой он сделал и отбалансировал лично, пренебрегая стандартными, которые тоже были хороши. В качестве персонального учителя Зим становился помягче, даже его обычное отвращение к нам сменялось некоторой терпимостью. Он мог даже выдержать дурацкие вопросы.

Однажды во время двухминутного перерыва один из наших — парень по имени Тед Хендрик — спросил:

— Сержант, я понимаю, что метать нож, в общем, весело... но зачем нам этому учиться? Чего ради?

— Ну,— ответил Зим,— предположим, кроме ножа, у тебя ничего нет. Или и того нет. Что будешь делать? Помолишься и умрешь? Или бросишься на противника и заставишь умереть его? Сынок, это жизнь, а не шашки, где всегда можно сдаться, если слишком уж зарвался.

— Но, сэр, я это и хочу сказать. Предположим, вы вообще не вооружены. Или этим вашим прутиком, например. А противник весь увешан опасным оружием. С этим ничего не поделаешь, он заставит вас сапоги ему вылизывать.

Ответил Зим почти ласково.

— Ты все неправильно понимаешь, сынок. Нет такой штуки, как «опасное оружие».

— Э-э... сэр?

— Не существует опасного оружия, есть опасные люди. Мы пытаемся научить вас быть опасными — для противника. Даже

без ножа. Смертоносными, пока у вас есть хотя бы одна рука или нога, пока вы еще живы. Если не понимаете, о чем я говорю, идите и прочитайте «Горация на мосту»* — книга имеется в библиотеке лагеря. Но сначала рассмотрим твой случай. Я — это ты, и все, что у меня есть,— это нож. Мишень позади меня, та, по которой ты промахнулся, номер три — это часовой, вооруженный всем, кроме ядерной бомбы. Тебе надо его снять... бесшумно, быстро и не дав ему возможности поднять тревогу.

Зим чуть повернулся — *чпок!* — и нож, которого у него даже в руках не было, дрожит в центре мишени.

— Ясно? Лучше иметь при себе два ножа, но сделать часового ты должен даже голыми руками.

— А-а...

— Тебя все еще что-то волнует? Говори. Я здесь для ответов на ваши вопросы.

— А, да, сэр... Вы сказали, что у часового нет ядерной бомбы. Но у него она есть, в этом весь смысл. Ну, нам же их дают, когда мы стоим на часах... значит, и часовой противника тоже должен ее иметь. Я говорил не про часового, я говорил вообще про ту сторону, на чьей он.

— Я понял.

— Вот... видите, сэр? Если мы можем использовать бомбы, и, как вы сами сказали, это не игра в шашки, это жизнь, это война, и никто не жульничает.... Ну, смешно как-то ползать в камышах, бросать ножи, подставляться под пули... не дай бог, войну проиграть... когда есть настоящее оружие, им можно воспользоваться и победить. Так какой смысл толпе народа рисковать жизнью с устарелым оружием, когда любой профессор может сделать больше, всего лишь нажав кнопку?

Зим ответил не сразу, что на него не было похоже. Затем он негромко произнес:

— Тебе плохо в пехоте, Хендрик? Знаешь, ты всегда можешь уйти.

Хендрик что-то пробормотал; Зим рявкнул:

— Вслух!

— Я не спешу уволиться, сэр. Я хочу честно дослужить срок, сэр.

— Ясно. Что ж, твой вопрос не в компетенции сержанта... он даже не из тех, которые следует задавать. Предполагается, что ты знаешь ответ до того, как вступаешь в армию. Или должен знать. В твоей школе читали курс истории и философии морали?

— Что? Ну да... так точно, сэр.

— Тогда ответ ты уже слышал. Но я поделюсь с тобой своей собственной и неофициальной точкой зрения. Если хочешь чему-нибудь научить ребенка, ты станешь рубить ему голову?

— Что?.. никак нет, сэр!

— Разумеется, нет. Ты его отшлепаешь. Есть обстоятельства, когда столь же глупо бросать на город противника ядерную бомбу, как и гоняться за ребенком с топором. Война — не есть убийство и насилие, война — это *контролируемое* насилие с определенной целью. Цель войны — поддержать силой решение твоего правительства. Не убить врага только для того, чтобы его убить, а заставить его сделать то, что ты от него хочешь. Не убийство, но контролируемое и целенаправленное насилие. И наше с тобой дело ставить цели. Не дело солдата решать, когда, где или как — или даже зачем — он сражается. Это дело — политиков и генералов. Политики решают, зачем и сколько, генералы говорят нам, когда, где и как. *Мы* поставляем насилие, другие — «постарше и поумнее», как говорят,— поставляют контроль. Так должно быть. И лучшего ответа у меня для тебя нет. Если он тебя не удовлетворяет, разрешаю тебе спросить то же самое у командира полка. Если и он тебя не убедит, отправляйся домой на гражданку! Потому что в этом случае солдатом тебе никогда не стать.

Зим вскочил на ноги.

— По-моему, вы тут заставляете меня разглагольствовать, чтобы отдыхать. Встать! Живо! По местам. К мишеням, Хендрик, ты первый. И на этот раз я хочу, чтобы ты бросил нож на юг от себя. На юг, понял? Не север. Мишень — на юге, я хочу, чтобы нож летел в южном направлении хотя бы примерно. Знаю, в цель ты не попадешь, но попробуй ее хотя бы напугать. И ухо себе не отхвати и не выпусти нож, не то в соседа попадешь. Просто затверди себе — на юг! Готовы?.. мишень... пошел!

Хендрик опять промахнулся.

Мы тренировались со стеками, мы тренировались с проволокой (кучу гадостей можно натворить с помощью обычного куска проволоки), мы узнали, чего можно достичь с помощью современного оружия, и как этого достичь, и как обращаться с оружием. У нас было учебное ядерное вооружение и пехотные ракеты, газы всех сортов, яды, взрывчатка и зажигательные снаряды. Кое-что лучше не обсуждать. Но об «устаревшем» оружии мы тоже многое узнали. Например, о штыках на учебных винтовках, и на настоящих тоже. У нас были винтовки, почти идентичные тем, что стояли на вооружении у пехоты XX века. Очень похожи на охотничьи ружья, только стреляют пулями, либо целиком свинцовыми, либо в рубашке. Стреляли мы по неподвижным мишеням и таким, что выпрыгивают неожиданно. Считалось, что это подготовит нас к использованию любого оружия, которое окажется под рукой, а также научит нас быть готовыми ко всему. Что ж, им удалось. Я уверен.

Мы пользовались теми винтовками на учениях, они заменяли нам более серьезное и смертоносное вооружение. Мы вообще много пользовались заменами, приходилось. «Взрыв» бомбы или гранаты, использованных против техники или живой силы, был похож на облако черного дыма. Учебный газ заставлял только чихать и прослезиться, это означало, что ты мертв или парализован... гадость такая, что уже не забудешь о мерах безопасности в случае газовой атаки. Если не считать, что сержант потом жрал тебя перед строем с потрохами.

Спали мы по-прежнему мало, больше половины учений происходили ночью, с инфравизорами и радарами, аудиоснаряжением и прочим.

Винтовки заряжали холостыми, но на каждые пятьсот холостых патронов приходился один боевой. Опасно? Да и нет. Просто жить — тоже опасно. Да и невзрывающаяся пуля не убивает, разве что в голову попадет или в сердце, да и то едва ли. Но этот один настоящий патрон на пятьсот холостых заставлял проявлять повышенный интерес к укрытиям, особенно когда стало известно, что некоторые винтовки оказываются в руках инструк-

торов. А эти уж были снайперами и действительно старались нас подстрелить. Уверяли, правда, что в голову преднамеренно никто не целит... но инциденты случались.

Дружеские заверения инструкторов не слишком вдохновляли. Эта пятисотая пуля превращала учения в масштабную русскую рулетку; скучать перестаешь в ту же секунду, как слышишь, как мимо ухо свистит пуля и лишь потом — щелчок выстрела.

Мы все равно расслабились, и начальство распустило слух, что, если мы не подтянемся, настоящая пуля станет одной на сотню... а если и это не сработает, то одна на пятьдесят. Не знаю, внесли эти коррективы или нет, зато знаю, что мы подтянулись, потому что парню из соседней роты чиркнуло по заду настоящей пулей. В результате — восхитительный шрам, куча придурковатых шуточек и возросший интерес к маскировке. Мы смеялись над тем парнишкой за то, что выстрел пришел в филейную часть... но все мы знали, что мишенью могла оказаться его голова. Или наши головы.

Инструктора, которым не нужно было стрелять, в укрытие не прятались. Они надевали белые рубашки и разгуливали не пригибаясь со своими глупыми стеками, очевидно пребывая в хладнокровной уверенности, что ни один рекрут не станет намеренно стрелять в инструктора. В отношении некоторых скажу: чрезмерная самоуверенность. Тем не менее при шансе один на пятьсот попадание считается прицельным выстрелом, а это приравнивается к убийству. Фактор риска снижался еще и потому, что рекруты все равно не умели настолько хорошо стрелять. С винтовкой не так легко справиться, на ней даже «поисковика цели» нет. Я понимаю так, что давно, когда на войне сражались с такими винтовками, требовалось сделать несколько тысяч выстрелов, чтобы подстрелить одного человека. Кажется невероятным, но военная история утверждает, что это так. Очевидно, большая часть выстрелов производилась не для того, чтобы убить противника, а для того, чтобы он пригнул голову и не стрелял в ответ.

В любом случае, ни один инструктор не был ранен или убит на учениях. Как и мы — пулями. Смерть приносило иное оружие

или случай. Знаете, кое-что может обратиться против тебя, если действовать не по правилам. Один из ребят ухитрился сломать себе шею, со слишком большим энтузиазмом прыгнув в укрытие, когда по нему выстрелили в первый раз. Пули его даже не задели.

Фокус с настоящими пулями был причиной моего понижения в звании. Сначала с меня сняли шевроны, и вовсе не за то, что я что-то сделал, но за то, что совершило мое подразделение, когда меня и рядом не было. Об этом я и заявил. Бронски велел мне заткнуться. Тогда я пошел к сержанту Зиму. Тот холодно сообщил мне, что я отвечаю за то, что делают мои люди... и вкатил мне шесть нарядов вне очереди за то, что обратился к нему без разрешения Бронски. А тут еще мне пришло письмо, которое меня здорово расстроило, мама наконец-то мне написала. Потом я вышиб плечо во время первого упражнения с доспехами (в скафандры вшиты всякие примочки, и инструктора могут вызвать по радио различные неисправности; я свалился и повредил плечо), и все закончилось переводом меня на «облегченную службу». Времени было много, чтобы подумать, и множество причин, чтобы пожалеть себя.

На этой «легкой службе» я оказался приписан к командиру батальона. Поначалу я старался, поскольку никогда раньше не был в штабе и хотел произвести хорошее впечатление. Я выяснил, что капитан Франкель не поборник усердия; от меня требовалось сидеть смирно, ничего не говорить и начальство не беспокоить. Времени на сочувствие себе появилось еще больше, потому что спать я не рисковал.

А потом вообще стало не до сна. Явился сержант Зим в сопровождении троих. Зим был, как обычно, подтянут и опрятен, но выражением лица в точности напоминал Смерть на коне бледном, а под правым глазом у него явно собирался набухнуть фонарь. Выглядело все это невероятно. В центре тройки стоял Тед Хендрик. Он был весь в грязи — рота находилась на учениях; в прериях не подметают, и большую часть времени возишься в грязи. Губа у Хендрика была рассажена, по подбородку текла

кровь и капала на рубашку, головной убор отсутствовал. Глаза у парня были дикие.

Сопровождение было при оружии, у Хендрика винтовки не наблюдалось. Один из парней был из моего взвода, его звали Лейви. Он был возбужден и обрадован и украдкой подмигнул мне, когда никто не видел.

Капитан Франкель удивился.

— Что это значит, сержант?

Зим застыл в стойке «смирно» и отбарабанил как по писаному:

— Сэр, командир роты «Эйч» докладывает командиру батальона. Нарушение дисциплины. Статья девять-один-ноль-семь. Неповиновение командиру и нарушение установки во время учебного боя. Статья девять-один-два-ноль. Игнорирование приказа при тех же условиях.

Капитан Франкель был озадачен.

— *И вы пришли ко мне с этим*, сержант? Официально?

В жизни не видел, чтобы человек сумел выглядеть смущенным и невозмутимым одновременно. Зим смог.

— Сэр, если капитан позволит. Рядовой отказался от административного взыскания. Он настаивает на встрече с командиром батальона.

— Ясно. Законник доморощенный. И хотя я по-прежнему ничего не понимаю, сержант, фактически у рядового есть такая привилегия. Каков был приказ и установка?

— «Замри», сэр.

Я посмотрел на Хендрика и подумал: «Ой-ей, парень влип». На команду «замри» падаешь в грязь, быстро используешь любое укрытие и замираешь, не двигаешься с места, вообще не шевелишься, даже не моргаешь, пока не отменят приказ. Рассказывали, что людей ранило в положении «замри»... и они медленно умирали, без стона и движения.

Брови Франкеля полезли на лоб.

— Вторая часть?

— То же самое, сэр. После нарушения приказа отказался вернуться к исполнению обязанностей, как было приказано.

Капитан Франкель помрачнел.

— Имя?

Ответил Зим.

— Хендрик Т.К., сэр. РР-семь-девять-шесть-ноль-девять-два-четыре.

— Ну что ж... Хендрик, вы лишаетесь всех прав сроком на тридцать дней, вам запрещено покидать палатку, за исключением нарядов, приема пищи и санитарной необходимости. Каждый день три часа дополнительно — наряды начальника стражи, час перед отбоем, час перед подъемом и час во время и вместо обеда. Вы переводитесь на хлеб и воду, сколько сможете съесть. Десять часов дежурства каждое воскресенье. Во время наказания вам разрешено справлять религиозные службы согласно вероисповеданию.

Я подумал: «Ого, на полную катушку».

— Хендрик,— продолжал капитан Франкель,— единственная причина, что вы столь легко отделались, в том, что для более строгого взыскания я вынужден отдать вас под трибунал, а я не хочу пятнать репутацию вашего подразделения. Вольно.

Он уткнулся в бумаги, инцидент был исчерпан и почти забыт...

Но тут Хендрик как завопит:

— Да вы даже не выслушали мою версию!

Капитан поднял голову.

— О. Прошу прощения. У вас есть версия?

— Вы чертовски правы, еще как имеется! Сержант Зим меня вынудил! Он гоняет меня, гоняет, гоняет, весь день, все время. Пока я здесь! Он...

— Работа у него такая,— холодно сказал капитан.— Вы отрицаете оба обвинения против вас?

— Нет, но... он ведь не сказал, что я лежал на муравейнике.

Франкель скривился от отвращения.

— О-о... То есть вы предпочтете, чтобы вас и, возможно, ваших товарищей убили из-за нескольких муравьев?

— Не нескольких, их там сотни. Они кусались.

— И что? Молодой человек, давайте напрямую. Да будь там гнездо гремучих змей, от вас все равно ждали бы и требовали замереть,— Франкель сделал паузу.— Это все, что вы можете сказать в свою защиту?

Хендрик открыл рот.

— Еще как! Он меня ударил! Занимался рукоприкладством! Их там целая шайка с этими глупыми палками, так и норовят вытянуть по заднице или ткнуть меж лопаток. И приговаривают, мол, соберись. Ладно, пусть! Но он ударил меня кулаком... сшиб меня на землю и заорал: «Замри, ты, глупый баран!» С этим как быть, а?

Капитан Франкель посмотрел на свои руки, опять поднял взгляд на Хендрика.

— Молодой человек, вы находитесь во власти распространенного среди штатских заблуждения. Вы считаете, что старшему офицеру запрещено «заниматься рукоприкладством», как вы выразились. При других обстоятельствах это верно. Скажем, если мы встретимся в театре или магазине, я не больше вашего имею право, пока вы обращаетесь ко мне с должным моему званию и чину уважением, ударить вас по лицу. Но во время выполнения служебных обязанностей правило полностью меняется...

Капитан развернулся в кресле и указал на книги большого формата.

— Вот законы, по которым мы живем. Можете изучить каждый абзац в этих книгах, каждый случай и статью, и вы не найдете ни слова о том, что старший офицер не может заняться «рукоприкладством» или иным способом ударить подчиненного во время несения службы. Хендрик, я могу сломать вам челюсть... и просто отвечу перед старшим по званию за этот случай. Но за вас лично я отвечать не буду. Я могу сделать даже больше. Есть обстоятельства, когда старшему офицеру, сержанту или капралу не просто не запрещено — от него требуется убить офицера ниже себя званием или рядового, без промедления и предупреждения. И его за это не накажут, а поощрят. Например, как пресекшего малодушие перед лицом противника.

Капитан постучал по столу.

— Теперь о стеках. У них два назначения. Во-первых, они отмечают лиц, облеченных властью. Во-вторых, мы ждем, чтобы эти лица применяли их к вам, чтобы поднять вас и держать в тонусе. Стек вреда не приносит, по крайней мере так, как им пользуются.

В лучшем случае, немного больно. Но они экономят тысячи слов. Скажем, вы не намерены просыпаться, когда объявлен подъем. Без сомнения, дежурный капрал мог бы, пресмыкаясь, сказать: «Ну, сладенький мой, очень нужно, да и не желаешь ли завтрак в постельку?» Это если бы мы могли приставить вам в няньки по капралу на каждую душу. Мы не можем, поэтому капрал просто подстегивает вас и бежит дальше, вы у него не один. Конечно, он мог бы просто дать вам пинка, на что у него имеется законное право. Пинок тоже эффективен. Но генерал, отвечающий за воспитание и дисциплину, думает, что гораздо достойнее, как для вас, так и для капрала, вытянуть соню вдоль спины стеком. Я придерживаюсь того же мнения. Не то чтобы ваше или мое мнение бралось в расчет, просто так положено.

Капитан Франкель вздохнул.

— Хендрик, я объясняю вам все это, потому что бессмысленно наказывать человека, если он не знает, почему наказан. Вы были плохим мальчиком. Я говорю «мальчиком», потому что вы совершенно очевидно еще не мужчина, хотя и пытаетесь им выглядеть. Удивительно, как вы дотянули до этого этапа тренировок. В свою защиту вам сказать нечего, даже облегчить наказание нечем, вы даже слабого понятия не имеете, в чем заключается солдатская служба. Так скажите мне сами, почему, по-вашему, с вами жестоко обращаются? Я хочу разобраться. Может, даже выяснится нечто такое, что будет говорить в вашу пользу, хотя, скажу честно, я не могу себе этого представить.

Я пару раз украдкой покосился на Хендрика, пока капитан отчитывал его. Каким-то образом эта негромкая, ласковая выволочка действовала сильнее, чем ор сержанта Зима. Лицо Хендрика сменило выражение от возмущенного через удивление в угрюмость.

— Говорите! — резко приказал капитан.

— Ну... ладно, нам приказали замереть, я бросился на землю и увидел, что лежу на муравейнике. Поэтому я поднялся на четвереньки, чтобы отползти в сторону, и тут меня ударили сзади, сбили на землю, и сержант заорал на меня... тут я вскочил и дал ему, а он...

— СТОП!

Капитан Франкель так и взвился над креслом. Он будто стал ростом футов в десять, хотя вряд ли выше меня. Он яростно воззрился на Хендрика.

— Вы... ударили... вашего... непосредственного... командира?

— Ну да, я же сказал. Но он первый начал. Сзади, я даже не видел его. Я никому такого не спускаю. Я дал ему, и тогда он снова меня ударил, а потом...

— Молчать!

Хендрик запнулся. Потом добавил:

— Я хочу избавиться от этой вшивой формы.

— Это мы таки устроим,— ледяным тоном пообещал Франкель.— И очень быстро.

— Просто дайте мне лист бумаги. Я увольняюсь.

— Минуточку. Сержант Зим.

— Слушаю, сэр.

За долгое время Зим не сказал ни единого слова. Просто стоял там, вперив взгляд в стенку перед собой, и не двигался, только желваки по скулам ходили. Я пригляделся к нему и увидел, что у него и вправду синяк под глазом. Хендрик здорово его достал. Но сержант ничего не сказал об этом, а капитан Франкель не спрашивал; может быть, командир предположил, что Зим на дверь наткнулся и сам потом расскажет, если захочет.

— *Были соответствующие статьи вывешены для общего доступа*, как предписывается?

— Так точно, сэр. Вывешены для ознакомления, их читают каждое воскресенье утром.

— Я знаю. Просто спросил для протокола.

Перед церковной службой каждое воскресенье нас выстраивают и зачитывают статьи из Устава вооруженных сил. А потом вывешивают на доске объявлений вместе с приказами. Никто на них внимания не обращает, просто еще один вид муштры, лучше поспать, пусть стоя. Но одну вещь мы заметили и назвали ее «тридцать один способ расшибиться вдребезги». В конце концов, инструктора неусыпно следили за тем, чтобы все эти статьи и уложения мы почувствовали на собственном заду. «Расшибиться

вдребезги» — это очередная затертая шутка, вроде «побудочной смазки» или «утренней молотьбы». Это тридцать один серьезный проступок. То и дело кто-нибудь хвастал или обвинял соседа в том, что нашел тридцать второй способ. Обычно речь шла о чем-то нелепом или неприличном.

Нападение на старшего по званию...

Как-то вдруг мне стало совсем не смешно. Ударил Зима? И за это парня повесят? Ну да, почти каждый в роте замахивался кулаком на сержанта Зима, некоторым даже удавалось ударить... когда он занимался с нами рукопашным боем. Он брался за нас после всех инструкторов и когда мы начинали задирать нос и считать, что все умеем. Тогда он брался наводить на нас лоск. Да я сам однажды видел, как Судзуми так врезал ему, что вчистую нокаутировал. Бронски вылил на сержанта ведро воды, Зим поднялся, ухмыльнулся, пожал японцу руку — и зашвырнул Судзуми аж за горизонт.

Капитан Франкель огляделся по сторонам, дал мне знак подойти.

— Вы. Свяжитесь со штабом полка.

Я так и сделал, путаясь в собственных пальцах, и отошел, когда на экране появилось лицо офицера.

— Адъютант,— буркнул офицер.

— Командир второго батальона обращается к командиру полка,— отчеканил Франкель.— Я требую и прошу прислать офицера для заседания трибунала.

— Когда он тебе нужен, Ян? — спросили с экрана.

— Как только, так сразу.

— Сейчас. Я уверен, Джейк в штабе. Статья и имя?

Капитан Франкель назвал Хендрика и процитировал номер статьи. Офицер на экране присвистнул и помрачнел.

— Мы живо, Ян. Не смогу дозвониться до Джейка, сам приеду, только Старика извещу.

Капитан Франкель повернулся к Зиму.

— Те, что с вами,— свидетели?

— Так точно, сэр.

— Командир полувзвода видел?

Зим на секунду замялся.

— Думаю, да, сэр.

— Сюда его. Есть там кто-нибудь в скафандре?

— Да, сэр.

Зим подошел к аппарату, а Франкель тем временем обратился к Хендрику:

— Каких свидетелей вы можете назвать в свою защиту?

— Да не нужны мне никакие свидетели, он знает, что сделал! Просто дайте мне лист бумаги — я убираюсь отсюда.

— Все в свое время.

И по мне, время наступило быстро. Меньше чем через пять минут прискакал капрал Джонс в офицерском скафандре, волоча в лапах капрала Махмуда. Он выгрузил Махмуда и попрыгал прочь, как раз к появлению лейтенанта Спиексмы.

— Добрый день, кэп. Обвиняемый и свидетели здесь?

— Все здесь. Бери стул, Джейк.

— Запись пошла?

— Уже.

— Отлично. Хендрик, шаг вперед.

Хендрик послушался, хотя был озадачен, да и нервы у него стали сдавать.

— Полевой трибунал созван по приказу майора Ф.К. Мэллоя, командира третьего учебного полка, лагерь Артура Карри, приказ номер четыре, согласно Уставу вооруженных сил, Земная Федерация. Офицер, представляющий обвинение: капитан Ян Франкель, мобильная пехота, занимающий должность командира второго батальона, третьего полка. Судья: лейтенант Жак Спиексма, мобильная пехота, занимающий должность командира первого батальона, третьего полка. Обвиняемый: Хендрик Теодор К., рядовой РР-семь-девять-шесть-ноль-девять-два-четыре, статья девять-ноль-восемь-ноль. Обвинение: нападение на старшего по званию в условиях, приравненных к боевым.

Я поразился, как все быстро происходило. Я вдруг оказался назначен «судебным чиновником» и должен был выводить свидетелей и извещать их. Я слабо представлял, как буду «выводить» сержанта Зима, если тому не захочется, но сержант только глянул

на Махмуда и двух наших ребят, и все они оказались снаружи, так, что ничего не могли слышать. Зим отошел в сторону и стал просто ждать, Махмуд опустился на корточки и скрутил сигаретку, но его вызвали первым, так что курево было отложено на потом. Не прошло двадцати минут, а все три свидетеля были опрошены, все рассказали ту же историю, что и Хендрик. Зима не вызывали вообще.

— Хотите устроить перекрестный допрос свидетелей? — спросил у Хендрика лейтенант Спиексма.— Суд поможет вам, если пожелаете.

— Нет.

— Стоять «смирно» и говорить «сэр», когда обращаетесь к судье.

— Нет, сэр,— Хендрик подумал и добавил: — Мне нужен адвокат.

— Устав не разрешает иметь представителя на трибунале. Хотите дать показания в свою защиту? Вы не обязаны этого делать, тогда суд ограничится предоставленными уликами и не будет принимать во внимание ваш отказ. Но должен предупредить, что любые ваши показания могут быть использованы против вас и что вы не можете подвергаться перекрестному допросу.

Хендрик пожал плечами.

— Мне нечего сказать. Что толку?

— Суд повторяет: хотите ли вы дать показания в свою защиту?

— Э... нет, сэр.

— Суд должен задать вам один процедурный вопрос. Были ли вы ознакомлены со статьей, по которой вас обвиняют, до того, как совершили предусмотренное в ней преступление? Можете отвечать «да», или «нет» или не отвечать вообще. Но вы несете ответственность за ложные показания по статье девять-один-шесть-семь.

Обвиняемый молчал.

— Хорошо. Суд зачитает вам вслух статью, по которой вас обвиняют, а потом вновь вернется к вопросу. «Статья девять-ноль-восемь-ноль: Каждый служащий вооруженных сил, который ударит или нападет или предпримет попытку ударить или напасть...»

— Да, я думаю, нам зачитывали. Нам каждое воскресенье читают подобную чушь. У них там целый список, чего нельзя делать.

— Была или не была эта статья зачитана вам?

— Н-ну... да, сэр. Была.

— Отлично. Отказавшись свидетельствовать в свою пользу, желаете ли вы тем не менее заявить о каких-либо смягчающих вашу вину обстоятельствах?

— Сэр?

— Хотите ли рассказать суду что-нибудь об инциденте? Какие-либо обстоятельства, которые, по вашему мнению, могли бы представить в ином свете уже данные показания? Есть ли что-нибудь, смягчающее ваше преступление? Например, вы были больны, находились под влиянием наркотиков или медикаментов. Вы не находитесь под присягой, вы можете сказать все, что вам поможет. Суд пытается выяснить следующее: не заставляет ли что-либо в этом деле считать, что с вами поступили несправедливо? Если так, то что именно?

— Да? Разумеется, несправедливо! Все тут несправедливо! Он первым меня ударил! Вы же слышали, все говорят, что он первый начал!

— Еще что-нибудь?

— Э? Нет, сэр. А что, недостаточно?

— Разбирательство окончено. Рядовой Теодор К. Хендрик, шаг вперед!

Лейтенант все это время стоял, теперь поднялся и капитан Франкель. Вдруг стало холодно.

— Рядовой Хендрик, вы признаны виновным в предъявленном вам обвинении.

У меня скрутило желудок. Неужели они все-таки... они собираются сделать из Теда Хендрика «Дэнни Дивера». Еще сегодня утром я завтракал рядом с ним.

Пока я боролся с тошнотой, лейтенант продолжил...

— Суд приговаривает вас к десяти ударам плетью и увольнению с резолюцией: «За нарушение Устава».

Хендрик сглотнул.

— Я хочу уволиться!

— Суд не дает вам разрешения на увольнение. Суд хочет добавить, что к вам применено столь мягкое наказание исключительно потому, что данный суд не уполномочен наказывать вас строже. Представитель обвинения настаивал на проведении трибунала этого уровня по неназванным причинам. Будь на его месте генерал, за то же преступление по представленным уликам вас приговорили бы к повешению за шею, пока не умрете. Вам очень повезло: офицер, властью которого вы преданы трибуналу, обошелся с вами весьма милосердно,— лейтенант Спиексма помолчал.— Приговор будет приведен в исполнение, как только офицер, созвавший трибунал, подаст рапорт о случившемся. Заседание окончено. Увести обвиняемого и взять его под стражу.

Последняя фраза была адресована мне, но мне не пришлось делать что-то особенное, разве что позвонил в караулку и вызвал наряд, а потом получил с них расписку за Хендрика.

Днем капитан Франкель отослал меня к врачу, а тот сказал, что я годен нести службу. Я вернулся в свое отделение как раз вовремя, чтобы переодеться, выйти со всеми вместе на поверку и получить от сержанта Зима взбучку за пятна на кителе. У него самого было пятно побольше моего — вокруг глаза,— но я не стал об этом упоминать.

Кто-то установил на плацу большой столб позади того места, где обычно стоял адъютант. Когда дошло время до зачитывания приказов, вместо обычных дневных распоряжений огласили приговор трибунала над Хендриком.

Потом его вывели под конвоем двух вооруженных часовых и со скованными впереди руками.

Я еще ни разу не видел порки. Дома, разумеется, случались публичные наказания, перед федеральным центром, но отец строго-настрого запретил мне подходить близко. Один раз я попытался нарушить его приказ... но порку отложили, а больше я не предпринимал попыток.

И одного раза было много.

Охрана подняла Хендрику руки и зацепили наручники за крюк на столбе. Затем сорвали с Теда рубашку, она была как-то

так устроена, что снялась сразу, а майки под ней не было. Адъютант отрывисто произнес:

— *Привести приговор в исполнение.*

Вперед с хлыстом в руке вышел капрал-инструктор из другого батальона. Начальник стражи начал считать.

Он считал очень медленно, пять секунд между ударами, а казалось — дольше. Тед даже не пикнул до третьего удара, потом всхлипнул.

Следующее, что я помню,— это то, что я смотрю на капрала Бронски. Он лупит меня по щекам и пристально вглядывается мне в лицо. Он прекратил меня бить и спросил:

— Пришел в норму? Ладно, становись в строй. Живо, сейчас скомандуют смотр.

После смотра мы побрели в расположение роты. Я не смог проглотить и куска, да и многие ребята — тоже.

Никто и слова не сказал о моем обмороке. Позднее я выяснил, что я был не одинок, сознание потеряли еще пара дюжин человек.

6

То, за что мы не платим, мы не ценим... и потому, как это ни странно, столь бесценный дар, как СВОБОДА, *не ценится достаточно высоко.*

Томас Пэйн

Ночью после того, как Хендрика с позором вышибли, я пал так низко, что дальше в лагере Артура Карри просто некуда. Я не сумел уснуть. Надо пройти через учебку, чтобы полностью оценить, насколько потрясен должен быть новобранец, чтобы ворочаться без сна на койке. Но на учениях днем я не был, так что устать мне было не с чего, да и плечо побаливало, хотя врач выставил меня из медчасти с резолюцией: «годен»; в голове крутились строчки из маминого письма, а стоило закрыть глаза, как я слышал щелканье хлыста и видел Теда, обвисшего возле позорного столба.

На шевроны мне было плевать. Вообще все вдруг потеряло значение, потому что я твердо решил уволиться. Если бы не время за полночь и отсутствие под рукой бумаги и ручки, я бы уже был гражданским.

Тед совершил крупную ошибку, и понадобилось ему от силы полсекунды. И вышло все действительно случайно. Пусть он ненавидел службу — кто ж ее любит? — он очень хотел выслужить свой срок и получить гражданские права; Тед собирался стать политиком, постоянно об этом говорил. «Нужно кое-что изменить — вот увидите!»

Что ж, теперь дорога в политику ему закрыта. На секунду расслабился — все, крышка!

Если с ним произошло такое, со мной тоже может. Что, если я тоже оступлюсь? Завтра или на следующей неделе? Даже не дадут уйти самому... дадут пинка под барабан и с исполосованной спиной.

Самое время признать, что я ошибался, а отец был прав, самое время найти лист бумаги и отправляться домой, чтобы сказать отцу, что я готов ехать в Гарвард, а затем заниматься бизнесом — если он все еще хочет доверить мне дела. Самое время пойти к сержанту Зиму... с самого утра взять и пойти к нему и сказать, что с меня хватит. Но это утром, потому что будить сержанта Зима не ради чего-то экстренного (что *он* посчитает экстренным), а по ерунде... поверьте мне, не стоит! Только не сержанта Зима.

Сержант Зим...

Он беспокоил меня не меньше, чем Тед. После того как трибунал был окончен и Теда увели, сержант задержался и сказал капитану Франкелю:

— Прошу разрешения обратиться к командиру батальона, сэр.

— Обращайтесь. Все равно я хотел перекинуться с вами парой фраз. Садитесь.

Зим зыркнул на меня незаплывшим глазом, капитан тоже на меня посмотрел, и мне не надо было говорить, чтобы я вышел. Я испарился. В приемной никого не было, только парочка штатских писарей. Я не осмелился уйти далеко, потому что мог понадобиться капитану. Я отыскал стул и сел.

Сквозь перегородку, к которой я приткнулся затылком, мне было все слышно. Батальонный штаб был все-таки постройкой, а не палаткой, раз в нем размещалось стационарное оборудование. Но и зданием в прямом смысле он тоже не был. Барак с тонкими, как бумага, перегородками. Сомневаюсь, чтобы штатские что-то слышали, поскольку сидели в наушниках, согнувшись над пишущими машинками. Кроме того, им было плевать. Я не хотел подслушивать. Э-э... может быть, все-таки хотел.

Зим сказал:

— Прошу перевода в боевую часть, сэр.

Франкель ответил:

— Не слышу тебя, Чарли. Опять ухо барахлит.

Зим:

— Я серьезно, сэр. Эта служба не для меня.

Франкель, раздраженно:

— Прекрати скулить, сержант. Подожди, по крайней мере, когда мы будем вне службы. Ну, что стряслось?

Зим выдавил:

— Капитан, мальчишка не заслужил плетей.

— Разумеется, не заслужил,— отозвался Франкель.— Ты знаешь, кто виноват. И я это знаю.

— Так точно, сэр. Знаю.

— Ну и?.. А еще ты лучше меня знаешь, что на этой стадии мальчишки — что дикие звери. Ты знаешь, когда безопасно поворачиваться к ним спиной, а когда нет. И ты знаешь установку и приказ по поводу статьи девять-ноль-восемь-ноль — никогда не давай им шанса нарушить статью. Конечно, кто-то из них попытается; если бы они не были агрессивными, то не годились бы для мобильной пехоты. В строю они послушны; вполне безопасно повернуться к ним спиной, когда они едят, спят или сидят на хвостах и слушают лекцию. Но выведи их на полевые учения, у них подскакивает адреналин, и они взрывоопасны, как гремучая ртуть. Тебе это известно, инструкторам это известно; тебя обучали — и научили! — быть начеку, гасить поползновения в зародыше. Так объясни мне, каким это образом новобранец-недоучка навесил тебе фингал под глаз? Он не должен был даже пальцем

тебя тронуть; ты должен был выбить из него дурь вместе с духом, как только заметил, куда он нацелился. Форму теряешь?

— Не знаю,— пробормотал Зим.— Наверное...

— Если так, то к боевой части тебя и подпускать нельзя. Но это не так. Или не было так три дня назад, когда мы с тобой работали. Где ты дал маху?

Зим ответил не сразу.

— Наверное, пометил его как безопасного.

— Таких не бывает.

— Так точно, сэр. Но он так старался, так хотел выслужить срок... У него никаких способностей, но он просто из кожи вон лез. Наверное, у меня подсознательно получилось,— Зим помолчал и добавил: — Наверное, потому что он мне нравился.

Франкель фыркнул.

— Инструктору любовь не положена.

— Знаю, сэр. Так вышло. Они — прекрасные ребятишки, все отбросы мы уже сплавили. У Хендрика только один недостаток, не считая неуклюжести. Он думает, что ему известны ответы на все вопросы. Это ничего, я сам таким был в его годы. Шушеру мы отправили по домам, а те, кто остался,— энергичны, всегда готовы и всегда начеку, словно элитные щенки колли. Из них многие станут солдатами.

— Так вот в чем дело. Он тебе понравился... поэтому ты вовремя его не оборвал, он пошел под трибунал, получил хлыста и был уволен за нарушение Устава.

— Видит небо, я бы хотел, чтобы это меня выпороли, сэр,— честно заявил Зим.

— В очереди подождешь, я все-таки старше тебя по званию. Как, по-твоему, я чувствую себя последний час? Чего, по-твоему, я боялся больше всего с той минуты, как ты ввалился сюда с фонарем под глазом? Я же все сделал, чтобы обойтись административным наказанием, так ведь нет, этому дурашке приспичило трепать языком! Никогда бы не подумал, что он настолько туп, чтобы так вот взять и все выложить: я, мол, полез с кулаками на сержанта... Ты должен был дать ему пинка, чтобы летел отсюда и до дома, еще неделю назад... а не нянчиться с ним, пока

он не влез в неприятности. Но он таки ляпнул при мне, при свидетелях и вынудил меня дать делу ход. Никакой возможности пропустить мимо ушей, избежать трибунала... пришлось разгрести кучу, принять лекарство и получить еще одного гражданского, который до конца дней своих будет зол на нас. Его *нужно* было выпороть, и ни ты, ни я не могли подставить свои спины вместо него, даже если виноваты мы с тобой. Потому что полк должен видеть, что происходит, когда нарушают статью девять-ноль-восемь-ноль. Вина наша, а шишки — ему.

— Вина только моя, капитан. Поэтому я и прошу перевести меня. Э-э... сэр, так будет лучше для части. По-моему.

— По-твоему, да? Что лучше для батальона, решаю я, а не ты, сержант. Чарли, как ты думаешь, кто в свое время устроил так, что тебя перевели сюда? И почему? Что было двенадцать лет назад? Ты был капралом, помнишь? Где ты был?

— Сами знаете, капитан, здесь, посреди этих богом забытых прерий, и хотел бы я никогда сюда не возвращаться!

— Не ты один. Но так уж случилось, что самое важное и деликатное задание в армии — превращать не поротых юных щенят в солдат. Кто был худшим не поротым щенком в твоем подразделении?

Зим опять замялся.

— Я бы не сказал, что это были вы, капитан...

— Не сказал бы? Ты хотя бы для приличия задумался, что ли, прежде чем назвать мое имя. Я ненавидел тебя до тошноты, «капрал» Зим.

Ответил сержант удивленно и даже обиженно:

— Правда, капитан? А мне вы даже нравились...

— И что? Ладно, ненависть инструкторам тоже не положена. Ненавидеть их нельзя, любить их нельзя, мы обязаны их учить. Значит, я тебе нравился, да? М-да, ты выражал свою любовь довольно странными способами. И до сих пор нравлюсь? Можешь не отвечать, мне все равно... нет, не так, я не хочу знать, изменились твои чувства или нет. Это не важно. Тогда я тебя презирал, спал и видел, как бы тебе насолить. Но ты всегда был наготове, так и не дал мне шанса нарушить девять-ноль-восемь-ноль. И я

в армии только благодаря тебе. Теперь займемся твоим прошением. Когда-то ты все время отдавал мне один и тот же приказ. Его я ненавидел пуще всего остального, что ты делал или говорил. Помнишь его? А теперь моя очередь отдать его тебе. «Солдат, заткни пасть и воюй!»

— Слушаюсь, сэр.

— Не уходи пока. От этого проклятого случая не одни убытки. Любая учебная часть нуждается в суровом уроке относительно девять-ноль-восемь-ноль, мы оба это знаем. Думать они еще не умеют, читать не хотят и редко слушают, зато видеть не разучились. И несчастье юного Хендрика может спасти многих его товарищей от повешенья за шею, пока они не сдохнут, не сдохнут, не сдохнут! Но мне жаль, что наглядный урок пришлось провести в моем батальоне, и второго мне не надо. Соберешь инструкторов и предупредишь их. Примерно двадцать четыре часа наши ребятишки еще будут в шоке. Затем замкнутся, напряжение возрастет. В четверг или пятницу кто-нибудь из ребят, готовых на вылет, начнет думать, что Хендрика наказали не строже, чем пьяного водителя. Им придет в голову, что десять плетей стоят того, чтобы двинуть кулаком инструктора, которого они не любят больше всего. Сержант, *этот* удар до цели дойти не должен! Понял меня?

— Так точно, сэр.

— Я хочу, чтобы инструктора были в восемь раз осторожнее прежнего. Я хочу, чтобы они сохраняли дистанцию, хочу, чтобы отрастили глаза на затылке. Хочу, чтобы были бдительны, как мышь на кошачьей вечеринке. Бронски... с ним поговори особо, у Бронски есть тенденция... относиться по-братски.

— Бронски я подтяну, сэр.

— Ну смотри. Потому что когда следующий пацан замахнется на инструктора, его порыв пресечь надо немедленно. Отключить его, а не заткнуть, как сегодня. Парень должен лежать хладным трупом и даже пальцем инструктора не коснуться, или я лично вышвырну такого инструктора за некомпетентность. Вбей им мои слова в головы. Инструктора должны втолковать нашим детишкам, что нарушать девять-ноль-восемь-ноль не просто до-

роже, а что ее нарушить невозможно. Что даже попытка закончится отключкой, вывихнутой челюстью да ведром воды на голову, и больше ничем.

— Так точно, сэр. Будет сделано.

— Да, лучше пусть это будет сделано. Я не только выставлю промахнувшегося инструктора, я лично провожу его в прерию и навешаю по мозгам... потому что не хочу, чтобы еще одного из моих мальчишек привязывали к позорному столбу за ошибку его учителя. Вольно.

— Есть, сэр. Всего хорошего, капитан.

— Что уж тут хорошего. Чарли...

— Да, сэр.

— Если ты не слишком занят сегодня вечером, прихвати накладки и мягкие тапки и заходи в офицерский клуб. Повальсируем. Скажем, часов в восемь.

— Слушаюсь, сэр.

— Это не приказ, Чарли, просто приглашение. Если ты действительно потерял форму, может, мне повезет навешать тебе плюх.

— Э, капитан не хочет заключить небольшое пари?

— Просиживая штаны за столом и продавливая кресло? Да ни за что! Разве что закатаем тебе одну ногу в цемент. Серьезно, Чарли, день был вшивый, а перед тем, как станет лучше, будет только хуже. Если мы с тобой пропотеем и обменяемся парой шишек, то, наверное, сможем сегодня уснуть спокойно вопреки всем маменькиным сынкам в мире.

— Я приду, капитан. Не перегружайте желудок за ужином, мне ведь тоже надо снять напряжение.

— Я на ужин вообще не пойду. Буду сидеть здесь и потеть над рапортом. Наш комполка великодушно возжелал видеть его сразу после *своего* ужина. А я по вине некоего типа, не будем называть его имени, уже опоздал часа на два. Так что и на вальс я слегка припоздаю. Проваливай отсюда, Чарли, не мешай мне. Еще увидимся.

Сержант Зим появился в приемной так внезапно, что я едва успел наклониться и спрятаться за конторкой, где я и сидел, пока он не прошагал мимо. Капитан Франкель уже кричал:

— Ординарец! Ординарец! ОРДИНАРЕЦ!!! Почему я должен повторять трижды? Имя? Наряд вне очереди по полной программе. Найдите командиров рот «Е», «Ф» и «Джи», передайте им мой привет и пожелание видеть их перед вечерней поверкой. Затем бегом в мою палатку, доставьте сюда чистую униформу, фуражку, личное оружие, планки. Я сказал: планки. А не медали! Оставите все здесь. Затем отправляйтесь к врачу, чесаться этой рукой вы можете, я сам видел, значит, плечо у вас не болит. До сигнала тридцать минут. Бегом!!!

Я успел все... отловив двух ротных в инструкторской душевой (ординарец имеет право входить по делам службы куда угодно), а третьего в его кабинете. Приказы только с виду кажутся невыполнимыми, потому что они почти невыполнимы. Я раскладывал капитанский китель, когда прозвучал сигнал к вечернему медосмотру. Не поднимая головы, Франкель прорычал:

— Отложить наряд. Вон отсюда.

И я попал домой как раз вовремя, чтобы увидеть последние часы Теда Хендрика в мобильной пехоте и схлопотать еще один наряд вне очереди за «две неопрятности во внешнем виде».

Так что ночью во время бессонницы мне было о чем подумать. Я знал, что работа сержанта Зима не из легких, но мне никогда не приходило в голову, что он может быть иным, а не уверенным и самодовольным. Он *выглядел* таким довольным собой и всем, что делал, в мире с собой и окружающим его миром.

Мысль о том, что этот неуязвимый робот может чувствовать, что потерпел неудачу, может так глубоко ощущать свой личный позор, что готов сбежать из части, затеряться среди чужих людей и утверждать, что «так будет лучше для подразделения», потрясла меня куда сильнее, чем порка Теда.

А еще капитан с ним согласился... в том смысле, что сержант допустил серьезный промах, да еще носом ткнул, отчитал как следует. Ну и дела! Сержантов не жрут с потрохами, это они всех жрут. Закон природы.

Но следовало признать, что взбучка, которую получил и проглотил сержант Зим, была такой унизительной и испепеляющий, что все, что до этого я слышал от сержанта (или случайно под-

слушивал), показалось мне объяснением в любви. А ведь капитан даже голоса не повысил.

Инцидент был настолько абсурден, что я никогда о нем никому не рассказывал.

И сам капитан Франкель... офицеров мы вообще не часто видели. Они показывались на вечерней поверке, являясь прогулочным шагом в самый последний момент, и не делали ничего, что могло бы выжать хоть одну каплю пота. Раз в неделю они проводили осмотр, выдавая замечания частного характера в адрес сержантов, содержание обычно выражало их печаль по поводу кого угодно, только не их самих. А еще каждую неделю они решали, чья рота завоевала честь нести караул у знамени полка. Помимо этого они вдруг являлись с внезапными инспекциями, отутюженные, чистенькие, пахли одеколоном и держались отчужденно, а потом вновь исчезали.

Ну, и один или двое сопровождали нас на марш-бросках, а два раза капитан Франкель продемонстрировал, что такое *la savate*. Но в целом офицеры не работали — не работали по-настоящему,— и жизнь их была сладка, потому что сержанты были под ними, а не над.

Но выходило, что капитан Франкель работал так, что ему и поесть было некогда, был чем-то занят, да так, что жаловался на недостаток физических упражнений и собирался потратить на них свободное время.

А что касается тревог, так случай с Хендриком его волновал больше, чем сержанта Зима. А ведь он даже в лицо Хендрика не знал, был вынужден спрашивать, как его зовут.

У меня появилось неприятное ощущение, что я нисколько не разбираюсь в природе мира, в котором живу, и что каждая часть его сильно отличается от того, чем выглядит. Вроде как узнать, что твоя родная мать — вовсе не та женщина, которую ты знал всю свою жизнь, а незнакомка в резиновой маске.

Но в одном я уверен: я не желал выяснять, на что в действительности похожа мобильная пехота. Если она неприветлива даже для своих и. о. господа Бога — сержантов и офицеров, что же говорить о Джонни! Как можно не наделать ошибок в службе,

которую не понимаешь? Я не хочу быть повешенным за шею, пока не умру, не умру, не умру! Я даже не хочу на собственной шкуре узнать, что такое порка, даже если доктор будет следить, чтобы мне не причинили настоящего вреда. В нашей семье никого никогда не пороли, разве что в школе шлепали, вот и все. Но это не одно и то же. Ни по отцовской линии, ни по материнской в нашей семье преступников не было, даже обвиняемых. Мы были почтенной семьей, вот только гражданских прав не имели, но отец всегда считал, что в гражданских правах нет ничего почетного, одно лишь бессмысленное тщеславие. Но если меня выпорют, его, наверное, удар хватит.

И еще. Хендрик не совершил ничего такого, о чем я сам не помышлял бы раз так тысячу. Почему же не я? Думаю, дело в нерешительности. Я знал наверняка, что инструктора сделают из меня котлету, так что я прикусывал губу и даже не пытался. Кишка у тебя тонка, Джонни. Вот у Теда Хендрика — другое дело. Человеку, у кого кишка тонка, в армии не место.

Кроме того, капитан Франкель говорил, что Тед не виноват. И если я не загремлю по девять-ноль-восемь-ноль, то провинюсь в чем-нибудь другом, и вины моей в том не будет, но я все равно окажусь у позорного столба.

Да, Джонни, время убираться отсюда, пока не все потеряно.

Мамино письмо только подтверждало мое решение. Я ожесточился на родителей, когда они от меня отвернулись, но когда они отмякли, я тоже не устоял. По крайней мере, когда мама отмякла. Она написала:

> «...но боюсь, что должна сказать тебе, что отец все еще не разрешает упоминать твое имя. Но, милый мой, так выражается его горе, ведь он не может плакать. Ты должен понять, мое дорогое дитя, что он любит тебя больше жизни, больше, чем он любит меня, и что ты его глубоко ранил. Он твердит, что ты взрослый мужчина, способный принимать собственные решения, и что он гордится тобой. Но это говорит его гордость, горькая уязвленная гордость человека, которому разбил сердце тот, кого он любил больше всех. Ты должен понять, Хуанито, что он не говорит о тебе и не пишет тебе, потому что не может... не

сейчас, подожди, когда его печаль чуть уляжется. А когда это время настанет, я пойму и поговорю с ним о тебе. И мы все снова будем вместе.

Что я сама? Как может мать сердиться на своего малыша? Ты можешь огорчить меня, но не уменьшишь моей любви. Где бы ты ни был, что бы ни делал, ты всегда остаешься моим малышом, который бежит ко мне за утешением, разбив коленку. Теперь мои объятия не так велики, как раньше, а может, это ты вырос, хотя в это я никогда не поверю, но я все равно буду ждать тебя, когда тебе понадобится утешение. Малышам всегда требуются объятия матерей, верно, милый? Надеюсь, что так. Надеюсь, ты напишешь мне и скажешь, что это так.

Но должна добавить, поскольку ты так давно не писал, что лучше всего, если я не дам знать, писать мне на адрес твоей тети Элеаноры. А она сразу же передаст мне твою весточку, а в другие руки письмо твое не попадет, и никто не расстроится. Понимаешь меня?

Тысячу раз целую моего маленького,

Твоя мама».

Да все я понял, и если отец плакать не мог, то я могу. Я заплакал.

А только-только заснул... как сразу же проснулся по тревоге. Мы всем полком рванули на полигон, где провели учения без боеприпасов, но при полной выкладке, включая микрорации, и шли разомкнутой цепью, когда прилетел приказ замереть.

И замерли мы примерно на час. Я имею в виду: никто не шелохнулся, сдерживали даже дыхание. Мышь на цыпочках и то наделала бы больше шуму. Что-то подобралось ко мне сзади и протопало сверху, койот, по-моему. Я даже не вздрогнул. Мы все жутко замерзли, мне было наплевать; я знал, что выполняю приказ в последний раз.

На следующее утро я не услышал побудки; впервые за много недель меня пришлось вытряхивать из спального мешка. Я едва выдержал построение. Все равно не было смысла увольняться до завтрака, раз для этого сначала нужно повидать сержанта Зима. Но он на завтрак не явился. Я попросил у Бронски разрешения

обратиться к старшему по званию. Капрал сказал: «Конечно, валяй» и не стал спрашивать, зачем мне это.

Нельзя обратиться к тому, кого здесь нет. После завтрака мы отправились в марш-бросок, а я все еще не отыскал сержанта. Бросок был однодневный, завтрак нам доставили на вертолете — неожиданная роскошь, ведь невыдача перед маршем пайка обычно означает голодовку, если ничего не припрятал... а у меня ничего с собой не было; о другом думал.

С пайками явился и сержант Зим и привез почту — а это уже роскошью не было. Не могу не зачесть это в плюсы мобильной пехоты. Тебя могут лишить еды, воды и сна, чего угодно и без предупреждения, но никогда не задержат твою почту минутой дольше, чем требуют обстоятельства. Письма — твои, и тебе их доставят с первым же транспортом, и можешь читать их в любую же свободную секунду, даже на маневрах. Мне это тоже было не важно, кроме пары писем от Карла, я здесь только рассылаемую по почте рекламу получал, да вот еще письмо от мамы.

Я даже не стал подходить, когда вокруг Зима столпились ребята; решил, что поговорю с сержантом наедине, вот и прятался от него до тех пор, пока мы не вернемся в расположение части. Так что я очень удивился, когда Зим выкрикнул мое имя и протянул конверт. Я мигом прискакал и взял письмо.

И удивился еще раз — его написал мистер Дюбуа, мой преподаватель истории и философии морали в старшей школе. Скорее я ждал, что мне подкинет весточку Санта Клаус.

Пока я читал его письмо, все время думал, что это какая-то ошибка. Пришлось проверить конверт, и ответный адрес убедил меня, что именно мистер Дюбуа написал его и что обращался он именно ко мне.

«Мой дорогой мальчик,

следовало написать раньше, чтобы сказать, как я обрадован и горд, что ты не только добровольцем пошел на службу, но и выбрал армию. Но я не удивлен, от тебя я именно такого и ждал, правда, не думал, что ты выберешь мобильную пехоту. Такие плоды наша работа приносит не часто.

Приходится перебрать много камней и песка, чтобы отыскать самородок, но находка вознаграждает нас.

Сейчас тебе должна быть ясна причина, по которой я не писал. Многие молодые люди отсеиваются во время обучения и вовсе не обязательно совершают при этом серьезный проступок. Я ждал и не прерывал контакта с моими осведомителями, пока ты не одолеешь перевал (о, как нам всем знаком этот перевал!). Я хотел быть уверен, что ты закончишь обучение и продолжишь службу, если тебе не помешает болезнь или несчастный случай.

Сейчас начинается самый трудный участок пути, не физически (физические трудности больше тебе не помеха), но духовно. Глубокие изменения, переоценка ценностей необходимы для превращения потенциального гражданина в настоящего. Или, вернее сказать: самое тяжелое ты уже прошел, и дальнейшие препятствия ты преодолеешь, что бы ни встало у тебя на пути. И перевал твой уже почти пройден, и, зная тебя, парень, я понимаю, что выждал достаточно долго, в противном случае ты был бы уже дома.

Когда доберешься до вершины, почувствуешь нечто новое. Наверное, даже слов для этого чувства не отыщешь (знаю, потому что я не сумел его найти). Так позволь твоему старшему товарищу подсказать тебе эти слова. Они просты: высшее предназначение, которое может позволить себе человек,— это заслонить своим бренным телом любимый дом от войны. Конечно, это не я придумал, сам понимаешь. Основные истины со временем не меняются, и как только мудрец в прозрении произнесет одну из них, вовсе не требуется формулировать их заново, даже если меняется мир. Это непреложная истина на все времена, для всех людей и всех наций.

Если сможешь уделить старику немного своего драгоценного времени, напиши мне пару строк. А если повезет встретить кого-нибудь из моих прежних товарищей, передай им мой горячий привет.

Удачи, пехтура! Я горжусь тобой.

Жан В. Дюбуа,
подполковник мобильной пехоты в отставке».

Подпись изумила меня больше письма. Наш высокомерный дед — подполковник? Да у нас комполка — всего-то майор. Мистер Дюбуа никогда не пользовался своим званием в школе. Когда нам приходило в голову думать об этом, мы предполагали, что он был капралом или чем-то вроде того, которого списали после ампутации руки и посадили на легкую работу — читать выпускникам курс, по которому не было даже экзаменов. Конечно, мы знали, что он ветеран, потому что курс по истории и философии морали мог читать только гражданин. Но мобильная пехота? С виду не тянет. Чопорный, язвительный, этакий учитель танцев, не то что мы, гориллы.

Но ведь он сам подписал письмо.

Весь долгий путь обратно в лагерь я думал об удивительном письме. Ничего подобного в школе мистер Дюбуа не говорил. Нет, письмо не противоречило ничему из его лекций, оно отличалось по тону. С чего бы это почти что полковнику называть рядового «товарищем»?

Когда он был просто «мистер Дюбуа», а я одним из его учеников, он едва замечал меня, разве обиделся на меня на то, что у меня слишком много в кармане и слишком мало в голове. (Ну да, мой старик мог купить всю школу и подарить мне на Рождество, это что — преступление? И вообще не его дело.)

В тот раз он завелся по поводу «стоимости», сравнив марксистскую теорию с ортодоксальной теорией «полезности». Мистер Дюбуа говорил:

— Определение «стоимости», данное Марксом, смехотворно. Вся работа, вложенная в комок глины, не превратит его в яблочный пирог. Комок глины останется глиной, стоимостью — ноль. Вывод: бесталанная работа может понизить стоимость. Плохой повар превратит свежее тесто и ароматные яблоки в несъедобную массу. стоимостью — ноль. Напротив, искусный повар из тех же исходных материалов соорудит изделие, ценнее, чем обычный пирог из яблок. А усилий затратит столько же, сколько обычный повар на заурядное лакомство. Эти кухонные иллюстрации сводят теорию стоимости Маркса на нет, а ведь из этой ложной посылки возникает такое грандиознейшее мошенничество, как

коммунизм. И они же подтверждают истинность проверенной временем теории общественной пользы.

Дюбуа взмахнул культей.

— Тем не менее — проснитесь, молодой человек, и вернитесь к занятиям! — патлатый старый мистик, написавший «Das Kapital», напыщенный, невротичный, искажающий факты, надутый индюк Карл Маркс видел сияние важной истины. Если бы он обладал зачатками аналитического ума, то сумел бы сформулировать первое адекватное определение стоимости... и спас бы эту планету от многих печалей и бед.

Он помолчал.

— А может, и нет,— добавил мистер Дюбуа.— Ты!

Я вздрогнул и выпрямился.

— Не можешь слушать, но, может, сумеешь сказать классу, стоимость относительна или абсолютна?

Я слушал, просто не видел причин, почему нельзя слушать с закрытыми глазами и расслабленной спиной. Но вопрос застал меня врасплох; к сегодняшнему уроку я ничего не прочел.

— Абсолютной,— брякнул я наугад.

— Не верно,— холодно сообщил мистер Дюбуа.— Без живых существ стоимость не имеет значения. Вещь ценна только для определенной личности, она личностна и отлична от оценки других. Рыночная стоимость — фикция, грубое сведение к среднему уровню разных личностных ценностей, чтобы сделать возможной торговлю.

Я тогда поинтересовался про себя, что бы сказал отец, если бы при нем рыночную ценность обозвали фикцией. Вероятно, фыркнул от отвращения.

— И для человеческого существа эта самая личностная ценность имеет два аспекта. Во-первых, насколько полезна для человека некая вещь, что он с ее помощью может совершить. Во-вторых, что он должен сделать, чтобы получить эту вещь, сколько она ему будет стоить. Есть старая песня о том, что «все лучшее — бесплатно». Не верно! Абсолютная ложь! Трагическое заблуждение, которое привело к упадку демократические режимы двадцатого века. Этот благородный эксперимент провалился, потому что

люди верили, что они могут просто проголосовать за желаемое и получить его, без страданий, без пота, без слез. Бесплатно не бывает ничего. Даже дыхание, дающее нам жизнь, должно быть оплачено болью и усилием при первом вздохе.

Мистер Дюбуа по-прежнему смотрел на меня.

— Если бы вам, мальчики и девочки, пришлось попотеть, чтобы заполучить ваши игрушки, так, как новорожденный борется за жизнь, вы были бы гораздо счастливее... и намного богаче. Некоторых из вас мне просто жаль, настолько бедно их богатство. Ты! Я вручаю тебе приз за стометровку. Ты стал счастливее?

— Н-ну... наверное.

— Не увиливай, пожалуйста. Вот твой приз, я зачитаю, что там написано. «Гран-при за спринт, дистанция сто метров»,— он, и правда, подошел к моему столу и пришпилил на грудь значок.— Вот! Ты счастлив? Ты ценишь приз или нет?

Я обиделся. Сначала грязные намеки о богатеньких детишках — типичная зависть малоимущего! — а теперь этот фарс. Я сорвал значок и швырнул преподавателю.

Мистер Дюбуа удивился.

— Он не сделал тебя счастливым?

— Вам отлично известно, что я занял четвертое место!

— Точно! Приз за первое место для тебя ничего не стоит... потому что ты его не заслужил. Но тебя радует скромное четвертое место; его ты заслужил. Надеюсь, что некоторые сомнамбулы, собравшиеся сегодня здесь, поняли мою маленькую моралите. Тешу себя мнением, что поэт, написавший ту песню, хотел сказать: все лучшее в жизни должно быть оплачено не деньгами. И это правда, хотя выбрал он лживую формулировку. Лучшее в жизни — за пределами денег, оно окупается агонией, потом и преданностью. Цена самого дорогого в жизни — сама жизнь. И это высшая стоимость.

Я размышлял над словами мистера Дюбуа — *подполковника* Дюбуа! — и его письме, пока мы тащились обратно в лагерь. Потом я перестал думать, потому что рядом с нами пристроился оркестр, и мы некоторое время орали песни. Сначала французские — «Марсельезу», разумеется, и еще «Madelon», «Сынов тру-

да и риска», а потом «Légion Éntrangère» и «Мадемуазель из Армантьера»*.

Хорошо, когда играет оркестр. Он подхватывает тебя, заставляет держать шаг, пока ты волочишься хвостом по прерии. Сначала у нас не было никакой музыки, кроме записей, да и те играли только на смотрах. Но сильные мира нашего вызнали, кто из нас на чем может играть, а кто ни на чем не может; предоставили нам инструменты, так был организован полковой оркестр, наш собственный, даже дирижер и тамбурмажор были из рекрутов.

Поблажкой тут и не пахло. О нет! Это значило, что в свободное время ребятам позволили репетировать по вечерам и в воскресенье, да еще то, что шли они в голове колонны, а не стояли в строю. Собственно, тут почти все происходило сходным образом. Капеллан тоже был из наших. Он был старше многих и принадлежал к какой-то секте, о которой я никогда не слышал. Но в проповеди вкладывал столько пыла, не важно, были ли они ортодоксальными или нет (меня не спрашивайте), и определенно понимал проблемы рекрутов. Да и петь было забавно. Кроме того, в воскресенье утром, между уборкой и обедом, ходить тут больше некуда.

Оркестр страдал от массы недостатков, но каким-то образом ребята не бросали упражнений. В лагере имелись четыре волынки и несколько шотландских костюмов, присланных Лохиелем из клана Камерон*, чей сын погиб здесь во время тренировок. Один из ребят, как выяснилось, знал, что делать с волынкой, он научился в шотландских бойскаутах. Вскоре мы пустили в дело все четыре инструмента, может, не слишком ладно, зато громко. Когда их слышишь впервые, волынки кажутся странными, а новичок, разучивающий партию, заставляет скрипеть зубами. Впечатление такое, будто он зажал под мышкой кошку и изо всех сил кусает ее за хвост.

Но потом привыкаешь. Когда наши волынщики впервые продемонстрировали свои коленки перед всем оркестром и выдули «Мертвых Аламейна», мои волосы встали таким дыбом, что даже головной убор подняли. От таких песен слезы наворачиваются на глаза.

Конечно, оркестр на марш-бросок не берут. Тубам и басовым барабанам приходилось оставаться в лагере, потому что

музыкантам нужно тащить еще полную выкладку, как и всем остальным, так что они берут с собой что-нибудь не слишком крупное. Но в мобильной пехоте отыскались инструменты, о существовании которых я даже не подозревал. Например, маленькая такая коробочка, не больше губной гармошки, электронная, а звук у нее, как у трубы. Приходит команда оркестру (а ты топаешь куда-то к горизонту), каждый музыкант, не останавливаясь, достает инструмент, товарищи расступаются, пропуская парня, он бежит в голову колонны, пристраивается за ротным знаменем и начинает дудеть.

Помогает.

Оркестр отстал, музыку почти не было слышно, мы перестали петь, потому что для этого нужно дыхание, а его почти не оставалось.

Я вдруг понял, как мне хорошо.

Попытался придумать причину для хорошего настроения. Может, потому, что до лагеря часа два ходу, а там я смогу увольться?

Нет. Когда я решил уволиться, мне действительно в некоторой степени стало спокойно, улеглись мои внутренние распри, и я смог заснуть. Нет, что-то другое, я никак не мог понять.

А потом все стало ясно. Я одолел перевал!

Я прошел его. Одолел, и теперь мне было легко. Прерия была плоская, как блин, но ощущение у меня было такое, будто я взобрался на гору и уже готов повернуть назад. А потом, по-моему, когда мы пели, я прошел перевал и теперь спускался вниз. Снаряжение стало легче, тревоги разлетелись.

Когда мы попали в расположение части, я не пошел говорить с сержантом Зимом; мне было не нужно. Это он заговорил со мной, махнув рукой: подойди, мол.

— Да, сэр?

— Вопрос личный... можешь не отвечать, если не хочешь.

Сержант замолчал, а я спросил себя: не заподозрило ли начальство, что я подслушивал, как его дрючили. Я затрепетал заранее.

— Тебе письмо сегодня пришло. Я заметил... случайно, чисто случайно, не мое дело. Но... имя и обратный адрес. Кое-где это обычное имя, встречается часто, но... вопрос личный, нет нужды

отвечать... случайно, у человека, который написал это письмо, не ампутирована левая кисть?

Я почувствовал, как у меня отвисает челюсть.

— А вы откуда знаете?.. сэр...

— Я был рядом, когда он ее потерял. Это же, правда, подполковник Дюбуа? Правда?

— Так точно, сэр. Он преподавал мне историю и философию морали в старших классах.

Кажется, я впервые ухитрился произвести впечатление на сержанта Зима. Брови у него приподнялись примерно на одну восьмую дюйма, даже глаза чуть-чуть расширились.

— Ah so! Тебе просто невероятно повезло,— он помолчал и добавил: — Будешь отвечать ему... если не против, припиши, что кадровый сержант Зим шлет поклон.

— Есть, сэр. И... знаете, кажется, он и вам передавал привет, сэр.

— Что-о?!!

— Э-э... я не уверен,— я вытащил письмо и прочитал: — «А если повезет встретить кого-нибудь из моих прежних товарищей, передай им мой горячий привет». Это ведь вам, сэр?

Зим тяжко задумался, глядя сквозь меня на что-то неведомое.

— А? Да, мне... среди прочих. Спасибо тебе,— и сменил тон.— Девять минут до построения! А ты еще не был в душе и не переодет! Бего-ом!!!

7

Каждый глупый новобранец думает о смерти,
И «медвежья болезнь» ему кишки вертит.
Все кругом его пинают и ругают матом.
Но однажды встанет он солдатом,
Отряхнет как шелуху болтовню пустую,
Делом он наполнит день свой – службу строевую.

Редьярд Киплинг

Больше об учебке рассказывать нечего. Большей частью — просто работа, но я приноровился; о чем тут говорить?

Но хочу упомянуть скафандры, отчасти потому, что меня они восхищают, а еще потому, что из-за них я влип в неприятности. Никаких жалоб — я заслужил.

Пехотинец живет с боевым скафандром, как парни из К-9 живут со своими псами. Доспехи — половина причины, по которой мы называем себя мобильной, а не просто пехотой. Вторая половина — звездные корабли, которые нас сбрасывают, и капсулы, в которых мы высаживаемся. Наши боевые доспехи дают нам зрение позорче, слух чутче, спины посильнее (чтобы нести оружие и боезапас), ноги покрепче, мозги побыстрее (мозги в военном смысле; человек в доспехах может быть глуп, как любой другой, только лучше — не надо), огневую мощь повнушительнее. Плюс большую выдержку и меньшую уязвимость.

Боевой скафандр — не космический, хотя может и служить таковым. И не доспехи, хотя рыцари Круглого стола были защищены куда хуже нас. Это не танк, но один пехотинец может заменить собой танковую дивизию или справиться с ней, если найдется глупец, который выставит танки против мобильной пехоты. Скафандр — не корабль, хотя умеет летать, немножко. С одной стороны, ни космические, ни атмосферные средства передвижения не справятся с пехотинцем в доспехе, разве что устроят ковровое бомбометание. Все равно что спалить дом, чтобы убить блоху. С другой стороны, мы умеем вытворять такое, чего ни один корабль, воздушный, подводный или космический, не умеет.

Существует дюжина прочих способов массового уничтожения на расстоянии. Корабли, ракеты того или другого класса, катастрофы столь масштабные, столь неразборчивые, что война заканчивается, когда народ или планета перестают существовать. Но мы занимаемся другим. Мы делаем войну личностной, как удар в нос. Мы действуем избирательно, создавая давление в строго определенной точке и на строго определенное время. Нам никогда не приказывали спуститься и убить — или захватить — всех рыжеволосых левшей в заданном округе, но, если прикажут, мы сможем. И сделаем.

Мы — парни, которые отправляются куда нужно в нужное время, занимают определенный район, закрепляются, выковы-

ривают противника из укрытий и заставляют его сдаться или умереть. Мы — проклятая пехтура, грязные сапоги, гусиные лапы, пончики, пешки, которые идут туда, где сидит враг, и лично с ним разбираются. Мы меняем оружие, но не суть профессии. По крайней мере за пять тысяч лет с тех пор, как пехтура Саргона Великого* заставила шумеров кричать: «Дяденька, больше не буду!», ничего не изменилось.

Может, когда-нибудь научатся обходиться без нас. Может быть, какой-нибудь чокнутый гений с миопией, высоким лбом и кибернетическим мозгом изобретет оружие, которое сможет забраться в нору, вытащить противника, заставить его сдаться или умереть... не положив при этом кучу собственного народа, которого держат в заложниках. Не мне знать. Я не гений, я — мобильная пехота. К тому времени, когда построят машину, которая сможет нас заменить, мои товарищи справятся с работой... ну, и я чуть-чуть помогу.

А может, когда-нибудь все вдруг станут милыми и порядочными, и мы, как поется в той песенке, «позабудем ратный труд». Может быть. Может, однажды леопард смоет пятна со шкуры и начнет работать коровой. Не мне знать. Я не преподаю космополитику, я — мобильная пехота. Когда правительство говорит мне идти, я иду. А в промежутках отдыхаю.

Но машина нам на замену еще не построена, хотя кое-что нам в помощь уже изобрели. Боевой скафандр, например.

Нет нужды описывать, как он выглядит, изображений полно. Надень его, будешь похож на стальную гориллу, вооруженную оружием таких же горилльих размеров. Может, поэтому сержанты практически каждое свое обращение к нам начинают со слов: «Вы, гориллы...»? Хотя сержанты в легионах Цезаря, похоже, пользовались тем же самым эпитетом.

Но скафандр мощнее гориллы. Если пехотинец в доспехе сожмет гориллу в объятиях, обезьяна умрет; ее раздавит, а скафандр и солдат не пострадают.

«Мускулы» — псевдомускулатура — не новость, весь фокус в контроле над ними. Его изобрел настоящий гений, тебе не нужно контролировать скафандр, его нужно просто носить, как одежду,

как собственную кожу. Любой корабль нужно учиться пилотировать; на это требуется много времени, новые набор реакций, искусный образ мышления. Даже езда на велосипеде требует определенных умений, весьма отличающихся от ходьбы. То же самое с кораблями... мамочка! Да я столько не проживу! Звездолеты — для акробатов с мозгами математиков.

А доспех просто носишь.

При полной загрузке в нем две тысячи фунтов, но, едва натянув его, ты готов ходить, бегать, прыгать, ложиться, брать яйцо, не разбив его (требует практики, как и все остальное), плясать джигу (если умеешь танцевать ее без скафандра) — и прыгнуть через дом и приземлиться мягче перышка.

Секрет в отрицательной обратной связи и усилителях.

Только не просите набросать схему скафандра; не смогу. Но насколько я понимаю, даже лучшие скрипачи не сумеют сделать приличную скрипку. Я могу проводить техобслуживание скафандра в полевых условиях, даже полевой ремонт, знаю наизусть триста сорок семь пунктов выведения из консервации для готовности к носке, а чего еще требовать от тупого пехотинца? Если мой доспех действительно «заболеет», я вызову доктора — доктора наук (электромеханическая инженерия) в чине лейтенанта флота, то есть капитана по нашим меркам. На каждом десантном транспорте есть такой. И даже при штабе каждой учебки, куда они идут крайне неохотно, ведь такая судьба для флотского — хуже смерти.

А если вам действительно приспичило взглянуть на чертежи и стереоснимки и описание физиологии боевого доспеха, сами найдете их в любой публичной библиотеке. Те, что не засекречены. Для того чтобы получить секретную часть, вы должны быть похожи на шпиона противника. И выглядеть убедительно, потому что шпионы — ребята изобретательные. Вероятнее всего, тот, к которому вы обратитесь, продаст вам сведения, которые вы бесплатно могли бы отыскать в библиотеке.

Вот как скафандр работает (за вычетом диаграмм). Внутри он полон датчиков, реагирующих на давление, их там сотни. Давишь тыльной стороной ладони, скафандр чувствует и повторяет, усиливая, движение, пока не снимет с рецепторов нагрузку.

Смущает, согласен, но отрицательная обратная связь имеет обыкновение смущать — поначалу, несмотря на то что наше тело постоянно занимается этим с тех пор, как мы беспомощно толкаемся в пеленках. Дети только учатся, поэтому они такие неуклюжие. Подростки и взрослые уже не думают, как выполнить движение, если только не страдают болезнью Паркинсона.

Скафандр повторяет все твои движения, только более мощно.

Контролируемая сила... сила, которую ты контролируешь, даже не думая об этом. Ты прыгаешь, прыгает и громоздкий доспех, но выше, чем ты. Вот прыгать действительно трудно, для этого скафандр оборудован ракетным двигателем в дополнение к «мускулам» ног. И вниз летишь с той же скоростью, что и вверх... но тут скафандр подмечает приближение препятствия при помощи датчиков расстояния и сближения (что-то вроде простенького радара) и гасит падение теми же двигателями.

Вот в этом красота боевого доспеха: тебе не нужно думать. Не приходится управлять им, летать на нем, его просто носишь, а он получает приказы от твоего тела и делает то же, что и они. А голова у тебя освобождается для оружия и происходящего вокруг... что весьма важно для пехотинца, мечтающего умереть в своей постели. Если он при посадке станет следить за снижением, кто-нибудь, вооруженный гораздо легче и проще, скажем, каменным топором, разобьет ему голову, пока он читает показания приборов.

«Глаза» и «уши» также не отвлекают внимания. В полевом скафандре три канала связи. Тот, что используют для передачи секретной информации, очень сложный, там, как минимум, две частоты, и они меняются под контролем цезиевых часов, синхронизированных до микро-микросекунды с часами на другой стороне,— но все это не твоя головная боль. Нужен тебе канал А для связи с командиром отделения — кусаешь загубник один раз, нужен канал Б — кусаешь два раза, и так далее. Микрофон закреплен у горла, на ушах — наушники, ты только говори. Кроме того, по обеим сторонам шлема внешние микрофоны позволяют слышать, что творится вокруг, как будто на голове у тебя и вовсе нет шлема. А еще можно приглушить назойливых соседей и не пропустить команды от командира взвода.

В шлеме датчиков давления нет, поэтому голову — челюсти, подбородок, шею — используешь для управления, скажем, радарами, а руки свободны для боя. Подбородок управляет визуальными обзорными дисплеями, челюсть отвечает за звук. Приборы расположены над головой и за ней, но за ними наблюдаешь в зеркало, укрепленное перед лбом. Из-за этого шлема ты похож на гориллу-гидроцефала, но, если повезет, противник не проживет столько, чтобы успеть обидеть тебя этим сравнением. А радары и дисплеи — вещь необходимая.

Если тряхнуть головой, точно лошадь, на лоб поднимется инфравизор, тряхнешь еще раз — опустится на глаза. Выпустишь из рук ракетомет — скафандр сам уберет его на место, пока он снова не понадобится. Обсуждать подачу воды, воздуха, работу гироскопов и так далее — суть одна и та же: сделать все, чтобы оставить твои руки свободными для работы.

Разумеется, требуется некоторая подготовка, чтобы овладеть всеми премудростями боевого скафандра. Тренируешься, пока не доводишь движения до автоматики, вроде чистки зубов. Но для того чтобы просто надеть доспех и двигаться в нем, особо ничего не требуется. Прыгать учишься, потому что прыжок получается более высоким, более быстрым, более дальним и в воздухе остаешься гораздо дольше. Учишься ориентироваться, дополнительные секунды в воздухе тоже можно использовать, а секунды в бою бесценнее бриллиантов. Прыгая, можно отыскать цель и навестись на нее, выстрелить, переговорить с соседом, перезарядить оружие, решить, прыгать ли еще раз без приземления, заставив двигатели сработать еще раз.

Но в общем и целом боевой доспех практики не требует. Он делает все, что и ты, только лучше. Все, кроме одного — в нем нельзя почесаться. Если я отыщу скафандр, который позволит мне поскрести меж лопаток, я женюсь на нем.

Существует три типа боевых скафандров мобильной пехоты: полевой, командный и разведывательный. У разведки доспехи пошустрее и позорче, но легче. Командирские быстро бегают и выше прыгают, связь в них раза в три лучше прочих, оборудования на них больше, инерционная система опять же. А полевые — это для тех парней, что с сонным видом торчат в строю.

* * *

Как я уже говорил, я влюбился в боевые скафандры, несмотря на то что первое знакомство стоило мне вышибленного плеча. Каждый день, когда мое отделение отправлялось на занятие с доспехами, был для меня праздником. В день, когда я дал промашку, я носил условные сержантские нашивки, потому что изображал командира условного подразделения, и был вооружен условным ядерным оружием, которым должен был воспользоваться в условной темноте против условного противника. Вот в этом и загвоздка; все условное, а от тебя требуют, чтобы ты действовал, как в реальности.

Мы отступали — то есть «продвигались в направлении тыла»,— и кто-то из инструкторов вырубил энергию в скафандре одного из наших ребят, превратив его в беспомощного раненного. По установке мобильной пехоты я послал к нему на выручку и заважничал, потому что отдал приказ раньше, чем мой второй номер догадался сделать то же самое. А затем вернулся к выполнению боевой задачи, которая заключалась в запуске ракет с условными ядерными боеголовками, чтобы обескуражить нашего условного противника.

Наш фланг никуда не спешил; предполагалось, что я выстрелю так, чтобы никто из своих не пострадал от взрыва, но достаточно близко, чтобы обеспокоить противника. И все это, разумеется, бегом. И передвижение, и наши действия были оговорены заранее (мы же все были еще зеленые), варьироваться могли только потери.

Установка требовала от меня, чтобы я по радару определил точное месторасположение наших солдат, которых могло зацепить взрывом. Но надо было пошевеливаться, а я еще не слишком ловко читал показания. Я смухлевал всего лишь чуточку — поднял инфравизор и глянул невооруженным глазом при свете дня. Места было предостаточно, только одного из ребят дернуло торчать по соседству в половине мили от меня, а у меня в арсенале всего-то и была учебная ракета, не способная ни на что, кроме дыма. Я прикинул расстояние до цели, вынул ракетомет из-за спины и нажал на гашетку.

Затем прыгнул дальше, довольный собой — не потерял ни секунды.

А потом, еще в воздухе, у скафандра отключили энергию. Повреждений никаких, все отключается с задержкой, и приземлиться можно благополучно. Вот я и приземлился, и там застрял, сидя на корточках, поддерживаемый только гироскопами, но двигаться дальше не способный. Как двинешься, если вокруг тебя тонны металла, а энергии нет?

Я принялся ругать себя, я как-то не предполагал, что в потери переведут меня, когда предполагается, что я главный. Черт, дерьмо, вот ведь гадство какое, и прочие комментарии.

Следовало знать, что сержант Зим глаз не спустит с командира отделения.

Вскоре он прискакал лично и провел со мной приватную беседу, в которой предположил, что, возможно, я сгожусь для мытья полов, раз слишком глуп, неуклюж и беспечен для грязных тарелок. Он обсудил со мной мое прошлое и вероятное будущее, выдал еще кое-какие соображения, которых я не хотел бы услышать. Закончил он речь невыразительно и скучно:

— Тебе бы понравилось, если бы полковник Дюбуа увидел твои художества?

Затем он ушел. Я ждал на корточках почти два часа, пока не просигналили окончание учений. Скафандр и еще недавно легкие, как перышко, настоящие сапоги-скороходы, сейчас сжимали меня, точно «железная дева». В конце концов за мной вернулся сержант, восстановил энергию доспеха, и мы вместе поскакали на предельной скорости в штаб.

Капитан Франкель был менее многословен, но мне хватило.

Потом он сделал паузу и добавил тем скучным голосом, который офицеры приберегают для зачитывания статей устава и уложений:

— Можете требовать разбирательства вашего дела трибуналом, если хотите. Что скажете?

Я сглотнул и ответил:

— Никак нет, сэр! Не хочу!

До этой секунды я плохо представлял, в какую историю влип.

Капитан Франкель, похоже, перевел дух.

— Тогда посмотрим, что скажет командир полка. Сержант, проводите арестованного.

Мы в скоростном порядке отправились инстанцией выше, там я впервые лицезрел комполка и к тому времени пребывал в убеждении, что трибунала мне не избежать. Но я очень хорошо запомнил, как Тед Хендрик сам себе устроил неприятности; я ничего не сказал.

В общей сложности майор Мэллой сказал мне четыре слова. Выслушав рапорт сержанта Зима, он произнес первые два:

— Это так?

— Так точно, сэр,— ответил я, на чем мое участие в разговоре завершилось.

— Есть смысл его спасать? — обратился майор Мэллой к капитану Франкелю.

— Думаю, да, сэр,— сказал капитан.

— Тогда ограничимся административным наказанием,— майор повернулся ко мне.— Пять плетей.

Что ж, ждать меня не заставили. Через пятнадцать минут врач осмотрел меня, начальник охраны обеспечил меня специальной рубашкой, которую можно было снять, не снимая наручников,— она застегивалась на молнию на спине. Как раз прозвучал сигнал к построению. Все происходило будто бы не со мной... потом я понял, что так бывает, когда перепуган до смерти. Как в ночном кошмаре...

Зим вошел в палатку, едва отзвучал сигнал. Он только глянул на начальника охраны — капрала Джонса,— и тот исчез. Зим подошел ко мне, сунул что-то в руку.

— Прикуси,— негромко посоветовал он.— Помогает. Я знаю.

Это был резиновый загубник, которым мы пользовались во время тренировок по рукопашному бою, чтобы зубы не повредить. Зим ушел. Я сунул загубник в рот. Затем меня заковали в наручники и вывели наружу.

Зачитали приказ: «...за преступную халатность в учебном бою, которая в боевых условиях повлекла бы за собой гибель товарища». Потом с меня сорвали рубашку и привязали к столбу.

Вот что странно: наблюдать за поркой гораздо труднее, чем быть выпоротым самому. Я не утверждаю, что это пикник. Так больно мне еще никогда не было, а ожидание между ударами было хуже самих ударов. Но загубник действительно помог, и единственный мой вскрик никто не услышал.

А вот вторая странность: после никто даже словом не напомнил, даже другие рекруты. Зим и другие инструктора обращались со мной по-прежнему. С того момента, как доктор смазал мне спину мазью и велел возвращаться на службу, все закончилось. Я даже сумел немного поесть и сделал вид, что участвую в общей болтовне за столом.

И еще кое-что об административных наказаниях: в личных делах они не остаются. Записи о них уничтожаются по окончанию тренировок, и ты начинаешь с чистого листа. Остается единственная отметка.

Ты сам никогда не забудешь.

8

Наставь юношу при начале пути его: он не уклонится от него, когда и состарится.

Притчи Соломона 12:6

Были у нас еще и порки, но всего несколько. И только Хендрика в нашем полку выпороли по приговору трибунала, остальных, как и меня, наказали в административном порядке. И каждый раз приходилось за разрешением обращаться на самый верх, к командиру, что, мягко говоря, у офицеров энтузиазма не вызывало. И даже тогда майор Мэллой предпочитал вышвыривать провинившегося за «недостойное поведение», чем ставить его к позорному столбу. В каком-то смысле порку можно было рассматривать как своего рода комплимент; она означала, что старшие по званию думают, что со временем ты станешь солдатом и гражданином.

Я единственный получил по максимуму; остальные обошлись тремя ударами. Никто не был ближе меня к штатской одежде, но я проскочил. И это было чем-то вроде поощрения. Не пожелал бы я никому такого поощрения.

Но был у нас случай много хуже, чем с Тедом Хендриком,— из настоящих. Однажды на месте позорного столба установили виселицу.

Однако все по порядку. К армии этот случай отношения не имел. Преступление было совершено за пределами лагеря Карри, а офицер, который направил этого парня в мобильную пехоту, должен был висеть вместо него.

Парень дезертировал через два дня после прибытия в учебку. Нелепо, конечно, но в его случае все было нелепо. Почему он просто не уволился? Естественно, дезертирство значится в списке «*тридцати одного способа расшибиться*», но армия не карает его смертью, если только не присутствуют особые обстоятельства, скажем «перед лицом врага» или еще что-нибудь, превращающее дезертирство из слишком оригинального способа уволиться в преступление, которое не может остаться безнаказанным.

Армия и пальцем не шевелит, чтобы отыскать дезертира и вернуть его. И в этом есть смысл. Мы все — добровольцы, мы в мобильной пехоте, потому что хотим здесь быть, мы гордимся, что мы — пехотинцы, а пехота гордится нами. Если кто-то так не думает, от мозолистых пяток до волосатых ушей, я не хочу, чтобы он прикрывал мой фланг, когда начнутся неприятности. Если меня пришибут, я хочу, чтобы рядом были ребята, которые меня вытащат, потому что они — мобильная пехота, и я — мобильная пехота, и моя шкура значит для них ровно столько же, сколько собственная. Мне не нужны псевдовояки, поджимающие хвост и ныряющие в кусты, едва потянет порохом. Уж лучше никого за спиной, чем этот так называемый солдат, лелеющий свою исключительность, так называемый синдром призывника. Так что если они побежали, пусть бегут; ловить их — пустая трата времени и денег.

Правда, чаще всего они возвращаются сами, хотя порой этот процесс затягивается, и в таком случае армия устало позволяет им получить пятьдесят плетей и отпускает на все четыре стороны.

Полагаю, нервная работенка — быть беглецом, когда никто, ни гражданские, ни военные, ни даже полиция, тебя не ищет. Злодей бежит, пока нет погони. Велико искушение вернуться, получить свои шишки и дышать свободно.

Но этот парень сам не вернулся. Он отсутствовал четыре месяца, и я всерьез сомневаюсь, что рота вспомнила бы его, ведь он пробыл с ними всего пару дней. Он был именем без лица, неким Диллингером Н.Л., которого выкликали на поверке и каждый раз получали в ответ: «Находится в самовольной отлучке!».

Но потом он убил маленькую девочку.

Местный суд судил его и вынес приговор, но, установив личность, выяснил, что обвиняемый находится на военной службе. Пришлось сообщить в департамент, и наш генерал вмешался в дело. Парня вернули к нам, потому что воинский кодекс в этом случае стоит выше гражданского.

Зачем генерал помешал им? Почему не позволил местному шерифу выполнить свою работу?

В порядке «преподания нам урока»?

Вовсе нет. Думаю, что у генерала и в мыслях не было, что кто-то из его ребят нуждается в подобном уроке, чтобы понять, что нельзя убивать маленьких детей. И сейчас я твердо убежден, что он уберег бы нас от этого зрелища, если б мог.

И мы выучили урок, хотя тогда никто об этом нас не предупредил, и вообще ничего не говорил, пока он не стал нашей второй сущностью.

Мобильная пехота всегда заботится о своих — не важно, каким образом.

Диллингер принадлежал нам, он числился в списках. Даже если он был не нужен нам, даже если ему не следовало среди нас находиться, даже если мы были бы счастливы отречься от него, он принадлежал нашему полку. Мы не могли вышвырнуть его и позволить неизвестному шерифу сделать дело. Если необходимо, мужчина — настоящий мужчина — сам пристрелит свою собаку и не станет искать, кто бы это сделал за него.

Архив полка утверждал, что Диллингер наш, так что забота о нем была нашим долгом.

Тем вечером мы шли по плацу тихим шагом, шестьдесят в минуту (трудно держать шаг, когда привык делать сто сорок), а оркестр играл «Панихиду по неоплаканным». Затем вывели Диллингера, одетого по полной форме, как и все мы, а оркестр заиграл «Дэнни Дивера», пока с провинившегося срывали знаки различия, даже пуговицы и головной убор, оставив его в мундире, который больше не был униформой. Барабаны раскатили непрерывную дробь, а потом все было кончено.

Мы прошли поверку и разбежались по палаткам. По-моему, в обморок никто не падал, никого даже не стошнило, хотя ужин съели не все, и я никогда не слышал такой тишины в столовой. Это было жуткое зрелище (так я впервые увидел смерть собственными глазами, как и многие из нас), но не было шока, как с Тедом Хендриком. Нельзя было представить себя на месте Диллингера и сказать: «Это могло случиться со мной». Не считая дезертирства, Диллингер совершил по меньшей мере четыре серьезных преступления. Если бы его жертва осталась жива, он все равно станцевал бы Дэнни Дивера за оставшиеся три — похищение ребенка, требование выкупа, неподчинение властям.

Сочувствия к нему я тогда не испытывал, не испытываю и сейчас. Старая истина «Понять все — простить все» — сущая ерунда. Чем больше понимаешь кое-какие вещи, тем усерднее их проклинаешь. Я сберег сочувствие для Барбары Анны Энтуэйт, которую я никогда не видел, и для ее родителей, которые никогда не увидят своей маленькой дочери.

Когда в тот вечер оркестр отложил инструменты, мы объявили тридцатидневный траур по Барбаре — в знак нашего позора. На флаги повязали черные ленты, музыка на парадах не играла, никто не пел на марш-бросках. Только раз я услышал, как кто-то пожаловался, но ему тут же по-дружески предложили в порядке компенсации полный набор синяков и шишек. Нашей вины в происшествии не было, но наш долг — охранять маленьких девочек, а не убивать их. Наш полк был опозорен, требовалось смыть пятно. Мы были обесчещены и таковыми себя чувствовали.

Той ночью я задумался: как сделать, чтоб такого не случалось? Конечно, в наши дни такое бывает очень редко, но и одного раза

много. Я так и не нашел ответа, который удовлетворил бы меня. Этот Диллингер... он был такой же, как все, ни поведение, ни личное дело не внушало опасений, иначе он бы не оказался в учебном лагере. Наверное, он из тех патологических личностей, о которых иногда пишут. Их никак не отличишь от нормальных.

Ладно, если нет способа удержать, есть способ не дать повторить. Им мы и воспользовались.

Если Диллингер соображал, что творит (а кажется невероятным), значит, должен был понимать, что ему за это будет. Жаль только, что мучился он гораздо меньше, чем маленькая Барбара. Собственно, он вовсе не мучился.

Но предположим, что он был сумасшедшим и не знал, что совершает что-то не то. И это больше похоже на правду. Что тогда?

Что ж, бешеных собак пристреливают, не прав да ли?

Но безумие — это болезнь...

Здесь я видел только два выхода. Если он неизлечим, ему лучше умереть ради себя самого и безопасности окружающих. Или его можно вылечить. И в таком случае (так мне представлялось) его вылечили бы настолько, что он стал бы приемлем для общества... он понял бы, что совершил, пока был болен, и что ему оставалось бы, кроме самоубийства? Как бы он смог ужиться с самим собой?

А если бы он сбежал до выздоровления и снова кого-нибудь убил? И еще раз? Как тогда объясняться с родителями, лишившимися детей?

Я придумал единственный ответ.

Мне вдруг вспомнилась дискуссия на уроке истории и философии морали. Мистер Дюбуа рассказывал о беспорядках, предшествовавших распаду Североамериканской республики в конце двадцатого века. Из его слов выходило, что прежде, чем все пошло вразнос, были времена, когда преступления, вроде совершенного Диллингером, считались столь же общепринятыми, как и собачьи бои. Ужас царил не только в Северной Америке — Россия и Британские острова его тоже знали, как и прочие страны. Но своего апогея он достиг именно в Северной Америке, а потом все развалилось.

— Законопослушные люди,— вещал Дюбуа,— не осмеливались по ночам выйти в общественный парк. Подобная прогулка граничила с риском подвергнуться нападению стаи детишек, вооруженных цепями, ножами, самодельными пушками, дубинками. С риском быть, как минимум, избитым, наверняка ограбленным, возможно опасно раненным, а то и убитыми. И так продолжалось годами, вплоть до войны между Русско-англо-американским союзом и Китайской гегемонией. Убийства, наркомания, кражи, налеты и вандализм были обычным явлением. И не только в городских парках, такие вещи случались на улицах посреди бела дня, на территориях школ, даже внутри школьных зданий. Но парки снискали печальную известность самых небезопасных мест в городе, поэтому честные люди по ночам держались от них подальше.

Я постарался представить грабеж или вандализм в нашей школе. И просто не сумел. И с парком у меня тоже ничего не получилось. Парк предназначен для веселья, а не для нанесения увечий. И уж тем более — не для того, чтобы тебя в нем убили...

— Мистер Дюбуа, а разве тогда не было полиции? Или судов?

— Полиции тогда было больше, чем сейчас. И судов тоже. И все они были загружены работой выше головы.

— Тогда я не понимаю.

Да если бы мальчишка из нашего города совершил хотя бы половину того зла, его отца выпороли бы при всем честном народе вместе с ним. Но такого просто не бывало.

— Дай определение малолетнего преступника,— потребовал от меня мистер Дюбуа.

— Э-э... один из детей... из тех, кто бьет людей.

— Неверно.

— А... почему? В учебнике сказано...

— Приношу глубочайшие извинения. Учебник так формулирует, это да. Но назови хвост ногой, ходить на нем ты все равно не сможешь. Понятие «малолетний преступник» несет в себе внутреннее противоречие. Оно позволяет понять, что у ребенка существуют проблемы и что он решить их не может. У тебя был щенок?

— Да, сэр.

— Ты пускал его в дом?

— Э-э... да, сэр. Иногда.

С ответом я помедлил из-за маминого правила, что собака должна жить во дворе.

— Вот как. Когда щенок совершал ошибку, ты сердился?

— Что? Как можно, сэр, он же всего лишь щенок. Он просто не знает...

— А как ты поступал?

— Ну, ругал его, тыкал носом в лужу, шлепал.

— Но слов он определенно не понимал?

— Да нет, зато понимал, что я на него сержусь!

— Но ты же только что сказал, что не сердился.

У мистера Дюбуа была раздражающая способность запутывать людей.

— Нет, но я заставлял щенка думать, будто сержусь. Ему же нужно учиться. Верно?

— Согласен. Но объяснив щенку, что ты недоволен, как ты мог допускать жестокость и шлепать его? Ты говоришь, что бедный зверек не знал, что поступил неправильно. А ты причинял ему боль. Оправдай себя! Или ты садист?

Я понятия не имел, что такое садист, зато знал щенков.

— Мистер Дюбуа, но ведь иначе — никак! Ругаешь щенка, чтобы он понял, что попал в переделку, тычешь носом, чтобы сообразил, в чем именно проблема, а шлепаешь, чтобы он не осмелился еще раз сделать лужу! Я был вынужден! Какой смысл наказывать его потом? Он смутится и ничего не поймет. А так, даже если одного урока не хватит, можно последить за ним, поймать на преступлении и отшлепать сильнее. И он скоро все поймет. А просто ругать — пустая трата времени и сил,— я подумал и добавил: — Похоже, вы никогда не воспитывали щенка.

— Многих. Сейчас я воспитываю гончую — твоими методами. Но вернемся к нашим малолетним преступникам. Наиболее жестокие из них были чуть-чуть младше вас... а преступную карьеру начали еще раньше. И вот теперь вспомним щенка. Тех детей часто ловили, полиция каждый день производила аресты. Ругали их? Да, и зачастую жестоко. Тыкали носом? Лишь из-

редка. В новостях и официальных заявлениях их имена появлялись, только когда детишки достигали восемнадцати лет. Шлепали их? Конечно же, нет! Некоторые даже в сопливом детстве ни разу не получали ни единой затрещины. Весь мир считал, что наказание, причиняющее боль, наносит непоправимый вред детской психике.

(Тут я подумал, что мой отец, похоже, никогда в жизни не слыхал этой теории.)

— Телесные наказания в школах были запрещены законом,— продолжал мистер Дюбуа.— К порке суд приговаривал только в одной провинции, Делаваре, и только за некоторые повторные преступления, да и то редко. Порка считалась «жестоким и необычным наказанием»,— мистер Дюбуа принялся размышлять вслух.— Не понимаю, что плохого в жестоком и необычном наказании. В принципе, судья обязан быть милосердным, но его цель — заставить преступника страдать, иначе о каком наказании идет речь? И миллионы лет эволюции выработали в нас боль как основной механизм, предупреждающий нас о том, что нечто угрожает нашему выживанию. Так почему же общество отказывается использовать столь превосходный механизм? Правда, тот период был переполнен псевдонаучной и псевдопсихологической чушью. Наказание должно быть необычным, иначе это не наказание.

Учитель ткнул культей в еще одного парнишку.

— Ты. Что произойдет, если щенка шлепать каждый час?

— Н-ну... с ума сойдет?

— Возможно. И уж конечно ничему не научится. Сколько времени прошло с тех пор, как директор этой школы в последний раз применял розги?

— Ну, я не помню точно. Года два, наверное. Тот парень ударил...

— Неважно. Довольно давно. Подобное наказание достаточно необычно, чтобы послужить уроком на будущее. А теперь опять вернемся к малолетним преступникам. В детстве их не шлепали. За преступления их не пороли. Обычный приговор: за первое преступление — предупреждение, выговор, порой даже до суда не доходило. После рецидива — условное тюремное заключение, юнца отпускали на поруки. Подростка могли арестовывать

и приговаривать несколько раз до того, как дело доходило до собственно наказания. Потом его сажали в тюрьму. То есть в такое место, где от таких же, как он сам, юнец мог приобрести лишь новые преступные навыки. Если во время заключения он не нарушал закон, время содержания под замком сокращали, а то и вовсе могли выпустить. «Под честное слово», если пользоваться жаргоном тех времен. И так далее, и так далее, а подросток тем временем все чаще преступал закон, все с большей жестокостью и изощренностью, а наказанием служило все то же привычное, нестрашное заключение в тюрьме. И вдруг, после восемнадцатого дня рождения так называемый «малолетний преступник» становился преступником взрослым. И случалось так, что уже через неделю он оказывался в камере смертников и ждал казни за убийство. Ты!

Он опять указал на меня.

— Допустим, ты просто отчитывал щенка, никогда не наказывал, позволял ему гадить в доме... лишь изредка выставлял за дверь, а вскоре впускал в дом, не предупреждая, чтобы он больше так не делал. И вдруг в один прекрасный день ты заметил, что собачка подросла, а прудит по-прежнему. Тут ты хватаешь ружье и пристреливаешь любимца. Комментарии, будь добр.

— Н-ну... по-моему, это самый глупый способ воспитывать щенка!

— Согласен. А ребенка? Так кто же тут виноват?

— Ясно дело, не щенок! Я, наверное.

— И опять-таки я согласен. Только без «наверное».

— Мистер Дюбуа,— выпалила одна из девочек,— но почему? Почему бы ни наказывать детей, когда это необходимо? Почему ни задавать порку взрослым, если они того заслужили? Такой урок не забывается! Я имею в виду тех, кто действительно такой плохой. Почему нет?

— Не знаю,— хмуро ответил учитель.— Могу назвать только ту причину, что проверенный временем метод внедрения общественных ценностей и уважения к закону в умы молодых чем-то не потрафил довольно безграмотной и профессионально несостоятельной публике, именовавшей себя «социальными работни-

ками», а иногда «детскими психологами». Очевидно, этот метод казался им чересчур простым. Ведь, как и в деле воспитания щенка, требуются лишь терпение и твердость. Порой я задаю себе вопрос, может, им зачем-то были нужны беспорядки? Но едва ли... взрослые часто действуют исходя из «высших мотивов», и не важно, какой у них образ действий.

— О небеса! — воскликнула девочка.— Мне не больше других детей нравится, когда меня наказывают, но если необходимо, мама всегда мне всыплет. Когда меня однажды высекли в школе, мама еще добавила дома. И я уверена, меня никогда не поставят перед судом и не приговорят к розгам. Веди себя хорошо, и все будет в порядке. Не вижу ничего плохого в нашей системе. Уж это лучше, чем сидеть дома и бояться ступить за порог, потому что там тебя убьют! Вот то было — действительно ужасно!

— Согласен. Юная леди, трагическая ошибочность того, что делали те люди, заключалась в глубоком противоречии с тем, что, по *их* мнению, они делали. У них не было научно обоснованной этической теории. У них были просто представления о морали, которым они пытались следовать. Пожалуй, не стоит насмехаться над их мотивами, но теория их была ошибочна, наполовину высосана из пальца, наполовину — обычное шарлатанство. Чем целеустремленнее они были, тем дальше уходили от цели. Видите ли, они предполагали, что Человек с большой буквы обладает нравственным инстинктом.

— Сэр, но это действительно так! У меня же он есть.

— Нет, моя дорогая, у вас есть культивированная совесть, тщательнейшим образом тренированная. А у человека нет никакого нравственного инстинкта. Он рождается без чувства морали. И вы родились без него, и я, и тот самый щенок. Мы приобретаем его, учась ему, тренируя его, воспитывая, потея над ним. Те несчастные малолетние преступники родились без него так же, как вы и я, но у них не было шанса его приобрести. Опыт их жизни не позволял. Что есть «чувство морали»? Усовершенствованный инстинкт выживания. Вот он-то присущ человеческой природе, каждый аспект нашей личности несет на себе его печать. Все, что конфликтует с инстинктом выживания, рано или поздно

уничтожает личность, а следовательно, не проявляется в последующих поколениях. Эту истину можно продемонстрировать математически. Она верна во всех случаях. И это единственный императив, контролирующий наши поступки. Но инстинкт самосохранения,— продолжал мистер Дюбуа,— можно развить в более сложный и точный инструмент, чем слепое, грубое желание личности остаться в живых. Юная леди, то, что вы ошибочно назвали «нравственным инстинктом»,— вложенная в вас старшими истина, что существует выживание более важное, чем ваша жизнь. Выживание вашей семьи, например. Ваших детей, когда они у вас появятся. Вашего народа, если брать по высшему счету. И так далее. Научное обоснование этики базируется на личном инстинкте самосохранения — и только на нем! Оно должно правильно обрисовывать иерархию выживания, отмечать мотивацию для каждого уровня и разрешать все противоречия. Сейчас такая теория у нас есть, мы можем решить моральные проблемы любого уровня. Личные интересы, любовь семьи, долг перед страной, ответственность перед человеческой расой — мы разрабатываем этику отношений между планетами. Но все моральные проблемы можно проиллюстрировать одной перефразированной цитатой. «Ни в одном человеке нет большей любви, чем у кошки, насмерть воюющей за своих котят». Как только вы поймете нравственную проблему, стоящую перед этой кошкой, и способ, которым она ее решает, вы станете готовы проверить себя и узнать, насколько высоко стоите на лестнице морали. И как высоко способны подняться. Малолетние преступники застряли на низшем уровне. Им, рожденным с одним лишь инстинктом самосохранения, доступна лишь верность своей группе, своей уличной банде. Но различные доброхоты пытались «взывать к их лучшим чувствам», «достучаться до них», «разжечь в них душевный огонь». Вздор! Не было у них «лучших чувств». Опыт учил их, что их поступки — единственный способ выжить. Щенки не получали шлепков, следовательно, все, что они делали с удовольствием и успехом, и должно быть этично. Основание любой морали — долг, то есть понятие, находящееся в таком же отношении к группе, как личный интерес к индивидууму. Никто не проповедовал тем детям их обязатель-

ства перед обществом в понятной им форме, то есть вкупе со шлепками. Зато общество не уставало твердить им об их «правах». Результат предсказуем, поскольку никаких естественных прав человека не существует в природе.

Мистер Дюбуа сделал паузу. Кто-то клюнул на закинутую наживку.

— Сэр! А как же «жизнь, свобода и своя доля счастья»?

— Ах, эти «неотъемлемые права»! Каждый год кто-нибудь да процитирует это великолепное стихотворение. Жизнь? Какое право на жизнь у человека, который тонет в Тихом океане? Волны не услышат криков. Какое право на жизнь у человека, который должен умереть ради спасения своих детей? Если он решит спасать свою собственную жизнь, сделает ли он это по «праву»? Если два человека умирают от голода и каннибализм — единственная альтернатива смерти, какой из двоих имеет больше прав на жизнь? Что до свободы, то герои, которые подписывали тот великий документ, дали обет *купить* свободу ценой собственной жизни. Свобода никогда не была неотъемлемым правом, ее регулярно приходится покупать ценой крови патриотов, или же она исчезает. Из всех так называемых прав человека свобода — самая дорогая, и цена на нее не упадет никогда. И уж даром она вообще не дается. Третье право — «стремление к счастью». Да, вот уж что неотъемлемо! Но только это — не право. Просто естественное положение вещей, которое тираны не могут отнять, а патриоты дать. Бросьте меня в застенок, сожгите меня на костре, коронуйте царем царей, я буду стремиться к счастью, пока жив мой рассудок, но ни боги, ни святые, ни мудрецы, ни наркотики не гарантируют, что я его достигну.

Мистер Дюбуа посмотрел на меня.

— Я уже говорил, что термин «малолетний преступник» — противоречив сам по себе. «Преступник» означает «преступивший свой долг». Но «долг» — понятие взрослых. Малолетние становятся взрослыми тогда и только тогда, когда воспринимают понятие долга и ставят его выше собственных интересов. Никогда не было и никогда не может быть «малолетнего преступника». Но на каждого малолетнего правонарушителя найдется один и

более взрослых преступников — людей, которые в зрелые годы либо не сознают своих обязанностей, либо, зная долг, нарушают его. Вот тот самый гнилой столб, обрушившийся и похоронивший культуру, во многих отношениях замечательную. Молодые балбесы, которые наводнили улицы, были симптомом величайшей слабости; граждане — а тогда гражданином считался каждый встречный и поперечный — возносили и славили миф о «правах»... и забыли о долге и обязанностях. Ни одна нация не продержится на такой конституции.

Я принялся было гадать, к какой категории полковник Дюбуа отнес бы Диллингера. Был ли он малолетним правонарушителем, который достоин жалости, даже если от него придется избавиться? Или он был взрослым преступником, который заслуживает лишь презрения?

Я не знал и никогда не узнаю. В одном я был уверен: Диллингер никогда больше не сможет убить маленькую девочку.

Это меня вполне устраивало. Я заснул.

9

В этом подразделении не место тем, кто красиво проигрывает. Нам тут нужны крутые hombres, которые пойдут и победят!

Адмирал Йонас Ингрэм, 1926

Когда мы справились со всем, что «топтуны» могут сделать на равнине, нас перебросили в крутые горы, чтобы мы занялись делами покруче. Это была канадская часть Скалистых гор между пиком Доброй Надежды и горой Уоддингтон. Лагерь сержанта Призрака Смита был здорово похож на лагерь Карри, только был гораздо меньше размером, да рельеф местности здорово отличался. Ну, правда, и третий учебный полк тоже уменьшился. Начали мы с четырех тысяч, теперь нас было около двух. Роту нашу переделали во взвод, а батальон на плацу выглядел ротой.

Но называли нас по-прежнему, а сержанту Зиму никто и не думал вручать нашивки комвзвода.

Потогонные мероприятия приняли более индивидуальный характер, здесь на душу населения приходилось больше инструкторов, чем раньше. Сержант Зим возрадовался, что держать в уме ему надо только пятьдесят рядовых, вместо почти трех сотен, и не спускал аргусовых глаз с каждого из нас, даже если его самого не было рядом. В общем, стоило свалять дурака, тут же выяснялось, что Зим стоит как раз у тебя за спиной.

Тем не менее вздрючки его приобрели дружелюбный характер, чем пугал он нас до смерти. Мы тоже изменились, от полка остался лишь каждый пятый новобранец, и все мы были почти солдаты, вот Зим и старался довести работу до конца, а не разогнать всех к чертовой бабушке.

И капитана Франкеля мы стали чаще видеть; теперь он тоже учил нас, а не просиживал штаны за столом, и знал всех нас по имени и в лицо, и, похоже, завел у себя в голове досье на каждого, где отмечал, как кто владеет тем или иным оружием, как разбирается в снаряжении, помимо того, сколько у кого нарядов вне очереди, медицинских пометок и получал ли солдат из дома письмо на днях.

Обращался он с нами поласковее, чем Зим; слова у него были помягче, и нужно было выкинуть по-настоящему глупый фортель, чтобы согнать с капитанского лица дружелюбную ухмылку. Но обманываться не стоило, под той улыбкой скрывалась бериллиевая броня. Я так и не сумел выяснить, кто был больше солдатом, сержант Зим или капитан Франкель. Я имею в виду, если снять все лычки и нашивки и представить, будто оба они рядовые. Без вопросов, они оба были лучше любого из инструкторов, но — кто из них двоих? Зим все делал подчеркнуто безупречно и со стилем, как будто был на параде. Капитан Франкель все то же самое выполнял энергично и со смаком, как будто играл. Результат у обоих был одинаковый — и никогда не достигался с такой легкостью, какую пижонски демонстрировал капитан.

А толпа инструкторов нам была действительно необходима. Прыгать на ровном месте, как я уже говорил, просто. Собственно,

в горах скафандр прыгает так же высоко и легко, но все же есть разница, когда прыгаешь на вертикальную гранитную стену меж двух елей и в последний момент теряешь контроль над двигателями. У нас было три несчастных случая, двое умерли, один угодил в госпиталь, его списали как негодного к службе.

Но без скафандра, просто с крючьями и веревками, на ту стену влезть было еще сложнее. Особого толку в альпинистских упражнениях я не видел, зато давно научился держать рот закрытым и учиться всему, что велят. Освоить скалолазание оказалось не так уж и трудно. Если бы год назад мне кто-нибудь сказал, что я полезу на солидный камешек, гладкий и строго перпендикулярный к земле, я бы рассмеялся тому в лицо. Я — житель прибрежных земель. Поправка: я был им. Произошли некоторые перемены.

Я только начинал осознавать, насколько изменился. В лагере Смита у нас была свобода... в том смысле, что мы могли поехать в город. О, в лагере Карри мы тоже были «свободны». Я имею в виду, что в воскресенье днем, если не в наряде, можно было отметиться у командира и идти гулять — только в лагерь вернись к вечерней поверке. Но на прогулке, кроме кроликов, ничего не увидишь. Ни девушек, ни театров, ни танцпощадок и прочего такого.

И все-таки даже в лагере Карри мы вовсю пользовались предоставленной свободой; порой просто необходимо уйти подальше, чтобы не видеть палатки, сержанта, опостылевших уродливых рож своих лучших друзей... и чтобы никуда не бежать, а просто заглянуть себе в душу и послушать ее. Эту свободу можно было легко потерять; могли запретить покидать лагерь... или расположение роты, что означало, что ни в библиотеку нельзя было попасть, ни в то, что называлось «палаткой для отдыха» (где хранилось несколько наборов для игры в парчизи* и прочие, столь же разухабистые развлечения)... А вообще-то могли приказать не покидать палатки до особого распоряжения.

Впрочем, последний вариант сам по себе не применяется, обычно он — приятное добавление к строгому взысканию, вроде вишенки в порции мороженого. Он — что-то вроде напоминания тебе и всему миру в придачу, что ты выкинул не просто глу-

пость, которая потребовала внимания военной полиции, но нечто, несовместимое со званием десантника. И поэтому не можешь общаться с товарищами, пока не исправишься.

Правда, в лагере Смита мы могли поехать в город, если не были в наряде, хорошо себя вели и т.д. Автобусы ходили в Ванкувер каждое воскресное утро сразу после богослужения, которое теперь сократилось до получаса после завтрака. Обратные рейсы привозили тебя обратно к ужину или отбою. Инструкторам дозволялось даже провести субботнюю ночь в городе, а то и целых три дня, если расписание позволяло.

Я только первый шаг сделал с подножки автобуса, а уже сообразил, насколько я изменился. Джонни больше не подходил *для жизни*. То есть для гражданской жизни. Все вокруг казалось восхитительно сложным и невероятно запутанным.

Плохого о Ванкувере не скажу. Красивый город, расположен удачно, жители очаровательные, гостеприимные и привыкли к военным на улицах. Для нас, солдат, в центре города был организован клуб, где каждую неделю устраивали танцы. Юные красотки всегда были не прочь потанцевать, девочки постарше следили, чтобы у застенчивого солдатика (к моему изумлению, и у меня... посидели бы несколько месяцев там, где на всю округу ни одной девчонки, если не считать крольчих, я бы на вас посмотрел!) была партнерша, на чьи ноги он мог бы всласть понаступать.

Но в первую вылазку я в клуб не пошел. Я вообще стоял и глазел по сторонам — на красивые дома; на витрины, в которых было столько всего полезного (и не только оружия!), что и не описать; на толпу людей, спешащих по делам или даже гуляющих просто так (и ни на ком не было одинаковой одежды!); и — на девушек.

В особенности на девушек. До сих пор я даже не сознавал, как они прекрасны. Слушайте, я к ним хорошо относился с того самого времени, как впервые заметил, что разница между нами заключается вовсе не в том, что мы неодинаково одеваемся. Насколько могу припомнить, я так и не вступил в тот период, когда мальчишки, как предполагается, знав, что девочки от них отличаются, начинают их ненавидеть. Мне девочки нравились *всегда*.

Но только сегодня я сообразил, чего был лишен.

Девочки просто восхитительны. Просто стоять на углу и смотреть на них — сплошное удовольствие. Они же не ходят. Ну, не так, как мы ходим. Я не знаю, как это называется, но движение более сложное и безусловно красивое. Они не просто ноги переставляют, у них вообще движется все и в разных направлениях... очень грациозно.

Я бы до сих пор, наверное, там стоял, да вмешалась полиция.

— Как жизнь, ребятки? — поинтересовался представитель закона, оглядывая нас с ног до головы.— Развлекаемся?

Я быстро покосился на планки у него на кителе и остолбенел.

— Так точно, *сэр*!

— Ко мне можешь так не обращаться. Здесь это мало значит. А чего ж *в клуб не идете*?

Он дал нам адрес, объяснил, как пройти, и мы пошли туда — Пэт Лейви, Котенок Смит и я. Полицейский весело крикнул нам вслед:

— Счастливо отдохнуть, ребятки! Только не нарывайтесь!

Вот и сержант Зим напутствовал нас точно так же, когда в автобус сажал.

Но до клуба мы не дошли. Пэт Лейви ребенком жил в Сиэтле и захотел посмотреть на свой старый дом. Деньги у него были, и он предложил, что оплатит нам дорогу в автобусе, если мы вместе с ним поедем. Я не возражал, все было нормально. Автобусы бегали каждые двадцать минут, и нигде не говорилось, что увольнительную мы обязательно должны провести в Ванкувере. Смит тоже решил ехать.

Сиэтл не слишком отличался от Ванкувера, и девчонок там было — море. Мне очень понравилось. Но в Сиэтле не слишком привыкли к военным, да и место, где пообедать, выбрали неудачно.

Слушайте, мы даже не пили. Ну да, Котенок Смит взял одну — повторяю, одну — кружку пива к обеду, но был такой же дружелюбный и приветливый, как всегда. Он поэтому и заработал такое прозвище. Когда у нас случились первые тренировки по рукопашной, капрал Джонс с отвращением сказал про него: «Котенок лапкой и то сильней ударил бы!». Имя прилипло.

В портовом баре-ресторане в униформу одеты были мы одни; большинство посетителей — торговые моряки: через Сиэтл тоннами идет груз. Я в то время не знал, что торговый флот нас не любит. Частично из-за того, что их гильдия уже давно и безуспешно пытается быть приравненной к федеральной службе, но частично, как я понимаю, вражда уходит корнями глубоко в историю.

Там были какие-то молодые ребята примерно нашего возраста — самого призывного, только служить они не захотели. Длинноволосые, грязные какие-то, неуклюжие. Ну, словом, я выглядел точно так же, пока в армию не пошел.

Сначала мы заметили, что за соседним столиком два этих юных хама и еще два торговых моряка принялись обмениваться репликами. Фразочки предназначались нам. Повторять их я не стану.

Мы ничего не сказали. Потом, когда ребята перешли на личности, смех стал громче, а все остальные в баре затихли и стали прислушиваться, Котенок шепнул мне:

— Пошли отсюда.

Я поймал взгляд Пэта Лейви; Пэт кивнул. Платить не надо было, в этом заведении деньги брали вперед. Мы поднялись и пошли.

Парни двинулись следом.

Пэт шепнул мне:

— Внимание...

Мы так и шли, не оглядывались.

Парни нагнали нас.

Тот, что бросился на меня, получил ребром ладони по шее и пролетел мимо. Я бросился ребятам на помощь, но там все уже закончилось. Котенок отметелил двоих, а Пэт намотал своего на фонарный столб, не рассчитав броска.

Кто-то, полагаю, хозяин бара, должно быть, вызвал полицию, как только мы встали из-за стола, потому что примчалась она сразу же, пока мы все еще стояли и думали, а что нам теперь делать с этим мясом. Двое полицейских вроде как по соседству прогуливались.

Старший из них захотел, чтобы мы выдвинули обвинения, но мы отнекивались. Зим же предупредил, чтобы мы не нарывались.

Котенок с безмятежным видом (выглядел он лет на пятнадцать) заявил:

— Они, я думаю, споткнулись.

— Да уж понятно,— согласился полицейский, носком сапога выбил нож из руки моего противника, подобрал, воткнул в щель между плитами поребрика и сломал лезвие.— Шли бы вы, ребятки, лучше в другой район.

Мы и пошли. Я был рад, что ни Пэт, ни Котенок не захотели поднимать шум. Серьезное это обвинение — нападение гражданских лиц на военнослужащих. Но какого черта? Баланс подведен. Сами полезли, сами получили. Все честно.

Хорошо, что в увольнение мы всегда ходим безоружные. И хорошо, что нас научили отключать противника, не убивая. Потому что все, что мы проделали, шло на голых рефлексах. Я не верил, что парни на нас кинутся, пока не началась драка, а потом, пока все не закончилось, у меня в голове не было ни одной мысли.

Вот так я в первый раз понял, насколько переменился.

Мы вернулись на вокзал и сели в автобус на Ванкувер.

Вскоре у нас начались учебные выброски; взвод за раз в порядке очередности (численность наша равнялась полностью укомплектованному взводу, хотя назывались мы по-прежнему ротой) перебрасывался на летное поле к северу от Валла Валла, грузился на борт, выходил в космос, производил бросок, проделывал упражнение, собирался у маяка для возвращения. Всех дел — на один день. Восемь взводов, так что получалось меньше чем одна выброска в неделю, но потом стало и по несколько раз в неделю, по мере того как редели наши ряды. Задачи ставились все сложнее, мы прыгали в горы, арктические льды, австралийские пустыни и один раз, перед самым выпуском, на поверхность луны, где капсула пролетает сотню футов и взрывается. Там приходится быть начеку и приземляться только на двигателях скафандра (нет воздуха, нет и парашюта). Неправильная посадка забирает у тебя весь воздух и убивает тебя.

Ряды редели из-за потерь, смертей или ранений, а иногда причиной был отказ войти в капсулу. Некоторые парни просто

не могли туда залезть, что есть — то есть, на них никто не орал, просто отводили их в сторонку и тем же вечером отправляли домой. Запаниковать и отказаться мог даже тот, кто уже несколько раз ходил в десант; инструктора обращались с таким мягко, словно с захворавшим другом.

Лично я никогда не отказывался — зато все узнал про дрожь. Меня всегда трясет, каждый раз я по-глупому пугаюсь. До сих пор.

Но если ты не прыгал, ты — не солдат.

Рассказывают такую байку, врут, наверное, про десантника, который поехал посмотреть Париж. Посетил Дом Инвалидов, осмотрел гроб Наполеона и спросил часового француза: «Это кто?». Француз оскорбился до глубины души. «Мсье не *знает*? Это же могила *Наполеона*! Наполеон Бонапарт — величайший воин всех времен и народов!» Десантник поразмыслил, а потом спрашивает: «Да ну? А где он выбрасывался?»

Почти наверняка все это вранье, потому что снаружи там висит большая табличка, на которой написано, кто такой Наполеон. Но десантник именно так и должен думать.

Так или иначе обучение мы закончили.

Вижу, я почти ни о чем толком не рассказал. Ни слова о разнообразии нашего вооружения; ничего о том, как мы бросили все и три дня тушили лесной пожар; ни упоминания об учебной тревоге, которая оказалась настоящей, только мы об этом не узнали, пока все не закончилось; ничего о том дне, когда сдуло кухонную палатку. И о погоде я ничего не сказал, а поверьте мне, погода для нас «пончиков» особенно важна, в частности — дождь и грязь. Но что погода важна, выяснилось на месте, сейчас я оглядываюсь и понимаю: это все ерунда. Возьмите описание погоды из любого альманаха, подставьте в любое место моего рассказа. Подойдет.

В подразделении сначала было две тысячи девять человек; после выпуска осталось сто восемьдесят семь. Остальные уволились, перевелись, были выгнаны, получили отставку по состоянию здоровья. Четырнадцать человек погибло (одного казнили, его имя вымарано из списков). Майор Мэллой произнес короткую речь, мы все получили сертификаты, в последний раз

сходили в увольнительную, а затем подразделение было расформировано, флаг зачехлен до тех времен, когда через три недели не понадобиться опять сообщить еще двум тысячам штафирок, что они — воинская часть, а не толпа.

Теперь я был «рядовой-подготовленный» и перед моим личным номером вместо букв РР появились буквы РП. Большое событие!

Может быть, самое большое в моей жизни.

10

Древо Свободы время от времени нужно поливать кровью патриотов...

Томас Джефферсон, 1787

Я считал себя обученным солдатом, пока не явился на корабль. Что, есть закон, запрещающий иметь ошибочное мнение?

Вижу, я не упомянул, как Земная Федерация перешла из состояния мира в состояние чрезвычайного положения, а потом войны. Я этого и сам не заметил. Когда я вербовался, был мир, нормальные условия, как считают люди (кто ж будет думать иначе?). Затем, пока я потел в лагере Карри, оказалось, что уже чрезвычайное положение, а я и не заметил. Меня больше волновало, что капрал Бронски думает о моей прическе, униформе, снаряжении и боевой подготовке, а уж что по тому же поводу думает сержант Зим, вообще было вопросом первостепенной важности. В любом случае, чрезвычайное положение — все равно мир.

«Мир» — это такое положение дел, во время которого ни один гражданский не обращает никакого внимания на военные потери, потому что о них не пишут на первых страницах газет. Если только в число потерь не входят сами гражданские. Но если в истории и было время, когда мир означал отсутствие боев, то я о нем ничего не нашел. Когда я прибыл в мою первую часть, «Волчата Вилли», иногда именуемую ротой «К» третьего полка, первой десантной дивизии, и вместе с ними погрузился на «Вэлли

Фордж»* (со своим чуть ли не липовым сертификатом в кармане), сражения шли уже несколько лет.

Историки до сих пор не могут сговориться, как называть конфликт: Третья космическая война или Четвертая, а может Первая межзвездная подходит лучше. Мы же зовем ее «жучьей войной», если вообще как-нибудь называем, а как правило, не называем вообще. Ну, все равно по данным историков она началась уже после того, как я получил назначение в часть. Все события до того считались «инцидентами», «столкновениями» и «карательными акциями». Но труп есть труп, неважно, не повезло тебе во время «инцидента» или объявленной по всем правилам войны.

Но, говоря честно, солдат обращает на войну столько же внимания, сколько гражданский, кроме своего небольшого участия в ней да дня, когда это участие началось. В остальное время его больше волнует отдых, причуды сержантов и шанс выклянчить на камбузе что-то съедобное между кормежками. Тем не менее, когда Котенок Смит, Эл Дженкинс и я присоединились к «Волчатам Вилли» на лунной базе, парни уже сделали по паре-тройке боевых прыжков; они были солдатами, а мы нет. Над нами — по крайней мере, надо мной — не шутили, а сержанты и капралы были удивительно мягки, особенно на фоне того страха, что постарались на нас нагнать наши инструкторы.

Довольно скоро мы выяснили причину такого обращения: мы — никто, нам и нагоняй-то влепить лень, надо подождать, пока мы не докажем себя во время десанта — настоящего десанта. Вот там-то и станет ясно, можем ли заменить Волчат, которые сражались и погибли и чьи койки мы теперь занимали.

С вашего позволения я расскажу, насколько я тогда был зелен. Пока «Вэлли Фордж» все еще стоял на лунной базе, мне случилось наткнуться на командира моего отделения. Он собирался потоптать пыль в увольнительной и разоделся по этому случаю в парадную форму. В левой мочке у него болталась небольшая сережка, крошечный золотой череп, очень красивый, а под ним вместо скрещенных костей, как на древнем Веселом Роджере, висела целая вязанка косточек, таких маленьких, что и не заметишь сразу.

Дома, собираясь на свидание, я всегда носил серьгу или другие какие-нибудь украшения. У меня были роскошные клипсы с рубинами величиной с ноготь мизинца, они принадлежали еще маминому деду. Драгоценности мне всегда нравились, но все побрякушки пришлось оставить дома, так как в лагере их носить запрещали. Но тут я увидел штуку, которая здорово смотрелась с униформой. Уши у меня проколоты не были, мама не одобряла, когда мальчики украшают себя; но можно было заказать ювелиру и клипсу. У меня оставались деньги от подъемных, и я горел желанием на что-нибудь их спустить, пока они не заплесневели.

— Ух, сержант! Где вы такую серьгу достали? Здорово выглядит.

Он не стал издеваться, он даже не улыбнулся. Просто сказал:

— Что, нравится?

— Еще бы!

Простое золото вместе с галунами и кантами парадной формы смотрелось еще лучше драгоценных камней. Я подумал, что две сережки были бы лучше, и со скрещенными костями вместо этой непонятной бахромы.

— А в гарнизонную лавку их завозят?

— Нет, там их не продают,— сержант подумал и добавил: — Во всяком случае, не думаю, что ты здесь сможешь купить одну такую. Надеюсь. Но скажу тебе вот что. Когда мы доберемся туда, где можно взять подобные побрякушки, я тебе сообщу. Обещаю.

— Эй, спасибо!

— Да не за что.

Позднее я видел еще такие черепа; иногда костей было больше, иногда меньше. Моя догадка оказалась верной, их разрешали носить вместе с формой, по крайней мере во время увольнительных. А потом и мне представился случай «купить» такую сережку и выяснить, что цена для простенького украшения велика непомерно.

Историки назвали эту операцию «Жучиный дом» — первая битва на Клендату после того, как был стерт с лица Земли Буэнос-Айрес. Нужно было потерять Б-А, чтобы эти суслики сообразили, что что-то происходит, потому что те, кто никогда не был

в космосе, не верят в существование других планет. Я знаю по себе, хотя от космоса у меня голова шла кругом еще с пеленок.

Но Б-А действительно расшевелил народ; раздались громкие вопли, требования привести нашу армию отовсюду обратно, чтобы встали плечом к плечу на орбите и оградили планету. Глупость, конечно. В войне побеждают нападением, а не обороной. Еще ни одно министерство обороны не выиграло войну, сверьтесь с учебниками по истории. Обычная реакция штатских, они хотели вести войну, как пассажир пытается вырвать руль у водителя в опасной ситуации.

Моего мнения никто не спрашивал, мне отдавали приказы. Но даже если отрешиться от невозможности стянуть все наши силы в пространство Земли (а что, интересно, станется с колониями и планетами союзников? Штатские об этом не подумали), нам было чем занять мозги. Мы воевали с жуками. Разрушение Буэнос-Айреса на меня повлияло много меньше, чем на большинство гражданских. Мы уже были в паре парсеков от дома, шли на «двигателе Черенкова» и новости получили, только когда вынырнули из гиперпространства и встретили другой корабль.

Помню, подумал тогда: «Ах, черт! Жуть какая!» и пожалел одного *портеньо* на нашем корабле. Но Б-А не был моим домом, Терра была далеко, я был занят, поскольку штурм Клендату, планеты жуков, должен был вот-вот начаться, а время в пути мы проводили пристегнутые к койкам и накачанные до бессознательного состояния лекарствами, так как гравитационное поле на «Вэлли Фордж» отключалось, чтобы сэкономить энергию и набрать скорость повыше.

Потеря Б-А сломала мне жизнь, но понял я это много месяцев спустя.

Когда пришло время броска на Клендату, меня отдали в помощники рядовому первого класса Голландцу Бамбургеру. Он сумел скрыть свою безумную радость по этому поводу и, как только сержант оказался вне пределов слышимости, сказал:

— Слышь, салага, держись прямо за мной и не суйся под ноги. Будешь меня тормозить, отверну твою пустую башку.

Я только кивнул. Я начал понимать, что это не тренировочный бросок.

Затем меня немного потрясло, а потом нас отстрелили...

Операцию «Жучиный дом» следовало назвать «Сумасшедший дом». Все шло не так. Планировалось одним ударом поставить врага на колени, занять столицу и ключевые точки планеты и закончить войну. Вместо этого мы чуть было ее не проиграли.

Я не критикую генерала Диеннеса. Я не знаю, правда или нет, что он потребовал побольше военной силы и огневого прикрытия и позволил командующему ВС отменить приказ. Не мое это было дело. Сомневаюсь даже, что все, кто крепок задним умом, знают, как было на самом деле.

Зато знаю, что генерал пошел в десант вместе с нами и командовал нами на месте, а когда ситуация стала критической, лично вел отвлекающую атаку, которая позволила некоторым из нас (включая меня) отойти, и в ходе сражения приобрел свой клочок земли на кладбище. Только его не хоронили, его радиоактивные останки лежат где-то на Клендату, и поздно отдавать генерала под трибунал, так что о чем теперь говорить?

Но один комментарий для кабинетных стратегов, которые никогда не прыгали, у меня найдется. Да, я согласен, планету жуков можно было заваливать водородными бомбами до тех пор, пока ее поверхность не превратится в радиоактивное стекло. Но выиграли бы мы этим войну? Жуки не похожи на нас. Псевдоарахноиды по большому счету не похожи даже на пауков. Они — членистоногие, которым случилось выглядеть, словно шизофреническая концепция гигантского разумного паука, но их организация, психология и экономика больше подходят муравьям или термитам. Они — существа коллективные, подчинены диктату гнезда. Взрывы на поверхности убили бы солдат и рабочих, а мыслящую касту и королеву так не достать. Сомневаюсь, что даже прямое попадание водородной ракеты убило бы матку; мы не знаем, насколько глубоко ее прячут. И выяснять я не намерен; никто из парней, которые полезли в жучиные норы, обратно не вернулся.

Что с того, что мы превратим поверхность Клендату в бесплодную пустыню? Корабли, колонии, другие планеты останут-

ся у жуков, и их штаб-квартира наверняка уцелеет, если, конечно, они не предпочтут сдаться. Так что война не окончена. Бомб класса «новая звезда» у нас тогда не было, чтобы расколоть планету пополам. Если жуки переживут бомбардировки и не сдадутся, война не окончена.

Если бы они *могли* сдаться...

Их солдаты не могут. А рабочие не умеют даже сражаться (и можно потратить кучу времени и боеприпасов, расстреливая рабочих, которые в ответ даже пикнуть не могут). А каста их воинов не сдается. Но не думайте, будто жуки — глупые насекомые, потому что похожи на них внешне и не знают, что такое сдача в плен. Их солдаты умны, умелы и агрессивны. И если жук выстрелит первым, то по универсальному закону он считается умнее тебя. Можно сжечь ему одну ногу, две ноги, три ноги, а он все равно прет вперед. Сожги четыре конечности с одного бока, он опрокинется и будет продолжать стрелять. Необходимо отыскать нервный узел и бить туда... после чего он проковыляет мимо, стреляя в никуда, пока не врежется в стену или еще что-нибудь.

Десант провалился с самого начала. Участвовало пятьдесят кораблей, предполагалось, что они перейдут с двигателей Черенкова на атомную тягу настолько синхронно и скоординированно, что выйдут на орбиту и отстрелят нас единым строем над зоной выброски так, что даже не побеспокоят силы обороны. Наверное, трудная задача. Да что там, я *знаю*, что она трудная. Но когда такие вещи срываются, отдувается за всех мобильная пехота.

Нам еще повезло, потому что «Вэлли Фордж» и каждый флотский на нем получили место в раю еще до того, как мы добрались до поверхности. В тесноте и на орбитальной скорости четыре и семь миль в секунду он столкнулся с «Ипром», и оба корабля погибли. Нам повезло выбраться из пусковых шахт, тем, кто успел, потому что во время столкновения «Вэлли Фордж» еще отстреливала капсулы. Но я тогда об этом не знал, я сидел внутри своего кокона и летел вниз. Полагаю, наш взводный знал об уничтожении корабля и половины Волчат вместе с ним, раз он десантировался первым. Должен был знать, когда потерял связь с кораблем.

Но спросить его нет никакой возможности, потому что он не вернулся из броска. Единственное, что я тогда понимал, это что творится что-то не то.

Следующие восемнадцать часов стали кошмаром. Не буду о нем рассказывать, потому что многого не помню, только отдельные, замедленные сцены полного ужаса. Никогда не любил пауков, ни ядовитых, ни всяких прочих; у меня даже от домашнего паука мурашки по коже ползут. О тарантулах я даже думать не могу, а лобстера, краба и им подобных даже в рот не возьму. Когда я впервые увидел жука, у меня чуть мозги не выпрыгнули из черепушки. Только через секунду я сообразил, что уже убил его и можно больше не стрелять. Наверное, это был рабочий; сомневаюсь, что сумел бы схватиться с воином и победить.

А парням из К-9 пришлось еще хуже. Их должны были сбросить (если бы все прошло нормально) на периферии зоны. Предполагалось, что неопсы проведут разведку, чтобы облегчить задачу заградительных отрядов. Калебы, разумеется, не вооружены, разве что зубами. Неопес должен слушать, смотреть, нюхать и докладывать напарнику по радио. Все, что у него есть, это рация и бомба, которую он или его напарник взрывает в случае захвата собаки в плен или смертельного ранения.

Захвата в плен несчастные псины не дождались; очевидно, большинство покончило жизнь самоубийством, как только увидело противника. Они к жукам питают те же чувства, что и я, только гораздо сильнее. Теперь неопсов с щенячьего возраста тренируют не бояться жуков и не взрывать себя при одном их виде. Тех никто не тренировал.

И это еще не все. Назовите любую деталь — все провалились. Конечно, я не знал, что происходило, я просто держался за Голландцем и пытался стрелять и поджигать все, что двигалось, кидать гранаты во все норы, какие только видел. Это теперь я могу убить жука, не тратя много патронов или топлива, хотя так и не научился отличать опасного от безвредного. Из пятидесяти жуков воин — только один, но он стоит остальных сорока девяти. Личное оружие у них легче нашего, но такое же смертоносное; луч режет броню и тебя с ней, словно сваренное вкрутую яйцо.

И координированы их солдаты лучше наших, потому что мозг, который думает за них и командует их отрядами, находится вне досягаемости. Он где-то в норе, под землей.

Нам с Голландцем везло довольно долго, мы зачистили примерно квадратную милю, затыкая все норы бомбами, убивая все, что находили на поверхности, а топливо в скафандрах старались беречь на всякий случай. Вообще-то идея была в том, чтобы оборонять намеченный район, чтобы подкрепление с более тяжелым вооружением прибыло без помех и особого сопротивления. Это был не рейд, это было сражение за плацдарм — занять, удержаться, дождаться прибытия свежих сил и захватить или просто утихомирить планету.

Только у нас ничего не вышло.

Мы все делали как надо. Просто сели не в том месте и связи с нашими у нас не было. Командир и сержант погибли, перестроить нас было некому. Но мы застолбили участок, отделение со спецвооружением оборудовало укрепленную позицию. Мы были готовы держаться до прибытия свежих сил и помочь им, как только они появятся.

Только они не появились. Они приземлились туда, где должны были высадиться мы, столкнулись с недружелюбными аборигенами и сами попали в переделку. Мы их больше не видели. Мы оставались на месте, несли потери и отбивались, пока не подошли к концу боеприпасы, топливо и даже энергия в скафандрах. Казалось, бой тянется уже две тысячи лет.

Мы с Голландцем отступали к стене — из спецподразделения позвали на помощь, когда земля прямо перед Голландцем внезапно разверзлась, оттуда выскочил жук, а Голландец упал.

Жука я сжег, бросил гранату в нору, отчего дыра вновь закрылась, и оглянулся посмотреть, что с напарником. Он лежал, но повреждений видно не было. У взводного сержанта имеется монитор, показывающий физическое состояние каждого подчиненного, он отличает мертвых от тех, кому нужна помощь. Но то же самое можно сделать вручную — небольшими тумблерами справа на поясе.

Я окликнул Голландца, тот не ответил. Температура его тела была девяносто девять градусов по Фаренгейту, дыхание, пульс,

мозговая деятельность на нуле. Плохо, но, может быть, это скафандр мертв, а не человек. Так я твердил себе, забыв, что термометр почему-то работает; если бы сдох скафандр, то сдох бы и он. Все равно я сорвал у себя с пояса специальную монтировку и принялся извлекать Голландца, стараясь при этом наблюдать за тем, что творится вокруг.

Затем в наушниках моего шлема раздался сигнал, который я больше никогда не хочу слышать. «*Sauve qui peut!* Отбой! Отбой! Ловите пеленг и домой! Любой маяк, какой услышите. Шесть минут! Всем-всем-всем! Спасайтесь сами, выручайте товарищей. Собирайтесь у любого маяка! *Sauve qui...*»

Я заторопился.

Как только я вытащил Голландца из скафандра, у него отвалилась голова, так что я бросил напарника там и помчался прочь. В следующем десанте я бы забрал его боеприпасы, но сейчас я ни о чем не мог думать. Я просто поскакал оттуда к укрепленной позиции, куда мы с Голландцем направлялись до сигнала.

Парни уже эвакуировались, и я подумал, что потерялся... что меня бросили. Затем услышал сигнал сбора, не наш, не «Янки Дудль» (как у катера с «Вэлли Фордж»), а «Сахарный буш». Какая разница, все равно это был маяк. Я рванул к нему, выжигая последнее топливо в скафандре,— примчался на катер, когда те уже хотели взлетать, и вскоре очутился на «Вуртреке» в состоянии такого потрясения, что не мог вспомнить свой личный номер.

Я слышал, потом это назвали «стратегической победой»... но я там был и заявляю: нам насовали по первое число.

Шесть недель спустя (с чувством, будто стал на шесть лет старше) я сел в другой катер на флотской базе на Санктуарии и прибыл в распоряжении сержанта Джелала на «Роджер Янг». В проколотой мочке моего левого уха у меня болтался разбитый череп с одной косточкой. Эл Дженкинс был со мной и носил точно такую же серьгу. А Котенок Смит так и не сумел выбраться из пусковой шахты на Клендату. Несколько уцелевших Волчат Вилли были распределены по всему флоту; мы потеряли почти половину во время столкновения «Вэлли Фордж» и «Ипра», а жуткая неразбериха на поверхности стоила нам восьмидесяти про-

центов состава, и сильные мира сего постановили, что из выживших полноценное подразделение не составить. Все, дело закрыто, сдано в архив, осталось подождать, когда затянутся раны, прежде чем можно будет возродить роту «К» в новом составе и старыми традициями.

Кроме того, в других частях тоже был заметный некомплект.

Сержант Джелал принял нас тепло, сказал, что часть нам досталась хорошая, «лучшая во всем флоте», корабль крепкий, а на серьги-черепа кажется и внимания не обратил. Тем же днем, чуть позже сержант отвел нас к лейтенанту, который смущенно улыбнулся и по-отечески с нами побеседовал. Я отметил, что Эл Дженкинс уже не носит золотой череп. Как и я, потому что уже заметил, что никто из Разгильдяев Расжака их не носит.

А не носили их они потому, что не смотрели, сколько боевых выбросов у тебя было и каких именно. Либо ты был Разгильдяем, либо нет. Если нет, им плевать, кто ты такой. Но раз уж мы пришли к ним не салагами, а обстрелянными ветеранами, то они приняли нас вежливо и доброжелательно, правда как гостей дома, а не членов семьи.

А менее чем через неделю, когда мы сходили вместе в десант и стали полноправными Разгильдяями, то есть членами семьи, нас уже называли по именам и отчитывали без стеснения. Мы были братьями по крови, нам можно было давать в долг и одалживать у нас, нам была дарована привилегия высказывать свое дурацкое мнение. Вне службы мы даже называли по имени сержантов. Сержант Джелал при исполнении был всегда, разве что ты натыкался на него во время увольнительной. Вот тогда он был «Джелли» и вел себя так, словно его высокое благородное звание ничего не значит для остальных Разгильдяев.

Но лейтенант всегда был только «лейтенант», а не «мистер Расжак» или даже «лейтенант Расжак». Просто «лейтенант», и в третьем лице. Нет бога, кроме лейтенанта, и сержант Джелал пророк его. Джелли мог сказать «нет» лично от себя, и отказ не подлежал обсуждению, но если он изрекал: «Лейтенанту не понравится», то говорил *ex cathedra*, и вопрос считался решенным навсегда. Никто даже не пытался прикинуть, понравится это лейтенанту на самом деле или нет. Слово было произнесено.

Лейтенант был для нас отцом, он любил и баловал нас и одновременно был далек как на борту корабля, так и на земле, если только на земле этой мы не оказывались во время выброски. Но в бою... кто бы мог подумать, что офицер может заботиться о каждом человеке во взводе, разбросанном по местности на сотни квадратных миль. А он мог. Он умел мучительно переживать за каждого из нас. Как он ухитрялся присматривать за всеми, не могу сказать, но посреди сражения по командирскому каналу вдруг раздавалось: «Джонсон! Проверь шестое отделение! У Смитти неприятности!», и можете поставить все свои деньги на то, что лейтенант замечал непорядок раньше непосредственного командира Смитти.

Кроме того, можешь быть на все сто и даже больше процентов уверен, что при отходе лейтенант не поднимется на борт катера без тебя, если ты еще жив. В войне с жуками пленных брали, но среди них не было Разгильдяев Расжака.

Ну, а Джелли был нам матерью, он всегда был при нас и заботился о нас, хотя и не баловал. Правда и о проступках лейтенанту не докладывал; среди Разгильдяев никто не пошел под трибунал, никого даже не выпороли ни разу. Джелли даже наряды вне очереди не слишком щедро раздавал, у него были другие методы воспитания. Он мог на ежедневной поверке оглядеть тебя с ног до головы и просто сказать: «На флоте ты смотрелся бы неплохо. Почему бы тебе не перевестись туда?» И он получал результат, потому что среди нас бытовало мнение, будто матросы спят в униформе и никогда не моются ниже воротничка.

Кстати, Джелли дисциплиной у рядовых не занимался, потому что прорабатывал этот вопрос с сержантами и капралами, ожидая, что те в свою очередь принесут полученные навыки в массы. Командиром моего отделения был Рыжий Грин. Спустя пару высадок, когда я понял, как хорошо быть Разгильдяем, я задрал нос, почувствовал себя большим человеком — и как-то позволил себе перечить Рыжему. Он не побежал к Джелли с докладом на мое поведение, он просто отвел меня в умывальную и задал трепку средних размеров; и мы стали лучшими друзьями. Именно он позднее рекомендовал меня на повышение.

Вообще-то на самом деле мы понятия не имели, спят ли матросы в одежде или нет; мы держались своей части корабля, а мо-

рячки — своей, потому что если они показывались на нашей территории, то им там никто не радовался, если только они не были при исполнении. В конце концов, везде есть свои правила поведения и их следует поддерживать, не так ли? Лейтенанту была отведена каюта в отсеке для офицеров-мужчин на флотской части корабля, но мы там старались не появляться, разве только по долгу службы, да и то редко. В носовую часть мы ходили нести караул, потому что на «Роджер Янг» был смешанный экипаж: капитан и пилоты — женщины, еще несколько женщин — флотские, остальные — мужчины. Территория от тридцатой переборки и далее вперед принадлежала женщинам и двум вооруженным пехотинцам, днем и ночью охраняющим дверь туда (в бою эта дверь, как и все прочие герметичные двери, задраивалась наглухо).

Офицерам было дано право заходить за тридцатую переборку по делам службы, и все офицеры, включая нашего лейтенанта, ели в общей столовой, которая располагалась непосредственно за пресловутой переборкой. Но там никто не задерживался, поели — на выход. Может, на других корветах все было иначе, но на «Роджере Янге» все было именно так. И лейтенант, и капитан Деладрие хотели порядка и успешно добивались его.

Караул считался привилегией. Стой себе возле двери, сложив на груди руки, ноги на ширине плеч, мысли в голове ни одной, выражение на лице тупое... чем не отдых? А на душе тепло, потому что в любую секунду можешь увидеть существо женского пола, и плевать, что ты не имеешь права заговорить с ней, кроме как по делу. А однажды меня даже вызвали в кабинет к шкиперу, и она со мной заговорила. Посмотрела мне прямо в лицо и произнесла:

— Прошу вас, отнесите это старшему инженеру.

В мою ежедневную работу по кораблю кроме уборки входило обслуживание электронного оборудования под неусыпным надзором падре Мильяччио, командира первого отделения, но это я уже проходил раньше под руководством Карла. Выброски происходили нечасто, а работать приходилось каждый день. Если не было иных способностей, оставалось являть талант в надраивании переборок. И невозможно было достичь той высокой чистоты, что удовлетворила бы сержанта Джелала.

Мы жили по правилам мобильной пехоты: все сражаются, все работают. Главным коком у нас был Джонсон, сержант второго отделения, здоровенный, дружелюбный парень, который всем представлялся, что родом он из Джорджии (той, что в западном полушарии, не из другой)*, очень талантливый повар. Утащить какой-нибудь еды с камбуза он тоже был не дурак; любил перехватить между кормежками и не хотел понимать, почему другим это запрещено.

С падре, командующим своей епархией, и коком, управляющемся с другой, мы всегда были в полном порядке — и телом, и душой. Но предположим, что один из них купит себе место на небесах? Кто из них нам более дорог? Нам хватало ума не думать и не говорить об этом.

«Роджер Янг» постоянно был в деле, несколько раз мы ходили в десант, каждый раз с разным заданием. И каждый раз с оригинальным планом, чтобы жуки не раскусили схему атаки. Но крупных боев больше не было; мы действовали самостоятельно, патрулировали территорию, совершали одиночные рейды. Дело было в том, что Земная федерация на тот момент не сумела бы справиться с масштабными действиями; провал операции «Жучиный дом» стоил нам многих кораблей и тренированного персонала. Требовалось время, чтобы залечить раны и обучить новых солдат.

А тем временем небольшие, быстроходные корабли, среди них «Роджер Янг» и другие корветы, старались быть во всех местах одновременно, выводя противника из равновесия, нанося удары и исчезая. Мы понесли потери и искали, чем заткнуть дыры, когда вернулись на Санктуарий за новыми капсулами. Меня по-прежнему трясло перед каждым прыжком, но прыгали мы не часто и не оставались внизу подолгу, между выбросками могло пройти много-много дней жизни с Разгильдяями.

Это был самый счастливый день моей жизни, хотя я и не сознавал этого — просто жил, как все, и наслаждался существованием.

Нам было хорошо, пока лейтенант не отправился на тот свет.

Наверное, никогда мне не было так плохо. Я уже был в душевном раздрае — по личной причине. Моя мама была в Буэнос-Айресе, когда жуки стерли его в порошок.

Мы как раз зашли на Санктуарий за новыми капсулами и свежей почтой; вот тогда я и узнал все из послания от тети Элеоноры. Она забыла про марку, поэтому письмо не зашифровали и отправили своим ходом. Даже не письмо, обычная записка в три горькие строчки. Тетя обвиняла меня в смерти мамы. То ли я был виноват в том, что служил в армии и не удосужился предотвратить налет жуков, то ли в том, что меня не было дома, где мне следовало быть, вот поэтому мама и отправилась в Буэнос-Айрес... я не понял. Тетя сумела вложить оба смысла в одну фразу.

Я порвал письмо и постарался забыть о нем. Я решил, будто оба мои родителя погибли — ведь отец не отпустил бы маму в такую дальнюю поездку. Тетя Элеонора ничего об этом не упомянула, впрочем, она вообще ничего об отце не написала бы; ее привязанность касалась исключительно сестры. Я был почти прав — со временем я узнал, что отец планировал поехать вместе с мамой, но что-то его задержало, он остался уладить вопрос, а в Буэнос-Айрес намеревался приехать на следующий день. Но этого тетя Элеонора мне не сообщила.

Через пару часов за мной прислал лейтенант и, вызвав, очень мягко спросил, не хочу ли я остаться на Санктуарии, пока корабль не вернется из очередного похода. Он указал, что у меня накопилась куча неиспользованных увольнительных, так что я могу гулять спокойно. Я понятия не имею, как он узнал о моей потере, но, судя по всему, он все знал. Я сказал: нет, спасибо, сэр, предпочитаю подождать, использовать выходные вместе со всем отделением.

Я был рад, что поступил именно так, потому что останься я, и не оказался бы рядом с лейтенантом, когда он приобрел билет на небеса... а вот этого я бы уже не вынес. Все произошло очень быстро и сразу перед возвращением. Ранило парня из третьего отделения, не серьезно, но он лег и с места сдвинуться не мог; помощник командира отделения отправился подобрать его, и ему тоже досталось. Лейтенант, как обычно, наблюдал за всеми одновременно,— без сомнения, по приборам следил за физическим состоянием каждого из нас, мы так и не узнали наверняка. А вот что мы знали: лейтенант убедился, что помощник командира отделения еще жив, затем лично отправился за парнями, подобрал обоих, по каждому на одну руку.

Он протащил их последние двадцать футов и передал в катер; остальные были уже на борту, все щиты сняты, никакого прикрытия — прямое попадание и насмерть.

Я нарочно не называю имен рядового и помощника командира отделения. Лейтенант пошел бы за любым из нас, за всеми нами — даже на последнем своем издыхании. Может быть, я был тем рядовым. Неважно. А важно лишь то, что нашу семью обезглавили. Лишили того, чье имя мы носили, отца, который сделал нас теми, кем мы были.

После того как лейтенант ушел от нас, капитан Деладрие пригласила сержанта Джелала обедать с другим начальством в носовой офицерской столовой. Но он лишь извинился. Видели когда-нибудь вдову с суровым характером, которая содержит своих отпрысков так, будто глава семейства отлучился ненадолго и в любую секунду может вернуться? Таков был и Джелли. Он стал чуть построже с нами, а его прежде такое обычное: «Лейтенанту это не понравится» обрушивалось на душу тяжким камнем. Джелли нечасто произносил эти слова.

Боевой распорядок он тоже почти не изменил. Вместо того чтоб повышать всех вокруг, сделал помощника командира второго отделения взводным сержантом (номинально), всех остальных оставив на своих местах. Ну разве что еще меня произвел в действующие капралы. Затем стал вести себя так, будто командир куда-то вышел, а сам он всего лишь выполняет его приказы, как обычно.

Это нас и спасло.

11

Мне нечего предложить вам, кроме крови, труда, пота и слез.

У. Черчилль, политик-солдат XX века

Пока мы возвращались на корабль после рейда на худышек, в ходе которого Диззи Флорес отправился на небеса, а сержант Джелли впервые исполнял обязанности комвзвода в бою, один из артиллеристов на катере заговорил со мной:

— Как оно там?

— Рутина,— кратко ответил я.

Ему явно хотелось поболтать по-приятельски, но состояние у меня было странное, а настроения разговаривать не было вовсе — я грустил из-за Диззи, радовался, что нам удалось его подобрать, злился, потому что это его не спасло, и ко всему еще примешивались опустошенность пополам со щенячьим восторгом от того, что я скоро окажусь на корабле, пересчитаю руки-ноги и отмечу, что все конечности в наличии. Кроме того, как говорить о десанте с тем, кто в него никогда не ходил?

— Ну? — продолжал артиллерист.— Хорошо живете, парни. Бездельничаете тридцать дней, трудитесь тридцать минут. А мне вахту стоять через две, только успевай поворачивайся.

— Ага, похоже на то,— согласился я и отвернулся.— Некоторые из нас родились везунчиками.

— Не дроби вакуум, солдатик,— сказал он мне в спину.

И все-таки флотский артиллерист говорил правду. Мы, десантники, похожи на авиаторов механизированных войн прежнего времени; за долгую и трудную военную карьеру в бою можно побывать всего несколько часов, а все остальное: тренировки, подготовка, вылет — а потом возвращение обратно, разгребание мусора и ремонт, подготовка к следующему вылету и практика, практика, практика в промежутках. До следующей выброски почти три недели, и будет она на другой планете у другой звезды. Даже с двигателем Черенкова от звезды до звезды полет долгий.

Тем временем я получил свои капральские лычки: назначил меня Джелли, а капитан Деладрие за отсутствием командира взвода утвердила назначение. Теоретически звание это не постоянное, пока не откроется вакансия, которую в штабе подтвердят, но это ничего не значило, потери у нас были такие, что пустых мест было больше, чем тепленьких тел, готовых заполнить их. Я стал капралом, как только Джелли назвал меня так; остальное — канцелярия.

Но по поводу «безделья» матросик соврал; требовалось проверить пятьдесят три боевых скафандра, обслужить их, починить, не говоря уже об оборудовании и снаряжении. Порой Мильяччио списывал какой-нибудь скафандр, Джелли подтверждал списание,

а корабельный оружейный инженер лейтенант Фарли вдруг решал, что не в силах отремонтировать скафандр, потому что ему чего-то там не хватает из инструментов или запасных частей, и тогда со склада вытаскивали новый, который еще надо было «разморозить», а процесс этот занимает двадцать шесть человекочасов, не считая времени того, на кого этот скафандр подгоняют.

Мы были очень заняты.

Но и развлекаться успевали. Всегда можно было соревноваться в чем-нибудь, от игры в «чет-нечет» до борьбы за звание лучшего отделения, а еще у нас был лучший джаз-банд на несколько кубических световых лет вокруг (ну, другого просто не было), а сержант Джонсон со своей трубой умел размягчить сердца или разодрать в клочья переборки. А после того как наша капитан мастерски (или тут надо говорить «мистрески»?) подхватила нас на орбите без расчета баллистики и курса, наш взводный кузнец, рядовой первого класса Арчи Кембелл, сделал для шкипера модель «Роджера Янга». Мы все расписались, а на подставке Арчи выгравировал надпись: «Самому горячему пилоту Иветт Деладрие с благодарностью от Разгильдяев Расжака». Мы пригласили капитана с нами пообедать, весь обед играл наш «Разгильдяй-блюз», а потом самый младший рядовой преподнес капитану подарок. Она прослезилась и поцеловала рядового, и Джелли тоже поцеловала, отчего тот побагровел, словно свекла.

После получения шевронов я просто обязан был прояснить свои отношения с Асом, потому что Джелли оставил меня помощником командира секции. Это было нехорошо. Человек всегда должен идти наверх, наступая на каждую ступеньку; вот и мне следовало сначала побыть командиром отделения, а не прыгать через головы ребят в капралы и помощники командира секции. Джелли это, разумеется, знал, но и мне было превосходно известно, что он пытается сохранить все, как было при лейтенанте, а значит, командиров отделений и секций он оставит на месте.

А я в результате остался с щекотливой проблемой; все три капрала, подчиненные мне теперь, были старше меня, но если в следующем десанте сержант Джонсон искупит все грехи, мы потеряем не только отличного повара, но еще и я поднимусь до ко-

мандира секции. И ни в бою, ни вне его не должно быть и тени сомнения, что мой приказ выполнят; то есть все тени надо разогнать сейчас, до выброски.

Ас представлял проблему. Он был не только старшим из всех троих, но еще и кадровым капралом. Плюс старше меня по возрасту. Если Ас примет меня, с остальными проблем не возникнет.

На борту с ним не было никаких трений. А после того как мы вместе вытаскивали Флореса, он даже стал кое-как терпеть меня. С другой стороны, пока не возникало сложных ситуаций; наряды на работу нас вместе не сводили, если не считать поверки и караула. Но там не до разговоров. А я чувствовал — это всегда чувствуется,— Ас меня не держал за человека, от которого он примет приказ.

Поэтому в свободное время я отправился на поиски. Он лежал на своей койке и читал книжку «Космические рейнджеры против Галактики» — довольно приличное чтиво, только сомневаюсь я, будто подразделение может пережить столько приключений и никого не потерять. На корабле была хорошая библиотека.

— Ас, нужно поговорить.

Он поднял голову.

— Ну и? Мое дежурство кончилось.

— А мне нужно сейчас. Положи книгу.

— В заду свербит? Я еще главу не дочитал.

— Да брось ты, Ас. Если не можешь оторваться, я перескажу, чем там кончилось.

— Попробуй, башку оторву.

Но книгу он отложил, сел и приготовился слушать.

— Ас, все дело в организации. Ты старше меня, ты должен быть помощником командира секции.

— Только не начинай!

— Буду. По-моему, мы с тобой обязаны сходить к Джонсону, пусть все уладит с Джелли.

— По-твоему, да?

— Да, по-моему. Так должно быть.

— Ну и? Слушай, коротышка, давай-ка я скажу напрямик. Я против тебя ничего не имею. По сути, в тот день, когда мы

ходили за Диззи, ты лихо себя вел. Признаю. Но если тебе хочется заиметь отделение, иди и выкопай свое собственное. А на мое не зарься. Мои парни ради тебя даже картошку чистить не станут.

— Это твое последнее слово?

— Первое, последнее и единственное.

Я вздохнул.

— Я так и думал. Просто захотел удостовериться. Ладно, проехали. Но вот еще кое-что. Я тут случайно заметил, что в душевой было бы неплохо убраться... и думаю, мы с тобой отлично для этой работы подходим. Так что откладывай свою книжку... как Джелли говорит, младший комсостав всегда на дежурстве.

Он даже не пошевелился. Негромко спросил:

— Ты действительно думаешь, что это необходимо, коротышка? Я сказал, против тебя я ничего не имею.

— Похоже на то.

— Думаешь, получится?

— Я постараюсь.

— Ладно. Давай разберемся.

Мы пошли в душевую на корме, выставили рядового, которому приспичило принять душ, какой ему и не был нужен, и заперли дверь. Ас сказал:

— Предполагаешь какие-нибудь ограничения. Коротышка?

— Ну... убивать тебя я не планировал.

— Годится. Костей не ломать, вообще ничего такого, из-за чего мы пропустим следующую выброску. Разве что по случайности. Тебе подходит?

— Подходит,— согласился я.— Ну, я еще рубаху, наверное, сниму.

— Да, кровь плохо отстирывается...

Он расслабился. Я начал снимать рубашку, и Ас пнул меня в колено. Никакой подготовки, без подсечки. Стопой и без напряга.

Только моего колена там уже не было, меня тоже учили.

Настоящая драка нормально длится одну-две секунды, потому что ровно столько времени требуется, чтобы убить человека, отключить его или довести до состояния, когда он не может продолжать бой. Но мы согласились не наносить друг другу уве-

чий; и это все меняло. Мы оба были молоды, в великолепной форме, хорошо тренированы и привыкли терпеть боль. Ас был крупнее меня, я, может быть, чуть быстрее. При подобных условиях дело будет продолжаться, пока один из нас не будет избит настолько, что не сможет продолжать. Так что посмотрим, кому повезет больше. Но оба мы на удачу не полагались, потому что оба были профессионалами.

Поэтому драка продолжалась долго, мучительно, болезненно долго. Детали опускаю как маловажные. Кроме того, у меня не было времени вести дневник.

Спустя продолжительное время я оказался лежащим на спине, а Ас брызгал мне в лицо водой. Он посмотрел на меня, поставил на ноги, толкнул к переборке и выровнял, чтобы я стоял прямо.

— Ударь меня!

— А?..

У меня кружилась голова и двоилось в глазах.

— Джонни... ударь меня.

Его лицо плавало в воздухе передо мной; я прицелился и ткнул кулаком, вложив все силы, которых как раз хватило бы, чтобы прихлопнуть москита, если у него со здоровьем не очень. Ас закрыл глаза и опустился на палубу, а я вцепился в пиллерс, чтобы не последовать за ним.

Ас медленно поднялся.

— Ладно, Джонни,— сказал он, мотая головой.— Урок я получил. Больше дерзить не буду... и никто в секции. О'кей?

Я кивнул, и у меня заболела голова.

— Руку?

Мы пожали друг другу руки, и это тоже было больно.

Наверное, любой знал о ходе войны больше нас, хотя именно мы в ней участвовали. Разумеется, это было уже после того, как жуки, не без помощи худышек, вычислили нашу планету и навестили ее, уничтожив Буэнос-Айрес и превратив «отдельные инциденты» в полномасштабную войну, но до того, как мы собрались с силами, а худышки сменили сторону в конфликте, стали нашими сотоварищами и de facto союзниками. Сколько-нибудь

эффективную оборону Земли организовали с Луны (хотя мы этого не знали), но говоря откровенно, Земная федерация проигрывала войну.

И этого мы не знали. Как не знали того, что наши силовые действия направлены на развал союза против нас и переход худышек на нашу сторону. Самое большее, что нам сказали перед рейдом, в котором погиб Диззи Флорес,— это то, что с худышками нужно обращаться помягче, уничтожать здания, но убивать только в крайнем случае.

Чего не знаешь, того не расскажешь, если тебя возьмут в плен; ни наркотики, ни пытки, ни промывка мозгов, ни бесконечное лишение сна не выжмут из тебя секрета, который тебе не доверили. Вот нам и говорили только то, что было нужно для тактических действий. В прошлом армии, по слухам, складывали оружие и расходились, потому что солдаты не знали, за что они сражаются или почему. Вот у них и не было воли к победе. Но мобильная пехота подобной слабости не знает. Каждый из нас изначально был добровольцем, у каждого на то были причины — плохие или хорошие. И сейчас мы сражались, потому что мы были мобильной пехотой. Мы были профессионалами, *esprit de corps*. Мы были Разгильдяями Расжака, лучшим (непечатное слово) подразделением во всей (вычеркнуто цензурой) мобильной пехоте; мы лезли в капсулы, потому что Джелли говорил, что пора это сделать, и мы дрались, когда оказывались на поверхности, потому что Разгильдяи Расжака созданы для этого.

И мы не знали, что проигрываем.

Эти жуки — яйцекладущие. И они не просто откладывают яйца, они их хранят про запас и вытаскивают в случае необходимости. Если мы убиваем воина — или тысячу, или десять тысяч,— еще до того, как мы вернемся на корабль, со склада уже вытащен и готов к службе его сменщик. Представьте себе, как какой-нибудь жук, отвечающий за количество населения, звонит по фону в нору и говорит: «Эй, Джо, подогрей-ка десять тысяч воинов, они нам нужны к среде... и скажи инженерам активировать резервные инкубаторы Н, О, П, Р и С. Спрос растет».

Я не хочу сказать, что все происходит в точности так, но результат именно такой. Правда, было бы ошибкой думать, что

жуки руководствуются только инстинктом, как муравьи и термиты; нет, они разумны, как и мы (глупые народы не строят космических кораблей!), и гораздо лучше нас организованы. На то чтобы выучить готового к бою рядового и скоординировать его действия с действиями товарищей, нам нужен минимум год. А жук-воин умеет все это с рождения.

Каждый раз, как мы убиваем тысячу жуков ценой жизни одного десантника, победу может праздновать наш противник. Мы на собственном опыте выяснили, насколько эффективен тотальный коммунизм. Комиссары жуков заботились о солдатах не больше, чем об израсходованных боеприпасах. Наверное, из бед, которые Китайская гегемония причинила Русско-англо-американскому союзу, мы могли сделать кое-какой вывод. С «уроками истории» та беда, что усваивать их начинаешь после того, как получил в зубы.

Но мы учились. Технические инструкции и тактические установки распространялись по всему флоту после каждой стычки с жуками. Мы научились распознавать рабочих и воинов. Если хватает времени, можно их различать по форме панциря, но самое простое правило таково: прет на тебя — воин; бежит от тебя — можешь спокойно поворачиваться к нему спиной. Мы научились не тратить боезапас на воинов, если только не для самозащиты. Вместо этого мы метились в их логова. Найди нору, сначала кинь туда газовую бомбу, та тихо так взорвется через несколько секунд, выпустив маслянистую жидкость, которая, испаряясь, превратится в газ, ядовитый для жуков (и безвредный для нас). Газ тяжелее воздуха и будет опускаться дальше в нору, а ты тем временем используешь вторую гранату, уже обычную, и заваливаешь нору.

Мы все еще не знали, проникает ли газ настолько глубоко, чтобы убивать королев. Но мы точно знали, что жукам наша новая тактика не понравилась; разведка через худышек подтвердила. Кроме того, мы таким способом зачистили их колонию на Шеоле*. Может быть, жуки сумели эвакуировать королев и умников... но мы все-таки научились давать им сдачи.

Но сами Разгильдяи были уверены, что газовые атаки — еще одна тренировка, согласно приказа — по порядку номеров, бего-ом арш!

* * *

Время от времени мы заходили на Санктуарий за капсулами. Запас их приходится пополнять (как и личный состав), и когда они кончаются, необходимо вернуться на базу, даже если генераторы Черникова все еще способны дважды тебя прокатить по Галактике. Как раз перед возвращением пришел приказ с временным назначением Джелли на место Расжака и с присвоением ему звания лейтенанта. Джелли постарался и это замолчать, но капитан Деладрие публично всех уведомила и потребовала от сержанта обедать в офицерской столовой. Все остальное время Джелли проводил с нами на корме.

Мы сделали несколько десантов с ним в качестве командира взвода, и подразделение начало привыкать обходиться без лейтенанта. Больно было по-прежнему, но как-то — привычно. После назначения Джелала среди ребят пошли разговоры, что настало время нам назвать себя по имени босса, как в прочих частях.

Джонсон был старшим, его и отправили к Джелли. А меня он взял с собой для моральной поддержки.

— Чего? — буркнул Джелли.

— Э-э, сарж... то есть лейтенант, мы тут подумали...

— Чем?

— Ну, ребята вроде как потолковали и подумали... ну, они говорят, надо бы назвать подразделение «Дикобразами Джелли».

— Говорят, э? Скольким нравится это название?

— Всем,— просто сказал Джонсон.

— Вот как? Пятьдесят два — за... и один против. Большинство против.

Больше вопрос не поднимался.

Вскоре после этого мы встали на орбиту вокруг Санктуария. Я был рад оказаться там; псевдогравитация на корабле уже почти два дня как отключилась, старший бортинженер возился с ней, а нам предоставил свободно падать. Ненавижу невесомость. Никогда не был настоящим космолетчиком. Грязь на ногах ощущать куда приятнее. Взвод всем скопом ушел в десятидневное увольнение и был расквартирован в казарме на базе.

Я так и не узнал ни координат Санктуария, ни названия или номера по каталогу звезды, вокруг которой он обращался, потому что о чем не знаешь, о том не проболтаешься. Расположение планеты проходило под грифом высшей секретности, было известно лишь капитанам кораблей, пилотам, ну, и еще тем, кому надо... И я так понимаю, всем им был отдан прямой приказ или внушено под гипнозом покончить жизнь самоубийством, чтобы не быть взятым в плен. Поэтому я не хотел знать. Поскольку существует вероятность того, что лунную базу могут занять и оккупировать Терру, Земная федерация сосредоточила большую часть своих сил на Санктуарии. Тогда крушение дома не будет означать капитуляции.

Зато я могу рассказать о планете. Она похожа на Землю, только отсталая.

В буквальном смысле, как ребенок, который десять лет учится махать ручкой на прощание, но лепка куличиков из песка так и остается за пределами его способностей. Санктуарий похож на Землю, как могут быть похожи планеты примерно одного возраста, обращающиеся вокруг примерно одинаковых звезд (тот же возраст и класс). Так утверждают планетологи и астрофизики. Флоры и фауны тут в избытке, та же атмосфера, что и на Земле, погода почти такая же. Есть даже спутник размером с Луну и, соответственно, приливы.

И вот с такими прекрасными данными планета едва-едва сползла со стартовой линии. Понимаете ли, ей не хватает мутаций. Санктуарий обделен уровнем естественной радиации по сравнению с Землей.

Типичные и самые развитые растения здесь — весьма примитивные гигантские папоротники; вершиной жизненной формы являются протонасекомые, которые даже колонии образовывать не умеют. Я не говорю о перевозке земных растений и животных — наш материал запросто пододвинул бы местных в сторону.

Эволюция стояла почти на нуле из-за недостатка радиации, условий для мутаций не было*, поэтому местные формы жизни не имели шанса на развитие и не были готовы к конкуренции. Генетический рисунок сохранялся уже долгое время; никто не адаптировался. Так можно тысячелетиями разыгрывать одну за

другой партии в бридж с одной и той же сдачи без малейшей надежды получить иной расклад.

Пока местная жизнь занималась сама собой, мы на нее внимания не обращали: идиоты в собственном соку, что тут говорить. Но как только на планету попали соперники, привыкшие к более высокой радиации, аборигены вышли в тираж.

В общем, все — в пределах школьного учебника по биологии... но один высоколобый ученый с исследовательской станции однажды навел меня на мысль, о которой я не задумывался.

Что же будет с людьми, колонизировавшими Санктуарий?

Не проезжими, вроде меня, а колонистами, которые живут здесь, многие тут родились, и их потомки будут жить здесь энное количество поколений. Человеку отсутствие радиации ничем не грозит; так даже безопаснее — например, здесь неизвестна лейкемия и некоторые формы рака. Кроме того, здешняя экономическая ситуация — просто класс. Если засеваешь земной пшеницей поле, то о сорняках можешь забыть. Пшеница забьет их всех.

Но потомки колонистов не будут эволюционировать. Вообще. Тот парень со станции сказал мне, что время от времени будут случаться небольшие мутации, новая кровь от иммигрантов и естественного отбора. Но по сравнению с тем, что происходит на Терре и любой другой обычной планете, они не пойдут ни в какое сравнение. Так что же произойдет? Останутся ли они замороженными на нынешнем уровне, пока остальная человеческая раса прошагает мимо них, как мимо живых ископаемых, питекантропов космического века?

Или колонисты озаботятся судьбой своих потомков и станут облучать себя нужной дозой радиации, для блага будущих поколений примирившись с опасностью получить выше нормы?

Тот малый предсказал, что колонисты ничего не будут делать. Он заявил, что представители человеческой расы слишком эгоцентричны, слишком сосредоточены на себе, чтобы беспокоиться о будущем. Он сказал: человек просто не способен подумать о том, что недостаток радиации плохо скажется на потомстве. Ведь все это будет в далеком будущем, эволюция работает

медленно даже на Терре, возникновение новых особей — вопрос многих-многих тысяч лет.

Я не знаю. Да о чем тут говорить, я и про себя-то даже почти никогда не знаю заранее, как сам поступлю; так как же мне предсказывать поступки целой колонии незнакомых мне людей? В одном я уверен: со временем Санктуарий заселят. Либо мы, либо жуки. Или кто-то другой. Это потенциальная утопия, и если учесть бедность этого сектора галактики планетами, примитивным местным формам жизни Санктуарий не достанется.

Тут уже сейчас приятно, и проводить здесь увольнительные во многом лучше, чем на Терре. Во-вторых, здесь много штатских, больше миллиона, и это не самые плохие гражданские. Они знают, что идет война. Больше половины из них работает либо на базе, либо в военной промышленности; остальные производят продукты питания и продают их флоту. Можно сказать, они заинтересованы в войне, но каковы бы ни были причины, они уважают форму и тех, кто ее носит. Даже наоборот. Если десантник заходит в лавку, хозяин обращается к нему с почтительным «сэр!», и это искренне, даже если собирается всучить ерунду за бешеную цену.

А, во-первых, половина этих штатских — женщины.

Нужно очень долго находиться в рейде, чтобы полностью оценить это обстоятельство. Нужно с нетерпением ждать своей очереди идти на пост и стоять два часа из каждых шести спиной к переборке номер тридцать, навострив уши, чтобы услышать *звук* женских голосов. Не знаю, может на кораблях с мужским экипажем полегче... но я выбираю «Роджер Янг». Это здорово — знать, что те, за кого ты дерешься, существуют в действительности, что они — не плод твоего воображения.

Кроме прекрасных пятидесяти процентов гражданских примерно сорок процентов федеральных служащих на Санктуарии — тоже женщины. Сложите все вместе и получите самый прекрасный способ исследовать вселенную.

Ну, и помимо этих неоспоримых преимуществ, здесь заботятся о том, чтобы увольнительная не прошла впустую. У большинства штатских, похоже, по две работы; у них темные тени под глазами, потому что всю ночь девочки не спят, развлекая

армейских. На Черчилль-роуд, которая ведет от базы в город, по обе стороны стоят заведения, предназначенные для безболезненного отделения человека от его денег, которые ему все равно больше не на что потратить, а также для приятного времяпрепровождения, развлечения и музыки.

Если ты сумел миновать эти ловушки по причине наступившего безденежья, то в городе имеется множество не менее замечательных мест (в том смысле, что девушки там тоже имеются), предоставленных нам в бесплатное пользование — как клуб в Ванкувере, только здесь нам рады еще больше.

Санктуарий, и особенно город Эспириту Санто, показался мне таким идеальным местом, что я стал подумывать, а не остаться ли здесь, когда закончится срок моей службы. В конце концов, меня не волновали будут ли мои потомки (если таковые найдутся) через двадцать пять тысяч лет, начиная с сегодняшнего дня, шевелить зелеными щупальцами, как все приличные аборигены, или у них будет тот же набор конечностей, что у меня. Разговорами про пониженную радиацию меня не запугаешь. По мне, если оглядеться по сторонам, человеческая раса добралась до своей вершины.

Без сомнения джентльмен-бородавочник того же мнения о бородавочнице-леди, что и я о женщине, а раз так, то оба мы искренни.

Были тут и иные возможности для отдыха. С особенным удовольствием вспоминаю тот вечер, когда столик Разгильдяев вступил в дружескую дискуссию с группой матросов (не с «Роджера Янга»), сидевших за соседним столом. Дебаты получились вдохновенные, немного шумные, а потом пришла полиция и прекратила спор посредством парализаторов, как раз когда мы разогревались для контраргумента. Последствий не было, разве что за мебель пришлось заплатить. Комендант базы держался мнения, что солдату на увольнительной позволена некоторая свобода, дабы отдохнуть от постоянного выбора самого подходящего из «тридцати одного способа расшибиться вдребезги».

Казармы тоже были нормальные — без изысков, но удобные, а раздаточная в столовой работала двадцать пять часов в сутки,

причем всю работу выполняли гражданские. Ни побудок, ни отбоя; собственно, ты в увольнительной и можешь вообще не возвращаться в казарму. Впрочем, я возвращался всегда, потому что казалось нелепым тратить деньги на отель, когда тут чисто, матрас мягкий, а деньгам найдется лучшее применение. Да и дополнительный час в сутках — тоже неплохо. Девяти часов хватает с избытком, а потом целый день свободен. Я начал отсыпаться, как только завершилась операция «Жучиный дом».

Нам было ничуть не хуже, чем в отеле. Мы с Асом заняли комнату на двоих в секции для младшего комсостава. Как-то утром, когда увольнительная, к сожалению, уже близилась к завершению, я как раз намеревался доспать до местного полдня, когда Ас принялся трясти мою койку.

— Подъем, солдат! Жуки атакуют!

Я сказал ему, куда он может засунуть жуков.

— Ну-ка, живо, ножки на землю! — настаивал он.

— No dinero.

Вечером раньше я был на свидании с химиком (конечно же, с женщиной и притом очаровательной) с исследовательской станции. На Плутоне она познакомилась с Карлом, и тот написал мне письмо, чтобы я встретился с ней, если окажусь когда-нибудь на Санктуарии. У девицы были рыжие волосы, тонкая талия и дорогие вкусы. Очевидно, Карл наболтал ей, что у нас денег больше, чем полезно для здоровья, поскольку она решила, что ночь — подходящее время для знакомства с местным шампанским. Я не стал подводить Карла и не сказал, что у меня только жалованье десантника; я купил девочке вино, а сам пил то, что здесь называлось (хотя и не пахло) свежевыжатым ананасовым соком. В результате мне пришлось идти домой пешком, потому что такси даром не возят. Но вечер того стоил. В конце концов, что такое деньги? Я хочу сказать: «жучьи» деньги.

— Без проблем,— отозвался Ас.— Я подкину, мне вчера повезло. Наткнулся на одного флотского, не ведающего о теории вероятности.

Ну, пришлось мне встать, побриться, принять душ, и мы отправились пожевать. Взяли по полдюжины сваренных вкрутую

яиц и чего-то вроде картошки, а еще ветчины, и горячих оладий, и так далее, и так далее, а потом пошли в город, чтобы чего-нибудь поесть. Топать в пыли по Черчилль-роуд было жарко, и Ас надумал заскочить в кантину. Я решил посмотреть, может быть у них ананасовый сок будет из настоящих ананасов. Как же, жди, зато он был холодный. Что ж, нельзя получить все сразу.

Мы немного поговорили об этом, и Ас заказал еще по одной. Я рискнул попробовать сок из клубники — то же самое. Ас уставился в свой стакан, потом сказал:

— Никогда не думал податься офицеры?

Я спросил:

— Я? С пальмы рухнул?

— Не-а. Слушай, Джонни, эта война никак не кончится. Плевать, что там талдычит народу пропаганда, мы-то с тобой знаем, что жуки не готовы сложить лапы. Так почему бы ни подумать о будущем? Как говорят, если уж играть в оркестре, лучше махать палочкой, чем тащить большой барабан.

Я испугался такого поворота разговора. Особенно потому, что завел его Ас.

— А ты как? Не планируешь выдвигаться в старшие?

— Я? — ответил он.— Проверь контакты, сынок, тебя заносит. У меня образования никакого, и я на десять лет старше тебя. А твоего диплома хватит на экзамены в офицерское училище, и IQ у тебя такое, как у них. Гарантирую, что если возьмешься делать карьеру, станешь сержантом раньше меня... а через день уже будешь обивать порог офицерской школы.

— Нет, ты точно с пальмы сверзился!

— Слушай папочку. Терпеть не могу такое говорить, но ты в самую меру глуп, усерден и искренен, чтобы стать офицером, за которым солдатики из любви отправятся на любую глупость. А я... я родился младшим комсоставом. Необходимый пессимизм и нехватка энтузиазма. Когда-нибудь стану сержантом... а пока намерен отслужить свои двадцать лет и выйти в отставку, чтобы заняться работой для резервистов... может, копом стану. Женюсь на симпатичной толстушке с такими же невзыскательными вкусами, что у меня, буду рыбу ловить, спортом заниматься и жить потихоньку себе в удовольствие.

Ас помолчал, чтобы смочить горло.

— Но ты,— продолжал он,— другое дело. Ты останешься и дослужишься до больших погон, погибнешь со славой, а я прочитаю об этом и гордо скажу: «Я знавал его. Да что там. Я ему денег одалживал, мы же были капралами». Ну?

— Я никогда об этом не думал,— медленно произнес я.— Я хотел всего лишь отслужить срок.

Ас кисло ухмыльнулся.

— Ты что, видел кого-то, у кого кончился срок? Все еще думаешь о двух годах?

Он говорил дело. Пока война продолжается, «срок» не кончается — по крайней мере не у пехотинца. Разговоры о сроке сейчас — показатель настроения. Те, кто на срочной службе, чувствуют себя людьми временными; мы всегда можем сказать: «Все, вошебойка окончена». А кадровые так не говорят, они никуда не уходят — служат до отставки или покупают место на небесах.

С другой стороны, мы тоже никуда не денемся. Но если стать кадровым, а свою двадцатку не оттрубить... с правом гражданства может получиться неувязка. Кому нужен человек, который не захотел остаться?

— Ну, может, не один срок,— признал я.— Но война не будет длиться вечно.

— Да ну?

— Ну, как же...

— Будь я проклят, если знаю. Мне не докладывают. Но знаю, что заботит тебя вовсе не это, Джонни. Тебя девушка ждет?

— Нет... да, ждет...— я помешкал с ответом.— Только у нее со мной — «Дорогой Джонни», и все.

Тут я соврал. Просто выдумал, потому что Ас, похоже, ждал чего-то подобного. Кармен не была моей девушкой и никого никогда не ждала, но письма ко мне начинала со слов «Дорогой Джонни».

Ас понимающе кивнул.

— Они все такие. Скорее выйдут замуж за штатского, чтобы был под рукой, когда вздумается задать взбучку. Не печалься, сынок, отыщешь целую толпу, сами будут на шею вешаться, когда выйдешь в отставку... и тогда выберешь себе нужную. Женитьба

для молодого — сущее наказание, а старику — утешение,— он посмотрел на мой стакан.— Тошнит меня, когда я вижу, как ты хлебаешь эти помои.

— А мне от твоей дряни думаешь, лучше? — сообщил я ему.

Он пожал плечами.

— Говорю же, о вкусах не спорят. Ты подумай.

— Ладно.

Ас пошел играть в карты, а мне одолжил немного денег, и я пошел погулять. Мне нужно было подумать

Пойти в кадровые? Если забыть о шумихе вокруг повышения, то сам-то я хочу ли в бессрочники? Слушайте, я вроде прошел всю эту бодягу, чтобы получить гражданство, не так ли? А если я стану кадровым, то окажусь так же далеко от привилегии голосовать, как будто даже в армию еще не записывался. Потому что, пока носишь форму, голосовать не ходишь. Конечно, так оно и должно быть. Сами посудите, позволь Разгильдяям голосовать, какой-нибудь идиот может проголосовать за то, чтобы больше не ходить в десант. Так нельзя.

Но я же записался, чтобы иметь право голосовать.

Или нет?

Заботит меня это право голоса? Нет, это престиж, вопрос гордости, положения... быть гражданином.

Или нет?

Даже ради спасения собственной жизни я не мог точно вспомнить, зачем пошел на службу.

Все равно, право голосовать еще не делает из тебя гражданина... Наш лейтенант был гражданином в самом высшем смысле этого слова, пусть прожил не настолько долго, чтобы хоть раз проголосовать. Он «голосовал» каждый раз, когда шел в десант.

И я тоже!

Я услышал в голове у себя голос полковника Дюбуа: «Гражданство — это отношение, состояние сознания, эмоциональная уверенность в том, что целое больше части, и эта часть должна скромно гордиться тем, что приносит себя в жертву, чтобы целое могло жить».

Я все еще не знал, стремлюсь ли заслонить своим одним-единственным телом «родной дом от опустошения войной»...

меня по-прежнему трясло перед выброской, а «опустошение» выходило очень уж опустошительным. Но я, по крайней мере, понимал, о чем говорил полковник Дюбуа. Мобильная пехота — это мое, а я принадлежу мобильной пехоте. Что делает вся пехота, то делаю и я. Патриотизм для меня — метафизика, слишком велико, чтобы увидеть. Мобильная пехота — моя банда, я ей принадлежу. Это единственная, оставшаяся у меня семья, они — мои братья, которых у меня никогда не было, они мне ближе, чем был Карл. Если я брошу их, я пропал.

Так почему бы ни стать кадровым военным?

Отлично, отлично... а как быть со всей этой чушью об училище? Это же совсем другое дело. Я мог представить, как отслужу двадцать лет, а затем буду прохлаждаться, в точности, как описывал Ас, с «фруктовым салатом» на груди и тапочками на ногах... а по вечерам я ходил бы в клуб ветеранов, вспоминал бы прежние времена с боевыми товарищами. Но училище? Я уже слышал Эла Дженкинса на одном из споров, где подняли этот вопрос: «Я — рядовой! Им и останусь! Если ты рядовой, спросу никакого. Кому это надо — быть офицером? Или сержантом? И так ведь дышишь тем же воздухом, верно? Ешь то же самое. Идешь туда же, делаешь то же самое. А забот — никаких».

Эл попал в точку. Что мне дали лычки, кроме шишек и синяков?

И все же я знал: я стал бы сержантом, если бы предложили. Не откажешься, пехотинец ни о чего не отказывается, он идет и принимает как есть. Повышение, думаю, тоже.

Но неужели так можно? Разве я смогу стать таким же, как лейтенант Расжак?

Мои ноги принесли меня к училищу, хотя я вообще не собирался идти в ту сторону. На плацу гоняли рысью роту кадетов, и выглядели они точь-в-точь, как салаги в учебном лагере. Солнце жарило, и учения не были столь же привлекательными, какими казались во время трепа в бросковой «Роджера Янга». Да с тех пор, как учебка осталась позади, мне не приходилось маршировать дальше тридцатой переборки. Вся эта чушь в прошлом.

Я смотрел на бедняг, взопревших в униформе; я слушал, как их костерят — тот же сержант, между прочим. Дом, милый дом... Я покачал головой и пошел прочь...

...в казармы, на офицерскую половину, где нашел комнату Джелли.

Он сидел внутри, задрав ноги на стол, и читал журнал. Я постучал по дверному косяку. Джелли поднял голову и рыкнул:

— Ну?

— Сарж... то есть, лейтенант...

— Дальше!

— Сэр, я хочу стать кадровым военным.

Он спустил ноги со стола.

— Подними правую руку.

Он привел меня к присяге, полез в ящик стола и достал мои бумаги.

Он будто знал заранее и подготовил бумаги на меня, те только и ждали, когда я появлюсь, чтобы их подписать. А я ведь даже Асу еще ничего не сказал. Каково?

12

«Офицеру никоим образом не достаточно одного лишь опыта... Ему следует быть джентльменом с широким образованием, прекрасными манерами, безукоризненной вежливостью и высочайшим чувством собственного достоинства... Ни один похвальный поступок подчиненного не должен избегать его внимания, даже если наградой за него станет только доброе слово. И напротив, ему не следует закрывать глаза на малейший проступок. Как бы ни были верны политические принципы, за которые мы сейчас сражаемся... корабли должны управляться на основе абсолютного деспотизма. Думаю, я достаточно ясно объяснил вам вашу чрезвычайную ответственность. Мы должны сделать все, что в наших силах, с тем, что у нас есть».

Джон Пол Джонс,
14 сентября 1775 года;
выдержка из письма военно-морскому комитету повстанцев Северной Америки

«Роджер Янг» опять возвращался на базу — за капсулами и за личным составом. Эл Дженкинс получил свое место в раю, прикрывая отход... тот, в котором мы потеряли и падре. Кроме того, меня ждал перевод. Я носил новенькие сержантские лычки (вместо падре Мильяччио), хотя было у меня предчувствие, что как только я уйду с корабля, лычки достанутся Асу. Мне их дали *из чистой вежливости, прощальный подарок от Джелли* перед поступлением в офицерское училище.

Но все это не мешало мне ими гордиться. С космодрома я вышел, задрав нос, и зашагал прямиком к пропускному карантинному пункту, чтобы поставить штамп в бумаги. Именно тогда я и услышал вежливый, полный уважения голос:

— Прошу прощения, сержант, но тот катер, что только что сел... он с «Роджера»...

Я повернулся взглянуть на говорящего, посмотрел на рукав. Небольшого росточка, сутуловатый капрал, несомненно, один из наших...

— Папа!

И тут капрал меня обнял.

— Хуан! Хуанито! Мой маленький Джонни!

Я поцеловал его, обнял и заплакал. Наверное, штатский клерк за конторкой впервые в жизни увидел двух целующихся младших офицеров. Ну *если бы я заметил, что он хотя бы бровью повел, размазал* бы по стене тонким слоем. Но я ничего не заметил, я был занят. Клерку пришлось напомнить мне, чтобы я забрал у него бумаги.

Ну а потом мы с отцом высморкались и перестали смешить народ. Я сказал:

— Пап, пойдем посидим где-нибудь. Поговорим. Я хочу знать... ну, все хочу знать! — я перевел дух.— Я думал, ты погиб.

— Нет. Хотя пару раз чуть *было не искупил грехи. Но, сынок...* сержант, мне действительно нужно отыскать катер. Видишь ли...

— Вон тот. Он с «Роджера Янга». Я только что...

Отец жутко расстроился.

— Тогда мне нужно бегом. Я должен доложиться,— а потом с живостью добавил: — Но ведь ты же скоро вернешься на борт, Хуанито? Или у тебя отпуск?

— Э... нет.

Мысли мои скакали. Ну надо же, как все оборачивалось!

— Слушай, папа, я знаю расписание катера. Ты еще час с лишним можешь там не появляться. Назад катер пойдет нескоро, будет ждать, пока «Родж» не завершит оборот вокруг планеты. А может, еще и второй виток придется ждать, если не успеют загрузиться к первому.

— Мне приказано явиться на первый же катер,— с сомнением сказал отец.

— Пап! Кого трогают эти инструкции? Девчонке, которая гоняет на этом корыте, плевать, будешь ли ты на борту сейчас или явишься перед самым взлетом. Все равно за десять минут до прогрева двигателей дадут позывной. Ты никуда не опоздаешь.

Отец позволил увести себя в уголок.

— Хуан, ты возвращаешься на том же катере? — спросил он, как только мы сели.— Или позднее?

— Э-э...

Я показал ему приказ, это был самый простой способ рассказать новости. Корабли, разошедшиеся в ночи, как в истории про Эвангелину... ну, и дела творятся!

Отец прочел бумаги, на глазах у него показались слезы, и я торопливо добавил:

— Слушай, пап, я собираюсь вернуться... не хочу я нигде служить, только с Разгильдяями. И с тобой... ну, я знаю, что разочаровал тебя, но...

— Вовсе нет, Хуан. Это не разочарование.

— Э... то есть?

— Это гордость. Мой мальчик станет офицером. Мой маленький Джонни... Ну, конечно, и огорчение тоже, я так ждал этого дня. Но могу подождать еще немного,— отец улыбнулся сквозь слезы.— А ты вырос, парень. И возмужал.

— Ну, наверное. Пап, я пока еще не офицер и вообще, может, скоро вернусь на «Родж». Я хочу сказать, сейчас так быстро все делается и...

— Довольно, молодой человек!

— Чего?

— У тебя все получится. И прекрати эти разговоры об отчислении,— он вдруг опять улыбнулся.— В первый раз сумел приказать сержанту заткнуться.

— Ну, я постараюсь, пап. И, если окончу училище, определенно вернусь на «Родж». Но...

— Да, я знаю. Твой запрос ничего не будет значить, если не откроется вакансия. Ладно, вздор. Если у нас есть всего лишь час, не будем тратить его понапрасну. Я так горжусь тобой, что вот-вот лопну по швам. Как твои дела, Джонни?

— Замечательно, просто замечательно.

Я начинал думать, что все не так уж и плохо. Папе с Разгильдяями будет лучше, чем в любом другом подразделении. Там все мои друзья... они о нем позаботятся, присмотрят, чтобы остался цел. Асу я пошлю телеграмму, отец ведь ни за что не скажет, что мы с ним родственники.

— Пап, а ты давно в армии?

— Чуть больше года.

— И уже капрал!

Отец невесело улыбнулся.

— Сейчас так быстро все делается.

Я не стал уточнять, о чем он. Потери. Вакансий сейчас столько, что солдат на них не хватает. Вместо этого я спросил:

— Пап, а ты не... ну, я... это... а ты не староват для солдата? Может, во флоте или тыловом обеспечении...

— Я хотел в мобильную пехоту и я здесь оказался,— с нажимом сказал он.— И я не старше большинства сержантов, а то и моложе многих. Я всего на двадцать два года старше тебя, так ты уже готов в инвалидную коляску меня усадить. И у возраста есть свои преимущества.

Да, в этом что-то было. Я вспомнил, как сержант Зим в первую очередь старался работать с теми, кто постарше. И в учебном лагере отец, наверняка, не допускал моих ляпов — ему-то плетей уж точно не доставалось. Скорее всего, пошел на повышение еще до окончания учебки. Армии нужны действительно взрослые люди в среднем звене; организация эта весьма патерналистская.

И я не стал спрашивать, почему отец выбрал мобильную пехоту и как попал на мой корабль. Мне просто было тепло от этого, мне его поступок льстил больше, чем любая похвала. А еще я не хотел спрашивать, почему он пошел в армию, я и так знал. Мама. Ни он, ни я о ней не обмолвились и словом — слишком больно.

Вот я и поменял тему для разговора:

— Требую информации. Расскажи, где ты был, что делал.

— Ну, тренировался в лагере «Сан Мартин»*...

— Не в «Карри»?

— Нет, это новый. Но шишки прежние, как я понимаю. Только срок теперь на два месяца короче, воскресения отменили. Затем я подал запрос на перевод на «Роджер Янг», меня завернули, я очутился у Добровольцев МакСлеттери. Неплохая часть.

— Да, слыхал.

У Добровольцев репутация крутых, крепких и серьезных в деле парней — почти как Разгильдяи.

— Надо бы говорить: «Была хорошая часть». Несколько раз сходил с ними в десант, некоторые парни искупили грехи, а я получил вот это,— отец ткнул пальцем в нашивки.— Стал капралом перед выброской на Шеол...

— Ты там был? Я тоже!

Мы с отцом вдруг стали ближе, чем были за всю свою жизнь.

— Знаю. Точнее, знал, что твое подразделение было там. Мы были к северу от вас в пятидесяти милях, насколько могу судить. Отражали их контратаку, когда они полезли из-под земли, словно летучие мыши из пещеры,— отец пожал плечами.— Так что, когда все было кончено, я оказался капралом без части, нас не хватало, чтобы восстановить подразделение. Меня послали сюда. Должен был попасть к «Кодьякам Кинга», но перемолвился с сержантом по распределению, и выяснилось, что на «Роджере Янге» открылась вакансия на капрала. Вот я и тут.

— А когда ты пошел на службу?

Я только задал вопрос и уже понял, что не стоило его задавать. Но надо было как-то отвлечь отца от мыслей о «Добровольцах МакСлеттери», сироте, потерявшему свою часть, лучше забыть о ней поскорее.

— Вскоре после Буэнос Айреса,— негромко произнес отец.

— О... ясно.

Отец некоторое время молчал, затем негромко продолжил:

— Не уверен, что тебе ясно, сынок.

— Сэр?

— М-мм... не так-то легко объяснить. Определенно, на решение повлияла смерть твоей матери. Но я записался в армию не для того, чтобы отомстить за нее. Хотя есть такое намерение. По большей части из-за тебя.

— Из-за меня?

— Да, сынок. Я всегда понимал тебя лучше, чем это делала мама. Не обвиняй ее, у нее был шанс не больше, чем у птицы научиться плавать. Да, я сомневался в свое время, что ты сам понимаешь свой поступок, но всегда знал, что знаю причину. И сердился из-за твоей решительности... ты сделал то, что должен был сделать я. Но не ты причина моего поступления в армию. Ты только спустил курок и определил род войск.

Он помолчал.

— Я был в плохой форме, когда ты пошел в армию. Тогда я регулярно ходил к гипнотерапевту, а ты и не замечал, верно? Но дальше выяснения, что я глубоко не удовлетворен жизнью, мы так и не продвинулись. После того как ты уехал, я все свои проблемы стал связывать с тобой, но и я, и врач знали, что дело не в тебе. Полагаю, я понял, что на нас надвигается беда, куда раньше многих. Еще за месяц до чрезвычайного положения нам предложили большой военный заказ. Пока ты был в лагере, мы почти все производство повернули на те рельсы. Тогда мне стало лучше, я работал на износ и был слишком занят, чтобы бегать по врачам. А затем нервы расшатались еще пуще. Сынок, ты что-нибудь знаешь о штатских?

— Н-ну... мы с ними говорим на разных языках. Это я знаю.

— Ясней не скажешь. Помнишь госпожу Руитман? После учебки мне полагалось несколько дней увольнительной, и я поехал домой. Повидал кое-каких друзей, попрощался... она там тоже была. Ну, она щебечет: «Ах, так вы действительно уезжаете? Ну, будете на Дальней Стоянке, обязательно повидайте моих дорогих друзей Регатосов». Я ей отвечаю, мол, никак нет, Дальняя

Стоянка оккупирована жуками. Она даже не моргнула. Все в порядке, говорит, они же не военные!

Отец цинично хмыкнул.

— Да, я знаю.

— Но я забегаю вперед. Я говорил, что нервы расшалились. Смерть твоей матери освободила меня для того, что я обязан был сделать... наши с ней судьбы срослись и сроднились, а когда я стал одинок, я почувствовал себя свободным. Я передал дела Моралесу...

— Старику Моралесу? А он справится?

— Да. Потому что обязан. Многие из нас способны на поступки, о которых не подозревали. Я выделил ему солидную долю, сам знаешь старую притчу о волах молотящих... А остальное разделил на две части, половину — сестрам милосердия, половину тебе, когда вернешься. Если вернешься. Ладно, вздор. По крайней мере, я выяснил, что со мной было не так.

Отец замолчал, потом очень тихо сказал:

— Я был обязан пройти испытание верой. Обязан доказать, что я — мужчина. Не просто производяще-потребляющее животное, а *человек*.

Я ничего не успел ему ответить, потому что динамики на стенах запели:

— *...во славу пехоты сияет в веках, сияет в веках имя Роджера Янга!*

И женский голос добавил:

— Персоналу корвета «Роджер Янг» собраться у катера. Причал «Эйч». Девять минут.

Отец вскочил на ноги, подхватил вещмешок.

— Это меня! Береги себя, сынок. И чтоб прошел все экзамены, не то не посмотрю, что вырос, выдеру!

— Обязательно, пап.

Он торопливо обнял меня.

— Увидимся, когда мы вернемся!

И он убежал.

В офисе коменданта я доложился флотскому сержанту, который выглядел точь-в-точь как сержант Хо; у него даже руки тоже не хватало. А еще ему не хватало улыбки сержанта Хо.

— Кадровый сержант Хуан Рико поступает в распоряжение коменданта, согласно приказу,— отбарабанил я.

Он глянул на часы.

— Катер сел семьдесят три минуты назад. Ну?

Ну, я ему и рассказал. Сержант выпятил губу и задумчиво посмотрел на меня.

— Я знаю наизусть все штатные отговорки. Но вы только что написали новую страницу. Ваш отец, ваш собственный отец назначен на корабль, с которого вы отбыли?

— Чистая правда, сержант. Можете проверить. Капрал Эмилио Рико.

— Мы не проверяем заявления наших «юных джентльменов». Мы просто отчисляем их, если выяснится, что они солгали. Ладно, все равно, парень, который не опоздает из-за встречи со своим стариком, не стоит возни. Забудь.

— Спасибо, сержант. Мне доложиться коменданту?

— Уже доложился,— он сделал отметку в списке.— Может, через месяц комендант захочет видеть тебя вместе с дюжиной других таких же. Вот ордер на комнату, вот экзаменационный лист для начала. Хотя начать лучше с того, что спорешь шевроны. Только не потеряй их, могут еще понадобиться. С этого мгновения ты не «сержант», а «мистер».

— Есть, сэр.

— И не называй меня «сэр». Это я буду называть тебя «сэр». Но тебе это не понравится.

Офицерскую школу описывать не буду. Это все равно что учебный лагерь, только в квадрате и в кубе, плюс учебники. По утрам мы занимались тем же, что и рядовые, делали все то же, что и в учебке, и рукопашный бой тот же самый, и те же сержанты мылят нам те же шеи. Днем мы становились кадетами и «джентльменами», слушали лекции и писали контрольные по бесконечному списку предметов: математика, физика, галактография, ксенология, гипнопедия, логистика, стратегия и тактика, связь, военная юриспруденция, ориентирование на местности, специальное вооружение, психология командной деятельности, все, начиная с того, как накормить и позаботиться о рядовых, и заканчивая тем, почему Ксеркс по крупному облапошил сам себя.

По большей части мы учились быть катастрофой в собственном лице, одновременно заботясь о пятидесяти других парнях, учились любить их, нянчиться с ними, вести за собой, спасать их, но ни в коем разе не превращая их в детишек.

У нас были кровати, которыми мы слишком мало пользовались; у нас были комнаты, душевые и уборные. На каждых четырех кандидатов имелся один гражданский служащий, который заправлял нам постели, убирал в комнатах, чистил нам ботинки, гладил униформу и бегал по поручениям. И вовсе не ради роскоши, а лишь для того, чтобы дать учащемуся больше времени на выполнение невозможного. Поэтому нас освобождали от того, что любой рядовой умел в совершенстве.

«Филадельфийский катехизис» предписывал:
Шесть дней тебе назначено сгибаться и потеть,
А на седьмой — песочить палубу и драить якорную цепь.

Армейская версия заканчивается так: ... *и вычисти стойло*, из чего можно сделать вывод, сколько столетий этой традиции. Хотелось бы мне отловить хотя бы одного штатского, который считает нас лодырями, и погонять его месяцок в училище.

По вечерам и воскресеньям мы учились, пока глаза не начинали гореть, а из ушей валить дым, а потом спали (если спали) с жужжащим под подушкой гипнопреподавателем.

Строевые песни носили соответственно пессимистичный характер. «Чем с пехтурой трахать поле, я бы лучше попахал!» и «Не будут более учиться воевать», а еще «Не ходи, малыш, в солдаты,— плакала родная мать». А вот самая любимая — старая, классическая «Джентльмен в драгунах» с припевом про «агнцев, заблудших неведомо где»: «...Господи, грешника не покинь! Бе-е! Йе-е! Бе-е!»

И все же я не чувствовал себя несчастным. Наверное, занят был слишком. Не было никакого психологического «перевала», который надо было преодолеть в учебном лагере, а был постоянный, не ослабевающий страх перед отчислением. Особенно меня беспокоила моя слабая подготовка по математике. Мой сосед по

комнате, колонист с Гесперуса, парень со странно подходящим ему именем Ангел, ночи на пролет помогал мне.

Большинство инструкторов, особенно офицеры, были инвалидами. Помнится, полным набором конечностей, глаз, ушей и так далее обладали только сержанты — инструктора по боевой подготовке, да и то не все. Наш тренер по рукопашному бою передвигался в автономном инвалидном кресле, носил пластиковый «ошейник» и от шеи и ниже был полностью парализован. Зато язык работал, как заведенный, глаза подмечали наши огрехи с точностью кинокамеры. А уж как он разносил и критиковал то, что видел,— полностью компенсировал свою физическую немощь!

Поначалу я все удивлялся, почему эти явные кандидаты на отставку по состоянию здоровья и полный пенсион не пользуются своим правом пойти домой. Затем перестал.

Апофеозом моей учебы был визит энсина Ибаньез, младшего вахтенного офицера, пилота-стажера транспортного корвета «Маннергейм» и обладательницы черных глаз. Карменсита выглядела потрясающе в белой парадной форме размером чуть больше бикини. Она появилась, когда наш класс выстроился на перекличку перед ужином, прошагала мимо строя, и слышно было, как у парней глазные яблоки щелкали, отслеживая ее. Она подошла прямиком к дежурному офицеру и нежным, проникновенным голоском спросила, где ей отыскать Хуана Рико.

По всеобщему мнению капитан Чандар в жизни не улыбнулся своей собственной матери, но для малышки Кармен он с усилием расплылся до ушей и подтвердил, что я здесь... после чего она хлопнула длиннющими черными ресницами, объяснила, что ее корабль скоро уходит, и нельзя ли, *ну, пожалуйста*, отпустить меня поужинать в город?

И я обнаружил, что нахожусь в абсолютно неположенной и совершенно беспрецедентной трехчасовой увольнительной. Может, на флоте разработали новые методы гипнотического воздействия, которыми забыли поделиться с армией? Или секретное оружие Кармен было гораздо древнее и малопригодно для десантуры? В любом случае я не только превосходно провел время, но и вырос в глазах своих сокурсников до небывалых высот.

Вечер был прекрасен и стоил с треском проваленных двух контрольных на следующий день. Встречу немного омрачила новость о Карле — он погиб, когда жуки уничтожили исследовательскую станцию на Плутоне. Но мы уже научились жить с подобными новостями.

Но кое-что меня действительно поразило. Кармен расслабилась и сняла фуражку во время еды, и выяснилось, что ее иссиня-черные волосы исчезли. Я знал, что многие флотские девчонки бреют головы. Во-первых, не слишком практично разгуливать с длинными волосами по военному кораблю. А во-вторых, пилот не может рисковать, когда ее волосы парят вокруг во время маневра в невесомости. Черт, да я сам брил собственный скальп ради удобства и чистоты. Но образ Кармен в моей памяти включал и гриву густых, волнистых волос.

Но, знаете, стоит привыкнуть, и так даже лучше. Хочу сказать, если девчонка с самого начала выглядит здорово, то и с гладкой, как шар, головой она будет выглядеть ничуть не хуже. И так легче отличать флотских девушек от гражданских цыпочек — что-то вроде отличительного знака, как золотые черепа за боевой десант. Кармен выглядела необычно, она приобрела достоинство, и впервые за все это время я осознал, что она офицер, воин — и весьма симпатичная девчушка.

Я вернулся в казармы в аромате духов, а из глаз сыпались звезды. Кармен поцеловала меня на прощание.

История и философия морали — единственный курс, о котором я намерен рассказать.

Я удивился, обнаружив его в расписании. В ИФМ ничего не говорится о ведении боя или командовании взводом; если там есть что-то о войне (когда есть), так это о том, почему она ведется, а этот вопрос каждый кандидат решил задолго до поступления в офицерское училище. Десантник дерется потому, что он — десантник.

Я решил, что курс для тех из нас (наверное, трети), кто не проходил его в школе. Больше двадцати процентов кадетов были родом не с Терры (удивительно, что в армию чаще идут колони-

сты, а не жители Земли), а три четверти землян прибыли с присоединившихся территорий и прочих мест, где ИФМ не изучают. А раз так, я предположил, что мне будет полегче, и я отдохну от действительно трудных уроков.

Опять ошибся. В отличие от школьного курса его надо было сдавать. Хотя и не на экзамене. То есть что-то вроде него было, так же как контрольные и зачеты,— но без отметок. Требовалось только убедить преподавателя, что ты годишься в офицеры.

Если он считал иначе, то по твою душу собиралась комиссия и вопрос стоял уже не о том, можешь ли ты быть офицером, а годен ли ты для армии в любом звании, и неважно, насколько ловко ты обращаешься с оружием. Решалось — давать тебе второй шанс... или просто вышибить вон и позволить стать гражданским лицом.

История и философия морали работает, как бомба с замедленным механизмом. Просыпаешься посреди ночи и думаешь: «А что инструктор имел в виду?» А я ведь учил этот предмет в школе, пусть и не понимал, о чем говорил нам полковник Дюбуа. Мальчишкой я считал этот курс большой глупостью. Это же не физика и не химия, какая же это наука? Пусть отправляется к прочим дополнительным занятиям, там этому предмету самое место. Я обращал внимание на него только из-за диспутов.

Я понятия не имел, что «мистер» Дюбуа старался научить меня, почему следует воевать, задолго до того, как я решил воевать.

Итак, почему же я должен сражаться? Не абсурд ли — подставлять свою нежную шкуру насилию со стороны недружелюбных чужаков? Особенно если плата за любое звание не стоит того, чтобы ее тратить, рабочий день — жутко не нормирован, а условия работы — хуже некуда. Когда мог бы сидеть дома, а подобные страсти оставить тем толстокожим парням, которым такие игры доставляют удовольствие. И между прочим, незнакомцы, с которыми я воюю, лично мне ничего плохого не делали до тех пор, пока я не явился к ним и пнул ногой их чайный столик. Ну, не чушь ли?

Драться. Потому что я десантник? Брат мой, ты пускаешь слюну, как собака Павлова. Завязывай и принимайся думать.

Наш преподаватель майор Рейд был слеп и имел сбивающую с толку привычку, обращаясь к тебе, смотреть прямо в глаза. Мы перемалывали события после войны Русско-англо-американского союза и Китайской гегемонии, 1987 год и последующие. Но был день, когда мы услышали о разрушении Сан-Франциско и долины Сан Хоакин. Я думал, майор заговорит об этом. В конце концов, сейчас даже гражданским стало ясно — или жуки, или мы. Сражайся или погибай.

О Сан-Франциско майор Рейд даже не упомянул. Ему захотелось, чтобы кто-нибудь из нас, горилл, дал оценку переговоров в Нью-Дели. Потом принялся обсуждать, как это соглашение проигнорировало военнопленных... и таким образом, закрыло эту тему навсегда; прекращение военных действий привело к мертвой точке, пленные остались там, где были. Другая сторона своих пленных освободила, и те за время Смуты вернулись домой — или не вернулись, если не захотели.

Жертва майора Рейда перечислила неосвобожденных пленных: уцелевших из двух дивизий британских парашютистов, несколько тысяч гражданских, в основном взятых в плен в Японии, на Филиппинах и России и обвиненных в «военных преступлениях».

— Кроме того,— бубнила жертва майора,— многие военнопленные были захвачены в предыдущей войне, их тоже не освободили. Общее количество военнопленных неизвестно. Наилучшая оценка... примерно шестьдесят пять тысяч.

— Почему наилучшая?

— Ну, так в учебнике написано, сэр.

— Прошу вас следить за своим языком. Пленных было больше или меньше ста тысяч?

— Ну, я не знаю, сэр.

— И никто не знает. Больше тысячи?

— Вероятно, сэр. Скорее всего.

— Еще бы, потому что гораздо больше тысячи человек со временем бежали и вернулись домой, они известны пофамильно. Вижу, вы не читали задание как следует. Мистер Рико!

Теперь в жертвы угодил я.

— Да, сэр.

— Является ли тысяча неосвобожденных пленников достаточным поводом для начала либо возобновления войны? Примите во внимание, что могут быть и несомненно будут убиты миллионы ни в чем не повинных людей, если возобновится или начнется война.

Я не колебался.

— Так точно, сэр! Более чем достаточный повод.

— Более чем достаточный. А один-единственный военнопленный?

Тут я замешкался. Я знал, как ответил бы десантник, но кажется, преподавателю был нужен другой ответ.

— Давайте, мистер, не тушуйтесь! — резко сказал майор.— Верхний предел у нас тысяча. Я предлагаю вам найти нижнюю границу. Вы ведь не платите по чеку, в котором написано: «что-то между одним и тысячей фунтов», а ведь начало войны — посерьезнее траты денег. Будет ли преступлением подвергнуть опасности страну, а точнее — две страны, чтобы спасти одного человека? Особенно если он того не заслуживает. Каждый день от несчастных случаев погибают тысячи... так почему вы колеблетесь из-за одного? Отвечайте! Отвечайте «да» или «нет», вы задерживаете урок.

Он меня достал. И я выдал ему десантный ответ:

— Так точно, сэр!

— Так точно что?

— Нет разницы — один или тысяча, сэр. Нужно драться.

— Ага! Количество пленных значения не имеет. Хорошо. Теперь обоснуйте свой ответ.

Вот тут я застрял. Я знал, что ответ был правильный. Но не знал — почему. Майор продолжал погонять меня.

— Отвечайте же, мистер Рико. Это точная наука. Вы сделали математическое заявление, вы должны его доказать. Не то некоторые скажут, будто вы по аналогии заявили, что одна картофелина стоит столько же, сколько тысяча клубней. Нет?

— Никак нет, сэр!

— Почему? Докажите.

— Люди — не картошка.

— Уже легче, мистер Рико. Думаю, для одного дня мы достаточно натрудили ваши усталые мозги. Завтра представите классу в символической логике письменное доказательство вашего ответа на мой изначальный вопрос. Дам вам намек. Посмотрите примечание семь к сегодняшней главе. Мистер Саломон! Как развивался нынешний политический строй во время Смуты? И что есть его нравственное обоснование?

Салли запутался еще в первой части. Вообще-то никто не может точно сказать, каким образом появилась Федерация; просто взяла и выросла. К концу двадцатого века правительства оказались в кризисе, чем-то нужно было заполнить вакуум, и затычкой стали ветераны. Они проиграли войну, у многих не было работы, многих тошнило при одном упоминании о договоре в Нью-Дели, особенно болезненно ребята воспринимали вопрос о военнопленных. А еще они умели сражаться. Но это не было переворотом, скорее — как в России в семнадцатом году. Одна система рухнула, возникла другая.

Первый известный случай произошел в Абердине, Шотландия. И он типичен. Несколько ветеранов собрались и организовали «Комитет бдительных», чтобы остановить грабежи и беспорядки, кое-кого повесили (включая двоих своих) и решили не принимать к себе никого, кроме ветеранов. Принцип был выбран случайно: друг другу они немного, но доверяли, а больше не верили никому. То, что началось как экстремальная мера, стало конституционной практикой... через одно-два поколения.

Вероятно, те шотландские солдаты, когда посчитали необходимым казнить двоих ветеранов, тогда же и постановили, что раз так получается, то они не желают, чтобы всякие «чертовы спекулянты, барышники с черного рынка, двурушники, уклонисты, так их и растак, гражданские» имели тут слово. Пусть делают, что велено — понял, нет? — пока мы, гориллы, наводим порядок. Это мое предположение, потому что я чувствовал бы себя именно так... а историки соглашаются, что антагонизм между гражданскими и вернувшимися с войны солдатами был гораздо сильнее, чем мы можем представить сегодня.

По учебнику Салли этого рассказать не мог. В конце концов, майор Рейд отстал от него.

— Завтра представите классу письменный ответ на три тысячи слов. Мистер Саломон, можете назвать мне причину — не историческую, не теоретическую, а практическую,— почему гражданские права сейчас имеют только отслужившие и вышедшие в отставку военные?

— Ну... потому что это избранные люди, сэр. Они сообразительнее.

— Абсурд!

— Сэр?

— Что, слово для вас слишком длинное? Я сказал, что вы ляпнули глупость. Военные не умнее штатских. Во многих случаях гражданские лица куда смышленее и разумнее. Этим, кстати, обосновывали попытку coup d'etat непосредственно перед нью-делийским соглашением, так называемое Восстание ученых. Пусть, мол, интеллигенция правит, и у вас будет утопия. Разумеется, они с самого начала сели в лужу своими глупыми задами. Потому что научные изыскания, несмотря на их пользу обществу, сами по себе не имеют общественной ценности. Те, кто занимается ими, могут оказаться эгоцентристами, а кое-кому не будет хватать чувства гражданского долга. Я дал вам подсказку, мистер. Можете ее отыскать?

— Н-ну... военные дисциплинированы, сэр,— отозвался Салли.

Майор Рейд был с ним мягок.

— Извините. Красивая теория, не поддерживаемая фактами. Ни вам, ни мне, пока мы состоим на службе, нельзя голосовать, а армейская дисциплина вовсе не делает человека дисциплинированным. Преступность среди ветеранов на том же уровне, что и среди гражданских. И вы забываете, что в мирное время многие служат не в боевых частях, а там порядки мягче. Там люди просто изматываются, подвергаются опасности, и все же на выборах их голоса будут считаться.

Майор Рейд улыбнулся.

— Мистер Саломон, я задал вам коварный вопрос. Практическая причина дальнейшего существования нашей политической

системы точно такая же, как для всего остального. Эта система работает удовлетворительно. Тем не менее полезно рассмотреть детали. На протяжении всей истории люди старались передать всю полноту власти в руки, которые будут хорошо охранять ее и мудро использовать ради пользы всех остальных. Ранние абсолютные монархии страстно защищали «божественное право королей». Иногда предпринимались попытки выбрать мудрого правителя самостоятельно, а не оставлять выбор божьему промыслу. Как, например, сделали шведы, призвав на свой трон француза генерала Бернадотта. Проблема в том, что запас Бернадоттов весьма ограничен, на всех не хватит. Исторические примеры простираются от абсолютной монархии до полнейшей анархии. Человечество опробовало тысячи путей, а еще больше предлагалось. Некоторые — крайне дикие, как коммунизм, по образцу и подобию муравейника, который настойчиво предлагал Платон под обманчивым именем «республика». Но намерения всегда сводились к одному: правительство должно быть стабильным и доброжелательным. Все системы старались добиться этой цели, ограничивая гражданские права кругом лиц, которым, по всеобщему мнению, хватит мудрости справедливо распорядиться ими. Повторяю: все системы, даже так называемые «неограниченные демократии», лишали избирательных прав не менее одной четверти населения по возрасту, месту рождения, уплате избирательного налога, судимости и так далее.

Майор цинично усмехнулся.

— Никогда не мог понять, почему тридцатилетний идиот проголосует мудрее, чем пятнадцатилетний гений... но лишь возраст даровал «божественное право всякого простого человека». Неважно, чем расплачивались за свои прихоти. Итак, избирательные права зависели от места рождения, происхождения, расы, пола, собственности, образования, возраста, религии и так далее. Все системы работали, но ни одна из них — хорошо. Обязательно находился кто-то, кто считал их тиранией, а в результате они со временем либо изживали себя, либо рушились. Сейчас у нас совсем другая система. И она работает прилично. Многие жалуются, но никто не восстает. Личная свобода для всех — как никогда в исто-

рии, законов немного, налоги низкие, жизненный уровень высок, преступность наоборот. Почему? Не потому что наши избиратели умнее остальных, этот аргумент мы уже отклонили. Мистер Таммани, можете сказать нам, почему наша система работает лучше, чем те, которыми пользовались наши предки?

Не знаю, где Клайд Таммани получил свое имя; я держал его за индуса.

— Э-э, рискну предположить, что наши избиратели — небольшая по числу группа, которая знает, какая ответственность лежит на них... поэтому они стараются изучить вопрос.

— Давайте не будем гадать, мы занимаемся точной наукой. Правящие классы многих других систем тоже были невелики по числу и полностью сознавали свою власть. К тому же наших избирателей не так уж мало. Вам известно или должно быть известно, что процент полноправных граждан колеблется от восьмидесяти процентов на Искандере до трех процентов среди некоторых национальностей Земли. И все-таки правительство везде одно и то же. И граждане не избранная раса, у них нет особой мудрости, талантов или подготовки для выполнения их священной задачи. Так какова же разница между нашими избирателями и носителями гражданских прав прошлого? Хватит гадать, я изложу очевидное: при нашей системе каждый полноправный гражданин — это человек, который продемонстрировал добровольной и тяжелой службой, что ставит интересы группы выше личной выгоды. В этом единственное практическое различие. Ему может не хватать мудрости, он может ничего не смыслить в гражданских достоинствах. Но его обычная деятельность бесконечно лучше, чем у представителя любого правящего класса в истории.

Майор помолчал, прикоснувшись кончиками пальцев к старомодным часам для слепых.

— Урок почти закончен, нам осталось определить моральную причину успешной деятельности нашего правительства. Постоянный успех никогда не был делом случайным. Затвердите, что это наука, а не отвлеченные умствования. Вселенная такова, какова она есть, а не какой мы хотим ее видеть. Избирать и быть избранным — это обладать властью, высшей властью, из которой

проистекают все остальные, как, например, я властен ежедневно портить вам кровь. Сила, если хотите! Гражданство есть сила, чистая и грубая, мощь скипетра и топора. Распространяется она на десять человек или десять миллиардов, но политическая власть есть сила. Но вселенная строится на противоположностях. Что противоположно власти? Мистер Рико.

На этот вопрос я знал ответ.

— Ответственность, сэр.

— Мои аплодисменты. И причины того выведены с математической точностью, власть и ответственность должны быть равны или начнется процесс уравновешивания, и это так же неизбежно, как возникновение электрического тока из-за разности потенциалов. Облекать властью безответственного, значит, пожать бурю. Призвать человека к ответу за то, что он не может контролировать, значит, действовать со слепым идиотизмом. Неограниченные демократии нестабильны, потому что их граждане не отвечают за того, кого они избирают. Исключая ответственность перед трагической логикой истории. Об уникальным «избирательном налоге», который должны платить мы, там и не слыхали. Не было предпринято ни единой попытки выяснить, обладает ли гражданин социальной ответственностью, соразмерной с его буквально неограниченной властью. Если он голосовал за невозможное, случалась беда, и ответственность волей-неволей ложилась на него и уничтожала и гражданина, и ни на чем не основанный храм. Внешне наша система лишь слегка отличается от предыдущих. У нас демократия, не ограниченная ни национальностью, ни цветом кожи, ни мировоззрением, ни рождением, ни богатством, ни полом или убеждениями, и каждый может причаститься к власти за короткий срок и без непосильного труда. Наши пещерные предки тратили примерно столько же усилий, чтобы разжечь огонь. И лишь небольшое различие делает нашу систему действующей, потому что сконструирована она в соответствии с учетом реальных фактов. Поскольку суверенные избирательные права есть высший предел человеческой власти, мы удостоверяемся, что носитель их принимает на себя наивысшую ответственность. Мы требуем от каждого чело-

века, который желает контролировать государство, поставить на кон собственную жизнь — и потерять ее, если придется,— чтобы спасти страну. Если власть максимальна, то и ответственность должна быть максимальной. Инь и ян, идеальные и равные.

Майор добавил:

— Может ли кто-нибудь определить, почему в нашей системе правления не было попыток переворота? Несмотря на тот факт, что все правительства в истории испытали на себе его прелесть. Несмотря на общеизвестный факт, что жалобы громки и постоянны.

Поднялся один из старших курсантов.

— Сэр, переворот невозможен.

— Да, но почему?

— Потому что переворот, вооруженное восстание требуют не простого недовольства, но и агрессивности. Повстанец должен иметь желание сражаться и умереть или он всего лишь салонный либерал. Выделите агрессивных и сделайте их пастушьими собаками, овцы никогда не доставят вам никаких хлопот.

— Прекрасно изложено! Аналогии всегда сомнительны, но эта близка к действительности. Завтра хочу видеть математически точное доказательство. Время для еще одного вопроса. Спрашивайте, я отвечу. Есть таковые?

— Э-э... сэр, а почему бы... ну, зачем ограничения? Пусть все служат и все голосуют.

— Молодой человек, вы можете вернуть мне зрение?

— С-сэр... конечно, нет, сэр!

— И тем не менее это сделать легче, чем внедрить такую моральную категорию, как ответственность, в сознание человека, у которого ее нет, который ее не хочет и сопротивляется ее непосильному бремени. Вот почему поступить на службу так трудно, а уйти так легко. Ответственность перед обществом выше семьи или племени, требует воображения, преданности, верности, всех высших материй, которые человек должен выработать в себе сам. Начнешь впихивать их в него, его просто стошнит. Так случалось в армиях при всеобщей воинской повинности в прошлом. Посмотрите в библиотеке отчеты психиатров о промывке мозгов

военнопленным в так называемой Корейской войне, год тысяча девятьсот пятидесятый. Потом проанализируем в классе,— он опять прикоснулся к циферблату часов.— Можете идти.

Майор Рейд задавал нам жару.

Но с ним было интересно. Мне запало в голову одно из его небрежных замечаний, которыми он постоянно разбрасывался. До этого я считал, что крестовые походы отличались от остальных войн. Я пережил перепалку с майором и получил вот что.

Требуется: доказать, что война и этические идеалы имеют одно и то же генетическое происхождение.

Краткое доказательство: все войны являются результатом демографического давления (да, даже крестовые походы, хотя придется покопаться в торговых маршрутах и еще кое в чем, чтобы это доказать). Этика — все признанные этические нормы — основана на инстинкте самосохранения; этическое поведение — это поведение субъекта, поставившего вопрос выживания других выше собственной жизни. Пример: отец, умирающий ради спасения своих детей. Но если рост демографического давления — результат выживания общества, значит, войны, являющиеся результатом такого давления, тоже происходят от инстинкта самосохранения.

Проверка доказательства: возможно ли избежать войны, понизив демографическое давление (и таким образом вычеркнуть слишком очевидное зло, приносимое войной), а для этого сконструировать некий моральный кодекс, который ограничивал бы популяцию?

Не вдаваясь в дебаты о пользе или этичности планируемой рождаемости, можно ясно видеть, что все виды, которые останавливались в росте, со временем вытеснялись другими, которые этого не делали. В истории Терры можно отыскать много ярких примеров такого вытеснения.

Тем не менее допустим, что человеческой расе удалось достичь равновесия между рождаемостью и смертностью так, чтобы планета полностью соответствовала требованиям населения, и таким образом зажить мирно и счастливо. Что произойдет?

Вскоре, примерно в следующую среду, явятся жуки, перебьют виды, которые «не будут более учиться воевать», и вселенная

забудет о нас. И это все еще может случиться. Либо мы продолжим экспансию и уничтожим жуков, либо продолжат экспансию они и уничтожат нас, потому что обе наши расы — умные, крепкие и претендуют на одно и то же господство.

Знаете, за какой срок демографическое давление может заставить нас заполнить всю вселенную плечом к плечу? Ответ вас ошеломит: в мановение ока в масштабе возраста нашей расы.

Попробуйте... это всего лишь война за территорию.

Но имеет ли Человек право на распространение по вселенной?

Человек таков, каков он есть, дикое животное с волей к жизни и способностью воплотить желаемое, несмотря на любые препятствия. Если не принять этого факта, любые рассуждения о морали, войнах, политике — ерунда. Истинная мораль проистекает из знания, какой Человек на самом деле, а не каким его хочет видеть доброхотливая и доброжелательная тетушка Нелли.

Вселенная сама даст нам понять, имеет или нет Человек право заселять ее.

А тем временем мобильная пехота будет стоять — в боевой готовности и начеку — на страже человеческой расы.

Ближе к окончанию училища каждого из нас прикомандировали к какому-нибудь кораблю под начало опытного боевого офицера. Что-то вроде предварительного экзамена, корабельный инструктор мог решить, что тебе чего-нибудь не хватает. Можно потребовать собрать комиссию, но я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь подавал такой запрос; ребята либо возвращались на доучивание, либо мы их больше никогда не видели.

Некоторые экзамена не проваливали, потому что их убивали — корабли были боевыми. Нам приказали держать вещи собранными — однажды во время обеда вызвали всех старших кадетов из моей группы, они ушли, не доев, а я вдруг оказался кадетом-командиром роты.

Радости от этого повышения — ровно столько, сколько от капральских шевронов в учебном лагере, но через два дня пришел и мой черед.

Я бегом кинулся в кабинет коменданта с вещмешком на плече и радостью в сердце. Меня тошнило от поздних занятий, рези в глазах, непонимания предмета, своих глупостей на уроках; несколько недель в компании настоящих боевых ребят — вот что нужно Джонни!

Я прошел мимо строя новичков, трусцой направлявшихся в класс, и у каждого из них был сумрачный вид, какой бывает у всех кадетов в офицерском училище, когда они понимают, что возможно здорово лопухнулись, подавшись в офицеры. На радостях я запел и заткнулся, едва оказался в пределах слышимости коменданта.

В кабинете сидели еще двое, кадеты Хасан и Берд. Хасан по прозвищу Ассасин был самым старшим на курсе и выглядел точь-в-точь как тот, кого рыбак выпустил из бутылки. Пташка Берди ростом был не выше воробья и настолько же страшен.

Мы были допущены в святая святых. Комендант сидел в инвалидном кресле — мы никогда не видели, чтобы он обходился без него, разве что на субботних смотрах и построениях; полагаю, ходить ему было тяжело. Но это не значит, что мы его вовсе не видели. Бывало, отвечаешь у доски, поворачиваешь голову и обнаруживаешь у себя за спиной инвалидное кресло, а полковник Нильссен внимательно разглядывает твои каракули с ошибками.

Он никогда не прерывал урока, был даже специальный приказ для дежурных: не орать «смирно!». Но с толку сбивал постоянно. Казалось, он мог пребывать в шести местах сразу.

Комендант имел постоянный чин флотского генерала (да-да, *тот самый* Нильссен!); полковника ему дали временно до вторичной отставки, чтобы он мог занять должность коменданта училища. Я как-то спрашивал у казначея, и тот подтвердил, что все верно, коменданту положено платить как полковнику, хотя стоит ему уйти в отставку, и он начнет получать генеральское жалование.

Что ж, как говаривал Ас: «О вкусах не спорят». Надо же, отказаться от половины жалованья за привилегию объезжать табун кадетов. Я и представить себе не мог такое.

Полковник Нильссен поднял на нас взгляд и произнес:

— Доброе утро, господа. Устраивайтесь поудобнее.

Я устроился, но удобнее не стало. Полковник подкатил к кофеварке, сварил на четыре чашки, и Хасан помог ему принести кофе к столу. Мне кофе не хотелось, но кадет не отказывается от предложений коменданта.

Полковник отхлебнул глоток.

— У меня ваши назначения, господа,— возвестил он.— И ваши временные патенты. Но я хочу быть уверен, что вы понимаете ваш статус.

Об этом нас уже проинструктировали. Офицерами мы становились лишь в той мере, какая требуется для практики и оценки — «временно, сверх штата, на правах стажеров». Самыми младшими, постоянно поправляемыми, с самым примерным поведением и на очень краткий срок; вернувшись, мы вновь станем кадетами и можем вылететь из училища в любой момент, стоит лишь экзаменатору поморщиться.

Нам временно присвоили «третьих лейтенантов» — в армии этот чин нужен не больше чем рыбе зонтик. Нас воткнули в узкую щель между флотскими сержантами и настоящими офицерами. Ниже быть просто невозможно, хотя называешься офицером. Если кто-то отсалютовал третьему лейтенанту, значит, освещение было слишком тусклое.

— В ваших патентах сказано «третий лейтенант»,— продолжал полковник Нильссен,— но на платежной ведомости это никак не отразится, обращаться к вам по-прежнему будут «мистер», а единственным изменением в форме будут звездочки на рукаве, размером меньше, чем кадетские лычки. Вы продолжаете обучение до тех пор, пока не выяснится, что вы готовы стать настоящими офицерами.

Полковник улыбнулся.

— Зачем вообще вас называть «третьими лейтенантами»?

Я и сам удивлялся. К чему эти липовые патенты, если они не делают нас офицерами?

По учебнику, конечно, я знал ответ.

— Мистер Берд? — спросил полковник.

— Э-э... чтобы поместить нас в структуру подчинения, сэр.

— Именно.

Полковник подъехал к висящей на стене схеме организации командования в училище. Обычная «пирамидка», сверху донизу.

— Взгляните...

Он указывал на квадратик, соединенный горизонтальной линией с другим квадратиком; на первом было написано «ПОМОЩНИК КОМЕНДАНТА (мисс Кендрик)», на втором его собственная фамилия.

— Господа,— продолжил полковник,— без мисс Кендрик я бы с трудом управился с данным заведением. У нее не голова, а быстродействующий процессор.

Он нажал кнопку на подлокотнике кресла и произнес в пространство:

— Мисс Кендрик, какова успеваемость кадета Берда по военной юриспруденции в последнем семестре?

Ответ последовал немедленно:

— Девяносто три процента, комендант.

— Благодарю вас. Видите? Я подписываю любой документ, если его подает мисс Кендрик. Не хотелось бы, чтобы ревизия установила, сколько раз она подписывается моим именем, а я этих бумаг даже не вижу. Скажите мне, мистер Берд... если я вдруг рухну к вашим ногам бездыханным, сможет ли мисс Кендрик продолжать вести дела дальше?

— Ну, как...— Пташка озадачился.— Наверное, повседневные дела, если будет делать то, что понадо...

— Да ни хрена она не будет делать! — рявкнул полковник.— До тех пор пока полковник Чонси не скажет ей, что делать. Но уже по-своему. Мисс Кендрик — очень умная женщина и понимает то, о чем вы, очевидно, не имеете понятия. Она не находится в структуре подчинения и никакой власти не имеет.

Он помолчал и продолжил:

— Цепочка подчинения — это не просто фраза, она реальна, как зуботычина. Если я пошлю вас в бой *кадетом*, все, что вы сможете делать, это передавать дальше чьи-то приказы. Если командир вашего взвода получит причитающееся, а вы отдадите приказ рядовому — хороший, умный и осмысленный приказ! — вы буде-

те не правы, как и тот рядовой, что подчинится вам. Потому что кадет — вне цепочки подчинения. Он — не военный, он не носит звания, он даже не солдат. Он учится быть солдатом — или станет офицером, или останется в прежнем звании. Он подчиняется армейской дисциплине, но он — не в армии. Вот почему...

Ноль. Дырка от бублика. Но если кадет не в армии...

— Полковник!

— М-да? Что вам, молодой человек? Мистер Рико.

Я сам себя напугал, но сказать пришлось:

— Но... если мы не в армии... значит, мы не десант, сэр?

Полковник моргнул.

— Это вас беспокоит?

— Ну... я... это... не уверен, что мне это нравится, сэр.

Мне это вовсе не нравилось. Я чувствовал себя голым.

— Ясно,— полковник не выглядел недовольным.— Оставь заботы о юридических аспектах мне, сынок.

— Но...

— И это приказ. Технически вы не десантник. Но мобильная пехота вас не забудет, мобильная пехота никогда не забывает своих, неважно, где они находятся. Если вы сейчас умрете на месте, вас кремируют как второго лейтенанта Хуана Рико, мобильная пехота...— полковник Нильссен запнулся.— Мисс Кендрик, с какого корабля мистер Рико?

— «Роджер Янг», сэр.

— Благодарю вас. С корвета «Роджер Янг», второй взвод роты «Джи», третий полк, первая десантная дивизия, «Разгильдяи»,— перечислил полковник с удовольствием, больше не консультируясь с мисс Кендрик.— Хорошая часть, мистер Рико, гордая и сильная. И ваш последний приказ отправится именно к ним, и ваше имя именно так будет зачитано в мемориальном зале. Вот почему мы всегда присваиваем офицерские звания погибшим кадетам, сынок. Чтобы они могли вернуться домой к своим товарищам.

Я почувствовал облегчение и ностальгию одновременно и пропустил несколько следующих слов.

— ... рот на замок, пока я говорю. Мы отправим вас в мобильную пехоту, к своим. Вы должны быть на время практики

офицерами, потому что «зайцам» в боевом десанте не место. Вы сражаетесь, выполняете приказы и отдаете приказы. Законные приказы, потому что у вас есть звание и вам приказано служить в том подразделении. И это делает ваши приказы такими же законными, как те, что подписаны главнокомандующим. И более того,— продолжал полковник,— находясь в цепочке подчинения, вы должны быть готовы принять на себя более высокий уровень командования. Если вы пойдете в бой в составе подразделения из одного взвода, что наиболее вероятно, учитывая положение дел на фронте, и будете помощником командира взвода, то как только ваш командир искупит грехи, вы становитесь командиром!

Он покачал головой.

— Не исполняющим обязанности. Не кадетом на учениях. Не младшим офицером, выполняющим приказ. Вы в один миг становитесь Стариком, Боссом, «смирно, командир в расположении части». И вам тошно станет от того, что все ваши приятели и товарищи теперь зависят только от вас, потому что вы будете говорить им, что делать, как драться, как выполнить задание и остаться в живых. Они будут ждать уверенного командирского голоса, а секунды будут тикать, и голос будет ваш, вы будете принимать решения, отдавать верные приказы... и не только верные, но спокойным, холодным голосом. Потому что если ваше подразделение в беде, в настоящей беде, то странный, дрожащий писк превратит лучшую часть в Галактике в безудержную, беззаконную, перепуганную толпу. И этот безжалостный груз ляжет на вас без предупреждения. Вы должны действовать сразу же, и выше вас будет только Бог. Но не ждите от него подсказок, это ваша работа. Самое большее, что он может сделать для солдата, это дать силы чтобы справиться с паникой, неизбежно угрожающей вам.

Полковник сделал паузу. Я протрезвел, и Пташка выглядел очень серьезным и совсем юным, а Хасан хмурил брови. Мне захотелось оказаться в бросковой нашего «Роджа», и чтобы шевронов на рукаве было поменьше, и чтобы сержант ругался, как проклятый. О работе помощника командира отделения говорить можно много, но когда до нее доходит, легче погибнуть, чем заставить голову работать.

— И это — момент истины, господа. К сожалению, военная наука не нашла иного способа отличить настоящего офицера от куклы в погонах, нежели провести его через испытание огнем. Настоящие проходят или гибнут с честью, подделки ломаются. Иногда в момент слома тоже умирают. Но трагедия в том, что с ними гибнут другие... хорошие люди, сержанты, капралы и рядовые, которым не повезло очутиться под командованием компетентного офицера. Мы стараемся избежать этого. Во-первых, мы сделали нерушимым правилом, что каждый кандидат должен быть хорошо обученным солдатом, пролившим под огнем кровь, ветераном боевых десантов. Ни одна армия в истории не держалась этого правила, хотя многие подходили достаточно близко. Величайшие офицерские школы прошлого — Сен-Сир, Вестпойнт, Сендхерст, Колорадо Спрингс — даже не претендовали на следование этому правилу, туда принимали гражданских мальчишек, обучали их, представляли к званию, посылали в бой без опыта командования мужчинами. И порой слишком поздно выяснялось, что смышленый молодой офицер на самом деле — дурак, трус и истерик. Мы хоть исключаем ошибки подобного рода. Мы знаем, что все вы — хорошие солдаты, отважные, квалифицированные, проверенные в бою, иначе бы вас здесь не было. Мы знаем, что вы сообразительны и образованы не ниже необходимого минимума. Мы заранее отсеиваем тех, кто может оказаться негодным. Просто отсылаем их обратно в прежнем чине до того, как испортим хорошего пехотинца, заставив его трудиться сверх способностей. Курс обучения сложен, потому что потом вам станет еще труднее. Со временем у нас остается небольшая группа, чьи шансы на успех достаточно высоки. Основной критерий протестировать здесь мы не можем. Мы не можем отыскать неуловимое нечто, что отличает боевого командира от человека с задатками, но без призвания. Мы проводим полевые испытания. Господа, вы подошли к порогу. Вы готовы принять присягу?

Воцарилось краткое молчание, после чего Ассасин твердо сказал:

— Так точно, сэр.

Мы с Пташкой откликнулись эхом.

Полковник критически сдвинул брови.

— Надо сказать, вы великолепны. Превосходны физически, здоровы духом и телом, тренированы, дисциплинированы, горячи. Образцовая модель юного смышленого офицера...— он фыркнул.— Чушь! Когда-нибудь вы, может, и станете офицерами. Надеюсь на это... Мало того что я ненавижу впустую тратить время, деньги и силы, но, что гораздо важнее, каждый раз меня трясет от страха, когда я посылаю флоту недопеченного салажонка, зная, какое чудовище Франкенштейна я отпускаю на свободу. Если бы вы понимали, что вам предстоит, у вас отпало бы горячее желание принять присягу в ту же секунду, как вам сделали подобное предложение. Вы можете отказаться и этим вынудите меня вернуть вам прежние звания. Но вы не понимаете. Поэтому я предприму еще одну попытку. Мистер Рико! Думали ли вы когда-нибудь, как чувствует себя человек, идущий под трибунал за потерю своего полка?

Я по-глупому перепугался.

— А что... нет, сэр, никогда не думал.

Пойти под трибунал — за что угодно — для офицера в восемь раз хуже, чем для рядового. Рядового в лучшем случае предварительно выпорют, офицера за то же прегрешение поставят к стенке. Уж лучше вообще не рождаться на свет!

— Так подумайте,— мрачно посоветовал полковник.— Когда я предполагал, что вашего командира могут убить, то имел в виду совсем не крайний случай. Мистер Хасан! Чему равно наибольшее число уровней командования, когда-либо выбывавших из строя в течение одного сражения?

Ассасин помрачнел пуще прежнего.

— Не могу сказать точно, сэр. Кажется, во время операции «Жучиный дом» майор командовал бригадой до «бежим, покуда живы», нет?

— Да, и звали майора Фредерикс. Получил повышение и был представлен к награде. Если вспомнить Вторую глобальную войну, то можно отыскать пример, когда младший морской офицер принял командование крупным кораблем и не только вел бой, но и отдавал приказы, словно был адмиралом. Он был оправдан, несмотря на то что офицеры старше его по званию даже не были

ранены. Особые обстоятельства — отказ систем связи. Но я имел в виду случай, когда за шесть минут было уничтожено четыре уровня командования и командир взвода вдруг обнаружил, что командует целой бригадой. Слышали о таком?

Гробовое молчание.

— Не слышали. Это произошло во время партизанских войн в наполеоновское время. Тот молодой офицер был самым младшим на корабле — на морском корабле, разумеется, паруснике. Юноша был примерно того же возраста, что и большинство кадетов вашего курса, и еще не имел патента. Он был временным третьим лейтенантом. Обратите внимание, потому что вы будете носить то же звание. Боевого опыта юнец не имел, и над ним стояли еще четыре офицера. В самом начале сражения был ранен его непосредственный командир. Пацан оттащил его в сторону, с линии огня. Вот и все. Он просто оказал помощь боевому товарищу. Но поступил он так без приказа оставить свой пост. И другие офицеры искупили грехи, пока он занимался спасением, а парню припаяли «дезертирство командующего офицера перед лицом врага». Трибунал. Увольнение.

Я судорожно вздохнул.

— За что, сэр?

— А почему бы и нет? Да, мы приходим на помощь. Но мы поступаем так по приказу и при других обстоятельствах, наши бои не похожи на морские сражения. Оказание помощи раненому не является оправданием за выход из сражения перед лицом врага. Семья того парнишки полтора века пыталась добиться изменения приговора. Безрезультатно, разумеется. Некоторые обстоятельства вызывали сомнения, но несомненно он оставил свой пост во время сражения без приказа. Верно, он был зеленый, точно трава... но ему повезло, могли и повесить,— полковник Нильссен пригвоздил меня к месту ледяным взглядом.— Мистер Рико, могло подобное случиться с вами?

Я сглотнул.

— Надеюсь, что нет, сэр.

— Тогда позвольте поведать вам, как подобное может с вами случиться. Допустим, вы участвуете в операции в составе эскадры,

в десант идет весь ваш полк. Офицеры выбрасываются, разумеется, первыми. В этом есть свое преимущество, а есть недостатки, но мы поступаем так по этическим причинам. Ни один десантник не ступит на поверхность враждебной планеты без офицера. Предположим, что жукам это известно, и это, скорее всего, именно так. Предположим они придумали хитрый ход и перебили тех, кто спустился первым... но не сумели уничтожить весь десант. Теперь допустим, что поскольку вы сверхштатник, вам придется занять свободную капсулу, вместо того чтобы идти в бой первым. Что вам остается?

— Я... это... не уверен, сэр.

— Вы только что приняли командование полком. Как вы собираетесь командовать, мистер? Думайте быстрее — жуки не ждут!

— Это...— я вспомнил главу из учебника и механически отбарабанил: — Принимаю командование полком и действую по обстоятельствам в рамках тактической задачи, как я ее понимаю, сэр.

— Примете, значит, да? — хмыкнул полковник.— Значит, и место в раю вам обеспечено, как и всем, кто решит вот так свалять дурака. Надеюсь, хоть погибнете во время броска, выкрикивая приказы, будет в них смысл или нет, уже без разницы. Мы не ждем, что котята вступят в бой с рысью и победят. Но мы ждем, что они хотя бы попробуют выпустить когти и зашипеть на рысь. Ладно, встать! Поднимите правую руку.

Сам он тоже с трудом поднялся на ноги. Через тридцать секунд мы стали офицерами — «временно, сверх штата, на правах стажеров».

Я думал, теперь он вручит нам звездочки и отпустит. Мы не должны были покупать их — звездочки тоже были временными, как и патенты, чьим символом они были. Вместо этого полковник опять развалился в кресле и стал почти похож на человека.

— Вот что, ребятки... я вот тут рассказываю вам, как все будет трудно. Я хочу, чтобы вы задумались, превратили недостаток в преимущество и запланировали заранее, какие шаги предпринять, когда все станет очень плохо. И поняли, что ваша жизнь принадлежит вашим подчиненным и не вам разбрасываться ею

ради самоубийства и славы. И уж тем более не вам беречь ее, если ситуация требует отдать ее. Я хочу, чтобы вас тошнило перед каждым десантом так, чтобы во время неприятностей вы были спокойны и выдержаны. Невозможно, конечно. Только одно... Каков *единственный* фактор, который может спасти вас, когда груз станет слишком тяжел? Кто ответит?

Не ответил никто.

— Ну, давайте же! — ядовито сказал полковник Нильссен.— Вы не новобранцы. Мистер Хасан!

— Наш взводный сержант, сэр,— медленно произнес Ассасин.

— Очевидный факт. Вероятно, он старше вас, опытнее, больше бросков на его счету, и уж он-то знает ваше отделение лучше вас. А так как на него не давит внушающее страх бремя командования, от которого отнимается язык, ваш сержант соображает быстрее и четче вашего. Попросите у него совета. У вас есть для этого специальный канал связи в скафандре. Его уверенности в вас вы этим не уменьшите; сержант привык, что с ним советуются. Если вы этого не сделаете, он посчитает вас дураком и самоуверенным всезнайкой, и окажется прав. Но следовать его совету вы не обязаны. Используете ли вы его идею или она подвигнет вас на собственный план — принимайте решение и отдавайте приказ. Одна-единственная — и только она! — вещь может поселить страх в сердце хорошего взводного сержанта. Если он вдруг поймет, что работает с начальником, не способным принять решения. Нигде и никогда, ни в каких других частях офицеры и рядовые не зависят друг от друга так, как в мобильной пехоте, и сержанты — тот клей, что скрепляет их. Никогда не забывайте об этом.

Комендант развернул кресло к шкафчику возле стола. Там на полочках лежали небольшие коробочки, по одной на каждую ячейку. Он вытащил одну и открыл.

— Мистер Хасан...

— Сэр?

— Эти звездочки носил капитан Теренс О'Келли во время своего первого учебного полета. Устраивают они вас?

— Сэр?..— у Ассасина сорвался голос, и я подумал, что этот великан вот-вот заплачет.— Так точно, сэр!

— Подойдите.

Полковник Нильссен приколол ему звездочки и сказал:

— Носите с честью, как и ваш предшественник... но верните их. Поняли меня?

— Так точно сэр. Сделаю все, на что способен.

— Уверен в том. На крыше вас ждет аэрокар, катер отходит через двадцать восемь минут. Выполняйте приказ, сэр!

Ассасин отсалютовал и вышел; комендант выбрал еще одну коробочку.

— Мистер Берд, вы суеверны?

— Никак нет, сэр.

— Неужели? А я вот — да. Понимаю так, что вам не страшно носить знаки различия, принадлежавшие по очереди пяти офицерам, каждый из которых погиб в бою?

Пташка заметно помедлил.

— Так точно, сэр.

— Хорошо. Потому что эти офицеры на пятерых собрали семнадцать наград от медали Терры до Раненого Льва. Подойдите ко мне. Ту звездочку, что немного побурела, всегда следует носить на левом рукаве... и не вздумайте ее полировать! Просто постарайтесь, чтобы вторая не стала такой же. Если только не припрет... но вы поймете, когда это случится. Вот список прежних владельцев. У вас есть тридцать минут. Бегом в Мемориальный зал и просмотрите записи на каждого.

— Слушаюсь, сэр.

— Выполняйте приказ, сэр!

Полковник повернулся ко мне, взглянул мне в глаза и резко произнес:

— Что-то заботит, сынок? Выкладывай!

— Э-э... сэр, тот временный третий лейтенант,— выпалил я,— тот, которого уволили. Как мне узнать, что там было?

— Вот как. Молодой человек, у меня и в мыслях не было пугать вас до смерти, я хотел лишь взбудоражить вас. Сражение происходило первого июня в тысяча восемьсот тринадцатом году по старому стилю между американским «Чесапик» и кораблем флота Его Величества «Шеннон». Посмотрите в «Морской энциклопедии», на вашем корабле она имеется.

Он посмотрел на ящички и нахмурился. Затем проговорил:

— Мистер Рико, я получил письмо от вашего школьного учителя, офицера в отставке, с просьбой, чтобы вы носили те же звездочки, что и он, когда сам был третьим лейтенантом. Мне жаль, но я был вынужден отказать ему.

— Сэр?..

Мне было приятно узнать, что полковник Дюбуа продолжает следить за моими делами. А еще я был очень разочарован.

— Потому что *не могу*. Я вручил эти знаки отличия два года назад одному молодому человеку, и мне их не вернули. Движимое имущество, что поделать. Х-мм...— он выбрал коробочку, посмотрел на меня.— Можете начать новую пару. Медяшка не важна, важна просьба вашего учителя.

— Как скажете, сэр.

— Или...— полковник покачал коробочку на ладони,— можете взять вот эти. Их носили пять раз, и последние четверо кандидатов офицерами не стали. Ничего позорного, просто досадливая неудача. Возьмете на себя труд снять с них сглаз? Сделаете так, чтобы *они приносили счастье*?

С большей охотой я завел бы в ванной акулу. Но я ответил:

— Хорошо, сэр. Приму вызов.

— Отлично,— он приколол звездочки мне на рукава.— Благодарю вас, мистер Рико. Видите ли, это мои, я носил их первым... и вы здорово порадуете меня, если вернете их, поменяв их судьбу, окончив учебу и став офицером.

Я будто вырос на десять футов.

— Постараюсь, сэр!

— Это-то я знаю. Теперь можете выполнять приказ, сэр. Вы с Бердом поедете на одной машине. Да, минуточку... учебники по математике прихватили?

— Сэр?.. Нет, сэр.

— Возьмите. Контролер веса на вашем корабле оповещен о дополнительном грузе.

Я отсалютовал и вышел — бегом. Упомянув о математике, полковник скинул меня с небес на землю.

Учебники перевязанной стопкой лежали у меня на столе, а под бечевку был сунут листок с ежедневными заданиями. У меня

появилось впечатление, что полковник Нильссен ничего не оставляет вне плана, но все и так это знают.

Пташка ждал меня на крыше возле аэрокара. Он посмотрел на пачку книг у меня в руке и ухмыльнулся.

— Ничего не попишешь. Ладно, попадем на один корабль, подтяну тебя. Тебе куда?

— «Тур».

— Обидно, мне на «Москву».

Мы влезли в машину, я проверил автопилот, выяснил, что тот уже готов, и захлопнул дверцу. Мы взлетели.

— Могло быть и хуже,— добавил Пташка.— Ассасин прихватил с собой учебники не только по математике, но и еще по двум другим предметам.

Сам Пташка знал все и вовсе не хвастал, когда предлагал подтянуть меня; его легко можно было принять за профессорского сынка, только планки доказывали, что он еще и солдат.

Вместо того чтобы учить математику, Пташка ее преподавал. Каждый день он на одну «пару» входил в инструкторский состав, так же как малыш Судзуми тренировал нас по дзюдо в лагере Карри. Мобильная пехота ничем не разбрасывается; мы просто не можем себе этого позволить. Пташка имел степень бакалавра по математике в восемнадцать лет, естественно, что на него взвалили инструктаж, что не спасало его от вздрючек по другим предметам.

Хотя ему доставалось нечасто. Пташка являл собой редкую комбинацию блестящего интеллекта, солидного образования, здравого смысла и выдержки. Такой курсант — потенциальный генерал. Мы постановили, что он прыгнет к командованию бригадой ко времени, как ему стукнет тридцать. Время военное.

Мои амбиции так высоко не залетали.

— Чертовски позорно будет,— сказал я,— если Ассасин провалится.

На самом деле я думал, что будет чертовски позорно, если провалюсь *я*.

— Не провалится,— радостно чирикнул Пташка.— Над ним будут потеть, даже если придется засунуть его в гипнокабину и

кормить через трубочку. Все равно,— добавил он,— Хасан получит повышение, даже если провалит все экзамены.

— Как так?

— А ты не знал? У Ассасина постоянное звание — первый лейтенант. Естественно, в полевых условиях получил. Провалится — вернется к нему. Посмотри устав.

Устав я и без него знал. Если я провалю математику, то останусь сержантом, а это лучше, чем постоянно думать о возможном вылете — будто рыбой наотмашь по физиономии. Знаю, после неудач на контрольных я ночь напролет думал о нем.

Но тут — дело другое.

— Погоди-ка,— запротестовал я.— Он отказался от *первого* лейтенанта на постоянных условиях и только что получил *третьего*, чтобы потом стать *вторым*? Кто сошел с ума? Ты или он?

Пташка ухмыльнулся.

— Оба. Как раз в той мере, чтобы загреметь в десант.

— Но... нет, не понимаю.

— Это уж точно. Ассасину деваться некуда, он даже школу не кончал. Уверен, что в бою он может командовать полком и отлично справлялся бы — если кто-то другой будет планировать за него операции. Но офицер ведь не только в бою командует, особенно старший офицер. Чтобы вести войну, даже просто спланировать одно сражение и провести операцию, нужно знать теорию игр, операционный анализ, символистическую логику, пессимистический синтез и дюжину других умных предметов. Можно и самому их вызубрить, если придется. Но знать их ты должен, иначе не то что до майора, до капитана никогда не поднимешься. Ассасин знает, что делает.

— Наверное...— медленно произнес я.— Пташка, полковник Нильссен должен ведь знать, что Хасан — офицер. Настоящий офицер.

— А? Ну да, конечно.

— А говорил с ним так, будто не знает. Он нам всем одну и ту же лекцию читал.

— Не совсем. Не заметил, что когда комендант хотел получить определенный ответ, он всегда спрашивал у Ассасина?

Верно, так оно и было.

— Пташка, а ты в каком звании?

Машина только что приземлилась; Берд задержал руку на защелке дверцы и ухмыльнулся.

— Рядовой первого класса. И проваливаться мне никак нельзя.

Я фыркнул.

— Тебе не грозит.

Я удивился, что он даже не капрал, но парень с мозгами и образованием Пташки расщелкает офицерское училище так же быстро, как проявит себя в бою... что случится сразу же после его восемнадцатого дня рождения. Время военное.

Пташка улыбнулся еще шире.

— Увидим.

— У тебя все будет как надо. Это нам с Хасаном надо беспокоиться, а не тебе.

— Да ну? А вдруг у мисс Кендрик на меня зуб? — Берд открыл дверцу и вздрогнул.— Эй! Мой сигнал! Пока!

— Увидимся, Пташка.

Но мы не увиделись, и он не окончил училища. Он получил повышение через две недели, а его знаки различия вернулись в училище с восемнадцатой наградой — Раненый Лев, посмертно.

13

«Вы, парни, думаете, что это (вычеркнуто) подразделение — (вымарано) детский сад? Так вот — вы ошибаетесь! Ясно?»

Приписывается капралу-эллину
под стенами Трои,
1194 год до Р.Х.

«Роджер Янг» нес один взвод, и то было тесно; на «Туре» размещалось шесть — и оставалось полно места. На этой посудине хватало пусковых шахт, чтобы сбросить всех десантников,

а кают столько, что можно было взять на борт вдвое больше солдат и сделать вторую выброску. Вот тогда действительно было бы тесно — питание посменно, гамаки в коридорах и бросковых комнатах, вода по рациону, вдыхай, когда твой товарищ выдыхает, и эй ты, убери свой локоть у меня из глаза! Я радовался, что, пока я служил, на «Туре» не удвоили персонал.

Но птичка была скоростная, и сил ей доставало, чтобы поднять всю рвущуюся в бой толпу и доставить ее в любую точку Земной Федерации и далеко в пространство жуков; на двигателе Черенкова она летит как ошпаренная, а то и быстрее. Скажем, от Солнца до Капеллы, это сорок шесть световых лет, делает за шесть недель.

Конечно, такая грузовозка на шесть взводов невелика по сравнению с боевым кораблем или пассажирским лайнером. Она — компромисс. Мобильная пехота предпочитает скоростные небольшие корветы, рассчитанные на один взвод; они лучше подходят для наших операций. А если предоставить решение флотским, каждый корабль нес бы не меньше полка. Для управления что корветом, что монстром на целый полк требуется примерно одинаково флотских. Ну на корабле покрупнее побольше ремонтников и обслуги, но эту работу могут выполнить сами солдаты. В конце концов, эти ленивые десантники все равно ничего не делают, только спят, жрут и полируют пуговицы. Так пусть делом займутся. Это флотские так говорят.

А настоящее мнение флота таково: армия устарела, давно пора упразднить.

Официально флот этого не заявляет, но поговорите с любым флотским офицером в пасторальной увольнительной, он вам все уши прожужжит. Они там считают, будто могут вести любую войну, выиграть ее, послать вниз несколько своих человек, чтобы поддержали планету, пока не прибудет на замену дипломатический корпус.

Признаю, последние их игрушки могут сшибить планету с небес. Собственными глазами не видел, но верю. Может быть, я устарел, как Tyrannosaurus rex. Я себя таким не чувствую, мы, гориллы, можем делать то, что все эти навороченные корабли не умеют. А отпадет у правительства надобность в нас — нам скажут.

Может быть, и хорошо, что последнее слово не принадлежит ни армии, ни флоту. Рядовой не сможет дослужиться до маршала, если не командовал полком и боевым кораблем. Сначала нужно пройти через мобильную пехоту, получить свою порцию шишек, а затем стать флотским офицером (думаю, малыш Пташка так и собирался поступить) или сначала стать пилотом и навигатором, а потом отправляться в лагерь Карри. И так далее.

Я с уважением выслушаю человека, который способен на такое.

Как большинство транспортов, «Тур» был смешанным кораблем; самая изумительная перемена для меня — допуск на «север от тридцати». Переборка, которая отделяет дамское царство от грубых субъектов, пользующихся бритвой, необязательно тридцатая по номеру, просто на любом смешанном корабле ее традиционно называют «тридцатая переборка». Сразу за ней располагалась кают-компания, а дальше простиралась страна женщин. На «Туре» кают-компания служила столовой для женщин-рядовых, они ели сразу перед нами, а между кормежками ею попеременно пользовались то они, то их офицеры — уже для отдыха. Офицеры-мужчины отдыхали в помещении по другую сторону тридцатой переборки, которое называлось «карточной комнатой».

Кроме очевидного факта, что выброска и отход требуют лучших пилотов (id est женщин), существует еще одна причина, почему на транспортниках служат женщины. Это здорово способствует поднятию морали среди солдат.

Забудем на минуту традиции мобильной пехоты. Можете придумать что-нибудь глупее, чем позволить выстрелить собой с корабля навстречу скорой смерти и увечьям? Но если кому-то и приходится исполнять этот идиотский трюк, знаете ли вы способ держать десантника в тонусе надежнее, чем постоянно напоминать ему, что единственная причина для мужской драки — это живая и дышащая реальность?

На смешанных кораблях последнее, что солдат слышит перед броском (может быть, последнее, что он вообще слышит в своей жизни),— это женский голос, желающий ему удачи. Если вы думаете, что это ничего не значит, вероятно, вы исключение из человеческой расы.

На «Туре» было пятнадцать флотских офицеров, восемь дам и семь мужчин; и восемь офицеров мобильной пехоты, включая (счастлив сказать) и меня. Не скажу, что «тридцатая переборка» подтолкнула меня к офицерскому училищу, но привилегия обедать вместе с дамами привлекательнее любой прибавки к жалованью. Председателем за столом была шкипер, а мой босс, капитан Блэкстоун, был вице-председателем, и вовсе не из-за звания; трое флотских были старше его. Но как командующий ударным отрядом он de facto был старше всех остальных, кроме шкипера.

Любой прием пищи проходил согласно ритуалу. Мы ожидали в карточной, пока не пробьет нужный час, следом за капитаном Блэкстоуном входили в столовую и вставали позади своих стульев. Шкипер входила с эскортом дам, и когда она вставала во главе стола, капитан Блэкстоун отвешивал поклон и произносил: «Госпожа председатель... дамы», а шкипер отвечала: «Господин вице-председатель... господа». После чего каждый из мужчин должен был помочь сесть своей соседке справа и усесться сам.

Ритуал демонстрировал, что мы в светском обществе, а не на заседании штаба. Тем не менее ко всем обращались по званию, кроме младшего флотского офицера и меня, нас называли «мисс» и «мистер». Существовало одно исключение, которое сбило меня с толку.

На первом обеде на борту «Тура» я услышал, как капитана Блэкстоуна называют майором, хотя знаки различия ясно показывали, кто он такой. Позже меня просветили. Не может быть двух капитанов на военном корабле, поэтому общество скорее повысит в звании армейского капитана, чем обратится к нему по званию, положенному одному и единственному монарху. А если на борту, кроме шкипера, находится флотский капитан, его или ее будут называть коммодором, даже если шкипер — скромный лейтенант.

Десант смотрит на эти маневры как на неизбежность и на своей части корабля не обращает никакого внимания на флотские глупости.

За столом сидели особым образом: во главе шкипер, напротив нее — наше начальство, младший мичман — по правую руку от него, а я — по правую руку капитана. Лично я гораздо охотнее сидел бы рядом с мичманом, она была очень даже хорошенькая,

но порядки здесь устанавливали, судя по всему, пожилые матроны. Я так и не сумел узнать, как зовут ту симпатяшку.

О том, что я, как самый младший по званию мужчина, буду сидеть рядом с капитаном, меня предупредили загодя, но что я должен усадить ее на место, мне никто не сказал. В первый же вечер она осталась ждать, и никто не садился, пока третий помощник бортинженера не толкнул меня локтем. Я так не смущался с тех пор, как очень сильно оконфузился в детском саду, хотя капитан Йоргенсон даже бровью не повела.

Когда шкипер поднимается со стула, обед окончен. Она здорово рассчитывает время, но один раз присела всего на пару минут и встала. Капитан Блэкстоун был раздосадован. Он тоже поднялся и сказал:

— Капитан...

Она остановилась.

— Да, майор?

— Не может ли капитан любезно распорядиться, чтобы мне и моим офицерам накрыли в карточной?

— Разумеется, сэр,— холодно отозвалась шкипер.

И мы пообедали в другой комнате. Но ни один флотский к нам не присоединился.

В следующую субботу шкипер воспользовалась своим правом инспектировать находящихся на борту солдат, чего обычно не делается. Тем не менее Йоргенсон просто прошла вдоль шеренг без единого комментария. Вообще-то она вовсе не поборник строжайшей дисциплины, и когда она не хмурит сурово брови, у нее хорошая и приятная улыбка. Капитан Блэкстоун назначил второго лейтенанта Ржавого Грэхэма гонять меня по математике; шкипер каким-то образом выяснила это дело и сказала Блэкстоуну, чтобы я являлся к ней каждый день после ленча на часовой урок. Она жутко ругалась, если домашнее задание не было выполнено на «отлично».

Наши шесть взводов составляли две роты, неполный батальон; капитан Блэкстоун командовал ротой «Ди», Бандитами Блэки и всем батальоном в придачу. А наш комбат, майор Ксера, находился вместе с ротами «Эй» и «Би» на «Нормандии» — может, даже в другой половине Галактики. Он командовал нами, только

когда мы собирались все вместе, ну еще кэп Блэки получал от него распоряжения и отсылал ему некоторые рапорты. Все остальное шло прямиком в штаб флота, штаб дивизии или на базу. У Блэки был флотский сержант в помощь — настоящий маг и волшебник,— помогавший ему управляться и с почтой, и с нами.

Когда армия разбросана по сотням кораблей на протяжении многих световых лет, административные вопросы — дело непростое. На «Вэлли Фордж», на «Роджере Янге» и теперь на «Туре» я принадлежал все к тому же третьему («Избалованные зверюшки») полку первой («Полярис») десантной дивизии. Для операции «Жучий дом» из доступных подразделений сколотили «третий полк», но «своего» полка я там не видел. Видел только Бамбургера да полчища жуков.

Я мог быть приписан к «Избалованным зверюшкам», состариться и выйти в отставку — и в глаза не увидеть комполка. У Разгильдяев командир роты был, но он командовал первым взводом («Шершни») на другом корвете. Я не знал его имени, пока не увидел подпись в приказе о моем направлении в офицерское училище. Существует легенда о «потерявшемся взводе», который пошел в увольнительную, а их корабль тем временем разукомплектовали. Командира повысили в звании, а остальные взводы разбросали по другим частям. Забыл, что произошло с их лейтенантом, но отпуска, как правило, самое удобное время для перевода. Теоретически ему должны были прислать замену, но практически с этим делом всегда напряженка.

Говорят, этот взвод целый год гулял напропалую по Черчилль-роуд, прежде чем ребят хватились.

Я в это не верю. Но такое могло быть.

Хроническая нехватка офицеров здорово повлияла на мои служебные обязанности. В мобильной пехоте более низкий процент офицеров, чем во всех армиях в истории, а все потому что сама мобильная пехота уникальна. Если у вас десять тысяч солдат, сколько из них идут в бой? А сколько чистят картошку, водят грузовики, копают могилы и перекладывают бумаги?

В мобильной пехоте сражаются все десять тысяч.

В большинстве войн двадцатого века, чтобы могли воевать десять тысяч человек, требуется еще семьдесят тысяч (и это факт!).

Признаю, чтобы доставить нас к месту боя, нужен флот; но ударный десантный отряд даже на корвете превышает число матросиков втрое. Да, нас обслуживают гражданские и вольноопределяющиеся, примерно десять процентов солдат находятся в увольнительных, время от времени лучших из лучших переводят в учебные лагеря в качестве инструкторов.

Если видите десантника за канцелярским столом, можете быть уверены: у него нет руки, ноги или еще чего-нибудь. Есть такие, как сержант Хо и полковник Нильссен, которые отказались от пенсии, и каждого из них нужно считать за двух. Они освобождают здоровых солдат от работы, которая требует боевого духа, а не физического здоровья. Они делают то, чего не могут штатские, иначе мы наняли бы штатских. Гражданские, они как бобы; покупаешь их, когда требуется смекалка и сноровка.

Но боевой дух за деньги не купишь.

Он редок. Мы используем его весь без остатка и не тратим впустую. Если считать соотношение между населением, которое мы защищаем, и нашей численностью, мобильная пехота — самый небольшой род войск за историю человечества. Десантника нельзя нанять за деньги, нельзя призвать на службу, нельзя принудить угрозой... его нельзя даже удержать, если ему вздумалось уйти. Он может не выдержать за тридцать секунд до выброски, сдадут нервы у парня, и он откажется входить в капсулу. Знаете, что случится? Он получит жалованье и не сможет голосовать.

В училище нам рассказывали об армиях, которыми управляли, словно рабами на галерах. Но мобильный пехотинец — свободный человек; все, что им движет, идет изнутри — самоуважение, уважение товарищей по оружию, гордость за то, что он один из них. Словом, то, что называется моралью, или *esprit de corps*.

А корень нашей морали таков: «Все работают, все сражаются». Мобильный пехотинец не старается заполучить легкую, безопасную работу, у нас такой нет. О, солдат уворачивается как умеет! Любой рядовой, которому хватает смекалки, сумеет придумать причину, по которой ему не следует драить казарму или разбирать вещи на складе; это древнейшее право солдата.

Но все «легкие, безопасные» работы выполняют штатские, а солдаты, которые на вес золота, лезут в капсулы, уверенные, что

вместе с ним так поступают остальные от генерала до рядового. В другом месте и в другой день, или час, или меньше — неважно. Важно то, что в десант идут *все*. Поэтому солдат входит в капсулу, даже если не осознает причины.

Если мы отступим от этого правила хоть на шаг, мобильной пехоты не станет. Нас держит вместе одна лишь мысль, но связывает сильнее стального троса. Просто ее магия действует, пока идея не нарушается.

Это самое правило — «все дерутся» — позволяет обходиться столь малым числом офицеров.

Об этом я знаю больше, чем хотелось бы, потому что однажды задал глупый вопрос на военной истории и получил задание, которое принудило меня копаться в материале от «De bello gallico» до классического цзиньского «Крушение Золотой империи»*. Возьмем, к примеру, идеальную десантную дивизию — на бумаге, потому что в природе таковой не сыщешь. Сколько ей требуется офицеров? Приданные подразделения из других родов войск не в счет, они в бою не участвуют и порядки у них иные. Там все гении и таланты носят чин офицера. Если какой-нибудь телепат, экстрасенс, человек с невероятной памятью или другой счастливчик радуется, что я отдаю ему честь, мне нетрудно. Он для армии более ценен, чем я, и заменить я его не сумею, проживи я хоть двести лет. Или возьмем корпус К-9, там пятьдесят процентов офицеров, а оставшиеся пятьдесят — неопсы.

Но ни один из них не находится в структуре командования, так что рассматривать будем только нас, горилл, и тех, кто нас погоняет.

В нашей воображаемой дивизии десять тысяч восемьсот человек, поделенные на двести шестнадцать взводов, и при каждом взводе есть лейтенант. Три взвода — рота, значит, еще семьдесят два капитана на душу населения. Четыре роты — батальон, которому требуется восемнадцать майоров или подполковников. Шесть полков (шесть полковников) формируют две или три бригады, куда требуется генерал-майор. Ну, и генерал-полковник — наш бог и отец.

Итого, триста семнадцать офицеров, а значит, в дивизии — одиннадцать тысяч сто семнадцать человек.

Пустых номеров нет, и каждый офицер ведет свою команду. Посчитаем процент? Три. Вот сколько офицеров в мобильной пехоте, просто у нас комсостав используют несколько иначе. На деле многими хорошими взводами командуют сержанты, а многие офицеры «носят больше одной фуражки», чтобы выполнять еще и штабную работу.

Даже командиру взвода нужен «штаб» — его взводный сержант.

Но комвзвода может справиться без сержанта, а сержанту вовсе не нужен комвзвода. Зато генералу штаб нужен, слишком много работы, чтобы все делать самому. Генералу нужно много людей для планирования операций и еще немного — для командования в бою. А поскольку офицеров всегда не хватает, подчиненные генерала выполняют несколько обязанностей. Их подбирают из лучших матлогиков мобильной пехоты, а потом они идут в десант вместе со своими солдатами. Сам генерал идет в бросок вместе с боевым штабом плюс небольшой командой бойцов из самых крутых десантников. Их задача — не давать грубым туземцам отвлекать генерала, пока он командует сражением. Иногда им это даже удается.

Кроме штабных любой команде больше взвода размером требуются заместитель командира. Но офицеров всегда не хватает, еще не забыли? Приходится обходиться без него. Чтобы заполнить все вакансии необходимо пять процентов офицеров, а у нас и три с трудом наскребаются.

А многие армии прошлого вместо оптимальных пяти процентов имели и десять, и даже пятнадцать процентов. Даже нелепые двадцать! Вы думаете, я вам сказки рассказываю? Но это правда, особенно в двадцатом столетии. Что же это за армия, в которой офицеров больше, чем капралов (а тех больше, чем рядовых)!

Такая армия будто специально создана, чтобы проигрывать войны. История для них ничего не значит. Армия, в которой солдаты в меньшинстве, просто гигантская бюрократическая машина.

Чем занимались эти, прошу прощения, «офицеры», если не командовали солдатами?

В основном, бездельничали — руководили офицерскими клубами, присматривали за поведением, отвечали за физподготовку, связь с общественностью, организацией досуга, гарнизонные мага-

зины, транспорт, юрконсультации, вероисповедание (и еще помощник капеллана, а еще младший помощник капеллана), за все про все, что только можно придумать... Там был даже офицер-нянька!

В мобильной пехоте есть почти все эти должности, но их занимают боевые офицеры, а если работа действительно очень важная, то дешевле и проще предоставить ее гражданским лицам. Но в двадцатом веке доходило до того, что боевым офицерам приходилось носить особые знаки различия, чтобы хоть как-то отличаться от гусаров верхом на палочке.

Нехватка офицеров в военное время гораздо острее, потому что потери среди них всегда выше... а мобильная пехота не выдаст патент кому попало, лишь бы заткнуть дыру. Каждый учебный лагерь должен поставлять примерно одинаковый процент тех, кто сможет стать офицером, а поднять процент, не понижая качества, невозможно. Отряду на «Туре» требуется тринадцать офицеров — шесть комвзводов, два ротных и два их помощника, командир всего подразделения, его заместитель и адъютант.

Офицеров тут было шестеро... и я.

СХЕМА ОРГАНИЗАЦИИ КОМАНДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫМ БАТАЛЬОНОМ В БОЕВЫХ УСЛОВИЯХ

Капитан Блэкстоун
(1-я должность)

Сержант космофлота

Рота «Си» **«Вервольфы Варрена»** **Первый лейтенант Варрен**	**Рота «Ди»** **«Бандиты Блэки»** **Капитан Блэкстоун** **(2-я должность)**
1-й взвод — *первый лейтенант Байонн*	*1-й взвод —* *первый лейтенант Сильва (госпит.)*
2-й взвод — *второй лейтенант Сукарно*	*2-й взвод —* *второй лейтенант Хорошин*
3-й взвод — *второй лейтенант Н'гам*	*3-й взвод —* *второй лейтенант Грэхэм*

Я должен был служить под началом лейтенант Сильвы, но в день моего прибытия его увезли в госпиталь с какими-то жуткими судорогами. И это не значило, что я получу его взвод; временный третий лейтенант за человека не считается, капитан Блэкстоун мог передать меня лейтенанту Байонну, а командовать взводом отправить сержанта или «надеть и третью фуражку» и взять взвод самому.

На деле он, в общем, так и поступил, хотя командиром взвода назначил меня. Батальонным он поставил лучшего сержанта, одолжив его у «Вервольфов», а своего флотского сержанта сделал взводным своего первого взвода, на время сильно понизив его в должности. Затем капитан мне объяснил все кратко и очень доходчиво: номинально считаюсь командиром я, а командует он и его флотский сержант.

Буду хорошо себя вести, мне позволят изобразить из себя командира. Мне даже позволят покомандовать во время десанта, но если мой взводный сержант хоть слово вякнет комроты — лучше повеситься самому.

Мне такое положение дел подходило. Пока я справляюсь, взвод — мой, а если не справляюсь, то чем раньше меня выпрут, тем лучше для всех. Кроме того, куда легче получить взвод вот так, а не после гибели командира в бою.

Я очень серьезно подошел к работе, это же был *мой* взвод, так было записано в должностной разнарядке. Но распределять обязанности еще не научился, и первую неделю крутился среди рядовых больше, чем это хорошо для команды. Блэки вызвал меня к себе.

— Сынок, какого черта ты делаешь, а?

Я обиженно ответил, что пытаюсь получше подготовить свое подразделение к действиям.

— Да ну? Что ж, результата ты не добился. Парни гудят, как пчелиный рой. За каким дьяволом я приставил к тебе лучшего сержанта во флоте? Сейчас ты вернешься в свою каюту, повиснешь за шиворот на вешалке и провисишь там, пока не закончится подготовка к операции. А сержант вручит тебе взвод настроенным на выброску, словно скрипка.

— Как капитану будет угодно,— сумрачно согласился я.

— И еще. Не выношу офицеров с ка*детскими* замашками. Забудь это дурацкое обращение в третьем лице, оставь его для генералов и шкипера. Прекрати расправлять плечи и щелкать каблуками. Офицерам предполагается выглядеть расслабленными, сынок.

— Да, сэр.

— И пусть это будет последний раз, когда ты обозвал меня сэром. То же самое относится к салюту. Сними с физиономии эту ка*детскую* маску и нацепи туда улыбку.

— Есть, с... Ладно.

— Так-то лучше. Прислонись к переборке. Почешись. Зевни. Все что угодно, только не будь оловянным солдатиком.

Я попытался... и застенчиво улыбнулся, как только выяснил, насколько нелегко ломать привычки. Привалиться к переборке было сложнее, чем стоять по стойке «смирно». Капитан Блэкстоун придирчиво осмотрел меня.

— Попрактикуйся,— посоветовал он.— Офицер не может выглядеть испуганно или напряженно, это заразно. А теперь скажи мне, Джонни, что нужно твоему взводу. Я не о житейских мелочах, меня не интересует, положенное количество носков у каждого в шкафчике или нет.

Я в скоростном темпе поразмыслил.

— Э-э... вы случайно не знаете, собирался ли лейтенант Сильва рекомендовать Брамби в сержанты?

— Случайно знаю. Что *ты* об этом думаешь?

— Ну... в рапортах сказано, что он вот уже два месяца как фактически занимает должность сержанта. И отлично справляется.

— Я спросил ваше мнение, мистер.

— Ну, с-сэ... Извините. Я в деле его не видел, у меня не может быть о нем мнения. В бросковой любой солдат хорош. Но как я вижу, он слишком давно на сержантском месте, чтобы переводить его обратно, а через его голову назначить другого. Он должен надеть третью лычку раньше, чем мы пойдем в бой, или придется его переводить в другое место, когда мы вернемся. И даже раньше.

Блэки хрюкнул.

— Для третьего лейтенанта ты слишком легко разбрасываешься моими Бандитами.

Я покраснел.

— Но это же слабое место в моем взводе. Брамби необходимо или повышать или переводить. Я не хочу, чтобы он вернулся на прежнее место, а кто-то скакнул через него. Он озлобится, и станет только хуже. Если он не может получить третью нашивку, пусть отправляется в управление кадрами. Тогда его не унизят, а дадут честный шанс стать сержантом в другом подразделении, вместо того чтобы торчать тут в тупике.

— Правда? — оскал у Блэки был какой-то ненатуральный.— После мастерски проведенного анализа примените свои дедуктивные способности и объясните, почему лейтенант Сильва не перевел Брамби три недели назад, когда мы прибыли на орбиту Санктуария?

Я и сам удивлялся. Перевести человека лучше всего сразу, как только ты принял такое решение — и без предупреждения; так лучше и для человека, и для команды. Это так в учебнике написано. Я медленно произнес:

— А лейтенант Сильва в то время уже был болен?

— Нет.

Все встало на свои места.

— Капитан, я рекомендую немедленно присвоить Брамби сержанта.

У него брови взлетели аж до волос.

— Минуту назад вы собирались его сбросить как ненужный балласт.

— Ну, не совсем. Я сказал, что тут одно из двух. Просто не знал, что именно. Теперь знаю.

— Продолжайте.

— Ну, считая, что лейтенант Сильва хороший офицер...

— Гр-рррр! Мистер, к вашему сведению, у Быстрого Сильвы в форме тридцать один цепь пометок «отлично, рекомендовать к повышению» еще ни разу не прерывалась.

— Да знаю я, что он хороший офицер, по взводу видно,— я с трудом прокладывал борозду.— Хороший офицер может по мно-

гим причинам откладывать повышение, но свои соображения бумаге не доверить. В данном случае, если он не мог повысить Брамби, ему следовало немедленно списать его с корабля, а он этого не сделал. Следовательно, он намеревался представить Брамби к повышению,— я помолчал и добавил: — Я только не понимаю, почему он не дал Брамби новые лычки три недели назад в увольнительной.

Капитан Блэкстоун ухмыльнулся.

— Это потому, что ты не считаешь меня хорошим офицером.

— С-сэ... Прошу прощения?

— Неважно. Ты доказал, кто убил малиновку, а я не жду, что неоперившийся кадет будет знать все наши ходы. А теперь слушай и учись, сынок. Пока идет эта война, никогда не повышай человека перед возвращением на базу.

— Но... но почему, капитан?

— Ты тут говорил, что надо послать Брамби в загон для сменщиков, если нельзя повысить его. Но если бы мы дали ему сержанта три недели назад, туда бы он и попал. Ты понятия не имеешь, какая там идет охота на младший командный состав. Порыщи у меня в мусорной корзине, там завалялись две заявки на сержантов от кадровиков. И отказать я сумел только потому, что у меня один сержант недавно отправился в училище, а второй занял его место,— он опять усмехнулся.— Война — грязное дело, сынок. Стоит только недоглядеть, и твои же сограждане уведут из-под носа лучших бойцов.

Он вынул из стола два листа бумаги.

— Держи.

Это был рапорт лейтенанта Сильвы кэпу Блэки с рекомендацией для Брамби, датированный месяцем назад.

И — приказ о назначении Брамби, датированный следующим днем после нашего отлета с Санктуария.

— Сгодится тебе?

— А? Ну... ой, ну да, конечно!

— Я ждал, что ты отыщешь слабое место во взводе и скажешь мне, как следует поступить. Я рад, что ты справился, но рад не до конца, потому что опытный офицер сделал бы подобный анализ,

как только увидел записи, служебные документы и разнарядки. Ничего, так мы и набираемся опыта. Вот что ты сделаешь. Напишешь мне такой же рапорт, дату поставь вчерашнюю. Попросишь взводного сержанта сказать Брамби, что ты даешь ему третью полоску, но не говори, что и Сильва сделал то же самое. Когда Брамби явится ко мне, я дам ему знать, что оба его офицера рекомендовали ему повышение. Парню будет приятно. Ладно, что еще?

— Ну да... не по организации, если только лейтенант Сильва не планировал поставить Найди на место Брамби. В таком случае можно повысить одного рядового первого класса до капрала, что позволит нам четырех рядовых дотянуть до первого класса, считая три вакансии, которые и так есть. Не знаю, вы сторонник заполнения состава до отказа или нет?

— Разумеется,— промурлыкал Блэки.— Мы же оба знаем, что не всем тем парням выпадет случай насладиться долгими годами жизни. Просто запомни, что мы не даем первый класс, пока рядовой не сходит в десант. Во всяком случае, у Бандитов. Выясните этот вопрос у своего взводного сержанта и дайте мне знать. Не *торопитесь... скажем, сегодня, в любое время до отбоя*. Так... еще что-нибудь?

— Н-ну... капитан, меня беспокоят скафандры.

— Не одного тебя. Еще и все взводы.

— Про все взводы я ничего не скажу, но у нас пять скафандров нужно подогнать, четыре повреждены и были заменены, а еще два забраковали на прошлой неделе и только сейчас прислали замену со склада. Ну и я не понимаю, как Кунха с Наваррой могут прогреть все это хозяйство и провести стандартные тесты с остальными сорока одним за оставшееся время. Даже если ничего не случится.

— Что-нибудь всегда случается.

— Вот именно, капитан. Но только на разогрев и подгонку требуется двести сорок шесть человеко-часов, а на проверку остальных — еще сто двадцать три. Но обычно всегда получается дольше.

— Ну и что ты об этом думаешь? Остальные взводы помогут тебе, если закончат проверку раньше времени. В чем я лично со-

мневаюсь. И у Вервольфов помощи и не думай просить. Нам самим придется им помогать, скорее всего.

— Э-э... капитан, я понятия не имею, что вы скажете о моем предложении, раз вы велели не соваться к солдатам. Но капралом я был помощником сержанта-техника из оружейной.

— Говори-говори.

— Ну а потом сам стал там сержантом. Но мной всегда руководили, спецподготовки я не прошел. Но помощник из меня чертовски хороший, и если мне позволят, ну, я мог бы разогреть новые скафандры или провести тесты, а у Кунхи с Наваррой будет больше времени на то, что обычно всегда случается.

Блэки разулыбался.

— Мистер, я очень внимательно изучил устав и не нашел ни одной статьи, которая запрещает офицеру пачкать руки. Я говорю об этом потому, что некоторые «юные джентльмены», которых мне недавно подкинули, такую статью отыскали. Ладно, надевай спецовку, не стоит вместе с руками пачкать еще и мундир. Ступай на корму, отыщи своего взводного, расскажи ему о Брамби и прикажи подготовить рекомендации на тот случай, если мне взбредет в голову подтвердить повышение. Потом сообщи ему, что собираешься все свое время посвятить оружейной, а со всем остальным во взводе пусть справляется самостоятельно. Скажи, если у него возникнут проблемы, пусть ищет тебя в арсенале. Но не болтай, что консультировался со мной, просто отдай приказ. Дошло?

— Так точно, сэ... Да, дошло.

— Отлично, топай отсюда. Будешь проходить карточную, пожалуйста, передай привет Ржавому и вели идти сюда, если он в силах дотащить свой ленивый скелет до моего кабинета.

Я даже в учебном лагере никогда не был так загружен работой, как следующие две недели. По десять часов в день я возился в арсенале, и это далеко не все. Математика, куда без нее, и при таком репетиторе, как сама шкипер, не проманкируешь. Еда — полтора часа в день. Плюс все те мелочи, которые позволяют выжить: бритье, душ, пришить пуговицу, попытаться выследить корабельного кладовщика, заставить его отпереть прачечную и

найти место нахождения чистой униформы за десять минут до поверки. На флоте существует неписаный закон, что помещение должно быть заперто, когда оно особенно необходимо.

Несение караула, построения, смотры, минимум взводных дел — минус еще один час из жизни. Но кроме того, я был «жоржиком». В каждой части есть свой «жоржик». Это самый младший по званию офицер, который помимо своих прямых обязанностей выполняет кучу прочих дел. Он — офицер по физподготовке, цензор солдатской почты, спортивный судья, офицер-инструктор, прокурор трибунала, казначей в кассе взаимопомощи, хранитель финансовых ведомостей и реестров, завскладом, наблюдатель за солдатской столовой, эт сетера ад тошнотум.

До меня «жоржиком» был Ржавый Грэхэм, и теперь он рыдал от счастья. Правда, перестал, когда я захотел проинспектировать все, что принимаю под свою ответственность. Он предположил, что если я не верю товарищу на слово, то, может, поможет прямой приказ старшего по званию? Я помрачнел и заявил, что хочу видеть этот приказ в письменном виде с заверенной копией, чтобы сохранить оригинал у себя, а копию отдать непосредственному командиру.

Ржавый сдал позиции. Даже второй лейтенант не настолько глуп, чтобы письменно отдавать подобные приказы. Но и мне радоваться было нечему, потому что жил я в одной каюте со Ржавым, который по тем временам еще был моим учителем математики. Но инспекцию мы провели! Лейтенант Варрен сожрал меня с потрохами за чрезмерную и глупую бдительность, но сейф открыл и позволил мне взглянуть на ведомости. Капитан Блэкстоун предоставил документы без комментариев, и я так и не понял, одобрил он мое рвение или нет.

Ведомости были в порядке, баланс — нет. Бедолага Ржавчик! Он поверил своему предшественнику на слово, а теперь и спросить было не с кого. Тот парень не просто отсутствовал, он погиб. Ржавый провел бессонную ночь (вместе со мной, дал он мне заснуть, как же!), затем пошел к Блэки и рассказал правду.

Блэки наточил зубы и сделал из Грэхэма отбивную, затем нашел способ списать утерянное на «потери в бою». Недостача сокра-

тилась до суммы жалования за несколько дней, но Блэки оставил склад за Ржавым, откладывая ревизию на неопределенный срок.

Не все заботы доставляют «жоржику» столько головной боли. Трибуналов у нас не было; в хорошей боевой команде они не нужны. Цензура тоже ушла лесом, так как корабль шел на Черенкове. По той же причине отпала надобность в кассе взаимопомощи. Физкультуру я перепоручил Брамби, а рефери требовался от случая к случаю. Солдатская столовая пребывала в превосходном состоянии, я только подписывал меню и время от времени инспектировал камбуз, то есть после поздней работы в оружейной брал там бутерброды, не вылезая из спецовки. Заочные курсы требовали много бумажной работы, так как многие продолжали обучение, война там или не война, им было все равно. Я отрядил на это дело взводного сержанта, после чего все записи вел один рядовой первого класса и клерк по совместительству.

Тем не менее на «жоржиковые» заботы уходило по два часа в день — слишком много.

Теперь займемся подсчетами: десять часов в арсенале, три — математика, полтора часа — еда, час на личные дела, час на армейские, два «жоржиковых», восемь часов на сон. Итого — двадцать шесть с половиной. А корабль живет не по времени Санктуария, где в сутках двадцать пять часов, а по Гринвичу и универсальному календарю.

Урезать приходилось сон.

Как-то в час ночи я потел над домашним заданием по математике в карточной, когда вошел капитан Блэкстоун. Я сказал:

— Добрый вечер, капитан.

— Ты хотел сказать: доброе утро? За каким дьяволом ты здесь, сынок? Бессонница?

— Да не то чтобы...

Со словами: «А что сержант не мог сделать за тебя бумажную работу?..» он взял лист бумаги.

— А, понял. Иди спать.

— Но, капитан...

— Так. Лучше сядь, Джонни, все равно я собирался поговорить с тобой. По вечерам в карточную тебя не затащишь. Как ни

пройду мимо твоей каюты, ты сидишь за столом. Как сосед ложиться спать, ты перебираешься сюда. В чем проблема?

— Вот... не успеваю никак, похоже.

— Так никто не успевает. Как идут дела в оружейной?

— Нормально. Думаю, все получится.

— Вот и я того же мнения. Слушай, сынок, выработай систему приоритетов. У тебя две внеочередные обязанности. Во-первых, подготовить экипировку взвода к десанту. С этим у тебя порядок. О самом взводе тебе заботиться не надо, об этом мы уже говорили. Во-вторых, и это гораздо важнее, ты должен готовиться к бою. Тут у тебя провал.

— Я буду готов, капитан.

— Чушь собачья и с боку бантик. Ты не тренируешься и плохо спишь. Это так ты готовишься к выброске? Когда поведешь в бой взвод, сынок, то будешь это делать бегом. Начиная с сегодняшнего дня с шестнадцати тридцати по восемнадцать ноль-ноль будешь тренироваться. Каждый день. А если не сможешь заснуть в течение пятнадцати минут, пойдешь к врачу на освидетельствование. И это приказ.

— Так точно, сэр.

Я почувствовал, будто переборки сдвинулись и душат меня.

— Капитан, не понимаю я, как я окажусь в кровати в двадцать три ноль-ноль и при этом все успею сделать.

— Так не успевай. Я же сказал тебе: выбирай приоритеты. Расскажи-ка, как ты проводишь день.

Я так и сделал. Он покивал.

— Как я и думал,— он взял мою домашнюю работу по математике и швырнул на стол.— Возьмем вот это. Уверен, ты хочешь ее освоить. Но зачем так перенапрягаться перед высадкой?

— Ну, я думал...

— Вот чего ты не делал, так это думал. Из твоего положения есть четыре возможных выхода, и только в одном случае возникнет необходимость справиться с этими заданиями. Во-первых, ты можешь получить отпущение всех грехов. Во-вторых, можешь искупить их малую часть и пойдешь с почетом в отставку. В-третьих, можешь не получить ни царапины, но получишь неблаго-

приятный отзыв от экзаменатора, а именно меня. И ты сейчас как раз нарываешься на такой отзыв. Я же не выпущу тебя в бой, если явишься с покрасневшими от недосыпа глазами и трясущимися, дряблыми мускулами от сидения за столом. В-четвертых, можешь взяться за ум, и я дам тебе немного покомандовать взводом. Допустим, ты устроишь там самое лучшее показательное шоу с тех пор, как Ахилл прирезал Гектора, и сдашь экзамен с блеском. Только в этом случае и сядешь за свою математику. На пути обратно. А со шкипером я поговорю, будешь заниматься по дороге на базу. Если мы вернемся домой. Но ты никуда не вернешься, если не научишься делать в первую очередь то, что действительно важно. Марш в кровать!

Через неделю мы прибыли в точку рандеву и сбросили скорость, чтобы флот мог обменяться сигналами. Мы получили инструкции, план операции, нашу боевую задачу — кучи слов, которых хватит на длинный роман,— и приказ не высаживаться.

Нет-нет, в операции мы участвовали, но вниз нас должны были доставить как благородных, на корабельных катерах. Это стало возможным потому, что Федерация уже поверхность планеты; вторая, третья и пятая дивизии заняли ее — и заплатили свою цену за победу.

По *описанию овчинка не стоила выделки*. Планета П меньше Терры, сила тяжести — семь десятых от нормы, по большей части там арктически-холодный океан и скалы, флора — лишайники и мхи, фауна интереса не представляет. Дышать здешним воздухом долго не стоило, слишком много озона и окиси азота. Континент — одна штука, размером с Австралию, плюс множество бесполезных островов. Если нам захочется воспользоваться этой планетой, то терраформирования она потребует, как в свое время Венера.

Но жить мы тут не собирались; мы явились сюда только потому, что здесь были жуки. И были они здесь по нашу душу, как думала ставка. Ставка сказала нам, что на планете П есть недостроенная база противника (вероятность восемьдесят семь процентов плюс-минус шесть) и ею воспользуются против нас.

Раз планета ценности не имеет, то и от жучьей базы ее избавил бы флот, встал себе в сторонке на безопасном расстоянии и сделал этот безобразный шарик непригодным для обитания как жуков, так и людей. Но командование осенило идеей покруче.

В ставке задумали рейд. Нелепо называть рейдом сражение, в котором участвуют сотни кораблей и тысячи вероятных трупов, особенно когда флоту и всей армии требовалось отгонять жуков подальше от планеты П, дабы не пришли на помощь.

Главнокомандующий на мелочи не разменивался; масштабный рейд мог определить победителя в этой войне, неважно одержат ли победу на будущий год или через тридцать лет. Нам нужно узнать побольше о психологии жуков. Должны ли мы стереть с лица Галактики каждую их особь? Или достаточно дать по жвалам и предложить мир? Этого мы не знали, мы понимали их ровно настолько, насколько понимаем термитов.

Чтобы узнать психологию, нужно с ними поговорить, уяснить, что ими движет, выяснить, почему и за что они сражаются и при каких условиях остановятся. А посему армейские психологи затребовали пленных.

Рабочих взять в плен проще простого. Но жук-рабочий — всего-навсего живая машина. Воинов тоже можно взять в плен, если сжечь им конечности, отчего они становятся беспомощными, но без руководства они не умнее рабочих. И от таких пленных наши профессора многое разузнали и изобрели всякие полезные штуки, вроде того маслянистого газа, от которого жуки дохнут, а мы нет. И новое оружие мы получили тоже после исследования биохимии противника. Но для изучения психологии требовался пленник из касты «умников». А еще мы надеялись на обмен.

До сих пор нам не удавалось взять живьем ни одного умника. Мы либо вычищали колонии с поверхности планеты, как на Шеоле, или (как гораздо чаще) наши солдаты спускались в их норы и не возвращались. Так мы потеряли многих очень храбрых парней.

Еще больше погибало при отступлении. Иногда команда оставалась на планете, потому что ее корабль или корабли взрывали. Что с ними происходило? Возможно, дрались до последнего.

Более вероятно, дрались, пока оставались боеприпасы и энергия в скафандрах, после чего оставшихся легко брали в плен.

От наших тощих союзников мы узнали, что многие пропавшие без вести солдаты все еще живы и находятся в плену. Мы надеялись на тысячи, в сотнях были уверены. Разведка считала, что всех пленных свозят на Клендату; мы жукам были так же интересны, как и они нам. Раса отдельных личностей, которая строит города, звездные корабли, вооружение для роя таинственнее, чем рой для нас.

А мы хотели вернуть своих ребят домой!

Мрачная логика Вселенной такова, что это желание могло оказаться нашей слабостью. Раса, не заботящаяся о спасении индивидуумов, может полностью вырезать таких гуманитариев, как мы. Худышки страдали состраданием в меньшей степени, чем мы, а жуки были лишены его начисто. Никто еще не видел, чтобы один жук пришел на помощь другому, если второй был ранен. Великолепно сработанное в бою подразделение шло на убой, как только становилось ненужным.

Мы поступаем иначе. Сколько раз вы видели заголовки вроде: «Двое погибли, пытаясь спасти тонущего ребенка»? Если человек потерялся в горах, сотни отправляются на поиски, и часто двое-трое спасателей гибнет. Но на следующие поиски идет еще больше добровольцев.

Дурацкая арифметика... но очень человеческая. И эта мысль проходит через весь наш фольклор, все религии, всю литературу — если кто-то нуждается в спасении, о цене никто не думает.

Слабость? А может, уникальная сила, подарившая нам Галактику.

Сила или слабость, но у жуков этого нет, поэтому нет никакой перспективы обменять пленных на рабочих или воинов.

Но умников у себя в роях они ценят. По крайней мере, на это рассчитывали наши психологи. Если мы захватим живым и неповрежденным представителя этой касты, вот тогда можно начинать торг.

А уж если возьмем в плен королеву!..

Скольких можно обменять на королеву? Полк? Никто не знал, но в задачу входило взять в плен любого умника или королеву из королевских каст — *любой ценой.*

Третья цель операции «Королевский выкуп» заключалась в разработке методов: как спуститься вниз, как выкопать жуков из нор, как победить, не применяя оружия массового уничтожения. Солдат против жука-воина, теперь мы могли победить их на поверхности; корабль против корабля, наш флот был лучше; но вот в норах их нам пока не везло.

Если затем с обменом провалится, нам предстояло: а) выиграть войну, б) сделать это так, чтоб спасти наших, или в) допустим и такой вариант, с честью погибнуть в бою. Планета П была своего рода проверкой.

Инструкции довели до сведения каждого пехотинца, потом он их еще раз прослушал во сне при гипноподготовке. Поэтому всякий знал, что сражаемся мы ради спасения товарищей и что на планете П пленных не держат. Стало быть, не стоит рваться за медалью в дикой надежде спасти кого-нибудь лично. Просто охота на жуков, но с новым вооружением, техникой и большими силами. Планету собирались чистить как луковицу, пока не станет ясно, что на ней не осталось ни одного жука.

Сначала флот прожарил все острова и незанятую часть материка до состояния радиоактивного стекла, так что можно было заняться жуками, не опасаясь за тылы. Вдобавок корабли стерегли на низкой орбите планету, охраняли нас, сопровождали транспорты и приглядывали, не творится ли на поверхности что-нибудь неположенное. Например, атака жуков в неожиданном месте.

По плану операции в задачу Бандитов Блэки входила поддержка основного задания по приказу или при удобном случае смена другой роты и занятие зоны, охрана ее и других подразделений, установление связи с другими десантниками и уничтожение любого жука, высунувшего из-под земли усики.

Так что на планету мы прибыли с комфортом. Я повел взвод рысью. Блэки отправился вперед на встречу с командиром той роты, которую мы должны были сменить. Он умчался за горизонт, будто вспугнутый кролик.

Я приказал Кунхе отрядить разведчиков, а взводного сержанта отослал налаживать контакт с патрулем из пятого полка. Нам, третьему полку, предстояло удержать участок в триста миль длиной и восьмидесяти шириной; мне же достался кусок сорок на семнадцать в дальнем левом углу. Вервольфы расположились позади нас, взвод лейтенанта Хорошина — справа, а за ним Ржавый со своими ребятами.

Участок соседей из пятой дивизии перекрывал наш спереди. Оговорюсь сразу, понятия «впереди», «сзади», «правый фланг» и «левый» определяются по датчикам командирских скафандров. Фронта как такового у нас не было, а был просто участок выжженной земли, а боевые действия в настоящий момент шли только в нескольких сотнях миль от нас, сзади и правее по нашим ориентирам.

Где-то там, милях в двухстах, должен был стоять второй взвод роты «Джи» второго батальона третьего полка, больше известный как «Разгильдяи».

Так же они могли находиться за сорок световых лет отсюда. Реальная дислокация не всегда совпадает с планом; все, что мне было известно, так это то, что нечто под названием «второй батальон» стоит справа от парней с «Нормандии». Но это мог быть батальон из другой дивизии. Маршал воздушно-космических войск играет в шахматы, не советуясь с фигурками на доске.

Все равно мне не стоило думать о Разгильдяях, моя забота — Бандиты. Со взводом моим пока все было в порядке — насколько может быть на планете противника,— но дел мне хватало по горло. Мне было нужно:

1. Отыскать комвзвода, который удерживал мой район до меня.

2. Установить границы участка и дать о них знать командирам отделений и расчетов.

3. Установить контакт с командирами восьми взводов вокруг меня, пять из которых уже должны быть на позиции (из пятого и первого полка), а трое (Хорошин, Байонн и Сукарно) как раз на эти позиции выдвигаются.

4. Расставить своих ребят по местам — чем скорее, тем лучше.

Последний пункт следовало выполнить в первую очередь. Брамби с его отделением нужно послать на левый фланг, отделение Кунхи — растянуть перед ними до левого фланга, остальные четыре отделения воткнуть в дыры между ними.

Получалось стандартное каре, это мы отрабатывали на корабле по секундомеру.

— Кунха! Брамби! — позвал я по каналу для младшего комсостава.— Разворачивайтесь!

— Первое отделение — понял!

— Второе отделение — понял!

— Всем командирам — начинаем... и присматривайте за каждым рекрутом. Здесь где-то должны быть Часовые Господа, и я не желаю объясняться с Чангом, если кого-то из его ребят мы подстрелим по ошибке! — я перешел на частный канал.— Сарж, на левом фланге есть связь?

— Так точно, сэр. Они видят меня, видят вас.

— Хорошо. Не вижу сигнала углового маяка.

— Так его и нет.

— ...поэтому направляйте Кунху по своим приборам. Кто у нас командир разведчиков? Хьюз? Его тоже, и пусть он установит новый маяк.

Я удивился, что третий или пятый полк не заменили маяк — на моем левом переднем углу смыкались позиции трех полков!

Но от гадания пользы никакой, и я продолжил:

— Ваш пеленг — два-семь-пять, двенадцать миль.

— Обратный — девять-шесть, чуть меньше двенадцати миль, сэр.

— Достаточно близко. Своего предшественника я пока не нашел, продвинусь вперед на максимальной скорости. Присмотрите тут за нашим хозяйством.

— Это уж обязательно, мистер Рико.

Я помчался на предельной скорости, вызывая по офицерской связи:

— Черный квадрат-1, отвечайте! Черный квадрат-1, Часовые Чанга, слышите меня? Прием!

Мне очень хотелось потолковать с командиром взвода, который мы сменили, и отнюдь не для того, чтоб засвидетельство-

вать почтение. Для беседы я собирался воспользоваться весьма грубыми словами.

Мне не понравилось то, что я увидел.

Либо шишки сверху оптимистично полагали, будто мы бросили против небольшой недостроенной базы превосходящие силы, либо Бандитам достался самый паршивый район. Еще при высадке я заметил скафандры на земле — пустые, как я надеялся, а может, и с трупами внутри, но здесь их было — завались.

Кроме того, тактический радар показывал, что позиции занимал целый взвод — мой собственный, а вот продолжали удерживать позиции или отступали к точке эвакуации — жалкие горстки. Никакой системы в их продвижении не улавливалось.

Я отвечал за шестьсот восемьдесят квадратных миль вражеской территории и до зарезу желал выяснить все обстоятельства до того, как моя часть увязнет по уши. План операции базировался на новой тактической установке, которую я находил глупой: не заваливать жучиные норы. Блэки известил нас, сияя от счастья, но, по-моему, ему все это вовсе не нравилось.

Стратегия была проста и, полагаю, логична... если бы могли позволить себе потери. Дать жукам вылезти. Встретить и перебить на поверхности. И пусть лезут дальше. Не бомбить норы и не пускать в них газ. Спустя какое-то время — день, два дня, неделю,— если у нас действительно превосходящие силы, жуки вылезать перестанут. Плановики в штабе вычислили (не спрашивайте меня, как!), что противник потеряет от семидесяти до девяноста процентов своих воинов, прежде чем прекратит попытки выжить нас с планеты.

Вот тогда мы начнем зачистку, по пути вниз убивая оставшихся в живых воинов, и постараемся захватить живьем ценных пленников. Мы знали, как выглядят умники, мы видели их мертвецов (на фотографиях), еще мы знали, что бегать они не умеют. У них бесполезные ножки при здоровенных туловищах, которое в основном состоит из мозга и нервных систем. Королев пока не видел никто, но армейские биологи разработали примерный внешний вид — жуткий монстр ростом с лошадь и полностью неподвижный.

Кроме умников и маток могли быть еще другие высшие касты. В таком случае — уничтожить всех воинов, захватить всех, кто воином или рабочим не является.

Хороший, подробный план — на бумаге. А мне поручили район сорок миль на семнадцать, возможно, полный жучьих нор. Я хотел знать координаты каждой дыры.

А если их слишком много... что ж, я случайно завалю несколько, а за остальными мы будем наблюдать во все глаза. Рядовой в скафандре класса «мародер» может удерживать большой участок земли, но он не суперчеловек.

Я проскакал с десяток миль впереди моего расчета, продолжая вызывать комвзвода Часовых Господа, потом любого офицера Часовых и передавая сигнал моего маячка («тире-точка-тире-тире»).

Ответа не было...

И в конце концов мне ответил мой же начальник:

— Джонни, прекрати шуметь. Отвечай по моему каналу.

Так я и сделал, и Блэки сухо посоветовал мне не искать командира Часовых Господа в Черном квадрате-1; тут таких нет. Нет, кто-то из младших офицеров остался, но цепь командования нарушена.

В учебнике сказано, что кто-нибудь всегда заменяет погибшего. Но могли выбить слишком много звеньев цепочки. Полковник Нильссен рассказывал о чем-то подобном в далеком прошлом... месяц назад.

С капитаном Чангом шли в бой три офицера. Остался один, мой сокурсник Эйб Мойзе, и Блэки пытался выяснить у него ситуацию. Толку от Эйба было немного. Когда я присоединился к беседе, он принял меня за командира своего батальона и отдал мне рапорт с убийственной четкостью, вот только смысла в его словах не было.

Вмешался Блэки и приказал мне заняться делом.

— Забудь о плане. Ситуация сам видишь какая, так что погуляй пока и оглядись.

— Хорошо, босс!

И я рванул через свой район к его дальнему углу, где должен был стоять маяк, и в первом же прыжке вышел на связь с сержантом:

— Сарж, как там с маяком?

— А его тут некуда ставить, сэр. Тут свежая воронка размера этак шестого.

Я присвистнул. В кратере шестого размера может укрыться весь «Тур». Эта любимая шутка жуков: мы сверху, они под землей, мы садимся прямиком на мины. Ракетами и снарядами они вообще не пользовались, разве что в космосе. Сядешь неподалеку от такого сюрприза, *тебе уготовано землетрясение, а если ты* в воздухе, то догоняет взрывная волна, сводит с ума гироскопы, скафандр теряет управление.

Воронки больше четвертого размера я еще не видел. По теории жуки не пользуются мощными зарядами, чтобы не разрушить собственные пещеры, пусть и укрепленные.

— Поставьте маяк сбоку,— посоветовал я.— Оповестите командиров отделений и расчетов.

— Уже, сэр. Угол один-один-ноль, миля точка три. Тире-точка-точка. Да-ди-дит. Сможете его поймать оттуда, где находитесь, на частоте три-три-пять.

Голос у него был равнодушный, как у сержанта-инструктора на учениях, и я подумал, не срываюсь ли иногда на визг.

Сигнал я нашел на дисплее, расположенном слева,— один длинный, два коротких.

— Ладно. Я вижу, Кунха со своими почти на позиции. Разбейте то отделение, пусть прочешут воронку. И уравновесьте силы, пусть Брамби возьмет на четыре мили вглубь.

Я с тревогой подумал, что и так на каждого из моих придется четырнадцать квадратных миль; размажу дальше, выйдут все семнадцать. А жуку на то, чтобы вылезть, нужна дыра пять футов в поперечнике.

— Воронка «горячая»?

— Кромка янтарно-красная, сэр. Вниз еще не спускался.

— И не вздумайте. Я сам попозже проверю.

Незащищенному человеку на янтарно-красном уровне активности делать нечего, но десантник в скафандре может какое-то время продержаться. Но если такое излучение на краю, то на дне столько, что глаза выжжет напрочь. Даже в скафандре.

— Скажите Найди, пусть отведет Мэлана и Бьорка в «янтарную зону» и пусть они слушают грунт.

В первом отделении были двое из пяти моих новобранцев, а новобранцы — они как щенки, вечно суются, куда не надо.

— Скажите Найди, что мне нужно знать две вещи: есть ли движение в кратере... и шумы под поверхностью вокруг.

Это мы не можем послать солдат в «горячую» зону, где радиация их убьет. А жуки могут, если так они доберутся до нас.

— Пусть Найди обо всем доложит мне. То есть нам с вами.

— Слушаюсь, сэр,— саркастически хмыкнул сержант и добавил: — Могу я внести предложение?

— Конечно. И в следующий раз не спрашивайте разрешения, ладно?

— Наварре управится с оставшимся первым отделением. Сержант Кунха мог бы заняться воронкой и освободить Найди, пусть слушает грунт.

Я понял, о чем он думал. Найди недавно произведен в капралы, в бою ни разу отделением не командовал. Едва ли разумно ставить его в непосредственной близости от самой опасной точки Черного квадрата-1. Сержант хотел отвести Найди оттуда по той же причине, по которой я отвел новобранцев.

Интересно, знает ли сержант, о чем я думаю? В его скафандре (а он использовал тот же, в котором помогал Блэки командовать батальоном) был на один канал связи больше — с самим Блэкстоуном.

Капитан наверняка подключился и подслушивает наш разговор. Получается, сержант не согласился с тем, как я расположил солдат. Если я не приму его совета, в любой момент может раздаться голос Блэки: «Сержант, принимайте командование. Мистер Рико, вы свободны».

Но... капрал, который не хозяйничает в своем отделении, не капрал. А комвзвода, который подчиняется своему сержанту, как безмозглая марионетка,— пустой скафандр, не больше!

Думал я недолго. Мысль пришла в голову сразу:

— Я не могу послать капрала в качестве няньки для двух новобранцев. Как и оставлять сержанта командовать четырьмя рядовыми и капралом.

— Но...

— Отставить. Я хочу, чтобы караул у воронки сменялся каждый час. И пусть скорее проведут разведку нашего участка. Докладывать о каждой обнаруженной норе и ставить маячки, чтобы комвзвода со взводным сержантом могли проверить их, как только туда доберутся. Если нор немного, поставим пост у каждой. Потом решу.

— Есть, сэр.

— Сразу же после разведки организовать патруль, вдруг мы пропустили нору. Использовать инфравизоры. Брать пеленг каждого человека либо скафандра, тут могли остаться раненые Часовые Чанга. Не останавливаться для проверки без приказа. Сначала нужно узнать, как обстоят дела с жуками.

— Есть, сэр.

— Предложения?

— Только одно,— непередаваемым тоном сказал мой сержант.— Инфравизоры можно использовать и при первой разведке.

— Да верно, так и поступим.

Сержант предлагал дело; температура почвы была много ниже, чем та, которую у себя в туннелях поддерживают жуки, закамуфлированные вентиляционные отверстия на инфравизоре будут казаться гейзером. Я сверился с дисплеем.

— Кунха с ребятами почти на месте. Начинаем парад.

— Слушаюсь, сэр!

— Конец связи.

Я переключился на общий канал, следя за воронкой и одновременно прислушиваясь, как мой взводный раздает приказы. Одно отделение он послал к воронке, еще два отправил в контрмарш, пока еще два, согласно задаче, прочесывали местность, но уже на четыре мили вглубь от первоначального варианта. Одновременно сержант рассредоточил солдат и взялся за первое отделение, которое к тому времени добралось до кратера. И проинструктировал его, дав младшим офицерам из других отделений кучу времени, чтобы определить новый пеленг маяка.

Проделал он все это четко, как тамбурмажор на параде, гораздо быстрее, доходчивее и лаконичнее, чем я. Когда взвод растянут на много миль по местности, такие упражнения выполнить

гораздо сложнее, чем на плацу, но все должно выполняться с четкостью, иначе недолго отстрелить в бою голову своему же товарищу или в патруле дважды прочесать один район и забыть про второй.

А ведь у моего умельца не было полной радарной картинки, он видел только тех, кто был рядом с ним. Я слушал и наблюдал по своему дисплею, как мимо моего лица ползут светляки по точно выверенным линиям. Ползли — оттого, что даже сорок миль в час покажутся недостаточными, если всю информацию с окрестности в двадцать миль втиснуть в такой небольшой экранчик.

Я слушал всех одновременно, потому что хотел знать, о чем болтают солдаты.

А они по большей части молчали. Кунха и Брамби отдали приказы своим парням и заткнулись, капралы перекликались только при необходимости, патрульные время от времени уточняли маршрут и интервал, а рядовые молчали, словно набрали в рот воды.

Я слышал дыхание пятидесяти человек, напоминающее шум прибоя, иногда оно прерывалось короткими приказами. Блэки был прав; он вручил мне взвод, «настроенный, словно скрипка».

И они во *мне* не нуждались! Я мог отправиться домой, а мой взвод будет выполнять задачу по-прежнему хорошо.

Может, даже лучше...

Я не был уверен, что правильно поступил, отказавшись освободить Кунху от наблюдения; если там начнутся неприятности, а парни прохлопают и не появятся вовремя, оправдание, что «так написано в инструкции», мне не поможет. Если убивают тебя или кого-то другого, это уж раз и навсегда — по инструкции или нет.

Интересно, нет ли у Разгильдяев местечка для неудавшегося офицера?

В основном Черный квадрат-1 был плоский, как прерии вокруг лагеря Карри, и еще более голый. И на том спасибо, так мы раньше заметим противника. Мы и так растянулись с интервалом в четыре мили между патрулями. Плотность была недостаточна, каждая точка выпадала из поля зрения, по крайней мере

на три-четыре минуты, а за это время из очень маленькой норы может вылезти целая жучиная армия.

Радар, конечно, быстрее глаза, но не настолько точен.

Вдобавок мы не могли использовать ничего, кроме избирательного оружия ближнего действия; слишком много своих же ребят во всех направлениях. Если выскочит жук, а ты запустишь в него чем-нибудь сверхубойным, будь уверен, что где-нибудь поблизости болтается кто-то из десантников. Так что в дальнобойности и мощи мы были здорово ограничены. На этом задании только у офицеров и взводных сержантов имелись ракетометы, да и то никто не ждал, что мы ими воспользуемся. Когда ракета летит мимо цели, у нее появляется вредная привычка искать себе другую мишень... она не отличает врага от товарища, она глупая.

Я с радостью обменял бы такое вот патрулирование на обычный рейд в составе одного взвода, в котором тебе известно месторасположение своих солдат, а все остальное, кроме них,— вражеские цели.

Времени на жалобы я не тратил, а все скакал к воронке, на ходу следя за грунтом и пытаясь одновременно смотреть на картинку радара. Жучиных нор я не отыскал, зато перепрыгнул через сухой овраг, почти каньон, в котором могло скрываться несколько выходов на поверхность. Я не стал останавливаться, просто дал координаты своему сержанту и сказал, чтобы он отрядил кого-нибудь на проверку.

А воронка оказалась больше ожидаемого. «Тур» не просто там спрятался бы, он в ней сумел бы потеряться. Я достал радиометр, выставил его на каскад, проверил дно и склоны: от красного до ярко-красного по всей шкале, очень нездоровое окружение даже для человека в скафандре; я прикинул размеры кратера по дальномеру и принялся рыскать в поисках все тех же нор.

Ничего не нашел, зато наткнулся на караулы, выставленные первым и пятым полками. Мы поделили кратер на секторы, чтоб нести вахту сообща и в случае чего кликнуть друг друга на помощь. Обязанности диспетчера возложили на первого лейтенанта До Кампо из Охотников за головами, что стояли слева от нас. Затем я отозвал Найди с его людьми, включая новобранцев, и

послал их обратно ко взводу, чтобы доложили обстановку начальству и взводному сержанту.

— Капитан,— сообщил я Блэки,— вибраций почвы не наблюдаем. Я собираюсь спуститься и проверить норы. Показания счетчика говорят, что большой дозы я не получу, если...

— Юноша, держись подальше от кратера.

— Но, капитан, я только хотел...

— Заткни пасть. Ничего полезного ты там не найдешь. Держись от воронки подальше.

— Есть, сэр.

Следующие девять часов были заполнены невыносимой тоской. Мы готовились сорок часов (два оборота планеты П вокруг местного светила), усиленный сон, повышение содержания сахара в крови, гипноинструктаж, ну и, конечно, скафандры оборудованы всем необходимым, если кому приспичит. Вообще-то они не рассчитаны на такую долгую работу, вот поэтому каждый солдат нес дополнительные аккумуляторы и баллоны с дыхательной смесью для перезарядки. Но патруль без драки скучен, и очень легко навалять дурака.

Все, что я сумел придумать, так это отправить Кунху и Брамби поиграть в начальство (освободив и себя, и взводного сержанта для ознакомительной прогулки по местности). Потом приказал патрулям меняться маршрутами, чтобы солдаты осматривали новую для себя территорию. По одному и тому же участку можно пройти по-разному. Кроме того, я проконсультировался со взводным и объявил премию тому, что первым найдет подтвержденную нору, первым уничтожит жука, и так далее... Прием из учебного лагеря, но оставаться начеку — значит оставаться живым; все, что позволяло заглушить скуку, шло в ход.

В конце концов нам нанесли визит из спецподразделения — три военных инженера на грузовом аэрокаре изображали сопровождение для некоего таланта. Они называли его пространственным экстрасенсом. Блэки предупредил меня, что их надо ждать: «Охранять и предоставить все, что им понадобится».

— Так точно, сэр. А что им понадобится?

— А я почем знаю? Если майор Лэндри захочет, чтобы ты содрал с себя кожу и исполнил танец скелета, выполняй!

— Есть, сэр. Майор Лэндри...

Я передал приказ солдатам и подготовил телохранителей для гостей. Затем встретил их, потому что меня разбирало любопытство; я никогда не видал гения за работой. Спецы приземлились у нас на правом фланге и вылезли. На майоре Лэндри и двух его офицерах была броня, в руках огнеметы, у их самородка ни того ни другого, только кислородная маска. Гений был одет в солдатскую робу без знаков различия и выглядел так, будто весь свет ему до смерти надоел. Меня ему не представили. Он был похож на шестнадцатилетнего пацана... потом я подошел ближе и заметил сетку морщин вокруг усталых глаз.

Едва выйдя из машины, он снял кислородную маску. Я перепугался, поэтому осмелился заговорить с майором Лэндри без радио, прижав свой шлем к его.

— Майор, воздух тут «горячий». Кроме того, нас предупредили...

— *Сбавь обороты,— отрезал майор.— Он это знает.*

Я заткнулся. «Светило» отошло в сторонку, повернулось, потеребило нижнюю губу. Глаза парень закрыл и, казалось, потерялся в раздумьях.

Потом вдруг поднял веки и капризно сказал:

— Ну, и как мне работать, когда тут скачет табун идиотов?

— Приземлите ваших солдат,— буркнул майор.

Я сглотнул и собрался протестовать, затем включил общий канал:

— Первый взвод Бандитов — на землю и замереть!

Очко, а то и все десять лейтенанту Сильве. В ответ я услышал только эхо собственных слов, их передавали от отделения к отделению. Я сказал:

— *Майор, а по земле им ходить можно?*

— Нет. И заткнись.

«Светило» залезло обратно в машину и нацепило на нос маску. Для меня места не хватило, но мне разрешили (в общем-то приказали) зацепиться за торец и ехать на буксире. Мы отъехали

на несколько миль, экстрасенс опять снял маску и прогулялся по округе. На этот раз он даже ронял короткие фразы, обращаясь к одному из инженеров, а тот все кивал и записывал.

Эта спецкоманда совершила еще несколько подобных остановок, штук десять, и всякий раз повторялось одно и то же. Лично я смысла в их действиях не углядел. Затем ребята умчались порадовать собой пятый полк, а на прощание офицер, который записывал за гением, выдернул из блокнота лист и протянул мне.

— Это расположение подземных туннелей. Широкая красная линия — центральная магистраль. На входе она на тысячу футов ниже нас, но уровень повышается к вашему левому флангу примерно до минус четыреста пятьдесят футов. Синяя сетка — колония. Места, где до поверхности не больше сотни метров, я отметил. Поставьте там слухачей, чтобы мы знали.

Я вытаращил глаза:

— А карте можно верить-то?

Картограф испуганно оглянулся на свой драгоценный груз и прошипел сквозь зубы:

— Разумеется, идиот! Ты чего добиваешься, а? Хочешь вывести его из равновесия?

Они убыли, пока я изучал карту. Спецмашина превратила обычный набросок в стереоизображение, я был так ошеломлен, что сержанту пришлось напомнить мне, что пора бы скомандовать парням «отомри», затем я убрал пост от воронки, взял еще по два человека от отделения, выдал им данные с той адской картинки и велел прослушивать жучиный город и магистраль.

Я доложился Блэки; он недослушал:

— Майор Лэндри передал мне копию. Просто дай координаты постов.

Я так и сделал. Он сказал:

— Не плохо Джонни. Но не совсем то, что мне надо. Постов больше, чем нужно. Четыре выставь вдоль магистрали, еще четыре — ромбом вокруг города. У тебя осталось еще четыре. Размести один в треугольнике, образованном главными туннелем, твоим правым флангом. Еще два — по обе стороны магистрали.

— Есть, сэр,— я добавил: — Капитан, а полагаться на эту карту можно?

— А тебя что-то беспокоит?

— Ну... слишком уж похоже на магию. На черную магию.

— А-а... Слушай, сынок, я тут получил для тебя специальное сообщение от маршала. Он просит передать, что карта официальная, он обо всем позаботится, а тебе оставляет все свое время посвятит взводу. Усек?

— Ну.... да, капитан.

— Жуки копают быстро, так что особое внимание удели внешним постам. Докладывать о любом звуке громче жужжания мухи, вне зависимости от происхождения.

— Есть, сэр.

— Когда они копают, звук такой, будто жарят бекон — это если ты его еще не слышал. Патрули отменяются. Одного человека — на визуальное слежение за воронкой. Половина взвода — спать два часа.

— Есть, сэр.

— Инженеры могут нагрянуть еще разок. У меня здесь уточненный план. Саперы закупорят магистраль там, где она ближе к поверхности, либо на твоем левом фланге, либо уже у Охотников. Еще несколько инженеров отправляются замыкать боковые туннели в тридцати милях справа от тебя в расположении первого полка. Вставим пробки, отрежем их от города. Дальше посмотрим. Либо жуки прорвутся на поверхность, и мы затеем с ними драку, либо они затаятся, и нам придется лезть вниз.

— Ясно...

Ничего мне не было ясно, но свою часть я понял: переставить посты, половину солдат уложить спать. Затем ловить жуков, повезет — наверху, не повезет — внизу.

— Передай парням на фланге, пусть свяжутся с саперами, когда те прибудут на место. Понадобится помощь, окажете.

— С удовольствием,— добросовестно отозвался я.

Военные инженеры — хорошие ребята, почти такие же, как десант. С ними работаешь — одно удовольствие. Загнанные в угол они сражаются, может, не так умело, зато отважно. Или продолжают заниматься своим делом, даже головы не поднимут, чтобы выяснить, а не в них ли стреляют. У них есть неофициальный, очень циничный и очень древний девиз: «Сначала выроем, потом

нас уроют». Это в добавление к официальному: «Сделаем». Оба девиза — истина. В буквальном смысле.

— Вот и займись, сынок.

Двенадцать постов означают, что половину взвода я задействую, придав каждому караулу капрала или его помощника. Плюс три рядовых. Двое спят, двое слушают, потом наоборот.

Наварре и еще один погоняла могут наблюдать за воронкой и спать по очереди. А сержанты займутся взводом. Тоже по очереди. Передислокация заняла минут десять, не больше, как только я уточнил детали и передал координаты сержантам. И предупредил всех о саперах. Как только мне доложили, что посты расставлены, я включил общий канал.

— Нечетные номера! Лечь и приготовиться ко сну... один... два... три... четыре... пять... спать!

Скафандр — не кровать, но и он сойдет. Что хорошо в гипноподготовке к бою, что если выпадет невероятный шанс отдохнуть, солдата можно погрузить в сон, даже если не умеешь гипнотизировать. И разбудишь точно так же. Своего рода спасательный круг, потому что можно так измотаться в бою, что стреляешь по несуществующим целям, а настоящую не видишь.

Но сам я спать не собирался. Мне не приказывали, а я не спросил. Сама идея сна при мысли о тысячи жуках, копошащихся у меня под ногами, заставляла сжиматься желудок. Может, этот гений от экстрасенсорики непогрешим; наверное, жуки не могут выбраться на поверхность, не взбудоражив посты...

Может быть. Но я не хотел оставлять им и шанса.

Я перешел на свой личный канал:

— Сарж!

— Я, сэр.

— Можете тоже малость вздремнуть. Я покараулю. Ложитесь, приготовьтесь ко сну... один... два...

— Прошу прощения, сэр. Есть предложение.

— Да?

— Если я правильно понимаю уточненный план, то до возможных боевых действий еще четыре часа. Вы можете перехватить часок сейчас, а потом...

— Забудьте, сержант! Я спать не собираюсь. А собираюсь проверить посты и проследить за саперами.

— Ваше дело, сэр.

— Пока я здесь, проверю номер три. Вы останетесь с Брамби и отдохнете, покуда...

— *Джонни!!!*

Я прикусил губу.

— Да, капитан.

Подслушивал Старик, что ли?

— Посты расставил?

— Да, капитан, а нечетные номера уже спят. Сейчас я проверю посты, а потом...

— Сбрось на сержанта. Я хочу, чтоб ты отдохнул.

— Но, капитан...

— Лечь, это прямой приказ. Приготовься заснуть... один... два... три... *Джонни!*

— С вашего позволения, капитан, я сначала проверю посты, а потом отдохну, если вам так хочется. Но спать не буду. Я...

Блэки расхохотался мне прямо в ухо:

— Сынок, ты спал час десять минут!

— Сэр?

— На часы посмотри.

Я послушался и почувствовал себя дураком.

— Ну что, сынок, проснулся?

— Так точно, сэр. Думаю, да.

— Дело пошло. Буди нечетных, а четные пусть поспят. Повезет, час ребята ухватят. Потом оглядись по сторонам и доложи обстановку.

Я так и поступил. Обход я начал, не предупредив сержанта. Я был зол на них обоих, на ротного — за то, что усыпил меня помимо моей воли, на сержанта — потому что со мной никогда бы так не поступили, не будь я пешкой в его, настоящего командира взвода, руках.

Проверив посты номер один и три (ни единого звука), я поостыл. В конце концов, глупо поносить взводного сержанта за то, что вытворил капитан.

— Сарж...

— Здесь, мистер Рико.

— Не хотите поспать вместе с четными? Я подниму вас на пару минут раньше.

Мой громила-сержант замялся.

— Сэр, мне бы лучше проверить посты.

— А вы разве не уже?

— Нет, сэр, последний час я спал.

Он смутился вконец.

— Капитан потребовал. Он временно назначил командовать взводом Брамби и усыпил меня сразу после вас.

Я беспомощно рассмеялся.

— Знаете что, сарж? Пойдем отыщем себе местечко и выспимся. Мы здесь без надобности, этим взводом правит кэп Блэки.

— Я нахожу, сэр,— жестко отчеканил сержант без тени улыбки в голосе,— что капитан Блэкстоун всегда имеет вескую причину для любого своего поступка.

Я задумчиво кивнул, забыв, что собеседник находится в десяти милях от меня.

— Да, ты прав, причина у него всегда отыщется. Н-ну раз так, и он нам обоим спел колыбельную, может, сейчас мы ему нужны оба бодрые и в полной готовности.

— Думаю, так оно и есть.

— М-мм, а как по-вашему, зачем?

Ответил сержант не сразу.

— Мистер Рико,— негромко произнес он,— если бы капитан знал, он бы нам сказал. Не замечал за ним привычки скрывать информацию. Но иногда он поступает верно, хотя и не может объяснить, почему поступил именно так. У него есть дар предвидения, и я научился ему доверять.

— М-да? Командиры отделений — четные номера. Значит, все они сейчас спят.

— Так точно, сэр.

— Подтяните помощников командиров отделений. Будить пока никого не надо, но когда придется, счет пойдет на секунды.

— Слушаюсь, сэр.

Я проверил последний из передовых постов, затем прогулялся по тем четырем, что располагались вокруг деревни, подключая аудиосистему своего скафандра к каждому «слухачу». Приходилось напрягать слух, жуков можно услышать, когда они шуршат внизу, такое неприятное ощущение в животе. Мне хотелось сбежать оттуда, но именно этого я сейчас и не мог себе позволить.

Интересно, может, тот гений-экстрасенс просто человек с обостренным слухом?

Ну, неважно, как он это делает, главное, что жуки оказались именно там, где он указал. В офицерском училище нам прокручивали записи; все четыре поста ловили звуки, характерные для большого гнезда особо крупных размеров. Может, они так общаются? Хотя о чем им говорить, если ими телепатически управляют со стороны? Шуршание, словно кто-то ворошит сухие листья, механический вой на высокой ноте, наверное, вентиляция или кондиционеры.

Треска и шипения, с которыми они грызут камень, я не слышал.

Вдоль магистрали звуковой фон изменился, тут был рокот, время от времени переходящий в рев, словно мимо проносился тяжелый грузовик. Я прослушал пост номер пять, а потом у меня родилась идея. Я расставил парней вдоль магистрали и приказал сообщать мне, как только звук станет громче.

Потом обратился с докладом к капитану.

— Да, Джонни?

— Движение по туннелю все время идет в одну сторону, от меня к вам. Скорость — предположительно сто десять миль в час. Шум становится громче примерно раз в минуту.

— Похоже на правду,— согласился он.— По моим расчетам, скорость сто восемь миль в час, а интервал пятьдесят восемь секунд.

Я был раздавлен и сменил тему.

— Саперов еще не видно.

— И не будет видно. Они позади Охотников. Позабыл предупредить тебя, извини. Что-нибудь еще?

— Нет, сэр.

Мы дали отбой, и я сразу почувствовал себя лучше. Даже Блэки страдает склерозом... и моя идея была хорошая! Я ушел от зоны туннеля, чтобы проверить пост правее и сзади, номер двенадцать.

У них, как и у остальных, двое спали, один слушал, один сторожил.

— Есть что-нибудь? — спросил я у часового.

— Никак нет, сэр.

Тот, который слушал (один из моих новобранцев), поднял голову.

— Мистер Рико, похоже, что-то тут не так.

— Я проверю.

Он пододвинулся, давая мне место.

Бекон жарили так, что можно было учуять!

Я врубил все каналы разом.

— Первый взвод, подъем! Провести перекличку и доложить!

Теперь офицерские отдельные каналы.

— Капитан! Капитан Блэкстоун! Срочное донесение!

— Джонни, не части. Что там?

— «Жареный бекон», сэр,— я отчаянно пытался говорить медленнее и тише.— Пост двенадцать, Черный квадрат-1, Воскрешение-9.

— Воскрешение-9,— повторил Блэки.— Децибелы?

Я торопливо покосился на прибор.

— Не знаю, капитан, зашкаливает за максимум. Такое впечатление, будто прямо под ногами.

— Отлично! — обрадовался Старик, а я удивился, чему же тут радоваться.— Лучшая новость за сегодняшний день! А теперь слушай меня, сынок. Поднимай своих парней...

— Уже поднял, сэр!

— Молодец. Перебрось к посту двенадцать еще двух слухачей, постарайся выяснить, где жуки пойдут на поверхность. И держись оттуда подальше! Понял меня?

— Я все слышал, сэр,— сказал я.— Но ничего не понял.

Капитан горестно вздохнул.

— Джонни, я по твоей милости поседею раньше времени. Слушай сынок, нам нужно, чтобы они вышли на поверхность, чем больше, тем лучше. У тебя огневой мощи не хватит, ты толь-

ко завалишь туннели, а вот этого-то и не надо! Если все они ринутся наверх, с ними и полк не справится. На этот случай генерал припас на орбите бригаду тяжелой артиллерии. Он только и ждет удобного случая. Так что обозначь зону, отходи и продолжай наблюдение. Если тебе повезет, и главный прорыв случится в твоей зоне, данные от тебя пойдут на самый верх. Так что удачи и останься в живых! Ясно?

— Да, сэр. Отметить зону. Отойти и избегать контакта. Наблюдать и докладывать.

— Давай!

Я перебросил посты девять и десять с середины туннеля в зону Воскрешение-9 с приказом каждые полмили слушать «бекон». Двенадцатый пост я отправил к нам в тыл, чтобы определить, где шум сходит на нет.

Тем временем взводный сержант перегруппировал взвод в компактную шеренгу и отвел его на участок между жучиной деревней и воронкой. Нам обоим не нравилась мысль о развернутом по всему фронту подразделении и приказе не атаковать. На левом фланге, почти у самого поселения стоял Брамби со своими ребятами. Интервалы между солдатами сократились до трехсот ярдов; для десанта это, считай, все равно что плечом к плечу. Только три «слухача», которые работали со мной, были далековато для оказания им помощи.

Я связался с Вервольфами и Охотниками за головами и сообщил Байонну и До Кампо, что прекращаю патрулирование, объяснил, почему, а потом доложил о перегруппировке Блэкстоуну.

Блэки буркнул:

— Развлекайся. Уже определил, где будет прорыв?

— Все сходится на Воскрешение-10, капитан, трудно сказать точнее. Шумы на три мили вокруг очень громкие. И радиус расширяется. Я пытаюсь очертить круг по силе звука, пока не удалось. Могут жуки рыть новый туннель прямо под поверхностью?

Кажется, капитан удивился.

— Возможно. Надеюсь, что это не так. Нам нужно, чтоб они вылезли наружу. Наблюдай, и если центр начнет смещаться,— добавил он,— сразу сообщай мне.

— Есть, сэр. Капитан...

— Что еще?

— Вы приказали не атаковать, когда противник прорвется. Если прорвется. А что же нам тогда делать? Просто наблюдать?

Пауза затянулась секунд на пятнадцать-двадцать; вероятно капитан консультировался с «верхами». Наконец он сказал:

— Мистер Рико, вы не должны атаковать в точке Воскрешение-10 и в непосредственной близости от нее. Во всех остальных местах жуков следует уничтожать.

— Есть, сэр,— с радостью согласился я.— Поохотимся.

— Джонни! — резко добавил капитан,— будешь вместо жуков охотиться за медалями, я тебе в форму тридцать один такое понапишу, не обрадуешься!

Я был паинькой.

— Капитан, не надо мне медалей. Я имел в виду охоту на жуков.

— Вот-вот. А теперь не мешай.

Я разъяснил своему сержанту новые инструкции, приказал передать их дальше и убедиться, что все дозаправили скафандры.

— Только что закончили, сэр. Думаю, тех троих, что с вами, надо заменить.

Он перечислил фамилии. Это было резонно: «слухачам» тоже требовалось время на дозаправку. Но сержант назвал фамилии разведчиков.

Я отругал себя за тупость. Скафандры разведчиков развивают такую же скорость, как и командирские, вдвое быстрее рядовых. Меня не покидало ощущение, что я что-то упустил и все списал на жуков по соседству и мою нервозность.

Потом до меня дошло. Я в десяти милях от взвода, с тремя бойцами, и у всех троих, кроме меня, обычный скафандр. Я-то смыться успею, а они? Интересное меня ждало бы решение.

— Хорошо, но трое мне больше не нужны. Пошли Хьюза, он сменит Нюберга. А разведчики пусть сменят парней на авангарде.

— Только Хьюза? — усомнился сержант.

— Вполне достаточно. За вторым «слухачом» я сам присмотрю. Вдвоем мы справимся, уже ясно, где жуки. Скажи Хьюзу, пусть идет, и живо!

Еще тридцать семь минут ничего не происходило. Мы с Хьюзом шлялись взад-вперед вокруг Воскрешения-10, каждые пять секунд прослушивая грунт. Надобности прижимать к скале микрофоны больше не было, хватало легкого прикосновения, чтобы ясно и отчетливо услышать, как «жарят бекон». Зона шума расширялась, но центр оставался на месте. Один раз я вызвал капитана Блэкстоуна и доложил, что звук внезапно прекратился, еще через три минуты — о том, что шум возобновился. Командовать взводом и проверять остальные посты я предоставил сержанту, а сам работал на волне разведчиков.

К концу этого времени события помчались вскачь.

На частоте разведки раздалось:

— «Жареный бекон»! Альберт-два!

Я тут же переключил радио и доложил:

— Капитан! «Жареный бекон» на Альберт-2 Черный-1! — и переключил канал на общую связь.— Всем-всем-всем! «Жареный бекон» на Альберт-2 Черный квадрат-1!

И тут же услышал рапорт До Кампо:

— Бекон жарят на Адольф-3 Зеленый-12.

Я пересказал эту новость Блэки, опять подключился к разведчикам и услышал:

— Жуки! Жуки! На помощь!!!

— Где?

Ответа не последовало.

Я опять переключил канал.

— Сарж! Кто доложил о жуках?

— Прут наверх прямо над городом,— торопливо доложил мой взводный.— Бангкок-6.

— Бей их! — я вызвал Блэки.— Жуки на Бангкок-6 Черный-1, я атакую!

— Я слышал твой приказ,— хладнокровно отозвался капитан.— А что на Воскрешении-10?

— Воскрешение-10...

Почва подо мной просела, и я сверзился прямо на головы жуков.

Я не знаю, что со мной произошло. Я не был ранен; я словно упал в крону дерева, только ветви были живые и толкались, пока гироскопы скафандра с жалобами восстанавливали мое равновесие. Пролетел я футов десять-пятнадцать, достаточно глубоко, чтобы дневной свет сюда не попадал.

Затем на волне живых монстров выехал обратно на свет, и тренировки взяли свое. Приземлился я на ноги со словами:

— Прорыв на Воскрешение-10... нет, Воскрешение-11, там, где я нахожусь. Большая дыра, и они лезут сквозь нее сотнями. Даже больше.

Я взял в каждую руку по огнемету и принялся выжигать толпу.

— Джонни, вали оттуда на х...

— Иду!

И собрался прыгать.

И остановился. Отложил на время прыжок, перестал палить из огнеметов и действительно осмотрелся, потому что сообразил, что жив, а не должен бы.

— Поправка,— сказал я, не веря собственным глазам.— Прорыв на Воскрешение-11 ложный. Воинов нет.

— Повтори.

— Воскрешение-11 Черный-1. В прорыв идут одни рабочие. Они вокруг меня и продолжают прибывать, но никто из них не вооружен, а те, что рядом со мной, типичные рабочие. Меня не атакуют,— я добавил: — Капитан, думаете, это просто диверсия? А настоящий прорыв в другом месте?

— Возможно,— согласился Блэки.— Твой рапорт идет напрямую в дивизионный штаб, пусть там разбираются. Оглядись, перепроверь сведения. Не бери на веру, что все они рабочие — может и боком выйти.

— Слушаюсь, капитан.

Я прыгнул по высокой длинной дуге, чтобы выбраться из толпы безвредных, но мерзких тварей.

Куда ни глянь, везде каменистая равнина покрыта черными панцирями. Я подправил прыжок.

— Хьюз! Доложи!

— Жуки, мистер Рико! Чертова уйма! Выжигаю их.

— Хьюз, приглядись к противнику. Тебе дают сдачи? Они все рабочие?

— Ух ты...

Я приземлился и прыгнул опять.

— Эй! Сэр, а вы правы! Откуда вы знаете?

— Дуй к своему расчету, Хьюз,— я переключил канал.— Капитан, тут уже несколько тысяч жуков, лезут из нор, количество нор не установлено. Меня никто не атакует. Повторяю, меня никто не атакует. Если среди них есть воины, то они не стреляют и используют рабочих для маскировки.

Блэкстоун не ответил.

Ослепительно полыхнуло слева от меня, вторая вспышка такая же, но дальше и справа. Автоматически я засек время и пеленг.

— Капитан Блэкстоун, ответьте!

В верхней точке прыжка я попытался нащупать его маячок, но горизонт был закрыт низкими холмами в Черном квадрате-2.

— Сард! Можно через тебя связаться с капитаном?

В то же мгновение сигнал моего взводного на радаре мигнул и погас.

Я помчался в том направлении с максимальной скоростью, какую только сумел выжать из скафандра. За дисплеем я не наблюдал. Взводом управлял сержант, а я был занят, сначала прослушивал грунт, потом барахтался по горло в жуках. Я пригасил всех, кроме младших офицеров, чтобы лучше видеть.

Я изучил оставшийся костяк, отыскал Брамби и Кунху, командиров их отделений и их помощников.

— Кунха! Где наш взводный?

— Полез в нору на разведку, сэр.

— Скажи ему, что я скоро буду здесь,— не дожидаясь ответа, я поменял каналы.— Первый взвод Бандитов вызывает второй, прием!

— Чего орешь? — хмуро полюбопытствовал лейтенант Хорошин.

— Не могу связаться с капитаном!

— И не сможешь. Он в отключке.

— Погиб?

— Не-а. Скафандр энергию потерял. Вот он и отрубился.

— А-а... Значит, вы командуете ротой?

— И что с того? Помощь нужна?

— Э-э... нет. Нет, сэр.

— Тогда закрой хлебало, пока действительно не понадобилась,— посоветовал мне Хорошин. У нас тут дел — выше крыши.

— Ладно...

Я вдруг почувствовал, что и у меня крыша скоро сдвинется с места, столько под ней всего творится. Беседуя с Хорошиным, я вновь переключил радар на полную картинку, на ближний радиус, чтобы видеть практически весь свой взвод. И увидел. Первое отделение исчезало солдат за солдатом, первым погас маячок Брамби.

— Кунха! Что с первым отделением?

Голос у него был напряженный.

— Пошли вниз за взводным сержантом.

Если и существовала в природе инструкция, предусматривающая подобный случай, то я ее не читал. И даже не видел. Или Брамби действовал без приказа? Или он получил приказ, который я пропустил мимо ушей? Слушайте, парень уже сидит в жучей норе, его не видно и не слышно... что, самое время разбираться с законами? Завтра поищем инструкции. Если хоть один из нас доживет до этого завтра...

— Ладно,— сказал я.— Я вернулся. Докладывай.

Мой последний прыжок перенес меня к ним; справа я увидел жука и справился с ним до приземления. Этот рабочим не был, он стрелял.

— Я потерял троих,— тяжело дыша сообщил Кунха.— Скольких Брамби, не знаю. Они прорвались в трех местах сразу, убили моих ребят. Но мы им выдали...

Я уже прыгал, когда меня накрыло мощной взрывной волной и отшвырнуло в сторону. Три минуты тридцать семь секунд... значит, несло меня миль тридцать. Это что же, наши саперы так теперь туннели затыкают?

— Первое отделение! Осторожно, может быть вторая волна!

Я неуклюже приземлился на троицу жуков. Впрочем, может, их было четверо. Они не были дохлые, но и не сражались, только судорожно дергались. Я подарил им гранату и прыгнул опять.

— Бей их, пока не очухались! И берегитесь следу...

Второй взрыв оборвал меня на полуслове, он был слабее первого.

— Кунха! Проверь свое отделение. Чтоб все были начеку. И зачищайте местность.

Перекличка затянулась, слишком много пустых номеров, я это видел по дисплею физического состояния солдат. Но зачистка шла быстро и уверенно. Я продвигался по границе нашего участка и уделал полдюжины жуков. Правда, последний ожил, как только я собрался поджарить его. Почему же взрывная волна их вгоняет в шок, а нас не очень? Потому что на них нет брони? Или оглушило управляющего ими умника там, внизу?

Перекличка показала, что у нас осталось девятнадцать действующих солдат, два погибли, двое ранены, трое выбыли из игры из-за отказа скафандров. Два из них уже чинил Наварре, обобрав раненых и убитых. У третьего вышли из строя радио и радар, и это уже не починить, поэтому Наварре поручил этому парню охранять раненых. Больше мы для них пока ничего не могли сделать.

Я тем временем вместе с Кунхой проверил три норы, через которые произошел прорыв. Сравнение с картой от гения подтвердило, что жуки прокопали ходы из трех ближайших к поверхности точек.

Одну дыру завалили, теперь она была кучей камней. Возле второй активности не наблюдалось; я приказал Кунхе отрядить туда капрала с рядовым и распоряжением перебить жуков и кинуть в нору бомбу, если противник решит лезть оттуда наверх. Хорошо маршалу сидеть у себя в небесах и решать, что не стоит заваливать норы, а у меня тут не теория, а голая практика.

Затем я исследовал третью нору, ту, которая проглотила и моего взводного сержанта, и половину взвода.

Здесь коридор подходил к поверхности не больше чем на двадцать футов, так что жукам оставалось только взломать потолок. Куда подевались камни и откуда взялся звук «жарящегося бекона»,

не могу сказать. Каменная крыша отсутствовала, края норы были пологи и чем-то изборождены. Судя по карте, две первые дыры вели к ответвлениям коридоров, эта же — в основной лабиринт. Значит, те две — отвлекающий маневр, а главная атака случилась именно здесь.

Умеют ли жуки видеть сквозь камень?

В пределах видимости нора была пуста, ни жуков, ни людей. Кунха показал, в какую сторону ушло второе отделение. С тех пор как взводному вздумалось прогуляться внизу, прошло семь минут сорок секунд, а Брамби последовал за сержантом минут через семь. Я посмотрел в темноту и сглотнул, чтобы унять тошноту.

— Сержант Кунха, принимайте командование,— сказал я, стараясь говорить бодро.— Понадобится помощь, вызывайте Хорошина.

— Приказы, сэр?

— Никаких. Если только сверху не спустят. Я иду вниз и найду второе отделение, так что какое-то время со мной будет сложно связаться.

Затем я прыгнул в нору, потому что нервы собирались сдать. За спиной я услышал:

— Полувзвод!

— Первое отделение!.. Второе отделение!.. Третье...

— По отделениям! За мной! — и Кунха тоже прыгнул в нору.

Что ж, по крайней мере, будет не так одиноко.

Я приказал Кунхе оставить двоих у входа, прикрывать тылы, одного в коридоре, второго — наверху. Затем как можно быстрее повел ребят по туннелю, по которому ушло первое отделение. Очень быстро не получалось из-за низкого потолка. В скафандре можно скользить, как на коньках, не отрывая ног от пола, с непривычки и это нелегко. Без доспехов мы двигались бы куда проворнее.

Сразу же понадобились инфравизоры, а между делом мы проверили одну теорию. Жуки действительно видят в инфракрасном спектре. Ничего примечательного в туннеле не было, голый камень, гладкий, ровный пол.

На первом перекрестке мы ненадолго задержались. В общем существовала установка, как передвигаться под землей, но вот насколько она применима к реальности? Одно было ясно наверняка: тот, кто эти доктрины писал, ни разу не опробовал их на собственной шкуре... потому что до сегодняшней операции никто не возвращался и не рассказывал, что работает, а что нет.

Одна установка предписывала охранять каждый перекресток. Но двоих я уже поставил прикрывать вход, если на каждом углу я буду оставлять по десять процентов от отряда, то на те же десять процентов буду сокращать продолжительность жизни.

Я решил идти всем вместе... а еще решил, что никого из нас в плен не возьмут. Только не жуки. Лучше уж быстро и чисто сдохнуть... и это решение сняло тяжесть с моей души. Я перестал дергаться.

Я осторожно заглянул за угол, посмотрел налево, направо. Жуков не было. Поэтому я рискнул включить канал связи с младшим комсоставом.

— Брамби!

Результат вышел ошеломительный. Используя рацию скафандра, свой голос не слышишь, его заглушает все тот же доспех. Но здесь, в гладких подземных коридорах, меня чуть не сбило с ног моим же выходным сигналом, словно все подземелье было единым огромным волноводом.

— БРРРРАМБИИИИ!

У меня зазвенело в ушах.

И зазвенело вторично:

— МИСТЕРРР РРРИКОООО!

— Тише,— сказал я, сам пытаясь говорить одними губами.— Ты где?

Брамби тоже понизил громкость:

— Не знаю, сэр. Мы заплутали.

— Расслабься, мы идем к вам. Вы должны быть где-то близко. Взводный сержант с вами?

— Никак нет, сэр. Мы его не...

— Подожди,— я переключился на частный канал.— Сарж...

— Слушаю вас, сэр.

Вот у кого голос был тих и спокоен.

— Мы с Брамби в радиоконтакте,— доложил сержант.— Только встретиться никак не можем.

— Где вы?

Он помедлил с ответом.

— Сэр, я бы вам посоветовал отыскать Брамби с ребятами... и возвращайтесь наверх.

— Отвечайте на вопрос.

— Мистер Рико, вы неделю положите на поиски и не найдете меня... а я не могу сойти с места. Вы должны...

— Отставить! Вы ранены?

— Никак нет, сэр, но...

— Тогда почему двигаться не можете? Жуки одолели?

— До чесотки. Пока они меня достать не могут... но и мне не выйти. Так что, по-моему, вам лучше...

— Сержант, мы напрасно тратим время! Я на сто процентов уверен, что вам отлично известно, где вы находитесь. И вы мне это сейчас скажете, пока я карту ищу. А заодно дадите мне свой пеленг и сигнал маячка. И это непосредственный и прямой приказ. Так что давай, Чарли, говори.

Он так и поступил, коротко и ясно, как всегда. Я включил фонарь в шлеме, поднял инфравизоры и изучил карту.

— Ясно,— сказал я после этого.— Вы прямо под нами двумя уровнями ниже, и я знаю, как туда пройти. Мы будем у вас, как только подберем первое отделение. Держитесь там,— я сменил частоту.— Брамби...

— Здесь, сэр.

— Когда вы дошли до первого перекрестка, то куда повернули?

— Прямо пошли, сэр.

— О'кей. Кунха, идем. Брамби, как там жуки?

— Никак, сэр. Но потерялись мы по их милости. Напоролись на целую толпу... а когда все закончилось, оказалось, что заблудились.

Я начал было расспрашивать о потерях, потом решил, что новости подождут, в первую очередь мне нужно было собрать взвод и выбраться отсюда. Жучиный город без жуков — зрелище, действующее на нервы серьезнее, чем жуки, которых мы рассчитывали здесь встретить. Брамби проводил нас до следующего перекрестка, а я

бросал бомбы-липучки в коридоры которые мы не использовали. В липучках содержался новый нервный газ, надышавшись которым жуки сбиваются с шага. Нам их выдали перед высадкой, а я бы обменял тонну этого дерьма на несколько фунтов реального. Ну, фланги они во всяком случае нам защищали.

Потом я потерял контакт с Брамби, пошли какие-то странные помехи, радиоволны отражались, перемешивались, но на следующем отрезке я отыскал его.

Но теперь он уже не мог сказать мне, куда следует сворачивать. Либо здесь, либо где-то неподалеку на них кинулись жуки.

А потом они кинулись на нас.

Понятия не имею, откуда они взялись.

Мгновение полной тишины и вдруг крик:

— Жуки! Жуки!

Кричали сзади, я повернулся, а жуки уже повсюду. Я заподозрил, что гладкие стены не такие уж толстые, как казались; иначе не понимаю, как еще жуки могли окружить нас и оказаться внутри колонны.

Огнеметами мы пользоваться не могли, бомбами тоже; скорее всего мы бы перебили друг друга. А вот жуки не стеснялись стрелять по своим, если при этом они попадали по нам. Зато у нас были руки и ноги...

Дольше минуты драка не длилась, а потом жуков не осталось, ни одного, только разломанные на куски панцири, оторванные конечности и четыре десантника.

Одним из погибших был сержант Брамби. Первое отделение воссоединилось, услышало шум боя, отследили нас по звуку, раз уж не могли по пеленгу.

Мы с Кунхой убедились, что наши парни действительно мертвы, собрали из двух отделений одно, отправились дальше — и отыскали жуков, которые осадили нашего взводного сержанта.

На этот раз драки вообще не получилось, потому что сержант предупредил, чего ждать.

Он ухитрился взять в плен жука-умника и пользовался его тушей, точно щитом. Выбраться наверх сержант не мог, а жуки не могла напасть на него, не совершив при этом коллективного самоубийства. Я не шучу, они же стреляли бы по собственным мозгам.

У нас таких проблем не было, мы ударили по противнику с тыла.

Я рассматривал чудовище, захваченное нашим бравым сержантом, и, несмотря на потери, мне было весело, когда я вновь услышал, как «жарят бекон». Мне на голову свалился увесистый кусок перекрытия, и насколько я знаю, на том мое участие в операции закончилось.

Очнулся я в кровати и решил, что нахожусь в офицерской учебке и только что видел во сне исключительно затяжной и запутанный кошмар с большим количеством жуков. Но я был не в школе, а во временном госпитале транспорта «Аргон» и действительно командовал взводом почти самостоятельно целых двенадцать часов.

Но сейчас я был самым обычным пациентом, наглотавшимся окиси азота, получившем лишнюю дозу радиации, потому что на корабль меня подняли только через час, плюс сломанные ребра и удар по голове, который собственно и вывел меня из строя.

Еще нескоро я разузнал детали операции «Королевский выкуп», а некоторые не узнал никогда. Например, почему Брамби потащил за собой под землю столько народа? Брамби погиб, а Найди купил себе местечко на небесах по соседству с ним, и я мог только радоваться, что ребята получили свои лычки и носили их весь тот день на планете П, когда ничего не шло согласно предварительному плану.

Зато со временем я выяснил, почему мой взводный сержант решил лезть в тот жучиный город. Он услышал, как я докладывал капитану Блэкстоуну о «главном прорыве», о том, что это все лажа, что рабочих послали на убой. А когда у него из-под ног полезли настоящие воины, сержант пришел к выводу (и оказался прав, и опередил штаб на несколько минут), что жуки делают отчаянный ход, иначе не стали бы подставлять своих рабочих под огонь просто так.

Сержант понял, что атака из города идет довольно слабая, постановил, что у противника недостаточно сил, и в момент озарения ему пришло в голову, что один человек легко может предпринять небольшой рейд вниз, отыскать «королевский» груз и захватить его, Помните, ведь именно за этим мы и явились на планету П, хотя нам хватало мощи попросту ее стерилизовать. Вот он и последовал собственному решению — и преуспел.

Таким образом, первый взвод Бандитов «боевую задачу выполнил». Не многие подразделения из многих-многих сотен могли похвастаться тем же. Королев захватить не удалось, жуки убили их в первую очередь. В плен попали только часть умников. Их не стали обменивать, они долго не потянули. Но армейские психологи получили то, что хотели, так что, по-моему, операция закончилась успешно.

Мой взводный сержант получил повышение. Мне не предлагали, да я бы и не согласился, но я не удивился, когда услышал, что он стал офицером. Кэп Блэки сказал мне как-то, что я получил «лучшего сержанта во всем флоте», и я никогда не оспаривал мнение капитана. Мы со взводным встречались раньше. Не думал, что остальным Бандитам это было известно; я им не говорил, а уж сержант — и подавно. Сомневаюсь, что сам Блэки был в курсе. Но я знал своего сержанта с первого дня в учебном лагере.

Его зовут Зим.

Я не считал свое участие в операции удачным. Я пробыл на «Аргоне» больше месяца, сначала в качестве пациента, затем — случайного попутчика, пока меня и еще нескольких парней не вывезли на Санктуарий. У меня было время подумать — в основном о потерях и о той суете, которую я устроил на планете, командуя взводом. Я знал, что не все делал так, как положено лейтенанту... да что там, я даже ухитрился получить ранение! Позволил каменной глыбе свалиться мне на голову.

А потери... не знаю, сколько их было; знаю только, что из шести отделений осталось четыре. Не знаю, сколько полегло, прежде чем нас эвакуировали.

Я даже не знал, остался ли в живых капитан Блэкстоун (остался, собственно, пока я возился под землей, он уже опять командовал ротой), и понятия не имел, что случается с кадетом, который жив, в то время как его экзаменатор погиб. Но чувствовал, что со своей формой номер тридцать один могу рассчитывать, по крайней мере, на сержантские шевроны. Какая разница, учебники по математике все равно остались на другом корабле.

Тем не менее, поднявшись с койки и один день проваляв дурака, я выклянчил учебники у одного из младших офицеров и

принялся за учебу. Математика — штука нелегкая и занимает мозги, да и не повредит ее выучить, даже если не быть мне офицером. Все более-менее важное основано на математике.

Вернувшись в училище и сдав звездочки, я выяснил, что все еще кадет, а не сержант. Наверное, Блэки оправдал меня за недостаточностью улик.

Ангел, мой сосед по комнате, сидел за столом, задрав на него ноги. А рядом с его ботинками лежал мой пакет с учебниками. Ангел поднял голову и удивился:

— Привет, Хуан! А мы думали, что ты получил искупление грехов!

— Я? Жуки не настолько меня любят. А ты когда улетаешь?

— Только что прилетел,— запротестовал Ангел.— Меня отправили на день позже. Сделал три выброски за неделю и вернулся. А тебя где носило?

— Долгое возвращение домой. Месяц пробыл пассажиром.

— Везет же людям. Сколько выбросок?

— Ни одной,— признался я.

У него глаза полезли на лоб.

— Некоторым везет просто до неприличия!

Наверное, Ангел прав; со временем я окончил офицерскую школу. Но и сам Ангел добавил немного к моей удаче своим терпением и наставлениями по математике. Наверное, мне вообще везет на людей. На Ангела и на Джелли, на лейтенанта и Карла, на подполковника Дюбуа, да и с отцом мне повезло. А еще Блэки... и Брамби... и Ас. И — всегда и навечно сержант Зим. То есть уже бревет-капитан Зим с постоянным званием первого лейтенанта. Я просто не имел никакого права быть старше его по званию.

На следующий день после получения патентов мы с сокурсником Бенни Монтесом дожидались на космодроме своих кораблей. Нас только вчера произвели во вторые лейтенанты, и мы нервничали, когда нам отдавали честь. Чтобы скрыть смущение, я стал читать список кораблей на орбите вокруг Санктуария; список был такой длинный, что становилось ясно: грядут крупные перемены, даже если никто не позаботился сообщить мне об этом. Я чувствовал возбуждение. Одним махом сбылись два моих

заветнейших желания, я получил назначение в свою часть. Пока там еще служил мой отец. Пусть ради этого лично лейтенант Джелал будет полировать мне череп.

Меня так распирало от эмоций, что я говорить не мог толком, вот и изучал список. Сколько же тут кораблей! Их расположили по типам, иначе не получалось. Особое внимание я уделил десантным транспортникам. Чему же еще?

Тут стоял «Маннергейм»! Есть ли шанс увидеться с Кармен? Скорее всего, нет, но можно послать привет и выяснить.

Большие корабли — новая «Вэлли Фордж» и новый «Ипр», «Марафон», «Эль Аламейн», «Иводзима», «Галлиполли», «Лейте», «Марна», «Тур», «Геттисберг», «Гастингс», «Аламо», «Ватерлоо»*... Все эти места, названия которых пехота сделала бессмертными.

В честь таких же «пончиков», как мы, были названы корабли поменьше: «Гораций», «Алвин Йорк», «Болотная лиса», и «Родж» тут был тоже, благослови его Господь, а еще «Полковник Буи», «Деверо», «Верцингеторикс», «Сандино», «Обри Казенс», «Камехамеха», «Оди Мерфи», «КсенофонТ», «Агинальдо»*...

Я сказал:

— Один следовало назвать «Магсайсай»*.

— Как?

— Рамон Магсайсай,— пояснил я.— Великий человек, великий воин. Живи он сегодня, стал бы начальником у наших психологов. Ты что, историю не учил?

— Ну почему ж? — ответил Бенни.— Я узнал, что Симон Боливар построил пирамиды, потопил Армаду и первым слетал на луну.

— Ты пропустил свадьбу с Клеопатрой.

— Ну да. Верно. Наверное, в каждой стране историю пишут по-своему.

— Уверен в том.

Я пробормотал еще одну фразу, и Бенни спросил:

— Ты что сказал?

— Извини, Бернардо. Это поговорка. Переводится примерно так: «Дом там, где твое сердце».

— Что это за язык такой?

— Тагалог. Мой родной язык.

— А что, там, откуда ты родом, на стандартном английском не говорят?

— Говорят, конечно. В школах, на работе, везде. Но дома мы говорили немного по-старому. Традиции, понимаешь.

— Да, понимаю. Мои предки все время болтают по-испански. Но где ты...

Динамик заиграл «Полюшко-поле»; Бенни широко ухмыльнулся.

— У меня свидание с кораблем! Береги себя, приятель! Еще увидимся.

— О жуках не забывай.

Я повернулся к списку и стал читать. «Пал Малетер», «Монтгомери», «Чака», «Джеронимо»*...

И тут раздалась самая сладкая музыка в мире:

— *...сияет в веках, сияет в веках имя Роджера Янга!*

Я схватил вещмешок и побежал со всех ног. «Дом там, где твое сердце». Я возвращался домой.

14

Разве я сторож брату своему?

Бытие 4:9

Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся?

Матфей 18:12

Сколько же лучше человек овцы!

Матфей 12:12

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного... кто спасает жизнь одного, спасает жизнь всех живущих.

Коран, Сура 5, 32

С каждым годом мы приближались к победе. Нужно ведь соблюдать меру!

— Пора, сэр.

В дверях стоял мой заместитель-стажер, кадет, он же «третий лейтенант» Медвежья Лапа. С виду и в общении он был совсем юн и безвреден, как любой из его предков, которые охотились за скальпами.

— Верно, Джимми.

Я был уже в скафандре. Мы направились в бросковую. По дороге я сказал ему:

— Вот что, Джимми, держись возле меня и делай все, что скажу. Получай удовольствие и помни: боезапас для того, чтобы им пользоваться. Если по случаю я искуплю грехи, начальником станешь ты. Но если у тебя есть мозги, ты во всем доверишься взводному сержанту.

— Есть, сэр.

Мы вошли, взводный сержант скомандовал: «смирно!» и отсалютовал. Я ответил на приветствие, сказал: «вольно» и начал смотр первого полувзвода, а Джимми занялся вторым. Потом я и второй проинспектировал, все на всех проверил. Мой взводный сержант — парень дошлый, поэтому ничего я не нашел. Я никогда ничего не нахожу. Но ребятам легче дышится, когда их Старик все дотошно проверит. Кроме того, это моя работа.

Потом я вышел на середину.

— Еще одна ловля жуков, парни. Как вы знаете, она будет отличаться от прежних. На Клендату мы не можем использовать бомбы, так как там держат в заложниках наших ребят. На этот раз мы идем вниз, закрепляемся на планете и отбираем ее у жуков. Катера за нами не придут. Они привезут нам дополнительные боезапас и рационы. Попадете в плен, выше головы и следуйте правилам, потому что за вами стоит все подразделение и вся Федерация. Мы придем и вытащим вас. На это рассчитывают парни с «Монтгомери» и «Болотной лисы». Все, кто еще жив, ждут нас, зная, что мы придем за ними. И мы пришли. И мы заберем наших ребят домой. Не забывайте, пока мы выручаем их, нам помогают все. А наша забота — лишь небольшой район; все это мы много раз отрабатывали. И последнее. Перед вылетом я получил письмо от капитана Джелала, он пишет, что его новые

ноги отлично работают. И еще он велел передать вам: он с вас глаз не спустит... а еще он надеется, что вы покроете свои имена славой! И я на это надеюсь. Пять минут, падре.

Меня затрясло мелкой дрожью. Малость отпустило, когда я скомандовал: «Смирно! По отделениям, левый и правый борт... приготовиться к выброске!»

Пока я проверял, как они устроились в капсулах, все было ничего. Джимми и взводный осматривали капсулы по другому борту. Затем мы на пару запихнули Джимми Медвежью Лапу в капсулу номер три по центру. А вот когда его лица не стало видно, меня затрясло по-настоящему.

Мой взводный сержант положил ладонь мне на плечо.

— Как на учениях, сынок.

— Помню, папа.

Дрожь мгновенно унялась.

— Ненавижу ждать, вот и все.

— Я знаю. Четыре минуты. Не пора ли и нам, сэр?

— Пошли, пап.

Я быстро обнял его, матросики помогли нам забраться в капсулы. Дрожь повторяться не собиралась. Вскоре я уже смог доложить:

— Мостик! Разгильдяи Рико к броску готовы.

— Тридцать секунд, лейтенант,— капитан добавила: — Удачи, мальчики! На этот раз мы их уделаем!

— Верно, капитан.

— Пошел отсчет. Немного музыки, чтобы скрасить ожидание?

«Во славу пехоты сияет в веках...»

КОММЕНТАРИИ

Роман «The Puppet Masters» был написан Хайнлайном в 1951 году. Этот знаменитый роман — один из первых, в которых автор достиг творческой зрелости и перенес центр своего внимания с технических новинок и научно-фантастических идей на описание характеров и ситуаций. В России роман был переведен только в 1991 году. Самым лучшим переводом этого произведения, безусловно, является перевод Александра Корженевского, приведенный в этом томе, для настоящего издания он был дополнительно выверен и исправлен.

Стр. 10. *Дядя Сэм* — бытовой фольклорный символ американского государства: поджарый пожилой джентльмен с козлиной бородкой, облаченный во фрак и брюки в полоску. Дело в том что аббревиатуру U.S. (United States — Соединенные Штаты) можно расшифровать и как Uncle Sam (дядя Сэм). Считается что Дядя Сэм — лицо историческое; звали его Сэмюэл Уилсон, и во время кампании 1812 года он был государственным инспектором мясных поставок в действующую армию.

Панч — персонаж традиционного английского кукольного театра, ближайший родственник французского Полишинеля, русского Петрушки и многих других.

Стр. 22. *«Пурпурное сердце»* — военная медаль США, учрежденная во время Войны за независимость Джорджем Вашингтоном в качестве награды для раненых в бою солдат. После Войны за независимость к ней не представляли вплоть до 1932 года, когда медаль была восстановлена с чуть измененным статусом.

Стр. 34. *«Темпус фугит»* — латинское выражение «Tempus fugit», означающее «время бежит» и почерпнутое из Вергилия: «Между тем бежит, бежит безвозвратное время» («Георгики», III, 284).

Стр. 102. *...преданности Конституции, «Биллю о правах»...* — «Биллем о правах» называются первые десять поправок к Конституции США, принятой в 1787 году; сам «Билль» был утвержден

Конгрессом США в 1791 году. На сегодняшний день число поправок к Конституции достигло двадцати восьми.

Стр. 107. *...словно духоборы...*— или, иначе, «духоборцы», или даже «борцы за дух». Так называли себя члены одной из русских сект, относящихся к «духовному христианству»; основали ее в XVIII веке воронежские крестьяне С. Колесников и Л. Побирохин. Духоборы отвергали духовенство, монашество, храмы, церковные таинства, почитание креста и икон, а Библии противопоставляли «внутреннее откровение»; их священной книгой является «Животная книга» (т.е. «Книга жизни») — собрание псалмов, сочиненных самими духоборами и изустно передававшихся из поколения в поколение. Преследуемые православной церковью и гражданскими властями, многие духоборы — около семи с половиной тысяч — в 1898 году эмигрировали в Канаду; оттуда многие из них попали в США. Разоблачаются же они не так уж часто — в основном, при крещении, которое принимают в реке.

Стр. 112. *...Форт-Паттон* — Назван в честь генерала Джорджа Смита Паттона-младшего (1885–1945), отличившегося в 1916 году во время мексиканской кампании, воевавшего в Европе в Первую Мировую и командовавшего оперативной группой американских войск в Северной Африке во время Второй Мировой, а в сорок пятом нелепо погибшего в автомобильной катастрофе.

Стр. 121. *...до Мемориальной скамьи Баруха.*— Уроженец Южной Каролины, блестящий экономист Бернард М.Барух (1870–1965) — легенда Уолл-стрит, один из создателей, идеологов и блистательных практиков современного фондового рынка.

Стр. 142. *...самое страшное со времен Черного Воскресенья поражение* — Черным Воскресеньем прозвали день 7 декабря 1941 года, когда японская авиация нанесла сокрушительный удар по Пирл-Харбору, американской военно-морской базе на острове Оаху Гавайского архипелага; в результате этого нападения было уничтожено 8 линкоров, 6 крейсеров, 1 эсминец, 272 самолета, а почти три с половиной тысячи человек были убиты и ранены.

Стр. 143. *Spurlos versenkt (нем.)* — бесследно исчезла; как в воду канула.

Стр. 144. *...специалисту по экзобиологии...*— Экзобиология — область космической биологии, занимающаяся изучением возможных внеземных форм жизни.

...двух шимпанзе, Абеляра и Элоизу...— Пьер Абеляр (1079—1142) — уроженец Нанта, французский писатель, теолог, схоласт; за пределы схоластики он не выходил, однако стремился рационализировать веру и противопоставить церковным догмам свободный разум и совесть. В историю вошел прежде всего своими сочинениями — апологией «История моих бедствий» (1132–1136), гимнами, любовными стихотворениями, письмами — в первую очередь к даме сердца, Элоизе. В США по мотивом мрачной истории их любви была поставлена веселая оперетта-буфф «Абеляр и Элоиза», написанная в 1872 году композитором Литольфом на либретто Клервиля и Вильяма Буснаха.

Стр. 150. *...с четырехмерным червем в пространстве-времени...* — впервые четырехмерный червь появляется в дебютном рассказе Хайнлайна «Линия жизни» еще в 1939 году.

Стр. 164. *Carpe diem (лат.)* — «лови день», иносказательно — «лови мгновение». Эти слова были девизом эпикурейцев.

Стр. 165. *Литл-Америка* — общее название пяти американских полярных станций, работавших в Западной Антарктиде на восточной краевой части шельфового ледника Росса, в районе бухт Китовая и Кайнан.

Стр. 191. *...подводный крейсер «Роберт Фултон»* — Роберт Фултон (1765–1815) — американский изобретатель, строитель первого в мире колесного парохода «Клермонт». В 1814 году была спущена на воду превосходная по тому времени плавучая батарея «Демологос», после смерти изобретателя получившая название «Фултон-1». Он сконструировал и построил подводную лодку «Наутилус», которую тщетно пытался продать кому только мог: правительствам Соединенных Штатов и Соединенного Королевства, даже российскому императору Александру I и Наполеону. Именно в ее честь Жюль Верн назвал подводный корабль капитана Немо. Имя «Наутилус» обязательно носит теперь одна из подлодок ВМФ США.

Стр. 211. *...ребенок на Венере? В 1990 году?* — «История будущего», изложенная Хайнлайном в своих романах, по его замыслу распадается на ряд параллелей времени. В данной параллели первый полет в космос, похоже, состоялся не в 1961 году, а раньше.

Стр. 236. *...И вся королевская конница, и вся королевская рать...* — Это цитата из сказочной повести Льюиса Кэрролла (1832–1898) «Зазеркалье» (1870). (Перев. С.Маршака).

Стр. 238. *Ad infinitum (лат.)* — «до бесконечности». Президент декламирует отрывок из сатирического трактата Джонатана Свифта (1667—1745) «О поэзии» (1723).

Стр. 248. *Шалтай-Болтай* — знаменитый персонаж сказки Льюиса Кэрролла «Зазеркалье».

«ДВЕРЬ В ЛЕТО»

Роман «The Door into Summer» был опубликован в 1957 году, через несколько лет после выхода в свет романа Айзека Азимова «Конец Вечности», то есть на пике интереса писателей-фантастов к проблеме путешествий во времени. Несмотря на отсутствие по-настоящему оригинальных идей, «Дверь в Лето» признается многими критиками одним из самых замечательных рома-нов Хайнлайна. Существует множество переводов этого произведения на русский язык (Ф.Сарнов, 1990; С.Барсов и К. Маркеев, 1991; А.Бранский, 1991). Однако лучшим переводом является перевод Льва Абрамова, к сожалению, мало известный отечественному читателю. Для настоящего издания этот перевод был заново отредактирован и исправлен.

Стр. 255. *...котом по имени Петроний...*— кот назван так в честь Гая (или Тита) Петрония, прозванного Арбитром (?–66 н.э.), римского политика и литератора, состоявшего в ближайшем окружении императора Нерона и приговоренного им к смерти.

Стр. 257. *...бутылку имбирного пива...*— имбирное пиво (ginger ale) — вообще-то безалкагольный напиток, по вкусу слегка напоминающий «Байкал».

Стр. 260. *...помнит как Рузвельт был президентом...*— 31-й Президент США Франклин Делано Рузвельт умер в апреле 1945 года (по крайней мере, в нашей реальности).

Стр. 262. *...Gesundheit (нем.)* — пожелание «Будь здоров!», и традиционный тост «Ваше здоровье».

Стр. 264. *...гоночная машина, которую можно разогнать до скорости в 4М...*— величина М, или «число Маха», названа так по имени

австрийского физика Эрнста Маха (1838–1916) и является характеристикой течения сжимаемого газа. М равно отношению скорости потока к скорости звука. Видимо, предполагается, что воображаемая машина будет рассекать воздушный поток в четверо быстрее звука.

Стр. 268. *... упорно ставящему на зеро...* — зеро (ноль) — одно из сорока гнезд круга рулетки; выигрыш на эту позицию по условиям игры выпадает не часто, зато достигает внушительных размеров.

Стр. 270. *... архивы в Карлсбадских пещерах...* — Карлсбадские пещеры расположены в горах Гуадалупе, южной части Скалистых гор, к юго-западу от горы Карлсбад, на территории национального парка США в штате Нью-Мексико. Это крупнейшие в мире по объему гротов карстовые пещеры, известные своими гигантскими сталактитами и сталагмитами.

Стр. 271. *«драйв-ин»* — кафе, где обслуживают сидящих в машинах клиентов, подвешивая столик-поднос к открытому окну дверцы.

Стр. 272. *...нарек меня Дэниел Бун Дэвис...*— Дэниел Бун (1734–1820) — знаменитый американский первопроходец, открывший дорогу поселенцам на запад, в Трансильванию; впоследствии стал популярным фольклорным и литературным персонажем.

Стр. 273. *...Schrecklichkeit (нем.)* — дословно — «жуть» — так называлась «начинка» атомных боеголовок.

...богине Бубастис...— Бубастис — не имя, а город в Древнем Египте, где в X–VIII веках до н.э. в царствование фараонов XXII династии (Бубастидов) получил наибольшее распространение культ богини радости и веселья Баст (или Бастет), изображавшейся в виде женщины с кошачьей головой и систром в руках; естественно, кошка была священным животным богини Баст.

..стаз...— *стасис — застой, остановка движения физиологического содержимого*, например, крови, лимфы и т.д., в трубчатых органах (капиллярах, венах. артериях и т.п.), возникающий вследствие воздействия физических или химических факторов.

...гибернация...— гибернация — зимняя спячка, в которую впадает целый ряд живых существ; искусственная гибернация — соответственно, искусственно вызванное замедление процессов жизнедеятельности организма, оную спячку напоминающее. В сегодняшней практике вызывается с помощью применения нейролептических

средств, блокирующих механизмы терморегуляции, и используется для углубления наркоза при длительных хирургических операциях.

Стр. 282. *...Dignidad de hombre (исп.)* — «что-то от чувства собственного достоинства».

Стр. 288. *...magnum opus (лат.)* — «великое творение», в переносном смысле — дело всей жизни, ее итог.

Стр. 302. *... как Рип ван Винкль какой-нибудь...*— Рип ван Винкль — герой самого известного рассказа американского писателя-романтика Вашингтона Ирвинга «Рип ван Винкль. Посмертное произведение Дидриха Никербокера» (1819). Отведав волшебного зелья, Рип проспал двадцать лет кряду, с чего и начались все его злоключения.

Стр. 306. *... эта Далила явилась к тебе...*— Далила (в русской православной Библии — Далида, что значит «жалкая, бедная, несчастная») — филистимлянка, жившая в Сорекской долине в колене Дановом, которую полюбил богатырь Самсон, сын Маноя, один из судей Израилевых. Хитростью выманив у Самсона тайну его необыкновенной силы, Далила-Далида передала его в руки филистимлян, выколовших ему глаза и обративших богатыря в рабство. (Книга Судей Израилевых, гл. XVI).

Стр. 313. *...сама леди Годива...*— леди Годива, жена Леофрика, графа Мерси, лорда Ковентри. В 1040 году оный граф и лорд обложил жителей графства непосильным налогом. Леди Годива умоляла налог отменить, и супруг согласился — при условии, что она обнаженной проедет верхом на лошади через весь город. Жена приняла вызов и выполнила условие — причем, как утверждает записанная в XIII веке Роджером Вендоверским легенда, горожане при ее приближении, лишь заслышав стук копыт, опускали глаза.

Стр. 326. *...«Тома и Джерри»...*— «Том и Джерри» — напиток, относящийся к семейству тодди. В состав его входят: темный ром (50 г), чайная ложка сахарного песку, яйцо, молотый душистый перец (по вкусу), горячая вода (100 г) и чайная ложка коньяку.

Стр. 336. *... Вспомните профессора Лэнгли...*— имеется в виду Сэмюэл Лэнгли (1834–1906), астрофизик, один из пионеров американской авиации, построивший в 1896 году опытную модель летательного аппарата.

Стр. 358. ... *каждое слово в словаре Вебстера...*— американский лексикограф Н. Вебстер (Уэбстер) (1758–1843) в 1828 году издал в Нью-Йорке «Американский словарь английского языка». С тех пор его именем называются многие толковые словари.

Стр. 366. ...*на берегах своего незабвенного Клайда...*— угольные копи Клайда (или, точнее, Клайдсайда — района за западе Шотландии, включающего города Дамбартон, Порт-Глазго, Клайдбанк и др.).

Стр. 407. ... *Великого Белого Бога...*— имеется в виду Кецалькоатль («Змей, Покрытый Зелеными Перьями», «Драгоценный Близнец») — одно из главных божеств индейцев Центральной Америки, творец мира, создатель человека и культуры, владыка стихии, бог утренней звезды, близнецов, покровитель жречества и науки, правитель столицы тольтеков — Толлана. Кецалькоатль изображался в виде бородатого человека в маске, с огромными губами — или же в виде змея, покрытого перьями.

Стр. 415. ...*я читал Чарлза Форта...*— отсылка на книги Чарлза Хоя Форта (1874—1932), писателя, сведшего в некую систему массу загадочных случаев и явлений, в том числе — исчезновения людей, пароходов, самолетов и т.д. Его тетралогия: «Книга проклятых» (1919), «Новые земли» (1923), «Ло!» (1931) и «Дикие таланты» (1932). Эти книги послужили источником сюжетов многих фантастических произведений.

Стр. 446. ...*Hasta la vista, amigo! (исп.)* — «до свидания, друг!»

Стр. 452. ...*«Есть божество, что лепит нашу волю, желанья наши — плод его трудов»* — цитата из трагедии У. Шекспира «Тит Андроник».

...*у Амброуза Бирса...*— Амброуз Бирс (1842–1914?) — американский писатель и журналист, уроженец штата Огайо, участник Гражданской войны; едва ли не все его рассказы несут в себе элемент фантастического, загадочного, ужасного. Его творчество оказало заметное влияние на развитие американской литературы. Бирс пропал без вести в Мексике во время гражданской войны 1913–1914 годов, пополнив картотеку «таинственных исчезновений» Чарлза Форта.

...*две дамы из садов Трианона...*— вымышленная история из трилогии Александра Дюма-отца «Жозеф Бальзамо (Записки врача)», «Ожерелье королевы» и «Анж Питу».

«ДВОЙНИК»

Роман «Double Star» увидел свет в 1956 году и в том же году был удостоен премии «Хьюго». Российский читатель познакомился с этим романом только в 1991 году, но с этого времени не сходит с книжных прилавков. Насчитывается не менее одиннадцати различных переводов этого романа на русский язык, что само по себе фантастично! Среди них переводы Леонида Ткачука («Двойная звезда», 1991), Олега Ладыженского и Дмитрия Громова («Двойная звезда», 1992), Павла Киракозова («Мастер перевоплощений», 1993) и многие другие. Но самым «классическим» считается приводимый в настоящем томе перевод покойных Владимира Павловича Ковалевского и Нины Павловны Штуцер, который выходил под названиями «Дублер» и «Двойник».

Стр. 459. *...у самого Омара-Палаточника...* — т.е. костюм мог быть сшит еще Омаром Хайямом Гиясаддином (ок. 1048 — после 1122 г.), персидским поэтом, философом и математиком. Хайям на фарси означает «шьющий палатки».

Стр. 465. *Бард* — Уильям Шекспир — в англоязычной традиции он один удостоился титула Барда с большой буквы.

Стр. 471. *...с такими талантами как Бербедж или Бут...* — Ричард Бербедж (1567–1619) английский актер, друг Шекспира. Эдвин Томас Бут (1833–1893) — американский актер. Выдающийся исполнитель ролей в пьесах Шекспира.

Стр. 473. *...бессмертного Алека Гиннесса* — Алек Гиннесс де Куффе (1914–2000) английский актер и режиссер, дебютировавший в 1936 году в театре «Олд Вик». Известен по таким фильмам как «Мост через реку Квай», «Кромвель», «Комедианты» и «Звездные войны».

Стр. 474. *...gluiteli maximi (лат.)* — большая ягодичная мышца.

«Убийство Хьюи Лонга» — Хьюи Лонг (1892–1935) — известнейший политический деятель в истории США. Выходец из низов, он принадлежал к категории self-made man — «людей, создавших себя сами». В 1931 году он был избран сенатором США от Луизианы, а в 1932 — способствовал выдвижению и избранию Франклина Делано Рузвельта президентом. Утверждали, что он больше Рузвельт, чем сам Рузвельт, и потому, естественно, вскоре стал заклятым врагом автора «Нового курса». Погиб он от пули человека, которому не понрави-

лась его предвыборная речь на митинге в Луизиане. Иные из современников утверждали, что после смерти Лонга фашизм в Америке стал невозможен. Его судьба была положена американским писателем Робертом Пенном Уорреном в основу романа «Вся королевская рать».

Стр. 496. *Ad astra (лат.)* — «к звездам». Это заключительные слова более распространенного выражения: «Per aspera ad astra» — «через тернии — к звездам», автором коего является римский политик, философ-стоик и писатель I в. н.э. Люций Анней Сенека.

Стр. 499. *...главного героя в «L'Aiglon»*...— т.е. роль Наполеона II, сына Наполеона Бонапарта. Последним месяцам его жизни и посвящена историческая драма французского поэта и драматурга Эдмона Ростана (1868–1918) «Орленок» (1900).

Стр. 504. *...«Том Пейн»*...— Томас Пейн (1737–1809) — просветитель, философ, публицист, англичанин Томас Пейн вместе с французом маркизом де Лафайетом стоял у истоков американской Конституции, хотя не принадлежал к числу ее формальных авторов.

Стр. 505. *...древние японцы со своими «гиму» и «гири»*...— а Японии эти социальные понятия являются одними из основополагающих. «Гиму» — это ощущение собственного долга, чувство долга; «гири» — приличествующая обязательность (точность, соблюдение норм поведения и этикета, благодарность, признательность).

...персонажией Гиньоля.. — спектакль, основанный на изображении злодейств, избиейний и др.

Стр. 512. *Джек Потрошитель* — прозвище так и оставшегося неизвестным маньяка-убийцы, совершившего в 1888–1891 годах серию зверских убийств в Лондоне. Неразгаданность этой истории привлекала многих писателей и кинематографистов.

...то ли Кориолана, то ли Кориолиса.— По преданию, Кориолан — древнеримский патриций и полководец (V века до н.э.), сперва воевавший с вольсками и даже захвативший их столицу Кориол, откуда и прозвище Кориолан, но затем по каким-то личным мотивам переметнувшийся на сторону вольсков и даже осадивший во главе их армии Рим.

Гюстав Гаспар Кориолис (1792–1843) — французский ученый, член Парижской Академии, внесший немалый вклад в развитие механики как науки. В своих трудах по теории относительного движения ввел понятия кориолисовых силы и ускорения. Его-то Лоренцо и имеет в виду.

Стр. 520. *Годдард-Сити* — Роберт Хатчингс Годдард (1882–1945) — американский ученый, один из пионеров космонавтики, положивший начало созданию жидкостных ракетных двигателей: 16 марта 1926 года он впервые в мире осуществил запуск такой ракеты, взлетевшей на 12,5 м в высоту и пролетевшей 56 м от точки старта. В 1960 году на этом месте — в Оберне, штат Массачусетс — установлен обелиск. В 1959 году для награждения тех, чьи работы способствуют развитию ракетостроения, Конгрессом США была учреждена золотая настольная медаль Годдарда.

Стр. 525. *...дела с его синуситом...*—воспаление придаточных пазух носа.

Стр. 536. *...в Храме мормонов...*— мормоны, или «святые последнего дня» — религиозная секта, основанная в США в 1830 году Джозайей Смитом, опубликовавшим «Книгу Мормона», историю якобы существовавшей в Америке колонии «иерусалимских израильтян», которым Христос будто бы заповедал свое учение, записанное пророком Мормоном на медных скрижалях. Первоначально преследуемые в восточных штатах, мормоны двинулись на Запад и на территории, впоследствии получившей название штата Юта, основали город Солт-Лейк-Сити, ставший их Иерусалимом и Меккой вместе; там и расположен главный мормонский храм.

Стр. 541. *...с тех пор, как финикийцы обогнули Африку...*— в царствование фараона Нехо II (609—594 годы до н.э.) по повелению египетского владыки финикийцы на нескольких кораблях обогнули Африку, отправившись в путь из порта на побережьи Красного моря и вернувшись через Средиземное.

Стр. 558. *...сравнить с Уэбстером, Черчиллем или Демосфеном...*— Хронологический порядок будет иным. *Демосфен* (ок. 384–382 гг. до н.э.) — афинский оратор, лидер антимакедонской группировки. Именно от его пламенных речей против македонского царя Филиппа, отца Александра, происходит по сей день используемое слово «филиппика». Потерпев политическое поражение, покончил с собой.

Дэниел Уэбстер (1782–1852) — американский государственный деятель и оратор, которого современники величали не иначе, как «златоустом». В историю вошел названным по его имени договором, заключенным в 1842 году между США и Канадой и устанавливавшим границу между канадской территорией и штатом Мэн.

Стр. 566. *...перед королем Виллемом...*— Хайнлайн придумал имя императору неслучайно. Из истории известно что Вильгельм (Виллем) I Оранский (1533–1584) был лидером антииспанского движения в Нидерландах. Его потомок Вильгельм III Оранский (1650–1702), штатгальтер Голландии с 1674 года, после Славной революции 1688–1689 годов, окончательно изгнавшей династию Стюартов, был призван на английский престол, который и занял в 1689 году, хотя первые пять лет правил совместно с женой — Марией II Стюарт. Ему удалось добиться национального примирения и консолидации нации.

Стр. 574. *...«Бродбент, Дариус К., Достопочтенный...»* — этот титул в Англии соответствует достоинству младших сыновей графов и всех сыновей виконтов и баронов, а в США — используется при обращении к консулам, начальникам управлений министерств, членам Конгресса и мэрам крупных городов.

Стр. 577. *...бессмертного изречения Линкольна...* — в изначальном виде эти слова Линкольна выглядели так: «Правительство народа, избранное народом во имя народа».

... голос напоминает об Аврааме...— с одной стороны идет отсылка на основателя республиканской партии, президента США Авраама Линкольна; с другой — на библейского патриарха Авраама, символ божественного установления власти.

...социологическая школа дядюшки Римуса — «Сказки дядюшки Римуса» — книга американского писателя-фольклориста Джоэла Чандлера Харриса (1848—1908), представляющая собой обработанные им сказки, рассказанные родившимся еще задолго до отмены рабства негром Тиррелом, юному Джоэлу на плантации Харрисов в Джорджии.

Стр. 578. *Noblesse oblige (франц.)* — «благородство обязывает»; в демократическом формате переводится, как «положение обязывает»...

Стр. 593. *Compos mentis (лат.)* — «будучи в здравом уме и трезвой памяти».

Стр. 605. *...жизнь лотофагов...*— жители сказочной страны, питающиеся лотосом. В переносном смысле — праздные мечтатели.

Стр. 608. *...спикер pro tempore (лат.)* — временно исполняющий обязанности спикера.

Стр. 618. *...не заграждал ртов волам молотящим...*— Моисеев закон гласит: «Не заграждай рта волу, когда он молотит» (Второзаконие, 25, 4). Апостол Павел приводит эти слова и в 1 Послании к коринфянам (9, 9), и в 1 Послании к Тимофею, (5, 18); цитируются они и в Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова (7, 24).

Стр. 622. *...стоя на палубе «Биркенхеда»...* — в 1852 году у берегов Южной Африки потерпел крушение английский корабль «Биркенхед». Чтобы выровнять крен и удержать его на плаву на время, достаточное для спасения находившихся на борту женщин и детей, рота морских пехотинцев выстроилась на юте — и так, в строю, ушла вместе с кораблем на дно; никого из них спасти не удалось.

Стр. 626. *...скульптуру раненого льва в Люцерне.*– памятник павшим воинам-швейцарцам, созданный знаменитым датским скульптором Б. Торвальдсеном (1768–1844) и установленный в швейцарском городе Люцерне.

Стр. 632. *...дыхание Чейн-Стокса* — один из видов периодического дыхания, нарушение номального дыхательного ритма. Впервые этот симптом был описан шотландским врачом Джоном Чейном (ум. в 1836) и подтвержден ирландским медиком Уильямом Стоксом (ум. в 1878).

«ЗВЕЗДНЫЙ ДЕСАНТ»

Роман «Starship Troopers» был написан Робертом Хайнлайном в 1959 г., а в 1960 г. он получил премию «Хьюго». Собственно, название романа правильнее было бы перевести как «Звездная пехота» (по аналогии с морской пехотой), но благодаря фильму он стал у нас известен как «Звездный десант». Роман переводился на русский язык неоднократно, но переводы А. Дмитриева (1990) Д. Старкова (1998), А. Ганько (2003) страдали серьезными неточностями. Данный перевод следует признать единственной удачной попыткой передать военные реалии общества будущего адекватно тому, как замышлял это Автор.

Стр. 643. *...в комнате «Роджера Янга»...*— корабль назван в честь Роджера Янга (28.04.1918, Тиффин, штат Огайо — 31.07.1943, Соломоновы острова, Южный океан), рядового 37-й пехотной дивизии. Он в одиночку атаковал и уничтожил пулеметный расчет против-

ника, получив три смертельных ранения. За отвагу и самоотверженные действия перед превосходящими силами врага, в результате которых его товарищи по взводу смогли отойти без потерь, посмертно награжден медалью Конгресса.

Стр. 681. *...в учебном лагере имени Артура Карри...*— Сэр Артур Уильям Карри (1875–1933), генерал-лейтенант, командир канадского экспедиционного корпуса в Первой мировой войне. В 1918 году посвящен в рыцари.

Стр. 697. *«La regiment de Sambre et Meuse»* — памятная и любимая песня французской армии 1870 года, то есть времен франко-прусской войны.

Стр. 699. *...демонстрировавших нам la savate.*— По-французски «сават» означает «старый стоптанный башмак», а в переносном смысле — «бродяга, босяк, оборванец». Так назывался старый французский метод боя ногами в обуви с подключением, в случае необходимости, ударов открытой рукой (ребром и основанием ладони, пальцами, всей раскрытой рукой). Сам термин указывает на то, что сават получил наибольшее распространение среди нижних слоев общества: бродяг, воров, нищих, батраков, грузчиков, мастеровых и тому подобной публики. Временем возникновения савата считается конец XVII— начало XVIII века.

Стр. 700. *...прочитайте «Горация на мосту»...*— Гораций — римский герой, который, согласно легенде, защищал мост от Ларса Порсены и целой этрусской армии, дав римлянам время обрушить мост. Его имя стало синонимом самопожертвования ради других и последней отчаянной обороны.

Стр. 730. *...и еще «Madelon», «Сынов труда и риска», а потом «Légion Étrangère» и «Мадемуазель из Армантьера»...* «Madelon» — песня, написанная в 1914 году Камилем Робером и Луи Буске, популярная среди французских солдат. «Légion Étrangère» — песня об Иностранном легионе, отделении французской армии, куда принимали добровольцев из любой другой страны. Основан королем Луи-Филиппом для контроля африканских колоний. Впоследствии легион воевал в Испании, Италии, Мексике, Дагомее (Бенин), Марокко, Сирии и Индокитае. Считалось, что человек, попавший туда, очищается от любых грехов прошлого и начинает новую жизнь. «Мадемуазель из Армантьера» — английская песня,

приписываемая Эдварду Роуленду (1915), популярная среди союзных войск во время Первой мировой войны.

Стр. 731. *...присланных Лохиелем из клана Камерон...*— Лохиель из Камеронов — реальное лицо, принадлежащее к легендарному шотландскому клану, жил с 1629 по 1719 год. Хайнлайн упоминает его, чтобы засвидетельствовать традиции, а также качество и древность снаряжения, хранящегося в лагере Карри.

Стр. 735. *...за пять тысяч лет с тех пор, как пехтура Саргона Великого заставила шумеров кричать...*— Саргон Великий (Древний, Аккадский; аккадское Шаррум-кен, Шарру-кин), основатель в 24 в. до н.э. державы в Двуречье с центром в Аккаде. Родом семит из г. Киша. По легенде, выходец из народных низов. Победил шумерского царя Лугальзаггиси и завоевал все города-государства Двуречья; армия Саргона достигала Элама, Сирии, Малой Азии.

Стр. 756. *...несколько наборов для игры в парчизи...*— Парчизи основано на старинной индийской игре, где фишки передвигаются с целью занять территорию противника.

Стр. 762. *Вэлли-Фордж* — так называется поселок на юго-востоке штата Пенсильвания, где с 19 декабря 1777 года по 19 июня 1778 года после захвата Филадельфии англичанами стоял лагерь Континентальной армии. Зимовка в Вэлли-Фордж стала символом героизма и стойкости.

Стр. 774. *...родом он из Джорджии (той, что в западном полушарии, не из другой)...*— Джорджия — название штата Джорджия, и Грузия по-английски читаются и пишутся одинаково.

Стр. 783. *...зачистили их колонию на Шеоле.*— Шеол — по древним еврейским преданиям обиталище мертвых, в буквальном переводе «страна мрака и глубокой тьмы».

Стр. 785. *...из-за недостатка радиации, условий для мутаций не было...* — Хайнлайн не прав, считая, что причиной мутаций является только воздействие ионизирующего излучения. На самом деле мутагенез идет даже в отсутствие каких бы то ни было внешних воздействий и скорость мутирования определяется в первую очередь особенностями самого генотипа. Так что полная остановка эволюции обитателям Санктруария не грозит.

Стр. 798. *...тренировался в лагере «Сан Мартин»...*— Хозе де Сан Мартин (1778–1850), аргентинский солдат и политик, один из вождей революции против испанского господства в Аргентине, Чили и Перу.

Стр. 837. *...от «De bello gallico» до классического цзиньского «Крушение Золотой империи»...* — «De bello gallico» — «Записки о Галльской войне», классический труд Гая Юлия Цезаря о военном искусстве. Золотая империя чжурчжэней, известная также как государство Цзинь, существовала в XI–XIII веках н.э., распалась в результате нашествия войск Чингисхана.

Стр. 885. *«Эль Аламейн», «Иводзима», «Галлиполли», «Лейте», «Марна», «Тур», «Геттисберг», «Гастингс», «Аламо»...* Все это места, названия которых пехота сделала бессмертными.

Эль Аламейн — город на побережье Египта. В 1942 году во время Второй мировой войны там произошло два сражения между британскими и германскими войсками, после чего генерал Роммель отвел свои войска на заранее подготовленные позиции в Ливии.

Иводзима — остров в Японском архипелаге, юго-восточнее Токио. В начале 1945 года там произошла стратегически важная битва между японскими и американскими солдатами. Фотография американских солдат, поднимающих флаг на захваченном острове, стала одним из символов победы.

Галлиполли — морской порт в Турции, первый европейский город, завоеванный оттоманскими турками в 1356 году. Во время Первой мировой войны там произошло длительное сражение, в котором союзные силы понесли большие потери.

Лейте — остров в Филиппинской группе, во время Второй мировой войны в 1944 году войска союзников выгнали оттуда японцев.

Марна — река в северной Франции, во время Первой мировой войны там произошло два крупнейших сражения.

Тур — город на Луаре, Франция. В 732 г. нашей эры здесь произошло сражение Шарля Мартеля с маврами.

Геттисберг — город в Пенсильвании, на границе с Мерилендом, где происходила одна из важнейших битв Гражданской войны.

Гастингс — город в Англии, где в 1066 году произошло сражение между армиями Вильгельма Нормандского и короля Харолда. После гибели Харолда, Вильгельм заявил права на английский трон.

Аламо — испанская католическая миссия-крепость в г. Сан-Антонио, штат Техас, основана в 1718 году. Место героической обороны во время борьбы техасцев за независимость от Мексики. Клич «Помни Аламо!» стал призывом к независимости Техаса.

Стр. 885. *...были названы корабли поменьше: «Гораций», «Алвин Йорк», «Болотная лиса», и «Родж» тут был тоже, благослови его Господь, а еще «Полковник Буи», «Деверо», «Верцингеторикс», «Сандино», «Обри Казенс», «Камехамеха», «Оди Мерфи», «Ксенофонт»...*

Йорк Алвин — родился 13 декабря 1887 года в Пэлл Мэлл, Теннесси. Как прихожанин Церкви Христа, отказался идти на фронт, но вскоре тем не менее оказался в учебном лагере. В составе 82-й дивизии воевал во Франции. В сражении за линией фронта вместе с восемью однополчанами взял в плен сто тридцать два человека и подавил пулеметное гнездо. За героизм награжден Медалью Чести.

Болотная лиса — Фрэнсис Мэрион (1732–1795), партизан, участник войны за независимость.

Буи Джеймс — (1796–1836), техасский революционный лидер, участник обороны Аламо.

Деверо — семейное имя английских графов Эссекских. Скорее всего, корабль получил имя в честь Уолтера Деверо (1541–1576), командовавшего захватом Ольстера.

Верцингеторикс — вождь одного из галльских племен, в 52 году до н.э. возглавил восстание против римлян. Был побежден Юлием Цезарем.

Сезар Аугусто Сандино — (1893–1934), никарагуанский военный и политический деятель.

Казенс Обри — сержант, который за захват и удержание деревни Моосхофф 26 февраля 1945 года был посмертно награжден крестом Виктории.

Камехамеха — гавайский правитель, взошедший на престол в 1780 году, последующие десять лет вел кровавую войну за господство на Гавайских островах.

Мерфи Оди — (1924–1971), американский солдат, получивший за Вторую мировую войну наибольшее количество наград. Начав службу рядовым, быстро дослужился до сержанта, получил во время боевых действий звание второго лейтенанта, был три раза ранен, участвовал в девяти крупнейших кампаниях в Европе и пережил войну. В общей сумме был награжден тридцатью восемью орденами и медалями США, Франции и Бельгии.

Ксенофонт — (431–354 до н.э.), греческий историк и выдающийся военный деятель, автор философских, исторических и военных трудов.

Стр. 885. *Один следовало назвать «Магсайсай».*— Магсайсай Рамон (1907–1957), политический и государственный деятель Филиппин, погиб в авиационной катастрофе.

Стр. 886. *«Пал Малетер», «Монтгомери», «Чака», «Джеронимо»...*

Пал Малетер — командующий венгерской армией в 1956 году, поддерживал восстание против советского господства. Согласившись возглавить делегацию на переговорах с Советским Союзом, был арестован во время встречи с советским командованием и позже казнен.

Бернард Монтгомери — (1887–1976), британский маршал, один из выдающихся командиров Второй мировой войны. Командовал союзными войсками на Рейне после окончания войны. В 1942 году был посвящен в рыцари.

Чака — (1787–1820), вождь зулусов, основатель Африканской зулусской империи, оказывал во главе своей армии яростное сопротивление любым попыткам вторгнуться в страну.

Джеронимо — (1829–1909), вождь одного из индейских племен, который тридцать лет возглавлял оборону своих земель.

Комментарии *А. Ермолаева*

СОДЕРЖАНИЕ

КУКЛОВОДЫ 5
ДВЕРЬ В ЛЕТО 251
ДВОЙНИК 455
ЗВЕЗДНЫЙ ДЕСАНТ 643
Комментарии 889